ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. В. Адоратского, В. В. Максакова, В. И. Пичета,
М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ПЯТЫЙ

1924

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Гиз. № 7154. Главлит № 22235. Москва. Напеч. 4.000 экз.
Госиздат. 1-я Образцовая тип. Москва, Пятницкая, 71.

АВТОГРАФЫ
В. И. ЛЕНИНА

АВТОГРАФЫ В. И. ЛЕНИНА.

Печатаемые ниже документы воспроизведены с подлинных рукописей В. И. Ленина, хранящихся в Архиве Октябрьской Революции в Москве и предназначенных к передаче в Институт Ленина. Документы, за исключением первого, не датированы и печатаются здесь в хронологическом порядке, установленном предположительно,— на основании указаний, имеющихся в тексте, и на основании связи содержания документов с известными событиями первых недель Октябрьской Революции. Печатается четыре документа:

1) Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянова (Ленина) 5 ноября 1917 года к населению о победе рабоче-крестьянской революции и с призывом о поддержке трудящимися рабоче-крестьянского Правительства. 2) Отрывок проекта декрета о борьбе с саботажем. 3) Проект обращения 2-го Всероссийского Крестьянского Съезда к крестьянам с призывом требовать перевыборов тех членов Учредительного Собрания, которые являются противниками решений 2-го Всероссийского Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов и 2-го Всероссийского Съезда Крестьянских Депутатов, и 4) Письмо тов. Дзержинскому с текстом проекта декрета о борьбе с контр-революционерами и саботажниками.

Документы воспроизводятся здесь с дипломатической точностью, т.-е. с соблюдением орфографии подлинников и с оговорками о зачеркнутых, исправленных и недописанных словах и выражениях; слова, подчеркнутые в тексте (дважды), печатаются нами в разрядку. Опущенные Владимиром Ильичем буквы и части слов взяты при печатании в прямые скобки, оговорки же о зачеркнутых, исправленных и недописанных словах снесены в подстрочные примечания. В примечаниях, далее, кроме внешнего описания документов и соображений о времени и обстоятельствах их составления, приведены ошибки, допущенные при напечатании вновь воспроизводимого ныне текста «Известиями Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета Р. и С. Д.» в 1917 году.

Фотографии воспроизводят заглавную страницу первого автографа, начало и конец третьего автографа, а также первую и последнюю страницы третьего автографа.

Документы печатаются с разрешения Института Ленина.

Воспроизведение автографов не допускается без особого разрешения Института Ленина.

XXVIII БУ
1917 - 19/а

К населению

Вх. №25
5/11 17г.

«Товарищи-рабочие, солдаты, крестьяне, все трудящиеся!

Рабочая и крестьянская революция окончательно победила в Петрограде, разбив полностью отряды (и арестовав) большого числа юнкеров, офицеров. Керенский бежал. Большая часть правительства ~~свергнута и в~~ Временного ~~настоящее время~~ арестована. ~~Сопротивление~~ прекращено. Власть перешла в руки Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства — это дело ~~обеспечено~~ обеспечено.

Да здравствует социалистическая революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов.

25 октября, 10 часов утра.»

Ныне ~~существующее~~ правительство ~~пало~~ арестовано. Государственный аппарат в руках Военно-революционного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства — это дело обеспечено.

Да здравствует социалистическая революция!

Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов.

25 октября, 10 часов утра.

I.

Воззвание В. И. Ленина 5 ноября 1917 года.

Печатаемое ниже воззвание В. И. Ленина извлечено из дела Совета Народных Комиссаров 1917 г. № 17 (АОР, ф. XXVIII, 1917 г. № 1). Это воззвание написано Владимиром Ильичем собственноручно на пяти четвертушках серовато-линованной писчей бумаги, без фабричного клейма или водяных знаков. Воззвание написано чернилами на одной стороне листа; листы пронумерованы самим В. И. Первоначальный текст документа исправлен как самим В. И., так и тов. Троцким. Все исправления, сделанные тов. Троцким, в печатаемом ниже тексте набраны *ниже*. Эти исправления произведены чернилами, за исключением трех-четырех штрихов над некоторыми неясно написанными буквами и римских цифр над подлежавшими перестановке для гладкости фразы словами, сделанных чернильным карандашом. В правом верхнем углу первого листа написано третьим почерком: «оргиналъ»; в левом верхнем углу тем же почерком сделана канцелярская помета: «Вх. № 25. 5 XI. 17 г.». Ниже рукой тов. Троцкого сделан заголовок крупными буквами «Къ населенію».

Воззвание датировано 4 ноября, затем цифра 4 исправлена на 5. Между текстом и датой две коротких черты, перечёркнутых дважды.

КЪ НАСЕЛЕНІЮ

Товарищи-рабочіе, солдаты, крестьяне, всѣ трудящіеся!

Рабочая и крестьянская революція окончательно побѣдила в Петроградѣ, разсѣявши и арестовавши [1] послѣдніе остатки небольшаго числа казаков, обманутых Керенскимъ. Революція [2] побѣдила [3] и в [4] Москвѣ [5]. Раньше чѣмъ туда прибыли [6] выѣхавшіе [7] изъ Петрограда нѣсколько поѣздов с военными силами, в Москвѣ юнкера и другіе корниловцы подписали условія мира, обезоруженіе юнкеров, распущеніе Комитета Спасенія [8]. Съ фронта и изъ деревень притекают

---

[1]) Это слово написано под строкой.

[2]) Первоначально было написано: «Революціи» и дальше зачеркнуто: «обезпечена побѣда».

[3]) Слова: «побѣдила и в» написаны над строкой.

[4]) Предлог: «в» написан дважды.

[5]) После слова: «Москвѣ» зачеркнуто: «гдѣ большевики побѣждали уже сами и куда»; в тексте, напечатанном в 219 № «Изв. Центр. Исп. Ком. и Петр. Сов. Р. и С. Деп.», после слова «Москвѣ» неправильно поставлена запятая.

[6]) Слова: «Раньше чѣмъ туда прибыли» наверху строки.

[7]) Первоначально было: «выѣхали» и далее зачеркнуто: «вчера». Слова: «изъ Петрограда»—наверху строки.

[8]) Слова «и другіе корниловцы подписали условія мира, обезоруженіе юнкеров, распущеніе Комитета»—написаны между строк более мелким почерком; слово «Спасенія»—написано наверху строки вместо зачеркнутого: «Изъ».

ежедневно и ежечасно сообщенія о поддержкѣ новаго [1] правительства и его законов о предложеніи мира и [2] о немедленной передачѣ земли крестьянамъ [3] подавляющим [4] большинством солдат в окопах и крестьян в уѣздахъ [5]. Побѣда революціи рабочих и крестьян обезпечена, ибо за [6] *нее* встало уже большинство народа.

Вполнѣ понятно, что помѣщики и капита-[л. 2] листы, в ы с ш і е служащіе и чиновники, тѣсно связанные с буржуазіей [7], одним словом, всѣ богатые и [8] тянущіе руку богатыхъ встрѣчают новую революцію враждебно, сопротивляются ея побѣдѣ; грозят прекращеніемъ дѣятельности банков [9], *портятъ* или прекращают работу разных учрежденій [10], мѣшают ей всячески, тормозят ее то прямо то косвенно. Всякій сознательный рабочій прекрасно понималъ, что такое сопротивленіе мы встрѣтим неизбѣжно [11], *ибо высшіе* [12] *служащіе подбирались противъ народа и безъ* [13] *сопротивленія не хотят сдаватьсвои позиціи народу*. Трудящіеся классы ни на минуту не испугаются этого сопротивленія, ни [14] *на одно мгновеніе* не дрогнут передъ угрозами и забастовками буржуазіи сторонников [15].

---

[1]) Над словом: «новаго» поставлена чернильн. карандашом римская цифра II—с тире справа.

[2]) Далее зачеркнуто: «об».

[3]) Над словом: «крестьянамъ» чернильн. каранд. римск. цифра—II с тире слева.

[4]) Над словом: «подавляющим» римская цифра I—с тире справа.

[5]) Над словом «уѣздахъ» римская цифра—I с тире слева. Очевидно, в исправленном виде фраза должна читаться так: «С фронта и из деревень притекают ежедневно и ежечасно сообщения о поддержке подавляющим большинством солдат в окопах и крестьян в уездах нового правительства и его законов о предложении мира и о немедленной передаче земли крестьянам». В № 219 указанных выше «Известий» эта фраза, однако, напечатана не по этим разметкам.

[6]) Далее зачеркнуто, повидимому, «нас», вместо которого наверху строки написано: «нее».

[7]) Далее первоначально стояло: «понятно, что», вместо чего наверху строки написано: «одним словом».

[8]) Первоначально было: «тяготѣющіе к»; наверху строки вместо этого исправлено: «тянущіе руку».

[9]) Далее первоначально стояло зачеркнутое: «иногда», а наверху строки рукой В. И.: «портять или»; эти слова были исправлены: слово «иногда»—зачеркнуто самим Лениным; вместо «портять»—другим почерком поставлено было первоначально сбоку слово: «тормозять», но также было зачеркнуто этим лицом и снова написано было этим исправителем первоначальное выражение В. И.: «портять».

[10]) Далее зачеркнуто: «или портят работу».

[11]) Далее первоначально было написано: «вся партійная печать большевиков указывала на это много раз», причем первые четыре слова были подчеркнуты одной чертой; вместо этой фразы наверху почерком тов. Троцкого написана фраза, данная в основном тексте: «ибо высшіе . . . . позиціи народу».

[12]) Далее зачеркнуто: «чино...»

[13]) Далее зачеркнуто неразборчиво написанное слово, похожее на «безъ».

[14]) Далее зачеркнуто: «капельки»; исправление сделано наверху строки почерком тов. Троцкого.

[15]) В подлиннике над словом: «буржуазіи» поставлена цифра 2, над «сторонников» 1.

За нами большинство народа. За нами большинство трудящихся и угнетенных во всем мірѣ. За нами дѣло справедливости. Наша побѣда обезпечена.

Сопротивленіе капиталистов и высших служащих будет сломлено. Ни один человѣк не лишается нами имущества без особаго государственнаго закона о націонализаціи банков и син-[л. 3]дикатов. Этот закон подготовляется [1]. Ни один трудящійся и работник не потеряет ни копѣйки; напротив [1], ему будет оказана помощь [2]. *Не устанавливая сейчас новыхъ налогов, правительство въ первую очередь ставит своей задачей* строжайшій учетъ и контроль [3] *въ дѣлѣ* взиманія [4] *установленных раньше* налогов, *без всякой утайки* [5].

Во имя этих справедливых требованій громадное большинство народа сплотилось [6] вокруг временнаго рабочаго и крестьянскаго правительства.

Товарищи-трудящіеся! Помните, что в ы с а м и [7] теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не [8] объединитесь и не возьмете в с ѣ д ѣ л а государства в с в о и руки. В а ш и [9] Совѣты — отнынѣ органы Государственной власти, полномочные, рѣшающіе органы.

Сплотитесь вокруг своих Совѣтов. Укрѣпите их. Беритесь сами за дѣло снизу, никого не дожидаясь. Установите строжайшій революціонный порядок, безпощадно подавляйте попытки анархіи со стороны пьяниц, хулиганов, контр-революціонных юнкеров, корниловцев и тому подобное.

Вводите строжайшій контроль *надъ* [10] производством и учетом продуктов. Арестуйте [11] и предавайте [л. 4] революціонному суду народа всякаго, кто посмѣет вредить народному дѣлу, будет-ли такой вред проявляться в саботированіи (порчѣ, тормаженіи, подрывѣ) производства или в скрываніи запасов хлѣба *и продуктов* [12] или в задер-

---

[1]) Слова: «Этот закон подготовляется» и «напротив» — написаны наверху строки.

[2]) Далее зачеркнуто: «Кромѣ стро»... Начало следующей фразы, кончая словом «задачей», написано над строкой почерком тов. Троцкого.

[3]) Далее первонач. стояло: «кромѣ».

[4]) После слова: «взиманія» первоначально рукой Ленина под строкой были написаны слова: «без утайки», но зачеркнуты и дополнены сверху строки рукой Троцкого выражением: «установленных раньше».

[5]) Далее зачеркнуто: «установленных раньше, никаких других мѣр (зачеркнуто: мы) правительство вводить не хочет».

[6]) Первоначально было написано: «сплотится».

[7]) В тексте, напечатанном в 219 № «Известий», слова: «вы сами теперь управляете» набраны жирным шрифтом.

[8]) Далее зачеркнуто: «сплотитесь»; слово: «объединитесь» — наверху строки.

[9]) В 219 № «Известий» слова: «Ваши Совѣты» набраны жирным шрифтом.

[10]) Слово: «надъ» написано почерком тов. Троцкого, вместо первоначально написанного Лениным: «за».

[11]) В 219 № «Известий» вместо: «арестуйте» напечатано: «адресуйте».

[12]) Слова: «и продуктов» писаны под строкою.

жаніи грузов хлѣба или в разстройствѣ желѣзнодорожной, почтовой, телеграфной, телефонной дѣятельности [1] и вообще в каком бы то ни было сопротивленіи великому дѣлу мира, дѣлу передачи земли крестьянам, дѣлу обезпеченія рабочаго контроля за производством и распредѣленіемъ продуктовъ.

Товарищи рабочіе, солдаты, крестьяне и всѣ трудящіеся! Берите *на мѣстахъ* в с ю власть в руки с в о и х Совѣтов. Берегите [2], храните, как зѣницу ока, землю, хлѣб, фабрики, орудія [3], продукты, транспортъ — все это отнынѣ будет в с е ц ѣ л о вашим, общенародным [4] достояніемъ. Постепенно, с согласія и одобренія большинства крестьян, по указаніям п р а к т и ч е с к а г о опыта их и рабочихъ, мы пойдем твердо и неуклонно к побѣдѣ соціализма, ко-[л. 5]торую закрѣпят передовые рабочіе наиболѣе цивилизованных стран и которая даст народам прочный мир и избавленіе от всякаго гнета и от всякой эксплуатаціи.

5 ноября 1917 г.
Петроград.

Предсѣдатель Совѣта Народных Коммисаров

В. Ульянов (Ленин).

---

[1]) Слово: «дѣятельности»—написано над строкой рукой В. И. Ленина.
[2]) В 219 № «Известий» вместо: «берегите» напечатано: «берите».
[3]) Слова: «землю», «фабрики, орудія»—писаны над строкой.
[4]) В 219 № «Известий» вместо: «общенародным» напечатано: «общественным».

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редакция, желая воспроизвести с возможной полнотой и точностью автографы В. И. Ленина, обратилась к Л. Д. Троцкому с просьбой о разъяснении некоторых подробностей относительно воззвания В. И. Ленина 5 ноября 1917 г. На это обращение Редакции последовал со стороны тов. Троцкого следующий ответ, который и воспроизводится здесь.

Москва, 12/VIII 1924 г. № 032214.

В Центральный Архив.

Копия Институт Ленина.

По поводу присланного вами автографа Ленина сообщаю:

1) Вся рукопись несомненно Ленинская.

2) Заглавие «к населению» написано мною.

3) На первой странице выправлено слово «нее», повидимому, мною. На второй странице в трех местах выправлено мною, на третьей странице выправлены мною первые три строки, а также внизу слово «над» вместо «за».

4) На четвертой странице слово «деятельности», о котором вы запрашиваете, написано несомненно Лениным.

5) На той же странице слово «на местах» вставлено несомненно мною.

6) Конкретных политических условий написания документа не помню, хотя, мне кажется, на этот счет он говорит сам за себя.

7) Что касается правки мною рукописи, то вспоминаю, что я обратил внимание Владимира Ильича на слова: «ни капельки не дрогнут», сказав, что выражение как-то не подходит.—Слишком фамильярно? (или что-то в этом роде) спросил Владимир Ильич и предложил мне выправить текст. Вот все, что я могу припомнить по этому поводу.

Л. Троцкий.

II.

Отрывок проекта декрета о борьбе с саботажем.

Настоящий проект, хранившийся в Архиве Октябрьской Революции среди автографов Ленина (ф. XXVIII, s. a. № 27), написан собственноручно В. И. карандашом на одной стороне четвертушки плотной, глянцевитой, нелинованной бумаги. Документ без даты и подписи; на бумаге следы того, что она была сложена вчетверо. Карандаш от времени выцвел. В правом верхнем углу сделана красным карандашом канцелярская помета: «28».

1. Всѣ служащіе в государственных, общественных и частно-промышленных предпріятіях крупных размѣров (с числом наемных рабочих не менѣе 5) обязуются выполнять возложенныя на них дѣла и не покидать своей должности без особаго разрѣшенія Правительства, Совѣтов Раб[очих], Солд[атских] и Крест[ьянских] Депутатов или професс[іональных] союзов.

2. Нарушеніе указаннаго въ § 1 правила, а равно всякая нерадивость в сдачѣ дѣл и отчетности Правительству и органам власти или в обслуживаніи публики и народнаго хозяйства карается конфискаціей всего имущества виновнаго и тюрьмою до 5 лѣт.

В Архив (Ленин)

53

Дом Всероссийский Ц. Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Москва, Кремль

Товарищи-граждане! Мы открываем первый Всероссийский Съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Съезд Советов, по нашему мнению, должен взять в свои руки всю власть в стране. Съезд Советов должен установить твердый порядок в стране. Съезд Советов должен создать новое правительство. Старое временное правительство должно сложить свои полномочия. Мы предлагаем Съезду Советов принять следующую резолюцию: Съезд Советов постановляет: Временное правительство должно сложить свои полномочия. Власть должна перейти в руки Съезда Советов. Съезд Советов должен создать новое правительство. Это правительство должно состоять из представителей всех партий, входящих в Съезд Советов. Это правительство должно быть ответственно перед Съездом Советов. Съезд Советов должен контролировать деятельность этого правительства. Съезд Советов должен иметь право отзывать членов этого правительства. Съезд Советов должен иметь право назначать членов этого правительства. Съезд Советов должен иметь право смещать членов этого правительства. Съезд Советов должен иметь право изменять состав этого правительства. Съезд Советов должен иметь право распускать это правительство. Съезд Советов должен иметь право назначать новое правительство. Это правительство должно быть ответственно перед Съездом Советов. Съезд Советов должен контролировать деятельность этого правительства. Съезд Советов должен иметь право отзывать членов этого правительства. Съезд Советов должен иметь право назначать членов этого правительства. Съезд Советов должен иметь право смещать членов этого правительства. Съезд Советов должен иметь право изменять состав этого правительства. Съезд Советов должен иметь право распускать это правительство.

Товарищи-граждане! Мы предлагаем Съезду Советов принять следующую резолюцию: Съезд Советов постановляет: Временное правительство должно сложить свои полномочия. Власть должна перейти в руки Съезда Советов. Съезд Советов должен создать новое правительство. Это правительство должно состоять из представителей всех партий, входящих в Съезд Советов. Это правительство должно быть ответственно перед Съездом Советов. Съезд Советов должен контролировать деятельность этого правительства. Съезд Советов должен иметь право отзывать членов этого правительства. Съезд Советов должен иметь право назначать членов этого правительства. Съезд Советов должен иметь право смещать членов этого правительства. Съезд Советов должен иметь право изменять состав этого правительства. Съезд Советов должен иметь право распускать это правительство.

Товарищи-граждане! Мы предлагаем Съезду Советов принять следующую резолюцию: Съезд Советов постановляет: Временное правительство должно сложить свои полномочия. Власть должна перейти в руки Съезда Советов. Съезд Советов должен создать новое правительство. Это правительство должно состоять из представителей всех партий, входящих в Съезд Советов. Это правительство должно быть ответственно перед Съездом Советов. Съезд Советов должен контролировать деятельность этого правительства. Съезд Советов должен иметь право отзывать членов этого правительства. Съезд Советов должен иметь право назначать членов этого правительства. Съезд Советов должен иметь право смещать членов этого правительства. Съезд Советов должен иметь право изменять состав этого правительства. Съезд Советов должен иметь право распускать это правительство.

III.

Проект обращения 2-го Всероссийского Крестьянского Съезда к крестьянам.

Весь проект написан рукой Владимира Ильича на пяти полулистах линованной (синими линейками) писчей бумаги, на одной стороне листа, как для печати; листы собственноручно перенумерованы В. И. Документ не датирован. Можно предполагать, что он появился около 5 декабря 1917 г., когда произошел раскол на съезде. Воспроизводимый ниже документ извлечен из недатированных бумаг Совнаркома, хранящихся в Архиве Октябрьской Революции (ф. XXVIII, s. a. № 31) и писан почти без поправок. На нем имеются канцелярские пометы: «В Архив (Ленина)» — (красными чернилами)—и цифры: 3 (красным карандашом) и 53 (черными чернилами).

2-ой Всероссійскій Кр[естьянскій] Съѣздъ обращается къ крестьянству всѣх націй и народов Россіи съ горячим призывомъ напречь всѣ силы ума и воли, всю мощь своего числа и своей энергіи для того, чтобы пробудить спящих, ободрить нерѣшительных и сказать во всеуслышаніе, изо всѣх концов страны, из каждой деревни, из каждаго квартала крупных городов свое вѣское, свое рѣшающее слово в настоящій,—может быть, наиболѣе серьезный и наиболѣе ответственный—момент великой россійской революціи.

Товарищи-крестьяне! Мы составляем подавляющее большинство населенія нашей страны. Мы—главная масса трудящихся и эксплуатируемых. Мы—главная масса борцов за удовлетвореніе законных и справедливых требованій трудящихся, требованій земли в первую голову, борцов против всякаго гнета и всякой эксплуатаціи как со стороны помѣщиков, так и со стороны капиталистов.

Товарищи-крестьяне! Мы—главная масса нашей арміи, на долю которой выпали прежде всего [1] нечеловѣческія мученія болѣе чѣм трехлѣтней войны, затѣянной царями и капиталистами,—той арміи, на долю которой выпала также тяжелая, но благодарная и почетная роль, роль передового борца — наряду с рабочими — за свободу, за землю, за мир, за полное освобожденіе трудящихся от всякаго гнета, от всякой эксплуатаціи.

Товарищи-крестьяне! Обдумайте наше обращеніе, наш призыв, направляемый депутатами от крестьян къ крестьянам всѣх націй

---

[1]) Слова: «прежде всего» написаны над строкой.

Россіи, прочитайте наш призыв в каждой деревнѣ, в каждой избѣ, обсудите его на всѣх, без исключенія, собраніях, сходах, учрежденіях крестьянских, примите сами, на мѣстах, твердыя и непреклонныя рѣшенія. Ибо от ваших рѣшеній, от рѣшеній большинства народа, от рѣшенія самих крестьян больше всего зависит судьба нашей родины.

Близится грозный час. Надвигается послѣдній бой. Вся страна, всѣ націи нашей республики раздѣлились на два великих стана. Одинъ [1] стан помѣщиков и капиталистов, богачей и их прислужников, знатных чиновников и их друзей, командующих над народом и сторонников войны.

Другой стан—рабочих и трудящихся и эксплуатируемых крестьян, бѣднаго народа и его друзей, солдат-рядовых и сторонников мира, сторонников беззавѣтно-рѣшительной, смѣлой, безпо-[л. 2]щадной к угнетателям народа, революціонной [2] борьбы за мир.

Между этими двумя станами борьба обострилась уже в нѣкоторых частях страны до прямой, открытой гражданской войны, до войны совѣтских армій против [3] ничтожнаго числа [4] надѣющихся на силу богатства и желающих свергнуть совѣтскую власть, власть и правительство совѣтов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Товарищи-крестьяне! От вашего вѣскаго, твердаго, непреклоннаго слова многое зависит теперь, зависит и прекращеніе этой гражданской войны, зависит возможность мирнаго перехода Россіи к передачѣ безвозмездно всей земли трудящимся, к побѣдѣ соціализма. Встаньте, товарищи-крестьяне, как один человѣк, поднимите ваш голос, заявите ваше требованіе, составьте **ваши наказы** от каждой деревни, вы можете заставить выслушать себя, вы заставите всѣх выслушать васъ!

Товарищи-крестьяне! Вы должны сказать прежде всего ваше слово рѣшительнаго осужденія против тѣх депутатов 2-го Всер[оссійскаго] Кр[естьянскаго] Съѣзда, которые **откололись** [5] от этого съѣзда. Осудите раскольников. Осудите разрушителей единства крестьян, единства трудового народа, единства крестьян с рабочими. Неслыханное преступленіе совершили эти раскольники, эти разъединители крестьянства, эти перебѣжчики в стан богачей, в стан помѣщиков и капиталистов. Эти люди называют себя «соціалистами-революціонерами» праваго крыла и центра, сторонниками Авксентьева и Чернова. Они измѣнили всѣм ученіям и программѣ соціалистов-революціонеров, они перешли к врагам соціализма, к душителям революціи. Они порвали с вѣрными хранителями ученія, программы и требованій соціалистов-революціонеров, с партіей «лѣвых соц[іалистов]-рев[олюціоне]ров интернаціоналистовъ», которая

---

[1]) Слово: «одинъ»—наверху строки.
[2]) Слово: «революціонной»—наверху строки.
[3]) Далее зачеркнуто: «армій».
[4]) После слова: «числа» зачеркнута запятая.
[5]) Слово: «откололись» подчеркнуто одной чертой.

осталась вѣрна интересам трудящагося крестьянства. Они, эти стор[онни]ки Авкс[ентье]ва и Ч[е]р[но]ва [1], ушли с 2-го Всер[оссійскаго] Кр[естьянскаго] Съѣзда, отказавшись подчиниться рѣшенію большинства крестьян, чтобы проводить волю богачей и капиталистов против крестьянъ, чтобы тормозить дѣло мира, чтобы мѣшать немедленному переходу всѣх земель, без выкупа, в руки трудящагося народа, чтобы спасать губительную для крестьян политику Авксентьева, Чернова, Маслова и им подобныхъ.

Осудите этих измѣнников крестьянскому дѣлу. Таким осужденіем Вы спасете многих колеблющихся и сла– [л. 3]бых, вы спасете Россію от безумных попыток гражданской войны. Эти попытки безумны, ибо кромѣ пролитія рѣк крови понапрасну ничего не измѣнится, ничто в міре не сломит единодушнаго рѣшенія рабочих, солдат и крестьянъ, рѣшенія 2-го Всеросс[ійскаго] Съѣзда Совѣтов Р[абочих] и С[олдатских] Деп[утатов], а также 2-го Всер[оссійскаго] Съѣзда Крест[ьянских] Депутатов.

Осудите этих измѣнников крестьянскому дѣлу. Пусть каждая деревня выскажет свое довѣріе к [2] рѣшеніям этих двух съѣздов, съѣздов Совѣтов Рабочих и Солдат и Крестьянъ. Пусть каждая деревня о т з о в е т из Учр[едительнаго] Собранія тѣх депутатов от партіи с[оціалистов]-р[еволюціонеров], или от крест[ьянских] совѣтов и учрежденій, которые не заявили громко и не доказали дѣлами своего полнаго признанія [3] этих рѣшеній.

Товарищи-крестьяне! Вы знаете всѣ, что в Учр[едительное] Собраніе могли пройти и прошли от крестьянъ противники рѣшеній 2-го Всеросс[ійскаго] Съѣзда Совѣтов Раб[очих] и Солд[атских] Деп[утатов], а также 2-го Всеросс[ійскаго] Съѣзда Кр[естьянских] Депутатов только п у т е м о б м а н а. Эти, называющіе себя часто «соц[іалистами]-р[еволюціоне]рами» люди на дѣлѣ обманули крестьянъ, которые не знали еще правды об Авксентьевской, Черновской, Масловской политикѣ, политикѣ уступок помѣщикам, соглашательства с капиталистами, политикѣ ареста членов крест[ьянских] земельных комитетов на мѣстах. Эти Авксентьевы, Масловы, Черновы обманули крестьян, ибо общіе списки партіи с[оціалистов]-р[еволюціонеров] были закончены к 17 октября, а правда обнаружилась перед всей Россіей п о с л ѣ 17-го октября.

Правду обнаружили перед всей Россіей 2-ой Всер[оссійскій] Съѣзд Совѣтов Р[абочих] и Солд[атских] Деп[утатов] 24—26. X. 1917. Затѣм эту правду обнаружила совѣтская власть, совѣтское правительство, впервые огласившее позорные тайные договоры, впервые начавшее дѣйствительно революціонную борьбу за мир, впервые показавшее

---

[1]) Слова: «эти стор[онни]ки Авк[сентье]ва и Ч[е]р[но]ва»—написаны под строкой.

[2]) Далее зачеркнуты два слова, которые невозможно разобрать,—похоже на «их решеніям».

[3]) Далее зачеркнуто: «таких».

н а д ѣ л ѣ, какова должна быть эта борьба, и добившееся уже перваго успѣха: перемирія на одном фронтѣ.

Эту правду обнаружило совѣтское правительство, издавшее декрет о землѣ, вставшее так[им] обр[азом] безоговорочно на сторону крестьян, устранившее всякую возможность помѣхи извнѣ против крестьянской полной власти на мѣстах. [л. 4]

Эту правду обнаружил 2-ой Всер[оссійскій] Кр[естьянскій] Съѣзд, который впервые вскрыл перед крестьянством позорную рольАвксентьевско-Черновскаго Исп[олнительнаго] Комитета в особой, подробной резолюціи. Съѣзд заканчивается 8 декабря, а начался он (?) 30 ноября 1917 года.

Вы видите, товарищи-крестьяне, что составляя списки 17 окт[ября] и [1] на выборах в У[чредительное] С[обраніе] 12-го ноября крестьянство н е м о г л о еще знать правды о землѣ и о мирѣ, н е м о г л о отличить своих друзей от врагов, от волков, одѣтых в овечьи шкуры. Вы видите, что т о л ь к о о б м а н о м могут выступать от имени крестьян тѣ эсэры, которые противятся рѣшеніям 2-го Всеросс[ійскаго] Съѣзда Р[абочих] и Солд[атских] Деп[утатов], а также 2-го Всеросс[ійскаго] Съѣзда Кресп[ьянских] Деп[утатов].

Не допустите же, т[овари]щи крестьяне, чтобы и з з а э т о г о о б м а н а могла пролиться кровь! Поднимите ваше твердое слово протеста против тѣх, кто покинул 2-ой Всер[оссійскій] Съѣзд Кр[естьянских] Деп[утатов]. В каждой губерніи, в каждом уѣздѣ, в каждой волости, в каждой деревнѣ примите н а к а з ы, выразите ваш протест против ушедших со съѣзда, н а з о в и т е п о и м е н и мѣстных депутатов от крестьянства в У[чредительное] С[обраніе], которые н е приняли рѣшеній этих съѣздов, п о т р е б у й т е у х о д а [2] таких депутатов из Учр[едительнаго] Собранія, ибо только обманом народа они могут выдавать себя за избранников народа.

Т[овари]щи крестьяне! Учр[едительное] Собраніе должно выражать волю народа. Кто ушелъ с 2-го Всер[оссійскаго] Съѣзда Кр[естьянских] Деп[утатов], кто сорвал ея волю, кто расколол крестьян, кто сбѣжал от крестьян к богачам, тот не избранник народа, тот измѣнник, тому не мѣсто в Учр[едительном] Собраніи. Тот несет не мир, не землю для трудящихся, тот несет народу [3] безсмысленное и преступное возмущеніе богачей против Совѣтской власти. Народ не потерпит обмана. Народ не потерпит срыва его воли. Народ не отдаст совѣтской власти въ угоду богачам. Народ не отдаст на растерзаніе богачей взятаго им в свои руки дѣла м и р а, дѣла передачи з е м е л ь тотча[с] же, без изъятій и безвозмездно, в руки трудящихся.

Выхода у всей страны только два:

Либо граждан - [л. 5]ская война калединцев, кадетов, корниловцев (и их прикрытых союзников, авксентьевцев, черновцев, масловцев)

[1]) Слова: «составляя списки 17 окт. и»—писаны над строкой.

[2]) Слова: «потребуйте ухода» подчеркнуты трижды.

[3]) «Народу»—наверху строки.

сказ войны калединцев, каледу, корниловцев (с их приспешниками, сопротивленцами, авксентьевцами, черновцами, гоцевцами) против советской власти, войны гражданской, войны буржуазной уже не разжигать, войны, которая идет у стен не Думы, а всей нашей страны, войны жертв, войны голода, войны разрухи, войны разбойничьей, империалистической, чудовищно-преступной, войны ради барышей капиталистов.

Либо сегодня принять всем очевидное для всех предложение, именно: немедленно прекратить военные действия. Открыть Учредительное Собрание. Собрать его в срок. Открыть Учредительное Собрание можно только при условии признания всеми партиями, в том числе и большевиками, необходимости подчинения Учредительному Собранию.

Трудно найти другой выход из создавшегося положения, кроме предложенного. Но если его нельзя найти, если все попытки найти выход окажутся безуспешными, то Учредительное Собрание, как только оно откроется, должно прежде всего признать власть Советов, признать декреты Советской власти, признать декреты Второго Всероссийского Съезда Советов Р. и С. Д. и Второго Всероссийского Съезда Советов Крестьянских Депутатов.

За наших сынов, товарищи-граждане!
За наших детей и за себя самих!

Трудно найти выход из создавшегося положения, но его надо найти. Во имя спасения родины, во имя будущего России, во имя свободы, во имя мира, во имя земли, во имя счастья народа, во имя Учредительного Собрания, во имя прекращения войны, во имя предотвращения неизбежной гибели родины, во имя этого выхода должны столковаться, должны договориться и найдут выход все граждане, все партии, все классы.

За наших умирающих сынов, товарищи-граждане! За оставшихся вдовами матерей, за обездоленных детей, за обездоленных сирот!

2-го Всероссийского Съезда Крестьянских Депутатов

У кубанского краевого - рада [illegible]

против совѣтской власти, война кровавая, война безнадежная для ея зачинщиков, война, которая власти у совѣтов не отнимет, а только даст больше озлобленія, больше жертв, больше крови, больше затяжки великих, соціалистических, преобразованій, больше голода безхлѣбным губерніям.

Либо честное признаніе всѣми очевидной для всѣх правды, именно: что противники рѣшеній 2-го Всер[оссійскаго] Съѣзда Совѣтов Раб[очих] и Солд[атских] Деп[утатов], а также 2-го Всеросс[ійскаго] Съѣзда Крест[ьянских] Депутатов только обманом могли от крестьян пройти в У[чредительное] С[обраніе] и что необходим поэтому п е р е в ы б о р таких депутатов.

Третьяго пути нѣт. Либо кровавое истребленіе богачей, авксентьевцев, черновцев, масловцев. Либо их согласіе на перевыборы депутатов от крестьянства в У[чредительное] С[обраніе], как только выступят от крестьян в У[чредительном] Со[браніи] противники рѣшеній двух совѣтских съѣздов, 2-го Всеросс[ійскаго] Съѣзда Совѣтов Раб[очих] и Солд[атских] Деп[утатов] и 2-го Всеросс[ійскаго] Съѣзда Совѣтов Кр[естьянских] Деп[утатов].

За вами слово, товарищи-крестьяне!

За вами рѣшающее слово!

Твердым словом в с ѣ х крестьян, н а к а з а м и с ъ м ѣ с т отъ в с ѣ х крестьянъ вы м о ж е т е водворить мир [1] по всей странѣ, среди всѣх націй Россіи, вы можете прекратить гражданскую войну, вы можете обезпечить не обманное, а правильное, истинное Учр[едительное] Собраніе, вы можете ускорить и облегчить прекращеніе войны справедливым миром, ускорить передачу всѣх земель трудящимся, укрѣпить союз крестьян с рабочими [2], ускорить побѣду соціализма.

За вами рѣшающее слово, товарищи-крестьяне! Да здравствует передача земли трудящимся. Да здравствует мир! Да здравствует соціализм!

2-ой В с е р о с с [і й с к і й] С ъ ѣ з д К р [е с т ь я н с к и х] Д е п у т а т о в.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «на».

[2]) Слова «укрѣпить союз крестьян с рабочими» написаны под текстом, ниже подписи, и соединены чертой с соответствующим местом.

IV.

Проект декрета о борьбе с контр-революционерами и саботажниками.

Письмо к тов. Дзержинскому.

Письмо написано Владимиром Ильичем собственноручно чернилами на листе почтовой бумаги, линованной в клетку. Текст написан на внутренних страницах листа, начинаясь на правой странице с цифрой 1 и оканчиваясь на левой странице с цифрой 2. Документ написан очень мелким почерком, почти без поправок. Подписи Владимира Ильича и даты написания на документе нет. В правом углу, рядом с № страницы, поставлена (вероятно, канцелярская помета) цифра 1 красным карандашом. Это письмо находилось среди недатированных бумаг Совнаркома, хранящихся в Архиве Октябрьской Революции (ф. XXVIII, s. a. 24).

Содержанию документа соответствует по своему характеру доклад тов. Дзержинского в Совнаркоме 7 декабря 1917 года об организации Комиссии по борьбе с контр-революцией и саботажем (протокол Совнаркома № 21 от 7 декабря 1917 г., пункт 9: доклад тов. Дзержинского об организации В. Ч. К.). К этому времени повидимому, можно приурочить составление настоящего проекта В. И.

Т[овари]щу Дзержинскому.

К сегодняшнему Вашему докладу о мѣрах борьбы с саботажниками и к[онт]р-р[е]в[олю]ц[іоне]рами.

Нельзя-ли двинуть подобный декрет:

О борьбѣ, с контр-революціонерами и саботажниками.

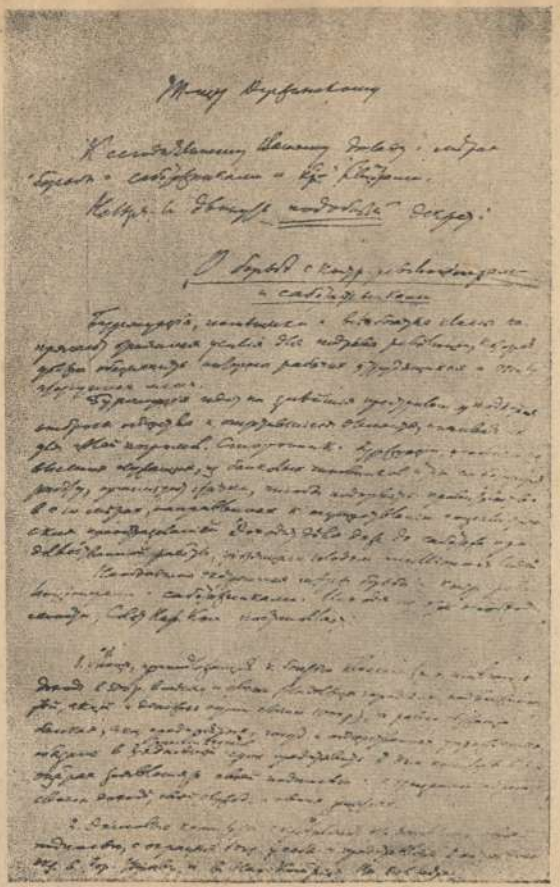
Буржуазія, помѣщики и всѣ богатые классы напрягают отчаянныя усилія для подрыва революціи, которая должна обезпечить интересы рабочих [1], трудящихся и эксплуатируемых массъ.

Буржуазія идет на злѣйшія преступленія, подкупая отбросы общества и опустившіеся элементы, спаивая их для цѣлей погромов. Сторонники буржуазіи, особенно из высших служащих, из банковых чиновников и т. п., саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его мѣрах, направленных к осуществленію соціалистических преобразованій. Доходит дѣло даже до саботажа продовольственной работы, грозящаго голодом милліонамъ людей.

Необходимы экстренныя мѣры борьбы с контр-революціонерами и саботажниками. Исходя из этой необходимости, Совѣт Нар[одных] Ком[иссаров] постановляет:

---

[1]) Далее зачеркнуто: «и».

1. Лица, принадлежащія к богатым классам (т.-е. имѣющія доходъ в 500 р. в мѣсяц и свыше, владѣльцы городских недвижимостей, акцій и денежных сумм свыше 1000 р.), а равно служащіе в банках, акц[іонерных] предпріятіях, госуд[арственных] и общественных учрежденіях, обязаны в 3-хдневный срок [1] представить в дом[овые] комитеты в 3-х экз[емпля]рах заявленія, за своей подписью и с указаніем адреса, о своем доходѣ, своей службѣ и своих занятіях.

2. Домовые комитеты скрѣпляют эти заявленія своей подписью, сохраняя 1 экз[емпляр] у себя и представляя 2 остальных экз[емпляра] в Гор[одскую] Управу и въ Нар[одный] Ком[исса]ріат Вн[утренних] Дѣл [адрес: [л. 2]

3. Лица, виновныя въ неисполненіи настоящ[аго] закона [2], (в непредставленіи заявленій или в подачѣ [3] ложных свѣдѣній и т. п.) [4], а равно члены дом[овых] к[омитет]ов, виновныя в несоблюденіи правила о храненіи этих заявленій, сборѣ их и представленіи в указ[анныя] выше учрежденія, наказываются денежным штрафом до 5000 р. за каждое уклоненіе, тюрьмой до 1 года или отправкой на фронт, смотря по степени вины.

4. Тому же наказанію подлежат лица, виновныя в саботажѣ работы или в уклоненіи от работы в банках, госуд[арственных] и общ[ественных] учрежденіях, акц[іонерных] предпріятіях, жел[ѣзных] дорогах и т. п.

5. Как первый шаг к введенію всеобщей трудовой повинности постановляется, что лица, указ[анныя] въ § 1, обязаны, во-1-х, постоянно имѣть при себѣ копіи с вышеуказанных заявленій, снабженныя удостовѣреніем дом[овых] комитетов, а равно начальства или выборных учрежденій (ф[абрично]-з[аводских] комитетов, продовольственных комитетов, ж[елѣзно]-д[орожных] комитетов, союзов служащих и т. п.); в удостовѣреніи должно значиться, какую общественную службу или работу выполняет данное лицо, живет ли оно при семьѣ, как неработоспособный член ея, и т. п.

6. Во-2-х, эти лица обязаны в недѣльный срок со дня изданія наст[оящаго] закона завестись потребительско-рабочими книжками (образец их при сем прилагается) для веденія еженедѣльных записей приходов и расходов и для внесенія в книжки удостовѣреній от комитетов и учрежденій того рода службы общественной, которую данное лицо несет.

7. Лица, не подходящія под условія § 1, представляют в дом[овые] к[омите]ты въ 1 экз[емплярѣ] заявл[енія] о своем доходѣ и мѣстѣ работы, обязуясь имѣть при себѣ копію этого заявл[енія], удостовѣр[еннаго] Домов[ым] Комитетом.

---

[1]) Над словами: «3-хдневный срок» написано В. И. сверху: «[в] теченіи 24-х часов».

[2]) Слова: «въ неисполненіи настоящ[аго] закона» — писаны над строкой.

[3]) «Подачѣ» — наверху строки.

[4]) «И т. п.» — наверху строки.

РУССКО-ГЕРМАНСКИЙ ДОГОВОР 1905 года.

Русско-германский договор 1905 года, заключенный в Бьёрке [1]).

Из телеграммы Вильгельма II к Николаю II [2]).

(14—27 октября 1904 г.)

Уже некоторое время английская печать грозит Германии, что ей ни в каком случае не будет дозволено снабжать Балтийскую эскадру углем теперь, когда она в пути. Нет ничего невозможного, что правительства Японии и Англии сообща заявят протест против снабжения нами ваших кораблей углем, присоединив к нему «требование» о прекращении этого в дальнейшем. Конечным результатом такой угрозы—войной—была бы полная неподвижность твоего флота и невозможность для него достигнуть своего назначения вследствие отсутствия топлива. Эту новую опасность должны встретить сообща Россия и Германия, которым пришлось бы обеим напомнить твоей союзнице Фран-

---

[1]) Текст договора, заключенного Николаем Романовым с Вильгельмом II в 1905 г. в Бьёрке, впервые был опубликован в русском переводе в «Сборнике секретных документов из архива бывшего мин. ин. дел.» № 3 (декабрь 1917 г. Издание Нар. Ком. Ин. Дел.).

В настоящем томе «Красного Архива» печатается: переписка, относящаяся к 1904 г., — когда об этом впервые возникли переговоры, — подлинный французский текст договора и русский перевод его, а также последующая переписка, вызванная заключением договора.

Для полной картины хода переговоров и истории договора включены некоторые места из личной переписки Николая с Вильгельмом, уже опубликованной Центрархивом. (Переписка Вильгельма II с Николаем II. С предисловием М. Н. Покровского. Гос. Изд., Москва, 1923.)

Печатаемые документы хранятся во 2 отделении Госархива Р. С. Ф. С. Р. Письма Ламздорфа к Нелидову от 1/IX, 15/IX, 23/IX, 26/IX, 29/IX, 14/X — 1905 г. взяты из особого досье «Архива Нелидова», хранившегося в секретном архиве министра ин. дел, куда эти письма были переданы после смерти Нелидова в 1910 году.

Большая часть документов печатается с подлинников. Письма Ламздорфа к послам, за исключением вышеупомянутых писем к Нелидову, печатаются с его собственноручных копий.

Материалы подготовлены к печати и снабжены примечаниями С. А. Пашуканис.

[2]) Перевод с английского. *Редакция.*

ции об обязательствах, принятых ею на себя в силу договора о двойственном союзе с тобой, и указать на «casus foederis». Не может быть и речи о том, чтобы на подобное приглашение Франция попыталась уклониться от исполнения своей бесспорной обязанности по отношению к своему союзнику. Хотя Делькассе—ярый англофил, но он достаточно умен для того, чтобы понять, что английский флот совершенно не в состоянии спасти Париж! Таким путем создалась бы мощная комбинация трех наиболее сильных континентальных держав, и, прежде чем напасть на нее, англо-японской группе не раз пришлось бы подумать. Жалобы Англии на наше снабжение русских судов углем тем более легкомысленны, что с самого начала войны она,—подарив Японии два броненосца, «Нишин» и «Касугу», с британскими офицерами и экипажем,—еще все время снабжала своим углем японский флот и продала туда не менее тридцати пароходов. Морские сражения, данные Того, велись при помощи кардифского угля. Нам, разумеется, было бы гораздо приятнее, если бы англичане были разумны и, помня все это, оставили нас в покое и предоставили самим себе. Но я никогда ни на минуту не отступлю перед несправедливой угрозой.

Доклад м-ра иностр. дел Ламздорфа Николаю [1]).

Приемлю смелость повергнуть у сего на всемилостивейшее вашего императорского величества благовоззрение полученное мною сегодня письмо графа Остен-Сакена от 14/27 октября, передающее его беседу с бароном Гольштейном. Вполне соглашаясь с заключительною частью этого письма, в котором императорский посол указывает на необходимость более тесного сближения с Германиею, особенно при настоящих обстоятельствах, не могу, однако, не усмотреть в предложениях германского правительства постоянного стремления его расстроить дружеские отношения между Россиею и Франциею. С этой точки зрения я считал бы совершенно несвоевременным ставить какие-либо категорические вопросы французскому правительству, которое в праве было бы на них ответить, что во время осложнений с Англиею, по поводу Фашоды, оно не обращалось к России с подобными запросами и преждевременными требованиями. Франция не перестает, впрочем, дружественно относиться к нам, доказательством чему могут служить, между прочим, полученные сегодня от д. т. с. Нелидова и графа Бенкендорфа телеграммы, передающие разговор французского посла в Лондоне с маркизом Лансдоуном по поручению г. Делькассе и собственной инициативе г. Камбона, без всякой с нашей стороны просьбы.

---

[1]) На подлиннике имеется следующая пометка Н. Романова:

«Не вполне согласен с вами. Вы увидите из моего ответа на телеграмму имп. герм., что я сильно стою в настоящее время за такого рода соглашения с Германией и Францией. Это избавит Европу от чрезмерного нахальства Англии и будет весьма полезно в будущем». Пометка Ламздорфа: «Царское Село, 16 октября 1904 г.».

По получении от графа Остен-Сакена дальнейших сведений по сему вопросу, после предстоящего разговора его с имперским канцлером, буду иметь счастье представить вашему императорскому величеству проект ответного письма послу, в котором, смею думать, следует указать на необходимость крайней осторожности в столь щекотливом вопросе.

16 октября 1904 г.[1]

Граф Ламздорф.

Письмо русского посла в Берлине Остен-Сакена Ламздорфу [1]).

Строго личное.

Берлин, 14/27 октября 1904 г.

Дорогой граф.

Я был очень удивлен, когда два дня тому назад, стороной меня уведомили, что барон Гольштейн, первый советник министерства иностранных дел, желает меня видеть.

Вы, конечно, припомните, дорогой граф, что эта важная особа — может быть, истинный вдохновитель политики Берлинского кабинета — для официальных послов оставался невидимым с тех пор, как к делам был призван граф Бюлов.

Я немедленно пошел навстречу желанию барона Гольштейна и имел с ним беседу, о которой я считаю своим долгом вам доложить, даже прежде чем я буду иметь возможность представить ее вам, быть может, в форме предложения со стороны Берлинского кабинета.

Барон Гольштейн дал мне прежде всего понять, что вопрос о снабжении углем нашей Балтийской эскадры, отправляющейся на Дальний Восток, стал серьезным и легко может породить осложнения в Европе.

«В самом деле,—сказал мне мой собеседник,—Англия, повидимому, смотрит косо на наше решение не отказываться, поскольку это нас касается, от снабжения углем русского флота. До сих пор эта точка зрения Сен-Джемского кабинета была нам известна лишь косвенным путем. Но я полагаю, что если бы это нам было сообщено официально, мы не могли бы принять этих представлений, не роняя достоинства империи. В таком случае мы были бы принуждены объявить России, что мы готовы с ее согласия действовать с ней заодно, если Англия сочтет себя обязанной вмешаться с оружием в руках в защиту японских интересов».

Барон Гольштейн полагает, что вооруженное вмешательство Англии логически заставило бы Францию вступить, со своей стороны, в борьбу в качестве нашей союзницы, и считает, что в таком случае С.-Петербургский и Берлинский кабинеты должны будут катего-

---

[1]) Перевод с французского.

рически и с общего согласия поставить Франции вопрос: как смотрит она на свои обязанности.

Он не сомневается, что это совместное выступление заставит Парижский кабинет из-за боязни потерять все плоды, полученные Францией до сих пор от союза с нами, ответить в положительном смысле.

Барон Гольштейн прибавил, что можно даже надеяться на то, что—будучи противопоставлена согласию 3 держав—России, Германии и Франции—Англия не рискнет пойти на вооруженное столкновение и подчинится необходимости отказаться от своих притязаний. Возможно, сказал барон, что это было бы наилучшим средством избежать европейского осложнения. Он поражен высокомерным тоном Сен-Джемского кабинета со времени его последнего соглашения с Францией, и ему кажется, что снова слышится тон, обычный для Англии в эпоху войны 1854—1855 г.г., которую она вела сообща с своей соседкой по ту сторону Ла-Манша. Он подозревает даже, что во Франции очень склонны восстановить эти близкие отношения, имевшие решающее значение в вопросах о судьбах Европы.

Вот, в общих чертах, моя беседа с бароном Гольштейном, которую он настоятельно просил меня продолжить с графом Бюловым; последний, по словам барона, согласен с комбинацией, в которую он меня сейчас посвятил.

До моей встречи с гр. Бюловым я, конечно, не могу, считать это предложением, исходящим от Берлинского кабинета. У меня одна только цель—предупредить вас лично, дорогой граф, заранее и весьма секретно о том, что здесь замышляется. Я не могу не подозревать в проекте бар. Гольштейна желания использовать затруднительное положение, в котором мы в настоящее время находимся, для того, чтобы разрешить одну из следующих политических задач Германии: или порвать наш союз с Францией—в том случае, если она откажет нам в своей поддержке против Англии, или же обеспечить себе нашу поддержку, а также и поддержку Франции в возрастающем соперничестве между Германией и Англией.

Тем не менее, этот проект имеет в моих глазах значение, на которое я не могу не обратить вашего внимания.

К несчастью, не подлежит сомнению, что даже благоприятный исход нашей войны с Японией не даст нам возможности заключить мир по нашему усмотрению.

Мы столкнемся с англо-американской коалицией, созданной для того, чтобы помешать нам пожать плоды наших побед. Было бы иначе, если бы Франция и Германия были на нашей стороне. Это соображение имеет для нас такое огромное значение, что нельзя отнестись к мыслям, высказанным Гольштейном, как к обыкновенной интриге, шитой белыми нитками, и не воспользоваться так или иначе настоящим настроением Берлинского кабинета.

и т. д. *Остен-Сакен.*

Из телеграммы Николая Вильгельму [1].

(без даты)

Я вполне разделяю твое неудовольствие по поводу поведения Англии в вопросе снабжения германскими пароходами наших кораблей углем; она понимает сохранение нейтралитета своеобразно. Безусловно, пора положить этому конец. Единственное средство этого достигнуть, как ты говоришь, это—чтобы Германия, Россия и Франция пришли к соглашению уничтожить англо-японское высокомерие и нахальство. Составь и набросай, пожалуйста, проект такого договора и сообщи мне его. Как только он будет нами принят, Франция должна будет присоединиться к своей союзнице. Этот план приходил мне часто в голову—он принесет мир и спокойствие всему миру.

Из письма Вильгельма к Николаю [2].

(от 30/X 1904 г.)

Дорогой Ники.

Твоя милая телеграмма доставила мне удовольствие, показав, что в трудную минуту я могу быть тебе полезным. Я немедленно обратился к канцлеру, и мы оба т а й н о, не сообщая об этом никому, составили, согласно твоему желанию, 3 статьи договора. Пусть будет так, как ты говоришь. Будем вместе. Конечно, союз должен быть чисто оборонительным, направленным исключительно против нападающего или нападающих в Европе, нечто вроде компании взаимного страхования от огня против поджогов. Очень важно, чтобы Америка не видела для себя угрозы в нашем соглашении. Рузвельт, как мне известно, в силу врожденной антипатии американцев ко всякой цветной расе, не питает особой склонности к Японии, хотя Англия изо всех сил старается повлиять на американцев и настроить их в пользу Японии. Кроме того, американцы прекрасно сознают тот неоспоримый факт, что могущественная японская империя является постоянной опасностью для американских Филиппин. Что касается Франции, то мы оба знаем, что радикалы и антихристианские партии, в данную минуту наиболее сильные, склоняются к Англии,—старые Крымские традиции,—но они против войны, потому что победоносный генерал внес бы некоторое расстройство в эту республику жалких штатских. Националистическая или клерикальная партия не любит Англии и симпатизирует России, но и не помышляет о том, чтобы связать свою судьбу с Россией в теперешней войне. Между этими двумя партиями республи-

---

[1]) Перевод с английского. Из письма Вильгельма от 17/XI 1904 г. (см. ниже) видно, что телеграмма послана Николаем 16/29 октября 1904 г.

[2]) Перевод с английского.

канское правительство сохранит нейтралитет и ничего не предпримет. На этот нейтралитет и, следовательно, на изоляцию России рассчитывает Англия.

Мне достоверно известно, что не дальше как в декабре прошлого года французский министр финансов Рувье, по собственному почину, заявил финансовому агенту одной державы, что Франция ни в коем случае не присоединится к вам в русско-японской войне, даже если Англия встанет на сторону Японии. Чтобы сделать этих республиканцев вполне надежными, Англия передала Франции Марокко. Полная уверенность, что Франция намерена оставаться нейтральной и даже оказывать дипломатическую поддержку Англии,—вот причина необыкновенно грубой уверенности английской политики настоящего момента. Это неслыханное положение вещей изменится к лучшему, как только Франция очутится перед необходимостью выбрать, к кому ей примкнуть, и когда ей придется открыто высказаться за Петербург или за Лондон. Но, как я сказал выше, радикалы, тяготеющие к Англии, относятся вообще с отвращением к войне и к милитаризму; националисты же, не имеющие ничего против войны, как таковой, не желают сражаться ни за Англию, ни против России. Отсюда ясно, что обе партии заинтересованы в том, чтобы оказать давление на Англию и заставить ее сохранять мир. Если ты и я будем стоять плечо к плечу, то важнейшим последствием этого будет то, что Франция должна будет открыто и формально присоединиться к нам обоим и таким образом выполнить, наконец, по отношению к России возложенные на нее договором обязательства, что для нас чрезвычайно ценно, особенно если принять во внимание ее прекрасные гавани и хороший флот, которые окажутся тогда и к нашим услугам. Ты можешь быть уверен, что это положит конец жалобам на так называемые нарушения нейтралитета. Раз это будет достигнуто, я надеюсь, что буду в состоянии поддержать мир, а у тебя будут развязаны руки в твоих действиях по отношению к Японии. Позволь мне прибавить к этому, что я искренно восторгаюсь твоим тонким политическим инстинктом, подсказавшим тебе мысль обратиться по поводу происшествия в Северном море в Гаагский третейский суд. Ведь именно этот упорно выставляющийся в извращенном виде случай и использовали французские радикалы, Клемансо и остальная сволочь (tag-rag and bobtail), как довод против того, чтобы Франция выполняла в отношении России возлагаемые на нее договором обязательства. Конечно, прежде чем предпринимать какие-либо шаги в этом вопросе и заговаривать с Францией, необходимо покончить с этим досадным происшествием в Северном море. Дело в том, что, как мне сообщили, Делькассе и Камбон примкнули в этом вопросе к британской точке зрения, и, сообразно с этим, отношение французского правительства определилось, как сочувствующее Англии. Если мы поэтому в этом вопросе окажем давление на Францию, то она, несомненно, примет сторону

Англии,—а это-то нам как раз и нежелательно. Il faut que l'incident de la Mer Noire soit clos (необходимо, чтобы происшествие на Черном море было исчерпано), и тогда только можем мы начать действовать совместно.

Согласно твоему желанию, я прилагаю при этом проект статей договора, надеюсь, что ты их одобришь. Никто ничего не знает об этом, даже мое министерство иностранных дел: это сделали Бюлов и я лично. «Möge Gottes Segen ruhen auf dem Vorhaben der beiden Hohen Herrscher, und die mächtige 3-fache Gruppe Russland, Deutschland, Frankreich für immer Europa den Frieden bewahren helfen, das walte Gott» (да благословит бог намерение обоих высоких властителей и да поможет он могучему тройственному объединению России, Германии и Франции навсегда обеспечить Европе мир, да поможет этому бог). Таковы были его слова, когда мы кончили.

Проект договора [1]).

Их величества, император всероссийский и император германский, чтобы локализировать, насколько возможно, русско-японскую войну, установили нижеследующие статьи договора оборонительного союза.

Статья I.

В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, союзница ее придет к ней на помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. В случае надобности, обе союзницы будут также действовать совместно, чтобы напомнить Франции об обязательствах, принятых ею на себя согласно условиям договора франко-русского союза.

Статья II.

Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать отдельно мира ни с одним из общих противников.

Статья III.

Обязательство помогать друг другу остается в силе и в том случае, если бы действия одной из двух высоких договаривающихся сторон, совершенные во время войны, как, например, доставка угля одному из воюющих, вызвали бы после войны со стороны третьей державы протест по поводу якобы нарушения прав нейтральных.

---

[1]) Перевод с французского.

Записка Николая Ламздорфу.

(20 окт. 1904 г.)

Только сегодня получил письмо с проектом «Соглашения» от имп. Вильгельма. Читая его, я рассмеялся. Содержание трех единственных статей более всего касается Франции. Срок договора—длительность нашей войны с Японией. Последний пункт касается именно предмета неудовольствия германского правительства действиями Англии относительно угольной операции. Но это—частное дело обоих государств.

Я ответил сегодня императору Вильгельму телеграммою, что необходимо ознакомиться с присланным проектом и что ответ последует через несколько дней.

Ввиду этого прошу вас, граф, приехать ко мне в пятницу, в 12 ч. Нужно обсудить это дело всесторонне и составить желательный для нас контр-проект.

При этом, как всегда, необходимо соблюсти свои интересы и пощадить авторское самолюбие другой стороны.

Николай.

Доклад Ламздорфа Николаю[1]).

ПРОЕКТ ПРЕДЛОЖЕНИЙ:	ИЗМЕНЕНИЯ.
Их величества император всероссийский и император германский, чтобы локализировать, насколько возможно, русско-японскую войну, установили нижеследующие статьи договора оборонительного союза:	
Статья I.	
В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, союзница ее придет к ней на помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. В случае надобности, обе союзницы будут также действовать совместно, чтобы напомнить Франции об обязательствах, принятых ею на себя согласно условиям договора франко-русского союза.	Его величество император всероссийский предпримет необходимые шаги для того, чтобы ознакомить Францию с этим договором и побудить ее присоединиться к нему в качестве союзницы.
Статья II.	
Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать отдельно мира ни с одним из общих противников.	Высокие договаривающиеся стороны и т. д., и т. д.

[1]) Перевод с французского. На подлиннике пометка рукой Ламздорфа: «Доложено и высочайше одобрено в Царском Селе 22 октября 1904 г.».

Статья III.

Обязательство помогать друг другу остается в силе и в том случае, если бы действия одной из двух высоких договаривающихся сторон, совершенные во время войны, как, например, доставка угля одному из воюющих, вызвали бы после войны со стороны третьей державы протест по поводу якобы нарушения прав нейтральных.

Статья III.

Высокие договаривающиеся стороны согласились действовать сообща в том случае, если бы действия, совершенные во время войны одной из них, как, например, доставка угля одному из воюющих, вызвали впоследствии протесты со стороны третьей державы по поводу якобы нарушения прав нейтральных. Их соглашение должно оставаться в силе также в случае затруднений, какие могли бы возникнуть во время переговоров о мире между Россией и Японией.

Письмо Остен-Сакена Ламздорфу [1]).

Личное.

Берлин, 22 октября (4 ноября) 1904 г.

Дорогой граф.

Ваше письмо от 14 октября, содержавшее в себе приказание нашего августейшего монарха выразить его высокое удовлетворение по поводу мер, принятых германскими властями для безопасного прохода нашей эскадры через Балтийское море, дало мне случай посетить имперского канцлера.

Граф Бюлов с живейшим удовольствием принял мое сообщение и сказал, что на другой же день передаст его императору Вильгельму.

Во время нашей беседы канцлер заговорил на тему о сообщениях, сделанных мне несколько дней назад бароном Гольштейном и переданных мною вашему сиятельству в весьма доверительном письме от 14/27 октября.

Равно как и бар. Гольштейн, граф Бюлов высказал, что его беспокоит возможность протеста со стороны С.-Джемского кабинета против снабжения немецкими торговыми домами нашей Балтийской эскадры углем.

«Если бы это случилось, — сказал мне имперский канцлер, — то мы, очевидно, были бы вынуждены запросить С.-Петербургский кабинет, должны ли мы отклонить этот протест, рискуя вступить в войну с Англией и стать вашими союзниками; или бы Россия предпочла отказаться от удобства снабжения углем, из запасов, составляющих собственность немецких торговых фирм, которым мы

[1]) Перевод с французского.

должны были бы в этом случае воспретить такую торговлю, как несовместимую с нейтралитетом Германии».

Разговор, последовавший затем, был, в сущности, лишь повторением того, что мне уже говорил барон Гольштейн. Поэтому я не буду утомлять ваше сиятельство подробным воспроизведением слов канцлера, тем более, что вероятность протестов со стороны Англии, как я уже сказал графу Бюлову, уменьшается по мере продвижения нашей эскадры вперед.

Не без удивления прочел я на столбцах газеты «Post» высказанные мне Бюловым и Гольштейном мысли по поводу стараний Франции найти мирное разрешение нашим осложнениям с Англией. «Post», как и оба германские государственные мужа, объясняет это тем, что Франция боится того, что ей придется исполнить свои обязанности союзницы в случае конфликта между нами и Англией.

Сию минуту узнал окольным путем, что статья в «Post» была инспирирована отделом печати (Presse-Bureau) министерства иностранных дел.

Какими соображениями руководился этот отдел? Это для меня необъяснимо.

Гулльские события вызвали здесь, как и во всех странах, полемику между органами печати. Довольно сдержанная при первых известиях об инциденте, полемика эта приняла в последующие дни, по примеру английской печати, характер более бурный, особенно в газетах передовых партий. Но эти газеты не нашли сочувствия в здравомыслящей части нации и встретили решительную оппозицию как в придворных сферах, так и в армии.

«Hamburger Nachrichten» очень разумно замечает, что адмирал Рожественский не мог действовать иначе, чем он поступил, не рискуя судьбою флота, вверенного его командованию. Надо надеяться, что в результате работ следственной комиссии будет признание правильности донесения начальника нашей Балтийской эскадры.

Благоволите принять и т. д.

Остен-Сакен.

Письмо Ламздорфа Остен-Сакену [1]).

Весьма секретное и личное.

С.-Петербург, 28 октября 1904 г.

Дорогой и уважаемый граф.

Позвольте мне от души поблагодарить вас за ваше любезное личное письмо от 22 октября (4 ноября) 1904 года.

Ваши беседы с графом Бюловым и г-ном Гольштейном весьма интересны, и дополнением к ним служат телеграммы, адресованные

[1]) Перевод с французского.

императором Вильгельмом непосредственно нашему августейшему монарху. Интимная переписка обоих государей ныне более оживленна и более дружественна, чем когда-либо. К тем благоприятным для нас предложениям, которые идут к нам из Берлина, следует отнестись весьма внимательно, но в то же время с большой осторожностью. Ясно, что хотят воспользоваться современными обстоятельствами, чтобы выяснить себе сущность наших договоров с Францией и с точностью узнать, на что мы имеем право рассчитывать со стороны нашей союзницы. Затем не имелось бы ничего против того, чтобы поссорить нас немножко, внушив нам недоверие и заставляя нас определенно прижать французов к стене. Очевидно, в Берлине были бы рады усилению и продлению наших разногласий с Англией; лучше всего—совершенно изолировать Россию при помощи трогательных обещаний, благодаря которым она доверилась бы исключительно одной Германии, а последняя после этого, конечно, не упустила бы случая дать ей почувствовать всю тяжесть и цену этих железных уз. С другой стороны, дружба нашей могущественной соседки нам, очевидно, необходима ради спокойствия вдоль нашей длинной границы, ради снабжения нас углем и иною контрабандою и т. д., и т. д. Все это следует серьезно принять в расчет и стараться ничем не портить наших отношений с Берлином, но притом не упускать и Парижа. Только сохраняя равновесие, удастся извлекать выгоды, в пределах возможности, из обеих сторон.

Слава богу, что острый фазис Гулльского инцидента уже миновал, но все же мы еще не преодолели всех трудностей. Следует надеяться, что следственная комиссия сорганизуется и будет действовать без особых затруднений. Если бы показания наших моряков подтвердились неопровержимыми доказательствами, то это, действительно, было бы для нас большим торжеством.

Письмо Остен-Сакена Ламздорфу [1]).

Личное. Весьма секретное.

Берлин, 4/17 ноября 1904 г.

Дорогой граф.

Ваше любезное и столь интересное письмо от 28 октября (10 ноября) сего года произвело на меня большое впечатление.

Уведомляя вас о сообщениях, сделанных мне бароном Гольштейном, которые несколько дней спустя подтвердил сам канцлер, я не мог не понимать тех задних мыслей, под влиянием которых были сделаны эти предложения.

Сближение Англии с Францией, сопровождавшееся попытками, правда неопределенными, со стороны С.-Джемского кабинета отка-

[1]) Перевод с французского.

заться от своей враждебной неприязни к России, очень тревожит Берлинский кабинет, полагающий, что целью английской политики в настоящий момент является изоляция Германии.

В этом была бы реальная опасность для последней; вот почему канцлер, по обыкновению, старается разобраться в этих планах и, если таковые существуют, своевременно предотвратить их выполнение.

В самом деле, если бы попытки к улучшению наших отношений с Англией дали серьезные результаты, то Германия имела бы основание бояться, как бы попытки эти, которым благоприятствует уже совершившееся сближение между кабинетами С.-Джемским и Парижским, не привели к тройственному союзу, опасному для германских интересов и угрожающему безопасности империи.

Вполне допустимо, что, в виду этой грозной возможности, г. Гольштейн возымел мысль предотвратить ее при помощи контр-комбинации, а именно: тройственного союза с нами и Францией против Англии.

Момент мог показаться ему благоприятным вследствие того факта, что наша война с Японией была делом рук Англии.

Вот причина тех предложений, которые мне были сделаны на днях и, по словам вашего письма, были известны нашему августейшему монарху. Это последнее обстоятельство доказывает мне, насколько серьезным представляется Берлинскому кабинету современное политическое положение.

Склонный считать графа Бюлова до некоторой степени сторонником Англии, я был удивлен согласием канцлера на проекты барона Гольштейна, но два новых факта, кажется, позволяют мне разобраться в его игре.

Вскоре после моих свиданий с ним и с Гольштейном английский посол похвалился перед одним из моих коллег, что после девяти лет пребывания в Берлине он впервые будет иметь случай познакомиться с таинственным Гольштейном—«серым высокопреподобием» (Eminence grise) [1]), как его здесь зовут, невидимым для всех, но держащим в своих руках нити германской политики.

Это знакомство произошло накануне отъезда в отпуск в Лондон сэра Франка Ласселя, и в сегодняшних английских газетах я нашел объяснение. В «Daily Telegraph» от 2/15 числа появилась статья, где говорится о необходимости для английской печати оставить неприязненный тон по отношению к Германии и где английское правительство приглашается к тому, чтоб сделать существующие отношения между обеими странами миролюбивыми. Эта статья указывает на хорошие результаты, достигнутые такою же политикою по отношению к Франции и Америке.

---

[1]) «Eminence grise» называли капуцина Жозефа де-Трамблей (1577—1638), советника Ришелье.

Итак, это — вечная система равновесия, к которой прибегает граф Бюлов, прежде чем избрать определенный путь, и которая позволяет ему всегда иметь две тетивы на своем луке и отдавать преимущество одной перед другой лишь очень обдуманно.

Я склонен думать, что комбинация Гольштейна соответствовала желанию императора Вильгельма, а вмешательство сэра Франка есть уловка Бюлова на тот случай, если бы мы не выказали склонности согласиться на первую.

Не решаясь судить по существу о значении для наших интересов предложений, передать вам которые мне было поручено, я хотел только выяснить в этом письме, насколько серьезны упомянутые сообщения, на которые нельзя смотреть, как на простые фантазии, лишенные политического значения. Вам предстоит, дорогой граф, определить их цену по отношению к совокупности наших политических интересов.

Благоволите и т. д.

Остен-Сакен.

Письмо Вильгельма к Николаю [1].

Новый Дворец, 17/XI [2] *1904 г.*

Милейший Ники.

Твое милое письмо подтверждает еще раз, что наши совместные усилия направлены главным образом на то, чтобы локализировать настоящую войну и избежать войны европейской. Злоупотребляя твоим любезным разрешением, я беру на себя смелость предложить тебе в наших обоюдных интересах два изменения: одно изменяет мое предложение, другое — твою заключительную оговорку.

Если бы содержание договора стало известно—путем ли официального опубликования или просто благодаря нескромности,—то возможно, что фраза: «для того, чтобы локализировать русско-японскую войну», будет истолкована другими державами в том смысле, что договор имеет силу т о л ь к о в том случае, если Англия вступит в войну в качестве союзницы Японии, т.-е. что договор является угрозой в ы з ы в а ю щ е г о характера, направленной только против Англии. В действительности это отчасти так и есть. Но «toute verité n'est pas bonne à dire» (не всякую правду следует говорить). Мы видим, что английское общественное мнение в настоящий момент находится в нервном состоянии, близком к помешательству, чему несколько прелестных образчиков мы только что получили. При таком настроении Англия взглянула бы на этот договор, как на в ы з о в, и тотчас ускорила бы окончательную катастрофу, которой мы пытаемся избежать или которую, по крайней мере, стремимся отдалить. Поэтому я предлагаю фразу,

[1]) Перевод с английского. Копии письма Николая ни в Романовском архиве, ни в секретном архиве м-ра иностр. дел не сохранилось.

[2]) Нового стиля.

которую ты сам употребил, «afin d'assurer le maintien de la paix en Europe» (чтобы обеспечить сохранение мира в Европе), что будет вполне соответствовать нашей цели и чего ни в каком случае нельзя счесть провокацией. Мы думаем только о себе и воздерживаемся от того, чтобы указывать пальцем на кого бы то ни было, что, к тому же, в обществе считается невоспитанностью. (Никому, у кого совесть чистая,—такой договор им не может быть неприятен, и злобным джинго в Англии будет очень трудно превратить факт заключения его в «casus belli» (повод к войне).

Это изменение редакции договора, по моему мнению, делает необходимым установить известный срок,—или краткий, с правом отказа от договора в любой момент года, или, если хочешь, более долгий. Продление действия договора, в случае если он отвечает желаниям обеих сторон,—на что я горячо надеюсь,—и полезен нашим народам, могло бы совершиться само собой, автоматически. Все это можно устроить вполне сообразно твоим желаниям.

Другое изменение касается вновь прибавленной заключительной оговорки. Не надо забывать, что если бы ты захотел, например, оставить договор неопубликованным, то возможна нескромность,—у стен есть уши, а у дипломатов языки, которые будут работать,—при таких условиях эту фразу будут истолковывать в том смысле, что я определенно обязался помогать тебе защищать завоевания России, а это немедленно придаст статье I чисто агрессивный характер. В таком случае весь политический мир пришел бы к выводу, что мы вместо оборонительного союза основали нечто в роде компании в целях аннексий, со включением, вероятно, секретных оговорок в пользу Германии. Результатом этого было бы всеобщее недоверие, очень для нас опасное, так как Америка, движимая подозрениями, что Россия с Германией готовы к наступательным действиям ради дальнейших эгоистических целей, примкнет тогда к Англии. Этого допускать нельзя ни в коем случае: ведь главная задача русских и германских дипломатов—предотвратить союз Америки с Англией. Если бы договор сделался известен путем официального опубликования или благодаря нескромности, необходимо, чтобы Бюлов, в ответ на запрос в парламенте, мог заявить, что нет никаких секретных статей, противоречащих оборонительному характеру договора или обеспечивающих Германии—au détriment des autres (в ущерб другим)—что-либо, кроме помощи в деле защиты мира в Европе в том случае, если бы ему кто-нибудь угрожал. Вот почему я предлагаю изменить редакцию этой фразы.

Руководящая мысль в ней, это—непрерывные за последние месяцы протесты русской печати против мирного конгресса, который, подобно конгрессу 1878 г., должен был бы сыграть роль посредника; твои газеты очень боятся, что он снова будет созван, а имеются признаки, что некоторые державы уже действуют в этом направлении, особенно Париж и Лондон. Конгресс этот постарается, конечно, сделать все,

чтобы уравнять положение победителей и побежденных и попробовать отнять у первых их завоевания и преимущества, как это было в 1878 году. Кроме того, эта фраза в своей новой формулировке раз навсегда исключает всякую возможность для Германии принять участие в подобном мирном конгрессе и в то же самое время отнимает у всех недоброжелателей и критиков удобный случай утверждать, будто мы преследуем какую-либо иную цель помимо стремления обеспечить мир, никого не провоцируя.

Таковы два моих предложения, которые я решаюсь представить на твое рассмотрение и которые, как я надеюсь, ты одобришь; цель их—не допустить Англию принять активное участие в этой войне и, если можно, воспрепятствовать Америке присоединиться к Англии.

Я не знаю, считаешь ли ты нужным сообщить тайную статью (III) Франции. Пусть будет так, как ты хочешь, но я думаю, что другие статьи удержат Францию, и она не отстранится от нас. Я уверен, что Делькассе в самом духе договора сейчас же почувствует тенденцию против конгресса, и, принимая во внимание, что он уже начал между Лондоном и Парижем, а также и с другими державами, переговоры по поводу созыва мирного конгресса для посредничества, он окажется в затруднении, потому что ему придется внезапно оборвать свои уже начатые переговоры.

Без сомнения, французы предпочли бы всякую группировку держав союзу á trois (втроем), как в 1895 г., но, как только русско-германский договор станет совершившимся ф а к т о м, наши соединенные силы окажут на Францию сильное влияние, которое ты уже предусмотрел в своей телеграмме от 29-го октября, где ты говоришь: «После того как мы войдем в соглашение, Франция будет вынуждена присоединиться». Конечно, это уже задача твоих дипломатов—уладить дело с Францией, в то время как Германия будет молча стоять за тобой. Демократы—штатские и франкмасоны Делькассе, Комб и К°—равным образом боятся как победы, так и поражения, и в тот момент, когда им станет ясно, что Франции не удастся остаться нейтральной, а необходимо примкнуть к той или другой стороне, они сделают все от них зависящее, чтобы удержать Англию от войны. Прекрасным средством охладить британское нахальство было бы произвести несколько военных демонстраций на персидско-афганской границе, где англичане считают появление твоих войск во время настоящей войны невозможным. Если даже у тебя сейчас нет достаточно войск для нападения на Индию, то тех, которые имеются, достаточно для Персии,—у нее нет армии, а давление на границу Индии со стороны Персии произведет в Англии чудеса и окажет замечательно успокаивающее действие на горячие головы джинго в Лондоне.

Я знаю сам и мне сообщали, что они боятся только этого, и что страх перед твоим вступлением в Индию из Туркестана и в Афганистан из Персии был настоящей и единственной причиной того, что пушки Гибралтара и британского флота три недели тому назад молчали. Гра-

ница Индии и Афганистан, это—единственная часть земного шара, где весь британский военный флот ничего не может поделать, и где пушки его бессильны отразить вторжение неприятеля. Потеря Индии—смертельный удар для Великобритании.

Я надеюсь, что таким образом наш договор достигнет своей цели сохранения мира в Европе.

Если пересмотренный проект и предложенные соображения будут тобой одобрены, то подписание может состояться немедленно. Я надеюсь, что Ламздорф получит от тебя приказ совершить все формальности. Дай бог, чтобы мы нашли истинный путь локализировать ужасы войны, и да благословит он наши планы. Привет Алисе. Верь мне, милейший Ники.

Всегда твой горячо любящий кузен и искренний друг

Вилли.

Проект [1]).

Их величества императоры всероссийский и германский, в целях обеспечения сохранения мира в Европе, установили следующие статьи договора оборонительного союза.

Статья I.

В случае, если бы одна из двух империй подверглась нападению со стороны одной из европейских держав, союзница ее придет ей на помощь всеми своими морскими и сухопутными силами. Его величество император всероссийский предпримет необходимые шаги для того, чтобы сообщить Франции этот договор и побудить ее присоединиться к нему в качестве союзницы.

Статья II.

Высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать отдельно мира ни с одним из общих противников.

Статья III.

Настоящий договор останется в силе до тех пор, пока не будет заявлено о его расторжении за год вперед.

Тайная статья.

Высокие договаривающиеся стороны согласились действовать сообща в том случае, если бы действия, совершенные одной из них во время войны (настоящей?), как, например, доставка угля какой-либо воюющей державе, вызвали бы впоследствии протесты со стороны третьей державы по поводу якобы нарушения прав нейтральных.

---

[1]) Перевод с французского.

Из первого пункта статьи I вытекает, что Германия не присоединится ни к какому действию, каково бы оно ни было, в котором могли бы быть скрыты враждебные России намерения.

Телеграмма Николая Вильгельму [1]).

(без даты)

Я полагаю, было бы разумным показать французам черновик договора перед тем, как подписать его. Пока он еще не подписан, есть возможность сделать некоторые маленькие поправки в тексте, тогда как, если он будет уже вполне одобрен нами обоими, покажется, что мы пытаемся заставить Францию принять договор. В этом случае все дело может потерпеть неудачу, чего, как я полагаю, и ты не можешь желать. Поэтому я прошу твоего согласия ознакомить правительство Франции с этим проектом, и, по получении ответа, я немедленно сообщу тебе телеграммой.

Ники.

Из телеграммы Вильгельма Николаю [2]).

(от 13—26 ноября 1904 г. из Мошена при Куявах)

Очень благодарю за телеграмму. Ты дал мне новое доказательство твоей полной лояльности, решив не уведомлять Францию без моего согласия. Я, однако, твердо убежден в том, что было бы, несомненно, опасно уведомлять Францию, прежде чем мы с тобой не подпишем договора; последствия этого были бы диаметрально противоположны нашим желаниям. Лишь несомненная и определенная уверенность в том, что мы с тобой связаны договором о взаимной помощи, заставит Францию оказать давление на Англию в том смысле, чтобы последняя оставалась спокойной и не нарушала мира из боязни поставить Францию в опасное положение. Между тем, если Франция узнает, что русско-германский договор только в проекте, но еще не подписан, она тотчас предупредит своего друга (если не тайного союзника) Англию, с которой ее связывает «entente cordiale», и осведомит ее немедленно. Результатом такой информации будет, без сомнения, моментальное нападение двух союзных держав, Англии и Японии, на Германию в Европе, равно как и в Азии. Громадное превосходство их морских сил скоро покончило бы с моим небольшим флотом, и Германия на время осталась бы калекою. Это нарушило бы мировое равновесие в ущерб нам с тобой, и позднее, когда ты начнешь переговоры о мире, предоставило бы тебя один на один нежным попечениям Японии и ее торжествующих подавляюще-могучих друзей. Моим особым желанием, а также,— насколько я, понимал,—и твоим намерением, было—поддержать и укрепить это находящееся в опасности мировое равновесие путем соглашения между Россией, Германией

---

[1]) Перевод с английского.
[2]) Перевод с английского.

и Францией. Это возможно лишь в том случае, если наш договор станет прежде этого совершившимся фактом и если между нами в какой бы то ни было форме установится полное единомыслие. Предварительное же уведомление Франции приведет к катастрофе. Но если ты, тем не менее, считаешь для себя невозможным заключить договор со мной без предварительного согласия Франции, то будет гораздо безопаснее совместно воздержаться от заключения какого бы то ни было договора. Разумеется, я буду так же абсолютно безмолвствовать о наших переговорах, как и ты; как ты сообщил о них одному только Ламздорфу, так и я говорил об этом только с Бюловым, который гарантирует абсолютную тайну. Наши взаимоотношения и чувства останутся неизменно прежними, и я, как и прежде, буду стараться быть тебе полезным, поскольку это будет совместимо с моей безопасностью.

Доклад Ламздорфа Николаю [1]).

Проект.

Разбор некоторых пунктов телеграмм и писем императора Вильгельма.

Политические обстоятельства данного момента указывают на необходимость известного соглашения между державами, желающими поддержать европейский мир. В своей телеграмме от 13/26 ноября е. в. император Вильгельм еще раз высказывает убеждение, что наилучшим средством к установлению политического равновесия было бы соглашение между Россией, Германией и Францией. Действительно, союз этих трех великих континентальных держав был бы залогом безопасности для каждой из них и для общего мира. Отношения личной дружбы между российским и германским монархами и существующие традиционные отношения между обеими соседними империями являются достаточной гарантией их солидарности и их полного согласия даже в том случае, если бы последнее не подтверждалось никаким документом. Труднее присоединить сюда Францию в той мере, в какой ее участие представляется желательным.

Германский император думает, что Франция склоняется на сторону Англии до такой степени, что является даже «тайной союзницей» последней. Между тем это предположение не подтверждается теми весьма положительными данными, какие у нас имеются о намерениях нашей союзницы. Несомненно, что в силу многих торговых, финансовых и иных соображений французское правительство желает поддержать добрые отношения с правительством Англии, но мы имеем полное основание думать, что оно не согласилось бы легкомысленно променять отношения, связывающие Францию с Россией, на союз с Англией.

[1]) Перевод с французского. Доклада с пометкой Николая в секретном архиве не имеется. Проект отпечатан на машинке. На документе имеется надпись рукою Ламздорфа: «Представлено государю императору 15 ноября. Возвращено его импер. величеством 25 ноября 1904 г.».

Германский император полагает, что побудить французское правительство оказать умиротворяющее влияние на Англию можно было бы, только сообщив ему о существовании договора между Германией и Россией, формально заключенного и подписанного. Его величество утверждает, что самый факт заключения такого договора не произвел бы того впечатления и не повлек бы за собой тех опасных последствий, какие оказались бы неизбежными, если бы был обнаружен только проект подобного договора. По всему, что нам известно о настроении нашей союзницы, мы думаем, наоборот, что для того, чтобы побудить ее к совместным действиям с Россией и Германией, следует осторожно убедить ее солидаризироваться с нашими намерениями, по существу оборонительными и мирными. Для достижения этой цели представляется желательным, чтобы Россия, как друг и союзник, действуя не запугиванием, а силою убеждения, могла сообщить Франции мысли, изложенные в прилагаемой заметке, и узнать, как она отнесется к этому. Такой предварительный шаг, если его совершить с желательной осторожностью, обязал бы Францию к соблюдению тайны, о которой ее попросили бы; но получилось бы совершенно иное при виде договора, заключенного и подписанного без ее ведома, с условиями которого ей было бы предложено сообразоваться. Подобное требование принять или отказаться (de prendre ou de laisser) скорее могло бы бросить ее в объятия Англии.

При подписании какого-либо соглашения, чем более значения ему придается, тем более необходимо бывает с точностью выяснить себе, насколько возможно выполнить принимаемые на себя обязательства. В проекте двойственного договора I статья гласит, что «российский император предложит Франции присоединиться к этому соглашению в качестве союзницы». Не предпочтительно ли до подписания этого договора выяснить, в какой мере достижима такая цель? Если бы пришлось вдруг отказаться от участия Франции, то условия проектируемого двойственного договора необходимо должны быть переработаны; однако, имея в виду отношения дружбы между Францией и Россией, мы считаем более чем вероятным, что наилучшим способом побуждения ее к принятию проекта, столь превосходно задуманного императором Вильгельмом, было бы сначала дружески внушить ей сочувствие к этой великой политической идее в ее целом, а затем посвятить ее в детали.

Заметка о весьма конфиденциальных сообщениях, которые могут быть сделаны французскому правительству [1]).

Враждебная и вызывающая политика, которой все чаще и чаще считает нужным придерживаться к другим державам британское правительство под влиянием сбитых с толку печати и общественного мнения Англии, внушило императору Вильгельму и мне опасение—

[1]) Перевод с французского.

как бы не был внезапно нарушен европейский мир по поводу любого инцидента, касающегося вопросов контрабанды, права нейтральных держав или чего иного, который английская заносчивость роковым образом превратила бы в конфликт. Дабы предотвратить эту опасность, мы считаем полезным заключение договора, исключительно оборонительного, который взаимно обеспечил бы обеим соседним империям энергичную поддержку (помощью морскими и сухопутными силами) одной из них в том случае, если бы другая подверглась нападению со стороны какой-либо третьей европейской державы. Договор такого рода, подробности которого еще предстоит определить, мог бы действительно служить полезною, если не единственною, уздою для державы, которая считает себя вне всякой опасности даже тогда, когда сама нарушает права других и не признает себя обязанною с ними сколько-нибудь считаться. Однако мы не пожелали осуществить этот проект, не ознакомив предварительно с ним Францию и не предложив ей к нему присоединиться.

Это тройственное соглашение, громадное значение которого особенно сказалось бы при современных обстоятельствах, создало бы политическое положение, которое, очевидно, не было бы неблагоприятно для Франции; в то же время оно могло бы послужить к упрочению мира, который желают сохранить в Европе Россия и ее союзница как ради собственных интересов, так и ради блага всего человечества.

Обязательность абсолютной тайны разумеется сама собой.

Из письма Вильгельма Николаю [1]).

(от 21/XII 1904 г.)

Мнение мое по вопросу о соглашении остается неизменным; нельзя посвящать Францию в наши переговоры, прежде чем мы придем к окончательному соглашению. Лубэ и Делькассе, несомненно, опытные государственные люди, но так как это — не принцы и не императоры, то и в вопросе, требующем доверия, каким является этот вопрос, я не могу относиться к ним так же, как к тебе, мне равному, к моему кузену и другу.

Поэтому, если ты все-таки считаешь необходимым ознакомить французское правительство с нашими переговорами, прежде чем мы придем к окончательному решению, то я считаю, что для всех участников выгоднее по-прежнему оставаться вполне независимыми друг от друга и самостоятельно итти к своим целям, насколько допускает положение. Я твердо убежден, что наши надежды на то, что мы можем быть полезны друг другу, могут получить свое осуществление не только во время войны, но и после нее, во время мирных переговоров, потому что интересы наши на Дальнем Востоке во многих отношениях вполне совпадают.

---

[1]) Перевод с английского.

Договор.

Björke [1]), 24/11 Juillet 1905.

Leurs Majestés de toutes les Russies et d'Allemagne, afin d'assurer le maintien de la paix en Europe, ont arrêté les Articles suivants d'un traité d'Alliance défensif:

Article I.

En cas oú l'un des deux Empires serait attaqué par une Puissance Européenne son allié l'aidera en Europe de toutes ses forces de terre et de mer.

Article II.

Les hautes parties contractantes s'engagent à ne conclure de paix séparée avec aucun adversaire commun.

Article III.

Le présant traité entrera en vigueur aussitôt que la paix entre la Russie et le Japon sera conclue, et restera valide tout qu'il ne sera pas denoncé une année à l'avance.

Article IV.

L'empereur de toutes les Russies, après l'entrée en vigueur de ce traité, fera les démarches nécessaires pour initier la France à cet accord et l'engager a s'y associer comme alliée.

WILHELM I. R. [2]) NICOLAS.
von Tschirschky und Bögendorf. A. Birileff.

Перевод.

Бьёрке 24/11 июля 1905.

Их величества императоры всероссийский и германский, в целях обеспечения мира в Европе, установили нижеследующие статьи оборонительного союза:

Статья I.

В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, союзница ее придет ей на помощь в Европе всеми своими сухопутными и морскими силами.

---

[1]) Договор написан на листе почтовой бумаги со штампом «Полярная Звезда».
[2]) Imperator Rex.

Статья II.

Высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать отдельно мира ни с одним из общих противников.

Статья III.

Настоящий договор войдет в силу тотчас по заключении мира между Россией и Японией и останется в силе до тех пор, пока не будет заявлено о его расторжении за год вперед.

Статья IV.

Император всероссийский, после вступления в силу этого договора, предпримет необходимые шаги к тому, чтобы ознакомить Францию с этим договором и побудить ее присоединиться к нему в качестве союзницы.

Вильгельм I. R. Николай.
фон Чиршский и Бёгендорф. А. Бирилев.

Из письма русского посла в Париже Нелидова к Ламздорфу [1]

от 27 июля (9 августа) 1905 г. из Шатель Гийон.

Последнее, что я сделал перед отъездом из Парижа, это—сообщил г-ну Рувье содержание вашей телеграммы, касающейся свидания в Бьёрке. Министр был очень доволен этим дружественным сообщением, хотя он мне и повторил, что по этому поводу у него не было ни малейшего беспокойства. Он мне, впрочем, сознался, что одну минуту он был смущен, когда г-н Витте, которому он сообщил о первых слухах, касающихся свидания, ему сказал, что он им не верит, а через несколько часов это свидание стало уже совершившимся фактом. Ваше письмо, которое г-н Витте ему почти дословно сообщил, пришло очень кстати, чтоб рассеять всякий зародыш возможного сомнения.

Когда мы заговорили о Марокко и о новом направлении французской политики, г-н Рувье мне признался, что он никогда не верил, чтоб это являлось действительной целью действий германского императора за последнее время. Он стремится положить конец политике г-на Делькассе.

Министр меня уверил, что основой политики, которой он предполагал следовать, остался бы тоже союз с Россией; Франция не нуждается в другом. «Чем моя политика отличается от политики моего предшественника? — сказал он мне. — Тем, что я желаю иметь хорошие отношения как с Англией, так и с Германией, но мы не собираемся заключать с нею более близкое соглашение, равно как не намерены

[1]) Перевод с французского.

и ослаблять уже существующее между нами и Англией». И на мое замечание, что некоторые газеты идут настолько далеко, что даже говорят о немецком союзе, г-н Рувье горячо возразил, что это было бы «абсолютно невозможно». Он сказал мне, что ему особенно было бы желательно—избежать, во что бы то ни стало, войны в Европе между европейскими державами. И тут он высказал мысль, достойную финансиста, ставшего министром иностранных дел. «В прежние времена легко было вести войны, ибо это делалось на наличные деньги. Пока были деньги, продолжали драться; когда денежные сундуки опустошались, заключали мир. В настоящее время все делается в кредит. Нации все тесно связаны одна с другой узами кредита. Когда идет война в других частях света, она не так еще сильно чувствуется в Европе. Но если бы она вспыхнула у нас, то это было бы общим крушением и разгромом. Все были бы разорены. Вот почему я смотрю на европейскую войну, как на самое большое бедствие, которое может случиться,—и обязанность каждого правительства прилагать все свои усилия, чтобы ей помешать».

Письмо Ламздорфа Нелидову [1]).

Весьма секретное и строго конфиденциальное.

С.-Петербург, 1 сентября 1905 г.

Господин посол.

Вашему превосходительству известно, как высоко ценит наш августейший монарх отношения, столь счастливо установленные с 1891 года с Францией, нам дружественной и союзной; ваша деятельность, как посла в Париже, весьма содействовала упрочению этих отношений. Почитая узы, связывающие Россию с Францией, за незыблемую основу своей политики, наш августейший монарх, верный принципу, что оба правительства «будут приходить к соглашению по всякому вопросу, могущему грозить нарушением общего мира», полагает, что, при современных обстоятельствах, могло бы быть весьма желательным в общих интересах установить строго-оборонительное соглашение между некоторыми великими континентальными державами, чтобы обезопасить их от нападения какой-нибудь другой европейской державы.

Наш августейший монарх убежден, что, несмотря на трения, происшедшие в последнее время между Германией и Францией, император Вильгельм горячо приветствовал бы присоединение Франции к подобному соглашению между русским и немецким правительствами.

Это—вопрос, требующий большой осмотрительности, и к нему можно приступить лишь после очень осторожного зондирования почвы в Париже и выяснения, даст ли Франция вообще свое со-

[1]) Перевод с французского.

гласие на присоединение, и в какой форме последнее могло бы состояться. Его величество рассчитывает, что ваша опытность и ваше столь часто испытанное искусство могут дать нам ответы на эти важные вопросы, держа их в самой строжайшей тайне.

Примите и т. д.

Ламздорф.

Письмо Нелидова к Ламздорфу [1]).

Личное.
Весьма секретное.

Париж, 8/21 сентября 1905 г.

Господин министр.

С особым вниманием и чрезвычайным интересом ознакомился я с содержанием весьма секретного и личного письма, которое ваше сиятельство оказали мне честь адресовать 1-го сентября. Оно затрагивает столь важный и требующий столь большой осторожности вопрос, что я счел своим долгом отнестись к нему с особым вниманием и всесторонне его изучить, чтоб достойно оправдать доверие, которое, по приказанию нашего августейшего монарха, вы ко мне проявили. Вследствие этого я позволю себе почтительнейше и вполне откровенно изложить мою мысль, каково должно быть отношение французского правительства к возможности оборонительного соглашения между некоторыми великими континентальными державами, с целью обезопасить их от нападения какой-либо другой европейской державы. Подобное соглашение было бы направлено против Англии. Но между Францией и Англией существует соглашение, заключенное в апреле месяце прошлого года, которое ее вполне обеспечивает не только от нападения, но даже от конфликта с ее соседкой по ту сторону Ла-Манша. Всякое соглашение с другими державами, направленное против Англии, только бы ослабило действие этого соглашения, которым Франция дорожит и вынуждена дорожить, тем более, что главная и наиболее существенная гарантия ее безопасности—ее союз с нами, вследствие нашего политического ослабления, несколько утратил свое значение.

Надо принять во внимание, с другой стороны, что Франция, которая страшится более всего необходимости прибегнуть к оружию, присоединившись к предложенному соглашению, подверглась бы опасности оказаться втянутой в войну, которая не сможет удовлетворить ни одного ее прямого интереса, но будет угрожать многим и притом существенным.

---

[1]) Перевод с французского.

На подлиннике синим карандашом условная пометка Николая Романова.

Эта война, наконец, могла бы привести ее к защите интересов Германии,—отношения с которой у нее далеко не удовлетворительны,—против Англии, дружба которой все более и более ценится во Франции и составляет после союза с Россией основу ее современной политики.

Не подлежит сомнению, что присоединение к русско-германскому соглашению Французской республики доставило бы императору Вильгельму большое удовлетворение. Но такое присоединение было бы для Франции равносильно отказу от всяких претензий или надежды на реванш,—надежды, которая хотя и является только мечтой, но поддерживала подъем патриотического вожделения нации, которое так желают уничтожить крайние партии, масоны и интернационалисты.

Поэтому я убежден, что малейший намек на подобного рода соглашение не только не имел бы никакого практического результата, но мог бы даже ослабить абсолютное доверие, которое я всеми силами старался установить в наших отношениях с Францией, потому что здесь усмотрели бы в этом небрежность, если не пренебрежение к истинным стремлениям и существенным интересам союзной страны.

Больше. Чтобы сделать подобный поворот в своей политической ориентации, Франция должна была бы иметь во главе своего правительства государственного деятеля, способного принять на себя ответственность за столь радикальную меру и отдающего себе вполне отчет в ее значении. Но, конечно, не г-н Лубэ, накануне окончания своего семилетия, пожелает прокладывать совершенно новый и очень смелый путь международных отношений, и не г-н Рувье, еще новичок в политике, мало уверенный в личном своем положении, не обладающий ни авторитетом, ни опытом, необходимыми для выполнения подобного дела.

Я буду, однако, продолжать свои исследования по этому важному вопросу, хотя этот план сам по себе, на мой взгляд, имеет много сторон, подлежащих изучению особо тщательному.

Я позволю себе представить вашему сиятельству несколько соображений по этому поводу, когда к этому представится надежный случай и прошу вас, господин министр, принять и т. д.

Нелидов.

Письмо Ламздорфа Нелидову [1].

Строго личное.

Четверг 15/28 сентября 1905 г.

Дорогой и уважаемый Александр Иванович.

Выражаю вам горячую благодарность за ваше доброе личное и весьма секретное письмо, которое я поспешил повергнуть на усмотре-

[1]) Перевод с французского.

ние императора, но я не могу еще сообщить вам о впечатлениях нашего августейшего монарха, так как их вел-ства, отбыв на несколько дней в финляндские шхеры, продлили свое пребывание «в море далече», и два вторника кряду у меня не было личного доклада.

Нетерпеливо жду, не будут ли ваши дальнейшие исследования более благоприятными, но сильно сомневаюсь, чтобы французы согласились примкнуть к договору, хотя бы лишь оборонительному, направленному против Англии.

Совершенно между нами,—кажется, в Бьёрке были несколько неосторожны и не вполне дали себе отчет в истинных целях императора Вильгельма: совершенно разрушить франко-русский союз и получить возможность окончательно скомпрометировать нас в Париже и Лондоне.

Россия, изолированная и неизбежно зависимая от Германии, — вот его давняя мечта. Он старался удалить г. Делькассе, так как в его лице видел помеху; думаю, что по той же причине он был бы в восторге от моего исчезновения. Не скрываю, что стою за возможно лучшие отношения с Германией, но при условии сохранения нашего союза с Францией; жертвовать последним ради сомнительной и трудно осуществимой комбинации трех держав—кажется мне политикой неправильной. Если нам хочется устраивать дела немцев, сомневаюсь, чтобы французы пошли на это, и ни одно правительство республики не окажется достаточно сильным для такой попытки.

Извините за это маранье. Приезд милого друга Витте отнимает у меня сегодня много времени.

Сердечный привет от искренно преданного

Ламздорфа.

Письмо Нелидова Ламздорфу [1]).

Лично. Весьма секретно.

Париж, 22 сентября (5 октября) 1905 г.

Господин министр.

Так как я имел возможность несколько больше исследовать вопрос, которого касалось ваше весьма секретное письмо от 1-го сентября, то считаю долгом дать отчет вашему сиятельству.

Возможность эту мне представил сам г-н Рувье в разговоре, который я имел с ним вчера. Для него было неожиданностью то, что значительная часть русской печати и многие английские газеты высказываются за соглашение между правительствами в Петербурге и Лондоне, что является следствием русско-японского союзного дого-

---

[1]) Перевод с французского. На подлинном условная пометка Николая Романова.

вора. Подобное решение было бы, конечно, сказал он мне, наилучшим, чтоб укрепить мир, в котором Россия, пожалуй, еще более нуждается, чем другие державы. После испытаний, перенесенных во время последней войны, и вовлеченная в чрезвычайно серьезный внутренний кризис, наша империя, по его мнению, конечно не станет в настоящий момент и помышлять о новых завоеваниях, а потому она может, ничего не теряя, притти к соглашению с Англией по вопросам разграничения взаимных интересов в Азии.

Я ответил министру, что рядом с этой тенденцией, которая, конечно, имеет сторонников в русской прессе и русском обществе, есть еще и другая, находящая отзвук в компетентных сферах. Англо-японский трактат создает безусловно гегемонию морских держав и тем самым становится угрозой для всех остальных, интересы которых, таким образом, подвергаются опасности. Поэтому хорошо было бы составить лигу континентальных держав, которая, будучи противопоставлена Англии и Японии, восстановила бы равновесие сил.

Я припомнил при этом случае г-ну Ругье, что мысль о подобной лиге не новая: уже Наполеон I готов был пользоваться ею, как средством воздействия на ту же самую Англию, которая становится угрозой для всеобщего мира. Франция была бы, пожалуй, не менее заинтересована, чем Россия и Германия, иметь гарантию безопасности ее владений, особенно находящихся вне Европы. Министр мне возразил, что эти последние оставались бы всегда во власти морских преобладающих сил двух морских союзниц, к которым в данном случае присоединилась бы, вероятно, и Америка — тогда как никакая опасность не угрожает Европейскому континенту.

«Впрочем,—закончил он,—у нас союз есть и нам его достаточно: это—ваш. И мы рассчитываем крепко его держаться. Входить же в какие-либо иные комбинации мы совершенно не расположены. Мы дружны с Англией и Италией, мы желаем быть в хороших отношениях с Германией, и я полагаю, что я имею некоторую заслугу в том, что добился между нами менее натянутых отношений и сближения. Но мы так же мало собираемся вступать в союз с Берлином, как и еще теснее сближаться с Лондоном».

Я очень старался, господин министр, показать, что взгляд, изложенный мною, поддерживается частью нашей прессы и имеет сторонников в России.

Из этого, полагаю, я могу вывести заключение еще с большей уверенностью, что Франция ни в каком случае не расположена примкнуть к комбинации, которая, как мне сказал г-н Рувье, повела бы к разделению держав на два лагеря и подвергла бы их тем самым еще большей опасности конфликта, который принял бы размеры всеобщего пожара.

Примите и т. д.

Нелидов.

Письмо Нелидова Ламздорфу [1]).

Строго личное
и весьма секретное.

Париж, 22 сентября (5 октября) 1905 г.

Дорогой и многоуважаемый граф.

Вы не поверите мне, как я был счастлив убедиться из вашего столь интересного письма «строго личного» от 15/28, что мои взгляды на политическое положение настоящего момента вполне согласуются с вашими.

Безусловно, нам грозит опасность остаться в зависимости от Германии, если, заключив с нею союз, мы этим уничтожим союз с Францией, в то же время продолжая быть в плохих отношениях с Англией. Мы тогда можем быть вовлечены, ради прекрасных глаз императора Вильгельма, в войну с Англией и Японией, где мы многое можем потерять. Союз с Францией нам ни в коем случае не мешает оставаться в лучших отношениях с Германией и притти к соглашению или, по меньшей мере, объясниться с Лондоном, тогда как, принимая на себя обязательства по отношению к Берлину, мы рискуем, помимо нашего желания и ради чуждых нам интересов, быть вовлеченными в конфликты, утратив, несомненно, поддержку Франции.

Дело в том, что сферы действия по отношению к нам Германии и Англии различны. Мы сталкиваемся с этой последней в Азии, где Германия нам ничем помочь не может, в то время как нашим интересам в Европе Великобритания ни в какой мере не угрожает.

С Германией мы приходим в соприкосновение исключительно на континенте, и ее коммерческое соперничество с Англией нас непосредственно не затрагивает. Наш главный интерес именно заключается в том, чтоб оставаться вне возможного или вероятного конфликта между ними, не испытывая непосредственно его последствий и сохраняя хорошие отношения с обеими.

Граф Витте, в своем разговоре со мной здесь, как будто бы склонялся к союзу с Германией, ибо, сказал он, «все пересоюзятся, а мы останемся одни». Это было бы в том случае, если бы мы оставили союз с Францией и бросились бы в объятия Германии, это означало бы нашу полную изоляцию в деле защиты наших интересов в Азии. Но то, что г-н Витте с своим проницательным умом тоже допускает, это — необходимость объясниться с Лондоном. Это, мне кажется, должно бы быть сделано без промедления, прежде чем мы взяли на себя какие-либо другие обязательства. Это нам дало бы безопасность, которая делает всякую другую комбинацию излишней.

---

[1]) Перевод с французского. На подлиннике условная пометка Николая Романова красным карандашом.

Простите, дорогой граф, за эти размышления, выраженные наскоро. Я был бы очень счастлив, если бы они встретили ваше одобрение и могли бы способствовать выяснению тяжелого положения, которое для нас создалось и которое требует всестороннего освещения.

Примите и т. д.

Нелидов.

Письмо Ламздорфа Нелидову [1]).

Весьма секретное и личное.

С-Петербург, 23 сентября 1905 г.

Господин посол.

Я не преминул представить на усмотрение императора весьма секретное письмо вашего превосходительства от 8/21 сентября сего года. По возвращении своем из финляндских шхер его величество соизволил передать мне свои приказания по вопросам, затронутым в этом документе.

Нашему августейшему монарху благоугодно было признать справедливость некоторых личных замечаний вашего превосходительства, но его императорское величество находит, что мы должны, тем не менее, попытаться привлечь французское правительство к оборонительному союзу с Россией и Германией,—союз этот мог бы принести лишь выгоды стране, нам дружественной и союзной. Чем более дорожишь договором, тем более стараешься его упрочить, придавая ему формы, наиболее соответствующие современной обстановке. Мы ничуть не желаем отказаться от основ нашего соглашения 1891—1893 г.г., но мы не можем не признать тех коренных изменений, которые произошли с тех пор в политическом положении Европы.

Действительно, со времени возникновения знаменитой лиги мира — Тройственного Союза,— направленной против Франции и России, мы, очевидно, должны были притти к соглашению, чтобы отразить грозившие нам опасности, и мы подписали обязательства, которые нас удачно от них предохраняли в течение 15 лет. Ныне Тройственный Союз является, в сущности, лишь историческим воспоминанием, и Германия, которая тогда казалась наиболее агрессивной, настойчиво предлагает присоединиться к нам, чтобы образовать, с целью исключительно мирною, единый союз континентальных держав, способный противостоять английским стремлениям, находящим себе резкое подтверждение в новом англо-японском трактате.

Поэтому, казалось бы, что для дружественной и союзной нам Франции не менее желательна, чем для самой России, переработка нашего с ней договора согласно современным условиям мировой политики. Пересмотр не есть уничтожение; наоборот, он ведет к усо-

[1]) Перевод с французского.

вершенствованию и укреплению. В сущности, единственная опасность нападения на Францию, без сомнения, грозит ей ныне лишь со стороны Германии: разве не было бы разумно и целесообразно обезопасить себя от подобной случайности посредством оборонительного союза, заключенного совместно с Россией?

Но Парижский кабинет, пожалуй, будет в затруднительном положении ввиду своего «сердечного согласия» («entente cordiale») с Англией? По этому поводу вы можете заявить, что это согласие беспрепятственно может существовать рядом с о б о р о н и т е л ь н ы м союзом с Россией и Германией, но что этот последний, конечно, получит большее значение на практике. Впрочем, «сердечным соглашениям» с Англией вообще суждено жить не долее, чем розам, оставляя в воспоминаниях большее или меньшее количество шипов.

Итак, нашему августейшему монарху угодно, чтобы, с присущим вам искусством, вы о с т о р о ж н о сделали все возможное, чтобы склонить Францию присоединиться к строго оборонительному союзу между Россией и Германией. Как только Парижский кабинет выразит свое согласие, мы сможем обсудить и самый текст договора.

Примите и т. д. *Ламздорф.*

Из письма Николая Вильгельму [1].

(без даты).

Тебе, конечно, известно, что через несколько дней Портсмутский мирный договор будет ратифицирован. Тогда наше Бьёркское соглашение должно войти в силу. Этот в высшей степени ценный документ следует еще подкрепить или пояснить для того, чтобы дать всем заинтересованным сторонам возможность честно и смело выполнять свои обязанности.

Важнее всего привлечь Францию в наш оборонительный союз и создать континентальную лигу, согласно статье IV Бьёркского договора.

Но если бы Франция отказалась присоединиться к нам, то не только отпала бы статья IV, но в корне изменился бы и весь смысл ст. I, ибо обязательства, о которых она говорит в настоящей редакции, касаются (указывают на) [2]) других европейских держав, в том числе и Франции—союзницы России...

Во время твоего пребывания в Бьёрке я не имел при себе подписанных моим отцом документов, которые ясно определяют принципы нашего союза с ней и, конечно, исключают все, что могло бы привести к столкновению с ней.

При попытке выяснить, возможно ли побудить французское правительство присоединиться к нашему соглашению, на первых же шагах

---

[1]) Перевод с английского.

[2]) В подлиннике сохранены оба слова написанными одно над другим.

обнаружилось, что это является трудной задачей и что потребуется много времени для того, чтобы привести его к этому по его доброй воле. Иначе можно толкнуть Францию в объятия противника, и она может не сохранить предложений в тайне. Поэтому я полагаю, что Бьёркский договор не должен быть проводим в жизнь (входить в силу [1]) до тех пор, пока мы не узнаем, как к нему отнесется Франция.

В случае, если она абсолютно откажется присоединиться к нашим государствам, необходимо будет изменить редакцию ст. I и IV так, чтобы они вполне соответствовали обязательствам России по отношению к Франции с момента возникновения Тройственного Союза в 1890 году.

Письмо Ламздорфа Нелидову [2]).

Строго личное.

Понедельник, 26 сентября (9 октября) 1905 г.

Дорогой и многоуважаемый Александр Иванович.

Официальное мое письмо, прилагаемое к этим строкам, было уже написано по высочайшему повелению, когда я получил вчера столь важный пакет, доверенный вами нашему очередному курьеру.

Я счастлив убедиться, что мы сходимся во взглядах, и прошу вас верить, что мои мысли о возможности русско-французско-германского союза ничуть не изменились; но чтобы вы могли вполне дать себе отчет в том, что здесь происходит, я вынужден сделать вам л и ч н о сообщение, которое прошу оставить т о л ь к о д л я с е б я и не упоминать о нем в ваших письмах. Оно должно храниться в с о в е р ш е н н о й т а й н е. Я должен вам сообщить, что вот уже почти год, как император Вильгельм твердит нашему бедному дорогому августейшему монарху о необходимости подписать им вдвоем договор об оборонительном союзе и о б я з а т ь Францию, как нашу союзницу, примкнуть к нему. Мне удалось воспрепятствовать этой грубой попытке, дав понять императору, что главная, если не единственная цель Вильгельма заключается в том, чтобы поссорить нас с Францией и за наш счет выйти с а м о м у из положения изолированности. Из долголетнего опыта я вынес убеждение, что для того, чтобы быть действительно в хороших отношениях с Германией, нужен союз с Ф р а н ц и е й. Иначе мы утратим независимость; «а тяжелее немецкого ига я ничего не знаю». Не переставая поддерживать самые сердечные отношения с Берлином, мы до сих пор весьма тактично сопротивлялись всем усилиям скомпрометировать нас. Но вот, во время злополучного свидания в Бьёрке, императору Вильгельму удалось, при помощи коварной лести, уверить нашего дорогого императора в том, что он один—ему верный друг и опора и что единственным спасением для России и Европы был бы новый

[1]) В подлиннике сохранены оба выражения.

[2]) Перевод с французского.

тройственный союз, к которому, по его мнению, Франция примкнет весьма охотно; после чего он заставил подписать императора нечто вроде договора об оборонительном союзе с Германией против всякой европейской державы, которая напала бы на одну из двух империй. Тут же Вильгельм сумел взять с императора слово скрывать от всех (от них же первый есмь аз) то, что было подписано и должно было вступить в силу лишь после заключения нами мира с Японией.

Наш августейший монарх признался мне во всем этом 30 августа (12 сентября) при отъезде в Финляндию. Я не скрыл от его императорского величества, что его вынудили сделать нечто невероятное, и что обязательства, которые он на себя принял, находятся «в неблаговидном противоречии» с обязательствами, принятыми на себя по отношению к Франции его августейшим отцом в 1891—1893 годах. Итак, нужно, чтобы до обмена ратификаций Портсмутского договора, император Вильгельм согласился переработать свой договор таким образом, чтобы последний не мог иметь никакого отношения к Франции, или же добиться от французского правительства пересмотра нашего союзного договора, в смысле более или менее полного ее присоединения к оборонительному тройственному союзу, направленному, очевидно, против Англии.

Я не скрыл от императора, что я сомневаюсь в возможности успеха подобной попытки, на что его величество, под впечатлением всех прекрасных уверений Вильгельма, мне возразил: «Я все-таки думаю, что если ловко за дело взяться, то можно бы этого достигнуть».

Вот что заставило меня обратиться к вам с прилагаемым официальным письмом. А пока, по моей просьбе, император написал императору германскому, предупреждая его, что подписанный в Бьёрке документ не может войти в силу ранее, чем предпринятые во Франции попытки не выяснят нам взглядов французского правительства, или не будут переработаны условия, установленные двумя императорами в июле 1905 г., согласно с нашими обязательствами по отношению к Франции, существующими со времени основания Тройственного Союза—Лиги мира.

Вот, милейший Александр Иванович, та новая передряга, в которую мы ни за что, ни про что ввязались после стольких странных авантюр последних двух лет. Можете себе представить, насколько все это утешительно!

Но надо постараться выпутаться с наименьшим ущербом. Несомненно, что императора Вильгельма взбесит это отступление, и не постарается ли он, с отличающей его неразборчивостью в средствах, наделать в Париже и Лондоне разоблачений, вредных для России? Главное—важно сделать все, чтобы поддержать и сохранить наши дружественные отношения с Францией. Я уверен, что вы сумеете предотвратить всякое недовольство на нас в Париже. Разрыв союза России с Францией был бы истинным бедствием, от которого вы избавите

нашего возлюбленного государя и нашу родину, уже перенесшую столь тяжелые испытания.

Простите за эту ужасную мазню, которую прошу вас уничтожить по прочтении. Я очень спешу воспользоваться оказией, какую представляет мне отъезд в Париж г. Горяинова.

Горячий привет от искренно и верно-преданного

Ламздорфа.

Из письма Ламздорфа Нелидову [1].

Четверг 29 сентября (12 октября) 1905 г.

Мне почти нечего прибавить к письму, которое два дня тому назад доставил вам г. Горяинов. Император написал Вильгельму II все, что нужно, дабы предупредить его, что его величество не может считать подписанный в Бьёрке документ вступившим в силу, прежде чем не будут выяснены осторожно, но отчетливо намерения союзной Франции или переработан текст вышеупомянутого документа в таком смысле, чтобы он не шел вразрез с нашими обязательствами по отношению к дружественной и союзной нам державе.

Наш августейший монарх не сомневается в том, что император германский вполне согласится с его взглядами; я, со своей стороны, не столь в этом уверен. В результате неизбежно получится более или менее чувствительное охлаждение. Главное—чтобы вся эта досадная путаница не произвела никакого впечатления в Париже и осталась там совершенно неизвестной.

Телеграмма Вильгельма Николаю [2].

(От 29/IX 1905 г. из Глюксбургостзее.)

Исполнение договора не противоречит,—как мы согласились в Бьёрке,—франко-русскому союзу, конечно, при условии, что последний не направлен прямо против моего государства.

С другой стороны обязательства России по отношению к Франции могут иметь значение лишь постольку, поскольку она своим поведением заслуживает их выполнения. Твоя союзница явно оставляла тебя без поддержки в продолжение всей войны, тогда как Германия помогала тебе всячески, насколько это было возможно без нарушения законов о нейтралитете. Это налагает на Россию нравственные обязательства также и по отношению к нам: do, ut des (даю, чтобы ты дал). Между тем нескромность Делькассе обнаружила перед всем миром, что Франция, хотя и состоит с тобою в союзе, вошла, однако, в соглашение с Англией и была готова напасть с по-

---

[1]) Перевод с французского.

[2]) Перевод с английского.

мощью Англии на Германию в мирное время, пока я делал все, что мог, для тебя и твоей страны, ее союзницы! Это—эксперимент, которого она не должна повторять, и от повторения которого, смею надеяться, ты оградишь меня! Я вполне с тобой согласен, что потребуется время, усилия и терпение для того, чтобы заставить Францию присоединиться к нам, но в будущем разумные люди сумеют заставить себя слушать и окажут влияние! Разрешение Марокккского конфликта удовлетворило всех, так что атмосфера благоприятствует лучшему взаимному пониманию. Наш договор является очень хорошим фундаментом для дальнейшей постройки. Мы подали друг другу руку и дали свои подписи перед богом, который слышал наши обеты. Поэтому я думаю, что договор этот можно хорошо провести в жизнь. Но если ты желаешь каких-либо изменений отдельных статей, в указаниях на будущее, или в предвидении различных случайностей, как, например, безусловного отказа Франции,—что невероятно,—я с удовольствием пойду навстречу всем предположениям, какие ты сочтешь нужным сделать мне. Пока мы сговоримся насчет последних, договор должен исполняться нами, как есть. Вся ваша влиятельная печать: «Новости», «Новое Время», «Русь», за последние две недели стала резко германофобской и англофильской. Отчасти эти газеты, конечно, подкуплены большими суммами английских денег. Однако это заставляет мой народ быть настороже и сильно вредит возникающим между нашими государствами отношениям. Все эти обстоятельства показывают, что времена теперь смутные, и что мы должны держаться определенного пути; подписанный нами договор есть средство итти прямо, не касаясь вашего союза, как такового. Что подписано, то подписано! И бог был нам свидетелем! Буду ждать твоих предложений. Сердечный привет Алисе.

Вилли.

Письмо Нелидова Ламздорфу [1].

Личное.
Совершенно секретно.
№ 1. *Париж, 2/15 октября 1905.*

Господин министр.

Ваше личное и совершенно секретное письмо от 23 сентября, которое вашему сиятельству угодно было мне переслать через г-на Горяинова, разошлось с моими письмами, которые я имел честь вам отправить 22-го. Последние заключали в себе именно разъяснения по нескольким важным пунктам, касающимся отношений между Францией и Германией.

---

[1]) Перевод с французского. На подлиннике пометка Ламздорфа: «Получено 7 октября 1905 г.» и условный знак-пометка Н. Романова синим карандашом.

С тех пор взаимные отношения обеих держав еще более обострились. Опубликованные газетой «Matin» разоблачения по поводу обстоятельств, приведших к отставке господина Делькассе, и следовавшие за этим переговоры о Марокко, а также слащавые разговоры князя Бюлова с одним из редакторов газеты «Temps»,—все это очень неприятно подействовало на общественное мнение Франции, уже достаточно возбужденное медленным и томительным ходом переговоров. Все ясно видели, что действия немцев имели в виду запугать и сбить с толку Францию, отдалить ее от Англии и, втянув ее в орбиту германской политики, удалить ее от России, союз с которой стал бы для нее после этого уже бесполезным. Ведь не следует забывать, что этот союз, явно направленный против Германии, был особенно важен для Франции, потому что гарантировал ее против нападения на нее с Востока. Исчезни эта опасность, союз потерял бы свое значение. Вследствие этого здесь, меньше чем когда-либо, помышляют о соглашении с Германией, и не может быть и речи о союзе: г. Делькассе, с которым я на-днях долго беседовал, совершенно убедил меня в этом мнении, прибавив, что ни один министр во Франции не посмел бы предложить какую-либо комбинацию, связывающую Францию с Германией. Он был бы немедленно низвергнут. Настолько велика стала, я не скажу, неприязненность, но недоверие к соседней империи и ее императору. С ним хотят жить в мире, избегать всякого повода к недоразумениям, покончить обоюдным соглашением с затруднениями по Марокканскому вопросу, по поводу которых было так трудно объясниться, но никто не мог бы итти дальше этого, и было бы неосторожно пытаться толкать на это Францию.

Имея в виду категорическое желание нашего августейшего монарха, сохранить прежде всего неприкосновенным наш союз с Францией, я полагал, господин министр, что при таких обстоятельствах мой долг верноподданного его императорского величества налагал на меня обязанность быть крайне осторожным и воздержаться от предложения господину Рувье пересмотра наших соглашений 1891 и 1893 годов, с целью привлечь к участию в этом и Германию. Подобное предложение было бы в глазах французов равносильно отказу от союза и могло бы только повлечь за собою для нас самые печальные последствия. Это предложение, правда, было бы и излишним после того, как я узнал мнение г-на Рувье относительно континентального союза и получил отрицательный ответ, о котором я вам уже докладывал в моем весьма секретном письме от 22 сентября. Считаю необходимым присовокупить, что, отвергая возможность подобной комбинации, министр иностранных дел мне сказал, что граф Витте уже касался в разговоре с ним этого вопроса. После этого я узнал, что у председателя совета министров создалось об этом очень неблагоприятное впечатление, и оно было усилено разговором г-на Витте с редактором газеты «Temps», которому Витте очень хвалил императора Вильгельма и жаловался на французскую прессу. Это здесь вообще всех взволновало.

Общественное мнение Франции, возбужденное более, чем когда-либо, находится настороже, и малейшее выступление с нашей стороны в пользу Германии, конечно бы, его встревожило и окончательно сбило с толку. И если бы подобное впечатление оказалось длительным и союз с Россией считался бы пошатнувшимся,— можно было бы ожидать еще более тесного сближения между Францией и Англией, а мы знаем, что союз этих двух держав оказался для нас роковым в половине прошлого столетия в вопросах, непосредственно затрагивающих наши интересы, и особенно — в восточном.

Во всяком случае, все новые комбинации, которые могли бы явиться на смену той, которая в настоящее время создает нам столь спокойное положение в Европе, могли бы оказаться для нас опасными, между тем, окончив только что столь несчастную войну и переживая чрезвычайно серьезный внутренний кризис, нашей главной заботой должно быть стремление, во что бы то ни стало, избегать новых осложнений.

Позволяю себе привести вашему сиятельству еще одно соображение по этому поводу. Мы в настоящее время подготовляем во Франции колоссальную финансовую операцию. Конечно, не одна симпатия заставляет французов доверить нам их сбережения. Они выгодно и верно помещают капитал. Но политическая дружба в данном случае играет большую роль. Если бы мы слегка только затронули основы нашего союза, который, конечно, был направлен против Германии, немедленным последствием было бы изменение общественного настроения. Наши враги торжествовали бы и не упустили бы случая раздуть искру недоверия, которая вспыхнула бы, и нашему займу не только угрожала бы неудача, но он мог бы совсем не состояться.

Неужели для того, чтобы обеспечить германскую империю от вражды англичан, было бы разумно повредить нашей собственной безопасности; ведь союз с Германией, даже оборонительный, повредил бы нашей безопасности точно так же и в Азии, где Германия нам ничем помочь не может, а в Европе Англия нам нисколько не угрожает.

Прошу вас, господин министр, извинить меня за то, что я привожу все эти соображения с откровенностью, для меня обязательной по отношению к моему государю и к тому, кто под его руководством направляет внешнюю политику нашей родины.

Все, что здесь изложено, есть результат глубокого убеждения, основанного на самом добросовестном изучении вопроса.

Представляя с полным доверием на благосклонное и просвещенное усмотрение вашего сиятельства, прошу и т. д.

Нелидов.

Письмо Нелидова Ламздорфу [1]).

Личное.

Весьма секретно.

№ 2.

Париж, 5/18 октября 1905 г.

Господин министр.

Мое письмо за № 1 было уже переписано, и я ожидал только случая его отправить, но в это самое время мне представилась возможность иметь разговор с г-ном Рувье, видеть которого мне помешали его отсутствие в течение нескольких дней и мое нездоровье. Наш разговор принял вполне интимный характер, и я нашел этот случай особенно благоприятным для того, чтоб еще раз, конечно, с большой осторожностью, выяснить его взгляд на возможность включения Германии в наш союз с Францией.

Мы беседовали о Марокккском деле, об отношениях между Францией и Германией, об Англо-японском трактате и о проявляемом в Лондоне желании войти по этому поводу в переговоры с нами. Министр обещал свое полное содействие на случай, если помощь французской дипломатии могла бы быть для нас хоть несколько полезна.

Я нисколько не скрывал от него, что у нас существует большое недоверие по отношению к Англии и к прочности тех соглашений, которые могли бы быть с ней заключены. Я не мог воздержаться, чтобы при этом случае не передать, не называя, конечно, имени автора, меткого и поэтичного выражения вашего сиятельства о розах и шипах, которое ему очень понравилось. «А вы сами,—сказал я ему,—вполне ли уверены, что, несмотря на связывающее вас соглашение, Англия в один прекрасный день не причинит вам больших неприятностей? Не находите ли вы, что было бы хорошо принять меры предосторожности в целях обезвреживания англо-японского соглашения, противопоставив ему лигу континентальных держав?»

«Нам нечего ждать от англичан,—ответил мне г-н Рувье.—Мы им уступили то, что они уже фактически имели, и нам очень трудно войти во владение тем, на что было дано согласие. Соглашение континентальных государств, очень сильное на суше, будет бессильно противостоять агрессивным планам, которые англо-японцы могут иметь относительно своих морских владений. Мы, впрочем, ни в каком случае, не расположены изменять наши отношения к великим державам. Мы друзья с Англией и Италией; мы делаем все, чтоб сохранить хорошие отношения с Германией, но наш единственный союз остается только с Россией, и мы им дорожим».

---

[1]) Перевод с французского. На подлиннике пометка Ламздорфа: «Получено 7 октября 1905 г.», и условная пометка Николая Романова синим карандашом.

«Мы тоже,—возразил я,—но не думаете ли вы, что он еще более выиграл бы, если бы был усилен принятием Германии, в целях исключительно оборонительных конечно. Не лучше ли обеспечен был бы мир, если бы вам вовсе не пришлось изменять своего отношения к Англии?».

На это господин Рувье с большим чувством дал мне следующий ответ, после которого, мне казалось бы, совершенно невозможно делать новые попытки с целью сближения Франции с Германией. «У нас нет никаких воинственных стремлений по отношению к кому бы то ни было,—сказал он,—мы дали явные доказательства нашего миролюбия. Вот уже 35 лет, как после несчастной для нас войны, у нас взяли две провинции и заставили уплатить за мир несколько миллиардов. Нация покорилась, и с тех пор мы старались избегать всяких поводов к недоразумениям и ссорам. Я сам недавно имел смелость заставить несколько страдать самолюбие моей родины, чтоб избежать осложнений, которые грозили обостриться. Но с нас требовать больше ничего нельзя. Нация не потерпела бы бóльшей близости с Германией. Она не может забыть, что она от нее перестрадала, о чем еще недавно так неосторожно и бесполезно нас заставили вспомнить. Союз с Германией невозможен. Правительство обязано считаться с чувствами страны...».

Г-н Рувье просил меня никому не говорить о том, что он только что сказал о Германии. «Я не желал бы,—добавил он,—чтоб мои слова стали известны и увеличили бы еще больше сильное раздражение, которое существует между двумя странами, несмотря на состоявшееся соглашение по вопросу о Марокко».

Я в свою очередь просил его смотреть на наш разговор, как на совершенно интимный, и о нем тоже не говорить. «Это идея г-на Витте»,—сказал он мне во время разговора. «Это—идея, очень распространенная у нас,—добавил я,—и потому вполне естественно, что я хотел себе дать ясный отчет в том, как вы смотрите на этот вопрос».

Мы расстались самым дружеским образом,—и я имею основание думать, что благодаря принятым предосторожностям наш разговор не будет оглашен и во всяком случае не будет истолкован, чего я больше всего опасался, во вред нашему союзу.

Примите и т. д. *Нелидов.*

Из письма Нелидова Ламздорфу [1]).

Совершенно
лично и секретно.

От 5/18 октября 1905 г.

Ваше совершенно доверительное письмо от 26-го, сопровождавшее полу-оффициальное и секретное, хотя и личное, письмо от 23, произвело на меня, как вы себе это, конечно, и представляете, очень тягостное

[1]) Перевод с французского. На подлиннике пометка Ламздорфа: «Получено 7 октября 1905».

впечатление. Я был ошеломлен тем, что вы мне в нем сообщаете о Бьёрке, и я искренно сожалел вас, которому пришлось исправлять, или по крайней мере заглаживать столь серьезную ошибку. К счастью, вы нашли путь, чтоб избежать беды, хотя и не без урона для того, кто в нее попал бессознательно,—когда прикасаешься к саже, нечего удивляться, что измажешься.

Когда я получил ваши два письма, моей первой мыслью было объяснить вам (в моем письме за № 1), почему мне казалось бесполезным и даже опасным затрагивать в настоящий момент вопрос о пересмотре наших соглашений с Францией. Общественное мнение более чем когда-либо возбуждено. Недавние разоблачения заставили французов понять, что император Вильгельм старался их одурачить, и ни за что на свете они не пожелают попасться в ловушку дружбы и союза, которую им расставляют из Берлина, хотя, надо сознаться, довольно неловко.

Впрочем, господин Рувье отсутствовал на прошлой неделе, а я тоже не выходил из дома вследствие простуды. Но, к счастью, третьего дня мне представился удобный случай побеседовать чистосердечно с министром. Я вам дал об этом отчет в моем втором письме, так как мое первое, хотя переписанное и подписанное, не могло быть отправлено, как я рассчитывал, в субботу.

Письмо Ламздорфа Нелидову [1]).

Пятница 14/27 октября 1905 г.

Дорогой и многоуважаемый Александр Иванович.

Мы переживаем все ужасы всеобщей забастовки или, чтобы выразиться точнее,—разгара революции. Бог знает, когда и как все это кончится? Император продолжает оставаться в Петергофе, что не облегчает хода дел ввиду затруднительности сношений с его величеством. От всей души благодарю вас за ваши столь добрые, ободряющие и любезные письма, которые очень меня тронули и доставили мне истинное облегчение.

Ваши весьма секретные письма за №№ 1 и 2 были представлены на усмотрение нашего бедного, дорогого государя, который высоко оценил их.

Я никогда не сомневался в том, что Франция откажется, особенно при современных условиях, пускаться в авантюру втроем с Россией и Германией. К счастью, император дал, наконец, себе отчет, и я умолил его величество определенно заявить императору Вильгельму в письме, впрочем, весьма дружественном, что Россия сохранит нерушимыми взаимные обязательства, связывающие ее с Францией, ей

[1]) Перевод с французского.

дружественной и с о ю з н о й, пока последняя не пожелает добровольно примкнуть к двум империям как третий член их соглашения.

Простите за отрывочность и небрежность этих строк. Я очень спешу отправить курьера, так как можно опасаться, что с завтрашнего дня остановится и Финляндская железная дорога. Говорят, что исступленные руководители современного движения рассчитывают на недостаток войск. Наша армия находится в Манчжурии, а для подавления беспорядков в о в с е й Р о с с и и потребовалось бы более 100.000 благомыслящих людей. В больших городах имеется лишь необходимый комплект вооруженных сил, а в Петербурге—всего около 20.000 человек!

Молитесь за нашу бедную дорогую родину и за нашего несчастного императора.

Горячий привет от любящего и совершенно преданного

Ламздорфа.

Письмо Ламздорфа Остен-Сакену [1]).

В е с ь м а с е к р е т н о е и с т р о г о л и ч н о е.

Его величество император изволил уполномочить меня осведомить ваше сиятельство с о в е р ш е н н о д о в е р и т е л ь н о и исключительно для в а ш е г о личного сведения о некоторых событиях, которые произошли в то время, когда вас не было в Берлине.

Когда император Вильгельм прибыл в Бьёрке, он неожиданно предложил нашему августейшему монарху заключить следующий оборонительный, союз оформив его договором:

I. В случае если, одна из двух империй, Россия или Германия, подверглась бы нападению со стороны е в р о п е й с к о й д е р ж а в ы, то ее союзница окажет ей помощь в Европе всеми своими сухопутными и морскими силами.

II. Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать сепаратного мира ни с одним общим противником.

III. Настоящий договор войдет в силу, как только будет заключен мир между Россией и Японией, и останется действительным до тех пор, пока не будет заявлено об его расторжении за год вперед.

IV. Его величество император всероссийский после того, как этот договор войдет в силу, предпримет необходимые шаги, чтобы ознакомить Францию с этим соглашением и побудить ее присоединиться к нему в качестве союзницы.

Текст этого договора, з а р а н е е з а г о т о в л е н н ы й, был в вполне законченном виде предложен нашему августейшему монарху

---

[1]) Перевод с французского. Печатается с проекта письма, бывшего на докладе у Николая. На письме имеется пометка Николая синим карандашом «с» и Ламздорфа «Царское село. 10 ноября 1905».

императором Вильгельмом, и оба государя подписали его на «Полярной Звезде» в двух экземплярах вблизи Бьёрке 11/24 июля 1905 года.

Было решено держать это в полнейшей тайне.

В момент подписания указанного соглашения ничто не позволяло еще предвидеть скорого окончания русско-японской войны.

Наоборот, можно было рассчитывать, что будет достаточно времени, чтобы осторожно подготовить присоединение французского правительства к этой политической комбинации.

Происшедшие с тех пор события, к сожалению, не могли способствовать сближению между Германией и Францией; все заставляет, наоборот, думать, что Франция в настоящее время гораздо менее будет склонна присоединиться к предполагающемуся тройственному согласию.

С другой стороны, Россия не имеет причин покинуть так внезапно свою союзницу и не может также ее к чему-либо принудить. Для того, чтобы влияние России в этом, требующем осмотрительности, вопросе оказалось действительным, потребуется много времени, настойчивости и осторожности.

Таким образом осуществление цели, указанной в ст. IV соглашения в Бьёрке, трудно достижимо и не может быть осуществлено в ближайшем будущем. Но не следует обманывать себя в том, что самый смысл и содержание этого соглашения с этой целью именно и связаны.

Соглашение трех континентальных держав явилось бы гораздо более могущественным, чем соглашение двух держав, которые, в случае, если бы договор не был сохранен в полной тайне, оказались бы, по всей вероятности, изолированными от всех других и невольно способствовали бы образованию враждебной им коалиции.

И император Вильгельм, и наш августейший монарх признают, что раз что подписано — то подписано, но его величество считает, что простая лойяльность обязывает Россию равным образом соблюдать то, что было подписано в царствование в бозе почившего императора Александра III и что в настоящее время не может быть уничтожено одним росчерком пера.

После подписания Портсмутского мирного договора, в то время, когда еще этот акт не был ратифицирован и не вошел еще в силу, наш августейший монарх написал императору Вильгельму и предупредил его, что невозможно получить от французского правительства согласие на немедленное присоединение к договору оборонительного союза, подписанного в Бьёрке; а потому необходимо отсрочить вступление этого договора в силу до того момента, когда Франция согласится к нему примкнуть, или же должны быть изменены статьи I и IV его текста.

В настоящее время наш августейший монарх обращается к императору германскому с письмом [1]), которое при сем прилагается и кото-

---

[1]) Копии письма ни в Романовском архиве, ни в секретном архиве м-ра ин. дел не сохранилось.

рое вы, ваше сиятельство, озаботитесь доставить возможно скорее и возможно более надежным путем.

В этом письме наш августейший монарх пишет императору Вильгельму, что, принимая во внимание все предшествовавшее, и чтобы быть в состоянии выполнить с безукоризненной верностью обязательства, взятые на себя по отношению к Германии, Россия вынуждена в настоящих условиях, не изменяя ничего в тексте договора оборонительного союза, подписанного в Бьёрке 11/24 июля 1905 года, дополнить его следующей

декларацией:

«Ввиду затруднений, препятствующих немедленному присоединению французского правительства к договору оборонительного союза, подписанного в Бьёрке 11/24 июля 1905 года,—присоединению, предусмотренному статьей IV вышеупомянутого договора, само собой разумеется, что статья 1 этого акта не может иметь никакого применения в случае войны с Францией, и что взаимные обязательства, связывающие эту последнюю с Россией, сохранят свою силу вплоть до установления тройственного согласия.»

Все это сообщается вашему сиятельству по высочайшему повелению, исключительно для вашего личного сведения, и подлежит полнейшей тайне.

Примите и проч.

Из письма Вильгельма Николаю [1]).

(от 28/XI [2]) 1905 г.)

Канцлер, которому я читал выдержки из твоего письма, сказал мне, что наше чисто оборонительное соглашение ни в каком случае не может быть в противоречии с французским договором, заключенным твоим отцом. Если бы это было так, то это значило бы, что, согласно французскому договору, Россия обязана поддержать Францию даже и в случае наступательной с ее стороны войны против Германии! Но подобный случай—Россия, поддерживающая Францию в ее наступательной политике против нас,—казался нам до сих пор не стоящим даже и минутного обсуждения; ведь твой дорогой отец часто говорил мне, что он всегда будет открыто противиться какой бы то ни было наступательной войне; притом он находился со мной в очень дружеских и близких отношениях. Например, в 1891 году, во время маневров около Нарвы, он откровенно высказал мне свое отвращение к французскому республиканскому строю, высказывался в пользу восстановления монархии в Париже и просил меня помочь ему в этом. Если твое французское соглашение, как и

[1]) Перевод с английского.
[2]) Нового стиля.

наше, чисто оборонительное, тогда нет никакого несоответствия между ними, одно другого не исключает, и никаких дальнейших заявлений не требуется.

С другой стороны, я понимаю, что для тебя было бы удобнее не заявлять публично о союзе со мной, в тот момент, когда международные революционеры широко распространяют по всему миру гнусную ложь, будто я стараюсь оказать на тебя влияние в пользу реакции.

Письмо Остен-Сакена Ламздофру [1]).

Строго личное.

Берлин, 16/29 ноября 1905 г.

Господин министр.

С последним очередным курьером я имел честь получить написанное по высочайшему повелению строго личное и конфиденциальное письмо вашего сиятельства из Царского Села от 10 ноября сего года.

Да будет мне позволено при вашем любезном посредстве повергнуть к стопам нашего августейшего монарха чувства моей верноподданнической признательности за это драгоценное свидетельство высочайшего доверия и принести одновременно самые торжественные уверения в том, что содержание этого письма будет сохранено мною в абсолютной тайне.

Мне кажется, что дополнительной декларации — в случае ее принятия — будет достаточно для того, чтобы гарантировать нас от всяких неожиданностей и послужить сдерживающим началом против всяких увлечений в политике берлинского кабинета. Я считаю, впрочем, что берлинский кабинет сознает неравенство шансов в борьбе с Англией, — особенно без помощи французского флота, — и это до некоторой степени затрудняет возможность наступления такого положения, при котором мы должны были бы выполнить наши обязательства.

Потребовался бы слишком явный вызов со стороны Англии для того, чтобы вынудить императора Вильгельма поднять перчатку. Я не думаю, что лондонский кабинет склонен проводить политику вызова.

Зато мы впредь совершенно избавлены от возможности соглашения между Германией и Англией в ущерб нашим интересам,—возможности страшной, которой нам теперь нечего бояться.

Таковы размышления, на которые навело меня изучение положения, созданного свиданием в Бьёрке, и которые я позволяю себе представить на усмотрение вашего сиятельства.

Примите и т. д. *Остен-Сакен.*

---

[1]) Перевод с французского.

Телеграмма Николая Вильгельму [1].

(без даты)

Очень благодарен за твое милое письмо, которое доставило мне большое удовольствие. Наш союз с Францией—оборонительный. Полагаю, что посланная мною тебе декларация могла бы оставаться в силе до тех пор, пока Франция не присоединится к нашему новому соглашению. Я, конечно, сделаю все, от меня зависящее, чтобы на Марокканской конференции было достигнуто всеобщее соглашение. Сердечный привет от нас обоих.

Ники.

Письмо Остен-Сакена Ламздорфу [2].

Частное.

Берлин, 17/30 ноября 1905 г.

Дорогой граф.

Пользуюсь очередным курьером для того, чтобы ответить на ваши последние письма.

Свидание в Бьёрке, несомненно, создало очень серьезное положение, требующее, ввиду привычки императора Вильгельма закусывать удила, с нашей стороны крайней осмотрительности, чтобы не быть втянутыми в чуждые нашим интересам столкновения. Нам следует с удвоенным вниманием следить за возрастающим антагонизмом между Германией и Англией,—единственной причиной конфликта, который может в настоящее время нарушить мир в Европе. Последняя речь Лансдоуна, в которой он, говоря о коварном монархе, имел в виду германского императора, и переданная прессой сплетня о приписываемой королю Эдуарду шутке, который якобы назвал германский флот «Spielzeug» (игрушкой) монарха, глубоко обидели его величество. Отражение этого вы найдете в тронной речи, произнесенной в воскресенье, при открытии рейхстага.

Сама эта речь даст пищу уже и без того столь острой полемике между прессой обоих государств и будет держать общественное мнение в атмосфере нервной напряженности.

Все это, бесспорно, тревожные симптомы. Я не могу, однако, думать, чтобы они могли повести к вооруженному столкновению, как это предсказывают уже многие робкие умы. Здравый смысл нации и особенно благоразумие правительств государств, входящих в состав германской империи, окажутся, я полагаю, довольно сильными для того, чтобы обуздать пыл императора Вильгельма и воспрепятствовать воинственным попыткам.

---

[1] Перевод с английского.

[2] Перевод с французского.

Повторяю: единственным темным пятном на европейском горизонте является соперничество между Германией и Англией. Что касается Франции, то она перестала быть объектом раздора, и если нам трудно будет приблизить ее к тому, чтобы смогли осуществиться надежды, питаемые германским императором, мы сможем, я надеюсь, поддержать мирные отношения между нею и ее восточным соседом. Это главное! Остальное в руках божьих!

Примите и т. д. *Остен-Сакен.*

Записка Остен-Сакена Ламздорфу.

Возвращаю при сем подлинник доклада [1]), который вы, дорогой и многоуважаемый граф, мне присылали, и прошу вас быть вполне уверенным в моем по этому поводу молчании.

Ваше письмо, так же как и черновики моих писем, при сем прилагаемых, преданы сожжению.

18 ноября (1 декабря) 1905 г. *Остен-Сакен.*

«Именной указатель».

Александр III, русский император с 1881 по 1894 г.

Бенкендорф, Александр Константинович, граф, русский посол в Англии с 1902 по 1917 г.

Бирилев, Алексей Алексеевич, морской министр с 1905 по 1907 г.

Бюлов, граф, германский имперский канцлер с 1900 по 1909 г.

Витте, Сергей Юльевич, граф, с 1904 по 1905 г. — председатель комитета министров. С октября 1905 г. по апрель 1906 г.—председатель совета министров.

Гольштейн, первый советник министерства иностранных дел Германии в 1904 г.

Делькассе, Теофил, французский министр иностранных дел с 1898 по 1905 г.

Камбон, Поль, французский посол в Англии с 1898 г.

Комб, Жюстин-Луи-Эмиль, французский председатель совета министров с 1902 по 1905 г.

Ламздорф, Владимир Николаевич, граф, русский министр иностранных дел с декабря 1900 по 1906 г.

Лансдоун, Генри Чарльз, английский министр иностранных дел с 1900 по 1905 г.

Лассель, Франк, английский посол в Германии с 1895 по 1908 г.

Лубэ, Эмиль, президент Французской республики с 1899 по 1906 г.

Нелидов, Александр Иванович, русский посол во Франции с 1903 по 1910 г.

Остен-Сакен, Николай Дмитриевич, граф, русский посол в Берлине с марта 1895 по 1912 г.

Рожественский, Зиновий Петрович, свиты е. в. контр-адмирал. В 1904 г. командир 2-ой эскадры флота Тихого океана.

Рувье, Морис, французский министр финансов с 1902 по 1905 г. С 1905 по 1906 г. председатель совета министров и министр иностранных дел.

Рузвельт, президент Соединенных Штатов Америки с 1901 по 1905 г.

Чиршский и Бёгендорф, прусский посланник в Мекленбурге с 1902 по 1906 г. Сопровождал Вильгельма II во всех его поездках. В 1906 г. назначен статс-секретарем по иностр. делам Германии.

Эдуард VII, английский король с 1901 по 1910 г.

---

[1]) Перевод с французского. Доклада при записке в деле Секретного Архива никакого не сохранилось.

Финансовые совещания союзников во время войны [1]).

(Доклады министра финансов П. Л. Барка.)

1.

Совещание трех министров в Париже 20—23 января 1915 года.

В программе, сообщенной канцлером английского казначейства Ллойд-Джорджем через великобританского посла в Петрограде, были указаны нижеследующие вопросы, подлежавшие обсуждению в совещании трех министров союзных держав, которое должно было состояться в Париже по почину великобританского правительства: 1) о порядке изыскания средств, необходимых для покрытия военных расходов союзных государств, 2) об оказании финансовой помощи дружественным, но до сих пор остающимся нейтральными правительствам, 3) о способах производства расчетов по заказам военного снаряжения как в нейтральных странах, и в частности в Соединенных Штатах Америки, так и в Англии и 4) об охранении золотых запасов России, Франции и Великобритании.

---

[1]) Печатаемые здесь документы хранятся во II отделении Экономической секции Госуд. Архивного фонда в Ленинграде, в делах архива общей канцелярии министра финансов. Они дают отчет о трех поездках в Париж и Лондон русского министра финансов П. Л. Барка, предпринятых в январе и сентябре 1915 г. и в июне 1916 г. для принятия участия в совещаниях министров финансов союзных стран. О сентябрьской поездке 1915 г. и июньской 1916 г. сохранились подлинные всеподданнейшие доклады министра с собственноручными резолюциями на них Николая II. О январской поездке 1915 года доклада в делах архива не имеется; сохранились лишь текст отчета, представленного министром комитету финансов, и черновой экземпляр (с поправками), по всей вероятности, приготовлявшегося всеподданейшего доклада, текст которого в значительной своей части совпадает с текстом отчета комитету финансов, но заключает в себе некоторые любопытные подробности, опущенные в отчете. Здесь печатается пространная редакция.

В дальнейшем предполагается опубликовать полные протоколы состоявшихся в названные три срока совещаний и переписку, происходившую в связи с этими совещаниями.

Текст документов подготовлен к печати Б. А. Романовым.

Редакция.

Для императорского правительства, однако, помимо перечисленных вопросов, представлявших, конечно, общий интерес, наиболее существенным являлось: а) обеспечение в течение ближайших месяцев, а если возможно, в течение всего 1915 года заграничных платежей, б) изменение условий кредитования в Англии, в основу коего была положена высылка из России в Англию золота, в известном соответствии с размерами кредитов, открываемых императорскому правительству великобританским казначейством и в) заключение контрактов с союзными правительствами на поставку им из России хлеба, в видах восстановления нашего экспорта, прерванного войною, и улучшения курса нашего рубля за границею, сильно понизившегося за отсутствием вывоза товаров из России. Вследствие сего после общего обмена мнений, из коего выяснилось, что военные расходы союзных держав составляют теперь около 15 миллионов рублей в день на каждого, при чем расходы Великобритании с увеличением контингента должны возрасти через несколько месяцев и превысят 20 миллионов рублей в день, мною было заявлено, что для заграничных платежей императорскому правительству потребуется в течение 1915 года около 100 миллионов фунтов стерлингов. Из этой суммы 70 миллионов фунтов предназначается на все платежи, связанные с военными заказами, и 30 миллионов на платежи по заграничным займам. Та и другая потребность была определена мною с некоторым запасом, так как военные заказы постоянно возрастают; с другой же стороны, ввиду большей выгоды получения платежей по нашим купонам за границею, надлежит предвидеть, что заграничные платежи по займам в 1915 году превысят обычный размер. По данным, которые ко времени совещания имелись в распоряжении министерства финансов, для военных заказов требовалось до 589 миллионов рублей и для оплаты наших займов—до 272 миллионов рублей, а всего до 861 миллиона рублей в заграничной валюте.

Императорское правительство должно быть вполне обеспечено надлежащим количеством заграничной валюты в соответственные сроки, а так как реализация крупных займов на открытом рынке как во Франции, так и в Англии представляется ныне невозможною, то императорское правительство рассчитывает, что союзные державы откроют ему надлежащие кредиты, с тем, чтобы позаимствования в счет этих кредитов покрывались из выручки займов, которые имеют быть реализованы в удобное для сего время.

На-ряду с этим мною было категорически заявлено, что при открытии нам кредитов не может быть и речи об одновременной высылке нами за границу золота, при чем приведены были веские мотивы, не позволяющие нам такую высылку. Это заявление вызвало возражения как по отношению к размерам заграничных кредитов, так и по отношению к отказу высылки золота. Ллойд-Джордж указал, что Англия уже открыла императорскому правительству два кредита: первый—в 12 миллионов фунтов стерлингов и второй—в 20 миллионов фунтов стерлингов, и посему эти кредиты должны войти в общий итог в 100

миллионов фунтов стерлингов, вследствие чего дальнейшая потребность императорского правительства должна быть исчислена не более 68 милл. фунт. стерлингов. Кроме того, он говорил о полной невозможности для его правительства оказывать денежную поддержку в крупных размерах, если английский рынок не будет подкрепляться соответственной доставкой золота. Рибо, с своей стороны, приводил данные о крупных расходах французского государственного казначейства и указывал на полную невозможность для него принимать на французское министерство финансов обязательство открывать на-ряду с этим крупные кредиты союзникам, тем более, что вся бельгийская армия содержится ныне на счет французского правительства.

Из дальнейших прений стало ясно, что англичане очень обеспокоены положением своего центрального эмиссионного банка, Bank of England, которое является чрезвычайно напряженным. С самого начала войны великобританским правительством были приняты очень широкие и вместе с тем смелые меры в области кредита. Эти меры достигли вполне своей цели и поддержали нормальное течение хозяйственной жизни страны, но некоторые из них тяжело легли на английский банк, и пока доверие существует в стране, положение этого банка может считаться обеспеченным, в случае же наступления каких-либо чрезвычайных обстоятельств, мощный, но вместе с тем хрупкий механизм кредита может подвергнуться полному разрушению, если не будет обеспечена надлежащая помощь извне. Между прочим, военный заем в 350 милл. фунт. ст. ($3^1/_2$ миллиарда рублей), об успешной реализации коего в публике оповестили все газеты, фактически в $^3/_7$, т.-е. в размере 150 милл. фунт. ст., остался неразмещенным в английском банке, который, кроме того, обязался в течение трех лет выдавать свободно ссуды под обеспечение облигаций сего займа в размере полной их стоимости по цене подписки.

Ввиду сего для достижения соглашения между тремя министрами, надлежало найти такую формулу, которая обеспечивала бы взаимную поддержку в моменты действительной нужды или опасности. В этих целях мною было вновь подтверждено Ллойд-Джорджу, что мы не можем допустить, чтобы открытие нам заграничных кредитов ставилось в причинную связь с высылкой золота и обусловливалось непременною доставкою звонкого металла: наша кредитоспособность вне всяких сомнений, и посему такая постановка дела представляется для меня совершенно неприемлемой. С другой стороны, однако, я понимаю, что и английский рынок может нуждаться в помощи, например, в случае отлива золота из Англии в Америку, и когда наступит такой момент реальной опасности, то, конечно, Англия, с своей стороны, в праве рассчитывать на помощь союзников, но в таком случае не только России, но также и Франции, которая особенно заинтересована в том, чтобы лондонский рынок не подвергался никаким потрясениям.

При такой постановке вопроса, вполне о моей точки зрения справедливой, помощь, в виде присылки на лондонский рынок звонкого

металла, ставится в связь не с открытием того или иного кредита императорскому правительству, а с реальной опасностью, которая может угрожать английскому банку и которая может быть учтена соответственным сокращением его золотых запасов. На-ряду с этим само собою разумеется, что солидарность интересов требует, чтобы такая помощь была оказана Англии не только со стороны России, а также и со стороны Франции.

Эта формула очень быстро была усвоена Ллойд-Джорджем, который на нее согласился, обещал к следующему заседанию приготовить расчет соотношения золотых запасов английского банка к запасам нашего государственного банка и французского банка на случай усиленного истребования золота и даже готов был не возражать против заявленного мною требования на заграничную валюту в размере 100 милл. фунт. ст., независимо от кредитов, уже открытых нам великобританским правительством.

Следующее заседание совещания, по счету второе, было самым тяжелым. Ллойд-Джордж принес проект составленного им соглашения, в коем он прежде всего попробовал уменьшить заявленную мною потребность в заграничной валюте в размере 100 мил. фунт. ст. до 80 милл. фунт. ст., ссылаясь на то, что за несколько дней перед тем в Лондоне был подписан контракт о предоставлении нам 20 милл. фунт. ст., и так как кредит еще не использован, то на эту сумму надлежит уменьшить заявленную мною цифру в 100 милл. фунт. ст. Я возражал, что мы собрались в Париже для достижения соглашения относительно будущего плана действий, а не относительно прошлого; то, что уже сделано, должно считаться законченным, и мы не можем возвращаться к нему в наших прениях. Ллойд-Джордж очень быстро согласился с моими доводами и не настаивал на предложенной им поправке. Когда же мы перешли к обсуждению вопросов о возможной помощи английскому банку со стороны Франции и России и остановились на проектированной Ллойд-Джорджем схеме доставки золота в Англию в том случае, если золотые запасы английского банка понизятся, выяснилось полное разномыслие во взглядах трех министров финансов. Схема Ллойд-Джорджа была очень проста и как бы подкупала своей простотой: по его мысли, надлежит считать золотые запасы трех эмиссионных банков как бы общим достоянием, и, в случае сокращения запаса в английском банке, убыль делится на три части, при чем другие два банка обязываются пополнить две части убыли в равных долях; с другой стороны, в случае увеличения запасов золота, английский банк обязывается по одной трети увеличения уступать двум другим банкам. Я возражал против такого автоматического передвижения металла, указывая, что помощь должна быть оказана, но только в случае реальной опасности и с соблюдением двух непременных условий: 1) чтобы теперь же был установлен предел этой помощи и 2) чтобы золото было передаваемо английскому банку в виде временной ссуды, с возвратом в определенный срок, а не в виде продажи золота. Рибо же стоял на

совершенно непримиримой позиции. По его мнению, французский банк не мог бы взять на себя при каких бы то ни было обстоятельствах выслать золото за пределы Франции; его золотой запас является обеспечением всего кредита страны, только благодаря золоту, банкноты банка, несмотря на их огромный выпуск, не обесцениваются, и Рибо не может допустить, чтобы основы государственного кредита подвергались потрясениям. Мнение Рибо получало особый вес ввиду поддержки председателя совета министров Вивиани, который, очевидно, для этой цели впервые присутствовал в совещании. Оживленные прения затягивались и не приводили ни к какому результату; было решено прервать заседание и продолжить его на следующий день, при чем, по взаимному соглашению Ллойд-Джорджа со мной, было постановлено собраться не ранее 5 часов дня, дабы использовать все утро на разные шаги дипломатического свойства в видах достижения какого-либо компромисса.

После заседания Рибо задержал меня у себя, и, когда мы остались втроем с Вивиани, оба министра чрезвычайно озабоченно указали мне на полную невозможность пойти в таком капитальном вопросе на уступки, на что я ответил, что я высказал свой принципиальный взгляд и нахожу, что Ллойд-Джордж прав. С своей стороны, я буду очень рад, если им удастся убедить англичан, и Ллойд-Джордж откажется от условия высылки золота в английский банк, когда этому банку будет угрожать опасность, но что я сильно сомневаюсь в возможности такого отказа. Рибо и Вивиани высказали свое большое огорчение по поводу того, что Ллойд-Джордж не сообщил им предварительно перечня своих предложений, которые он намеревался представить совещанию; что в таком случае они отказались бы от совещания, теперь же они не видят никакого выхода из создавшегося положения, если Ллойд-Джордж будет настаивать на своих условиях.

Вечером я виделся с Ллойд-Джорджем, который мне категорически заявил, что помощь золотом в минуту реальной опасности является для него краеугольным камнем соглашения, и что он готов уехать ни с чем, если французы на это не пойдут. Ввиду сего мною были предприняты различные шаги, отчасти самостоятельно, отчасти совместно с Ллойд-Джорджем, чтобы найти пружины для давления как на французский банк непосредственно, так и на правительственные круги для достижения компромисса. В этих целях на следующий день утром была выработана с Ллойд-Джорджем крайняя формула уступки с его стороны, заключавшаяся в том, что английский банк будет считать свое положение угрожающим только в том случае, если истребования от него золотом превысят 10 милл. ф. стерл. (100 мил. рублей); тогда он в праве рассчитывать на поддержку двух дружественных эмиссионных банков, которая гарантируется ему в пределах до 12 милл. фунт. ст., считая по 6 милл. фунт. ст. от каждого банка.

Первые мои попытки за завтраком у президента республики убедить его использовать свое влияние, чтобы найти компромисс в вопросе о золоте, встретили решительный отказ со стороны президента; тогда

я решил обратиться к Делькассе, моему соседу слева, а после завтрака пытался убедить Вивиани, который в конце концов склонился в пользу компромисса. Тем временем были приняты также меры воздействия на французский банк, и в этом деле огромную услугу оказал барон Эдуард Ротшильд, единственный член совета Banque de France, имеющий большое влияние на управляющего этим банком Pallain и на весь ход дел эмиссионного французского учреждения. Барон Эдуард Ротшильд был приглашен на частное совещание с Ллойд-Джорджем и со мною и был ознакомлен с последнею выработанною нами формулою, при чем обещал нам полное свое содействие.

В результате всех усилий третье заседание совещания после небольших сравнительно прений закончилось вполне мирно, и тогда же был одобрен нижеследующий текст официального оповещения, которое на следующий день появилось в газетах:

«Les ministres des finances de France, d'Angleterre et de Russie se sont réunis à Paris pour examiner les questions financières que fait naître la guerre.

Ils sont d'accord pour déclarer que les trois puissances sont résolues à unir leurs ressources financières aussi bien que leurs ressources militaires, afin de poursuivre la guerre jusqu'à la victoire finale.

Dans cette pensée, ils ont décidé de proposer aux gouvernements respectifs de prendre à leur charge par portions égales les avances faites ou à faire aux pays qui combattent actuellement avec eux ou qui seraient disposés à entrer prochainement en campagne pour la cause commune.

Le montant de ces avances sera couvert tant par les ressources propres des trois puissances que par l'émission d'un emprunt à faire en temps opportun au nom des trois puissances.

La question des rapports à établir entre les banques d'émission des trois pays a fait l'objet d'une entente particulière.

Les ministres ont décidé de procéder de concert à tous les achats que leur pays ont à faire chez les nations neutres.

Ils ont pris les mesures financières nécessaires pour faciliter à la Russie ses exportations et pour rétablir dans la mesure du possible la parité du change entre la Russie et les nations alliées.

Ils ont décidé de se réunir à nouveau suivant les circonstances. La prochaine conférence aura lieu à Londres» [1]).

---

[1]) Перевод:

Министры финансов Франции, Англии и России собрались в Париже для рассмотрения финансовых вопросов, выдвинутых войной. Они признали необходимым объявить, что три союзные державы решились объединить как финансовые, так и военные свои средства для продолжения войны до окончательной победы.

С этой целью они постановили предложить своим правительствам произвести между собой равномерное распределение всего отпущенного или имеющего быть выданным в виде аванса как тем странам, которые уже сражаются на их стороне, так и тем, которые в дальнейшем приняли бы участие в борьбе за общее дело.

Вечером Рибо прислал участникам совещания проект соглашения трех министров, редакция коего была, однако, так составлена, что не могла не вызвать самых решительных возражений с моей стороны. Относившаяся до императорского правительства часть соглашения заключала в себе заявление русского министра финансов о потребностях русской казны в заграничной валюте в размере 100 фунт. ст., в отношении же способов реализации этой валюты на рынках Парижа и Лондона было лишь указано, что означенный вопрос подлежит дальнейшему соглашению между отдельными правительствами. Такая редакция совершенно не соответствовала происходившим суждениям, и, во избежание нежелательных прений во время заседания совещания, которое было назначено в 9½ часов утра, я был в кабинете Рибо задолго до начала заседания. Здесь мне пришлось натолкнуться на совершенно непостижимое отношение Рибо, который мне объяснил, что все, что он может сделать,—это допустить в удобное время реализацию русского займа на парижском рынке, но что он не имеет никаких полномочий на то, чтобы французское правительство непосредственно открыло кредит императорскому правительству. На это я возразил, что такой ответ не имеет никакого реального значения для императорского правительства, так как на парижском рынке, как известно Рибо, никакого русского займа теперь реализовать нельзя. При этом я прибавил, что мною совершенно ясно с самого начала совещания была намечена схема удовлетворения потребности императорского правительства в заграничной валюте, которая не вызывала принципиальных возражений; если же этот, наиболее существенный для России, вопрос должен остаться открытым, то я предположенного проекта соглашения подписать не могу. Когда прибыл Ллойд-Джордж, я его предупредил, что, вероятно, все дело придется начинать с начала, так как капитальный для меня вопрос остается для Рибо неясным; вместе с тем, дабы воздействовать на самолюбие Рибо и одновременно побудить Ллойд-Джорджа выступить против него, я предожил, чтобы кредиты, необходимые императорскому правительству, были открыты не в равных долях Англией и Францией, а в большей части первою из союзниц, так как положение Франции крайне стесненное. Такая аргументация приобрела мне немедленно союзника в лице Ллойд-Джорджа, который повторил, что фактическое положение Англии далеко не так блестяще,

---

Покрытие всех расходов по авансированию должно быть произведено частью из собственного наличного запаса трех союзных держав, частью при помощи займа, имеющего быть своевременно выпущенным от имени трех держав.

Вопрос об установлении взаимоотношений между эмиссионными банками трех государств послужил предметом особого соглашения. Министры решили действовать согласованно при всех закупках, имеющих быть произведенными их государствами в нейтральных странах.

Они приняли необходимые финансовые меры для оказания помощи России в деле ее экспорта и для восстановления по мере возможности паритета вексельного курса России и союзных наций. Они решили собраться вновь в зависимости от обстоятельств. Следующее совещание состоится в Лондоне.

как могло бы казаться по фасаду, указав на приведенное уже им напряженное состояние счетов английского банка, и прибавил, что он не может допустить, чтобы в этом деле тягота обязательств, принимаемых на себя Англией, была более той, которая упадет на долю Франции. Это вопрос принципа, от коего он отступить не может. После долгих, упорных прений Рибо, видя что ни со стороны Ллойд-Джорджа, ни с моей на уступки рассчитывать нельзя, согласился на предложенный мною текст следующего содержания:

«Le ministre des finances de Russie a indiqué que les besoins du trésor impérial pour le service de la dette, les achats et les commandes à l'étranger s'élèvent pour 1915 à 100 millions de livres sterling.

En attendant que cette somme puisse être obtenue sur les marchés anglais et français par l'émission, sous les auspices des deux Gouvernements d'Angleterre et de France, d'emprunts publics qui seraient divisés par parties égales entre les-dits marchés, il est entendu que les gouvernements Anglais et Français feront au gouvernement Russe, sur ses demandes successives, des avances directes et ce jusqu'à concurrence d'une somme de 25 millions de livres sterling (625 millions de francs) pour chacun d'eux. Le remboursement des dites avances sera imputé sur le produit des emprunts»[1]).

В соглашении, которое вслед за сим было подписано тремя министрами, весьма существенными для России являются также пункты 6 и 7. В п. 6 указывается на желательность сосредоточения в одном органе военных заказов союзных держав в нейтральных странах; имеется в виду главным образом Америка, где в настоящее время союзники производят большие заказы через разных посредников, которые поднимают цены и зачастую являются лицами, не заслуживающими доверия, в результате чего союзные державы, в лучшем случае, переплачивают большие деньги на своих заказах, а иногда даже не получают тех материалов и припасов, на которые рассчитывают, в определенные сроки. Великобританское правительство уже сосредоточило все дело заказов военного и морского ведомств в Америке в руках нью-йоркской банкирской фирмы Моргана. Исполнение по вопросу о порядке производства военных заказов за границею передано военному агенту

[1]) Перевод:

Русский министр финансов указал, что потребность государственного казначейства для производства платежей по займам и для оплаты заказов и закупок за границей достигает на 1915 год 100 миллионов фунтов стерлингов.

В ожидании реализации этой суммы на английском и французском рынках путем выпуска, при содействии обоих правительств — английского и французского—государственных займов, распределенных между названными рынками в равных долях, английское и французское правительства принимают на себя выдачу русскому правительству, по мере представлений последнего, авансов в сумме до 25 миллионов фунтов стерлингов (625 миллионов франков) каждое.

Погашение этих авансов будет произведено за счет поступлений от реализации займов.

в Париже графу Игнатьеву, который имеет испросить по сему предмету надлежащие инструкции от военного министра.

В п. 7 указывается на необходимость принятия всех мер, направленных к восстановлению вывоза товаров из России, прекратившегося почти совсем после закрытия проливов и замерзания архангельского порта. Имеется в виду направить вывоз на Владивосток и Дальний, а также по возможности усилить отпуск товаров через Швецию и Балканы. Последнее направление, впрочем, едва ли может быть серьезно принято во внимание ввиду недостаточной провозоспособности железнодорожного пути на Салоники и сомнительности пути на Деде-Агач. Организация вывоза из России в разных направлениях одинаково важна для России и для союзных держав, так как экспорт товаров является единственно правильным и целесообразным способом получения заграничной валюты, союзные же государства чрезвычайно заинтересованы в получении из России хлеба по нормальной цене, тем более что доставка хлеба из Америки потребует оплаты его золотом и может повести к сокращению золотых запасов эмиссионных банков, тогда как уплата России может быть произведена путем компенсации в счет открытых Англией и Францией кредитов. В видах заключения контрактов на поставку пшеницы французскому и английскому правительствам были выяснены в переговорах с министром торговли Томсоном в Париже и Ренсименом в Лондоне потребности обоих правительств и условия, которые могли бы лечь в основу контракта. Кроме того, по пути через Балканы мною были собраны сведения о провозоспособности балканских железных дорог, о тарифах и о пропускной способности портов в Салониках и Деде-Агаче. Подробная записка по сему предмету будет представлена на рассмотрение совета министров.

В соглашении имеются еще существенные указания на те второстепенные государства, которые участвуют ныне в войне в союзе с Россией, Англией и Францией или могут в дальнейшем примкнуть к этим державам своим активным выступлением; соглашением предусматривается возможность оказания денежной поддержки означенным государствам со стороны трех великих держав, принимающих на себя необходимые на сей предмет расходы в равных долях. При этом расходы, уже произведенные, остаются долгом по отношению к тем державам, которые произвели соответственные выдачи, открытие же дальнейших кредитов распределяется поровну между тремя великими державами. Все произведенные авансы имеют быть покрыты в будущем из выручки займа, который подлежит реализации по окончании войны под гарантией трех великих держав. По этой части соглашения затруднения для императорского правительства могли бы возникнуть главным образом в том случае, если бы авансы, упадающие на долю России, подлежали оплате в иностранной валюте, которой мы не располагаем в надлежащем количестве, вследствие чего мною было указано, что доля России может быть уплачиваема только в рублях, перевод же рублей в иностранную валюту не может лежать на нашей обязанности. Интересы император-

ского правительства в этом отношении вполне ограждены дальнейшим обменом писем между французским и русским министрами финансов. Рибо пошел даже далее моих пожеланий, сообщив в своем письме от 6 февраля н. ст., что часть авансов второстепенным державам, упадающая на Россию, может быть выплачена за ее счет Францией и Англией, и что со стороны французского правительства препятствий к сему не встречается. Наибольшие затраты потребует, конечно, Бельгия, кредиты коей исчислены примерно на ближайшие 6 месяцев в размере 500 м. франков или 187.500.000 рублей, что составит на долю каждой великой державы по 62½ милл. рублей, или около 330.000 р. в день, при ежедневной себестоимости войны в 14—15 милл. руб.

Окончательный текст соглашения был подписан тремя министрами финансов 23 января (5 февраля) в следующей редакции:

«A la suite des entretiens, qui ont eu lieu entre les ministres des finances des trois pays alliés, il a été décidé:

1. Une déclaration sera communiquée à la presse pour rendre public le parfait accord des trois gouvernements et affirmer la résolution où ils sont d'unir leurs ressources financières aussi bien que leurs ressources militaires.

2. Comme première conséquence de ce qui précède la proposition sera faite aux trois gouvernements de prendre à leur charge, par portions égales, les avances faites ou à faire aux pays qui combattent avec la Triple Entente ou qui seraient disposés à entrer prochainement en campagne pour la cause commune.

Le montant de ces avances sera couvert, soit par les ressources propres des trois puissances, soit par le produit d'un emprunt à émettre en temps opportun, au nom des trois puissances.

A cet égard il est rappelé que les avances déjà consentis s'élèvent à:

Pour la Belgique: 500 millions de francs, avancés moitié par la France, moitié par l'Angleterre.

Pour la Grèce: 20 millions, avancés par la France et 1.810.000 livres sterling avancés par l'Angleterre.

Pour la Serbie: 90 millions de francs, avancés par la France, 900.000 livres sterling, avancés par l'Angleterre et 110 millions, qui sont actuellement avancés par les trois alliés.

Pour le Monténégro: 500.000 francs, avancés par la France.

Pour la Roumanie: 5 millions de livres sterling, avancés par l'Angleterre.

Les avances ainsi faites resteront en l'état jusqu'à l'émission du premier emprunt, qui servira à leur consolidation et sur le produit duquel leur remboursement sera d'abord imputé.

Par contre les nouvelles avances faites sur les ressources propres des trois pays alliés seront supportées, par tiers, par chacun d'eux.

3. A la demande de la Banque d'Angleterre, le ministre des finances de Russie, au nom de la Banque de l'Etat Russe, adhère à la combinaison

suivante, que le ministre des finances de France promet de recommander à la Banque de France.

«Si l'encaisse-or de la Banque d'Angleterre (y compris la réserve spéciale or des «Currency notes») venait au cours des prochains six mois, à diminue rde plus de dix millions sterling (c'est à dire à tomber au-dessous de quatre-vingt millions sterling) la-dite Banque aurait la faculté de demander à la Banque de France et à la Banque d'Etat de Russie qu'il lui soit avancé, par moitié par chacune des deux Banques, une somme en or effectif ne dépassant pas au total douze millions sterling.

La Banque d'Angleterre s'engagerait à rembourser effectivement l'or ainsi prêté dans un délai maximum d'un an après la cessation des hostilités.

La Banque de France se réserverait, si la Banque d'Angleterre y trouve également convenance, d'imputer sur le montant de son prêt les dollars, qu'elle posséderait en Banque aux Etats-Unis».

4. Le gouvernement anglais ne s'opposera pas à ce que les obligations à court terme, libellées en francs, que doit créer prochainement le gouvenenement français, soient introduites sur le marché de Londres.

5. Le ministre des finances de Russie a indiqué que les besoins du trésor impérial pour le service de la dette, les achats et les commandes à l'étranger s'élèvent pour 1915 à 100 millions de livres sterling.

En attendant que cette somme puisse être obtenue sur les marchés anglais et français par l'émission, sous les auspices des deux gouvernements d'Angleterre et de France, d'emprunts publics qui seraient divisés par parties égales entre les-dits marchés, il est entendu que les gouvernements Anglais et Français feront au gouvernement Russe, sur ses demandes successives, des avances directes et ce jusqu'à concurrence d'une somme de 25 millions de livres sterling (625 millions de francs) pour chacun d'eux. Le remboursement des dites avances sera imputé sur le produit des emprunts.

6. Les trois ministres sont d'accord pour estimer qu'il est de l'intérêt commun des alliés de centraliser, en ce qui concerne les fournitures de guerre, leurs commandes et leurs paiements aux Etats-Unis. A cet effet une organisation commune sera etudiée aussitôt que possible entre les trois gouvernements.

7. Le gouvernement russe convient de faciliter par tous les moyens possibles l'exportation du froment et des autres produits dont les alliés pourraient avoir besoin» [1]).

---

[1]) Перевод:

В результате переговоров, имевших место между министрами финансов трех союзных держав, было решено:

1) Передать прессе текст декларации для опубликования достигнутого тремя правительствами совершенного согласия и подтверждения принятого ими решения объединить их средства, как финансовые, так и военные.

2) В согласии с предыдущим прежде всего будет сделано представление трем правительствам о необходимости принять на себя в равных долях все авансы,

Пребывание в Лондоне.

Поездка в Лондон была предпринята мною по настоянию министра иностранных дел, который считал крайне необходимым выказать этим одинаковое внимание нашей второй союзнице. Хотя пребывание мое в Лондоне продолжалось всего два дня и не имело в виду совершения какой-либо финансовой операции, но широкий взгляд англичан на настоящие события, практическая их деловитость и полная готовность оказать нам посильное содействие дали возможность не только обменяться взглядами с наиболее влиятельными государственными деятелями и представителями делового мира, но и подписать контракт о выпуске на лондонском рынке через посредство английского банка бонов нашего казначейства на 10 миллионов фунт. ст. В силу соглашения, подписанного тремя министрами финансов в Париже, предоставление нам заграничной валюты поставлено таким образом, что как английское, так и французское правительства сами заинтересованы в том, чтобы по возможности скорее создать благоприятные условия для реализации наших займов на свободном рынке. Дело в том, что впредь до реализации таких займов оба правительства обязались предо-

---

как произведенные, так и имеющие быть отпущенными странам, сражающимся на стороне тройственного согласия, и тем, которые в дальнейшем присоединились бы к борьбе за общее дело.

3) Покрытие всей суммы этих авансов будет произведено либо из собственного наличного запаса трех союзных держав, либо из поступлений от реализации займа, имеющего быть своевременно выпущенным от имени трех держав.

В этом отношении устанавливается, что произведенные авансы достигают:

Для Бельгии: 500 миллионов франков, из коих половина отпущена Францией, половина—Англией.

Для Греции: 20 миллионов, отпущенных Францией, и 1.810.000 фунт. стерлингов, отпущенных Англией.

Для Сербии: 90 миллионов франков, отпущенных Францией, 900.000 фунтов стерлингов, отпущенных Англией, и 110 миллионов, отпускаемых в настоящее время тремя союзниками.

Для Черногории: 500.000 франков, отпущенных Францией.

Для Румынии: 5 миллионов фунтов стерлингов, отпущенных Англией.

Отпущенные таким образом суммы будут считаться авансами до выпуска первого займа, коим они обеспечены, и из поступления от реализации коего в первую очередь будет произведено погашение этих сумм.

В противоположность этому—новые авансы, отпускаемые из наличного собственного запаса трех союзных держав, будут приняты ими на себя в третьих долях каждой из них.

По представлении английского банка русский министр финансов от имени русского государственного банка присоединяется к нижеследующему положению, которое французский министр финансов имеет предложить и французскому банку:

«Если золотая наличность английского банка (включая и специальный золотой запас «текущих счетов») в течение ближайших шести месяцев уменьшится более, чем на 10 миллионов стерлингов (т.-е. упадет ниже 80 миллионов стерлингов), названный банк имеет право сделать представление французскому и русскому государственным банкам об отпуске ему аванса наличным золотом в сумме, не

ставлять нам авансы непосредственно из сумм казны, и чем скорее наступает момент реализации займов, тем скорее погашаются произведенные выдачи; если же займы, как в Лондоне, реализуются ранее выдачи авансов, то на соответственную сумму уменьшаются кассовые выдачи подлежащих казначейств.

Благодаря содействию английского банка, который взял на себя открыть в своих кассах подписку на боны казначейства, выпуск этого займа был сделан на исключительно выгодных условиях: al pari, из 5%, т.-е. по той же цене, по которой были выпущены в Лондоне 5% боны французского казначейства, с уплатой комиссии в $^1/_4$% английскому банку, $^1/_4$% нашему банкиру Берингу, с коим был заключен контракт, $^1/_8$% куртажа и расходов на гербовый сбор и печатание бонов.

Всего расходы составили менее 1%, тогда как обычно одна банкирская комиссия составляет по внутренним займам 2%, а по заграничным эта комиссия превышала иногда 4%.

В Лондоне посол гр. Бенкендорф просил меня побывать у лорда Китченера, который выразил желание переговорить со мною и в довольно продолжительной беседе несколько раз возвращался к вопросу о том, что великобританское правительство готово оказать во всем содействие императорскому правительству, в частности военное министер-

---

превышающей 12 миллионов стерлингов, с уплатой таковой суммы обоими банками в равных долях.

Английский банк обязуется возместить отпущенное ему таким образом золото не позднее, чем по истечении одного года со времени прекращения военных действий.

Французский банк, в случае если английский банк сочтет это для себя приемлемым, оставляет за собой право произвести покрытие своего займа долларами, коими он располагает в банке Соединенных Штатов».

4) Английское правительство не будет препятствовать допущению на Лондонский рынок имеющих быть выпущенными французским правительством в ближайшем будущем краткосрочных обязательств во франках.

5) Русский министр финансов указал, что потребности русского государственного казначейства для производства платежей по займам и для закупок и заказов за границей достигают на 1915 год 100 миллионов фунтов стерлингов. В ожидании реализации этой суммы на английском и французском рынках путем выпуска государственных займов под гарантией двух правительств, английского и французского, и с распределением этих займов в равных долях между указанными рынками, английское и французское правительства обязуются отпускать русскому правительству по представлениям последнего авансы в размере до 25 миллионов фунтов стерлингов со стороны каждого из них. Погашение этих авансов будет отнесено на счет поступлений от реализации займа.

6) Три названных министра признали желательным в интересах общего дела союзников централизовать заказы и платежи Соединенным Штатам, относящиеся к предметам военного снабжения.

С этой целью при первой же возможности тремя правительствами будет рассмотрен вопрос об общей организации.

7) Русское правительство обещает всеми возможными средствами облегчить вывоз пшеницы и других продуктов, в коих могли бы нуждаться союзники.

ство желало бы установить полную координацию военных действий союзников. По мнению лорда Китченера, можно было бы достигнуть огромных результатов не только силою оружия, но также в смысле деморализации неприятеля планомерностью наступления, которое могло бы начинаться на всех фронтах в один и тот же день и в один и тот же час и точно так же одновременно останавливаться. Такая координация в действиях союзников внесла бы большое замешательство в ряды германцев и австрийцев. Что же касается наших военных заказов, то лорд Китченер выразил полную готовность исполнить все, что в силах Англии,—просил только не обращаться к частным посредникам, а прямо к великобританскому правительству и прибавил, что он сам будет считать себя комиссионером императорского правительства.

Министр финансов (подпись).

2.

О финансовых соглашениях, заключенных с английским и французским министрами финансов и с управляющим английским банком.

При переговорах с великобританским и французским правительствами предстояло осуществить программу, намеченную комитетом финансов в заседании 23 августа сего года, в коей было постановлено для осуществления намеченной Францией и Англией кредитной операции в Америке согласиться на высылку за границу золота, в равных с нашими союзниками долях, на сумму, не превышающую 40 милл. фунт. стерл., при условии открытия нам кредитов в размере 400 милл. фунт. стерл., из коих 100 милл. фунт. стерл.—для обеспечения дальнейших выпусков кредитных билетов, и 300 милл. фунт. стерл.—на производство предстоящих нам за границею в течение года платежей [1]).

Таким образом, надлежало обеспечить государственному казначейству кредиты, необходимые для оплаты процентов и погашения по заграничным займам и для уплаты денег по заграничным заказам, вызываемым военными нуждами, в течение 1915 и 1916 г.г., на общую сумму около 3 миллиардов (300 милл. фунт. стерл.), при чем в составе этой суммы значилось предполагаемых заказов на 357,8 миллионов рублей и платежей, переходящих на 1917 год, 78 миллионов рублей; потребностей же, действительно подлежавших удовлетворению в 1915

[1]) Пометка синим карандашом рукою Николая II: *Нахожу, что переговорами вашими вы достигли весьма крупного результата для русского кредита.*

Рукою министра финансов П. Барка: «Собственною его императорского величества рукою начертано: «Нахожу, что переговорами вашими вы достигли весьма крупного результата для русского кредита». В Царской Ставке, 9 октября 1915 г. Министр финансов *Петр Барк*».

и 1916 годах, выяснилось ко времени поездки министра финансов всего на сумму 2.779,6 миллионов рублей.

При переговорах особенную трудность представляли платежи в Америке, так как смешанная англо-французская финансовая комиссия, посланная для заключения крупного займа в Северо-Американские Соединенные Штаты, еще не закончила своих трудов, но уже выяснила, что на особенно крупную финансовую операцию в Америке рассчитывать не приходится. Наибольшая сумма займа, о коей можно было говорить с американскими банкирами, и на условиях, не особенно выгодных для англо-французского кредита (около 6%), не превышала 100 миллионов фунтов стерлингов, между тем, одни только русские заказы, по тем данным, которые определились ко времени приезда министра финансов в Лондон, в два с половиною раза превосходили эту сумму.

Ввиду дополнительных сведений, полученных мною в пути, я решил выделить из общей суммы в 300 миллионов фунтов стерлингов кредиты, необходимые для Франции, несколько повысив их сумму— до 1½ миллиардов франков (562½ милл. руб. вместо 531,7 милл. руб.), оставив, вместе с тем, для Англии общий итог в 300 миллионов рублей.

Кроме того, вследствие чрезвычайно быстрого истощения эмиссионного права государственного банка мною было решено увеличить вдвое, со 100 миллионов фунтов стерлингов до 200 миллионов фунтов стерлингов, заграничный кредит, необходимый для пополнения счета сумм за границей государственного банка.

Переговоры с министром финансов Мак-Кенна по целому ряду причин были гораздо труднее и сложнее, чем в январе 1915 года с бывшим министром финансов Ллойд-Джорджем. На трудность предстоявших переговоров указывал и наш посол в Лондоне, граф Бенкендорф, в своей телеграмме, переданной мне министром иностранных дел в день моего выезда из Петрограда. По мнению графа Бенкендорфа, предполагавшаяся нами операция представлялась при современных условиях в общем невыполнимою. И действительно, многие заявленные Мак-Кенна в самом начале переговоров положения были для нас неприемлемы. Сущность этих положений заключалась в следующем:

1) открытие кредитов связывалось непосредственно с обязательной высылкой золота;

2) золото должно было итти на покрытие наших заграничных платежей, сокращая на соответственную сумму необходимые кредиты и составляя для нас прямой расход, т.-е. утрату желтого металла и соответственное сокращение эмиссионного права государственного банка;

3) открытие кредитов рассчитывалось не более, чем на 6 месяцев;

4) открытие кредита для обеспечения выпуска кредитных билетов принципиально отвергалось.

Таким образом, коренные разногласия в цифрах сводились к следующему: вместо пяти миллиардов рублей, необходимых нам для производства платежей за границею и увеличения заграничной наличности, служащей обеспечением выпуска кредитных билетов, нам предлагали всего 1.100 миллионов рублей, при условии безотлагательной, в течение месяца, высылки золота на 400 миллионов рублей, которое должно было итти на уплату наших расходов.

После долгих и чрезвычайно упорных переговоров удалось отстоять принципиальные требования и заключить соглашение, основные положения коего следующие: 1) необходимые нам кредиты, намеченные комитетом финансов, не только не сокращены, но увеличены на один миллиард рублей для обеспечения выпуска кредитных билетов; 2) высылка золота обусловлена не в соответствии с кредитами, а в виде самостоятельной операции и для надобности американского рынка, при чем золото посылается в Америку по мере действительной надобности в равных частях с Францией и Англией; 3) в отличие от соглашения с Францией русское золото дается только на время, оно покупается от нас Англией в обмен на ее обязательства, которые подлежат оплате золотом в течение 5 лет, независимо от того, будут ли к тому времени погашены наши долги, или нет; таким образом высылка золота не сокращает нашего обеспечения кредитных билетов в золоте, так как оно заменяется английскими обязательствами, подлежащими оплате золотом; 4) потребности торговли и промышленности в валюте могут быть удовлетворены согласно существующему современному порядку, если таковые находятся в связи с военными нуждами и подтверждены соответствующими удостоверениями военного ведомства; 5) для упорядочения в будущем американских заказов, насколько таковые оплачиваются за счет английских кредитов, новые заказы имеют быть передаваемы в Америку при непременном предварительном осведомлении представителей русского военного министерства в Англии; 6) английский банк берет на себя возобновить выпущенные в феврале сего года на лондонском рынке обязательства государственного казначейства, срок коих истекает в феврале будущего года.

По отношению к высылке золота надлежит отметить, что таковая была обусловлена необходимостью располагать достаточными средствами для давления на американский рынок в видах заключения там крупной финансовой операции. По этому предмету состоялось соглашение в Булони между французским и английским министрами финансов, к коему, по постановлению комитета финансов, примкнуло и русское правительство. По сравнению, однако, с обязательствами французского и английского министров финансов русскому министру финансов удалось выговорить следующие особые условия: 1) равноценная сумма золота (40 милл. фунт. стерлингов) высылается Россией только при обеспечении всех необходимых в течение предстоящих 12 месяцев заграничных кредитов; 2) золото высылается в виде временной ссуды, в обмен на обязательства английского правительства, подле-

жащие постепенному, в течение 5 лет, погашению с уплатою по ним золотом.

Высылка золота на приведенных условиях не может почитаться сколько-нибудь угрожающею прочности нашего денежного обращения. При прекращении размена, тот или другой размер золотых запасов в натуре в кладовых государственного банка не имеет ныне существенного значения. Когда же, с наступлением после войны нормального течения хозяйственной жизни государства, окажется возможным рассчитывать на возобновление размена кредитных билетов на золото,—уступленная государственным банком в качестве временной ссуды сумма золота опять вернется в его распоряжение, так как не позднее пятилетнего срока английское правительство обязалось оплатить золотом все выданные им при получении ссуды обязательства.

При начертании той статьи соглашения, которая предусматривает открытие в Англии кредита в 200 миллионов фунтов стерлингов для обеспечения выпуска наших кредитных билетов, со стороны управляющего английским банком сделано было заявление, что выдаваемые в связи с этою операциею обязательства нашего государственного казначейства должны приносить обычный процент. Однако путем настойчивого убеждения русскому министру финансов удалось обусловить выпуск означенных обязательств без процентов. Благодаря этому русская казна избавилась от дополнительного расхода в сумме свыше 100 миллионов рублей ежегодно впредь до погашения соответствующих обязательств.

В особом приложении намечен порядок предварительного рассмотрения заказов, вызываемых военными нуждами и передаваемых в Америку; порядок этот предположен по соглашению с представителями наших военного и морского министерств, находящимися в Англии и знакомыми также с американскими условиями. Вопрос о планомерном производстве союзниками заказов в Америке был уже предметом обсуждения во время первой конференции трех министров финансов в Париже в январе месяце 1915 года. Он был поднят Ллойд-Джорджем, который указывал на то, что несогласованное выступление союзников на американском рынке в качестве покупателей военного снаряжения и снабжения ведет в лучшем случае к чрезвычайному повышению цен вследствие конкуренции разрозненных покупателей, зачастую же приводит к непроизводительной уплате крупных авансов фирмам, совершенно не оборудованным или недостаточно оборудованным, которые не в состоянии сдать заказанные предметы. Тогда же Ллойд-Джордж предложил сосредоточить все заказы союзников в руках американской финансовой фирмы Моргана, с коей английское правительство уже заключило соответственное соглашение. Предложение Ллойд-Джорджа было одобрено и получило выражение в следующем постановлении:

«Les trois Ministres sont d'accord pour estimer qu'il est de l'intérêt commun des alliés de centraliser, en ce qui concerne les fournitures de

guerre, leurs commandes et leurs paiements aux Etats-Unis. A cet effet une organisation commune sera étudiée aussitôt que possible entre les trois Gouvernements» [1]).

Однако в дальнейшем только французское военное министерство примкнуло к постановке, предложенной англичанами,—отозвало свою специальную военную комиссию из Америки и воспользовалось услугами фирмы Моргана, заключив с нею соглашение по образцу английского, русское же военное министерство продолжало передавать заказы в Америку без всякого соглашения с союзниками.

Ныне как Мак-Кенна, так и лорд Китченер, не настаивая на непременном использовании фирмы Моргана, тем не менее, указывали на безусловную необходимость, в видах соблюдения общих интересов союзников, планомерной и согласованной передачи в Америку всех заказов, вызываемых военными нуждами.

Что касается наших военных заказов, исполняемых в Англии, то в этом отношении являлось бы также предпочтительным действовать через наших официальных военных представителей в Лондоне в согласии с английским правительством и не заключать контрактов через частных посредников, так как вывоз предметов военного снаряжения и снабжения не может иметь места без разрешения английского правительства.

Тот же вопрос о военных заказах во Франции был затронут французским министром финансов Рибо и нашел себе выражение в следующем постановлении:

«Le Ministre des Finances de Russie et le Ministre des Finances de France sont d'accord pour reconnaître qu'il est de l'intérêt des deux pays que les achats et commandes des munitions et de materiel de guerre ne soient faits qu'après entente avec le Ministère de la Guerre français, de manière à assurer au Gouvernement russe les prix les plus favorables et à empêcher une concurrence qui ne peut qu'être préjudiciable à la France aussi bien qu'à la Russie. Cette question fera l'objet d'un accord particulier entre le Ministre de la Guerre de France et le Ministre de la Guerre de Russie» [2]).

Независимо от соглашения с английским министерством финансов, состоялось соглашение между английским банком и мною по двум вопросам: 1) обеспечен новый выпуск обязательств государ-

---

[1]) Перевод:

Три названных министра признали желательным в интересах общего дела союзников централизовать поставки, заказы и платежи Соединенным Штатам, относящиеся к предметам военного снабжения. Соответствующая организация в возможно более скором времени будет предметом обсуждения трех правительств.

[2]) Перевод:

Русский и французский министры финансов признали желательным в интересах обеих держав, чтобы закупки и заказы по военному снаряжению не производились иначе, как по соглашению с французским военным министерством в целях

ственного казначейства на 100 миллионов рублей (10 милл. фунт. стерлингов) для погашения обязательств на равную сумму, срочных 20 февраля н. ст. 1916 года; 2) обеспечен кредит в английском банке с гарантией русского правительства для учета векселей русских банков на английские кредитные учреждения, в целях поддержания курса рубля на иностранную валюту.

По последнему вопросу последовал обмен писем между лордом Кечлиффом, управляющим английским банком, и мною с изложением главных оснований намеченной операции; что же касается до ее размеров и подробностей, то таковые должны выясниться на практике, и если размеры ее определятся в полном соответствии с действительными потребностями нашей торговли и промышленности, поскольку таковые не удовлетворяются другим путем, то соглашение с английским банком может принести большую пользу в деле поддержания устойчивости курса рубля на иностранную валюту.

Во Франции, в переговорах с Рибо и управляющим Banque de France Pallain, был также затронут вопрос об аналогичном соглашении с Banque de France и намечен известный план, который, однако, встретил категорические возражения с их стороны. Тем не менее, мысль эта не оставлена, и после подготовки почвы у заинтересованных кругов и лиц, имеющих влияние на решения совета Banque de France, я заручился согласием Pallain, что дело это будет поставлено на очередь агентом министерства финансов в Париже, т.-е. Рафаловичем, после выпуска французским правительством в ближайшем будущем первого внутреннего займа.

При заключении соглашения с французским министром финансов были приняты во внимание пожелания французского правительства относительно ограждения интересов держателей русских бумаг, утраченных или украденных во время войны, учреждения русских таможен во Франции и сбыта французских вин в России. Эти пожелания приведены в особом приложении и редактированы в очень осторожной форме, не связывающей русского правительства.

По сравнению с предположениями комитета финансов, преподанными к руководству министру финансов в заседании 23 августа сего года с предоставлением министру финансов права, в зависимости от обстоятельств, пойти на уступки, соглашения, достигнутые в Лондоне и Париже, представляют нижеследующие изменения: 1) кредиты, необходимые для производства заграничных платежей, намеченные в 3 миллиарда рублей (300 милл. фунт. стерл.), увеличены на 562½ милл. руб. (1,5 миллиарда франк.), составляющих предмет особого соглашения с французским министром финансов Рибо; 2) кредит, необходимый для увеличения заграничной наличности, обеспечиваю-

---

обеспечения русскому правительству наиболее благоприятных цен и во избежание конкуренции, в равной степени вредной как для России, так и для Франции.

Вопрос этот послужит предметом особого соглашения между французским и русским военными министрами.

щей выпуск кредитных билетов, увеличен вдвое, с 1 миллиарда до 2 миллиардов рублей; 3) ныне же обеспечено возобновление обязательств государственного казначейства на 100 милл. руб. (10 милл. фунт. стерл.), помещенных на свободном рынке, срок коим наступает 20 февраля н. ст. 1916 года; 4) заключено особое соглашение с английским банком для учета векселей русских банков на английские кредитные учреждения, в целях поддержания устойчивости курса рубля на иностранную валюту и 5) подготовлена почва для заключения подобного же соглашения с Banque de France в Париже.

Министр финансов *Петр Барк.*

3.

М. Ф.
Общая канцелярия министра финансов
№ 1982.

О переговорах министра финансов в Париже и Лондоне в июне и июле 1916 года.

По инициативе французского министра финансов Рибо должна была состояться в конце мая в Париже конференция четырех министров финансов союзных держав: Великобритании, Италии, Франции и России, для обсуждения главным образом вопроса о способах расплат по заказам, помещаемым союзниками в нейтральных странах и в частности в Америке. Время созыва конференции несколько раз изменялось и было, наконец, назначено на середину июня. При проезде моем через Лондон выяснилось, однако, что политические обстоятельства несколько задерживают выезд из Англии канцлера казначейства, который вместо 16/29 июня полагал прибыть в Париж 20 июня (3 июля). Не желая терять даром времени, я решил воспользоваться несколькими днями в Париже, чтобы договориться с министром финансов Рибо относительно возобновления наших военных кредитов во Франции после 1 октября н. ст. 1916 г., и по приезде в Париж немедленно приступил к обмену мнений с ним по этому предмету [1]). При этом, имея в виду потребности нашего торгового оборота с Францией, а равно потребности русских торгово-промышленных и банковых предприятий, поместивших свои акции и облигации во Франции, в необходимых средствах по оплате обязательств во Франции, я поднял вопрос об увеличении ежемесячного кредита с 125 до 150 миллионов франков. По докладе сего дела в совете министров,

---

[1]) Пометка синим карандашом рукою Николая II: *Благодарю министра финансов за проявленные знание дела и стойкость.*

Рукой мин. фин. П. Барка: „Собственною его императорского величества рукою начертано: «Благодарю министра финансов за проявленные знание дела и стойкость». В Царской Ставке, 6 августа 1916 года. П. Барк".

г. Рибо мне ответил, что французское правительство готово войти в обсуждение вопроса об увеличении кредитов на надобности, связанные с торгово-промышленным оборотом, с тем, чтобы половина всей задолженности императорского правительства, которая окажется ко времени заключения мира, была оплачена русскими товарами (хлебом, лесом, спиртом), которые имеют быть закуплены русским правительством как во время войны, так и по заключении мира и доставлены французскому правительству.

Эти условия были отвергнуты мною в самой категорической форме как в переговорах с г. Рибо, так и в беседе с президентом французской республики, которые оба пытались меня убедить в полной приемлемости для нас сделанного предложения, поясняя, что это чрезвычайно удобный способ взаимных расчетов, и ссылаясь на то, что в прежних соглашениях о наших военных кредитах было предусмотрено, что оба правительства обязуются производить платежи в своей стране одно за счет другого, с тем, чтобы эти платежи за сим компенсировались по курсу дня взаимного расчета.

Мои возражения сводились к следующим основным положениям:

1. Императорское правительство пользовалось заграничным кредитом исключительно под гарантию своей подписи, всегда выполняло свои обязательства и никогда не давало никаких дополнительных гарантий; приобретение же товаров впрок и хранение их впредь до высылки во Францию, на предмет оплаты половины задолженности, явится дополнительной гарантией по открываемым кредитам, на каковое условие императорское правительство согласиться не может.

2. Вывоз товаров для продажи их на заграничных рынках явится для нас по окончании войны единственным нормальным средством для восстановления курса нашего рубля. Хлеб, лес, спирт и другие товары являются для нас равноценными золоту, так как за них нам будут платить золотой валютой; если же мы теперь возьмем на себя обязательство поставлять по заключении мира огромное количество товаров не за наличный расчет, а в уплату по нашей задолженности, то мы на много лет лишаем себя всякой возможности восстановить нормальную стоимость нашей денежной единицы и наносим непоправимый ущерб нашему денежному обращению.

3. Предшествовавшие соглашения о военных кредитах, действительно, предусматривали взаимные платежи союзных правительств, но только на время войны, а не по заключении мира, при чем совершенно не имелось в виду заготовлять запасы товаров впрок. Во исполнение этих соглашений императорское правительство поставляет французскому правительству хлеб и спирт и теперь взяло на себя продолжение некоторых поставок во время настоящей навигации. Что же касается до консолидации наших краткосрочных кредитов во Франции, то всегда предусматривалось, что такая консолидация должна последовать путем долгосрочного займа, о чем специально

упомянуто как в первом соглашении трех министров финансов 23 января (5 февраля) 1915 года, так и во втором соглашении двух министров финансов 21 сентября (4 октября) 1915 года.

Твердая определенность моих заявлений побудила совет министров французской республики отказаться от выставленных условий ликвидации нашей задолженности, при чем г. Рибо мне пояснил, что хотя предположенное мною увеличение кредитов, несомненно, имеет в виду интересы также французских граждан, как это было мною указано, но что, ввиду исключительных обстоятельств военного времени и связанного с ним тяжелого положения французского казначейства, частные интересы должны быть принесены в жертву общегосударственным потребностям, и посему он не считает себя обязанным приходить на помощь частным лицам и учреждениям.—Не вдаваясь в дальнейшую полемику, я, тем не менее, не мог скрыть от г. Рибо, что такая точка зрения, высказываемая им немедленно вслед за экономической конференцией, где была провозглашена общность экономических интересов союзников и желательность немедленного установления тесных торговых отношений, является не вполне логичной. С своей стороны, г. Рибо выступил с предложением реализовать на свободном рынке трехлетние обязательства русского государственного казначейства. Побудительные причины такого предложения были следующие:

1. Г. Рибо не решался приступить к крупной французской кредитной операции на свободном рынке, не будучи уверен в ее успехе, между тем возможный неуспех русской операции его не особенно заботил. 2. Banque de France неоднократно настаивал перед г. Рибо на известной ликвидации задолженности французского казначейства перед банком, поступления же по русским bons de Trésor, которые, по мысли г. Рибо, должны были итти полностью на погашение наших позаимствований у французской казны, облегчили бы положение Banque de France; 3) наконец, взносы по русским bons de Trésor являлись бы способом извлечения французских банкнот из обращения, усиленные выпуски коих тревожат г. Рибо.

С точки зрения наших интересов, краткосрочный заем на свободном рынке в настоящее время представлялся невыгодным; мы могли ны поместить наши bons de Trésor из действительного процента не ниже $6^1/_2{}^0/_0$, а может быть и дороже, тогда как позаимствования у французской казны обходятся нам, при учете, около $5^1/_4{}^0/_0$; консолидаци я предлагалась на очень короткий, трехгодичный, срок и по его истечении требовала бы дальнейших забот о новой кредитной операции. Поэтому предложение г. Рибо могло представить для нас известный интерес только при двух условиях, а именно: 1) если бы сумма займа была достаточно велика для образования из выручки известного остатка, который был бы в нашем свободном распоряжении, 2) если бы срок займа был удлинен. Ввиду сего я изъявил согласие на выпуск bons de Trésor сроком не короче 5 лет на сумму 2 мил-

лиарда франков, с тем, чтобы 1.600 милл. франков были предназначены на погашение нашей задолженности и 400 миллионов были предоставлены в наше свободное распоряжение. Из дальнейших переговоров с г. Рибо и бесед с разными финансовыми деятелями выяснилось, однако, что мысль о реализации на свободном рынке русского займа была внушена г. Рибо частными банками, которые рассчитывали заработать на этой операции, но что в среде правительства, в палате, а также в Banque de France господствует убеждение, что на свободном рынке прежде всего должен быть реализован национальный, французский заем, в особенности ввиду успешных военных событий, всякие же кредитные операции на французском рынке союзников могут лишь следовать за выпуском национального займа. Ввиду такого настроения можно было вперед сказать, что переговоры о русском займе не могут принять конкретной формы, и хотя таковые и продолжались между г. Рибо и мною, но г. Рибо ни разу не совещался по этому предмету с банковыми кругами, и вопрос остался в области обмена мыслей. Результаты переговоров двух министров финансов изложены в препровожденной при письме г. Рибо от 8 июля н. ст. 1916 года ноте, заключающей в себе суждения французского совета министров о кредитах, открываемых нам во Франции. В этой ноте имеются указания, что французское правительство не встречает препятствий к тому, чтобы ежемесячные кредиты, определенные ныне в 125 милл. фр. и далеко нами не использованные, были повышены, если бы г. Тома, заведующий всем делом снабжения, признал возможным увеличить количество предметов, изготовляемых во Франции для нужд русской армии.

Во время переговоров с г. Рибо выяснилось, что конференция четырех министров финансов не может состояться в Париже вследствие кабинетного кризиса в Англии, вызванного осложнениями в Ирландии и лишающего канцлера казначейства возможности покинуть Лондон. Ввиду сего министры финансов получили приглашение собраться в Лондоне, где, наконец, и состоялась конференция, в составе министров финансов Англии, Италии, Франции и России и при участии генерала Беляева и г. Тома. Конференция продолжалась всего два дня и не привела ни к каким определенным результатам. Главная забота г. Рибо заключалась в возможности для союзников обеспечить платежи в Америке по огромным заказам и поставкам, и его мысль сводилась к необходимости создать общую организацию для планомерного объединения всего дела производства заказов, закупок и расчетов. Выработанный по этому плану проект г. Тома был, однако, категорически отвергнут великобританским правительством, несмотря на то, что в первом заседании канцлер казначейства не представил принципиальных возражений против основной мысли г. Рибо. Конференция закончилась, как многие конференции, обменном любезностей и кратким протоколом, в коем изложено скромное постановление об образовании в Лондоне особой комиссии из-

представителей четырех союзных держав для взаимного осведомления о наиболее крупных заказах и покупках в нейтральных странах.

По окончании работ конференции наступило самое тяжелое для министра финансов и генерала Беляева время сложных и длительных переговоров с канцлером казначейства об обеспечении надлежащих заграничных кредитов для нужд нашей армии. В среде великобританского правительства в этом деле определились совершенно отчетливо два противоположных течения. Военное министерство, во главе с Ллойд-Джорджем, и министерство снабжений, созданное также Ллойд-Джорджем и сохранившее все его методы и приемы, с полною искренностью и убежденностью стояли на том, чтобы удовлетворить в возможно широких размерах наши военные потребности; канцлер же казначейства Мак-Кенна, примыкая на словах к взгляду о необходимости полного военного снабжения союзников и прежде всего России, не считаясь с финансовыми жертвами, на деле прибегал ко всевозможным ухищрениям, чтобы поставить преграды нашим военным расходам за границею, опираясь, между прочим, на поддержку лорда Керзона, заведующего торговым мореплаванием. По настоянию представителей императорского правительства, в протокол финансового соглашения включено суждение о том, что для обеспечения окончательной победы над врагом признано необходимым обеспечить все потребности русской армии и поднять ее снабжение до надлежащего уровня.

Открывая заседание конференции четырех министров финансов, Мак-Кенна пояснил, что общая задача всех союзников состоит в том, чтобы предоставить все имеющиеся у них средства на нужды войны, но прибавил, что приходится считаться с естественными пределами в деле военного снабжения, а именно:

1) с емкостью американского промышленного рынка, 2) с находящимися в распоряжении союзников средствами перевозки, главным образом с тоннажем судов, 3) с фактическою возможностью для англичан находить способы расплаты в Америке за покупки и заказы союзников. При этом Мак-Кенна указал, что ввиду предстоящих президентских выборов в Америке нет возможности рассчитывать там на совершение крупной кредитной операции в ближайшее время и посему до конца года остается расплачиваться только теми средствами, которые ныне находятся в распоряжении Англии, а это обстоятельство, в свою очередь, побуждает его ограничивать принимаемые на английское казначейство денежные обязательства за счет союзников непродолжительным сроком, не выходящим за пределы 1 января 1917 года.

Вместе с тем, по его мнению, все военные заказы должны быть выдаваемы с таким расчетом, чтобы поставка их в действующие армии могла быть закончена до 1 июля 1917 года. В дальнейших переговорах с министром финансов и генералом Беляевым Мак-Кенна пытался

доказать, что приемная способность наших портов и провозоспособность наших путей сообщений не обеспечивают доставки всего количества грузов, подлежащих заказу в счет новых кредитов, засим приводил цифры тоннажа, остающегося в распоряжении английского правительства, далеко недостаточного для перевозки предстоящих заказов и покупок, перечислял цифры, свидетельствовавшие о загруженности американского промышленного рынка, неспособного справиться с новыми крупными заказами, и, наконец, указывал на недостаточность платежных средств, коими английское казначейство может располагать в Америке [1]). Канцлер казначейства все свои рассуждения приурочивал к американскому рынку, поясняя, что даже при исполнении заказов в самой Англии казначейство оплачивает в пределах страны только стоимость рабочего труда, что же касается сырых продуктов, материалов и предметов продовольствия, то все эти товары являются привозными, и казначейство должно за них расплачиваться, главным образом в Америке.

Министр финансов и генерал Беляев поставили себе следующие задачи при ведении переговоров с канцлером казначейства: а) в области военной: 1) опровержение данных о затруднительности своевременной перевозки предстоящих военных заказов и покупок, 2) обеспечение достаточных кредитов для производства необходимых планомерных заказов, 3) получение права немедленной передачи крупных заказов, а не распределения их по месяцам в соответствии с ассигнуемыми кредитами, 4) передача заказов с таким расчетом, чтобы поставка была обеспечена по срок 1 июля 1917 года, но не в действующей армии, а в месте производства заказа, т.-е. главным образом в Америке, и с тем, чтобы в особых случаях допускались исключения в смысле превышения этого срока по взаимному согласию обоих правительств, 5) поставка тяжелой артиллерии из английских запасов с в е р х ассигнуемых кредитов; б) в области финансовой: 1) побуждение английского казначейства уделить часть кредитов на поддержание курса рубля, 2) облегчение формальностей при платежах за покупки и заказы ниже 5.000 ф. ст., 3) возобновление на новый срок, по окончании войны, срочных обязательств государственного казначейства, 4) указание на необходимость по окончании войны консолидации краткосрочных обязательств государственного казначейства, 5) установление надлежащего процента, платимого по этим обязательствам.

---

[1]) По словам канцлера казначейства, английское правительство могло бы располагать свободными судами, вместимостью не более 500.000 тонн, между тем исчисленные министерством снабжения русские военные заказы на $78^1/_2$ милл. ф. ст. превышают 1 миллион тонн. До войны заказы на сталь в Америке составляли 4 миллиона тонн, ныне таковые составляют уже 9 миллионов тонн. За счет всех союзников английскому казначейству приходится уплачивать в Америке не менее 200 милл. долларов в месяц, что составит по этому расчету свыше 1 миллиарда долларов до 1 января 1917 года.

Обстановка, в коей происходили переговоры, была чрезвычайно неблагоприятна. Великобританское правительство было занято улажением ирландского кризиса, и канцлер казначейства должен был делить время между нашими совещаниями, срочными заседаниями кабинета и парламентом, где на его долю выпадало защищать финансовый билль о некоторых новых налогах, а равно представление о новых военных кредитах, при чем выступления его в палате встречались недружелюбно ввиду недоразумений, возникших вследствие его не вполне понятных объяснений о размерах предстоявших расходов. С своей стороны, премьер Асквит должен был защищаться от нападок прежних членов правительства как по ирландским делам, так и по неудачным военным экспедициям в Дарданеллах и в Месопотамии, по коим палата требовала особого расследования и привлечения виновных к ответственности. Ввиду этих обстоятельств наши заседания не могли происходить беспрерывно, отменялись, задерживались, нервное настроение членов английского правительства сказывалось на ведении переговоров,—решенные уже вопросы подвергались новому пересмотру, изложение принятых решений запаздывало и т. п. Тем не менее, твердая, но вместе с тем спокойная настойчивость, которую представители императорского правительства стремились проявить, повидимому, заставила англичан пойти на огромные уступки против первоначально намеченного ими плана, и соглашение было достигнуто по всем важным вопросам, кроме одного, а именно, поставленного англичанами условия о новой высылке золота, притом в удвоенном против прежнего соглашения размере. Генералу Беляеву, благодаря имевшимся в его распоряжении данным, легко было опровергнуть доводы канцлера казначейства о недостаточной, будто бы, приемной способности наших портов, недостаточной провозоспособности наших путей сообщения, а также недостатке в тоннаже судов. Представленные по сему предмету цифровые сведения побудили канцлера казначейства в дальнейших прениях к этому вопросу более не возвращаться. Гораздо труднее было добиться удлинения сроков кредитов, с соответственным их увеличением, и назначения срока поставок 1 июля 1917 года не в действующей армии, а в месте исполнения заказов,—таковое условие давало возможность использовать всю будущую навигацию 1917 года. Помимо настойчивых объяснений, при переговорах с канцлером казначейства пришлось оказывать давление иным путем,—через других членов кабинета, через посредство нашего посла, который был в постоянных сношениях с министерством иностранных дел и с премьером, а также путем частных бесед с влиятельными деятелями в военном министерстве и министерстве снабжения.

После длительных переговоров и настояний удалось, наконец, добиться этих уступок, равно как и обусловить, что заказы имеют быть выдаваемы на крупные суммы немедленно по заключении соглашения и вне зависимости от размеров месячных кредитов в 25 милл. ф. ст., а именно, в течение августа и сентября 1916 года могут быть

помещены заказы на семьдесят пять миллионов ф. ст. и в течение октября и ноября 1916 года по 37½ милл. ф. ст. в месяц. Общие кредиты были определены в 150 милл. ф. ст. на полгода, считая с 1 октября 1916 года по 1 апреля 1917 года. Кроме того, было выговорено, что тяжелая артиллерия, которая может быть поставлена министерством снабжения, должна быть оплачена особо, без отнесения ее стоимости на кредиты в 150 милл. ф. ст.

В области чисто финансовой в числе вопросов, по коим было достигнуто соглашение, наибольшие затруднения представил вопрос об ассигновании особых кредитов для поддержания курса рубля на рынке. Основная точка зрения как Рибо, так и Мак-Кенна заключалась в том, что кредиты, открываемые их правительствами, могут быть предназначены только на удовлетворение нужд, связанных с военною обороною, а также на платежи по нашим заграничным займам, все же остальные международные расчеты должны производиться вне правительственных кредитов, и если требуются суммы для поддержания курса рубля, то таковые должны быть получаемы путем особого соглашения между эмиссионными банками. Необходимо было заставить канцлера казначейства отказаться от этой принципиальной точки зрения, которая вполне разделялась также управляющим Bank of England лордом Cunliffe'ом и находила в нем убежденного защитника. По этому предмету пришлось вести очень тяжелые переговоры с канцлером казначейства и продолжительные беседы с лордом Cunliffe'ом и отдельными членами кабинета. В результате удалось добиться согласия канцлера казначейства на ассигнование ежемесячного кредита в 1½ миллиона ф. ст., предназначенного специально на поддержание курса рубля. Это условие явилось огромною принципиальною уступкою со стороны канцлера казначейства и имеет очень большое значение для устойчивости нашего денежного обращения. Кредиты, коими министерство финансов располагало путем особых соглашений с Banque de France и Bank of England, открывались с большими запозданиями и были недостаточными для того, чтобы сосредоточить с успехом все валютное дело в руках министерства финансов, и только содействие английского казначейства могло бы облегчить весьма тяжелую и сложную задачу министерства финансов по поддержанию в пределах возможности устойчивости нашего рубля на время военных действий, когда естественный регулятор нашего курса — экспорт наших товаров в нормальных размерах — отсутствует. Кроме того, удалось повысить совершенно свободный кредит, находящийся в нашем распоряжении на покупку различных товаров, с 2 милл. ф. ст. до 2½ милл. ф. ст. в месяц, что, в свою очередь, должно несколько облегчить производство курсовых операций. Уступки по другим вопросам, имеющим также серьезное, но все же второстепенное значение по сравнению с курсовым делом, были достигнуты гораздо легче. Ныне обусловлено, что платежи по заказам и поставкам менее 5.000 ф. ст. могут быть производимы без предварительного

сношения с казначейством. Засим указано, что все обязательства государственного казначейства, коим наступает срок платежа, возобновляются на новый срок, на один год после заключения мира, при чем оговорено, что наш краткосрочный долг имеет быть консолидирован путем займа на английском рынке при содействии великобританского правительства. Эту оговорку я признавал весьма важным включить ныне же для предупреждения каких бы то ни было попыток со стороны великобританского правительства предъявлять нам в будущем особые условия для погашения нашей задолженности, путем ли поставки товаров, по примеру французов, зачета причитающегося с них золота и т. п.

Наконец, представлялось весьма существенным договориться о разумном размере процента, уплачиваемого нами по учитываемым обязательствам государственного казначейства. В прежнем соглашении размер был определен на один процент выше дисконта Bank of England, что является нормальным условием банковых кредитов. Министерство финансов было, однако, заинтересовано в некотором изменении этого условия на случай повышения учетной ставки Bank of England, что именно произошло во время наших переговоров, когда ставка Bank of England была повышена с 5% до 6%. По прежнему соглашению автоматически повышался и процент по нашим обязательствам, который, таким образом, должен был составить 7%. Этот размер был признан мною несоответственным, и посему, после некоторых настояний и вопреки мнению лорда Cunliffe'a, канцлер казначейства согласился на то, чтобы министерство финансов уплачивало проценты в размере ставки Bank of England, если бы таковая была повышена сверх 5%. Таким образом, процент, платимый нами теперь по нашей задолженности, не повышен и составляет попрежнему 6%, несмотря на изменившееся положение денежного рынка.

Неустраненным разногласием при переговорах осталось предъявленное канцлером казначейства условие о новой высылке золота в размере, удвоенном против соглашения 1 октября 1915 года, когда при кредите в 300 милл. ф. ст. министерство финансов приняло на себя обязательство выслать 40 милл. ф. ст. золотом, ныне же канцлер казначейства изъявил согласие на открытие кредита в 150 милл. ф. ст. при высылке золотом в 40 милл. ф. ст. или же предложил другой вариант,—высылку золота в 20 милл. ф. ст. при кредите в 75 милл. ф. ст. Мною были приведены очень пространные объяснения, почему высылка золота является для нас неприемлемой, и подробно были развиты отдельные положения, с указанием, каким образом образовался наш золотой запас, какова разница условий, в коих находятся Россия, Англия и Франция, и каковы могут быть последствия передвижения желтого металла из наших пределов. Высылка золота, в особенности в повышенном размере, представлялась мне в данном случае тем менее приемлемой, что великобританское правительство при исполнении финансового соглашения 1 октября 1916 года посту-

пило некорректно в деле высылки золота. Министр финансов обязался выслать 40 милл. ф. ст. при условии высылки золота в равных частях Франциею и Англиею, которые заключили особое по сему предмету соглашение в Булони 22 августа 1915 года, и в счет этих 40 милл. ф. ст. императорское правительство по просьбе англичан выслало уже 20 милл. ф. ст.; между тем, в разговоре с г. Рибо в Париже выяснилось, что Франция ни одного соверена в счет 40 милл. ф. ст., обусловленных соглашением в Булони, не выслала, основываясь на толковании, что эта высылка предназначалась для подготовки американского рынка к англо-французскому займу, по реализации же этого займа надобность в высылке золота отпала. Заявление г. Рибо было мне подтверждено канцлером казначейства в Лондоне. Об этом инциденте мною официально было доведено до сведения нашего посла в Лондоне, с пояснением, что императорское правительство должно считать себя свободным от дальнейшей высылки золота по соглашению 1 октября 1915 года, пока французское правительство не выполнит обязательств, установленных в Булони 22 августа 1915 года. Вопрос этот оставался не исчерпанным до нашего отъезда, и только в Христиании я получил через английскую и нашу миссию депешу от виконта Грея с извещением, что г. Рибо уведомил канцлера казначейства о принятии им всех мер воздействия на управляющего Banque de France в целях побуждения Banque de France выслать 40 милл. ф. ст. золотом в Америку.

Нервная настойчивость, с коей англичане добиваются дальнейшей высылки золота, свидетельствует об их искреннем убеждении, что только благодаря усиленному снабжению желтым металлом американского рынка Англия в состоянии поддерживать в этой стране свой кредит, столь необходимый для производства расплат по закупкам и заказам всех союзников на американском рынке. Я указывал канцлеру казначейства на ошибочность такой политики, так как золотые запасы всех союзников недостаточны для удовлетворения все возрастающих платежей в Америке, и что, идя по этому пути далее, мы все окажемся банкротами, что надо было обязать американцев финансировать их собственными средствами наши заказы, в коих их страна крайне заинтересована, и что без крупных кредитов в Америке союзники не будут в состоянии в дальнейшем пользоваться американским рынком. Канцлер казначейства вполне согласился со мною, но пояснил, что, к сожалению, с начала военных действий американцев приучили получать в уплату за заказы золото или равноценные золоту процентные бумаги американские или нейтральных держав, что кредитная операция была совершена осенью 1915 года на сравнительно небольшую сумму в 500 милл. доллар., нового же займа нельзя заключить в Америке до окончания президентских выборов. Вследствие сего приходится пока прибегать к прежним способам расплаты в Америке,—к высылке золота и процентных бумаг, а так как запас последних на исходе, то необходимо усилить высылку

желтого металла. Вот почему всякое открытие новых кредитов Англиею должно быть сопряжено с соответственным подкреплением ее золотой наличности, иначе Великобритания вынуждена будет прекратить размен на золото и перейти к бумажно-денежному обращению, что, в свою очередь, повлечет за собою общую финансовую катастрофу, так как заграничный кредит Англии будет подорван, и Англия не будет более в состоянии расплачиваться в Америке за счет союзников, которые должны будут оплачивать приобретаемые ими товары исключительно звонким металлом в полной стоимости товаров. Прения о золоте были чрезвычайно упорны и продолжались несколько дней, при чем для вящшего моего убеждения меня посещали министр юстиции, viscount Reading, который являлся все время советником канцлера казначейства, лорд Cunliffe и лорд Ревельсток. Вначале я стоял на полном отказе от какой бы то ни было высылки золота, под конец же, когда большинство условий было решено в нашу пользу и осталось только несколько вопросов, я в последней доверительной беседе наедине с канцлером казначейства предложил компромисс, в виде частичного удовлетворения пожеланий англичан. В течение всех переговоров я все время поддерживал точку зрения, что при открытии заграничных кредитов не может быть никакой речи об одолжении, оказываемом одним союзником другому, дело идет об объединении всех сил и всех ресурсов для победы над общим врагом, поэтому все союзники одинаково заинтересованы в том, чтобы каждый из нас был достаточно силен и снабжен всеми средствами как военными, так и финансовыми для продолжения борьбы, и посему я, как и на прежних конференциях, не могу допустить принципа открытия кредитов в том или ином соотношении с высылкою золота. Открытие кредитов необходимо независимо от вопросов о золотых запасах, вопрос же о золоте должен быть обсуждаем совершенно отдельно, с точки зрения охраны платежеспособности Bank of England, в коей опять-таки одинаково заинтересованы все союзники. Придерживаясь все время этого принципа, я доказывал канцлеру казначейства, что Bank of England может обойтись без присылки золота из России, в крайнем же случае может обратиться за бóльшим содействием к Banque de France. Предлагая компромисс в последней доверительной беседе, я высказал канцлеру казначейства, что готов взять на себя ответственность за присылку золота в 20 милл. ф. ст. вместо 40 милл. ф. ст., но при условии, чтобы поставка тяжелой артиллерии была произведена сверх кредитов в 150 милл. ф. ст., каковой вопрос оставался еще открытым, и лишь в том случае, если представится реальная опасность большого дренажа золота из касс Bank of England, когда общая золотая наличность в Англии, которая за время войны колебалась между 90 и 80 милл. ф. ст., упадет ниже 70 милл. ф. ст. Кроме того, мною была обусловлена уплата процентов по Exchequer bonds, получаемых государственным банком взамен высылаемого золота и оплачиваемых при наступлении сроков желтым металлом.

Согласившись на ряд моих условий, канцлер казначейства не признал возможным понизить количества золота, которое представляется, по его мнению, необходимым для ограждения английского кредита на мировом рынке, при чем полагал, что первые 20 милл. ф. ст. должны быть высланы, если английская наличность упадет ниже 80 милл. ф. ст., вторые же 20 милл. ф. ст., если наличность упадет ниже 70 милл. ф. ст. Таким образом, вопрос о количестве золота, подлежащего высылке, остался в разногласии и был представлен мною по приезде в Петроград на разрешение совета министров и комитета финансов, которые в состоявшемся 27 июля сего года соединенном заседании вполне согласились с моим по этому вопросу мнением, признав необходимым, чтобы, при условии открытия нам кредитов в Англии на 150 милл. ф. ст., высылка золота была ограничена 20 милл. ф. ст. в два приема, по 10 милл. ф. ст., в случае падения общей золотой наличности английского банка и английского казначейства ниже 70 милл. ф. ст. Об этом постановлении совета министров и комитета финансов мною немедленно же было сообщено по телеграфу, через министерство иностранных дел, императорскому послу в Лондоне, для сообщения английскому правительству с выражением надежды императорского правительства на то, что великобританское правительство, зная, насколько трудным представляется для нас вопрос о высылке золота, и, с другой стороны, насколько важным является не допускать дальнейших задержек в деле помещения срочных военных заказов, не будет препятствовать немедленному открытию новых кредитов в 150 милл. ф. ст., совершенно необходимых для надлежащего снабжения нашей армии боевым снаряжением в целях доведения войны до победоносного конца.

Во время пребывания министра финансов и генерала Беляева во Франции и Англии разрешены были некоторые конкретные дела, относящиеся до разных ведомств. Так, в Париже путем переговоров с Брианом, Самба и бельгийским министром путей сообщения обеспечена поставка нашему министерству путей сообщения 150 бельгийских паровозов, путем переговоров с английским министерством снабжения обеспечен заказ 500 паровозов, 7.000 вагонов и 6 милл. пуд. рельсов. В Лондоне обеспечены некоторые срочные платежи морского министерства в Японии, тому же министерству обеспечен кредит на покупку шести английских пароходов, обслуживающих ныне морское ведомство на арендном праве. Переговорами с английским министерством иностранных дел, Imperial Bank of Persia и казначейством обеспечена доставка значительного количества серебра в Персию, где ощущается большая нужда в звонкой монете, необходимой для расплаты за продовольствие нашей армии. Путем переговоров с частными банками обеспечен кредит на покупку воска для ведомства св. Синода. Совместное пребывание в Лондоне с итальянским министром финансов Carcano было использовано для установления непосредственных кредитных отношений между русскими и итальянскими

банками. Хотя английское казначейство не встречает препятствий к оплате наших заказов в Италии, и не исключена возможность производства таких платежей и через Францию, тем не менее, непосредственные отношения между двумя странами являются всегда предпочтительными. Прямой заем России в Италии я признавал неудобным и нежелательным, установление же частного банкового кредита вполне соответствовало бы нашим интересам, и в таком порядке намечен кредит свыше 200 милл. лир для оплаты военных заказов автомобилей и авиационного имущества.

В тех же целях установления непосредственных кредитных отношений между Россиею, Норвегиею и Швециею были использованы остановки в Христиании и Стокгольме, где, при содействии наших посланников, происходили осведомительные беседы с местными финансовыми деятелями и установлена схема дальнейших переговоров между русскими и норвежскими, а также шведскими банками.

О вышеизложенном приемлю долг всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству.

Министр финансов *Петр Барк.*

(М. Ф.
Общая канцелярия министра финансов,
№ 2029).

Дневник А. Н. Куропаткина [1]).

(С 14 февраля по 25 марта 1904 г.)

Торопец, 14 февраля 1904 г.

Приехал сегодня в Торопец проститься с матушкой...

Перед отъездом обменялся с ген.-ад. Алексеевым важными депешами. Более двух недель тому назад, тревожась уводом с Квантуна 3-й В. С. стрелковой бригады, я телеграфировал Алексееву, не признает ли он необходимым, в виду вероятной отчаянной попытки японцев взять Дальний, направить на Квантун 9-ю стр. бригаду, где она могла бы закончить свое формирование. Алексеев ответил, что он еще не видит необходимости изменять высочайше утвержденный план сосредоточения. Неделю тому назад я снова (по получении депеши Линевича, которая раскрыла мне полную разброску привозимых в южную Манчжурию войск) телеграфировал Алексееву, что наиболее важными задачами в настоящее время признаю: 1) увеличение обороноспособности Порт-Артура и 2) принятие энергичных мер, чтобы наши «вынужденно» разбросанные части не потерпели поражения по частям.

Алексеев просил меня высказаться определеннее. В четверг перед отъездом (12 февраля) я телеграфировал ему в общем следующее:

1. Что при конструктивной неготовности еще сухопутной обороны Порт-Артура гарнизон в 12 баталионов стрелков очень недостаточен. Что необходимо отправить на Квантун хотя еще два полка, дабы мы могли отстаивать Цзинь-чжоуский перешеек 8—10 баталионами или Дальний 8 баталионами. При неудаче эти 10 баталионов должны отступить в Порт-Артур и усилить его гарнизон. Что японцы с 4—6 дивизиями могут задаться овладеть Порт-Артуром ускоренною осадою

---

[1]) Редакция «Красного Архива» сочла небесполезным воспроизвести здесь имеющуюся в ее распоряжении часть дневника А. Н. Куропаткина, как продолжение той части дневника этого автора, которая была уже опубликована во II томе «Красного Архива». Печатаемая часть названного дневника говорит о событиях рус.-японской войны и подчас содержит в себе перечисление мелких подробностей, как-то: личных впечатлений главноком. от осмотра войск, разных распоряжений и т. п.; эти подробности, могущие представить некоторый интерес только для узкого круга специалистов, в настоящем издании опущены. Составление алфавитного указателя к дневнику и просмотр рукописи принадлежит А. Н. Зайончковскому. *Ред.*

и штурмом, и если им это удастся, то, прочно укрепившись на перешейке и в Порт-Артуре, а также прочно заняв Корею, они будут ждать перехода нашего в наступление, даже не задаваясь целью теснить нас из Южной Манчжурии.

2. Что надо готовиться к прорыву японцами нашего расположения и прорыву железной дороги. Что в этом случае надо не подставить свои разбросанные части по частям под удары превосходных сил противника. Что наши молодецкие части рвутся сцепиться с японцами, и чем более проявят геройства отдельные части, атакованные превосходными силами и обходимые с флангов, тем большего поражения этих частей придется ожидать.

3. Что недостаточно прочное обеспечение Порт-Артура может вынудить командующего армией для выручки этого пункта перейти в наступление еще недостаточно сосредоточенными силами.

4. Что удаление бригады пехоты на два перехода от главных сил у нас признается тревожным, если войска этой бригады ввяжутся в упорный бой с превосходным в силах противником. (Упорно будут защищать позиции с фронта и в это время обходом могут быть поставлены в критическое положение.) Что движение полка в два баталиона вперед от главных сил на полперехода уже опасно, если не твердо требовать отступления перед превосходными силами. Что наши отдельные полки выдвинуты отдельно на несколько переходов. Что на них надо смотреть только, как на репли для конницы, и упорного боя ими не допускать.

5. Что наши слабые силы, составляющие только дивизию пехоты и дивизию конницы, разбросаны по району, имеющему по фронту (вдоль железной дороги от Мукдена до Сен-ю-чена) 200 верст и в глубину (от железной дороги к Ялу и далее в Корее к Анчжу) 300 верст.

6. Что при сборе главных сил у Ляояна и Мукдена наши авангарды можно выдвинуть с опасностью к Хайчену и еще с большей опасностью к Фыхуанчену. Что выдвижение одной бригады к р. Ялу за 200 верст опасно; что выдвинутый туда корпус войск при осторожном действии действительно может задержать переправу противника на нижнем Ялу. (Но не должен допустить быть разбитым.)

7. Что выдвинутое вперед положение г.-м. Мищенко с несколькими сотнями казаков и батареею (в Корее к Анчжу) опасно. Что японская конница сидит на более крупных и с более быстрыми аллюрами конях, чем наши казаки. Поэтому при встрече с весьма превосходными силами нашим казакам будет трудно отступить. Что вообще надо беречь нашу конницу, иначе нам не удастся воспользоваться ее превосходством в числе над конницею противника.

8. Что требуется иметь на случай отступления, дабы задержать превосходные силы противника, укрепленные позиции у Ляояна, Мукдена и особенно в Телинском дефиле.

Эту же депешу повторил и Линевичу.

Уже послав эту депешу, получил депешу Алексеева, в которой он высказывает свои общие предположения о действиях противника. Прежде всего, он свидетельствует, что сосредоточение идет успешно (чего я не нахожу). Затем, по его мнению, японцы уже высадили в Корею армию в 4 дивизии и этой армией к середине марта могут подойти к Ялу. Затем, по мнению Алексеева, вторая армия того же числа дивизий тоже, вероятно, высадится в Корее. Что касается третьей армии 4—5 дивизий, то Алексеев допускает, что через две недели, когда отойдет от берегов лед, японцы отважутся сделать высадку этой армии (подобно 1895 г.) где-либо на Квантуне. В депеше этой Алексеевым признается, что японский флот получил перевес на море.

Пока сосредоточение спутывает наши подразделения войск на корпуса... Весьма, однако, выгодно, что две бригады 31 и 35 пех. дивизий, в изменение первоначального предположения, собраны в Харбине, где и будут укомплектовываться...

Несмотря на всю разбросанность, наше расположение может быть усилено и исправлено, если нам дадут 6 недель времени. При угнетенном положении нашего флота японцы могут и не дать нам этого срока. Тогда придется трудно и, быть-может, мы вынуждены будем отступить из южной Манчжурии.

Появились какие-то тревожные слухи о шайках в Монголии. Алексеев доносит, что в двух северных провинциях Манчжурии спокойно, но что в южной Манчжурии начинается брожение, поддерживаемое китайскими властями.

Всю эту неделю представлялся высочайшим особам по случаю моего назначения командующим манчжурской армией. Государь был чрезвычайно ласков. Утвердил мои разные предположения. Оставил у себя записку, в которой я еще до моего назначения высказывал несколько мыслей о том, что мы должны преследовать как цели в предстоящей борьбе с Японией (копию с этой записки я дал г.-л. Жилинскому по его просьбе).

Государыня Александра Федоровна очень горячо говорила мне о необходимости согласно действовать с Алексеевым. Кажется, она не сознает, что Алексеев ничего не понимает в сухопутной войне.

Мария Федоровна приняла меня очень тепло. Приказала явиться перед отъездом еще раз. Ужасалась всему случившемуся. Спрашивала, как могла произойти война, когда государь хотел мира. Я просил государыню [разрешить] ответить с полною откровенностью; государыня просила этого. Тогда я сказал, что война была предрешена в тот день и час, когда Безобразов вышел из кабинета государя статс-секретарем и с портретом государя. Тогда государь решил, что его министры не тот избрали путь, который приведет к миру, что подписанное им заключение совещания, кажется, 26 марта, по которому мы очищали южную Манчжурию, уходили с р. Ялу и предоставляли ино-

странцам права, ими ранее приобретенные,—ошибка; что такое решение, знаменуя нашу слабость, приведет к войне. Напротив, средства, предложенные Безобразовым, Вогаком, Абазою, всею шайкою (так я их и назвал) приведут к миру. Средства эти заключались в том, чтобы всюду увидеть наши интересы, даже там, где их нет, не очищать Манчжурии, начать еще более шуметь в Корее, продвинуть наши войска к Ялу, вновь занять Инкоу, вновь занять Мукден, перестать уважать права других держав в южной Манчжурии. Надеялись этими мерами внушить всем спасительный страх. Хотели обнаружить силу. В действительности, при полной неопределенности своих планов на Манчжурию, мы дали японцам полное право думать, что мы хотим наложить руку и на Корею. Как я и доносил из Токио, такие действия не могли быть иначе поняты Японией,—и в результате произошла война. Государыня слушала внимательно и тоже с сокрушением высказывалась о вреде безобразовской шайки.

15 февраля.

Великий князь Алексей Александрович говорил мне, что война стала неизбежна давно. Что мы на Дальнем Востоке будем сводить счета огромной исторической важности. Что начинается расовая борьба. И он, однако, выразил сожаление, что борьба эта начинается ранее, чем мы к ней приготовились. Говорил, что это он постарался вместе с другими, чтобы государь назначил меня. Очень тепло простился. О моряках не говорил.

Великий князь Александр Михайлович накануне сидел у меня два часа и знакомился с положением дел на Дальнем Востоке. Говорил, что не надо останавливаться над жертвами, чтобы выйти победителем из борьбы флотов. Очень горевал, что мы наделали столько промахов. Говорил, что они вели морскую игру за Алексеева и японцев и каждый раз принимали, что японцы нападут на нас изменнически. Уроки этой игры не послужили в пользу. Бранил Старка.

Когда я был у него, пришла и Ксения Александровна. Очень радушно предложила чаю; пришла в домашнем капоте. Александр Михайлович подробно рассказывал о повреждениях судов в Порт-Артуре после минной атаки. У «Цесаревича» пробоина 18 футов длины и 14 футов высоты. Послали 200 опытных рабочих с Балтийского завода. Починят, но требуется время. Согласился со мною, что цензовый закон не выгоден для нашего флота. Что механики являются носителями традиций судов, ибо весь состав офицеров, не исключая и командира, быстро меняется. Говорил про эскадру Рожественского. Недоволен Алексеевым.

Великий князь Михаил Александрович встретил тепло. Расспрашивал про японскую армию, особенно конский состав. Сказал, что он не знал, что их кони в коннице по некоторым статьям, — рост, аллюры, — выше наших казачьих. Желал успеха. Как и государыня

Мария Федоровна, говорил, что они все очень обрадовались, когда государь назначил меня командующим армиею.

Великий князь Николай Николаевич обещал деятельно защищать меня, когда начнется разочарование от моего назначения, когда все увидят, что победы еще нет, а поражения продолжаются. Твердо поддерживал меня в мнении, что войну надо вести без оглядки на средства и жертвы. Мы должны одержать самый полный успех.

Вел. кн. Владимир Александрович встретил меня очень взволнованный. Вся эта история его глубоко огорчает. Говорил мне, что я должен возвратиться победителем или вовсе не возвращаться. Я ответил, что не хочу подражать Дюкро перед вылазкою из Парижа, но сделаю все, что в моих силах, не жалея себя. Князь простился со мною со слезами на глазах, очень растроганный. Он был против моего назначения, ибо считал, что мое присутствие в Петербурге необходимее, чем на Дальнем Востоке.

Мария Павловна тоже встретила и проводила меня со слезами. Ни великий князь, ни княгиня ни словом не обмолвились о том, что их два сына будут на войне. Особенно Борис меня тревожит. Как бы он не стал кутить и давать дурной пример окружающим.

Великий князь Константин и Елисавета Маврикиевна встретили очень дружески. Князь благословил иконою для штаба армии. Много говорил о силах и средствах наших и японских.

Ольга Александровна и Петр Ольденбургский меня растрогали. Я дожидался приезда вел. княгини с полчаса, в течение которых молодой Ольденбургский говорил мне о той общей радости в царской семье, которая явилась, когда узнали о моем назначении. Ольга Александровна, прекрасная в своей чистоте, с заплаканными глазами говорила мне, как она и брат Миша были рады, что меня назначили. Что она обняла государя, когда услышала об этом, что мое назначение приветствуется всеми радостно, как залог успеха, что они все будут молиться за меня. Отпуская меня, она сконфуженно с глазами, полными слез, передала мне небольшой образок Спасителя с надписью на обороте: «Спаси и охрани». Я был тоже тронут и решил из всех поднесенных мне образков надеть и носить образок, полученный от Ольги Александровны, ибо верю, что нет более чистого существа, чем она, нет более чистой молитвы...

Евгения Максимиллиановна говорила о Красном Кресте. Я ей посоветовал две вещи: 1) посылать табак здоровым нижним чинам и 2) послать несколько ассенизационных отрядов для борьбы заблаговременно с эпидемическими болезнями. Внесет в комитет.

Вечером в четверг, перед отъездом домой, государь прислал мне теплый рескрипт за 6-летнее министерство и знаки алмазные Александра Невского. В рескрипте он просит божией помощи для успешного выполнения «самоотверженно» принятого мною на себя подвига. Тут разумеется, что я сам вызвался подчиниться Алексееву, дабы не

ставить государя в тяжкое положение: сменять Алексеева в такие трудные минуты и этим гласно признать свою ошибку.

Государь поручал мне передать свой царский привет и благословение войскам.

В Торопце власти и население принимали меня тепло. Помолился в соборе корсунской божией матери у всенощной и сегодня у обедни. Отслужили напутственный молебен. Ректор духовного училища и настоятель корсунского собора протоиерей отец Владимир (Щукин) сказали речи. Речь отца Владимира вызвала слезы у присутствующих.

Граждане через голову Шерапова поднесли мне икону, копию с корсунской божией матери. Приложился к чудотворной иконе. Она спасала Торопец от татар и литовцев. Икону пронесли надо мною.

19 февраля.

Возвращение в Петербург было сопровождаемо народными манифестациями на станциях. Выходили жители окрестных деревень, представители всех сословий. Приносили хлеб-соль, благословляли иконами; пожарные, ученики стояли выстроившись; говорили речи, пели «боже царя храни», кричали «ура». Многие благословляли меня при отходе поезда и плакали...

Отношу все это, конечно, не к себе, а к идейному началу. Масса находит успокоение, утешает себя надеждами, наделив своего временного кумира качествами, которыми он даже и не обладает. В словах, отовсюду слышащихся: «Куропаткина назначили, Куропаткин победит», надо различать скрытый страх перед поражением и подбадривание себя...

Но сила в общем голосе большая. Доверие массы облегчает двигать ее на подвиги. Не надо только распускаться и относить к себе лично то, что принадлежит массе. Надо понимать психологию массы и уметь поддержать доверие к себе.

Государь 17 февраля дал мне свой большой фотографический портрет с надписью: «Алексею Николаевичу Куропаткину 1898—1904 года. Николай». Говорил мне много очень лестных слов. Очень, очень тепло относится.

20 февраля.

Сегодня похоронили Петра Семеновича Ванновского. Крупный и сильный был человек. С удивительною настойчивостью проводил в жизнь свои взгляды. Для армии сделал очень много. С такими сотрудниками, как Обручев и Лобко, Ванновский свершил за свое министерство огромный труд. Для меня лично П. С. Ванновский с 1864 года сделал очень много. Поступил к нему юнкером в Павловское военное училище летом 1864 года и до сих пор помню впечатление, произведенное на нас серьезною, деловою речью Петра Семеновича, смысл которой заключался в том, что мы уже не дети. Очень многим обязан той школе, которую нам дал Петр Семенович. Мы вышли хорошо подго-

товленными как в научном, так и в строевом отношении офицерами. Явившись в Туркестан осенью 1866 года, я и мои товарищи по училищу Каньшин, Губин (убит под Самаркандом в 1868 г.) удивляли всех знанием устава гарнизонной службы. Ходили смотреть на смену караулов, производимую нами по всем правилам. Я лично писал Петру Семеновичу об убитых офицерах нашего баталиона: Кантице, [1]) Губине. Петр Семенович служил торжественные панихиды, собирал корпус в сборное зало, читал вслух мое письмо. Позже встречал Петра Семеновича в Киеве и на войне 1877—1878 г.г. Особенно приблизил он меня к себе с 1882 года, когда я прибыл в главный штаб молодым генерал-майором с двумя георгиевскими крестами. 8 лет службы в главном штабе я пользовался особым расположением Петра Семеновича. Он же содействовал назначению меня начальником Закаспийского края и 8 лет управления краем поддерживал меня. Наконец, уходя с поста военного министра, Петр Семенович назвал государю меня кандидатом на пост военного министра вместе с генералами Обручевым и Лобко. Интересно, что за несколько дней до смерти, когда я был у Петра Семеновича и говорил ему о затруднении государя в выборе мне преемника, Петр Семенович с живостью и серьезно произнес: «Скажите государю, чтобы он взял меня в военные министры на время вашего отсутствия».

Я передал эти слова государю через несколько часов, как получена была печальная весть об его смерти. Государь сказал: «Очень был бы доволен взять его в министры в это трудное время».

22 февраля.

Сегодня пришло известие, что японцы подходили к Владивостоку и обстреливали его.

25 февраля.

Сидел долго у Победоносцева. Он очень недоволен ходом дел. Говорил, что государь его уже не слушает 9 лет. Что даже в Японии есть совет стариков, а у нас советчики часто уличные негодяи: Безобразов, Абаза и другие. Бранил Мещерского. Все ломают, ничего не строят. Сломали старую школу, не создали новой.

Сидел у меня С. Ю. Витте. Очень много высказал добрых пожеланий. Говорил, что от меня будет зависеть привести Алексеева к молчанию, если он будет мешать мне. Что Алексееву при возвращении придется объехать Петербург, иначе его освищут.

Сегодня прощался с государем и имел у него последний доклад по манчжурским делам в течение двух часов.

Государь император приказал:

1. От имени государя передать ген. Сухотину распоряжение усилить охрану Сибирской железной дороги.

---

[1]) Так в оригинале.

2. Представить его величеству копию с представленной мною государю записки.

3. Всем войскам передать царский привет и благословение. Заранее передать им царскую благодарность.

4. Государь император разрешил писать ему и отсылать с фельдъегерями. «Их будет не мало для сего,—прибавил государь,—и я могу писать вам».

5. Его величество обещал, если возникнет со стороны наместника то или другое нарекание на меня, ранее решения затребовать мое объяснение.

6. Государь император приказал передать г.-а. Алексееву свое желание, чтобы третьи баталионы были скорее втиснуты в свои полки.

7. Приказал передать письмо г.-а. Алексееву.

8. Государь подписал мне рескрипт, в котором указано, что государь доверяет мне пользование в полной мере правами, предоставленными положением об управлении войск в военное время командующему армиею. Что в направлении военных действий я действую самостоятельно, руководствуясь общими указаниями наместника.

9. Государь приказал мне жить с наместником дружно и хорошо.

Государь много расспрашивал о моих предположениях, о действиях японцев. Ему начало приходить в голову, не пожелают ли они остаться только в Корее и заставить нас выбивать их оттуда. Я снова ответил, что все зависит от степени их уважения к нашему флоту. Если они отнесутся к нему с презрением, то могут решиться даже на высадку в Дальнем или Талиенване. Тогда, заняв сильно перешеек, они 4 дивизиями обрушатся на Порт-Артур и постараются овладеть им. Указал, что при растянутости линии, массе мертвых пространств, недостаточности гарнизона—это возможно. Высказал государю о возможности, загородив Корейский пролив, произвести высадку близ Владивостока, где мы их не ждем. Высказал, что нам выгоднее, чтобы они вошли в Манчжурию.

Государь говорил мне, что он пишет Алексееву о необходимости дать мне самостоятельность. Указывает на статьи «положения». Указывает, что высокий разум Алексеева должен подсказать ему правильный способ для действий. Хочет, чтобы мы совсем разбили японцев и заключили мир без вмешательства других держав.

Государь не одобрял, что моряки любят мешаться в непосредственное командование сухопутными войсками.

Государь не видит особой надобности до разрыва связи с Манчжуриею давать адмиралу Макарову права командующего армией над сухопутными войсками, расположенными на Квантуне.

Я говорил государю о том, что он слишком щедро дал георгиевские кресты за подвиг «Варяга». Государь долго спорил, но потом и сам признал это. Я сказал государю: «Ваше величество, ведь

вам никто об этом правды не скажет. Говорил ее смело для пользы дела один неисправимый солдат Куропаткин». Государь ответил: «Правда, Алексей Николаевич, никто мне так правду не говорит, как вы».

Затем неожиданно мне государь, давая самые лучшие пожелания, сказал: «Я вовсе не ревнив к славе. Если бы я был ревнив к чьей-нибудь славе, то не послал бы теперь вас командовать армиею. Вы уже имеете славу свою и на вас легла тень,—нет, не тень, а свет славы Скобелева, и вы едете увеличивать эту славу. Верьте, что я встречу вас покрытого славою с радостью».

«Вас провожают,—говорил далее государь,—молитвы всего народа и всей моей семьи. Они помогут вам. Трудно верить, как мои рады вашему назначению, как верят вам...»

Я обещал не пожалеть сил, чтобы оправдать высокое ко мне доверие. Просил терпения. Просил спокойно отнестись даже тогда, когда начнут получаться вести о неудаче.

Государь поцеловал меня несколько раз. Несколько раз подходил, вернее, возвращался, жал руку и целовал. С своей стороны я просил его перекрестить меня и поцеловал ему руку. Прощание было трогательное.

Сегодня же я представлялся двум государыням. Приняли чрезвычайно ласково. Дали по образку. Особенно ласково провожала Мария Федоровна. Я без счета целовал у нее то одну, то другую руку и был крепко тронут. Обе государыни благословили меня. Александра Федоровна дала своей прекрасный портрет.

Сегодня же завтракал и прощался с семьею кн. Юсуповых. Простились тепло. У чудной хозяйки были слезы на глазах. Она благословила меня маленьким образком со звездочкою иверской божией матери. Просила носить. Я тоже был растроган. Крепко люблю Зинаиду Николаевну, как чудного человека. В ее присутствии я чувствую себя радостнее, и кругом все становится светлее, но чувство вполне, вполне платоническое...

28 февраля.

Объехал великих князей. Попрощался с милой графинею Карловой. Простились родственно. Милая, просвещенная семья. Детки крепко меня целовали.

2 марта (на ходу поезда).

29 февраля провел в Москве. С утра поехал в Сергиевскую обитель. Отслужил краткую обедню. Приложился к мощам преподобного Сергия, благословлявшего Александра Невского [1]) на борьбу с татарами. В армию на время войны мне дали святую икону, которая видела Петра, была в войне со шведами с Шереметевым, была ранее с царем Алексеем Михайловичем под Смоленском против Литвы, была в Сева-

[1]) Такой анахронизм—в оригинале.

стополе в 1855 году; была в армии в 1877—1878 годах. Просил прислать особого иеромонаха, который состоял бы при этой иконе. Поднесли иконы. Общество хоругвеносцев поднесло хоругвь.

В два часа был у Сергея Александровича. Выстроились в зале все старшие чины. Поднесли мне нагрудный образок св. Георгия Победоносца. Сказал небольшую речь.

Около трех часов пополудни и вместе с Сергеем Александровичем поехал в дворянское собрание. Было наполнено представителями Москвы. Митрополит пред чудотворною иконою иверской божией матери служил молебен и сказал прекрасное слово. Затем представлялись и подносили образа город, земство, крестьяне (несколько волостных), старообрядцы, и затем от лица дворян кн. Трубецкой прочел хорошую речь и передал мне стяг: работа Васнецова, вышивка—дам.

Я сказал громко речь, приготовленную мною по пути в Сергиеву пустынь. Многие плакали. Впечатление в общем получилось очень сильное. Я тоже с трудом удерживал подступавшие к глазам слезы.

На улице массы народа кричали «ура». Поехал к вел. кн. Сергею Александровичу. Был принят им и Елисаветою Федоровною с теплым чувством. Говорили серьезно и сердечно. Елисавета Федоровна с глазами полными слез благословила меня образком, перекрестила рукою, поцеловала в лоб. Я крепко поцеловал ее руки и сказал, что молитва ее за нас будет чиста.

В речи своей в собрании нарочно подчеркнул, что такие проводы отношу не к себе, а ко всему воинству, выставленному царем для борьбы с врагом, что о том, как провожала меня Москва, доложу наместнику и передам в армию.

От вел. князя заехал поклониться еще раз иверской божией матери, заехал к старому инвалиду, искренно меня любящему гр. Шувалову и затем на поезд. На вокзале еще принял несколько депутаций. Провел с женою и сыном два-три часа. Обедали в поезде. Пригласил к обеду москвичей: кн. Мещерского, кн. Голицына (голову), Кристи (губернатора), Трепова (полиц.) и военных: Малахова, Бильдерлинга, Соболева. Обедали бодро. После обеда посидели у жены. Выпили шампанского (за обедом я не допускал). Пришел старый приятель жены и мой по войне 1877—1878 г.г. Глебов, сидел славный Трубецкой, пришел Леон Голицын, шумный, но всегда патриотичный...

Перед отходом поезда перебрались в парадные комнаты, где я и простился со всеми провожавшими меня. Милая, сильная, умная жена моя не выдержала и заплакала. Сын был возбужден, но не заплакал. Все повторял: «Папа, ты к нам возвратишься, папа, ты к нам возвратишься»...

Брат жены, милый Александр Михайлович, расплакался более других. Перецеловался с друзьями своими и надежными, преданными

людьми: Левашевым, Вернандером, Рудановским, Шевалье, с дамами— Левашевою и баронессою Остен-Сакен.

По пути в вагоны на платформе плотно стояла тысячная толпа и кричала «ура»...

Вчерашний день на каждой остановке нас встречали толпы народа с образами, молитвою, пением «боже царя храни». Особенно трогательно, людно и беспорядочно было в Пензе. Едва удалось отделить массу публики от поезда.

Сегодня, в 7 ч. утра, в Самаре очень тепло и людно встречали и провожали меня. Поднесли образ от города и от оренбургского казачьего войска. Говорили речи.

От Самары, слава богу, пошли потише. Все меня пугают слишком большие овации, слишком большие надежды. Все кажется, что ранее надо заслужить это. На станциях хотя и стоит много народа, но можно гулять во время остановок, а то вчера гулять было нельзя.

На одной из станций ко мне навстречу пришел 63-летний старик с солдатским Георгием, Львов, служивший в 4-й роте 1 Туркестанского стр. баталиона у меня. Крест получил в Кокандском походе. Поцеловались, я дал ему 15 руб. Старик заплакал.

Встретил и бегло осмотрел эшелон одной из батарей 7-го артил. дивизиона, направляющийся в Порт-Артур... Все идут охотники.

3 марта.

Вчера, в 12 ч. ночи, была теплая встреча в Уфе. Встречал губернатор Соколовский, духовенство, дворянство, земство, масса народа, весь гарнизон. Поднесли иконы; губернаторша поднесла букет.

Сегодня особенно теплые встречи были в Златоусте, где масса рабочих приветствовала шумно и сердечно. Иконы и служение молебна. Рабочие поднесли два ящика с 8 хорошими шашками для подарков отличившимся. Офицеры просятся в поход.

В Миасе священник сказал трогательное слово. Масса лиц плакало. Плакал и он сам. Одну из икон поднесли от Красного Креста дамы.

Особенно многолюдно и торжественно встречали в Челябинске... Вывели несколько десятков стариков оренбургцев, значительною частью станичных атаманов. Многие георгиевские кавалеры, бывшие со мною в боях, некоторые кресты получили под моим начальством. Встреча была трогательная. Говорили речи, пожелания...

По пути осмотрел четыре воинских эшелона. В общем идут в большем порядке... Хорошо кормлены, тепло одеты, достаточно просторно размещены.

11 марта. Забайкальская область, на ходу поезда.

Сегодня въезжаю в пределы Манчжурии. Через всю Сибирь и Забайкалье едем монотонно, но без каких бы то ни было задержек.

Природа томительно уныла. Все покрыто снегом. В Забайкалье снега лежит мало. Население оседлых пунктов по пути встречало довольно тепло, но такого возбуждения и любопытства не было. Смотрели внимательно и серьезно. Только женщины обнаруживали то же любопытство, что и в Европейской России.

Сухотин встретил меня в Петропавловске и проводил до Омска. Наговорились вволю. Живой, энергичный человек. Очень убеждал меня быть лично осторожнее, чтобы не убили и не ранили. Характеризовал меня так: «Ты будешь осторожен в военных делах относительно употребления войск и не будешь осторожен относительно себя». Обещал этот дружеский совет принять к сведению.

Сибирь несет тяжелые жертвы и несет безропотно. В четыре-три года вторая мобилизация. Кроме ста тысяч запасных, будут призваны четыре срока ратников ополчения на сформирование 24 дружин ополчения. Все исполнят. 4-й Сибирский корпус готов к походу, но в офицерах еще большой некомплект. Нижние чины—народ здоровый, крупный, мрачный несколько. В бою будут хороши.

Офицеры, особенно из запаса, не всюду хороши. Много прапорщиков запаса, в сущности мало подготовленных...

По дороге деятельность наладилась. Начальник дороги Павловский работает энергично. Предъявил и к нему требование, которое я ставил в Петербурге по усилению пути. Нашел в нем полное сочувствие. В первую очередь он просит отпустить ему $6^1/_2$ милл. рублей, и он число воинских поездов увеличит до 10; затем уже в этом году обещает увеличить до 12—14, если отпустят ему относительно небольшие средства и дадут заимообразно подвижной состав.

Военное движение до Байкала идет в порядке и не обременяет дороги. Кажется, что воинские поезда встречаются реже, чем то следовало бы...

Довольствие войск по пути организовано хорошо. Теплою одеждою снабжены обильно. Случаи продажи одежды были одиночные.

Сухотин возбудил вопрос, чтобы не выпускать из сибирского в. округа 14 милл. пудов хлеба, закупленного на вывоз. Не нашел поддержки у министров. Опасается, что может в сем году представиться необходимость подвозить хлеб для населения. Я сочувствую ему и высказал мнение, что до 6 милл. пудов надо бы купить как резерв хлеба для населения, которым могли бы и мы воспользоваться.

Призыв всех запасных, а потом и ратников ополчения может, действительно, крепко обессилить работоспособность сибирского населения и повести к недороду.

Кутайсов, провожавший меня от Иркутска до Байкала, говорил совсем несуразно. По его словам, когда последовало высочайшее соизволение на разрешение для поднадзорных поступить в войска на войну, дабы загладить свой поступок, то все поднадзорные от этой милости отказались. Некоторые прислали невероятно дерзкие заявле-

ния, что если они и поступят в ряды армии, то только с одною целью: убить государя...

Кутайсов передал мне о возмущении политических в Якутске. Говорил, что в массе прокламаций выражается сочувствие японцам и приглашаются действовать против нас, что в Томске неспокойно.

На Байкале меня встретил князь Хилков. Осунулся, похудел, совершенно расстроил нервы. Очевидно, взял себе задачу не по своим физическим силам, но выполнил ее с успехом: 65 паровозов (в разобранном виде) и 1.600 вагонов удалось передать по рельсовому пути, установленному по льду, несмотря на массу трудностей и почти ежедневные трещины во льду. Некоторые части паровозов катились по рельсам, везомые несколькими лошадьми; котел, остов ставились на две платформы, которые катились по рельсам тремя запряжками (парными) в санях. Вагоны катились по рельсам.

Передвижение нижних чинов тоже было организовано прочно. В день можно было посылать несколько эшелонов, но более четырех, кажется, и не посылали. Этого пока хватает. На каждых четырех человек наряжались сани, в которых везлись вещевые мешки, полушубки, если день теплый. В санях везлись все вещи солдат в сундучках, очень иногда больших, офицерское и ротное имущество, которое не уместилось на казенном обозе. Переход 44 версты. Шли бодро. Посредине пути устроен остановочный пункт. Дают обед. Кроме того, устроено две остановки, на которых дают чай. В Танхое остановочного пункта, к сожалению, не организовано. Открыта Красным Крестом хорошая обширная чайная. Тут все солдаты еще раз получают горячий чай.

Сомневаюсь, чтобы было особенно полезно на морозе тепло одетому (на озере Байкале) напиться горячего чаю и затем опять выходить на мороз. Пожалуй, простудных заболеваний прибавится, но пока не слышно.

Телеграфировал о необходимости обработать как военную дорогу тракт: Иркутск—Култук, нужный нам, когда на озере Байкале будет распутица...

Станция Борзя.

Проезжаем местностями малоснежными. Корм до сих пор хорош. Скот: верблюды, рогатый скот, табуны лошадей пасутся. Пастухи более буряты. Проеханные станицы имеют вид довольно зажиточных. На станциях много народа: казаки, калмыки, русские поселенцы. Обветренные, черные лица указывают на суровый климат. Но наружный вид весьма здоровый. На некоторых станциях видел значительные заготовки леса.

Меня встретили и проводили до Читы г.-м. Парчевский, за атамана, и Ренненкампф, начальник льготной дивизии. Парчевский—живые глаза, но много в ужимках польского. Дела еще хорошо не знает, но к работе способен. Ренненкампф совсем молодец, и если ему поможет бог, сделает не мало хороших дел.

Парчевский говорил мне, что население, прельстившись высокими ценами, распродало свой хлеб и теперь не имеет хлеба на обсеменение полей. Ему надо 100 вагонов зерна. Очень неприятное дело...

Железная дорога охраною только обозначена: на 1.200 верст поставлено 400 человек...

12 марта. Ст. Фулярди.

Проехали сутки по Манчжурской дороге. Ехали благополучно. Охрана всюду организована надежно. Меня провожают генерал Чичагов и полковник Хорват (нач. дороги). В числе охраны мне представились четыре-пять дружин из служащих. Стояли молодцами, с берданками, со значками.

Через туннель прошли насквозь. Но тупик за туннелем еще крут, и приходится пересоставлять поезд. Многие станции, как, например, Манчжурия и Бухеду, сильно разрослись. Женское население уменьшилось, но еще осталось.

Хорват и Чичагов жалуются на неопределенность организации власти. Они получают приказания от наместника, Линевича и от Волкова.

Хорват надеется, если ему дадут подвижной состав, скоро справиться с задачею, которую я поставил еще в июне прошлого года: 7 пар воинских поездов на магистрали и 12 пар воинских поездов на южной ветви...

Всю дорогу от Москвы я собирал у себя для чтения по очереди: генералов Харкевича и Величко и полковника Данилова; все три профессора. Успели прочесть за 13 дней: 1) труд Харкевича из войны 12 года «Барклай-де-Толли»; 2) записки Хрущова об обороне Севастополя, 3) Симанского «1896 г. Японо-китайская война».

Читали последнюю очень внимательно, с картами. Поучительны действия японского флота, действия десантные. Сухопутные действия тоже поучительны, но менее, ибо сопротивление китайцев было очень слабое. Тем не менее, видно умение начальствующих лиц определенно ставить задачи для действий и вести подготовку войск энергично, несмотря на снежные бураны, и приводить эти решения в исполнение.

К чтению приглашались: ген. Губер, полк. Кнорринг, полк. граф Бобринский, подполковник Сиверс. Днями мне читали еще вслух доктор Дейкун и подполковник Сиверс роман Бильзе «В маленьком гарнизоне», наделавший столько шума в Германии.

Один я со вниманием прочел и перечел труд Хвостова «Южная Манчжурия».

Завтра утром в Харбине, где проведу несколько часов, а послезавтра—в Мукдене у Алексеева.

14 марта. Мукден.

Представлялся наместнику. Встретились дружественно. Кажется, дело наладится. Наместник мне повторил несколько раз, что, сознавая

полную невозможность командовать сухопутными войсками, он до войны и уже во время войны просил государя уволить его от должности наместника и заменить лицом, которое могло бы командовать армиею. В привезенном мною письме от государя наместнику он прочел, что государь сам вспоминает об отказе его от должности. В этом же письме государь уже писал и о том, что мир должен быть заключен без посредства какой-либо третьей державы.

Адм. Алексеев относительно действий флота говорил мне, что он дал указания, чтобы наши эскадры, порт-артурская и владивостокская, приготовились бы до усиления их эскадрою Рожественского и не дали возможности японцам разбить их по частям до соединения всей флотилии вместе. Просит выслать в разобранном виде 10 миноносок в Порт-Артур. Полагает, что эскадра Рожественского из 6 эскадр. броненосцев, подкрепленная диверсиею из Порт-Артура, может пробиться к Порт-Артуру. Обещал без моего ведома не трогать частей вверенной мне армии. Брать их на другие театры только по соглашению со мной.

Адмирал Алексеев по политическим соображениям считает желательным не допускать японцев в Манчжурию (восстанут китайцы). Поэтому он за усиление наших войск на Ялу. Без меня этого усиления не произвел. Очень был рад, когда услышал, что и по моему мнению надо передвинуть на Ялу 6-ю бригаду (дивизию). Я высказал также мнение, что желательно отправить туда Линевича для объединения всех сил, на Ялу расположенных и расположенных в районах, соседних с ялинским.

Между прочим, я высказал адм. Алексееву мнение, что никакой беды не вижу во вторжении японцев в Манчжурию и пресечении ими связи с Порт-Артуром. Они ослабят себя, уйдя от своей базы, а мы будем усиливать себя с каждым днем.

Адм. Алексеев думает, что японцы, сбившись в своих расчетах, утратили несколько свою самоуверенность.

Он же думает, что если мы нанесем им серьезное поражение месяца через три, и они запросят пардона, то государь будет склонен пойти на мир, но Алексеев полагает, что надо настаивать, чтобы вычистить от японцев всю Корею и ранее не останавливаться.

Адм. Алексеев опасается высадки японцев на правом берегу Ляохе.

Алексеев согласился на предложенных мною Сахарова в начальники полевого штаба, Губера—в интенданты, Харкевича—в генерал-квартирмейстеры, Забелина—в начальники военных сообщений. Алексеев сам заявил мне, что по чрезмерной доброте ген. Волков не годится быть начальником тыла. Что для этой роли более всего подходит Надаров. С этим я охотно согласился. Надо устроить Волкова.

17 марта.

Начался третий день моего пребывания в Ляояне, главной квартире армии. Все нашел, как я ожидал. Для небольшого корпуса войск,

ныне собранного в южной Манчжурии, сделано не мало, но для подготовки действий большой армии почти ничего не сделано. Ни Линевич, ни Холщевников с этою задачею справиться не могли. Ввиду относительно медленного способа действий японцев, мы имеем еще несколько времени готовиться. Но уже с Ялу от Мищенко и от Кашталинского начинают поступать тревожные известия. Вчера было у Мищенко довольно горячее дело, в котором мы потеряли 4 офицеров и около 20 нижних чинов. Японцы уже в 60 верстах от р. Ялу. Лед на Ялу тронулся. Готовим переправу Мищенко на шаландах.

В стороне Инкоу мы выставили, согласно с моим советом из Петербурга, 9 и 1 стр. дивизии не в полном составе, с резервом у Дашичао и с передовыми отрядами в Инкоу и Гайчжоу.

В Ляояне и его окрестностях собрались две бригады 31 и 35 дивизий, два полка (5 баталионов) 6 стр. дивизии; в Асандзяне на укрепленной нами позиции 5 стр. дивизия (8 баталионов) и в Мукдене один полк 6 стр. дивизии.

Всего вчера было собрано на южном театре 56 баталионов (считая и 4 стр. дивизию).

Отдал приказание 6 стр. дивизии выступить на Ялу. Командующий дивизиею г.-м. Трусов ленив и не энергично распоряжался. Отнесся к выпавшей на его долю задаче апатично. Через 12 часов после получения приказания о выступлении им еще не были уяснены себе самые элементарные данные о наступлении, о состоянии дороги, о способе продовольствия, о том, сколько чинов идет в поход, сколько остается, о помощи обозу и т. д. Пришлось, осмотрев вчерашнего числа два выступающих полка и три батареи, дать Трусову, командирам полков и командиру артиллерийской бригады подробные указания. Отложил поход на два дня, чтобы организовать в полном порядке движение, устроить довольствие хлебом на этапах, купить запасных лошадей в помощь обозу, купить лямки, исследовать пути, разобраться в имуществе, оставить лишнее в порядке, как временную базу, и проч.

Части 2 Сибирского корпуса расположены вблизи дороги в китайских фанзах. Полагаю, что грязно. Говорят, нет. Приказал усиленно чистить и, как только будет можно, перейти к лагерному расположению. Приказал усилить занятия. На-днях сделаю двухсторонний маневр. Приказал строить при группах войск укрепления, усиленные местными преградами для практики войск. Усиленно требую проложения дорог в тыл, проложения дорог к Феньшуньлинскому хребту, усиленной постройки укреплений, устройства переправ на Ляохе. Очень и очень запоздали по всем этим работам.

Остановился на начальнике штаба армии—ген. Сахарове (к-р 1 Сиб. корпуса), интенданте — г.-м. Губере, начальнике военных сообщений — г.-м. Забелине, генерал-квартирмейстере — г.-м. Харкевиче. Дежурный генерал г.-м. Благовещенский был мною избран ранее. Начальник этапов—г.-м. Икскуль; начальник дорожного управления—г.-м. Мейснер.

С согласия наместника полагаю необходимым по управлению тылом Волкова заменить Надаровым. Волкова просить в Военный Совет.

Линевич возвратился в Приамурский район...

21 марта.

Вчера, в вербное воскресенье, слушал всенощную в ляоянской церкви-школе. Служило епархиальное духовенство и протянули службу на $2^1/_4$ часа времени.

Певчие нижние чины—порядочные.

Осматриваюсь, работаю со своими новыми помощниками; объезжаю войска и местность. Вчера выбрал линию укреплений для Ляояна. Кажется, будет довольно сильная позиция. Работы предстоит много...

Интенданту Губеру утвердил иметь в районе сосредоточения 2-месячный запас продовольствия на всю армию (передовая база), в Куанченцзы (промежуточная база)—месячный запас, в Харбине (главная база)—шестимесячный запас на всю армию. Принимаем ряд мер к обеспечению армии мясом. Фураж надо возможно шире заготовить месячный. Требуется подвести с апреля до сентября до 7 милл. пудов интендантских грузов, что можно будет сделать, только значительно усилив провозную способность Восточно-Китайской железной дороги.

Осматривал сегодня открытый георгиевскою общиною Красного Креста лазарет. Все в порядке. Много сестер милосердия. Старший врач—Боткин. Старшая сестра Иванова. Обедали у меня. Помещения приспособляют хорошо. Излишней роскоши в постельном и носильном белье не заметил...

23 марта.

Осмотрел сегодня вторые бригады 31 и 35 дивизий... Размещены полки хорошо. Фанзы просторные, вычищены. Отношения к жителям установились самые хорошие; начали возвращать женщин. Приглашают к обедам офицеров... Существуют опасения, что русские лошади от местного фуража скоро слепнут (через год)...

В Харбине провел несколько часов. Работа там идет большая, но несколько беспорядочно. Не установились отношения властей, и власти выбраны не все удачно. В посещенном госпитале не нашел должной внешней чистоты...

24 марта. Инкоу.

Приехал рано утром. Верхами отправились в обход китайского города к форту. По пути заехали, осмотрели нашу канонерскую лодку Сивуч. Не нашел ее в порядке. Имеет запущенный вид и в команде не нашел обычной бодрости. Сознание бессилия и плохое судно (тихоход), видимо, всех угнетают. Между тем, вооружение порядочное...

Офицеры имеют несколько угнетенный вид. Подбодрил команду несколькими словами. В случае попытки японцев высадиться у Инкоу, Сивуч должен помогать, подойдя к форту, своею артиллериею...

От станции до форта мы сделали около 14 верст верхом. Местность печальная. Все больше ехали кладбищами. Многие гроба обнажены. Мертвые от эпидемии зарыты слабо, и местность мало дезинфицирована. Только-что стало просыхать. Но и теперь еще по сторонам дороги не всюду проберется конный отряд. Подавать помощь передовым войскам от станции к форту будет, пока местность совершенно не просохнет, затруднительно...

«Форт» представляет из себя довольно обширное земляное укрепление, в котором мы теперь строим блиндажи, пороховые погребки и построили небольшую жилую казарму. Верхняя приподнятая часть форта отлично видна с моря и должна представлять, как и весь форт, прекрасную цель...

От Дашичао первая помощь может быть подана весьма быстро двумя поездами, которые подвезут один полк. Остальные три полка двинутся походным порядком и через 6—8 час. прибудут к станции Инкоу. Только бы резерв из Дашичао не отвлекли демонстрациею у Гайчжоу.

То, что я видел у Инкоу, показывает, что производство высадки японцев у Инкоу на левом берегу Ляохе будет весьма затруднительно, особенно после того, как мы поставим мины. Старшие начальники полагают, что японцы не решатся высаживаться у Инкоу и скорее рискнут на высадку у Гайчжоу.

Переправа у Инкоу на правый берег. Ничего не сделано, чтобы обеспечить нашим войскам, если в том встретится необходимость, переправиться на правый берег Ляохе.

25 марта.

Страстная неделя. Четверг. Благовещение. В этот день, когда птицы, по народному поверью, не вьют гнезда, я продолжал объезд армии. Сделал до 28—30 верст верхом...

Именной указатель.

Абаза, А. М., свиты контр-адмирал.
Александр Михайлович, вел. кн.
Алексей Александрович, вел. кн., ген.-адмирал.
Алексеев, Е. И., ген.-адъют., адм., гл-щий морск. и сух. силами против Японии.
Безобразов, А. М., статс-секретарь.
Бильдерлинг, А. А., ген. от кав., командир 17 корпуса.
Бобринский, Г. А., гр., состоящий в расп. ген. Куропаткина.
Благовещенский, А. А., ген.-м., деж. ген. шт. манчж. армии.
Борис Владимирович, вел. кн.
Ванновский, П. С., ген.-ад., бывш. воен. мин. и мин. нар. просвещения.
Вернандер, А. П., инж., ген.-инсп. по инж. части.
Величко, К. И., инж., ген.-м.
Владимир Александрович, вел. кн., главнокомандующий войсками гвардии.
Вогак, К. И., св. ген.-майор.
Волков, В. С., ген.-л., нач. тыла манчж. армии.
Голицын, В. М., кн., моск. гор. голова.
Голицын, Л. С., кн., изв. винодел.
Губер, К. П., ген.-м., инт. манчж. армии.
Данилов, Н. А., ген. шт. полк.
Евгения Максимил., жена пр. А. П. Ольденбургского.
Елизавета Маврикиевна, в. кн., жена в. кн. Конст. Константиновича.
Елизавета Федоровна, в. кн., сестра имп. Александры Фед., жена в. к. Сергея Александровича.
Жилинский, Я. Гр., ген.-л., нач. шт. у адм. Алексеева.
Забелин, А. Ф., ген.-м., нач. воен. сооб. манчж. армии.
Карлова, Нат. Фед., гр., жена герц. Георг. Георг. Мекленбургского., рожд. Вонлярская.
Кашталинский, Н. А., ген.-м. нач. 3 В. С. стр. дивизии.
Кнорринг, А., полк., сост. при воен. мин.
Константин Константинович, вел. кн., глав. нач. воен.-учебн. заведений.
Кристи, Гр. Ив., моск. губернатор.
Ксения Алекс., в. кн., жена в. кн. Александра Михайловича.
Кутаисов, гр., иркут. ген.-губернатор.
Левашев, Н. Н., ген.-л., нач. упр. воен. сообщений.
Линевич, Н. П., ген.-от-инф., ком. войсками до прибытия Куропаткина.
Лобко, П. Л., ген.-от-инф., госуд. контролер.
Макаров, С. О., адмирал.
Малахов, Н. Н., ком. грен. кор., ген.-от-инф.
Мария Павловна, в. кн., жена в. кн. Влад. Александровича.
Мещерский, В. П., кн., ред. журнала «Гражданин».
Мещерский, вероятно **С. Б.,** кн., Волокол. у. предвод. дворянства.
Мейснер, Е. А., ген.-м.
Михаил Александрович., вел. кн.
Мищенко, П. И., ген.-м., нач. Заб. каз. бригады.
Надаров, И. П., ген.-л., нач. тыла манчж. армии.
Обручев, Н. Н., ген.-ад., чл. гос. сов.
Ольга Александровна, в. кн., жена пр. П. А. Ольденбургского.
Остен-Сакен, бар., жена полк., сост. при Куропаткине.
Парчевский, П. А., Забайкал. воен. губернатор.
Петр Александрович, пр. Ольденбургский.
Победоносцев, К. П., ст.-секр., об.-прок. св. синода.
Ренненкампф, П. К., ген.-л., нач. Заб. каз див.
Рожественский, З. П., св. контр.-адм.

Рудановский, К. А., ген.-м., командир. 2 бр. 1 гв. п. див.
Сахаров, Вл. Вик., ген.-л.
Сергей Александрович, в. кн., моск. ген.-губ.
Сиверс, полк. ген. шт., секр. Куропаткина.
Соболев, Л. Н., ген.-л., н. шт. моск. окр.
Соколовский, И. Н., уфим. губернатор.
Старк, О. В., вице-адм.
Сухотин, Н. Н., ген.-от-кав., омск. ген.-губернатор.
Трубецкой, П. Н., кн., моск. губ. предв. дворянства.
Харкевич, В. И., ген.-л. ген. шт.
Хилков, М. И., кн., мин. пут. сооб.
Холщевников, И. В., ген.-л., воен. губ. Забайкал. области.
Хорват, Д. Л., пол., нач. Вост.-Кит. ж. д.
Чичагов, Н. М., ген.-л., нач. заам. окр. отд. корп. погр. стражи.
Шувалов, Пав. Андр., гр., ген.-ад.
Юсупова, З. Н., кн., жена кн. Фел. Фел., св. ген.-м.

Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина *).

1906.

1.

1) Краткое объяснение причин роспуска Думы.

2) Неодобрение и порицание тем, кот. позволили себе грабить, жечь и захватывать чужую собственность.

3) Заявление, что все дальнейшие заботы мои, как отца о своих детях, будут направлены к справедливому обеспечению крестьян землею [1].

2.

Прошу вернуть мне телеграммы, полученные мною по случаю роспуска Думы.

Н.

(11 июля).

3.

[*Июль* [2]].

Принял Львова [3], Гучкова [4]. Говорил с каждым по часу.

Вынес глубокое убеждение, что они не годятся в министры сейчас. Они не люди дела, т.-е. государственного управления, в особенности Львов. Поэтому приходится отказаться от старания привлечь их в совет мин. Надо искать ближе.

Нечего падать духом. *Н.*

---

*) Переписка Н. Романова с П. А. Столыпиным, состоящая из записок и писем Николая Романова к Столыпину и докладов Столыпина, печатается с подлинных документов, хранящихся во II Отделении Госархива Р.С.Ф.С.Р. Документы эти хранились, по всем данным, в Царско-Сельском Александровском дворце. Записки и письма Николая, все собственноручно написанные, частью чернилами, частью карандашом, собраны в особой кожаной папке, имеющей на первой странице надпись карандашом «Ц. С. Алекс. Дворец, Советский кабинет, кованный сундук». Доклады П. А. Столыпина взяты из архива Царско-Сельского дворца из Отдела «Государственная Дума» (Дело № 515, листы 66—83). Доклады все написаны от руки собственноручно Столыпиным. *Ред.*

4.

Прошу дать знать Самарину [5], что я желаю его видеть сегодня 18 июля, в 7 час.

Н.

5.

Июль.

Подыскивая возможных кандидатов на должность главноупр. зем. и землеустр., кроме Н. Н. Львова, я вспомнил о херсонском губернском предводителе С у х о м л и н о в е [6]. Говорят, что он в Петербурге. Постарайтесь увидеться с ним для беседы. По вынесенному затем впечатлению можно будет судить о будущем.

Н.

6.

Июль.

Я вспомнил про нашу беседу вчерашнюю, по поводу вашего желания о появлении статьи, объясняющей причину отказа общественных деятелей вступить в министерство.

Но так как Львов обещал вам ничего не писать в газетах, мне кажется нужным, чтобы вы его и других предупредили заранее о появлении такой статьи.

Мне известно о пущенном слухе, будто я переменил свое мнение о пользе привлечения людей со стороны, что, разумеется, не так.

Я был против вступления ц е л о й г р у п п ы лиц с какой-то программой.

Н.

7.

Красное Село. 2 августа 1906 г.

Обращаю серьезное внимание ваше на прилагаемые телеграммы. Распорядитесь немедленно поставить об этом в известность местную власть. Если сельские общества действительно уполномочили своих доверенных обратиться ко мне с такого рода ходатайствами, то им нужно будет разъяснить всю дерзновенность их поступка и предупредить о тяжких последствиях, на которые они себя обрекают. Это должно быть сделано от моего имени, с напоминанием места манифеста 9 июля [7] относительно ослушников моей воли.

Чем скорее это будет сделано, тем будет лучше.

Николай.

8.

Непрекращающиеся покушения и убийства должностных лиц и ежедневные дерзкие грабежи приводят страну в состояние полной

анархии. Не только занятие честным трудом, но даже сама жизнь людей находится в опасности.

Манифестом 9 июля было объявлено, что никакого своеволия или беззакония допущено не будет, а ослушники закона будут приведены к подчинению царской воле. Теперь настала пора осуществить на деле сказанное в манифесте.

Посему предписываю совету министров безотлагательно представить мне: какие меры признает он наиболее целесообразными принять для точного исполнения моей непреклонной воли об искоренении крамолы и водворения порядка.

Николай.

14 августа 1906 г.

P. S. Повидимому, только исключительный закон, изданный на время, пока спокойствие не будет восстановлено, даст уверенность, что правительство приняло решительные меры, и успокоит всех [8].

9.

27 авг. 1906 г.

На последнем докладе вы мне сказали, что к воскресенью, т.-е. к сегодняшнему дню, будут арестованы те лица в Петергофе, которые готовят террористические акты.

Между тем я узнал от Трепова [9], что еще ничего не сделано.

Считаю свое невольное заключение в «Александрии» не только обидным, но прямо п о з о р н ы м.

30 августа будет парад в моем присутствии, и к этому дню Петергоф д о л ж е н б ы т ь обезврежен.

Невозможно дольше ждать с ликвидацией здешней «облавы»— иначе или случится новое покушение, или анархисты улизнут. И то, и другое будет вящшим скандалом перед всем миром.

Николай.

10.

После нашего разговора сегодня относительно поездки в море государыня [10] и я решили отправиться отсюда в четверг, 31-го днем [11].

Я вас приму 5 сентября, в 2 часа.

Николай.

28 авг. 1906 г.

11.

Вернулись сегодня, 21 сентября, благополучно—здоровыми и отдохнувшими вполне.

Раньше возвращаться не стоило, так как погода была прекрасная, и хотелось ее использовать до конца. А главное, у меня совесть была

чиста, будучи убежден, что дела за моим отсутствием нисколько не останавливались.

Буду рад вас видеть в скором времени.

Николай.

12.

Ваше императорское величество.

Если долг генерал-адьютанта Дубасова [12] побудил его просить милости для покушавшихся на его жизнь, то мой долг ответить на вопрос ваш: «что вы думаете?» всеподданнейшею просьбой возвратить мне его письмо и забыть о том, что оно было написано.

Мне понятно нравственное побуждение Дубасова, но когда в Москве мятежники покушались на чужие жизни, не он ли железною рукою остановил мятеж?

Тяжелый, суровый долг возложен на меня вами же, государь. Долг этот, ответственность перед вашим величеством, перед Россиею и историею диктует мне ответ мой: к горю и сраму нашему лишь казнь немногих предотвратит моря крови; благость вашего величества да смягчает отдельные, слишком суровые приговора,—сердце царево—в руках божьих,—но да не будет это плодом случайного порыва потерпевшего!

Министр внутренних дел

Столыпин [13].

3 декабря 1906 г.

13[1]).

Царское Село. 10 декабря 1906 г.

Петр Аркадьевич.

Возвращаю вам журнал по еврейскому вопросу не утвержденным.

Задолго до представления его мне, могу сказать, и денно и нощно, я мыслил и раздумывал о нем.

Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу,—внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям.

Я знаю, вы тоже верите, что «сердце царево в руцех божиих».

Да будет так.

Я несу за все власти, мною поставленные, перед богом страшную ответственность и во всякое время готов отдать ему в том ответ.

Мне жалко только одного: вы и ваши сотрудники поработали так долго над делом, решение которого я отклонил.

---

[1]) Письмо опубликовано ранее в журнале «Былое», 1917, №№ 5—6.

Относительно помощи голодающим и способа объединения всего дела я говорил с ее величеством. Она охотно примет под свое покровительство высшее направление помощи. Очень важный вопрос о выборе достойного лица в виде помощника ей.

Мы еще никого не имеем в виду; прошу вас с своей стороны подумать об этом. У меня в 1891 году таковым был Плеве [14].

Николай.

14.

Ваше императорское величество.

Только что получил ваше повеление относительно оставления без последствий журнала по еврейскому вопросу.

Вашему величеству известно, что все мои мысли и стремления направлены к тому, чтобы не создавать вам затруднений и оберегать вас, государь, от каких бы то ни было неприятностей.

В этих видах, а не из желания испрашивать каких-либо изменений решения вашего по существу, я осмеливаюсь писать вашему величеству.

Еврейский вопрос поднят был мною потому, что, исходя из начал гражданского равноправия, дарованного манифестом 17 октября, евреи имеют законные основания домогаться полного равноправия; дарование ныне частичных льгот дало бы возможность Государственной Думе отложить разрешение этого вопроса в полном объеме на долгий срок.

Затем я думал успокоить нереволюционную часть еврейства и избавить наше законодательство от наслоений, служащих источником бесчисленных злоупотреблений.

Все это послужило основанием в обнародованном с одобрения вашего величества правительственном сообщении объявить, что коренное решение еврейского вопроса является делом народной совести и будет разрешено Думой, до созыва которой будут отменены неоправдываемые обстоятельствами времени наиболее стеснительные ограничения.

Затем еврейский вопрос был предметом обсуждения совета министров, журнал которого и был представлен вашему величеству, что, несмотря на полное соблюдение тайны, проникло, конечно, в прессу и в общество, ввиду участия многих лиц в составлении и печатании этой работы.

Теперь для общества и еврейства вопрос будет стоять так: совет единогласно высказался за отмену некоторых ограничений, но государь пожелал сохранить их.

Ваше величество, мы не имеем права ставить вас в такое положение и прятаться за вас.

Это тем более неправильно, что вы, ваше величество, сами указывали на неприменимость к жизни многих из действующих законов

и не желаете лишь в порядке спешности и чрезвычайности даровать от себя что-либо евреям до Думы.

Моя всеподданнейшая просьба поэтому такова: положите, государь, на нашем журнале резолюцию приблизительно такого содержания: «Не встречая по существу возражений против разрешения поднятого советом министров вопроса, нахожу необходимым провести его общим законодательным порядком, а не на основании 87 статьи законов основных, так как 1) вопрос этот крайне сложен, 2) не представляется, особенно в подробностях, бесспорным и 3) не столь спешен, чтобы требовать немедленного разрешения за два месяца до созыва Государственной Думы».

При таком обороте дела и министерство в глазах общества не будет казаться окончательно лишенным доверия вашего величества, а в настоящее время вам, государь, нужно правительство сильное.

Затем, если бы вашему величеству было угодно, можно было бы резолютивную часть журнала переделать и, не настаивая на 87 статье, испрашивать разрешения вашего величества, внести ли вопрос в Думу, или разрешить его в порядке чрезвычайном.

Простите мне, ваше величество, но я знаю, чувствую, что вопрос этот громадной важности. Если ваше величество не одобрите мои предположения и не разрешите мне прислать для наложения резолюции журнал, о возвращении которого никто пока не знает, позвольте приехать со словесным докладом в среду в $9^1/_2$ часов вечера.

Вашего императорского величества верноподданный

П. Столыпин.

10 декабря 1906 г.

15.

Ц[арское] С[ело]. 11 декабря 1906 г.

Из предложенных вами способов я предпочитаю, чтобы резолютивная часть журнала была переделана в том смысле—внести ли вопрос в Думу или разрешить его в порядке ст. 87.

Это самый простой исход.

Приезжайте, когда хотите, я всегда рад побеседовать с вами.

Николай.

1907.

16.

В четверг, в 11 час. утра, у меня соберется совещание по поводу мер, которые нужно принять по отношению к Финляндии.

Прошу вас присутствовать.

Не будет ли вам удобнее переночевать в Царском после вашего доклада. *Николай.*

30 января 1907 г.

17.

Имею счастье доложить вашему величеству, что заседание Думы [15] под председательством д. т. с. Голубева [16] прошло благополучно.

Члены Думы правой партии после молебна дважды пропели гимн и огласили залы Таврического дворца возгласами «ура».

После привета Голубева от имени вашего величества правые встали, и член Думы Крупенский [17] громко провозгласил в честь вашего величества «ура», подхваченное всею правою стороною; левые не встали, но не решились на какую-либо контр-манифестацию.

Председателем Думы выбран Головин [18], кадет, председатель московской губернской земской управы (356 шарами против 102). Приветственная речь Головина была прилична.

Председатель совета министров

Столыпин.

20 февраля 1907 г.

18.

Ц[арское] С[ело]. 20 февраля 1907 г.

Благодарю вас, Петр Аркадьевич, за донесение о состоявшемся открытии Думы.

По-моему, лучше, что уже выбран председатель,—все-таки меньше неопределенности.

Поведение левых характерно, чтобы не сказать неприлично.

Вероятно, завтра придется принять Головина.

Будьте бодры, стойки и осторожны.

Велик бог земли русской.

Николай.

19.

Приемлю долг доложить вашему величеству, что сегодня мною прочитано в заседании Государственной Думы сообщение правительства [19].

После бурных нападок левых с призывом к открытому выступлению и стойкого отпора правых, мною произнесена речь, прилагаемая при сем в стенограмме [20].

Государственная Дума постановила принять простой переход к очередным делам.

Настроение Думы сильно разнится от прошлогоднего, и за все время заседания не раздалось ни одного крика и ни одного свистка.

Председатель совета министров

Столыпин.

6 марта 1907 г.

20.

Приемлю долг доложить вашему величеству, что меня сильно озабочивает забастовка судовых команд в Баку [21], во всех портах Каспийского моря, грозящая прекращением вывоза нефти и полною остановкою всей нашей заводской промышленности.

Я предупреждал об этом наместника [22], с разрешения вашего величества, шесть недель тому назад и рекомендовал ему увеличить гарнизон и принять другие меры. Однако кавказское начальство предупреждению не поверило и ничего не предприняло

Теперь, по моему мнению, настоятельно необходимо: немедленно послать в Баку не менее двух полков (там теперь всего 3.500 штыков) и под охраною войск поставить на суда новые команды, а забастовщиков, хотя бы 1.000 человек, выслать из края.

На посылку соответственной телеграммы наместнику испрашиваю разрешения вашего величества.

В Государственной Думе продолжается словоизвержение зажигательного характера, а о работе не слышно. По вопросу о военно-полевых судах нам удалось, однако, свести вопрос на-нет. Я не напоминаю Думе о необходимости работать и рассмотреть бюджет, так как это напоминание растолкуют нашим якобы желанием заключить заем.

Сильное осложнение вносит убийство в Москве сегодня Иоллоса [23], бывшего члена Государственной Думы и приятеля Герценштейна [24].

Председатель совета министров

Столыпин.

14 марта 1907 г.

21.

Вполне разделяя ваши соображения о необходимости принятия указанных вами мер в Баку, прошу вас послать наместнику настоятельную о том телеграмму.

Николай.

15 марта 1907 г.

22.

В деле плодотворной работы Государственной Думы [25] громадное значение имеет правильное и беспристрастное направление прений председателем. Между тем Ф. А. Головин почти не останавливает левых ораторов, что особенно ярко вылилось в речах Алексинского [26], Наливкина [27], по делу о привлечении к следствию членов Думы. Речи эти крайне резкого и неприличного характера были произнесены беспрепятственно, попытка же возразить им со стороны члена Думы Люце [28] была остановлена председателем.

Крайние речи по аграрному вопросу [29], рассылаемые по всей России, а также печатные письма от имени депутатов [30] представляют серьезную опасность для спокойствия деревни.

Газетные слухи о решении комиссии о безработных (председатель—Горбунов [31], секретарь—Алексинский) вступать в прямые сношения с рабочими также наводят на размышления.

Кончина ст.-секр. Фриша [32] выдвигает вопрос о назначении ему преемника.

Сколько я ни думал над этим—другого имени, кроме почтенного Акимова [33] мне не приходит в голову.

Во всяком случае, до свидания с вами я этого вопроса не решу.

Н.

31 марта 1907 г.

23.

Вчера, 1 апреля, утром мною получена записка Головина. Я ее отправил бар. Фредериксу [34] и написал ему, что, предварительно назначения времени приема Головину, последний должен письменно изложить мне сущность тех вопросов, о которых он желает мне доложить.

Я стараюсь оттянуть это скучное дело.

Надеюсь, вы поправитесь скоро. До свидания.

Николай.

2 апр. 1907 г.

24.

Приемлю долг послать вашему величеству, ввиду завтрашней аудиенции Головина, еще одну стенограмму, в которой отмечены обвинения Родичевым [35] правительства в мошенничестве, при чем он не был остановлен председателем.

Смею напомнить, что крестьянин Кирносов [36], тоже не остановленный председателем, заявил о том, что его прислали «взять землю, а не покупать ее».

Я уверен, что твердое слово вашего величества Головину будет первым грозным предостережением против революционирования народа с думской кафедры.

Сегодня я был в Думе; впечатление тусклое и серое. В комиссиях, по словам наших чинов, не умеют взяться за работу ввиду неподготовленности и неумения работать вообще.

Дума «гниет на корню», и многие левые, видя это, желали бы роспуска теперь, чтобы создать легенду, что Дума создала бы чудеса, да правительство убоялось этого и все расстроило.

Ожидаю с нетерпением результатов аудиенции, данной сегодня вашим величеством Акимову, и завтрашнего знаменитого разговора с Головиным.

Видел сегодня князя Васильчикова [37] и на-днях сведу его с Коковцевым [38].

Председатель совета министров

Столыпин.

9 апреля 1907 г.

25.

Вчера говорил с Акимовым. Как честный слуга он, очевидно, принял покорно назначение свое председ. гос. совета.

Разговор с Головиным сегодня прошел успешно. Я ему высказал все, что имел на душе и в мыслях,—не резко.

Он старался выгораживать себя довольно слабо. Настроен оптимистично, думая, что Госуд. Дума после пасхи заработает!

Николай.

26.

Приемлю долг доложить вашему величеству, что, обдумывая вопрос об имеющих последовать назначениях в государственный совет и зная о намерениях вашего величества, я не могу не высказать некоторых опасений по отношению к кандидатуре Дмитрия Хомякова [39]: он известен как убежденный славянофил и сторонник общины, в настоящее же время вся правительственная политика направлена к насаждению мелкой частной собственности, одинаково ненавистной и революционерам, и славянофилам.

Я уже высказывал эти свои соображения вашему величеству, теперь же убедился, что их разделяет и М. Г. Акимов, и поэтому осмеливаюсь вновь их повторить.

Вчера посетил меня Головин, в высшей степени предупредительный и высказывающий убеждение, что Дума поправеет. Однако он, видимо, побаивался сегодняшнего заседания и вполне сознавал, что в случае отказа Думы в утверждении контингента новобранцев она будет распущена [40].

Теперь 5 часов, а должны говорить еще 45 ораторов. Думаю, что вопрос все же пройдет, так как роспуска панически боятся. О результате, согласно приказанию вашего величества, немедленно доложу.

Председатель совета министров

Столыпин.

16 апреля 1907 г.

27.

Приемлю долг доложить вашему величеству, что, как видно из прилагаемого стенографического отчета, члену Думы Зурабову (армянин), оскорбившему армию [41], было сделано замечание, и он лишен был слова.

Между тем, на вопрос Головина, сделанный мне по телефону во время перерыва заседания, о том, какой исход дела я признавал бы

желательным, я ответил ему, что министры не вернутся в зал заседаний, если Зурабов не будет на это заседание из Думы исключен.

Не исполнив этого условия и будучи, вероятно, смущен моим распоряжением о том, чтобы сегодня вечером представители министерства не являлись в думские комиссии, Головин просил, чтоб я его принял, и был у меня в 12 часов ночи.

Он очень смущен и говорит, что не мог выполнить мое желание, ввиду отказа польского коло голосовать за исключение Зурабова,—без поляков же не образовывалось большинства, и предложение было бы отклонено, что еще ухудшило бы положение.

Я ему объяснил, что, во всяком случае, сделанным Зурабову замечанием я не считаю уничтоженным оскорбление, нанесенное в Думе русской армии, и что, пока Дума не даст достаточного удовлетворения армии, военный министр в Думе не покажется.

При этом я позволил себе упомянуть, что знаю, насколько чувствительно ваше величество относитесь ко всему, касающемуся чести армии, и что Дума должна помнить и об обязанностях своих к вам, государь, как к верховному вождю армии.

На вопрос Головина, что я советую ему делать, я сказал ему, что Дума в глазах правительства покажет желание удовлетворить армию, если 1) примет переход к очередным делам с выражением уважения к доблестной русской армии и уверенности в беззаветной ее преданности родине и царю и 2) если Головин завтра же сделает визит генералу Редигеру [42] с извинением за происшедшее.

Головин обещал мне все сделать, чтобы провести первое мое предложение и обещал завтра же быть у военного министра. Не мог я не высказать Головину, что в каждом иностранном парламенте такого Зурабова разорвали бы на клочки или, по крайней мере, отхлестали бы.

Председатель совета министров

Столыпин.

17 апреля 1907 г.

28.

На поздравительные телеграммы по случаю дня моего рождения прошу отвечать изъявлением всем моей благодарности.

Н.

6 мая 1907 г.

29.

Представляя настоящий всеподданнейший доклад, приемлю долг доложить, что князь Челокаев [43] был сильно настроен против тамбовского губернатора Муратова [44], так как находил его слишком ретроградным. Теперь князя Челокаева сожгли, и он, вероятно, изменив свои взгляды, будет ходатайствовать о мерах строгости.

Независимо от сего, считаю долгом известить, что я справлялся о московском Тютчеве [45], которого ваше величество предполагали назначить в государственный совет и получил о нем самые лучшие сведения, как о весьма порядочном человеке самого лучшего направления. Что касается профессора Янжула [46], то говорят, что он очень состарился и уже мало пригоден к работе.

Председатель совета министров

Столыпин.

13 мая 1907 г.

30*).

Приемлю долг доложить вашему величеству, что все готово к предъявлению Государственной Думе в пятницу требования об устранении из своей среды 55 членов и к роспуску Думы в случае ее отказа в этом [47].

Одновременно будет предъявлено требование о разрешении немедленно заключить под стражу 15 наиболее уличаемых членов Думы, которые вместе с тем являются и цветом левых партий. Совет министров признал невозможным требовать разрешения ареста всех 55 членов, так как это имело бы характер не серьезного судебного обвинения, а политической мести. Но так как обвинение и требование исключения из Думы будет касаться всех пятидесяти пяти, то в случае попытки скрыться они все будут задерживаться полициею.

Избирательный закон переписывается и будет послан вашему величеству к подписи завтра.

Наместник усиленно просит не исключать совсем Кавказа [48], но мне представляется лучшим временно приостановить там выборы.

Манифест будет также готов завтра и прислан на окончательное благовоззрение вашего величества: в нем вчера в совете министров сделано два-три ничтожных исправления в выражениях.

Председатель совета министров

Столыпин.

30 мая 1907 г.

31.

Имею счастие представить при сем вашему величеству переписанный манифест к подписанию.

Если потребовались бы еще какие-либо исправления, то можно успеть его переписать еще раз.

В указе о роспуске Думы для правительствующего сената, уже подписанном вашим величеством, я впишу назначенный вами срок созыва новой Думы (1 ноября) и, соответственно этому, срок начатия выборов.

---

*) Письмо опубликовано ранее в. ж. «Былое» 1918 г. № 2.

При сем прилагаю к подписанию вашего величества указ об отсрочке до 1 ноября и заседаний государственного совета.

Завтра вношу известное вашему величеству требование в Думу, и если в субботу она его не выполнит, то, согласно приказанию вашего величества, объявлю высочайший манифест и указ о роспуске. Новый избирательный закон будет представлен к подписанию завтра, в пятницу.

Председатель совета министров

Столыпин.

32.

Только что получены мною исторические слова вашего величества, которые я позволил себе прочесть господам министрам.

Совет заседал до трех часов ночи, все было готово к роспуску. Манифест и все документы напечатаны, но ожидались подлинные документы за подписью вашего величества, чтобы дать сигнал для обнародования.

Верьте, государь, что все министры, несмотря на различные оттенки мнений, проникнуты были твердым убеждением в необходимости роспуска, и колебаний никто не проявлял. Думе дан был срок, она законного требования не выполнила и по слову вашему перестала существовать.

Я крепко верю, что господь ведет Россию по предуказанному им пути и что вашему величеству предстоит еще счастье видеть ее успокоенною и возвеличенною.

Простите, ваше величество, за плохой почерк предыдущего донесения,—объясняется он переутомлением, так как не приходится спать неразобранное вашим величеством слово] было—надпись «утверждаю».

Председатель совета министров

Столыпин.

2 июня 1907 г.

33.

Петр Аркадьевич.

Вас, может быть, удивило, что я на-днях утвердил доклад и основрые соображения ген. Вендриха [49] относительно приступа к сформированию эксплоатационного корпуса. Мысль эта меня давно интересовала, я ее нахожу принципиально правильною и для России безусловно необходимою.

Действительно, систематическая организация личного состава железнодорожных служащих и рабочих ж.-д. мастерских, т.-е. элемента весьма неспокойного и недисциплинированного, в кадры или дружины—представляется мерою весьма полезною.

Я слышал, что в М. П. С. предполагалось созвать совещание для разработки этого вопроса. Но вы сами знаете обычный результат и волокиту таких рассмотрений в министерствах, в особенности,

когда разбираемое дело многим является не по вкусу. Поэтому я решил дать самому автору и убежденному проповеднику этого проекта возможность провести его в жизнь.

Посмотрим, выйдет ли что на деле; во всяком случае, от опыта, первоначально введенного на обоих столичных жел.-дор. узлах, ничего дурного произойти не может. Вероятно, Шэуфус [50] будет обижен,— что же делать!

Я имею всегда одну цель перед собой: благо родины: перед этим меркнут в моих глазах мелочные чувства отдельных личностей.

Уверен, вы меня понимаете, любезный Петр Аркадьевич.

Я торопился, поэтому написал карандашом.

Николай.

23 окт. 1907 г.

34.

Петр Аркадьевич.

С предположениями вашими относительно предстоящих распоряжений по Финляндии я согласен. Так как Зейн [51]—генерал, то мне кажется, что назначение его помощником ген.-губ. должно состояться военным приказом. Будучи вызван сюда и узнав о состоявшемся решении без его ведома, Герард [52] немедленно попросится оставить должность ген.-губ. и уже более в Гельсингфорс не вернется.

Поэтому Зейну придется сразу исправлять должность ген.-губ., тем более, что ген. Бекман [53] будет в Выборге.

Очень важно теперь же приступить к выработке текста указа и правительственного сообщения, в которых нужно ясно и определенно изложить причины объявления Выборгской губернии на военном положении. Считаю также полезным опубликование оповещения от имени выборгского военного генер.-губерн. населению этой области—немедленно по вступлении его в должность. Лучше заранее все подготовить спокойно.

Относительно приема Гос. Думы [54] я пришел к следующему заключению: теперь принимать ее рано, она себя еще недостаточно проявила в смысле возлагаемых мною на нее надежд для совместной работы с правительством.

Следует избегать преждевременных выступлений с моей стороны и прецедентов.

Эту точку зрения безусловно разделяет и государыня императрица.

Поживем, увидим!

Николай.

9 ноября 1907 г. Ц[арское] С[ело].

35.

Какая неприятная досада, что приходится откладывать решенное крупное дело.

Не понимаю, каким образом могли разгласиться слухи?

Неужели наша русская болтливость?

Прилагаю и прошу вас прочесть эту записку, доставленную мне с месяц тому назад Дейтрихом [55].

Невольно задумываешься над мыслью о своевременности приведения обеих мер в исполнение разом.

Это желательно серьезно обсудить.

Николай.

11 ноября 1907 г.

36.

Вполне согласен, что необходимо продолжать приготовление в войсках для введения их в Выборгскую губернию и довести эти приготовления до конца, а затем обождать подходящего момента.

Я сам передам военному министру о назначении Зейна, однако, твердо не знаю, нужно ли дополнительное приказание и статс-секретариату?

Теперь приезд Герарда ничему не помешает.

Николай.

12 ноября 1907 г.

37.

Случилось то, что я предвидел. После длинного и тягостного разговора моего с Герардом он на словах просил и затем прислал прошение об увольнении от должности. Удерживать его дольше нельзя. Теперь надо назначить ген. Бекмана генерал-губернатором. Об этом я предупредил в. к. Николая Николаевича [56]. Прошу вернуть мне письмо Герарда.

Н.

1 декабря 1907 г.

38.

Я не ответил членам Гос. Думы на две их вчерашние телеграммы, которые послал вам в отдельном пакете.

Прошу представить мне два проекта таковых.

Удручен внезапною кончиною Философова [57]. Еще новая забота для вас в приискании преемника ему.

Н.

7 декабря 1907 г.

39.

С Кауфманом [58] объяснился.

Он просил об одном,—чтобы Герасимов [59] не был уволен раньше его ухода.

С этим я согласился. Мне кажется, что увольнение обоих одновременно докажет всей России, что мною не одобрялась политика мин-ва народн. просвещения.

Сейчас из моего кабинета вышел Герард. Он вовсе не кипятился, как при последнем докладе, и теперь относится спокойно к прежде волновавшим его вопросам. Он мне назвал имя знатока финляндских дел—сенатора Судейкина [60], бывшего при покойном Плеве управляющим делами статс-секретариата, как полезного члена вашего совещания. Наведите о нем справку.

Николай.

22 декабря 1907 г.

40.

Танееву [61] даны указания относительно увольнения Герасимова в отставку.

Разделяю соображения ваши по поводу неудобства, связанного с появлением рескрипта на имя Шварца [62].

Желаю и вам, Петр Аркадьевич, здоровья, бодрости души и тела и всякого успеха в 1908 году.

Николай.

30 дек. 1907 г.

1908.

41.

Прошу просмотреть прилагаемые дела.

Думаю, что проект закона о промыслах заслуживает внимания.

Не можете ли вернуть мне эти доклады в четверг утром?

Н.

22 января 1908 г.

42.

Вот все, что мне удалось найти в моих бумагах за время гр. Витте [63], касательно Финляндии (октябрь—декабрь 1905 г.).

Можете приказать снять копии с этих документов и затем вернуть их мне.

Николай.

6 марта 1908 г. Ц[арское] С[ело].

43.

Ц[арское] С[ело]. 11 марта 1908 г.

Извиняюсь и прошу вас, Петр Аркадьевич, приехать ко мне с докладом не завтра, в среду, а в четверг, в 10 час. вечера.

Я очень занят эти два дня и освобожусь к четвергу. Меня очень озабочивают морские вопросы; о них мы поговорим при докладе.

Николай.

44.

Только что получил от ген. Бекмана прилагаемый доклад. Ему, конечно, виднее на месте значение и последствия предлагаемой им меры.

Поэтому я думаю согласиться на роспуск сейма [64]. Но предварительно желаю знать ваше мнение, которое прошу прислать мне завтра, во вторник.

Н.

7 марта 1908 г.

45*).

Вследствие бури и невозможности сесть на яхту в Кронштадте, мы решили поехать в Ревель [65] по жел. дор. прямо к порту, как мы это сделали в 1904 году осенью.

Н.

46.

Посылаю вам на прочтение это обращение прошлого сейма Финляндии от 1 ноября 1907 года и только что переданный мне министром-статс-секретарем. Я написал на полях доклада Лангофа [66] «оставить без последствий», потому что этого сейма уже нет. Но очень хотелось отписать им крепкое слово, точно так же и Думе за ее слепое и ничем не оправдываемое отклонение кредита на воссоздание флота. И это как раз накануне прибытия короля английского.

Николай.

25 мая 1908 г.

47.

Прошу представить мне доклад по поводу прилагаемых газетных вырезок. Их передала мне сегодня великая княгиня Вера Кон-

*) На подлинном помечено: «получено 24 мая 1908 г.»

стантиновна [67]. Составьте доклад в виде объяснительной записки, которую я мог бы передать вел. княгине.

Н.

31 октября 1908 г.

48.

Я ошибочно согласился сегодня, утром, на ваш приезд ко мне с докладом завтра, в 10 час. вечера.

Мне в о о б щ е неудобно принимать в субботу и в воскресенье по вечерам. Поэтому, если доклад терпит, то отложите его до понедельника, в 10 час. вечера.

Отчет якутского губерн. [68], посылаемый мною сегодня, заслуживает особого внимания совета министров; в нем есть очень характерные цифры.

Николай.

28 ноября 1908 г.

1909.

49.

Предупреждаю вас, что я сегодня имел с А. П. Извольским [69] серьезный разговор, после которого он более не будет просить об уходе.

Вам говорить с ним по этому поводу не нужно.

Николай.

13 января 1909 г.

50.

Царское Село. 24 янв. 1909 г.

Петр Аркадьевич.

В конце прошлого года было испрошено мое соизволение на открытие подписки для сооружения храма в память моряков, погибших в прошлую войну с Японией.

Совесть моя повелевает мне восполнить тот невольный пробел, который таким образом получился; а именно, немедленно озаботиться об увековечении памяти павших воинов на далеких полях Манчжурии.

На основании этой мысли предлагаю вам возбудить на заседании совета мин-в следующие вопросы:

1) ограничиться ли собранием средств путем всероссийской подписки на сооружение церкви-памятника, или

2) кроме такого храма, устроить и привести в порядок кладбища, находящиеся в Манчжурии;

3) обсудить, каким образом возможно объединить деятельность уже существующего комитета под почетным покровительством королевы Ольги Константиновны [70], с имеющим образоваться военным;

4) я нахожу нужным, чтобы оба эти учреждения состояли под общим покровительством государыни императрицы Александры Феодоровны, и

5) в какой форме следует объявить о моей воле,—указом ли сенату, или рескриптом?

Я придаю всему этому делу большое значение и желаю, чтобы было понято в России, что инициатива идет от меня.

Николай.

51.

Царское Село. 25 апреля 1909 г.

Петр Аркадьевич.

После моего последнего разговора с вами я постоянно думал о вопросе о штатах мор. ген. штаба.

Ныне взвесив все, я решил окончательно представленный мне законопроект не утверждать.

Потребный расход на штаты отнести на 10 мил. кредит.

О доверии или о недоверии речи быть не может.

Такова моя воля.

Помните, что мы живем в России, а не за границей или в Финляндии (сенат), и поэтому я не допускаю и мысли о чьей-либо отставке. Конечно, и в Петербурге, и в Москве об этом будут говорить, но истерические крики скоро улягутся.

Поручаю вам выработать с военным и морским министрами в месячный срок необходимые правила, которые устранили бы точно неясность современного рассмотрения военных и морских законопроектов.

Предупреждаю, что я категорически отвергаю вперед вашу или кого-либо другого просьбу об увольнении от должности.

Уважающий вас

Николай.

52.

Прошу уведомить всех министров, чтобы во время моих плаваний и путешествий они не присылали всяких приложений и подношений при письменных докладах.

Н.

29 мая 1909 г.

1910.

53.

Ц[арское] С[ело]. 8 февраля 1910 г.

Сегодня я принял Гершау-Флотова [71], подробно расспрашивал его о витебских делах и пришел к твердому заключению, что его убирать из губернии было бы ошибкой. Я ему сам высказал мое желание, чтобы он оставался там губернатором.

Николай.

54.

Желаю к завтрашнему дню благовещения даровать помилование Гурко [72], о чем известите министра юстиции и его самого.

Николай.

55.

Петергоф. 30 мая 1910 г.

Петр Аркадьевич.

Прошу вас оповестить всех гражданских министров, чтобы они во время моего отсутствия не посылали при письменных докладах никаких приложений, планов и т. п.

Прикажите доставлять мне всю обычную телеграфную корреспонденцию, агентские телеграммы—по телеграфу в Балтийский порт.

Предупреждаю вас об этой подробности потому, что в прошлые стоянки на рейде «Штандарт» телеграммы доставлялись из глав. морского штаба в больших пакетах два раза в неделю с фельдъегерем.

Всякий смысл телеграммы при этом, конечно, терялся.

Желаю вам хорошо отдохнуть и до свидания до Риги.

Николай.

56.

22 сент. 1910 г.
Burg Friedberg.

Петр Аркадьевич.

С удовольствием узнал о благополучном возвращении вашем из интересной поездки по Сибири [73]. Буду ожидать письменного доклада вашего и Кривошеина [74] по поводу всего виденного вами и с предположениями относительно дальнейших мер по переселению. Прочное землеустройство крестьян внутри России и такое же устроительство переселенцев в Сибири—вот два краеугольные вопроса,

над которыми правительство должно неустанно работать. Не следует, разумеется, забывать и о других нуждах—о школах, путях сообщения и пр., но те два должны проводиться в первую голову.

Два слова о Финляндии.

Случилось то, что мы предвидели,—сейм отверг представленные ему для заключения законопроекты [75].

Поэтому мне приходит в голову следующее соображение. При покойном Бобрикове [76] было два аналогичных случая. На имя генерал-губернатора был издан рескрипт с порицанием происшедшего, с пояснением моей точки зрения, с изъявлением моей воли относительно предстоящего направления данного вопроса и с напоминанием в конце рескрипта о сомнительной пользе дальнейшего существования или созыва сеймов.

Предлагаю издание подобного акта, как мысль. Если вы ее найдете подходящею, разрешаю обсудить ее в совете министров, в противном случае объясните письменно причину.

Итак, за мое отсутствие два министра ушло [77]. Сазонов [78] и неизвестный Кассо [79] займут их места.

Дай бог, чтобы они оправдали свое назначение.

Живем мы здесь спокойно. Лечение ее величество переносит хорошо, но оно еще далеко не кончено [80]. Я много разъезжаю на моторе и знаю теперь окружающую местность не хуже Петербургской губернии. Что за дороги?!.

До свиданья. Крепко жму вашу руку.

Николай.

1911

57.

Статья вашего брата во вчерашнем № «Нового Времени» мне не понравилась [81]. Вдумайтесь в отмеченные мною места—относительно армии и закона 9-го ноября. Разве оба мероприятия произошли от Гос. Думы?

Н.

10 января 1911 г.

58.

Я решил теперь же командировать в гор. Царицын для расследования и доклада мне известных обстоятельств флигель-адъютанта Мандрыку [82]. Народ должен знать, что царю близки его горе и его радости.

Николай.

2 февраля 1911 г.

59 *).

Улучш. законодат. о евреях.
Бессараб. губ.
Об углублении канала в наш. рукаве Дуная до 30 ф.

60.

Прошу приказать вести счет телеграммам, получаемым мною от союза рус. народа и за сим представить мне общую ведомость.

Н.

Примечания.

[1]) Записка Н. Романова без даты. Записку следует отнести к 1906 г., так как изложенные в ней положения вошли в содержание манифеста 9 июля 1906 г. о роспуске I Госуд. Думы. Так как записка находится среди бумаг Столыпина, надо предполагать, что она была или черновиком не дошедшего письма к Столыпину или же записью блокнота перед аудиенцией.

[2]) Подлинник без даты, но следует это письмо отнести к июлю 1906 г., так как в это время после роспуска I Государственной Думы правительством велись переговоры с Гучковым, Львовым, Самариным и друг. о вступлении их в кабинет. В правительственном сообщении от 24 июля 1906 г. говорилось: «отдельные общественные деятели, из которых Н. Н. Львов и А. И. Гучков были приняты его величеством, в продолжение аудиенции полагали, что они в целях мирного проведения реформы могут оказать большую пользу, не уходя в настоящую минуту от общественной деятельности, которая им свойственна».

[3]) *Львов, Николай Николаевич* (1867) земский деятель; член I, III и IV Гос. Думы (к.-д.; мирн. обн.; прогрессист).

[4]) *Гучков, Александр Иванович*, лидер октябристов, председатель III Государственной Думы в 1908 г.

[5]) Подлинник даты не имеет. Письмо следует отнести к 1906 году, так как в июле этого года с Самариным велись переговоры о вступлении в правительство.

Самарин Федор Дмитриевич, член государ. совета по выборам от двор. обществ.

[6]) *Сухомлинов, Николай Федорович*, камергер, предводитель дворянства Херсон. губ.

[7]) Манифест 9 июля 1906 г. сопровождал роспуск I Государственной Думы. В манифесте от 9/VII о земельном вопросе было сказано следующее: «Да восстановится же спокойствие на земле русской и да поможет нам всевышний осуществить главнейший из царственных трудов наших—поднятие благосостояния крестьянства. Воля наша к тому непреклонна, и пахарь русский, без ущерба чужому владению, получит там, где существует теснота земельная, законный и честный способ расширить свое землевладение». По адресу «ослушников» закона в манифесте сказано следующее: «Да будет же ведомо, что мы не допустим никакого своеволия или беззакония и всею силою государственной мощи приведем ослушников закона к подчинению нашей царской воле».

---

*) Письма №№ 59 и 60 без дат. *Ред.*

[8]) Военно-полевые суды введены 19 августа 1906 г. и существовали по 20 апреля 1907. В заседании 13 марта 1907 происходили начавшиеся 12 марта прения по законопроекту об отмене в.-пол. судов. Выступал Столыпин. Дума избрала комиссию из 16 лиц для передачи в нее законопроекта.

[9]) *Трепов, Дмитрий Федорович* (ум. 1906), генерал-лейт., спб. генерал-губернатор и затем дворцовый комендант.

[10]) *Александра Федоровна* (1872—1918), жена Николая Романова.

[11]) 31 августа 1906 г. Н. Романов отправился в финляндские шхеры.

[12]) *Дубасов, Федор Васильевич* (1845—1912), ген.-ад., адмирал, член госуд. совета; московский ген.-губернатор с ноября 1905 по июль 1906 года. Руководил подавлением московского восстания в декабре 1905 года.

Покушение на Дубасова произведено 2 дек. 1906 г. Березиным и Воробьевым в Петербурге (в Таврическом саду). По приговору военно-полевого суда покушавшиеся повешены. Дубасов получил контузию и чрез несколько дней после покушения был произведен из вице-адмиралов в адмиралы.

[13]) *Столыпин, Петр Аркадьевич* (1862—1911), председатель совета министров, мин. вн. дел., член госуд. совета, гофмейстер. 1899 — Ковенский губ. предв. дворян.; 1902 — Гродненс. губ; 1903 — Саратов. губ.; с 26 апреля — мин. вн. дел., с 8 июля 1906 — председ. сов. министров с оставлением в должн. мин. вн. дел. Убит охранником Багровым.

[14]) *Плеве, Вячеслав Константинович*, министр внутренних дел 1902—1904. Особый комитет помощи голодающим в местностях, пострадавших от неурожая, был образован 17 ноября 1891 г. под председательством Николая, тогда наследника. Плеве заведывал делопроизводством этого комитета.

[15]) II Госуд. Дума была открыта 20 февраля 1907, существовала по 3/VI 1907, имела 53 заседания. Председатель ее был Ф. А. Головин, тов. председ. Н. Н. Познанский (прис. пов.) от Харькова, левый и М. Е. Березин (земский деятель) от Саратова, трудовик, секретарь М. В. Челноков, к.-д. Ко дню открытия Думы партийный состав ее был таков: правых — 63, октябристов и умеренных — 34, к.-д. — 117, польских депутатов — 39, левых (в их числе трудовики)—97, социалистов (с.-д., с.-р., и н.-с.) — 83, беспартийных — 22.

[16]) *Голубев, Иван Яковлевич* (1841), д. т. с., товарищ председателя госуд. совета с 20 мая 1906 года.

[17]) *Крупенский, Павел Николаевич* (1863), член I (правый) и III (националист) Государственной Думы.

[18]) *Головин, Федор Александрович* (1866), 1898—1906 председатель моск. губ. земской управы, председатель II Госуд. Думы, к.-д.

[19]) Декларация, прочитан. Столыпиным в засед. Гос. Дум. 6 марта 1907, содержала длинный перечень законопроектов, выработанных министерством и внесенных в Думу. Декларации аплодировали только правые; центр и левые молчали.

[20]) К письму приложена стенограмма известной речи Столыпина, заканчивающейся словами: «Не запугаете!»

[21]) 10 марта 1907 г. в Баку среди судовых команд пароходов (135) возникла забастовка, охватившая вскоре и другие порты Каспийского моря. Пассажирское и товарное движение остановилось. «Для принятия мер к немедленному восстановлению спокойствия» был командирован из Петербурга отд. корпуса жандармов г.-м. бар. Таубе.

[22]) Наместник на Кавказе—гр. Воронцов-Дашков, Илларион Иванович (1836—1916) ген.-ад., ген.-от-кавалерии.

[23]) *Иоллос, Григорий Борисович* (1859—1907), литератор, член I Госуд. Думы и тов. председателя бюджетной комиссии. Убит в Москве членами «союза русского народа».

[24]) *Герценштейн, Михаил Яковлевич* (1859—1906), известный экономист. пр.-доц. моск. университета, видный член I Государственной Думы; к.-д. Убит черносотенцами в Териоках.

[25]) Письмо без даты. Оно написано не раньше 30 марта 1907, так как упоминаемые в нем прения при обсуждении сообщения министра юстиции о привлечении к суду членов Гос. Думы (соц.-дем.: Кузнецова, Геруса и Купстоси) происходили в заседании Думы 30 марта 1907.

[26]) *Алексинский, Григорий Алексеевич* (род. 1880), корректор, член II Госуд. Думы от СПБ., соц.-демократ, член группы «Единство», в настоящее время один из деятелей белогвардейской эмиграции.

[27]) *Наливкин, Владимир Петрович* (род. 1852), член II Госуд. Думы от Ташкента, б. помощн. военного губ. Ферганской области, соц.-дем.

[28]) *Люце, Людвиг Готлибович*, член II Госуд. Думы, октябрист.

[29]) Аграрный вопрос обсуждался II Госуд. Думой в течение 10 заседаний. По этому вопросу произносили речи 89 ораторов. Из социал-демократов выступило 9 ораторов, с.-р.—10, дашнакцутюнов—2, народн. соц.—5, трудовиков—11, кадетов — 16, октябристов — 13 и правых — 15.

[30]) Печатные письма о деятельности Госуд. Думы, рассылавшиеся в большом количестве по провинции с.-д. депутатами, фигурировали в качестве вещественных доказательств по делу о с.-д. фракции II Госуд. Думы.

[31]) *Горбунов, Григорий Арсеньевич* (1871), врач, член II Госуд. Думы от Терской области, с.-р., чл. III Думы.

[32]) *Фриш, Эдуард Васильевич* (1833 — 1907), председатель государственного Совета.

[33]) *Акимов, Михаил Григорьевич* (1847), б. мин. юстиции, ст.-секр., председатель госуд. совета (с 10 апреля 1907).

[34]) *Фредерикс, Владимир Борисович* (1838), граф, ген.-ад., ген.-от-кав., министр император. двора 1897—1917.

[35]) *Родичев, Федор Измайлович* (1856) член I, II (от Тверской губ.), III и IV Госуд. Думы, к.-д. В заседании Думы от 6 апреля 1907 г., Родичевым во время обсуждения вопроса о признании выборов членов Госуд. Дум. от Тамбовской г. было сказано следующее: «Задача нашей Думы напомнить стране, что существуют такие первоначальные условия честности в выборах, которые обязательны для всякого правительства» и, обсуждая тамбовские выборы, он продолжал: «когда перед нами вскрывается картина того, что невежливо может быть названо «выборным мошенничеством», то мы должны поставить вопрос: достигло ли это мошенничество цели».

[36]) *Кирносов, Никита Савельевич* (1859), крестьянин, член II Госуд. Думы от Саратовской губ., с.-р.

[37]) *Васильчиков, Борис Александрович* (1863), шталмейстер, чл. госуд. совета, главноупр. землеустр. и земледелием.

[38]) *Коковцев, Владимир Николаевич* (1853), мин. финансов 1904 — 1905 и 24 апреля 1906—1 января 1914 г. член госуд. совета, сенатор, с 1914, граф.

[39]) *Хомяков, Дмитрий Алексеевич.*

[40]) 16—17 апреля 1907 г. Госуд. Дума в закрытом заседании обсуждала и приняла законопроект военного министерства о контингенте новобранцев на 1907 г. большинством 193 против 129 голосов.

[41]) *Зурабов, Аршак Герасимович* (1873), журналист, член II Госуд. Думы от Тифлиса, соц.-дем., выступал в закрытом заседании Думы 16 апреля 1907 при обсуждении законопроекта о контингенте новобранцев. Как видно из стенограммы Г. Думы 2 созыва за № 1105 Зурабовым было сказано следующее: «Исходя из того соображения, что современная армия, во-первых, отрывает от производительного труда главные массы трудящегося населения, что ложится тяжелым бременем на самое общество, что современное нам самодержавное правительство, беря эти самые общественные силы, главным образом, трудящиеся, направляет их против самого народа,—признавая все это и признавая также, что наша армия в самодержавном государстве не будет никогда приспособлена, сколько бы с этих скамей ни говорили, в целях внешней обороны, что вот такая армия будет великолепно

воевать с нами и вас, господа, разгонять и будет всегда терпеть поражения на Востоке...» На этом месте Зурабов был прерван и лишен слова. Стенограф. отчет не подлежал на основании статей 44—46 учр. Г. Думы (Св. зак. т. I, ч. 2 изд. 1906) оглашению в печати. Инцидент протекал и был исчерпан следующим образом: присутствовавшие в Думе министры немедленно удалились, Головин сделал Зурабову замечание, лишив его слова, и в тот же день вечером посетил Столыпина и выразил ему сожаление. На другой день рано утром был с визитом у военного министра и затем, открывая заседание Г. Думы, сделал следующее заявление: «Вчера мы были свидетелями печального инцидента в Гос. Думе: по отношению нашей доблестной русской армии было высказано здесь мнение, которое, конечно, должно быть признано для нее обидным». Заканчивалось заявление словами: «Гос. Дума, без сомнения, протестует против тех выражений по отношению к русской армии, которые были высказаны здесь одним из членов Думы». В деле по личной переписке председателя Госуд. Думы 2 созыва, хранящейся в Петрограде, имеется в связи с Зурабовским инцидентом следующая переписка:

Письмо члена Думы с.-дем. фракции Салтыкова к председателю Головину, и ответ военного министра Редигера на письмо Головина о возможности опубликования в печати речи Зурабова. Приводим текст этих документов.

I) Господину Председателю Государственной Думы. Ввиду многочисленных односторонних совершенно искажающих действительность сообщений в печати о сущности и обстоятельствах речи депутата Зурабова обращаюсь от имени социал-демократической фракции с просьбой о выдаче соответствующего—по ст. 46 «учрежд. Госуд. Думы»—разрешения на оглашение в печати полного текста речи Зурабова. Отсутствие в этой речи каких-либо стратегических соображений или специальных исчислений состава армии позволяет надеяться, что препятствий к оглашению речи не может встретиться.

24 апреля 1907 г. Член Думы Салтыков.

Пометка карандашом: Послано В[оенному] М[инистру].

II) Военный Министр
по Главному Штабу.
3 мая 1907 г.
№ 584.

Ф. А. Головину, Председателю Государственной Думы.

Милостивый Государь Федор Александрович.

На письмо ваше от 2-го сего мая имею честь уведомить, что я не признаю возможным изъявить согласие на оглашение в печати текста речи депутата Зурабова, произнесенной им в закрытом заседании Государственной Думы при рассмотрении законопроекта о величине контингента новобранцев призыва сего года.

Прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности.

Редигер.

[42]) *Редигер, Александр Федорович* (1853), ген.-от-инф., военный министр, член госуд. совета.

[43]) *Челокаев, Николай Николаевич* (1830), князь, гофмейстер, тамбовский губ. предводитель дворянства, член госуд. совета.

[44]) *Муратов, Николай Павлович* тамбовский губернатор.

[45]) *Тютчев, Иван Федорович* (1846—1909), сын поэта, почетный опекун, гофмейстер, с января 1908 г. член госуд. совета.

[46]) *Янжул, Иван Иванович* (1846), академик, заслуж. орд. проф., доктор финансового права; член статистического совета при министерстве внутренних дел.

[47]) Требование к Госуд. Думе об устранении из своей среды 55 членов Думы на предмет привлечения их к следствию и взятия 15 человек под стражу было внесено правительством 1 июня 1907 для немедленного исполнения. В список были включены следующие депутаты: И. П. Озол, Г. А. Алексинский Л. Ф. Герус, А. Г. Зурабов, И. И. Кириенко, П. А. Аникин, В. А. Анисимов, В. М. Серов, Махорадзе, И. Г. Церетелли, А. Л. Джапаридзе, Г. Е. Белоусов, С. Н. Салтыков, В. И. Митров и В. Е. Мандельберг. Дума уклонилась от немедленного исполнения и передала это требование на решение особой комиссии. 3 июня появился указ Николая сенату о роспуске II Госуд. Думы и о назначении новых выборов, начиная с 1 сентября и с указанием открытия новой Думы на 1 ноября 1907 г. В опубликованном одновременно манифесте роспуск Думы объяснялся медленностью рассмотрения и отклонением представленных правительством законопроектов, обращением права запросов (по поводу злоупотребления администрации) в метод борьбы с правительством, в составлении частью Думы заговора против царя и в неисполнении Думой требования о выдаче обвиняемых. Одновременно означенный манифест от 3/VI 1907 г. изменил избирательный закон в Госуд. Думу, ибо по толкованию манифеста при существующей избирательной системе Госуд. Дума «пополнялась членами, не явившимися настоящими выразителями нужд и желаний народных».

[48]) Избирательный закон 3/VI 1907 г. Кавказа не исключил, но уменьшил количество депутатов: вместо 29 депутатов Кавказ мог посылать по новому закону только 10.

[49]) *Вендрих, Альфред Альфонсович*, ген.-лейт., военный инженер, начальник управления железных дорог.

[50]) *Шаффгаузен-Шенберг-Экг-Шауфус, Николай Константинович*, военный инженер, министр путей сообщения 1906—1909 г.

[51]) *Зейн, Франц Александрович*, ген.-лейт., 1907—1909 пом. финл. ген.-губ., с 1909 финл. ген.-губернатор.

[52]) *Герард, Николай Николаевич* (1838), финляндский ген.-губернатор 1905—1908, сенатор, член госуд. совета.

[53]) *Бекман, Владимир Александрович*, ген.-от-кав. финляндский генерал-губернатор.

[54]) Речь идет о III Госуд. Думе.

[55]) *Дейтрих, Владимир Федорович* (1850), б. пом. финл. ген.-губернатора, с 1905 член госуд. совета.

[56]) *Николай Николаевич*, великий князь, главнокомандующий войсками гвардии и петербургского военного округа 1905—1914 г.

[57]) *Философов, Дмитрий Александрович* (1861—1907), б. госуд. контролер, министр торговли и промышленности, шталмейстер, с 1906 член. госуд. совета.

[58]) *Кауфман, Петр Михайлович* (1857), министр народного просвещения 1906—1907, сенатор, член госуд. совета.

[59]) *Герасимов, Осип Петрович*, т. с., тов. министра народного просвещения.

[60]) *Судейкин, Власий Тимофеевич*, сенатор.

[61]) *Танеев, Александр Сергеевич*, ст.-секр., член госуд. совета, главноуправляющий соб. его величества канцелярией, обер-гофмейстер.

[62]) *Шварц, Александр Николаевич*, член госуд. совета, сенатор, заслуженный профессор, министр народного просвещения.

[63]) *Витте, Сергей Юльевич* (1849—1915), госуд. деятель.

[64]) Очередная сессия сейма в Финляндии открыта 30 января 1908 г. Сейм распущен 22 марта 1908.

[65]) 27 мая 1908 г. в Ревеле происходило свидание Николая с английским королем Эдуардом VII.

[66]) *Лангоф, Август Федорович*, ген.-лейт., министр ст.-секр. В. К. Финл.

[67]) *Вера Константиновна*, великая княгиня, дочь в. кн. Константина Николаевича, вдова герцога Вильгельма-Евгения Вюртембергского.

К письму приложены вырезки статей Ив. Трегубова и А. Пругавина о запрещении евангелистам молитвенных собраний.

[68]) Якутский губернатор в 1908 г.—*Крафт, Иван Иванович.*

[69]) *Извольский, Александр Петрович* (1865), с 1906 по сентябрь 1910 мин. иностранных дел; с 21 сентября 1910 посол в Париже.

[70]) Королева эллинов *Ольга Константиновна* (1851), дочь в. кн. Констант. Николаевича, жена греческого короля Георга I.

[71]) *Гершау-Флотов, Бернгард Бернгардович*, витебский губернатор, в д. гофмейстера.

[72]) *Гурко, Владимир Иосифович*, товарищ министра внутренних дел. Был судим в 1907 г. уг. кас. деп. сената за превышение и противозаконное бездействие власти по делу по поставке фирмой Лидваля продовольствия голодающим. В 1910 г. Гурко получил камергера. Подлинник письма без даты.

[73]) Совместная поездка Столыпина и Кривошеина в Сибирь была посвящена землеустройству и переселенческому вопросу. Возвратились из поездки 20 сентября 1910 г.

[74]) *Кривошеин, Александр Васильевич* (1858), гофмейстер, государственный деятель; с 21 мая 1908 главноуправляющий землеустройством и земледелием.

[75]) Финляндский сейм был распущен 25 сентября 1910 за отказ от обсуждения внесенных на его заключение законопроектов об уравнении в правах с финляндскими гражданами других русских подданных и о производстве финляндским казначейством платежей государственному казначейству взамен отбывания финляндскими гражданами личной военной повинности.

[76]) *Бобриков, Николай Иванович* (1839—убит 1904), ген.-адъют. С 1898 по 4 июня 1904 г. финляндский ген.-губернатор. Проводил обрусительную политику.

[77]) Осенью 1910 г. ушли министр иностр. дел А. П. Извольский и мин. народн. просвещения Шварц. 26 сентября министром народного просвещения назначен директор московского лицея Кассо, а Извольского заменил тов. мин. ин. дел С. Д. Сазонов, назначенный министром 8 ноября 1910 г.

[78]) *Сазонов, Сергей Дмитриевич* (1860). В 1906—1909 чрезв. посланник в Ватикане; 1909—1910 тов. мин. иностр. дел; после ухода Извольского в 1910 г. управляющий министерством и с 8 ноября 1910 по 1916 министр иностр. дел.

[79]) *Кассо, Лев Аристидович*, министр народного просвещения 1910—1914.

[80]) С июля по ноябрь 1910 г. Николай II и Александра проживали в Фридберге, вблизи Наугейма.

[81]) Статья Аркадия Столыпина под заглавием «Октябристская Госуд. Дума и ее критики» помещена в № 12509 «Нового Времени» от 8 янв. 1911 года. Перечисляя заслуги III Думы, Столыпин говорит: «Третья Дума вложила меч в руки безоружной России», и в той же статье дальше он пишет: «III Дума провела и одобрила правительственный закон, который для экономического положения России составит такую же эру, какую составил для России гражданский закон об освобождении крестьянства». Речь идет о законе 9 ноября 1906 года.

[82]) *Мандрыка, Александр Николаевич*, флигель-адъютант, капитан лейб-гвардии 4 стрелкового импер. фамилии батальона. Командировка его находилась в связи с появлением в Царицыне иеромонаха Илиодора, переведенного синодом в январе 1911 г. в один из монастырей тульской епархии и оттуда бежавшего обратно в Царицын.

Письма участников процесса 193-х.

Авторами публикуемых ниже писем о процессе 193-х являются подсудимые по этому громкому процессу и лица, близко с последними соприкасавшиеся по революционной работе. Письма эти были отобраны при обыске у свидетельницы по делу 193-х В. П. Чепурновой. О них упоминает в своих мемуарах В. Н. Фигнер. В настоящее время они хранятся в числе так наз. «вещественных доказательств» в архиве быв. III отделения соб. е. и. в. канцелярии. (Ленинградский Историко-Революционный Архив.)

Имя Чепурновой в связи с ее арестом в Колпине 18 декабря 1877 г. несколько раз мимоходом упоминалось в литературе и до появления автобиографии В. Н. Фигнер. Результаты, к которым этот арест неожиданно привел, оставались неясными даже для тех, кто непосредственно был в том заинтересован.

Переписка, отобранная у В. П. Чепурновой, дает возможность на основании архивных материалов [1]) более или менее подробно осветить этот любопытный эпизод [2]).

Вера Петровна Чепурнова, уроженка Самарской губернии, дворянка по происхождению (в 1877 г. ей было 45 лет от роду), не принимая лично активного участия в революционном движении, сочувственно относилась к революционной молодежи семидесятых годов.

В меблированных комнатах, содержательницей которых она являлась в Самаре, пропагандисты нередко находили себе гостеприимный приют. Так, напр., следственные власти, тщательно выяснявшие в 1879 г. шаг за шагом деятельность и местопребывание А. К. Соловьева (после его неудачного покушения на Александра II), установили, между прочим, что в 1877 г. в меблированных комнатах В. П. Чепурновой некоторое время проживал и А. К. Соловьев. В июне 1877 г., как показывала сама Чепурнова, приблизительно две недели проживала у нее Марья Павловна Лешерн фон-Герцфельд и тогда же квартиру ее посещал «Григорий Иванович Лебединцев», т.-е. А. И. Иванчин-Писарев. На допросе в Самаре 1 марта 1878 г. Чепурнова, между прочим, по-

---

[1]) Дело III отделения соб. е. и. в. канцелярии, III эксп., 1877 г., № 334 «О задержании на станции «Колпино» дворянки Веры Чепурновой с бумагами предосудительного содержания», т. II «Дознания по обыску, произведенному при задержании дворянки Веры Петровны Чепурновой» (первый том дознания не отыскался, пользуемый II том включает материалы предварительного жандармского дознания, ведшегося в Самарской губ.) и вещественные доказательства, отобранные при аресте В. П. Чепурновой.

[2]) Нижеследующие страницы вступительного слова к публикуемым письмам, как и сами письма, являясь результатом изучения первого тома мемуаров В. Н. Фигнер, пишущий эти строки, склонен рассматривать как документальный комментарий к цитированным строкам «Запечатленного труда».

казывала: «Вера Николаевна Филиппова (Фигнер) приехала ко мне в сентябре месяце (1877 г.) с письмом от Лешерн, прожила у меня 4—5 дней и потом говорила, что уезжает в Петербург. Приезжала она в Самару (с целью) искать место фельдшерицы. Вскоре она вернулась и приходила ко мне и говорила, что получила место фельдшерицы, но где, не знаю».

Неоходимо подчеркнуть, что последнее Чепурнова показывала уже после того, как она была задержана с изобличавшими ее документами, устанавливавшими ее связь с Фигнер. Она, без сомнения, знала, где именно последняя устроилась фельдшерицей, но не считала, очевидно, возможным говорить об этом тогда, когда жандармы усердно разыскивали В. Н. Фигнер.

Вызванная особым присутствием сената, разбиравшим знаменитое дело «о пропаганде» (193-х), В. П. Чепурнова в октябре 1877 г. приезжала в Петербург. Вызова ее, как свидетельницы, добился защитник Е. Е. Лазарева (судившегося и оправданного по тому процессу), прис. пов. Корш. Находясь в столице, свидетельница Чепурнова часто навещала подсудимого Лазарева в тюрьме и матерински заботилась об его довольствии.

В столице ее встретили радушно, как надежного человека. Заехала она на квартиру Л. И. Сердюковой, откуда вскоре переселилась на квартиру И. А. Гольдсмита, где и жила до возвращения в Самару.

Через И. А. Гольдсмита,—редактора-издателя распространенного журнала «Слово»,—Чепурнова завязала широкое знакомство [1]).

В ожидании допроса Чепурнова пробыла в Петербурге около двух месяцев. В декабре 1877 г. она подверглась в судебном заседании допросу. Показания ее были «как нельзя более в пользу» Е. Е. Лазарева—отмечает подпольный отчет о процессе, выпускавшийся землевольцами.

К моменту отъезда на руках у Чепурновой оказалось до двадцати доверительных писем самого разнообразного содержания.

О предстоящем отъезде В. П. Чепурновой и о взятых ею на себя поручениях оказалось своевременно осведомленным и III отделение.

18 декабря 1877 г. она выехала из Петербурга и была задержана на ст. Колпино. Дело о В. П. Чепурновой в секретной экспедиции III отделения начато производством за четыре дня до того, 14 декабря, какой датой помечено и первое имеющееся в деле агентурное донесение.

«13 сего декабря,—говорится в этом донесении,—сообщающий был у помещицы Веры Петровны Чепурновой. Она сказала, что намерена ехать в Самару 14-го числа с почтовым поездом в спальном вагоне и при этом упомянула, что повезет с собою много кое-каких поручений от содержащихся (в тюрьме) преступников и других пропагандистов, выпущенных на поруки. Поручения эти состоят из писем, книг и отчета по политическому процессу (193-х), печатающегося тайно».

Агент («сообщающий»), беседовавший с Чепурновой (установить его имя пока не представилось возможности), посещал квартиру Гольдсмита для строго определенной цели. Его задача заключалась в том, чтобы установить местонахождение подпольной

---

[1]) В то время И. А. Гольдсмит считался радикалом и пользовался некоторой популярностью в революционных кругах. Несколько позже Гольдсмит оказался агентом правительства.

землевольческой типографии, которая довольно аккуратно выпускала очередные отчеты о заседаниях особого присутствия по процессу. Задание это он не выполнил,— открыть типографию ему не удалось: она вообще не была тогда обнаружена.

Тогда же, 14 декабря, последовало надлежащее распоряжение на имя начальника петербургского жандармского полицейского управления железных дорог Познанского. В предписании было указано, что Чепурнова, «как полагают, везет с собою тайно напечатанные на маленьких листочках отчеты заседаний особого присутствия» (о письмах, характерно, в предписании умалчивается). III отделение предлагало Познанскому «произвести у Чепурновой обыск, но так, чтобы не обратить внимания публики».

Чепурнова, видимо, рассчитывала выехать 14 декабря. но случайно задержалась на несколько дней, что видно из обнаруженного у нее письма Евгении Николаевны Фигнер к сестре Вере Николаевне.

Выехала она 18 декабря и в тот же день, как сказано, подверглась обыску и аресту на ст. Колпино. Обыск обнаружил у нее большое количество писем и отчетов о процессе, как печатных (подпольных), так и рукописных.

Из общего количества писем, находившихся у Чепурновой и перехваченных жандармами, мы публикуем только шесть: Л. И. Сердюковой, А. И. Корниловой и С. И. Гольдсмит к В. Н. Фигнер, А. И. Ливанова и В. А. Осташкина к родным и В. В. Филадельфова к А. Н. Гавриловой. В. Н. Фигнер Чепурнова отвозила еще два письма: от сестры Ев. Ник. и матери Екатерины Христофоровны. .

В публикуемых письмах мы находим ценный материал для истории и характеристики эпохи и отдельных представителей движения семидесятых годов. Они непосредственно отражают ход процесса о «пропаганде», отношение к нему и настроение подсудимых. Под свежим впечатлением событий здесь описываются тюремные невзгоды; имеется новый материал об истязании розгами Боголюбова-Емельянова, что вызвало, как известно, выстрел В. И. Засулич в Ф. Ф. Трепова (см. письмо Филадельфова). Надо подчеркнуть, что Ливанов, Осташкин и Филадельфов—рядовые деятели движения. И личности их, рядовых деятелей, поражают стойкостью, верой в правоту своего дела.

Письма бросают яркий свет на невыясненную до настоящего времени историю неудавшейся попытки освобождения И. Н. Мышкина. В исторической литературе установился взгляд, что провал был результатом предусмотрительности жандармов, перехитривших революционеров в момент перевозки Мышкина. Дело объясняется проще. Жандармы узнали о подготовляемом побеге из письма Л. И. Сердюковой к В. Н. Фигнер и приняли соответствующие меры.

Не говоря уже о распоряжениях по Петербургу, о докладах Александру Романову и т. п., еще 21 декабря 1877 г., т.-е. за месяц до окончания процесса, III отделением о предполагавшемся побеге было сообщено для принятия зависящих мер в Харьков— конечный пункт следования Мышкина в каторжную централку.

По поводу ареста В. П. Чепурновой следствие велось в разных направлениях. Не были обойдены, разумеется, и авторы публикуемых писем, при чем вопрос об освобождении Мышкина привлек сугубое внимание допрашивавших жандармов. Тут не столь важно, что показали допрашиваемые, сколько самый факт допроса их по данному поводу.

«Относительно предъявленного письма, писанного Сердюковой к Верочке (Л. И. Сердюкова на допросе), заявила, что фамилию и место жительства адресатки назвать не может. Писано же было это письмо под впечатлением суда, когда вид ее товарищей

возбудил в ней самое живое участие к их судьбе. Первая мысль об их освобождении явилась у нее, и она нескольким близким своим знакомым говорила об этом,—и, следовательно, первые шаги для осуществления ее плана были, так сказать, уже сделаны. Перовская, напр., по ее просьбе съездила к Армфельд за деньгами, но неуспешно. После этой неудачи как Дмитрию, так и Николаю Ивановичу (назвать которых не желает) были ею написаны письма, чтобы они не приезжали в С.-Петербург, так как без денег освобождать как бы то ни было невозможно. Ввиду вышеизложенного и поездки Тумановой, сделанной последнею тоже по ее (Сердюковой) просьбе, так как требуемые сведения не были посланными ей доставлены, то практического результата вся обстановка этого дела иметь не может».

А. И. Корнилова показала, что «никакого плана освобождения Мышкина не знает, никто этого ей никогда не говорил, и она ни у кого не спрашивала, а потому считает странным, если кто-нибудь мог сказать, что она об этом рассказывала».

Равным образом категорически отказалась от участия в разрабатывавшемся плане освобождения Мышкина С. Л. Перовская.

«Дочь действительного статского советника Софья Львовна Перовская на предложенные вопросы показала: никаких поручений к Армфельд она не имела, и Любовь Сердюкова относительно денег также никаких поручений не давала. Выезжала ли в течение декабря куда-либо, не желает дать никаких разъяснений, а равно и о своих знакомых показывать не желает». Начальник петербургского губернского жандармского управления, из отношения которого (№ 99 от 18 января 1878 г. в III отделении) заимствованы только что процитированные строки показания Перовской, добавлял к тому, что «секретное отделение, отзывом от 11 января за № 290, уведомило, что Перовская за последнее время никуда из Петербурга не выезжала, и что генерал-лейтенант Слезкин (нач. московского губернского жанд. управ.) отзывом за № 16 от 5 января уведомил, что Софья Перовская, приезжавшая к Наталье Армфельд, в течение прошлого декабря замечена не была».

Ничего не подтвердила и Р. Б. Туманова.

Этими допросами, о которых впервые приходится печатно упоминать, дознание о подготовке освобождения Мышкина формально закончилось. Разобраться в противоречиях Сердюковой и Перовской жандармам оказалось не под силу. С одной стороны, они охотно готовы были верить Сердюковой во всем, но, с другой стороны, они считались с формальными данными, указывавшими, например, что Перовская никуда не отлучалась и, в частности, в Москву не приезжала (как будто она не могла совершить поездку конспиративно). Но в общем власти прекрасно понимали, что допрашиваемые указанием на то, что «практического результата вся обстановка этого дела иметь не может», стараются на всякий случай отвлечь их бдительность и, не считаясь с этим, приняли свои меры.

И не столь наивны были все замешанные в деле лица, в первую очередь Перовская, чтобы после обнаружения письма Сердюковой к В. Н. Фигнер и после формальных допросов по поводу затеянного освобождения Мышкина возлагать еще какие-либо надежды.

То же письмо Л. И. Сердюковой к В. Н. Фигнер и другие письма к ней же навели жандармов на мысль, что в Самарской губ. имеется группа пропагандистов, находящихся в тесных сношениях с Петербургом. И сразу же для следственных властей обнаружилась центральная фигура — В. Н. Фигнер. Авторы писем отказались назвать

ее. Л. И. Сердюкова, напр., заявила, что «фамилию и местожительство адресатки назвать не может». А. И. Корнилова «объяснить не желает», кому именно предназначалось ее письмо. «Кто такая Вера Николаевна, объяснить не желает» и С. И. Гольдсмит. Но уже на первых же допросах и В. П. Чепурнова, и мать В. Н., Екатерина Христофоровна, вынуждены были признать, что «Вера Николаевна» эта — В. Н. Филиппова-Фигнер, которая живет в Самаре. Начались поиски. Местным самарским властям было приказано розыскать В. Н. Фигнер, выяснить ее связи и ликвидировать кружок, в отношении которого в Петербурге располагали действительно «компрометирующим» его членов материалом. Розыски оказались безуспешными, так как, как указывает В. Н. Фигнер и что подтверждается следственным материалом (не по делу Чепурновой, а по делу А. К. Соловьева), самарцы — В. Н. Фигнер, А. И. Иванчин-Писарев, Юр. Богданович, А. К. Соловьев — были телеграфно оповещены о случившемся и, разумеется, быстро скрылись оттуда.

В вопросе о том, что вынудило эту группу землевольцев покинуть Самарскую губ., существует разногласие между В. Н. Фигнер и А. И. Иванчиным-Писаревым. Объяснение первой известно. Второй приписывает этот случай другому обстоятельству. Местными властями, по его словам, было перехвачено письмо к нему Е. Н. Фигнер, по которому нетрудно было определить его роль в качестве «волостного писаря». Дело близилось к обыску и аресту, но, предупрежденный приятелями, он заблаговременно бежал оттуда, приехал в Самару, вызвал В. Н. Фигнер, Ю. Н. Богдановича, А. К. Соловьева, и убедил их немедленно уехать в Петербург. Там, пишет он, «нас ждало известие что, если бы не случай с письмом Е. Н. Фигнер, грозивший мне арестом, то через несколько дней у нас произошел бы «провал» по другому поводу». Повод — арест В. П. Чепурновой [1]).

Здесь нет надобности подробно останавливаться на отмеченных разногласиях и критически сопоставлять показания обоих со следственным материалом. Но указать должно, что ближе к истине показание В. Н. Фигнер. Именно арест В. П. Чепурновой и взятые у нее письма повлекли за собою вынужденный отъезд землевольцев из Самарской губ.

Эти обстоятельства, не говоря уже об остальных, отмеченных выше доводах, дают право на оглашение писем.

Р. М. Кантор.

---

[1]) См. А. И. Иванчин-Писарев. «Из воспоминаний о хождении в народ». П. 1914 г. Изд. «Заветы», стр. 73—78.

I. Письмо Л. И. Сердюковой [1] к В. Н. Фигнер *).

Дорогая, милая моя Верочка. Вы сердитесь на меня беспощадно за мое молчание, я сознаю свою вину, но ей богу так было гадко на душе, что, кажется, бежала бы от всего света. Поверите ли, что я просто насильно заставляла себя ходить навещать В. П. [2], все разговоры претили мне до невозможности. Во время суда москвичей, на что вы походили сами [3], а я, связанная с чайковцами трехлетней дружбой, должна была просто испытывать пытку, присутствуя на суде в качестве зрительницы. Друзья же мои, привезенные из крепости, походили больше на призраки, чем на людей. Шишко [4] я даже не узнала, и спросила Бардовского [5] он ли это или нет? Писать вам о суде считаю совершенно лишним, так как Анна Арсеньевна [6] посылает полные отчеты. Вы также, верно, знаете об истории с Мышкиным и о том, что после нее 20 человек были снова перевезены в крепость и там содержатся очень строго без свиданий, без переписки с родными и без книг, приносимых с воли [7]. Перевод этот подействовал убийственно на оставшихся арестантов. Несколько человек требовало письменно также перевода в крепость, но заявления эти оставлены без последствий. Женщины дошли до того, что жаждали, чтобы их перетащить в крепость, и там они хотели нарочно морить себя голодом, думая, что этим можно настращать власти и заставить их перевести обратно хотя наиболее больных мужчин, напр., Феликса [8], Чарушина [9] и Синегуба [10]. На Сашу [11] и Кувшинскую [12] просто страшно даже смотреть было. К несчастью, на более слабых протестантов перевод этот подействовал запугивающим образом, и многие, хотевшие раньше протестовать, устранились от протеста. Затем, как бы в смягчение такого события, суд начал освобождать, теперь освобождено до 50 чел. Наши [13] никто не хотели воли, но ввиду того, что мы затевали организовать партию освобождения осужденных, а для этого прежде всего были нужны люди и люди, волей-неволей протестанты согласились и за Морозова [14], Зубка [15], Лопатина [16], Тихомирова [17], Сашу [18] и др. были поданы защитникам прошения, но—увы!—мужчин никого не освободили, а женщин ввиду того, что они принадлежат к породе низшего разряда и что действуют так зря, под влиянием одного чув-

*) Дата не поставлена; письмо относится к середине декабря 1877 г.

ства, поосвободили. Но радости от освобождения не было ни на иоту. Саша чуть не плакала, а Завадская [19] так совсем плакала.

Не знаю, сумеем ли что-нибудь сорганизовать прочное и солидное для освобождения. Деньги 9000 (рублей) надеемся взять под вексель у Армфельд [20], она, наверно, даст; Перовская [21] поехала уже к ней. Выписали для этой цели Дмитрия и Николая Ивановича [22]. Об этом проекте я сообщаю только вам одной, дорогая моя, бесценная Верочка. Саша [23] сделала оплошность и говорила сначала об этом со многими, теперь горько раскаивается. Я не знаю, знает ли об этом что-нибудь В. П. [24].

Туманову [25] я упросила съездить в Харьков к самой Дмоховской [26], она узнает там все в подробностях о централке; сношения с заключенными там существуют и от них можно узнать о способе их перевозки туда. Из тонких намеков Здановича [27] в письме, писанном еще из одного из острогов, видно, что случаи для освобождения на пути весьма часто представляются. Ах, если бы удалось освободить Мышкина. Это редкий и действительно из всех выдающийся человек; страстная приверженница чайковцев, я все-таки отдаю ему предпочтение перед всеми. Мне кажется только, что его сгноят в крепости, как Нечаева. Я поражена просто в Мышкине совокупностью таких редких качеств, как громадная энергия, сила воли, необъятная смелость, всепоглощающая преданность делу и рядом с этим самая глубокая и нежная любовь к старухе-матери, простой солдатке. Да, это редкий человек, и утратить его более чем жалко.

Теперь, Верочка, у нас все исключительно заняты этою одною мыслью, все остальное на заднем плане. Да и вообще у всех наших чайковцев после долголетнего сиденья такое состояние явилось, что все боятся воли, нежели хотят ее. Чувствуют себя совсем чуждыми этому миру и не представляют себе, как бы они взялись за дело, если бы вдруг очутились свободными гражданами. Вот и мне лично предстоит большое счастье: на-днях должна решиться судьба мужа [28], и он, вероятно, будет освобожден, но мне ужасно страшно за него. Сама я втянулась в эту пустую, бесцельную жизнь, а он—что он теперь будет делать. Кроме того, дома он найдет совсем испорченного сына и ослепшую жену. Верочка, дорогая моя, вы не поверите, как я ужасно иногда чувствую себя,—я сознаю, что я должна разойтись, что я не могу быть его товарищем по делу, что я сделаюсь совсем дряхлым и гадким человеком, но вместе с тем я не могу разойтись с ним, я просто умру без него, и хотя мне жизнь даже противна, а вовсе не привлекательна, я все-таки не могу решиться на самоубийство и этим просто спасти его. Сам же он никогда не разорвет первый, он привязался ко мне, да и какая-то непонятная благодарность будет удерживать его от этого. Ах, как я была бы счастлива, если бы естественная смерть прекратила мою пустую и даже вредную жизнь. Простите, Верочка, что я коснулась совсем неинтересного предмета, но это такое мое наболевшее место, что я нехотя заговорила об этом.

Отчего вы не ответили мне на счет Корша; я очень давно послала вам письмо и спрашивала вас, как мне поступить с Головиным, который требует, чтоб я ему отдала половину той суммы, которую Корш отдал мне. Он уверяет, что Рожд. должен был отдать половину. Я просила Корша, чтобы он не отдавал денег Головину до тех пор, пока я не получу от вас ответа; мне кажется, что эта сумма составляет гонорар Корша, и если Корш обещал только одному Рожд. и если у Рожд. не было никаких условий с Головиным, то отдавать Головину нет никакой необходимости. Напишите мне об этом поскорее, дорогая Верочка [29].

Из новостей могу вам сообщить, что приехал Ледрю, жив и невредим. Он был в народе, выдавал себя за наборщика, вынес самое отрадное впечатление от пропагандистов. Говорит, что устроились очень хорошо, дело ведут крайне прилично и осторожно и пользуются любовью и уважением народа. Не знаю, насколько основательно он сделал подобные выводы, но побывал он в очень многих местах. Дорогая, милая Верочка, черкните мне хоть несколько строк о вашем житье-бытье. Неужто у вас все еще продолжается такое угнетенное душевное настроение, какое было, когда вы мне писали в последний раз? Я думаю, что оно несколько сделалось легче, так как первые впечатления мрачной действительности должны быть действительно ужасны, но я уверена, дорогой, хороший человек, что вы с вашей впечатлительной натурой никогда не привыкнете относиться к окружающей действительности более или менее хладнокровно; я думаю, что вы будете все страдать и страдать от этого, и бог ведает, что из этого выйдет. Верочка, я страшно сожалею о вас, я вспоминаю ваши частые слезы при разных грустных случайностях жизни, мне просто страшно подумать даже, что вы переживаете теперь. Я глубоко уверена, что вы заставили себя сжиться с этою средою, что вы пожертвуете собою ради ее, но что вы будете страшно страдать и мучиться все время.

(Дописано карандашом): Больше не удалось написать, а хотелось бы еще. Крепко, крепко целую вас, моя дорогая, хорошая Верочка.

Л. С.

II. Письмо А. И. Корниловой к В. Н. Фигнер.

Сверх всякого ожиданья, дорогая Верочка, строчу вам в доме своем. У нас ветер переменился: нас окончательно признали мальчишками, неразумно-увлеченной толпой, действовавшей под влиянием 20—30 человек. Большинство, вероятно, отделается административной ссылкой, и вся злость будет вымещена на этих 20—30 наиболее энергичных и выдающихся личностях. Вы легко можете себе представить, как тяжело уходить из тюрьмы при таких условиях, а еще тяжелее то, что не можете иметь твердой уверенности, что удастся облегчить участь обреченных на гибель. Такая пустота и в людях, и в средствах, что не на кого надеяться. Да если бы еще эта пустота

происходила вследствие отвлечения сил на другие дела, а то ведь и этого нет. Что может быть хуже бессильной злобы. Между тем такая злоба немилосердно душит нас, и мало надежды найти для нее сколько-нибудь удовлетворительный исход. Счастье ваше, дорогой друг, что вам удалось отсюда вырваться. Как идет ваша работа? Лучше ли вы себя теперь чувствуете? Начинаете ли свыкаться с новой средой? В каком состоянии ваши нервы? Не страдает ли здоровье? Напишите поскорее, дорогая Верочка: ваше письмо доставит мне так много утешения в это тяжелое для меня время. Особенно примите во внимание, что скоро придется выслушать смертный приговор лучшим моим друзьям. Извините, дорогая, что не пишу вам ничего толком, право не в состоянии.

Ваша *Саша.*

III. Письмо С. И. Гольдсмит [30] к В. Н. Фигнер.

Правда, Вера Николаевна, я ждала от вас письма, чтобы писать вам после его получения. Мы расстались хорошо, но могли бы расстаться еще лучше, и мне не было вполне известно, хотите ли вы переписываться со мной. Я была очень рада, когда получила ваше письмо, и нахожу основания, приведенные вами, для переписки настолько вескими, что буду писать вам и в том случае, если вам не захочется или нельзя будет отвечать.

Я знаю ваши условия деятельности, но очень хотела бы знать, насколько вы приспособляетесь к новой жизни, которую вы, конечно, как и все, сильно идеализировали. Я верю вполне в вашу энергию, знаю, что вы не отступите, но человеку, привыкшему жить умственной жизнью, вообще жутко приходится, а вам, жившей последнее время почти исключительно жизнью интеллигентной, при вашей организации, ваших способностях, резко направленных на деятельность в интеллигенции,—вам, наверное, много придется работать над собой. О вас часто, очень часто приходится пожалеть, досадовать на то, что вы уехали от того дела, которое давалось само в руки, но если из вас выйдет народный деятель, какого радостно видеть, то забудьте все теоретические рассуждения. Люди для интеллигенции скорее найдутся. Теперь дело у питерской молодежи так поставлено, что нужно ехать из Питера изучать и наблюдать, а организация и цели ближайшего будущего выяснятся сами собой; организация признается возможной только на месте и только тогда, когда выяснятся местные требования. Рядом с тем бывают и сходки, на которых говорится об организации здесь. Предлагают образовать группы, которые, обсудив план действия, организовавшись, посылают своих депутатов к другим группам, и эти, в свою очередь, сговариваются. Это план Яценко и компании, потому он и представляется в таком общем, неопределенном виде, и с таких сходок, конечно, расходятся недовольные. Защитники организации, вытекающие из непосредственного наблю-

дения, хотят хорошей теоретической, научной подготовки. Сообщив вам в общей форме настроение молодежи, насколько я его поняла, перейду к сообщению о наших общих знакомых и друзьях.

Начну с Сашеньки [31], которая для меня наиболее интересна. Она отпущена на поруки, несмотря на ее буйное поведение на суде, настолько буйное, что ее назвали «Стенька Разин». Она стала еще умнее и лучше, хотя ей сделаться лучше, чем она была, казалось бы невозможным. Дорого она ценится и особым присутствием,—за нее взяли десять тысяч деньгами, тогда как для других достаточно одного обязательства выплатить такую или иную сумму. На поруки отпускают преимущественно женщин и мужчин. Из наших же общих знакомых мужчин не выпустили никого. Впрочем, из них теперь никто и не пошел бы на поруки после заявления Рогачевой [32], что она, мол, на поруки выходить не желает, что сама об этом просить не стала бы, и что желание взять ее на поруки принадлежит защитнику. После такого заявления потребовалось прошение самого подсудимого,—просьба защитника считается недостаточной,—а подписаться самому, конечно, невозможно и унизительно после того резкого протеста, который был заявлен на суде.

О суде вам писать не приходится,—вы имеете отчеты [33], много знаете, вероятно, из писем Генички [34], затем вам расскажет Вера Петровна [35], но я отчасти рада, что вы не в Питере, потому что слишком тяжело видеть друзей оскорбленными, измученными, больными, но, с другой стороны, это люди, за которыми все святое, все светлое,—сила, которую никто не поборет—ни суд, ни армия, ни тюрьмы... Стоило быть в день речи Мышкина, чтобы никогда не забыть этот день.

Затем вам новость интересная—Сердюкова выпускают на несколько дней и высылают на Кавказ [36]. Люба [37] теперь поглощена ожиданием. Скоро и она уедет, и я одна буду провожать заключенных.

Я довела письмо к вам до кануна отъезда Веры Петровой. Хочется и вам писать и с ней посидеть в последний вечер. Она такая славная! Мы с ней очень подружились и мне жалко, очень жалко расставаться с ней. Пойду с ней побеседовать, хотя многого не написала, что хотела, но напишу в другой раз. Живите хорошо, так хорошо, чтобы сюда долго не возвращаться. Напишу еще о личных ваших делах. Деньги ваши уплачены после вашего отъезда. Больше по этому поводу лучше писать не буду. Передайте мой привет Александру [38] и Юрию [39].

17 декабря 77 года.

(Приписано): Пишу так бестолково и неразборчиво потому, что сегодня вернулась из Москвы и, что называется,—ни ручками, ни ножками.

IV. Письмо А. И. Ливанова [40] к матери.

«Дом Предварительного Задушения».
1877 г. Декабря 7-го дня.

Милая, дорогая мама. Наконец-то, после почти т р е х с п о л о в и н о ю лет явилась возможность потолковать с тобою п о д у ш е, вполне откровенно, не стесняясь, как прежде, узкими рамками условий полицейско-прокурорской цензуры. Да, шутка сказать, почти $3^1/_2$ года сижу в тюрьме, в одиночном заключении. Сколько за это время пришлось передумать, перечувствовать, выстрадать. Просто ужасно становится, когда начинаешь припоминать себе картину всех своих странствий по тюремным щелям. Но за всем тем я должен сознаться, что я собственно дешево пока отделался. Конечно, я слаб, худ, иногда хвораю, но все-таки серьезных, органических повреждений в моем теле нет. А как то же время и такие же условия отозвались на множестве моих товарищей! Многие умерли, другие сошли с ума, третьи покончили самоубийством; и всех таких мучеников наберется человек около семидесяти. А большинство уцелевших н а в с е г д а расстроило свое здоровье. И вот после такого-то избиения, после таких-то пыток и страданий, наши палачи нам говорят еще, что время, проведенное нами в тюрьме, не есть наказание, а только «сохранение» (ха-ха!) обвиняемых для суда, мера пресечения способов уклониться от суда. О, какое наглое и подлое лицемерие! Но это еще не все. Страдая сами и видя, как страдают, заболевают, умирают или сходят с ума многие из наших товарищей, мы с нетерпением ожидали суда. Мы имели наивность думать, что суд этот хоть сколько-нибудь приличный; что на суде будет публика, что в газетах будут печатать подробный отчет, что нам дадут возможность опровергнуть всю ту ложь и те грязные обвинения, которыми, как и следовало ожидать, оказался переполнен обвинительный акт. И что же оказалось? Залу заседания н а р о ч н о выбрали такую маленькую, что в ней мы только и то с трудом могли поместиться, а о публике уж и толковать нечего: для нее совсем не оказалось места. Далее. Вместо подробного отчета начали печатать краткие и даже извращенные сведения в «Правительственном Вестнике», а другим газетам предписано было перепечатывать буквально и от себя не прибавлять ни слова и вообще н и ч е г о не говорить о процессе [41]. Наконец, наша надежда на возможность выяснить дело в настоящем свете, представить свои объяснения о целях, средствах и причинах нашей деятельности тоже разлетелась на первых же заседаниях прахом,—зажимался рот при первой попытке говорить более или менее свободно, особенно, когда затрагивались прокурор, суд или правительство. Так что тем людям, которые хотели не только спасать свою шкуру во что бы то ни стало, но и поддержать достоинство своего дела, за которое они столько лет страдали, действительно, ничего не остава-

лось делать, как только плюнуть на весь этот суд, на всю эту комедию и отказаться принимать в ней какое бы то ни было участие: «как, мол, хошь, так и суди, а я плевать на вас хочу». Большинство товарищей так и решило. Но решение это еще более укрепилось, когда в заседании 24 окт(ября) было прочтено постановление о разборе нашего дела не совокупно, а по группам [42]. Наглее этого постановления ничего себе нельзя и представить. Во-первых, держали, держали нас, морили, морили из-за того только, что мы якобы составляем из себя одно «преступное сообщество», что мы все тесно связаны друг с другом, и вдруг оказывается, что есть возможность разбирать наше дело не совместно, а по группам. Во-вторых, постановление это составлено до начала суда, еще 11 октября, и, конечно, без участия нашего и защитников, хотя это составляет прямое нарушение закона. Потом, даже не удовлетворили ходатайства (основанного на двух статьях закона) защитников о том, чтобы каждому вновь приводимому в залу заседания подсудимому сообщалось все то, что происходило на суде до него. Вот ввиду таких-то обстоятельств большинство из нас решило уже окончательно не только не защищаться как лично, так и через защитников, не только не присутствовать в зале суда, но даже и не ходить туда. И действительно, когда на другой день пришли звать в суд первую группу (всех групп 17), к которой причислено 27 человек, то 19 из них отказалось итти, так что их принуждены были тащить силою при помощи жандармов [43]. Когда же их привели в суд, то они заявили, что они приведены были силою и что они, не желая принимать никакого участия в этом суде, требуют их удаления из залы заседания. При чем один из них, Синегуб (сидящий уже п я т ы й год в тюрьме) сказал, что так как наша надежда на то, что суд будет сколько-нибудь приличный, не оправдалась, то нам и не остается ничего более, как просить г.г. сенаторов об уводе нас в те камеры, в которых мы сидим столько лет. Это сочтено было оскорблением суда, и Синегуб был выведен жандармами. Другие товарищи заявили, что они вполне присоединяются к Синегубу; приказано было вывести и этих и т. д. Таким-то образом и произошло то, что теперь всюду называют нашим п р о т е с т о м [44]. За первой группой последовала вторая, в которой протестанты уж каждый от своего имени отказывались от участия в суде и объясняли причины этого отказа. Таким образом, протестантов, т.-е. отказавшихся от защиты, защитника и всякого участия в суде и требовавших удаления из залы заседания, набралось до 116 человек из 192, а остальные будут присутствовать и защищаться. Я сам, конечно, принадлежу к протестантам. Ты, быть может, спросишь, милая мама, какая же цель этого протеста. А вот какая: 1) Мы не хотим своим участием придавать хотя бы некоторый в и д законности этой подлой и наглой комедии, именуемой российским судом над политическими «преступниками». А что это действительно комедия, что приговоры составляются заранее, не по данным судебного следствия, а по соображениям третьего отделения,—это давно уже известно: это дока-

зали все политические процессы прежних времен. Да и странно было бы от сенаторов особого присутствия ожидать хоть какого-нибудь беспристрастия. Ведь они холопы, рабы и покорные слуги того правительства, которое хватает нас без разбору сотнями, морит по острогам, крепостям и десятками отправляет на каторгу, сажает в центральные каторжные тюрьмы. 2) Мы покажем обществу, молодежи, рабочим, которые интересуются нами, что мы люди, беззаветно и всецело преданные своему делу, что нас не сломила 3-летняя тюрьма, что при виде безобразий и беззаконий мы не склоняем покорно выю, а протестуем, идем вперед почти на верную гибель... 3) Мы питаем некоторую надежду, что после нашего протеста особое присутствие уничтожат совсем и политические дела передадут на рассмотрение обыкновенных судов; или, по крайней мере, прикажут особому присутствию на будущее время проявлять побольше беспристрастия и вообще не творить тех беззаконий и безобразий, которые оно творило до сих пор. Ведь мы боремся теперь за свободу славян и против произвола турецкого правительства, суда и администрации. А между тем, что же у нас творится дома: чем наш домашний произвол и вообще все наши порядки отличаются от турецких? Сами находимся в рабстве, а ведем войну за освобождение. Смешно, право. Поэтому в Питере среди нас и защитников преобладает мнение, что правительство не заставит особое присутствие вынести особенно суровый приговор. К тому же мы сидим уже по 3, по 4 года и более, а относительно 116 человек придется произнести приговор без выслушания их самих и их защитников. В Питере, кроме того, почти все убеждены, что настоящий порядок вещей не может долго продолжаться, что скоро он должен несколько измениться к лучшему. И изменение это будет не насильственное, а, по крайней мере, повидимому, добровольное со стороны правительства: оно должно произойти по причине внутренней несостоятельности русского правительства, в силу исторического хода вещей. Дело в том, что народ год от году беднеет все более и более; недоимки возрастают и вообще платежные его силы истощаются. А тут еще частые неурожаи: теперь голод в Вятск. губ., в Казанской и в некоторых частях Петербургской и Архангельской губ. Война, внутренние и внешние займы, громадный выпуск ассигнаций (бумажных денег), застой промышленности и торговли способствуют еще более обеднению народа. Так что, кажется, скоро наступит время, когда и брать-то с него будет нечего. Естественно, правительство для поправления и пополнения финансов должно будет прибегнуть к какой-нибудь новой мере. Но никаких других мер, кроме обложения податями всех сословий, оно придумать не может. Это бы еще ничего. Но беда в том, что господа дворяне и купцы, во-первых, останутся недовольны таким обложением, а во-вторых, захотят знать, куда расходуются их деньги, захотят уже некоторый контроль над этим расходованием. Но отсюда уже один шаг до конституции, т.-е. до ограничения российского самодержавия, до выбора депутатов для составления земского

собора. Кроме того, настоящая война разоблачила всю несостоятельность правительства: потеря в людях вследствие неспособности русских генералов громадна; солдаты наги, босы, голодны и плохо вооружены; поставщики и покровительствующие им чиновники и генералы грабят, воруют, мошенничают и казнокрадствуют,—словом, набивка карманов в полном ходу. И потом, я указал уже на то противоречие самому себе, в котором очутилось наше правительство благодаря настоящей войне. Я сказал уже, что мы сами находимся в рабстве, а ведем войну за освобождение. Это смех и позор на всю Европу. Но это еще не все. Последние события на театре войны указывают, что Болгария и другие славянские земли будут отняты у Турции. Присоединить их к России нельзя, ибо против этого восстала бы вся Европа; значит, нужно будет образовать из них новое самостоятельное государство с каким-нибудь князем или принцем во главе. Но так как дело это будет делаться при участии европейских держав, в которых везде конституция, то, стало быть, и новый государь будет конституционным, а не самодержавным (к тому же ведь в Турции и теперь уже конституция, и, значит, ставить для славянских земель самодержавного деспота было бы лишением их тех вольностей, которые дарованы были им турками). Отсюда и выходит такое положение: мы освобождаем народы и даем им вольности, которыми не пользуемся у себя дома *). Из всего вышеописанного следует, что правительство наше по окончании войны необходимо должно будет дать конституцию, если не захочет в конец разориться и показаться смешным в глазах русского общества и целой Европы. Но конституция, кроме контроля со стороны общества государственных доходов и расходов, должна будет принести с собой и некоторые вольности, свободу печати, слова, сходок, ассоциаций, уничтожение и смягчение многих варварских законов, и в том числе законов, карающих так наз. государственные преступления и полную амнистию (забвение) всем арестованным и осужденным за эти «преступления». А если это так, то странно было бы произносить теперь слишком суровый приговор по нашему делу.

Разве только для того, чтобы ярче выставить потом на показ всему свету свое благородство и милосердие...

Ну, довольно, кажется, о всех этих материях. Поговорю теперь лично о своей персоне. Прежде всего, я должен сказать тебе, милая мама, что здоровье мое ничего, ладное. Я прежде было опасался, что у меня крайнее расстройство сердцебиения, могущее перейти в органический порок сердца. Но недавно я с этой стороны успокоился: меня свидетельствовал свой доктор, один из сидящих здесь моих товарищей, и нашел, что грудь, легкие у меня здоровы, в биении сердца тоже не замечается никаких особенных ненормальностей. Я только слаб, силы мало, да и нервная система немного расстроена, но это уже общая

---

*) Смотри на этот счет статью «Гаммы»[45] в № 19 недельной газеты «Русское Обозрение» (1877). (*Прим. А. И. Ливанова.*)

болезнь всех долго сидящих в одиночном заключении. Бывает иногда и лихорадка; по временам побаливает голова. Но все это не суть важно— были бы только легкие и сердце в порядке; питание тоже много значит, но оно у меня тоже порядочное. Так что, если меня, паче чаяния, и приговорят годков на 5 в каторгу и, значит, посадят в харьковскую центральную тюрьму, то я могу смело рассчитывать высидеть там узаконенный срок и остаться целым и невредимым. А узаконенный срок высидки в централке для приговоренного на 5 лет в каторгу—2½ года. Папин и Плотников [46]), приговоренные на 5 лет каторги, высидели уже в харьковской централке 2½ года, и теперь харьковский губернатор, смотритель тюрьмы и мать Плотникова хлопочут о том, чтобы их послали в Сибирь на поселение (как это полагается по закону). Недавно мать Плотникова была у своего сына (я читал ее письмо) и рассказывает следующее. Тюрьма в деревне, в 40 вер(стах) от Харькова. Климат здоровый, на дворе сад. Свидания с близкими родными дозволяют, книги пропускают. Позволяют заниматься ремеслами и разными работами на дворе и в саду. Пища казенная хотя и плохая, но зато позволяют приносить с воли разные съестные припасы, чай и сахар. Словом, ничего, жить можно, да к тому же у нас везде отыщутся добрые люди, которые не прочь пособить нам: они нашлись и там... Вообще чорт не так страшен, как его малюют...[47]). Но я все-таки еще не совершенно уверен, что меня приговорят на каторгу. Дело в том, что меня обвиняют главным образом в пропаганде среди интеллигенции, между тем как правительство гораздо больше боится и не долюбливает тех, которые пропагандируют среди народа (крестьян, рабочих); у меня же на этот счет нет никаких доказательств, ни одного свидетеля. Так что, может быть, и ограничатся поселением... Разве вот за протест сделают надбавку. А надо признаться, что протестантов они, действительно, не очень-то любят... Так, напр., теперь многих защищающихся выпускают на поруки, а протестантам отказывают (подают адвокаты). И, кроме того, недели 2 тому назад 20 человек увезли в крепость и там запретили свидания с родными и общие прогулки (а здесь мы гуляем на дворе враз по 20 ч.), не позволяют носить с воли ни книг, ни денег. Кстати, я расскажу тебе, что со мной было, когда меня 25 ноября водили в суд. На вопрос председателя, признаю ли я себя виновным в том-то и том-то, я сказал, что прежде, чем отвечать на какие бы то ни было вопросы суда, я прошу позволения сказать несколько слов. Но меня прерывают и говорят, что им нужен только прямой ответ на вопрос. Я делаю попытку снова начать говорить, но меня снова прерывают: «А, не желаете отвечать: садитесь». Я сажусь, выслушиваю одного свидетеля и по уводе его встаю и говорю, что желаю сделать заявление; по получении позволения начинаю говорить следующее:

«Мое заявление будет не длинно и не будет заключать в себе ни для кого и никаких оскорблений, а потому я и надеюсь, что особое присутствие выслушает меня до конца. (Пауза.) Прежде чем началось разбирательство по настоящему делу, я высидел в тюрьме, в одиночном

заключении, более 3-х лет. В течение этого времени мне пришлось переиспытать всего: я часто сидел в пыли, грязи, без света и воздуха, в отвратительной атмосфере, наполненной миазмами и множеством плотоядных насекомых. Как такое продолжительное заключение и такие условия повлияли на мое здоровье,—я говорить не стану. Достаточно указать на тот факт, что за то же время и при тех же условиях, многие из привлеченных по настоящему делу умерли, другие сошли с ума, третьи, не вынося пыток одиночного заключения, покончили с собой разом... Из оставшихся в живых и здоровых умственно громадное большинство навсегда расстроило свое физическое здоровье. Но вот, наконец, настал суд. И я, действительно, по многим причинам хотел принимать в нем участие. Но когда в заседании 18 окт(ября) было отказано в просьбе прис. повер. Спасовича о перемене настоящей залы заседаний на более поместительную и о допущении числа публики, соответственного числу подсудимых; когда оказалось, что вместо подробного, стенографического отчета печатаются краткие, сухие, ничего не говорящие сведения о ходе суда; когда в заседании 15 ноября произошла ужасная сцена насилия, при чем двое из подсудимых были буквально вытащены из залы заседания, а один, Стопани, подвергся даже кулачной расправе, как это удостоверено одним из защитников и занесено в протокол [48]; когда, наконец, в ночь с 19 на 20 ноября, 20 из моих товарищей были тайно увезены из дома предв. закл. и посажены в крепость, где, как мне наверно известно, их лишили права общих прогулок и свиданий, не пропускают ни книг, ни денег. (На вопрос, откуда мне все это известно,—отвечаю: «из частных источников».) —По этому предмету уже было заявление со стороны защиты, и вы изволили ответить, что это (увоз в крепость) произошло не от вас. Но я беру на себя смелость утверждать противное; и у меня есть документ (вынимаю из кармана арестантский билет и верчу его в руках), удостоверяющий, что мы с 10 мая 77 г. числимся за особым присутствием и что, следовательно, способ и место заключения подсудимых вполне зависит от него.—Так, когда все это совершилось, то я окончательно пришел к убеждению, что, несмотря на мое желание и столь долгое ожидание, я не могу принять в этом суде никакого участия как лично, так и через защитника, а потому прошу удалить меня из залы заседания». (Ухожу.) Во время этой речи председатель раза два делал попытку остановить меня, но я напрягал все усилия, чтоб продолжать и продолжал. И, кроме того, я обеспечил себя предварительным заявлением, что не скажу ничего оскорбительного, а потому он и дал мне все-таки кончить. Впрочем, надо и то сказать, что мой протест был еще одним из умеренных. А что было до меня! И комедией-то весь суд называли, и слугами-то III отделения называли сенаторов, и говорили, что мы этот суд не признаем и общего с ним ничего не имеем; один назвал суд административной комиссией, составленной из чиновников правительства. А один так даже (Мышкин) назвал суд домом терпимости; нет, сказал он,—хуже: потому что в доме терпимости убивают с в о е

тело и торгуют им из-за нужды, а здесь г.г. сенаторы торгуют чужой жизнью из-за высоких приличных окладцев. Словом, суд оплеван, елико возможно. Получил приличное воздаяние за все прошедшие и предбудущие злодейства... Ну, однако, я хотел было толковать о своей персоне, а съехал опять на общее. Что же мне сказать тебе про себя-то еще? Разве вот что. Если меня отправят в централку, то я надеюсь, что и ты переселишься поближе ко мне. Жить будешь в деревне, жизнь не дорогая и для здоровья полезная. Будешь видеться со мной и помогать чем бог пошлет. Кроме некоторой надежды попасть в Сибирь на поселение и надежды на освобождение по случаю дарования российскому народу конституции, есть у меня в виду еще одно средство избавиться от удовольствия познакомиться с централкой. Средство это—женитьба, так как, по закону, женатых не сажают в централку, а отправляют прямо в Сибирь (а там и на каторге нашему брату житье отличное—недавно читал оттуда письмо). Но вот беда: во 1), пожалуй, не позволят, хотя по закону и можно, а 2) и невеста-то моя, кажется, еще не родилась, а та, которая родилась, что-то как будто в сторону начинает поглядывать... Ничего мне не присылает и не носит, на свидание по месяцу, по $1^1/_2$, а бывает и по два, не заходит; писем не присылает и вообще никаких объяснений по поводу своего нехождения не дает. Так что я, нет, нет, да и затяну: «Сяду я за стол, да подумаю: как на свете жить одинокому», или: «Один, один, бедняжечка, как некрут на часах». Но шутки в сторону; дело и в самом деле выходит совсем неладное. Ее уклонения от свиданий со мной и неисполнение моих самых пустяшных просьб и поручений происходят уже давно: чуть ли не с самого начала перевода меня из крепости сюда. Сначала это меня ужасно волновало, бесило и вообще производило крайне скверное действие. Ну, а потом, когда начала разбирать злость и заговорило самолюбие, когда такие поступки сделались обыкновенным явлением, то и я, конечно, стал относиться равнодушнее к такой, ничем не заслуженной невнимательности. Я, конечно, хорошо понимаю ее положение: 1) она—нездорова, а во 2) очень занята, много работает, так как иначе ей не было бы возможности существовать. Но я никогда не поверю, чтобы человек, если бы только он захотел, не мог найти 2—3 часов в неделю для свидания с другом, которого он хоть крошечку любит и который к тому же сидит в тюрьме. Меня бы, по крайней мере, не остановили тут ни нездоровье, ни занятия. Конечно, тут главная причина—трехлетняя разлука и происшедшее отсюда охлаждение; дело в порядке вещей, вполне естественное. Поэтому я особенно-то не претендую теперь и только пожимаю плечами, когда в дни свидания вижу, что опять остаюсь без свидания. Понятное дело, и у меня-то к ней нет той привязанности и той любви, которую я некогда питал к ней. У меня остается только воспоминание о прошлом и личная симпатия. Так что если меня приговорят только в Сибирь на поселение, то я ни в коем случае не женюсь на ней, если бы даже она выразила на то свое согласие и желание; это уже решено. Только вот не знаю, как быть в том случае, если

меня приговорят на каторгу: с одной стороны, желательно было бы женитьбой избавиться от централки, а с другой—как же жениться, если не любишь. Это уж выходит брак по расчету... В конце концов вопрос этот остается нерешенным, да и решить-то его теперь трудно по той простой причине, что я вот около двух месяцев не имею свидания и, значит, не могу знать: как и что теперь и почему... Вообще нельзя не сознаться, что дела мои с этой стороны плохи... *)

Ну, милая мама, не пора ли уже и закончить беседу, а то я и так слишком зарапортовался. Как ты теперь поживаешь? как здоровье? Я очень и очень жалею, что ты не можешь теперь приехать ко мне. А теперь бы самая пора; сюда понаехали отцы, матери, сестры и братья наши со всех концов России: все ждут с нетерпением решения нашей участи... Получила ты мое письмо, которое было ответом на твое последнее письмо? Я писал через прокурора; решительно нельзя писать через эту скотину: он держит недели по две и более, по пустякам возвращает и не пропускает. Так что нам с тобой надо устроить переписку помимо прокурора. Я просил одного приятеля, чтобы он дал подательнице этого письма адрес для тебя, по которому бы ты могла писать мне и прислать сюда какой-нибудь надежный самарский адрес. Если мой приятель адреса не дал, то отвечай на первый раз мне по следующему адресу: Присяжному поверенному Сергею Семеновичу Соколову, на Сергиевской улице, д. № 34, кв. 3,—это на наружном конверте, а на внутреннем: для передачи Ал. Ив. Ливанову. Наружный адрес не пиши своей рукой. Сообщи также и адрес, по которому бы я мог безбоязненно писать тебе. Письмо пошли лучше всего заказное: оно надежнее. А я к тому времени приготовлю другой адрес еще более надежный. Деньги у меня пока есть; на этот месяц и на генварь, вероятно, хватит. Теперь у нас казенная пища немного лучше, так что денег выходит меньше, чем прежде. Горнова говорила мне как-то, что ты приготовила мне белья, носков и шарф. Белье у меня пока есть, но в носках и шарфе нуждаюсь; но дело в том: как передать. Ведь не по почте же посылать такие драгоценные вещи: «овчинка не будет стоить выделки». Разве вот не случится попутчик. Жаль, что ты не была до сих пор знакома с родственниками самарцев, привлеченных по одному со мной делу. Ты постарайся познакомиться; многие из них теперь здесь, а другие, может быть, еще только думают ехать сюда; так вот, можно послать с ними. Познакомиться же с ними ты, вероятно, можешь через подательницу этого письма. Она женщина хорошая, добрая, славная. У нее же ты, вероятно, можешь взять подпольный отчет по нашему делу, речь Мышкина и разные другие интересные вещи. Я же лично посылаю тебе только то место обвинительного акта, которое касается меня, и казенный отчет о судебном следствии по нашей группе, из которого, к сожалению, ты почти ничего не извлечешь. Обвинительный акт печатается целиком в «Правит. Вестнике», «Голосе», «Новом Времени»

*) Не говори, пожалуйста, ей об этом ни слова. (Прим. А. И. Ливанова.)

и в «С.П-Бургских Ведомостях». По самарскому делу в конце акта есть еще обо мне кое-что. Письмо это я начал писать, как видно из заголовка, еще 7-го числа, а оканчиваю, по некоторым причинам, только теперь, т.-е. 9-го. Сегодня окончилось судебное следствие по всем группам; 13-го начнет говорить прокурор, а затем защитники. Так что прения, мож(ет) быть, окончатся к рождеству, но приговор вынесут, вероятно, не ранее генваря или числа 28 декабря. Как поживают Татьяна Андреевна и Александра Дмитриевна? Передай, пожалуйста, от меня им самый низкий поклон и самый теплый привет. Удивительное дело. Вот они мне не родные, а интересуют меня больше и люблю я их больше, чем всех моих родственников, взятых вместе, за исключением разве тетушки Александры Михайловны, которую я тоже уважаю и люблю. (Поклон ей.) Вот что значит нравственная связь. Я всегда с удовольствием вспоминаю время, проводимое у них. Да и как давно я их знаю. Ведь чуть ли не с 14 л. я начал ходить к ним. О Митеньке я ничего не говорю, ибо знаю, что его теперь у вас нет, но я постараюсь разузнать, где он, и, вероятно, обменяюсь с ним письмами, а мож. б., даже увижусь. Ну, милая, дорогая мама, до свидания.

Целует тебя несчетное число раз любящий сын твой

Александр.

P. S. Не был ли у тебя мой кум? Напиши, если что знаешь о нем.

V. Письмо В. А. Осташкина [49] к родным.

Я начал было подробно писать вам о своих мытарствах в течение этих трех слишком лет по отечественным кутузкам, о впечатлениях, вынесенных мною из подобного рода странствований, о теперешнем своем житье-бытье, о настоящем процессе—этой шутовской комедии с трагической развязкой; я хотел также выяснить вам сущность, причины и значение протеста, заявленного нами (всех протестантов, мужчин и женщин,—116 или около того; в нашем самарском кружке протестовало только 6 чел.: Осипов, Филадельфов, Петропавловский, Лазарев, Никольский [50] и я) на, с позволения сказать, суде; последнее тем более необходимо, что даже здесь, в Питере (да что я,—даже в среде самих подсудимых), многие из интеллигенции смотрят на наш протест не с надлежащей точки зрения, неверно или вовсе не понимают его смысла,—ну, а вам-то, сидящим в глуши, уже и вовсе простительно не видеть того, что творится за тысячи верст, имея возможность только судить по бесцветным, бессодержательным газетным отчетам (если помещаемая там галиматья может быть названа отчетом), в которых мы фигурируем в качестве каких-то непонятных сфинксов,—все это, я полагаю, знать вам небезынтересно, но в данную минуту, я вижу, что мне не удастся сделать все это как следует, почему я и пришлю вам подробные сведения с первой же оказией, которая, конечно, не заставит

себя ждать. Ну, а пока скажу несколько слов об ожидающей меня участи. Г. Желеховский [51], получивший уже, как своим отношением к заключенным вообще, так и обвинительным актом в частности, заслуженную репутацию от'явленного негодяя в глазах всех порядочных людей,—ну, так вот эта самая гадина вчера и третьего дня изрыгала потоки инсинуаций наглой лжи (все это было так глупо, непоследовательно, голословно, что вряд ли ему удастся поймать многих на эту удочку), сравнивая им же самим созданное тайное общество с шайкой мазуриков, воров, имеющих агентов в различных частях Российской империи,—впрочем, об этом после,—а главное, особому присутствию (этому дому терпимости, как окрестил его на суде Мышкин) предлагалось отнестись без всякого снисхождения, беспощадно к 24 подсудимым (в том числе 5 баб), как к главным виновникам, коноводам, по милости которых будто бы и заварилась вся эта каша, затем, хотя и более мягко, чем к первым, но все же заслуживающим более или менее строгое наказание, как действующим сознательно, следует отнестись к другим 12 лицам, в число которых, по воле судеб, зачем-то попал и ваш покорнейший слуга. Прокуроришка объяснил, как мне передавали, это обстоятельство тем, что он-де как близким своим знакомством с главою револ. общества—Войнаральским [52], так и своим поведением на суде (мне ничего не дали сказать) доказал, что 3 года одиночного заключения не исправили его, а потому... Наконец, все остальные, по мнению обвинит. власти, представляют из себя не более, как мягкий воск, из которого вожаки и коноводы лепили все, что им вздумается в силу чего к ним следует отнестись возможно снисходительнее. Есть, еще несколько личностей, которые за свою подлость, за то, что выдали и погубили десятки людей, прежде товарищей, заслуживают полного снисхождения —этой чести удостоились и Городецкий с своей дорогой супругой [53]...

Говорят, что первую группу лиц ожидает каторга, вторая категория, вероятно, удостоится поселения, большинство, все остальные, получат исправит. наказания, т.-е. их наградят тюрьмой, арестантскими ротами и пр.

Как бы то ни было, мне важнее всего уверить всех вас вообще, и тебя, мать, в особенности, что если меня и мучит что, неотступно преследует, так это ваше беспомощное, бедственное положение и то новое горе, которое неминуемо обрушится на твою голову, если меня упрячут куда Макар телят не гонял. Меня отчасти, впрочем, утешает тот факт, что, так как мне говорили, ты, мать, сравнительно с другими еще бодро переносишь жестокие удары судьбы и не падаешь духом. За это я тебя и целую много, много раз. Я вполне также уверен, что ты не унизишься, не станешь просить пощады своему сыну у наших палачей и народных вампиров и не заставишь меня таким образом выходить из себя, испытывать невольное унижение и холопство перед теми, к которым я не могу относиться иначе, как с полнейшим презрением. Помни, что для меня дороже всего на свете успех народного, революционного дела,

торжество дорогих мне убеждений и идей и нравственная чистота собственной личности: лучше умереть в подземелье с спокойною совестью, нежели купить ценою унижения несколько лет тунеядного существования. Да и в эти три года и 5 месяцев пришлось испытать столько разных невзгод и всевозможных нравственных пыток, что уже, на зло опричникам, никакая каторга нас не пугает,—мы давно ко всему готовы и сумеем, надеюсь, гордо встретить всевозможные испытания и сложить свою голову, если потребуется, за великое, святое дело освобождения трудящегося человечества из рабства и эксплоатации.

Если меня сошлют в соседство к белым медведям, то и там я буду иметь сношения с вами, и не нужно думать, что, раз попав в сибирские тундры, мы пропадем у вас из виду. Вот для подобных-то официальных сношений не мешало бы тебе прислать мне надежный адрес, по которому письма наверное доходили бы до вас, т.-е. из места ссылки (адрес какого-нибудь вашего местного туза или присутственного места,— предосудительного, конечно, тут ничего быть не может).

Письма ваши все получил; из последнего видно, что Владимир все еще не нашел себе пристанища; ему, к несчастью, приходится обивать пороги в передних у разных ваших доморощенных высокопоставленных прохвостов; это меня, конечно, сильно печалит, хотя я и мог предвидеть, что брат, как вовсе незнакомый с практикой жизни, не скоро пристроится. Мне лучше бы хотелось видеть Владимира в роле приказчика, чем приказной строкой. Вряд ли он вынесет положении строчильной машины.

Много кой-что хотелось бы сказать, да пора кончать и итти отправить эту цидулку, а потому, оставляя до следующего раза подробную беседу, горячо, крепко целую вас всех, от души желаю, а тебя и прошу, мать, поменьше плакать и тужить обо мне; Ване советую почаще заглядывать в хорошие книги, рекомендовать которые может Владимир; сему последнему поскорее и по душе пристроиться к делу, ну, а тебе, отец, не хворать. Прощайте же, дорогие. Будьте здоровы.

Любящий вас всех *Виктор.*

P. S. О моем житье и его условиях можете расспросить подателя этого письма. Да, я позабыл сказать, что прокурор отказался обвинять самарцев: Янова, Спесивцева, Милоголовкина, Никитину и еще 6 человек из других групп.[54]

VI. Письмо В. В. Филадельфова[55] к А. Н. Гавриловой *).

Давно я изыскивал случая написать вам, но все неудачно. Наконец, давно желанный случай представился... писать же через прокурора у меня не было и нет ни малейшего желания, во-первых, потому,

*) Дата не поставлена; письмо относится к средине декабря 1877 г.

что госпожа цензура херит все им неприятное, во-вторых, считаю осквернением себя дозволить жандарму копошиться в своей душе, Вы уже знаете, что я просидел в ожидании скорого суда $3^1/_2$ года. С первой минуты моего ареста и до последних дней злой неволи со стороны властей, кроме несправедливости, за редкими исключениями, я ничего не видал. Чтобы сказанное мною не показалось вам голословным преувеличением, сообщу наиболее характерные факты. При допросах прямо заявляют, что чем-де больше скажешь, тем для тебя же лучше: выйдешь на волю, не то на каторгу. Сперва обращаются хорошо, как бы соболезнуя тебе, но лишь заметят, что частица «не» ставится тобою часто (не знаю, не слыхал и пр.), сейчас же тактику свою жандармы изменяют: начинается уловление твоей души. Начинают предлагать вопросы с закорючками; стараются продиктовать тебе показание; стращают, ублажают, льстят умом, развитием, образованием; не прочь выкинуть и колено в роде следующего: предъявляют мне письмо якобы от моего знакомого. В письме говорится: «шлю вам 2 тюка запрещенных книг: «Государственность и Анархия», журнал «Вперед» и т. д., и т. д. «Кто,—спрашивает крючкотворец,—прислал вам эти книги?».—«Не знаю», говорю. И что же оказывается. Никаких тюков никто не присылал; просто шпион Пудовкин [56] показал, что Филадельфову обещались прислать 2 тюка запрещенных книг. Ну, жандарм и стал меня расспрашивать «врасплох»:авось-де растеряется, набрешет на себя или на своих знакомых. Затем убеждает меня во всем признаться: «ваши товарищи (такие-то) все рассказали, поэтому в ваших интересах, г-н Филадельфов, подтвердить все это». Через 2—3 дня узнаю, что мои товарищи не только не давали показаний, но и дать их не могли, так как еще никто из них не разыскан.

Перехожу теперь к рассказу о том, как нас содержали в острогах. Я прошел целый ряд тюрьм: был в самарском остроге, в саратовском, в Тамбове — в части, в Москве—в знаменитой Пугачевской башне, в городской, рогожской частях, в тюремном замке, затем в Петербурге—в Петропавловской крепости, и наконец, в доме предварительного заключения, где обретаюсь и посейчас. В самар. остроге первое время нам не давали ни курить, ни книг, ни свиданий и только в последнее время дозволили мне видеться с отцом один раз минут на 15. Пища—хлеб таскун, да щи водянец. Арапов [57], отведав пищу нашу, воскликнул: «От такой пищи собака и та сбесится». Действительно,—. вскоре 2-е из нас заболели: Беляков [58]—расстройством желудка, а Фоминский—цынгою. 5 сентября 74 г. я очутился в Пугачевской башне—в Москве. Отвели меня в каморку длиною 3 и шириною 2 шага. Темно, холодно, сыро и грязно. Просидел я тут с неделю и получил лихорадку. Меня, как больного, перевели в лучшее помещение,—в городскую часть. Комнатка довольно светлая, но пол до того чист, что не разберешь, какой он: деревянный, каменный или земляной. Требую к себе товарища прокурора. Является Кларк [59]. Так и так, говорю, чухонцы, мол, свиней чище содержат, чем вы нас. Он посмотрел.

Позвал старшего и, показывая рукою на пол, говорит: «Посмотри. Что это? У тебя, братец, здесь скоро медведи забегают. Когда мылись полы?»— «С год тому назад, ваше высокородие», отчеканивает унтер. Сидеть по частям летом было еще ничего. Донимали нас только грязь, да вошь, так как нас по 2, да по 3 месяца не водили в баню и не сменяли белья... Но зимой в морозы... не приведи бог сидеть в проклятых частях матушки-Москвы. С 24 декабря 74 и 19 января 75 г. я квартировал в рогожской части. Каморка маленькая, грязненькая, темная... Но все это было ничего. На беду в ту пору стояли морозы. Топили наши камеры по-казенному, мало (должно быть, «экономию» хорошо изучили). Конура моя была в нижнем этаже каменного дома, и вдобавок, угловая. Холод и сырость невиданные... На стенах плесень. На окне лед. На подоконнике вода. Дохнешь, пар видно. Я спал, не снимая сапог, ни пальто, и то зачастую просыпался от холода. Я требую топить печь 2 раза в сутки. Мне говорят—нельзя: положения такого нет. Приезжает городской голова—член тюремного комитета—и он же, кажись, член общества покровительства животных. Я к нему с челобитной на сырость и холод... Осмотрев мою берлогу, он дохнул, увидел свой дух; провел рукою по стене, оставил на ней след своей жирной пятерни и, кроме того, запачкался плесенью. Несмотря на все это, покровитель животных не сделал никакого распоряжения. Он ограничился одним лишь замечанием: «Да, да,—шамкает лысина в енотке,—да... Вот так, немножко бы, немножко следовало протопить...» Немножко... А от этого «немножко» я спал не раздеваясь... По той же причине караульные жандармы по ночам вместо бога поминали чорта, да чью-то мать и не могли подолгу заснуть, хотя и ложились, не скидая ни сапог, ни курток, ни шинелей. Я мог бы привести еще подобного рода факты, но, полагаю, довольно и этих, чтобы составить себе понятие о том, как содержался я до суда, и не один я, а все, и не один, два месяца, а 2, 3 и 4 года. Само собою разумеется, что не везде было одинаково скверно: в одном месте плохо, в другом хуже, в третьем еще похуже, а в Петропавловской крепости... Слушайте: в крепости сидят, как вообще, в одиночных камерах, зато больших, светлых, чистых и теплых. Есть даже форточки. Белье барское: тонкое, чистое. В баню ходят ежемесячно. Кормят хорошо: в 8 час. утра 3 кружки жидкого чаю с 3 кусками сахару и с полбулкою хлеба. Обед из 3-х блюд—сытный и вкусный. В 8 ч. вечера то же, что и в 8 утра. Гулять водят через 2 суток на четверть часа. Это—с одной стороны. С другой—могильная тишина: слышно, как муха летит. Свиданий у меня не было. Говорить не с кем. Книги давали мне старые, никуда не годные, в роде Булгарина, Греча, Карамзина. Не видишь человеческого лица, не слышишь человеческого голоса. (Впрочем, теперь, говорят, и там завели сношения.) Просидел я тут год и 2 месяца, которые показались мне за 8 лет. Здесь я отупел и поглупел градусов на 40. Под конец сиденья стал подумывать о том, как бы покончить с собою... покончил бы, наверно, если бы не перевели меня вскоре затем сюда, в дом предварительного заклю-

чения. Насколько хороши условия гуманного одиночного сиденья, видно из того, что из числа арестованных по делу 74 до суда лишило себя жизни 10 чел. и 2 покушались, 29 сошло с ума, 35 умерло: кто от чахотки, кто от истощения, малокровия и т. п. Из моих земляков умерли: Беляков (от истощения) [58], Чернышев (от чахотки) [60], Попов (от катара желудка) [61] и сошли с ума: Дамаскин, Лукашевич (жена Осипова) [62] и Курдюмов [63], который теперь оправился. (Вечная память вам, честные люди, замученные в казематах за свои убеждения.) О том же, как живется нам в доме пр. закл., говорить я не стану, вам расскажет податель письма. Замечу только, что живем сравнительно хорошо. Между прочим, считаю не лишним сообщить вам кое-что о «Треповской истории» [64]: Нас водили гулять в клетки, построенные на дворе: по одному в каждую. Клетки до того малы, что негде поразмять костей. Мы стали перескакивать за барьер и гулять по всему двору гурьбою по 9 человек: и весело и вольготно. Начальство, разумеется, стало ворчать: как, мол, смеете безобразничать. Мы все заявили, что буде нам не позволят гулять по двору, мы отказываемся от всяческих прогулок... Начальство мялось-мялось, уступило: не морить же их в самом деле. Народ все молодой. Без движений нельзя. И так много нашего брата перемерло, к тому же и теперь между ними кандидатов на казенный гроб не мало... Ладно... Гуляем эдаким манером день, два, неделю... В июле (77 г.) на двор к нам приявился самый что ни есть главный опричник, царский прихвостень: градоначальник генерал-лейтенант Трепов. Увидав политических арест. гулявшими по двору толпою (скопом, значит), спрашивает управляющего, почему-де вы допускаете у себя такие вольности. Тот замялся. Один из гулявших, некто Боголюбов (осужденный по делу демонстрации на Казанской площади 6 декабря 76 г.), подходит и начинает объяснять, что гуляют-де люди, судящиеся по разным делам, следовательно, от совместных прогулок интересы правосудия пострадать не могут. «Вас не спрашивают», рычит генерал. Боголюбов повернулся и пошел. Его превосходительство кричит Боголюбову: «долой шапку», и замахнулся на него, хотел сшибить фуражку. Боголюбов не токмо что не обнажил главы своей, но еще предерзостно отвел его превосходительную руку. Не стерпел генерал такого поругания, приказывает посадить дерзкого в карцер. Гулявшие, а равно и видевшие эту историю из окон стали кричать Трепову: «Как вы смеете обходиться с нами так дерзко!». Другие, более горячие, гикнули: «Вон его со двора!». «Опричник, мерзавец!»—послышалось из окон... Ну, как тут стерпеть старику-генералу, и вот он, забыв закон, велит дать Боголюбову 25 горячих: Боголюбову в поучение, а нам на устрашение... Весть, что Боголюбова велено высечь, мигом облетела всю тюрьму... Водворилась зловещая тишина... Вдруг до нашего слуха донеслись крики страдания: ай, ай, ай... Сомнениям не оставалось места... и... вся тюрьма, как по мановению волшебного жезла, застонала... Крик, шум, стук, биение стекол, ломка дверей, форток, столов... Я, грешный, тоже не вытерпел: кричал, звонил, ругался и

в довершение всего вынес фортку из двери вон... Среди этого, поистине, адского шума изредка слышались возгласы: «Управляющего!», «Трепова!»... Никто не идет... Немного спустя в тюрьму нагрянула свора полицейских. Начинают поочередно отпирать бунтовщиков, чтобы вести их в карцер. Дорогой, как вели, нас били, как только может бить дрессированный держи-морда; а чтобы не видно было того, кто бьет, на голову несчастного бунтаря набрасывали (неразобрано одно слово).

Вот как гуманно обходятся с нами... Все сие творилось, не забудьте, в Питере, в наше время, когда общество покровителей животных тащит мужика в часть за слишком усердное биенье лошади... Что же значит притча сия? Общество покровит. животных действует, а об обществах покровителей людей не слыхать...

Еще один небезынтересный факт: в дом пр. заключения захотел приехать некто знаменитый Грот,—влиятельная особа, член тюремного комитета и человек честный, гуманный. Хотел приехать с целью разузнать, нет ли жалоб со стороны арест(ованных) на плохое содержание и прочее. Накануне его приезда распустили слух, что приедет важное лицо прокурорского надзора с целью расследовать дело о беспорядках, произведенных заключенными 13 июля (помните Треповск(ую) ист(орию). Понятно, что мы, видя в Гроте прокурора, не сочли нужным заявлять ему о чем бы то ни было. В результате получилось следующее: в газетах пропечатали, что Грот посетил дом пред. закл. с целью войти в положение заключенных и принять от них жалобы и пр., но что все-де обстоит благополучно, хорошо. Ни один-де арест(ованный) не пожаловался. Как вы это находите? Теперь о нашем суде, об обвинительном акте. Наш обвинительный акт содержит в себе 350 стр., живых подсудимых 198 чел., свидетелей 500. Дела (показания подсудимых, свидет. и т. п.) 250 больших томов. Получили акт. Читаем и удивляемся: господи, твоя воля...[65]. Чего-чего не прописано там. Если верить прокурору, то мы (подсудимые)—воры, грабители; высшим благом считали житье на чужой счет; все мы подрыватели семьи, люди развратные; все мы лень и невежество возводим на степень идеала. Вот какими старается представить нас правительство пред глазами общества... Не то удивительно, что правительство марает нас грязью, ругает—это в порядке вещей, а удивительно то, что правительство с нахальством попирает здравый смысл и логику читающей публики. Вы знаете меня, Осипова, Осташкина, Чернышева, Лазарева, Белякова,—и все мы, по словам прокурора, тунеядцы, воры, грабители, развратные люди; словом, такие, что противно и плевать-то на нас. Акт печатается в виде прибавления к газете «Правит. Вестн.». Прочтите, увидите, как тоже расписали нас там. Кстати обратите внимание на милые показания Верочки и Левочки Городецких.

Никто из нас не ждал от них ничего подобного. Городецкий оправдывает свою жену (Боголюбову) в том, что «Верочка в ваших же интересах хотела представить нас в комичном виде». Верочка и представляет...

Вот дословные выдержки из ее показаний: «Филадельфова, Осипова и Осташкина я знаю. У Филад(ельфова) бывала, но редко, так как мне странным казалось бывать у холостого молодого человека. Они собирались на сходки, где читали Овена, Лассаля и др., но я была только раз: Филад(ельфов) не захотел, чтобы я посещала их сходки. После этого я с своей подругой Шестаковой стала читать Добролюбова, но мы не понимали его, постоянно спорили, наконец, бросили. Осипов и Филад(ельфов) доказыв(али) мне, что нужно распространять образование в народе и внушать ему необходимость самоуправления. Все разговоры сосредоточились на теме «Что делать». Установление программы действий было возложено на Осипова, который через несколько времени объявил, что план действий отыскан и в очень мудреных фразах возвестил необходимость «нравственной выработки». Затем Осип(ов) и Филад(ельфов) стали доказывать мне бесполезность занятий науками в гимназии, и так как мне надоели немецкие переводы, то я вышла из гимназии и поступила в фельдшерскую школу...

Осипов, между прочим, взялся писать разбор Чернышевского «Что делать», заранее уверив всех, что напишет такой разбор, который и через 100 л. будет современен. Такое обещание Осипова разрешилось ничем. Он объявил, что им придуман новый план действий—«строго-научная подготовка». Сходки бывали после того часто, но я не имела с этой компанией ничего общего. Эти господа не доверяли мне; смеялись надо мной; называли барышней и вообще относились ко мне с пренебрежением. Они ничего не делали, только ходили друг к другу в гости, да распивали чаи. Правда, я прежде увлекалась разными общественными вопросами, но теперь, с выходом замуж за Леву, я всецело предалась личному семейному счастью».

Судите сами, чего здесь больше: пошлой лжи, клеветы или глупости... Что же касается планов действий, чаепитий и пр., то я принимал в них участие без моего ведома. Смею думать, что и планы действий составлялись Осиповым без его на то согласия, в то время, когда Верочка сидела в самарском остроге. Поэтому эти планы действий должны носить имя их действительного творца, а не подставного секретаря компании, т.-е. планы Боголюбовские, а не Осиповские...

Так отличилась Верочка, жена, достойная своего мужа, «кающегося» дворянина Льва Городецкого.

Сам же Городецкий писал не показание, а просто донос.

Два листа испещрены фамилиями его знакомых, отличавшихся не только революционным направлением, но и либеральным духом. При чем Левочка дает краткую характеристику поименованных им лиц в роде того, что этот развит, но не предан делу, а тот глуп и т. п. Показания свои он заканчивает так: «Прежде я увлекался этими (т.-е. революционными) идеями, теперь же пришел к тому убеждению, что все идеи—химера. Все же мое прошлое было увлечением молодости». Этого мало. Левочка уверяет нас, что все это (оговор) было с его стороны ошибка: что он, Левочка, такой же революционер, каким был и

прежде, что он и теперь считает нас своими друзьями... Ну, кто из них лучше: муж или жена? «Оба полютче», сказал бы немец...

Оставим их наслаждаться личным семейным счастьем, основанным на стонах и воплях их бывших друзей и знакомых... Перейдем к суду.

По выдаче акта мы должны были вызвать свидетелей в семидневный срок. Как можно в такой короткий срок прочесть претолстущий обвинительный акт, все обдумать и вызвать свидетелей? Каких свидетелей? Не посоветовавшись с адвокатом, вызовешь, пожалуй, не тех, кого бы нужно, а письмо к адвокату приходит ровно через две недели. Правда, нам продолжили срок еще недели на 3, но условия вызова даны уже не те: там (в семидневный срок) вызовут всех, кого назначит подсудимый, здесь же (во время отсрочки) вызовут лишь тех, кого найдет нужным особое присутствие. Я, конечно,не успел воспользоваться первым сроком. Пришлось представить моих свидетелей на особое усмотрение (я вызвал: жандармского полковника Смалькова, двух дворян Ободовских и купца Мясникова). Вызвал их с тем, чтобы с помощью их опровергнуть ложь шпионов, доносчиков, вызванных в качестве свидетелей против меня... И как бы вы думали? Мне отказали во всех этих свидетелях «за их несущественностью»... Я хотел требовать отвода этих шпионов, как свидетелей «несущественных»... Мне говорят, этого сделать нельзя... Итак, на суд я должен был явиться с одним своим собственным языком, да с балалайкою (адвокатом Потехиным). Затем нас порешили сперва судить всех вместе (198 чел.). Согнали в тесное зало, как стадо баранов. Публики нет. Отчеты о заседаниях будут печататься с пропусками и искажениями. Потом, что еще того лучше, нас разделили на 17 групп и вздумали судить каждую группу отдельно, тогда как мы юридически составляли неделимое одно тайное сообщество. Ни заявления подсудимых, ни ходатайство защиты—ничего не было уважено.

После всего этого вы, надеюсь, не удивитесь, если я скажу вам, что из числа подсудимых 115 челов. отказались от всякой защиты и участия в суде, прося удалить их из зала заседаний: я, Осипов, Осташкин и Лазарев в числе отказавшихся...

Вот вам и «скорый, правый, милостивый суд»...

Избави бог и от особого суда, и от особых судей. Вижу, что письмо мое вышло отрывочно, неполно, а делать нечего, тороплюсь: срок отдачи близко...

В заключение всего я свидетельствую вам, Анна Никифоровна, мое глубокое уважение, даже больше... за ваше теплое, бескорыстное участие во мне... Я всегда с удовольствием вспоминаю вас и говорю вам мое сердечное спасибо.

От души желаю вам всего лучшего в мире.

Готовый к вашим услугам

Василий Филадельфов.

Передайте от меня мой привет Тиме, Любе, Маше и всем моим знакомым...

Жду заключения в крепость, а не все равно—угожу и на поселок с лишением всех прав и состояния, которых у меня не было.

Прощайте.... Я жив, здоров и пока бодр духом...

Если можно, сообщите содержание этого письма моему отцу. Я не знаю, что с ним: жив ли, помер ли. Пишу, пишу ему и не получаю ответа 4-й месяц. Его старый адрес был: Симбирск, Шатальная улица, дом Зимина...

(Приложение к письму В. В. Филадельфова.)

Вот еще кое-что, не лишенное интереса: есть приказ сечь политических преступников за продерзости, сделанные ими чинам III отделения, так, например, в силу этого приказа дали 25 розог Папину [66] и рабочему Козлову. За первое ручаюсь, второе передаю, как слух.

В Москве за стук и пение донимали сидящих женщин (таким) обр(азом): унтера и часовые начинают позволять себе вольности, говорят комплименты в роде того, что какая, мол, ты хорошенькая; а с одной так проделали следующую штуку. Когда она (не хочу назвать фамилии) пошла в баню и совсем разделась, к ней в костюме Адама входит унтер. Та, конечно, кричать, плакать... И сообщивший мне о последнем казусе дает слово, что он слышал, как офицер отдал приказ унтеру проделать с нею вышеозначенную штуку. На одну из женщин унтер стал кричать (орать) за то, что она стучит (говорит) с соседом... Эта несчастная в порыве негодования ударила о стену свой табурет. Унтер, взяв со стола книгу, ударил ею по голове арестованную со словами: «А-а... так ты эдак, ну, так вот тебе...».

Рабочего Кукина, когда ему было 15 лет с небольшим, арестовали за какую-то книжку заграничного издания...

Желая разузнать, кто ему дал ее, жандармы стращали этого Кукина розгами и держали целую неделю на уменьшенной порции пищи, так что он был впроголодь. Мало того, когда вели его на допрос, давали ему в виде подкрепления вина... Передаю это со слов самого Кукина. Во время арестов в Самаре жандармы распустили слух, что арестуют дворян за нежелание отбывать общей рекрутской повинности.

Пудовкин получил в награду всего 70 р., Байков же ни шиша. Дмитриев Мишка (рыжий портной) получил 300 р. за то, что выдал головой Войнаральского и Юргенсон [67]. Рабочего (политического арестованного, сидевшего вместе со мною в доме предварительного заключения) тащили со двора в карцер за волосы и при этом били за то, что он разговаривал с своим знакомым, смотревшим в окно. Заславский [68] (приговоренный к 10 годам каторги) всеми докторами признан сумасшедшим. Но инспектор (или доктор) больницы умалишенных в Питере не принял его, так как власти сдавали ему Заславского на условии личной ответственности в случае побега этого сумасшедшего.

Губернское же правление после того признало Заславского здоровым, и он, несчастный, должен сидеть в тюрьме на положении обыкновенных каторжников... Всех политических требуют заключения в центральных тюрьмах. Им не дозволяют ни общих прогулок, ни денег, ни книг. Пища прескверная. На привар отпускают по 2 к. на человека в сутки. Но теперь, говорят, изменилось к лучшему: свидания дозволены, книги, деньги получать можно.... и даже общие прогулки разрешены. Как обращаются в центральных тюрьмах, можно видеть из следующего (передаю как слух): рабочему Малиновскому [69], в то время как его тащили в карцер, переломили ребро... Рассказывайте всем и каждому *), что жандармы верят арестованному лишь в том случае, когда он делает показания в ущерб себе или своим товарищам, на все же остальное, говорящее в чью-либо пользу, не обращают внимания...

Примечания к письмам.

[1]) *Сердюкова* (ур. Корнилова), *Любовь Ивановна*—одна из сестер Корниловых, дочерей фабриканта фарфоровой посуды, принимавших видное участие в движении 1870-х годов. С 1872 г. Люб. Ив.—активный член кружка «чайковцев». В конце 1870-х г.г. подверглась административной высылке в г. Ишим, Тобольск. губ. С сентября 1881 г. по сентябрь 1886 г. состояла под гласным полицейским надзором в Томской губ. Умерла в Казани в 1892 г.

[2]) *Чепурнову, Веру Петровну.*

[3]) «Суд москвичей»—известный процесс 56-ти, разбиравшийся в особом присутствии сената в феврале—марте 1877 г.

[4]) *Шишко, Леонид Эммануилович* (1852—1910)—известный революционер, один из активнейших членов кружка «чайковцев». По процессу 193-х приговорен к каторжным работам на 9 лет. Его перу, как известно, принадлежат ценные воспоминания о том времени, к которому относятся все публикуемые письма. Воспоминания эти собраны в IV т. собрания его сочинений (изд. «Колос», П. 1918). О нем см. сб. «Памяти Л. Э. Шишко» («Современник», 1912, кн. 7).

[5]) *Бардовский, Григ. Вас.*—прис. пов., выступал защитником на главных политических процессах 1870-х г.г. (на процессах, напр., Дьякова, Серякова и Герасимова, о демонстрации у Казанского собора, 50-ти, 193-х, Ковальского в Одессе и др.). В июле 1879 г. Б-ский, будучи заподозрен в укрывательстве О. Любатович, был арестован. В тюрьме он вскоре же сошел с ума и умер. См. о нем в воспоминаниях о Любатович («Былое», 1906 г., кн. V, стр. 211—212). Его родной брат, мировой судья Петр Вас. Б-ский, принимал видное участие в польском революционном движении, судился в Варшаве в 1885 г. по делу «Пролетариата», приговорен к смертной казни и повешен.

[6]) *Бардовская, Анна Арсеньевна*—жена прис. пов. Гр. Вас. Бардовского.

[7]) Об известной речи Ип. Ник. Мышкина на процессе 193-х и о всех последствиях, которые влекло за собою его выступление, достаточно подробно говорится в следующих письмах, особенно А. И. Ливанова.

[8]) *Волховский, Феликс Вадимович* (1846—3/VIII 1914 г. н. с.)—судился и оправдан в 1871 г. по делу «нечаевцев», впоследствии видный эмигрант, один из основателей «Фонда вольной русской прессы» в Лондоне. К процессу 193-х

---

*) Конечно, людям молодым, которые могут очутиться в грозной лапе российского правосудия. *(Прим. автора письма.)*

привлекался за пропаганду среди рабочих в Одессе, где им в 1872 г. был организован специальный кружок. Последний поддерживал тесную связь с петербургским кружком «чайковцев». Литературу о В-ом см. в указателе А. А. Шилова «Что читать по истории русского революционного движения» (П. Госиздат. 1922 г., с.с. 96, 111—112, 114 и 211—212). К перечисленному там следует добавить статью С. Л. Чудновского «Отрывки из воспоминаний 1872—1873 г.г.».

[9]) *Чарушин, Ник. Аполлонович* (р. 1852 г.)—видный деятель петербургского кружка «чайковцев». О нем см. воспоминания Л. Э. Шишко и статьи С. Синегуба «Воспоминания чайковца» («Былое», 1906, №№ 8—10, и «Русская Мысль» 1907, №№ 9—11).

[10]) *Синегуб, Сергей Силыч* (1853—1907)—деятель кружка «чайковцев». В его «Воспоминаниях чайковца» («Былое», 1906, №№ 8—10, и «Русская Мысль» 1907, №№ 9—11) он подробно рассказывает о своей работе в кружке «чайковцев» и обовсем, что имело место на процессе 193-х.

[11]) *Корнилова, Александра Ивановна*, по мужу Мороз (р. 1853 г.)—сестра автора письма, деятельный член кружка «чайковцев», привлекалась к процессу 193-х за участие в пропаганде среди петербургских рабочих.

[12]) *Кувшинская, Анна Дмитриевна* (жена упомянутого Н. А. Чарушина)—член кружка «чайковцев», занималась пропагандой среди рабочих Выборгской стороны. О ней см. в воспоминаниях Л. Э. Шишко и С. С. Синегуба.

[13]) Т.-е. петербургские «чайковцы».

[14]) *Морозов, Николай Александрович* (р. 1854 г.)—известный впоследствии народоволец. См. его воспоминания «Повести моей жизни» 4 тома (М., изд. «Задруга»).

[15]) *Зубок-Мокиевский, Степан Василъевич*—прикосновенен к пропаганде среди рабочих Выборгской стороны; арестован в Москве, когда пытался установить связь с Лидией Фигнер, осужденной по процессу 50-ти и содержавшейся в полицейском доме Яузской части. По процессу 193-х приговорен к ссылке на житье в Тобольскую губ. (см. «Процесс 193-х», изд. В. Саблина, М. 1906 г., с. 22).

[16]) *Лопатин, Всеволод Ал-дрович*—брат известного революционера Германа Ал-дровича Лопатина. Вс. Ал. судился за попытку содействовать бегству Ф. В. Волховского. Об эпизоде этом см. в воспоминаниях Н. А. Морозова («Голос Минувшего», 1913, кн. XII, с. с. 160—161 или его «Повести моей жизни», т. II, М. 1918, с.с. 132—133). Сообщение последнего вызвало заметку самого В. А. Лопатина (см. «Голос Минувшего», 1914, кн. IV, с.с. 217—221).

[17]) *Тихомиров, Лев Александрович*—известный народоволец и впоследствии ренегат. Привлекался по процессу 193-х за принадлежность к кружку «чайковцев» и участие в пропаганде среди рабочих. Его воспоминания о том периоде изданы анонимно в переводе с французского языка («В подполье. Очерки из жизни русских революционеров 70—80 г.г.». П. 1907, изд. «Друг Народа»).

[18]) *Корнилова, Александра Ивановна.*

[19]) *Завадская*, по мужу Франжоли, Евгения Флориановна (1852—1883). Судилась и оправдана по процессу 50-ти.В 1878 г. административно выслана в гор. Сольвычегодск, откуда в следующем году бежала. Покончила самоубийством в Женеве летом 1883 г.

[20]) *Армфельд, Наталья Александровна*, по мужу Комова (1850—1887)—одна из первых русских пропагандисток. В описываемое время находилась в Москве. В конце 70-х г.г. вступила в киевский революционный кружок. При аресте в 1879 г. в Киеве оказала, в числе других, вооруженное сопротивление, за что киев. военно-окр.судом в мае 1879 г. осуждена на 14 лет каторги. Умерла на Каре. Об аресте и суде см. воспоминания Вл. Дебогория-Мокриевича (П., 3-е изд. Н.Глаголева, с.с. 374—409). Общая характеристика—в воспоминаниях Е. К. Брешко-Брешковской («Голос Минувшего», 1918 г., кн. X—XII, с.с. 192—207 или отд. оттиск, М. 1919, с.с. 26—41).

[21]) *Перовская, Софья Львовна*—привлекалась к процессу 193-х, как активный член кружка «чайковцев» и за пропаганду среди рабочих Выборгской стороны.

[22]) На допросе Л. И. Сердюкова категорически отказалась расшифровать эти имена. «Дмитрий»—не Дм. Ал-дрович Клеменц?

[23]) *Корнилова, Александра Ивановна.*

[24]) *Чепурнова, Вера Петровна.*

[25]) *Туманова, Рипсимия Борисовна.* Умерла в ссылке, в г. Тунке, Иркутск. губ., 20 января 1882 г.

[26]) *Дмовская, Настасья Вас.*—жена осужденного по процессу «Долгушинцев» (1874 г.) Льва Адольфовича Дмовского.

[27]) *Зданович, Георгий Феликсович* — осужден на каторжные работы по процессу 50-ти. До конца 1880 г. содержался в ново-белгородской тюрьме.

[28]) *Сердюков, Анатолий Иванович,*—муж автора письма,—член кружка «чайковцев». По окончании процесса 193-х административно выслан под надзор полиции в Тверь, где 5 апреля 1878 г. отравился карболовой кислотой и умер, оставив записку «В смерти моей никто не повинен» (см. д. III отд. о Чепурновой, л. 60).

[29]) Речь, видимо, идет здесь о гонораре прис. пов. Коршу, выступавшему защитником на процессе 193-х.

[30]) *Гольдсмит, Софья Ивановна*—жена И. А. Гольдсмита, редактора-издателя популярных в свое время радикальных журналов «Слово» и «Знание». В квартире Гольдсмитов останавливалась В. П. Чепурнова.

[31]) *Корнилова, Александра Ивановна.*

[32]) *Рогачева, Вера Павловна* (урожд. Карпова, по второму мужу Свитыч)—судилась по процессу 193-х. Оправдана, но административно выслана в Олонецкую губернию. В начале 80-х г.г. добровольно последовала в Сибирь за первым мужем Дм. Мих. Рогачевым, осужденным по тому же процессу 193-х на 10 лет каторги. Умерла в Иркутске в 90-х годах.

[33]) «Отчеты»—это «Отчеты о судебных заседаниях особого присутствия правительствующего сената по делу о революционной пропаганде в России», которые отдельными листовками печатались во время суда в подпольной землевольческой типографии.

[34]) *Фигнер, Евгения Николаевна* (по мужу Сажина)—родная сестра В. Н. Фигнер. Судилась в 1880 г. по делу террористов (Александра Квятковского, Степана Ширяева и др.) за участие в работе тайной народовольческой типографии, устроенной в Саперном пер.

[35]) По словам матери В. Н., Екатерины Христофоровны Фигнер, В. П. Чепурнова обещала вызвать В. Н. из Студенца в Самару, где в личной беседе рассказать ей обо всем, что делалось в Петербурге.

[36]) Выслали в Тверь, где вскоре же умер (см. прим. 29.)

[37]) *Сердюкова, Любовь Ивановна.*

[38]) *Иванчин-Писарев, Ал-др Ив.* (1849—1916)—под именем «Григория Ивановича Лебединцева» служил в то время волостным писарем в селе Страхове, Бузулукского уезда, Самарской губ. Об этом периоде его жизни и революционной деятельности см. подробно в его воспоминаниях («Из воспоминаний о хождении в народ», П. 1914 г. изд. «Заветы» с.с. 45—77). Автобиография его напечатана в 1 т. с. «Скифы» (П. 1917). Там же и воспоминания о нем В. Н. Фигнер.

[39]) *Богданович, Юрий Николаевич* (1856—1888)—также находился в Бузулукском уезде, Самарской губ. Впоследствии видный народоволец, участник дела 1 марта 1881 г., погибший в Шлиссельбурге.

[40]) *Ливанов, Ал-др Иванович*—студент петербургского технологического института, из которого вышел в 1873 г. Привлекался к процессу 193-х; приговорен к каторжным работам. О судьбе его ничего неизвестно.

[41]) Такое распоряжение главного управления по делам печати последовало в циркулярном порядке. В приложенном к брошюре «Самодержавие и печать в России» (Берлин, 1898 г., или Петербург, изд. «Светоча», 1906 г.) «мартироло-

гии русской периодической печати» сообщается только содержание двух циркуляров от 17 января и 19 февраля 1877 г. (по поводу процессов о демонстрации у Казанского собора и «50-ти»). Оба циркуляра предлагают редакторам «ограничиться перепечаткой отчета из «Правительственного Вестника». Второй из них, от 19 февраля 1877 г., распоряжение это относит не только непосредственно к процессу «50-ти», но и к другим политическим процессам. Однако, в связи с назначенным к слушанию процессом 193-х, 16 октября 1877 г. был разослан особый циркуляр. В последнем редакциям повременных изданий было подтверждено, чтобы они «не позволяли себе помещать в своих изданиях ничего, кроме буквальной перепечатки того, что будет помещено в «Правит. Вестнике».

[42]) В заседании 24 октября 1877 г. первоприсутствующий сенатор К. К. Петерс «относительно порядка производства настоящего дела» прочел определение сената от 11 октября. «Несмотря на тесную связь всех частей дела между собою,—говорится в определении,—не представляется физической возможности, ввиду недостаточности помещения, произвести судебное следствие во всем его объеме, в присутствии всех обвиняемых». Руководствуясь подобным мотивом, сенат искусственно распределил всех обвиняемых по группам (числом 17) и постановил вести судебное следствие отдельно по отношению к каждой из 17 групп (см. «Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в Империи» т. I. П. 1878, с.с. 10—11).

[43]) К первой группе сенат отнес следующих лиц: 1) Серг. Ив. Виноградова, 2) Феликса Вадим. Волховского, 3) Ив. Ив. Гауенштейна, 4) Льва Серг. Городецкого, 5) Митр. Алексеевича Гриценкова, 6) Степ. Пет. Зарубаева, 7) А-дру Ив. Корнилову, 8) Анну Дмит. Кувшинскую, 9) Мих. Вас. Куприянова, 10) Ал-дра Осип. Лукашевича, 11) Фед. Мих. Любавского, 12) Степ. Вас. Мокиевского-Зубка, 13) А-дра Вас. Низовкина, 14) Мих. Андр. Орлова, 15) Софью Льв. Перовскую, 16) Моис. Абр. Рабиновича, 17) Дм. Мих. Рогачева, 18) Леон. Дав. Румянцева, 19) Ал-ду Яков. Сидорацкую (Ободовскую), 20) Серг. Сил. Синегуба, 21) Вас. Апол. Стасовского, 22) Льва Ал-др. Тихомирова, 23) Андр. Афан. Франжоли, 24) Ник. Апол. Чарушина, 25) Леон. Эмм. Шишко, 26) Григ. Ал-ев. Щеглова, и 27) Ал. Виктор. Ярцева. Некоторые из названных одновременно числились и в других еще группах. Автор настоящего письма, Ал-др Ив. Ливанов, числился в 14-й и 16-й группах. (Стеногр. отчет, с. 11—12.)

[44]) Инцидент этот кратко описан в воспоминаниях С. С. Синегуба («Былое», 1906, X, с. 58—59). Полноты ради и приведем небольшой отрывок из стенографического отчета о процессе, изданного адвокатами:

«Вводят Синегуба.

Синегуб. Я хочу сказать несколько слов. Во вчерашнем заседании первопр. особого присутствия объявил постановление, которое состоялось 11 октября...

Первопр. К этому вопросу не возвращайтесь...

Синегуб (продолжая)... о разделении нас на 17 групп. Так как при постановлении этого решения не были спрошены ни наши защитники, ни мы, то мы не можем быть уверены, что у особого присутствия нет еще других решений такого же рода, которые касаются как самого хода судебного следствия, так и наших приговоров, а потому я заявляю от своего лица и от лица моих товарищей, оставшихся в тюрьме...

Первопр. Я заявлений от ваших товарищей не принимаю, вы ими не уполномочены.

Синегуб (продолжая). Мы доверия к суду не питаем, потому что суда этого не признаем, и просим оставить нас в тюрьме, где мы с нетерпением три-четыре года прождали бы приличного суда.

Первопр. Удалите подсудимого.

Рогачев. Я присоединяюсь к Синегубу.

Корнилова. Удалите и нас, мы присоединяемся к этому заявлению...

Жанд. полк. Вы не имеете права делать таких заявлений суду.

Рабинович. Я вполне согласен с Синегубом. Прикажите удалить и нас.

Первопр. Удалите подсудимых.

Синегуба, Рабиновича и Рогачева удаляют». («Стеногр. отчет», с.с. 30—31, засед. 25 октября 1877 г.)

[45]) «Гамма»—псевдоним издателя-редактора «Русского Обозрения», известного публициста Гр. Конст. Градовского.

[46]) *Папин, Иван Иванович,* и *Плотников, Николай Александрович*—деятели кружка «Долгушинцев». Судились в особом присутствии сената в июле 1874 г. Будучи приговорены к каторжным работам, отправлены в новобелгородскую—центральную каторжную тюрьму, вблизи Харькова, которую и имеет в виду автор письма. В централке Плотников сошел с ума, оттуда его перевезли в дом для умалишенных, на Сабурову дачу, в Харьков, а потом—в казанскую окружную лечебницу для умалишенных, где он и умер. Папин, по отбытии нескольких лет каторжных работ, был сослан в Сибирь, в Якутскую область. Умер в 90-х годах. Характеристику обоих см. в ст. О. Аптекмана «Флеровский-Берви и кружок Долгушина» («Былое» 1922. Кн. 18, с.с. 72 и 76—77).

[47]) Рисуя сносную картину жизни в ново—белгородской централке, Ливанов, очевидно, имел в виду этим утешить мать. В действительности в тюрьме царили совершенно иные порядки. Об этом см. брошюру В. С. Свитыча «Надгробное слово Александру II» и А. В. Долгушина «Заживо погребенные» (П. 1920 г., изд. Госиздата) и записки рабочего Вас. Герасимова (изд. «Былое» 1919 г.).

[48]) В заседании 15 ноября 1877 г. приступили к производству судебного следствия по 12-й группе. В этот именно день И. Н. Мышкин выступил со своей знаменитой речью. Стенограф. отчет в следующих строках зафиксировал заключительный момент его исторического выступления.

Первоприсутствующий. Уведите его (Мышкина).

Подс. Это не суд, здесь сенаторы из холопства...

Тут поднялся такой шум и крик, что последних слов не было слышно. В то время, когда жандармы начали выводить Мышкина, подсудимый Стопани приблизился к решотке, отделяющей его от суда, и прокричал какие-то ругательные слова.

Жандармы столпились около этих подсудимых, оттолкнули подсудимого Рабиновича и вывели их силою. В публике и между подсудимыми раздавались крики. Прис. пов. Потехин вместе с некоторыми другими обратился к суду с просьбою, чтобы было занесено в протокол, что жандармы позволяют себе бить подсудимых.

Суд удалился и через посредство судебного пристава заседание было объявлено прерванным до 11-ти час. 16 числа (Стеногр. отчет, с. 506).

[49]) *Осташкин, Виктор Александрович*—дворянин, один из основателей самарского пропагандистского кружка, связанного с другими кружками «чайковцев». Ссылку по приговору суда В. А. Осташкин отбывал в Минусинске, был женат на Вере Спиридоновне Любатович, судившейся по процессу 50-ти.

[50]) *Осипов, Владимир Александрович, Филадельфов, Василий Васильевич* (автор следующего письма), *Петропавловский, Ник. Эльпидифорович, Лазарев, Егор Егорович, и Никольский, Ив. Ив.*,—все члены самарского кружка, основанного в 1873 г.

[55]) *Желеховский, В. А.*,—товарищ обер-прокурора уголовного кассационного деп. сената, автор объемистого обвинительного акта по делу 193-х. Поддерживал обвинение и на суде совместно с тогдашним прокурором екатеринбургского окружного суда Н. И. Шубиным.

[52]) *Войнаральский, Порфирий Иванович* (1844—1898)—выдающийся деятель движения 70-х годов, отдавшийся всецело пропаганде и пожертвовавший на дело русской революции все свое состояние. По процессу 193-х, по которому он судился, приговорен к 10 годам каторжных работ, т.-е. причислен был к самым

опасным и важным «преступникам»-пропагандистам. Наказание отбывал он в новобелгородской тюрьме и на Каре.

[53]) *Городецкие, Лев Сергеевич* и *Вера Николаевна*—дворяне, оба члена самарского кружка с момента основания его—своими откровенными и подробными показаниями на предварительном и судебном следствии оговорили всех остальных самарцев, чем обеспечили себе оправдательный приговор. Л. С. Городецкому было вменено в наказание кратковременное предварительное заключение, а В. Н—оправдана.

[54]) Против *Янова, Ал. Никол., Спесивцева, Ивана Григорьевича, Милоголовкина, Мины Никитича и Никитиной (ур. Жуковой), Марфы Герасимовны* первоначально выдвигалось ничтожное обвинение. Все они находились до суда на свободе.

[55]) *Филадельфов, Василий Вас.* — как указывалось выше, деятельный член самарского кружка. По процессу 193-х оправдан. На конверте его письма имеются следующие собственноручные его надписи: «Садовая улица, дом Родионова, Анне Никифоровне Гавриловой. Этот адрес случайно попал в руки III отделения. На всякий случай будьте осторожны. Не лучше ли через кого-нибудь позвать эту Гаврилову к себе в гости, на прогулку, на базар... и там передать... За содержимое письма отвечаю только я один». На оборотной стороне конверта: «Все факты, приведенные в письме, расскажите моим знакомым».

[56]) *Пудовкин, Петр*, мещ. гор. Кадома, Тамбовской губ., вызывался свидетелем на процесс, был допрошен 5 декабря 1877 года, когда производилось судебное следствие о самарском кружке.

[57]) Очевидно, *Арапов, Борис Александрович*, товарищ прокурора самарского суда.

[58]) Вероятно, *Беляков, Ив. Ив.*, крестьянин села Белой Каменки, Самарской губ., привлекавшийся к настоящему процессу. Умер, кажется, до суда в доме предварительного заключения.

[59]) *Кларк, Петр Степ.*, товарищ прокурора московского окружного суда.

[60]) *Чернышев, Павел Феоктистович*, студент медико-хирургич. академии, член самарского революционного кружка, привлеченный к процессу 193-х. Умер в Петербурге, в доме предварительного заключения, 27 марта 1876 г. Его похороны вызвали шумную демонстрацию.

[61]) Членом самарского кружка являлся сын священника *Ник. Мих. Попов*, но он на суде был оправдан. В списке обвиняемых, приложенном к официальному экземпляру обвинительного акта, значится еще обер-офицерский сын Леонид Влад. Попов, имя которого в приговоре суда отсутствует. Какого Попова именно имеет в виду автор письма,—неизвестно.

[62]) *Лукашевич, Клеопатра Аркадьевна*—жена участника самарского кружка Вл. Алексеев. Осипова, судившегося по процессу 193-х. О ней см. заметку Старика (С. Ковалика) в жур. «Былое» (1907, I. с. 114—116).

[63]) *Курдюмов, Петр. Вас.*—член самарского кружка, судившийся и оправданный по настоящему процессу.

[64]) «Треповская история» — известный случай наказания розгами осужденного по делу о демонстрации на Казанской площади 6 дек. 1876 г. А. П. Боголюбова-Емельянова. Телесному наказанию он подвергся 13 июля 1877 г. по распоряжению всесильного тогда петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, что вызвало, как известно, покушение В. И. Засулич на жизнь Трепова 24 января 1878 г. Рассказ В. В. Филадельфова ср. с литературой предмета (список в указателе А. А. Шилова «Что читать...», с. 117—118) и, главным образом, с оправдательной запиской самого Ф. Ф. Трепова, опубликованной в ст. Р. М. Кантора «К процессу В. И. Засулич» («Былое». 1922 г. Кн. 21).

[65]) Официальный обвинительный акт представляет собою печатный том в 302 и 29 страниц формата листа писчей бумаги. Перепечатан целиком в III т.

«Государственные преступления в России в XIX веке», под ред. В. Богучарского—Б. Базилевского и отд. изд. В. Саблина («Процесс 193-х». М. 1906 г. Предисл. В. Каллаша).

[66]) О Папине см. прим. 46.

[67]) *Юргенсон, Надежда Александровна*, дочь титулярного советника. Судилась по процессу 193-х; в наказание вменено ей предварительное заключение.

[68]) *Заславский, Евгений Осипович*, организатор первого «южно-русского рабочего союза» в Одессе. Судился по процессу о союзе в особом присутствии сената в мае 1877 г. и приговорен к 10 годам каторги. Наказание сокращено до 4 лет. Умер до отбытия срока наказания.

[69]) *Малиновский, Марк Прокофьевич*, рабочий, судился за пропаганду в особом присутствии сената в 1874 г. и осужден на каторжные работы. Умер на каторге.

Письмо И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату.

В обвинительном акте по делу 193-х, в том его месте, где говорится о предпринятой И. Н. Мышкиным попытке освободить Н. Г. Чернышевского, сообщается, между прочим, о письме Мышкина к брату, написанном им после ареста из сибирской тюрьмы: «Содержась под стражею в Иркутске [1], Мышкин написал на имя своего брата письмо, в котором, извещая о своем аресте, пояснял, что знал «на что шел» и что «ждет его впереди» [2]. Печатая ныне это интересное письмо по подлиннику, находящемуся в одном из томов следственного производства по делу 193-х [3], мы полагаем необходимым предпослать ему несколько замечаний об обстоятельствах, при которых оно было написано Мышкиным; но мы должны, вместе с тем, оговориться, что отнюдь не имели здесь в виду изложение всей вообще истории мышкинской попытки [4].

Мышкин явился в Вилюйск 12 июля 1875 г. и, назвавшись поручиком корпуса жандармов Мещериновым, предъявил бумаги об оказании ему содействия при переводе в Благовещенск Чернышевского. Однако ему не только было в этом отказано, но когда он изъявил желание ехать в Якутск, то вилюйский исправник отпустил его не одного, а в сопровождении двух казаков [5]. Дорогою Мышкин стрелял в своих спутников, среди которых находился и случайно присоединившийся к Мышкину и казакам во время следования местный житель Чудинов [6], и скрылся в лес. Но в ночь на 20 он был задержан, а 22 вечером доставлен в Якутск [7]. Жандармских властей в области не было, и губернатор Де-Витте 23 числа учредил следственную комиссию, под своим председательством и в составе: старшего советника якутского областного правления Мацкевича, вр. испр. должность областного прокурора Шипицына, начальника местной команды майора Сабо и исправника Бубякина. 23, 24 и 25 июля комиссия допрашивала Мышкина, который назвался сыном вологодского священника, воспитанником вологодской духовной семинарии, Михаилом Петровичем Титовым [8] и дал вообще по целому ряду пунктов показания вымышленные или уклончивые. Комиссия к этим показаниям отнеслась с определенным недоверием и, признав единогласно, что арестованный «самонадеянно скрывает свои настоящие звание, имя и фамилию, а также соучастников своих», и что он «грубо и дерзко упорствует во многих важных ответах», определила: «заковать (его) в ножные кандалы, в предупреждение его побега из тюремного замка, так как он заключается по нескольким весьма важным преступлениям». А когда спустя несколько дней, 29 числа, комиссия вновь обратилась к Мышкину, предложив ему дать более откровенные показания, то Мышкин решительно отказался. При этом он заявил, как видно из вынесенного тогда же комиссией постановления, что, «может быть, ранее, до заковки его в кандалы», он и объяснил бы еще что-нибудь, «но в на-

стоящее время,—гласит далее постановление,—(он) с грубым видом окончательно отказался от ответов с подобным выражением: «неужели вы думали, что посредством заключения в оковы можете чего-нибудь добиться; делайте, что хотите, я более не желаю отвечать и не дам ответов, против которых ранее отказался». Комиссия решила занести эти слова в свое постановление и приостановила следствие до получения сведений, затребованных ею от вилюйского исправника и от других «мест и лиц». Но вот 9 августа, при посещении тюремного замка и. д. прокурора, Мышкин заявил, что желает дать на некоторые вопросы более подробные и откровенные показания, а на следующий день, 10 числа, в письменном заявлении на имя того же прокурора он открыл настоящую свою фамилию и сообщил при этом, между прочим, что имеет звание домашнего учителя, состоял правительственным стенографом при прокуроре московской судебной палаты и постоянным репортером «Московских Ведомостей», содержал в Москве типографию, опечатанную властями в первых числах июня 1874 г., и что после того он некоторое время проживал за границей [9]. Сказанное в этом заявлении Мышкин повторил, в более пространной форме, и на допросе в комиссии, 12 августа.

16 августа якутский губернатор сообщил генерал-губернатору Восточной Сибири барону П. А. Фредериксу содержание новых объяснений Мышкина, а 23 августа, представляя ему копии с заявления Мышкина на имя и. д. прокурора и с показаний его в комиссии 12 августа, губернатор донес, что он «приостановился производством дальнейшего следствия», так как арестованный оказался противоправительственным пропагандистом, одним из 53 разыскиваемых согласно предписанию министра внутренних дел от 7 декабря 1874 года за № 2548 [10], и дело о нем должны производить чины корпуса жандармов под наблюдением прокурора; губернатор запрашивал генерал-губернатора, как ему быть теперь с «преступником Мышкиным». С своей стороны, генерал-губернатор, до получения еще из Якутска этих известий, сделал распоряжение о командировании в Якутск жандармского офицера, и вследствие этого 14 августа был назначен ехать в Якутск капитан Соколов, помощник начальника иркутского губернского жандармского управления. Прибыв в начале сентября в Якутск, капитан Соколов через некоторое время увез оттуда Мышкина в Иркутск [11].

В Иркутске Мышкин оставался до декабря 1875 г., когда он был отправлен в Петербург. Он был доставлен туда 31 января 1876 г. и содержался несколько дней при III отделении, а 4 февраля он был переведен в дом предварительного заключения. 9 февраля состоялось постановление производившего предварительное следствие по делу о пропаганде члена моск. суд. палаты Крахта о переводе Мышкина в крепость. 14 постановление было приведено в исполнение [12].

Григорий Никитич Мышкин, старший брат Ипполита, жил с матерью в Новгороде, где служил по военному ведомству исполняющим обязанности кондуктора новгородской инженерной дистанции (в звании портупей-юнкера). Накануне того дня, которым помечено письмо к нему Ипполита, у Григория Мышкина был обыск, а 22 августа 1875 г. он был заключен под стражу. Обвиняли его в том, что он был пособником отставного делопроизводителя сарапульского уездного воинского начальника Николая Михайловича Богушевича в распространении среди нижних чинов 85 пехотного Выборгского полка, стоявшего в Новгороде, революционных изданий [13].

Дело его слушалось в особом присутствии 19 и 20 октября 1876 г., особое присутствие приговорило Гр. Мышкина к одиночному заключению в военной тюрьме на три месяца [14].

Мать Мышкина, о которой несколько раз говорит в своем письме Ипполит Никитич,—Авдотья Терентьевна, после смерти в 1848 или 1849 году первого ее мужа, отца Мышкиных [15]), вышла замуж за Евд. Карп. Соколова, служившего военным фельдшером при псковском училище военного ведомства. В 1868 г. Авдотья Терентьевна вторично овдовела. В интересующее нас время она, как указано выше, жила в Новгороде у сына Григория.

Самое письмо Ипполита Мышкина к Григорию по назначению отправлено не было. Первоначально на нем кто-то,—очевидно, якутский губернатор, председатель «следственной комиссии»,—сделал надпись: «До времени приобщить к делу копию с сего письма». Копия эта была снята и находится, действительно, в деле [16]). Но и подлинник был пока что оставлен и передан затем капитану Соколову. В постановлении, вынесенном Соколовым 12 января 1876 г. по окончании им дознания, сказано следующее об этом письме: «Письмо, писанное Мышкиным из Якутска к брату своему в Новгород, приложить к делу, так как оно не могло быть отправлено по назначению, в том внимании, что распространение слуха об аресте Мышкина могло послужить, может быть, пользою для незамеченных еще сообщников в каком-либо преступном деле Мышкина».

Заметим еще, что на первой странице указанной только что копии мышкинского письма, внизу, под чертой, стоит адрес: «В Губ. гор. Новгород. В Инженерную Дистанцию Григорию Никитичу г. Мышкину». Это, очевидно, копия с надписи, сделанной И. Н. Мышкиным на конверте, который не сохранился.

Сообщил *Ш. Л.*

Письмо И. Мышкина.

Якутск, 22 августа.

Григорий.

Вот уже более года, как я не писал тебе ни единой строки. Ты, вероятно, думал, что я, убравшись по-добру по-здорову из России, поселился навсегда за границей, и, конечно, весьма удивился, получив от меня письмо с пометкою из Якутска. Да, я давно уже в России, и вот ровно месяц, как очутился в месте, где люди, аки птицы небесные, не имеют надобности заботит(ь)ся о завтрашнем дне, ибо казна питает их, и откуда для меня «одна дорога торная» открыта... сам догадаеш(ь)ся куда. Попросту сказать, я арестован; с 22 июля содержусь в якутской тюрьме, в секретной одиночной камере, облачен в серый арестантский халат с бубновым тузом на спине и закован в кандалы. Судьба, как видно, подшутила надо мною: я, враг всяких привилегий, очутился в привилегированном положении: кроме меня, нет в тюрьме никого в кандалах, я один кандальник. Но ты не поддавайся тяжелому впечатлению, которое могут произвесть только что написанные мною строки. Ведь я знал, на что иду, я давно уже примирился с мыслию о неизбежности того положения, в каком я нахожусь в настоящее время и какое еще ждет меня впереди. Поэтому я хладнокровно переношу свое тюремное заключение и, надеюсь, не менее хладнокровно отправлюсь в путь по той длинной, длинной, давно уже проторенной дорожке, по которой ежегодно шествуют тысячи бедного русского люда. Я желал бы также, чтобы и ты, и в особенности маменька не представляли себе моего положения в слишком мрачном свете. Стоит только сравнить мое настоящее не с моим же прошлым, а с судьбою большинства российских граждан, чтобы убедиться, что я не имею никакого особенного права слишком хныкать, слишком жаловаться на свою долю. Не знаю, что будет дальше, а теперь у меня есть квартира, теплая одежда, кусок хлеба, порция горячих щей и даже несколько старых №№ журнала министерства юстиции. А велико ли количество россиян, которые могут похвастаться лучшею материальною обстановкою; и, напротив, сколько есть людей, у которых не только щей, но и хлеба-то порядочного не всегда найдется. Ты спросишь: а лишение свободы, а нравственные страдания. Но и вне тюремной ограды закон отмежевал для свободы такой незначительный надел, лишение которого не может составлять слишком

существенной потери. А что касается до иных нравственных страданий, то хотя я и желал бы поговорить с тобою об этом вполне откровенно, не становясь на ходули и не сгибаясь под тяжестью того или другого давления, но ты знаешь, что полная откровенность не всегда возможна в присутствии совершенно посторонних лиц.

Тебя, конечно, интересует вопрос: каким образом я очутился в якутской тюрьме. Но я сомневаюсь, чтобы следственная комиссия, с разрешения которой я пишу настоящее письмо, дозволила мне отвечать на этот вопрос, и потому я обойду его лучше молчанием.

По окончании следствия по преступлению, совершенному мною в якутской области, я буду отправлен в Иркутск, но где именно будут судить меня: в Питере или в Сибири—не знаю. Постарайся подготовить маменьку, чтобы судебный приговор, который будет произведен надо мною, не произвел на нее слишком тяжелого впечатления. О настоящем же моем положении лучше до поры до времени вовсе не говорить ей; пусть лучше думает, что я еще благодушествую в какой-либо неизвестной стране.

Напиши мне, как ты поживаешь, как твои дела по службе, здорова ли маменька, продолжает ли свое обучение Володя, как распорядилась казна с моею типографиею или она остается еще нетронутою. О типографии, я думаю, лучше всего можешь справиться у Николая Абрамовича Гольдмана (того самого крещеного еврея, которого ты видел у меня), адрес его в прошлом году был следующий: Москва, Воздвиженка, здание городской думы, типография Пастушкова. А ко мне можешь адресовать письмо таким образом: в Якутск, в тюремный замок, домашнему учителю Мышкину. Но так как прежде чем я успею получить от тебя ответ, я могу быть переведен в Иркутск, то лучше сделаешь, если пошлешь письмо в двух экземплярах,—один в Якутск, а другой в Иркутск.

Твой брат

И. Мышкин.

P. S. Кланяйся знающим меня.

Примечания.

[1]) Неверно: письмо писано было в Якутске.

[2]) См. официальное издание обвинительного акта, стр. 239 или позднейшие частные издания, напр., в III томе книги «Государственные преступления в России в XIX веке», стр. 195 русск. изд.

[3]) Петроградский Историко-Революционный Архив, дело особого присутствия сената № 27 о революционной пропаганде в империи, предварительного следствия том 39-й, дело, произведенное в Сибири о домашнем учителе Ипполите Никитине Мышкине, обвиняемом в государственном преступлении л. л. 273 и 274.

[4]) История попытки Мышкина рассказана обстоятельнее всего в статье NN (В. Пржиборовского) «Н. Г. Чернышевский в Вилюйске», напечатанной в «Минувших Годах», 1908 г., № 3 (см. стр. 9—13). Но и этот лучший рассказ страдает

крайней неполнотой: несомненно, сибирский материал, на котором он построен, был очень скудный. Следует также отметить, что подложные документы, предъявлявшиеся Мышкиным вилюйскому исправнику, воспроизведены в статье не с абсолютной точностью.

[5]) В свое время неудачу его в сильной степени приписывали тому, что у него аксельбанты были одеты не на то плечо, на котором им полагалось быть. Позже было выяснено, чем на самом деле был вызван образ действий вилюйского исправника—точнее, испр. должность исправника—Ив. Житкова. Об этом, на основании документальных данных, писали М. С. Александров в заметке «Арест И. Н. Мышкина» («Былое», 1906, № 8, стр. 259—260) и В. Пржиборовский в указан. статье. Считаем нелишним привести основное содержание соответственной части донесения Житкова якутскому губернатору от 12 июля, которым (донесением) пользовался и NN. Житков, прежде всего, ссылается на два письма, полученные им накануне приезда Мещеринова (последний в нашей копии донесения везде называется ошибочно Мещерениновым): одно—от письмоводителя Сунтарской инородной управы, другое—от помощника исправника Поротова. Первый из них, по словам Житкова, сообщал в письме от 8 июля, «что г. Мещеренинов прибыл в Сунтарскую инородную управу из Олекминска на лошадях наемных, не имея при себе ни казака и никакого человека, и из слов его можно заключить, что он был в Олекминске и его никто там не знал». Из сообщения Поротова, который встретил М. в 10 верстах около Верхневилюйской инородной управы, видно было, что М. расспрашивал его, «когда должна быть почта из Якутска в Вилюйск», и объяснял, «что не знает о том, когда он возвратится и каким путем из Вилюйска, через Сунтари или Якутск, и может быть не один». «Получив все эти сведения,—продолжает Житков,—и имея распоряжения вашего превосходительства от 24 декабря 1874 года за № 4 и *от июня месяца сего года за № 16* (курс. наш. *Ш. Л.*) относительно Чернышевского, я не только не допустил г. Мещеренинова видеться с Чернышевским или делать у него обыск, а, напротив, усилил караул в остроге, как наружный, так и внутренний, и не решился выдать по требованию г. Мещеренинова, тем более, как отозвался сам Мещеренинов, он приехал в г. Вилюйск без подорожной, инкогнито, и прогонов нигде не платил».

Аксельбанты тут совершенно не упоминаются, и едва ли они сыграли во всем этом деле какую-либо роль. Но, с другой стороны, неправильно мнение В. Г. Короленко, высказанное в «Истории моего современника» (т. III, Москва, «Задруга», 1921—1922, стр. 310), что случая с аксельбантами вообще не было и быть не могло, так как Мышкин, сам служивший в военной службе, хорошо знал подробности обмундировки. Что случай этот вообще имел место, видно из находящегося в нашем деле в копии донесения Житкова от 14 июля. Тут вскользь,—по поводу того, что Мышкин на обратном пути на первой станции переоделся в штатское платье,—Житков замечает, что до Вилюйска Мещеринов ехал «в форменном сюртуке в аксельбантах на левой стороне».

[6]) В обвинит. акте неточно назван Чудановым.

[7]) Из Якутска выезжал для поимки Мышкина якутский исправник Бубякин. Бубякин распорядился при этом о «выгоне» (буквальное его выражение в донесении якутскому губернатору) возможно большего числа инородцев для той же цели—поимки беглеца. Инородцами-якутами Мышкин и был задержан до приезда еще на место исправника.

[8]) Титовым же он назвал себя еще 20 июля в объяснении с исправником Бубякиным.

[9]) В обвинит. акте по делу 193-х сказано, что выдавший себя за поручика Мещеринова на первом допросе назвался сыном священника Титовым, воспитывавшимся в вологодской семинарии, но затем, когда, по наведенной справке, оказалось, что Титова в вологодской семинарии никогда не было, признал, что он—Ипполит Мышкин и что «целью его поездки в Вилюйск было освобождение Чернышевского». Не говоря уже о неудачной формулировке, позволяющей думать,

что Мышкин до того, как он открыл свою настоящую фамилию, скрывал также и цель своей поездки в Вилюйск, чего в действительности вовсе не было,—составитель обвинительного акта допустил в этом месте—умышленно или неумышленно—весьма грубую ошибку: Мышкин, как мы видели, уже 10 августа объявил, кто он такой, сообщение же вологодского губернатора о том, что в тамошней семинарии не было Титова, датировано 19-м октября.

Заметим также, что ошибается и Е. К. Брешковская, когда пишет: «Депеши и телеграммы залетали между Иркутском и Петербургом, фотографии показывались повсеместно, и администрации удалось установить тождественность Мышкина, автора смелой попытки, с Мышкиным владельцем нелегальной типографии в Москве» (см. брошюру Брешковской «Ипполит Мышкин и архангельский кружок», цитировано по заграничному изданию 1904 г., стр. 24). Во всем этом не было никакой надобности, так как Мышкин сам признал уже 10 августа 1875 г., что он держал в Москве типографию, опечатанную властями (и не бывшую, кстати, нелегальной, хотя она и печатала нелегальные вещи).

[10]) Список 53-х, разосланный также и III отделением, был напечатан в № 2 двухнедельного «Вперед» и перепечатан оттуда в «Воспоминаниях» Вл. Дебогория-Мокриевича (СПБ, 1906, стр. 172—178).

[11]) Все приведенные данные заимствованы из указанного выше 39-го тома предварительного следствия по делу о револ. пропаганде в империи.

После приезда Соколова в Якутск, Мышкин был закован и в наручники. Так, в заявлении, поданном 14 июля 1877 г. в особое присутствие сената, он, между прочим, просил истребовать из иркутского жанд. управл. ту бумагу генерал-губернатора Восточ. Сибири, в силу которой, как сказал ему, по его словам, капитан Соколов, он был закован в наручники, при чем он прибавлял: «О заковке в кандалы имеется протокол, а о заковке в наручники, последовавшей спустя месяц после заковки в кандалы, нет никакой бумаги» (заявление 14 июля 1877 г., см. в деле особого присут. сената, № 27, о револ. пропаганде в империи, том 4, часть I, по прошениям подсудимых и защитников—Петр. Ист.-Рев. Архив). Заковка в наручники произошла, повторяем, после приезда, очевидно, Соколова,—следовательно, не через месяц после заковки в кандалы, а несколько позже (постановление о заковке в кандалы вынесено 25 июля, а Соколов приехал в начале сентября).

[12]) Предварительное следствие по делу о револ. пропаганде, том IX, о домашнем учителе Ипполите Мышкине и др. по Москве (хран. в Петр. Ист.-Револ. Архиве).—Дело III отделения, 3 эксп., 1874 г., № 144, ч. 186 (в Петр. Истор.-Револ. Архиве).

[13]) Богушевич, живший тогда в Петербурге, приехал в Новгород 11 августа и пробыл там два дня—11 и 12. К этому времени и относится его «преступная» деятельность в Новгороде. В следующий приезд в Новгород 25 августа—Богушевич был арестован. По утверждению Гр. Ник. Мышкина, Богушевич был близок к его брату Ипполиту, с которым сдружился в бытность свою в Москве. Григорий будто бы, даже думал, что нелегальную литературу Богушевич получил от его брата Ипполита.

[14]) Сведения о Гр. Мышкине и о процессе, по которому он судился, заимствованы из дела особ. присут. сената № 12 («По рапорту члена с.-петербургской судебной палаты Геракова о преступной пропаганде среди нижних чинов 85 пехотного Выборгского полка и между писарями главного штаба, в которой обвиняются : рядовой Захар Богданов, портупей-юнкер Бужинский и друг.» и из находящихся при нем дознания и предварительного следствия, хран. в Петрогр. Историко-Революционном Архиве). Обвинительный акт по этому делу напечатан был в № 47 двухнедельного «Вперед»; этот же обв. акт, вместе с отчетом о заседаниях особ. присутствия 19 и 20 окт. 1876 г. и биографич. сведениями о Евг. Семяновском напечатаны в 5-м томе непериодического «Вперед». В России обвинит. акт этот был опубликован в 1906 г., в № 11 «Былого», стр. 119—125 (там же воспоминания об

этом деле С. Б. Богданова, стр. 100—118). Главные из подсудимых—Евг. Семяновский, Степ. Богданов и Зах. Богданов—были приговорены: первые двое—к каторжным работам в крепостях на 11 лет, а последний—к каторжным работам на заводах на 7 лет. Четвертый из главных обвиняемых—Н. М. Богушевич—умер от чахотки в спб. доме предвар. заключ. до начала еще предв. следствия—13 января 1876 г.

[15]) По словам Ипполита Мышкина (см. его показания 12 августа 1875 г. в «якутской следств. комиссии»), отец его служил военным писарем унтер-офицерского звания в Барклай-де-Толли полку и умер в 1848 г. в походе, в венгерскую кампанию. Григорий Мышкин годом смерти отца указал 1849 г. (см. его показания на дознании в Петербурге, 25 октября 1875 года).

[16]) Лл. 169—170 т. 39-го предварит. следствия по делу о револ. пропаганде в империи.

С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине [1]).

XI.

Но в то время, когда правительство в лице третьего отделения и крепостного начальства торжествовало, казалось, свою победу над пленником Алексеевского равелина, когда оно довело утеснение его до последних пределов скорби, пленник, скованный по рукам и ногам, не сдавался. Правда, он замолк, притих, но в могильной тишине каземата он готовил новое восстание против власти. Там, где не должно было раздаваться человеческой речи, где молчание равелина по временам прорезывали безумные вопли Бейдемана, там, где беззвучно двигались по коридору тени часовых и присяжных, обреченных на безмолвие так же, как и находившиеся под их присмотром узники, Нечаев нашел, наконец, друзей. Под властным влиянием гневных, горячих и полных человеческой правды речей узника таяли и исчезали тени, двигавшиеся бесшумно и автоматически, и под серыми солдатскими мундирами оказывались люди, облеченные плотью и кровью, способные отдаться чувству сострадания и ощутить суровую справедливость дела жизни заключенного. Часовые, по инструкции, не смели говорить с арестованным, присяжные унтер-офицеры не имели права «принимать от него какие-либо разговоры и вступать с ним в разговор». Но ни жандармы, ни солдаты не в состоянии были вынести заклятья молчанием; тянулось время, и они начали уступать настояниям узника и входить с ним в разговоры. Этого было довольно для Нечаева.

Мы не можем сказать, когда впервые была сорвана с уст тюремщиков печать молчания. «Начало разговоров,—читаем мы в актах следствия,—с государственным преступником камеры № 5 (Нечаевым) установить не представляется возможным, так как арестант, склоняя каждого вновь поступившего в равелин солдата, выражался, что с ним со времени его заключения говорят все и всегда. Но, соображаясь с ходом преступных действий, выясненных дознанием, можно почти безошибочно определить, что начало разговоров между арестантом

---

[1]) См. «Красный Архив» т. IV.

и некоторыми нижними чинами относится к 1877 году», т.-е. как раз к тому времени, когда руки Нечаева стали загнивать от кандалов.

Быть может, именно это необычное, беспримерное отягчение участи узника привлекло к нему особое внимание карауливших его солдат и сообщило особенную остроту их размышлениям. И Нечаев воспользовался таким настроением. Тихомиров, писавший о заключении Нечаева по его сообщениям из крепости и по рассказам солдат равелина, носивших на волю эти сообщения, дает психологический очерк воздействия Нечаева на солдат [1]). «В равелине не сменяются несколько лет. Нечаев имел возможность присмотреться к каждому и, пользуясь этим, наметить много лиц, пригодных для его планов. Еще сидя на цепи, он умел лично повлиять на многих из своих сторожей. Он заговаривал со многими из них. Случалось, что, согласно приказу, тюремщик ничего не отвечал, но Нечаев не смущался. Со всей страстностью мученика он продолжал говорить о своих страданиях, о всей несправедливости судьбы и людей. «Молчишь... Тебе запрещено говорить. Да ты знаешь ли, друг, за что я сижу!.. Вот судьба,—рассуждал он сам с собой,—вот, будь честным человеком: за них же, за его же отцов и братьев погубишь свою жизнь, а заберут тебя да на цепь посадят, и этого же дурака к тебе приставят. И стережет он тебя лучше собаки. Уж, действительно, не люди вы, а скоты несмысленные»... Случалось, что солдат, задетый за живое, не выдерживал и бормотал что-нибудь о долге, о присяге. Но Нечаев только этого и ждал. Он начинал говорить о царе, о народе, о том, что такое долг, и т. д.; он цитировал священное писание, основательно изученное им в равелине, и солдат уходил, смущенный, растроганный и наполовину убежденный. Иногда Нечаев употреблял другой прием. Он вообще расспрашивал всех и обо всем и, между прочим, узнавал иногда самые интимные случаи жизни даже о сторожах, его самого почти не знавших. Пользуясь этим, он иногда поражал их своею якобы прозорливостью, казавшейся им сверхъестественной. Пользуясь исключительностью своего положения, наводившею солдат на мысль, что перед ними находился какой-то очень важный человек, Нечаев намекал на своих товарищей, на свои связи, говорил о царе, о дворе, намекал на то, что наследник за него... Когда с него сняли цепи, Нечаев умел это представить в виде результата хлопот высокопоставленных покровителей, начинающих брать силу при дворе. То же самое повторилось при истории с книгами и задним числом распространилось на потаповскую оплеуху. Конечно, Нечаев ничего не говорил прямо, но тем сильнее работало воображение солдат, ловко настроенное его таинственными намеками. Впослед-

---

[1]) «Вестник Народной Воли», № 1, Женева, 1883, стр. 138—158. Нужно принять во внимание, что цитируемые здесь письма Нечаева не дают точного и буквального воспроизведения текста. Нечаев писал своим шифром, сокращенно и очень сжато на маленьких кусочках бумаги, и не мало оказалось мест или плохо прочитанных или совсем неразобранных. Желательно было бы найти подлинники писем Нечаева. Не хранятся ли они в заграничном архиве народовольцев?

ствии, когда положение Нечаева улучшилось, и он стал получать книги, газеты, когда разговор с ним перестал быть преступлением, влияние его сделалось чрезвычайным. Его, действительно, не только считали важной особой, не только уважали и боялись, но нередко трогательно любили; некоторые из солдат, например, старались доставить ему удовольствие, покупая ему газеты или что-нибудь из пищи на собственный счет; особенно привязанные прозвали его «орлом». «Наш орел», так называли они его между собою. Покушение Соловьева чрезвычайно подняло фонды Нечаева. Он давно говорил, что партия наследника (к которой сам будто бы принадлежал) сгонит с престола Александра II. Он предвидел дальнейшие покушения и говорил об этом своим сторожам. Он тут начал прямо показывать некоторым из них, будто у него есть сношения с волей, будто другие сторожа уже перешли на сторону наследника и служат ему, Нечаеву. Когда люди, особенно его любившие, привыкли таким образом к мысли о возможности служить Нечаеву, он стал им это прямо предлагать, и первый, согласившийся на это, был вполне уверен, что он чуть не последний, и что чуть не вся крепость принадлежит уже Нечаеву».

С этим рассказом надо сопоставить и сделанный во время следствия по делу о сношениях равелина с волей «тщательный анализ причин, породивших столь прискорбное явление в среде военнослужащих» [1]). «Таких причин не много, но вполне достаточно для того, чтобы сбить с толку полу-солдата, полу-крестьянина, мало развитого, безграмотного, не успевшего себе усвоить в короткое время службы высокого назначения солдата, обязанностей караульной службы и своего долга, человека с смутным пониманием о мере той законной кары, которая ожидает его за нарушения. Такой субъект, иногда не прослужив года в части, попадает в состав команды равелина, без всякой подготовки к тем обязанностям, которые он должен там выполнять. Что же из этого выходит: озлобленный преступник камеры № 5 зорко высматривает, кого бы из солдат можно эксплоатировать в свою пользу, для задуманных им преступных целей.—Сначала приступает к стоящему у двери камеры часовому с обыкновенными вопросами: «который час», «которое число», требует дежурного жандарма за каким-либо делом и если видит, что солдат податлив, то дело слаживается скоро. Арестант начинает выставлять себя страдальцем, мучеником за простой народ, т.-е. их и их отцов; представляет будущее в заманчивом для крестьянина свете, уверяет, что такое время наступит скоро: будет полное равенство и общее благосостояние. Солдат слушает через форточку двери камеры хитрые речи и времени для этого у него достаточно. Камера № 5 помещается в большом коридоре; дежурная комната

---

[1]) Такой анализ сделан в составленной жандармским майором Головиным «записке из дознания о беспорядках, бывших в Алексеевском равелине». Эта записка при всеподданнейшем докладе была представлена графом Игнатьевым Александру III 10 марта 1882 года.

пуста, жандарм от скуки ушел в караулку; смотритель равелина— далеко, в другом коридоре. Если и было время, что на другом фасе того же коридора стоит другой часовой, то ведь то товарищ, ему какое дело, а может он и сам, когда придется стоять у этой камеры на часах, не прочь послушать, что предсказывает страдалец; а нет, так можно урезонить и пригрозить ему по-товарищески, дабы не проговаривался, перед кем не следует. Если же арестанту попадался солдат, не желающий его слушать, то этот человек пускал в ход угрозы, что он его выдаст, как лицо, само заводящее с ним разговоры, или убьет, и т. п.; а товарищи, со своей стороны, убеждали, угрожали и все, конечно, достигали цели; а раз вступив на эту дорогу, приходилось итти дальше... Привычка к месту и однообразным действиям, хотя бы то было и дело наблюдения, вообще притупляет энергию, а вследствие того и надзор незаметно ослабевает. Всем этим пользуется арестант; солдаты, не видя над собою строгого глаза, совершенно подпадают влиянию арестанта, слушаются беспрекословно его приказаний, а тот является как бы начальствующим лицом в равелине, имеет толпу слуг, готовых исполнять его требования».

Приведенные нами характеристики пропагандистских методов Нечаева отличаются только в оттенках оценки: там пытается уяснить себе механизм нечаевского воздействия революционер, вообще отрицательно относящийся к Нечаеву, здесь опытный жандарм-следователь старается понять, как заключенный околдовал солдат; но фактическая основа обеих характеристик одна и та же, и совпадение многих подробностей говорит за их полное соответствие действительности. Именно так из чужих и даже враждебных людей Нечаев делал своих людей, а когда все эти часовые и жандармы стали своими, тогда открылась для горячих убеждений прямая дорога к их уму и сердцу.

Содержание продолжительных разговоров, которые вел заключенный № 5 с своими часовыми, в актах следствия, по показаниям отданных под суд солдат (Юшманова, Тонышева, Борисова, Дементьева, Губкина, Бызова, Березина, Архипова, Колодкина, Кузьмина, Орехова) было таково: Нечаев говорил, «что они, т.-е. нижние чины, темные люди, ничего не знают, но что теперь близко то время, когда все узнают, за что страдает он и его сообщники. Он страдает безвинно, за правду, за них, мужиков, и за их отцов. Солдат и мужиков теперь обижают; но скоро настанет другое время. Такие люди, как и он, произведут переворот, бунт, убьют царя, перебьют начальство. Тогда царь не будет управлять так, как теперь. Цари будут выборные, от народа, как в других государствах, например, во Франции, будут на отчете, а не самодержцы, и если царь будет хорошо распоряжаться, то и будет царствовать, а если нет, то выберут другого. Кроме того, он и его сообщники отберут землю от помещиков и разделят ее поровну между крестьянами; фабрики же и заводы станут принадлежать рабочим. После покушения взорвать императорский поезд на Московско-Курской железной дороге, Нечаев высказывал сожаление, что не уда-

лось убить государя, и говорил, что скоро взорвут дворец, а когда не удался и взрыв Зимнего дворца, то уверял, что «товарищи его, все равно где-нибудь изловят государя и непременно убьют его». После же 1 марта говорил: вот видите, царя убили, я вперед говорил вам это, а когда кончится год, если ныне царствующий император ничего не сделает для мужиков, то и его убьют. Далее, стараясь убедить нижних чинов, что он страдает за них, преступник говорил, что и они должны стараться за него, должны держаться его и его товарищей» [1]).

Как воспринимали стражи равелина пропаганду Нечаева, до какой степени сознательности она подымала их, об этом свидетельствует история равелина в 1879—1881 годах и два судебных процесса, к которым были привлечены все охранявшие равелин в эти годы. Сам Нечаев характеризовал так распропагандированных им солдат: «в бога они не верят, царя считают извергом и причиной всего зла, ожидают бунта, который истребит все начальство и богачей и установит народное счастье всеобщего равенства и свободу».

Для Нечаева началась двойная жизнь. Он воевал с начальством, требовал книг, письменных принадлежностей и, не получая последних, писал жалобы кровью на стене. Он жаловался на лишения, приводившие его в нервное раздражение, но в действительности солдаты, под влиянием его гневных и страстных речей, уже носили ему газеты («Новое Время», «Голос» и др.), уже снабжали его карандашиком и бумажкой. Неведомый и таинственный равелин стал таким знакомым и своим. Жизнь и нравы крепости, ее верхов и низов, стали известны Нечаеву до косточки. Теперь легко стало вступить в сношения с товарищами по заключению, но товарищ оказывался только один, и он был уже не в своем уме. Нечаеву не удалось узнать ни его имени, ни его истории. Оставалось завязать сношения с волей, с революционерами, которые на воле вели свою подпольную борьбу с правительством, но Нечаев так давно был изъят из жизни, что утратил все свои связи: ему не к кому было послать из равелина солдат, уже ставших оружием в его руках.

Но вот 28 ноября 1879 года в равелине был внедрен новый узник—третий заключенный—Леон Мирский. Его появление в стенах равелина сыграло огромную роль в жизни Нечаева, и на его личности надо остановиться подробнее.

XII.

13 марта 1879 года Леон Мирский стрелял—совершенно неудачно—в шефа жандармов ген.-ад. А. Р. Дрентельна. Обстановка покушения была необычайна. Генерал ехал в карете по Лебяжьему каналу. Карету нагнал скакавший во весь опор на прекрасной английской кобы-

[1]) Сводка бесед Нечаева сделана в обвинительном акте по делу Е. А. Дубровина и др., напечатанном в «Вестнике Народной Воли», цит. том. 187—203.

ле молодой человек в костюме спортсмена с изящными аристократическими манерами. Он выстрелил через стекло кареты; пуля разбила только стекло. Генерал остался цел и невредим и погнал своих лошадей в погоню за удалявшимся всадником. Всадник очень ловко и хладнокровно скрылся от погони и был арестован только через три месяца. Дело Мирского было продолжением дела Кравчинского, убившего предшественника Дрентельна—шефа жандармов Мезенцева, и произвело немалое впечатление, между прочим, и романтическими своими особенностями.

Н. А. Морозов в своих воспоминаниях рассказал историю покушения Мирского и набросал характеристику Мирского, которого он видел и до покушения и сейчас же после него [1]). Стройный и красивый молодой человек с изящными аристократическими манерами, чрезвычайно смелый и решительный, идейный и героический по натуре, рыцарь турниров,—вот с какими эпитетами Мирский вошел в воспоминания Н. А. Морозова. Но Н. А. Морозов не скрыл и интимных подробностей, характеризующих психологические мотивы действий Мирского. Леону Филипповичу Мирскому, сыну польского шляхтича, было всего двадцать лет, когда он совершил покушение, и прошло только два месяца со дня его освобождения из Петропавловской крепости. Он был влюблен. Н. А. Морозов описал невесту Мирского—молоденькую и хорошенькую девятнадцатилетнюю девушку с тонкой талией, изнеженную, по имени Лилиан де-Шатобрен. Н. А. Морозов и А. Д. Михайлов навестили эту самую Лилиан де-Шатобрен и по обстановке комнат убедились в ее аристократических связях, а по разговору с нею—в ее аристократических изысках. На самом деле аристократическая квартира была всего-на-всего квартирой секретаря поземельного банка Григория Левенсона, а барышня, лениво протянувшая ручку отважным и восторженным революционерам,—невеста Мирского,—Елена Андреевна Кестельман. Вот эта-то «Лилиан де-Шатобрен» была важным звеном в цепи мотивов, толкнувших Мирского на покушение. Он боготворил ее, а у нее был чисто романтический восторг перед Кравчинским. «Не это ли романтическое преклонение перед подвигом Кравчинского внушило Мирскому идею сделать подобный подвиг?»—так подумал А. Д. Михайлов. Конечно, так оно и было. Мирский должен был явиться в образе, поражающем романтическое воображение, ну, а какой же образ более подходил? Мирский был хороший наездник и перед покушением он брал практические уроки езды в татерсале. Ему дали лучшую скаковую лошадь. Он совершал на ней прогулки по городу. «Один раз,—вспоминает Н. А. Морозов,—проходя по Морской улице в те часы, когда там толпится фешенебельное общество, я видел его проезжающим под видом молодого денди, на стройной, нервной английской кобыле. Он был очень эффектен в таком виде, а все светские и полусветские дамы, медленно проезжавшие в эти часы

[1]) Н. А. Морозов. «Повести моей жизни». Т. IV. М. 1918, стр. 212 и сл.

в своих открытых колясках, заглядывались на него в свои лорнеты». Разве это не очаровательная картинка и разве могла устоять «Лилиан де-Шатобрен»—Елена Андреевна Кестельман тож? И когда после неудачного покушения Мирский скрылся в квартире А. Д. Михайлова, его первым желанием было повидаться с Лилиан, и это желание было священным для отважных и восторженных революционеров А. Д. Михайлова и Н. А. Морозова. Пренебрегая опасностью, рискуя целостью организации, благороднейший «дворник» побежал к Лилиан, но эффект получился неожиданный: Елена Андреевна Кестельман не вынесла эффекта романтического подвига и забилась в истерике, и о свидании нечего было и думать. Нельзя не отметить в поведении Леона Мирского и Елены Кестельман бессознательного подражания той среде, с которой они думали бороться. А, впрочем, ведь и сами они были плоть от плоти этой самой среды. В крови у них дух авантюризма, отличающий феодальную среду и характеризующий русского помещика из состоятельных. Бесшабашность, лихость, плоское рыцарство. В террористических предприятиях конца 70 годов—до организованных—было много от этой среды. Освобождение Кропоткина, вооруженные сопротивления, киевские действа тоже окрашены в авантюрные цвета.

Нам надо было остановиться на обстановке дела Мирского, на мотивации его поступка, чтобы показать, что революционный момент в этом деле играл далеко не первую роль, и что Мирский, чуждый сурового ригоризма и крепкой стойкости революционера, не имел революционного закала и в этом смысле являлся как бы антиподом Нечаеву.

Дело Мирского разбиралось в петербургском военно-окружном суде 15—17 октября 1879 г., и Мирский был присужден к смертной казни, а обвиняемый в его укрывательстве прапорщик Тархов к каторжным работам на срок 13 лет и 4 месяца. Генерал-адъютант Гурко, бывший в то время с.-петербургским временным генерал-губернатором, «по рассмотрении приговора, принимая во внимание несовершеннолетие обоих преступников и их полное раскаяние, изложенное в поданных ими прошениях, первым (т.-е. Мирским) о помиловании, а вторым—о смягчении наказания, на основании высочайше предоставленной ему власти, определил: Мирского и Тархова, по лишению всех прав состояния, сослать: первого—в каторжные работы в рудниках без срока, а второго—в крепостях на десять лет [1]). Дрентельн, очень интересовавшийся делом Мирского, бывший в то время в поездке с царем, получал сведения о ходе его от управляющего III отделением Н. К. Шмидта. Шмидт 20 ноября телеграфировал Дрентельну о состоявшейся конфирмации и сообщил мотивы, руководившие Гурко: несовершеннолетие Мирского, подача им просьбы о помиловании и безрезультатность покушения. Любопытно, что Дрентельн телеграф-

[1]) Приговор и конфирмация с указанием на прошения о помиловании были опубликованы в «Правит. Вестнике».

но 21 ноября предложил Шмидту «отправлением Мирского повременить до его приезда».

В эти дни Мирский пережил ужас смертного приговора, радость возрождающейся жизни и безнадежную горечь при мысли о пожизненной каторге. Ему было всего 21 год; за ним, на воле, была его обожаемая Лилиан, его жена, которая ждала ребенка. Юноша без стойкости и выдержки, с огромной жаждой жизни, революционер только по склонности к романтическим эффектам, Леон Мирский не выдержал и пал духом.

21 ноября он обратился к коменданту крепости с следующим прошением:

«Мне дарована жизнь, но жизнь, которая должна служить наказанием. Что меня ждет впереди,—я определенно не знаю. Но безнадежность, безысходность моего горя лежат в самой сущности назначенного мне наказания («... без срока»).

Молодость, обилие жизненных сил, жажда и любовь к жизни все это—вещи, которые на каждом шагу будут заявлять свои законные требования, как бы я ни старался подавить их голос, как бы ни желал переносить все терпеливо, безропотно, спокойно. Противопоставить этим позывам и влечениям у меня решительно нечего. Всякая реальная идея не может служить поддержкой там, где для нее нет почвы, нет применения.

После зрелого обсуждения я всей душою желаю найти утешение в божественной, христианской идее, которая одна, будучи высоко нравственной, вполне отвлеченной и «не от мира сего», может оказывать свое благодетельное влияние всегда и везде. Моя же больная душа ищет опоры, поддержки, надежды на светлое будущее.

Ко мне был прислан католический священник-доминиканец. Он меня не удовлетворил, не удовлетворил потому, что, при всем своем желании воспринимать непосредственно сердцем, я не могу отрешиться от моей головы. К счастию или к несчастию, но всякая идея, которая мною овладевает, необходимо должна пройти сквозь фильтр разума и выдержать его критику. В силу этого мне было бы желательно, чтобы представитель божественного учения говорил со мною языком для меня понятным, употреблял бы доводы, имеющие силу в глазах человека, привыкшего рассуждать и анализировать.

С этой точки зрения и в этом смысле я бы желал побеседовать с православным священником, известным за человека умного, образованного и искреннего, т.-е. такого, с которым бы я мог говорить по душе.

Моя просьба к вам, ваше высокопревосходительство, заключается в доставлении мне свидания с подобным человеком».

Какой ответ был дан на прошение, воспринял ли Мирский утешение религии от православного священника, на эти вопросы наши архивные поиски не дали ответа. Но в его судьбе произошел переворот. Он должен был быть отослан на каторгу, но вместо этого, с со-

блюдением полной конспирации, он был в $2^1/_2$ часа ночи 28 ноября перемещен из Трубецкого бастиона в Алексеевский равелин. Шмидт указал в собственноручном письме от 28 ноября коменданту, что официально в переписке с министерством и прочими учреждениями значатся отправляемыми ночью для следования в Восточную Сибирь преступники Мирский и Тархов, а фактически будут отправлены Тархов (№ 1) и Ванштейн (№ 2). По наущению Шмидта комендант должен был учинить подлог в официальных документах, и действительно, перед нами два отношения коменданта в III отделение: в одном отношении написано, что Мирский посажен в равелин, а в другом—что он в то же самое время отправлен в Восточную Сибирь!

Смотрителю же Алексеевского равелина комендант дал следующее предписание (от 28 ноября 1879 г. № 217):

«Препровождаемого при сем по высочайшему повелению, приговоренного к бессрочным каторжным работам, государственного преступника Леона Мирского предписываю принять и заключить в отдельный покой и содержать наравне с прочими заключенными в полнейшей тайне и под бдительным надзором, отнюдь не называя его по фамилии ни в донесениях, ни при входе к нему в нумер... При чем предписываю поместить его в одну из комнат переднего фасада, так чтобы ни он, ни другие арестанты, при выходе на прогулку в сад, не могли и догадываться о существовании друг друга, и без личного моего разрешения не выдавать ему никаких письменных принадлежностей, ограничась выдачею только книг для чтения из имеющейся при равелине библиотеки».

Так был внедрен в Алексеевский равелин Леон Мирский, человек молодой, с обилием жизненных сил и бесконечной любовью к жизни.

XIII.

С появлением Мирского деятельность Нечаева получила дальнейшее развитие. Мирского посадили в камеру № 1, бывшую в другом коридоре. Через часовых Нечаев завязал с ним письменные сношения, освежил свои знания о революционной борьбе, но почему-то особенно близко с Мирским Нечаев не сошелся. Повидимому, он не открыл ему всей своей организации среди команды равелина и не получил, а может быть, не счел возможным воспользоваться его указаниями для установления сношений с волей. А может быть, и сам Мирский, надеявшийся на иные пути спасения, отнесся с большой воздержанностью к предложениям Нечаева и не сообщил ему тех явок, тех адресов, которые он мог дать. Правда, в деле, которое потом возникло, есть указание, что «вероятно, вследствие письменных указаний № 1-го, № 5-ый летом, в 1880 году, склонял рядового Кира Бызова сходить на Охту, к Пороховым заводам, с запискою к обер-фейерверкерам Емельянову и Филиппову, спрося предварительно их адрес в мелочной лавочке,

но Бызов не пошел. Лавочка эта, по предположению отделения по охранению порядка и общественной безопасности в С.-Петербурге, принадлежит отставному обер-фейерверкеру Глуховскому, человеку неблагонадежному в политическом отношении, бывшему в близком знакомстве с отставным прапорщиком Люстигом и сыном подполковника Богородским». Сношения Нечаева оживились, но не привели еще к вожделенному концу—прорыву сквозь крепостные стены и установлению правильной связи с волей, с действующей революционной партией.

Вожделения Нечаева, наконец, исполнились, когда в равелин был заточен один из виднейших представителей партии «Народной Воли», Степан Григорьевич Ширяев, стойкий и выдержанный революционер. Он родился в 1857 году. Крестьянин по происхождению, он учился в саратовской гимназии и на школьной скамье начал работать в революционном движении. В 1876—1878 г.г. был за границей и работал слесарем по заводам английским, французским и немецким. В 1878 году вернулся в Россию и вплотную занялся революционными делами. Он был одним из основателей «Народной Воли» и членом Исполнительного Комитета. Обладая техническими знаниями, он принял ближайшее участие в устройстве мины под полотном Московско-Курской железной дороги. Был арестован 4 декабря 1879 года и по процессу 16-ти (25—30 октября 1880 года) был приговорен к смертной казни. Смертная казнь была заменена бессрочными каторжными работами, и 10 ноября 1880 года Ширяев был внедрен в Алексеевский равелин, в камеру № 13. Ширяев был тем человеком, который был нужен Нечаеву. Он сейчас же завязал с ним письменные сношения, получил от него полную и точную информацию о революционной деятельности «Народной Воли» и дал ему возможность вступить в сношения с Исполнительным Комитетом. Ширяев дал Нечаеву адрес своего земляка, студента военно-медицинской академии Е. А. Дубровина, жившего недалеко от крепости. В начале декабря 1880 года рядовой местной команды, служивший в равелине, Андрей Орехов доставил Дубровину письмо Нечаева. Дубровин был черноперелец, работал на периферии революционного движения и передал письмо своему хорошему знакомому Г. П. Исаеву, виднейшему революционеру и члену Исполнительного Комитета. В. Н. Фигнер передает в своих воспоминаниях о впечатлении разорвавшейся бомбы, которое было произведено письмом Нечаева. В один морозный январский вечер в конспиративную квартиру, доступную только членам Исполнительного Комитета и занятую Г. П. Исаевым и В. Н. Фигнер, «явился запушенный инеем Исаев, подошел к столу, у которого сидела Фигнер и несколько членов из Комитета, и, положив перед ними маленький свиток бумажек, сказал спокойно, как будто в этом не было ничего чрезвычайного: «От Нечаева,—из равелина». От Нечаева, который после суда исчез бесследно, о котором никто из революционеров не знал, что было с ним дальше, ни где он, ни того, жив ли он, или мертв».

«Письмо Нечаева,—рассказывает В. Н. Фигнер,—носило строго деловой характер: в нем не было никаких излияний, ни малейшей сентиментальности, ни слова о том, что было в прошлом и что переживалось Нечаевым в настоящем. Просто и прямо он ставил вопрос о своем освобождении. Он писал, как революционер, только что выбывший из строя, пишет к товарищам, еще оставшимся на свободе. Удивительное впечатление производило это письмо: исчезало все, темным пятном лежавшее на личности Нечаева, вся та ложь, которая окутывала революционный образ Нечаева. Оставался разум, не померкший в долголетнем одиночестве застенка; оставалась воля, не согнутая всей тяжестью обрушившейся кары; энергия, не разбитая всеми неудачами жизни. Когда на собрании Комитета было прочтено обращение Нечаева, с необыкновенным душевным подъемом все мы сказали: «надо освободить».

Равелин вступил в правильно организованные сношения с революционным центром. С тщанием и любовью организовывал это дело Нечаев. Не все солдаты участвовали в передаче записок на волю, а только более надежные, отборные. Достаточно было сойти с рук первой попытке общения через рядового Орехова, с одной стороны, и студента Е. А. Дубровина, с другой, а там конспиративный обмен установился сам собой. Дубровин свел Орехова с народовольцами, Орехов познакомил с ними своих товарищей и т. д. К передаче писем на волю были привлечены и служившие раньше в равелине, а потом возвращенные в петербургскую местную команду—Вишняков и Колыбин. Посредниками оказались и обер-фейерверкеры Порохового завода Филиппов и Иванов. Встречи происходили на условленных заранее местах, на улице, и не только на улице. Удобным пунктом для сношения оказалась, например, вольная квартира отслужившего свой срок и уволенного из равелина в марте 1881 года в запас армии рядового Кузнецова (М. Пушкарская ул., д. 17-19) и запасного рядового Штырлова. Бывали солдаты и на конспиративной народовольческой квартире, в которой проживали Геся Гельфман и Макар Тетерка. Само собой разумеется, солдаты не знали настоящих фамилий революционеров и знали их под вымышленными именами. Когда позднее на следствии солдаты должны были назвать тех, с кем они встречались и обменивались письмами, они показали, что они имели дело с «черненьким» (он же «Антон Иванович») с «рыженьким» (он же «Григорий Иванович»), с «Алексеем Александровичем» (высокого роста, плотный, с небольшой черной бородой и закрученными вверх усами) и, наконец, с просто «неизвестным господином». В рыжеватом Григории Ивановиче солдаты на следствии по карточке признали Исаева, а в Антоне Ивановиче—отставного мичмана А. П. Буланова. Впрочем, Штырлов отрицал тождество Антона Ивановича и Буланова, но Буланов, действительно, принимал участие в сношениях равелина с волей [1]). По воспомина-

[1]) Сообщение жены А. П. Буланова О. К. Булановой.

ниям народовольцев мы знаем двух членов Исполнительного Комитета, которым поручены были сношения с равелином, это—Исаев и, после его ареста, Савелий Златопольский.

С своей стороны, Нечаев принимал тоже меры конспирации, писал он записочки своим шифром, не легко поддававшимся разбору, солдатам он тоже дал клички, и даже двойные: одну для внутреннего употребления в равелине, другую—для иностранных сношений. Конспиративная организация Нечаева была сшита крепкими нитками и не скоро провалилась.

В разгар сношений равелина с волей команда была, по официальному выражению, развращена поголовно, начиная с заслуженных жандармских унтер-офицеров, срок службы которых в равелине был почти равен сроку заточения здесь Нечаева, и кончая последним, только что вступившим на службу рядовым местной команды. «Развращать» солдат Нечаеву было тем легче, что начальство равелина проявило величайшую небрежность и халатность в отправлении своих обязанностей. Подполковник Филимонов, шестидесятилетний старик, принял равелин в свое смотрение 24 декабря 1877 года. Обремененный многочисленной семьей,—11 человек детей,—он проводил время в своей квартире, помещавшейся в Никольской куртине, в равелин заглядывал редко, только в положенные часы, и заботился об отеплении своего местечка, скапливая гроши и копейки на питании немногочисленного населения равелина и умножая свою семью. Надзор за караульной командой он свалил на своего помощника, молодого поручика Андреева. Андреев не касался порядков равелина, но и не занимался своей командой. В казармы он не заглядывал и сложил, в свою очередь, все свои обязанности на старшего ефрейтора, а ефрейтор ведь тоже не прочь был поговорить с узником № 5.

Не все, конечно, солдаты были «развращены» Нечаевым в одинаковой мере. Когда следствию пришлось впоследствии разбираться в солдатских индивидуальностях, солдаты были разбиты по группам: в первую группу были отнесены «действовавшие сознательно, с убеждениями, если не в правоте своих деяний, то вследствие полного сочувствия преступным советам арестанта № 5»; во вторую—«совершившие преступные деяния под влиянием бывших перед глазами примеров» (вследствие корысти и перспективы легкой наживы, по мнению следователей), в третью—«действовавшие под влиянием подговоров и угроз товарищей без мысли о корысти и последствиях». По действиям следствие разделило солдат тоже на три группы: в первую входили все принимавшие участие в разговорах с заключенным (а принимали участие все!), во вторую—переносившие записки из камеры в камеру, служившие, следовательно, для внутренних сношений, и в третью—передававшие записки на волю, т.-е. служившие для внешних сношений.

Следует назвать здесь имена безвестных в истории нашего революционного движения «отважных помощников» Нечаева. Все они,

конечно, русские крестьяне, уроженцы сурового севера, почти все из Архангельской и Вологодской губерний. В скобках поставлены те клички, которые дал им Нечаев. Вот они: рядовые Платон Вишняков (Волог. губ., «Добрый человек», «Аннушка»), Тимофей Кузнецов (Арх. губ., «Молоток», «Трактирщик»), Иван Тонышев (Арх. губ., «Сокол»), Прокофий Самойлов (Арх. г., «Петух», «Блины», «Дедушка»), Иван Губкин (Волог. г., «Шапка»), Яков Колодкин (Волог. губ., «Барыня», «Староста»), Адриан Дементьев (Волог. губ., «Пастушок», «Аграфена»), Влас Терентьев (Волог. губ., «Портной», «Бабушка»), Кир Бызов (Арх. губ., «Пила»), Федор Ермолин (Арх. губ., «Ангел»), Кузьма Березин (Арх. губ., «Дуняша») и Доронин («Лебедь»). Все они следствием были отнесены по их сознательности и убежденности в первую группу. Во вторую группу были занесены запасные рядовые Егор Колыбин (Арх. губ., «Дьякон»), Григорий Юшманов (Арх. губ., «Орел»), Иван Штырлов (Влад. губ., «Булочник»), Андрей Орехов (Волог. губ., «Пахом», «Каленые орехи»), Ефим Тихонов (Влад. губ., «Слесарь»), Василий Попков (Волог. губ., «Купец»), Григорий Петров (Волог. губ., «Мальчик», «Горох»), Федор Степанов (Псковск. губ., «Старичек»), Иван Мыркин (Арх. губ., «Мороз»), Кирилл Никифоров (Псковск. губ., «Сосед», «Певчий»), Иван Тихонов (Псковск. губ.), Михаил Ульянов (Арх. губ., «Голубь»), Алексей Леонов (Псковск. губ., «Мастер»), Василий Иванов (Псковск. губ., «Налим»). И, наконец, в третью группу были записаны: Леон Архипов (Псковск. губ., «Кушак», «Околоточный»), Сила Андреев (Псковск. губ., «Дядя»), Адриан Чернышев (Новг. губ., «Граф», «Музыкант»), Дмитрий Яковлев (Новг. губ., «Солнышко»), Василий Кузьмин (Новг. губ., «Дружок»), Павел Сергеев (Новг. губ., «Табак»), Дмитрий Иванов 2 (Новг. губ., «Правда»), Яков Шарков (Новг. губ., «Зайчик»), Емельян Борисов (из солдатских детей, «Именинник», «Извозчик»), Илья Ильин (Псковск. губ., «Топор»).

XIV.

Нечаев предложил Исполнительному Комитету устроить освобождение заключенных в равелине (себя, Ширяева, Мирского и потерявшего разум Бейдемана). Он представил и свой план побега, основанный на содействии распропагандированных им солдат равелина. Об этом плане мы не располагаем точными и исчерпывающими данными. Показания авторитетных свидетелей, знавших суть дела,—членов Исполнительного Комитета,—расходятся. Вот что рассказывает о плане Нечаева первый писавший о нем по свежей памяти (в 1883 году) Лев Тихомиров, у которого под рукой была и часть присланных из равелина писем Нечаева, частные сведения и, наконец, его собственные воспоминания об этом деле; ведь он тоже был членом Исполнительного Комитета и присутствовал при начале сношений с равелином. «План у Нечаева был очень широкий. Бегство из крепости казалось ему уже слишком

недостаточным. Изучив тщательно крепость (он знал ее изумительно, и все через перекрестные допросы своих людей и через их разведчиков), состав ее войск, личности начальствующих и т. д. и рассчитывая, что с течением времени ему удастся спропагандировать достаточное число вполне преданных людей, он задумал такой план: в такой-то день года, когда вся царская фамилия должна присутствовать в Петропавловском соборе, Нечаев должен был овладеть крепостью и собором, заключить в тюрьму царя и провозгласить царем наследника... Этого фантастического плана не мог одобрить Ширяев, несмотря на то, что был очарован силой и энергией Нечаева».

Приблизительно так же рассказывает о плане Нечаева не менее авторитетный свидетель—В. Н. Фигнер:

«Верный своим старым традициям, Нечаев предполагал, что освобождение его должно происходить в обстановке сложной мистификации. Чтобы импонировать воинским чинам стражи, освобождающие должны были явиться в военной форме, увешенные орденами; они должны были объявить, что совершен государственный переворот: император Александр II свергнут и на престол возведен его сын-наследник, и именем нового императора они должны были объявить, что узник равелина свободен. Все эти декорации для нас, конечно, не были обязательны и только характерны для Нечаева».

Но этот смелый и фантастический план Нечаева в версии Тихомирова и Фигнер соответствовал ли его действительным, реальным предложениям, или же и для Нечаева он был тоже увлекательной фантазией, которой он поделился с членами Исполнительного Комитета? А эта фантазия подходила к тому определенно отрицательному мнению о Нечаеве, которое еще с так называемого нечаевского дела сложилось в головах наших передовых революционеров. Я не позволил бы себе ни на секунду сомневаться в правильности передачи практических планов Нечаева, исходящей от Тихомирова и Фигнер, если бы не располагал еще одним свидетельством. О способах, какими предполагалось осуществить побег Нечаева из равелина, мы запросили бывшего члена Исполнительного Комитета «Народной Воли» А. П. Корба-Прибылеву. Приводим ее ответ нам in extenso: «Нечаев выработал два плана, которые передал на рассмотрение Комитета. Первый был основан на том, что в садике, где гулял Нечаев, находилась чугунная крышка водосточной трубы. В отверстие этой трубы Нечаев предполагал спуститься внезапно во время прогулки под наблюдением преданных ему жандармов и часового. Выход трубы находился на берегу Невы, невысоко над водою. Желябов отправился осматривать местность и выходное отверстие. Ввиду длины канала и возможности задохнуться для беглеца при его прохождении, этот план был отвергнут. Другая версия состояла в том, чтобы приверженцы Нечаева в крепости, т.-е. солдаты и жандармы, преданные ему, дали бы ему возможность переодеться и вывели бы его за ворота. Помощь Комитета в этом случае состояла бы в снабжении заговорщиков всем необходимым для побега,

включая денежные средства, увозе Нечаева в момент появления его за воротами крепости, обеспечении ему пристанища и проч.».

Эти предложения Нечаева далеки от фантазии и представляются удобоисполнимыми. Как же отнесся к ним Исполнительный Комитет? «Надо освободить!»—с необыкновенным душевным подъемом воскликнули народовольцы—члены Комитета, прочитав обращение к ним Нечаева и ознакомившись с его предложениями. Но какие силы они могли выделить на это дело,—они, на руках у которых было такое огромное дело, как устранение Александра II? Этому делу они отдали почти все свои активные силы: в момент возникновения сношений равелина с «Народной Волей» у Комитета была в полном ходу новая попытка покушения, по счету седьмая. «В магазине на Малой Садовой,—рассказывает В. Н. Фигнер,—шла торговля сырами, и каждую ночь несколько членов Комитета и его агентов работали в подкопе, действуя заступом и буравом и наполняя землею бочки, предназначенные для сыров. Приостановить эту опасную работу,—значило бы рисковать успехом всего дела. Чем скорее закончились бы приготовления, тем увереннее можно было смотреть вперед: обстановка магазина с недостаточным запасом сыров, неопытность импровизированных торговцев, изменение маршрута при поездках Александра II по воскресеньям в Михайловский манеж,—все это могло сделать бесполезным весь труд. Необходимо было спешить, не оглядываясь по сторонам, не отвлекая внимания ни на что другое. Все вместе заставило Комитет откровенно и прямо сообщить Нечаеву, что предпринятые приготовления к покушению на царя требуют всех наших сил, и ставить два дела одновременно мы не в состоянии. Поэтому дело его освобождения может быть организовано лишь после того, как кончится начатое против царя. В литературе я встречала указание, будто Комитет предоставил Нечаеву самому решить, которое из двух дел поставить на первую очередь, и будто Нечаев высказался за покушение. Комитет не мог задавать подобного вопроса: он не мог приостановить приготовлений на Малой Садовой и обречь их почти на неминуемое крушение. Он просто оповестил Нечаева о положении дел, и тот ответил, что, конечно, будет ждать». Впрочем, В. Н. Фигнер вспоминает, что все же постановлено было поручить устройство побега военной организации партии «Народной Воли» под руководством Н. Е. Суханова (но ведь Суханов тоже работал в это время в подкопе!). Но по рассмотрении местных условий Комитет нашел более удобным совершить экспедицию на остров на лодках, т.-е. летом.

С рассказом В. Н. Фигнер расходится сообщение Льва Тихомирова: «К несчастью для Нечаева, новое покушение на жизнь царя сталкивалось с этим освобождением. Очевидно было, что освобождение, может быть даже вооруженной рукой, из такого государственного тайника, как Алексеевский равелин, должно было возбудить в правительстве панику и сделать надолго невозможным нападение на царя. Нечаеву и Ширяеву было предоставлено самим решить, какое из двух

предприятий ставить в первую очередь, и они подали свои голоса за 1 марта, несмотря на то, что Желябов уже лично осмотрел равелин и признал побег, при хорошей помощи извне, не только осуществимым, но даже не особенно трудным. Отказываясь от свободы, Нечаев имел деликатность в своих письмах сохранить самый веселый тон и усиленно доказывал, что дело их, заключенных, ничего не проиграет от отсрочки, хотя сам Желябов был уверен в противном, и нет сомнения, что такой ловкий человек, как Нечаев, должен был прекрасно понимать всю справедливость опасений Желябова». С рассказом Тихомирова гармонирует и рассказ А. П. Корба в упомянутом выше ответе на мой запрос. «Пока шли эти переговоры, начались подготовления к 1 марта. По мере их развития силы партии напрягались в высшей степени, и для Исполнительного Комитета становилось ясным, что побег Нечаева в предполагавшееся время не мог состояться. С другой стороны, у членов Комитета являлось опасение, что отсрочка побега может быть роковою и поведет к крушению всего этого плана. Эта мысль очень тревожила Комитет. Он горячо желал освобождения Нечаева, но убеждался более и более, что одно предприятие повредит другому, а может быть, погубит его. Вследствие столкновения интересов этих двух предприятий Комитет решил предоставить Нечаеву самому выбрать одно из двух и привести в исполнение то из них, на котором остановится его выбор. Это постановление вытекало из сознания, что даже отсрочка побега в сущности равняется смертному приговору Нечаеву, а произнести его Комитет не хотел и не мог. Ответ Нечаева можно было предвидеть. Он отказывался даже от мысли о равноценности обоих предприятий и писал: «Обо мне забудьте на время и занимайтесь своим делом, за которым я буду следить издали с величайшим интересом» [1]).

Примирить соображения Л. Тихомирова и А. П. Корба, с одной стороны, и В. Н. Фигнер, с другой, можно, кажется, только допустив, что Комитет не мог, конечно, бросить дело покушения ради устройства освобождения, но, предвидя ответ Нечаева и Ширяева, все же нашел возможным узникам равелина поставить на выбор: освобождение или

---

[1]) Из рассказов Л. Тихомирова и А. П. Корба видно решительное личное участие во всем это деле Желябова. Он лично осмотрел местность, чтобы проверить возможность побега. В. Н. Фигнер считает «чистейшим вымыслом рассказ, будто Желябов посетил остров равелина и был под окном Нечаева. Этого не было, не могло быть». Недопустимость подобного факта В. Н. Фигнер мотивирует соображением об ответственной роли Желябова в предстоявшем покушении. В случае неудачи разрывных снарядов Желябов должен был кончить дело вооруженный кинжалом. «Возможно ли,—пишет В. Н. Фигнер,—чтобы при таком плане Комитет позволил Желябову отправиться к равелину, не говоря уже о том, что провести его туда было вообще невозможно? И разве сам Желябов пошел бы на такой бесцельный и безумный риск не только собой и своей ролью на Садовой, но и самим освобождением Нечаева. Никогда!» Все это так, но все это ведь доказательства от формальной логики, а не от фактической действительности, полной иногда даже невероятных противоречий...

покушение. Само сознание, что дело революции они своей волей предпочли своему освобождению, должно было укрепить их дух.

Так или иначе, но народовольцы были правы, считая отсрочку освобождения губительной для дела побега, губительной от сочетания во времени с покушением на царя. Понимал это и Нечаев. Ответил ли он на вопрос Комитета так, как передают Тихомиров и Корба, или же только принял к сведению предложение обождать, он взял себя в руки, призвал свой дух к новому подчинению судьбе, но работы своей внутренней в равелине он не оставил и сношения с волей не прекратил. Благодаря оживленной переписке с Комитетом и «вообще с разными народовольцами» (по словам Тихомирова), он был в курсе событий общественных вообще и революционных в частности. По отзыву Тихомирова, он высоко ценил деятельность «Народной Воли» и не оставлял даже и своими советами. Л. Тихомиров знакомит нас с фантастическими планами Нечаева и с его предложением пустить в ход подложные царские манифесты. Впрочем, эта фантастика тоже не была далека от действительности. Дейч, Стефанович и товарищи этой фантастикой воспользовались. Таков был дух времени и настроения революционной романтики. Только у Нечаева было больше воображения и выдумки, чем у Дейча и его товарищей. Стоит привести сообщение Тихомирова об этих плодах тюремного воображения: «Нечаев предложил выпустить сперва для местностей, где сильна вера в царя, подложный царский манифест, в котором царь будто бы объясняет своим верноподданным: «По совету любезнейшей супруги нашей государыни императрицы, а также по совету князей, графов и т. д. и по просьбе всего дворянского сословия, мы признали за благо возвратить крестьян помещикам, увеличить срок солдатской службы, разорить все старообрядческие молельни и т. д.» В то же время должен быть разослан и священникам подложный же «секретный указ» святейшего синода, где сказано, что всемогущему богу угодно было послать России тяжелое испытание: «новый император Александр III заболел недугом умопомешательства и впал в неразумение», вследствие чего священники должны тайно воссылать с алтаря молитвы о даровании ему исцеления, никому не открывая сей важной государственной тайны: расчет был, конечно, на то, что священники именно разболтают всем скандальное известие. После этих подготовлений нужно было распустить манифесты от якобы какого-то «великого земского собора всея великие, малые и белые России», во-первых, к крестьянам, во-вторых, к «православному русскому воинству, гвардейским, гренадерским и армейским полкам, коннице и артиллерии, гарнизонным войскам и местным командам». В первом объявляется, что царя больше нет, старый убит, а новый с ума сошел; далее, что собор решил произвести передел земли и освободить солдат от службы, и потом говорилось, что «по получении сего манифеста, не медля ни мало, во всех селениях собирать мирские сходы и приступать к справедливому переделу всей земли... прежде всего отрешить от должности всех прежних волостных

старшин и писарей, а на место их для распоряжения делами выбрать добросовестных людей... приводя их к крестному целованию и т. д. Всех помещиков и т. д., которые сему манифесту воспротивятся, хватать и представлять в мирские сходы, а мир должен творить с ними строгую и короткую расправу... Всех исправников, становых и т. д. хватать, где кого пришлось, и немедленно предавать смерти...» В конце манифеста, довольно длинного, помечается, что составлен он «на великом земском соборе, по совету и приговору излюбленных русских людей, мирских выборных ото всех крестьянских обществ», предписывается всюду развозить манифест и исполнять, а в конце концов подписано «быть по сему»...

XV.

Исполнительный Комитет «Народной Воли» довел до конца свое основное дело: 1 марта 1881 года Александр II был убит, и вслед за сим начался разгром революционной партии. Один за другим стали сходить в недра смерти и заточения все видные представители партии. 27 февраля был арестован Желябов. В его бумагах оказалась шифрованная записка. С содержанием этой записки знакомит нас официальный документ (всеподданнейший доклад от 4 декабря 1881 года), отчасти в изложении, отчасти в подлинной цитации:

«В записке говорилось, что она будет вручена личностью, известною под кличкой Петух, и далее сообщалось следующее:

От вас вчера, в четверг, получено: один лист шифра, пятый номер «Воли» и двадцать пять рублей. Сообщение об ротных ершах вам было сделано еще в декабре; повторяю его вкратце: в бога они не верят, царя считают извергом и причиной всего зла, ожидают бунта, который истребит все начальство и богачей и установит народное счастье всеобщего равенства и свободу.

Дьякон всех умнее, молодец, всех преданнее и скромнее (секрет сохранит свято); Пила—парень ловкий, но задорный и больше других любит выпить. Притом Пила был часто на замечании, его заподозрели и удалили из равелина ранее других в роту за частые отлучки по ночам.

Молоток и Пила порядочные сапожники; следовательно, если вы намерены нанять для них квартиру, то они могут для виду заниматься починками сапогов рабочих где-нибудь на краю Питера близ заводов и фабрик. В их квартире могут проживать под видом рабочих и другие лица; к ним же могут ходить и здешние ерши из роты.

Дьякона можно сделать целовальником в небольшом кабачке, который слыл бы притоном революционеров в рабочем квартале на окраине Питера.—Дьякон был бы очень способен на такую роль, но необходимо, чтобы ими руководил человек с сильным характером, который бы мог при случае за неисправность сильно распечь и вообще умел бы держать в страхе, по их выражению, как их держал Трепов.

Главное, не оставляйте их без дела в праздности: они непременно запьянствуют. Обременяйте их поручениями, поддерживайте в них сознание, что они приносят пользу великому делу. Платите исправно скромное жалованье, никак не более двадцати рублей, и делайте подарки за ловкость, но требуйте и исправность, и удачность. Тот, кто приобретет на них влияние, может вести их куда хочет; они будут хорошими помощниками в самых отважных предприятиях и, если в начале дело с ними пойдет хорошо, то количество их может быть увеличиваемо по мере надобности. К ним же надо присоединить и Пахома, который первый с вами познакомился. Рекомендую разжалованного унтера Штырлова».

Записка, взятая у Желябова, была самым подлинным и собственноручным письмом Нечаева из равелина к народовольцам. Мы привели ее целиком, во-первых, потому, что это подлинный документ, а, во-вторых, потому, что она служит прекрасной иллюстрацией к рассказу о тех отношениях, которые установились у Нечаева к охранявшим его солдатам, и о той пропаганде, которой он их подверг. В записке Нечаев говорит об Орехове («Петух»), который первый из солдат завязал сношения с волей, о Колыбине («Дьякон»), Кире Бызове («Пила»), Кузнецове («Молоток») и Штырлове («Штыклов»). Любопытны даваемые Нечаевым советы, как подойти к этим солдатам и как действовать на их психику. Последние слова записки приложимы прежде всего к самому Нечаеву: «Тот, кто приобретет на них влияние, может вести их куда хочет; они будут хорошими помощниками в самых отважных предприятиях»... Такими помощниками Нечаеву они и оказались.

Записка Нечаева попалась в руки властей, и следователи не уразумели ее содержания: они не догадались о происхождении и авторе записки и не поняли ее содержания. Желябов, понятно, отказался от каких-либо показаний в связи с запиской. Какие-то неясные подозрения, не имеет ли записка касательства к страже, охраняющей равелин, возникли у властей; были предприняты кое-какие выяснения, но положительных результатов они не дали.

10 марта была арестована С. Л. Перовская; при ней была взята шифрованная записка. Вот как была она разобрана в ночь на 12 марта:

«Колыбин Егор Дьякон к обедне звонят Бобков Василий купец вот тебе на водку. Кузнецов Ефим Молоток. Молоток прощай Ануфриев. Василий Попадья Прасковья попадья обедать села. Бызов Кирил Пила курица яйца несет. Юшманев Григорий Орел высоко орлы летают. Тихонов Ефим Павловский слесарь Старовер скоро выйдут Доронин и Никанор Лебедь Дарья деньги прислала кровельщик знает Питер он вероятно сменит портного, как Почтальон, а Портной познакомит с Петухом Горохом, Шапкой, Капустой Ярославцем. Дьякон познакомит с Пилой или с Попадьей, Пила подозревается начальством Пахом или Портной познакомят с Молотком через которого пойдет другая нить Петруха познакомит с Писарем Александром Дубровиным Щука Исаков Николай Александрович имеет любовницу Анну

Степановну на Зверинской улице дом тридцать второй квартира без номера, Щука Александров женат и семейный живет на Зверинской дом пятый квартира вторая оба бедны первый храбр второй труслив оба с женами занимаются портняжеством. Порох. Полиц. Ефим Иванов небольшого роста. В Иванове: Александр Зубков, учитель Алексей Осипов Капачинский».

Если происхождение записки, взятой у Желябова, было затруднительно выяснить ввиду отсутствия фамилий, то записка, найденная у Перовской, такого затруднения не представляла. Тут назван целый ряд фамилий, принадлежавших солдатам и жандармам Алексеевского равелина. И что же? Следователи так и не догадались, в чем тут дело [1]). Они решили, что в записке «упоминаются фамилии пяти рабочих, их прозвища и лозунги, с которыми следует к ним обращаться по делам конспирации, и, кроме того, намечаются средства для приобретения действительных сношений, очевидно, в той же рабочей среде». Правда, фамилии писаря Александра Дубровина и щук (жандармов) Исакова и Александрова приводили к крепости и равелину; правда, они были допрошены, у них был произведен обыск, но... «не было обнаружено никаких оснований, дающих право подозревать их в сношениях с членами революционной партии». Вот до чего слепы оказались следователи, во главе с самим В. К. Плеве, из доклада которого выписана последняя фраза!

Слепота эта свидетельствует только о том, что равелин был действительно замкнут, действительно в полном смысле слова отрезан от всего мира: даже те, которые, по роду своей службы розыскной, жандармской, должны были в какой-либо мере быть осведомлены о равелине и его порядках, не имели об этом никакого, решительно никакого, представления; исключена была даже мысль о возможности обнаружения тайны равелина.

XVI.

Итак, правительство в марте 1881 года было на следах сношений Нечаева с народовольцами, но не раскрыло их и только переполошилось и насторожилось.

Сменились верховные распорядители судеб Нечаева: царем стал Александр III, министром внутренних дел граф Н. П. Игнатьев и директором департамента полиции В. К. Плеве. Узда реакции была натянута крепкой рукой, а революционная партия, потерявшая в начале года больше двух третей своего состава, задыхалась от бессилия. Сменилось и крепостное начальство Нечаева. 20 марта 1881 года умер барон Егор Иванович Майдель, наименее жестокий из крепостных комендантов, а на его место был назначен генерал-адъютант Иван Степанович Ганецкий, 70-летний старик, прославленный герой

[1]) См. «Былое», № 10—11, 1918, апр.—май. Стр. 35, 37.

Плевны, человек твердый и жестокий. Режим, установленный и утвержденный Ганецким в Петропавловской крепости, оставил злую по себе память, столь же выпуклую и яркую, как и та память, которой верны военные историки, рассказывающие с упоением о знаменитом поражении Осман-Паши и взятии Плевны. Грудью наступал непреклонный Ганецкий на турок, осажденных в крепости Плевны, и так же рьяно и неукротимо до конца века своего (на 77 году от рождения) наступал он грудью на осажденных в Петропавловской крепости русских революционеров. Он поставил целью подтянуть крепость и равелин, пришедшие в распущенное состояние при бароне Е. И. Майделе, и действительно подтянул. Время вступления его в должность коменданта совпало к тому же с моментом возникновения первых подозрений о каком-то предательстве вокруг крепости. Пошли строгости, надзор был усилен, тюремный режим ухудшен. В камерах равелина заделали душники, замазали оконные стекла, через которые можно было видеть кусочек неба. Время прогулки было сокращено, и одно время даже совсем не выводили на прогулку в маленький садик, расположенный внутри равелина, в несколько шагов пространством, с полдюжиной тощих берез и десятком кустов. «Клочек неба сверху, шелест зеленых листьев, чириканье залетевших воробьев, жужжанье насекомых доставляло отраду узникам, задыхавшимся в убийственном воздухе запертого каземата, и нужно быть в самом деле зверем в душе, надо быть русским царем, чтобы лишить несчастных даже этого». Ганецкий начал борьбу с репутацией Нечаева, с его исключительным положением. Нужно считать верной картину жизни в Алексеевском равелине, которую нарисовал Нечаев в прошении к Александру III. Это прошение Нечаев написал своей кровью, ногтем. Копию прошения он передал на волю народовольцам при следующей записке [1]): «Я не мог отправить этого письма через коменданта, потому что он, угнетая арестантов и делая их положение невыносимым, боится им показаться на глаза и не является к ним даже тогда, когда они его просят притти (я, например, три раза бесполезно звал его выслушать меня). Он приходит в тюрьму только за тем, чтобы любоваться на мучения заключенных в щелку двери. Передать письмо смотрителю я также не мог, потому что был уверен, что он его уничтожит, ничего об нем не сообщив. Я должен был ждать, пока не представился благоприятный случай, когда я мог вверить его постороннему честному лицу. В равелине начались работы: под окном проходят и останавливаются разные мастеровые, приказчики, подрядчики, инженерные офицеры. Я пользуюсь оплошностью начальства, которое позабыло поставить часового у будки, у окна, и вверяю это письмо судьбе: нашлись добрые люди, которые обещали доставить это послание через канцелярию градоначальника или министра».

---

[1]) Лев Тихомиров указывает, что на этой записке было обозначено: «пишу кровью, ногтем, в книге, на чистом листке, возле переплета».

Неясно, каким путем Нечаев рассчитывал довести это письмо до царского сведения, но вполне очевидно, что до Александра III оно, конечно, не дошло. В архивных документах о Нечаеве нет и намека на такое прошение, но, пожалуй, не внушает сомнений ни существование прошения, ни указанная возможность передачи его на волю.

Если, действительно, такое прошение Нечаевым было написано и передано на волю, то остается еще нерешенным вопрос, в какой мере текст подлинного заявления тождественен с текстом копии в известной нам редакции, напечатанной в «Вестнике Народной Воли». Должно только с решительностью отметить, что тон его не отличается от тона документально известных нам нечаевских обращений, а содержание прошения ни в какой мере не противоречит, наоборот, находит полное подтверждение в известных нам фактах и подробностях. С этими оговорками мы можем процитировать этот замечательный документ. Первая часть прошения нам нужна именно теперь при характеристике изменений режима, но, дабы не ослаблять впечатления письма и не возвращаться к нему впоследствии, приводим здесь письмо полностью:

«Государь! Вступив в управление крепостью, новый комендант Ганецкий произнес речь служащим в равелине по поводу событий 1-го марта. Характер этой речи, а также то обстоятельство что произнесена она была не в отдельном помещении, а в отворенном коридоре, неподалеку от дверей каземата, громовым голосом, ясно показали мне, что содержание ее главным образом предназначалось для моих ушей, которые и слышали отчетливо каждое слово. Интимидация эта цели не достигла. Косвенные угрозы генерала Ганецкого меня не устрашили, а показали только, что под влиянием событий последнего времени даже крупнейшие представители администрации потеряли голову и утратили чувство собственного достоинства. Я не обратил бы внимания на выходку его превосходительства, если бы эта речь не повела к отягчению моего и без того нелегкого положения и не сделала его, без всякого с моей стороны повода, окончательно невыносимым.

Алексеевский равелин — тюрьма секретная. Никакой ревизии не допускает, в ней и прежде происходили злоупотребления, невозможные ни в каком отдаленном остроге. Но покойный комендант, уважаемый барон Майдель, понимал это, сдерживал до некоторой степени хищника-смотрителя Филимонова и, исполняя суровый долг, не мучил заключенных из личной жестокости. Теперь же, после речи Генецкого, хищник Филимонов нагло отнимает у нас последний кусок, бесстыдно заявляя при этом, что поступает так по приказанию коменданта. Я уже просил начальство, чтобы мне позволено было пользоваться пищей из солдатского котла: грубые щи и каша, несмотря на все их недостатки, при существующих злоупотреблениях были бы все-таки питательнее тех обедов из негодной провизии, которые поставляет Филимонов. Все служащие в равелине после вступления коменданта считают отягчение политических заключенных вернейшим средством заслужить благосклонность начальства и поступают в силу этого со-

ображения самым наглым, вызывающим образом. Прежде мне позволяли выходить подышать чистым воздухом два раза в день. Теперь мою прогулку сократили с двух часов до 20-ти минут. Мало того, меня по целым месяцам совсем не выводят из душного каземата, в котором Ганецкий даже приказал заделать душники, будто с целью лишить меня возможности достать сажи для составления чернил.—Верхнее стекло оконной рамы у меня было чистое, позволявшее мне видеть клочек неба. Нужно знать ужасы долголетнего одиночного заключения, чтобы понять, какую отраду доставляет узнику вид проходящего облака и сияние звезд ночью.

Два коменданта: генерал Корсаков и барон Майдель, шесть шефов жандармов, начиная графом Шуваловым и кончая генералом Черевиным, сам председатель верховной комиссии генерал Лорис-Меликов, посещая меня, видели это чистое стекло и не находили опасным для государства, тот факт, что я...[1]) подследственный в течение недель и месяцев. Но я не подследственный узник, и вот уже десятый год, как я лишен свободы, следовательно, отягчение моей участи вызывается не высшими политическими соображениями, а лишь одним бесчеловечным произволом лица, которому в. в. вверили управление крепостью. У меня был личный враг—генерал Мезенцев; он два года терзал меня в цепях, но и тот не закрывал для меня вида неба. У меня был другой враг—генерал Потапов. Он оскорбил меня на словах, я за это заклеймил его пощечиной. Он имел право меня ненавидеть, но и он не мстил мне. Он знал, что мстить человеку, лишенному свободы, можно только, имея душу зверя, а генерал Потапов был человек.—Свойственны ли гуманные чувства генералу Ганецкому, я не знаю, но, судя по тому, что он посещал равелин только за тем, чтобы по часу стоять у дверей каземата и любоваться в щель на отягченное им положение узников, судя по этому, следует думать, что созерцание чужих страданий доставляет ему удовольствие, которое человеческим назвать нельзя. Не надеется ли он довести меня до отчаяния, чтобы видеть слезы и муки бессильного бешенства, чтобы слышать безумные крики ярости, подобные тем, которые доносятся из каземата моего несчастного соседа по тюрьме, доведенного долголетним заключением до сумасшествия. О нет! Я не доставлю Ганецкому такого удовольствия. Я желаю ему сохранить хоть сотую долю моего спокойствия и самообладания, когда его самого повезут на эшафот.

В семьдесят пятом году, когда правительство предложило мне изложить свой взгляд на положение дел,—я в подробной записке на высочайшее имя заявил вашему августейшему родителю, что абсолютизм отжил свой век, что все основы неограниченной монархии окончательно расшатаны, и только дарованием конституции державная воля может спасти Россию от ужасов революции. Я говорил, что неотлагаемое введение либеральных представительных учреждений

[1]) Пропуск в рукописи. Прим. ред. «Вестника Народной Воли».

в дорогом отечестве может помешать развитию внутренних смут и дерзких покушений, которые ни перед чем не остановятся. Я говорил, что через несколько лет, может быть, уже будет поздно. Ход событий последнего времени подтвердил мои предположения. Реакция после катастрофы первого марта была неизбежна. Это в порядке вещей... но размеры реакции и ее продолжительность могут быть также неизбежно гибельны для существующего строя, если государственные деятели в такое напряженное общественным ожиданием время будут заниматься добиванием лежачих. Будучи жертвой величайшей юридической несправедливости, я был осужден московским окружным судом при полном нарушении основных формальностей судопроизводства. Ко мне не только не допустили избранного мною защитника, но даже не выдали мне копии с дела, так что, введенный в заседание гласного суда, я не знал, в чем меня обвиняют. Чтобы добиться нужного для правительства приговора присяжных (всех подчиненных обвинительной власти), мне буквально не дали говорить,—и как только я открывал рот, чтобы дать объяснения, меня тотчас же вытаскивали из залы заседания по знаку председателя в коридор, где жандармские офицеры били меня в голову—до потери сознания. Приговорив меня к 20-ти летней каторге на основании голословных обвинений прокурора, вопреки фактическим данным, всей России известным, суд предоставил мне, повидимому, право апелляции. В действительности же лишил меня всякой возможности воспользоваться этим правом, не выдав мне копии с приговора и запретив мне давать чернила и бумаги для писания жалобы. Переведенный тайно ночью, прямо с эшафота (окольными путями, исколесив половину России) в Петропавловскую крепость, я был заживо погребен в стенах Алексеевского равелина, где, заточенный в одиночное заключение при таких исключительных обстоятельствах, я не ожидаю от нового правительства облегчения своей участи, не удивлюсь, если это письмо еще более ухудшит мое положение. Людовик XVI также понял все ужасы страданий узников Бастилии только тогда, когда сам попал в государственную тюрьму. Но так как нигде в мире произвол представителей администрации не достигает таких размеров, как в России, так как ни в одной стране воля и желание главы не искажаются до такой степени, как у нас... я и счел своим долгом довести до сведения вашего величества об отягчении условий моей тюремной жизни, без всякого с моей стороны повода. Теперь всякое дальнейшее угнетение меня будет уже совершаться с вашего высочайшего ведома, в силу вашей царственной воли. Я буду безропотно выносить всевозможные лишения, коль скоро буду знать, что подвергаюсь им по распоряжению высшей власти. Но быть жертвой бесчеловеческого произвола его превосходительства и молчать... Я не в состоянии... Пишу кровью, ногтем».

В этом письме следует обратить внимание на одну маленькую деталь, которую не выдумать. Нечаев говорит, что Ганецкий приказал заделать душники с определенной целью лишить Нечаева воз-

можности добывать сажу для составления чернил. С этой подробностью гармонирует и приводимое ниже сообщение самого Ганецкого о нечаевском способе писать, сделанное им в письме к В. К. Плеве от 19 июля 1881 года:

«Заключенный в Алексеевском равелине, лишенный всех прав состояния Сергей Нечаев, на находящейся у него из библиотеки Алексеевского равелина для чтения книге написал спичкою копотью из лампы с примесью, как нужно полагать, керосина заявление на имя вашего превосходительства, заключающееся в жалобе.

Препровождая снятую с означенного заявления копию к вашему превосходительству, имею честь уведомить, что Нечаев в высшей степени раздражителен, груб и дерзок со всеми, имеющими к нему служебные отношения, и претензия его на неудовлетворительность пищи не заслуживает никакого внимания, так как, кроме существующего в Алексеевском равелине строгого контроля за свежестью покупаемых продуктов, в качестве пищи я удостоверяюсь лично. Что же касается жалобы на сделанное ему, по моему приказанию, смотрителем Алексеевского равелина предупреждение о том, что если будет продолжать вести себя буйно, т.-е. обращаться дерзко с предпоставленными над ним лицами, бросать на пол книгу и рвать в озлоблении предлагаемое ему на смену белье, как он это сделал на-днях, то будет лишен чтения книг и закован в кандалы,—то это действительно было, и я намерен последнее привести в исполнение, если он повторит дерзкое обращение с смотрителем или дежурным жандармским унтер-офицером».

Текст самого заявления Нечаева в деле не сохранен, но оправдания Ганецкого по поводу заявлений о недоброкачественности пищи дают подтверждение достоверности дошедшего до нас в народовольческой редакции письма к Александру III.

XVII.

Но, несмотря на осложнения, вызванные делом 1 марта 1881 года, сношения Нечаева с волей продолжались. 1 апреля был арестован Исаев, но оставался свободен Дубровин, через которого и была получена связь с Исполнительным Комитетом в лице Исаева. Мы знаем, что Исаева в его сношениях заменял Савелий Златопольский. Повидимому, после ареста Исаева произошел какой-то перерыв, ибо на пасху Нечаев искал новых связей и отправил солдат Петрова и Самойлова к Филиппову и Иванову, обер-фейерверкерам Охтенского порохового завода. Филиппов свел посланных Нечаева с «Антоном Ивановичем»; это был отставной мичман А. Буланов. Савелий Златопольский вел сношения с Нечаевым до своего отъезда в Москву, связанного с переводом Исполнительного Комитета из Петербурга. Уехал же он, надо думать, в октябре 1881 года. Кто заменил Златопольского, мы не знаем. Тут обрываются сведения, идущие от авторитетных свидетелей—членов Исполнительного Комитета. В середине 1881 года уже не до сно-

шений было с равелином! Исполнительный Комитет под ударами правительства разваливался; чтобы как-нибудь удержаться на поверхности, он бросился в Москву, но удары настигали и здесь. Надо думать, что в это время Комитет сам оборвал или, точнее, вынужден был оборвать опасные сношения с крепостью. Если же от Нечаева и шли письма на волю, то получались они маломощными сочувственниками народовольческого движения.

Обострение тюремного режима, известие об успехах правительственной реакции, несомненные затруднения и сокращение сношений с революционным центром,—все это, конечно, тяжко действовало на заключенных в равелине и на Нечаева прежде всего. Надежды на освобождение выцветали и блекли. 3 июля 1881 года из равелина увезли в Казанскую больницу для умалишенных несчастного Бейдемана, а 18 августа умер Степан Григорьевич Ширяев.

Из одного цитированного уже нами письма Нечаева к народовольцам мы знаем, как подействовали первые месяцы заключения на Ширяева. Привезли его зимой (10 ноября 1880 года), посадили в отсыревший холодный каземат, который не отапливался, по крайней мере, в течение десяти лет, и у Ширяева очень скоро началось кровохаркание. О смерти С. Г. Ширяева Тихомиров, очевидно, по сообщению Нечаева, писал в 1883 году следующее: «Страшный надзор связывал руки всем. С. Ширяев не в состоянии был выдержать этой ужасной жизни; когда заключенных перестали пускать гулять и заколотили их окна и душники, у него быстро развилась чахотка. 16 сентября 1881 года (дата неверна!) он умер в каком-то странном состоянии: был в страшном возбуждении, вскакивал на стол, как в горячечном бреду, говорил что-то такое; наконец, громко закричал и упал мертвый. Нечаев предполагал, что его отравили каким-то возбуждающим средством, данным ему для того, чтобы выпытать у него какие-то сведения. Не имеем никаких данных судить об основательности этого предположения». От этого сообщения пошла легенда о насильственной смерти Ширяева. Мы можем привести еще официальный документ — рапорт доктора равелина Вильмса за № 235 от 18 августа 1881 года. «Содержащийся в № Алексеевского равелина в течение всей весны сего года страдал катаром легких, осложнившимся неоднократно повторявшимся кровохарканием. Несмотря на все медицинские пособия, в начале июля у больного появились признаки бугорчатки, воспаления всего левого легкого, от каковой болезни означенный больной сего числа 18 августа 1881 года в 6 часов утра скончался» [1]).

После 18 августа 1881 года в Алексеевском равелине осталось всего два заключенных: Нечаев и Мирский. Мирский был перемещен в камеру Ширяева № 13, а Нечаев оставался в своем № 5.

---

[1]) Хотя в рапорте Вильмса не указаны ни № камеры, ни фамилия умершего, документ, несомненно, относится к Ширяеву. Он находится в деле Ширяева, и в конце в скобках рукой смотрителя вписана его фамилия.

Опять Нечаев был предоставлен самому себе, собственной энергии и страсти. Правда, он был окружен «хорошими помощниками в отважных предприятиях»—преданными ему солдатами и жандармами равелина, но нельзя было рассчитывать на помощь с воли, нельзя было положить надежды на Исполнительный Комитет, казавшийся ослепительно могущественным в начале года. Нечаев во главе своей команды должен был добиваться освобождения своего собственной рукой. Он перестроил свой план освобождения, но не отказался от него. Подробностей нового плана мы не знаем,—мы можем только догадываться, исходя из обстоятельств времени и места. План строился без расчета на помощь извне: об этом свидетельствует решительно отсутствие каких-либо показаний и воспоминаний современников о каком-либо содействии к устройству побега из крепости во второй половине 1881 года. Если же помощи не было извне, то побег должен был быть устроен солдатами; они должны были вывести Нечаева. Такой побег не исключал, конечно, возможности вооруженного выступления и столкновения. К такому побегу энергично готовился Нечаев после смерти Ширяева. Крепостное начальство, натягивавшее узду тюремного режима, попрежнему не подозревало о том, что делалось у него под носом, в стенах самой секретной государственной тюрьмы. Смотритель Филимонов, занятый семейными обязанностями, ухудшал главным образом пищу арестованных, а его помощник Андреев, не обязанный следить за заключенными, вообще ничего не делал. Если бы кто из начальства неожиданно нагрянул в равелин, он мог бы остолбенеть от изумления. В дежурной комнате галдеж. Солдаты читают не только газеты, но и свежие прокламации и последние номера «Народной Воли», некоторые из них учатся шифровать письма по рецепту Нечаева [1]); по коридору без всякой субординации ходят дежурные, а около двери камеры № 5, вынеся стул из дежурной, сидит жандармский унтер-офицер и наслаждается рассказом узника № 5. Или же узник № 5, который был лишен права писать и писал свои жалобы по начальству за неимением чернил собственной кровью, усидчиво писал и зашифровывал за своим столом записочки на волю, а конвойные охраняли его: не ровен час! А с вечера ходившие за старших в караул ефрейтор Колодкин и рядовой Тонышев выписывали из наряда фамилии часовых, которые должны будут на другой день стоять на часах у камеры № 5, и передавали списочек Нечаеву. Нечаев обдумывал списочек и давал наряд на работу. По временам производилась уплата гонораров солдатам. Нечаев получал деньги с воли, но сам не раздавал их: передавал кому-либо из солдат, сам выдавал билетики с обозначением суммы, а казначей выдавал деньги предъявителю билетика. . .

[1]) Следы пропаганды обнаруживались даже после дознания. Так, штабс-капитан Соколов 8 апреля 1882 года представил по начальству номер 6-й «Народной Воли» от 23 октября 1881 года, оказавшийся в тюфяке одного из арестованных нижних чинов.

Вот какие картины мог бы наблюдать посетитель равелина, если бы он явился без предупреждения, врасплох! В такой обстановке с лихорадочным напряжением готовил побег Нечаев силами своими и своих помощников солдат.

Летом 1881 года был арестован рядовой Иван Губкин, служивший в равелине с 17 сентября 1879 года. Он был одним из деятельнейших помощников Нечаева. Его заподозрели в сношениях с вольными людьми, но и тут следствие оборвалось безрезультатно. Губкин отперся от всего и ничего не выдал. Мысль о том, что равелин может общаться с волей, решительно не укладывалась в головах начальства, и арест Губкина не имел последствий для уклада тюремной жизни. Насторожиться должен был Нечаев, который не мог не понимать, что налаженная им «организация» может провалиться каждый день, что каждый день можно было ждать катастрофы.

И она случилась в один из дней поздней осени 1881 года. Листы архивного дела комендатского управления «о беспорядках в Алексеевском равелине», начатого 16 ноября 1881 года, хранят воспоминание о внезапной, налетевшей как вихрь, тревоге, охватившей все начальство.

XVIII.

16 ноября комендант крепости получил какие-то чрезвычайные известия о работе Нечаева по подготовке побега. Столь тщательно укрываемая до сих пор тайна приоткрылась начальству. В равелине что-то готовилось, что-то очень серьезное; о серьезности положения можно было судить по распоряжениям коменданта, конечно, «совершенно секретно», данным им смотрителю равелина подполковнику Филимонову, с одной стороны, и, с другой, жандармскому капитану Леснику: «временно заведующему арестантскими помещениями». Лесник заведывал тюрьмой Трубецкого бастиона, соседившего с равелином. Васильевские ворота, находившиеся в нескольких саженях от бастиона, отделяли последний от равелина.

16 ноября 1881 года (№ 317) комендант дал следующее предписание капитану Леснику:

«Предписываю вашему благородию часовому, выставленному в калитке деревянного забора, расположенного у Васильевских ворот, вменить, между прочим, в строгую обязанность прислушиваться к шуму и крику по направлению к Алексеевскому равелину и, если бы он что-либо подобное услышал или услышал бы ружейный выстрел, то немедленно дал знать о том начальнику караула, а этот последний вам. Ввиду сего обязываю усилить в настоящее время вашу бдительность до последней возможности и быть ночью в таком положении, чтобы тотчас по получении вышеозначенного извещения могли сделать, не теряя ни минуты, следующее:

1. Дать знать мне через присяжного унтер-офицера и в тот же момент с 10 человеками рядовых от караула Трубецкого бастиона

бежать в Алексеевский равелин, имея ружья заряженными, оставив Трубецкой бастион под наблюдением остальных чинов караула, жандармов и присяжных унтер-офицеров.

2. Если на звон колокольчика, имеющегося при Васильевских воротах, не будет моментально отворена калитка, а между тем в равелине будет происходить шум или особое движение, то выломать калитку и, взойдя в оную, оказать полное содействие команде Алексеевского равелина, приказав при действительной надобности употребить против злоумышленников огнестрельное оружие, и

3. Если встретится надобность для ограждения арестантов равелина от освобождения их вторгнувшимися туда злоумышленниками, то, действуя противу последних, не терять из виду и арестантов, при которых усилить караул и в случае опасности вывести их оттуда в нумера Трубецкого бастиона под строгим присмотром».

18 ноября (№ 319) комендант дал дополнительное предписание тому же Леснику:

«Предписываю вашему благородию с сего числа и впредь до приказания ружейного часового, выставлявшегося до сего времени в калитке деревянного забора, расположенного к Васильевским воротам, ставить ежедневно в 8 часов вечера под Васильевские ворота крепости, ведущие в Алексеевский равелин, с тем:

1. Чтобы он, оставаясь у сих ворот до 7 часов утра, имел наблюдение за тем, чтобы ворота и калитка оных были заперты с внутренней стороны на ключ.

2. Чтобы с того времени решительно никого не выпускал из равелина, а равно и не впускал туда, кроме смотрителя оного, отдельного корпуса жандармов подполковника Филимонова и то не иначе как по вызове к себе из помещения присяжных, фельдфебеля наблюдательной команды Быстрицкого и удостоверении последним, что желающий выйти или войти обратно есть действительно подполковник Филимонов.

3. Для чего вы обязываетесь перед 8 часами вечера фельдфебеля Быстрицкого ежедневно предъявлять всем сменам часовых означенного поста с целью ознакомить их с наружным видом Быстрицкого, и

4. Чтобы часовой этот, оставаясь под Васильевскими воротами, бдительно вслушивался, не происходит ли в Алексеевском равелине шума или особого движения и если что-либо подобное услышит, а тем более выстрел, то немедленно звонить в устроенный у забора в караул Трубецкого бастиона колокольчик, по которому начальник караула обязан сию же минуту доложить вам, и вы стремительно направляетесь в равелин с людьми и поступаете согласно вышеприведенного предписания моего за № 317».

Смотрителю равелина 18 ноября (№ 320) комендант дал следующее предписание:

«В дополнение к инструкции, предписаниям и словесным моим подтверждениям, предписываю:

1. Ключ от калитки Васильевских ворот, ведущих в равелин, так равно и от всех других ворот равелина, долженствующих быть запертыми всегда на замок, хранить лично при себе, с тем, чтобы днем, при надобности пропустить кого-либо из людей команды равелина или впустить кого-либо из лиц, имеющих право входа в равелин, он был выдаваем поддежурному жандармскому унтер-офицеру, обязанному совместно с разводящим на часы сопровождать входящего и впускать входящих в равелин.

2. С 8 часов вечера, когда все чины равелина должны быть на местах и когда помещение это, с окончанием обычных служебных занятий, обращается в полную тишину, ключи от ворот безотлучно должны храниться при вас, и всякий выход и вход в равелин должен быть прекращен для всех и каждого.

3. Если вы сами, ввиду чрезвычайного служебного случая, встретите надобность на короткое время выйти после 8 часов вечера из равелина, то это вам лично не воспрещается, но при этом вы обязаны дать знать голосом часовому, стоящему с наружной стороны у Васильевских ворот, и ожидать, пока он вызовет к себе фельдфебеля наблюдательной команды Быстрицкого для удостоверения вашей личности.

4. Часовым от местной команды, выставляемым на ночь на стену Алексеевского равелина с целью обзора окружающей местности, иметь револьверы заряженными.

5. Вменить им в обязанность зорко следить за окружностью и, если заметят приближение к равелину яликов с пассажирами, столпившихся людей на противоположном берегу или на проливе, когда он замерзнет, немедленно давать знать в караул, а этому последнему вам.

6. По получении такового сведения обязаны стремительно отправиться на стену равелина с частью людей от караула и поступить, смотря по обстоятельствам, с полною осторожностью.

При чем присовокупляю, что на-днях вы получите от меня указание относительно нового порядка увольнение людей со двора и топки для них равелинной бани: что же касается наблюдения за людьми команды, увольнения их со двора и наряда в должности по равелину то это, как я не раз вам подтверждал, остается попрежнему на вашей личной ответственности и распоряжении. Помощник же ваш, подпоручик Андреев, отвечает лиш за хозяйство в команде т.-е. за продовольствие и обмундирование ее».

19 ноября комендант дал еще новое предписание (№ 321).

«В дополнение к предписаниям моим, последовавшим с 18 числа текущего месяца, предписываю;

1. Под окном комеры заключеннаго под № 5 иметь часового от равелинного караула постоянно днем и ночью.

2. Чтобы в дежурной комнате, смежной с означенной камерой, с 8 часов вечера находились два жандармских унтер-офицера: один дежурный и другой поддежурный.

3. Чтобы дежурный унтер-офицер по возможности чаще патрулировал по коридорам с целью наблюдения за бдительностью часовых при арестантских камерах и надзирал по временам в стекло, устроенное в дверях камер, за действием арестантов, делая это по возможности незаметным для них образом.

4. Дежурного и поддежурного вписывать в постовую книгу, имеющуюся в карауле для записывания смен часовых, и удостоверять оную ежедневно своею подписью» [1]).

Чего же ждал комендант и что он знал? В эти дни (16—22 ноября) комендант узнал, что у арестанта № 5, Нечаева, есть сношения с волей, что он готовит побег, что для устройства побега может быть устроено нападение на островок равелина, при чем нападавшие могут переехать на яликах через Невку или перейти по льду. Относительно результатов пропаганды Нечаева среди конвойных комендант пока еще не знал: он считал команду верной и думал, что на нее можно положиться в случае нападения извне на равелин. Но тянулись дни, сведения из достоверного источника все умножались, и тайна нечаевской организации была раскрыта во всей полноте.

17 декабря (№ 358) комендант рапортовал министру внутренних дел о том, что он, комендант, вследствие обнаруженного в Алексеевском равелине беспорядка признал необходимым: 1) подвергнуть это дело строжайшему дознанию, а всех состоящих при равелине 4 жандармских унтер-офицеров и петербургской местной команды 1 унтер-офицера и 29 рядовых заключить под стражу впредь до выяснения виновности каждого из них; 2) петербургскую местную команду, составлявшую караул в равелине, сменить если не всю, то по крайней мере 75 человек; 3) до освежения команды временно назначить в равелине, сверх 4 новых жандармских унтер-офицеров, еще 27 жандармских рядовых при одном унтере. Вместе с сим 18 декабря (№ 359), «в дополнение личного доклада о неудобстве оставлять на службе смотрителя Филимонова», комендант просил министра удалить его и назначить на его место избранного министром штабс-капитана Соколова. Все предположения коменданта удостоились одобрения и осуществления.

XIX.

Но от кого почерпнуло начальство чрезвычайные сведения о равелине, кто явился их источником?

Когда по раскрытии нечаевской «организации» началось производством жандармское дознание, директор департамента полиции В. К. Плеве весьма доверительно сообщил руководившему дознанием

---

[1]) В предписаниях 19 ноября (№ 322), 20 ноября (№ 325) и 22 ноября (№ 326) комендант дал указания о новом порядке продовольствования команды непосредственно из местной крепостной команды, о порядке приема пищи для заключенных в непременном присутствии смотрителя, о порядке увольнения нижних чинов, о топке бани и стирке белья нижних чинов в стенах равелина.

жандармскому генералу А. Н. Никифораки имевшиеся в департаменте данные: «из имеющихся в департаменте государственной полиции, добытых негласным путем сведений видно, что письменное сообщение арестантов равелина при посредстве нижних чинов началось с декабря 1879 года; затем, в конце 1880 года, с помещением в равелине государственного преступника Ширяева, были заведены письменные сношения с городом, согласно указаниям этого последнего, сообщенным им, повидимому, государственному преступнику Нечаеву, который руководил непосредственно как внутренней, так и внешней перепиской и склонял посредством денег, получавшихся из города тем же путем, нижних чинов к передаче писем и записок. Не все нижние чины принимали одинаковое участие в указанной передаче. В город посылались лишь самые доверенные (нижние чины: Березин, Борисов, Дмитрий Иванов и в особенности Губкин), большая часть занималась передачей внутренних записок, покупкой газет, и затем, повидимому, безусловно все вступали в разговоры с арестантами, сообщая им слухи и новости, источником коих служили обыкновенно разговоры унтер-офицеров в караульной комнате, где эти последние, не стесняясь присутствием нижних чинов, передавали друг другу об известных им распоряжениях и слышанные новости от смотрителя. Из числа жандармских унтер-офицеров Александров также проносил несколько раз письма Нечаева к государственному преступнику Мирскому; остальные трое отличались болтливостью, лишь разговорами и передавали новости. К сему имею честь присовокупить, что источнику, доставившему изложенные сведения, должно быть оказано известное доверие, так как указания эти находят себе подтверждение как в производившемся уже летом сего года дознании по обвинению вышеупомянутого рядового С. П. Б. местной команды Губкина в доставлении государственным преступникам средств сношения с посторонними лицами, так и ввиду раскрытых производством расследования по делу 1 марта обстоятельств, именно, обнаружения у казненного государственного преступника Желябова зашифрованного письма, по разборе содержания коего не представляется ныне сомнения в том, что таковое писано арестантом в равелине».

Сведения, добытые негласным путем... Источнику, доставившему эти сведения, должно быть оказано известное доверие... Но кто же мог сообщить эти сведения, в такой форме и в таком объеме? Уж, очевидно, не солдат и не жандарм!— Их фамилий скрывать не стали бы.

Граф П. А. Валуев в своем дневнике, под 15 февраля 1883 года, записал: «Слышал вчера от товарища министра внутренних дел, что совершенно справедлив давнишний рассказ о том, что едва не удался побег всех арестованных из Алексеевского равелина. Один из них выдал тайну. Сторожевая команда и жандармы были переносителями и пособниками» [1]). Речь идет, конечно, о нашем случае. Один из

[1]) Гр. П. А. Валуев. Дневник 1877—1884. Птр. 1919, стр. 223.

заключенных выдал тайну. Но в ноябре месяце 1881 года (после увоза Бейдемана и смерти С. Г. Ширяева) в равелине было всего два заключенных: Нечаев и Мирский. Итак, выдал тайну сношений и подготовлявшегося побега Мирский. Но достаточно ли доказательств за подобным утверждением?

Я располагаю рукописными воспоминаниями Мирского, присланными им в 1917 году в редакцию «Былого» и написанными в третьем лице. Эпизод пребывания в равелине изложен следующим образом:

«Когда в 1879 году привезли Мирского, изъятого из вольной жизни только несколько месяцев тому назад, то настала новая эпоха для равелинских узников, которых было три, да и то один больной, впавший в тихое помешательство.

Завязалась оживленная переписка «с волей», получались газеты, делились впечатлениями и, между прочим, подумывали о побеге. Нечаев составил такой план: в крепость каким-то образом проникнут 20—25 вооруженных людей с воли. Навстречу им выйдут заключенные, солдаты и жандармы. Эти соединенные армии должны были каким-то образом прорваться через многочисленные посты и иные препятствия. Пишущему эти строки [1]) известно, что Мирский отнесся отрицательно к этому плану, и план был отстранен, так как пришлось считаться с реальным фактом, имевшим важные последствия. На воле при обыске нашли шифрованное письмо; долго бились над дешифровкой этого письма жандармы, и был слух, что только в министерстве иностранных дел отчасти его дешифровали и тогда узнали, что письмо из Алексеевского равелина. Это произвело переполох. Как! Письмо из равелина! Из этой наисекретнейшей тюрьмы! Чтобы узнать, кто проносит письма, комендант крепости издал приказ, чтобы отпускать в город не более 4 солдат одновременно из равелинного караула. За каждым солдатом следовала тень в виде сыщика, а если это не удавалось, то солдатик возвращался, не исполнив поручения! Так как все солдаты, по мнению сыщиков, лавировали, чтобы скрыться от них, то начальство пришло к заключению, что вся равелинская стража неблагонадежна. И вот в один прекрасный день Алексеевский равелин был окружен войсками. Смотритель тюрьмы, 4 жандарма и 30 солдат были арестованы и препровождены в военную тюрьму. Смотрителем тюрьмы назначили офицера Соколова, грубого, жестокого, бурбона. Заключенных перевели на каторжный режим: утром 2½ ф. черного хлеба, в обед баланда с 32 золотниками мяса; вечером жидкая кашица. В среду и в пятницу еще более скудная постная пища. От такой пищи у Мирского появилась цынга в сильнейшей степени. Его перевели в дом предварительного заключения для излечения, а в июле 1883 года отправили в Кару вместе с прочими каторжанами».

В своих воспоминаниях Мирский только всего и вспоминает, что он отнесся к нечаевскому плану побега отрицательно, и поэтому план

---

[1]) т.-е. Мирскому. *П. Щ.*

был отстранен, но о каких-либо своих действиях и поступках, направленных против этого плана, он ни единым словом не заикается. Да и как об этом написать! Но у нас есть документальные данные о предательстве, совершенном Мирским. Каким-то чудом сохранилось дельце управления коменданта С.-Петербургской крепости по Алексеевскому равелину—«о заключении в Алексеевский равелин секретного государственного преступника М.» (начато 28 ноября 1879—день вступления Мирского в равелин, кончено 18 июля 1883 года). В дельце есть собственноручная записка и письма Мирского к коменданту Ганецкому. Эти человеческие документы свидетельствуют о падении Мирского и о мотивах, толкнувших его на выдачу. Мотивы мелко-эгоистичные, ничтожные. Маленькие льготы в режиме, послаще пища, получше табак и чтение книг. Вот и все. Даже не верится, но это так.

27 ноября (№ 337) Ганецкий сообщал Плеве о том, что «содержащийся в Алексеевском равелине государственный преступник М. обратился с просьбой о высылке ему для чтения журнала «Отечественные Записки» за 1880 год, и от себя «покорнейше просил не отказать, если возможно, удовлетворить его ходатайство и о последующем не оставить уведомлением». Эта, столь необычайная для коменданта, просьба, которая сейчас же и была удовлетворена, могла бы навести на некоторые догадки; но еще больший простор догадкам дает следующее письмо Мирского к коменданту, писанное 7 января 1882 года.

«Ваше высокопревосходительство. Считаю своим приятным долгом от всего сердца поблагодарить вас, многоуважаемый г. комендант, за сделанные вами распоряжения, весьма благоприятно отозвавшиеся на внешних условиях моей жизни. Ваше великодушное желание облегчить сколько-нибудь мою тяжкую участь, рядом с любезною готовностью г. смотрителя выполнить ваши распоряжения в точности, сделали мое положение вполне сносным.

Ободренный вашей добротой и вниманием, беру на себя смелость обратиться к вашему высокопревосходительству еще с некоторыми просьбами.

1) В прошлом году, до составления нынешнего расписания кушаньев, бывший смотритель г. Филимонов, расходуя деньги по своему усмотрению, каким-то образом достигал того, что к воскресенью сберегалось несколько лишних копеек, на которые, в прибавление к обыкновенному обеду, покупался еще дессерт в виде пары апельсинов или кисти винограда, или же каких-нибудь ягод (летом). Давался также стакан кофе, от которого, впрочем, я отказался, ввиду возбуждающих свойств этого напитка, но дессертом я дорожил в высшей степени. При подавляющем однообразии тюремной жизни, при неумолимо-неизменной последовательности и размеренности всего тюремного обихода, этот дессерт-сюрприз имел значение даже нравственное, нарушая обычное течение жизни. Все это отменено покойным комендантом под влиянием неосновательных жалоб известного вам «капризного» человека, который добился составления нынешнего расписания,

не справляясь, конечно, со вкусами других [1]).—Если в настоящее время ваше высокопревосходительство найдете возможным, так или иначе, доставить мне прежнее недорогое лакомство, то этим заставите меня лишний раз сказать вам искреннее спасибо.

2) Получаемый мною табак—рублевый. При нынешних ценах на этот товар, за рубль дают нечто среднее между махоркой и так назыв. турецким табаком. Хотя за два года я попривык к своему табаку, но тем не менее его вредное влияние на грудь не подлежит сомнению, а для устранения этого неудобства требуется расход в шестьдесят копеек ежемесячно—не более...

3) Я, ваше высокопревосходительство, как вам, вероятно, небезызвестно, пользовался четырьмя ежемесячными журналами, выписываемыми вашей канцелярией. С настоящего января месяца доставка этих журналов, по неизвестным мне причинам, прекратилась. Если в канцелярии вашего высокопревосходительства имеются какие-нибудь периодические издания за прошлый 1881 год,—то, я надеюсь, вы дозволите мне воспользоваться ими. Это тем более необходимо, что «Отеч. Зап.» я уже дочитываю, а в здешней библиотеке мало найдется книг, мною не прочитанных. По этому делу (т.-е. на счет книг вообще) мне, вероятно, придется обратиться к господину министру, но я сделаю это уже при личном свидании, которого ожидаю со дня на день, согласно прежним намерениям его сиятельства.

С чувством искренней преданности и глубочайшего уважения имею честь быть вашего высокопревосходительства покорнейший слуга»

Л. М.

Когда читаешь это письмо, диву даешься. На все пойду,—только бы сохранить эту жизнь, только бы сберечь себя, сберечь здоровье прежде всего! Вот куда завела молодого человека с изобилием жизненных сил бесконечная любовь к жизни!

Такие просьбы тюремному начальству мог адресовать только оказавший какие-то немаловажные услуги и считающий себя в силу этого на это в праве. Нельзя не подчеркнуть, что Мирский вступил в хорошие отношения не только со смотрителем (а ведь это был «Ирод»!) и комендантом, но и с министром, графом Н. П. Игнатьевым, который лично навестил его в равелине.

Забегая вперед, я должен привести письмо Мирского к коменданту от 1 ноября 1882 года. В это время в равелине уже царил знаменитый «соколовский режим», и, очевидно, при своей любезной готовности в отношении к Мирскому, Соколов забывал об услуге Мирского и подводил его под общий ранжир. Такое «равнение» обижало выслужившегося Мирского, и он писал коменданту:

«Убедившись неоднократно в вашем благородстве и великодушии, я привык в тяжелые минуты жизни обращаться к вашему высокопре-

---

[1]) «Капризный» человек—это, конечно, Нечаев. *П. Щ.*

восходительству с тем безусловным доверием, которое внушала мне ваша доброта. И в настоящее время я с упованием и надеждой прибегаю к вам.

Библиотека равелина крайне небогата, и во все время моего в нем пребывания в дополнение к здешним книгам присылались еще журналы и французские книги извне. Теперь журналов нет, французских книг тоже нет, а многих из русских сочинений мне не дают под тем предлогом, что запачканы. Выходит, что я оставлен вовсе без чтения. Меня особенно удивляет последнее обстоятельство. В самом деле, неужели после всего случившегося нужно принимать против меня такие предосторожности? Ведь я же знаю, кто именно испачкал, мало того,—и видел эти книги и то, что в них написано, ибо все вообще равелинские книги уже побывали у меня. После этого очевидно, что лишение меня лучших из имеющихся в библиотеке сочинений есть простое недоразумение. Систематические стеснения, которым я подвергаюсь с начала нынешнего года, невольно наводят меня на весьма грустные размышления. Прежде, когда я был преступнейший из преступных, нераскаянный и дерзкий, я был, так сказать, подавлен и пристыжен величием царского милосердия и снисходительностью правительства. Кто знает, быть может, именно это великодушное обращение со мною и произвело во мне решительный перелом... Познав бога, я всей измученной душою возлюбил царя. Горькие слезы раскаяния и угрызения совести и побудили меня хоть чем-нибудь ознаменовать свое нравственное перерождение. Я решился оказать великодушному правительству посильную услугу и сделал в этом отношении все, что только мог. Случаю было угодно, что именно с этого момента условия моей жизни стали постепенно ухудшаться и, наконец, теперь дошло до того, что даже ничего не стоящих журналов нельзя получить на самое короткое время для прочтения. По временам мне приходит в голову, что, быть может, нарочно подвергают испытанию мою верноподданническую преданность и любовь к царю. В таком случае, я совершенно спокоен, ибо уверен в себе: никакие испытания не поколеблют моих принципов, которым я останусь верен до последнего издыхания. Раз познав истину, я не отступлю от нее ни за что. Но, с другой стороны, мне кажется, что подобного рода опыт едва ли нужен, ибо я неопровержимо, фактами, а не словами, доказал, что решение мое бесповоротно, и что, вступив на добрый путь, я не намерен сходить с него до конца жизни. Наконец, как ваше высокопревосходительство, так и г. министр, казалось, вполне убедились в моей честности и осчастливили своим доверием. Вследствие этого все неудобства своего нынешнего положения я приписываю простой с л у ч а й н о с т и и убежден, что мои настоятельные нужды будут удовлетворены, лишь только моя просьба дойдет до вашего высокопревосходительства. Если нельзя мое положение сделать лучше прежнего, в таком случае пускай по крайней мере оно не будет хуже, пусть будет все по-старому. То-есть: хорошая пища, достаточные прогулки, право пользоваться в с е м и

книгами из здешней библиотеки, журналы из департамента и французские книги из магазина Мелье. Я глубоко убежден, что ваше высокопревосходительство, если не облегчите моей участи, согласно своему милостивому обещанию, то во всяком случае не отнимите у меня тех скромных удобств, коими я пользовался в прежнее время. Я знаю ваше доброе сердце и потому не позволю себе сомневаться в благоприятном исходе моего ходатайства.

Я просил историю Шлоссера и не получил ее потому, что запачкана. Но так как это—единственное серьезное сочинение в здешней библиотеке, то я покорнейше прошу распорядиться о выдаче мне этой книги, как вообще и всех других, принадлежащих равелину. Из журналов 1881 года я получил только «Русский Вестник», а остается дополучить «Вестник Европы» и «Русскую Старину» за вторую половину 1881 года (начиная с августа месяца); кроме того, я уже просил о высылке «Отечеств. Записок» и «Дело» за текущий 1882 год. Нынешний год уже кончается, и, следовательно, журналы за первую его половину уже не нужны и валяются без всякого употребления. Буду также весьма благодарен, если ваше высокопревосходительство позволите мне выбрать хоть десяток книг по каталогу магазина Мелье. Я заранее уверен, что вы не останетесь глухи к моим мольбам и я был бы счастлив, еслиб имел возможность поблагодарить ваше высокопревосходительство л и ч н о. В настоящее время посещения вполне возможны, ибо соседи не будут даже и знать.—С нетерпением и надеждой ожидая вашего ответа, имею честь быть покорнейший слуга».

Комендант внял просьбе Мирского и 9 ноября (№ 478) просил В. К. Плеве прислать «известному арестанту» «Дело» и «Отечественные Записки» за 1882 год, а также каталог Мелье. «Ввиду важной его услуги в известном вам деле,—заканчивал свое письмо генерал Ганецкий,—я просил бы, если возможно, не лишать его обещанных бывшим министром внутренних дел ген.-ад. графом Игнатьевым льгот в чтении книг и журналов». Плеве прислал и книги, и каталог. Комендант сейчас же предписал смотрителю равелина: «препровожденные журналы, по строгом просмотре, передать известному арестанту, содержащемуся на известном условии, и предложить ему сделать на прилагаемом каталоге пометки против тех французских книг, которые он желал бы читать».

И комендант, и Плеве хранили память об услуге Мирского. В чем она состояла—теперь нам ясно без дальнейших комментарий.

Мирский выдал тайну Нечаева и предал его и солдат...

Донос Мирского сыграл существенную роль в деле раскрытия тайн Алексеевского равелина. Эта роль признана в докладе министра внутренних дел царю. 4 декабря 1881 года доклад начинается с изложения и цитации шифрованной записки, взятой у Желябова и в своем месте нами приведенной. Вслед за текстом записки в докладе читаем:

«За отказом Желябова давать какие-либо показания, происхождение означенной записки установлено в то время не было, и хотя возни-

кали предположения, не имеет ли она отношения к страже, охраняющей государственных преступников, но таковые не подтвердились, так как ни обыски, произведенные в домах унтер-офицеров Алексеевского равелина, ни наблюдения за этими лицами, не привели ни к каким результатам. В настоящее время получены достоверные указания на то, что записка эта писана одним из лиц, содержащихся в упомянутом равелине, так что помещенные в ней сведения, очевидно, относятся к чинам петербургской местной команды, кои содействуют поддержанию сношений между арестованными и их единомышленниками, находящимися на свободе. Ввиду сего один из чинов сей команды, рядовой Иван Губкин, как навлекающий на себя наибольшее подозрение, арестован, и к производству расследования по сему предмету уже приступлено.

Всеподданнейше донося о сем вашему императорскому величеству, считаю долгом присовокупить, что участие Губкина в преступных сношениях арестантов находит себе подтверждение как в имеющихся по сему предмету негласных сведениях, так равно и в том факте, что в сентябре сего года производилось уже дознание о помянутом выше Губкине, бывшем тогда в составе равелинной команды, вследствие павшего на него обвинения в сношениях с какими-то посторонними лицами, прохаживавшимися нередко не в далеком расстоянии от равелина. К этому дознанию привлекаем был также служивший до марта 1881 года в с.-петербургской местной команде и ныне находящийся в запасе армии рядовой Штырлов, о котором было обнаружено, что он, проживая, по оставлении крепости, на Петербургской стороне, часто посещал крепостные казармы, бывая у своих прежних товарищей по службе, которым, будучи по ремеслу сапожником, шил обувь, и что во время состояния в команде за дурное поведение и неисправное отправление служебных обязанностей был разжалован из унтер-офицеров в рядовые, каковое обстоятельство устанавливает тождество между ним, Штырловым, и рекомендованным в записке унтером Штыковым. Означенным дознанием по подозрению, павшему на Губкина, не удалось получить уличающих его доказательств, почему и признано было возможным ограничиться лишь устранением его на будущее время от службы в Алексеевском равелине».

Достоверные сведения и негласные указания исходили от Мирского: им была разъяснена записка Нечаева и определен арест Губкина. Кому он дал указания? Коменданту или министру? Из приведенных документов видно, что граф Игнатьев посетил Мирского в камере. Не по его ли, Мирского, вызову, и не для соглашения ли о компенсациях? Мирский, как мы видим, много не запросил. С делом раскрытия тайн связан и следующий инцидент.

10 ноября 1881 года «совершенно конфиденциально» директор департамента государственной полиции В. К. Плеве «покорнейше просил в дополнение к письму от 6 ноября за № 6244 (которое, к сожалению, нам неизвестно), милостивого государя Ивана Степано-

вича (коменданта крепости Ганецкого), не изволит ли он признать возможным разрешить смотрителю Алексеевского равелина дать разъяснения капитану Судейкину по некоторым вопросам относительно арестантских помещений равелина и условий содержания в оных арестантов». «Эти сведения,—писал Плеве,—представляются крайне необходимыми по секретному делу, производящемуся в департаменте». Просьба была исполнена, и Судейкин получил желаемые разъяснения.

Дальнейшие указания мог дать Губкин, арестованный 15 ноября 1881 года. Но Губкин, по всей вероятности, сдался не сразу: один раз (летом) его уже держали и выпустили без всяких последствий. Но ни он и никто из его товарищей на следствии не проговорились ни одним словом о плане побега,—том готовом плане, сообщение о котором столь взволновало коменданта, да и вряд ли они, помощники Нечаева, знали его в целом: Нечаев был замечательный конспиратор, и для каждого, кого он втягивал в свой круг, была своя конспирация деталей, а целое знал он один, да, должно быть, Мирский. Или и фактических приготовлений к осуществлению плана не было, и Мирский изобрел их в своем доносе. Трудно ответить на эти вопросы.

XX.

В ответ на предложение коменданта об аресте служивших в равелине граф Игнатьев признал необходимым арестовать не только нижних чинов, состоявших в команде равелина в момент открытия сношений, но и всех бывших в ее составе в течение 1880—1881 годов. Производство дознания было возложено на начальника с.-петербургского жандармского управления полковника Оноприенко под непосредственным наблюдением начальника штаба отдельного корпуса жандармов ген.-майора Никифораки.

29 декабря 1881 года были арестованы и размещены в одиночках Трубецкого бастиона жандармские унтер-офицеры: Леппинг, Александров, Федоров и Лаврентьев; затем состоящие при равелине унтер-офицер Николай Рябов, ефрейторы Василий Чухлом и Яков Колодкин, рядовые: Кузьма Березин, Михаил Ульянов, Адриан Дементьев, Иван Тонышев, Иван Мыркин, Адриан Кобылин, Иван Тиханов, Илья Ильин, Сила Андреев, Кирилл Никифоров, Дмитрий Осипов, Дмитрий Евдокимов, Семен Леонтьев, Александр Васильев, Алексей Леонов, Нефед Иудин, Василий Иванов, Федор Степанов, Адриан Чернышев, Иван и Дмитрий Яковлевы, Емельян Борисов, Василий Кузьмин, Александр Образцов, Павел Сергеев, Фома Никитин и Дмитрий Петров, и, наконец десять нижних чинов местной команды, ранее служивших в равелине: рядовые Григорий Петров, Иван Губкин (он уже с 16 ноября содержался при управлении спб. обер-полицеймейстера), Платон Вишняков, Климон Попов (находился

в госпитале), Иван Дмитриев, Ермолай Иванов, Леон Архипов, Адриан Емин, Дмитрий Иванов 2-й, Яков Шарков и писарь комендантского управления Александр Дубровин,—всего 42 человека. Это число арестованных увеличивалось в течение января и февраля месяцев. Разыскивались и арестовывались все служившие в равелине: с 1879 года, уже вышедшие в запас и жившие на родине в глухих углах северных губерний. Разновременно в январе были заключены Егор Колыбин, Григорий Юшманов, Иван Штырлов. Затем под конвоем разновременно были доставлены в крепость запасные рядовые: Иван Балыков, Адриан Никаноров, Ефим Тихонов, Антон Гусев, Кир Бызов, Евлампий Опарин, Нестор Иванов, Федор Бородин, Василий Попков, Влас Терентьев, Андрей Орехов, Гавриил Драчев, Тимофей Кузнецов, рядовой Прокофий Самойлов, Федот Ермолин и жандармский унтер-офицер Николай Исаков. Наконец, 2 февраля был арестован и студент военно-медицинской академии Евгений Дубровин и в марте—фейерверкеры охтенского порохового завода Глуховской, Емельянов, Иванов и Филиппов. Всего по делу о пропаганде было арестовано и привлечено к дознанию 69 человек; один (рядовой Доронин) остался неразысканным. Впоследствии было освобождено 24 человека.

К 10 марта жандармское дознание было закончено. 10 марта 1882 года граф Игнатьев представил Александру III доклад об этом деле и к докладу приложил составленную жандармским майором Головиным «записку из дознания о беспорядках, бывших в Алексеевском равелине». Записка, занимающая 29 страниц, составлена сжато и обстоятельно. Картина распада дисциплины нарисована яркими штрихами. Александр III прочел записку и выразил свое впечатление в следующей надписи: «Более постыдного дела для военной команды и ее начальства, я думаю, не бывало до сих пор». Дознание разбило привлеченных на две группы. Одна группа должна была пройти перед военным судом по обвинению специально в воинских преступлениях—в несоблюдении особых обязанностей караульной службы. Это были жандармские унтер-офицеры: Карл Леппинг, Александр Александров, Николай Исаков и Захар Федоров; запасные рядовые: Еф. Тихонов, Попков и рядовые Березин, Ульянов, Мыркин, Ив. Тиханов, Леонов, Вас. Иванов, Степанов, Андреев, Ильин, Чернышев, Яковлев, Кузьмин, Сергеев, Дм. Иванов, Шарков, Ермолин, Никифоров. К ним было присоединено и их начальство—подполковник Филимонов и поручик Андреев, обвиняемые в противозаконном бездействии власти, имевшем особенно важные последствия. Вторая группа должна была предстать перед судом по обвинению в государственном преступлении. Это—процесс студента Евгения Александровича Дубровина и запасных обер-фейерверкеров охтенского порохового завода Александра Филиппова и Алексея Иванова; из солдат сюда были пристегнуты запасные рядовые Орехов, Колыбин, Бызов, Кузнецов, Терентьев, Юшманов, Штырлов, ефрейтор Колодкин и рядо-

вые: Дементьев, Григ. Петров, Тонышев, Борисов, Архипов, Вишняков, Губкин и Самойлов. В конечном счете через суд прошло из команды равелина 4 жандармских унтер-офицера и 35 солдат.

Заседания с.-петербургского военно-окружного суда по первому процессу происходили при закрытых дверях в крепости 24 и 25 мая 1882 года под председательством ген.-лейтенанта Лейхта. Обвинял военный прокурор полковник Маслов; защищали военный судебный следователь Дзенциолл полковника Филимонова по его выбору, и по назначению суда кандидаты на судебные должности: Марголин—поручика Андреева, а штабс-капитаны Бобянский и Дмитриев—солдат. Оправданы были только жандармский унт.-офицер Федоров, все остальные обвинены. Жандармские унтер-офицеры: Леппинг, Исаков, Александров и рядовые Еф. Тихонов, Ив. Тиханов, Ильин, Чернышев, Ермолин, Попков и Никифоров приговорены, по лишении некоторых прав и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, к отдаче в дисциплинарные батальоны на три года с переводом в разряд штрафованных. Рядовые Березин, Ульянов, Мыркин, Леонов, Вас. Иванов, Дм. Иванов, Степанов, Андреев, Яковлев, Кузьмин, Сергеев и Шарков к тому же поражению прав и к отдаче в дисциплинарный батальон на $2^1/_2$ года. Филимонов и Андреев приговорены, по лишении чинов, знаков отличия и всех особых прав и преимуществ, к исключению из службы и к ссылке на житье в Архангельскую губернию.

23 июня осужденные солдаты были отправлены в воронежский дисциплинарный батальон. Поручику Андрееву, по ходатайству коменданта, приговор был смягчен: ссылка была заменена шестимесячным заключением в крепости с небольшими правоограничениями и с оставлением на месте служения, т.-е. в крепости. Комендант ходатайствовал и за Филимонова. Он объяснял его преступление исключительно его несметливостью, недостатком распорядительности и... ухищрениями и скрытностью нижних чинов! Но ходатайство Ганецкого успехом не увенчалось, и он был обращен в ссылку.

Второй процесс, политический, разбирался также в военно-окружном суде 3 декабря 1882 г. Все подсудимые признаны виновными и приговорены—Дубровин—в каторжную работу на заводах на четыре года, Филиппов—на пять лет, все нижние чины—к лишению прав и ссылке на поселение в Сибирь, при чем Штырлов, Колыбин, Бызов, Кузнецов, Юшманов, Колодкин и Тонышев—«в места Сибири отдаленнейшие», а Орехов, Терентьев, Дементьев, Петров, Борисов, Архипов и Вишняков—«в места Сибири не столь отдаленные», Иванов отделался сравнительно легко—только тюремным заключением на 6 месяцев.

П. Щеголев.

(Окончание следует.)

Верховное командование в первые дни революции.

Контр-революционеры с самого начала февральской революции прекрасно поняли, где кроется главная опасность для старого буржуазного порядка, который им хотелось оставить во всей его неприкосновенности во что бы то ни стало, изменив только оболочку и подправив кое-что в старой государственной машине.

Печатаемые ниже документы поясняют эту мысль как нельзя лучше.

Из телеграммы верховного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, видно прежде всего, что этот контр-революционер прекрасно понимал стремления таких деятелей, как Львов, Гучков и их товарищи. «Нужно столковаться в главном,—так, повидимому, рассуждал Николай Николаевич Романов,—сохранить монархический строй, а там дальше будет видно, как и какими способами подавить революцию».

«Я вполне уверен,—телеграфирует он князю Львову,—что нас объединяет с вами та же любовь к родине и стремление отдать все свои силы для ее блага, почему в наших действиях, даст бог, будет полная во всем согласованность».

В следующих же депешах великий князь очень недвусмысленно разъясняет свою программу. Эта программа заключается в следующем:

1. Сохранение монархии во что бы то ни стало. Члена царствовавшего дома беспокоит отречение от престола Николая II и его брата Михаила. Устранение от престола Алексея, по мнению верховного главнокомандующего, «усилит смуту в умах народа». Медлить с этим вопросом опасно в особенности потому, что появилась какая-то новая сила—Советы Рабочих депутатов.

2. Нужно бороться с главной силой революции—Советом Рабочих депутатов.

«...Мною сейчас получены сведения о якобы готовящемся соглашении между правительством и Советом Рабочих депутатов по вопросу о созыве через полгода Учредительного Собрания. По сему поводу я, как верховный главнокомандующий, отвечающий перед родиной за успех наших армий, считаю необходимым категорически высказать, что заключение подобного соглашения было бы великой ошибкой, грозящей гибелью России».

Вместо Учредительного Собрания и какого-то Совета Рабочих депутатов в. главнокомандующий прямо указывает на желательный строй для России: это—конституционная монархия во главе с императором.

3. Нужно фактическую власть и силу оставить в руках приверженцев монархии, в частности, на Кавказе наместником назначить его, Николая Николаевича.

Эти меры нужно провести немедленно. Как человек военный, Николай Николаевич прекрасно понимал, что в моменты борьбы решает сила, и потому план его был прост:

вы там в Петербурге должны оформить юридически конституционную монархию, оставить у власти кого-либо из царствующей династии, юридически это закрепить; юридически же закрепить мою власть здесь над штыками, а уж я, как верховный главнокомандующий, постараюсь двинуть эти штыки, куда нужно.

Таков ход мыслей великого князя, как он рисуется из его депеш. Вы должны не болтать там в Петербурге, дать мне возможность действовать здесь, а столковаться мы сумеем о подробностях потом, при личном свидании. Сейчас же нужно действовать.

Следует согласиться с тем, что Николай Николаевич рассуждал правильно; вся беда заключалась в том только, что буржуазия не хотела ни власти Совета, ни власти царя,—она хотела власти для себя. Боясь Совета, т.-е. пролетариата, она протягивала руку царю и не хотела устранять его совсем от власти, а не желая власти царя, т.-е. власти старого дворянства, она протягивала руку мелко-буржуазным элементам страны, уже проникшим в Совет.

Под давлением этих мелко-буржуазных элементов и главным образом пролетариата пришлось отказаться не только от царя, но и от самого Николая Николаевича, предлагавшего свой союз и свою саблю.

Между тем у Николая Николаевича была не только своя сабля, он мог рассчитывать на довольно большой силы армии, где нашлись бы и сабли, и пушки, и штыки для того, чтобы утвердить или, по крайней мере, в борьбе поспорить не только на словах за «конституционный строй».

Что это так, это прекрасно видно из телеграммы начальника штаба верховного главнокомандующего ген. М. В. Алексеева.

Алексеев с самого же начала революции заявляет себя самым определенным ее противником. Делегатов, направлявшихся из Петербурга в армию и пытавшихся оповестить солдат о том, что произошло в столице, Алексеев квалифицирует просто-напросто как «чисто революционные разнузданные шайки»; прекрасно понимая, что малейшее соприкосновение этих «шаек» с измученными и уже и так выходящими из повиновения солдатами обозначает разложение старой армии, Алексеев предлагает: «при появлении где-либо подобных самозванных делегаций, таковые желательно не рассеивать, а стараться захватывать и по возможности тут же назначать полевой суд, приговоры которого приводить немедленно в исполнение».

Алексеев внимально следит за всеми проявлениями революции на фронте и немедленно реагирует на них, как контр-революционер, не останавливающийся перед самыми решительными мерами подавления.

По распоряжению инженера Козырева были разоружены ненавистные всем жандармы на Закавказских жел. дорогах. Алексеев, конечно, считает этот революционный акт недопустимым в будущем и в случае повторения подобных явлений предрекает гражданскую войну. Он прекрасно понимает, что такие акты—это значит разложение армии, это господство над армией не его, Алексеева, а новых революционных сил, и потому он снова дает распоряжение о немедленном захвате делегаций из Петербурга и о немедленных военно-полевых судах над ними (депеша по поводу освобождения на ст. Режице арестованных прибывшими из Петербурга делегатами-рабочими).

Вместе с тем Алексеева очень тревожит вопрос и о назначении нового царя. Он, как и Николай Николаевич, мыслит себе новый строй только в виде монархии. Поэтому он настойчиво напоминает новой власти о необходимости срочного опубликования манифеста... о вступлении в управление государством Михаила Романова.

События между тем не ждут. Революционный поток выбрасывает на фронт все новые и новые человеческие волны,—делегатов, агитаторов и организаторов,—людей, пытающихся создать и в действующих войсках революционные военные организации. Теперь это уже не случайные элементы, а опытные подпольные работники.

«Главнокомандующий северного фронта,—телеграфирует Алексеев 5 марта главе нового правительства,—сообщает на необходимость правительства обратить внимание на крайнюю опасность создавшегося положения, проистекающую из стремления каких-то неуловимых элементов создать солдатские организации на фронте, могущие нарушить порядок на фронте».

Боевой генерал, привыкший действовать штыком и пулеметом по видимому врагу—и артиллерией, если этот враг был невидим, но все же ощутим, терялся, чувствуя невидимую работу «неуловимых» элементов. С таким противником царскому генералу приходилось иметь дело впервые. Совершенно правильно определяя этого противника, как «неуловимого», генерал точно так же совершенно правильно определял и те передовые отряды его, которые действовали уже прямо пред его глазами открыто и смело: депутатов Совета.

Классовое чутье подсказало генералу, что здесь, в лице этих делегатов, кроется главная опасность для старого порядка и его оплота—старой армии. Вот почему Алексеев с тревогой следит за деятельностью этих делегатов и настойчиво требует от правительства самых решительных мер против них. «Всякое изменение существующих уставов и военного распорядка в пределах армии помимо верховного главнокомандующего и без его согласия для пользы дела недопустимо. Необходимо правительственное объявление, что никаких делегаций и депутаций им не посылалось и не посылается для переговоров с войсками, и что появляющиеся в некоторых местах подобные люди подосланы врагами России с целью внести разруху, так как только при разрухе Россия будет побеждена и порабощена врагом. Что надо верить только тем, которые призывают к порядку и к напряжению всех сил для победы над внешним врагом. К этому я добавляю, что промедление в присылке текста присяги и задержка в приведении к присяге войск поведет к катастрофе. Получаемые со всех сторон сведения указывают, что брожение начинает распространяться в войсках, ближайших к тылу».

Таким образом, работа неуловимых сил революции была уже налицо; действие этих сил чувствовалось повсюду,—старая царская армия начала разлагаться, и в борьбе с этими новыми силами революции контр-революционные деятели, верхушки армии, пускают в обиход крылатое слово, которым они оперируют вплоть до октябрьского переворота: делегаты Советов и вообще все, кто едет в армию с целью агитации, это—люди, подосланные врагами России, это «немецкие шпионы», как очень скоро будут называть этих людей.

Генерал сознается с грустью, что правительство не внемлет его советам, и на свой страх и риск начинает борьбу с новым противником.

«Я повторяю,—пишет он правительству,—что направление распоряжений непосредственно главнокомандующим является недопустимым, вносит дезорганизацию и разруху в дело управления армией. Для армии могут быть обязательны распоряжения лишь правительства, распоряжения же неизвестного, не входящего в состав правительственной власти Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских депутатов не являются обязательными и объявляться войскам не будут».

Генерал, конечно, прекрасно знал, что правительство, как и он, далеко не благодушно относится к Советам, что и оно борется с Советами,—генерала только нервировала и приводила в беспокойство нерешительная политика правительства и медленность наступательных действий против Советов.

По мнению же генерала, правительство должно было немедленно начать решительную борьбу с революцией и в первую голову «устранить» Советы, т.-е. попросту разогнать их, уничтожить революционный очаг в армии, т.-е. раскассировать петроградский гарнизон, отправивши его на фронт, сохранить старую дисциплину в армии. Отлично понимая, что русская армия на 80% армия крестьянская, генерал Алексеев прекрасно понимал, что теперь, когда главный помещик, царь, является пленником революции, крестьянин на фронте сидеть не захочет, и что для удержания его в окопах надо его чем-нибудь и как-нибудь задобрить. Подкупить же его можно только обещанием дать землю.

Генерал и предлагает правительству наделить крестьян землей при помощи Крестьянского банка!

Пообещав крестьянам землю, улучшив питание солдат на фронте, разогнав Советы, раскассировав петроградский гарнизон, расстреляв агитаторов и делегатов Совета при помощи военно-полевых судов, можно довести войну до победного конца и с божьей помощью снова посадить какого-нибудь царя на трон.

Так рассуждал генерал Алексеев, человек дела, а не слов. Понятно поэтому, как он негодует, как он клеймит и аттестует мелко-буржуазного дельца Керенского, не умеющего сразу и решительно соединиться с представителями крупного капитала и военщины.

Генерал Алексеев прекрасно понимал, что в борьбе с революцией нужны быстрые и решительные меры. Он не понимал только одного, именно, что, когда в революции побеждают рабочие массы и когда эти массы вооружены, то никакие меры против этих масс не действительны.

Правда, блеснул луч надежды и в стане контр-революции после вооруженного выступления рабочих и солдат в Петербурге 3—5 июля. Реакция на этот раз победила, и контр-революционеры поспешили пожать плоды победы.

Программа деятельности контр-революционерами была выработана на известном совещании, происходившем в Могилеве 16 июля под председательством самого Керенского.

Эта программа изложена в письме Алексеева к М. В. Родзянко.

Главными боевыми пунктами этой программы были: 1) учреждение военно-полевых судов и введение смертной казни на фронте, отмененной в начале революции и 2) организация отборных боевых частей для борьбы с революцией.

Неглупый генерал упрекает правительство Керенского прямо в измене общему контр-революционному делу. По мнению Алексеева, ударные боевые части в бой было пускать нельзя,—они, по его мнению, предназначались для других целей. «Ударные батальоны должны были составить резерв и гнать перед собою малодушных, забывших совесть».

Все ясно: ударные батальоны должны были сначала гнать остальных солдат на убой, а затем, когда загнанные на убой солдаты уже не представляли бы опасности, тогда ударные батальоны можно было бы направить и против рабочих. Генерал Алексеев слов не любил, он любил дело. С революцией не заигрывают, ее словами не заго-

воришь, как думал сначала Керенский, ее можно (если только можно) залить кровью. Генерал это и предлагал. И когда на это не решились в июле, генерал в отчаянии клеймит мелко-буржуазного краснобая Керенского.

«Располагали мы министром,—говорит он,—которому приписывают участие в событии Фонарного переулка. Теперь военное министерство обзавелось «управляющим», краткая автобиография которого, отпечатанная в штабе VII армии, говорит о великих заслугах настоящего главы и представителя армии: убийство Плеве, Мина, вел. кн. Сергея, организация других убийств».

Так аттестует рассерженный генерал Керенского и Савинкова, даже не предчувствуя той поры, когда и Керенский и Савинков забудут и экспроприации, и революционный террор и начнут так же, как Алексеев, с оружием в руках бороться против революции. Генерал настойчиво рекомендовал одно: смелость и решительность, а его будущие друзья все еще раздумывали, изменить или нет революции!

«...Смелость,—пишет Алексеев,—сделает свое благотворное дело, и я не разделяю высказанных на совещании опасений. События в Петрограде 3—5 июля наглядно показали, что чем глубже нравственное падение толпы, тем более трусliва она и тем легче пасует перед решимостью и смелостью. Быть может, где-либо и произойдут эксцессы. Их можно и нужно задавить жестокою рукою».

Вот как рассуждал слуга бывшего царя, помещиков и буржуазии. Понятно поэтому его величайшее презрение к борьбе словом.

«Припомните,—говорит он по поводу такой борьбы,—сколько разврата внесли громкие проповеди, мерзкие дела Ленина, Зиновьева, Троцкого, Луначарского, Каменева, Коллонтай и пр. Эти негодяи были неприкосновенны. Призывы к бунту на словах и в печати, захват чужой собственности... не вменялись в вину. Боритесь с ними словом... пока те не совершили преступного деяния (как будто не совершили). Вот что значит быть под покровительством «комитета преступления», т.-е. Совета Раб. и Солд. депутатов».

Такая аттестация большевиков в устах Алексеева понятна, но аттестация Совета как «комитета преступлений» становится ясной только в свете тех генеральских иллюзий, которые были разрушены революцией и суть которых сводилась к одному: правительство Керенского должно было действовать против рабочих и большевиков оружием, разогнать Совет, а сам Керенский должен был действовать так, как это было желательно и выгодно контр-революции.

Нерешительность мелких буржуа Керенского и Церетели генерал Алексеев понимал прекрасно, характеризуя этих деятелей, как мелких трусов, которые боятся и революции, и контр-революции.

«Нужно установить определенно,—говорит по этому поводу Алексеев,—что нервные объезды и речи положительно никакой пользы не приносят. Вот отзыв одного строевого офицера полка, удостоенного речью Керенского: «Это опереточный пуф! Солдатская масса не знала и не знает Керенского». Прибавлю, как не будет знать каждого, кто придет к ней со словами и речами, но без власти, силы и кулака».

В этих откровенных словах, вылившихся от полноты сердца,—весь контр-революционный генерал, весь катехизис контр-революции, все презрение к мелко-буржуазному комедианту, трусливому и блудливому мелкому буржуа.

Керенский и его способ действий—опереточный пуф, а «сила и кулак»—это программа действий, это действительные средства борьбы с революцией.

Факты—упрямая вещь, и документы, отражающие эти факты, так же упрямо, помимо воли авторов этих документов, вскрывают самую сущность классовых отношений, вскрывают те пружины, которые толкали «героев» революции действовать так, а не иначе.

Кратко формулируя историческое значение публикуемых документов, можно сказать, что они отражают какие-то таинственные связи и переговоры, которые велись двумя группами контр-революционеров,—временным правительством и вел. князем Николаем Никол. Романовым, что программа контр-революции уже в начале марта 1917 г. сводилась к разгону Советов и расстрелу рабочих и солдат, восстановлению монархии, использованию мелко-буржуазных элементов революции, организации ударных контр-революционных отрядов для подавления солдат на фронте и рабочих в тылу, обману крестьян, восстановлению старой дисциплины в армии, т.-е. к подготовке контр-революционного удара.

Кроме того, этими же документами вскрывается вся смелость и решительность агентов контр-революционной крупной буржуазии и вся нерешительность, половинчатость и трусость соглашательской мелкой буржуазии во главе с ее вождем «опереточным пуфом» Керенским.

В. Невский.

От редакции: Публикуемые ниже документы — 1. Телеграммы Н. Н. Романова и М. В. Алексеева. 2. Записки М. В. Алексеева временному правительству. 3. Записка М. В. Алексеева М. В. Родзянко — взяты из архива б. временного правительства. Комментарии к первым двум группам документов составил М. Г. Флеер.

Публикуемые телеграммы Николая Николаевича и начальника штаба верх. главнокомандующего обнимают короткий период четырех дней—3, 4, 5 и 6 марта. Телеграммы Николая Николаевича №№ 975 и 978 находятся в деле № 2 канцелярии временного правительства, остальные, равно как и телеграммы ген. Алексеева, были найдены в пачке приветственных временному правительству телеграмм в 1-м отделении юридической секции Ленинградского отделения Центрархива.

I.

Телеграммы Н. Н. Романова и М. В. Алексеева.

3 марта 15 час. 55 мин. (Получена была два раза: 3 марта 16 час. 55 мин. и 4 марта 1 час.)

Очень прошу ваше сиятельство держать меня в курсе положения дел в империи и в особенности в столицах. При этом условии могу, с божьей помощью, как верховный главнокомандующий, исполнить свой долг по руководству армиями и подведомственными мне губерниями тыла, ставя в то же время вас в известность относительно общих мероприятий, принятие коих правительством будет являться, по моему мнению, необходимым для обеспечения победоносного окончания войны. Я вполне уверен, что нас объединяет с вами та же любовь к родине и стремление отдать все свои силы для ее блага, почему в наших действиях, даст бог, будет полная во всем согласованность. № 3317.

Генерал-адъютант *Николай* [1]).

---

3 марта 18 час. 58 мин. (Получена 4/III 3 час. 25 мин.) Шифрованная.

Весьма секретно.

Начальник штаба верховного главнокомандующего донес мне, что высочайшим указом от 2-го сего марта я назначен верховным главнокомандующим. Считаю необходимым поставить вас в известность о положении дел на Кавказе. С удовольствием я могу засвидетельствовать, что со дня назначения меня наместником нормальная жизнь Кавказа в общем протекала спокойно, и за это время я мог убедиться, что народности края относились ко мне с доверием. События чрезвычайной важности, происходящие в эти последние дни, принимаются пока спокойно населением, главным образом благодаря этому доверию, что дает надежду на сохранение и в дальнейшем в его среде порядка, столь необходимого для развивающихся успехов на фронте кавказской армии, в особенности на персидском фронте, и вообще для достижения нашей главнейшей задачи—довести великую войну до победоносного окончания. Назначение нового наместника при настоящих трудных условиях неминуемо повлечет за собой новый режим, и потребует(ся) много времени, дабы наместник вошел в курс всех вопросов, волнующих край, но этим будет создана крайне опасная во время войны обстановка. Обращая внимание ва-

---

[1]) На телеграмме пометки,—на первой (полученной 3 марта) дважды, черным и красным карандашами, «читал», на второй (полученной 4 марта) красным карандашом «читал» и черным «печатать» (вычеркнуто), «опубликовать». Под всеми пометками подпись—«к. Л.» (князь Львов). Телеграмма, несмотря на пометку Львова, опубликована однако не была.

шего сиятельства на серьезность для Кавказа вопроса о замене наместника, считаю необходимым высказать, что, будучи обязан, как верховный главнокомандующий, заботиться о сохранении полного порядка на Кавказе, являющегося одним из районов театра военных действий, я признавал бы крайне желательным для общего дела возбудить вопрос о сохранении за мной звания наместника, с предоставлением мне, по соглашению с вами, наметить лицо, которое, будучи знакомо с краем и оставаясь моим заместителем на время войны, продолжало бы проведение в жизнь необходимых для него начинаний. Оставаясь наместником Кавказа, я мог бы руководить в особо важных случаях делами края и давать директивы, согласные с общим направлением уже установившейся в отношении разноплеменных его народностей политики. Прошу не отказать в срочном мне ответе. № 975.

Генерал-адъютант *Николай* [1]).

3/III 21 час. 11 мин. (Получена 4/III 6 ч. 35 м.) Шифрованная.

Весьма секретно.

Мне необходимо немедленно знать ваше мнение по вопросу о манифесте. Лично я опасаюсь, что отречение в пользу великого князя Михаила Александровича, как императора, с устранением от престола наследника цесаревича, неизбежно усилит смуту в умах народа. Опасение это усугубляется неясной редакцией манифеста и отсутствием указания в нем, кто является наследником престола. Вместе с тем я совершенно убежден, что промедление в этом чрезвычайной важности вопросе крайне опасно. Ожидая от вашего сиятельства срочного ответа, считаю еще необходимым уведомить вас, что мною сейчас получены сведения о якобы готовящемся соглашении между правительством и Советом Рабочих депутатов по вопросу о созыве через полгода Учредительного Собрания. По сему поводу я, как верховный главнокомандующий, отвечающий перед родиной за успех наших армий, считаю необходимым категорически высказать, что заключение подобного соглашения было бы великой ошибкой, грозящей гибелью России. Я ни одной минуты не сомневаюсь, что временное правительство, сильное авторитетом Государственной Думы и общественным доверием, объединяет вокруг себя всех патриотически мыслящих русских людей. Находя необходимым скорейшее разрешение вопроса о манифесте, я имею при этом в виду, что по обнародовании в ближайшее время должна последовать в торжественной обстановке присяга императора конституционному образу правления. Совершение этого акта, как полагающее конец колебаниям по вопросу о государственном строе России, несомненно, посодействует общему успокоению умов.

Генерал-адъютант *Николай* [2]).

---

[1]) Пометки: «Срочно расшифровать, мне. Кн. Львов». «Читал Л.»

[2]) Пометки: «Срочно расшифровать, мне. Кн. Львов». «Читал Л.»

4 марта 14 час. 50 мин. Получена 5/III 12 час.

Прошу ваше сиятельство быть уверенным, что я приложу все силы к тому, чтобы поддержать дисциплину и порядок во вверенных мне войсках и в тыловых районах армии, что явится залогом победы России над врагами. Уверен, что и вы, с своей стороны, сделаете все зависящее от правительства для обеспечения победы, восстановив полнейший повсеместно порядок и деятельность заводов и всех вообще учреждений, работающих для нужд армии и флота. № 978.

Верховный главнокомандующий [1]).

---

5 марта 13 час. 5 м. (подана).

Как верховный главнокомандующий, считаю своим долгом категорически заявить, что для победы безусловно необходима правильная организация командного состава и его взаимоотношений, исходящая от верховного главнокомандующего, как едино могущего преподать ее армии и флоту. Посему прошу вас передать правительству, которому не может быть не дорого благоденствие России и окончательная победа, что безусловно необходимо, чтобы все распоряжения и пожелания правительства, относящиеся до армии, флота и всех воинских чинов, находящихся в тылу, направлялись только в ставку. Я отдал категорическое распоряжение, чтобы на всем подчиненном мне театре войны принимались только распоряжения, относящиеся до армии, флота и военных учреждений тыла, исходящие от моего исключительно имени и притом из ставки, что вполне совпадает с требованиями и духом положения о полевом управлении войск, которым руководствуется армия.

Верховный главнокомандующий. [2])

---

6 марта 1 ч. 40 м. (Получена 6 марта 5 час. 30 м.)

Выезжаю ставку сегодня. Предполагаю прибыть 10 марта. Определить совсем точно день пока не могу, так как, ввиду неизвестности, насколько путь свободен, нельзя еще составить точного расписания. Как только будет выяснено, сейчас же вам телеграфирую. Очень буду рад вашему приезду в ставку [3]), ибо считаю вопросом чрезвычайной важности лично о многом с вами переговорить.

Верховный главнокомандующий [4]).

---

[1]) Напечатана в № 3 (8 марта) «Вестника временного правительства».

[2]) На телеграмме пометка: «Гучкову. Доложить Совету. Кн. Л.»

[3]) Предполагавшееся свидание Львова с Николаем Николаевичем в ставке не состоялось.

[4]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»

Председателю Государственной Думы
М. В. Родзянко.

Получена 3 марта 1 час. 52 м.

По донесению коменданта Полоцка, с поездом из Петрограда прибыло 50 нижних чинов, вооруженных револьверами и шашками. Выйдя из поезда, они потребовали разоружения жандармов. На вопрос коменданта, по чьему приказанию они это требуют, они ответили, что по приказанию офицера, который остался в вагоне. На посланного в вагон для проверки жандарма солдаты напали и разоружили. В это время на станции показался взвод драгун из стоявшей близ вокзала части, все приехавшие солдаты разбежались, в вагоне же никакого офицера не оказалось. Убедительно прошу принять необходимые меры, чтобы из Петрограда на фронт не появлялись банды солдат и какие-либо странные и самозванные депутации. Оставить на железных дорогах охрану без вооружения недопустимо, а против лиц, своевольно принимающих на себя право распоряжаться в районе действующей армии, будут приниматься самые суровые меры по законам военного времени. Этого требует благо действующей армии и необходимость спасти ее для великой службы отечеству от того глубокого нравственного разложения, которое переживают все части петроградского гарнизона. 3 марта 1917 г. № 1906.

Генерал-адъютант *Алексеев* [1]).

В связи с этой телеграммой стоит следующая циркулярная телеграмма.

Циркулярная телеграмма железнодорожным бригадам, командирам ополченских дружин, по станциям жел. дорог Северного фронта.

(Послана из Пскова 4 марта 15 час., получена (в Петрограде) 5 марта.)

Сообщаю для сведения и руководства копию депеши генерала Кварсева [2]) к № 1266/6—«По приказанию Наштасева [3]) передаю копию телеграммы генерала Алексеева для соответствующего исполнения.—«Вследствие телеграммы Наштазап [4]) о том, что из Великих Лук на Полоцк едет депутация 50 человек от нового правительства и обезоруживает жандармов, по означенному вопросу был запрошен председатель Гос. Думы, который сообщил, что никаких депутаций не посылалось. Таким образом, повидимому, начинают уже появляться

---

[1]) Пометки: «Совету министров. Предс. Гос. Думы Родзянко. 2 (?) марта 917. «Читал. Кн. Л.»

[2]) Ген.-квартирмейстер Северного фронта.

[3]) Начальник штаба Северного фронта.

[4]) Начальник штаба Западного фронта.

из Петрограда чисто революционные разнузданные шайки, которые стремятся разоружить жандармов на железных дорогах и, конечно, в дальнейшем будут стремиться захватывать власть как на железных дорогах, так и в тылу армии и, вероятно, попытаются проникнуть и в самую армию. Надо принять самые энергичные меры, установив наблюдение на всех узловых станциях железных дорог в тылу и иметь на этих станциях гарнизоны из надежных частей под начальством твердых офицеров. При появлении где-либо подобных самозванных делегаций, таковые желательно не рассеивать, а стараться захватывать и по возможности тут же назначать полевой суд, приговоры которого приводить немедленно к исполнению. 3 марта 1917 г., 11 час. 25 мин. *Алексеев*». Псков 3 марта, 1266/6. *Болдырев*. № 10621 [1]).

Председателю совета министров кн. Г. Е. Львову, копия предс. Гос. Думы Родзянко.

Получена 3 марта 4 ч. 15 м.

Ввиду состоявшегося подписания его величеством акта об отречении от престола с передачей такового вел. князю Михаилу Александровичу, необходимо скорейшее объявление войскам манифеста вновь вступившего на престол государя для привода войск к присяге. Прошу ваше высокопревосходительство содействовать скорейшему сообщению мне текста означенного манифеста (ст. 54 осн. законов). № 1909.

Генерал-адъютант *Алексеев* [2]).

Председателю совета министров кн. Г. Е. Львову, копия министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Получена 3 марта 4 час. 20 мин.

Полагал бы необходимым телеграфное извещение глав союзных государств за подписью отрекшегося от престола государя о своем отречении в пользу вел. князя Михаила Александровича независимо от телеграфного уведомления их новым государем о своем восшествии на престол. В случае согласия вашего высокопревосходительства с этой точкой зрения, прошу о скорейшем сообщении в ставку текстов, которые могли бы быть представлены на подписание отказавшегося от престола государя. № 1911.

Генерал-адъютант *Алексеев* [3]).

---

[1]) Напечатана в № 4 газеты «Правда».
[2]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»
[3]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»

Секретно. Председателю совета министров.

Получена 3 марта.

Получено сообщение от вел. князя Николая Николаевича, что инженер Козырев предложил начальнику Закавказских дорог снять жандармов с линии дорог. Вновь повторяю, что снимать охрану с линий железных дорог на театрах военных действий недопустимо. Она прежде всего нужна, дабы продолжать борьбу со шпионажем. Вообще же обращение отдельных агентов правительственной власти с какими-либо распоряжениями к исполнителям, а не через ставку или, в крайних, спешных случаях, чрез главнокомандующих безусловно недопустимо и может роковым образом отразиться на управлении на театре военных действий, внести много путаницы и подорвать авторитет военной власти. В настоящую страшную минуту для спасения России надо принять все меры для сохранения в армии дисциплины и уважения к власти. Если это будет нарушено, то неминуема катастрофа и гражданская война, а в настоящее время и порабощение России немцами. 3 марта 1917 г. № 1926.

Генерал-адъютант *Алексеев* [1]).

Председателю совета министров, копия военному министру.

Отправлена 4 марта 12 час. 20 мин.

Мною получена следующая телеграмма от начальника штаба Северного фронта: «Наштарм 5 [2]) телеграммой Наштасеву донес: «Прибывшие сегодня днем Петрограда в Режицу вооруженные делегаты рабочей партии освободили везде всех арестованных, обезоружив частью караул, обезоружили полицию, начали обезоруживать офицеров, угрожая всем наведенным огнестрельным оружием, ходили даже для этого по квартирам. Примкнули нижние чины гарнизона. Сожгли в управлениях начальника гарнизона, коменданта и в полицейских участках судные и арестантские дела. Кровопролития и особых беспорядков не было. Командарм ходатайствует срочно войти в сношение с представителями власти, немедленно прекратить обезоруживание офицеров, врачей, чиновников. № 2078. *Вахрушев*». Главкосев, находя указанные действия преступными, вносящими разлагающее влияние среди войск и населения ближайшего тыла армий, приказал просить ваше высокопревосходительство о срочном сношении с представителями власти по принятию самых решительных мер к прекращению таких явлений, могущих деморализовать всю армию. Псков. 4 марта. № 1275/б *Данилов*». Прошу срочно принять все меры, чтобы не допускалось

---

[1]) Пометка: «К сведению. Кн. Л.»

[2]) Начальник штаба 5 армии.

отправление на фронт каких-либо делегаций. Вместе с сим сообщаю главнокомандующим фронтами, чтобы, в случае появления таких шаек, они немедленно захватывались и предавались на месте же военно-полевому суду. 4 марта 1917. № 1954.

Генерал-адъютант *Алексеев* [1]).

Председателю совета министров кн. Львову, копия военному министру.

Отправлена 4 марта 13 час. 40 мин.

Сообщаю для сведения, что мною разослана всем главнокомандующим фронтами следующая телеграмма: В ответ на мое донесение верховному главнокомандующему о моем указании главнокомандующим фронтами о необходимости незамедлительно объявить по армиям манифест государя императора об отречении от престола и второй манифест великого князя Михаила Александровича мною сейчас получена следующая телеграмма от вел. князя Николая Николаевича: «Ввиду обстоятельств подтверждаю принятое вами решение, вместе с тем повелеваю всем войсковым начальникам от старших до младших внушить и разъяснить чинам армии и флота, что после объявления обоих актов они должны спокойно ожидать изъявления воли русского народа и святой долг их оставаться в повиновении законным начальникам, оберечь родину от грозного врага и своими подвигами поддержать наших союзников в беспримерной борьбе. 4 марта 1917 г. № 4318. Генерал-адъютант *Николай*». Объявляя настоящую телеграмму верховного главнокомандующего, предлагаю его именем немедленно опубликовать и разослать в армии как манифесты об отречении от престола государя императора и великого князя Михаила Александровича, так и настоящую телеграмму верховного главнокомандующего, которую прочитать во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах. 4 марта 1917. № 1949.

Генерал-адъютант *Алексеев* [2]).

Председателю совета министров, копии — председателю Государственной Думы, военному министру.

Получена 5 марта.

Главнокомандующий Северного фронта сообщает на необходимость правительства обратить внимание на крайнюю опасность создавшегося положения, проистекающую из стремления каких-то не-

---

[1]) Пометка: «Читал Кн. Л.»

[2]) Пометки «Читал. Кн. Л.» «Напечатать (зачеркнуто), «опубликовать» (зачеркнуто). Кн. Л».

уловимых элементов создать солдатские организации на фронте, могущие нарушить порядок на фронте. В Выборге власть над гарнизоном крепости в руках солдатских делегатов, и комендант крепости генерал Петров был арестован нижними чинами, теперь выпущен. Попытки стать хозяевами положения замечаются и в Пскове, при чем при столкновении с толпой пал начальник распределительного пункта полковник Самсонов. Дабы иметь возможность продолжать войну и не допустить позора России, необходимо новому правительству проявить свою власть и авторитет и устранить причины начинающейся разрухи. Правительству крайне необходимо срочно вполне определенно и твердо сказать, что армии никто не смеет касаться и что все распоряжения должны производиться через верховного главнокомандующего. Просил военного министра точно так же издать воззвание правительства к армии, что ее основной, как и прежде, долг—сражаться с врагом внешним, свято хранить лучшее достояние армии—ее прочную дисциплину, что все распоряжения будут исходить от правительства, высших начальствующих лиц, что никакие делегации, депутации не имеют права вводить какие-либо перемены в определенные законом нормы войсковой жизни до перемены закона. Убедительно прошу издать воззвание, ибо на него обопрется всякий начальник, всякому будет понятно, что прежде всего его обязанность—честно исполнить свое прямое дело. Нужно спасти войска от развала всеми силами, способами, ибо начало развала будет знаменовать конец борьбы с неприятелем. № 1973.

Генерал *Алексеев* [1]).

Председателю совета министров, копии—председателю Государственной Думы, военному министру.

Получена 5 марта 22 час. 6 мин.

Телеграммой от 5-го сего марта № 1964 я сообщил военному министру, что по заявлениям главнокомандующих фронтами указывается на недопустимость арестов в пределах района театра военных действий военных начальников лицами, именующими себя делегатами Совета Рабочих и Солдатских депутатов, а также городскими общественными комитетами; а также на недопустимость обезоруживания на станциях и в городах находящихся в пределах районов, подчиненных главнокомандующим, чинов жандармской полиции, офицеров и караулов, выставленных для охраны станционных и железнодорожных сооружений. Вполне поддерживая заявление главнокомандующих, я обратился к военному министру за энергичным его содей-

---

[1]) Пометка: «Кокошкину. Исполнено. Кн. Л.» (Кокошкину было поручено составление воззвания к армии.)

ствием в проведении правительством решительных мер, дабы зараза и разложение, начавшиеся в тылу, не перекинулись в действующую армию и не привели ее к полной небоеспособности. Сегодня мною получено повеление от верховного главнокомандующего, что его высочество, вполне соглашаясь с главнокомандующими армиями, заявляет, что если безотлагательно не появится призыв правительства к порядку к войскам, подчиненным военному начальству, в самой категорической и убедительной форме, а также не будет потребовано прекращения всего того, что ныне происходит в тыловых районах армий, то как его высочество, так и главнокомандующие не ручаются за поддержание порядка и дисциплины, следствием чего явится неминуемый проигрыш войны. Каждая минута промедления, в буквальном смысле этого слова, грозит роковой катастрофой. Всякое изменение существующих уставов и военного распорядка в пределах армии помимо верховного главнокомандующего и без его согласия для пользы дела недопустимо. Необходимо правительственное объявление, что никаких делегаций и депутаций им не посылалось и не посылается для переговоров с войсками и что появляющиеся в некоторых местах подобные люди подосланы врагами России с целью внести разруху, так как только при разрухе Россия будет побеждена и порабощена врагом. Что надо верить только тем, которые призывают к порядку и к напряжению всех сил для победы над внешним врагом. К этому я добавляю, что промедление в присылке текста присяги и задержка в приведении к присяге войск поведет к катастрофе. Получаемые со всех сторон сведения указывают, что брожение начинает распространяться в войсках ближайших к тылу. Эти волнения можно объяснить исключительно тем, что для массы простонародия все же непонятно истинное отношение правительства к начальствующим лицам в армии и недоверие, что последние действуют согласно директив и решений нового правительства. Ради спасения армии, а вместе с ней и родины прошу не медлить ни одной минуты. 5 марта 1917 г. № 1977.

Генерал *Алексеев* [1]).

Председателю совета министров, председателю Государственной Думы, военному министру.

Отправлена и получена 6 марта.

Верховный главнокомандующий приказал мне сообщить вам, что считает необходимым, чтобы содержание телеграммы № 1977 было опубликовано, ибо это вразумительнее всего укажет на взгляд правительства, что армию нужно беречь, сохранить неприкосновенным прочно установившийся уклад службы и отношений в войсках до полного окончания войны, когда можно проводить те или иные реформы. Инте-

[1]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»

ресы высшие, по-моему, настоятельно подсказывают соответственность исполнить изложенный взгляд верховного главнокомандующего. № 1989.

Генерал *Алексеев* [1]).

Председателю Государственной Думы, председателю совета министров, военному министру.

Отправлена 6 марта 23 час. 50 м., получена 7 марта 0 ч. 45 м.

По приказанию главнокомандующего Северного фронта мне передан полученный главнокомандующим приказ № 2-й Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Я вынужден вновь просить, чтобы никакие распоряжения общего характера не направлялись непосредственно на фронты, а обязательно через штаб верховного главнокомандующего, так как только верховный главнокомандующий может решать вопросы общего характера, подлежащие объявлению войскам. Я повторяю, что направление распоряжений непосредственно главнокомандующим является недопустимым, вносит дезорганизацию и разруху в дело управления армией. Для армии могут быть обязательны распоряжения лишь правительства, распоряжения же неизвестного, не входящего в состав правительственной власти, Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских депутатов не являются обязательными и объявляться войскам не будут. С грустью должен прибавить, что многочисленные мои представления правительству по аналогичным вопросам остаются без ответа, что деятельность учреждений, не имеющих отношения к армии, развивается, подобные приказы малоуловимыми способами проникают в части действующей армии, грозя разрушить ее нравственную силу и боевую ее пригодность, ставя начальников в невыразимо тяжелое положение ответствовать перед родиной за сохранение нравственной устойчивости вооруженной силы и не иметь способов бороться с потоком распоряжений, подобных приказу № 2. Или нам нужно оказать доверие, или нас нужно заменить другими, которые будут способны вести армию даже при наличии факторов, в корень подтачивающих основы существования благоустроенного войска. № 2015.

Алексеев [2]).

Николай Николаевич Романов был назначен царем на пост верховного главнокомандующего 3 марта (одновременно с ним был назначен председателем совета министров князь Георгий Евгеньевич Львов). Точную дату этого назначения мы находим в приказе начальника штаба верховного главнокомандующего ген.-адъютанта Алексеева от 4 марта 1917 г., за № 343; в этом приказе

---

[1]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»

[2]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»

приводится на-ряду с другими документами (тексты манифестов Николая и Михаила, приказ верховного главнокомандующего Николая Николаевича № 1, от 3 марта, телеграмма самого Алексеева главнокомандующим фронтами от 4 марта, за № 1947) также телеграмма начальника штаба главнокомандующего армиями Северного фронта от 3 марта № 1244-б следующего содержания:

«Его величеством подписаны указы правительствующему сенату о бытии председателем совета министров князю Георгию Евгеньевичу Львову и верховным главнокомандующим—его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу».

Необходимо вспомнить, что отречение Николая II от престола произошло *2 марта в 15 час.*, и таким образом и Львов, и Николай Николаевич были назначены уже лишенным власти царем, не имевшим права совершать какие-либо акты и назначения.

Новый верховный главнокомандующий прекрасно знал это и делал заведомо ложные заявления о том, что назначен он был до отречения. Так, тифлисский городской голова Александр Хатисов, телеграфируя князю Львову о приеме Николаем Николаевичем 4 марта в 2 часа дня (телеграмма Хатисова послана из Тифлиса 4 марта в 20 ч. 41 м., получена 5 марта), между прочим, сообщает:

«Я заявил, что широкие массы населения Тифлиса приветствуют назначение его высочества верховным главнокомандующим, но вместе с тем вызывает много толкований то обстоятельство, что приказ об этом издан государем, а не временным правительством, в то время, когда государь отрекся от престола. Верховный главнокомандующий на это сказал, что назначение последовало до отречения государя от престола, и что вслед за этим временное правительство санкционировало это назначение, о чем председатель совета министров князь Львов уже уведомил великого князя и вошел с ним в непрерывные сношения».

Таким образом, объяснение Николаем Николаевичем обстоятельств, при которых он был назначен верховным главнокомандующим, состоит, как мы видим, из двух частей: «Назначение последовало до отречения», и второе—оно было санкционировано временным правительством. Первая часть — заведомая и откровенная ложь, что же касается второй, то, хотя и не имеется точных документов, подтверждающих истинность этого заявления, оно не представляется все же абсолютно ложным. Характер действий великого князя в первую половину марта, когда он числился верховным главнокомандующим, его переписка с временным правительством, сношения, сплошь конспиративного характера, последнего с Николаем Николаевичем заставляют предполагать не только правительственную санкцию, но и больше,—желание со стороны временного правительства во что бы то ни стало удержать, вопреки ясно выраженной воле рабочих и солдат, ненавистного члена ненавистной династии на посту верховного главнокомандующего.

Николай Николаевич впервые после революции заявил себя в телеграмме на имя Родзянки (послана из Тифлиса *2 марта в 12 час. 47 мин. пополудни*, см. № 6 (от 2-го марта) «Известия Комитета Петроградских журналистов»). В ней великий князь сообщает, что в согласии с мнением генерал-адъютанта Алексеева он обратился к царю «с верноподданнической мольбой ради спасения России и победоносного окончания войны» отречься от престола (в телеграмме с целомудренной иносказательностью говорится—«принять решение, признаваемое вами (Родзянкой) единственным выходом при создавшихся роковых условиях»).

Затем следуют его, как верховного главнокомандующего, приказы армии и флоту: приказ № 1, от 3 марта (его мы находим в вышеупомянутом приказе Алексеева за № 343), и телеграмма от 4 марта за № 4318 Алексееву, распубликованная последним в том же приказе (см. эту телеграмму в телеграмме Алексеева Львову от 4 марта 13 ч. 40 м.).

Приказ № 1, составленный тотчас же после назначения Николая Николаевича верховным главнокомандующим, еще тогда, когда об отречении Михаила он

не знал, не был опубликован в газетах. Между тем приказ этот важен и сам сам по себе, и по сопоставлению его с неофициальными выступлениями того же великого князя: «Волею монаршею,—говорится в приказе,—по неисповедимым путям господним, я назначен верховным главнокомандующим. Осенив себя крестным знаменем, горячо молю бога явить мне свою всесильную помощь. Твердо верю, что на благо родины, он, всемогущий и всемилостивейший, услышит молитву мою. Глубоко проникнут сознанием, что только при всесильной помощи божьей получу силы и разум вести вас к окончательной победе. Что касается вас, чудо-богатыри, сверхдоблестные витязи земли русской, то знаю, как много вы готовы отдать на благо России и престола. Вам только нужна помощь божия. Веруйте же едино со мной, что бог нам поможет. Знайте, что Россия, в сознании, что для достижения окончательной победы нужна дружная, самоотверженная работа всех ее сынов в тылу, своим достоинством и спокойствием явит всему миру все величие русского духа и непоколебимую силу нашей великой родины.

Генерал-адъютант *Николай.*»

Таков приказ. Что же касается телеграммы от 4 марта № 4318 (она была помещена в № 1 (5 марта) «Вестника временного правительства» без даты и под неверным заголовком «Приказ главнокомандующего кавказской армией»), то в ней, выведенный из «божественной» колеи сообщением об отречении Михаила, верховный главнокомандующий уже решительно «повелевает» «внушить и разъяснить чинам армии и флота», что они должны «спокойно ожидать изъявления воли русского народа», «оставаться в повиновении законным начальникам» и проч.

Этими приказами начинается краткая, но кипучая деятельность Николая Николаевича, продолжающаяся вплоть до отъезда его из Тифлиса 6 марта. Направляется эта деятельность по двум путям,—организации общественного мнения в Тифлисе и подготовки условий для захвата власти на фронте и в тылу.

Обработка общественного мнения выражается в приемах различных делегаций, с торжественными речами великого князя, и завершается инсценировкой «народных проводов» при отъезде его из Тифлиса в ставку. На вокзале он произносит заключительную речь к провожающему «народу», начиная ее с обычных для его речей призывов к «спокойной работе в тылу, как залогу победы», надеждой, что «нынешние события скоро завершатся к общему благу нашего дорогого отечества», и оканчивая лицемерным обещанием после войны отстраниться от всякой деятельности. «После войны,—закончил он свою речь (см. «Вестник временного правительства» № 4, 9 марта),—позвольте мне, как маленькому помещику, вернуться в имение».

Приводимые нами телеграммы Николая Николаевича и дополняющие их телеграммы Алексеева рисуют другую сторону деятельности «маленького помещика». В этих телеграммах с исчерпывающей определенностью и во всю ширину развертываются замыслы великого князя по обузданию революции, реставрации старого режима, в них нисколько не скрывается намерение захватить выпавшую из рук племянника власть, не только военную, но и гражданскую.

Телеграммы эти, прежде всего, обращают внимание своим тоном. Верховный главнокомандующий в своих откровенных, подчас интимных посланиях обращается к главе революционного правительства, как может только обращаться союзник к союзнику. Ни откровенные его проекты, ни тон его посланий не коробит временного правительства,—оно не считает нужным выступить с немедленной защитой революции от контр-революционных замыслов своего верховного главнокомандующего и начальника его штаба, во многом оно идет навстречу желаниям авторов телеграмм, вступает с ними в какие-то конспиративные сношения. Так,

в деле № 2 канцелярии временного правительства о распоряжениях, касающихся царской семьи, министерства двора и уделов и других придворных установлений, мы находим какие-то туманные следы этой конспирации. На одном из листов этого дела, на бланке телеграммы, имеется запись чернилами: «9 марта 1917 г. № 9. Пакет великому князю Николаю Николаевичу с бумагою неизвестного содержания», и на следующем листе запись карандашом — «Надо законвертовать и дать мне срочно сейчас же. Кн. Львов», и тут же пометка чернилами: «Исполнено 9 III № 9».

Однако и помимо этой конспирации об отношении временного правительства к верховному главнокомандующему можно судить по тексту самих телеграмм, по тем пометкам, которые делались на них князем Львовым. Глава «революционного» правительства получал в высшей степени ответственные телеграммы и ограничивался тем, что делал на них однообразные пометки «читал», затем телеграммы эти куда-то запрятывались, в большинстве случаев не шли по определенным делам, ни они, ни решения по ним не объявлялись. Из всех телеграмм Николая Николаевича и ген. Алексеева были опубликованы только две. В № 3 «Вестника временного правительства» от 8 марта появилась телеграмма Николая Николаевича от 4 марта, за № 978 (она для полноты приводится нами). Временное правительство, публикуя эту телеграмму, очевидно, преследовало те же цели—нащупать почву относительно возможности оставления у власти членов династии, как и известное выступление Милюкова о регентстве Михаила при царе Алексее. Но, как и тогда, в широких кругах рабочих и солдат это выступление в защиту династии вызвало единодушный и резкий протест. Временное правительство телеграмм великого князя печатать более не решилось, но, как мы видели, отношений с ним не прекратило. Другая телеграмма, циркулярная генерала Алексеева (от 4 марта, № 10621), была опубликована уже помимо воли временного правительства. Она появилась в № 4 «Правды» и, конечно, еще более обострила вопрос и о великом князе, и о ген. Алексееве. Можно без преувеличения сказать, что благодаря опубликованию этой телеграммы, вопрос о контр-революционной работе высшего командного состава был извлечен из недр правительственных канцелярий и поставлен резко и определенно (телеграмма эта также приводится нами).

Необходимо заметить, что и само временное правительство в полном составе не всегда ставилось в курс переписки. В журналах временного правительства мы видим, что только одна телеграмма Николая Николаевича была доложена полному его составу. Так, 5 марта (см. журнал заседания № 5 п. II) временным правительством была з а с л у ш а н а: телеграмма великого князя Николая Николаевича об устройстве управления на Кавказе в связи с назначением его верховным главнокомандующим (речь идет, очевидно, о приводимой телеграмме от 3 марта, № 975) и п о с т а н о в л е н о: «Отложить решение вопроса до личных переговоров в ставке верховного главнокомандующего министра-председателя с великим князем, о чем послать великому князю телеграмму».

Это уклончивое решение лишний раз подтверждает нежелание временного правительства расстаться с великим князем, и, если в конце концов сделать это ему все же пришлось, то, конечно, решающее значение здесь имела боязнь вызвать волнение широких масс рабочих и солдат. Однако, не издавая указа об отстранении Николая Николаевича от верховного главнокомандования, назначая в р е м е н н ы х исполняющих должности верховного главнокомандующего (ген. Алексеева) и главнокомандующего кавказской армией (ген. Юденича [1]), временное правительство как бы оставляет возможность возвращения к власти великого князя.

---

[1]) В № 7 (12 марта) «Вестника временного правительства» было объявлено: «Во временное верховное главнокомандование войсками действующей армии до назначения верх. главнокомандующего на место вел. кн. Николая Николаевича вступил ген. Алексеев.—Тогда же был назначен и Юденич командующим отдельной кавказской армией.

6 марта, как говорилось, Николай Николаевич выехал в ставку, о чем он сам телеграфно сообщил Львову; об его отъезде послал телеграмму и Алексеев Львову, Гучкову и Родзянке:

«Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич выезжает из Тифлиса в ставку сегодня, 6 марта в 17 час. № 1995. *Алексеев*».

Длительные переговоры в ставке закончились принятием, вероятно, 11-го или 12-го марта присяги Николаем Николаевичем «на верность отечеству и новому государственному строю» и заявлением его о выполнении своего долга до конца, «как мне повелевает совесть и принятые обязательства» (см. «Вестник временного правительства», № 8, от 14 марта). 13 марта Львов сообщает Алексееву: «Члены Государственной Думы Черносвитов и Чистов завтра 14-го выезжают отсюда в 6 ч. 12 м. вечера для сопровождения вел. кн. Николая Николаевича. Сегодня не поспели».

В сопровождении думского почетного караула «маленький помещик» покинул, наконец, политическую арену и, к счастью, навсегда.

II.

Записка ген. М. В. Алексеева временному правительству.

Секретно.

Вр. исп. должн. верховного главнокомандующего. 14 марта 1917 г. № 2237. Ставка. Председателю совета министров князю Г. Е. Львову.

Милостивый государь, князь Георгий Евгеньевич.

Препровождаю для сведения сводку сообщений главнокомандующих фронтами и командующих кавказской армией и флотами Балтийского и Черного морей по вопросу о том, какое впечатление на войска произвел переход к новому государственному строю и последние события.

На северном фронте происшедшая перемена и отречение государя от престола приняты сдержанно и спокойно.

Многие к отречению императора Николая II и к отказу от престола вел. кн. Михаила Александровича отнеслись с грустью и сожалением.

По некоторым данным можно судить, что многим солдатам манифесты были непонятны и они еще не успели разобраться в наступивших событиях.

Во 2-м Сибирском корпусе 12-й армии возбужден целый ряд вопросов относительно могущих произойти последствий. Были некоторые голоса, что без царя нельзя обойтись и надо скорее выбирать государя, что евреев нельзя иметь офицерами, что необходимо наделить крестьян землей при помощи Крестьянского поземельного банка.

В 5-й армии наступившие события некоторыми солдатами рассматривались, как конец войны, другими—как улучшение своего питания, а частью—безразлично.

Во всех армиях фронта многие солдаты искренно возмущались заявлениями Совета Рабочих и Солдатских депутатов о республике, как желании народа, и говорили: почему же нас об этом не спрашивают? То же высказывали и некоторые жители.

Среди офицеров выясняется недовольство, возмущение и опасение, что какая-то самозванная кучка политиканов, изображающая собой Совет Рабочих и Солдатских депутатов, не получившая никаких полномочий ни от народа, ни от армий, действует захватным порядком от имени страны, мешается в распоряжения временного правительства и даже действует и издает вопреки ему распоряжения.

Особенно волнуют попытки Совета вмешаться в отношения между солдатами и офицерами и регулировать их помимо существующих неотмененных законов и законного войскового начальства.

Высказываются пожелания устранить Совет Рабочих и Солдатских депутатов от вмешательства в дело управления государством, так как это крайняя политическая партия, а не полномочные представители народа или армии, которую и нужно поставить на соответствующее место.

Также замечается недовольство выделением петроградского гарнизона в какую-то привилегированную часть армии и высказывается пожелание, чтобы войска этого гарнизона были отправлены также на фронт. В их стремлении остаться в Петрограде усматривается уклонение под благовидным предлогом от исполнения гражданского долга защиты России.

По мнению войск боевой линии, заслуга по образованию нового строя принадлежит не петроградскому гарнизону, а избранникам народа—членам Государственной Думы, народу и всей армии, которая весьма сочувственно отнеслась ко всему происшедшему.

От нового правительства ждут улучшения условий жизни и установления порядка.

На Западном фронте акт об отречении был принят спокойно, серьезно, многими с сожалением и огорчением.

На-ряду с этим перемена строя у многих связана с верой в восстановление порядка. Солдатами новый порядок приветствуется в уверенности, что продовольственная разруха будет устранена и оставшиеся семьи будут наделены пайком в мере действительной потребности.

Выражалась уверенность в прекращении немецкого засилия.

В 9, 10 и сводном корпусах 2-й армии манифест встречен отчасти с удивлением и с сожалением государя.

Многие, видимо, были поражены неожиданностью и той быстротой, с которой к нам подошли настоящие события.

В сибирской казачьей дивизии сводного корпуса манифесты произвели удручающее впечатление.

Некоторыми выражалась надежда, что государь не оставит своего народа и армии и вернется к ним.

Для части солдат это впечатление смягчалось тем, что император Николай II преемником себе назначил великого князя Михаила Александровича, и что в России еще не республика, относительно которой высказывались отрицательно.

Однако самый переход к новой власти казаками сибирской казачьей дивизии принят с полной покорностью.

К допущенным в дни перелома эксцессам толпы к офицерам, имевшим место в Петрограде, Москве и других городах, отношение отрицательное и в офицерской среде толкуется, как пагубное для армии и России желание, клонящееся к разложению армии и вреду страны.

Настроение войск бодрое. Преобладает сознание необходимости довести войну до победоносного конца, для чего необходимы полное спокойствие на фронте и усиленная работа тыла.

На Юго-Западном фронте объявление манифеста встречено спокойно, с сознанием важности переживаемого момента и чувством удовлетворения и веры в новое правительство.

Местами в офицерской среде высказываются сомнения, что новой власти не удастся сдержать крайние революционные элементы.

На Румынском фронте происшедшие перемены войсками приняты спокойно.

Отречение императора Николая II на офицеров 9-й армии произвело тягостное впечатление.

В 4-й армии большинство преклоняется перед высоким патриотизмом и самопожертвованием государя, выразившимся в акте отречения. Здесь же манифест в. кн. Михаила Александровича встречен с недоумением и вызвал массу толков и даже тревогу за будущий образ правления.

Более нервное отношение к событиям чувствуется в 3-м кавалерийском корпусе, где передачу престола великому князю Михаилу Александровичу склонны понимать, как вручение регентства до совершеннолетия великого князя Алексея Николаевича, которого считают законным наследником.

В кавказской армии к перемене строя войска отнеслись спокойно.

В Балтийском флоте переход к новому строю принят восторженно.

В Черноморском флоте последние события встречены спокойно и с пониманием важности переживаемого момента. Работы не прекращались и не прекращаются.

Назначение великого князя Николая Николаевича верховным главнокомандующим на всех фронтах было принято сочувственно и даже с радостью. У многих принятие им верховного командования связывалось с надеждой на более скорый и победоносный конец войны.

Лишь в 5-й армии Северного фронта ставились вопросы о том, по какому праву и чьим распоряжением вел. князь Николай Николаевич занял пост верховного главнокомандующего.

В заключение считаю необходимым указать, что население в тылу Северного фронта, особенно в местечках, опасается погрома, и к главнокомандующему этим фронтом уже начали поступать ходатайства о присылке войск для охраны безопасности жителей.

Примите уверение в совершенном уважении и полной преданности.

Мих. Алексеев.

Значение печатаемой записки генерала М. В. Алексеева обусловливается неофициально объявленной автором ее темой: отражение революции на фронте. Едва ли главнокомандующие фронтами, командующие кавказской армией и флотами Балтийского и Черного морей, на основании донесений которых составлял свою записку Алексеев, если бы даже и пожелали быть объективными и добросовестными, могли сообщить сколько-нибудь ценные данные по вопросу о том, как была принята революция тем многоголовым солдатским миром, который — хотя они и жили бок-о-бок—был им, как и они ему, чужд, далек и заведомо враждебен. Поэтому нет ничего удивительного в лаконичности, туманности тех характеристик, в которых дается оценка того или иного фронта. Центр тяжести записки Алексеева, конечно, не в этих ничего не говорящих замечаниях,—в них по существу начинается и заканчивается официальная тема его доклада,—значение записки в том, что она в скрытой, иносказательной форме представляет собою совершенно точную, определенную, разработанную по всем текущим вопросам политическую программу высшего командного состава, программу, которую этот командный состав не только доводил до сведения временного правительства,

но и готов был, очевидно, если судить по откровенному и боевому тону записки, поддерживать до конца.

В записке, конечно, открыто не фигурируют те, от имени которых предлагается программа,— они скрыты под легко расшифруемыми псевдонимами; но как бы ни называли себя авторы, лицо командного состава выглядывает из каждой строки их записки. Что же они хотят, каково же политическое credo тех, коим надлежало руководить революционной армией?

Прежде всего, по вопросу о революции и о низложенном самодержавии. Отношение к революции совершенно определенно выявляется в записке хотя бы из одного того, что самое слово «революция» в ней ни разу не употребляется; нигде авторы не обмолвились ненавистным для них словом,—конечно, не случайно, ибо они в происшедшем сознательно не хотели видеть революцию. Смысл событий оценивался, как отречение царя и назначенного им преемника. На этом отречении, как и на самом царе автор останавливается утомительно долго. Если кому и принадлежала заслуга по образованию нового строя, по мнению записки, так это— «избранникам народа—членам Государственной Думы, а остальные: народ и вся армия, только «весьма сочувственно отнеслись ко всему происшедшему». Да и то, отмечает записка, это «сочувствие» было весьма кратковременным. Искреннее раскаяние, в первую очередь, несомненно, самого Алексеева, очевидно, считавшего себя одним из виновников отречения, чувствуется в словах о том, как «многие были поражены неожиданностью и той быстротой, с которой к нам подошли события». «Неожиданность» прошла, наступило отрезвление и, вспоминая об отречении с «грустью», «сожалением», «огорчением», преклоняясь перед отрекшимся за его «патриотизм и самопожертвование, выразившееся в акте отречения», Алексеевы в «тревоге» за будущий образ правления, негодуют на Михаила за его «отказ», ищут «законного наследника» в лице Алексея, надеются даже на возвращение отрекшегося царя, требуют немедленного избрания нового, ужасаются при мысли о возможности республики.

Этот вопрос—вопрос основной политической программы командного состава, и из него вытекают все другие. Программа точно указывает, что должно и что может сделать временное правительство.

Временное правительство должно: 1. «Устранить», «поставить на соответствующее место» Советы Рабочих и Солдатских депутатов и вообще сдержать крайние революционные элементы. 2. Раскассировать, отправить на фронт петроградский гарнизон. 3. Довести войну до победоносного конца и бороться с немецким засильем. 4. Сохранить старый строй отношений между офицерами и солдатами, регулируемый «существующими неотмененными законами и законным войсковым начальством», и не допускать евреев в офицерскую среду.

Временное правительство может: 1. Наделить крестьян землей «при помощи Крестьянского поземельного банка», другими словами, назначив за землю выкуп. 2. Улучшить солдатское питание и паек солдатским семьям «в мере действительной потребности».

Временное правительство получило политическую программу командного состава, сам министр-председатель написал на ней «читал», но дальнейшего хода ей не было дано и ответа со стороны временного правительства не последовало. Впрочем, быть может, надлежит считать ответом последовавшее через две недели (1 апреля) после написания Алексеевым записки назначение его временным правительством верховным главнокомандующим и тот благодарственный «рескрипт», который, по предложению министра-председателя кн. Львова, был дан ему временным правительством при оставлении должности верховного главнокомандующего 24 мая. Заключительные слова этого «рескрипта» о том, что генерал Алексеев, как надеется временное правительство, и впредь будет «попрежнему словом и делом способствовать укреплению мощи свободной России», могли бы служить прекрасным эпиграфом к его записке.

Записка ген. М. В. Алексеева М. В. Родзянко [1]).

Смоленск, 25 июля 1917 г.

Милостивый Государь Михаил Владимирович!

Дела России, нашей родины, о которой (заботятся) вершители наших судеб, ответственные, а главным образом, безответственные,— с каждым днем становятся тяжелее и безотраднее. Нехорошо на фронте : стратегическая обстановка на нашем юге может подарить нас тяжкими для самолюбия и для коренных губерний сюрпризами. Плохо в войсковом тылу, где народ кормит не один миллион ничего не делающих и часто безобразничающих бездельников. Безотрадно в общегосударственном тылу, где нет власти, где нет ответственных работников, могущих подняться выше интересов своей партии и окинуть беспристрастным, беспартийным и талантливым взором нужды, желания, чаяния многострадальной России, народа русского в целом, а не одного излюбленного и притом развращенного класса.

16 июля состоялось совещание в Могилеве. Позвольте вам перечислить те меры, на немедленном осуществлении которых настаивали все военные представители совещания. Только эти меры позволят в течение месяцев трех оздоровить больной организм армии, вернее выразиться,—создать кое-какую армию, способную вести бой, так как в данную минуту у нас армии нет. Есть отдельные части, сохранившие верность долгу; есть офицеры и небольшое число солдат, готовых гибнуть и жертвовать собою, но нет массы, спаянной дисциплиною, верою в начальников, желанием боя и победы, способностью проявить мужество и упорство.

Вот эти меры:

1) Временное правительство должно признать свою вину и ошибку в оценке офицерского состава армии, униженного, оскорбленного, сознательно, умышленно лишенного власти и значения. Признать ошибку потому, что именно это главным образом сгубило армию.

2) Признать, что деятели Петрограда не знают армии, а потому должны прекратить военное законодательство и передать это дело в опытные руки верховного главнокомандующего.

3) Изгнать из армии всякую политику, уничтожить право митингов, ибо вся армия обратилась в митингующую бесконечно толпу. В митингах утонули здравый смысл, честь, верность русского солдата.

4) Уничтожить декларацию прав солдата, с слишком легким сердцем принятую и подписанную Керенским.

5) Уничтожить войсковые комитеты и комиссаров, которых Керенский считает «глазами и ушами временного правительства». Эти

---

[1]) Архив Окт. Революции. Ф. III. Опись № 2. Дело № 64. 1917 г.

два института смели бесследно власть войсковых начальников всех степеней и породили самое опасное для всякой армии многовластие, многоголовие.

6) Потому скорее восстановить единоличную власть и ответственность начальников. Вернуть то доверие свыше, без которого старший, ответственный начальник не может отдать все силы духа и ума на выполнение боевой задачи; нельзя допускать, чтобы начальника смущали торчащие сзади «глаза и уши» человека, часто не имеющего никакого понятия о военном деле, но желающего во все вмешиваться и, кроме «глаз и ушей», совать всюду и свой «нос».

7) Возродить настоящую дисциплину. Для этого учредить военно-полевые (почему-то и их потребовалось назвать военно-революционными) суды и смертную казнь не только на фронте, но и во всем тылу, ибо прибывающие укомплектования развращены и распущены в такой мере, что появление каждой новой партии укомплектования сразу уничтожает в полку всю работу, которую удалось провести начальникам, не взирая на убийственные условия для такой работы.

8) Создать теперь же отборные части для воздействия на массу в бою, имея их в качестве резерва, и для удержания порядка при демобилизации. (Лично считаю большой ошибкой генерала Брусилова и других начальников, что бесполезно погубили лучших людей и массу офицеров, пустив ударные батальоны вперед; за ними никто не пошел. Ударные батальоны должны были составить резерв и гнать перед собою малодушных, забывших совесть.)

Лично от себя я добавил: 9) Не менять, как капризная и богатая женщина бросает перчатки, начальников; гоните слабых, не оказавшихся на высоте своего назначения в бою, но не гоните по тайным, мутным аттестациям, как сделал это Гучков. Он надломил состав начальников, мечтая вызвать в армии взрыв энтузиазма массовым изгнанием. 10) Вернуть в армию тех честных, твердых служак, которые в последние месяцы были выжиты из частей развращенною солдатскою массою.

Требования Корнилова вам известны из газет. Когда на совещании после короткого перечня мер ген. Рузский предложил перейти к подробному рассмотрению и разработке каждой в отдельности, Керенский ответил, что это не входит в задачи совещания, которое должно лишь высказать свое мнение, а разработка мер принадлежит Петрограду, что при разработке не должны быть затронуты те начала, которые завоеваны для армии революцией (?!). При дальнейшем настоянии военных представителей Керенский выразился, что он готов оставить пост военного министра, подписав какой угодно приказ, но убежден, что если сегодня дойдет до массы приказ, утверждающий намеченные меры, то завтра же начнется резня офицеров и командного состава (?).

И вот сегодня, когда я пишу вам это письмо, миновало 10 суток со времени совещания, а никаких мер, даже самых мягких, для оздо-

ровления армии не принято, не объявлено. Между тем потеря каждого дня невознаградима. 20 июля я отправил об этом письмо г. Керенскому; высказал там и убеждение, что не следует опасаться возможности насилия со стороны солдат. Во-первых, этих насилий и без того много, а во-вторых, «смелость сделает свое благотворное дело, и я не разделяю высказанных на совещании опасений. События в Петрограде 3—5 июля наглядно показали, что чем глубже нравственное падение толпы, тем более труслива она и тем легче пасует перед решимостью и смелостью. Быть может, где-либо и произойдут эксцессы. Их можно и нужно задавить жестокою рукою. Это сохранит нам для последующего сотни и тысячи жизней и устранит возможность повторения бунтов».

Конечно, мой голос теперь не может иметь большого влияния, хотя я и счел долгом возвысить его не только на совещании, но и особым письмом.

Грустно то, что и голос генерала Корнилова, звучащий, казалось бы, тверже и настойчивее, потому что за ним уже разразившаяся катастрофа на фронте, которой я не имел еще перед уходом из Могилева, тоже пока не будит от сладкого сна наших вершителей судеб. Чего же они ждут? Быть может, об этом спросит комитет Гос. Думы; быть может, начнет требовать отчета та часть русского народа, которая еще не погрязла в партийной борьбе, в социалистических бреднях, заслонивших собою «Россию и родину». Нужно установить определенно, что нервные объезды и речи положительно никакой пользы не приносят. Вот отзыв одного строевого офицера полка, удостоенного речью Керенского. «Это опереточный пуф! Солдатская темная масса не знала и не знает Керенского». Прибавлю, как не будет знать каждого, кто приедет к ней со словами и речами, но без власти, силы и кулака.

Еще одно дело. Припомните, сколько разврата внесли громкие проповеди, мерзкие дела Ленина, Зиновьева, Троцкого, Луначарского, Каменева, Коллонтай и пр. Эти негодяи были неприкосновенны. Призывы к бунту на словах и в печати, захват чужой собственности... не вменялись в вину. «Боритесь с ними словом»!.. пока те *не совершили* преступного деяния (как будто не совершали!). Вот что значит быть под покровительством «комитета преступления», т.-е. Совета Раб. и Солд. депутатов.

Зато с какою легкостью и с какой постыдною внешнею обстановкою арестуют генерала Гурко, всю жизнь свою отдавшего на служение родине. Дело не стало за ордером Керенского. Одного письма (!) оказалось достаточным для такого шага. А деятельность, а служба? Что за дело... было письмо.

Или мелкая трусость людей везде и во всем усматривающих грозный призрак «контр-революции», или,—извините,—мелкая месть человеку, который пришелся не по душе и которого безнаказанно, пользуясь властью, можно запятнать перед Россией. Я склонен ду-

мать, что личное нерасположение сыграло в этом деле бо́льшую роль, чем что-либо другое.

Не то ли же побуждение свергло Брусилова? В армии хорошо знали сильные и слабые его стороны; его способность теряться в тяжелые, критические минуты. Командный и офицерский составы без доверия встретили в мае его назначение. Быть может, прорыв на Тарнопольском направлении не без порядочного греха в смысле управления. Но для всех это была только нравственного порядка катастрофа,— безудержное бегство развращенной законами последних 4-х месяцев армии. За что же так неделикатно убрали ген. Брусилова? И мне казалось, что здесь обиженное самолюбие решило вопрос, а объяснение Брусилова в «Русском Слове» только подтвердили это.

Располагали мы министром, которому приписывают участие в событии Фонарного переулка. Теперь военное министерство обзавелось «управляющим», краткая автобиография которого, отпечатанная в штабе VII армии, говорит о великих заслугах настоящего главы и представителя армии: убийство Плеве, Мина, вел. кн. Сергея, организация других убийств. Неужели кровь убитого на большой дороге и кровь убитого по политическим побуждениям не одинаково марает руку убийцы? Впрочем, я сильно отстал и психологию деятелей нашей революции постичь не могу.

Прошу принять уверение в моем глубоком уважении и преданности.

Мих. Алексеев.

P. S. На частном заседании комитета Государственной Думы было высказано мнение, что преступный приказ № 1 Совета Р. и С. Д. был издан скорее бессознательно, чем с намерением сделать вред. 4 мая на том заседании в Мариинском дворце, на начале которого вы присутствовали, на мое заявление, что приказ этот положил прочное начало разврату армии, на мое настояние работать по восстановлению армии тех, кто ее развратил, возражал Церетели. Он отверг вину Совета, ибо «приказ № 1 отвечал моменту». Следовательно, еще 4 мая деятели Совета убежденно считали, что развращение армии было им нужно для потребностей «момента». Это выражение станет впоследствии историческим, как равносильное другому изречению: «после нас хоть потоп». Как кажется, мысль, что приказ сознательно преследовал определенные цели, подтверждена громко и в Стокгольме.

М. Алексеев.

Из переписки Николая I в декабре 1825 года.

В августе 1923 года во II отделение Госархива РСФСР поступили документы из усадьбы «Вяземы», Звенигородского уезда, Московской губернии, принадлежавшей начальнику императорской охоты при дворе Николая II, кн. Дмитрию Борисовичу Голицыну. Среди этих документов оказались подлинные письма Николая I к деду владельца усадьбы, московскому военному генерал-губернатору кн. Дмитрию Владимировичу Голицыну (р. 1794 г., ум. 1844), черновики писем кн. Голицына к Николаю I и некоторые другие документы николаевской эпохи. Из этих документов здесь печатаются те, которые имеют отношение к событиям 14 декабря 1825 года. К ним присоединена записочка Николая I к военному министру А. И. Татищеву, имеющая отношение к письмам Николая к Д. В. Голицыну; записка эта хранится в делах Следственной Комиссии по заговору декабристов в папке за № 466. Не внося каких-либо существенно новых данных в историю декабрьского восстания, публикуемые документы лишний раз и достаточно ярко рисуют Николая I, ставшего в дни декабря 1825 г. сыщиком и следователем, настойчиво выслеживающим нити и разветвления тайного общества. Письма печатаются в современной (новой) орфографии, исправлена пунктуация, раскрыты некоторые сокращения слов.

Ред.

1.

Князь Дмитрий Владимирович!

По документам, которые вам представлены будут фельдъегерем, к вам мною посылаемым, вы не оставите, приняв нужные меры предосторожности, приступить к распечатанию пакета, хранящегося в Успенском соборе, и, по открытию оного, приступить немедленно со всем приличным торжеством к отданию мне присяги. Поручаю вам объявить волю мою графу Петру Александровичу для исполнения того же по корпусу, ему вверенному; и на вас полагаюсь совершенно, чтобы присяга вся была истинная, безмятежная, и избавить первопрестольную мою столицу от всяких беспокойств, которым к несчастию здесь я помешать не мог, и не иначе прекратить мог, как силой оружия. Первою жертвою пал верный мне друг граф Милорадович; он положил живот за своего государя. Вечная ему честь и слава неизбвенная, но для меня вечная печаль. Я вступил на престол, начав пролитием крови моих подданных. Но смиряюсь пред богом и прошу всевышнего, да отвратит от меня и государства навсегда подобные гибельные происшествия.

Если бы дошли до вас нелепые слухи, то вам поручаю объявить всенародно, что я и весь императорский дом совершенно здоровы, а что любовь народа, мне доказанная, и приверженность моей гвардии меня утешают в тяжкой моей скорби.

Не оставьте меня с нарочным уведомить обо всем, что при сем случае происходить будет.

Вам доброжелательный

Николай.

Гва[дии] пол[овника] Муравьева (Никиту) прошу непременно мне доставить, жива или мертва, прямо ко мне.

С.-Петербург. 15-го декабря 1825.

2.

Граф Комаровский, которого в столицу посылаю, уведомит изустно о подробностях вчерашнего и сегодняшнего дней. Теперь все спокойно, и моя добрая гвардия покрыла себя новой славой. Главных зачинщиков почти всех я имею в своих руках—и надеюсь, что и прочие найдутся. Войск малая часть, которая завлечена была, сама не знает как, в сей мятеж, почти вся или в плену, или присягнула мне, и я уже один б[атальон] сам смотрел. Нужно вам, любезный князь, усугубить старания перехватить некоего П у щ и н а, из Москвы пр бывшего, и который, быв в шайке, скрылся; он первейш й злодей из всех, и если удалось ему уехать к вам, то, верно, не без намерений.

Еще повторяю, на вас полагаюсь совершенно и пребываю вам искренно доброжелательным

Николай.

St.-Petersbourg. Le 15-e Décembre 1825.

3.

Сейчас слышу от приезжих из Москвы, что кавалергардский С в и с т у н о в встречен по Московской дороге, куда выехал отсюда в воскресенье, т.-е. 13 числа рано поутру.

Я сч таю нужным, чтоб вы сейчас написали от меня князю Голи цыну, чтоб по прибытии в М о с к в у он его арестовал и сейчас сюда доставил со всеми его бумагами.

И уведомить тут же, что исканный П у щ и н здесь взят.

Н.

4.

Хотя и не получал еще, князь Дмитрий Владимирович, донесения вашего насчет происшествий в Москве по объявлении манифеста 12-го декабря, но уповаю, что бог помог вам хотя другую мою столицу

избавить от пагубного зрелища беспорядков, омрачивших 14-го числа торжественное объявление восшествия моего на престол. Последствия сего были те, что по показанию схваченных зачинщиков многие открыли всю связь сего неслыханного замысла, имеющего глубокие и пространные отрасли; но с помощию божиею надеюсь дойти до того, чтоб избавить подозрения невинных, но вместе и изобличить виновных.

Из подозреваемых лиц, отчасти же явно участниками замыслов доказанных, многие у вас в столице. Военный министр вам о большей части уже сообщил. В числе их есть г.-м. Михайло Орлов; надо его арестовать, но вместе поручаю вам вручить ему прилагаемое письмо, и надеюсь, что он не только совершенно себя оправдает, но даже поможет отыскать прочих ему, может быть, известных участников.

Он был всегда благородных чувств, и в этом случае я почти за него поручаюсь.

По рапортам проезжающих видел я, что в столице находится отставной кавалергардский ротмистр, ныне же полковник, Поливанов и какой-то отставной же к[авалергард] граф Толстой. Первый явно изобличен; его надо арестовать и так, как и Орлова, прислать сюда секретно; за Толстым же присматривать.

Государь покойный весьма подозревал кн. Вяземского, как человека превратных мыслей; за ним прошу велеть строго наблюдать, сб нем и Рушковскому не оставьте приказать. Есть и Барятинский, но чина его не знаю, который также весьма сомнителен; если его отыскать можно или уже вам известен, то не мешало бы и за ним велеть наблюдать.

Здесь все покуда тихо, но умы неспокойны, а народ испуган и в изумлении, которое, надеюсь, скоро пройдет; Москва, надеюсь, будет в том примером и лекарством.

Графу Петру Александровичу мой поклон.

Вам искренно доброжелательный

Николай.

С.-Петербург. 20-го декабря 1825.

5.

Ваше величество!

Я имел счастье получить письмо, которое ваше величество были добры мне написать. Спешу донести вам через офицера, коему поручено сопровождать г.-м. Орлова в С.-Петербург, что приказан я вашего величества выполнены. Он был очень тронут милостивыми словами, написанными ему вашим величеством. Он неоднократно уверял меня, что никогда не участвовал ни в одном из гнусных заговоров, учиняемых негодяями и достойными сожаления молодыми людьми, которые допустили сбить себя с толку идеями разрушения суще-

ствующего строя и столь сильно провинились против своего монарха. Что касается лично его, то он считает себя жертвой составившегося о нем мнения.

Зная его характер, можно верить правдивости его слов; а за эти три-четыре месяца, что он находится в Москве, он не дал повода ни к каким подозрениям, что я могу удостоверить, так как я распорядился установить за ним здесь наблюдение, ввиду того, что прежнее его поведение давало администрации право на такой надзор. Ваше величество упоминаете в своем письме о некоем гр. Толстом, князе Вяземском и Барятинском. Спешу довести до вашего сведения, что за первыми двумя наблюдение будет установлено, вернее, они останутся под наблюдением; что касается третьего, то я еще не знаю точно, кого ваше величество имеете в виду, так как у нас имеется несколько лиц, носящих эту фамилию: идет ли речь о кн. Барятинском или это Баратынский. Тем не менее я приказал представить мне список всех лиц, носящих эту фамилию, а также сведения об их поведении.

Граф Толстой — старый негодник (un vieux mauvais sujet), способный придерживаться всяческих скверных идей, однако он слишком презираем, и привержен даже, как говорят, спиртным напиткам, чтобы играть активную роль. Князь Вяземский, как мне кажется, с некоторых пор успокоился, и поведение его не представляется предосудительным; он живет в деревне. Это не мешает мне иметь за ними обоими наблюдение. По этому поводу я говорил с г. Р., директором почтамта, уже получившим соответственные распоряжения от своего начальника. Было бы желательно, быть может, на некоторое по крайней мере время уполномочить г-на Р. просматривать корреспонденцию лиц, которых я ему укажу, и сообщать мне, если будет что-нибудь такое, что мне было бы полезно знать. По приказу вашего величества я распорядился отыскать отставного полковника г-на Поливанова; кажется, в настоящее время его нет в Москве, но в непродолжительном времени я получу о нем сведения.

Все верные подданные престола скорбят о том, что ваше величество вынуждены вооружиться строгостью в те именно дни, когда вы столь горько оплакиваете своего августейшего брата, а мы же все нашего возлюбленного монарха, в те именно дни, говорю я, когда вашему величеству хотелось бы отдохнуть душой, дать забыть окружающим и постараться забыть самому свое горе, окружая себя подданными, способными оценить в преемнике престола также и преемника прекрасной души императора Александра.

Ваше величество были добры выразить мне надежду, что невинные не будут смешаны с виноватыми. Я твердо убежден, ваше величество, что добрая душа ваша распознает виновных и не заслуживающих оправдания от тех лиц, которых толкнуло на преступления увлечение крайними идеями, к несчастью, свойственное молодости, но которые, несмотря на виновность свою, могут по милости вашего величества исправиться и сделаться со временем вернейшими вашими подданными.

Примечания.

Голицын, Дмитрий Борисович, князь (1851—1919), лейб-гусар, участник Хивинского похода, раненый при Геок-Тепе, и Турецкой войны 1877 года; начальник царской охоты. В 1914—1915 г. состоял при верховном главнокомандующем Николае Николаевиче. Умер в 1919 г. на Кавказе.

1.

На двух листах плотной почтовой бумаги в траурной рамке, в конверте с черной сургучной печатью. Адрес на конверте надписан рукою Николая I: «Московскому военному генерал-губернатору, князю Голицыну».

Это письмо было получено кн. Дм. Вл. Голицыным утром 17 декабря и, надо полагать, написано было Николаем утром 15-го декабря, после бессонной ночи, проведенной в допросах арестуемых участников мятежа. В нем отразились и впечатления пережитого, и тревожные опасения возможности осложнений в Москве, и заботы следователя.

Голицын, Дмитрий Владимирович, князь (1794—1844), московский военный генерал-губернатор, член государственного совета.

«...меры предосторожности». — Как здесь, так и ниже слова, набранные «разрядкой», подчеркнуты в подлиннике.

Толстой, Петр Александрович, граф (1761—1847), генерал-адъютант генерал-от-инфантерии, член государственного совета, командовавший 5-ым корпусом.

Пакет, хранившийся в Успенском соборе в Москве, содержал манифест 16 августа 1823 года о назначении наследником Николая и подлинный акт отречения Константина; он был передан в 1823 году Александром I архиепископу Филарету для хранения в особом ларце в алтаре собора. Согласно надписи на пакете его должны были вскрыть в случае кончины Александра. В начале междуцарствия, ввиду состоявшейся в Петербурге присяги Константину, Филарет и Голицын сочли необходимым пакета не вскрывать и 30 ноября привести Москву к присяге Константину.

Милорадович, Михаил Андреевич, граф (1771—1825), генерал-от-инфантерии, петербургский генерал-губернатор, член государственного совета. 14 декабря на Сенатской площади ранен из пистолета Каховским и умер в ночь на 15 декабря.

Муравьев, Никита Михайлович (1792—1845), капитан генерального штаба, декабрист. Еще 12 декабря из донесения Дибича, составленного на основании доносов Шервуда и Майбороды, узнал Николай I о видной роли Муравьева в обществе. По наведенным справкам выяснилось, что Никита Муравьев, а равно и два другие названные в донесении члены общества—Свистунов и Чернышев—выбыли из Москвы в отпуск. Обстоятельство это показалось крайне подозрительным Николаю и повергло его в большую тревогу. Муравьев выехал в отпуск в Орловскую губернию на четыре месяца; для арестования его «на дороге, где встретится» тогда же, 12 декабря, был послан в Москву к генерал-губернатору Голицыну фельдъегерь.

2.

Писано на одном листе бумаги того же сорта, что и № 1; вложено в конверт, запечатанный красной сургучной печатью. Адрес на конверте надписан собственноручно Николаем: «Московскому военному генерал-губернатору, князю Голицыну».

Комаровский, Евграф Федотович (1769—1843), граф, генерал-адъютант, сенатор, автор «Записок»—был послан в Москву 15-го декабря, позднее отправки

с фельдъегерем предшествующего письма, для осведомления князя Голицына о происшествиях 14 декабря и с поручением присутствовать при вскрытии документов, хранившихся в Успенском соборе. Он прибыл в Москву вечером 17-го декабря. Записка Николая писана, повидимому, во второй половине дня 15-го декабря.

Один б(аталион), который «уже смотрел» Николай,—лейб-гвардии саперный батальон, охранявший Зимний дворец во время мятежа. Сейчас же по возвращении с Сенатской площади, вечером 14-го декабря, Николай вошел во двор Зимнего дворца и милостиво приветствовал сапер. Войдя во дворец, он в покоях своей матери встретил обеих императриц с наследником. Николай приказал камердинеру Гримму нести за собой сына, вышел опять к саперам и разыграл театрально-чувствительную сцену: вызвав перед фронтом георгиевских кавалеров, отдал наследника им на руки; те бросились целовать руки, ноги и одежду мальчика. Утром 15 декабря Николай вышел к саперам, ведя за руку в. кн. Михаила Павловича, и представил его им как преемника своего в звании генерал-инспектора по инженерной части. Объявив, что сам он сохраняет за собой звание шефа батальона, Николай поцеловал командира батальона полк. Геруа.

Пущин, Иван Иванович, коллежский ассесор, декабрист (1798—1859). Из Москвы, где он в то время служил судьей в уголовном департаменте народного суда, Пущин приехал в Петербург 8-го декабря 1825 г.; 14-го декабря он был на Сенатской площади и ушел одним из последних. Из Петербурга он никуда не скрывался, хотя лицейский товарищ его, князь Горчаков, 15-го декабря рано утром привез ему заграничный паспорт и обещал доставить его на иностранный корабль, готовый к отплытию. Того же 15-го числа Пущин был арестован.

3.

Записка на двух листах почтовой бумаги с траурной каймой, в конверте, запечатанном черною сургучною печатью. На конверте — рукою Николая: «Военному министру. Н у ж н о е». (Гос. Арх. II Отделение. I. В. № 466).

Свистунов, Петр Николаевич (1803—1889), корнет кавалергардского полка, член Северного Общества.

Татищев, Александр Иванович (1763—1833), граф, генерал-от-инфантерии, военный министр, председатель высочайше учрежденной комиссии для изысканий о злоумышленных обществах.

4.

Письмо на двух листах бумаги того же сорта, как и предшествующие, в конверте, запечатанном красной сургучной печатью. На конверте рукою Николая I адрес: «Московскому военному генерал-губернатору, князю Голицыну. Н у ж н о е».

Орлов, Михаил Федорович (1788—1842), генерал-майор, бывший флигель-адъютант Александра I, член Союза Благоденствия. Был заключен в крепости с 29-го декабря 1825 г.

Поливанов, Иван Юрьевич, отставной кавалергард, в чине полковника († 1826). В 1824 году вступил в общество, но скоро вышел в отставку и порвал все связи с обществом. В конце августа 1826 г., находясь еще в крепости заболел «сильными нервическими судорожными припадками при значительном расслаблении всего корпуса»; 2-го сентября переведен в госпиталь, где и умер 5-го сентября.

Толстой. Сведения, бывшие в руках Николая 20-го декабря и недостаточно определенно говорившие об участии в заговоре какого-то Толстого, имели отношение к служившему в Петербурге прапорщику Московского полка Владимиру Сергеевичу Толстому, Николай же относит их к какому-нибудь из проживавших в Москве Толстых.

Вяземский, Петр Андреевич (1792—1878), князь, поэт, друг Пушкина, пользовался репутацией «либерала». В 1821 году был уволен без прошения от службы и отдан под негласный надзор; к тайным обществам не принадлежал. Жил в подмосковном имении Остафьеве. В 1830 году он был снова принят на службу в министерство финансов.

Рушковский, Иван Александрович, действительный статский советник, московский почт-директор.

Барятинский, Александр Иванович (1798—1844), князь, штабс-ротмистр лейб-гвардии гусарского полка, адъютант командующего 2-ой армией. Глухие сведения о каком-то «сомнительном» Барятинском, которые были у Николая к моменту написания письма (20 декабря), имели отношение к князю Александру Ивановичу. Но Николай напрасно думает найти его в Москве среди московских Барятинских; кн. Александр Иванович в декабре 1825 года был на юге, в Тульчине.

5.

Черновик письма кн. Голицына к Николаю I писан по-французски на двух листах плотной почтовой бумаги. Письмо дано здесь в переводе.

Баратынский (Боратынский), *Евгений Абрамович*, поэт (1800—1846). В 1816 г. был исключен из Пажеского корпуса, где воспитывался, с воспрещением поступать в военную службу. Лишь через три года после больших хлопот принят был рядовым в лейб-гв. егерский полк. В 1825 г., после производства в офицеры, вышел в отставку, женился и поселился в Москве. В 1845 г. выехал за границу, где и умер в Неаполе.

О затруднениях, в какие поставили Д. В. Голицына неясные предписания Николая, он писал 23 декабря 1825 военному министру Татищеву «...по жительству в Москве нарочитого числа особ, фамилию Толстых носящих, а также довольного количества Барятинских, и не имея от вас, милостивый государь мой, определительных сведений о тех лицах, за коими должен я иметь наблюдение во исполнение высочайшей воли,—я никак не могу на сей раз исполнить оной».

К 27 декабря путаница выяснилась, и Татищев писал Д. В. Голицыну. «Что касается до Барятинского и Толстого, то по дальнейшему распрашиванию соумышленников, оказались в соучастии с ними *Барятинский*, адъютант главнокомандующего 2-ой армиею графа Витгенштейна, а *Толстой* в виду— Московского пехотного полка прапорщик, о взятии коих писано уже по принадлежности».

Граф Толстой — старый негодник... Д. В. Голицын имеет, очевидно, в виду известного Федора Ивановича Толстого («американца»—увековеченного Грибоедовым в «Горе от ума».

Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку не чист...

Ф. И. Толстой служил в Преображенском полку; принимал участие в кругосветном путешествии Крузенштерна, за столкновение с командиром был высажен на берег во владениях Русско-Американской компании, жил на Алеутских островах. Про его скандальные выходки ходило множество рассказов. Был одним из самых задорливых дуэлистов; за ним считали до одиннадцати человек убитых на этих поединках; всех их он аккуратно записывал в свой синодик. Известен был нечестною игрою в карты.

Письма Д. И. Писарева из крепости.

Воспроизводимые ниже четыре письма Д. И. Писарева к его матери, Варваре Дмитриевне Писаревой, обнаружены в подлинниках в литературном архиве Ф. М. Достоевского (находящемся ныне в Центрархиве), которому, по его просьбе, они были пересланы в 1878 г. самой В. Д. Писаревой.

Эпистолярное наследство, оставшееся после Д. И. Писарева и до сих пор опубликованное, крайне незначительно, и уже это одно сообщает особый интерес каждому новому появляющемуся в печати его письму. Правда, после Д. И. Писарева осталось весьма значительное количество писем, адресованных к матери. Оторванный от нее, когда ему едва исполнилось 10 лет, помещенный в одну из петербургских гимназий, а затем перешедший в петербургский университет, Писарев регулярно посылал письма оставшейся в провинции, горячо им любимой матери, делясь с нею всеми печалями и радостями своей жизни. Переписка эта продолжалась и по окончании университета, когда Д. И. Писарев остался в Петербурге, с которым он был связан своими литературными занятиями, и, наконец, тогда, когда 2 июля 1862 г. Писарев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, в стенах которой ему было суждено провести четыре года и 4 с половиной месяца. Известно, что именно эти годы принудительного заключения оказались самыми плодотворными в жизни Писарева.

Оторванный от внешних впечатлений, Писарев здесь получил возможность отдаться вполне умственной работе.

Это придает особенно глубокий и живой интерес письмам Писарева к матери, написанным из стен неволи. К величайшему сожалению всех интересующихся личностью и миросозерцанием Д. И. Писарева, эти письма до сих пор остаются неопубликованными. Они известны лишь по выдержкам из них, приведенным Е. А. Андреевичем (Соловьевым) в его интересной работе о Писареве. Публикуемые ниже четыре из этих писем являются доказательством того, какой ценный для характеристики Писарева материал найдем мы в этих письмах, когда они будут опубликованы полностью.

Как упоминалось выше, эти четыре письма были пересланы матерью Писарева Ф. М. Достоевскому по его просьбе, сообщенной В. Д. Писаревой его женою, А. Гр. Достоевской. Посылая Достоевскому (по адресу: «В С.-Петербург, Греческий проспект, подле Греческой церкви») эти письма, В. Д. Писарева сопроводила их письмом, которое мы считаем необходимым привести полностью, ввиду того, что оно содержит в себе ряд не лишенных интереса сведений об ее сыне.

Письмо это следующего содержания:

Милостивый Государь Федор Михайлович!

Благодарю Вас за внимание к моей просьбе,—за присланные книги и еще более за дружеское отношение к моему сыну. Г-н Достоевский [1] (вероятно, Ваш брат или родственник) пишет мне, что Вы *любили* и *уважали* моего сына.—Мне всегда так отрадно слышать от хороших людей доброе слово о дорогом моем Мите,—так давно меня покинувшем. Г-н А. Дост.[1]) спрашивает у меня, не найдется ли письма или хотя записки моего сына. С 51-го года, с десятилетнего возраста, как мы расстались и он поступил в гимназию [2])—за все года переписка вся по годам и под № сохраняется у меня—я так любила моего сына, что берегла каждую его строку. Г-н Дост(оевский) пишет, что Вы бы желали, многоуважаемый Федор Михайлович, иметь карточку моего сына и какую-нибудь записку его руки. Посылаю Вам карточку, сделанную в 1866 году, по выходе из крепости,—очень была похожа,—и еще 4 письма. Вы в них увидите, как он переносил свое заключение, какая ясность и спокойствие, и это было *действительно так*. Сенаторы Чемадуров [3]) и Корнельян-Пинский, когда я приехала к ним, чтобы узнать, какая участь ожидает моего сына,—оба сказали мне, что я напрасно так тревожусь, что сын мой и *спокоен* и *весел* даже, и когда его требуют в Сенат, то он из крепости приезжает не как из заключения, а как бы с балу, и что когда дали ему прочесть статью, за которую он арестован, то он улыбаясь сказал, что теперь она и *ему* не нравится—и более ничего, никакого *раскаяния*, никакого *горестного* выражения в лице,—говорили они. В № 10 [4]) Вы увидите, как он горячо желал, чтобы я жила до его освобождения, и вот я-то, несмотря на разбитое окончательно здоровье, живу, а его—нет. Извините, что я посылаю Вам несколько писем,—я думаю, что может быть Вам приятно будет прочесть письма человека, который так чтил талант Ваш. В 60 году после его выздоровления (возвращения от Штейна) [5]) мы читали с ним вместе (он очень любил читать вместе и особенно любил мое чтение: привык он к нему в детстве) Вашу повесть «*Дядюшкин Сон*», и он так от души хохотал над старым князем, и у нас даже вошло в поговорку, когда слышишь вздор, говорить: «*Ну, да, и сахар и кадушки там были*». Ему так понравился этот рассказ своей игривостью, что он хотел из него составить пьесу для театра. Но прежде диссертация на кандидата [6]), а потом замужество кузины,

---

[1]) Писала В. Д. Писаревой Анна Григорьевна Достоевская (жена Федора Михайловича); В. Д. Писарева, не зная Анны Григорьевны, неправильно истолковала неполную подпись Анны Григ., подписавшейся кратко «А. Дост.».

[2]) В начале декабря 1851 г. Д. И. Писарев был отправлен в Петербург для поступления в гимназию; мать же его вместе с семьей осталась в имении Писаревых Грунец, Новосильского уезда, Тульской губернии.

[3]) Чемадуров Я. Я.— обер-прокурор V департамента Сената, в котором рассматривалось дело Д. И. Писарева. Корнельян-Пинский М. М.— первоприсутствующий того же департамента.

[4]) № 10—разумеется письмо Д. И. Писарева 30 декабря 1862 г., на котором поставлен был, по всей вероятности рукой В. Д. Писаревой, № 10; письмо напечатано ниже под № 3.

[5]) В конце 1859 г. Писарев заболел психически и был помещен в лечебницу д-ра Штейна, где пробыл четыре месяца. Доктора определяли его болезнь как dementia melancholica.

[6]) «Аполлоний Тианский». Напечатана в 2-м томе Павленковского издания сочинений Писарева.

его невесты [1]) перевернуло все его занятия. После говорил он мне, что в 61-м году, бывши в Москве, он читал Ваши сочинения, и ему особенно понравилась повесть *Село Степаньчиково*, кажется так. Он даже находил в описанном господ[ине], за которым все ухаживают, близкое нам лицо, и ему особенно нравилась живость описанья этого характера. Cette tendence de sermonner à propos de bottes. В 66-м году, по выходе его из крепости, мы читали вместе *Преступление и Наказание*, но как нервы его были потрясены переходом в жизнь из гроба (в котором он был заключен 3 года и 4 месяца [2]), то чтение было по совету доктора приостановлено, потому что слишком волновало его. После, когда холодная ванна укрепила его нервы, мы докончили роман; преимущественно восхищался он описанием чиновника и его дочери в момент, когда жена чиновника вышла с детьми петь, чтобы собрать несколько копеек. Он не мог продолжать, слезы мешали ему, он передал мне книгу. Вообще его приводил в восторг Ваш талант в практическом анализе все перечувствованное *честным* преступником, (sic!), его борьба! Да, и было же это время, и пережила я счастливый день 18-го ноября 1866 года—день выпуска его из крепости—арестован он был 2-го июля 62-го года, а 68-го года 4-го июля утонул—странно, он, как будто предчувствовал, что утонет. В 63-м году, когда я еще жила в деревне, он писал ко мне, чтобы я утешала себя мыслью, что в крепости он застрахован от всяких несчастных случайностей, что, наприм., любя купаться, как он любил, он бы мог утонуть, а тут по неволе огражден от этой опасности [3]). И полный жизни и любя жизнь, делая планы работ на прочие годы вперед—утонул, и нет, нет его, моего хорошего и дорогого Мити!

И теперь уже, когда его нет, преследование прекратилось, мы не можем продать право на издание, потому что, когда напечатал Надеин несколько частей, то 4-ую часть сожгли, и потому, конечно,—он приостановил издание, [и] что удивительно, что все эти части были напечатаны в «Рус(ском) слове». Когда была строже цензура, потом, когда сын был в крепости, напечатано 1-е издание, а теперь—не дозволяют—была я в августе 1877 г. у генерала Дмитриева, председат. ценз. комитета, он сказал, что это не от него зависит. Послал меня в ценз(урный) комитет, там мне сказали, что 4 и 7 сожжены, что мы можем продать остальные части, но что все-таки они не могут заверить, *что* из них пропустят, и что пусть тот, кто будет издавать, представляет в цензуру,—но это значило обмануть и ввести в убыток покупателя, чего мы никак не желаем [4]). А между тем требуют соч. Писарева и нет в продаже, дают тройную цену, чтобы только достать, и нет нигде, а мы нуждаемся—у меня только одна дочь и я живу с ней розно, потому что не

---

[1]) Р. А. Коренева, по мужу Гарднер, двоюродная сестра и подруга детских лет Д. И. Писарева. Последний горячо любил свою кузину, и она дала обещание стать его женой, но, полюбив другого, изменила данному слову.

[2]) Описка. Писарев пробыл в заключении 4 года 4 месяца и 16 дней.

[3]) Писарев три раза подвергался опасности утонуть. Первый раз он едва не утонул в детстве, купаясь у себя в имении в речке. Второй раз—студентом первого курса, проходя через Неву по льду, он провалился по горло в воду. Оба эти раза он был спасен людьми, заметившими, что он тонет. В третий раз он утонул в Дуббельне, во время купания в море. См. А. Скабичевский, «Кое-что из моих личных воспоминаний». Сочинения, том II, изд. 2-е, стр. 775.

[4]) Цензурная история 2-го издания сочинений Д. И. Писарева изложена в статье В. Евгеньева-Максимова «Д. И. Писарев и охранители» в № 1—4 «Голоса Минувшего» за 1919 г., стр. 156—161.

имеем средств жить вместе. Она живет литературной работой [1]) и ей едва достает на прожитие того, что она получает. И что находят вредного в соч(инениях) моего сына?—понять не могу,—он был такой хороший, такие честные, честные существа! Извините меня, добрый Федор Михайлович, если я утомила Вас моим длинным письмом — я так счастлива, когда могу поговорить о дорогом моем сыне и особенно с человеком, которого я уважаю.

Выберите письма, какие Вам нужно, но не уничтожайте остальных; если они Вам лишние, то перешлите мне их обратно ко мне, я эти 4 письма списала и присоединила к прочим. Письма моих так безвременно погибших детей [2])—есть мое драгоценное сокровище—все, что осталось мне от них. Я часто, перечитывая их письма, переживаю прошлое—как бы забываюсь. Желаю Вам всего хорошего.

Искренно уважающая Вас, готовая к услугам

В. Писарева.

7 апреля 1878 г. [3]).

В этом письме В. Д. Писаревой особый интерес для биографов ее сына представляет то место, где она передает рассказ Чемадурова и Корнельян-Пинского о том, что, когда Писареву после ареста дали прочитать его статью против пресловутой брошюры Шедо-Ферроти о Герцене, послужившую основанием для привлечения Писарева к ответственности, «он улыбаясь, сказал, что теперь она и *ему* не нравится». Это до известной степени служит подтверждением предположения, что эта статья являлась слу-

---

[1]) Вера Ивановна Писарева занималась переводами для «С.-Петербургских Ведомостей» и др. периодических изданий. В 1868 г., вскоре после смерти Д. И. Писарева, она была выслана из Петербурга по делу об издании собрания сочинений своего брата и за участие в приглашениях к подписке на памятник ему. См. заметку Б. Федорова «После похорон Д. И. Писарева» в № 1—4 «Голоса Минувшего» за 1919 г.

[2]) Младшая из сестер Д. И. Писарева, Екатерина Ивановна, по мужу Гребницкая, покончила с собою в Женеве в июле 1875 г. Известие о ее смерти проникло и в русские газеты. «Она раздробила себе череп револьвером,—сообщал «Голос» от 22 июня 1875 г.—и смерть последовала мгновенно... Причина самоубийства неизвестна, так как несчастная не оставила после себя ни одной строки». Смерть Е. И. Писаревой, молоденькой девушки, не имевшей и 22 лет и вращавшейся в заграничных эмигрантских революционных кругах, вызвала в свое время много разговоров, как в эмиграции, так и в России. В написанной по заданию III отделения с. е. и. в. к. книге кн. Н. Н. Голицына «История социально-революционного движения в России. Глава X» (Петерб. 1887 г.) о Гребницкой-Писаревой сообщается, что она была фиктивной женой учителя Гребницкого в Одессе, отправилась в Цюрих, где поступила в университет, затем жила в русской эмигрантской коммуне в Женеве, работала в качестве наборщика в русской типографии, основанной там же организатором этой коммуны Александровым, и передала ему на расходы по типографии весь свой капитал в 5000 руб.; «по растрате же им этих денег она, по его же внушению, решилась продать себя, для доставления средств коммуне, одному старику за несколько тысяч, отданных ею все тому же Александрову». Это, по словам Голицына, и послужило причиной ее самоубийства (стр. 22—93). Упоминаемый Голицыным Вас. Макс. Александров, будучи студентом медико-хирургической академии, привлекался по нечаевскому делу; принимал участие в студенческих кружках, сошелся с известным революционером М. А. Натансоном и вместе с ним явился одним из основателей кружка чайковцев. Арестованный правительством, он в ноябре 1871 г. бежал за-границу, примкнул к Бакунину и в 1874 году организовал в Женеве русскую типографию.

[3]) На последней странице: Адрес мой: Тульской губ., в г. Новосиль — Варваре Дмитриевне Писаревой.

чайным эпизодом в деятельности Писарева, что большого значения сам он ей не придавал и что он писал ее под влиянием раздражения, вызванного отчасти личными неприятностями, пережитыми им в это время, отчасти же под влиянием закрытия правительством того журнала, в котором он работал («Русское Слово»). Недаром студент Баллод, которому Писарев передал свою статью для напечатания, показывал во время следствия: «Знаю автора этой статьи и очень хорошо, как не революционера... Причины, по которым он впал в крайность,—два несчастия, постигшие его одно за другим. Кореневa, которую он сильно любил и которую давно считал своею невестою, вышла в апреле месяце замуж за другого. Второе несчастие—закрытие журнала «Русское Слово», от которого он только и получал средства к жизни» [1]).

Известно, какое громадное впечатление произвела на Писарева измена Раисы Александровны Кореневой, девушки, пламенно любимой им с детских лет, давшей ему согласие стать его женой и нарушившей данное слово, увлекшись другим. Известно, как жаждал дуэли со своим счастливым соперником Писарев и как, не дождавшись ее, нанес ему публично оскорбление действием [2]). В апреле и мае 1862 г. Д. И. Писарев переживал глубокую душевную драму. Легко вообразить, какое громадное впечатление должен был произвести на его израненную душу новый удар, разразившийся над ним,—закрытие журнала, в котором он работал. К этому времени Писарев не был уже тем наивным и малоопытным юношей, который за два года до того счел возможным предлагать услуги своего пера редакции духовно-просветительного журнала «Странник». Теперь из него выработался человек, понимающий «обязанности честного литератора» [3]) и «с большим разбором относящийся к органам печати». Для Писарева приостановка «Русского Слова» была насильственным перерывом его литературной деятельности, и именно так он ее воспринял. В этом вполне убеждает отобранное у него во время ареста его неоконченное письмо к упоминавшейся выше Р. А. Кореневой [4]). Изучавший судебное дело Писарева М. К. Лемке почему-то не привел этого письма в своей работе, а между тем оно весьма характерно для Писарева. В нем Писарев писал:

«Меня решительно одолевает желание писать к тебе, и я пишу, хотя совершенно уверен, что ты мне отвечать не будешь. Я даже не знаю, зачем я пишу, не знаю, что хочу тебе сказать, а так, есть какая-то неопределенная потребность вообразить себе, что я говорю с тобою. О прошлом, т.-е. о последней истории, вспоминать не хочется не потому, чтобы я считал себя виновным, а потому что мне просто надоела эта непрерывная цепь глупостей *с той и с* [5]) другой стороны. Твой муж завершил эту цепь последним звеном,—длинным письмом ко мне, письмом, на которое я, конечно, не отвечал; пусть он воображает себе, что его верх, и пусть он думает обо мне все, что ему угодно. В отношении к тебе я исполнил все, что говорил тебе у Хрущова [6]): я окончил сразу полицейское дело, я не назвал тебя в своих показаниях и я не вызвал его на дуэль, а объявил ему письмом, что жду его вызова. Теперь дело решительно кончено, и ты можешь преспокойно полнеть и здороветь в деревне.

---

[1]) М. Лемке. Политические процессы в России 1860 г.г. Госизд. 1923 г., стр. 538.

[2]) Подробности этой истории см. у Лемке, назв. соч. стр. 557—559.

[3]) Слова из письма В. Д. Писаревой к Некрасову, продиктованного ей самим Писаревым. Письмо напечатано у С. А. Венгерова. «Критико-биографич. словарь русск. писателей и ученых», т. III, Петерб., 1892 г., стр. 353—354.

[4]) Дело след. комиссии о Баллоде, Писареве и др., лист 500.

[5]) Набранное курсивом вписано над строкою.

[6]) Знакомый Писаревых.

У нас, как тебе, вероятно, известно, случилось значительное событие: «Русское Слово» и «Современник» закрыты на восемь месяцев, и я до нового года свободен, как птица небесная. Я остаюсь совершенно без работы, но это меня нисколько не беспокоит. Я полагаю, что другие журналы приняли бы каждого из нас с большим удовольствием (т.-е. Благосветлова, Чернышевского, Антоновича и меня), но, вероятно, ни один из нас не пожелает работать в другом журнале, потому что после закрытия «Современника» и «Р. Слова» остается в русской журналистике такая сволочь, с которою порядочному человеку совестно связываться. Чтобы не работать в других журналах...»

О том, что составление Писаревым статьи против Шедо-Ферроти было не сознательным актом человека, идущего на революционное дело, а эпизодом более или менее случайного характера, свидетельствует и сохранившийся в воспоминаниях С. Г. Стахевича рассказ Писарева о том, как им была написана эта статья. Рассказав автору воспоминаний о своем столкновении с Гарднером, Писарев продолжал: «Ну вот я чувствую, что наделал чего-то несообразного; на душе у меня очень скверно; иду к Баллоду [1]) и говорю: «Ты ведь, знаю, занимаешься какими-то там политическими делами; дай, пожалуйста, какую-нибудь работу по этой части; может быть, мне от нее полегчает». Он дал мне памфлет барона Фиркса, который под псевдонимом Шедо-Ферроти напал на Герцена за помещенную им в «Колоколе» статью «Бруты и Кассии третьего отделения». Я окунулся в эту работу дней на десять, написал статейку жестокую, яростную, отдал Баллоду. Он спросил: «Не хочешь ли еще чего-нибудь в этом роде?» «Нет, говорю,— не надо; успокоился достаточно». И возвратился к своим обычным литературным работам» [2]).

Все это убеждает в том, что Писарев был вполне искренен, когда в следственной комиссии объяснял составление своей статьи желанием «выплеснуть накопившуюся желчь» [3]), и все это делает понятным отзыв Писарева о своей статье, переданный его матери Чемадуровым и Корнельян-Пинским.

Что касается печатаемых ниже четырех писем Д. И. Писарева к матери, то особенный интерес представляет четвертое из них, с содержащимися в нем отзывами о романах Теккерея и о беллетристике вообще.

Б. Козьмин.

---

[1]) Петр. Дав. Баллод — товарищ Писарева по гимназии и университету — наладил в 1863 г. тайную «кормилицу типографию», в которой и печатал несколько прокламаций.

[2]) С. Г. Стахевич. Среди политических преступников (Из моих воспоминаний). «Былое», 1923 г. № 21, стр. 78.

[3]) Лемке. Назв. соч., стр. 561.

Письма Д. И. Писарева.

1 [1]).

Cher papa et chère maman!

Все идет попрежнему; я здоров, спокоен и ни в чем не нуждаюсь. Жду известий от Вас, потому что последнее письмо Ваше, от 7-го октября, я получил слишком две недели тому назад. Завтра будет ровно четыре месяца с тех пор, как я арестован; наступает зима, и я бы мог пожалеть о потерянном лете, если бы имел дурную привычку жалеть о том, что прошло, или жаловаться на то, что нельзя переделать. Больше нечего писать. Обнимаю Вас, Верочку и Катю [2]). Пишите, пожалуйста, непременно по-русски.

Любящий Вас

Д. Писарев.

1862 г. 2 ноября.

2 [3]).

Друг мой maman! Меня чрезвычайно удивляет и огорчает то, что ты не получаешь моих писем и беспокоишься об моей участи. Повторяю тебе еще раз то, что я писал тебе 6-го октября, именно: я пишу к тебе аккуратно два раза в месяц. Кроме того, я умоляю тебя, убедись ты в том, что я совершенно здоров, и что беспокоиться обо мне решительно нечего; если бы и случилось так, что пройдет несколько лишних недель между двумя моими письмами, то и тогда не следует тревожиться; ведь сколько раз уже это случалось, и постоянно оказывалось, что все идет попрежнему, и что не произошло никакого несчастия. Ради бога, будь же ты, друг мой мамаша, спокойнее и тверже; ведь ты исстрадаешься, все здоровье свое испортишь, ежели будешь волноваться из таких пустяков.—Все, что я могу сказать тебе о себе, все это уже сказано выше, в этом же письме; я здоров, следовательно, спокоен. Особых известий нет, а это в своем роде хорошее известие. Прощай! Крепко обнимаю

---

[1]) Это письмо с незначительными сокращениями было напечатано Е. Соловьевым в его книжке «Д. И. Писарев. Его жизнь, и литературная деятельность». Биографическая библиотека Ф. Павленкова, стр. 96. — На подлиннике рукой Варв. Дм. Писаревой поставлен № 7. *Примеч. ред.*

[2]) Вера и Екатерина Ивановны Писаревы — родные сестры Д. И.

[3]) На подлиннике рукой В. Д. Писаревой поставлен № 9. *Примеч. ред.*

тебя, папашу, Верочку и Катю. Поздравляю Катю с прошедшим днем рождения и ангела (17 и 24 ноября), а тебя, друг мой мамаша, с будущими имянинами (4 декабря.) Прощайте!

Любящий Вас

Д. Писарев.

27 ноября 1862 г.

3 [1]).

Старый год совсем кончается, и ты, друг мой мамаша, вероятно, уже получила то письмо, в котором я поздравляю Вас всех с наступающим новым. Недели полторы тому назад я получил твое письмо от 4-го декабря, и чувствую потребность поговорить с тобою серьезно и по душе: меня тревожит и огорчает твое уныние; я начинаю бояться за твое здоровье, с которым ты вообще обходишься с непростительною небрежностью. Ты говорила и писала мне несколько раз, что желала бы всеми силами души разделить со мною заключение, и вообще как-нибудь облегчить мое положение, которое, неизвестно почему, представляется тебе и всем Вам невыносимо тяжелым. Я, конечно, вполне верю искренности этих теплых слов; я бы знал, что ты так думаешь и чувствуешь, если бы даже ты этого не писала; если бы я в чем-нибудь нуждался, и если бы ты могла помочь мне, принеся лично какую-нибудь тяжелую жертву, я бы не задумавшись попросил у тебя этой жертвы, потому что я уверен, что ты с радостью пожертвовала бы собою для меня, или вообще для кого-нибудь из твоих детей. Все это я знаю, но вот в чем дело: непосредственно для меня ты ровно ни чего не можешь сделать, а между тем от тебя и от тебя одной зависит поддержать до конца то спокойное и светлое настроение духа, которое не оставляло меня ни на минуту с первого дня моего ареста. Сделай так, чтобы я мог быть уверен, что, как бы долго ни продолжалась наша разлука, я, при свидании, увижу тебя здоровою и спокойною. Береги себя, не утомляй себя занятиями с детьми, отложи музыку, если она расстраивает тебе нервы, посоветуйся с доктором, окружи себя тем комфортом, который может поддержать и укрепить твои силы. Ведь ты бы решилась ехать в Петербург, если б могла надеяться видеть меня, и тогда тебе все равно пришлось бы оставить занятия и принести денежные жертвы на путевые издержки. Употреби же это время и эти деньги на себя и на свое здоровье и убедись в том, что ты это делаешь вовсе не из эгоизма, вовсе не для себя, а единственно для тех людей, которые дорожат тобою, и в особенности для меня; я сильнее других заинтересован в сохранении твоего здоровья, потому что, если бы оно пострадало, то мне пришлось бы в твоей болезни обвинять себя и свою опрометчивость. На все эти доводы ты, пожалуй, ответишь, что материальное спокойствие не отвратит душевной тревоги, но я скажу, что ты можешь победить и душевную тревогу, если вполне убедишься в том, что *должна*

[1]) На подлиннике той же рукой поставлен № 10. *Примеч. ред.*

поступить таким образом для блага других. Я знаю, что слово *долг* производит на тебя магическое действие, и потому, становясь на твою точку зрения, показываю тебе, как тесно связаны заботы о твоем здоровьи с моим душевным спокойствием, которое существенно необходимо в моем положении. Ради бога, не отнимай у меня этой твердости и спокойствия. Подумай, каково бы мне было, если бы я тосковал и грустил все это время. А если мне придется бояться за твою жизнь и думать, что мои поступки кладут тебя в могилу, то согласись, что тут не устоит никакая твердость. Только, пожалуйста, не вздумай хитрить со мной. Я хочу и должен знать все, что с тобою делается. Если ты решишься скрывать от меня настоящее положение твоего здоровья, то ты сделаешь еще хуже. Я сейчас увижу, что в письме есть недомолвки, и когда недоверие будет возбуждено, то уже нельзя будет его уничтожить. Я буду воображать себе бог знает что, и спокойствие все-таки будет нарушено. Я знаю твою твердую волю, друг мой мама; пойми только, что ты должна быть здорова, и я уверен, что так и будет. О себе скажу вам коротко: здоров и спокоен. Обо мне вообще беспокоиться нечего: я не хрупок и не чувствителен. Крепко обнимаю папашу, мамашу, Верочку и Катю. Убедительно прошу Вас всех обратить серьезное внимание на мамашу, взять ее под опеку, разогнать детей и, хоть насильно, предписать нашей пациентке такой образ жизни, который вполне соответствует потребностям ее расстроенного организма. Прощайте! Исполнив мою просьбу, Вы всего лучше докажете мне Ваше участие, хоть я и верю ему безо всяких доказательств.

Любящий Вас

Д. Писарев.

30 декабря 1862 г.

4 [1]).

Друг мой мамаша! Здоровье мое попрежнему хорошо, и даже погода, при всей своей отвратительности, мало действует на мое обыкновенное, ровное и довольно светлое настроение. Время проходит у меня довольно скоро, работаю понемногу своих итальянцев [2]), хотя и сомневаюсь, чтобы из них вышло что-нибудь путное, читаю книги из нашей казенной библиотеки, и при этом замечаю в себе особенную наклонность—к чему бы ты думала?—к беллетристике, к той самой беллетристике, на которую я, в качестве критика, бросал иногда такие суровые и презрительные взгляды. Без шуток! Чтение романов и повестей в старых журналах доставляет мне гораздо больше удовольствия, чем чтение каких-нибудь ученых книг и статей. Я объясняю это себе тем обстоятельством, что я сам уже давно не живу жизнью живых людей, и поэтому с особенным удовольствием встречаю в книге те чувства и

[1]) На подлиннике той же рукой поставлен № 5. *Примеч. ред.*

[2]) «Очерки из истории европейских народов. Итальянцы». Вышло в VI т. сочинений Д. И. Писарева. *Примеч. ред.*

мысли, которых не может возбуждать во мне моя действительность. То-есть, когда не сталкиваешься с людьми, тогда хочется, по крайней мере, читать об них, как они там живут, хлопочут, спорят, влюбляются и так далее. Третьего дня и вчера я читал в «Библиотеке для Чтения» за 1856 год—четвертую и пятую часть романа Теккерея «Ньюкомы». Первые три части мне неизвестны, продолжение и окончание также; несмотря на все это, я читал эти две части с величайшим удовольствием, читал так, как меломан может слушать хорошую музыку, нисколько не заботясь о том, что он не слыхал начала пьесы, и не услышит ее конца. Неправда ли, друг мой мамаша, что подобные занятия совершенно непривычны для свирепого критика, писавшего о разрушении эстетики? А между тем, «Ньюкомы» все-таки прелестнейший роман, и я теперь умею ценить Теккерея так, как не умел бы ценить его несколько лет тому назад. Очень молодым людям Теккерей не может нравиться, надо пожить, надо иметь за собой достаточный запас воспоминаний, тогда мягкий осенний колорит, лежащий на его произведениях, получает такую прелесть, с которою ничто не может сравниться. Однако, пора и честь знать. Не в эстетики же я в самом деле записался! Отвечу тебе лучше, друг мой мамаша, на твой вопрос: ехать ли тебе к Львовой? Мне кажется, что на дачу к ней ехать тебе не зачем. Очень это хлопотливо, да, кажется, и надобности особенной нет. А съездить на городскую квартиру не мешало бы. Заискивания никакого тут быть не может, потому что она сделала тебе первый визит. Мне кажется, ответить на этот визит значит только показать, что ты считаешь случившуюся размолвку оконченною. Впрочем, я думаю вообще, что никогда ни к чему не надо себя приневоливать. Стало-быть, если не хочется ехать, то и не следует. Однако, бог знает, о чем я распространяюсь в этом письме: то об осеннем колорите Теккерея, то об Львовой [1]), до которой мне нет никакого дела. До свидания! Прижимаю Вас вместе с Вашими детьми к моему пылающему сердцу.

Ваш *Д. Писарев.*

13 июля 1866 г.

Приписка в конце 3-й стр. рукой В. Д. Писаревой «это рукой коменданта Степана Сорокина написано», поясняющая следующую надпись: «16 июля в 10 часов утра утра дозвол. иметь свидание».

На 4-й странице адрес рукой Д. И. Писарева: «Варваре Дмитриевне Писаревой. На Петроградской стороне, в Малой Дворянской улице, дом Зуева». Рукой В. Д. Писаревой на последней странице, где адрес, приписка: «Приостановлены были свидания в апреле, мае, июне 1866 года».

---

[1]) К фамилии Львовой В. Д. Писарева сделала на обороте пояснение: «Львова—вымышленное имя». Очевидно, эта фамилия была условным термином в семье Писаревых.

Два письма П. Ф. Якубовича.

Происхождение 2 печатающихся ниже писем П. Ф. Якубовича (Мельшина) таково: в 1904 году вышел в свет составленный П. Я. сборник «Русская Муза». Вскоре после выхода сборника, в московском марксистском журнале «Правда» появилась обстоятельная рецензия тов. Г. К.—П. Якубович заинтересовался рецензией и вступил с автором в переписку. Во втором издании «Русской Музы» 1908 г. многие из указаний тов. Г. К. (передавшего мне эти письма) [1]) были П. Ф. Якубовичем использованы. Письма небезынтересны, как показатель серьезности подхода П. Я. к своей литературной работе. С другой стороны, любопытны некоторые черты литературных взглядов П. Я., отразившиеся в письмах. Таково замечание о «существовании объективного критерия художественной литературы».

Г. Лелевич.

1.

Покорнейше прошу редакцию «Правды» передать это письмо г. Г. К., автору рецензии о сборнике «Русская Муза» в июньской книжке журнала.

П. Я.

Милостивый Государь!

С большим интересом и искренней признательностью прочел я вашу благожелательную и обстоятельно составленную рецензию о моей книге. Безусловно справедливы многие ваши упреки (напр., за нестмеченные пропуски) и, конечно, они будут приняты мной во внимание при новом издании «Р. Музы», к сожалению, очень далеком (ввиду большого количества экземпляров 1-го издания).

Не могу, однако, без спора принять некоторые ваши замечания... Не все, что пропущено мною, составляет «упущение»; список пропущенных поэтов можно бы увеличить и вдвое, и верно,—мы вступаем здесь в область крайне субъективных вкусов,—и главная вина моя, повидимому, в том, что я не перечислил в с е х поэтов,

---

[1]) Дневники переданы на хранение т. Г. Лелевичем в 1 отделение Историко-Культурной Секции Центрархива. *Ред.*

произведения которых знал и рассматривал, потому что мотивировать пропуск каждого из них, согласитесь, было бы затруднительно... Рецензент «Р. Мысли» (май) указывает, напр., пропуск Карамзина, Дмитриева (вероятно, «Стонет сизый голубочек» и «Всех цветочков боле»), Катенина, Марина, Нелединского-Мелецкого,—de gustibus non disputandum... Не имел я в виду представить всех русских переводчиков-поэтов, а только тех из них, которые дали столь яркие переводы, что они вошли [1]) в обиход русской литературы наравне с лучшими оригин. стихотворениями (конечно, я виноват, что не оговорился об этом в предисловии), и дал я таких образцов, сравнительно, очень немного; особенно мало брал переводов у тех поэтов, которые написали много оригин. прекрасных пьес. Вот почему я не взял Михаловского, Мина, Миллера, Крешева, Костомарова, Дурова, Чюминой, Буренина, Гербеля, Маркова, Бальмонта, Берга и др. Возможно, конечно, что я пропустил и у этих переводчиков подлинные перлы. Из отмеченных вами некоторых я сейчас совсем не могу припомнить, и потому очень просил бы вас указать мне хоть приблизительно, где я должен искать след. стихотворения:

1. «Прежде всего» Бернса. Перев. Костомарова.
2. «Памяти труженика» Фр., См. Казнь Корн. перев. Михаловского.
3. Переводы Дурова из Барбье.
4. Переводы Маркова из Байрона и Рюкерта.
5. Стихотворения Прахова и Работникова.
6. «Гондольер»—Кони.
7. «Мороз»—Ваненко.
8. «Одинокий Всадник»—Гайдебурова (если это живущий ныне Г—в, то—грешный человек—мне представляется он декадентствующей бездарностью).
9. «Пигмей»—Николаева.
10. «Старая Ива» и «Голуби»—Плотникова.
11. Что за поэт Федотов?
12. Марлинского—«Песни кавк. горцев».

Затем, относительно некоторых других, представлю вам свои объяснения.

«Из Прехтлера» принадлежит, действительно, И. Ф. Тхоржевскому—стихотворение это помещено и в его сборнике, и за полной подписью напечатано в «Слове».

«Свадьбу» («Нас венчали не в церкви») мне очень хотелось взять, но я нигде не мог разыскать текста и узнать, чей он. Не будете ли добры помочь мне?

«Как хороши, как свежи были розы» Мятлева, за исключением этого стиха, утилизированного Тургеневым, по-моему, совсем слабое стихотворение.

---

[1]) Или должны бы войти. *Прим. П. Я.*

Садовников представляется мне мало даровитым поэтом, ничуть не лучшим современного нам Коринфского, пишущего в том же «народном» стиле.

Над Тепляковым я бился очень долго, в тщетных усилиях что-нибудь выбрать из него. 50 лет назад, конечно, он мог обратить на себя внимание, но сейчас скучен и бледен... Что касается отзыва Пушкина, то к кому только из собратьев-поэтов (за очень редкими исключениями) не был наш великий поэт благожелателен? С мнением Пушкина о достоинстве стихов Теплякова, Дельвига, Подолинского, Баратынского и пр., мне кажется, положительно невозможно считаться! Подолинский, напр., на современный вкус бледен, пресен и скучен ужасно! Я ничего не мог из него выбрать, без опасения сделать свой сборник расплывчатым, таким же, как большинство подобных сборников. То же и Бернет. Искры поэзии так и мелькают, но ни одного безукоризненного в целом стихотворения...

Современная нам поэтесса (впрочем, уже покойная) Ек. Бекетова тоже бледна и бедна, и я уверен, что вы согласитесь с этим, если, не полагаясь на установившееся мнение, сами просмотрите ее сборник...

Будьте добры указать мне еще, где я должен искать стих. Берга «Пророк» и «Песни португ. пересел.» из Ленау—Г.-Миллера. Помнится, я их где-то читал и не пришел в восторг. Форма у Гольц-Миллера, в большинстве, очень корявая, и я, право, не могу понять, почему вы считаете его талантливее Мартова и Симборского. С другой стороны, удивляюсь, что вам не нравится его перевод из Байрона: четверостишие «Сочти все радости» давно ведь стало крылатым четверостишием.

В заключение два слова о стих. «Мысль». Помню разбор его в «Р. Мысли», в свое время сильно огорчивший меня своей несправедливостью и придирчивостью. Вам «достоверно известно»—говорите вы—что это стихи С. Бердяева. Вот странность! Я, с своей стороны, сказал бы: «мне достоверно известно, что Бердяев здесь не при чем...» Насколько мне помнится, автор Ф. Андреев. Очень бы хотелось мне проверить фактически ваше указание, при чем слова самого С. Бердяева, что он—автор, в моих глазах были бы очень слабым доказательством... Как поэта, я его считаю ничтожеством, и как-то не могу даже допустить, чтобы он написал стихи, достойные хрестоматии. Будьте добры сообщить мне, в каком году «В. Европы» напечатано Бердяевское «Danse macabre», а также—кем и когда был издан сборник «Мысль и чувство».

С истинным уважением, готовый к услугам вашим

П. Якубович.

С.-Петербург, станция Удельная, Удельный пр., 36. Петру Филипповичу Якубовичу.

2.

Милостивый Государь!

Большое спасибо вам за все сделанные указания. Гербель, Перцов, Сосницкий, Сальников, Бонч-Бруевич, Михаловский имеются в моей собственной библиотеке, и если я чего-нибудь достойного не взял из них, то единственно потому, что посильное критическое чутье (или отсутствие его) указало мне на какие-либо существенные изъяны таких произведений. Объективный критерий художественной оценки, вероятно, существует, но отдельному человеку вряд ли он доступен, особенно во всякий данный момент. Тут многое зависит от настроения, которое, по всей вероятности, многое ценное заставило меня пропустить. И пропустить настолько, что я спрашиваю вас: г д е искать такую-то вещь, в то время как она имеется в моих книгах, и была мною—не раз, быть может,—читана...

Что касается, впрочем, переводов, то случайное отсутствие оговорки в моем предисловии ввело вас в крупное заблуждение. Если я не имел в виду дать в с е л у ч ш и е о р и г и н а л ь н ы е стихотворения, то тем меньше думал это относительно переводов. Мне хотелось дать только ш е д е в р ы русских переводов, такие переводы, которые стали для нас почти оригинальными произведениями. Хотелось... А субъективное чувство и настроение заставили напечатать порой совсем слабые пьесы!

Боюсь, кроме того, что мы с вами и вообще расходимся в эстетической оценке. Пример—«Пророк» Берга, кажущийся вам превосходным. Вы видите в этом стих. целое воззрение и цельное настроение 60-х годов, а для меня стихи эти—набор хороших мыслей и слов, облеченный в плохо рифмованные («вас» и «занялась») строчки и только. Один корявый стих «Когда х о т я один из вас» — чего стоит!

«Из Кернера» недурно, хотя особенно яркого ничего нет, кроме... безграмотного стиха: «Знаю я, вечно останутся верным»... Если же это ваша описка, и надо читать «останется», то выйдет, мне кажется, не совсем по-русски: «все... вечно о с т а н е т с я в е р н ы м».

«Недвижимо дремлет море» тоже не дурно, но «т и ш ь и мертвенность в о в с е м» плохо.

Ваши собственные стихотворения, грешен, я однажды вернул (но только однажды! Стихотв. отделом «Р. Бог.» я заведую, кажется, с конца 1901 г. или начала 1902 года), но виновным себя не признаю. «Чета» — стихотворение, по-моему, слабое. Первый куплет сам по себе хорош, но второй плох по форме. Что это за стихи? 1-й стих 2-го куплета, как и весь начальный куплет—дактиль, а три заключительные стиха почему-то вдруг—амфибрахий... Мне, по крайней мере, ухо это страшно режет! А затем читатель не видит, почему же это «они росли и цвели одиноко»,—и настроения р о в н о н и к а к о г о

не получает! Попытка написать нечто вроде гейневской «Сосны», но совершенно неудачная...

Вот по каким соображениям, может быть ошибочным, но абсолютно беспристрастным, я не напечатал этого стихотворения. Статистики мест жительства поэтов, печатающихся в «Р. Б.», я никогда не вел, но могу представить вам один пример: поэт, которого я наиболее часто печатаю,—Шрейтер, живет далеко от Петербурга, в Одессе, и я никогда его не видал в глаза...

Еще раз благодарю вас за указания, которые при следующем издании «Р. Музы» постараюсь тщательно просмотреть и проверить.

С истинным уважением

П. Якубович.

1904 г. 25 августа.

Из записной книжки архивиста.

Г. В. Плеханов и „шпионские забавы".

В IV томе «Сочинений» Г. В. Плеханова, на стр. 325—326, перепечатана из женевского «Социал-Демократа» (1892, кн. 4, стр. 137—138) небольшая заметка Плеханова под заглавием: «Шпионские забавы». Как явствует из текста этой заметки, напечатанной в самом конце книжки «Социал-Демократа», «шпионы» тем позабавились, что выпустили прокламацию, «уснащенную крепкими словами по адресу многих русских эмигрантов и приглашающую «очнуться» русскую молодежь». Сделали они это ко времени приезда Плеханова в Париж, в конце января 1892 г., где он должен был читать доклад, а под прокламацией поставили подпись самого Плеханова, при чем, по свидетельству потерпевшего, подпись была подделана «о ч е н ь х о р о ш о» (подчеркнуто Плехановым). Плеханов не ошибся в установке происхождения этого документа, хотя, впрочем, и трудно было ошибиться—такой случай в жизни эмиграции не был первым и не был последним. Творцом дела и автором прокламации был, действительно, не кто иной, как П. И. Рачковский, и со слов его самого мы имеем возможность уяснить себе цель и метод его воздействий, а из приложений к его докладу извлечь текст «подписной» прокламации.

В данном случае Рачковский ставил себе целью внести разложение в то настроение, которым были охвачены эмигрантские круги в связи с постигшим Россию голодом. Именно, в Париже образовалось общество «Борьбы с голодом», и оно-то и выпустило воззвание, столь возбудительно подействовавшее на Рачковского. В гектографированном листке за подписью Комитета общества доказывалось, что «остановить или хотя бы ослабить его (т.-е. народа) быстрое разорение и вымирание возможно, л и ш ь у н и ч т о ж и в г н е т у щ и й е г о а б с о л ю т и з м и б ю р о к р а т и ч е с к и й п р о и з в о л, и ч т о п о э т о м у русскому народу, прежде всего, необходимо, пользуясь теперешним критическим моментом, громко потребовать созыва З е м с к о г о с о б о р а». «Ввиду этого,—заканчивалось воззвание,—русские социал-демократы в Париже основали о б щ е с т в о б о р ь б ы с г о л о д о м и обращаются ко всем сочувствующим вышенамеченной цели лицам с просьбою оказать содействие материальными и всевозможными другими средствами для издания прокламаций, брошюр и т. д., вообще для распространения устным и печатным словом среди русского населения истинных понятий о причинах теперешнего голода в частности и его векового голода вообще» [1]).

Движение перекинулось в Цюрих и в Лондон. В Цюрихе образовался Цюрихский комитет о-ва и выпустил

---

[1]) Подлинник находится в деле Петербургского историко-революционного архива. Архив департамента полиции, III дел. № 1 т. I. По переписке с заведующим парижской и лондонской агентурой, вход. № 25. На воззвании помечено, что кассиром о-ва состоит В. И. Засулич, а за сведениями следует обращаться к Григорьеву (Говорухину).

аналогичное воззвание (приписывая, впрочем, инициативу дела «социалистам-революционерам») [1]), а в Лондоне энергично при посредстве английской прессы действовал Кравчинский.

Мы можем теперь предоставить слово самому Рачковскому, который в своем докладе от 17/29 января, согласно обычной своей манере, охарактеризовав только что намеченное положение дел, вслед за тем мотивирует свои собственные контр-действия: «... я счел необходимым не только воспрепятствовать сбору пожертвований, но и поселить деморализацию в различных отделах союза с тем, чтобы при возникших пререканиях все дело его распалось и поставленные задачи не могли осуществиться. С этой целью, помимо представляемого при сем «вынужденного заявления», составленного будто бы Плехановым и разосланного студентам в Париже и Женеве, мною будет предпринята в местных газетах агитация, с помощью которой огласились бы скрытные замыслы революционеров, и общественное мнение было бы восстановлено против их шантажных проделок под видом помощи «голодающим»[2]). Если оставить в стороне истолкование стилистики Рачковского, то происхождение и цель интересующего нас документа окажутся в достаточной степени выясненными.

Само воззвание отгектографировано на развернутом листе на двух страницах, размер текста (на 1-ой странице) $21^1/_2 \times 18$ сантиметров. Оно гласит:

Вынужденное заявление.

Старинные плутни, которые довели народовольцев до позорного и заслуженного ими конца, теперь снова возобновились. Им показалось мало воровать у меня политические идеи для прикрытия своего невежества и выдавать их за свои: им понадобилось впутать моих близких друзей в свои грязные, уголовные затеи и обвинить их в шпионстве [1]). Мало того. Они выпустили на-днях, как будто от нас, бессмысленный гектограф, в котором цинически объявляется об основании в Париже какого то «общества денежных вымогательств». Это милое «общество» организовано с явною целью очернить нашу группу и сбить с толку учащуюся молодежь, которую они ловят, как пауки, в свою паутину ради корыстных побуждений, а имя России и Земский собор они употребляют только, как блестящую приманку для этой возмутительной ловли. Для предупреждения новых подвохов и козней подлых душ, чувствующих себя совершенно как дома среди всяческих низостей, я считаю необходимым заявить, что ответственность за глупую провокацию должна пасть на действительных ее авторов, и что подписанные под нею имена не имеют ничего общего с веселой шайкой молодцов, среди которых не знаешь—где кончается революционер и начинается шпион... Жаль, что здесь не место выводить на свежую воду омерзительные проделки, которыми ознаменовали себя разные Кравчинские, Федоровы, Волховские, Войничи, Менделъсоны и остальные подонки русской интеллигенции. Такое право мы оставляем за собой до другого раза, а то, что мы расскажем, послужит для поучения, предостережения и увеселения молодежи. Даже полиция, и та перестала возводить их на политический пьедестал: до такой степени бьет в глаза их мелкая и крупная уголовщина.

Я, лично, признаю для себя невозможным жить и работать в этой атмосфере кружковой зависти, шарлатанства и шпионских провокаций. Простое чувство порядочности вынуждает меня сойти со сцены и очистить место... для кого? Лучше не договаривать! После многих лет беспрерывной лжи, сделок с совестью и всего, что, с позволения

[1]) Копия цюрихского воззвания в том же деле, вход. № 29.

[2]) Доклад Рачковского от 17/29 января 1892 г. за № 8 , там же, вход. № 25.

[1]) Селитренный и Ел. Лурье, которых народовольцы обвиняли в доставлении Рачковскому сведений о намерении их покончить с ним *(по примечанию Рачковского)*.

сказать, выдается у нас с таким упорным меднолобием за революционное движение, мне открылась новая дорога для настоящей, легальной деятельности.

Мое открытое презрение—продажным спекулянтам, промышляющим политикой для поддержания своего гнусного существования, и мой привет—учащейся молодежи! Очнись, русская молодежь, и вырази свое правдивое негодование темным, преступным проходимцам, которые думают, как вампиры, разрушить твою будущность и вести тебя не только на бесполезную, но и на позорную гибель перед лицом всего света! *Г. Плеханов.*

Январь 92.

Доклад Плеханова состоялся 6 февраля [1]), и ему уже пришлось считаться с фактом распространения подложной прокламации. Рачковский сообщал департаменту об этом докладе с тем самодовольством, отказаться от которого он никогда не мог без видимого нарушения своего агентурного престижа: «Вечеринка голодающих» не удовлетворила ни устроителей ее, ни самого Плеханова, к приезду которого в Париж и было приурочено наше воззвание. Речь Плеханова, пытавшегося «восстановить истину» за счет народовольцев, вызвала со стороны этих последних насмешки и подозрение. Учащаяся молодежь на вечере почти отсутствовала, наибольший контингент публики состоял из эмигрантов. Плеханов, обманутый в своих надеждах и захлебываясь от волнения, доказывал, что он не поддастся полицейскому соблазну и в этом случае не последует за Тихомировым. «Между мною и разочаровавшимся Тихомировым,—хвастнул Плеханов,—громадная разница—Тихомиров стремился к достижению быстрых, немедленных результатов и, потерпевши неудачу, бросился в объятия полицейских; я верю в процесс общественного движения по закону самодействующей эволюции, а посему и, в качестве убежденного революционера, жду хладнокровно социальной революции, которая в России неизбежна».

Такое безумие не нуждается в критике—решили молодые народовольцы и оставили залу».

Трудно сказать, имело ли в действительности какое-либо влияние на молодежь воззвание Рачковского. Менее чем кому-либо можно верить в данном случае Рачковскому, который в каждом своем действии видел непоправимый для революционеров удар. В своем докладе от 29 января (10 февраля) он сообщал об удручающем впечатлении, произведенном на учащуюся молодежь, вплоть до того, что некоторые «даже покинули студенческое общество, предпочитая не заниматься политикой, чтобы не компрометировать себя сношениями с эмигрантами»; что же касается эмиграции, то «все, взятые вместе, революционеры пришли к тому заключению, что они окружены шпионами и что дальнейшая деятельность их при наличных условиях немыслима» [1]).

На-ряду с этой официальной историей «шпионское» заявление имело и свою небольшую литературную историю, о которой бегло рассказывает Кравчинский. Его заметка написана по просьбе самого Плеханова и почти вслед за получением «заявления», которое, по словам Кравчинского, было получено «всеми русскими эмигрантами, адреса которых более или менее известны». Но цель заметки—довести о факте «проделки» «до всеобщего сведения», «тем более, что такая мистификация может случиться с другими революционерами». Отсюда же мы узнаем, что еще до того сам Плеханов «напеча-

[1]) На собрание были разосланы нижеследующие гектографированные приглашения:

М. Г.

Комитет общества «Борьбы с голодом» честь имеет просить вас присутствовать на вечере, имеющем быть в субботу 6-го февраля 1892 г. в salle «au Chaperon Rouge», 13, rue de Plantes, 13.

Ordre du jour: речь Г. В. Плеханова.

По окончании речи — товарищеская вечеринка.

Начало в 8 ч. вечера.

Цена за вход 35 сантим.

[1]) Там же, вход. № 35.

тал во французских газетах протест против такого мошеннического злоупотребления его именем» [1]). Если закончить указанием на тот третий литературный отклик, которым мы начали наше сообщение, то, действительно, можно говорить о некотором эффекте затей Рачковского.

Сообщил *С. Валк.*

Казнь Шмидта, Частника и др.

О казни лейтенанта Шмидта, Частника, Гладкова и Антоненко появилось довольно много сообщений как в периодической печати (в 1906 г.), так и в специальных изданиях, посвященных Севастопольскому восстанию 15 ноября 1905 года [2]). За последнее время, в связи с известным севастопольским процессом обвинявшегося в расстреле Шмидта Ставраки, в газетах появились новые материалы, посвященные этой трагедии. Несмотря на это, мы считаем не лишним опубликовать два письма, относящиеся к этому событию.

Авторы писем—матросы, товарищи Частника, Гладкова и др., осужденные на каторгу и находившиеся на «Пруте» вместе с приговоренными к расстрелу. Эти письма написаны под свежим впечатлением расправы над Шмидтом и потому заслуживают особого внимания. Под одним из этих писем имеется дата—8 марта, а казнь была совершена 6 марта. Естественно, что в этих письмах мы находим такие характерные подробности последних часов жизни Шмидта и его товарищей, которые изгладились из памяти свидетелей в процессе Ставраки, вынужденных давать свои показания об этом событии через 18 лет.

Публикуемые нами письма были посланы матросами одному из адвокатов, С. А. Балавинскому, несомненно, с целью широко осветить подробности трагедии на острове Березани.

Письма по назначению дошли, но, очевидно, по цензурным условиям того времени опубликованы не были. И только теперь, когда эти письма оказались в числе архивных материалов, поступивших в Государственный Архив РСФСР, они могут увидеть свет.

Ред.

I.

Милостивый Государь Сергей Александрович! Шлем Вам горячий привет и желаем Вам всего лучшего в этом мире. О себе писать будем после, когда нас переведут с «Прута». Теперь же мы Вам опишем последние дни Частника, Антоненко и Гладкова. 5-го марта пришел из Севастополя «Терец» и привез отказ на нашу кассацию. Бумага была прочитана сначала Шмидту, а потом Частнику, Антоненко и Гладкову. Выслушав приказ о приведении приговора в исполнение, они попросили, чтобы Чухнину передали благодарность за приговор. Вечером пришел священник. Он был сначала у Шмидта, который исповедывался и причащался, а затем пришел к Частнику, Гладкову и Антоненко, но они отказались от исповеди и сказали, что каяться им не в чем. Частник сказал ему речь, которую, к сожалению, мы слышали урывками и в точности передать Вам не можем. Общее содержание речи следующее: Частник сказал священнику: «Вы, батюшка, убеждаете нас раскаяться в тяжком грехе, так как подняли руку на начальство и тем их убили в нравственном отношении; Вы, батюшка, следовательно, тоже убийца, потому что благословляете нижних чинов на убийство. Поэтому мы не желаем ваших наставлений». В 7-м часу утра 6-го марта их начали перевозить на баржу. Мы просили, чтобы нам разрешили проститься со Шмидтом, Частником, Гладковым,

---

[1]) С. Степняк. Заграничная агитация, Лондон, 1892, изд. Фонда Вольной Русской прессы, стр. 43.—Первый протест Плеханова до сих пор не разыскан; по крайней мере, он не включен в составленный В. Ваганяном «Опыт библиографии Г. В. Плеханова» (М. 1923).

[2]) См. «Жизнь лейтенанта Шмидта». С.-Петербург 1906 г. 81—85 стр.; «Лейтенант П. П. Шмидт»—Воспоминания сестры. Петроград, 1923 г. 138—140 стр.; «Лейтенант Шмидт»—Письма, воспоминания; изд. Центрархива 1922 г. IX—X стр.

и Антоненко. Нам отказали, но караульный начальник от себя разрешил нам проститься через решетку. Со Шмидтом мы и не виделись. На баржу вывели Шмидта первого. Когда на него набросили веревку, он вздрогнул и сказал: «Я приговорен к расстрелу, а не к повешению». Поднявши голову вверх и увидевши, что веревка не заложена в клотик, он успокоился. За Шмидтом опустили Частника, Антоненко и Гладкова. Один офицер в это время улыбался, и Гладков ему сказал: «Вам любо?». Приехав на о. Березань, они простились друг с другом. Шмидт потрепал их по плечам и сказал: «Молодцы! держались героями». Они приложились к кресту, попросили, чтобы им не связывали руки, и их привязали вокруг туловища. Шмидта и Частника по бокам, Антоненко и Гладкова в середине. После первого залпа упал Шмидт, после второго Частник, после третьего Гладков. Антоненко остался на ногах. Думали, что он мертвый, но, когда подошли к нему, он стал развозить кровь по груди и сказал: «беги, моя кровь, ручьями». Одежду они на себе разорвали раньше, кроме П. П. и Частника. Антоненку подставили винтовку к левому боку и выстрелили. Он упал. Не успели еще палачи сесть на катер, как прибежал матрос и сказал: «Антоненко жив!» Послали несколько человек, которые увидели, что Антоненко повернул голову в сторону Частника и Гладкова. В Антоненко всадили еще 3 пули, а всех 43 штуки. Спасибо Вам передаем от имени расстрелянных и от себя. Дай Вам господь всего лучшего.

Преданные Вам всей душой 16 каторжан.

Пишем одного содержания Вам всем, не знаем, дойдут ли.

II.

Кровожадный зверь и тот глотает свою жертву не с такой жадностью, как эти звери. Когда они стали уносить свои жертвы, то мы просили, чтоб пустили к нам хотя на 5 минут посмотреть последний раз и попроститься, они взяли их в свои лапы и не показали нам. Мы 3-х видели и прощались с ними. Ш(мидта) видели, когда спускали по концу на катер. Он геройски крикнул: «Прощайте, товарищи!». Мы так же ответили и повторили: «Мы молимся не святыне, а тебе, Ш(мидт), ты наш бог и святыня наша!» Нам сказали: «замолчите». Мы долго кричали и плакали: «Прощай, Ш(мидт), ты наш бог и святыня наша, а также и остальные товарищи!»

Когда привезли к столбам, то они не желали, чтоб их вязали, они умирали спокойно, с честью, как истинно-русский человек, с открытой грудью. Когда сделали выстрел, Ш(мидт) сейчас умер, за 2-м выстрелом Час(тник) и Гл(адков), а Ан(тоненко) после 3-го выстрела стоял и несколько слов сказал: «теки, моя кровь, ручьем». Тогда ему приставили винтовку к груди и угасили эти жарко горевшие свечи. Они, палачи, вынули револьвер и расстреляли им, т.-е. героям будущей истории, головы,—так наши герои и умерли.

Еще несколько слов позвольте мне, С. А.: пришел священник, чтоб причастить наших товарищей, и говорит: «покайтесь—вы грешники и перед богом, и перед людьми. Христос сказал—кайтесь». Товарищи сказали: «Христос сказал:—не убий. Зачем вы убиваете? Вы—грешники, должны каяться, вы—убийцы». С тем наш пастырь и удрал и чашу с тайной опрокинул. С. А., мы хотели удрать в Р. Солдатики были некоторые надежные, но команда на палубе была не особенно. У нас был бы хороший успех, если бы не так следил караул. Теперь нас привезли в г. С. Флотский караул стоит, и караульный начальник там же находится с нижними чинами. Приготовили нам бруслеты по 7 фун., мы надеемся геройски в них итти по Большой Владимировке. Живем так же весело и ожидаем Булыгинской Думы.

Целую Вас горячо. Любящий Вас каторжник.

8 марта 1906 г.

В. Чернов и июльские дни.

Заседание Временного Правительства 8 июля 1917 г. целиком было посвящено июльским дням. На нем присутствовали: заместитель министра-председателя Н. В. Некрасов, министр продовольствия А. В. Пешехонов, министр иностранных дел М. И. Терещенко, министр земледелия В. М. Чернов, министр почт и телеграфов И. Г. Церетели, министр труда М. И. Скобелев, обер-прокурор синода В. Н. Львов, временно-управляющий военным министерством Г. А. Якубович, товарищ министра юстиции Г. Д. Скарятин и государственный контролер И. В. Годнев. Заседание началось в 11 ч. 20 мин. вечера и закончилось в 1 час. 20 мин. ночи. Первым вопросом слушали: доложенный заместителем министра-председателя проект декларации Временного Правительства, вызываемый обновлением его состава [1]) и переживаемыми событиями. Предложенный проект было постановлено обнародовать. К истории текста этой, опубликованной 9 июля, декларации, начинающейся словами «Настал грозный час», относятся публикуемые документы, найденные при разборе разрозненных бумаг в архиве 1 отделения Юридической секции Петроградского отделения Центрархива.

В папке, на обложке которой красным карандашом написано: «6, 7 и 8 июля», находятся подлинник декларации, подписанный заместителем министра-председателя Н. Некрасовым, и целый ряд черновых набросков ее; большинство их написано рукой Некрасова, часть переписана на машинке с его поправками; здесь же были найдены и 4 листка блокнота, написанных В. М. Черновым; три из них содержат первоначальный текст декларации, на одном—текст аграрной программы, и письмо Чернова к Некрасову, из которого явствует, что ему принадлежала мысль снабдить декларацию воззванием и авторство ее.

Письмо это на бланке Ministre des Affaires Etrangères следующего содержания:

«Дорогой Николай Виссиаронович.

Посылаю Вам набросок формулировки нашей аграрной политики, при чем в общей части не формулирую ничего самостоятельно, а готов ограничиться формулировкой Главного земельного комитета (в выработке его резолюции принимали участие справа Черненков, Корнилов и Кауфман).

Для сравнения прилагаю резолюции Всероссийского Съезда Сов. Раб. и Солд. деп. Сердечно ваш Виктор Чернов.

P. S. Проредактируйте и мой текст воззвания, которое, по общему мнению, надо опубликовать одновременно с деловой декларацией».

«Наша аграрная политика», написанная карандашом на небольшом листке блокнота, полностью, с незначительными редакционными поправками, вошла в декларацию Врем. Прав. 8/VII. Что же касается воззвания, о котором упоминает Чернов в своем письме к Некрасову, то оно было последним значительно изменено и отличается от окончательного текста. Приводя этот первоначальный, написанный Черновым, текст воззвания, мы отмечаем разбивкой непомещенные места, а в скобках—заменяющие их фразы окончательной опубликованной редакции.

«Граждане! Настал грозный м о м е н т (час). Войска германского императора прорвали фронт русской народной революционной армии. Это страшное дело было для них облегчено преступным легкомыслием и слепым фанатизмом одних, изменой и предательством других. Развалом и распадом угрожали о н и (и те и другие) самым устоям новой н а р о д н о й (свободной) России. В э т о т г р о з н ы й м о м е н т, к о г д а в о в с е й

[1]) В предыдущем заседании 7 июля была принята отставка министров-кадетов: народного просвещения А. А. Мануйлова, государственного призрения кн. Д. И. Шаховского, путей сообщения Н. В. Некрасова, финансов А. И. Шингарева, юстиции П. Н. Переверзева, управляющего министерством торговли и промышленности В. А. Степанова и министра-председателя кн. Г. Е. Львова.

своей уродливости показала свой подлинный лик анархия, раздуваемая и поддерживаемая врагами России; в этот грозный момент, когда готовятся (могут) открыто выступить, пользуясь общественным смятением, таившиеся доселе силы столь же опасной для судеб родины контр-революции, в этот грозный момент перестроившееся Временное Правительство тверже и решительнее, чем когда-либо, выполнит свой долг перед страной[1]). Оно принимает власть в полном сознании огромной величины той ответственности (ясно сознает ответственность), которая всею своею тяжестью падает на его плечи. Но если бы положение было во много раз тягостнее и хуже того, которое нас окружает, если бы даже оно было безнадежным и непоправимым — Временное Правительство не отступило бы перед этой грозной перспективой и не покинуло бы своего поста, так же точно и по тем же мотивам, по которым капитан вверенного[2]) корабля остается до конца на борту. Но Временное Правительство полно твердой веры (верой) в запас нетронутых непочатых сил (силы) всего великого русского народа; Временное Правительство верит в быстрое оздоровление политической жизни страны после того, как вышла наружу и разрешилась в остром кризисе заразительная болезнь, подтачивавшая народный организм; Временное Правительство верит, что этот кризис—к выздоровлению, а не к смерти.

Сильное это верой, Временное Правительство готово действовать и будет действовать со всей той энергией и решительностью, каких требуют чрезвычайные обстоятельства момента (времени).

Против всяких попыток возрождения анархии, с одной стороны, контр-революции, с другой,—равно опасных и гибельных для родины[1]), оно будет бороться без всяких колебаний и так же неослабно, как с врагом, грозящим границам русской революции извне. (Своей первой основной задачей Временное Правительство считает напряжение всех сил для борьбы с внешним врагом и для охраны нового государственного порядка от всяких анархических и контр-революционных покушений, не останавливаясь перед самыми решительными мерами власти. Вместе с тем, своею внешнею политикой оно покажет (снова и снова подтвердит), что революционная армия может итти в бой с твердой верой в то, что ни одна капля крови русского солдата не прольется ради целей, чуждых правосознанию русской демократии, провозгласившей открыто, перед лицом всего мира, свои мирные лозунги. Оно прежде всего напряжет все силы к тому, чтобы восстановить фронт революционной армии и остановить во что бы то ни стало вторжение германских императорских армий. Со всею тою быстротою, какой требует жизнь, готово оно проводить в жизнь все то, что было возвещено еще в декларации 6 мая и доселе оставалось неосуществленным. Этой созидательной работой, при уча-

[1]) Вместо этой фразы было написано и вычеркнуто: «Принимает всю тяготу власти в свои руки решительнее и тверже, чем когда-либо, готово взять всю полноту и всю тяжесть власти в свои руки полно...»

[2]) Это слово написано рукой Н. В. Некрасова.

[1]) Вместо этого слова было написано и вычеркнуто: «молодой русской свободы».

стии всех живых сил страны, оно всего ощутительнее докажет, что народной армии есть что защищать от вражеского нашествия в новой России[1]).

(Объявляя о поставленных задачах, Временное Правительство полагает, что) оно в праве рассчитывать в своей тяжкой и ответственной работе на беззаветную [2]), одушевленную помощь всех живых сил страны. Оно требует от всех них (их) жертвенной готовности отдать все—свои силы, достояние, самую жизнь—для великого дела спасения страны, которая перестала быть для населяющих ее народов суровою мачехой, которая стремится всех их объединить на началах полной свободы и равноправия».

Декларацию редактировал тогдашний заместитель министра - председателя Н. В. Некрасов. Характер его редакционной работы явствует из приведенного параллельного текста черновского проекта декларации, при чем нельзя не заметить и не отметить в редакторе большую осторожность и стремление сгладить особенно резкие шовинистические и решительные места текста, предложенного Черновым, а в связи с этим нельзя не привести наброска 3-х пунктов, написанных Некрасовым и частью совершенно не попавших в декларацию, частью помещенных в ней в искаженном виде. Эти пункты написаны рукой Некрасова на бланках министра путей сообщения:

«1. Руководящим политическим началом для внутренней политики Временного Правительства является глубокое убеждение в полном и окончательном признании всей страной демократической республики.

2. Ставя своей задачей создать все необходимые условия для скорейшей планомерной работы Учредительного Собрания, Временное Правительство предпримет немедленно разработку оснований областной децентрализации для всей территории России.

3. В стремлении к последовательному проведению в жизнь страны начал демократизации, Временное Правительство издаст в ближайшем будущем постановление об уничтожении сословий, а равно и об окончательном упразднении чинов и орденов».

Однако и в такой осторожной и уклончивой формулировке эти пункты оказались слишком революционными для Врем. Прав. 1-й пункт совершенно не нашел отражения в декларации, 2-й—превратился в обещание реформ в области городского и земского самоуправления и в туманные предположения привлечь к организации местной власти представителей общественных организаций, и, наконец, 3-й—был опубликован с поправкой—«за исключением жалуемых за боевые отличия».

М. Г. Флеер.

Распутин в освещении „охранки".

«Ты с самого начала объясни ему (преемнику Джунковского) положение нашего Друга, чтобы он не смел поступать, как Щерб. (кн. Щербатов, министр внутренних дел) и Сам. (Самарин, обер-прокурор Синода). Дай ему понять, что, преследуя нашего Друга или позволяя клеветать на него, он этим действует прямо против нас».

Так писала Александра Федоровна Николаю Романову по поводу назначения нового товарища министра внутренних дел на место Джунковского, прогнанного со своего поста за то, что он осмелился повести расследование о слишком уже скандальном дебоше «старца» в московском «Яре» [1]).

---

[1]) Далее следует, начиная с фразы:—«В этих целях Временное Правительство, осуществляя начала внешней политики, возвещенные в декларации Правительства 6 мая» и т. д.,—составленный Н. В. Некрасовым известный текст декларации 8 июля. Окончил эту декларацию Некрасов заключительной фразой проекта Чернова.

[2]) Вместо этого слова было написано и вычеркнуто: «безоглядную, безусловную».

[1]) М. Н. Покровский. Предисловие к переписке Александры и Николая Романовых. Т. 3-й, Москва 1923 г. стр. X.

Вот эта-то теснейшая и неразрывная связь Распутина с царствовавшим домом и громадная его политическая роль, документально установленная перепиской Романовых, и заставляет редакцию дать место дневнику наружного наблюдения за Распутиным, который, несомненно, является необходимым дополнением к переписке Романовых, являющейся, по удачному выражению М. Н. Покровского, «весьма любопытным историко-психиатрическим» документом.

По яркости вскрываемой картины разложения царизма этот дневник занимает, несомненно, одно из первых мест. Он как раз ставит точки над очень многими «i» из последних дней Романовской монархии и является лучшим ответом на уже появившиеся или которые еще появятся монархические мемуары типа А. Танеевой-Вырубовой, которые пытаются затушевать истинную сущность «Друга царского дома» и его роль.

Правда, печатаемые здесь материалы далеко не полны.

Во-первых, здесь—только данные одного наружного наблюдения, т.-е. донесения агентов охранки, приставленных якобы для «охраны» особы Распутина на улице, а на самом деле для точной за ним слежки. Жандармский генерал Комиссаров, от которого в свое время материалы эти были получены лицом, передавшим затем таковые редакции, сообщал, что, помимо «наружного наблюдения», охранкой за Распутиным было установлено также и «внутреннее наблюдение», проникавшее вплоть до алькова царицы. «Мы с Белецким,—сообщил Комиссаров,—не могли играть в темную при неожиданном появлении на политическом и придворном горизонте такого на первый взгляд таинственного и загадочного козыря, каким выплыл Распутин. Его надо было расшифровать начисто». Тех материалов охранки, которые относятся к «внутренней расшифровке», и которые, по словам того же Комиссарова, подтвердили самые фантастические предположения цинизма и порнографии, тех материалов в нашем распоряжении не имеется. Да и вряд ли, строго говоря, в них возникает какая-либо нужда, поскольку уже одни только эти «наружные наблюдения» дают вполне ясную и документально точную картину всего распутинского бытия.

Во-вторых, настоящий материал не является сырым донесением агентов охранки, а представляет собою уже переработанную департаментом полиции сводку таковых; при чем сводка эта, при всем своем стремлении придерживаться истины, не могла, конечно, осветить все факты с той же полнотой, с какой они были освещены самими агентами. Об этом можно наглядно судить, сравнивая конец этой сводки с совпадающими и случайно сохранившимися полными материалами наблюдений агентов за три отдельных дня.

Кроме того, дневник имеет очень много пропусков, особенно дней посещения Распутиным Царского Села, как зашифрована в дневнике А. Ф. Романова. В то время как посещения Распутиным Царского Села и дома Вырубовой, который являлся местом свидания царицы с Распутиным (чтобы частыми его посещениями царского дворца не привлекать внимания), измерялись десятками, а может быть, и доброй сотней—в дневнике они зарегистрированы единицами. Также при сличении дневника наблюдения за Распутиным с письмами Александры Федоровны выясняется, что опущены такие политические выступления Распутина, как свидания с министрами и разными политическими дельцами и т. п. К большому сожалению, в дневнике весьма ярко, в некоторых случаях даже излишне ярко, освещена физиологическая жизнь Распутина и чрезвычайно мало политическая.

Сводка только вскользь и далеко не полно останавливается на закулисных похождениях и совместных с Распутиным совещаниях и гешефтах таких дельцов последних дней цар. прав., как биржевые акулы и аферисты, вроде: Мануса, Митьки Рубинштейна, Гинсбурга, Бобермана, Коварского и Татищева, и политических аферистов и дельцов, вроде: кн. Андроникова, Б. Штюрмера, Наумова, кн. Шахов-

ского, бар. Клейгельса, сенатора Мамонтова, митрополита Питирима, епископа Варнавы, архимандрита Августина, игумена Мартиана и др., с плеядой их секретарей из шулеров и проходимцев, вроде Манасевичей-Мануйловых, Осипенок и Симановичей. В отношении многих лиц (как например: Щегловитова, Мосолова, Спиридовича, личн. секретаря царицы полк. Ломана, Бадмаева, секретаря бельгийского посольства Вернера и других) о той или иной связи таковых с Распутиным приходится узнавать не столько из самой сводки, сколько из приложенной к ней табели, содержащей адреса почти всех этих более или менее постоянных посетителей Распутина, а зачастую и даты этих посещений [1]).

Несмотря на всю эту относительную неполноту и недостатки, материал дает в целом яркую картину разложения верхушки господствующих классов.

Ред.

ВЫПИСКА

из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным, за время с 1-го января 1915 г. по 10-е февраля 1916 г.

1915 год.

1 января. Распутин послал телеграмму в Покровское [2]) сельскому старосте: «Лес выхлопотал даром, возить, когда разрешат рубить».

10 янв. Шаповаленкова [3]) принесла ему в подарок ковер. Послал телеграмму: «Царское, дворцовый госпиталь, Анне Александровне Вырубовой [4]). «Хотя телом не был, радую духом, чувство мое, чувство божие. Посылаю ангела утешать и успокаивать, позови доктора».

12 янв. Распутин принял прошения от крестьянина Саратовской губернии Гавриила Пантелеева Шишкина на высочайшее имя с просьбой о помиловании (приговорен судом к заключению в крепости по делу о какой-то секте) и от крестьянина Тамбовской губернии Александра Осипова Слепцова тоже о помиловании, осужденного за подлоги каких-то векселей. За хлопоты с них взял 250 рублей.

17 янв. Распутин на 50 минут посетил бани в д. № 3 по 4-ой Рождественской ул., но был ли он там один или с кем-либо, наблюдение не видело.

18 янв. Распутину принес 1000 руб. и отдал ему под расписку в разносной книге артельщик статского советника (поставщика угля на флот) Гинсбурга [1]), крестьянин Август Корнилович.

26 янв. Симанович [2]) принес Распутину несколько бутылок вина. В этот вечер у Распутина был бал в честь каких-то освобожденных из тюрьмы. На балу были: супруги Волынские [3]), Шаповаленкова, Мария Головина [4]) и еще по одиночке пришли неизвестные 4 мужчины и 6 женщин, у одного из мужчин была гитара. На вечеринке было очень шумно: пели песни, плясали и кому-то аплодировали; гулянье затянулось до позднего времени.

28 янв. Фон-Бок [5]) с неизвестным привез Распутину ящик вина.

12 февраля. Распутин с неизвестной женщиной проведен в д. № 15—17 по

---

[1]) Табель эту опускаем. *Ред.*

[2]) Село Покровское, Тобольской губ., родина Распутина.

[3]) Шаповаленкова, Анастасья Николаевна, жена доктора, поклонница Распутина; адр.: Каменноостровск. просп., 24-а.

[4]) Вырубова, Анна Александровна, дочь сенатора Танеева, фрейлина и интимный друг царицы, поклонница Распутина; адр.: Царское Село, Церковная ул., 2.

[1]) Гинсбург, Моисей Акимович, 63 лет, дейст. ст. сов. и коммерч. сов., петр. 1-й гильдии купец, банковск. делец; адр.: Вас. Остр., 11-я лин., 18.

[2]) Симанович, Арон Симонович, 42 лет, петрогр. 1-й гильд. купец, из гор. Мозыря. Личный секретарь Распутина; адр.: Пушкинская, 9, затем Николаевская, 8.

[3]) Волынские, Михаил Давыдович, 54 лет, агроном, и жена его Софья Леонтьевна, 26 лет, поклонница Распутина; адр.: Троицкая, 15—17.

[4]) Головина, Мария Евгеньевна, 26 лет, дочь действ. ст. сов., поклонница Распутина; адр.: Мойка, 104.

[5]) Фон-Бок, Лев Карлович, 52 л., колл. сов.; адр.: Соляной пер., 7—12.

Троицкой улице к князю Андроникову [1]). Отсюда выхода его не видели, а в 4 с половиной часа утра пришел домой в компании 6 пьяных мужчин (с гитарой), которые пробыли до 6 часов утра, пели и плясали. Утром Распутин никого не принимал, так как спал.

18 февр. Распутин послал телеграмму: Царское Село, Вырубовой. «Скажи завтра Коровиной, чтобы была у тебя в 1 три».

19 февр. Распутин в 10 ч. 15 м. вечера вышел из д. № 1 по Спасской ул. от Соловьевых [2]) с двумя дамами и на таксомоторе уехали без наблюдения, а в 3 ч. ночи он вернулся домой один.

21 февр. К Распутину на моторе приехал Николай Алексеевич Глазов и привез с собою несколько бутылок вина. Захватив Распутина, уехали вместе в Большую Северную гостиницу к Тереховой-Миклашевской [3]). Распутин пробыл здесь 1 ч. 50 минут.

10 марта. К Распутину приходила Евгения Карловна Ежова [4]) просить его содействия по устройству ей подряда по поставке белья для войск, на 2 миллиона рублей. Около часу ночи к Распутину пришли человек 7—8 мужчин и женщин, во главе с прапорщиком Карпотиным [5]) и пробыли до 3 часов ночи. Вся компания кричала, пела песни, плясала, стучала и все пьяные вышли вместе с Распутиным и отправились неизвестно куда.

11 марта. В 10 ч. 15 м. утра Распутин встречен один на Гороховой улице и проведен в д. № 8 по Пушкинской ул., к проститутке Трегубовой [1]), а оттуда в баню.

12 марта. Распутину на квартиру Алексеев [2]) принес одну бутылку вина.

13 марта. Миллер [3]) купила Распутину шапку. В 6 ч. 50 м. вечера Распутин направился с двумя дамами в д. № 76 по Екатерининскому каналу, к Савельевым, где пробыл до 5 ч. утра и весь день лежал больной.

14 марта. Поган принес икону и кружку для постановки в передней в квартире Распутина для сбора пожертвований.

25 марта. Распутин выбыл в Москву.

26 марта. В отсутствие Распутина приходила просить Варвара Нищенко [4]) об освобождении ее дяди, полковника Жилецкого, призванного из запаса, за что обещала дать ему 2000 рублей.

30 марта. Распутин вернулся из Москвы. Послал телеграмму в Москву: 1) Большой Гнездниковский пер., д. 10, княгине Тенишевой. — «Радуюсь за откровение, обижен за ожидание, целую свою дорогую». 2) Козицкий пер., дом Бахрушина, Джануловой [5]). — «Ублажаемое сокровище, крепко духом с тобой целую».

3 апр. Распутин привел к себе на квартиру в 1 ч. ночи какую-то женщину, которая и ночевала у него.

---

[1]) Князь Андроников, Михаил Михайлович, 28 л., причисленный к министерству внутр. дел, чиновник; адр.: Троицкая, 15—17, затем: Фонтанка, 54.

[2]) Соловьевы, Николай Васильевич, 52 л., действ. ст. сов., крупный чиновник святейш. синода, и жена его Елизавета Петровна, 30 л., поклонница Распутина; адр.: Спасская, 1, затем Гороховая, 69.

[3]) Терехова, Евгения Георгиевна, 23 лет, урожд. Миклашевская, потомст. дворянка, куртизанка; адр.: Невский, 118, (Северн. гостин.).

[4]) Ежова, Евгения Карловна, 41 г., жена Клинского мещанина; адр.: Невский, 118 (гост. Северная), затем Морская, 39/12 гост. Астория).

[5]) Карпотины, Николай Вас., 19 лет, прапорщ. учебн. автомобильн. роты и жена его Ольга Васильевна; адр.: Петрогр. Сторон. Больш. просп., 74.

[1]) Трегубова, Вера Иевлевна, 26 лет, Шлиссельбургск. мещанка, замужняя, выкрещенная еврейка, проститутка; адр.: Пушкинская, 8.

[2]) Алексеев, Борис Кириллович, 30 л., чиновн. особ. поруч. VII кл. при мин. торг. и пром., титулярн. сов., жена его Ольга Сергеевна, 30 л.; адр.: Фонтанка, 88.

[3]) Миллер, Малка-Лея-Бася, 41 г., жена Слонимск. мещанина Моисея Нисонова Миллера; адр.: Лиговка, 45.

[4]) Нищенко, Варвара Алексеевна, 35 л., вдова надворн. сов., Вознесенск. просп., 27.

[5]) Джанулова, Анна—Елена Францевна, 35 лет, жена моск. купца, поклонница Распутина; Петрогр. адрес: Мойка, 60 (гост. «Россия»).

9 апр. Распутин в 9 ч. 45 м. вечера проведен в д. № 18 по Садовой ул. к окончившему курс московского университета Алексею Фролову Филиппову, бывшему издателю газет «Деньги» и «Биржевой День», и оставлен здесь в 2 часа. Было замечено, что происходило какое-то собрание или пирушка. Распутин вернулся домой в 6 ч. 30 м. утра.

15 апр. Распутин с монахом Мартианом [1]) был в д. № 45 по Лиговке у потомственного почетного гражданина Василия Евгениевича Пестрикова. За отсутствием последнего они с сыном его и еще неизвестным студентом кутили. Играл какой-то музыкант. Пели песни и Распутин плясал с горничной Пестрикова.

25 апр. Распутин послал телеграмму тобольскому епископу Варнаве [2]): «Был у Обера [3]), отклоняет по поводу войны, был ласков, но не по нашему делу».

26 апр. Около 10 ч. вечера стали собираться к Распутину неизвестные мужчины и женщины, человек 10—12, в том числе Алексеев, Лисенко, Рубинштейн [4]) с какой-то женщиной. В 11 ч. была слышна игра на гитаре и пляска; кому-то аплодировали. Это происходило до двух часов ночи.

27 апр. Было слышно, что Распутина вызывают в Царское Село, но так как он еще не проспался, то Волынский и баронесса Кусова [5]) не советовали ему в таком виде ехать и говорили: «испортит все дело». Между собой вели разговоры: «что-то наш старец избаловался». Посоветовали ему часа два спать и сказали, чтобы в квартиру к нему никого не пускали.

9 мая. Распутин посылал жену швейцара к массажистке, но та отказалась его принять. Тогда он сам пошел в том же доме к портнихе «Кате», 18 лет и говорит ей: «Почему ты не приходишь ко мне?». Она ответила, что «Нет костюма». «Ты приходи ко мне через неделю, я тебе дам 50 рублей».

11 мая. Распутин послал телеграмму Саблеру: «Милый, дорогой, вчера мы беседовали там с мамой, нашли, что не так просто беспокоить владыку нашего. Они надеются, что можно удержать дело».

Распутин привел к себе на квартиру проститутку и запер в комнате, но прислуга ее выпустила.

12 мая. Распутин послал телеграмму Тобольскому губернатору: «У меня в Покровском три недели живет подозрительный человек, то говорит из Москвы, то другого места. Ответ пошлите Царское Село Вырубовой».

14 мая. В 5 часов вечера направился в д. № 15 по Малой Дворянской улице к Бельковскому и Цезаревой. В 10 ч. в одной из комнат квартиры, занимаемой Бельковским, не было огня, но наблюдению удалось увидеть с улицы, как одна из присутствовавших там женщин перешла освещенный зал и заглянула в темную комнату, и вскоре побежала в ту комнату, где сидели мужчины. После этого было видно, как Распутин, услыхав, повидимому, тревогу, выбежал из темной комнаты, в передней схватил свою шляпу, пальто и, не одеваясь, выбежал на улицу, а в нескольких шагах бежали за ним двое мужчин. Последние только выбежали на улицу и один сказал: «Вот он бежит», и затем оба вернулись в дом. Распутин же на ходу вскочил на извозчика и стоя ехал до Литейного проспекта, все время озираясь, не гонятся ли за ним, а потом остановился среди улицы, пропустил мимо себя всех ехавших за ним и, успокоившись, возвратился домой.

18 мая. Распутина просил инженер Мендель Нейман [1]) устроить высочайшее помилование от 8-месячного сидения в крепости, осужденного за укрывательство или подкуп от воин-

---

[1]) Мартиан, игумен Тюменского монастыря, закадычный друг Распутина.

[2]) Варнава, епископ Тобольский, друг и ставленник Распутина.

[3]) Обер-прокурор свят. синода, Саблер.

[4]) Рубинштейн, Дмитрий Леонович, 39 лет, кандидат юридич. наук, банковский делец, крупный аферист; адр.: Царицынская ул., 5.

[5]) Баронесса Кусова, Вера Илларионовна, жена ротмистра, поклонница Распутина; адр.: Захарьевская, 5.

[1]) Нейман, Мендель-Эммануил Янкелевич инженер-технолог; адр.: Садовая, 9

кой повинности. Посредником при передаче прошения Распутину был Логан.

19 мая. Распутин сказал Нейману, что прошение передано «самому». Длин [1]), она же Долина, просила Распутина устроить переход в русское подданство купца Мандль [2]).

26 мая. Распутин вместе с проституткой Трегубовой приехал на моторе купца Мануса [3]) домой пьяный. Страстно целовал Трегубову при прощании и трепал по щеке, а затем жену швейцара посылал за портнихой «Катей», в том же доме, квартира № 31, но ее не было дома.

1 июня. Распутин послал телеграммы: в Покровское, Новых [4]). «Скорблю, рвусь домой. У Аннушки [5]) горе, будет операция, пока не отпускают. Как у вас дела, целую», и туда-же Шестакову (начальнику почтово-телеграфной конторы), «Дай им две тысячи своих, через три недели привезу».

2 июня. Распутин в 10 часов вечера приехал домой пьяный с Манусом и Кузьминским [6]) и, не заходя в квартиру, послал жену швейцара за массажисткой Утиной, живущей там же, но дома ее не оказалось. Тогда он сам отправился в тот же дом в квартиру № 31 к портнихе Кате. Повидимому, его не пустили в квартиру, так как он вскоре вернулся и на лестнице стал приставать к жене швейцара, прося его поцеловать. Та, вырвавшись, позвонила к нему в квартиру и прислуга его, Дуня, увела Распутина домой.

14 июня. Добровольский [1]) привез Распутину корзину вина, а потом эту корзину с вином отвезли в д. № 18 по Садовой ул. к Филиппову.

15 июня. Распутин выехал в село Покровское.

19 июня. В Тюмени Распутин остановился на сутки в мужском монастыре у своего друга, настоятеля этого монастыря, Мартиана. В тот же день был дан Мартианом обед, на котором присутствовали и светские лица с женами. После обеда Распутин был заметно выпивши. По словам о. Мартиана, Распутин один выпил около 2-х четвертей монастырского вина.

20 июня. Распутин с Мартианом, Патушинской и Дуней, имея сверток со свежими огурцами и полведра вина, на монастырских лошадях поехали к проживающему в Тюмени Стряпчеву, где пробыли 40 минут.

24 июня. У Распутина в своем доме в селе Покровском были гости, и он, выпивши, заводил граммофон, плясал и несвязно подпевал. В тот же день рассказывал своим поклонникам, как он освободил от наказания триста человек баптистов и с каждого должен был получить по тысяче рублей, но получил всего лишь пять тысяч. А когда последний раз был у государя, то отстоял от призыва ратников ополчения 2-го разряда до осени, т.-е. до окончания уборки хлеба.

Через с. Покровское проезжал тобольский губернатор. Во время остановки парохода Распутин заходил и просил губернатора сложить штраф в размере 50 рублей, наложенный на крестьянина с. Покровского за постройку дома на неуказанном месте.

25 июня. Во время прогулки по селу Распутин рассказывал агентам,

---

[1]) Длин, она же Долина, Ефросинья Михайловна, 27 л., Новгородская мещанка, крещ. еврейка; адр.: Ляговка, 44.

[2]) Мандль, крупный московск. купец, торг. готовым платьем, пострадавший при черносотенном антинемецком погроме в начале войны.

[3]) Манус, Игнатий Перфильевич, Петрогр. 1-й гильдии купец, крупный банкир, делец и аферист; адр.: Таврическая, 3-б.

[4]) Новых—новая фамилия Распутина. Телеграмма адресована им жене.

[5]) Анна Вырубова отдавила на жел. дороге ногу. Часть ступни ей ампутировали.

[6]) Кузьминский, Василий Александрович, старш. лейтенант гвард. флотск. экипажа, его жена Надежда Дмитриевна, 28 лет, поклонница Распутина, адр.: Торговая 4, кв. 32.

[1]) Добровольский, Иван Иванович, 48 л. колл. сов., инспектор нар. училищ Царкосельского уезда, впоследствии уволенный. Жена его Мария Семеновна, 29 лет, поклонница Распутина; адр.: Пушкинская, 17, кв. 5.

что его любят три министра: Горемыкин, князь Шаховской и третьего не договорил, и что великий князь Николай Николаевич ему хорошо знаком и что в 1905 году великий князь дал бы России конституцию, но еще было рано.

26 июня. В с. Покровское, к соседке Распутина, Наталье, пришла какая-то женщина и расспрашивала про него, а затем просила переночевать у нее, но та не позволила ей, а утром, придя, рассказала все это Распутину. Последний сейчас же послал десятского искать эту женщину по селу, но не нашел. Распутин очень струсил и долго припоминал Царицынских знакомых женщин.

27 июня. Распутин получил телеграмму из Царского Села от Вырубовой: «Чувствуется горе, скучаю, писала, благослови. Анна».

29 июня. Послал телеграмму Вырубовой. Содержание неизвестно.

30 июня. К Распутину приехали в экипаже из Тюмени епископ тобольский Варнава и настоятель мужского монастыря о. Мартиан. Последний привез два полуведерных боченка вина.

1 июля. К Распутину из Тюмени на пароходе приехал неизвестный еврей, повидимому, какой-то промышленник, проживающий в Перми. Пробыл 40 минут.

4 июля. К Распутину приехал опять о. Мартиан и в тот же день на пароходе с женою Распутина и Дуней уехал в Тюмень.

5 июля. Распутин выходил на пристань встречать какую-то прибывшую из Тюмени женщину и говорил с ней 20 минут. Женщина поехала за Тобольск. В тот же день к нему приехали еще две женщины, живущие в Тюмени, как видно, первый раз.

Послал две телеграммы: Царское Село, Вырубовой—«Как здорова, целую», и Петроград, Пушкинская, 17 Добровольскому—«Скажи, кто третьего выехал».

7 июля. Приходил из села Коврижки дьякон и целовал Распутину руку. В 8 часов 10 минут вечера из Петрограда приехала Елизавета Петровна Соловьева [1]) и с нею из Тюмени жена Распутина и Дуня.

9 июля. К Распутину пришел вновь назначенный в с. Покровское священник отец Сергей и целовал у Распутина руку. В 8 часов вечера Распутин вышел из дома с красным лицом, повидимому, выпивши, и с ним Соловьева. Сели в экипаж и вдвоем поехали далеко за деревни в лес. Через час вернулись, при чем он был очень бледный.

11 июля. К Распутину из Ялуторовска приехала Патушинская, жена офицера. Минут через 10 вышли из дома Соловьева и Патушинская, обхватив Распутина с обеих сторон, а он их, при чем Патушинскую взял рукою за нижнюю часть туловища. В продолжение дня играли на граммофоне, и он был очень весел, пил вино и пиво.

12 июля. Соловьеву вызвал муж телеграммой в Петроград. Распутин, обхватившись с Патушинской, гулял в своем дворе и был очень весел.

13 июля. Распутин после купанья пошел к жене псаломщика Ермолая, которая ожидала его у своего окна и пробыл у нее полчаса. Бывает у нее почти ежедневно с интимными целями.

Патушинская уехала в Ялуторовск по вызову мужа, при чем при отъезде целовала Распутина в губы, нос, щеки, бороду и руки со сладострастием.

14 июля. Распутин уехал в Тобольск к Варнаве. Агентов с собой не взял.

15 июля. К Распутину из Петрограда приехал Добровольский с Авчуховой (ныне его жена).

17 июля. Распутин вернулся из Тобольска. Добровольская после завтрака играла на пианино и пели песни все хором. Распутин много хлопал в ладоши и притаптывал ногами, а потом ходил, обнявшись с Добровольской, не стыдясь своих дочерей. Затем отправились в поле, пели песни, бегали и Распутин играл в мяч.

20 июля. Распутин и Добровольский с женой были в том же селе в гостях у Арапова. Вышел отсюда Распутин выпившим и зашел к жене псаломщика.

---

[1]) Соловьева, Елизавета Петровна, 30 л., жена действ. ст. сов., крупн. чиновника свят. синода, поклонница Распутина.

Ермолая. В 5 часов 40 минут дня Распутин, вернувшись домой, хотел опять итти на улицу, но Дуня просила не ходить. Послал ее «к чорту», пьяный ходил прямо, не разбирая грязи. Во время прогулки Распутин разговорился относительно войны. «Прошлый год, когда я лежал в больнице и слышно было, что скоро будет война, я просил государя не воевать и по этому случаю переслал ему штук 20 телеграмм, из коих одну послал очень серьезную, за которую, якобы, хотели меня предать суду. Доложили об этом государю, и он ответил, что это «наши домашние дела и суду не подлежат». Затем Распутин вел разговор относительно прибывшего в с. Покровское священника о. Сергея. Разговор возник из-за того, что в с. Покровском 20 июля был крестный ход, затем молебен с водосвятием, для каковой цели поставлены были четыре ведра с водой. Священник, увидев 4 ведра, заявил, что четыре раза молебен он служить не будет, порознь для каждого ведра. Тут нашлись смельчаки из молящихся и объяснили ему, что достаточно и одного молебна на все четыре ведра сразу. По окончании молебна священник не хотел дать приложиться к кресту, а заявил, что это будет в церкви после обедни, на что молящиеся запротестовали, и священник вынужден был согласиться и дал им приложиться. Священник этот совсем не знает богослужения и есть слух, что он происходит из московских купцов и прислан сюда по рекомендации редактора журнала «Колокол», Скворцова. В заключение Распутин сказал, «не знаю, что делать с о. Сергеем».

Распутин получает много писем и телеграмм и сам много отправляет, но агентам перестал давать относить их на почту.

21 июля. Распутин, Добровольский с женой, дьякон Ермолай с женой и две дочери Распутина на пароходе отправились до Тюмени, а оттуда в Ялуторовск к Патушинским. Во время пути Добровольская играла на пианино.

22 июля. В Ялуторовске на вокзал приехала встречать Патушинская на паре собственных лошадей, посадила с собой Распутина, а остальные расселись на извошиках и отправились на квартиру к Патушинским, где их встретил сам Патушинский. В 8 ч. вечера Патушинская, Добровольский с женой и дочери Распутина гуляли по улицам. Около 10 часов вечера (повидимому, это было условлено заранее) Распутин выпрыгнул в окно на двор на террасу, а Патушинская вышла в заднюю дверь и затем через окно на двор и в тот же момент подала рукой знак Распутину и вместе удалились в темноту.

23 июля. Добровольский с женой уехали в Петроград. В 12 часов дня Распутин с дочерьми и Патушинской пошли в лес за городом, но через полчаса вернулись. Дочери зашли в дом, а Распутин с Патушинской пошли в нежилой дом в саду и через 20 минут оттуда вернулись. По словам прислуги Патушинских, в том доме когда-то жили князья-декабристы.

24 июля. Распутин с дочерьми уехал от Патушинских в Тюмень и там, оставив дочерей на пристани, сам отправился к настоятелю Мартиану. Через два с половиной часа Распутин вышел вместе с Мартианом, неся корзину, повидимому, с вином и один отправился на пристань и уехал с дочерьми в с. Покровское.

27 июля. Распутин с сыном на лошадях отправились в Тюмень, а отсюда по железной дороге в Петроград. Во время пути на одной из станций обедал с одной тарелки с сыном и руками брал из этой тарелки капусту и клал себе в ложку.

31 июля. В 10 с половиной часов утра прибыл в Петроград. На вокзале встречал статский советник Николай Васильевич Соловьев, жена которого приезжала в с. Покровское. Сели на извощика и поехали к Соловьеву на Гороховую, 69.

2 авг. Распутин послал из Петрограда телеграммы: 1) в Ялуторовск, Патушинским, «Скоро увидимся, целуем», и 2) в Покровское, Тобольской губ. Новых, «Скоро будем, целуем».

5 авг. Распутин выехал обратно в Покровское. На вокзале провожали:

Татьяна Шаховская [1]), баронесса Кусова, Миллер, Добровольский с женой, а Вырубова и фон-Пистолькорс [2]) на их моторе привезли его на вокзал, но из мотора не выходили.

В пути Распутин познакомился с тремя неизвестными дамами, которых и вышел провожать на ст. Камышлов. Тут же на платформе прощался с ними, а дам здесь встречали штаб-и обер-офицеры, которым дамы и показали Распутина. В разговоре между ними был слышан рассказ о покушении на жизнь Распутина Гусевой, а затем что-то такое про больницу. Выслушав рассказы дам, подполковник обратился к обер-офицеру: «Видите ли, если бы они проехали еще одну станцию, то, наверное, потеряла бы мать дочку или же наоборот. По всему видно, что этот субъект имеет гипноз в глазах».

Не доезжая до станции Буй, Распутин перешел в вагон, где сидели агенты, его сопровождавшие, и начал с ними разговор с войны, что война идет у нас очень плохо и в Петрограде скоро будет большая перемена. «Соловьев получил большую неприятность от Самарина за то, что 31 июля он на вокзале в Петрограде встречал меня, но Самарин долго обер-прокурором синода не будет». А сам Распутин пристально смотрел на агентов и сказал: «Не вы ли донесли о встрече меня Соловьевым?». Агенты ему ответили: «Это не наше дело». «Кто же это мог донести? По поводу этого доноса меня спрашивал император и говорил,—может, сыщики донесли на Соловьева. На это я ответил царю. «Не знаю, может, и они. Вот я еду домой и сам не знаю, надолго ли, может, на одну неделю, а может, и на больше, как там дела». В заключение Распутин сказал, что был у царя два раза. Он ему предлагал отдельный вагон для поездки на родину, но «я от этого отказался». Однажды я возвращался из Царского Села в Петроград, около 12 часов ночи «видел, как прятался от меня за подъемную машину сыщик. Жаль мне его стало, а если бы узнал, кто он такой, то плохо бы ему было».

9 авг. В Тюмени Распутин, выйдя из монастыря от настоятеля Мартиана, отправился на пароходную пристань, где и занял отдельную каюту и в 11 часов утра отбыл в с. Покровское. Около часу дня Распутин вышел из каюты пьяный и пошел к солдатам, едущим на том же пароходе из Тюмени в Тобольск (солдаты были местной конвойной команды в числе 10 человек), и вступил с ними в разговор, а затем дал им на чай 25 рублей и заставил их петь песни. Прослушав несколько песен, удалился в свою каюту и, вернувшись через несколько минут обратно, дал солдатам еще сто рублей. Пенье песен усилилось и в хоре участвовал и сам Распутин. Пенье продолжалось около часу, после чего Распутин забрал всех солдат и повел во 2-й класс, разместил их за столами и был намерен угостить их обедом, но капитан парохода не разрешил присутствовать нижним чинам во втором классе и приказал им удалиться. Спустя некоторое время Распутин опять явился к солдатам, поставил их в кружок, сам стал посередине и все пели хором, при чем пеньем руководил Распутин и был в очень веселом настроении. Дав солдатам еще 25 рублей, заказал для них обед стоимостью в 15 рублей, а затем удалился в свою каюту. Через несколько минут было слышно, как он заявлял о пропаже у него трех тысяч рублей, после чего опять ушел в каюту и минут через 20 вышел из нее пьянее прежнего, зашел в третий класс и там поссорился с некиим Разумовским (из Тюмени). Последний хотел отколотить Распутина, но дело прошло миром. Затем там же Распутин поссорился тоже с тюменским купцом Михалевым. Ссора началась с разговора о вызывающих действиях тобольского епископа Варнавы, а затем Михалев плюнул и ушел. Распутин после этого встретил официанта

[1]) Княгиня Шаховская, Татьяна Федоровна, 26 лет, поклонница Распутина; адр.: Моховая, 32, затем Лиговка, 44.

[2]) Фон-Пистолькорс, Александра Александровна, 25 лет, жена поручика запаса, состоящего при штабе гвардии, сестра А. А. Вырубовой, дочь сенатора Танеева, поклонница Распутина.

парохода, обозвал его «жуликом» и сказал, что это он украл у него три тысячи рублей. Официант, попросив некоторых пассажиров быть свидетелями по данному делу, обратился с жалобой к капитану парохода. Капитан ответил, что «приедем в Тобольск и там составим полицейский протокол». После этого инцидента Распутин опять удалился в каюту и у открытого окна, положив голову на столик, что-то долго про себя бормотал, а публика им любовалась. Из публики было слышно: «Распутин, вечная память тебе, как святому человеку». Другие говорили: «Надо его обрить, или машинкой бороду снять». По просьбе агентов окно в каюте было закрыто. Часа за два до прибытия парохода в с. Покровское, Распутин со столика свалился на пол и лежал на полу пьяный до самого прихода парохода в с. Покровское.

В 8 час. вечера прибыли в с. Покровское. Агенты попросили капитана парохода дать им двух человек помочь вывезти Распутина с парохода на берег, и они вчетвером вытащили его, мертвецки пьяного. Встречать его приехали проживающие в с. Покровском Распопов, две дочери Распутина—Дуня и Катя. Ввалили его на телегу и повезли домой.

10 авг. В 10 часов утра Распутин вышел из дому на двор и спрашивал агентов относительно вчерашних происшествий, все время ахая и удивляясь, что скоро так напился, тогда как выпил всего три бутылки вина, и добавлял: «Ах, парень, как нехорошо вышло». В этом разговоре он между прочим сказал, что «Джунковского со службы уволили, а теперь он, быть может, будет думать, что уволили его через меня, а я его не знаю, кто он такой». Еще говорил, что «и вашего губернатора скоро уволят». Агенты спросили: «Какого? графа Адлерберга?» «Нет, я не знаю, как его зовут», а затем начал говорить о чем-то другом.

11 авг. В Покровское приехал из Тобольска Варнава и в тот же день уехал в Тюмень.

15 авг. В Покровское приехал Мартиан.

18 авг. В с. Покровское из Тобольска приехал Августин [1]) и в тот же день уехал в Тюмень. Приехала к Распутину и Патушинская.

19 авг. Распутин отправился к дьякону Ермолаю, который по приходе Распутина тотчас же ушел в церковь, а Распутин пробыл у его жены целый час. Из села Покровского священник о. Николай ездил в Тобольск к Варнаве и привез оттуда Распутину новость, переданную ему Варнавой, что губернатор Распутина за пьянство и приставанье хотел арестовать административным порядком на три месяца, но епископ Варнава защитил. Во время передачи всего этого отцом Николаем Распутин плюнул и сказал: «Что мне губернатор-то?».

6 сент. Во время прогулки Распутин между разговором сказал сопровождавшим агентам: «Да, парень, душа очень скорбит, от скорби даже оглох. Бывает на душе два часа хорошо, а потом неладно». Агенты спросили его: «Почему это у вас так?» «Да потому, парень, неладно творится в стране, да проклятые газеты пишут обо мне, сильно меня раздражают, придется судиться».

9 сент. Когда Распутин находился в гостях у брата своего Николая Распутина и тут же было несколько других лиц, пришел туда же отец Распутина и начал ругать сына Григория самыми скверными словами. Распутин, как бешеный, вскочил из-за стола, вытолкнул отца во двор, свалил его на землю и давай его бить кулаками. Отец кричал: «Не бей, подлец»! Пришлось их силой расталкивать. После осмотра у отца оказался подбитый глаз с огромным кровоподтеком, так что закрыло весь глаз. Оправившись, старик стал еще пуще ругать сына, грозя ему рассказать всем, что он ничего не знает, а «только знает Дуню (прислугу) держать за мягкие части». После этого пришлось Распутина силой удерживать от вторичного нападения на отца. Оба они были пьяны.

В этот день Распутин послал две телеграммы, одну в Царское Село, а другую в царскую ставку.

---

[1]) Архимандрит Августин.

Распутин сына своего Дмитрия, как ратника 2-го разряда, призванного на действительную службу, повез в Тюмень, куда в тот же день приехала из Ялуторовска и жена штабс-капитана Патушинская, которая и устроила сына Распутина в 7-ю роту местных войск. В Тюмени Распутин, его сын, жена Распутина и Патушинская остановились в мужском монастыре у настоятеля Мартиана. По городу Тюмени Распутин, как видно, боится ходить и в разговоре агенту Терехову сказал, что—«хотя в Тюмени у меня знакомства много, но ходить время нет», а между тем сидит целый день в монастырской ограде, ничего не делая.

Распутин ходит боком. Как видно, во время драки с отцом зашиб бок.

12 сент. Распутин говорил агенту, что хочется выехать в Петроград, но его не вызывает Вырубова.

19 сент. Распутин получил письмо, помеченное 16 сентября, писанное на машинке: «Григорий, наше отечество разрушается, хотят заключить позорный мир. Так как ты получаешь из царской ставки шифрованные телеграммы, значит, имеешь большое влияние. Потому мы, выборные, просим тебя сделать, чтобы министры были ответственными перед народом, чтобы Государственная Дума была собрана к 23 сентября сего года для спасения нашего отечества, и если ты этого не исполнишь, то тебя убьем, пощады не будет,—рука у нас не дрогнет, как у Гусевой. Где бы ты ни был, это будет выполнено. На нас, десять человек, пал жребий».

24 сент. Распутин выехал из села Покровского в Петроград, куда и прибыл 28 сентября.

11 окт. Распутин послал телеграмму Варнаве: «Убери шпиона, плати по 15 рублей душевную больницу Ивану Хлопову я заплачу иереи просят тебя извиниться, что надо, все сделано».

14 окт. Распутин вернулся домой в час ночи совершенно пьяный, на лестнице кричал на швейцариху, что она, якобы, взяла в 25 рублей взятку с какого-то министра, и добавил: «Меня хотели похоронить, но теперь самого раньше похоронили».

22 окт. К Распутину около 8 часов вечера пришла неизвестная дама, которая через 10 минут вышла очень взволнованная. Ее на лестнице догнала прислуга и сказала: «Просит вас с ним поговорить, а то ему скучно». Дама сначала, смутясь, отказывалась вернуться, говоря, что зайдет завтра, а то ему сегодня нездоровится. Но потом согласилась и вернулась. До позднего времени выхода ее не было.

24 окт. Распутин послал телеграмму: «Екатеринбург, епископу Серафиму. Извиняюсь за беспокойство, успех мой не совершился, каждый своего тянет. Григорий».

28 окт. Распутин дал письмо Белянину к товарищу министра юстиции, Веревкину, но Веревкин письма этого не принял, сказав, что «дело не мое, а высшего начальства». Тогда Распутин обещал ему содействие через Вырубову. Белянин хлопотал о пересмотре своего дела относительно пожара в его магазине, во Владивостоке.

31 окт. Распутину на квартиру привезли на прокат пианино.

3 ноября. К Распутину пришла неизвестная женщина, которая хлопочет о своем муже прапорщике, лежащем в одном из лазаретов, чтобы его оставить в Петрограде. Выйдя от Распутина, начала рассказывать швейцарихе, что какой-то странный он человек, и описала, как он ее принимал. «Впустила меня в квартиру какая-то девочка и провела в комнату, потом вышел ко мне Распутин (первый раз его́ вижу) и сказал: раздевайся, пойдем сюда. Я разделась, пошла с ним в комнату, первую от дверей, налево. Он мало слушал мою просьбу, а стал хватать руками за лицо, потом за груди и говорит: «поцелуй меня, я тебя полюбил». А потом написал какую-то записку и снова стал приставать: «поцелуй, поцелуй, я тебя полюбил». Этой записки не дал, сказав, что—«я на тебя сердит, приди завтра». Агент Терехов спросил эту даму, намерена ли она зайти завтра, но последняя ответила: «Нет, потому что к нему итти, то надо дать задаток, какой он хочет, а я не могу этого сделать, потому и не пойду».

5—6 ноября. Распутин на моторе уехал в Царское Село и вернулся 6-го числа в 10 часов 50 минут утра на моторе вместе с Вырубовой. Выйдя из мотора, Распутин перекрестил Вырубову, и та уехала.

Распутин вместе с Боберманом [1]) уехали на моторе и вернулись через 5 часов, при чем Распутин был выпивши и при прощании очень целовался с Боберманом. Когда шел в квартиру, то спросил: «Кто у меня есть?». Ему сказали, что две дамы. «Красивы ли они?». Ему сказали: «Да, очень красивы». «Ну, хорошо, мне такие и нужны». Около 7 часов вечера вышел из дома, еще не проспавшись, дал швейцарихе 10 рублей и что-то бормотал непонятное, стуча палкой.

10 ноября. Распутин послал агента Свистунова с письмом к господину министру внутренних дел.

14 ноября. Распутин пришел домой с Татьяной Шаховской очень пьяный и вместе сейчас же ушли. Вернулся домой в два часа ночи совершенно пьяный.

15 ноября. Секретарь Распутина, Симанович, принес корзину и сказал, что тут шесть бутылок мадеры, икра и сыр.

21 ноября. Распутин вернулся к себе домой, неся две бутылки вина.

22 ноября. Распутин вернулся домой в 8 часов утра, после отсутствия со вчерашнего дня.

23 ноября. Уйдя вчера вечером, Распутин вернулся сегодня в 5 часов утра, совершенно пьяный.

24 ноября. Пришла неизвестная дама и спрашивала у швейцарихи, когда Распутин ездит в Царское Село, когда и куда он ходит в церковь. Когда швейцариха предложила ей зайти к нему, то она отказалась, сказав, что она увидит его в Царском Селе в церкви, и добавила, что ее дочь, якобы, училась с дочерьми Распутина. Увидев на лестнице агентов, неизвестная спросила швейцариху, кто это, и, получив ответ, что—агенты, просила об этом не говорить им.

[1]) Берман, Абрам Моисеевич, 49 л., Самарский 1-й гильдии купец; Петрогр. адрес: Михайловская, 1—7 (Европ. гост.).

25 ноября. Распутин вернулся в 5 часов утра. В ночь с 25-го на 26-е у Распутина ночевала артистка Варварова [1]).

29 ноября. Распутин вернулся домой в 7 часов утра.

1 дек. Распутин послал телеграмму: «Москва, М. Дмитровка, 3, Миклашевской. Почему Корзинкина не едет по делу».

Распутин с Долгорукой [2]) приехал на моторе к ней в гостиницу «Астория» в три с половиной часов ночи и остался у нее до утра.

3 дек. Распутин ушел из квартиры с Филипповым и вернулся пьяный. Вскоре после его возвращения пришла в первый раз Лейкарт [3]), урожденная Мордвинова, просить за мужа. Распутин предложил ей поцеловать его, но та отказалась и ушла, а потом пришла содержанка сенатора Мамонтова—Воскобойникова [4]), которой Распутин предложил зайти к нему в час ночи.

5 дек. Распутин вернулся домой в три часа ночи пьяный.

7 дек. Распутин вернулся домой в пять часов утра, довольно пьян.

8 дек. К Распутину на моторе приехал Рубанович и вместе отправились в ресторан «Донон» (Мойка, 24), а отсюда послали шоффера в гостиницу «Россия» и тот привез оттуда в ресторан «Донон» Джанулову и Филиппову [5]). После обеда Распутин поехал с этими дамами в гостиницу «Россия», где они проживают.

[1]) Варварова, Вера Карловна, 26 л., мещанка гор. Николаева, артистка, содержанка подполковн. Н. С. Езерского; адр.: Алексеевская, 10, кв. 10.

[2]) Княгиня Долгорукая, Стефания Семеновна, 38 лет, жена камер-юнкера высочайшего Двора; адр.; Морская, 39/12 (гост. «Астория»).

[3]) Лейкарт, Ольга Алексеевна, 28 лет, урожденная Мордвинова, жена потомст. дворянина; адр.: Б. Пушкарская, 14.

[4]) Воскобойникова, Надежда Ивановна, 32 лет, вдова под-эсаула, содержанка сенатора В. Н. Мамонтова; адр.: Михайловская ул., 1—7 (Европ. гост.).

[5]) Филиппова, Галина Федоровна, 29 л., жена пот. поч. гражд., подруга Джануловой, поклонница Распутина.

12 дек. Распутин вернулся домой в 9 час. 50 мин. утра вместе с Варваровой, по словам извозчика, с Алексеевской улицы. Вероятно, ночевал у Варваровой.

14 дек. Около двух часов ночи с 13 на 14 декабря Распутин вышел из д. № 11 по Фурштадтской ул., от Свечиной [1]), вместе с женой потомственного почетного гражданина, Марией Марковной Ясининской 28 лет, проживающею в № 104 по Мойке, и на моторе отправились в Новую Деревню, в ресторан «Вилла Роде», куда за поздним временем их не пустили. Тогда Распутин стал бить в двери и рвать звонки, а стоящему на посту городовому дал 5 рублей, чтобы не мешал ему буянить. Отсюда Распутин вместе со своей спутницей поехали в д. № 49 по 1-й линии к Новой Деревне, в цыганский хор Масальского, где пробыли до 10 часов утра, а потом, сильно подвыпившие, поехали на квартиру к Ясининской, где Распутин пробыл до 12 часов дня и отсюда вернулся домой. На ночь ездил в Царское Село.

15 дек. Распутин с подполковником Езерским [2]), Варваровой и двумя неизвестными женщинами отправились на моторе в ресторан «Вилла Роде» и в 2 часа ночи наблюдением были там оставлены.

17 дек. Княгиня Долгорукая прислала мотор за Распутиным, который и привез его в гостиницу «Астория», где заняли отдельный кабинет. Туда же вскоре явился бывший Петроградский градоначальник генерал Клейгельс и вместе пробыли около 2 часов.

19 дек. Распутин с неизвестным чиновником и дамой вышли из квартиры около часу ночи, а вернулся Распутин домой один в 6 ч. утра.

20 дек. Распутин вместе с секретарем митрополита Питирима, бывшим архиварнусом канцелярии экзарха Грузии, Иваном Зиновьевичем Осипенко, в моторе отправились в д. № 26-а, кв. 10, по Песочной ул., к потомственному почетному гражданину Андрею Ипполитовичу Книрше, 28 лет (с женой не живет). Сюда же были привезены из ресторана «Вилла Роде» 2 корзины вина и был приглашен хор цыган. Около 2 часов ночи видно было в окно, как Распутин танцовал. В эту ночь Распутин вернулся домой около 7 часов утра в сопровождении двух неизвестных мужчин, мертвецки пьяный.

24 дек. В 7 часов вечера к Распутину пришел секретарь митрополита Питирима, И. З. Осипенко, а спустя минут 50 на прокатном моторе к Распутину приехали: княгиня Татьяна Федоровна Шаховская, жена поручика Александра Александровна фон-Пистолькорс и неизвестный офицер, при чем из мотора вышла только одна Шаховская и минут через 10 вывела с собою из квартиры Распутина и Осипенко, которые сели в тот же мотор и все пятеро отправились, повидимому, в Александро-Невскую лавру. В 8 ч. 15 мин. вечера на квартиру Распутина на собственном моторе приехала графиня Ольга Эриковна Крейц, проживающая в д. № 29 по Адмиралтейскому каналу, и с нею вместе приехала и дочь дейст. ст. сов., Марья Евгеньевна Головина. Последняя зашла в квартиру Распутина и вскоре вышла с крестьянкой Акулиной Никитишной Лаптинской [1]), сели в мотор и отправились в Александро-Невскую лавру, в собор, где уже находился Распутин, но ни офицера, ни приехавших с ним дам в соборе наблюдение не видело. После богослужения, в 10 часов вечера, Распутин вместе с Осипенко вышли из собора и направились в покои митрополита Питирима, откуда выхода их наблюдение не дождалось. Две же дамы (кто именно—наблюдение сказать не может, так как хорошо их не видело) направились к отдельному зданию с

---

[1]) Свечина, Елизавета Евгеньевна, 30 лет, жена полковн. генер. штаба.

[2]) Езерский, Николай Семенович, подполк. 31 пеш. Смоленской дружины, содержатель Варваровой; адр.: Алексеевская, 10, кв. 10.

[1]) Акулина Лаптинская, кр. Могил. губ. Городецк. у. Светошинской вол., 29 л., поклонница Распутина, проживала сначала по Каменноостр. пр., д. 24-а, а затем переехала на квартиру Распутина на Гороховую, 64.

правой стороны собора, после чего их наблюдение не видело.

Вернулся Распутин домой 25 декабря в 9 часов утра.

1916 год.

1 янв. У Распутина были гости до 4 ч. ночи, пели песни.

2 янв. Распутин в час ночи пришел домой пьяный, а в 2 часа ночи к нему пришел неизвестный офицер с дамой и вскоре сюда же пришла Базилевская. Пробыли они до 4 часов ночи.

4 янв. Распутин вернулся домой с Осипенко около 12 ч. ночи. Осипенко сейчас же ушел. В час ночи к Распутину пришла потомственная дворянка, содержательница частной женской гимназии, Елена Порфирьевна Турович [1]), и пробыла около часу.

5 янв. Распутин, Осипенко, Дуня и Миллер на извозчиках отправились на квартиру к Миллер (Лиговка, 45), и сюда же, было видно, привезли корзину вина. Домой Распутин вернулся в 2 ч. 30 м. ночи пьяный.

6 янв. Распутин дома напился пьяным принесенными ему неизвестным мужчиной двумя бутылками вина и пел песни. В 8 ч. вечера вышел из дома уже проспавшись и вместе с Осипенко и Евгенией Шаховской [2]) на одном извозчике поехали в дом № 15 по Троицкой улице к князю Андроникову, откуда вернулся домой вместе с Осипенко в 3 часа ночи. Осипенко сейчас же ушел.

8 янв. Распутин посетил д. № 6 по Гагаринской ул (Нордман) [3]), откуда вернулся домой около трех часов ночи вместе с двумя дамами. Последние, побыв у него около двух часов, ушли.

9 янв. Распутину на именины Гинсбург прислал 10 бутылок шампанского, кто-то прислал диван, две дюжины стульев, много разных подарков и корзин с разными винами и закусками.

10 янв. Клионовский [1]) принес Распутину десять бутылок вина. Турович [2]) привез корзину вина. Гиль [3]) в ночь с 10 на 11 января ночевала у Распутина. В этот же день (именины Распутина) его посещали много лиц и приносили много подарков и несколько корзин с винами, играли на гармонике, гитаре, балалайке, танцовали и пели песни, а потом, позднее, молитвы и «многие лета». Гости от Распутина разошлись в 2 часа ночи.

11 янв. Распутин говорил по телефону в Царское Село из квартиры Соловьевых. (Свой телефон был испорчен.)

13 янв. Распутин, Иваницкая, неизвестный офицер и две дамы были в доме № 63 по Лиговской ул. у вдовы ст. сов. Александры Романовны Митинской, от 2 ч. до 5 с половиной часов дня. Распутин с тем же офицером и Иваницкой вернулся к себе на квартиру, а затем Иваницкая вышла вместе с офицером, будучи навеселе и одетой в поддевку Распутина, и вместе уехали.

Распутин послал телеграмму в Царское Село Вырубовой следующего содержания: «Сам бог его исповедует в радости истинной, пусть правда на детях моих во-век, не пришло время видеть воочию».

На моторе, присланном Боберманом, Распутин уехал в «Европейскую гостиницу». Здесь была, повидимому, пирушка, на которой, кроме него, присутствовали: Боберман, Коварский [4]),

---

[1]) Жена Станисл. Людвиг. Туровича, 29 л., чиновника, причисл. к канцелярии Упр. Земл. и Земл., потомств. дворянина; адр.: Петрогр. стор., Больш. пр., 32.

[2]) Княгиня Евгения Михайловна Шаховская, 25 лет, жена гражд.-инженера, поклонница Распутина; адр.: Басков пер., 18, затем Николаевская, 12.

[3]) Нордман, Федор Борисович, 56 л., ст. сов., старш. делопроизв. капитула императорских орденов; Евгения Оскаровна Н-ман, его жена, 41 года.

[1]) Клионовский, Даниил Корнилович, ст. сов.; адр.: Офицерская, 57.

[2]) Турович, Станислав Людвигович, 29 л., потомст. дворянин, чиновник канц. Упр. З. и З.; адр.: Петрогр. стор., Больш. пр., 32.

[3]) Гиль, Мария Сергеевна, жена капитана 145 Новочеркасского полка, поклонница Распутина; адр.: Кронверкск. пр., 47/1.

[4]) Коварский, Овсей Иоселевич, 36 л., канд. юридич. наук; адр.: Михайловская, 1—7 (Европ. гост.).

директор международного банка граф Татищев, прапорщик Хвостов и две какие-то дамы. До двух часов ночи выхода его отсюда наблюдение не видело.

14 янв. Распутин вернулся домой в 7 часов утра, совершенно пьяный в компании Осипенко и неизвестного мужчины; разбил большое стекло в воротах того дома, где живет, и заметна была опухоль около носа, повидимому, где-нибудь упал. В 4 часа 30 минут дня Распутин с Рубинштейном и двумя дамами уехал в Царское Село, а в 7 часов 41 минута вечера вернулся домой один, при чем во время пути обратно обратился к агентам со словами: «Кто-то из вас передал кому-то, что будто бы я держал на коленах какую-то даму. Это нехорошо говорить. Вы ведь посылаетесь для охраны, а передаете другое».

Нештейн, проживающий по той же лестнице, проходя мимо агентов, обратился к ним: «Вашего патрона скоро назначат в Царское Село управлять всеми лампадами».

16 янв. Распутин передал проститутке Трегубовой какое-то письмо. По полученным негласным сведениям, в один из дней посещения квартиры фон-Пистолькорс (Морская, 59), прислуга подсмотрела, как Распутин, поставив на колени супругов фон-Пистолькорс, что-то, стоя около них, бормотал.

17 янв. К Распутину в 12 ч. ночи пришла неизвестная дама и пробыла до 3 часов ночи.

18 янв. Распутин вернулся домой в половине восьмого часа утра, в компании двух мужчин и дамы, совершенно пьяный и на улице у дома, где живет, пел песни. Неизвестные, проводив его до квартиры, вскоре ушли, а Распутин все утро в квартире кричал. Каравья [1]) и ее дочь Маймескул [2]), выходя от Распутина, непринявшего их, ругали его, называя «паршивым мужиком» и рассказывали, что когда-то были в ресторане «Вилла Роде», где Распутин выбегал в зал в одной рубахе и наделал этим не мало шума, за что будто бы ресторан этот закрыт. При разговоре добавили, будто в Царском Селе появился какой-то молодой монах, который будет скоро слыть лучше, чем Распутин.

21 янв. Распутин вместе с Гаар [1]) отправился в д. № 26-а, по Песочной ул., к Кирше, а оттуда Распутин один—в д. № 36 по Бассейной улице к артистке Орловой [2]) (содержанке Мануйлова), где по собранным негласным путем верным сведениям были: Манасевич-Мануйлов [3]) и господин председ. совета мин. Б. Штюрмер.

22 янв. Вернулся Распутин домой в 5 часов утра вместе с Осипенко, неизвестным мужчиной и двумя женщинами, при чем был пьян.

23 янв. Неизвестный священник привез Распутину рыбы. Вечером Распутин оставлен в д. № 6 по Гагаринской улице у стат. сов. Федора Борисовича Нордман (старший делопроизводитель в капитуле орденов).

24 янв. Распутин вернулся домой со вчерашнего дня в 5 ч. утра. В 5 ч. 20 мин. вечера Распутин на моторе с Головиной и Добровольской поехали в церковь Спаса, что в Колтовской на Б. Спасской улице, где было совершено митрополитом Питиримом всенощное заупокойное богослужение в память умершего протоиерея-настоятеля этого храма, основавшего духовно-нравственные беседы.

26 янв. Распутин вернулся домой в 4 часа ночи с Осипенко и неизвестным мужчиной. В 11 часов 49 минут вечера на Царскосельский вокзал на

---

[1]) Каравья, Софья Афанасьевна, греческая подданная; адр.: Мещанская, 4.

[2]) Маймескул, Мария Николаевна, 19 л., дочь Каравья, личн. почетн. гражданка, проживала сначала с матерью, затем Пушкинская, 15.

[1]) Гаар, Мария Генриховна, пот. поч. гражданка, поклонница Распутина; адр.: Офицерская, 24.

[2]) Лерман (она же Орлова), Екатерина Федоровна, 25 л., дочь ст. сов., артистка, содержанка Манасевича-Мануйлова.

[3]) Манасевич-Мануйлов, Иван Федорович, отст. колл. асессор, сотрудник газ. «Новое Время», темный аферист, личный секретарь председателя совета министров Б. Штюрмера; адр.: ул. Жуковского, 47.

моторе автомобильной роты приехал Осипенко и туда же вскоре пришел Добровольский, а отсюда посадив в мотор приехавшего из Царского Села Распутина, уехали на квартиру Добровольского. Распутин вернулся домой на извозчике вместе с Добровольским в 5 ч утра.

29 янв. Посетительница Распутина, Татаринова [1]), выйдя от него, рассказывала агентам, как Распутин обнимал и целовал какую-то молодую барышню, и говорила, что ей так было стыдно, что она из квартиры ушла и больше не пойдет. Распутин с Филипповым были в ресторане «Донон», а вечером вместе с Осипенко уехали в Александро-Невскую лавру.

30 янв. Распутин вернулся домой в 3 ч. 30 мин. ночи выпивши, в сопровождении какого-то мужчины. Приехал из Москвы священник с Лубянской церкви и с ним неизвестный, за кого священник хлопочет через Распутина по какому-то делу. Неизвестный намеревался дать Распутину задаток (повидимому, большой куш), но священник отсоветовал, сказав, что преждевременно. Священник просил Распутина самого съездить к г. товарищу министра внутренних дел, сенатору Белецкому, но он отказался, а написал письмо и передал им. После священник смеялся, как Распутин, писав письмо, выводил каракули. Вечером Распутин вместе с Гаар отправились к Книрше (Песочная ул., д. № 26-а), туда же приезжали еще несколько мужчин и женщин. Распутин в два часа ночи тут оставлен, а в 4 ч. 30 мин. ночи приехал домой на моторе совершенно пьяный с неизвестным мужчиной и женщиной.

1 февр. Распутин вернулся домой в 4 часа ночи с мужчиной и двумя женщинами. Прибывший из Москвы священник в разговоре с агентом Терехов сказал, что дело, о котором он хлопочет, затянулось, потому что оно передано Вырубовой, а последняя действует через дворцового коменданта, а тот находится в действующей армии.

[1]) Татаринова, Анна Михайловна, 44 л., жена полковника; адр. неизвестен.

Распутин жаловался агентам, что его кто-то ругает по телефону, а станция ему номера не говорит.

2 февр. Распутин со вчерашнего дня вернулся домой в 9 ч. 30 мин. утра. Добровольская на квартире у него играла на пианино и пела песни. Приехав домой в час ночи, Распутин сейчас же опять вышел и уехал на Офицерскую и домой вернулся только в 3 часа ночи.

3 февр. Распутин вернулся домой из Царского Села около 11 часов вечера, а в 12 ч. уехал, но куда—неизвестно. В два часа ночи приехал домой на моторе с двумя мужчинами, которые в квартиру не заходили.

5 февр. Со вчерашнего дня Распутин вернулся домой в 10 ч. 10 мин. утра пьяным. Со слов извозчика, привез он его с угла Офицерской и Алексеевской улиц. Каравья, выходя из квартиры Распутина, в разговоре с агентами сказала: «Хотя Распутин и падает духом, но обделывает большие делишки, так, например, Рубинштейн устроил что-то на 300.000 руб. и за это получил от него 50.000 руб.»; при этом добавила, что ей Распутин сказал, что ее дела он устроит через министра Шаховского, который любит Распутина больше, чем Вырубова. В час ночи Распутин вышел пьяным от Езерского, где было несколько неизвестных и Осипенко. Распутин с двумя мужчинами и дамой на моторе уехали на 10-ую Рождественскую ул., д. № 15, кв. 24, к помощнику прис. поверен. Моисею Шмуйловичу Двинову (справлял день своего рождения). Пробыли 25 минут, куда уехали неизвестно, но вернулся Распутин домой в 3 ч. 30 м. ночи.

7 февр. Боберман при входе в квартиру Распутина спрашивал, что с ним случилось, а когда выходил, то сказал, что здоров. Проживающий по той же лестнице Нейштейн, выходя, спросил: «Правда ли, что вашего какой-то офицер у вокзала поколотил?» Симанович на придворном автомобиле, на котором приехала Вырубова, с ее разрешения куда-то ездил. Книрша пробыл у Распутина до часу ночи; при выходе встретил двух приехавших неизвестных мужчин и с ними вернулся

обратно на квартиру Распутина, где пробыл еще час, т.-е. до двух часов ночи.

8 февр. Распутин вместе с неизвестными чиновниками, на прокатном моторе, без наблюдения, был в Николаевском кавалерийском училище и на Торговой ул. в польском костеле. Кирша принес, как видно, несколько бутылок вина. В 8 час. 15 мин. вечера на квартиру к Распутину приехало пять женщин, со слов извозчика, с Офицерской улицы. Около 10 ч. вечера были слышны игра на пианино, пляска и пенье. Все разошлись от Распутина в три часа ночи. В продолжение этого дня Распутин посетителей не принимал.

Начальник Петроградск. Охранного Отделения, генерал-майор *Глобачев*.

Заведывающий наружными наблюдениями *Корнилов*.

Подробная необработанная сводка наружного наблюдения за Распутиным за 8—10 февраля 1916 г.

8 февраля, 1916 г. Сведения. «Темный» [1]), Гороховая улица, д. 64.

Вчера в час ночи вышел от Темного Кирша, в это время приехали на моторе два неизвестных господина, пошли к Темному, а также и Кирша вернулся с ними, а в два часа ночи ушли.

В 10 часов утра пришла Соловьева, вскоре ушла. В 10 ч. 10 м. утра пришла Мария Головина, через час ушла. В 11 час. 50 м. утра пришла Татьяна Шаховская, через 50 мин. ушла. В 12 часов дня пришел Симанович, через 10 мин. ушел. В 12 час. 10 мин. дня пришла Сандецкая [2]), через 10 м. вышла. В 12 ч. 15 м. дня пришел певчий Афонского подворья Деревенский, рассказав, что в прошлом году в сентябре месяце писец Александро-Невской лавры читал газету «Копейка», в которой было напечатано про Варнаву и Гришу, при чем чтение слушал паспортист лавры и будто бы паспортист сказал: «Когда же будет в России революция?» Деревенский спросил, на что революция? Тогда паспортист ответил: «Тогда бы дом Романовых не царствовал, а потом свергли бы эту гадость, Варнаву и Гришку». Фамилия паспортиста неизвестна, а писец теперь священником. В 12 ч. 20 м. дня ушла Лаптинская. В 12 ч. 40 м. дня приехал на моторе № 3 неизвестный чиновник в военной форме, а в 12 ч. 50 м. вышел вместе с Темным и тут же во дворе ожидали два вольноопределяющихся, которым Темный сказал, что придет после. Темный поехал с чиновником, и наблюдением были упущены, а со слов шоффера ездили в Николаевское кавалерийское училище и на Торговую улицу в польский костел. В 5 ч. 50 м. дня Темный вернулся домой с чиновником, который через 10 минут уехал. В 1 час. 35 мин. дня пришел сенатор Мамонтов [1]), через 30 мин. ушел. В 1 час. 40 мин. дня пришла Гаар с Базилевской [2]), через 1 час и 20 мин. ушли. В 2 часа дня приехал на моторе № 5064 военный вторично с Симановичем, через 20 м. ушел. В 2 ч. 15 м. дня пришла дама, жена офицера Измайловского полка, живет на Измайловском проспекте в казенном доме, через 1 час. 45 мин. ушла. В 3 часа 40 минут дня пришел в третий раз Симанович, который через 30 м. ушел. В 4 часа 10 м. дня пришел Кирша, принес, как видно, несколько бутылок вина, через 40 м. ушел. В 5 часов вечера пришла Турович, пробыла два часа. В 5 часов пришла Червинская [3]), пробыла 30 мин. В 5 часов 10 м. пришла Соловьева. В 6 часов 20 мин. пришел четвертый раз Симанович, пробыл один час.

---

[1]) «Темный»—условная кличка Распутина для агентов охранки.

[2]) Сандецкая, Клавдия Амвросиевна, 26 л., жена шт.-капитана, поклонница Распутина; адр.: Захарьевская ул., 9.

[1]) Мамонтов, Василий Николаевич, 65 л., тайный советник, сенатор, содержатель Воскобойниковой, поклонницы Распутина, отец В. В. Заусайловой; адр.: Фурштадтская, 12.

[2]) Базилевская, Лидия Платоновна, 28 л., дочь ген.-лейт., бракоразведенная жена инженера Мальтиновского, поклонница Распутина; адр.: Адмир. Канал, 9, затем Екатерин. Канал.

[3]) Червинская, Наталия Илларионовна, 48 л., жена дворянина, приживалка у князя Андроникова.

В 6 час. 45 мин. пришел Решетников [1]), пробыл 35 мин. В 7 ч. 20 м. вечера пришла неизвестная дама. В 9 часов 20 мин. вечера пришла Турович вторично, через 20 минут ушла. В 9 ч. 30 м. вечера пришла Добровольская. В 10 час. пришла Берман [2]). В 10 ч. 10 м. приехала Турович с мужем. В 11 час. 10 мин. вечера пришел Кирша, пробыл 20 минут.

Примечание. В 8 час. 15 мин. вечера приехали пять женщин, со слов извозчика, с Офицерской улицы.

В 10 час. вечера пели песни, играли на пианино и плясали. Просителей было человек около 25-ти, но Темный их не принимал.

Терехов [3]). *Свистунов* [3]).

9-го февраля 1916 г. Сведения.
«Темный». Гороховая ул., д. 64.

Гости, которые пришли вчера к Темному, разошлись в 3-ем часу ночи. В квартире Темного играли на музыке и пели. В 9 ч. 45 м. утра приехала Вырубова. В 10 час. 25 мин. пришла Добровольская, через 3 часа 10 мин. ушла. В 10 час. 50 мин. утра пришли Любовь [4]) и Мария Головины. В 11 ч. утра пришла Гаар, которая ушла через 2 часа. В 11 час. 40 мин. утра приехали на военном автобомиле № 5064 Мануйлов и Осипенко с неизвестным чиновником, которые пробыли 30 минут, Мануйлов и Осипенко уехали. В 12 ч. дня пришел Добровольский, который пробыл 1 ч. 35 м. В 12 час. 30 м. дня приехал на автомобиле № 127 Варнава с Августином, пробыли 40 мин. В 2 ч. 40 м. дня вышел из дома Темный, пошел в Казачий переулок, в баню, через 50 минут вернулся домой. По дороге Темный говорил: «Теперь беда, там наболтали и будут разбираться», и сказал, что «готовят на меня покушение. Вот если узнают, что письмо, написанное от Илиодора [1]), то, действительно, хотят убить». В 4 ч. 45 мин. дня пришел фон-Бок, пробыл 25 мин. В 5 ч. 20 м. дня вторично пришла Мария Головина. В 5 ч. 30 м. дня пришла Москвина, пробыла 1 час. 10 мин. В 5 ч. 45 м. дня приехала Турович. В 6 ч. вечера пришел Клионовский, пробыл 15 мин. В 6 час. 45 м. вечера уехали Турович с Головиной. В 8 ч. 35 м. вечера пришел Симанович с неизвестным евреем-инженером, пробыли 30 мин. Просителей Темный не принимал.

Терехов Свистунов. Попов, Василий. Иванов, Григорий [2]).

10 февраля 1916 г. Сведения.
«Темный». Гороховая ул., д. 64.

Вчера к Темному в 12 часов ночи пришел мужчина, по приметам Мануйлов, скоро ушел; и еще была Соловьева, тоже скоро ушла.

В 10 ч. 30 м. утра пришла генеральша Соколова, скоро ушла. В 11 ч. утра пришла Позднякова [3]) с неизвестной дамой, но приняты не были. В 11 час. 10 мин. дня пришел Филиппов с неизвестной дамой. Дама ожидала у подъезда, а Филиппов пробыл у Темного 10 мин., вышел и передал даме карточку, после чего дама пошла к Темному, откуда через 5 минут вышла с письмом на имя товарища министра г. Белецкого. В 11 час. 40 мин. дня пришла Мария Головина. В 11 час. 45 мин. пришла Никитина [4]), пробыла 30 мин. В 12 час. 40 мин. дня пришла Гаар с дамой Софьей Михайловной, пробыли 1 ч. 30 м. В 1 час. 20 мин.

---

[1]) Решетников, Николай Иванович, 57 л., пот. поч. гражд.; адр.: Морская, 39/12 (гост. «Астория»).

[2]) Берман, Екатерина Ивановна, 36 л., жена петрогр. купца, пот. поч. гражд., поклонница Распутина; адр.: Фонтанка, 5.

[3]) Агенты наружного наблюдения охранного отделения.

[4]) Любовь Валерьяновна Головина, 59 л., вдова дейст. ст. сов., мать Марии Головиной; адр.: Мойка, 104.

[1]) Илиодор, царицынский монах, авантюрист.

[2]) Агенты наружного наблюдения охранного отделения.

[3]) Позднякова, Елизавета Захарьевна, крест. Витебск. г. Себежск. у. Непоротовской вол., поклонница Распутина; адр.: Ямская, 6.

[4]) Никитина, Лидия Владимировна, дочь генер.-от-артиллерии, фрейлина царицы, поклонница Распутина; адр.: Дворцовая набережная, 30.

вторично пришла генеральша Соловьева [1]) с неизвестной дамой, пробыли 10 минут. В 2 часа дня был подан таксомотор № 224, и в 2 часа 10 мин. дня вышел Темный с Марией Головиной и уехали, а в 3 часа 45 мин. вернулись обратно на том же моторе. В 2 час. 15 мин. ушла Лаптинская, которая через час вернулась. В 3 часа 20 мин. дня пришла Добровольская. В 4 час. 40 мин. дня пришел Киселев [2]), но принят не был. В 5 час. 20 мин. вечера пришел Добровольский, пробыл 1 час. В 5 час. 30 мин. ушла Мария Головина с Лаптинской и Дуней. В 5 ч. 50 м. вечера пришла Берман, пробыла 30 м. В 8 час. вечера Темный вышел из дому с Добровольским и на извозчике уехали, а через 45 мин. на том же извозчике вернулись. Со слов извозчика—катались и никуда не заезжали. В 8 ч. 50 мин. вечера вернулись Мария Головина с Лаптинской и Дуней. В 10 час. вечера Мария Головина ушла, а в 10 ч. 10 м. ушла и Добровольская. Посетителей было человек 15.

Сегодня Нейштейн говорил, что «все мои знакомые спрашивают, здоров ли Темный. Говорят, что его поколотили, и поколотил будто бы какой то Орлов-Денисов из-за бабы».

Терехов. Свистунов. Попов, Василий и Иванов, Григорий.

[1]) Повидимому, описка агентов. Следовало бы: Соколова.

[2]) Киселев, Милий Дмитриевич, 61 года, отст. корнет; адр.: Мойка, 12.

От редакции.

(К «докладу цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике».)

В указанной статье, помещенной в IV томе «Красного Архива», в свидетельские показания А. Н. Потресова вкрались некоторые ошибки. Редакция просит исправить следующее:

Вас. Вас. Смирнов	*должно быть*	*Вас. Вас. Старков.*
Ст. Ив. Родченко	»	»	*Ст. Ив. Радченко.*
П. И. Скворцов	»	»	*П. Н. Скворцов.*

Редакционно-издательская Коллегия Центрархива.
Ответственная редакция: **Вл. Максаков.**
Вяч. Полонский.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ ЖУРНАЛА

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — П. Г. Зайчневский. Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым.—К истории партии Народного Права. — Новое о Зубатовщине. — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта.—Письма Некрасова и Достоевского.— Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова. — Толстой и Короленко.—Александр III о Л. Толстом.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны.—Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Письма И. А. Гончарова и А. Мицкевича.— С. В. Зубатов и А. И. Спиридович.—Генерал Алексеев и В. М. Родзянко.—Подкуп китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-Ин-Хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову 1910 — 1912 г.г. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцева. — Бакунин перед австрийским судом. —Материалы об Огареве, Лаврове и Герцене.— Письма С. Л. Перовской.—Воспоминания А. Г. Достоевской.—**Из записной книжки архивиста**: Завещание Николая I. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Бальзак в России. Письма В. Гете и др.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г.—Дневник А. А. Половцева.— Переписка В. Н. Коковцева с Нецлиным.— Семейная переписка Романовых.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Отзвуки польского восстания 1863 г.—Письма К. П. Победоносцева.— Л. Н. Толстой в Астапове. — Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике. — Письма Достоевского, Гончарова, Тютчева. **Из записной книжки архивиста**: — Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина „Русская Правда“. — Достоевский в Твери. — Речь Щапова.— Революционное движение в войсках во время мировой войны. — Материалы к истории живописи. — К истории манифеста 17 октября и т. д.

Печатается и в начале августа поступит в продажу

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

журнала литературы, искусства, критики и библиографии

„Печать и Революция“

Под редакцией **В. П. Полонского** и при ближайшем участии: **А. В. Луначарского, Н. Л. Мещерякова, М. Н. Покровского и И. И. Степанова-Скворцова.**

СОДЕРЖАНИЕ:

1. **Манифест V Конгресса Коминтерна к мировому пролетариату** (к десятилетию империалистической войны).

СТАТЬИ и ОБЗОРЫ.

2. **А. В. Луначарский.** Чем может быть А. П. Чехов для нас.
3. **Н. Александров.** К вопросу о взаимодействии общественного человека и внешней природы.
4. **Г. Баммель.** Литература о Ленине.
5. **Л. П. Гроссман.** Бакунин в „Бесах“.
6. **Я. Тугендхольд.** Оноре Домье.

МАТЕРИАЛЫ по ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ и ЛИТЕРАТУРЫ.

7. **Письмо Ленина в редакцию „Правды“ и „Известий“.**
8. **Письма М. А. Бакунина М. Н. Каткову из Сибири.**
9. **Апостолов.** Из материалов по истории литературной деятельности Л. Н. Толстого.

ОБОЗРЕНИЕ ИСКУССТВ и ЛИТЕРАТУРЫ.

10. **А. Лежнев.** „Октябрь“ и „Рабочий журнал“.
11. **А. Федоров-Давыдов.** Художественная жизнь Москвы.
12. **Марков.** Театральное обозрение.
13. **Браудо.** Из музыкальной жизни Запада.
14. **М. Эйхенгольц.** Современная французская поэзия.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

Литературная хроника на Западе и в СССР.

В журнале до 40 иллюстраций в тексте и на вкладных листах. Письмо (факсимиле) В. И. Ленина.

Адрес редакции:

Москва, Никитский б., д. № 8 „Дом Печати“. Тел. 1-02-85.

Подписка принимается в отделе подписных изданий ГОСИЗДАТА:

Москва, Воздвиженка, д. № 2/10.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. В. Адоратского, В. В. Максакова, В. И. Пичета,
М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ШЕСТОЙ

1924

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Гиз. № 7939. Главлит. № 28440. Москва. Напеч. 4.000. экз

Госиздат. 1-я Образцовая типография. Москва, Пятницкая, 71.

ПОРТСМУТ.

Основных источников для изучения хода мирных переговоров в Портсмуте—что касается русской стороны—до сих пор было два. Разумеем официальные издания министерства иностранных дел: 1) «Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 года», СПБ., 1906 и 2) «Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора. 24 мая—3 октября 1905 года», СПБ., 1906. Ход прений в заседаниях конференции и переписка, запечатлевшая перипетии переговоров, поскольку они были предметом обсуждения царя и ряда должностных лиц в Петербурге, регулировались телеграфными сношениями между Витте и министром иностранных дел гр. Ламздорфом и шли при участии президента С.-Американских Штатов Т. Рузвельта,—дают, в названных изданиях, почти исчерпывающую дипломатическую хронику переговоров. Несравненно живейший интерес, при этом, представляет второе из названных изданий; но оно выпущено было нумерованными экземплярами, носило секретный характер, и в настоящее время является едва ли не библиографическою редкостью. Спокойный и весьма подробный «Дневник И. Я. Коростовца» [1]), одного из секретарей русской делегации, которому Витте поручил вести «дневник путешествия», позволяет вставить названный документальный материал в живую бытовую и драматическую оправу. Кроме прямых обязанностей секретаря на заседаниях конференции, Коростовец ведал прессу, сношения с репортерами, разбор бесчисленной корреспонденции, приходившей на имя Витте от частных лиц, и составление ответов [2]). Таким образом, автор дневника стоял в стороне от серьезной деловой переписки, которую поддерживал Витте с Петербургом, и, судя по дневнику, знал только, что Витте находится в постоянных сношениях по телеграфу с министром иностранных дел. Что касается самого Витте, то при всем значении, какое имеют для интересующего нас момента его «Воспоминания» [3]), надобно помнить, что он намеренно устранил из своего изложения «весь ход переговоров, сношения с президентом и Петербургом» и ограничился «более или менее внешними явлениями и событиями», имея в виду самолично привести в порядок и снабдить комментариями соответствующие документы, хранившиеся в его архиве [4]). Часть этих последних вошла в названный выше «Сборник» [5]), где, за малыми исключениями, опубликована вся переписка Витте с гр. Ламздорфом. Но этим далеко не огра-

---

[1]) Журн. «Былое» 1912 г. кн. I—IV.

[2]) См. «Дневник» т. I, стр. 197.

[3]) С. Ю. Витте. «Воспоминания», Москва, 1923 г., гл. 27, стр. 321—368.

[4]) С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. I, стр. 341.

[5]) В дальнейшем мы называем его «Оранжевой книгой» («Ор. кн.»)

ничивались сношения Витте с Петербургом в те тревожные, и вместе многообещавшие для Витте, дни.

Удаленный от власти и пребывавший в беспросветной опале с момента своего перехода в председатели Комитета министров (16 августа 1903 г.), Витте отнюдь не примирился с совершившимся — страстно рвался вернуться к власти, тщательно хранил и поддерживал нужные связи и отношения и зорко следил за ходом дел в царском окружении и правительственной среде. Если даже и не давать веры недавним «разоблачениям» Лопухина, что, через месяц после отставки, Витте—в Париже—помышлял об убийстве Николая II и воцарении Михаила, у которого «пользовался фавором», или что в январе 1905 г. Витте высказался за созыв земского собора под председательством назначенного председателя, каковым рассчитывал быть самому [1]),—то нет оснований не верить Куропаткину, которого 28 декабря 1903 г., Витте допрашивал, «вспоминает ли его государь», и убеждал доложить царю «о необходимости возвратить его, Витте, к должности министра финансов на время войны» [2]). 20 января 1904 г. у него—«все на уме возврат к власти», «иначе не справятся и испортят только то, что им сделано [3])», «не думают, как надо поступать. Мысль Витте работала над этими вопросами, как бы по заведенной привычке, как будто он вот-вот будет опять управлять финансами в родном министерстве. Оно, действительно, для него оставалось «своим», так как смена министров—Плеске, потом Коковцев — не повлекла за собой никакой ломки. Не характерно ли в этом смысле, что 26 января 1904 г. Витте п е р в ы й в Петербурге получил известие от коммерческого агента о нападении японцев на русскую эскадру в Порт-Артуре, о чем военный министр узнал именно от него (на «вечере» у государственного контролера!) и лишь полтора часа спустя (после «вечера»!) поехал сообщить об этом морскому министру, тоже не знавшему, как оказалось, еще ничего [4]). Или вот, например, отпуски шифрованных телеграмм министра финансов и директора канцелярии министра финансов на имя Витте от сентября 1904 г.: «Сочи. Статс-секретарю Витте. На этих днях прибыл в Петербург статс-секретарь Безобразов. Уведомляю Вас об этом на случай, не признаете ли нужным сообщить от себя министру внутренних дел о характере и свойствах этой личности. Коковцев»: «Сочи. Статс-секретарю Витте. Михаил просит телеграфировать: пятницу прибыл Безобразов, дружно принят сотрудниками, пользуется большой милостью, ежедневно получает пакеты от генерала (т.-е. царя. *Б. Р.*), начинает вертеть по-своему. Дальнейшее телеграфирую. Сердечный привет. Путилов»; «Сочи. Статс-секретарю Витте. Михаил просит телеграфировать: Безобразов продолжает переписываться с генералом, хотя принят еще не был. Абаза, Вогак и компания целыми днями сидят у него. Между генералом и адмиралом было недоразумение. Адмирал уехал до декабря. Шванебах вчера завтракал у Владимира Александровича, который сегодня уезжает в Берлин с поручением. Князя Васильчикова назначают товарищем министра. Вообще делают много промахов. Ваше отсутствие сильно ощущается. Путилов» [5]).—Значит, и в своем сочинском уединении Витте умел поставить

---

[1]) А. А. Лопухин. «Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. Витте)», Госиздат, 1923, стр. 71 и 51.

[2]) «Дневник Куропаткина» журн. «Красный Архив» т. 2, стр. 98—99.

[3]) Там же, стр 105.

[4]) «Дневник», стр. 109—110.

[5]) Отпуски приведенных телеграмм, шифрованные, хранятся в деле № 16, III Отделения: Канц. Мин. Фин., лит. Ш. Даты отправки телеграмм: первые две—13 сентября, третья—24-го.

дело так, что вел. кн. Михаил Александрович и Коковцев с Путиловым на перебой рисковали посредством шифра держать его в курсе злободневных дворцовых подробностей, полных для Витте политического значения.

Неудивительно, что, уезжая в Портсмут, Витте не положился на одни лишь, вытекавшие из его звания главного уполномоченного для ведения переговоров, сношения с министром иностранных дел,—кстати напомнить, достаточно лично преданным ему и послушным—гр. Ламздорфом, а и привел в действие привычный осведомительный аппарат бывшего своего министерства, так что «вообще обо всем, происходящем в Петербурге» ему телеграфировал Коковцев, а спутнику его И. П. Шипову, директору д-та государственного казначейства,—Путилов [1]). Памятником этой переписки остались в архиве общей канцелярии министра финансов (II отделение экономической секции Центрархива) три досье III отделения лит. С, из коих и извлечены публикуемые ниже документы: 1) № 142—«О переписке в связи с поездкою ст.-секр. Витте в Америку в 1905 г.», на 124 л.л., 2) № 145—«О переговорах по заключению мира с Японией в 1905 г.,» на 266 л.л., и 3) № 148—«Бумаги, привезенные из Портсмута в 1905 г. т. с. Шиповым», на 127 л.л. №№ 142 и 148 почти целиком повторяют одно другое, за ничтожными исключениями, повидимому, случайного свойства: в результате обмена телеграмм между Портсмутом и Петербургом, тут и там слагались параллельные по содержанию досье с преимущественно подлинными документами (рукописные отпуски и телеграфные бланки в шифре в сопровождении дешифрантоз). № 145 содержит копии большей части документов двух названных досье, но, кроме того, заключает в себе и другие документы, возникавшие в канцелярии министра или туда попадавшие, поскольку они относились к теме заголовка досье. Нет абсолютно достаточных оснований утверждать, что публикуемые документы в соединении с теми, что напечатаны в «Оранжевой книге», исчерпывают все то, что в том или ином виде хранилось в личном архиве Витте. Но представляется несомненным, что некоторые из наших документов остались неизвестными и самому Витте. Таковы, напр., два письма Извольского и Коковцева — №№ 105 и 106, от 19 и 30 августа 1906 г. по вопросу о том, отдавать ли японцам, согласно их просьбе, подлинные договоры об уступке России ППорт-Артура (три документа), о концессии на постройку и эксплоатацию Восточной Китайской жел. дор., о сооружении южной ее ветви, и о соглашениях относительно других ж. д. в Манчжурии:.

Печатаемые документы видят свет впервые, за исключением №№ 10, 11 и 40, которые были опубликованы в «Оранжевой книге». Опущение их здесь нарушило бы связность переписки; к тому же № 11 напечатан в «Оранжевой книге» без собственноручных пометок царя, имеющихся на нашем экземпляре этого документа.

Б. Романов.

[1]) С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. I, стр. 399.

Переписка С. Ю. Витте и других лиц.

№ 1. Телеграмма д. с. с. Рутковского, из Лондона.

1225 февраля 1905 г.—получена 13-26 февраля.

En Juillet [1]) ministre japonais en Angleterre pendant séjour président du Comité ministres Berlin [2]) désira arranger entrevue avec lui afin d'échanger vues s'il est possible regler différend entre les gouvernements de Russie et Japon et conclure paix durable et m'avais demandé par intermédiaire arranger entrevue. Dans l'attente de réponse sa proposition ministre japonais avait demandé par dépêche son gouvernement autorisation et a reçu instructions; demande ministre japonais soumise par moi ambassadeur a été communiquée S. Pétersbourg ministre des affaires étrangères et président Comité ministres, mais a été déclinée par notre gouvernement; hier soir vu rumeur communiquée par presse anglaise que gouvernement russe discute conditions paix avec Japon qui seraient acceptables ministre japonais par même intermédiaire qu'auparavant m'avait fait dire qu'il est prêt renouer notre conversation particulière par même voie; de la même source obtenu avis que gouvernement japonais demande, mais presse pas indemnité.

Cette dépêche a été communiquée ambassadeur. Prie votre Excellence de me donner des instructions que dois-je répondre.

Rotnkowsky

Перевод.

В июле [1]) японский посланник в Англии, во время пребывания председателя комитета министров в Берлине [2]), выразил желание свидеться с ним, чтобы сбменяться взглядами на возможность покончить распрю между русским и японскпим равительствами и заключить прочный мир, и просил меня, через третье лицо, устроить это свидание. В ожидании ответа на свое предложение японский посланник испросил по телеграфу одобрения своего правительства и полу-

[1]) Один шифр не разобран. Вероятно, по смыслу, «прошлого года».

[2]) С. Ю. Витте. О поездке его в Германию летом 1904 г. для заключения с нею торгового договора см. «Воспоминания» Витте, т. I, стр. 256—260.

чил инструкции. Просьба посланника, переданная мною нашему послу, была сообщена в С.-Петербург министру иностранных дел и председателю комитета министров [1]), но была отклонена нашим правительством. Вчера вечером в виду слуха, сообщенного английской прессой, что русское правительство обсуждает условия мира с Японией, которые были бы приемлемы, японский посланник через то же лицо, что и в прошлый раз, поручил сказать мне, что он готов возобновить наш частный обмен мыслей тем же способом. Из того же источника я получил известие, что японское правительство потребует вознаграждения, отнюдь однако не форсируя этого вопроса.

Эта телеграмма сообщена нашему послу. Прошу ваше превосходительство дать мне инструкции, что ответить.

Рутковский.

№ 2. Телеграмма м-ра финансов В. Н. Коковцева д. с. с. Рутковскому [2]).

Телеграмму вашу от 12 февраля получил. Прошу вас все сообщенное вам через посланника передать на усмотрение нашего посла, от которого и будет зависеть дать делу то или иное направление. Я не считаю себя в праве принять в данном вопросе какое-либо участие, в виду чего прошу и вас воздерживаться впредь от всяких переговоров и всякого даже частного обсуждения этого вопроса с какими бы то ни было лицами, имеющими соприкосновение с нашим противником.

Коковцев.

№ 3. Письмо В. Н. Коковцева м-ру иностр. дел гр. Ламздорфу [3]).

Весьма секретно.

Милостивый государь, граф Владимир Николаевич!

Агент министерства финансов в Лондоне телеграммой от 12 сего февраля уведомил меня, что японский посланник при Великобританском дворе сообщил ему, через третье лицо, о своем желании обменяться взглядами по вопросу о восстановлении между Россией и Японией мирных отношений.

Считая долгом препроводить вашему сиятельству копию как упомянутой телеграммы д. с. с. Рутковского, так и ответной телеграммы,

---

[1]) Витте получил известие о желании Гаяши непосредственно от Рутковского, еще будучи в Берлине, но там он не получил никаких указаний из Петербурга. Только вернувшись в Петербург, Витте узнал от гр. Ламздорфа, что «соответствующее донесение нашего посла в Лондоне гр. Бенкендорфа было представлено царю, но не имело никаких последствий». Витте считал момент очень подходящим для переговоров (до падения П.-Артура и поражений при Ляояне, Мукдене и Цусиме). «Воспоминания», т. I, стр. 261.

[2]) Отправлена 13 февраля 1905 г. (во французском переводе).

[3]) Документ сохранился в деле не в подлиннике, а в отпуске.

посланной мною сегодня последнему, позволяю себе обратиться к вам, милостивый государь, с покорнейшей просьбой не отказать почтить меня уведомлением о том, не встретится ли с вашей стороны по содержанию упомянутого ответа моего каких-либо возражений.

Прошу вас, милостивый государь, принять уверение в отличном моем уважении и искренней преданности.

Подписано: *В. Коковцев.*

Верно: делопроизводитель *К. Иогансон.*

13 февраля 1905 г. № 87.

№ 4. [1]) Телеграмма А. Рафаловича [2]) на имя м-ра финансов.

от 13 февраля 1905 г. из Парижа.

(Препровождена в копии м-ру ин. дел 14 февраля).

(Перевод). Банкиры рассказывают, что торговый дом, хорошо осведомленный в военных делах, получил от своего японского корреспондента известия, указывающие на расположение японцев к миру.

Рафалович.

№ 5. Отношение гр. Ламздорфа В. Н. Коковцеву.

Весьма секретно.

Милостивый государь, Владимир Николаевич!

Принося искреннюю признательность мою за сообщенные при письме от 13 сего февраля № 87, документы, поспешаю уведомить ваше превосходительство, что я не только не встречаю никаких возражений по содержанию телеграммы вашей к агенту министерства финансов в Лондоне, но всецело присоединяюсь к тем указаниям, которыми вы снабдили д. с. с. Рутковского.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Ламздорф.

Февраля 14 дня 1905 г. № 345.

---

[1]) Телеграммы за №№ 4. 16, 1§, 20, 22, 24—51, «1—56, 59, 51—82—шифрованные.

[2]) Агент м-ва финансов в Париже.

№ 6. Телеграмма кол. сов. Распопова [1]) из Шанхая на имя м-ра финансов

от 18/31 марта 1905 г., — получена 18 марта [2]).

Для успеха займа своего японцы усиленно распускают слухи о мире. На общественное мнение здесь они действуют удручающе. Из Японии имею сведения, что утомление войной очень сильно и под влиянием его создается партия, склонная к умеренным условиям мира. Осмеливаюсь высказать, однако, что поспешность уступки с нашей стороны именно теперь была бы гибельною. Дальнейшее утомление в Японии может только улучшить наше положение и при этом очень быстро.

Распопов.

№ 7. Телеграмма ст. сов. Давыдова [3]) из Пекина на имя м-ра финансов

от 25 марта 1905 г., № 57, — получена 26 марта.

Движение японцев по направлению к Владивостоку имеет своей первоначальной целью, как сообщают из негласного японского источника, не взятие будто бы Владивостока, а побуждение России скорее согласиться на заключение мира, хотя японцы рассчитывают, что Владивосток сдастся после первых же нескольких бомбардировок. Беспрепятственный в таком случае захват Сахалина укрепляет их в надежде выговорить этот остров при заключении мира в свою пользу.

№ 8. Письмо нижегородского губернатора П. Унтербергера при докладной записке м-ру финансов

от 27 мая 1905 г. [4]).

Конфиденциально.

Милостивый государь, Владимир Николаевич!

В печати появились предполагаемые условия мира с Японией. Так как значение их для России неразрывно связано с нашими владениями на Дальнем Востоке и с государственной обороной наших окраин, то я, основываясь на опыте многолетней службы в Восточной Сибири и знании местных условий края, составил краткую записку, касаю-

---

[1]) Агент м-ра финансов в Китае.

[2]) Рукою Коковцева надписано карандашом: «Мы давно слышим эти речи; тем не менее—сообщите военному м-ру и м-ру вн. дел.»

[3]) Управляющий отделением Русско-Китайского банка в Пекине.

[4]) На подлинном рукою Коковцева синим карандашом сделана надпись: «Благодарите письмом, а копию с записки пошлите отдельно для сведения м-ру ин. дел».

щуюся этого предмета, которую и позволяю себе представить на благоусмотрение вашего превосходительства.

Прошу принять уверение в глубоком уважении и совершенной преданности.

Вашего превосходительства покорнейший слуга *П. Унтербергер.*

№ 9. Записка о предполагаемых условиях мира с Японией.

Япония, по сведениям, проникавшим в печать, намерена предъявить следующие главные условия мира: 1) уступку ей острова Сахалина, 2) разоружение крепости Владивостока и лишение России права держать в Тихом океане военный флот, 3) уплату контрибуции в 2 миллиарда рублей, 4) уступку Японии железной дороги от Порт-Артура до Харбина и 5) признание протектората Японии над Кореей.

Я остановлюсь пока на разборе первых трех пунктов, которые имеют для России прямое и первенствующее значение.

Уступка о. Сахалина, независимо от лишения нас его естественных богатств, имела бы главным последствием, что последний свободный пролив—Лаперуза—из северной части Японского моря в океан очутился бы в руках японцев и что близость о. Сахалина к устью реки Амура всегда будет парализующим образом действовать на наши судоходство и торговлю по названной реке. Ввиду же той громадной важности, какую играет в жизни Приамурского края Амурская речная система, обстоятельство это имеет для нас огромное значение, ибо мы всецело подпадем под экономическую зависимость от Японии.

Переходя к вопросу о разоружении Владивостока и лишению России права содержать в Тихом океане военный флот, то очевидно, что исполнение этого требования равносильно полной парализации нашего развития, значения и силы на берегах Тихого океана, чем завершится только полное подчинение интересов нашего населения Приамурского края интересам Японии. Мы не в состоянии будем бороться ни с какими притязаниями этой нации, как бы они ни были для нас тяжелы.

Уплата, наконец, контрибуции в 2 миллиарда, не говоря о том тяжелом бремени, которым она ляжет на народное благосостояние, будет иметь последствием, что Япония не только покроет ею все свои долги, но будет еще иметь миллиард для создания еще более сильного флота и более сильной армии, и тогда борьба с ней, для восстановления нашего потерянного самостоятельного положения на берегах Тихого океана, может оказаться делом непосильным.

Теперь является вопрос: находимся ли мы в таком положении, из которого не было бы другого выхода, как заключение подобного, разоряющего нас во всех отношениях, мира? Ответ на это совершенно определенный: нет. Не нужно смущаться заграничной прессой, да и частью нашей, которые твердят, что мы находимся в положении без-

условной необходимости заключить мир, хотя бы на условиях вышеизложенных. Для финансовых кругов, ссудивших Японию деньгами на ведение войны, несравненно удобнее, чтобы займы эти заплатила Россия, против которой, в Европе, есть возможность принятия репрессивных мер, если бы она отказалась платить свой долг; наоборот, при желании Японии уклониться от исполнения своих денежных обязательств, заставить ее к этому будет несравненно труднее.

Переходя к разбору вопроса по существу, оказывается, что, если последующими военными действиями в руки японцев перешли бы Владивосток, Южно-Уссурийский край, Николаевск и Хабаровск, и наша манчжурская армия должна была бы отступать к Забайкалью, то и тогда мы не находились бы в положении необходимости заключить мир во что бы то ни стало. Для того, чтобы нас принудить к этому—неприятель должен был бы зайти в сердце России или занять прочно территорию, потеря которой нам была бы более тяжела, чем условия предложенного мира. Приморская и Амурская области еще не представляют такой территории. Области эти пока не только не приносят нам дохода, но, напротив того, требуют на свое содержание ежегодной доплаты не одного десятка миллионов. Если мы с таким положением пока миримся, то делаем это в расчете, что затраченные средства будут возвращаться, когда там окрепнут и разовьются поселения и явится возможность в широкой степени эксплоатировать естественные богатства страны; но это еще вопрос более или менее отдаленного будущего. Ввиду этого оставление этих областей временно в руках неприятеля не влечет за собою для государства каких-либо особо серьезных последствий. Впрочем, занявши их, неприятель не достигает еще какой-либо конечной цели войны, и тогда явится вопрос: что же он будет делать дальше? Направляться за нами в Забайкалье и далее, это—итти на верную неудачу, держать же неопределенное время полумиллионную армию будет тяжелым финансовым бременем, разоряющим страну. Тогда может случиться, что японцы выведут свою армию обратно, заняв лишь некоторые из более важных прибрежных пунктов. Но в таком случае мы вновь займем оставленные нами местности и постараемся вытеснить неприятеля из занятых им пунктов, дабы тем обеспечить себе более благоприятную почву для переговоров о мире. Если это, по каким-либо обстоятельствам, нам не удастся, то и тогда выгоднее для нас оставить эти области, впредь до более благоприятного будущего, в руках неприятеля, но без санкционирования этого миром, да еще с уплатою двух миллиардов контрибуции. Не подлежит сомнению, что, если мы и заключим с Японией мир на условиях, приведенных выше, то это будет лишь временное перемирие и не пройдет нескольких лет, как Япония новыми набегами постарается отнять у нас Приамурские области, при чем уплаченные ей два миллиарда только облегчат ей этот захват.

Из всего вышеизложенного вытекает по моему мнению:

1. В настоящей войне с Японией мы не находимся, и вряд ли когда-либо будем находиться, в необходимости заключить мир во что бы то ни стало, так как для этого неприятелю нужно занять жизненные центры государства, которые слишком отдалены от театра военных действий.

2. Условия мира, приведенные в начале записки, неприемлемы, как в высшей степени невыгодные и разорительные для России, в особенности первые три пункта.

3. Неприемлемость таких условий остается в полной силе и в том случае, если нам, по обстоятельствам, пришлось бы отступить в Забайкалье и временно оставить в руках японцев Приамурские области и

4) Если бы нам не удалось затем вернуть Приамурские области [1]), то это не изменило бы по существу положения, так как мир, на приведенных выше условиях, до такой степени парализовал бы наши действия на Дальнем Востоке, что мы не могли бы рассчитывать на успешное сопротивление какому-либо новому нашествию японцев. Разница была бы лишь в том, что в последнем случае временное затишье мы окупили бы ужасающей суммою в два миллиарда рублей, которой японцы заплатили бы свои долги, улучшили бы материальное положение наиболее пострадавшей от войны части населения, подняли бы промышленность и вооружились бы как на суше, так и на море еще сильнее, чем в настоящую войну.

Поэтому нужно ясно сознавать, что задолженность Японии, все больше и больше увеличивающаяся, есть наш главный союзник в войне, при чем финансовую тяжесть последней мы при двухмиллиардном бюджете легче вынесем, чем Япония при 360-миллионном.

При дальнейшем энергичном продолжении войны, наши усилия должны быть впереди всего и направлены на увеличение провозоспособности железной дороги и на скорейшую прокладку по ней второго пути, а также на развитие всех остальных путей в тылу, дабы иметь возможность в кратчайший срок подвозить для армии все необходимое и, в то же время, не останавливать и снабжение нужнейшими предметами населения Сибири. Организация для этого дальнего тыла, с объединением в данном деле всех ведомств, самая насущная и самая неотложная потребность и к ней следует приступить немедленно, не теряя ни одного дня.

Генерал-лейтенант *Унтербергер*.

25 мая 1905 г.

---

[1]) В этом случае русскому населению, которое пожелало бы переселиться внутрь империи, должна быть оказана правительством материальная помощь.

№ 10. Отношение гр. Ламздорфа м-ру финансов [1].

Доверительно.

Милостивый государь, Владимир Николаевич!

В первых числах августа месяца нового ст. предстоит в Вашингтоне свидание русских и японских уполномоченных для выяснения возможных условий мира.

Вследствие сего обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшею просьбою сообщить мне в непродолжительном времени соображения ваши по этому вопросу, а равно те данные по вверенному вам ведомству, кои могли бы служить материалом для составления инструкции русским уполномоченным.

Примите и проч.

Ламздорф [2].

16 июня 1905 г. № 1061.

Копия.

№ 11. Письмо м-ра финансов м-ру иностранных дел [3]

от 20 июня 1905 г. [4].

Письмом от 16 сего июня за № 1061 ваше сиятельство уведомили меня о предстоящем свидании русских и японских уполномоченных для выяснения возможных условий мира, прося меня сообщить мои по этому вопросу соображения, а равно те данные по вверенному мне ведомству, которые могли бы служить материалом для составления инструкции русским уполномоченным.

Вследствие сего считаю своим долгом высказать вашему сиятельству, что при настоящем положении дела изложение соображений моих по предмету предстоящих переговоров представляется чрезвычайно затруднительным. Проектирование министерством финансов тех или иных условий мира по относящимся к ведомству его предметам по необходимости находится в коренной зависимости от тех руководящих предположений политического свойства, которые лягут в основу предстоящих переговоров с Японией и которые по существу дела могут быть намечены только вашим сиятельством на основании непосредственных предуказаний е. и. в. и всесторонней осведомлен-

---

[1]) На подлинном пометка синим карандашом рукою Коковцева: «пр. переговорить в понедельник. 16/VI.»

[2]) Это письмо, как и ответ на него Коковцева (№ 11), напечатано в «Ор. кн»., стр. 42 и 47—53.

[3]) Экземпляр письма на слоновой бумаге с собственноручными пометками Николая II. В «Ор. кн.» письмо напечатано без этих пометок.

[4]) Рукою Николая II синим карандашом помечено: *«В общем вполне одобряю письмо ваше»*. Рукою В. Н. Коковцева: *«В Петергофе 24 июня 1905 г.»*.

ности о настоящем политическом положении. Если бы вашему сиятельству угодно было сообщить мне эти предположения, то министерство финансов могло бы с большим успехом выполнить свойственную ему при решении данного вопроса задачу, могущую заключаться лишь в разработке собственно финансовой его стороны и других подробностей, имеющих отношение к компетенции финансового ведомства. При настоящих же условиях, когда эти основные предположения мне неизвестны, всякие мои соображения по предмету предстоящих переговоров, очевидно, не могут не отличаться значительною гадательностью [1]). Тем не менее, принимая во внимание, что вы изволили признать необходимым ознакомиться с моим мнением, имею честь сообщить вам нижеследующее.

Прежде всего я должен оговориться, что изложенные мною ниже взгляды я высказываю в том предположении, что в настоящее время для России не признается необходимым стремиться к заключению мира во что бы то ни стало. Я не имею данных для суждения о том, действительно ли дело стоит так, но в указанном предположении меня не может не убеждать то соображение, что в противном случае едва ли было бы целесообразно снабдить наших уполномоченных особо подробными инструкциями, затребовав предварительно отзывы подлежащих ведомств. Кроме того, за то же говорят, повидимому, и энергичные меры, которые принимаются военным ведомством к усилению состава наших сухопутных армий в Манчжурии, и которые, насколько знаю, выразились в том, что после Мукденского боя армии наши уже получают поддержку в количестве 135 тысяч человек, 15 июня должен был двинуться 19 корпус, а затем еще и 9 и некоторые другие войсковые части. Я не могу, конечно, не иметь в виду, что с чисто финансовой точки зрения продолжение войны становится для нас все более и более затруднительным. Об этом я по долгу службы неоднократно доводил до высочайшего его императорского величества сведения, представив его величеству после Мукденского отступления подробную записку, рассмотренную в особом совещании под председательством его императорского высочества великого князя Николая Николаевича, и доложив затем еще раз кратко после Цусимского боя. Вообще, как министр финансов, не могу не признать, что продолжение войны при нынешнем положении дел на театре войны и в особенности внутри страны представляется весьма трудным, и что с финансовой точки зрения заключение мира крайне желательно. Но само собою разумеется, решение вопроса о войне или мире, от которого должны зависеть жизненные интересы и достоинство России, не может быть поставлено в зависимость исключительно от соображений финансового характера. А при таких условиях нельзя не видеть в предполагаемом свидании с японскими уполномоченными великодушную попытку е. и. в. узнать

[1]) На полях рукою Николая II: «Есть отметки»

требования [1]) японского правительства в тех целях, чтобы скорее даровать мир своему народу,—однако отнюдь не ценою каких угодно политических и экономических уступок Японии, а лишь на условиях, не нарушающих чрезмерно насущных интересов России.

Переходя к существу дела, имею честь сообщить, что, по моему мнению, при предстоящих переговорах главною целью должно быть заключение с Японией такого соглашения, чтобы устанавливаемый этим соглашением мир был искренним и как можно более продолжительным. Для этого в условиях мирного договора не должно быть поставлено чрезмерных требований той стороне, против которой повернулось военное счастье, т.-е. требований такого характера, которые заставили бы эту сторону в силу жизненных ее интересов стремиться к новой войне в будущем. Кроме того, в мирном договоре не должно, конечно, заключаться постановлений, по существу или по форме унизительных для чести или достоинства той или другой стороны.

Для того, чтобы нам добиться мира на условиях, соответствующих указанным основаниям, необходимо взвесить, в чем заключались причины, не внешние, а внутренние, нынешнего вооруженного столкновения между Россией и Японией. С русской точки зрения, они заключались главным образом в опасении нападения Японии после ее утверждения на азиатском материке и вообще враждебных действий последней по отношению к России. Стремление наше воспрепятствовать Японии стать твердой ногой на материке Азии было основано именно на этом опасении. Отсюда — вытеснение нами Японии после победы ее над Китаем с завоеванного ею Ляодунского полуострова, преждевременный захват Порт-Артура, неудачное устройство, под видом лесной концессии, заслона в северной Корее и т. п.

В настоящее время нападение на нас Японии и утверждение на азиатском материке ее вооруженных сил и политического престижа представляются однако совершившимися фактами. При таком положении дальнейшие взаимные отношения между обеими державами будут зависеть от того, как намерена Япония использовать достигнутые успехи. Имеет ли она в виду ограничиться закреплением результатов войны, или намерена посягнуть на жизненные, собственно русские интересы на Дальнем Востоке. Заключенный при последних условиях мир, очевидно, прочностью отличаться не будет. Если же русские интересы, понимая их в смысле нашего отказа от поступательной политики на Дальнем Востоке при сохранении непрерывной связи Сибири с Тихим океаном, будут соблюдены, то, казалось бы, не должно быть препятствий к тому, чтобы достигнуть искреннего мирного соглашения на продолжительный, если не безгранично-долгий срок.

С экономической и культурной точек зрения к жизненным интересам России на Дальнем Востоке необходимо, по моему мнению,

---

[1]) Подчеркнуто царем и на полях отметка, сделанная им же: «Именно».

в настоящее время причислить, независимо от неприкосновенности русских границ и державных прав России относительно Владивостока, Уссурийского края и других местностей, а равно отсутствия ограничений для содержания флота на Дальнем Востоке,—сохранение в нашем полном распоряжении или в крайнем случае под нашим исключительным влиянием рельсовой линии, соединяющей Владивосток с Сибирской железною дорогою, а равно пароходные сообщения, связывающие эту линию с русскими владениями по Сунгари[1]). Если бы, по условиям мирного соглашения, эти сообщения, и в особенности указанный рельсовый путь, были изъяты из нашего распоряжения, то, на мой взгляд, такое соглашение не могло бы служить залогом прочного мира, а, напротив, заставило бы каждую из сторон попрежнему относиться к намерениям другой с недоверием и опасением и истощать свои экономические силы на приготовления к новому вооруженному столкновению. То же самое имело бы место и в том случае, если бы мирный договор предоставил японскому правительству право держать в течение продолжительного времени свои военные силы после заключения мира в районе Китайской Восточной железной дороги, т.-е. в пределах двух северных провинций Манчжурии, ибо присутствие здесь японских войск не могло бы не служить постоянным поводом к возникновению между нами и Японией нежелательных недоразумений.

Но если, таким образом, удержание за нами сообщений Сибирской железной дороги с Приморским краем имеет первостепенное для наших интересов значение, то, с другой стороны, нельзя не признать, что и здравый смысл, и результаты военных действий требовали бы отказа от наших прав на арендуемую нами у китайского правительства часть Ляодунскаго полуострова и участок южной ветви Китайской Восточной железной дороги, от Порт-Артура и Дальнего примерно до южной границы Гириньской провинции или в крайности до пересечения этой ветви с верхним течением Сунгари [2]). При этом необходимо было бы, однако, настоять на том, чтобы означенный участок Южно-Манчжурской ветви перешел в собственность Китая путем досрочного выкупа, ибо оккупация японцами территории, по которой проходит эта железная дорога, или передача ими этой территории Китаю по принципам международного права отнюдь не создает еще для Японии или для Китая права собственности на это частное акционерное предприятие. Само собою разумеется, что при установлении подлежащей уплате Китаем выкупной суммы за железную дорогу стоимость последней могла бы быть сокращена в виду разрушений, произведенных на ней военными действиями; сокращение это, однако, не могло бы быть особенно значительным; так как главнейшие сооружения, как-то: земляное полотно, выемки, устои мостов и т. п., несомненно, в общем пострадали не особенно сильно.

---

[1]) Рукой Николая II отмечено: «Верно».

[2]) Пометка рукой Николая II «Да».

Из полученной от Китая выкупной суммы могло бы быть нами уплачено Японии вознаграждение за содержание наших пленных. Эта уплата, по существу справедливая, по моему мнению, безусловно не имела бы обидного для достоинства России значения. Вместе с тем я считал бы, однако, совершенно недопустимым [1]) уплату нами контрибуции в виде вознаграждения за расходы Японии по ведению войны и полагал бы, что включение в мирный договор подобного рода условия, не соответствующего достоинству России и не оправдываемого достигнутыми Японией успехами, крайне затруднило бы, к ущербу для обеих сторон, сохранение между ними сносных отношений в будущем.

Что касается Корейского полуострова, то мне представляется, что и по существу дела, в виду фактического занятия этой страны японцами, и по форме в виду выраженного нами еще до войны согласия признать преимущественное положение японцев в этой стране,—нам будет крайне трудно ставить в настоящее время какие-либо препятствия установлению здесь преобладающего влияния Японии. Но если японское правительство, действительно, искренне желает возобновить с нами добрососедские отношения, то оно могло бы—в целях возможного устранения всяких поводов к недоразумениям—принять на себя обязательство не вводить в смежные с нашим Приморским краем области северной Кореи своих военных сил и не возводить здесь никаких укреплений.

Далее, считаю долгом обратить внимание на частные интересы русских подданных, потерпевших вследствие настоящей войны. Для возможного ограждения этих интересов я признавал бы, во-первых, необходимым оговорить, буде это не разумеется само собою, что собственность русских подданных и предприятий в Дальнем и Порт-Артуре, в том числе и собственность Общества Китайской Восточной железной дороги, по окончании войны должна быть немедленно возвращена по принадлежности. Затем подобную же оговорку надлежало бы сделать также и относительно горнопромышленных концессий, принадлежащих русским подданным в районе Манчжурии, занятом японскими войсками, а именно было бы необходимо установить: в случае, если бы после войны за японцами остались какие-либо полномочия по управлению этой частью Манчжурии, — что права русских подданных будут восстановлены немедленно по окончании войны, и во всяком случае,—что если бы японцы за время оккупации страны эксплоатировали какую-либо принадлежащую русским подданным концессию, то за это собственникам должно быть уплачено соответственное вознаграждение.

В заключение позволяю себе сообщить вашему сиятельству, что с внешней стороны разработки инструкции для наших уполномс-

[1]) Это место подчеркнуто Николаем II и сделана собственноручная пометка: «Безусловно».

ченных я считал бы особенно полезным преподание этим уполномоченным определенных указаний относительно того, на какие требования Японии им ни в каком случае невозможно согласиться [1]).

№ 12. Донесение из Вашингтона Виленкина В. Н. Коковцеву [2]).

Ваше высокопревосходительство, Владимир Николаевич!

За последние десять дней общественное мнение Соединенных Штатов всецело поглощено переговорами президента Рузевельта с графом Кассини и японским посланником Такагирой относительно заключения мирного договора, и третьего дня Рузевельт официально заявил, что Россия и Япония изъявили согласие на его предложение, и что местом конференции избран Вашингтон. Американская печать не скрывает своего удовольствия по поводу того, что этим выбором американское национальное чувство польщено и газеты полны панегириками по адресу президента Рузевельта.

Здесь полагают, что уполномоченные соберутся не ранее половины августа и что самые переговоры затянутся не менее двух месяцев; так по окончании испанско-американской войны в 1898 году уполномоченные обеих стран собрались в Париже 1 октября, переговоры же закончились лишь 10 декабря, а между тем главные пункты соглашения между Соединенными Штатами и Испанией были уже улажены предварительным протоколом; задачи же, которые пришлось им разрешить, не были так сложны, как те, которые придется урегулировать России и Японии.

Весьма характерно, что с момента вмешательства Рузевельта здешняя печать, а вместе с нею и общественное мнение сразу переменили свои взгляды и стараются повлиять на Японию не настаивать на большом денежном вознаграждении; еще две недели тому назад здешняя пресса находила, что если Япония потребует 2 миллиарда долларов, то требования ее вполне нормальны; теперь же та же пресса убеждает Японию быть скромной в своих требованиях и ограничиться суммой, составляющей действительный размер произведенных ею военных расходов, что, по словам газет, не должно превышать 500 милл. долларов и из этой суммы вычесть стоимость тех приобретений, которые достанутся ей от России, как то Дальний, Порт-Артур.

Не подлежит сомнению, что столь разительная перемена в настроении здешней печати объясняется главным образом влиянием президента Рузевельта, который в данном случае может оказать веское давление на Японию; по словам здешних дипломатов, ни один из монархов или государственных людей Европы, включая сюда Англию, не пользуется таким влиянием на Японию, как Рузевельт и, если бы нам уда-

---

[1]) Пометка рукой Николая II: «Да».

[2]) Получено 23 июня; Виленкин—агент м-ва финансов в Вашингтоне.

лось заручиться его полным содействием, то требования Японии могли бы быть низведены до минимума. С другой стороны, американцы поняли, что если бы Японии удалось достичь своей цели, то это сразу оказало бы влияние на европейский денежный рынок, что, в свою очередь, отразилось бы и на американских ценностях, так как Франция, а за нею и Англия прежде всего начали бы реализировать американские бумаги, чтобы запастись наличными деньгами.

Согласие России на предложение Рузевельта и, с другой стороны, назначение сюда послом барона Розена, пользующегося особыми симпатиями американцев, служат самыми лучшими факторами для восстановления дружественных отношений между Россией и Соединенными Штатами и с наступлением осеннего сезона, когда финансовый мир вернется в Нью-Йорк из европейских курортов или летних резиденций, наступит благоприятный момент для привлечения нью-йоркского денежного рынка в Россию, и этого момента мы не должны упустить.

В виду того, что в настоящую минуту на здешнем рынке полное затишье, которое продолжится до половины сентября, к какому времени было бы весьма важно приготовить план действий, то я имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство уведомить меня, не найдете ли вы полезным разрешить мне приехать в Петербург, чтобы лично доложить вашему высокопревосходительству о беседах, которые я имел за последнее время с здешними банкирами, и их взглядах на возможность помещения русских ценностей на нью-йоркской бирже и привлечения американских капиталов в русские предприятия.

С глубоким почтением и совершенною преданностью имею честь быть

вашего высокопревосходительства покорный слуга

Григорий Виленкин.

Вашингтон 8/21 июня 1905 г. № 181.

№ 13. Письмо Виленкина директору канцелярии мин. финансов А. И. Путилову.

Милостивый государь, Алексей Иванович!

С сегодняшней почтой я послал донесение его высокопревосходительству г. министру финансов, в котором, между прочим, запросил, не найдет ли он полезным в виду летнего полного затишья в делах разрешить мне приехать в Петербург, чтобы лично доложить о настроении здешних банковых кругов и их взглядах на помещение русских ценностей по урегулировании наших отношений к Японии.

В случае если его высокопревосходительство разрешит мне приехать, то я покорнейше прошу ваше превосходительство соблаговолить сообщить мне об этом по телеграфу, дабы я, не теряя времени, мог бы выехать.

Примите и проч.

Григорий Виленкин.

Вашингтон 8/21 июня 1905 г. № 182.

№ 14. Телеграмма А. И. Путилова Виленкину в Вашингтон

от 25 июня 1905 г.

Ответ на письмо 182. Министр считает при настоящем положении необходимым ваше присутствие в Америке и просит вас сообщить имеющиеся у вас сведения подробно письмом [1]).

Путилов.

№ 15. Телеграмма Распопова из Шанхая А. И. Путилову.

от 2/15 июля 1905 г. —получена 4 июля.

Здесь получена телеграмма о назначении С. Ю. Витте главным уполномоченным для мирных переговоров. Если может интересовать С. Ю. Витте, покорнейше прошу доложить следующие сведения о главном японском уполномоченном бароне Комура. Он выдвинут благомыслящею, наиболее умеренною частью оппозиции; до сих пор очень удачно служил связующим звеном между нею и кабинетом. Обе стороны считают это тайной одна от другой. Знаю это случайно, благодаря широкому участию в событиях в Корее, куда Комура был послан улаживать дело об убийстве королевы, но безусловно ручаюсь за точность. Очень не блестящий на вид, Комура обладает, однако, громадным умом, знанием,—с одной стороны, всей подноготной японской прогрессивной оппозиционной партии и ее отношений к правительству и народу, с другой стороны—тех мелочных интриг иностранных представителей, умелая игра которых позволила японцам блестяще достигнуть самых трудно осуществимых целей. Вместе с тем Комура известен как весьма сдержанный, рассудительный человек, далеко не нешовинист [2]) по убеждению, и удовлетворяет выдвинувшую его партию лишь настолько, чтобы не поставить ее открыто против правительства. Кто бы ни были прочие делегаты, Комура будет, несомненно, играть руководящую роль, хотя бы и стушевываясь для виду. Сообщил Покотилову.

Распопов.

[1]) Соответствующего письма Виленкина в д. № 145 не имеется.

[2]) Так в подлиннике.

№ 16. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 8 июля 1905 г.

Excellence Chipoff Hôtel Chatham Rue Daunon Paris.

Министр просит вас доложить С. Ю. Витте. Слух о покушении на Победоносцева—вымысел. Съезд в Москве, несмотря на запрещение, состоялся и продолжится еще один день. Столкновений с властью не было, ожидавшееся объявление съезда Учредительным Собранием не состоялось, но сделано резкое осуждение проекта Булыгина, закончившееся резолюциею все-таки принять его, чтобы добиться затем большего. Петрункевич вчера ясно выразил недоверие к высшей власти, бесполезность обращения к ней и необходимость обратиться к народу. Здесь господствует сильное неудовольствие по поводу слабости действий московского генерал-губернатора [1]).

Путилов.

№ 17. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 12 июля 1905 г.

Consulat Russe Cherbourg Prière remettre Secrétaire Witte ce que suit.

Закрывшийся 9 июля в Москве земский съезд постановил обратиться к стране с воззванием, в котором изложить политическую программу земской партии, организовать в июле повсеместно многолюдные собрания для обсуждения заключений съезда по проекту Булыгина, сосредоточить все продовольственное дело в земстве. Бюро уполномочено пригласить следующий съезд представителей окраин, неземских губерний, вступать в соглашение с разными организациями. Генерал Трепов полагает, что факт постановления о воззвании должен вызвать решительные меры правительства против допущения распространения воззваний и самих организаторов съезда. О значении свидания в Бьерке-Зунд буду телеграфировать особо [2]). В Нижнем-Новгороде 10 июля тысячная толпа избивала интеллигентов.

Коковцев.

---

[1]) П. П. Дурново, назначенного на эту должность после убийства вел. кн. Сергея Александровича (4 февр. 1905 г.). Совершенно «растерявшийся» в обстановке октябрьских событий, Дурново, по категорическому настоянию Витте, был заменен Дубасовым. Ср. Витте, «Воспомин.», т. II, 135—139.

[2]) О состоявшемся свидании Вильгельма II и Николая II в Бьерке Витте узнал, приехав в Париж, из французских газет; для Витте оно было полною неожиданностью. Ввиду необходимости успокоить французское правительство, встревоженное газетным сообщением о свидании, Витте тотчас же телеграфировал мин. ин. дел. гр. Ламздорфу и получил ответ, что свидание было «совершенно частное» и не имело никакого политического значения. О том, что в Бьерке было подписано соглашение о союзе Германии и России, Витте получил точное пред-

№ 18. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 19 июля 1905 г.

Excellence Witte chez St. Regis Hôtel.

Приветствую со вступлением на американскую землю. Дай бог в добрый час. По поводу указания вашего о желательности скорейшей отмены повышенных таможенных пошлин, установленных в виде репрессалий на некоторые северо-американские провенансы, считаю долгом сообщить, что я признаю сие вполне своевременным. В этом смысле между мною и Тимирязевым, с одной стороны, и послом Соединенных Штатов, с другой, происходил уже последние три недели обмен мнений, при чем нами высказано лишь пожелание, чтобы эта отмена была понимаема правительством Соединенных Штатов как особая наша уступка в изъятие из обеспеченного нам существующим договором неограниченного права наибольшего благоприятствования. В том же смысле я одновременно вхожу в официальное сношение с министром иностранных дел и думаю, что завтра же последует принципиальное согласие государя императора. Что касается до оформления, то казалось бы лучше всего вам сообщить мне, в какую минуту это необходимо сделать, и я немедленно сообщу министру иностранных дел для обмена дипломатическими нотами [1]). С театра войны ничего нет, кроме дальнейшего занятия японцами среднего Сахалина и высадки малых отрядов на материке против Сахалина. Из внутренних событий упоминаю стачку и перерыв движения на Владикавказской ж. д. В Иваново-Вознесенске стачка, длящаяся уже два месяца, кажется, скоро кончится. По точным сведениям, встреча императоров произошла по инициативе императора Вильгельма. Государь крайне доволен свиданием, видимо, верит искренности отношений соседа. Сейчас еду на заседание под председательством государя по вопросу о Думе [2]).

ставление лишь по возвращении в Петербург. Подробно рассказан весь эпизод в «Воспоминаниях» Витте, т. I, гл. XXVII, XXIX и XXX. Впервые факт подписания союзного соглашения установлен Е. В. Тарле, на основании частной переписки императоров, опубликованной в июльской кн. «Былого» за 1917 г. Ср. также Е. В. Тарле «Запад и Россия», изд. «Былое». Петроград 1918, стр. 183 и сл. См. также опубликованные материалы в V томе «Красного Архива».

[1]) Упоминаемые здесь пошлины были введены, по докладу Витте в бытность его министром финансов, еще до войны в ответ на повышение Америкой пошлины на русский сахар. Об отмене пошлины Витте сообщил президенту Соедин. Штатов лишь после подписания мирного договора с Японией, чтобы «не дать повода говорить, что мы заискиваем расположение американцев» («Восп.», I, 361). Как видно теперь, американское правительство осведомлено было о предстоявшей любезности со стороны русского правительства еще до прибытия Витте в Портсмут.

[2]) Секретные протоколы так наз. петергофских совещаний 1905 г. опубликованы в издании журнала «Голос Минувшего»: «Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования». М. 1917 г., стр. 126 и сл.

Результат сообщу. Усерднейше прошу вас на обратном пути настаивать в Париже на необходимости займа, как единственном способе не толкать нас на финансовые безрассудства. На-днях выпущу внутренний заем до 200 миллионов рублей, одинаковый с мартовским. По сообщению лондонского корреспондента «Matin» Рафаловичу, Гаяши надеется на заключение мира, рассчитывает на контрибуцию для покрытия военных расходов; японцы в случае надобности намерены продолжать войну, разбить Линевича, взять Владивосток, оккупировать Манчжурию, затем ожидать нашего наступления [1]).

Коковцев.

№ 19. Письмо Рафаловича В. Н. Коковцеву

от 25 июля н. с. 1905 г. [2])

Париж.

Monsieur le ministre [3]).

Le correspondant du Matin à Londres, Hedeman, est venu me voir. C'est un ancien collaborateur du Times, qui a été en contact avec Hayashi. Le Times envoie trois correspondants dont sir Mackensie Wallace,— et le D-r Morrison, très antirusse, célèbre par ses campagnes contre nous en Chine. D'après Hedeman, Hayashi serait plein d'espoir pour la paix. Il compte fermement sur une indemnité de guerre, pour payer les dépenses faites et les pensions aux victimes de la guerre.

Les Japonais veulent le cas échéant continuer la guerre, battre Linévitch, prendre Vladivostock et après cela occuper la Mandchourie avec 100 ou 150 mille hommes en attendant le retour offensif de notre part. L'entretien de ces 100 à 150 mille hommes ne serait pas coûteux.

Votre très obéissant serviteur *Raffalovitch.*

Перевод.

Господин министр!

Только что был у меня лондонский корреспондент газ. «Matin» Гедеман [4]). Это бывший сотрудник «Times», который был в контакте с Гаяши. «Times» посылает трех корреспондентов, один из них Мэкензи Уоллес, другой—д-р Моррисон, противник России, известный своей агитацией против нас в Китае. По словам Гедемана, Гаяши полон надежд на заключение мира. Он твердо рассчитывает на военное вознаграждение для покрытия издержек и пенсий жертвам войны.

---

[1]) Письмо Рафаловича Коковцеву см. ниже.

[2]) Письмо Рафаловича служит как бы документальной иллюстрацией к телеграмме Коковцева и в деле подшито вслед за телеграммой. В таком же порядке помещено оно и здесь.

[3]) Пометка синим карандашом рукою Коковцева: «Нужно сообщить сущность С. Ю.».

[4]) Гедеман ездил в Портсмут на одном с Витте пароходе. См. «Воспоминания», I, 340.

Японцы намерены в случае надобности продолжать войну, разбить Линевича, взять Владивосток и после того занять Манчжурию армией в 100—150 тыс. человек в ожидании нашего наступления. Содержание этих 100—150 тысяч, по их мнению, не будет стоить дорого.

Ваш покорный слуга *Рафалович.*

№ 20. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 23 июля 1905 г.

Secretaire Etat Witte, Portsmouth.

Два заседания под председательством государя по делу о Государственной Думе прошли благополучно. Все статьи, касающиеся устройства Думы и ее компетенции, остались почти не измененными. Попытки крайних консерваторов внести серьезные изменения успеха не имели. В субботу предстоит продолжение дела и будет приступлено к рассмотрению организации выборов. С войны никаких известий нет, внутренние беспорядки в некоторых местах затихают, в других возникают вновь. В Риге бастуют опять 12.000 человек. На Владикавказской дороге, видимо, наступает успокоение, зато в Баку готовится опять общая забастовка. Государь находится все время в хорошем настроении, видимо, очень ободренный после свидания с германским императором. Торговое соглашение с Францией достигнуто; по многим ставкам я не дошел до пределов, указанных совещанием, по вину же пришлось пойти несколько дальше.

Коковцев.

№ 21. Телеграмма И. П. Шипова на имя А. И. Путилова

из Нью-Йорка, от 23 июля 1905 г.—получена 25 июля [1].

По заслуживающим доверия сведениям, секретное сообщение (Розена Ламздорфу, если действительно такое имело место, о слухах [2]), будто американские банкиры заинтересованы в получении Японией контрибуции для уплаты долгов, неправильно [3]): в контрибуции кредиторы Японии не нуждаются, платежи по займам обеспечены реальными залогами. Единственная возможная забота избежать затруднений в случае необходимости прибегнуть к обеспечениям устранена передачею части займов европейским странам. Таким образом в подобном случае на исполнении обязательств будут настаивать не

---

[1]) Приписка рукою Коковцева: «Дайте мне для всеподд. доклада».

[2]) Слова в скобках были в черновике телеграммы, но зачеркнуты.

[3]) Такое сообщение действительно нашло себе место в телеграмме Розена Ламздорфу от 20 июля. «Ор. кн.», № 74.

не одни американцы, а все страны. Сильно сомневаюсь признавать кредит Японии исчерпанным; ходят частные слухи о новом займе в 20 милл. ф. Очень многое, впрочем, не зависит от кредитоспособности или заключения выгодных условий мира, а от общественного мнения. Телеграфирую вам глубокое мое убеждение, основанное, кроме личного чувства, на разговорах со многими авторитетными и влиятельными лицами, местными и русскими. Приезд Витте безусловно произвел во враждебном, даже злорадном, к нам отношении американского общества как будто перемену; в части публики замечаются признаки симпатии к России; независимо от прекрасной—пока в общем—прессы мы окружены, благодаря уменью и такту Сергея Юльевича, всеобщим вниманием. Многие деловые люди, например: из банкиров—представитель Моргана Вандерлип, из печати—Стон, из русских—барон Розен и многие другие влиятельные лица считают необходимым воспользоваться переменою настроения и стараться раздувать тлеющий огонек симпатии к нам. Это может иметь в будущем значение в смысле затруднения японцам заключать здесь займы, ибо здешние крупные дельцы и учреждения должны считаться с общественным мнением. От этого мнения, значит, зависит отчасти, в особенности в случае продолжения войны, затруднение денежной ее стороны для японцев. Думаю, что в будущем, если общественное мнение Америки повернется в нашу пользу, возможны для нас благоприятные экономические и финансовые результаты. Для этого поворота желательно воспользоваться пребыванием С. Ю. Витте. Крупные и мелкие банкиры, печать, страховые и разные другие общества, конгрегации, влиятельные лица, корпорации наперерыв стараются устраивать в честь его обеды, представиться, заручиться его автографом и пр. Какой бы оборот мирные переговоры ни приняли, крайне важно было бы, чтобы подобные обеды и общественные начинания осуществились и, сверх того, чтобы С. Ю. Витте предпринял поездку по некоторым главнейшим городам Соединенных Штатов, ибо Нью-Йорк—лишь первый этап Америки. Однако С. Ю. Витте очень уклончиво относится ко всем таким знакам внимания и также к поездке, ибо, кроме личного нерасположения к подобным чествованиям, он, повидимому, сомневается в отношении к этому С.-Петербурга и после переговоров о мире собирается скорее в С.-Петербург. Необходимо упросить его или даже настаивать на том, qu'il fasse les frais de sa personne. Обращаюсь к вашему высокопревосходительству без ведома С. Ю. Витте, потому что вы приказали мне откровенно писать вам и потому что для министерства финансов всего важнее воспользоваться настоящим случаем. Если упустить этот момент, то сочувствующие нам круги потеряют почву. Потом этого не вернуть. Моя крайняя осторожность вам известна. Повторяю—считаю безусловно необходимым повлиять в указанном смысле на С. Ю. Витте [1]). Опасаюсь, что без указания свыше он затруднится сделать это (не

[1]) См. прим. 2-ое на стр. 26.

решится предпринять эту кампанию в американском духе, для которой почва, повидимому, подготовлена [1]).

Шипов.

№ 22. Телеграмма Коковцева С. Ю. Витте

от 25 июля 1905 г.

Excellency Witte Portsmouth.

С войны нет ничего существенного. Внутри рабочее движение то затихает, то опять вспыхивает. В Иваново-Вознесенске забастовка 37.000 человек на ситцевых фабриках кончалась при моем вмешательстве; в Риге, наоборот, забастовка усилилась. Нехорошо и в Баку. Характерно следующее явление. В Нижнем толпа избила интеллигенцию, указывая, что последняя идет против царя и вызывает забастовки. Рассказы газет, что погром устроен полицией, по удостоверению министерства внутренних дел,—вздор. В Балашове еще характернее: земские врачи отказались от службы, устроили банкет и пели революционные песни. Толпа, встретив губернатора с портретом государя и с народным гимном, хотела расправиться самосудом, обвиняя врачей в измене и смуте. Врачи спасены заступничеством губернатора, высланы под охраной казаков. Последние, озлобленные на врачей, поведение которых вызвало из толпы удар камнем, по дороге били врачей нагайками, называя их помощниками японцев.

Коковцев.

№ 23. Телеграмма Коковцева И. П. Шипову

от 26 июля 1905 г.

В том же смысле, как вы телеграфировали мне, барон Розен телеграфировал графу Ламздорфу [2]) и получил от него уведомление, что государь император не видит для Сергея Юльевича оснований торо-

---

[1]) Слова в скобках зачеркнуты в черновике телеграммы.

[2]) Нет в «Оранжевой книге».—Витте в «Воспом.», I, 352—353, пишет, что он, под влиянием настояний Розена, склонялся к мысли о поездке по Америке и телеграфировал об этом Ламздорфу, но тот ему ответил, что «его величество соизволил согласиться, но... (и при этом мне ставились какие-то условия)». Витте, «конечно, сейчас же понял, в чем дело, и сам от проекта бар. Розена отказался».

28 июля-10 августа Ламздорф телеграфировал Витте:«... государю императору благоугодно было соизволить на посещение вами наиболее важных городов для указанной цели, но с тем, однако, чтобы поездка ваша по Америке не была слишком продолжительна и не могла бы быть истолкована в смысле какой-либо агитации среди американского народа».

Витте в ответной телеграмме 29 июля-11 августа на имя Ламздорфа отказывается от поездки, мотивируя свой отказ усталостью, незнанием языка и т. д., а также тем, что из телеграммы Ламздорфа он не усматривал, «чтобы его величество почитал сие полезным и желательным»; на что Витте и получил 31 июля-13 августа ответ Ламздорфа: «Благосклонно приняв во внимание приведенные вами соображения, государь император не видит настоятельной необходимости в путешествии вашем по Америке. При всем том, однако, госу-

питься выездом из Америки и не встречает препятствий к посещению им разных центров Америки. О том же буду завтра докладывать его величеству в более определенной форме и затем буду телеграфировать Сергею Юльевичу.

Коковцев.

№ 24. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 26 июля 1905 г.

Вчерашнее заседание совета у его величества прошло вполне благополучно. Все попытки сорвать выработанную советом министров систему выборов и заменить ее узко сословною, а также исключить евреев и квартиронанимателей, отвергнуты его величеством. Остается одолеть государственного контролера, который, как вы знаете, настаивает на пропорциональном числе выборных по группам к числу выборщиков. В остальном нового ничего (на-днях выпускаю 5% внутренний заем на 200 милл. рублей [1]).

Коковцев.

№ 25. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 26 июля 1905 г.

Вчера поздно окончилось вполне благополучно рассмотрение дела о Думе. Единственное крупное изменение—включение правила, что в Думу должно быть выбрано по каждой губернии не менее одного члена из выборщиков крестьян. Установить точно день обнародования не берусь, но думаю, что это вопрос немногих дней.

Коковцев.

№ 26. Телеграмма И. П. Шипова В. Н. Коковцеву

из Нью-Кастля, от 27 июля 1905 г.—получена 28 июля.

О депеше барона Розена не знал ни С. Ю. Витте, ни я. Ответную телеграмму графа Ламздорфа барон Розен показал С. Ю. Витте. Она едва ли подвинет дело по своей неопределенности. Мирить общественное мнение Америки с нами тяжелая, неблагодарная задача.

дарь находит желательным, чтобы в случае прекращения переговоров, вы не торопились отъездом из Вашингтона во избежание каких-либо ложных толкований. Для более же тесного в интересах России сближения с Америкой, быть может, по соглашению с бароном Розеном, вы найдете иные соответственные средства».

(Цитируемые телеграммы хранятся в копиях в архиве Витте. Госархив II отделение А. Фонд № 11).

Аналогичный случай имел место при поездке Витте на Д. Восток в 1902 г., когда наш посланник в Токио А. П. Извольский просил Витте принять приглашение микадо приехать в Японию, но из Петербурга Витте получил согласие на поездку туда в качестве лишь «частного человека».

[1]) Слова в скобках зачеркнуты в черновике.

Поэтому указание, что нет препятствий к посещению центров, произвело впечатление, будто в Петербурге думают, что это желательно для С. Ю. Витте. Напротив, он измучен, удручен и склонен по окончании порученного ему дела махнуть рукой на все. Необходимо, чтобы он знал, что дело, о котором я вам телеграфировал, государю угодно, и что свыше настаивают на осуществлении попытки повернуть в нашу пользу настроение Америки. Японцы, сделавшие в этом отношении многое, продолжают свою ловкую работу. Необходимо воздействовать на С. Ю. Витте pour qu'il paie de sa personne, зная, что служит этим государю и благу России и что это сознают в Петербурге. Телеграфирую об этом, укрепившись рядом фактов в справедливости того, что первоначально телеграфировал, и испытавши сам тяжесть американских приемов.

Шипов.

№ 27. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 28 июля 1905 г.

Рихтеру, Череванскому поручено выяснить причины войны. Затребованы все материалы с занятия Порт-Артура систематизированные. Напиши для моего личного сведения инструкции С. Ю. Витте. Делопроизводителем—Колебяцкий. Не следует ли дать ему частным образом наши секретные справки [1]).

№ 28. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 28 июля 1905 г.

Предъявлены требования. Преобладание Японии в Корее, эвакуация Манчжурии, уступка Сахалина, Квантуна, южной ветви до Харбина, уплата контрибуции в размере стоимости войны, выдача судов в нейтральных портах, ограничения морских сил, льготы в морских промыслах. Ответ понятный вам по существу скоро последует [2]).

Витте.

---

[1]) Эти справки, составленные в канцелярии м-ра финансов в 1903 г. и отпечатанные в типографии, распространения не получили, так как экземпляры их были сожжены по приказанию Витте. В 1904 г., по приказанию Николая, они тщетно разыскивались департаментом полиции, и Витте, узнав об этом, послал царю свой экземпляр. Один экземпляр сохранил у себя Путилов (см. ниже). Текст их в черновом виде сохранился в архиве канц. мин. фин. Он, с незначительными изменениями, был впоследствии опубликован Витте через Б. Глинского под заглавием: «Пролог русско-японской «войны». П. 1916 (и в «Ист. Вестн.» за 1914 г.). Ср. «Воспом.» Витте, I, 266—267; также Б. А. Романов «Витте и концессия на Ялу». (Сборн. статей, посвящ. С. Ф. Платонову, Петр., 1922, стр. 441 и 442.)

[2]) Полный текст японских требований — в телеграмме Витте Ламздорфу от 28 июля («Оранжевая книга», стр. 108—109). Русский ответ—в телеграмме Витте Ламздорфу от 30 июля (там же, стр. 110—114).

№ 29. Телеграмма Коковцева И. П. Шипову

от 28 июля 1905 г.

За отменой моего сегодняшнего доклада ваши телеграммы доложу его величеству при ближайшем докладе и, вполне разделяя ваш взгляд, сделаю все возможное для его осуществления.

Коковцев.

№ 30. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 29 июля 1905 г.

Князь Андронников сообщает: Щербатов передал вчера государю результаты плебисцита Шарапова. Полмиллиона подписей за войну. Впечатление подавляющее. Государь подтвердил резолюцию телеграмме оренбургского духовенства, заявив, что с интересом следит за газетою Шарапова. Последний ждет аудиенции у государя.

Путилов.

№ 31. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

от 29 июля 1905 г.

С. Ю. просит доложить м-ру Ф. о передаче комиссии причинах войны всех документов, у нас хранящихся, равно печатн. записок.

Шипов.

№ 32. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 30 июля 1905 г.

Субботу утром передается наш ответ. Согласие преимущества Корее, но военные мероприятия не должны угрожать нашим соседним областям. Параллельная эвакуация Манчжурии обеими сторонами; уступка Квантуна, части южной ветви, фактически захваченной японцами, с выкупом этой части Китаем передачей выкупной суммы Японии; предоставление льгот морских промыслах; сильно мотивированный категорический отказ уплате контрибуции, но согласие возместить расходы лечению, содержанию пленных [1]); отказ выдаче судов нейтральных портах, уступке Сахалина, вместо которой предлагается предоставить эксплоатацию промыслов острове; отказ ограничить морские силы по воле Японии с заявлением, что ближайшем будущем Россия сама не предполагает держать значительного флота. Полный текст сообщается м-ру и. д.

Витте.

[1]) Первоначально в черновике было, но потом вачеркнуто: «...согласие возмещением лишь расходов, вызванных интересами русских подданных...»

№ 33. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 30 июля 1905 года.

Министр финансов передает все материалы о причинах войны, однако, прошу для себя лично указать С. Ю. Витте, давать ли секретные печатные справки, которые по сожжении остались только у меня в одном экземпляре.

№ 34. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

от 1 августа 1905 г.

Доложил. Просит непременно дать, считает это необходимым.

№ 35. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

от 31 июля 1905 г. из Нью-Кастля [1]).

Сообщите сведения, свое мнение: 1) отчего обнародование проекта Думы отложено, 2) переменилось ли общественное мнение по внутренним вопросам, сочувствует ли, враждебно ли попрежнему, не смотрят ли на проект, как на этап дальнейшим домогательствам, 3) как относятся к вопросам войны и мира. Данные, от вас получаемые, не дают представления об общем направлении умов.

Шипов.

№ 36. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 2 августа 1905 г.

В дополнение к телеграмме министра сообщаю: обнародование Думы задержалось составлением манифеста, который к 30-му не поспел. Общественное мнение к проекту враждебно, но земцы решили его не бойкотировать, считая как этап дальнейших домогательств. Суровые требования японцев, повидимому, поколебали в обществе склонность к миру.

Путилов.

№ 37. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 2 августа 1905 г.

Только что получил от Победоносцева сведение, что манифест о Думе принят вчера вполне сочувственно. Редакция неважная, но это большого значения не имеет. Колебаний по существу не допускаю, все попытки крайних реакционеров были решительно

---

[1]) Помета рукою Коковцева: «Я все сообщил С. Ю. и удивляюсь, что мои сообщения признаются недостаточными. Телеграфируйте от меня примерно, как набросано на обороте».

отвергнуты. Опубликования следует ожидать в субботу. В общественном мнении не вижу опасений за дальнейшие домогательства; сам слышал, что домогаться можно и без Думы и ничто не помешает не дать этим домогательствам хода. Общее настроение попрежнему неспокойное, усиливаются попытки отвечать на революционные демонстрации патриотическими, не свободными от грубых насилий. Японские требования решительно признаются неприемлемыми; склонности к миру не вижу. От близкого вам человека слышал фразу: велико будет искусство Витте, если он заставит японцев предложить то, что мы примем.

Коковцев.

№ 38. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

из Нью-Кастля, от 2 августа 1905 г.—получена 3 августа.

Хотя вы телеграфировали, что предложение об ограничениях евреев-выборных в правах отвергнуты, С. Ю. Витте просит во избежание недоразумений подтвердить, нет ли каких-либо ограничений евреев в правах избирателей избранных в Думу. В Америке беспокоятся об этом.

Шипов.

№ 39. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 3 августа 1905 г.

В проекте, окончательно представленном его величеству и им одобренном, никаких ограничений для евреев нет. Проект еще не подписан.

Путилов.

№ 40. Телеграмма С. Ю. Витте м-ру ин. дел гр. Ламздорфу

от 1/14 августа 1905 г.

Прошу передать нижеследующую телеграмму министру финансов [1]): Соглашения, в виду громадной разницы условий сторон, не будет достигнуто. Нужно готовиться к продолжительной, тяжелой войне, для чего необходимо прежде всего озаботиться доставлением нам иностранных денежных рынков. Без этого война будет вдвойне тягостной и совершенно подорвет наши финансы. Японцы рассчитывают, что мы денег за границею не получим. Действительно, со всеми, с кем приходилось говорить за границею, чувствовалось, что при настоящем настроении достать деньги за границею более чем трудно. Это настроение основано не только на внешнем, но, пожалуй, еще более на внутреннем положении. Уничтожить это настроение может только перемена по существу, но видоизменить его возможно посредством более деятельного воздействия на умы и посредством личных объяснений. Нужно

[1]) Эта телеграмма напечатана в «Ор. кн.», стр. 120.

следовать примеру японцев. Систематически и планомерно действовать на прессу, привлекать к себе влиятельных людей. Прошло то время, когда к нам ездили давать деньги, нужно теперь нам ездить и создавать конъюнктуры, хотя, думаю, ныне серьезные операции возможны лишь в Америке и особенно Франции. Германия много дать не может, даже если бы была к тому склонна. Мой приезд в Америку создал надлежащее настроение. Если оно будет культивироваться, то, полагаю, через несколько месяцев наступит возможность сделать операцию. Но особенно нужно заняться Францией. Необходимо серьезно объясниться с французским правительством, преимущественно с Рувье, который, как мне кажется, держится двусмысленно. Необходимо лично объясниться со всеми крупными финансистами обеих партий: Ротшильда и Лионского кредита.

№ 41. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

от 3/16 августа 1905 г.

Советую особо секретные телеграммы, как последняя депеша м-ра, посылать через м-во и. д., для остальных возможно чаще менять шифр; вытребуйте себе в правлении Китайской Восточной ж. д. шифр Батшева.

Шипов.

№ 42. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 3 августа 1905 г.

Министр иностранных дел передал мне вашу телеграмму от 1 августа о необходимости подготовить почву для новых займов в Америке и Франции. Лично я могу только повторить вашу точку зрения и с ведома его величества покорнейше прошу вас взять на себя труд постараться достигнуть этой цели в Америке, равно как и в Париже. Только личное воздействие может достигнуть цели. Печать не в нашей власти и завладеть ею, по крайней мере я, не можем. Ваше влияние в Америке уже имеется. Париж вам отлично знаком. Объяснение с Рувье и Лубе безусловно необходимо, чтобы заставить их высказаться начистоту. Я готов даже сам ехать в Париж, но думаю, что вы сделаете лучше, едучи обратно. Если усматриваете какие-либо ошибки в моих действиях, укажите их откровенно. Вам известен мой взгляд на вещи. Моя поездка и непосредственное объяснение едва ли желательны. Впрочем, я жду вашего вполне откровенного ответа и совета, представляя вам заранее располагать мною даже в самом крайнем смысле,—тем более, что с учреждением Думы вам предстоит общее руководство и объединение деятельности отдельных министерств [1]).

[1]) В своих «Воспоминаниях» Витте ни словом не обмолвился о том, что это предположение было ему известно при возвращении из Портсмута. Более того:

Если сочтете полезным, я войду безотлагательно в объяснение с французским послом, чтобы изложить нашу точку зрения, но ничего не сделаю, не получивши вашего ответа.

Коковцев.

№ 43. Секретная телеграмма С. Ю. Витте гр. Ламздорфу

из Нью-Кастля, от 2/15 августа 1905 г. [1]).

1-го я, в течение целого вечера, имел беседу с главными вождями американского еврейства, которые имеют существенное влияние на здешнее общественное мнение, располагают огромными капиталами и помогают японскому правительству в денежных операциях. Результатом этой беседы, которую я вел в присутствии посла, было убеждение, что они знакомы с еврейским вопросом по крайне односторонним сведениям, которые черпаются ими из враждебных нам источников и по рассказам прибывающих сюда ежедневно в большом количестве эмигрантов; потому-то действительное положение, в котором у нас пребывают евреи, представляется им в таких размерах и форме, которые успешно могут сделать врагом России каждого человека. Я им выяснил настоящее положение дела и теперешний фазис обсуждения этого вопроса нашим правительством, при чем фактически доказал, что в царствование его императорского величества были принимаемы меры, только клонящиеся к облегчению положения евреев, что они сами признали. Беседа моя, по мнению барона Розена, может иметь серьезное влияние на здешнее общественное мнение и во всяком случае не может не тревожить японцев, так как бывшие у меня лица являются банкирами Японии. Прошу сообщить министру финансов эту телеграмму [2]).

№ 44. Телеграмма И. П. Шипова министру финансов

от 3 августа 1905 г.

Четверг. Потребуйте мой шифр из кредитной канцелярии. Пройдены восемь пунктов. Разногласий, кроме Сахалина, нет. Сегодня шла Кит.-Вост. д. Намечена уступка южной линии от Куань-Ченц. Зато выговорено сохранение всех прав на магистраль и остальную часть южной линии. Завтра и, вероятно, послезавтра обсу-

---

Витте постарался замести всякий след этого сообщения Коковцева. «Еще в Америке я твердо решил удалиться от всяких дел... и просил Ламздорфа исходатайствовать разрешение государя поехать на несколько месяцев к дочери. У меня было какое-то предчувствие, что, если я приеду в Петербург, то меня снова бросят в костер». («Воспом.» I, 369).

[1]) Препровождена в копии м-ром ин. дел В. Н. Коковцеву при письме от 3 августа 1905 г. за № 158. Этой телеграммы нет в «Оранжевой книге».

[2]) Этот эпизод рассказан и в «Воспом.» Витте, I, 360.

ждение самых жгучих вопросов контрибуции, выдачи судов, ограничения морских сил, равно прав рыбным промыслам. С. Ю. имеет очень измученный вид, но бодрится.

Шипов.

№ 45. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 4 августа 1905 г.

Обнародован указ о возвращении армянскому духовенству церковных имуществ и капиталов, предоставлено наместнику право облегчения открытия школ.

Общее внутреннее состояние почти без перемен. Тревожно в Прибалтийском крае. Попытка земского съезда влиять на крестьян в смысле привлечения их к своей организации успеха не имеет. Крестьянский съезд, собранный незаконно в Московской губернии, разочаровал устроителей, заявив им, что он не имел права говорить от имени крестьянства

Из Баку успокоительные сведения. Рабочие нефтяных промыслов на сходке заявили агитаторам, что просят оставить в покое и не мешать им работать, что убедились, не интересы рабочих руководят ими, а желание поддерживать смуту. Под конец заявили, если будут мешать работать, то они станут бить, как бил народ в Нижнем тех, кто желал возмущать бедняков.

Коковцев.

№ 46. Телеграмма И. П. Шипова министру финансов

от 4/17 августа 1905 г.

Сейчас С. Ю. отправляет крайне важную телеграмму гр. Ламздорфу и спрашивает точных решительных указаний императорского правительства по четырем спорным пунктам и осторожно высказывает свои мысли. Телеграмма обсуждалась и одобрена всеми делегатами [1]).

№ 47. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 4/17 августа 1905 г.

Соглашение не достигнуто по контрибуции, ограничению морских сил и, повидимому, не будет достигнуто по выдаче судов. Остаются рыбные ловли. Завтра все вопросы будут пройдены. Затем вероятно во вторник окончательное заседание для подписания протокола. Затем Нью-Йорк, где может быть останусь около недели и оттуда домой.

Витте.

---

[1]) Эта телеграмма напечатана в «Оранж. книге», стр. 137.

№ 48. Телеграмма И. П. Шипова министру финансов

от 5/18 августа 1905 г.

Plenipotentiaire après finir tous articles envoyé deux dépêches Min. Aff. Etr. Содержание мне неизвестно, но regardér contribution Sachalin. Plenipotentiaire attendre ordre définitif gouv. Russe. Séance Mardi. Plenipotentiaire полагает, что Вы будете prendre part affaire и дорожа votre opinion, тем более что il est question financière, поручил предупредить.

Шипов.

Перевод.

Уполномоченный пораз решению всех вопросов послал две телеграммы м-ру ин. дел. Содержание мне не известно, но смотрите контрибуцию Сахалина. Уполномоченный будет ожидать окончательных распоряжений Российского Правительства. Совещание во вторник. Уполномоченный полагает, что Вы примете участие в этом деле и дорожа Вашим мнением, тем более, что вопрос финансовый, поручил предупредить.

Шипов

№ 49. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 5/18 августа 1905 г. из Нью-Кастля.

Я имел в виду лишь сообщить вам мои, вынесенные мною за границею, заключения о финансовом положении и какие, по моему мнению, средства могут нам помочь, вы сами знаете мое убеждение о вашей деятельности. Я отлично знаю, что вы делаете все от вас зависящее. Вопрос о займе будет существенно зависеть от того, достигнем ли мира или нас вынудят продолжать войну. В Америке расположение склонилось в нашу сторону, но нужно, чтобы правительство продолжало стремиться к той же цели; тогда можно будет при нужде поместить заем. Во всяком случае Америка уже не так охотно, как прежде, будет давать деньги японцам. Согласно высочайшему соизволению, сообщенному вами, и ввиду вашего заявления, быть может, буду иметь возможность совершить небольшую поездку в Америке и во всяком случае остановлюсь в Париже, чтобы переговорить с Рувье, министром финансов и банкирами, но по-моему при первой возможности ваша заграничная поездка весьма желательна. С французским послом говорить не стоит. Крепко жму вашу руку.

Витте.

№ 50. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 5 августа 1905 г. [1]).

Sans réponse relativement assentiment S. Witte exercer action placer emprunt Amerique France. Ministre des finances Vous prie demander s'il se chargera de cette affaire et s'arrêtera à ce but Paris.

Poutiloff.

Перевод.

Нет ответа относительно согласия С. Ю. Витте проявить деятельность по размещению займа в Америке и Франции. Министр финансов просит вас спросить, берет ли он (С. Ю. Витте) на себя это дело и остановится ли с этой целью в Париже.

Путилов.

№ 51. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 5 августа 1905 г.

Вчера на докладе государь император лично мне сказал, что учреждение Думы окончательно утверждено. Обнародование, вероятно, в субботу. По поводу переданной мне министром ин. дел вашей телеграммы 1 августа о подготовлении кредитных операций в Америке и Париже его величество поручил мне передать вам, что он очень желает, чтобы, независимо от результатов мирных переговоров, вы приняли на себя труд совершить хотя бы небольшую поездку по центрам Америки, пытаясь обеспечить возможность экономического и финансового сближения и мешать нашему врагу найти новые средства. Государь прибавил, что понимает ваше утомление и желание вернуться, но придает особое значение вашему личному воздействию. По отношению к Парижу и особенно Рувье государь повторил сообщенное уже мною вам указание о желательности ваших действий там при возвращении. Я ожидаю вашего ответа на телеграмму 3 августа, чтобы войти в объяснение с французским послом.

Коковцев.

№ 52. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 6/19 августа 1905 г. из Нью-Кастля.

Совершенно личное.

Настоящий момент Петербург должен решить вопрос войны или мира. Необходимо экстренное, но мудрое, твердое решение, ввиду громадной ответственности пред потомством. Усердно прошу вас употребить все усилия, чтобы решение после-

[1]) Эта телеграмма, свидетельствующая о нетерпении Коковцева знать ответ Витте о переговорах по займу, разминулась с телеграммой Витте от того же числа, заключающей этот ответ.

довало экстренно, но по совещании с нашими мудрейшими государственными деятелями, главным образом графом Сольским и Победоносцевым. Телеграмму эту можете показать только Сольскому. Надеюсь вашу энергию и молчание.

Витте.

№ 53. Телеграмма С. Ю. Витте Николаю Романову

Петергоф [1].

Е. и. в.

Всеподданнейше доношу в. и. в., что, к прискорбию, мирные переговоры не увенчались успехом. Докладываю об этом с болью в сердце, так как глубоко сознаю, как важен и желателен мир для России и для всего света, с каким облегчением вздохнуло бы все человечество без различия государств, народов и рас, если бы ужасы войны сменились благословенною тишиною. Помыслы мои в продолжении всей моей службы направлены были к миру. Поэтому, как по званию лица, облеченного в. в. чрезвычайными полномочиями, и как человек, я искренно стремился достигнуть мирного соглашения. Тяжесть сознания в неуспехе моих стараний усиливается горькою мыслью, что быть может мои способности оказались недостаточны для достижения желанной цели. Но по совести свидетельствую пред вами, государь, перед Россией, пред народом дружественного государства, гостеприимно открывшего свои пределы для мирной конференции, и пред всем человечеством, что все силы разумения моего я положил на прекращение ужасной войны. Однако, каждому человеку, который достоин называться человеком, присуще чувство любви к отечеству. Это чувство не позволило мне принять на себя ответственность за мирные условия, не соответствующие достоинству народа, к которому я имею счастье принадлежать. В скорбной мысли о неуспехе возложенной на меня гуманной задачи, я утешаюсь надеждой, что провидение, зная искренность мирных побуждений России, поможет нашей родине прекратить войну, не роняя своей чести.

Витте.

№ 54. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 8/21 августа 1905 г.

Ваши телеграммы 15, 19, 22 мне стали известными только вчера днем. Старания мои склонить на совещание при участии Сольского

---

[1]) Как черновой набросок, так и переписанный от руки беловой текст этой телеграммы—не вшиты в дело № 148. Обычной пометы («отправлена такого-то числа») нет. Можно догадываться, что телеграмма была составлена 4—6 августа. 6 августа Витте писал Ламздорфу: принимая во внимание резолюцию государя на моей телеграмме от 4 августа [*к Ламздорфу—Ред.*] (сказано было—«ни пяди земли, ни рубля уплаты военных издержек. На этом я буду стоять до конца»), считаю, что дальнейшие переговоры будут совершенно бесполезны (см. «Оранж. книга», стр. 142).—Черновой набросок сделан рукою Шипова.

и обер-прокурора св. синода едва ли увенчаются успехом. На телеграммах ваших была положена резолюция: «Ни пяди земли, ни копейки вознаграждения». Министру иностр. дел стоило не мало труда испросить у государя послать письменные запросы мне, военному министру, великому князю Николаю [1]) Я дал отзыв подробный, высказываясь против денежной уплаты в пользу уступки южной половины Сахалина, привел резкие соображения о гибельности дальнейшего ведения войны для наших финансов. Настроение государя упорное в смысле вышеупомянутой резолюции. Оно поддерживается, повидимому, сведениями, доходящими из армии. Окончательные указания министр иностр. дел [2]) только во вторник.

№ 55. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

ст 11/24 августа 1905 г.

Передайте совершенно лично графу Сольскому и Трепову следующее: думая всегда о пользе моего государя, не считаю себя в праве скрыть от вас, что по моему убеждению, для пользы государя было бы весьма важно, чтобы окончательные решения его величества относительно мирных условий были приняты в совещании под председательством государя, с участием хотя бы некоторого числа видных представителей сословий.

Витте.

№ 56. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

ст 12/25 августа 1905 г.

...прошу [3]) не представлять государю мои телеграмму, так как она совершенно частная и касается внутренней политики. Очень сожалею, что она не была понятна—но согласен, что при нашей неподвижности моя мысль, вероятно, не может быть осуществлена своевременно.

Витте.

№ 57. Письмо гр. Ламздорфа В. Н. Коковцеву

Копия.

Вторник 9 августа 1905 г. 10½ ч. веч.

Глубокоуважаемый Владимир Николаевич!

Мой доклад состоялся сегодня в 7 часов вечера, и я только-что вернулся сюда. С. Ю. Витте поручено заявить японским уполномоченным, что, если они не могут отказаться от своих чрезмерных при-

---

[1]) Вся переписка с названными лицами напечатана в «Оранж. книге» стр. 143—161.

[2]) Одно слово не разобрано; вероятно: «получит» (*Б. Р.*).—См. ниже № 59.

[3]) Одно слово не разобрано.

тязаний, то нам, к сожалению, невозможно будет продолжать переговоры [1]). При этом следует прервать переговоры на вопросе о контрибуции, а не о Сахалине, так как в первом—общественное мнение в Америке и сам Рузвельт за нас, а во втором, находят, что японцы, заняв Сахалин, имеют право требовать его уступки [2]). Государь остается твердо при своем решении, известном вам из высочайших помет. Завтра в 4 ч. пополудни, его величество примет американского посла, имеющего передать государю личное сообщение от президента Рузвельта.

Простите это маранье, я страшно устал.

До свиданья. Вам искренно преданный

Ламздорф.

Копия.

№ 58. Письмо гр. Ламздорфа В. Н. Коковцеву

Четверг веч. 11 августа 1905 г.

Глубокоуважаемый Владимир Николаевич!

Сергею Юльевичу сегодня только сообщено, для сведения, содержание вчерашнего разговора государя императора с американским послом [3]).

Следует выждать, как отнесется президент Рузвельт к тому, что его величество поручил г. фон-Ленгерке Мейеру ему передать. Следующее заседание конференции в Портсмуте отложено до субботы. Сергея Юльевича мы просим не слишком торопиться, так как ход столь важного дела нельзя ставить в зависимость от общего нетерпения знать, чем чатся переговоры: nous sommes encore dans l'incertain!

Если позволите, то мы соберемся завтра совсем запросто, в сюртуках.

Вам совершенно преданный

Ламздорф.

№ 59. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 12 августа 1905 г.

Поручение ваше в телеграмме 11 августа мною исполнено. Председателю департамента экономии послано на виллу письмо с экстренным курьером. С генерал-губернатором переговорил лично. Он просит, чтобы мною было сообщено вам, что решительно не считает себя в праве передать его величеству вашу мысль, думает, что последнее слово государя сказано уже в 2-часовой беседе, с американским послом 10 августа и весьма опасается, что его вмешательство может вы-

---

[1]) «Ор. кн.» № 147.
[2]) «Ор. кн.» № 150.
[3]) «Ор. кн.» № 161.

звать крайне неблагоприятные последствия. В частности Трепов просит передать вам, в виду того, что он не вполне усвоивает себе, каких видных представителей сословий вы разумеете и насколько возможно по ходу переговоров отсрочить передачу окончательного решения на то время, которое потребовалось бы его величеству на совещание с представителями сословными. Ввиду такого ответа генерал-губернатора прошу телеграфировать мне, уполномочиваете ли вы меня представить вашу телеграмму вместе с копией этой моей телеграммы государю императору. Для личного сведения вашего сообщаю, что вчера на всеподданнейшем моем докладе государь император прямо мне сказал, что готов уступить южную половину Сахалина, но ни в каком случае не согласен на выкуп северной, ибо по словам его всякий молодец поймет, что это—контрибуция. На замечание мое, допустит ли государь уплату содержания пленных и передачу Японии суммы, которая может быть уплачена Китаем за уступаемую часть жел. дороги, государь ответил, что на это, конечно, согласится, если уплата за пленных будет заявлена добросовестная и будет отвечать действительным расходам по их содержанию и лечению. Относительно же суммы, причитающейся за уступаемую часть южной ветви жел. дороги,—что он никаких претензий на получение этих денег Россией не имеет и готов предоставить их Японии. Жду ваш ответ, не смею, конечно, высказывать вам совета, но, видя здешнее настроение, не ожидаю, чтобы ваша мысль о совещании представителей сословий встретила здесь сочувствие.

Коковцев.

№ 60. Письмо гр. Ламздорфа В. Н. Коковцеву.

Копия.

Суббота 13 августа 1905 г

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Николаевич!

Вследствие полученного мною вчера вечером от государя императора письма, я ночью протелеграфировал Сергею Юльевичу высочайшее повеление объявить сегодня же японским уполномоченным, что его величество не признает возможным делать какие-либо новые уступки [1]). Мы можем à la rigueur согласиться на предоставление Японии занятой ею южной части Сахалина, но за остающуюся в нашей власти северную часть не заплатим ни гроша и вообще не отступим от сделанного уже нами категорического заявления, что Россия военной контрибуции *ни* под каким видом *не* заплатит.

Это наше последнее слово.

Посмотрим, что на это ответят японцы и как отнесутся к этому их заимодавцы, американцы и С-ie?

До свидания. Вам совершенно преданный

Ламздорф.

[1]) «Ор. кн.» № 169.

№ 61. Телеграмма И. П. Шипова министру финансов

от 16/29 августа 1905 г.

Условия: отказ Японии контрибуции, судов, ограничения морских сил, уступка нами Сахалина по 50-ю параллель, остальные, как известно. Телеграфировано правительствам прекращении военных действий и поручении главнокомандующим заключить перемирие. Полное согласие японцев для всех здесь совершенная неожиданность. Все было готово нашему отъезду. Ожидали условного телефонного сообщения для окончательных сборов. Интересно сравнить условия вашим письмом Ламздорфу начале июня, на котором милостивая резолюция государя [1]). Точно этим письмом продиктованы основания мира. Среди иностранцев и американцев живая радость. Русских приветствуют. Японцы имеют сконфуженный вид. Радости не разделяем, но скорбно вздохнули с облегчением. Сейчас идет заседание всеми делегатами.

Шипов.

№ 62. Телеграмма И. П. Шипова министру Финансов

от 16/29 августа 1905 г.

Conference arrived complete accord all questions decided proceed elaboration treaty peace.

Shipoff

№ 63. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

от 16/29 августа 1905 г.

Mercredi. Просит Миллера помещать отзывы японских газет относительно условий мира. Японцы, повидимому, возмущены. Это послужит необходимым противовесом отзывам наших крайних газет.

Шипов

№ 64. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

от 17/30 августа 1905 г.

Телеграфируйте личные впечатления, настроения правящих кругов, общественного мнения Петербурге и провинции.

Шипов.

№ 65. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 17/30 августа 1905 г.

Приветствую с довершением порученного вам великого дела. Какие бы ни были взгляды на условия мира, мы получили возможность вернуться к мирным, хотя тяжелым, трудам. Потомство оценит ваши

---

[1]) Имеется в виду доверительное письмо Коковцева Ламздорфу от 20 июня в ответ на запрос последнего о материалах для инструкции уполномоченному, напечатанное здесь под № 11.

усилия; для меня лично, среди моих давних разочарований, служит великим утешением мысль, что, приняв финансы, поставленные вами, я возвращаю их не поколебленными войной и что господь поможет не сходить с пути ни из-за личных увлечений, ни под давлением роковых невзгод.

Коковцев.

№ 66. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 17/30 августа 1905 г.

Очень благодарен за сочувственное слово. Сделал возможное. На благодарность ни от кого никогда не рассчитывал. Уверен, что теперь вы в скором времени приведете финансы в порядок.

Витте.

№ 67. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 18/31 августа 1905 г.

Как поступить в случае серьезных предложений займа? Приезжал Вандерлип (еще до мира) [1]) говорить о займе на случай мира. Если признаете желательным, могу заняться главными основаниями. Но задержаться не могу и разработку всех подробностей, думал бы, поручить Шипову и его сотрудникам.

Витте.

№ 68. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 18/31 августа 1905 г.

Прошу телеграфировать, в какой сумме может приблизительно выразиться уплата Японии содержания пленных, в чье владение Китая или Японии поступает южный участок К.-В. дороги, нельзя ли железнодорожную ветвь на Фушунь показать собственностью владельцев фушунских копей, дабы сохранить на них право собственности русского правительства.

Путилов.

№ 69. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

от 18/31 августа 1905 г.

Доложив Витте, сообщаю: сумма неизвестна, будет подлежать уплате лишь, что действительно израсходовано, за вычетом наших соответственных расходов. По этому вопросу Витте вчера телеграфировал Ламздорфу [2]). Южная ветвь поступает Японии, так как передача

---

[1]) Слова в скобках вычеркнуты в черновике.

[2]) «Ор. кн.» № 189.

Китаю свелась бы к тому же. О Фушуне и других вопросах частного права Витте не будет вести переговоров, находя, что, пока не разрешены важнейшие дела, взаимно не улеглись страсти и не разошлись армии, возбуждение подобных вопросов затянет дело, вызовет раздражение. Впрочем, предполагается общая оговорка о сохранении прав частной собственности.

Шипов.

№ 70. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 19 августа 1905 г.

Очень прошу обсудить общие и главные основания займа в Америке. Буду сердечно благодарен вам за все, что вы сочтете возможным сделать в этом направлении.

Коковцев.

№ 71. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 19 августа 1905 г.

Ссылаясь на последнюю вашу телеграмму, прошу телеграфировать, следует ли теперь же оформить принадлежность железнодорожной ветви на Фушунь владельцам копей или в договоре бу ет оговорена передача ее японцам.

Путилов.

№ 72. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 19 августа (1 сентября) 1905 г.

О настроении провинции печати сообщено С.-Петербургским агентством [1]). Радостные сообщения из провинции продолжают поступать; печать, кроме «Гражданина», «Биржевых Ведомостей», высказывается очень сдержанно, даже либеральные газеты, приветствуя мир, считают его тяжелым. Промышленные сферы превозносят мир. К Витте в публике отношение различное, газеты признают заслуги С. Ю. Витте. Многих смущает своим размером сообщаемая цифра 150 миллионов за содержание пленных, чем и был вызван вчерашний запрос. Государь во время разговора с м-ром фин. сказал, что не дал еще себе отчета совершившемся. В первую минуту, когда пришла весть о мире на условиях никем иным, как им, установленных он испытал тяжелое чувство, но когда запр. [2]) стал получать массу приветственных телеграмм, из которых особенно трогательны телеграммы императоров Германии и Австрии, то [1]) подумал, что поступил хорошо, согласившись на мир с уступкой половины Сахалина. Ведь [1]) потоков крови,

[1]) Один шифр не разобран.

[2]) Так в дешифрованном тексте; вероятно: «затем». (Б. Р.)

которая пролилась бы, государь опасается, только как примет мир армия, когда обесславленная вернется назад? Из других источников знаю, что государь, повидимому, доволен С. Ю. Витте. Императрица не находит слов для похвал ему. Даже великий князь Александр Мих. сказал: «Какой молодец Витте!».

Путилов.

№ 73. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

от 20 августа (2 сентября) 1905 г.

Dans traité il y aura article suivant: La Russie s'engage à ceder au Japon, sans compensation à condition du consentement du gouvernement de Chine le tronçon du chemin de fer entre пока пропуск [1]) et Port-Artour et tous ses embranchements avec tous les droits, privilèges et proprietés qui lui apportiennent dans cette région ainsi que toutes le mines de charbon qui se trouvent dans la même région appartenant au chemin de fer ou en exploitation pour son profit. Если при существовании этой статьи можете отстоять Фушунь и другие предприятия, то делайте все возможное. *Шипов.*

Перевод.

В договоре будет такая статья: Россия обязуется уступить Японии без компенсации, при условии согласия китайского правительства, железнодорожную полосу, отчуждения между пока пропуск [1]) и Порт-Артуром и всеми ее ветками со всеми правами, привилегиями и владениями, которые ей принадлежат в этой области, равно и все угольные копи, которые находятся в этой полосе и принадлежат железной дороге или разрабатываются ею для своего пользования.

№ 74. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

от 20 августа (2 сентября) 1905 г.

Послезавтра уезжаю в Нью-Йорк с Бергом. Остановлюсь в Hotel St. Regis. Беру шифры кредитный и Синорусса. Остальные Батшевым остаются с Витте. *Шипов.*

№ 75. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 21 августа 1905 г.

Комура, уезжая из Портсмута, выдал губернатору 10.000 долларов от японского правительства на бедных. Я считаю безусловно необходимым сделать то же. Так как Комура выдает еще другие суммы

[1]) В тексте договора: «Куан-чензы».

на благотворительность, прошу, кроме этого кредита, открыть мне еще кредит в 500.000 долларов на ту же потребность в том числе на русскую церковь. Прошу спешно ответа [1]).

Витте.

№ 76. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте

от 25 августа 1905 г.

Вследствие вашей телеграммы я сделал распоряжение об уплате вам в Нью-Йорке у Моргана 60.000 долларов, полагая, что показанная в телеграмме цифра 500.000 долларов искажена на телеграфе, и не считая себя в праве перевести вам своим распоряжением миллион рублей.

Коковцев.

№ 77. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 26 августа (8 сентября) 1905 г.

Завтра, субботу сообщаю президенту о высочайшей воле прекратить взимание повышенных пошлин с некоторых предметов американского производства. Прошу об этой мере экстренно распубликовать собрании узаконений и сообщить таможням.

Витте.

№ 78. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 26 августа (8 сентября) 1905 г.

В моей телеграмме о деньгах я испрашивал 10.000 долларов на бедных Портсмута и 15 тысяч на другие расходы по благотворительности, т.-е. всего 25 тысяч, а не 500.000, как искажено телеграфом. Я думаю, что более этого собственно на благотворительность и не придется тратить. Если предшествующая телеграмма моя доложена государю, прошу довести до сведения его величества и эту.

Витте.

№ 79. Телеграмма И. П. Шипова министру финансов

от 27 августа (9 сентября) 1905 г.

С. Ю. Витте просил вас предупредить, что он очень доволен Виленкиным и находит его совершенно соответствующим занимаемой должности, но признает неудобным вести переговоры с Морганом при участии Виленкина, в виду родства с фирмой, Моргану враждебной.

Шипов.

---

[1]) Помета рукою Коковцева: «Повидимому, ошибка: ведь это 1 м. р., откройте 60 тыс. долларов».

№ 80. Телеграмма А. И. Путилова И. П. Шипову

от 27 августа (9 сентября) 1905 г.

Благоволите сообщить, когда Сергей Юльевич Витте предполагает возвратиться в Петербург, и долго ли в нем останется?

Путилов.

№ 81. Телеграмма И. П. Шипова А. И. Путилову

от 27 августа (9 сентября) 1905 г.

С. Ю. Витте предполагает возвратиться в Петербург между 15 и 20 сентября, остаться недолго и уехать на продолжительное время.

Шипов.

№ 82. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 27 августа (9 сентября) 1905 г.

Сегодня в первый раз имел деловой разговор с Морганом [1]), который, по общему мнению, самая солидная денежная сила в Америке, таковой признается в высших финансовых сферах Европы и к тому же, во все время войны не принимал и не желал принимать никакого участия в делах Японии. Он находит, что Америка в последнее пятилетие начала делаться мировым банкиром, каковыми операциями прежде не занималась, что при том огромном росте свободных капиталов, который будет еще увеличиваться, скоро Америка сделается главнейшим банкиром мира. Полагая, что это мнение имеет некоторое основание, я, с своей стороны, во всяком случае, нахожу, что России необходимо водвориться на американском рынке, дабы приобрести большую свободу в действиях. Прежде мне это не удавалось—теперь наступило время, когда это возможно достигнуть. Для этого, по основательному мнению Моргана, нужно прежде всего приучить публику к русским фондам. Для сего было бы неудобно на первый раз делать специальный заем в Америке. Сначала она должна лишь принять серьезное участие в русском интернациональном займе. Когда таким путем русские фонды войдут в оборот, то легко будет, по мнению Моргана, делать большие специальные русские займы в Америке. Поэтому он предлагает принять широкое участие в займе вместе с французами или с немцами, или одновременно и с теми и другими, последнее по моему мнению едва ли достижимо, и, со своей стороны, привлечь к операции и Лондон, где он имеет прямые связи. Он находит, что при первой операции нужно дать специальные выгоды американскому рынку. Затем он мне сказал, что, впрочем, мне было хорошо известно, что если пожелаем его участия, то он в отношении Америки никаких

[1]) Свидание и беседа Виттте с Морганом описаны в «Дневнике» Коростовца под 26 августа. Ср. также «Воспом»., I, 362—364.

других банкиров не допускает, желая все принять на свою ответственность—и, конечно, рассчитывает, что раз начинают переговоры с ним, то не будут в Америке вести переговоры с другими—покуда будут делать операции с ним, не будут иметь дела с другими. Он полагает, что операцию в Америке удобно делать в начале следующего года, когда деньги дешевеют, но, если нужно, то готов принять участие и ранее. Для этой цели он готов сам лично приехать в Европу для переговоров с банкирами и вашими уполномоченными или прислать Перкинса. Во всяком случае он готов вступить по этому предмету в предварительные переговоры с вами. Все изложенное я приму во внимание при предварительных переговорах согласно вашему желанию в Париже. Ввиду такого положения дела Шипов выедет со мною во вторник.

Витте.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ПРОЛИВЫ.

I.

Основной и наиболее характерной чертой внешней политики царской России, начиная с конца XVIII века, всегда и неизменно являлось стремление к получению свободного выхода из Черного моря. Случалось, что под влиянием каких-либо требований данного политического момента, стремление это стушевывалось и отходило на задний план, уступая свое место иным, иногда совершенно посторонним задачам,—но такое положение вещей всегда оказывалось временным и уже очень скоро, по миновании тех или иных обстоятельств, русская внешняя политика неизменно возвращалась к своей доминирующей задаче. Так случалось неоднократно и если широкой публике могло иногда казаться, что бывали моменты, когда Россия как будто бы навсегда отказывалась от задачи захвата проливов, то это происходило лишь потому, что весьма и весьма многие стороны царской дипломатии носили необычайно секретный характер и их окружал покров глубочайшей тайны, спавший лишь после того, как революция сделала доступными все тайники русских дипломатических архивов.

Та страшнейшая дипломатическая катастрофа, каковой оказался для России Берлинский Конгресс 1878 г., далеко не отбил у русской дипломатии охоты к проникновению на Ближний Восток и, если, благодаря столь характерному для 80-х г.г. увлечению среднеазиатскими делами, Россия Александра III как будто бы забыла о балканских делах [1]), то уже в первые же годы царствования его преемника мы имеем попытку возвращения к старым традициям русской внешней политики. Мы разумеем, ставший лишь недавно известным [2]), относя-

---

[1]) Для выяснения отношения правительства Александра III к вопросу о проливах, чрезвычайно характерен приводимый Вильгельмом II в его мемуарах (Вильгельм II. Мемуары. 1923, стр. 7) рассказ о том, как в ответ на сделанное им от имени германского правительства в конце 1886 г. предложение захвата Россией Константинополя и проливов, русский царь ответил, что если бы он захотел овладеть Стамбулом, он бы его взял, а в разрешении или согласии Бисмарка он не нуждается.

[2]) См. «Воспоминания» гр. С. Ю. Витте, т. I, стр. 88—93 (по Берлинскому изданию) и документы, опубликованные М. Н. Покровским в I т. «Красного Архива» за 1922 год, стр. 152—162.

щийся к началу 1897 г.,[1]) проект захвата Верхнего Босфора путем неожиданного десанта русских войск, почти совершенно подготовленный (десантный отряд был уже сформирован) и не состоявшийся лишь по каким-то не вполне выясненным причинам [2]). И если в последовавшие затем годы внимание русских правящих сфер было отвлечено перспективой быстрого и безболезненного захвата (экономического и территориального) Дальнего Востока [3]), то уже немедленно вслед за катастрофической ликвидацией дальне-восточной авантюры происходит новая переоценка ценностей, и все внимание русской дипломатии снова сосредоточивается на старом, но вечно новом, вопросе о проливах.

Как известно из недавно опубликованных документов [4]), в 1908 и 1911 г.г. (в связи с турецкой революцией и итало-турецкой войной из-за Триполи) русское правительство путем дипломатических переговоров пыталось добиться разрешения прохода через проливы военных судов прибрежных черноморских держав, но попытка эта рушилась из-за упорного сопротивления со стороны английской дипломатии.

А между тем связанные с триполитанской войной события сделали вопрос о проливах более острым, чем когда бы то ни было до того. Если до этого времени вопрос рассматривался главн. обр. с чисто стратегической точки зрения (ибо, уже начиная с Кучук-Кайнарджийского договора 1774 г. право прохода русских торговых судов через проливы стояло вне всякого сомнения), соответственно чему предоставление России права проведения через проливы своих военных судов являлось вполне приемлемой для нее комбинацией, то связанное с итало-турецкой войной временное закрытие проливов для прохода *коммерческих* судов меняло все положение вещей. За первую половину 1912 года вывоз из России хлебов и хлебных продуктов понизился, по сравнению с 1911 г., на 172 милл. рублей или на 45%, и вполне понятно, что русская буржуазия и русское правительство не могли на это спокойно смотреть. Неоднократные протесты русской дипло-

[1]) Опубликованные в «Красном Архиве» документы относятся к началу 1897 г., Витте говорит о конце 1896 года, а С. Д. Сазонов в своем докладе Николаю II (речь о котором будет ниже) от 23 ноября 1913 г., говорит о 1895 г.

[2]) С. Ю. Витте говорит о воздействии на царя благотворного влияния какого-то лица, а С. Д. Сазонов в своем докладе Николаю II от 23 ноября 1913 г. объясняет отказ русского правительства от своих намерений отсутствием у него количества транспортных средств, достаточного для перевозки десанта; при этом Сазонов утверждает, что весь план было предположено осуществить с *согласия Англии*. Опубликованные в «Красном Архиве» документы решительно противоречат этому последнему утверждению.

[3]) Впрочем, даже и в этот период русские правительственные круги (не исключая и самого Николая II) не забывали совершенно и о проливах. См. по этому поводу дневник А. Н. Куропаткина («Красный Архив», т. II, стр. 31 и 75).

[4]) Материалы по истории франко-русских отношений 1910—1914 г.г. Изд. Н. К. И. Д., 1922.

матии против закрытия проливов не достигли никакого результата, а возможность повторения такого положения вещей каждый раз, когда Турция будет находиться в состоянии войны (что действительно случилось во время Балканской войны 1912—1913 г.г.) само собой указывало на недостаточность прежнего плана решения вопроса о проливах. Открытие проливов для прохода русских военных судов, очень важное в стратегическом отношении, с точки зрения экономической ничего не изменяло—соображения экономики требовали или полного завладения проливами или их нейтрализации. Поскольку же последняя комбинация оказывалась неудобной стратегически, оставалось только одно—полное завладение.

Таким образом дипломатическая неудача 1911 года не могла остановить стремления русской дипломатии к пересмотру вопроса о проливах—как раз наоборот, именно к началу 1912 года вопрос этот оказывался поставленным гораздо острее, чем когда бы то ни было, и вся внешняя политика России в этом году является не чем иным, как попыткой разрешения этой задачи.

Но новые цели требовали и новых средств. Захват проливов проще всего можно было бы осуществить при помощи войны с Турцией, но во-первых, оставался все тот же вечный вопрос об отношении Англии, а во вторых, война с Турцией могла вызвать и войну с Австро-Венгрией. К этой войне русское правительство в 1912 г. еще не считало себя готовым; да к тому же и французское правительство, устами своего премьера Пуанкарэ, заявило (летом 1912 года), что «французское общественное мнение не позволяет Правительству Республики решиться на военные действия из-за чисто балканских вопросов, если Германия останется безучастной и не вызовет по собственному почину применения Casus foederis» [1]). Оставался только один способ—загребать жар чужими руками, и с этой-то целью русская дипломатия весной и летом 1912 г. основывает Балканский Союз, направленный против Турции и Австро-Венгрии [2]).

Впрочем, основывая Балканский Союз, русская дипломатия не особенно верила в силу союзников и смотрела на их армию лишь как на авангард, долженствующий прочистить дорогу к Константинополю русским войскам в тот момент, когда окончательно выяснится, что Турция чересчур слаба, чтобы оставаться в Европе, а союзники недостаточно сильны, чтобы явиться ее наследниками. Вполне понятно, что при такой точке зрения неожиданно быстрые успехи союзников отнюдь не могли обрадовать русское правительство, а молниеносное продвижение болгар к Константинополю поставило всю хитроумную политику русской дипломатии под угрозу катастрофической развязки.

---

[1]) Доклад С. Д. Сазонова царю от 4 авг. 1912 г. «Материалы», стр. 259.

[2]) Не касаясь истории создания Балканского Союза, отсылаем интересующихся к статье С. Сигриста в № 3 «Русского Прошлого».

Однако нет такого яда, от которого бы не нашлось противоядия. Приближение болгарской армии к столице Оттоманской империи вызвало среди населения этой последней вполне понятное волнение, в результате которого европейские державы поспешили отправить в Константинополь свои военные суда «для защиты христианского населения». Вот за это-то и ухватилось русское правительство.

Телеграммой от 20 октября 1912 г. за № 292 [1]) морской министр, адмирал И. К. Григорович, сообщил командующему черноморским флотом, что «по сообщению министра иностранных дел, в виду ожидаемой анархии в Константинополе, возможна посылка туда отдельных судов и даже всего флота» и вслед за этим два русских военных судна были действительно отправлены в Константинополь. Однако уже очень скоро эта мера показалась недостаточной и, после того как вечером 24 октября турецкая армия была разбита болгарами у Чорлу и отошла на линию так называемых Чаталджинских позиций, русскими правительственными кругами овладела полная паника. В 1 час 30 мин. ночи с 25 на 26 октября адм. Григорович телеграфирует за № 320 Николаю II, находившемуся в это время в Спале: «Всеподданнейше испрашиваю соизволения вашего императорского величества разрешить командующему морскими силами Черного моря иметь непосредственное сношение с нашим послом в Турции для высылки неограниченного числа боевых судов или даже всей эскадры, когда в этом наступит надобность, по требованию гофмейстера Гирса. Мера эта вызывается желанием ускорить исполнение распоряжений, не ожидая сношений с Петербургом. Настоящий доклад представляю на обращенную ко мне просьбу министра иностранных дел, одобренную председателем совета министров» [2]).

Эта телеграмма, повидимому, повергла Николая II в такую же панику, в какой находились и его министры, ибо уже в 10 час. 32 мин. утра 26 октября он отвечает телеграммой на имя морского министра: «С самого начала следовало применить испрашиваемую меру, на которую согласен. Николай» [3]).

Для какой же цели русский флот должен был быть отправлен в Константинополь? Ответ на это мы находим в докладе С. Д. Сазонова к Николаю II, составленном полгода позднее, 16 марта 1913 года, когда положение на Балканах (в связи со взятием болгарами Адрианополя) сделалось опять очень тревожным, и Сазонов просил о восстановлении права, предоставленного М. Н. Гирсу телеграммой 26 октября:

«Вызов эскадры мог бы обусловиться как необходимостью принять меры к ограждению мирного христианского населения Константинополя во время беспорядочного отступления турецкой армии,

[1]) Дело мор. ген. штаба по 2-й опер. части под названием «Об особых операциях по Балканской войне 1913 г.». Архив военно-морской Исторической Комиссии по изучению опыта войны 1914—1918 г. г. на море (Мориском) № 606.

[2]) Там же.

[3]) Там же.

так и желательностью, чтобы в случае вступления болгарской армии в Константинополь, в водах Босфора находилась внушительная русская сила, способная своим присутствием оказать нужное давление для предотвращения таких решений вопроса о Константинополе и проливах, кои были бы несовместимы с интересами России» [1]).

Но если в докладе министра иностранных дел говорилось, таким образом, лишь о предотвращении нежелательного для России решения вопроса о Константинополе и проливах, то несравненно дальше идет следующий, датированный 20 октября 1912 г., необычайно интересный документ, воспроизводимый нами полностью:

М. М. Справка.
Морской ген. штаб
по 2-й опер. части,

«В виду возможности наступления анархии в Константинополе и вместе с нею опасности избиения христианского населения, вероятно, придется послать туда военно-морские силы.

Для охраны на берегу посольства и вообще наших интересов, конечно, надо будет сделать десант, для того же, чтобы не ослаблять судовые команды, желательно иметь для этой цели на судах некоторые части с пулеметами.

Кроме того, надо быть готовым к тому, что этот первый десант окажется слишком слабым, если анархия перейдет в революцию со всеми ужасами. В этом случае другие государства, разумеется, поспешат отправлением на Босфор своих отрядов, как это имело место во время боксерского восстания.

Пользуясь нашей близостью к Константинополю, нам легче всего послать нужные силы и в более значительном числе, чем другим государствам, а главное раньше других и тем приобрести первенствующее значение в дальнейших переговорах.

Очень было бы важно воспользоваться малейшим предлогом и перебросить хотя небольшой отряд на европейский берег Босфора, заняв Буюк-Дере, хотя бы для того, чтобы обеспечить безопасность нашего охранного отряда в Константинополе и служить для него резервом.

Оккупацию Верхнего Босфора можно было бы затянуть на очень долго и тогда легче будет там остаться навсегда [2]).

---

[1]) Там же.

[2]) С этим чрезвычайно любопытно сравнить следующий абзац из уже цитированного доклада С. Д. Сазонова от 16 марта 1913 г.: «..... в случае появления нашего флота в Константинополе, мы могли бы одновременно, в предупреждение *ложных* толкований, огласить в печати, что наши военные суда останутся в во-

Твердое же занятие Верхнего Босфора уже на половину разрешает наболевший вопрос о проливах.

Если бы для такого выступления подходящего предлога не оказалось бы, то его надо создать искусственно, имея в виду громадное государственное значение для нас Верхнего Босфора, если не будет возможности овладеть всеми проливами»[1]).

Итак план русского правительства (если не министерства иностранных дел, то во всяком случае военно-морского ведомства) обрисовывается с полной ясностью и удивительно напоминает уже известный план 1896—1897 г.г. — воспользоваться возможными беспорядками в Константинополе (а если они не произойдут, то и спровоцировать их) с тем, чтобы захватить Верхний Босфор и остаться там навсегда. Почему же этот план не был приведен в исполнение?

Прежде всего следует указать на то, что дальнейший ход Балканской войны не благоприятствовал видам русского правительства. Туркам, как известно, удалось надолго закрепиться на Чаталджинской позиции и возможность вторжения болгар в Константинополь оказалась, таким образом, временно отложенной. Но с другой стороны, мы уже знаем, что русский план мотивировался не только этой опасностью, но и просто желанием воспользоваться удобным случаем для осуществления традиционных стремлений царского правительства. В чем же заключается причина отказа России от ее хитроумных намерений?

Причина эта та же самая, которая заставила ее отказаться и от плана 1896—1897 г.г. Необходимое условие успешности плана заключалось в том, чтобы притти в Константинополь первыми (что и отмечается в цитированном выше документе), а между тем печальное состояние транспортных средств черноморского флота делало это условие весьма трудно-осуществимым. Еще за полтора года до этого, в январе-марте 1911 года, особое совещание, заседавшее при морском генеральном штабе признало невозможность (благодаря недостаточности транспортных средств) десантной операции у Босфора [2]) и весьма вероятно, что как только русское правительство в октябре 1912 года стало готовиться к производству такой операции, оно оказалось поставленным лицом к лицу с такими трудностями, которые заставили отказаться от всего плана [3]).

дах Босфора лишь то время, которое пройдет до выяснения окончательных условий мира, после чего они вернутся в Россию» *(курсив наш. Я. З.)*. Кто же кого обманывал—морское ведомство Сазонова, Сазонов—Николая, или все друг друга?

[1]) Мориском, дело № 606.

[2]) Дело мор. ген. штаба по 2 опер. отдел. под названием «Планы войны на Черном море». Мориском, № 531.

[3]) Правильность такого объяснения доказывается следующими словами доклада С. Д. Сазонова Николаю II от 23 ноября 1913 г.: «В минувшем году, когда зашла речь о возможном движении наших войск на Константинополь, выяснилось, что в течение двух месяцев мы можем постепенно перевезти два корпуса, при чем приготовления по мобилизации транспортных судов и подвозу войск

Как бы то ни было, но к середине ноября план о походе на Босфор был, повидимому, оставлен, а начавшиеся в это время мирные переговоры между Турцией и союзниками (перемирие было заключено 22 ноября) ставили перед русской дипломатией новую задачу—воспользоваться этими переговорами для осуществления своих ближневосточных задач. Каковы же были в этот момент предположения русских правительственных кругов?

Перед нами датированный 25 ноября 1912 г. документ, составленный начальником 2 оперативного отделения (специально ведающего делами Черного моря) морского генерального штаба старшим лейтенантом Немицом и озаглавленный «Объяснительная записка. Вопрос о политических задачах России при ликвидации славяно-турецкой войны с военно-морской точки зрения» [1]).

Первое и самое главное, что бросается в глаза при ознакомлении с запиской Немица, это полная и решительная, по сравнению со всеми более ранними трактующими вопрос о проливах записками, перемена той исходной точки зрения, с которой автор подходит к изучению рассматриваемого вопроса. Если до сих пор все авторы этих записок подходили к вопросу о проливах с точки зрения стратегической — обеспечения безопасности Черного моря, то нам уже приходилось указывать, что происшедшее в 1911 —12 г.г. закрытие проливов для прохода *коммерческих* судов и последовавшие, благодаря этому, громадные убытки для русской торговли должны были не только значительно усилить остроту вопроса о проливах, но и кардинально изменить исходную точку зрения. И записка Немица полностью подтверждает это предположение—ни единым словом не упоминая о стратегическом значении проливов, Немиц обращает все свое внимание на их экономическую важность для России и полагает, что существующее «политическое положение в высшей степени невыгодное и столь же унизительное, какого бы не потерпела ни одна промышленная страна. Будучи страною великою и становясь страною промышленною, рано или поздно Россия принуждена это положение изменить: обеспечить за собою безусловно и для всякого времени свободу торгового плавания ныне турецкими проливами».

Эта стоящая перед Россией задача должна, по мнению Немица, диктовать ей необходимое для ее осуществления поведение.

«Поскольку величие России больше национального значения какой-нибудь Сербии и поскольку это величие нашего отечества и его насущные материальные нужды ближе для русских людей, чем выгоды какой-нибудь Сербии или иной Балканской державы, постольку выход России в Средиземное море больше заслуживает забот русской

заняли бы столько времени, что операция не могла бы остаться ни для кого неожиданной. Иными словами, она просто оказалась неосуществимой».

[1]) Мориском, № 531.

власти и русского общества, чем интересы Сербии и балканских государств, за которые однако Россия бывает готова заступиться, встав во весь свой громадный рост [1]).

Таким образом, для морской стратегии совершенно ясно, какой «политический объект» диктуют здесь России ее военно-морские задачи: этот политический объект есть приобретение морского выхода для отечества в Средиземное море и его там полное упрочнение, чрез овладение и присоединение к территории русского государства проливов Босфора и Дарданелл с прилегающими к ним частями Европы и Малой Азии».

Эта задача уже давно стоит перед Россией, но до сих пор осуществление ее наталкивалось на сопротивление со стороны Англии и Германии, вследствие чего до сих пор Россия оказывалась вынужденной ждать, «уверенная, что неизбежный ход истории восстановит... ее право великой державы». Но происшедшие за последние месяцы события решительно изменили, по мнению Немица, все положение вещей и диктуют России новую линию поведения.

«Освобождение балканского славянства ныне закончено, и, быть может, мы находимся при вратах создания всеславянского могущественного в Европе союза.

Россия только радуется новому великому историческому явлению.

Но вместе с тем стал на очередь разрешения и большой политический вопрос о турецких проливах — вопрос для нас не *общеславянский*, а *чисто русский*, как то изъяснено выше».

Вопрос о проливах может, по мнению Немица, быть разрешен в трех формах. «Но уже раньше их разбора и рассмотрения можно поставить общий ответ—общее положение, которое должно быть, на основании вышеизложенного, соблюдено во всяком случае.

Этот общий ответ формулируется следующим образом.

В свое время России необходимо овладеть обоими, ныне турецкими, проливами—Босфором и Дарданеллами. Это конечная политическая цель России на юге Европы, неизменный вплоть до овладения им «политический объект» для всех стратегических усилий России в южных морях.

Если же по политическим условиям текущего исторического момента присоединение к территории Русского государства обоих турецких проливов *сейчас* невозможно, то общее положение, которое должно быть положено в основание всех ныне очередных военно-политических вопросов, связанных с этими коренными вопросами, заключается в следующем.

---

[1]) Невозможно обойти молчанием наивность Немица: неужели же он серьезно полагал, что русская внешняя политика диктуется интересами балканских государств? Во всяком случае интересно отметить, что на полях данного места записки Немица рукой начальника мор. ген. штаба кн. Ливена сделана пометка— «Не надо таких выражений в серьезной бумаге».

Все, что может в будущем облегчить для России овладение Босфором и Дарданеллами и может быть приобретено дипломатическим путем, сейчас желательно приобрести, желательно в высшей мере; все то из возможных приобретений, что не облегчит этого будущего овладения проливами, но не создает для него препятствий,—допустимо, но не имеет серьезного для России значения с военно-морской точки зрения; и, наконец, все то, что упомянутому будущему овладению Россией проливами Босфора и Дарданелл может создать препятствие,—недопустимо ни в коем случае».

Что же касается трех возможных, по мнению Немица, в настоящий момент форм разрешения вопроса о проливах, то они заключаются в следующем.

I. Проливы остаются под властью Турции с правом последней возводить на них оборонительные сооружения и с правом прохода через проливы военных судов *одной только России*, т.-е. то, к чему Россия стремилась во время переговоров 1908 и 1911 г. г. [1]). При этом решении, по мнению Немица, хорошо то, что проливы остаются под властью Турции (ибо это лучше, чем если бы они перешли к какому-нибудь другому государству, включая сюда и Болгарию), но предоставление Турции права их укрепления может сделать привилегию России чисто иллюзорной. Такое положение фактически не изменит statu quo, а между тем Россия будет вынуждена дать какие-либо компенсации за полученную привилегию.

II. Проливы открываются для военных судов *всех наций*, и их владелец лишается права их укрепления. При этом возможны два случая. Во-первых, проливы могут быть нейтрализованы международным актом и это, по мнению Немица, приведет к тому, что они будут навсегда потеряны для России. «Для России лучше иметь на Босфоре и Дарданеллах турецкие пушки, чем увидеть там представителей международной нейтрализации». Но возможен и иной выход—нейтрализация проливов устанавливается не международным актом, а договором их владельца с Россией. Такая комбинация, по мнению Немица, может быть выгодной для России, но лишь при следующих условиях: 1) оба берега проливов и Мраморного моря остаются в руках Турции и не могут быть переданы даже и славянским государствам, ибо для России выгодно, чтобы проливы находились в руках слабой державы и при этом такой, с которой Россия не связана национальными узами и 2) Россия должна иметь право контроля над невооружением проливов, для чего необходимо предоставление русским судам права прохода через проливы и стоянки в Босфоре и у обоих выходов из Дарданелл, т.-е. как в Мраморном, так и в Эгейском море.

III. Этот пункт отличается от второго случая второго пункта только тем, что в дополнение ко всем вышеперечисленным гарантиям,

[1]) Ибо хотя *формально* тогда говорилось о всех «прибрежных» государствах, но *фактически* (за отсутствием флота у Румынии и Болгарии) это означало одну только Россию.

Россия получает еще в собственность Верхний Босфор с правом его укрепления. Такое дополнение является, по мнению Немица, желательным, но лишь в том случае, если оно не вызовет в виде компенсации захвата Дарданелл какой-либо державой.

«Из всего вышеизложенного видно, что, с точки зрения военно-морской, вопрос о политических задачах России при ликвидации происходящей сейчас славяно-турецкой войны считался бы разрешенным удовлетворительно, если бы Россия приобрела непосредственно от Турции, без вмешательства в этот договор других европейских держав, право свободного плавания в любое время своих военных судов через проливы Босфора и Дарданелл; право оборудовать опорные пункты своему военному флоту в Босфоре, в Мраморном море и в Архипелаге при выходе в него Дарданелл, и в то же время настояла бы на сохранении берегов Мраморного моря и обоих прилегающих к нему проливов за Турцией; не допустила бы выхода в Мраморное море или на берега какой-либо третьей державы; не допустила бы международной «нейтрализации» проливов и получила бы обязательство Порты не возводить по их берегам военных сооружений, не ставить в их водах минных и иных заграждений и вовсе не иметь военного флота.

Если при этом явится возможность, при непременном соблюдении всех перечисленных условий, получить для устройства здесь Россией своего военного порта и морской и сухопутной крепостей, его защищающих, Верхнего Босфора, то это желательно, однако, имеет столь третьестепенное значение для России, что малейшая опасность вызвать этим шагом захват другими державами каких-либо частей берегов Босфора, Мраморного моря, Дарданелл или прилегающих к его выходу в Архипелаг островов, России лучше не подымать совсем вопроса об овладении Верхним Босфором».

В отношении европейского берега Мраморного моря, по мнению Немица, было бы лучше всего, если бы Турция сохранила в своих руках Константинополь и прилегающую к нему территорию до Чаталджийской позиции. Что касается до островов Эгейского моря, то занятие Грецией Лемноса и Тенедоса является, с точки зрения русских интересов, безусловно недопустимым, а Имброс может быть отдан ей лишь при условии его неукрепления и предоставления там русскому флоту права якорной стоянки. Занятие каких-либо островов Архипелага сильными морскими державами безусловно нежелательно, и, если на занятие Крита Англией России, может быть, все же придется согласиться, то это, несомненно, явится большой жертвой с ее стороны.

Записка Немица датирована 25 ноября 1912 года [1]). Этим же числом датирован и явно написанный под влиянием записки Немица доклад № 296 начальника морского генерального штаба вице-адми-

[1]) Основные положения записки Немица были целиком поддержаны в относящейся к этому же времени записке капитана 2 ранга Дмитриева. Мориском, № 531.

рала князя Ливена на имя морского министра, на подлиннике которого имеется резолюция И. К. Григоровича от того же числа [1]: «Копию сообщить министру иностранных дел» [2].

«Положение, созданное войной на Балканах,—говорится в докладе,—снова выдвигает вопрос о Босфоре и Дарданеллах. В виду исторического стремления России к свободному выходу в Средиземное море и возможности в ближайшее время сделать дальнейший шаг к достижению этой заветной цели, надлежит тщательно обдумать каждое наше движение, чтобы действительно расчистить себе кратчайший путь к успеху, а не создавать основания будущих преград.

Надо первым долгом выяснить конечное положение, к которому нам надлежит стремиться, какие для этого потребуются средства, а затем уже обсудить, какую часть этой задачи можно выполнить наличными средствами».

Подчеркивая, так же как и Немиц, громадное экономическое значение Черного моря (в 1910 г. вывоз из его портов составлял 43,3% всего русского вывоза), кн. Ливен делает из этого следующий вывод:

«Очевидно, при такой обстановке обеспеченное сообщение Черного моря с внешним миром уже является и в будущем явится в неизмеримо большей степени вопросом первостепенной важности для свободного развития нашего государства.

Итак, обращаясь к вопросу о проливах, первая и главная задача наших вооруженных сил обрисовывается в виде необходимости обеспечить свободу сообщения Черного с Средиземным морем во всякое время.

К этому основному взгляду на значение для нас проливов можно прибавить еще другую, чисто военную, сторону, т.-е. удобство обороны Черного моря от неприятельского вторжения именно в этом месте. Но не надо забывать, что эта вторая задача представляет лишь удобство, а не жизненное требование государства. Она может быть решена и другим путем, между тем как первая, обеспечение свободы сообщения из Черного моря, имеет жизненное значение для государства и не допускает другого решения, как охрану пути вооруженной рукой. Вследствие этого надо стремиться к осуществлению именно этой задачи, исполняя другую лишь попутно и по мере возможности».

Каким же путем думает кн. Ливен добиться осуществления указываемой им цели?

«Для вполне надежного господства над морскими путями, необходимо владеть не только водным пространством, но и окружающей его территорией. Итак для полного и окончательного решения задачи обеспечения свободного выхода из Черного моря нам надо присоединить к государству не только Малую Азию и Балканский полуостров, но

[1]) Из того, что записка Немица, доклад Ливена и резолюция Григоровича на этом последнем датированы одним и тем же числом—25 ноября, видно, в каком спешном порядке обсуждался в эти дни вопрос о проливах.

[2]) Дело мор. ген. штаба по 2 опер. отдел. под названием «О проливах и десантная операция». Мориском, № 731.

и все острова греческого архипелага, не исключая Крита, при непременном условии господства над Черным и Эгейским морями посредством первоклассного флота».

Однако наметив для русской внешней политики столь грандиозную программу действий, кн. Ливен все же оказывается вынужденным сразу же значительно сузить ее пределы.

«Такое исчерпывающее решение вопроса нам сейчас, очевидно, не по силам, да и вряд ли окажется и в будущем осуществимым для одной России...

Однако спрашивается, не представится ли целесообразным в виде хотя бы частного ее исполнения постараться захватить ближайшие к проливам территории на европейском и мало-азиатском берегах и укрепиться на этом участке?»

Такое решение кн. Ливен считает невыгодным. При слабости флота крепости будут легко уязвимы и не принесут пользы, а при сильном флоте они не нужны. «Итак для осуществления нашей коренной задачи... захват берегов проливов оказывается бесполезным. Надо захватить или всю отделяющую нас от них территорию, или ничего».

Переходя в дальнейшем к изложению конкретной программы действий для русской дипломатии в связи с славяно-турецкими мирными переговорами, кн. Ливен в общем соглашается с предложением Немица с той только разницей, что он не боится нейтрализации проливов посредством международного акта. «Мы уже раньше выяснили, что захват одних берегов проливов, которых только и может касаться нейтрализация, для нас бесполезен и нежелателен. В этом отношении следовательно бояться международной опеки нечего. Что же касается окончательного достижения нашей цели, т.-е. приобретения Малой Азии и Балканского полуострова, то такой стихийный переворот предполагает развитие огромного могущества, перед которым, очевидно, всякое международное соглашение окажется бессильным».

Точно так же кн. Ливен, в отличие от Немица, высказывается и против захвата Верхнего Босфора [1]), который при сильном флоте не принесет никакой пользы, но может заставить Россию согласиться на нежелательные для нее компенсации.

Мы видели выше, что одно из основных положений, как записки Немица, так и доклада кн. Ливена, заключалось в том, что Россия не должна допускать ничего такого, что может в будущем послужить препятствием для ее захватнических намерений, и мы также видели, что Немиц выводил из этого необходимость сохранения в руках Турции прилегающих к Дарданеллам островов Эгейского моря. В тот же самый день, коим датирована записка Немица — 25 ноября 1912 года —

[1]) Диаметрально-противоположный взгляд по вопросу о стратегическом значении захвата Верхнего Босфора высказывается в составленной около того же времени обер-офицером морского генерального штаба лейтенантом Каллистовым «исторической справке о стратегическом значении для России - Дарданелл и Босфора». Мориском, № 531.

С. Д. Сазонов обратился с И. К. Григоровичу с письмом № 832 следующего содержания:

«В виду того, что в ближайшем будущем в числе вопросов, связанных с ликвидацией войны, будет поставлен и вопрос о судьбе островов Эгейского моря, захваченных Грецией, я обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой не отказать безотлагательно уведомить меня о вашем заключении по этому вопросу.

Наиболее существенным для министерства иностранных дел является определение того, какие острова должны остаться во владении Турции, чтобы обеспечить безопасность проливов, а также какие острова могут перейти в обладание Греции, без ущерба для наших непосредственных интересов.

Что касается общей постановки вопроса, считаю долгом обратить ваше внимание на то, что судьба островов на Эгейском море, за исключением означенной оговорки, гораздо более интересует Англию и Францию, чем нас, и что нашим видам с общеполитической точки зрения соответствовало бы предоставление этим державам инициативы во всем том, что не связано с теми или иными ограничениями в территориальных приобретениях Греции» [1]).

На этом письме морским министром была в тот же день (25 ноября) положена резолюция: «Начальнику морского ген. штаба. Составить записку», каковая и была 27 ноября за № 301 [2]) представлена Григоровичу. Результатом этой записки, одобренной морским министром в тот же день, явилось его нижеследующее письмо к С. Д. Сазонову от того же числа за № 3964/442 [3]).

«На письмо вашего высокопревосходительства от 25 сего ноября за № 832 имею честь сообщить, что с точки зрения интересов русского флота желательно сохранить острова Эгейского моря вообще в руках слабой державы, т. к. переход их в руки сильной может явиться в будущем угрозой нашему флоту [4]). В особенности нежелателен переход островов в руки Австрии.

Острова Эгейского моря могут быть разделены по степени их важности для нас на три группы: первая из островов Имброс, Лемнос, Тенедос и Самофракия, вторая внутренние Циклады и третья—внешние Циклады.

Первую, как прилегающую непосредственно к Дарданелльскому проливу, безусловно необходимо удержать в слабых руках, при чем желательно было бы в турецких. Некоторые из островов второй и третьей группы могли бы быть уступлены сильным державам, кроме Австрии, если бы этой ценой Россия получила бы существенные

---

[1]) Мориском, № 731.
[2]) Там-же.
[3]) Там-же.
[4]) Мы уже видели, что эта же точка зрения была высказана и в записке Немица.

выгоды для своего флота. Обладание ими Грецией или Турцией, с точки зрения наших интересов, совершенно безразлично».

Продолжением этой записки явилось письмо товарища министра иностранных дел А. А. Нератова на имя начальника морского генер. штаба кн. А. А. Ливена от 10 декабря 1912 г. за № 884 [1]). «Вследствие устных объяснений с вашей светлостью управляющего отделом Ближнего Востока кн. Трубецкого и высказанного вами мнения, что в случае, если бы то признано было желательным по общеполитическим соображениям, вы, со своей стороны, полагали бы, с точки зрения наших морских интересов, присоединение к Греции на известных условиях островов Лемноса, Имброса, Тенедоса и Самофракии допустимым, считаю долгом сообщить вам, что нашему послу в Лондоне предложено сделать находящемуся ныне в этом городе греческому министру-президенту Г. Венизелосу заявление в нижеследующем смысле: Россия готова согласиться на переход четырех островов в обладание Греции, при условии их полной нейтрализации, с обязательством уничтожить всякого рода укрепления и иные военные и военно-морские сооружения, если бы таковые оказались, никогда не возводить таковых, не пользоваться островами в каких-либо военных или связанных с войной целях, и не отчуждать в пользу других держав прав собственности, пользования или иных, на эти острова».

Та же самая точка зрения о необходимости противиться всему тому, что может помешать будущим притязаниям России, следы которой столь заметны в только что приведенной переписке об островах Эгейского моря, наложила очень яркий отпечаток и на способ разрешения русской дипломатией другого вопроса, возникшего в эти же самые дни. Когда неожиданно быстрая победа союзников над Турцией сделала неизбежной постановку на очередь вопроса о полной перекройке карты Балканского полуострова, в связи с чем и стали циркулировать слухи о намерении Австро-Венгрии поживиться на счет турецкого наследства, что, конечно, не могло понравиться России, французский премьер-министр Пуанкарэ обратился к Извольскому с предложением объявить от имени тройственного Согласия, что оно будет противиться захвату турецкой территории какой-либо великой державой. Это предложение вызвало следующее замечание С. Д. Сазонова в его письме к А. П. Извольскому:

«... Так как в виду быстро меняющейся обстановки на Балканах трудно предвидеть все могущие представиться случайности, способные потребовать от нас тех или иных действий для обеспечения наших жизненных интересов, я считал бы необходимым тщательно избегать в наших переговорах с иностранными кабинетами всего, что впоследствии могло бы оказаться для нас стеснительным. С этой точки зрения, мне казалось бы желательным и в предполагаемом письменном обраще-

[1]) Мориском, № 731.

нии вашем к г. Пуанкарэ избегнуть слишком положительных заявлений вроде тех, которые подсказываются словами французского министра «относиться враждебно ко всем захватам турецкой территории какой-либо великой державой», так как это могло бы относиться и к России в области проливов» [1]).

Если, таким образом, русская дипломатия с самых первых дней Балканской войны зорко следила за всеми происходящими событиями и в корне предупреждала все то, что могло помешать осуществлению русских замыслов относительно проливов, то эта же самая политика продолжалась ею и во время дальнейшего хода войны. 13 марта 1913 г. болгарская армия после долгих усилий берет штурмом Адрианополь, а уже 15 марта С. Д. Сазонов, с согласия И. К. Григоровича, телеграфирует в Константинополь М. Н. Гирсу о возобновлении его полномочий на вызов, в случае надобности, всего Черноморского флота без предварительного уведомления Петербурга [2]). А когда между Турцией и союзниками начались вторичные мирные переговоры, то Россия первая предложила проведение болгаро-турецкой границы по линии Энос-Мидия, что должно было оставить в руках Турции преграждающие доступ к Константинополю Чаталджинские позиции.

Чрезвычайно интересно также отношение русского министерства иностранных дел к выдвинутому английским министром сэром Эдуардом Греем, в связи с начавшимися после заключения мира заседаниями парижской финансовой комиссии, предложению введения общеевропейского контроля над турецкими финансами. В ответ на письмо А. П. Извольского от 11/24 апреля, в котором посол высказывался за поддержку этого предложения в виду того, что европейский контроль над турецкими финансами приведет к сокращению турецких вооружений [3]), С. Д. Сазонов в письме от 18 апреля за № 381 высказывал следующие соображения:

«... Не предрешая ничего в будущем, мы не можем не отметить, что если оборона Константинополя и проливов в настоящее время не будет достаточно оборудована, то обстоятельство это, вместо того, чтобы отвечать нашим интересам, может служить опасным соблазном для болгар, тогда как несвоевременная постановка вопроса о проливах может в свою очередь поставить нас в крайне тяжелое положение.

Между тем, если у нас нет, казалось бы, основания препятствовать туркам принять нужные меры против захвата проливов и Константинополя, то с другой стороны, опасаться чрезмерного усиления Турции, после пережитого ею беспримерного поражения, нам также едва ли приходится. И если вопрос о проливах и возможности его постановки в ближайшем будущем ставит перед нами на очередь целый ряд самых серьезных задач, требующих планомерного осуществления, то пока

---

[1]) «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 299. На подлиннике этого письма имеется собственноручная пометка Николая II.

[2]) Доклад С. Д. Сазонова Николаю II от 16 марта 1913 г. Мориском, № 606.

[3]) «Материалы», стр. 364—366.

вся эта программа будет проводиться, было бы опасно и преждевременно говорить о сокращении средств обороны и без того слабой Турции... С другой стороны, у нас невольно возникает опасение слишком связать свободу своих действий и отношений России с Турцией в случае установления в ней общеевропейского контроля. Обстоятельства так складываются, что не задаваясь какими-либо неосуществимыми утопиями, мы все же можем рассчитывать на возможность завязать с Турцией гораздо лучшие, чем доселе, отношения: Турция не может не сознавать серьезную опасность, грозящую отныне Константинополю и проливам. Эта опасность будет в настоящее время иметь гораздо больше веса в глазах турок, чем традиционное их недоверие к России; нас будет сближать с Турцией до известной степени общий интерес, заключающийся в том, чтобы проливы не подпали под чужое владычество. Турки могут отдать себе отчет в том, что лучшим средством оградиться от опасности со стороны Болгарии было бы опереться на влияние и средства, коими располагает Россия для осуществления этого влияния в Болгарии... Мы полагаем, что Россия может извлечь больше выгод из прямых и непосредственных отношений со свободной Турцией, чем связав ее подчинением европейскому контролю, а себя самих неизбежным участием в последнем, если бы таковой осуществился» [1]).

Та же точка зрения, что и в письме Сазонова, была высказана в письме к этому последнему военного министра В. А. Сухомлинова, от 21 апреля за № 3977, в котором между прочим говорилось:

«Контроль... будет, несомненно, способствовать внедрению и официальному узаконению влияния европейских держав на вопрос о проливах и потому, когда наступит время для разрешения этого вопроса в желательном для России смысле, то таковое разрешение его будет для России значительно труднее и сложнее, нежели при отсутствии контроля» [2]).

Копии с цитированных писем были пересланы Сазоновым морскому министру при его письме от 2 мая за № 432, результатом чего явилось ответное письмо Григоровича от 9 мая за № 1952 [3]), в котором этот последний, вполне соглашаясь с точкой зрения Сазонова, высказывает следующие мысли:

«Ныне турецкие проливы, Босфор и Дарданеллы, с неизбежностью станут рано или поздно русским достоянием, ибо здесь проходит главный торговый путь России, нахождение которого в руках иностранной державы может грозить отечеству неисчислимыми бедствиями. В последнее время этот справедливый взгляд на будущее турецких проливов не встречает уже прежнего непримиримого отношения со стороны Франции и Великобритании, а с другой стороны, ход между-

[1]) Мориском, № 731.
[2]) Там же.
[3]) Там же.

народных событий в Европе делает весьма вероятной постановку этого вопроса для решения в близком будущем.

Единственно действительная «гарантия благоприятного для нас решения вопроса о проливах, когда наступит для сего время» заключается в быстром создании на Черном море военного флота такой силы, чтобы он мог при современной политической конъюнктуре овладеть во время войны водами и берегáми обоих турецких проливов и не пустить в них флот враждебных держав. Только при этом условии достигнет цели и десантная операция...

... Нам необходимо сначала (т.-е. до разрешения вопроса о проливах. *Я.З.*) создать на Черном море сильный флот, что может быть сделано в ближайшее пятилетие, если проведение большой судостроительной программы для Черного моря не встретит непреодолимых препятствий. Пока эта морская сила на юге не будет нами создана, нам важно, чтобы вопрос о проливах не был поставлен вовсе; чтобы никакая другая держава не покушалась на них и чтобы соответственное время Турция была достаточно сильна на европейском берегу, дабы не пустить к Константинополю и Дарданеллам Болгарию».

Но если, таким образом, задача русской дипломатии заключалась в том, чтобы защищать Оттоманскую империю от всяких посягательств со стороны третьих держав, то с другой стороны, там, где речь заходила о подготовке к будущей наступательной операции против Турции, сердобольное отношение русского правительства к этой последней совершенно исчезало и вполне естественно заменялось настроением диаметрально противоположного характера. В этом отношении весьма характерны два возникших летом 1913 г. вопроса—о покупке участка земли близ Константинополя и о румынских контр-миноносцах.

Письмом на имя председателя Совета министров В. Н. Коковцова от 2 июня 1913 г. за № 2290/168, морской министр сообщает, что по полученным им сведениям, около Константинополя продаются казенные участки земли и просит о предоставлении средств для покупки нескольких участков, ибо «в целях подготовки некоторых стратегических операций нашего флота для войны, нам было бы весьма важно приобресть два небольших участка земли по обеим сторонам Босфора в определенных пунктах, которые могут быть точно указаны, а также довольно значительные участки по берегам залива Золотой Рог и Константинопольского рейда» [1]).

Письмо И. К. Григоровича вызвало оживленную переписку между заинтересованными ведомствами. Предполагалось даже командировать в Константинополь для изучения вопроса на месте начальника 2-й оперативной части морского генер. штаба (доклад мор. ген. штаба от 22 августа 1913 г. за № 207 с резолюцией Григоровича «согласен» [2]), и лишь извещение морского агента в Константинополе, капитана

---

[1]) Мориском, дело № 731.

[2]) Там же.

2 ранга Щеглова, от 6/19 октября 1913 г. за № 911 [1]) о том, что слух о продаже казенных участков не соответствует действительности, положило конец соответствующей переписке.

Дело о румынских контр-миноносцах заключалось в следующем. Письмом от 22 июня 1913 г. за № 627 С. Д. Сазонов препроводил И. К. Григоровичу копию телеграммы российского посла в Константинополе, М. Н. Гирса, от 7 июня за № 109, в которой сообщалось, что Румыния предполагает заказать в Италии четыре контр-миноносца, и что Турция по всей вероятности пропустит их через проливы [2]). Морской министр передал вопрос на рассмотрение морского генер. штаба, а этот последний в докладе Григоровичу выразил мнение, что хотя усиление румынского флота для нас невыгодно, было бы все же, с другой стороны, целесообразно допустить создание удобного для нас прецедента с тем, чтобы затем потребовать, «чтобы Турция дала разрешение, и это разрешение было утверждено великими державами, на проход крупной части русского флота из Черного в Средиземное море или обратно в ближайшие годы, если России это передвижение флота понадобится» [3]). В этом духе и было написано ответное письмо Григоровича Сазонову от 28 июня 1913 г. за № 2646/206 [4]).

II.

Уже ознакомление с перепиской по поводу проекта установления европейского контроля над турецкими финансами выяснило нам ту точку зрения на вопрос о проливах, к которой русские правительственные круги пришли к лету 1913 года. Основные моменты этой точки зрения таковы: поражения 1911—1913 г. г. настолько ослабили Оттоманскую империю, что ее гибель (либо полная, либо же только в качестве *европейской* державы) является вопросом ближайшего времени. При таких условиях Россия не может не заботиться о том, чтобы при предстоящем разделе турецкого наследства получить в свои руки проливы и окружающую их территорию. Но так как для осуществления этой задачи необходимо иметь на Черном море сильный флот, каким Россия в настоящее время не располагает, то перед русским правительством стоят две задачи: 1) в наикратчайший срок усилить свой флот до необходимых размеров; 2) вплоть до такого усиления добиваться сохранения status quo в Турции вообще и на проливах в частности, дабы при преждевременном (с точки зрения России) дележе Оттоманской территории лучшая часть турецкого наследства не досталась неожиданно в руки какого-либо иного претендента.

Если такова была точка зрения русских правящих сфер уже в начале лета 1913 г., то совершенно ясно, что вторая балканская война,

[1]) Там же.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Там же.

спутавшая все карты и значительно осложнившая и обострившая положение вещей на Балканах, должна была усилить восприимчивость русской дипломатии к исходящим со стороны Ближнего Востока раздражениям. И действительно, в течение всего лета 1913 г. в тайниках дипломатического и морского ведомств идет глухая работа по подготовке решения вопроса о проливах.

4 июня 1913 г. уже известный нам Немиц посещает по поручению кн. Ливена начальника канцелярии министерства иностранных дел барона Шиллинга и ведет с ним беседу, во время которой барон отмечает, что «главная забота — цель министерства иностранных дел обеспечить России завладение проливами в случае обще-европейской или вообще большой европейской войны» [1]), а 10 июля тот же Немиц (к этому времени уже капитан 2 ранга) обращается к помощнику бар. Шиллинга, Н. А. Базили, с письмом № 217 [2]), в котором препровождает на рассмотрение министерства иностранных дел проект высочайшего доклада по вопросу о проливах.

Проект Немица, во многом сходный с его запиской 1912 г. и иногда даже дословно воспроизводящий ее отдельные части, начинается с указания на то, что строительство флота и составление стратегического плана его операций требует предварительного точного указания ближайших политических целей России. Основываясь на соображениях экономического, стратегического и историко-политического характера, Немиц затем доказывает, что такой целью должно являться обеспечение выхода России в Средиземное море, средством для чего должен быть захват проливов.

Балканская война, ослабив Турцию, приблизила, по мнению Немица, время ее неизбежного раздела. «В 1913 году, вследствие неготовности России к войне, с одной стороны, и благодаря настойчивым и талантливым усилиям русской дипломатии, с другой, Европу удалось удержать от удовлетворения этих своих домогательств, но можно наверное сказать, что это только начало дележа турецкого наследства.

... Таким образом, с одной стороны... России необходимо овладеть обоими турецкими проливами, а с другой... России необходимо быть готовой совершить это в ближайшие же годы». Такая готовность, по мнению Немица, может произойти в 1917—1919 г. г., когда русский флот будет доведен до достаточных размеров [3]).

По обстоятельствам, причина коих нам неизвестна (весьма вероятно, что вследствие болезни кн. Ливена), идея совместного обращения морского и иностранного ведомства к царю с докладом по вопросу о проливах не была приведена в осуществление, но совершенно несомненно, что проект Немица по существу был полностью одобрен всеми

[1]) В деле Морискома № 731 имеется написанный карандашом на отдельных листах отчет Немица об этой беседе.

[2]) Мориском, № 531.

[3]) Там же.

заинтересованными ведомствами. Этот проект в значительной части послужил основанием для следующих трех документов: 1) доклада морского генер. штаба И. К. Григоровичу от 7 ноября 1913 года за № 481; 2) доклада, который был представлен Николаю II министром иностранных дел 23 ноября 1913 г. и одобрен царем в Ливадии 27 ноября, и 3) доклада морского министерства от 22 декабря того же года, одобренного Николаем в Царском Селе 30 декабря. Все эти доклады имеют в истории русской внешней политики эпохи накануне империалистической войны столь первостепенное значение, что мы позволим себе остановиться на них более подробно и приведем их наиболее существенные части.

Доклад морского генерального штаба от 7 ноября 1913 г. [1]) начинается с перечисления принятых морским ведомством мер для усиления русского флота и изложения производимых в связи с этим теоретических работ штаба. Затем в записке говорится:

«Работа морского генерального штаба в настоящее время остановилась перед несколькими основными вопросами, без разрешения которых результаты их не могут быть окончательно оформлены. Разрешение же этих основных вопросов не достигается самостоятельно морским генеральным штабом, но требует общих директив вашего высокопревосходительства и высших указаний его императорского величества государя императора.

В кратких чертах содержание этих основных вопросов заключается в следующем.

До настоящего времени, по причине крайней слабости нашего флота, в морском генеральном штабе разрабатывались лишь две общие стратегические операции нашего флота с некоторыми их вариантами, имевшие скромные задачи по обороне отечественных берегов: одна для Балтийского моря и одна—для Черного. Теперь Россия получает к 1918 г. флот такой силы, что, кроме прежних скромных операций, необходимо иметь в полной готовности и общую стратегическую операцию флота, имеющую более широкую и плодотворную цель: сверх обороны своих берегов также и охрану свободы морских путей России. Это особенно ясно при мысли, что и после 1917 г. наше судостроение сохранит нынешний его размах: ибо очевидно было бы нерационально строить военный флот на суммы, переходящие за миллиард рублей, лишь для защиты побережья Финского залива от десанта двух немецких корпусов, десанта весьма проблематического с точки зрения серьезного стратегического расчета.

Итак, начатый постройкой большой русский военный флот должен получить более плодотворную и настоящую морскую задачу—оборону морских путей России.

[1]) Дело мор. ген. штаба по 2-му опер. отдел. под названием «Соображения об усилении Черноморского флота 1913—1914 г.г.». Мориском, № 735.

Что касается задач по обороне морских путей России, то их, вообще говоря, всегда было и остается три: обеспечить свободу морских путей России в Атлантический океан из Балтийского моря, в Тихий океан из Японского моря и в Средиземное море из Черного.

Вследствие подавляющего превосходства германского флота, первая задача остается для русского флота еще надолго непосильною. Разрабатывать теперь ее стратегическую подготовку нет надобности. Вторая активная задача—обеспечение выхода в Тихий океан—по совокупности политических и стратегических обстоятельств настоящего времени, к сожалению, не может быть поставлена на очередь. Следовательно, теперь нашему флоту предоставляется лишь одна активная задача: обеспечить России свободу пути из Черного моря в Средиземное. Международная политическая конъюнктура настоящего времени и возможные в связи с нею предположения о ближайшем политическом будущем восточной половины Средиземного моря делают эту стратегическую задачу нашего флота, повидимому, совершенно неотложною. Окончательное решение «Восточного вопроса», вероятно, произойдет в ближайшие годы и тогда (каким бы ни оказалось это решение в отношении России) флот наш должен быть готов к военным действиям в Черном и Средиземном морях, дабы морское ведомство не заслужило снова тяжелого упрека в том, что, выстроив большой флот, оно не сосредоточило его в нужном месте и не подготовило к той стратегической операции, опираясь на которую политика смогла бы с честью и с удачею пронести имя России сквозь все тревоги и затруднения, которые неизбежно свяжутся с решением «Восточного вопроса».

Следовательно, нам несбходимо, имея в виду общий состав нашего флота в 1918 г., к этому времени подготовить возможные его активные операции совместно в Черном и Средиземном морях...

... Представляя приведенные соображения, морской генеральный штаб просит директив вашего высокопревосходительства о следующем:

1) Может ли он положить в основание разрабатываемых планов войны, имеющих в виду строющийся флот, а также и тот, который будет строиться после 1917 года, как руководящую мысль всей нашей военно-морской подготовки на ближайшие годы, общую стратегическую идею о готовности нашего Балтийского и Черноморского флотов к операциям не только по обороне своих берегов, но и к активной совместной операции в Средиземном и Черном морях, для обеспечения при всяких обстоятельствах морского пути России из Черного в Эгейское море.

2) Должно ли морскому генеральному штабу положить в основание начатой разработкой новой программы судостроения только что указанную общую цель: идею активного, а не только оборонительного флота России.

3) Должно ли морскому генеральному штабу безотлагательно представить вашему высокопревосходительству для всеподданнейшего доклада соображения по каждому из упомянутых двух вопросов.

При этом морской генеральный штаб докладывает, что сношениями с министерством иностранных дел выяснено, что представители нашей внешней политики, по соображениям порученного им дела, настаивают на сосредоточении всех наших военно-морских усилий в Черном и Средиземном морях, так как это дало бы России более веский голос при решении «Восточного вопроса»; и что такая наша стратегическая мера была бы очень желательна нашему союзнику—Франции, подкрепление флота которой в Средиземном море нашей Средиземноморской эскадрой против соединенного флота Австрии и Италии вполне отвечает известным морскому генеральному штабу желаниям французского главного морского штаба.

Вышеизложенное морской генеральный штаб представляет вашему высокопревосходительству, испрашивая соответствующих директив».

На этом докладе И. К. Григорович наложил резолюцию: «Вполне одобряю и прошу работать в указанном направлении. 8. XI. 13».

Доклад С. Д. Сазонова Николаю II от 23 ноября 1913 г. [1]) начинается с обозрения положения на Балканах, создавшегося в результате второй Балканской войны:

«События на Балканском полуострове, создавшие неустойчивое и непрочное положение на всем юго-востоке Европы и в Мало-Азиатской Турции, выдвигают перед министерством иностранных дел задачу определить наше собственное отношение к условиям новой политической обстановки.

Благодаря междуусобной войне между балканскими государствами, Турции удалось внести в ликвидацию кризиса некоторые поправки в свою пользу и получить границу, более благоприятную для защиты столицы и проливов против сухопутного натиска неприятеля. Таким образом до известной степени уменьшилась непосредственная опасность внезапного морского наступления со стороны Греции. С другой стороны, можно сказать, что военные поражения Турции, в связи с расшатанным внутренним положением и печальным состоянием ее государственных финансов, создали во всех европейских Кабинетах убеждение в том, что на возрождение этого государства нельзя слишком полагаться и что долговечность турецкого владычества подвержена серьезному сомнению.

В связи с таким настроением все великие державы без исключения учитывают уже теперь возможность окончательного распадения Оттоманской империи и задаются вопросом о заблаговременном обеспечении своих прав и интересов в различных областях Малой Азии. Этим объясняется усилившаяся деятельность Германии, Италии и даже Австрии, доселе не имевшей интересов в Малой Азии, создать и упрочить основания политических притязаний в будущем дележе Оттоманской империи.

---

[1]) Мориском, № 53

Правда, нельзя не оговориться, что окончательное крушение Турции возвещается на протяжении двух столетий. Но если государство это все еще сбнаруживает известную живучесть, то нельзя не признать, что ряд поражений—в ссбенности те, которые испытаны Оттоманской империей как раз в период работы над ее военным возрождением—свидетельствует о том, что для последнего нет налицо необходимых данных. Если внешние условия сложатся для Турции более благоприятно, она может еще долго влачить существование, сбосновывая свою относительную безопасность на чужих раздорах и соревнованиях. Но против решительного удара извне Турция едва ли найдет в себе силы для его отражения. Между тем, хотя желание мира как будто преобладает в настоящее время среди великих держав, поручиться за прочность сбщего политического положения в Европе не представляется возможным. Эта неуверенность усиливается нынешним неустойчивым положением на Балканском полуострове в результате Бухарестского мира.

Вышеуказанные условия, несомненно, создают для России крайне сложные и нелегкие задачи. В наши непосредственные интересы не входит преследование каких-либо земельных приращений. Все потребности нашего внутреннего развития ставят задачу поддержания мира на первое место. Не оставляя этой главной и первостепенной задачи, мы не можем однако закрывать глаза на опасности международного положения, устранение коих зависит не от нас одних. В связи с этим мы, так же как и другие державы, не можем не задаваться мыслею о нсобходимости заблаговременного обеспечения своих прав и интересов, если бы события выдвинули перед нами обязанность их оградить вооруженной рукой.

Сомнение в прочности и долговечности Турции связано для нас с постановкой исторического вопроса о проливах и оценки всего значения их для нас с политической и экономической точек зрения.

Можно быть разных взглядов на счет того, следует или нет России стремиться к завладению проливами. Если мы поставим вопрос о потребных для сего жертвах и о ценности такого приобретения, то мы неизбежно натолкнемся на противоположение одних аргументов другим. На спорных базах нельзя обосновывать направление внешней политики в столь первостепенной важности вопросе.

За последнее время вопрос о проливах осложнился новыми условиями, которые, с одной стороны, усилили экономическое значение проливов для России, а с другой, — осложнили политические и стратегические трудности на пути к возможному завладению ими. Вопрос так и остается открытым, и единственное заключение, к которому можно притти в настоящее время,—это, что едва ли в России найдется ответственный политический деятель, который не признавал бы, что, в случае изменения существующего положения, Россия не может допустить разрешения вопроса вопреки своим интересам, иными словами, при известных условиях не может оставаться безучастной зрительницей событий.

Допустимо ли с точки зрения интересов России завладение проливами другим государством вместо Турции? Чтобы ответить на этот вопрос, следует предварительно оценить нынешнее положение—обладание проливами Турциею.

Сложный и трудный вопрос охраны проливов в настоящее время разрешается, в сущности, довольно удовлетворительно с точки зрения наших непосредственных интересов. Турция представляется не слишком сильным, но и не слишком слабым государством, не способным угрожать нам и в то же время вынужденным считаться с более сильной Россией. Самые недочеты Оттоманской империи, ее неспособность возродиться на правовых и культурных основах до сих пор служили нам на пользу, порождая то тяготение к православной России подвластных полумесяцу народов, которое составляет одну из основ нашего международного положения на Востоке и в Европе.

Как бы то ни было, но раз долговечность Турции не обеспечена, то нельзя не задаться вопросом о том, можем ли мы не готовиться к наступлению событий, которые в корне изменят положение Константинополя и проливов? Оставляя открытым вопрос о положительной ценности завладения и тем и другими, а также и потребных для сего жертвах, допустим [ли] для нас переход проливов в полновластное обладание другого государства?

Поставить этот вопрос—все равно что ответить на него отрицательно. Проливы в руках сильного государства—это значит полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству. Согласно объяснительной записке министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1914 год, торговый баланс России в 1912 г. был на 100 миллионов менее в сравнении с средним активным сальдо за предыдущие три года. Причиной этого м-во признает недостаточно удовлетворительную реализацию урожая; затруднение в вывозе хлеба помимо стихийных причин произошло вследствие временного закрытия Дарданелл для торговых судов всех наций. В связи с этим весной последовало также повышение государственным банком учета на $^1/_2\%$ для трехмесячных векселей. Таким образом временное закрытие проливов отразилось на всей экономической жизни страны, лишний раз подчеркивая все первостепенное для нас значение этого вопроса.

Если теперь осложнения Турции отражаются многомиллионными потерями для России, хотя нам удавалось добиваться сокращения времени закрытия проливов до сравнительно незначительных пределов, то что же будет, когда вместо Турции проливами будет обладать государство, способное оказать сопротивление требованиям России? И для этого не нужно, чтобы государство, владеющее проливами, обладало само по себе силой великой державы. Оно неизбежно приобретет эту силу, обосновавшись в проливах из-за исключительных географических условий. В самом деле, тот, кто завладеет проливами, получит в свои руки не только ключи морей Черного и Средиземного.

Он будет иметь ключи для наступательного движения в Малую Азию и для гегемонии на Балканах. Вследствие этого государство, заменившее Турцию на берегах проливов, по всем вероятиям, будет стремиться итти по дорогам, проторенным в былое время турками.

Выше указано было на недопустимость для нас такого рода чужого завладения проливами с экономической точки зрения. Но не представляется ли это столь же мало допустимым с точки зрения политической? Не создают ли указанные выше тенденции к гегемонии на Балканах и проникновению в Малую Азию неизбежность резкого антагонизма между всяким новым государством, которое стало бы на место Турции и России? Недопустимость для нас полновластного утверждения нового государства на проливах подала повод предположению о возможности избегнуть такого положения созданием нейтрализации проливов, со срытием с них укреплений и запрещением возводить новые. Едва ли, однако, подобная комбинация может быть признана удовлетворительной. Всякая правовая норма действительна лишь в мирное время. Когда же наступает война, то для своего ограждения она требует силу. Ведь война может начаться внезапным захватом их неприятелем, и самое отсутствие укреплений будет только способствовать подобной операции, успех коей и в настоящее время зависит в значительной мере от быстроты и неожиданности. Поэтому, если бы были даже найдены какие-либо условия, при коих признавалась бы возможность нейтрализации проливов, указанные выше соображения сделали бы для нас необходимым такое усиление наших военно-морских сил в Черном море, которое дозволило бы нам в любую минуту предупредить занятие проливов всякою иною державою.

В первый период Балканской войны, вместе с успехами Болгарии, одно время обрисовывалось стремление ее честолюбивых вождей к занятию Константинополя и утверждению гегемонии на Балканах.

Непомерное честолюбие Болгарии сплотило против нее ее недавних союзников и Румынию и закончилось ее поражением. Но едва ли возможно ожидать, чтобы Болгария помирилась с таким исходом. Не вероятнее ли, что она будет искать случая вернуть себе отнятое? Прежняя мечта о гегемонии и об утверждении на проливах может снова возродиться. При изменчивости счастья и неспособности Турции воспринимать удары судьбы, как уроки, никто не может определить дня и часа, когда Болгария вновь обрушится на своего соседа стремительным натиском, на который способны болгары и который может оказаться последним и роковым для Оттоманской империи.

Уже 30 лет прошло с того времени, когда державною волею покойного императора Александра III возродился Черноморский флот. Около 60-ти лет прошло со времени появления торгового пароходного движения на Черном море. Оба начинания связаны были с мыслью о мощи России, о возможном утверждении интересов наших на проливах. Сотни миллионов были истрачены на это дело, равно как и на содержание войск Одесского военного округа, призванного к совмест-

ным с нашим флотом операциям. Как известно, еще в 1895 году, в связи с армянскими избиениями, был поставлен вопрос о временном занятии Константинополя нашими войсками, с ведома и согласия наиболее опасного из возможных в то время для нас соперников—Англии. От плана этого пришлось отказаться по недостатку транспортных средств и несовершенству сухопутной мобилизации.

С тех пор прошло 18 лет. По-прежнему тратятся многие сотни миллионов и по-прежнему мы ни на шаг не подвинулись к цели. Строятся военные суда, отпускаются ежегодные крупные субсидии на поддержание торгового мореходства. Между тем, когда заходит речь о желательности той или иной крупной дессантной операции, правительство останавливается перед почти невозможностью ее осуществить.

В минувшем году, когда зашла речь о возможном движении наших войск на Константинополь, выяснилось, что в течение двух месяцев мы можем постепенно перевезти два корпуса, при чем приготовления по мобилизации транспортных судов и подвозу войск заняли бы столько времени, что операция не могла бы остаться ни для кого неожиданной. Иными словами, она просто оказалась неосуществимой, не говоря о том, насколько не соответствовала самая численность такой дессантной армии тем задачам, которые ей предстояло бы выполнить.

Впрочем, в настоящее время приходится говорить не только о невозможности серьезных активных выступлений против Турции, но о недостаточности наших оборонительных средств против морской программы, которая может быть осуществлена в ближайшее время Турциею.

На основании данных, в разное время полученных министерством иностранных дел, приходится притти к заключению, что в период 1914—1916 г.г. турецкий военный флот будет иметь преобладание над нашим в Черном море по качеству своих судов и силе их артиллерии. Относящиеся к этому данные сгруппированы в прилагаемой у сего записке, в которой сделана попытка указать соотношение между нашими и турецкими морскими силами в ближайшие годы. Морскому ведомству принадлежит, конечно, проверка точности приведенных в этой записке данных, которые почерпнуты частью из сведений, сообщавшихся печатью, частью в свое время приводившихся в различных донесениях императорского посольства в Константинополе и, наконец, из сообщавшихся в разное время министерству иностранных дел предположений нашего морского педомства.

Если даже в эти данные могли вкрасться какие-либо неточности, во всяком случае общее положение в ней, повидимому, соответствует действительности.

Едва ли нужно настаивать на том, насколько подобное положение может считаться допустимым. После громадных средств, израсходованных в течение ряда лет на создание мощной силы в бассейне Чер-

ного моря, Россия не может мириться с положением, при коем ее морское превосходство над Турциею может оказаться необеспеченным. Ежегодное ассигнование крупных государственных средств на дело обороны в бассейне Черного моря указывает на значение, которое придает ему правительство. Тем настоятельнее представляется необходимым пересмотреть новые условия, при коих нашим военно-морским силам на Черном море должны быть предъявлены определенные задания и намечены мероприятия для их выполнения. Россия не может ни допустить в настоящее время морского превосходства в Черном море, ни в будущем остаться безучастной к решению вопроса о проливах. Поручиться за то, что вопрос этот не будет поставлен в недалеком будущем, мы не можем.

Следовательно, государственная предусмотрительность требует от нас внимательной подготовки к выступлению, которое может потребоваться. Указанная подготовка не может не носить характера всесторонней планомерной программы с привлечением к работе различных ведомств.

Предстоит выяснить, что может быть предпринято для усиления нашей военной и морской мощи на Черном море? Какие мероприятия потребуются со стороны военного и морского ведомств для ускорения мобилизации, в связи с оборудованием новых путей сообщения и доведением наших транспортных средств до должных размеров? Какие задачи могут, в соответствии с этими средствами, быть намечены и в какое приблизительно время? Возможно или нет поставить в качестве задания нашей армии и флоту прорыв через проливы и занятие Константинополя, если бы этого потребовали обстоятельства?

Возвращаясь к упомянутой политической стороне подготовки, приходится вновь повторить, что распадение Турции не может быть для нас желанным, и что в пределах дипломатического воздействия должно сделать все возможное для отсрочки такой развязки...

В дальнейшей части доклада С. Д. Сазонова указывается на необходимость принятия ряда практических мер, а именно: 1) ускорения мобилизации предназначенных для десанта войск; 2) оборудования необходимых для этого путей сообщения; 3) усиления Черноморского военного флота; 4) увеличения транспортных средств на Черном море и 5) постройки перевальной жел. дороги через Кавказ».

В этом последнем отношении очень любопытно следующее замечание Сазонова: «Министерству иностранных дел приходилось до сих пор напрягать значительные усилия, чтобы отсрочить, по возможности, постройку Турциею железных дорог в соседстве с нашею границею. На долю русской дипломатии выпадает неблагодарная задача отстаивать концессии на бездорожье, в то время как все другие державы наперерыв предлагают Турции свои услуги по проведению и усовершенствованию путей сообщения». Такое положение вещей, по мнению Сазонова, долго продолжаться не будет, а потому надо усилить нашу ж.-д. сеть на Кавказе.

После этих замечаний С. Д. Сазонов продолжает:

«Таковы главные вопросы, которые ставятся на очередь при обсуждении будущности Малой Азии и тех мер внутреннего порядка, кои вызываются заботою об охране интересов России. Само собой разумеется, что наши военное и морское ведомства в праве в свою очередь поставить министерству иностранных дел вопрос о том, что может быть сделано для создания наиболее благоприятной политической обстановки при наступлении событий, могущих потребовать от нас решительных действий?

Повторяя высказанное в письме пожелание о возможно более длительном поддержании status quo, приходится также снова повторить, что вопрос о проливах едва ли может выдвинуться иначе, как в обстановке обще-европейских осложнений. Последние, если можно судить по нынешним условиям, застали бы нас в союзе с Францией и возможном, но далеко не обеспеченном союзе с Англией, или же доброжелательном нейтралитете этой последней. На Балканах мы, в случае обще-европейских осложнений, могли бы рассчитывать на Сербию, а может быть, и на Румынию. Отсюда выясняется задача нашей дипломатии—создавать условия для возможно большего сближения с Румынией. Работа в этом направлении должна быть столь же постоянной, сколь и осторожной и чуждой излишних увлечений. Положение Румынии на Балканах во многом схоже с положением Италии в Европе. Обе державы страдают мегаломанией и, не имея достаточно сил, должны пробавляться политическим оппортунизмом, высматривая, где в данную минуту сила, чтобы быть на ее стороне.

В заблаговременном учете сил было бы столь же опасно заранее полагаться на такие колеблющиеся факторы, как было бы неблагоразумно вовсе не считаться с ними.

В неустойчивости нынешнего положения на Балканах два фактора играют главную роль: первый из них, это—Австро-Венгрия, в которой усилилось племенное брожение, вызванное успехами сербов и румын и отношением к этому их единоплеменников в пределах Габсбургской монархии; второй фактор, это—невозможность для Болгарии примириться с тяжелыми последствиями Бухарестского договора.

Оба эти государства могут либо сплотиться в общей цели вновь перестроить Балканы, либо оказаться в противоположных лагерях, если Болгария получит надежду иным путем вернуть себе Македонию. Как ни трудна задача снова сплотить Сербию с Болгарией, но только при условии союза каждая из них может ставить себе дальнейшие национальные идеалы. Находясь во вражде, оба государства будут сковываться взаимным бессилием. Наоборот, Сербия может осуществить широкий идеал объединения всего сербского народа только в том случае, если ей не будет противиться в том или даже помогать Болгария, взамен возврата утраченной Македонии. Но нет сомнения, что и то и другое может случиться лишь, если Россия в это время будет также вовлечена в разрешение своих исторических задач

и будет с ними действовать, ибо предоставленные сами себе балканские государства неизбежно обречены на междоусобия, которые могут быть предотвращены только присутствием России, как руководящей активной силы.

Обо всех этих условиях приходится говорить не с точки зрения отвлеченных мечтаний, или увлечений миссиею России. Заглядывая вперед и отдавая себе отчет в том, что сохранение столь желательного для нас мира не всегда будет в наших руках, приходится ставить себе задачи не на один сегодняшний и завтрашний день, дабы не оправдать столь часто делаемого упрека в том, будто русский государственный корабль плывет по ветру и относится течением без твердого руля, направляющего его путь.

Сложные и ответственные вопросы, здесь затронутые, требуют всестороннего обсуждения для принятия тех или иных решений, с которыми могут быть сообразованы как внутренние наши мероприятия, так и дальнейшее направление нашей внешней политики.

Повергая на высочайшее благоволение изложенные выше соображения, приемлю смелость испросить всемилостивейшего разрешения вашего императорского величества подвергнуть их обсуждению особого совещания.

Сазонов».

(Продолжение следует).

Я. Захер.

С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине[1]).

XXI.

После катастрофы Нечаев был переведен 29 декабря 1881 года в камеру № 1—последнее его земное местопребывание. Камера № 1 находилась в так называемом малом коридоре лицевого фасада; в этот коридор выходили три камеры; никакого сообщения между этим малым, совершенно изолированным, коридором и большим не было. В № 2—была дежурная комната жандармов, и сидевшие в №№ 1 и 3 находились в абсолютном, полном одиночестве, без возможности войти с кем-либо в общение. Те же, кто сидели в камерах большого коридора, могли и не догадываться о том, что кто-нибудь есть и в малом коридоре. Так и случилось: при новом смотрителе, незабвенном штабс-капитане Соколове, при абсолютно новом составе равелинной стражи, Нечаев, посаженный в камеру № 1, подвергся изоляции настолько полной, что заключенные в 1882 году в равелине народовольцы и не подозревали об его присутствии в равелине. Нечаев точно сгинул, и только темные и зловещие рассказы ходили об его участи и об его судьбе.

Мирский оставался в № 13. Режим для того и другого первое время после катастрофы оставался без изменений. И Мирский и Нечаев читали книги—департамент полиции по-прежнему посылал им книги,—имели прогулку, пользовались сравнительно хорошим столом. Им отпускалось по 70 коп. в день—сумма по тому времени очень большая.

В ночь с 26 на 27 марта 1882 года произошло давно, со средины шестидесятых годов, невиданное наполнение Алексеевского равелина.

26 марта 1882 года директор департамента полиции сообщал коменданту С.-Петербургской крепости о том, что «вследствие полученных министром внутренних дел высочайших указаний, государственные преступники, судившиеся в феврале 1882 года в Особом присутствии Правительствующего Сената, по обвинению в тяжких государственных преступлениях, как присужденные к смертной казни, коим таковая заменена по высочайшему усмотрению бессрочной каторжной

---

[1]) См. Красный Архив, т. IV и V.

работой, так и приговоренные к таковой же работе на разные сроки Особым присутствием, подлежат впредь до особых распоряжений содержанию в тюремных помещениях С.-Петербургской крепости на положении преступников, содержащихся в центральных каторжных тюрьмах». Сообщив об этом, директор департамента полиции уведомлял коменданта крепости о том, что из числа этих арестантов: Александр Михайлов, Николай Колодкевич, Михаил Фроленко, Григорий Исаев, Николай Клеточников, Александр Баранников, Айзик Арончик, Николай Морозов, Мартын Ланганс и Михаил Тригони должны быть немедленно переведены в помещения Алексеевского равелина» и что «срок каторжных работ для приговоренных к срочным наказаниям должен исчисляться со дня получения настоящего сообщения».

Получив распоряжение департамента полиции, комендант крепости немедленно отдал и свои распоряжения. Заведующему арестантскими помещениями С.-Петербургской крепости майору Леснику он предписал «содержащихся в Трубецком бастионе осужденных преступников в числе 10-ти ночью 26 марта сдать под расписку отд. корп. жанд. штабс-капитану Соколову и из списков арестантов Трубецкого бастиона исключить».

Временно заведующему Алексеевским равелином штабс-капитану Соколову комендант предписал (№ 181, 26 марта 1882 г.) «ночью 26 марта принять из Трубецкого бастиона от майора Лесника и включить в отдельные покои названных выше 10 человек». Комендант преподавал в бумаге еще следующие наставления: «принятие и доставление в равелин означенных преступников должно быть произведено под личною вашею ответственностью с особою осторожностью и в совершенной тайне. В такой же тайне они должны быть содержимы и в равелине, отнюдь не называя их по фамилиям. При чем для усиления бдительности за преступниками предписываю прибавить посты, один в большом коридоре и один снаружи под окнами, внушив часовым отнюдь не останавливаться: первым у дверей камеры, а последним у окна, а иметь бдительное наблюдение посредством незаметного тихого движения: в коридоре по матам, а под окнами по земле, но не по плитному тротуару, и обо всем замеченном давать знать дежурному жандармскому унтер-офицеру для доклада смотрителю».

В тот же день 26 марта Ганецкий обратился к начальнику штаба отдельного корпуса жандармов с просьбой о прибавке с 27 марта к жандармской команде при Алексеевском равелине шести рядовых, ссылаясь в объяснении на то, что по особому экстренному распоряжению караул при арестантах равелина увеличился на два поста. Заключая свою просьбу, комендант подвел итоги численности жандармской команды, не лишенные интереса: со включением прибавки жандармская охрана равелина при 12 занятых камерах состояла из 1 унтер-офицера и 41 рядового.

В ночь на 27 марта распоряжение департамента полиции было исполнено. 27 марта комендант всеподданнейшим рапортом (№ 189) довел до сведения царя о переводе народовольцев из бастиона в равелин. В тот же день (№ 188) комендант уведомил директора, что осужденные государственные преступники «в ночь на 27-е марта при полном порядке и тишине переведены в Алексеевский равелин и заключены в отдельные покои с содержанием впредь до подробных указаний на общем основании заключаемых в равелин» [1]).

Церемониал перевода народовольцев завершился последней формальностью—предписанием от 16 апреля (№ 224) Соколову «принять от майора Лесника вещи преступников и хранить в цейхгаузе при равелине, проветривая по временам, и предъявить опись вещам и деньгам для отобрания расписки в правильности подсчета. Из этой описи видно, что в момент перевода у А. Михайлова было 47 р. 55 к., у А. Баранникова—419 р. 56 к., Колодкевича—55 р. 7 к., Тригони—135 р. 12 к., А. Аранчика—7 р. 55 к., Исаева—1 р. $53^1/_2$ к., Фроленко—44 р. $47^1/_2$ к., Н. Морозова—60 р. 10 к., Ланганса—29 р. 85 к., Н. Клеточникова—0.

Но помимо приведенного выше официального «отношения», заготовленного в канцелярии департамента полиции и только подписанного директором В. К. Плеве, в тот же день 26 марта из департамента в крепость пошла еще одна бумага: частное письмо Ивану Степановичу Ганецкому, написанное с начала до конца собственноручно Вячеславом Константиновичем Плеве и содержавшее указание интимного характера.

«Милостивый государь Иван Степанович! В дополнение к сообщению от сего числа по вопросу о перемещении некоторых арестантов в Алексеевский равелин, имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что переводимые арестанты, содержась на положении ссыльно-каторжных, подчиняются инструкции, составленной для содержания арестантов Веймара, Сабурова и Михайлова, относительно пищи и дисциплины, а также воспрещения книг, в прочем же содержатся на общем основании. Затем желательно, чтобы преступник Александр Михайлов содержался на той половине, где помещается известный арестант, при чем им обоим не следовало бы разрешать прогулки, остальные же арестанты могут быть размещены в длинном коридоре с условием, чтобы возле занятой уже камеры,

[1]) Комендант не разобрался в предписании департамента, и переведенные в равелин должны были быть подчинены тому же ссыльно-каторжному режиму, какому подчинены были заключенные в бастионе, режиму, установленному для Сабурова, Михайлова и Веймара. Подлинный текст инструкции по содержанию последних мне не известен. Комендант следующим образом излагает содержание этой инструкции: «преступникам кроме казенной пищи, установленной для подследственных политических арестантов, заключающейся из обеда и ужина, не будет допускаться никаких улучшений в пище и покупки каких бы то ни было лакомств на собственные их средства, при чем они лишены курения табаку, чтения книг, кроме св. Евангелия, и вести переписку».

по обеим ее сторонам, были посажены Исаев и Баранников. Примите, ваше высокопревосходительство, уверение в совершенном уважении и преданности. В. Плеве».

Это письмо требует некоторых пояснений. Известный арестант— это С. Г. Нечаев, уже изолированный в коротком коридоре равелина в № 1. Мы уже указывали, что в № 2 была дежурная комната, следовательно и сидевшие в №№ 1 и 3 находились в действительном одиночном заключении, не имея физической возможности сноситься с соседями. Впоследствии в № 3 сидел П. С. Поливанов, переведенный сюда за перестукивание с Щедриным. В своих воспоминаниях он оставил поразительное описание об ужасающем влиянии на душу этого абсолютного одиночного заключения, а пробыл он там всего $7^1/_2$ месяцев. Здесь было положено начало той душевной болезни, которая вызвала позже в Алексеевском равелине двукратное покушение на самоубийство. Нечаеву и Михайлову не сужден был хотя бы мгновенный перерыв абсолютного одиночества. Из своих номеров они уже не вышли. То невысказанное желание, которое руководило Плеве и было разгадано, конечно, комендантом, было желанием скорейшего исчезновения Михайлова из этого смертного мира.

Плеве поставил еще одно условие размещения: Исаев и Баранников должны были быть посажены по обеим сторонам занятой камеры. Речь идет о камере № 13, в которой сидел Мирский. Ясно, что департаменту полиции нужны были от Мирского еще услуги, вроде уже оказанной им. Очевидно, он должен был войти в сношения с своими соседями по камере и поделиться с начальством сведениями, которые он от них получил. Исаев, посредник в сношениях равелина с волей, был особенно любопытен департаменту полиции. Посредником же в сношениях Мирского с департаментом полиции был выбран майор Судейкин, который и появился в равелине 28 марта. К его появлению относится следующее письмо Ганецкого графу Н. П. Игнатьеву от 28 марта 1882 года (№ 196):

«Милостивый государь, граф Николай Павлович, начальник секретного отделения С.-Петербургского обер-полицеймейстера отдельного корпуса жандармов, майор Судейкин, сего числа явился ко мне и доложил о последовавшем со стороны вашего сиятельства разрешении к допущению его к арестантам Алексеевского равелина. Ввиду экстренности дела и переданного мне лично вашим сиятельством разрешения о допущении майора Судейкина в Алексеевский равелин, допустив его сего числа к одному из прежних арестантов, содержащемуся в № 13, долгом считаю иметь честь покорнейше просить ваше сиятельство о снабжении меня письменным разрешением на допущение названного штаб-офицера в Алексеевский равелин, так как, на основании существующих об Алексеевском равелине правил, в оный без особого высочайшего разрешения воспрещено впускать кого бы то ни было, кроме шефа жандармов».

Но министр внутренних дел знал порядки. Высочайшее разрешение Судейкину на посещение равелина было уже испрошено еще 20 марта, и о нем, по недосмотру канцелярии, комендант не был извещен. Доклад был составлен в следующих выражениях: «в видах более успешного ведения розыскного дела по обнаружению лиц, принадлежащих к тайному преступному сообществу, представлялось бы необходимым разрешить начальнику отделения канцелярии С.-Петербургского обер-полицеймейстера по охранению порядка и общественного спокойствия в городе вход в Алексеевский равелин для личного свидания с некоторыми, содержащимися в оном, государственными преступниками»...

Мирский продолжал оказывать услуги.

При такой постановке дела с содержанием этого письма неизбежно связывается и следующее письмо Ганецкого к Плеве от 25 мая 1882 года (№ 202), которое мы сейчас приведем, забегая несколько вперед в нашем изложении:

«Милостивый государь Вячеслав Константинович, благодаря сведениям, переданным вашим превосходительством смотрителю Алексеевского равелина штабс-капитану Соколову, относительно проектируемого содержащимися в Алексеевском равелине осужденными ссыльно-каторжными преступниками тайного между собою сношения посредством способов трудно уловимых при самом бдительном наблюдении, штабс-капитан Соколов все-таки нашел спрятанными в воротнике рубашки несколько ниток с узлами, заключающими в себе, как нужно полагать, разговорные знаки. Приказав Соколову означенные нитки вручить лично вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить, если и в них заключаются какие-нибудь условия или проекты о способе дальнейшего между арестантами тайного разговора, то не найдете ли нужным познакомить и с ними Соколова для дальнейшего наблюдения.

При чем прошу в том случае, если будет признано полезным, дать им возможность сноситься между собою означенным способом, то возвратить эти нитки Соколову для вложения в воротник рубашек с целью получения на них ответа».

А Соколов был прав в своих подозрениях. Он напал на «ниточную переписку». М. Р. Попов следующим образом описывает этот способ сношений:

«Дергали мы из холщевых портянок основу, сучили из этой основы нитку любой длины и затем при помощи навязанных на нитке узлов передавали слова точно так же, как передавались нами слова в стену».

О проектированном тайном сношении заключенных в равелине между собою директор департамента полиции В. К. Плеве—от кого же мог узнать? Кажется, нет сомнений,—что от того же Мирского, продолжавшего зарабатывать свой дессерт, свой улучшенный табак и чтение новых книг и журналов.

После отступления о тех мерах, которые были приняты высшим начальством и комендантом крепости при внедрении в равелин десяти новых узников, продолжаем документальный рассказ об установлении нового режима, того знаменитого режима смотрителя Соколова, смотрителя Ирода, о котором сохранились полные глубокого драматизма воспоминания Фроленко, Тригони и особенно Поливанова. Впрочем, было бы несправедливо всю честь по установлению нового режима отдать Соколову. Соколов сотрудничал в этом деле взапуски с Александром III, графом Д. А. Толстым, товарищем министра внутренних дел П. В. Оржевским, В. К. Плеве и И. С. Ганецким.

27 же марта Соколов получил от коменданта новое более подробное разъяснение о порядке содержания:

«В дополнение к предписанию 26 марта за № 186 предписываю:

1) Заключенных вчера в Алексеевский равелин 10 человек осужденных ссыльно-каторжных государственных преступников содержать на положении преступников, содержащихся в центральных каторжных тюрьмах, и согласно прилагаемых при сем правил.

2) Всем им немедленно обстричь волосы по форме, установленной для нижних чинов.

3) Одеть на них ссыльно-каторжное платье, которое принять по описи от заведывающего арестантскими помещениями майора Лесника.

4) Продовольствовать их на точном основании прилагаемого при сем расписания о пище, которую готовить в артели равелинной команды и подавать в следующие часы:

а) В 7 часов утра суточную дачу хлеба в $2^1/_2$ ф., надрезанную ломтями, или часть, потребную на завтрак, при чем подавать и соль в размере, потребном в сутки.

б) В 12 часов обед, заключающийся, как сказано в расписании, из супа или щей с четвертью фунта мяса в крошку и гречневой кашицы, а по средам и пятницам постный горох и гречневую кашу, которая должна быть подаваема и в воскресенье.

в) В 7 часов вечера ужин из одного приварка и

г) К обеду и ужину должен быть подаваем квас в жестяных кружках.

5) На прогулку в сад выводить по одиночке, по мере возможности, и не более как на $^1/_2$ часа [1]).

6) О всяких проступках и несоблюдении ими правил одиночного заключения докладывать мне для наложения взыскания и внесения в штрафной журнал, который и имеете получить из Управления.

7) Прилагаемые при сем правила о порядке содержания государственных преступников сбъявить лично и каждому, и

---

[1]) Арестант камеры № 1 и другой преступник, сидящий в одном с ним отделении, впредь до приказания на прогулку не выводятся. (Это — Нечаев и Михайлов. *П. Щ.*)

8) Войти в соображение о том, во что может обойтись пища для означенных арестантов в сутки, подразделив на постную и скоромную, и донести мне».

Таков был на бумаге новый режим Алексеевского равелина. Мы еще будем говорить о том, каков он был в действительности.

Теперь перед комендантом стал вопрос об исключительном режиме, на котором были до сих пор Нечаев и Мирский. Он казался коменданту вопиющим анахронизмом. При переходе на новый режим он по собственной инициативе уже ущемил Нечаева, лишив его прогулки, но осталось еще много особенностей привилегированного положения. Уже 29 марта в своем рапорте министру внутренних дел комендант указал на противоречие в суммах на пищевое довольствие: в то время как на каждого из новых десяти заключенных шло суточных по 24 коп., на Мирского и Нечаева шло на каждого по 70 коп.

А 30 марта комендант изложил свои сомнения в совершенно секретном письме к В. К. Плеве:

«Ввиду последовавшего распоряжения об изменении существовавшего в Алексеевском равелине до заключения в оном известных 10 человек ссыльно-каторжных государственных преступников порядка довольствия арестантов улучшенною пищею, заключающеюся из 3-х прихотливых блюд, признавая справедливым подчинить простой установленной для каторжных арестантов пище и прежних двух арестантов, как также ссыльно-каторжных и лишенных всех прав состояния, о таком моем включении имею честь сообщить вашему превосходительству, прося о последующем не оставить меня уведомлением».

К немалому, должно быть, изумлению коменданта мнение его не встретило одобрения, и Плеве писал Ганецкому 2 апреля:

«Вследствие письма от 30 минувшего марта за № 197 имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что по докладе мной господину министру внутренних дел, вашего, милостивый государь, предположения о подчинении прежних двух арестантов Алексеевского равелина общей пище, установленной для каторжных арестантов, его сиятельство изволил признать возможным продолжить содержание этих двух лиц на прежнем основании».

24—25 мая 1882 года разбирался первый процесс команды нижних чинов Алексеевского равелина во главе с смотрителем Филимоновым и его помощником Андреевым. Приговор, как мы знаем, был суровый: солдат—на разные сроки в дисциплинарный батальон, начальство—к лишению всех прав состояния и ссылке в Архангельскую губернию. Нечего и говорить о том, что главный винт во всем деле, главное действующее лицо, Нечаев, не токмо не вызывался к допросам, но даже и не был назван по фамилии: арестант № 5—и только.

После суда комендант крепости Ганецкий решил отбросить все сантименты по отношению к Нечаеву, сделать новую атаку на него и привести его скорейшим путем в состояние небытия. 27 мая он писал директору департамента полиции В. К. Плеве:

«Во время бывшего 24 и 25 текущего мая в крепости заседания военно-окружного суда по делу о лицах, обвиняемых в нарушении особых обязанностей караульной службы в Алексеевском равелине, из показаний подсудимых нижних чинов обнаружилось, что причиною преступных их деяний частию было то исключительное, так сказать, привилегированное положение арестанта № 5, которое, ввиду различных снисхождений и исполнений со стороны начальства всех его претензий и капризов, вызвало в них предположение, что означенный преступник есть не простой арестант, и затем какое-то безотчетное к нему послушание и страх.

Признавая вследствие сего необходимым лишить означенного преступника всякой возможности в будущем влиять на солдат равелинной команды, я, в предупреждение подобных случаев и происшедшего на-днях печального результата тяжкого наказания нескольких лиц, которые при других условиях содержания такого исключительного государственного преступника, как арестант камеры № 5, были бы далеки от скамьи подсудимых, полагал бы справедливым одеть его, по примеру других 10 осужденных преступников, в каторжную одежду, давать наравне с последними простую пищу и лишить чтения книг, кроме евангелия и библии.

Имея честь вновь заявить об этом вашему превосходительству,— прошу испросить разрешения его сиятельства г. министра внутренних дел на приведение сего в исполнение и о последующем не оставить уведомлением, присовокупляя, что чтения книг я уже лишил его».

2 июня комендант получил от Плеве извещение, что граф Игнатьев, министр внутренних дел, вполне одобрил предположение относительно дальнейшего порядка содержания известного арестанта.

Отныне Нечаев переходил на новый режим, а Мирский сохранял по-прежнему свой прежний режим с привилегиями.

XXII.

Заселение равелина шло следующим путем. 25 июня 1882 года директор департамента полиции В. К. Плеве уведомил коменданта о том, что арестант Трубецкого бастиона государственный преступник Макар Тетерка подлежит перемещению в Алексеевский равелин и содержанию на условиях, созданных для десяти народовольцев. 26 июня в 12 часу ночи «с соблюдением тайны» Макар Тетерка был переведен в равелин.

18 сентября в равелин были доставлены из Восточной Сибири Игнатий Иванов, Михаил Попов и Николай Щедрин. На некоторых обстоятельствах, сопровождавших их водворение в равелин, следует остановиться. В первых числах мая 1882 года из Карийской каторжной тюрьмы бежало восемь государственных преступников. Главное начальство Восточной Сибири обратилось в Петербург с просьбой перевести восемь ссыльно-каторжных преступников, как «обнаруживаю-

щих наиболее вредное влияние на своих товарищей» в центральные каторжные тюрьмы Европейской России. Департамент полиции приказал направить их в Петербург и уведомил коменданта, что пять человек—Дмитрий Буцинский, Меер Геллис, Людвиг Кобылянский, Иннокентий Волошенко и Павел Орлов—должны быть заключены в Трубецкий бастион, а Игнатий Иванов, Михаил Попов и Николай Щедрин—в Алексеевский равелин. 18 сентября карийцы были привезены в Петербург и немедленно доставлены в крепость и посажены по указанию. Но комендант оказался в недоуменном положении, о котором он и поведал Плеве 20 сентября:

«Восемь человек ссыльно-каторжных государственных преступников доставлены в ножных оковах и с признаками бритых голов, а *Николай Щедрин* и при тележке, которая была отцеплена от него и привезена в крепость испорченною.

Вследствие переданного подпоручиком отдельного корпуса жандармов Кандыбою распоряжения департамента государственной полиции о том, чтобы по доставлении Щедрина в крепость тележка была снова прикреплена к нему, я распорядился исправить ее и прикрепить вчера.

Так как при прикреплении означенной тележки посредством запора на ключ, имеющихся при оной ручных оков, Щедрин заявил, что в месте ссылки она была прикреплена к нему не так, как здесь, и что на ночь она будто бы была снимаема с него, то, ввиду сего и неимения в комендантском управлении никаких сведений по означенному предмету, я просил бы ваше превосходительство сообщить мне о том, как должна быть прикреплена тележка и в каких случаях снимаема с преступника.

Вместе с сим прошу уведомить, следует ли сказанным восьми ссыльно-каторжным преступникам брить головы и продолжать держать их в ножных кандалах».

Законник Плеве приказал справиться с законами. Оказалось: «По отношению к первому вопросу в законе (уст. о ссыл., т. XIV) указаний не имеется; в ст. 779 (изд. 1857 г. по прод. 1876 г.) говорится лишь о прковании к тачке, как об одном из видов наказания, к коему приговариваются бессрочные ссыльно-каторжные. Что же касается бритья головы и содержания в оковах, то на основании ст. ст. 555 и 556 (того же тома по прод. 1876 г.) арестанты, каторжные мужеского пола, во время содержания в острогах, для удержания от побегов, подвергаются бритью головы, каждый месяц один раз. В оковах же содержимы должны быть: бессрочные каторжные—в ручных и ножных кандалах, а срочные в одних лишь ножных».

Пришлось восходить на высочайшее имя. Был изготовлен доклад, в котором министр просил царя утвердить предположенное им разрешение вопроса:

«Принимая во внимание особые условия, коими сопровождается содержание государственных преступников в С.-Петербургской крепости (одиночное заключение и совершенное отсутствие общения

с посторонними лицами), я предполагаю уведомить коменданта крепости, что содержащиеся в Алексеевском равелине в Трубецком бастионе ссыльно-каторжные государственные преступники подчиняются существующему в названных местах заключения порядку, без применения действующих в Сибири правил содержания ссыльно-каторжных».

5 октября коменданту была отправлена соответствующая бумага и недоумение было разрешено. Только 9 октября были сняты оковы, и Щедрин был освобожден от тележки. Но Ганецкий не успокоился и вновь писал в департамент:

«Усматривая из статейного списка каторжника Щедрина, что тележка, к которой он был прикован, есть наказание, определенное ему по конфирмации временно-командующим войсками Восточного Сибирского округа, взамен смертной казни, за совершенное Щедриным в месте ссылки новое тяжкое преступление и что срок прицепления к нему тележки оканчивается лишь 22 марта 1883 года, — я долгом считаю обратить на это внимание вашего превосходительства в том случае, если Щедрин должен оставаться до истечения срока при тележке, и просить уведомить меня дополнительно».

Плеве пришлось указать коменданту на то, что решение относительно тележки Щедрина последовало на основании высочайших указаний.

В ночь на 17 ноября 1882 года в равелин был заключен Петр Сергеевич Поливанов. Пылкий и горячий юноша 23 лет, Поливанов вместе с Мих. Дм. Райко, еще более молодым юношей, 16 августа 1882 г. сделал смелую попытку освободить содержащегося в Саратовском тюремном замке М. Э. Новицкого. Попытка кончилась неудачно. Поливанов вынужден был стрелять и убить тюремного ключника, а затем все три были схвачены. М. Д. Райко был до смерти избит уличной толпой, П. С. Поливанов и М. Э. Новицкий были преданы временному военному суду, который 23 сентября приговорил их к смертной казни через повешение. Приговор военного суда утверждался командующим военным округом (в данном случае Казанским). И Новицкий и Поливанов подали прошения о помиловании. 25 сентября командующему была отправлена за подписью князя Имеретинского, начальника главного военно-судного управления, следующая телеграмма: «Предварительно конфирмации приговора по делу Новицкого, согласно особому высочайшему повелению вам следует войти по телеграфу в соглашение по сему предмету с министром внутренних дел». В исполнение этого предложения командующий войсками округа 10 октября телеграфировал: «Военный суд в Саратове, признав Поливанова виновным в умышленном убийстве ключника Колобова, приговорил обоих к повешению. Учрежденное в Казани особое присутствие оставило кассационные жалобы без последствий. Признавая с своей стороны Новицкого менее виновным, как не принимавшего собственно в убийстве никакого участия, полагал бы ограничить ему меру наказания по третьей степени—на работы в рудниках на 12 лет. Относительно Поливанова, хотя он заслуживает смертной казни, но во вни-

мание его молодости, раскаянию, прирожденной экзальтации от сумасшедшей матери и боевой службе старика отца, считаю возможным применить к нему первую степень—на работы в рудниках без срока». 11 октября 1882 года граф Д. А. Толстой ответил: «На телеграмму от 10 сего октября за № 2904 и согласно состоявшемуся высочайшему повелению, по коему дарование жизни осужденным преступникам может исходить лишь от монаршего милосердия, имею честь уведомить ваше превосходительство, что по делу Поливанова и Новицкого государь император соизволил на освобождение преступников от смертной казни с заменою сего наказанием, предположенным вами. Вследствие сего вашему превосходительству надлежит, конфирмовав приговор без всякого в оном изменения, объявить затем, что его императорское величество, по доведении о существе приговора до его сведения, высочайше повелеть соизволил даровать жизнь осужденным, заменив смертную казнь, по лишению всех прав состояния, Новицкому—ссылкой в каторжные работы в рудниках на двенадцать лет, а Поливанову—ссылкой в каторжные работы в рудниках без срока».

18 октября помилование было объявлено, и саратовский губернатор попросил о немедленном переводе из Саратова Новицкого и Поливанова. Новицкий был немедленно отправлен в Восточную Сибирь, а Поливанова ждала иная участь. Александр III заменил Поливанову смертную казнь ссылкой в каторжные работы в рудниках без срока, *однако с тем, чтобы он был заключен в Алексеевский равелин*. 29 октября Поливанов был уже доставлен в крепость и заключен в Трубецкой бастион. В равелине не было места. Комендант 29 октября уведомлял Плеве:

«По неимению в настоящее время в равелине ни одной пригодной к заключению комнаты, названный преступник, временно, впредь до приспособления таковой в Алексеевском равелине, заключен в Трубецком бастионе в келии под № 9, изолированной от других с одной стороны дежурною комнатою, а с другой лестницею, при чем он одет в установленную для каторжников одежду, включен в число арестантов, содержащихся на положении преступников центральных каторжных тюрем, и будет называться не иначе как №. Вместе с сим долгом считаю поставить ваше превосходительство в известность, что в Алексеевском равелине состоит всего *двадцать одиночных келий*, из которых 16 заняты арестантами, а остальные четыре, отопка которых производится не из коридоров, как в первых 16-ти, а с внутри, и которые не имеют прочных запоров и правильно устроенных вентиляторов, служат: две расположенные по разным фасам дежурными комнатами жандармских унтер-офицеров и две цейхгаузами. Из этих последних одну келью, расположенную по лицевому фасаду и занятую складом осветительных принадлежностей, я ввиду настоящей потребности признал возможным безотлагательно приспособить под помещение арестанта, устроив печь так, чтобы топилась из коридора. Об окончании означенных работ и о возможности перемещения вышеназван-

ного арестанта в Алексеевский равелин я буду считать долгом сообщить своевременно».

По окончании ремонта Поливанов был водворен в равелине.

Вот этот контингент и подвергся воздействию соколовского режима в полном его объеме, без каких-либо отмен. Прошло больше полутора лет со дня заключения Поливанова до нового пополнения равелина. В апреле 1884 года занадобились места. Секретарь коменданта Денежкин дал справку о количестве свободных камер в равелине. Их оказалось всего восемь. «Ввиду значительного числа подследственных политических арестантов, содержащихся в тюремном помещении Трубецкого бастиона», по докладу министра внутренних дел, Александр III приказал временно перевести из бастиона в равелин Меера Геллиса, Савелия Златопольского, Михаила Грачевского, Юрия Богдановича, Александра Буцевича, Егора Минакова и Ипполита Мышкина. В ночь на 29 апреля 1884 года все они были переведены в равелин.

День 4 августа 1884 года был последним днем равелина. Все заключенные в нем были переведены во вновь построенную тюрьму Шлиссельбургской крепости.

XXIII.

О жизни в равелине в 1882—1884 годах оставили свои воспоминания сидевшие в нем П. С. Поливанов, М. Ф. Фроленко, М. Н. Тригони и М. Р. Попов [1]). В дальнейшем изложении, в характеристике режима мы пользуемся преимущественно архивными данными, иллюстрируя их параллелями из воспоминаний. Для начала остановимся на бюджете тюрьмы.

Средства на содержание заключенных в Алексеевском равелине отпускало III отделение, а по его уничтожении—департамент полиции. Установился такой порядок. Комендант, «ввиду близкого прихода к окончанию суммы, выписанной (тогда-то III отделением) на содержание арестантов», просил сделать распоряжение о высылке на означенный предмет «примерно двести рублей». Эти двести рублей записывались на приход и расходовались по мере надобности. Комендант первого числа каждого месяца представлял главному начальнику III отделения или директору департамента полиции «краткую выписку о денежной сумме, отпускаемой на продовольствие и прочее содержание политических арестантов Алексеевского равелина». Вот, например, несколько выписок за то время, когда в равелине были только

---

[1]) П. Поливанов, Алексеевский равелин, СПБ. 1907, и новое издание, выпускаемое Гос. Изд. под редакцией П. Е. Щеголева; М. Фроленко. Милость. Из воспоминаний об Алексеевском равелине, в «Былом» 1906, февраль, и отд. СПБ. 1906; М. Н. Тригони, Из воспоминаний об Алексеевском равелине,—«Минувшие Годы», 1908, кн. 4; М. Р. Попов в его статьях о Н. П. Щедрине («Былое», 1906, декабрь) и И. Н. Мышкине (там же, 1906, февраль).

Бейдеман и Нечаев. За февраль 1874 года «поступило в расход на продовольствие двух арестованных по 50 коп. в сутки на каждого, на покупку лекарства, мыла и прачке за мытье и починку белья»—34 р. 17 коп. Вот расходы за февраль 1876 года: «на продовольствие двух арестантов по 70 коп. в сутки на каждого, на покупку гуттаперчевой кружки, лекарства, мыла и прачке за мытье белья и уплаченные за сделанную в одном из окон нумера раму с проволочной сеткой»—75 р. 10 к. Расходы за февраль 1876 года: «на продовольствие двух арестованных по 70 коп. в сутки на каждого, на покупку лекарств, мыла, курительных порошков, прачке за починку и мытье белья и уплоченные за вставку в одном из окон нумеров 12 матовых и простых белых стекол»,—всего 56 р. 60 коп. Стекла, должно быть, были выбиты или Нечаевым в один из его протестов, или Бейдеманом. Вот нелишенные интереса расходы за декабрь 1876 года: «на продовольствие двух арестованных по 70 коп. в сутки на каждого, на покупку лекарств, мыла и курительных порошков и уплоченные за переделку и за ковку кандал и прачке за мытье и починку белья»—50 р. 15 к. Кандалы в это время были на Нечаеве.

Справедливость требует сказать, что пищевой режим в 1879, 1880, 1881 годах, когда комендантом был барон Майдель, был удовлетворителен и как небо от земли отстоял от позднейшего народовольческого режима, проводившегося Ганецким и Соколовым. Накануне нового 1881 года барон Майдель дал смотрителю равелина следующее либеральное предписание:

«В видах разнообразия в продовольствии пищею заключенных в Алексеевском равелине предписываю с 1 января 1881 года готовить им обед по прилагаемому при сем расписанию, при чем на остальные деньги, которых должно оставаться от приготовления обеда ежедневно не менее 80 коп., покупать к столу хлеба, подавать два раза в день утром и вечером чай с булкою в 3 к., с четырьмя кусками в каждый раз сахару в таком размере, чтобы его было достаточно на два стакана в накладку. Кроме того покупать из особо назначаемой в меру надобности в ваше распоряжение суммы для курящих арестантов по фунту табаку ценою в 1 рубль и по 500 гильз в месяц, которые и класть каждому в келью ежемесячно первого числа вместе с потребными ватою и палочкою для набивки папирос. Табак должен быть выдаваем в картузе целым нетронутым фунтом, но распечатанным. Последнее должно делаться в тех единственно предостережениях, чтобы в картузной бумаге не могло случиться никаких побочных предметов. При чем в случае затруднения, по неумелости состоящего в Алексеевском равелине повара, готовить все из значущихся в росписании блюд, разрешаю брать в первое время, для содействия в приготовлении пищи, из арестантской кухни солдата местной команды Ивана Чуракова».

Рядовому Чуракову за труд по обучению поварскому делу находящегося при равелине повара-солдата было выдано в награду пять рублей, а выучившемуся поварскому делу равелинному солдату еже-

месячно выписывалось «за труды и усердие по приготовлению стола для арестованных» по три рубля. Нельзя не отметить постоянной в это время статьи расхода на табак, гильзы, мыло, курительную бумагу. Так продолжалось до перевода народовольцев в равелин. Они не знали уже никаких поблажек, никакого мыла, табака, гильз, никакой курительной бумаги. На продовольствие—24 копейки в день на человека и больше ничего. В случаях болезни ничтожная трата на лимон, чеснок, молоко. Их режиму был подчинен и Нечаев. Один только заключенный в равелине был свободен от подчинения этому режиму. И никто из его товарищей не знал о его привилегиях. Мирскому, по-прежнему, отпускалось на продовольствие по 70 коп., а немного позже даже по рублю. По-прежнему приобретались для него ежемесячно фунт табаку (один рубль фунт), гильзы для 600 папирос и фруктов (на рубль, два). И в то время, как рядом умирали по камерам от цынги и от голодания, Мирский курил свои папиросы и кушал свой дессерт.

Вот несколько расходных записей за народовольческий период. Расходы за первый месяц сидения—апрель 1882 г.: «на продовольствие арестантов по 70 к. в сутки за 72 дня 50 р. 40 к. и по 24 коп. в сутки за 40 дней 9 р. 60 к., на покупку: фрукт на 80 к., пасхи, кулича и яиц—2 р. 60 к., гильз для папирос 600 шт. 42 к., мыла 3 ф.—42 к., веников для бани 20 шт. 30 к., чайник фарфоровый 35 к., гребенок 2 шт. 40 к., щеток половых 2 шт. 1 р. 80 к., кружек глиняных 6 шт. 80 к., ложек деревянных 12 шт. 18 к., умывальников 12 шт. и тарелок 18 шт. 69 р. 80 к., за починку сапог 80 к., прачке за мытье белья 3 р. и повару за труды и усердие по приготовлению стола для арестованных 3 р., а всего сто сорок четыре рубл. семьдесять семь коп.».

А вот экстраординарный расход: «По предписанию коменданта крепости от 18 декабря за № 522 выписаны в расход употребленные на приобретение 6 суконных халатов, 2 пары суконных брюк, 30 пар подштанников, 4 дюжины нитяных носков, 2 дюжины салфетов, 2 дюжины носовых платков, 2 пары кожаных сапог, 12 пар кожаных башмаков, 12 переносных ватер-клозетов с цинковыми ведрами, и для помещения смотрителя, находящегося в равелинном доме: письменный стол, диван, дюжина стульев и лампа всего триста пятьдесят рубл.». Всего на содержание заключенных (в том числе и на кабинет смотрителя) в 1882 году израсходовано 2.034 руб. 19 коп.

Расходы за январь 1883 года: «За продовольствие арестантов за 31 день по 1 рублю и 465 дней по 24 коп. в день, на покупку фрукт, табаку 1 ф., гильз 600 шт., лимонов 16 шт., молока 173 бут., чесноку, прачке за стирку и починку арестантского белья и выданные повару за труды и усердие по приготовлению стола для арестантов всего 186 р. 28 к.

Расходы за август 1883 года: «за продовольствие арестантов за 387 дней по 30 к., на покупку для больных арестантов по рецептам доктора молока 195 бут., лимонов 30 шт., чесноку, промывательного клистира, гуттаперчевой подушки, чаю и сахару, за стирку и починку

арестантского белья и башмаков, на покупку клеенки и бумаги и выданные повару за труд и усердие по приготовлению стола для арестантов, всего 165 р. 33 к.». Всего на содержание заключенных равелина израсходовано в 1883 году 1.903 р. 27 коп.

Вот последняя запись расходов на четыре дня августа месяца 1884 года—на содержание и на отправку в Шлиссельбургскую крепость: «на продовольствие арестантов по 30 коп. в сутки за 23 дня 6 р. 90 коп, на покупку говядины в отправку с арестантами 15 ф. 1 р. 89 к., хлеба 23 ф. 46 к., соли 4 ф. 7 к. и за стирку арестантского белья 2 р. 60 к., а всего 11 р. 92 к.». Всего в 1884 г. вышло на заключенных 1.002 р. 77 к.

Всего за время с 1 января 1882 года по 4 августа 1884 года (946 дней) отсижено в равелине 11.653 дня, истрачено же 4.940 р. 23 к. День тюремной жизни обошелся в 42 к. с лишним.

XXIV.

Переходя к административному укладу равелина, мы должны, прежде всего остановиться на смотрителе.

Соколов Матвей Ефимович «Ирод». По формулярным данным, не дающим иногда ясного представления, родился в 1834 году, происходил из мещан Каменец-Подольской губернии, вероисповедания православного, а «воспитывался» в Саратовском батальоне военных кантонистов. Формуляр как будто не дает указаний на еврейское происхождение Соколова, о котором определенно говорят и Поливанов, и Панкратов. Но батальон кантонистов обычно покрывал еврейское происхождение. Воспитание Соколова закончилось рано, ибо на семнадцатом году он уже был рядовым в 4 учебном карабинерном полку (этот полк в 1855 году был переименован в 4-й стрелковый батальон). Отсюда рядовым же он был переведен в стрелковый батальон императорской фамилии. Только через восемь лет Соколов был произведен в унтер-офицеры. Выделяться по службе он начал во время польского мятежа: за отличие в делах с польскими мятежниками под Монтвидовым получил в августе 1863 года знак отличия военного ордена св. Георгия. В 1865 году Соколов меняет специальность: для пользы службы его переводят в Виленскую уездную жандармскую команду. По этой должности «за особые заслуги» он получает знак отличия св. Анны с бантом. В 1866 году он был переведен в Лидскую уездную жандармскую команду и в октябре этого же года он был выбран (по высочайшему повелению, сообщенному в предписании начальника штаба корпуса жандармов от 6 октября 1866 г. за № 3631) для исполнения особых поручений при III отделении с зачислением в С.-Петербургский жандармский дивизион. Через девятнадцать лет от начала службы, в 1870 году Соколов получил первый офицерский чин прапорщика. Попав в корпус жандармов и в III отделение, Соколов оказался на своем месте и стал делать карьеру. К моменту назначения в Алексеевский равелин он состоял в должности смотрителя

дома штаба корпуса жандармов, имея чин штабс-капитана (с 20 апр. 1880 года), был уже кавалером Анны 3-й степени и получал неоднократно единовременные денежные пособия «во внимание отлично-усердной службы и недостаточного состояния». После временного исправления должности смотрителя был утвержден в ней 8 мая 1882 года В этой должности он был произведен в капитаны (15 мая 1883 года). Содержание Соколов получал в следующем размере: жалованья по чину 339 р., столовых—980 р. 70 к., добавочных (из департамента полиции)—1.000 руб., на наем казенной прислуги 96 р. Всего 2.415 р. 70 коп. С закрытием равелина он был назначен смотрителем Шлиссельбургской крепости.

«Память о Соколове,—говорит В. Н. Фигнер,—живет в нас, побывавших в его руках, и, можно надеяться, останется в умах тех, кто когда-либо будет интересоваться эпилогом борьбы «Народной Воли» против самодержавия, тем мрачным эпилогом—настоящим синодиком, который записан на страницах истории Шлиссельбургской крепости», и (добавим от себя. *П. Щ.*) на последних страницах истории Алексеевского равелина. Образ Соколова рисовали все писавшие о своих тюрьмах узники, и он, как живой, стоит перед нами, чьи бы мемуары мы ни взяли. Вот характеристика, сделанная В. Н. Фигнер: «Настоящая сторожевая собака, неусыпный цербер, подобный трехголовому псу у ворот Тартара, и, как тот охранял вход в ад древних греков, так и он сторожил тюремный ад нового времени. Он служил не за страх, а за совесть, и любил свое дело—гнусное ремесло бездушного палача. Его готовность итти в своей профессии до конца выразилась вполне в одной угрозе, сказанной при соответствующем случае: «Если прикажут говорить заключенному: «ваше сиятельство»—буду говорить «ваше сиятельство». Если прикажут задушить—задушу»... К исполнению своих обязанностей он относился с такою ревностью, что никаким жандармам не доверял наблюдения над узниками... Широкая мускулистая рука его ни на минуту не выпускала связки ключей от камер: ежедневно собственноручно он отпирал и запирал как их, так и дверные фортки при раздаче пищи, зорко следя за каждым жестом своих подчиненных». А вот как рисует его Поливанов: «Первое, что меня в нем поразило, это было выражение его глаз. До сих пор я не видел ничего подобного никогда и ни у одного человека. Они поразительно походили на глаза крупных пресмыкающихся. Тот же холодный блеск, то же самое отсутствие мысли. То же самое выражение тупой, безжалостной злобы. В этих глазах ясно читалось, что их обладателя ничем не проймешь, ничем не удивишь, ничем не разжалобишь, что он будет так же хладнокровно и так же методически душить свою жертву, как боа-констриктор давит барана. Отталкивающее впечатление, производимое этим человеком, еще более усиливали щетинистые подстриженные усы, выдающийся бритый подбородок и все его ухватки, напоминавшие не то мясника, не то палача, каковые звания очень шли к его плотной, коренастой фигуре с молодецки выпяченной грудью

и широкими ручищами, толстые пальцы которых находились в постоянном движении, как бы отыскивая себе работу».

Под стать Соколову была и вся его команда. После Нечаевской катастрофы в равелине служили только жандармы, присланные сюда по особому отбору. Они были вышколены Соколовым в самой превосходной степени. «Нужно было удивляться мелочной точности, с какой жандармы исполняли все предписанные начальством меры, направленные к пресечению и предупреждению чего-либо подобного тому, что здесь завелось было при Нечаеве»,—пишет Поливанов. Нужно сказать, что ключи от камер и форточек были у Соколова, и без Соколова жандарм не мог войти к заключенному. А сам Соколов почти не выходил из равелина.

На отлучку, хотя бы самую кратковременную, из Алексеевского равелина смотритель испрашивал разрешение коменданта всякий раз записками трафаретного содержания, вроде следующей: «испрашиваю разрешения вашего высокопревосходительства отлучиться из Алексеевского равелина завтра 1 января от $12^1/_2$ до 3 часов пополудни». Комендант писал на записке: «уволить Соколова и заменить его подпоручику Андрееву». В деле № 11 управления коменданта по Алексеевскому равелину о временных отлучках и болезни смотрителя Алексеевского равелина (началось 31 декабря 1881 г. и кончилось 2 февраля 1882 г.) за время с 1 января по 1 апреля 1882 находим 12 записок Соколова. Соколов за 3 месяца отлучался из равелина 12 раз (1, 7, 13, 20, 26 января, 9, 20, 24 февраля, 3, 10, 20, 30 марта), в общей сложности на 52 часа. Случилось Соколову заболеть. Он обратился 23 ноября с рапортом: «заболев сего числа возвратной горячкой, службу е. и. в-а исполнять не могу, о чем и имею честь донести вашему высокопревосходительству». Заменен Соколов был прикомандированным к коменд. управлению отд. корп. жанд. поручиком Яковлевым (будущим комендантом Шлиссельбургской крепости). Яковлеву было дано следующее совершенно секретное предписание:

«По случаю болезни смотрителя равелина, штабс-капитана Соколова, предписываю вашему благородию вступить в заведывание Алексеевским равелином на точном основании инструкции и предписаний и, приняв заключенных преступников, которые в настоящее время числом шестнадцать чел., равно ключи от их камер, инструкцию, предписания, команду нижних чинов, вещи, деньги и проч. в свое ведение, ключи от арестантских камер хранить лично при себе и входить в них только в известные часы, как-то: для выхода на прогулку в сад при доме, для подачи обеда и ужина, непременно при дежурном жандармском унтер-офицере, отнюдь не называть арестантов по фамилии и без разрешения моего ни под каким предлогом не отлучаться из равелина. При чем я убежден, что вы, ввиду особенной важности вверяемого вам поста, к исполнению должности смотрителя отнесетесь с полным вниманием и сохраните в строжайшей тайне содержащихся в равелине».

О столь важном событии, как болезнь смотрителя, комендант уведомил сейчас же и В. К. Плеве. Но Соколов, верный слуга, сознавал, что он болеть не должен, и уже 9 декабря донес коменданту, что, «получив облегчение от болезни, службу е. и. в. нести может».

XXV.

В Музее революции, в витрине хранится большая толстая, в выцветшем переплете «книга для записывания смен постов караула в Алексеевском равелине» за 1882 год. Эта книга была заведена Соколовым по всем правилам искусства. На первом листе этой книги читаем, за подписью коменданта, следующие указания:

«В книгу эту должны быть вписываемы:

1. Все нижние чины, наряженные в суточный караул и дежурство по Алексеевскому равелину с точным указанием: а) постов и смен часовых, б) начальника караула и разводящего; в) дежурного и поддежурного жандармских унтер-офицеров, а также патрулей с объяснением, кем и в какие часы были делаемы обходы.

2. Посещающие равелин начальствующие лица, имеющие на то право, с указанием времени входа и возвращения их из равелина.

3. Выпускаемые из равелина в Васильевские ворота и впускаемые обратно нижние чины Алексеевского равелина с указанием часов.

Все это должно быть вписываемо рукою начальника караула, а по безграмотности его, дежурным по равелину жандармским унтер-офицером и свидетельствуемо подписью смотрителя Алексеевского равелина».

Эта книга—дневник жизни равелина с 1 июля 1882 года по 31 декабря 1883 года, жизни, такой же точной, размеренной и разграфленной, как листы постовой книги. Верхняя часть страницы фиксирует караульную службу. На первом месте записываются караульный начальник и разводящий, а затем постовые, которые дежурили по 8 часов (три смены в сутки). Наружные посты были «у фронта» (лицевой фасад равелина) и сзади бастиона 2 и 3 фаса. Внутренних постов в коридорах было три—в первом коридоре от № 1 до № 3, во втором коридоре от № 4 до № 10 (а с 22 сентября до № 13), в третьем коридоре от № 11 до № 17 (а с 22 сентября от № 14 до № 19). Кроме постоянного дежурства был еще по вечерам и ночью (4—6 раз) обход патрулей. В средней части листа отмечались имена и фамилии выпускаемых (и впускаемых) из равелина через Васильевские ворота нижних чинов с указанием часов и минут времени увольнения и прибытия. На нижней странице листа укладывалась вся остальная часть жизни равелина. Не записывалось только время прибытия и убытия самого смотрителя равелина. Самым точным и скрупулезным образом, с обозначением минут, вписывались все посещения равелина: «Был впущен местный доктор Вильмс. Время прибытия $2^{3}/_{4}$ часа дня, время выбытия—3 часа 5 мин.»—«Был впущен в равелин помощник смотрителя

поручик Яковлев. Время прибытия—в 1 час дня; время выхода—в 3 часа 40 мин. дня». Вот запись 28 декабря 1882 года. Были впущены в равелин: «Священник Преображенский (к арестанту, содержащемуся в № 9). Время прибытия—12½ часа дня; время выбытия—1 ч. 37 м. дня и для осмотра мусорных ям и отхожих мест вахтер Пестриков и колонист СПБ. губернии Иван Иванов. Время прибытия—2 ч. 35 мин. дня; время выбытия—2 ч. 45 м. дня». Все рабочие и мастеровые, призывавшиеся для ремонта, все отходники, фонарщики, трубочисты,—все заносились в книгу.

По этой книге можно видеть, как редко посещался равелин начальством. Трафаретная запись (с сохранением орфографии): «Посѣщеніе Равелинъ Начальствующими лицами не было». Первая запись о начальственном посещении была сделана 18 июля 1882 года. Дело представляется так. Новые порядки, новый режим действовал в полном объеме. Со времени заключения народовольцев прошло уже 3½ месяца. Зачинатели режима испытывали, очевидно, потребность в личном удостоверении воздействия режима. И вот в ясный солнечный день 18 июля в 3 часа 35 минут пополудни в равелин прибыли министр внутренних дел граф Толстой, товарищ министра внутренних дел Оржевский, директор департамента государственной полиции Плеве, комендант крепости генерал-адъютант Ганецкий и секретарь коменданта Денежкин. Вышли начальствующие лица из равелина в 4 часа пополудни. Значит пробыли они в равелине всего 25 минут. Вспоминавшие о равелине Фроленко и Тригони об этом посещении не вспомнили и не могли вспомнить, потому что они их не видали. Начальствующие лица двигались бесшумно по коридору и засматривали в глазок. Для удовлетворения их любопытства этого было достаточно.

Первое, заметное для заключенных, посещение равелина состоялось только в 1883 году, когда новый режим уже дал прочные ростки—безнадежные болезни.—Оржевский посетил равелин 8 и 14 июля. Комендант Ганецкий (без высшего начальства) бывал в равелине очень редко. В 1882 году в книге помечено три посещения Ганецкого: 13 сентября (12¼—12½ ч. дня), 17 ноября (10¾—11¼ ч. дня), 21 ноября (3¾—4 ч. дня) и в 1883 году всего три посещения 7 февраля (11 ч. 10 м.—11 ч. 55 м. дня), 14 июня (2 ч. 35 м.—3 ч. 40 м.) и 30 июля (10 ч. 40 м.—11 ч. 10 м. дня—был вместе с крепостным инженерным генералом Старковым).

На некоторых других посещениях, отмеченных в книге, мы еще остановимся, а сейчас обратим внимание на встречающиеся изредка отметки вроде следующей—16 окт. 1882 г.:

«Принята в равелин личность»...

Время прибытия.	Звание личности.	Время выбытия.
В 11 ч. веч.	Личность (одна).	

Прибыла личность в 11 ч. веч. и не выбыла...

Это прибавился новый заключенный—Петр Поливанов.

Впрочем иногда отмечалось и время «убытия». Например, запись «Убыла личность из № 8 в 11 час. вечера» относится к смерти Ланганса. Или такая запись 13 июля 1883 года о смерти Клеточникова:

Время выбытия	Выбыл арестант
в 11¼ ч. в.	из № 6 умершим.

Жуткое впечатление производят листы постовой книги, вводящие жизнь «личности» в разграфленную клетку.

XXVI.

В пункте № 7 инструкции присяжным унтер-офицерам дома Алексеевского равелина указывалось, что посещать арестованных в равелине могут еще «доктор и один из священников», но с следующими оговорками: «не иначе, как при бытности смотрителя». Доктор и священник входили к арестованным в крайнем случае, первый для подания медицинского пособия и последний для исполнения обряда говения и всегда с личного приказания коменданта. По отношению не только к доктору и священнику, но и к другим, имеющим право посещения, т.-е. коменданту и шефу жандармов, в пункте 8 названной инструкции содержалось следующее предписание: «дежурный присяжный сопровождает означенных лиц до самого нумера и все время остается при арестованном, если не последует приказания через смотрителя выйти из нумера, тогда он, оставив арестованного, ожидает возвращения помянутых лиц за дверями».

В инструкции идет речь о разрешении допускать священника в равелин *только для выполнения обряда говения* всякий раз с личного приказания коменданта. Вообще же священнику вход не был дозволен. В 1866 году (4 октября III отделение—коменданту, № 2903) за услуги, оказанные протоиереем Полисадовым в деле склонения Каракозова к признанию, Александр II разрешил «допускать во всякое время к содержащимся в равелине арестантам протоиерея Полисадова для духовного назидания арестантов и для исполнения духовных треб». Таким образом право посещения камер равелина было дано лично Полисадову, но не священнику вообще. До 1871 года священники допускались только с высочайшего соизволения, а с 1871 года было разрешено допускать в равелин священника Дмитрия Флоринского с разрешения шефа жандармов (20 мая 1871, № 1377, III отделение—коменданту). Посещение заключенных было, таким образом, личной привилегией того или другого священника. Есть все основания думать, что за весь долгий период, когда в равелине сидели только двое, Нечаев и Бейдеман, священник не входил в тюрьму ни для бесед, ни для исповеди. В его услугах не было нужды: Бейдеман был сумасшедшим, а Нечаев был убежденным атеистом.

Впервые, после долгого перерыва, священник появляется в 1882 году, когда равелин был заселен народовольцами. Отрезанные от всего

мира, народовольцы должны были искать всеми путями сношения с внешним миром, с живыми людьми, не принадлежащими к составу охраны. И священник мог оказаться отдушиной, и он мог сообщить что-нибудь или «проговориться» о том или ином событии и т. д. Таков был взгляд заключенных народовольцев на приглашение священника. Так объяснял нам это дело в личной беседе и Николай Александрович Морозов.

Начало сношений с священником было положено соседом Н. А. Морозова по камере Тригони, но сношения привели к неожиданным результатам, о которых мы узнаем из совершенно секретного письма коменданта к Плеве от 22 декабря 1882 года за № 526:

«Милостивый государь Вячеслав Константинович. К одному из заключенных в Алексеевском равелине, осужденных ссыльно-каторжных преступников, именно к Михаилу *Тригони*, согласно его убедительной просьбы, основанной на желании исповедаться, был допущен избранный мною священник Петропавловского собора Сергей Преображенский, который, пробыв у него около получаса, доложил мне, что преступник, с которым он вел духовную беседу, большею частию касался догматов православной церкви и ее учений и некоторых внешних сведений, так, например, была ли коронация, но о желании исповедаться ничего не заявил.

При чем священник Преображенский, по поводу замеченной им в камере библии и св. евангелия, коснулся в разговоре со мной о том, что чтение библии и св. евангелия мало верующими и незнакомыми основательно с догматами православной церкви, без предварительного чтения учений о боге—Иисусе Христе, как спасителе мира, и его апостолах, не может повлиять на душу заблудшего так, как бы чтение других духовных сочинений, издаваемых при С.-Петербургской Духовной Академии, как например: «Христианское Чтение», «Историко-критический обзор новейшего западно-европейского социализма» и проч.

Ввиду того, что до сих пор заключенным в Алексеевском равелине и в Трубецком бастионе осужденным ссыльно-каторжным арестантам, как находящимся в разряде испытуемых, кроме св. евангелия и библии, не даются для чтения никакие другие духовно-нравственные книги, долгом считаю о таковом заключении о. Сергия сообщить вашему превосходительству на тот конец, не последует ли распоряжения на дозволение сказанным арестантам-каторжникам давать для чтения, кроме библии и св. евангелия, и другие священные или духовно-нравственные книги по выбору допускаемого к ним священника».

Ходатайство коменданта было удовлетворено, и круг чтения заключенных расширился; к евангелию были прибавлены духовно-нравственные и душеспасительные книги. Итог совсем небольшой!

Перед пасхой 1883 года узники равелина решили произвести организованное нападение на крепостного священника.

25 февраля комендант писал Плеве:

«Из числа заключенных в Алексеевском равелине государственных преступников десять человек, именно: Михайлов, Поливанов, Клеточников, Исаев, Морозов, Фроленко, Иванов, Баранников и Тетерка—православного вероисповедания и Ланганс—лютеранского желают исполнить обряд говения в предстоящем великом посту.

Предположив возложить совершение молитв, затем исповедать и приобщить означенных арестантов св. таин, каждого порознь в своих келиях, на священника Петропавловского собора Сергия Преображенского, как допускавшегося уже в равелин для духовных бесед с арестантом Тригони, я тем не менее долгом считаю просить ваше превосходительство уведомить, не может ли встретиться к сему какого-либо препятствия со стороны департамента государственной полиции. Что же касается Ланганса, то ввиду того, [что] для него, как лютеранина, требуется стороннее духовное лицо, до сих пор никогда, как видно из дел комендантского управления, не допускавшееся, то обстоятельство это имею честь представить на разрешение г. министра внутренних дел».

5 марта Плеве уведомил коменданта, что к допущению православного священника в равелин препятствий не встречается, а допущение «лица лютеранского исповедания не признается удобным». В тот же день комендант просил священника Преображенского «принять на себя труд совершить молитвы, исповедать и приобщить св. таин сих арестантов, каждого порознь в своих келиях, обратясь за указанием их к смотрителю равелина, и, по исполнении сего, мне доложить. При чем обязываюсь присовокупить, что арестанты, содержащиеся в равелине не должны быть оглашаемы и потому, если при духовных с ними беседах, вам сделаются известными их фамилии, то, конечно, сохраните это в тайне».

В 1884 году повторилась комедия с исповедью, но на этот раз уже не десять, а пять человек «изъявили желание на первой неделе великого поста исполнить обряд говения». Очевидно, надежды на священническую информацию сильно потускнели. Опять был приглашен священник Преображенский. При чем смотрителю было дано следующее предписание от 19 февраля 1884 года:

«Предложив священнику Петропавловского собора Преображенскому на первой неделе великого поста совершить молитвы, исповедать и приобщить св. таин тех арестантов Алексеевского равелина, которые изъявили желание говеть, предписываю допустить названного священника оставаться в келиях означенных арестантов наедине, с тем, чтобы двери келий в это время были полуоткрыты и наблюдение за действиями арестанта было производимо вами из коридора. Пища как для говеющих, так и для остальных арестантов в течение первой и страстной недели должна быть постная, преимущественно рыбная, и о том, что будет готовиться, представить мне расписание на всю неделю».

Вот и меню постного стола, меню, которому можно дать заголовок «то, чего не было»:

«*Расписание.* Для арестантов, содержащихся в Алексеевском равелине, пища постная в течение первой недели великого поста.

Понедельник. Щи со свежими снитками и пшенная каша с подсолнечным маслом.

Вторник. Суп перловый с грибами и жареная рыба с картофелем.

Среда. Картофельный суп с головизной и гречневая каша с подсолнечным маслом.

Четверг. Манный суп со свежими снитками и жареная рыба с картофелем.

Пятница. Щи с головизной и макароны с подсолнечным маслом.

Суббота. Суп пшенный со свежими снитками и жареная рыба с картофелем».

XXVII.

До введения «народовольческого» режима на продовольствие заключенных (Мирского и Нечаева) отпускалось по 70 коп. в день; вновь прибывшим—только по 24 копейки. 24 копейки по тому времени была порядочная сумма, и на нее можно было бы порядочно кормить, но смотритель экономил еще в свой карман, и вот описание пищевого довольствия, которое мы берем из воспоминаний М. Н. Тригони:

«В течение года с месяцами обед наш состоял из оловянной миски мутной жидкости, в которой плавали несколько микроскопических кусочков жил и зеленых обрезков кислой капусты, и маленькой тарелочки гречневой кашицы, приготовленной в виде жидкого клейстера, на котором плавало несколько капель сала, от которого несло запахом сальной свечи. На ужин давали те же щи, с тою лишь разницею, что в них отсутствовали кусочки жил. Это в скоромные дни; в постные же дни, т.-е. в среду и пятницу, давали гороховый суп или, лучше сказать, намек на гороховый суп, так как это была зеленоватая вода с очень незначительным количеством шелухи гороховой, и кашу, в которой только слышался запах постного масла. Некоторые в течение всего времени, когда давалась эта пища, питались почти только ржаным хлебом и квасом, так как есть пищу не было физической возможности. Но для тех, кто приневоливал себя есть обеды, так и для тех, кто не был в силах делать это, результат подобного питания на здоровье в скором времени отразился одинаково».

Только в августе 1883 года после того, как новый режим дал себя знать, произошло некоторое улучшение в пище, и на стол стали отпускать по 30 к.

Прогулка первое время совершенно не давалась, и народовольцы просидели по несколько месяцев безвыходно в сырых казематах. Надо принять во внимание, что камеры равелина, за исключением 4 камер, были нежилыми помещениями с 1866 года, т.-е. в течение более четверти века. О сырости камер рассказывают и Фроленко, и Тригони, и Поливанов. Нижняя часть стены приблизительно на аршин высоты была покрыта плесенью. У Тригони за ночь пол покрывался серебряным налетом, грибы успевали вырости настолько, что получалась сплошная

беловатая кора. Соль нельзя было держать на столе: получался рассол. Волосяные матрацы прогнивали снизу. Форточек не было, вентиляторы почти везде были засорены. Окна были или матовые, или выбеленные. Свет плохой, бледный. В таких условиях каждый месяц сокращал жизнь на года. Пищевой режим гарантировал цынгу, а в связи с остальными физическими условиями—туберкулез.

Для духовной жизни условий, просто, никаких не было. Заключенные были отрезаны навсегда от внешнего мира, от своих близких родных. Тщетно жены, матери, братья, отцы и сестры писали на департамент полиции письма своим неизвестно где заключенным родственникам; письма никогда не передавались и просто подшивались к делам. В 1917 году в делах нашлись целые кладбища писем, не полученных адресатами. Узникам равелина было запрещено писать. Так же, как и читать. Никаких книг, кроме евангелия и «божественных», да и те были даны, как мы видели, не сразу.

Все меры к преграждению сношений между заключенными были приняты. Бдительность жандармских унтер-офицеров не знала пределов. И все же заключенные находили время и возможность перестукиваться между собой. И этому помогали новые правила, по которым часовые (тоже из жандармов) в коридорах могли ходить только по средине по мату и не имели права приближаться к дверям камер, а жандармские унтер-офицеры не все свое время могли посвящать надзору за перестукиванием и, кроме того, изощренное ухо узника всегда слышало их приближение. Начальство, в лице смотрителя, знало о перестукивании, боролось с ним, как могло, но имело и верные средства против упорных стукальщиков. Был изолированный короткий коридор с двумя камерами № 1 и 3, отделенными дежурной для жандармов. Тот, кто попадал сюда, испытывал весь ужас абсолютного одиночного заключения. За перестукивание был посажен в № 3 Поливанов. Он просидел здесь восемь месяцев, и здесь нашла свое начало душевная болезнь, которая привела к двум попыткам самоубийства в равелине и закончилась уже на воле много позже все-таки самоубийством.

«Восемь месяцев,—вспоминал Поливанов,—прожитые в этой камере, были в моей тюремной жизни эпохой абсолютного одиночества, идеального одиночества, идеального одиночества тюремного заключения. Здесь не было даже того разнообразия, тех развлечений, которые доступны заключенному в Трубецком. Вечная тишина, вечные сумерки, вечно одни и те же угрюмо-злобные лица Соколова и его унтеров. День за днем одно и то же, и в том же убийственно монотонном порядке. Вечное молчание: ни стучать, ни говорить не с кем. Иногда проходило более месяца сряду, как я не произносил ни одного слова. Да и какие разговоры могли быть с Иродом! Разве скажешь во время ванны (она была раз в шесть недель): «дайте еще горячей воды» и снова замолкнешь на месяц, на два, до следующей ванны. Со мной именно и было раз таким образом».

Такое одиночество переживали Нечаев и Михайлов, сидевшие в этом изолированном коридоре. Они не вышли отсюда и здесь

умерли. Сравнительно короткое время здесь сидел Грачевский (с 29 апреля по день перевода в Шлиссельбургскую крепость); душевное расстройство, которое привело его в Шлиссельбургской крепости к самосожжению, в этом изолированном коридоре получило свое развитие. Одно время сидел здесь и Златопольский.

Но перестукивание прекращалось, как это часто бывало в равелине, еще и по обстоятельствам, от начальства непосредственно независевшим. Сосед заболевал так, что не мог подойти к стенке, или впадал в помешательство: тогда сношения прерывались.

Возьмем группу заключенных, с которой новый режим начался и на которую он обрушился всей своей тяжестью. Пятнадцать человек: одиннадцать человек по процессу 20, три карийца и Поливанов. По возрасту это были все молодые люди. Самые молодые—по 23 года—Поливанов, Арончик, Игнатий Иванов; 24 лет—Баранников, 25—Исаев, 26—Михайлов, 27—Морозов, 28—Щедрин, 29—Тетерка, 30—Ланганс, 31—Попов, Тригони, 32—Колотковнч, 34—Фроленко и 35—Клеточников. Все они до заключения в равелине уже провели известное время в тюрьмах, но сравнительно не большое—около года в среднем на человека. Один только Поливанов просидел до этого всего три месяца. Таким образом нельзя считать их организм чрезмерно истощенным к началу их заточения в равелине. Что сталось с этой группой в равелине?

XXVIII.

Условия жизни—и физически, и морально—могли только вызывать и содействовать разрушению организма. Но ведь в равелине была и медицинская помощь, был и доктор. Но медицинские заботы были чистым лицемерием, ибо в планы начальства вовсе и не входило вылечивать болезни и спасать от смерти, да и как при таких условиях вылечить от туберкулеза, от сумасшествия? Врач Вильмс был достойным товарищем «Ирода» Соколова. Доктор медицины, действительный статский советник, Гавриил Иванович Вильмс родился 13 июля 1822 года. На службе в крепости он находился с 19 февраля 1863 года. Старик, сутуловатый, седой, как лунь, и сухой, как палка, он поражал заключенных своей необычайной грубостью и нахальством. «В его манере, в его голосе было что-то такое отталкивающее, наглое, что совсем не вязалось с представлением о враче»,—пишет Поливанов. Вильмс являлся, когда его требовал Соколов, безучастно осматривал больных, и только.

Заболевания цынгой начались уже летом 1882 года. Об этом обстоятельстве можно заключить по появлению в ежемесячных отчетах смотрителя (по расходу денег) записей о тратах на молоко, лимоны и чеснок: $^1/_2$ бут. молока, $^1/_2$ лимона—вот, чем реагировал Вильмс на режим—в самый тяжкий период болезни. Этой жалкой помощи при первом намеке на выздоровление больной сейчас же лишался. К этим средствам надо добавить еще чеснок и чай (в редких случаях). Вот и все.

Молоко впервые появляется в расходных выписках в июле 1882 года: в этот месяц было куплено 17 бут., в августе 38, в сентябре 108, в ноябре 90, в декабре 106; в 1883 г. по месяцам 173, 168, 125, 126, 95, 135, 195, 145, 124, 120, 124. Лимоны появляются в августе 1882 года, по месяцам 31, 30, 31, 15 и 16 и в 1883 году—16, 18, 20, 40, 25, 20, 25, 30 (август). Дальше лимоны уже не покупались. Чеснок фигурирует в записях января—октября 1883 года—на 50, 60, 60, 95, 90, 100, 100, 70, 50, 70 коп. в месяц. Наконец, чай и сахар появляется только в августе, сентябре и октябре 1883 года.

В некоторых случаях Вильмс считал нужным подавать коменданту рапорты. Так, 4 декабря 1882 года Вильмс подал рапорт о № 18. Кажется, это был М. Ф. Фроленко: «У содержащегося в № 18 Алексеевского равелина арестанта развилась цынга в столь сильной степени, что истощение арестанта вследствие постоянных цынготных кровоизлияний принимает угрожающий для жизни арестанта характер, а потому считаю необходимым, при недействительности исключительно врачебных средств, отпускать сказанному арестанту для поддержания сил по полбутылке молока ежеденевно». А 20 декабря последовал рапорт о № 10—Н. А. Морозове: «У содержащегося в камере № 10 Алексеевского равелина арестанта снова начала развиваться цынга, осложненная в настоящее время поражением сочленения правой стопы с голенью, а потому считаю необходимым отпускать сказанному больному арестанту, для поддержания действия соответствующих врачебных средств, еще по полбутылке молока в сутки».

Но Вильмс следил и за своевременным лишением больных молока. Так 4 марта 1883 года Соколов рапортовал: «При осмотре 2 сего марта доктором Вильмсом арестантских заключений вверенного мне равелина признал возможным: 1) арестованным, содержащимся в №№ 1, 6, 7, 11, 16 и 18, прекратить выдачу молока и 2) арестованному, содержащемуся в № 8, выдавать рыбий жир». А 9 апреля Вильмс нашел нужным давать по $^1/_2$ бут. молока № 4 и возобновить дачу молока № 11.

В середине 1883 года режим показал себя во-всю, так показал, что даже высшие творцы его, вроде генерала Оржевского, несколько изумились и сочли нужным ослабить его: до того здорово он действовал. Генерал Оржевский лично убедился в результатах режима. Он посетил равелин 8 июля (от $12^1/_4$ до $1^1/_4$ дня) и 14 июля (от 12 ч. 20 м. до 2 ч. дня). Он не мог не обратить внимания, не мог не оценить действия режима, не мог не притти к заключению, что новые правила превзошли все ожидания и действуют уже свыше меры. Генерал увидел не тюрьму, не равелин, а своеобразный—без медицинского ухода и без медицинской помощи—лазарет тяжело-больных. Смерть распростерла свои крылья над этим местом человеческих страданий, и все пятнадцать ощутили веяние этих крыльев. Безмолвно, не видя сочувственного взора, не слыша дружественного слова, не ощущая помощи дружеской руки, болели и умирали народовольцы. В это время уже были разрешены прогулки, но только один из заключенных был

в состоянии передвинуться из камеры в садик. Железо—противоцынготное средство—вначале стояло в окне коридора в небольшом пузырьке, теперь поставили огромную бутыль чуть не в $^1/_4$ ведра. Многие заключенные не поднимались с коек. Туберкулез тоже делал свое дело.

Пришлось ослабить узду режима. И Тригони и Поливанов совершенно правильно объясняют причины незначительного улучшения. Тригони пишет: «Увидев собственными глазами заключенных, Оржевский хорошо понимал, что дело клонится к близкой развязке и что необходимо принять меры, чтобы предупредить скандал повального вымирания тюрьмы в течение одного года с месяцами. Объяснить изменение пищевого режима чем-нибудь иным будет ошибкой». С горькой иронией вспоминает Поливанов: «Высшая администрация почему-то удостоила обратить внимание на Алексеевский равелин, вернее всего из боязни, чтобы не перемерли все вдруг и притом в самом непродолжительном времени: все же надо было соблюсти хотя тень внешнего приличия и некоторую постепенность в препровождении нас из земной юдоли туда, где нет ни плача, ни воздыхания. Притом же для нас уже строилась Шлиссельбургская тюрьма. Кого же там держать, если Соколов с Лесником переморят раньше должного времени тех, для кого и затеяли реставрацию Шлиссельбурга?»

Потрясающие картины безмолвного умирания в равелине нарисовали Поливанов, Фроленко, Тригони. Мы располагаем еще одним своеобразным источником для истории равелина этой поры или, вернее, для истории болезни заключенных. Оржевский приказал позаботиться о больных, комендант в свою очередь приказал (3 августа 1883 года) Вильмсу подавать еженедельные рапорты о «здоровьи» заключенных. Часть этих рапортов сохранилась. Сухие, жесткие, как сам Вильмс, медицинские отчеты производят впечатление не менее глубокое, чем воспоминания Поливанова, Фроленко, Тригони. В своей совокупности они дают поразительный мартиролог узников Алексеевского равелина. Мы возьмем время с 13 июля по 18 сентября 1883 года, а затем присоединим и официальные сведения о «здоровьи» и за позднейшее время. Используем не только еженедельные общие рапорты, но вообще все сохранившиеся рапорты Вильмса.

В начале июля помирал Клеточников. О последних его днях следующие данные находим в рапорте Вильмса от 10 июля 1883 года: «Содержащийся в камере № 6 Алексеевского равелина арестант, вследствие сильнейшего разрыхления и изъязвления десен цынгою, не может есть черного хлеба, а потому считаю необходимым отпускать сказанному арестанту, вместо отпускаемого ему черного хлеба, по одному фунту белого хлеба в сутки». Комендант разрешил выдавать белый хлеб, но это уже не помогло. 13 июля Вильмс рапортовал: «Содержавшийся в камере № 6 Алексеевского равелина арестант сего 13 июля 1883 года в 7 часов утра скончался от продолжительного изнурительного поноса вследствие бугорчатого страдания кишечного канала». А через два дня последовал новый рапорт Вильмса: «Так как содержав-

шийся в № 6 Алексеевского равелина арестант помер 13 сего июля от изнурительного поноса, каковая болезнь в местах тюремного заключения имеет наклонность принимать заразительный характер, то честь имею всепокорнейше просить распоряжения вашего высокопревосходительства об уничтожении всего грязного белья, одежды, равно как и тюфяков, пропитанных испражнениями больного, равно о дезинфекции твердых вещей и об обмытии самой камеры».

Несчастному Клеточникову пришлось тяжелее всех в равелине. Ведь он служил в III отделении, был сослуживцем Соколова, пользовался доверием своего начальства, но служил он исключительно в целях и по заданиям «Народной Воли», доставляя все сведения о планах и мерах III отделения и парализуя тем его деятельность. Народовольцы очень высоко оценивали его полезность для дела революции. «Не успел он,—вспоминает Тригони,—переступить порога тюрьмы, как Соколов объявил ему: «Ну, а с тебя взыскания будут строгие». И действительно, несмотря на его страдания желудком, легочную болезнь и цынгу, Вильмс не улучшал ему пищи, не давал ему даже молока. Клеточников решил заморить себя голодом. «Ну, в таком случае будем кормить силой»,—сказал ему Соколов. Тригони рассказывает: «Когда Соколов увидел, что пища стоит нетронутой, то приказал жандармам кормить его, если он сейчас же не начнет есть. Клеточников съел несколько ложек. Жандармы вышли. Клеточников бросил ложку. Так продолжалось три дня. На 4-й день приехал в Алексеевский равелин товарищ министра внутренних дел Оржевский и вместе с комендантом обошел все камеры. До этого времени, т.-е. в течение 1 года 3 месяцев, в камеры не входил никто из ревизующих. По всей вероятности, ревизоры бывали и ранее, заглядывали в дверное стеклышко, но в камеры не заходили. После отъезда Оржевского Клеточникову стали давать молоко и белый хлеб».

Этот рассказ Тригони совпадает с действительностью, изложенною в рапортах Вильмса.

6 августа Вильмс донес специально о «здоровье» №№ 8 и 19: «Сим честь имею всепокорнейше просить распоряжения вашего превосходительства об отпуске содержащимся в №№ 8 и 19 Алексеевского равелина арестантам, независимо от отпускаемого им молока, еще по три стакана чаю в сутки, так как арестант, содержащийся в № 8, по роду своей болезни требует усиленного питания, арестант же, содержащийся в № 19, страдая изнурительной лихорадкой с поносом, не может принимать никакой пищи и не может пить ни воды, ни квасу».

№ 8—это Мартын Лангане, а № 19—Макар Тетерка.

6 августа Вильмс представил коменданту следующий рапорт: «Содержавшийся в камере № 14 Алексеевского равелина арестант по фамилии, согласно заявлению смотрителя, Баранников сего августа 6 дня в $7^{3}/_{4}$ часа утра умер от скоротечной чахотки». О его последних днях и минутах рассказывает сидевший с ним рядом (в № 15) Поливанов: «Баранников уже не вставал с постели и не мог отвечать на мой

стук. Он был уже при смерти, и его стоны разрывали мне сердце. Тот, кто сам не бывал в подобных условиях, едва ли может себе представить, какая это адская мука знать, что рядом с тобой, отделенный только стеною, мучается в агонии твой товарищ, может быть, твой близкий, дорогой друг, одинокий, беспомощный, лишенный возможности перед смертью увидеть хоть один любящий взгляд, услышать хоть одно теплое слово, и ты бессилен чем-нибудь облегчить его страдания. Ужасно, ужасно! Это доводило меня до исступления, и я бегал по камере, как дикий зверь в клетке. Дней через восемь Баранников умер. Я помню, его стоны разбудили меня в 3 часа утра, и я уже не мог более заснуть. Он стонал часа полтора под-ряд. Жандармы шушукались в коридоре, часто подходили к двери и заглядывали в стеклышко, но не входили к нему. Наконец, он стал стихать, стихать, и совсем замолк. Прошло минуть пять, и вдруг снова раздался стон, пронзительный, протяжный, и сразу резко оборвался. Все было кончено. В шесть часов при обычном утреннем обходе в № 14 зашел Соколов и сейчас же вышел. Заметно было, что оттуда не выносили ведра, не наливали свежей воды, не подметали пола, словом не делали того, что обыкновенно делалось. Часов в семь с половиной, раньше, чем доктор обыкновенно обходил больных, Соколов снова пришел с Вильмсом. Они пробыли в камере минуты две-три и ушли. Немного погодя жандармы вынесли труп и стали прибирать камеру».

Баранников скончался в молодом возрасте. Он отличался большой физической силой и цветущим здоровьем. Баранников, по словам В. Н. Фигнер, был одним из самых энергичных и пылких террористов. Его фигура и мрачное лицо вполне гармонировали с решительностью его убеждений, и если бы нужно было дать физическое воплощение террору, то нельзя было сделать лучшего выбора, как взяв образ Баранникова. По смелости и отваге это был настоящий герой: «Если кого-нибудь можно назвать ангелом мести, так именно его».

Исполняя предписание коменданта, Вильмс начал с 7 августа представлять еженедельные рапорты. В первом из них он доносил, что «арестанты, содержащиеся в камерах Алексеевского равелина, за исключением содержащегося в № 9, все пользуются врачебным пособием, так как все в течение прошлой зимы были одержимы скорбутом. Содержащийся в № 9 совершенно здоров. Арестант, содержащийся в № 8, страдая белою опухолью правого коленного сустава, без оперативного лечения не подает надежды на выздоровление, хотя в настоящее время прямой опасности для его жизни не предвидится. Арестант, содержащийся в № 19, страдая изнурительной лихорадкой с поносом, при совершенном упадке сил и питания, подает мало надежды не только на выздоровление, но и на продолжительность жизни».

№ 9—совершенно здоровый—это М. Н. Тригони, несомненно самый мощный из всех заключенных в равелине. Правда, скоро и его должен был поместить Вильмс в числе больных. У него тоже была

цынга, но она не осложнилась другими болезнями и не причиняла ему сильных физических страданий, когда он лежал.

А о № 8 и 19—Лангансе и Тетерке—Вильмс подал 9 августа специальный рапорт: «Содержащиеся в №№ 8 и 19 Алексеевского равелина арестанты находятся в столь тяжком болезненном состоянии, что требуют постоянной посторонней помощи, а потому при условиях одиночного заключения лечение этих больных невозможно: без особого ухода за ними и без частого врачебного наблюдения арестанты эти неминуемо должны умереть, хотя во всяком случае предсказание относительно жизни весьма неблагоприятно, особенно для арестанта, содержащегося в № 19».

Арестант № 19 не пережил этого дня. В этот же день Вильмс рапортовал: «Содержавшийся в № 19 Алексеевского равелина арестант по фамилии, согласно заявлению смотрителя равелина, Тетерка, сего 9 августа 1883 года в 8 часов вечера скончался от продолжительной изнурительной лихорадки, развившейся после воспаления правой подреберной плевы». Впоследствии 25 августа Вильмс доносил: «Содержавшийся в № 19 Алексеевского равелина арестант в последние недели своей жизни страдал изнурительным поносом, принимающим иногда характер заразительности, а потому считаю необходимым все мягкие вещи, загрязненные сказанным умершим арестантом, как-то: тюфяк, подушка, одеяло, тулуп, равно и грязное белье того арестанта подвергнуть уничтожению через сожигание. Самая камера должна быть вымыта щелоком и выбелена». Макар Тетерка—стойкий и выдержанный рабочий-революционер отходил к смерти незаметно, в полном одиночестве. Он не мог ни с кем даже перестучаться, ибо занимал последнюю камеру в коридоре, отделенную от других камерой, в которой сидел впавший в умопомешательство Арончик.

14 августа Вильмс доносил, что в равелине пользуются врачебной помощью 11 человек. Затем следовало добавление о № 8—Лангансе: «Болезнь арестанта, содержащегося в камере № 8 Алексеевского равелина, несколько ухудшилась, так как у больного арестанта появилось в течение последней недели кровохаркание, состояние болезни вообще подает мало надежды на выздоровление».

Через неделю 21 августа Вильмс доносил о том, что по состоянию своего здоровья все заключенные в равелине пользуются врачебной помощью, а о Лангансе сообщил: «Состояние болезни арестанта, содержащегося в камере № 8 того равелина, не представляет перемены к лучшему, так как больной, по сильно-болезненному страданию своей правой нижней конечности, не может лежать иначе, как только на правом боку, то при крайнем исхудании больного угрожают сбразоваться пролежни в области большого вертела правого бедра. Для предупреждения таковых пролежней считаю необходимым приобрести для содержащегося в камере № 8 Алексеевского равелина больного арестанта круглые резиновые подушки с центральным просветом».

«Разрешаю купить резиновую подушку»—положил резолюцию на рапорте врача генерал Ганецкий.

Через неделю Вильмс доносил, что «в камерах Алексеевского равелина все арестанты, за исключением содержащегося в камере № 9, пользуются врачебными средствами. Состояние болезни арестанта, содержащегося в № 8 Алексеевского равелина, безнадежно, так как вследствие бугорчатного страдания колена правой нижней конечности появились и приняли угрожающий характер поражения бугорчаткой как легкого, так и кишечного канала. Бывший доселе понос принял вид изнурительного поноса; кровохаркание усилилось и не уступает никаким средствам».

Еще через неделю в рапорте Вильмса от 4 сентября читаем: «В камерах Алексеевского равелина все арестанты пользуются врачебной помощью. В состоянии болезни арестанта, содержащегося в камере № 8 Алексеевского равелина, никаких перемен к лучшему не замечается. Больной начинает терять позыв к пище».

Условия жизни в равелине буквально разрушали организм заключенных. Более крепкие организмы подстерегала болезнь души—сумасшествие. Так было с Игнатием Ивановым. Любопытно, что инициатива признания его сумасшедшим исходила не от тюремного доктора, не от тюремного начальства, а от департамента полиции. Это был, конечно, прямой результат посещения равелина Оржевским 30 июля. В. К. Плеве, по встретившейся надобности, просил коменданта «не отказать в распоряжении о доставлении ему заключения врача о состоянии здоровья содержащегося в С.-Петербургской крепости государственного преступника Игнатия Иванова».

2 августа комендант переслал директору департамента полиции следующий рапорт доктора Вильмса от 1 августа: «Вследствие предписания вашего высокопревосходительства в надписи от 31 июля 1883 года за № 634 свидетельствовал я сего числа, в присутствии смотрителя Алексеевского равелина капитана Соколова, состояние здоровья содержавшегося в камере № 17 арестанта, состоящего по списку, по заявлению смотрителя Соколова, под именем Игнатия Иванова, но сам себя именующего Петром Непомнящим родства, при чем оказалось нижеследующее: арестант небольшого роста, крепкого телосложения, при наружном осмотре представляет по всему телу мелко-ужеватую сыпь, глаза несколько выпячены, так что край верхних век не достает верхнего края роговиц; объем шеи не увеличен, удары сердца нормальны 60—70; температура кожи не возвышена, вообще арестант не представляет никаких объективных признаков какой-либо болезни. Аппетит хорош, сон нормальный. При подробном расспросе жалуется на боль в голове по темени и на боль между лопатками, особенно в верхней части спинно-грудных позвонков. При входе в камеру арестант выказывает припадки религиозного помешательства, но действительно ли эти припадки могут считаться признаками душевного расстройства, решить трудно и для этого требуется методическое продолжительное наблюде-

ние, так как упорное скрытие своего настоящего имени наводит сомнение о существовании у арестанта постоянного расстройства умственных способностей».

2 сентября департамент полиции уведомил коменданта, что Игнатий Иванов, как страдающий расстройством умственных способностей, подлежит переводу для пользования в Казанскую окружную лечебницу во имя божией матери всех скорбящих.

4 сентября в 12 часов ночи, при совершенной тайне, Игнатий Иванов переведен в дом Трубецкого бастиона, а отсюда 5 сентября отправлен по назначению.

Любопытно, что генерал Ганецкий еще раз заставил доктора Вильмса рапортовать об Игнатии Иванове 5 сентября уже после перевода его из равелина: «Во исполнение переданного мне секретарем управления приказания вашего высокопревосходительства, честь имею донести, что арестант Игнатий Иванов, действительно, выказывает постоянные припадки мрачного умопомешательства религиозного характера, но для точного определения степени расстройства умственных способностей сказанного арестанта необходимо продолжительное, сбставленное особыми приспособлениями, наблюдение за тем арестантом, чего нет возможности исполнить при заключении арестанта в одиночной камере крепостных арестантских помещений».

Об этом увозе Игнатия Иванова ярки воспоминания М. Ф. Фроленко: «Среди гробовой тишины вдруг раздался отчаянный крик погибающего человека, за криком последовала короткая возня — борьба, и слышно было, как что-то тяжелое пронесли по коридору. Что такое? Бьют кого? Или сошел кто с ума? Ужас, отчаяние, жалость охватили разом все существо... От сознания своего бессилия слезы заполнили глаза... Являлось желание ломать руки, кричать, неистовствовать, разбить себе голову... Но какая польза?—спрашивал разум. Это ужасное состояние поймет хорошо тот, у кого на глазах тонул, горел, вообще погибал близкий человек; самому же ему пришлось стоять и смотреть и в бессилии ломать лишь руки, безумно бегая по берегу реки или возле горящего дома. Соколов, видно, понял наше состояние и не скрыл: «Сошел с ума, увезли в больницу»,—ответил он и, действительно, это был карийский Игнатий Иванов».

Судьба Иванова известна. Когда начальство нашло, что он достаточно вылечился в Казанской больнице, оно перевело его в Шлиссельбургскую тюрьму, где он и умер «от чахотки».

Следующий еженедельный рапорт Вильмса от 11 сентября давал следующие сведения: «В камерах Алексеевского равелина все арестанты пользуются врачебными средствами. Состояние болезни арестанта, содержащегося в камере № 8 Алексеевского равелина, еще ухудшилось, значительно явственнее стал упадок сил; сознание начинает потемняться». Не успел еще Вильмс подать этот рапорт, как ему пришлось писать новый: «Содержащийся в № 8 Алексеевского равелина арестант Ланганс сего сентября 11 дня 1883 года в $2^1/_2$ часа

пополудни скончался от бугорчатной легочной чахотки, развившейся вследствие хронического бугорчатого страдания правого коленного сустава». О последних днях Ланганса рассказывает М. Н. Тригони, сидевший рядом с ним (в № 9): «У Ланганса цынга проходила, открылось сильное кровохарканье, ходил он с большим трудом. Все время лежал он и лишь изредка добирался до стены, чтобы перемолвиться словом. Он не думал, что у него чахотка, и верил в свое выздоровление... Несмотря на сильные страдания, душевной бодрости Мартын Рудольфович не терял. Впоследствии вставать с постели он уже не мог и, если хотел сказать что-нибудь, то брал в руку башмак и, лежа, с кровати, стоявшей вдали от стены, стучал по полу, а я отвечал ему стуком в стену. В конце августа начали выводить на прогулку. Ланганс обратился с просьбой к доктору дать ему костыли, чтобы иметь возможность подышать свежим воздухом $^1/_4$ часа. Доктор ответил, что без коменданта разрешить он не может, но что доложит об этом коменданту... На следующий день доктор зашел к Лангансу и объявил ему, что «комендант не разрешает выдать костыли». Через несколько дней состояние Ланганса так ухудшилось, что он не мог перестукиваться, и еще немного спустя он умер».

18 сентября Вильмс рапортовал, что в камерах Алексеевского равелина все арестанты в течение последней недели пользовались врачебной помощью.

Богатую жатву собрала смерть за три месяца 1883 года (июль—сентябрь)... Под давлением смерти режим был несколько улучшен, но стоило только здоровью заключенных чуть поправиться, как аккуратное начальство сейчас же начинало уничтожать маленькие улучшения в пище, отнимать молоко и т. д. Весной 1884 года цынга вернулась в равелин, и смерти нашлось дело.

8 марта 1884 года Вильмс донес коменданту: «У содержащегося в № 1 Алексеевского равелина арестанта, страдавшего до того эпидемическим катаром воздухоносных путей (гриппом), в настоящее время развилось остро-катаральное воспаление обоих легких с опасным для жизни характером, о чем вашему высокопревосходительству, на основании предписания от 9 августа 1883 года за № 662, донести честь имею». № 1—это Александр Михайлов, изолированный в коротком коридоре равелина. А 18 марта Вильмс доносил уже о смерти Михайлова: «Содержавшийся в камере № 1 Алексеевского равелина арестант, именовавшийся, по заявлению смотрителя того равелина, Александром Михайловым, сего марта 18 числа 1884 года умер в 12 часов дня от остро-катарального воспаления обоих легких, перешедшего в сплошной отек обоих легких».

Так сошел в могилу, на 29-м году жизни, один из достойнейших и благороднейших революционеров, которых когда-либо знала история. Неоцененный страж и хозяин-устроитель революционных организаций, блюститель революционной дисциплины, Александр Дмитриевич Михайлов был фанатически предан революции. «В узких рамках русской

жизни он не имел возможности развернуть силы в широком масштабе и сыграть крупную роль в истории, но в революционной Франции XVIII века он был бы Робеспьером»,—так оценивает А. Д. Михайлова В. Н. Фигнер.

Смерть Михайлова опять вызвала послабление режима. В рапорте 25 марта Вильмс докладывал: «Состояние здоровья арестантов, содержащихся в камерах Алексеевского равелина, хотя удовлетворительно, но у некоторых из этих арестантов все же замечаются, хотя и в слабой степени, признаки цынги, а потому при увеличившихся светлых часах дня считал бы полезным увеличить для тех арестантов продолжительность прогулки на открытом воздухе». Комендант внял заявлению доктора и предписал смотрителю Соколову: «Выводить арестантов установленным порядком, по одиночке, на прогулку в сад по возможности на продолжительное время, при чем поощрять их заниматься во время прогулки физическим трудом, т.-е. перекидыванием песку с места на место и подметанием дорожек в саду, для чего обязываю вас иметь в саду несколько куч песку, деревянные лопаты и метлы».

В рапорте 1 апреля находим любопытные подробности: «Состояние арестантов, содержащихся в камерах Алексеевского равелина, удовлетворительно, лишь у арестанта, содержащегося в камере № 18, проявляются признаки цынги, которою болезнью сказанный арестант страдал довольно сильно и в прошлом 1883 году весною. При наступлении настоящего теплого времени считал бы весьма полезным выставить в камерах зимние оконные рамы, так как камеры Алексеевского равелина лишены всякого приспособления для вентиляции, а при наклонности здания к постоянному удержанию сырости в нижних частях стен, прекращение топки невозможно».

Комендант разрешил выставить зимние рамы.

В рапорте Вильмса от 8 июля 1884 года находим следующие сведения о здоровьи узников равелина:

«Состояние болезни арестанта, содержащегося в камере № 3 Алексеевского равелина, несколько ухудшилось. У арестанта, содержащегося в камере № 16 Алексеевского равелина, замечается упадок питания—вследствие упорного произвольного голодания. Состояние здоровья остальных арестантов, содержащихся в камерах Алексеевского равелина, удовлетворительно».

№ 3—по всем данным М. Ф. Грачевский, а № 16—Николай Николаевич Колодкевич.

А 24 июля Вильмс доносил о смерти Колодкевича: «Содержащийся в камере № 16 Алексеевского равелина арестант, именовавшийся, по заявлению смотрителя равелина, Николаем Колодкевичем, вследствие много раз повторявшихся продолжительных произвольных голоданий, 23 сего июля 1884 года в 10 часов вечера умер от истощения сил, несмотря на все принятые меры насильственного кормления».

Нет оснований не доверять рапорту доктора Вильмса: Колодкевич умер от произвольного голодания. В. Н. Фигнер, описывая на-

ружность Колодкевича, отмечает поразительное несоответствие между суровой внешностью и нежной, гуманной душой Колодкевича. «Его внешность обнаруживала лишь одну сторону его натуры—энергию и мужественную твердость, а вся доброта и деликатность была скрыта под холодной и мрачной оболочкой». Колодкевич сидел рядом с Поливановым, и Поливанов рассказал в своих воспоминаниях историю своего общения, своей тюремной дружбы с этим человеком. Они сидели рядом, не видали друг друга, не слышали голоса друг друга, они только перестукивались, и все же эта дружба через стены полна тончайших и сложнейших переживаний, и рассказ о ней—один из своеобразнейших и трогательнейших, какие только известны во всемирной литературе. А та истина, которую мы только теперь узнаем из рапорта доктора Вильмса, истина о смерти Колодкевича свидетельствует о *высочайшем героизме* его духа. Именно эти слова надо сказать здесь.

Поливанов в начале августа 1883 года был переведен в камеру № 15, рядом с Колодкевичем, после восьми месяцев абсолютного одиночества, расстроившего его психику. Не сразу он мог начать перестукиваться, потому что Колодкевич лежал в сильной цынге, и только в половине сентября мог подходить на костылях к стене. Поливанов был в это время в угнетенном состоянии, он боялся, что он на грани безумия, и искал спасения в мыслях о самоубийстве. В это время он совершил две попытки покончить с собой. Но Колодкевич оказал ему огромную нравственную поддержку. Вот рассказ Поливанова: «Чем более я вспоминаю об этом честном и искреннем, добром и вместе сильном умом и сильном волею человека, тем больше и больше я проникаюсь уважением, даже просто благоговением к его памяти и тем более понимаю, как многим лично я ему обязан. Как он был нежен ко мне, как был заботлив, как ему хотелось чем-нибудь облегчить мое тяжелое душевное состояние. Одиночное заключение и болезнь всегда дурно отражаются на характере человека. Он невольно становится раздражительным, брюзгливым, эгоистичным, тяжелым для себя и для других. Ничего подобного я не замечал в Колодкевиче. Он был всегда одинаково ровен, тверд, терпелив, ни на что не жаловался, даже не любил говорить о своих страданиях и всегда старался их умалить. Как ловко он умел наводить разговор на такие предметы, которые могли отвлекать меня от мрачных мыслей, угнетавших меня. Как искусно он умел затрагивать в моей душе все то, что могло поддержать веру и надежду на будущее, энергию и бодрость духа, так необходимые для борьбы с душевным и физическим недугом, все еще не покидавшим меня... Колодкевич внимательно следил за моим душевным состоянием и умел его верно понять, несмотря на такой неудобный способ сношений, какой был единственно для нас возможным. Он со своими больными ногами простаивал на костылях по целому часу, заставляя меня рассказывать о моих охотничьих воспоминаниях, о детстве; он просил меня описывать нашу усадьбу, сады, рощу, моего отца, сестер; интере-

совался мелкими подробностями моей личной жизни. Как часто я отходил от стены успокоившись, с примиренной и охваченной добрым чувством душой, в которой оно сменяло злобный порыв отчаяния, когда я готов был пробовать разбить голову о стену... Я не сомневаюсь в том, что главным образом соседству Колодкевича я обязан тем, что окончательно не сошел с ума и не лишил себя жизни».

Поливанов вспоминает, что в последние дни жизни настроение Колодкевича было очень бодрое, и они вели спор на тему о жизни и смерти. «Я доказывал,—говорит Поливанов,—что небытие предпочтительнее бытия, потому что оно составляет единственно реальное, единственно доступное человеку блаженство; что люди должны считать самыми счастливыми часами своей жизни те, которые они провели в крепком, глубоком сне, не нарушавшемся сновидениями, и это может подтвердить общее признание всего человечества, что, хотя раз явившись на свет, человек жадно хватается за жизнь и упорно создает себе иллюзию за иллюзией, надежду за надеждой по мере того, как они друг за другом разбиваются действительностью, но каждый, если его спросить, что он предпочел бы: родиться на свет или не родиться, в том случае, когда это зависело бы исключительно от его желания,—каждый, наверно, ответит: предпочел бы не родиться. Колодкевич заметил на это: «Я все-таки предпочел бы родиться».—Как!—спросил я,—даже зная наперед, что будет ждать в жизни, чем и где она кончится?—«Как человек, которому всего дороже истина,—отвечал Колодкевич,—я говорю, предпочел бы родиться и узнать, что такое бытие, что такое жизнь, чем не родиться и не знать этого». Его слова и тогда произвели на меня сильное впечатление, так как в искренность Колодкевича я глубоко верил, и я много размышлял по этому поводу, но теперь их смысл приобрел для меня особое значение. Это было сказано человеком, стоявшим уже одною ногою в могиле, человеком, за плечами которого было так много тяжелых и физических и нравственных мук, и это не были пустые фразы, а искреннее убеждение сильного ума и твердой души».

Но задумаемся на минуту над сообщением Поливанова и лаконическим рапортом доктора Вильмса о много раз повторявшихся произвольных голоданиях, которые привели к смертному концу. И этот человек, который утверждал в своем погибавшем соседе волю к жизни, не давал угаснуть чуть тлевшему огоньку жизни, действовал примером своей твердости и ровного терпения, этот человек в это самое время планомерно и терпеливо вел себя к могиле, творил над собой самоубийство, сознательно прекращал свою жизнь, в изменение которой он не верил. Перед таким величием духа надо склониться в благоговейном изумлении...

Мартиролог надо пополнить еще Арончиком, который в 1884 году окончательно сошел с ума. Его помешательство было тихое, и начальство не сочло нужным переводить его, подобно Иванову, в больницу для умалишенных. Так в тихом безумии он был переведен в Шлиссель-

бургскую тюрьму. С параличем ног, он не вставал с койки, из камеры не выходил и умер 2 апреля 1888 года.

Но должно вернуться к тому, чье имя надо поставить в начале мартиролога.

XXIX.

Со 2 июня 1882 года Нечаев был всецело подчинен только что описанному знаменитому режиму Алексеевского равелина, который имел одно задание: возможно скорее вывести в тираж возможно большее число заключенных.

Жесточайшего режима, установленного в равелине, не выносили люди совсем молодые, подвергшиеся до перевода в равелин недолгому, сравнительно, предварительному заключению. Его, конечно, не мог вынести Нечаев, подвергнутый ему на десятом году тяжелого заключения.

Отрезанный от всякого общения, Нечаев находился под бдительным оком Соколова; завязать сношения с новой командой было немыслимо. Но мысль Нечаева работала над проблемой о прорыве блокады. Оставались две отдушины: доктор и священник. Доктор Вильмс стоил смотрителя Соколова, да все равно без смотрителя он не мог войти в камеру; священник—тот мог. Только предположив, что Нечаев хотел испытать священника, как средство сообщения, или, на крайний случай, как источник какой-либо информации, можно объяснить возбуждение им ходатайства о допущении к нему священника. 1 июня 1882 года комендант писал Плеве: «Заключенный в Алексеевском равелине в камере под № 1, содержавшийся прежде в камере № 5, известный преступник обратился с просьбой о выдаче ему библии и о приглашении к нему для духовных бесед священника. Последнее заявление он объяснил тем, что у него явилось какое-то смутное, незнакомое ему до сих пор желание обратиться к вере». Мы решительно отрицаем даже тень правдоподобия в этом заявлении Нечаева. Повидимому, сам Ганецкий прозревал истинные намерения и отнесся столь подозрительно к просьбе Нечаева, что, получив от министра внутренних дел разрешение допустить для бесед с Нечаевым одного из крепостных священников, по его, Ганецкого, выбору, не счел нужным привести в исполнение разрешения министра и тем дать Нечаеву случай исполнить «смутное, незнакомое ему до сих пор желание обратиться к вере». Священник к Нечаеву допущен не был. В книге, о которой мы говорили, не записано ни одного посещения священника за период после 8 июня (дата отношения департамента полиции с разрешением) до самой смерти Нечаева. Первое отмеченное в книге посещение равелина священником приходится на 18 декабря 1882 года...

Итак, решительное крушение надежд на освобождение... Исчезновение друзей. Абсолютное одиночество. Полное безмолвие. Полное отсутствие книг (одно набившее оскомину евангелие!). Безвыходное

заключение в камере. Ужасающий цынготный пищевой режим. И беспросветная безнадежность в будущем.

Дни Нечаева были сочтены. На сцену выступил доктор Вильмс. 8 ноября он представил коменданту рапорт следующего содержания: «У арестанта, содержащегося в № 1 Алексеевского равелина, развилась цынга, осложненная общей водянкой в столь сильной степени, что угрожает жизни арестанта, а потому совместно с другими врачебными средствами считал бы необходимым сказанному арестанту отпускать в день по полбутылке молока и для усиленного лечения от сказанной болезни считаю также крайне необходимым прогулки на воздухе ежедневно».

Комендант предписал смотрителю равелина покупать для арестанта № 1 ежедневно по полбутылке молока и выводить на прогулку в арестантский сад. А 21 ноября Вильмс рапортовал коменданту:

«Содержащийся в камере № 1 Алексеевского равелина арестант сего 21 ноября 1882 года около двух часов пополудни умер от общей водянки, осложненной цынготною болезнью, о чем вашему превосходительству донести честь имею». В постовой книге под 21 ноября 1882 года под рубрикой «посещение равелина нижеследующими начальствующими лицами», записано прибытие в $2^{3}/_{4}$ ч. пополудни доктора Вильмса. Очевидно, он был вызван констатировать смерть Нечаева. Время выбытия указано—3 часа 5 минут. А за ним отмечено посещение коменданта крепости генерал-адъютанта Ганецкого: время прибытия $3^{3}/_{4}$ часа пополудни и время выбытия—4 часа пополудни. Генерал, не часто жаловавший в равелин, побеспокоил на этот раз свою персону. Так и чудятся в коридоре властные, начальственные шаги генерала, который спешил собственными глазами убедиться в смерти человека, в течение стольких лет приводившего в смятение и смущение начальнические сердца, посмотреть еще неостывший труп своего врага...

Дальше был совершен обряд погребения Нечаева по своеобразному ритуалу, принятому в Алексеевском равелине. С этим своеобразным церемониалом следует познакомиться. Один за другим совершались следующие обряды. Смотритель равелина в тот же день, 21 ноября, представил по команде коменданту рапорт о смерти Нечаева и спрашивал предписания о том, как поступить с хранящимися при равелине собственными вещами покойного.

Комендант о смерти Нечаева, «пользовавшегося более месяца врачебной помощью от цынги», донес 21 же ноября рапортом царю (№ 489) и министру внутренних дел (№ 490). А к директору департамента полиции комендант в тот же день (№ 491) обратился с следующим запросом: «имею честь просить распоряжения о принятии тела умершего Нечаева из крепости для предания земле на одном из кладбищ, присовокупляя, что для устранения огласки о существовании в Алексеевском равелине преступников, я приказал тело умершего перенести сего числа ночью, при совершенной тайне, в один из арестантских казематов Екатерининской куртины, откуда оно и может быть принято

командированными за ним лицами. При чем прошу уведомить меня о том, кому именно должно быть сдано тело умершего, так равно и о том, следует ли, ввиду той тайны при которой был заключен названный преступник, пояснять фамилию умершего при сдаче тела».

В этот же день генерал Ганецкий получил от Плеве уведомление на свой запрос: «для принятия из крепости и похорон тела умершего известного государственного преступника, в 1 ч. ночи в крепость прибудет пристав 1-го участка Петербургской части Панкратьев; при этом долгом считаю присовокупить, что фамилия умершего должна быть сохранена в тайне».

На свободной странице письма Плеве сохранилась следующая расписка: «Тело умершего в 1 час ночи из Петропавловской крепости для доставления на Преображенскую станцию Николаевской железной дороги принял пристав Панкратьев. 21 ноября 1882 года. При приеме тела находился секретарь управления Денежкин. При приеме тела находился майор Лесник».

Пристав Панкратьев, майор Лесник и секретарь Денежкин проводили к могиле смертные останки известного арестанта.

После Нечаева остались вещи. Их должны были уничтожить. Для этого существовал определенный церемониал. Препровождая 13 декабря (№ 517) опись вещам директору департамента полиции, комендант спрашивал: «Предположив означенные вещи; как не представляющие особой ценности и пришедшие от времени в негодность, по бывшим при подобных случаях примерам, уничтожить сожжением, а предварительно окончательного по сему распоряжения, имею честь просить ваше превосходительство уведомить меня о вашем по означенному предмету заключении».

В. К. Плеве совершенно секретно 16 декабря уведомляет «милостивого государя Ивана Степановича Ганецкого, что к уничтожению сожжением оставшихся после смерти известного арестанта (№ 1) вещей, поименованных в возвращаемой описи, с его стороны препятствий не встречается». Комендант 21 декабря отдал смотрителю равелина предписание «уничтожить вещи сожжением в присутствии двух жандармских унтер-офицеров и составленный о том акт, за общими подписями участвующих при сожжении, представить ему».

27 декабря Соколов представил при рапорте и следующий акт: «Вследствие предписания от 21 декабря 1882 года за № 524, его высокопревосходительство, господин комендант приказать изволил: все вещи, оставшиеся в Алексеевском равелине после смерти арестанта, содержащегося в № 1,—уничтожить сожжением. 24 декабря сего 1882 года, в присутствии смотрителя Алексеевского равелина и унтер-офицеров Игнатия Прокофьева и Федора Блинова, сожжены нижеследующие вещи: армяк серый—1, штаны—1, шапка—1, полушубок дубленый—1, пальто летнее драповое—1, пиджак летний—1, рубашка теплая фланелевая—1, подштанники—1, галстух статский—1, шляпа котелком—1, рукавицы замшевые с теплыми варегами—1 пара, шер-

стяные чулки—1 пара, полусапожки—1 пара и платок—1. Присовокупляю, что еще оказались очки с футляром, которые были разбиты и брошены в печь; о чем свидетельствуем своими подписями»...

Тут конец житию Сергея Генадиевича Нечаева.

XXX.

Можно подвести итоги режиму граа Д. А. Толстого, П. В. Оржевского, В. К. Плеве и И. С. Ганецкого, освященному Александром III и проведенному штабс-капитаном Соколовым. Оставляем в стороне Л. Ф. Мирского, у которого была своя судьба, и С. Г. Нечаева, погибшего в камере № 1 21 ноября 1882 года. Группа из пятнадцати человек! Из них в июле—сентябре 1883 года умерло 4: Клеточников, Баранников, Тетерка, Ланганс, и в 1884 году 2: А. Михайлов и Колодкевич. Сошло с ума двое: Игнатий Иванов и Арончик. Получили начало душевного расстройства, развившегося впоследствии, трое: Исаев, Щедрин и Поливанов. И только Морозов, Тригони, Фроленко и Попов прошли через Алексеевский равелин и Шлиссельбургскую крепость. Итого на 15 человек—умерших (6), сошедших с ума (2) и тронувшихся в уме (2—Исаев и Щедрин)—66,6% убыли и это за 2 года 4 месяца заключения!

Вторая группа заключенных в равелине, перевезенная сюда в ночь на 29 апреля 1884 года, с закрытием равелина была перемещена в Шлиссельбургскую тюрьму. Их было семь: Богданович, Буцевич, Геллис, Грачевский, Златопольский, Минаков и Мышкин. Их ждала такая судьба: Минаков и Мышкин были расстреляны в Шлиссельбургской тюрьме, Грачевский там же кончил с собой самосожжением, а остальные там же умерли: в 1885 году Буцевич, Златопольский, в 1886 году Геллис и в 1888 году Богданович.

XXXI.

А Мирский, неведомо ни для кого из своих соседей по заключению, погибавших от режима, содержался по-прежнему «на исключительных условиях» от других арестантов, т.-е. получал улучшенную пищу и пользовался правом чтения книг. Но и исключительные условия не спасли его от цынги. Начальство вспомнило об услугах Мирского, и 23 июня 1883 года последовало высочайшее соизволение на отправление Леона Мирского для дальнейшего отбывания наказания в Сибирь, на каторгу. В ночь на 26 июня Мирский был переведен в Трубецкой бастион, а 15 июля он был сдан под расписку жандармскому капитану для доставления в Дом Предварительного заключения. За время с 1866 года это был первый случай, когда заключенный был куда-то перевезен из стен равелина. Заточенные или здесь умирали или же отсюда переводились в больницу для умалишенных. Только эти два исхода и были.

Мирский не знал о том, что его переводят на каторгу в Сибирь, и, прибыв в Трубецкой бастион, сейчас же обратился с почтительно-фамильярным письмом к его высокопревосходительству господину коменданту. «Мне, к сожалению, не сказали, надолго ли я переведен из равелина. Если мое пребывание в бастионе продлится более или менее долго, то я прошу ваше высокопревосходительство приказать выдать мне новый халат, новое одеяло, а то я боюсь заразиться, так как полученная мною одежда имеет вид крайне подозрительный. Сверх того, у меня нечего читать. Из равелина принесли журнал «Дело», но я уже прочитал все эти книги и могу их возвратить. Будьте добры прикажите или выдавать мне книги из библиотеки бастиона, или—еще лучше—пришлите мне «Отечеств. Записки» за вторую половину 1882 г., о чем я имел честь просить ваше высокопревосходительство в половине текущего месяца. Еще есть у меня убедительнейшая и покорнейшая просьба к вашему высокопревосходительству, и надеюсь, вы не отвергнете ее, потому что дело идет о сохранении моего здоровья и жизни. Прикажите ради бога устроить надлежащую вентиляцию в моем номере, в равелине. В последнее время у меня стала побаливать грудь и вообще обнаружилось некоторое повреждение легких от недостатка воздуха. Кроме того, цынга до сих пор не прошла. Поэтому я умоляю вас, мой благодетель, прикажите вставить один вентилятор в левом углу окна, так чтобы единовременно действовали два вентилятора в окне и один в стене. Притом я бы просил, чтобы в новом вентиляторе дырочки были хоть сколько-нибудь побольше. Я твердо надеюсь, что ваше высокопревосходительство не забудете об этой важной просьбе. Вашего высокопревосходительства покорн. слуга Мирский. 26 июня 1883 г.»

Это—последнее документальное известие о пребывании Мирского в С. Петербургской крепости.

XXXII.

Наш рассказ о жизни в равелине в 1882—1884 годах был бы неполным, если бы мы не упомянули об одном совершенно исключительном событии.

В «книге для записывания смен поста караула Алексеевского равелина» под 29 августа 1882 года читается любопытная запись.

Из Алексеевского равелина убыла личность:

Время выбытия.	Личность.	Время прибытия.
Выб. в 12 ч. 50 м. ночи	одна личность.	

А под 30 августа в той же книге находим новую запись.

Прибыла в равелин личность:

Время выбытия.	Личность.	В какое время прибыл.
	одна личность	в 10 ч. 40 м. ночи.

Одна личность, убывшая в ночь на 29 августа и прибывшая через сутки,—Михаил Николаевич Тригони. Его перевели из равелина в Трубецкой бастион, чтобы дать свидание с матерью. Это свидание было исключительным событием в жизни равелина, оно было единственным за долгий период с 1864 года. Мать Тригони, вдова генерал-майора, дочь адмирала Станюковича, добилась этого благодаря своим связям при дворе, помимо департамента полиции. Через генерал-адъютанта Рихтера она передала Александру III следующее письмо: «Ваше императорское величество, самодержавный и всемилостивейший государь. Для высокоторжественного дня тезоименитства вашего величества, дозвольте мне видеться с сыном... Этот день миллионы народов празднуют, позвольте и мне надеяться. Государь, я женщина в летах, приехала из Крыма, имея надежду на милосердие и милость царя и отца несчастных, умоляю вас, услышьте мою просьбу. Имею счастие быть с чувствами глубочайшего благоговеления, душевно преданная вашему императорскому величеству верноподданная, вдова генерал-майора Ольга Тригони».

Александр III «услышал просьбу» и положил резолюцию: «можно, но при свидетелях». Об этом экстраординарном разрешении довел до сведения коменданта крепости собственноручным письмом сам товарищ министра внутренних дел П. В. Оржевский. Письмо было передано в руки коменданта секретарем департамента С. Э. Зволянским. «Лично и совершенно секретно», писал 29 августа генерал П. В. Оржевский милостивому государю Ивану Степановичу: «государю императору благоугодно было разрешить вдове генерал-майора Ольге Тригони иметь завтра, 30 августа, свидание с содержащимся во вверенной вашему высокопревосходительству крепости ссыльно-каторжным государственным преступником Михаилом Тригони, но с непременным условием, чтобы означенное свидание происходило при свидетелях. Сообщая о таковой высочайшей воле на зависящее исполнение вашего высокопревосходительства, считаю необходимым присовокупить, что важность содеянных Михаилом Тригони преступлений и исключительность оказанной матери его монаршей милости обусловливают принятие особых мер к тому, чтобы свидание это осталось тайной для всех прочих, содержащихся в крепости ссыльно-каторжных. В сих видах, я имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не изволите ли признать возможным приказать капитану Соколову лично доставить Тригони в избранное вами, для свидания, место и затем, до возвращения названного преступника в его камеру, безотлучно при нем находиться, наблюдая самым тщательным образом за всеми его словами и движениями.

Независимо от сего, согласно выраженному г. министром внутренних дел мнению, я имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что во внимание к совершенной исключительности настоящего случая, личное присутствие ваше, при свидании Ольги Тригони с сыном, представляется весьма желательным».

А 31 августа секретарь департамента С. Э. Зволянский уже засылал к секретарю коменданта «многоуважаемому Тимофею Ефремовичу» Денежкину конфиденциальное письмецо следующего содержания: «Спешу сообщить вам конфиденциально о высказанном г. товарищем министра П. В. Оржевским желании иметь подробное донесение *о вчерашнем свидании*, как было, при ком, что говорилось и т. д.» Желание Оржевского было удовлетворено в тот же день. «Совершенно секретно» комендант сообщил милостивому государю Петру Васильевичу: «На письмо от 29 сего августа имею честь уведомить, что по получении извещения вашего превосходительства о высочайшем соизволении дать свидание вдове генерал-майора Ольге Тригони с сыном ее, осужденным ссыльно-каторжным преступником Михаилом Тригони, он ночью, в совершенной тайне, был переведен в Трубецкой бастион и помещен в одну из камер пустого отделения. В $3^1/_4$ часа по полудни, тотчас по отъезде их императорских величеств из Петропавловского собора, в моем присутствии и штабс-капитана Соколова, дано свидание в комнате Екатерининской куртины за решеткой, продолжавшееся 20 минут. Мать и сын, повидимому, были в спокойном, относительно, состоянии и вели разговор исключительно о родственниках и семейных делах. Преступник, пораженный неожиданностью видеться с матерью, делал ей вопросы, от кого и как она могла узнать о существовании его здесь и каким образом добилась свидания. Ответы матери были следующие: «приехав в Петербург, она обратилась к товарищу шефа, генералу Оржевскому, который уверил ее в добром здоровьи сына, и затем обратилась к генералу Рихтеру с просьбою исходатайствовать ей свидание и вот, благодаря участию и милости государя императора, она видит его». На вопросы ее о здоровьи и как переносит одиночное заключение, он успокаивает тем, что совершенно здоров, пища хороша и, насколько можно в его положении, крепок духом; когда же она коснулась разговора о намерении к коронации снова приехать в Петербург или Москву из Крыма с просьбою об облегчении его участи и, когда посоветовала ему и с своей стороны написать просьбу его императорскому величеству о раскаянии и помиловании, то он ответил, что признает это для себя неудобным не потому, чтобы не желал просить государя, но находит неуместным ввиду характера и важности его преступления. Затем, по окончании свидания, преступник Тригони снова был отведен штабс-капитаном Соколовым в Трубецкой бастион и в 11 часов ночи возвращен в Алексеевский равелин».

Остается еще привести отрывки из воспоминаний М. Н. Тригони об исключительном событии его жизни в Алексеевском равелине.

«Позднею ночью на 30 августа меня увели из Алексеевского равелина в Трубецкой бастион. Привели в камеру, и Соколов, сказав «можно раздеваться и ложиться спать», вышел. Из Алексеевского равелина так скоро не уводят. Я недоумевал, что это значит. Порешив, что размышления все равно ни к чему не приведут, я разделся и лег спать. На другой день утром в 7 часов принесли черный хлеб, кружку

молока и $^1/_2$ лимона. У меня была цынга, и все это я получал в Алексеевском равелине. В 12 часов дали тот же обед, какой давали в равелине. Значит связь с равелином не утрачивается. Через полчаса после обеда входят в камеру Соколов и смотритель Трубецкого бастиона Лесник, который сказал мне: «государь разрешил вашей матушке свидание с вами на $^1/_4$ часа, которое сейчас будет дано. При этом мы должны предупредить вас, что, если вы скажете, где вас держат или как вас содержат, то свидание в ту же минуту будет прекращено». Меня сейчас же повели на свидание, которое было дано в обычном месте для свиданий, т.-е. через две проволочных сетки. Между проволочными сетками поместились Соколов и Лесник, а в отделении, где была мать, находился комендант крепости Ганецкий. Для такого-то свидания мать приехала из Севастополя в Петербург...»

XXXIII.

Пока внедрялся режим содержания в равелине на положении ссыльно-каторжных и пока под действием этого режима выходили в тираж заключенные, приходили к концу и, наконец, закончились работы по переустройству новой тюрьмы в Шлиссельбурге. 24 июля 1884 года П. В. Оржевский обратился к коменданту крепости со следующим совершенно секретным письмом (№ 466). «Ввиду окончания работ по устройству государственной тюрьмы в упраздненной Шлиссельбургской крепости, в означенную тюрьму подлежат ныне переводу, согласно высочайшего повеления от 23 июня минувшего года, содержащиеся в Алексеевском равелине и Трубецком бастионе С.-Петербургской крепости ссыльно-каторжные государственные преступники.

«Возложив на коменданта С.-Петербургского жандармского дивизиона полковника Стаховича перевозку из крепости в Шлиссельбургскую тюрьму подлежащих заключению в оной ссыльно-каторжных, я имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство сделать распоряжение выдать полковнику Стаховичу содержащихся ссыльно-каторжных: 1) Михаила Фроленко, 2) Григория Исаева, 3) Айзика Арончика, 4) Николая Морозова, 5) Петра Поливанова, 6) Михаила Тригони, 7) Михаила Попова, 8) Николая Щедрина, 9) Мейера Геллиса, 10) Савелия Златопольского, 11) Михаила Грачевского, 12) Юрия Богдановича, 13) Александра Буцевича, 14) Егора Минакова, 15) Ипполита Мышкина, и содержащихся в Трубецком бастионе: 16) Дмитрия Буцинского, 17) Людвига Кобылянского, 18) Владимира Малавского, 19) Федора Юрковского, 20) Александра Долгушина и 21) Михаила Клименко — и вместе с тем не отказать в вашем, милостивый государь, благосклонном содействии вышеозначенному штаб-офицеру по всем вопросам, связанным с исполнением возложенного на него поручения. О последующем не откажите, ваше высокопревосходительство, почтить меня уведомлением.»

А 31 июля (№ 148) Ганецкий уведомил Оржевского о том, что «посадка будет произведена с 1 на 2 августа, т.-е. со среды на четверг». Тем временем Соколов отбыл в Шлиссельбург для того, чтобы приготовиться к встрече своих заключенных на новом месте. По случаю перевода арестантов в Шлиссельбургскую тюрьму и отъезда капитана Соколова 1 августа прикомандированному к комендантскому управлению С.-Петербургской крепости жандармскому поручику Егорову было предписано:« в 10 часов вечера 1 августа явиться».

Исполнение распоряжения о переводе потребовало, очевидно, некоторых приуготовительных действий. Об одном затруднении сохранилась память в «совершенно-секретном» письме коменданта полковнику Стаховичу от 20 июля, № 144: «Милостивый государь, Михаил Парменович, ввиду устройства у Невской пристани Иордана для водосвятия 1 августа и отвода перевозного плота к Екатерининскому бастиону, где по мелководью пароход не может пристать, прошу вас, милостивый государь, произвести посадку не раньше как с 1-го на 2 августа, т.-е. со среды на четверг. О последующем меня уведомить».

Заключенные были разделены на две партии. В первой было 11 человек: Фроленко, Исаев, Морозов, Трегубов, Попов, Щедрин, Грачевский, Златопольский, Геллис, Минаков и Буцевич. Во второй партии были оставшиеся четыре человека: Поливанов, Мышкин, Арончик и Богданович; сюда же присоединены и обитатели Трубецкого бастиона Буцынский, Кобылянский, Малавский, Юрковский, Долгушин, Клименко. 2 августа (№ 152) комендант уведомил Оржевского, что первая партия 2 августа в 4 часа утра сдана Стаховичу, а посадка остальных арестантов будет произведена с 3 на 4 августа. О сдаче этой партии Стаховичу 4 августа в 4 часа утра Оржевский был уведомлен письмом 4 августа (№ 156).

Сохранился «акт передачи»—список ссыльно-каторжным государственным преступникам, содержавшимся в С.-Петербургской крепости, сданным 2 и 4 августа в распоряжение коменданта С.-Петербургского жандармского дивизиона полковника Стаховича. Список скреплен следующими подписями: «комендант генерал-адъютант Ганецкий. Принял полковник Стахович. Присутствовали штаб-офицеры: комендантского управления полковник Сабанеев, подполковник Лесник, капитан Соколов. За секретаря поручик Андреев».

Как подобает, комендант представил царю рапорты о переводе первой партии 2 августа (№ 150) и второй 4 августа (№ 154), одновременно и министру внутренних дел (№ 151 и 155).

XXXIV.

За неделю до перевода заключенных из равелина в Шлиссельбургскую крепость, Плеве писал Ганецкому: «За упразднением государственной тюрьмы в Алексеевском равелине С. П. Б. крепости, имею

честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство сделать распоряжение о приводе в порядок и доставлении затем в д-т полиции для дальнейшего хранения всей секретной переписки управления вверенной вашему высокопревосходительству крепости, касающейся означенного равелина по заключению и содержанию в оном государственных преступников.

Равным образом покорнейше прошу приказать доставить в д-т полиции и серебро, принадлежащее дому Алексеевского равелина, упомянутое в вашем, м. г., письме от 20 сего июля. Что же касается тех вещей, которые не будут переданы начальнику Шлиссельбургского жандармского управления, то, соглашаясь с предположением вашего высокопревосходительства об их уничтожении, я вместе с сим сделаю распоряжение, чтобы, по вашему уведомлению, от д-та полиции было командировано уполномоченное лицо, для присутствования при уничтожении вещей».

Все просьбы Плеве были выполнены: серебро доставлено в департамент полиции; вещи и предметы обихода, годные к употреблению, переданы в новую тюрьму, негодные—сожжены. А секретная переписка по равелину была передана в департамент полиции, где и хранилась на секретном положении, вплоть до великой революции, раскрывшей все государственные тайники. Вся эта секретная переписка, недоступная до тех пор ни одному из исследователей, положена в основу нашей работы.

Таков был конец Алексеевского равелина.

П. Щеголев.

Настоящая работа написана на основании неизданных архивных материалов, заключающихся в нижепоименованных делах. По упразднении равелина в департамент полиции было передано все производство, хранившееся как при доме Алексеевского равелина, так и при управлении коменданта. Делам этим была составлена опись, номера и приводятся нами с показанием числа листов.

По содержанию арестантов Алексеевского равелина: № 133 на 135 л. (1873 г.), № 136 на 106 л. (1874 г.), № 138 на 102 л. (1875 г.), № 140 на 102 л. (1876 г.), № 142 на 94 л. (1877 г.), № 144 на 95 л. (1878 г.), № 148 на 64 л. (1879 г.), № 153 на 80 л. (1880 г.), № 157 на 88 л. (1880 г.), № 162 на 103 л. (1881 г.), № 167 на 144 л. (1883 г.), № 175 на 59 л. (1884 г.).

Отчеты о содержавшихся в Алексеевском равелине арестантах: № 134 на 24 л. (1873 г.), № 137 на 17 л. (1874 г.), № 139 на 12 л. (1875 г.), № 141 на 12 л. (1876 г.), № 143 на 12 л. (1877 г.), № 146 на 12 л. (1878 г.), № 149 на 12 л. (1879 г.), № 154 на 12 л. (1880 г.), № 158 на 12 л. (1881 г.), № 166 на 17 л. (1882 г.), № 168 на 12 л. (1883 г.), № 176 на 11 л. (1884 г.).

Совершенно секретная переписка: № 145 на 23 л. (1878 г.).

О высылке из III отделения собственной его императорского величества канцелярии книг для чтения известному арестанту: № 147 на 4 л. (1878 г.), № 150 на 18 л. (1879 г.), № 152 на 55 л. (1880 г.).

О высылке из департамента полиции книг для чтения известному арестанту: № 156 на 38 л. (1880 г.), № 169 на 4 л. (1883 г.).

О заключении в каземат Алексеевского равелина преступника № 5: № 135 на 71 л. (1873 г.).

О заключении в Алексеевский равелин секретного государственного преступника М.: № 151 на 21 л. (1879 г.).

О заключении в Алексеевский равелин С. Петербургской крепости лица, значущегося в деле под № 12: № 1155 на 34 л. (1880 г.).

О заключении в крепости пяти человек ссыльно-каторжных государственных преступников, находившихся на Каре: № 164 на 25 л. (1882 г.).

О беспорядках в Алексеевском равелине: № 160 на 559 л. (1881 г.).

О рядовом Петербургской местной команды Иване Губкине: № 161 на 14 л. (1881 г.).

О предании военно-окружному суду чинов Алексеевского равелина за допущенные беспорядки: № 163 на 171 л. (1882 г.).

О говении арестантов Алексеевского равелина: № 170 на 2 л. (1883 г.), № 177 на 11 л. (1884 г.).

О смерти арестанта Николая Клеточникова: № 171 на 17 л. (1883 г.).

О смерти арестанта Александра Баранникова: № 172 на 17 л. (1883 г.).

О смерти арестанта Макара Тетерки: № 173 на 17 л. (1883 г.).

О смерти арестанта Алексеевского равелина Мартына Лангапса: № 174 на 16 л. (1883 г.).

О смерти арестанта Алексеевского равелина Александра Михайлова: № 178 на 17 л. (1884 г.).

О смерти арестанта Алексеевского равелина Николая Колодкевича: № 180 на 19 л. (1884 г.).

О переводе из Трубецкого бастиона в Алексеевский равелин семи человек ссыльно-каторжных государственных преступников: № 179 на 6 л. (1884 г.).

О переводе ссыльно-каторжных арестантов из Алексеевского равелина; Трубецкого бастиона в Шлиссельбургскую тюрьму: № 181 на 18 л. (1884 г.).

Об арестантах, содержащихся в Алексеевском равелине: № 165 на 69 л. (1882 г.).

Дело № 11 управления коменданта Спб. крепости по Алексеевскому равелину—о временных отлучках и болезни смотрителя Алексеевского равелина; нач. 31 дек. 1881 г., конч. 2 февраля 1882 г., на 19 листах.

Дело департамента полиции 1 делопроизводства, № 5, нач. 10 янв. 1883 г. конч. 9 марта 1884 г.—о расходах по содержанию госуд. преступников—на 94 листах.

Дело III отд. 3 экспедиции, 1879 г. № 167—о покушении на Дрентельна.

Дело штаба корпуса жандармов по 1 отделению, 1887 г. № 198 — об отчислении ротмистра Соколова от занимаемой им должности, на 79 листах.

Разрозненные и не подшитые бумаги, хранившиеся в секретной части—об Алексеевском равелине.

Книга для записывания смен постов караула в Алексеевском равелине на 1882 год (хранится в Музее Революции).

П. Щеголев.

Из архива Л. Тихомирова.

Воспроизведенные ниже материалы по истории интеллигентски-революционного движения 70-х годов извлечены из переданного Центрархиву «архива» известного народовольца, потом ренегата, автора брошюры «Почему я перестал быть революционером», публициста черного режима, недавно умершего никому не нужным,—Л. Тихомирова. «Архив» его состоит из папки различного содержания статей и заметок,— из которых иные даны ниже (о покушении на Александра II, список членов Исполнительного Комитета Народной Воли),— из 23 тетрадей, содержащих его «Дневники», охватывающие период от 1883 г. по октябрь 1917 г. и 3 тетрадей «Записок и Воспоминаний». Последние представляют лишь фрагменты недописанной автобиографии. Свои «Воспоминания» Тихомиров писал еще в годы своей революционной деятельности и часть их использовал для своей известной книги, написанной с целью ознакомления общественного мнения Европы с революционным подпольем 70 годов—«Conspirateurs et policiers. Souvenirs d'un proscrit russe» [1]). Свои «Воспоминания» он потом сжег и, перебравшись в Россию в 1889 г., принялся их восстановлять по памяти, при чем для соответствующего периода прошлого воспользовался своей французской книгой с известными—«дополнениями». Впрочем, эти главы среди его «Воспоминаний» отсутствуют,— вероятно, не были им восстановлены. Повествование обрывается здесь как раз в том месте, где начинается первая глава книги «Conspirateurs.» На основании сохранившегося можно теперь установить, что спрятанный под инициалом В. французской книги и русского перевода, пославший Тихомирова на квартиру Синегуба был Кропоткин, а фигурирующий в книге (и в переводе ее) Углов, который отвел его на квартиру, был рабочий Орлов, «весьма неглупый и приблизительно настолько развитой, как средние студенты», знавший «имена Лассаля, Шульце-Делича и Маркса», но потом «отставший от рабочего движения». Сохранившиеся фрагменты автобиографии Тихомирова воспроизводят следующие моменты: 1) историю родителей—«семейную хронику» Тихомировых, 2) студенческие годы, 3) кружок чайковцев и 4) ниже напечатанные (с сокращениями) страницы, охватывающие период «Земли и Воли» и «Народной Воли», но до последней не доведенные. Не внося новых крупных данных в наши представления об этом периоде революционного движения, «Воспоминания» Тихомирова, однако, представляют некоторый общий интерес, который вскользь выявлен в статье М. Н. Покровского «Ленин в русской революции» («Вестник Коммунистической Академии», № 7). Говоря здесь о том, что В. И. Ленин усматривал первую крепкую конспиративную революционную организацию уже у землевольцев, в противоположность Плеханову, который возводил ее к народовольцам, автор упомянутой статьи замечает: «Для нас это

[1]) Есть русский перевод. В подпольн. изд. «Друг Народа». П. 1907 г.

стало ясно только теперь на основании новых документов, а для Ильича было совершенно ясно еще в 1902 г.» К числу этих «новых документов» автор относит как воспоминания В. Фигнер, так и автобиографию Л. Тихомирова (именно ниже печатаемый отрывок ее).

«Воспоминания» Тихомирова о землевольческой эпохе дополнены двумя особо стоящими документами: 1) списком членов Исполнительного Комитета Народной Воли, несколько разнящимся от приведенного В. Фигнер в ее «Запечатленном Труде» (см. прим. 52) и 2) рассказом об убийстве Александра II, где много места уделяется «случайности» и «фатальности» этого события, по поводу чего в его «Дневнике» (под 18 сент. 1889) имеется также пара страниц благочестивых размышлений в духе «Московских Ведомостей».

Не лишенное автобиографической ценности и несомненной колоритности покаянное его прошение на имя царя занесено им в его «Дневник» под 12 сент. 1888 г. после лаконической заметки: «Послал нижеследующее прошение».

«Дневники» ренегата, в которых имеются, между прочим, данные о первых шагах «Группы Освобождения Труда», в их дальнейших частях, когда он уже плыл под флагом: «самодержавие, православие и народность», не безынтересны в том смысле, что в них то и дело звучит полускрытое признание, насильственно и искусственно подавляемое, что измена делу революции, если и дала ему материальное обеспечение, то внутреннего удовлетворения, повидимому, не дала. При чтении «Воспоминаний» Тихомирова надо, разумеется, помнить, что они в том виде, как сохранились, писались в годы, когда он не только отошел от революционного движения, но и выступал, как ее казенный обличитель [1]).

Вл. Ф.

---

[1]) Примечания и указатель составлены В. П. Алексеевым.

I.

Эпоха „Земли и Воли", Исполнительного Комитета и „Народной Воли".

1.

Я приступаю к запискам о временах «Народной Воли» так много лет спустя (1898 г.)—почти 20 лет, после столького пережитого, передуманного,—что чувствую себя совершенно беспристрастным, почти бесстрастным...

Я бы сказал прямо «бесстрастным», если бы не чувствовал глубокой жалости ко всем или по крайней мере большинству тогда погибшим л ю д я м. Все они л ю д и, и все очень полною ценой расплатились за все, что сделали ошибочного или преступного. Притом понятие преступного в политике так условно, так часто сводится к простой ошибке или даже к[1]) вопросу об удаче или неудаче.

Наконец, я пишу для того отдаленного будущего, когда все эти события уже потеряют жгучее или заразительное значение. Следовательно, даже соображения общественной пользы не могут отклонять меня в нижеследующих строках от того беспристрастия, которое установилось в душе моей по отношению к этим стародавним временам, когда и я был молод, и я ошибался, и я делал зло, не думая, чтобы это было зло, но чувствуя, будто бы веду жизнь самоотверженного героизма.

Прошло 20 лет. Я постарел и стал опытнее. Но мне ли не знать, что и теперь я часто ошибаюсь и, думая делать добро, может быть, делаю зло? По крайней мере—не могу поручиться, чтобы этого не случалось. Чувствуя это, я не имею ни малейшего желания становиться с у д ь е й людей тех времен. С е б я я за дела тех дней уже осудил и лично и публично, свою жизнь постарался изменить сообразно с этим судом. А судить умерших — не чувствую желания. Мне хочется только припомнить, представить себе и рассказать потомству—к а к б ы л о д е л о. Кто хочет—пусть судит. А я только думаю, что из п р а в д и в о г о рассказа о действительно бывшем можно н а у ч и т ь с я многому, даже помимо осуждения собственно людей.

---

[1]) В подл. зачеркнуто: удачам неудачам.

Но я сам не хочу даже и учить ничему. Мне лично хочется только рассказать, оставить материал для суждения об эпохе, которой большая часть людей крупных и знавших—погибла, а остались больше люди мелкие, ничего толком не знавшие, которые тем более свободно будут рассказывать басни, не имеющие ничего общего с действительностью.

2.

Внутренний смысл событий, как я его, правильно или ошибочно, понимаю, я уже формулировал в брошюре «Начала и Концы» [1]). Ничего другого и теперь не сказал бы я, если бы пришлось говорить. Мне теперь хочется хорошенько припомнить и изложить собственно фактическую часть происшествий.

Когда у нас стали появляться политические убийства то в форме самозащиты, то в форме нападения,—все это сначала вовсе было не организовано, не обдумано и направляемо кем-либо в отдельности. Никаких тут не было таинственных рук или польских ржондов, как то вообразил Любимов и Катков. Все это просто носилось в воздухе, было не личной идеей, а идеей интеллигентного слоя. Мысль о «терроре», о цареубийстве, о заговоре приходила в голову людям в разных концах России, в совершенно различных положениях, различных национальностей, всем рассеянным «гражданам революционной идеи». Это было начало восстания, которое не удалось, не разгорелось, потому что желающий восстания слой был очень слаб. Вот и все. Тут была логика революционной идеи, а не чья-либо таинственная рука. Разве, пожалуй, можно говорить о таинственной руке диавола... Это может быть, конечно, но нам, людям, не одаренным духовной прозорливостью, входить в такие гипотезы, конечно, трудно.

В человеческом же смысле —«таинственная рука», т.-е. организация, явилась только как последствие, а не как начало. Бывали даже моменты, когда она была совершенно мифической: одно имя, один звук, без всякой реальности.

Это «бунтарское» настроение назрело за те 4 года с лишним, которые я с сотнями других просидели в тюрьме [2]). В 1872—1873 годах мы не помышляли о восстаниях, а что касается убийств,—то они возмутили бы наше нравственное чувство. Когда в 1876—1877 годах у нас завязались сношения с «волей», то настроения этих новых поколений казались многим и большинству из нас дикими и ложными. Впоследствии же сами порицатели новых поколений примкнули к террористам.

---

[1]) Издано в М. 1890 г.

[2]) По процессам 193-х и 50-ти, разбиравшимся с окт. 1877 г. по янв. 1878 г.— отбывали предварительное заключение. В частности Л. Тихомирову по приговору было зачтено предварительное заключение. См. ниже. Процесс 193-х издан Стопневичем А. Д. «Северная Пальмира». СПБ. 1906 г. и Сабашниковым М. 1906 г.

Когда я вышел из тюрьмы, все остатки старых «чайковцев» [1]) и особенно «освобожденные» из тюрьмы группировались около П е р о в с к о й. Она их собрала около себя и держала их в оппозиции «троглодитам» [2]), другими словами, ученикам Натансона [3]). Я совсем не знал Натансона, но это был человек, говорят, крупный. В мои времена, т.-е. 70—71 г.г., Натансон, Чайковский, Сердюков и Лермонтов были возбудителями революционного движения, совсем подавленного после Нечаева. Сначала они составляли один дружеский кружок, потом постепенно разошлись. Натансон был арестован и выслан [4]). Сердюков—тоже арестован и несколько лет почти не выходил из тюрьмы. Лермонтов разошелся с кружком Чайковского и в 1873 году пытался образовать свой или, точнее сказать, свои кружки, так как он усвоил новую и модную тогда теорию анархизма. Впрочем, действовал он не долго, был арестован и умер в тюрьме [5]).

Человек это был очень способный, но едва ли хороший. Двуличный, эгоистичный и, вероятно, готовый все принести в жертву своей карьере, которая сливалась для него с участью революции. Впрочем, господь его знает. Может быть, мои легкие впечатления и ошибочны.

Итак, кружок вышел «кружком Чайковского», а затем началось «движение в народ», захватившее кружок, но созданное не им, а тою же всесильной логикой психологии революции. Затем прошло «шальное лето» [6]), движение было разгромлено, и вот в это время, когда по России, по разным тюрьмам сидело до 1.000 человек,—Марк Натансон бежал и явился в Петербург с «новой идеей» [7]).

Эта новая идея состояла именно в «народничестве». Мы раньше были «пропагандистами» и «развивали народ», прививали ему «высшие» идеи. Новая идея состояла в открытии, которое впоследствии развивалось в «Основах народничества» Каблица (Юзова) [8]), но гораздо лучше изложена в программе кружка Натансона, да отчасти вошло и в программу «Народной Воли». Решено было, что народ русский, и м е е т уже те самые идеи, которые интеллигенция считает передовыми, т.-е. он, народ [9]), отрицает частную собственность на землю, склонен к ассоциации, к федерализму общинному и областному. Учить его было нечему, нечему и самим учиться. Требовалось только помочь

---

[1]) Народнический кружок, возникший в Петербурге весной 1869 г. по инициативе В. Александрова и Сердюкова, и потом получивший свое название по имени одного из первых примкнувших к основателям кружка Н. В. Чайковского.

[2]) Так прозвал членов кружка группы Натансона Д. А. Клеменц за их отрицательное отношение к образованию.

[3]) Марка Андреевича.

[4]) В 1871 г. в Архангельск. губ.

[5]) По процессу 193-х.

[6]) 1874-й год,—«сумасшедший».

[7]) Вернулся из ссылки в 1876 г.

[8]) Вышли в 1882 г.

[9]) В подл. зачеркнуто: признает право.

в организации сил и в задаче сбросить гнет правительства, которое держит его в порабощении.

Отсюда «народники» стали разнообразными «бунтарями», с очень анархическим оттенком. А именно: захвата власти они не признавали, а допускали лишь «дезорганизацию правительства». Само собою скоро явились фракции и у народников. Но пока это случилось, они организовали очень могущественный кружок «Земля и Воля», который для 1871—1877 годов был тем же, чем для 1872—1873 годов был кружок чайковцев.

Сам Натансон не долго действовал и был арестован с револьвером в кармане [1]): «признак времени». Вообще револьверы стали появляться, хотя их еще и не пускали в ход. Возвратились со славянской войны и добровольцы-революционеры, понюхавшие пороха. Вообще воинственное настроение эпохи освобождения славян сильно расшевелило боевые инстинкты у революционеров, а позорное поведение России на Берлинском Конгрессе [2]) рисовало правительство не только малодушным, но и б е с с и л ь н ы м. Все это подымало дух врагов его. Являлись уже фантазии динамитного характера. Первый заговорил о динамите, по преданию, Каблиц, который развивал идею, что можно в о з динамита подвезтив нужную минуту ко дворцу и взорвать. Конечно,—взрывавший должен обречь себя на смерть...

Натансон был арестован, но кружок остался. В нем было собрано много очень, в революционном смысле, серьезных сил. Руководила кружком жена Натансона Ольга (урожденная Шлейснер). Я ее знавал и не нахожу в ней ничего особенного, но люди из кружка почитали ее чрезвычайно и ставили высоко. Не знаю. Когда я поступил в кружок, Ольга Натансон была уже тоже арестована [3]), так что я не мог лично наблюдать, что именно давала она кружку. На взгляд же она напоминала Перовскую, и, вероятно, такого же рода было и ее влияние.

Оба типа чисто женские. Ума — не много, но масса убеждения, веры, самоотверженности и воли — правда, в низшей форме [4]) у п о р с т в а. Уж что заберет в голову — колом не вышибешь. При этом огромная доза консерватизма, «на чем поставлена — на том и стоит». Ума творческого немного или даже вовсе нет, но очень много ума практического, житейского, который так нужен во всякой организации. Таковы, по всей вероятности, разные хлыстовские «богородицы».

Итак, некоторое время,—т.-е. месяц или два—петербургская революция официально находилась под руководством двух «баб». Нас, «освобожденных», толкалось около Перовской человек 40. Она легко сделалась центром, потому что прожила все время на воле, все время вела с нами сношения, и по выходе из тюрьмы мы, естественно, попадали

[1]) Летом 1877 г.

[2]) Происходил с 13 июня по 13 июля 1878 г.

[3]) 13 окт. 1878 г. после убийства Мезенцева.

[4]) В подл. зачеркнуто: упрям.

к ней. Она жила в дрянных номерах в доме Фридерикса, где занимала сама довольно большое помещение, да еще ее сестра, Марья Львовна — тоже. Жил тут, помнится, и еще кое-кто. Номера эти недели 3 были нашим пристанищем. Здесь собирались, здесь ночевали, шлялись и разговаривали по коридору... Потом, когда понадобилось помещение менее доступное наблюдению, мы сняли квартиру на Знаменской, где жила нас целая куча, а шлялось еще больше. Правда, скоро хозяин отказал нам, но в это время и так уже всем приходилось разъезжаться из СПБ.

Мы, выходя из тюрьмы, не могли иметь никакого понятия об окружающем. Большинство было так уставши, что даже и не имело желания какой-нибудь немедленной деятельности. Сверх того, многие из нас подлежали высылке и не могли решить вопроса, становиться ли сразу в «нелегальное положение». В общей сложности все это располагало охотно слушать советы Перовской не присоединяться к «троглодитам» [1]), как Клеменс прозвал народников за их пренебрежение к знаниям и культуре. Перовская предлагала основать свой кружок, или, точнее, восстановить пропагаторский кружок, жить с народом, развивать его, но, конечно, все это по-революционному. В этом она в сущности вовсе не далека была от «троглодитов», и не ладила с ними, вероятно, более из кружкового патриотизма. Как бы то ни было, мы все соглашались не приставать к народникам, которые сильно желали нас завербовать, но что именно делать,— это оставалось спорным, неясным и нерешенным. Да в сущности все мы желали до времени одного: рассмотреться, ориентироваться и отдохнуть.

Среди этих нескольких десятков человек деловую ценность представляли только Перовская, Клеменс (Дмитрий Александрович, все время бывший на свободе, «в народе», за границей и т. п.), Николай Морозов и я. Но все три последние лица очень скоро стали сближаться с натансоновцами.

Клеменс был человек очень милый и талантливый. Конечно, смешно и нелепо возводить его в великие умы и герои, как мне недавно писал мой бедный Сергей Синегуб, очевидно, совсем засохший умственно на каторге. Но Клеменс, несомненно, талантлив и не глуп. Он все же выучился иностранным языкам, занимался и увлекался многими отраслями знаний, остроумен, на все способен: может и стихи написать, и статью, и поговорить с «либералами». Он человек с авантюрской жилкой, храбрый, а в то же время любезный [2]), прилично воспитанный. Никакой сколько-нибудь заметной умственной силы он не имел, но не имел и фанатической тупости и неразвитости большинства революционного слоя. Но по характеру он был переменчив, увлекающийся и поддающийся влияниям как людей, так и веяний времени.

---

[1]) В подл. зач.: пропагандистам.
[2]) В подл. зач.: хорошо.

Клеменс, хотя и прозвал натансоновцев «троглодитами», однако понимал, что у них есть люди неглупые и энергичные, особенно энергичные. Когда я, после первых свиданий с «троглодитами», высказал ему, что они производят хорошее впечатление, он совершенно [1]) подтвердил это (он их знал много раньше, чем я) [2]). И действительно, в этом кружке, скоро принявшем название «Земли и Воли», были подобраны люди в революционном смысле очень полезные, Александр Михайлов, Преображенский (кажется — Алексей) [3]), Тищенко, Никандр Мощенко, Мих. Родионович Попов, Осип Аптекман, Моисей Зунделевич, Александр Васильевич Квятковский, Адриан Михайлов, Георгий Плеханов, Харизоменов, Оболешев (Сабуров), Василий Игнатов, Бух (младший).

Из них самые крупные были Александр Михайлов и Плеханов. Очень умным и начитанным казался Преображенский, который и прекрасно говорил. Но это был чистый народник, отрицатель всякой «конституции» и государственности, в сущности не революционер. Он скоро после того умер. Очень неглуп был также Харизоменов, тоже «народник», тоже был мало революционер, скоро и совсем отставший. При разделении «Земли и Воли» на «Народную Волю» и «Черный Передел» [4]), он не присоединился никуда и отстал от «революции», позднее я читал его очень любопытные статьи о развитии обороны в Южной России.

Мойша Зунделевич—также был очень способный еврей. Именно—еврей, потому что по преимуществу имел практические способности. Перевезти ли человека через границу, делать ли что-нибудь запрещенное,—ловче не было человека. По взглядам это был чистый марксист, социал-демократ, но вообще человек не теоретический. Хороший товарищ, человек—что редко между евреями—с крепкими нервами, не трус. Аптекман, напротив, был тип хорошего еврея, идеалист, сенти ментален, ничего не понимающий на практике и весь из нервов, вечно напряженных и изнемогающих. Его любили, но в сущности — ни в умственном, ни в практическом отношении ничего не давал кружку. Квятковский и Попов вскоре заявили себя, как «террористы». Плеханов тогда был еще мало выработан, хотя все черты его характера были видны сразу.

Георгий Валентинович Плеханов—сын разорившегося дворянина-помещика, чрезвычайного пьяницы, буяна и безобразника. Плеханов сам говаривал тогда, что от такого родителя может произойти только или революционер, или червонный валет. Из Георгия вышел революционер, но человек он был далеко не хороший, сухой, самолю-

[1]) Зач.: согласился.

[2]) Зач.: и действительно, там были весьма крупные силы, особенно Александр Михайлов, Преображенский и Тищенко.

[3]) Алексей Иванович («Юрист»).

[4]) После Воронежского съезда землевольцев осенью 1879 года.

бивый, задорный, мстительный, чуждый великодушия. Он был очень умен и способен, но низшей области способностей. Есть способные люди с оттенком творчества, у таких есть чутье, глазомер, некоторая искра гения, благодаря которой они хорошо видят основные факты посылки. Такие черты были, напр., у Герцена или даже у Кропоткина, несмотря на маленькое анархическое умопомешательство Кропоткина. У Плеханова—ничего подобного. В своих посылках, в общем миросозерцании своем, он—самый банальный человек своего времени. Он верит в то, во что верит интеллигентная толпа. Тут он не создал ни одной искры своего, не заметил ничего, что бы ему не было дано другими. Но он прекрасно запоминает и усваивает это чужое содержание и затем обладает редкой логикой в выводах. Он имел натуру адвоката, замечательное искусство в построении силлогизма, в диалектике, с такой же ловкостью и бессовестностью, но с силой и убедительностью. А самое основание, дело, которое требуется защитить—оно не его, не им создано, оно ему дано. Плеханов настолько типичен в этом отношении, что не способен даже заметить этого своего порока. Я, в эпоху самых дружеских наших отношений, в Женеве, рассказал ему в разговоре о способностях его и других лиц: «У вас превосходная логика, но вы не имеете той же силы в установке посылок». Плеханов заметил: «Да что же тут устанавливать? Ведь это точный научный факт». Дело шло именно об экономическом материализме. Плеханов принял учение Маркса, как откровение. Оно совсем подошло к его душе. Он своим логическим аппаратом сразу определил, что именно в теории Маркса материалистические идеи получают свое последнее слово, и он стал чистым марксистом в то время, когда у нас марксистов еще почти не было. Народнический и анархический сумбур, хаос, противоречия были противны ясному логическому уму Плеханова. Он их отбросил беспощадно и смело, даже с ненавистью. Над народниками он только язвительно смеялся, но анархистов прямо ненавидел, как злейшую помеху социализма. Идеалом его были, конечно, немецкие социал-демократы, у которых он учился усердно и успешно.

Знания он мало-по-малу приобрел весьма солидные. Воспитывался он в Горном, кажется, институте [1]), но курса не кончил. Все свои знания приобрел самоучкой, чтением. Работать он умел. А пользовался знаниями—артистично, не боясь шарлатанства, софистики, забрасывал именами, цитатами, ловко переменяя позицию невыгодного спора,—вообще диалектик и спорщик был превосходный и неутомимый. Нельзя не отметить одной его любопытной черты. Он носил в душе неистребимый русский патриотизм. Ничего оригинального, своеобразного он в России, как и во всех других странах мира, не видел и не признавал. Но он видел в России великую социалистическую

[1]) Плеханов поступил в Горный институт в 1874 году. Об этом периоде его жизни см. ст. Дейча: «Молодость Г. В. Плеханова», «Былое» 1918 г. № 13, также у Плеханова: «Русский рабочий в революционном движении».

страну будущего, и никому Россию не отдавал. Всякие сепаратизмы буквально ненавидел. К украинофильству он относился презрительно и враждебно. В нем глубоко жил великорусский унитарист и уравнитель. Революционеру и эмигранту нельзя открыто итти против поляков, как тоже силы революционной. Но Плеханов не любил поляков, не уважал их и не верил им. В дружеских беседах он это откровенно высказывал. С Драгомановым он был в открытой вражде. О Шевченке, смеясь, говорил: «Я Шевченке никогда не прощу, что он написал: «Вмию, та не хочу говорить по русски». К Шевченке и украинофилам он относился, конечно, с большей ненавистью, чем даже, например, Катков.

Никогда также (по крайней мере все время мне известное) не было у Плеханова той подлости, как у «Набата» [1]) или у С. Кравчинского, которые признавали иностранное вмешательство в русскую революцию и брали иностранные деньги [2]). Думаю, что ничего подобного Плеханов не способен был сделать [3]).

Плеханов был не из особенно храбрых людей, опасности вообще боялся, и своей особой никогда не рисковал. Жизнь «нелегального», которую ему невольно пришлось испытать, он вспоминал с отвращением и нервной дрожью. Эмигрировал он очень скоро и затем уже никогда не решался ехать в Россию. Даже и за границей он боялся ступить ногой в Германию, хотя, будучи чист от всяких террористических преступлений, почти не испытывал никакого риска быть выданным.

Эта нервная боязливость его проявлялась во всех случаях опасности. Однажды Плеханов с друзьями—Засулич и своей женой—приехал ко мне в гости в Morneux и полез на гору. Влез он среди кустов, не замечая крутизны, на несколько сажен, но когда пришлось спускаться, страшно растерялся и испугался, перетревожил всех нас. Нужно было лезть ему на помощь, хотя вообще—это такой пустяк, что не могу себе представить, чтобы тут была сколько-нибудь действительная опасность... А между тем, он таким дрожащим голосом звал на помощь, кричал, что ничего не видит, требовал, чтобы ему снизу указывали, куда спускаться, куда поворачивать... Правда, Плеханов был довольно слабого здоровья. За границей несколько раз говорили, что у него оказалась чахотка. Сил у него не было, нервность большая, вечные занятия и очень негигиеничная жизнь. С тех пор как я его знаю, он любил выпить и—очень. Питался всегда «по нигилистически», как придется, зря, ну и, конечно—как в революционной среде почти все—во всех отношениях вел жизнь неправильную.

Не помогла ему в этом и женитьба. Я говорю «женитьба» в «натуральном» смысле, потому что этот брак, кажется, и теперь остался не офор-

---

[1]) Журнал, орган русских якобинцев, издававшийся в Женеве с 1875 по 1881 г., под редакцией П. Н. Ткачева.

[2]) Утверждение необоснованное.

[3]) Для характеристики взаимных отношений Плеханова и Тихомирова ср. предисловие Аптекмана к кн. «Черный Передел», Госиздат М. П. 1922 г.

млен законом. Еще в СПБ. Плеханов сошелся с Розой Боград, курсисткой, еврейкой. За границей я уже застал у них несколько штук детей. Боград все училась и в Женеве, и что-то очень много лет училась медицине, хотя все-таки, наконец, кончила курс. Это была семья образцово беспорядочная. Муж с женой жили дружно, и Боград питала очень высокое мнение о своем Георге. Но по хозяйству оба не занимались и ничего не смыслили. Издерживали они очень много денег, а жили грязно, беспорядочно и скудно. Своих денег или заработка у Плеханова не было, но он жил на счет кружка («Черный Передел»), да и вообще их фактотум Дейч был мастер добывать деньги. В кружке были, кроме Плеханова, Вера Засулич, Стефанович, Дейч, были богатенькие приверженцы в России (вроде Игнатова). К таким «именам», да еще занимающимся «изданиями», деньги всегда более или менее притекают. Жили и Плеханов с К-о, и тратили даже довольно много.

У них, напр., по счету в лавочке как-то пришлось заплатить за 300 яиц в месяц. А яйца ела только одна девочка по одной или 2 штуке в день.

Все остальное воровала прислуга[1]). Это пример—Плехановы так тратили во всем: ни на что не обращая внимания, не унижаясь до экономии, не понимая цен, тратили столько, что можно было жить в полном довольстве, а жили грязно, бестолково, среди переходов от излишества к голоду. Так жило, впрочем, тогда большинство эмигрантов [2]).

Я, однако, остановился на Плеханове более чем следует в данную минуту. В кружке «Земля и воля» он не играл еще особенной роли. Быстрее всего там приобрел значение Александр Михайлов.

При Натансоне он был еще мальчишкой. При нем же отправился «в народ», где шлялся много, а в 1878 году возвратился в СПБ. Тут он в начале года, когда я с ним познакомился, еще только осматривался и с благоговением ученика относился к Ольге Натансон (в которую чуть ли не был платонически и рыцарски влюблен), но, можно сказать, рос с каждым месяцем и к осени уже стал первым человеком в кружке.

Во все время своего знакомства с революционной средой, из тысячи полторы человек, которых сколько-нибудь помню, я не знаю человека, который бы производил впечатление более хорошей силы, чем этот отчаянный «террорист».

Он был родом из дворянской семьи, чуть ли не Курской губернии, во всяком случае чистый великоросс, превосходно сохранивший свойства русской расы. Среднего роста, он был очень крепок, коренаст,

---

[1]) Зач.: вообще.

[2]) О Плеханове более подробно рассказать в заграничном отделе. Его смешная вражда к Голдовскому. Дейч. Стефанович. «Агитационные поездки». «Шутка» о визите Маркса. См. (Прим. Л. Тихомирова.)

выносливый. Единственный порок физический составляло его заиканье. Такое же здоровое соотношение представляли его духовные свойства. Не могу без грусти думать, что такую богатую натуру загубила наша поганая, обезьянья «интеллигентская» цивилизация. С самого юного возраста Михайлов воспринял, конечно, наше революционное миросозерцание, и затем уже мог развиваться только в его рамках. На беду он вышел в свет в такой момент, когда лозунгом стало «опрощение», и были совершенно заброшены даже наши жалкие книги. Михайлов остался поразительно невежественным, на редкость даже среди нас. Только его удивительная память и чутье, благодаря которому он сразу определял умного человека, помогли ему приобретать сведения от людей: он охотно слушал речи знающих людей. Но хотя таким образом он нахватался достаточно фактов и фраз для того, чтобы казаться все-таки «интеллигентным», его теоретические познания были и остались ничтожны. Никакого самостоятельного применения из них он не мог сделать, почему и остался во власти революционного миросозерцания. Но все, что он сам видел и наблюдал, он узнавал и понимал превосходно, и это сделало из него великого практика. Теперь прошло с тех пор 20 лет, у меня нет иллюзий и я совершенно хладнокровно и убежденно говорю, что Михайлов мог бы, при иной обстановке, быть великим министром, мог бы совершить великие дела для своей родины.

Часто я наблюдал огромное значение нравственных свойств для развития всех остальных сил человека, в том числе и умственных. При сильной любви к чему-нибудь человек удивительно развивается. Эта-то нравственная основа была очень хороша у Александра Михайлова. Личность в основе необычайно чистая и искренняя. Уверовавши в революцию для блага родины и народа, он отдался этой революции совершенно без остатка, весь целиком жил своей революцией, не как принципом, не сухо, не мрачно, не по долгу, а всем своим существом. Это был здоровый, крепкий парень, веселый, жизнерадостный. Конечно, и у него были всякие минуты горя, огорчений и т. п.; озабоченность делами иногда угнетала его. Но вообще он оставался совершенно счастлив своей жизнью, каждый успех «дела» радовал его чисто лично. Он жил для «дела». Когда ходили в «народ», Михайлов «опростился», как немногие, «оброс шерстью», жил нигилистом, не позволял себе никакой «роскоши», ни в виде питания сносного, ни в виде одежды удобной и теплой. Когда он стал заниматься городскими заговорами да «террором», он решил, что тут нужно [1]) беречь силу. Нужно быть крепким, здоровым, бодрым. И с этого времени Михайлов завел такой режим, что всякий врач залюбовался бы на него. Никакого ни в чем излишества, но необходимо спать столько-то часов, необходимо есть регулярно и питательную пищу, нужно бывать в бане и т. п. Никогда, ложась спать, Михайлов не

[1]) Зач.: быть.

забывал завесить окна чем-нибудь плотным, чтобы утром свет не портил глаз. Глаза особенно нужны заговорщику и «нелегальному». Нужно видеть далеко и отчетливо, все и всех на улице. И уж насчет «слежения» за собой, как [1]) и за другими, Михайлов мог поспорить с самым гениальным сыщиком. Он видел на улицах все, среди сотен физиономий моментально различал знакомых или «подозрительных» и умел устроить так, что его самого трудно было заметить. Для этого у него всегда был целый запас заранее замеченных магазинов, проходных дворов, лестниц, выходящих на разные улицы. Он в каждом новом городе, знакомясь с людьми и делами, немедленно знакомился и с этой своего рода заговорщицко-шпионской «топографией», в знакомом большом городе, как Москва или Петербург, он был буквально неуловим, как зверь в лесу. Он всегда умел куда-то мгновенно исчезнуть, как сквозь землю провалиться. Точно так же он никогда не забывал узнавать возможно полнее весь персонал тайной полиции. Стоило ему услыхать от кого-нибудь о сыщике,—он немедленно записывал имя, адрес, приметы, старался л и ч н о посмотреть этого сыщика, и знал их, действительно, множество, оставаясь им неизвестен, и постоянно меняя физиономию и костюмы.

Кто-нибудь скажет: «достоинства ловкого сыщика». Да, но ими владел и Мадзини. Не из любви к сыщничеству выработал себя в этом отношении Михайлов, а потому, что это н у ж н о. С таким же тщанием он, когда это оказалось н у ж н ы м, старался выработать и выработал вид «образованного» человека, запоминая нужные для этого фразы и факты. И не одни эти способности имел он. Он был р е д к и м организатором. Не видал я человека, который умел бы в такой степени группировать людей не только в м е с т е, но и направлял их, хотя бы помимо их воли, именно туда, куда, по его мнению, н у ж н о было. Он умел властвовать, но умел и играть роль подчиняющегося, умел уступить видимость первого места самолюбивому конкуренту, не имел ни самолюбия, ни тщеславия, не требуя ничего для себя, лишь бы д е л о ш л о, куда н у ж н о. Всякий талант, всякая способность в других радовала его. Я не знаю, был ли он о себе высокого мнения, но во всяком случае не гордился и, конечно, просто не и н т е р е с о в а л с я этим вопросом. А, между тем, он был истинной душой и творцом той организации, которая зародилась в среде кружка «Земли и Воли» и потом превратилась в «Н а р о д н у ю В о л ю», где десяток человек «Исполнительного Комитета» умели держать около себя в разных кружках, в конце концов, около 500 человек, готовых исполнять распоряжения «Комитета». Этот «Исполнительный Комитет» создан Михайловым и развивался и рос, пока был Михайлов. Арест Михайлова был началом упадка и расстройства «Исполнительного Комитета».

Я, впрочем, несколько отвлекся в сторону от хода дела. Итак, говорю я, наш кружок из «освобожденных» да из разного хлама остат-

---

[1]) Зач.: Михайлов.

ков старых чайковцев, видимо, смотрел на-ладан. Кто же сколько-нибудь интересовался делами, знакомились с натансоновцами и более или менее с ними сходились. Таков был и сам Клеменс, и я, и Николай Морозов. Впрочем, дел мы еще никаких не делали, а только разговаривали да шлялись по демонстрациям. Благо их тогда явилась целая куча.

Чуть не в первый же день по моем выпуске «на волю», Вера Засулич—она была близка с натансоновцами—выстрелила в Трепова. Я, помню, узнал это на улице. Иду—слышу, извозчики говорят, что кто-то ранил Трепова. Я остановился: «Как, что?» Извозчик с большой радостью объяснил: «Барыня какая-то... Так ему и надо».—«А тебе он что сделал?»—«Притесняет очень»... Извозчики тогда в Петербурге так же ненавидели Трепова, как позднее в Москве—Власовского: за строгости по поддержанию порядка в упряжи и т. п. Само собою, тут не было никакой политики, да и политический мотив выстрела Засулич объяснен лишь постепенно. Петербург даже долго не верил этому и все больше предполагал какой-нибудь роман.

Само собою разумеется [1]) даже и мы не предполагали тогда, что Засулич оправдают. Да не ожидалось и быстрое ведение процесса. Собственно мы, т.-е. «чайковцы», сгруппированные около Перовской, не имели в виду и как-нибудь эксплоатировать это дело: оно было не наше и нас не касалось. Мы только ходили да наблюдали, ожидая только, чтобы нас суд, наконец, отпустил куда-нибудь. В ожидании утверждения приговора по делу 193-х мы все были обязаны подпиской о невыезде. Побывавши на *похоронах Подлевского* (демонстрация, о которой я писал уже в брошюре «Начала и Концы») [2]), я решился съездить в Москву, повидаться с братом, да кстати потолковать, нельзя ли меня снова принять в университет. Я в то время еще не думал сжигать кораблей и поступать в формальные революционеры. Однако в университете мне сказали, что меня нельзя принять. Тихонравов (он, помнится, был ректором) заявил мне, что университет мне не станет портить репутацию, что они ничего не знают о моем аресте и процессе, и выдадут мне свидетельство, что я *уволен за невзнос платы*, но принимать меня снова—нельзя. «Да и к чему вам? Вы уже и по летам пропустили свой срок».

Такое свидетельство мне и выдано. Очень мне было досадно, я тут впервые почувствовал, что я—какой-то «обреченный!». Что я буду делать? Чем заниматься?

Брат [3]), который меня встретил, как всегда, горячо и дружески, тоже был огорчен этим непоправимым исключением. Между тем, я знакомился с московскими радикалами не как «деятель», а просто из любопытства, стараясь понять, что делается в России. Москва

[1]) Зач.: в ожидании.
[2]) См. указатель.
[3]) Владимир.

точно так же радикальничала и либеральничала, как Петербург. Да и вся Россия, т.-е. образованная, была тогда настроена как-то революционно. Правительство было в полном презрении. Все были в уверенности какого-то близкого переворота, в близости тем или иным путем конституции.

Между тем, наступило неожиданно быстро разбирательство дела Засулич. Само собою разумеется, что еще до процесса как либералы, так и радикалы всячески рекламировали ее, как героиню. Еще когда я был в Петербурге, помню, попал я на студенческий бал. Народу было масса, все было весело и оживленно. Я встретился тут с Александром Михайловым, с которым только что познакомился. Он решился воспользоваться случаем, и,—смотрю,—мой Михайлов взгромоздился на стул с бокалом вина и кричит:

— Господа, господа, внимание!

Стали оборачиваться в его сторону. Шум разговора немного стих, и Михайлов, заикаясь (он был заика), но развязно и горячо начал краткую речь о русском произволе, о героической женщине, которая ценой жизни (или что-то в этом роде) решилась наказать надругательство над человеческой личностью, и в заключение провозгласил тост:

«За здоровье Веры Ивановны Засулич!»

Публика слушала, но что касается тоста,—то его поддержали, нужно сказать, немногие. Все-таки боязно еще было. Ведь на этих балах даже обязательно и явно присутствовала полиция, не говоря уже о тайной полиции.

Но вот к нам в Москву пришла весть о процессе, об оправдании Засулич, о демонстрациях, о ее «освобождении» из рук полиции. В Петербурге запахло нам чуть не революцией. Товарищи сообщали, что Сидорацкого, «убитого» при освобождении Засулич, будут торжественно хоронить [1]).

Приехавши в Петербург, я расстался со своими московскими спутниками и закружился среди петербургского «радикализма». Наши «чайковцы» совсем рассыпались, и о «кружке» смешно было даже говорить, хотя Перовская все еще хлопотала о нем. Мои личные отношения с нею в это время уже стали почти холодны.

В тюрьме я считался ее женихом. Это был один из множества тюремных романов. Она была «на воле», я—«страдал»; она меня посещала и утешала, и—оба влюбились или, по малой мере, это вообразили. Думаю, что о н а, если и вообразила это, то разве на самую малую секунду. Я же считал себя очень сильно привязанным. Как бы то ни было, мы совершенно открыто и окончательно решили жениться, заявили об этом даже родителям своим. Но едва ли я для нее в то время подходил. Она могла уважать меня и особенно ж а л е т ь, но любить—

---

[1]) Далее редакцией опущено несколько абзацев ввиду того, что в них речь идет о живом ныне деятеле, и автор касается интимной стороны его жизни.

едва ли. Ей, при ее характере, нужен был человек, которому бы она могла п о д ч и н и т ь с я, а у меня этого никогда не было. Как бы то ни было, когда я вышел из тюрьмы, она меня встретила и сконфуженно, и холодно, и сразу поставила на «благородную дистанцию». Я от этого несколько времени очень страдал и даже воображал себя очень несчастным, но, в конце концов, у меня был тоже не такой характер, чтобы я погиб «из-за бабы». Я влюблялся множество раз, но столь же легко утешался. Впоследствии мы с Перовской стали снова большие друзья, и она меня брала даже в конфиденты. Но в это время, само собою, я сначала огорчался, потом стал обижаться и вообще злился на нее. Да и в «убеждениях» мы будто расходились. Она молилась на память «чайковцев», а я и в 1873 году над ними подтрунивал. Она старалась воссоздать «свой» кружок, а я все более захватывался о б щ и м движением, и искал людей повсюду, она мечтала о пропаганде в народе, я—о революции.[1]) И впоследствии даже она стала ярой т е р р о р и с т к о й, а я—только и думал о з а г о в о р е и г о с у д а р с т в е н н о м п е р е в о р о т е.

Как бы ни было, в Петербурге мне с ней нечего было делать, и я все время бегал по тем, кто имел отношение к демонстрациям. Из наших, чайковцев, я явился прежде всего к Клеменсу, а потом отправился к своему новому другу, Александру Михайлову, который меня препроводил к адвокату Ольхину, где они в это время составляли прокламации и подготовлялись к демонстрации.

Тут я познакомился с Георгом Плехановым.

Клеменс жил у Веймара, Ореста Эдуардовича. Впрочем, Орест с братом жили вместе. Их дом (собственный) как раз в лучшей части Невского, почти против Морской. Вообще они были богаты. Оба брата были порядочные люди и большие радикалы, особенно старший (Орест). Орест,—доктор медицины, отличившийся в Турецкой войне [2]), имел, кроме состояния, и собственное лечебное заведение. В кружках он уже не участвовал нигде, но вполне сочувствовал революции. Он и лично участвовал в дерзком и пр овком освобождении кн. Кропоткина из Николаевской больницы. Понятно, что он укрыва у себя друзей, вроде Клеменса. Но должно заметить, что на каторгу его впоследствии сослали совершенно неправильно, по ошибке. Орест Веймар никакого отношения к покушениям на жизнь государя Александра Николаевича н е и м е л и, может быть, даже ничего не знал о них. Он не дарил и револьвера Соловьеву. Этот злосчастный револьвер он подарил, без всяких мыслей и намерений, Клеменсу, просто по дружбе. Клеменсу он, конечно, тоже не был нужен, и впоследствии Морозов Николай, уезжая в Харьков освобождать Мышкина и Войнаральского, выпросил у Клеменса этот револьвер. Потом этот револьвер от Морозова попал еще кому-то и, в конце концов,—к Соловьеву, вероятно, через Александра Михайлова.

[1]) Зач. одна строка. которую трудно разобрать.

[2]) 1877—1878 г.г.

Орест Веймар даже и понятия не имел о том, куда, по злой прихоти случая, попал его подарок.

По всем рассказам разных лиц, видавших лично историю, дело с «освобождением» Засулич и самоубийство Сидорацкого было так. Когда Засулич оправдали, это был скандал, смятение, беспорядок и общая растерянность. Публика в зале суда беснуется и рукоплещет. Публика на улице—тоже. Героиня дня должна была быть выпущена на свободу и б ы л а. Конечно на улице всякие овации. Но, конечно, было весьма вероятно, что ее опять и, может быть, сейчас же заберут, как только начальство опомнится. Поэтому ее друзья, посадив ее в карету, окружили ее и шли такой демонстративной, ликующей и угрожающей толпой, которая сама по себе составляла беспорядок. Толпа привлекала новую толпу простых любопытных, иногда ровно ничего не понимавших. Так, например, в толпу случайно затесались конвойцы, черкесы, которые шли мимо и заинтересовались, что такое происходит. Само собою разумеется, что полиция и жандармы сопровождали шествие, и в толпе раздавались [1]) восклицания против них. Я так и не узнал, состоялось ли приказание заарестовать Веру Засулич, и думаю, что н е т. На это не было времени у начальства, а без приказа никто не стал бы арестовывать. Но, естественно и даже необходимо, полиция должна была захотеть отодвинуть толпу от центра и предмета ее воодушевления, т.-е. от кареты Засулич. Но, когда полиция стала окружать карету, в толпе раздались крики, что Засулич арестовывают; толпы начали тесниться к карете, произошла сутолока, как всегда в этих случаях, вероятно, близкая к легкой драке. Вдруг раздался в ы с т р е л! Потом еще... Сколько я ни расспрашивал, этот момент для меня остался неясным [2]). Кто начал стрелять, зачем? Факт только в том, что Сидорацкий, человек вообще шалый, нервный и экзальтированный, шел в толпе близ кареты в состоянии [3]) чрезвычайного возбуждения и и м е л п р и с е б е р е в о л ь в е р. Рассказывали потом, что пуля его револьвера как раз подходила к его ране, а жандармские пули совсем иного калибра. Впоследствии говорили, что он сам себя убил, и это, по всем видимостям, и есть несомненный факт. Но почему? Для того ли, чтобы стать «жертвой» насилия и этим возбудить толпу? Это говорили даже сами «радикалы». А я думаю, что, может быть, н а ч а в с т р е л я т ь, Сидорацкий, чтобы не попадаться в руки полиции, застрелился. Он много лет жизни провел в тюрьме и ссылке, и, конечно, мысль о новой тюрьме была ужасна. А начав стрелять, он, быть может, думал, что не один окажется... Эта гипотеза подтверждается тем, что, по словам свидетельствовавших о самоубийстве, Сидорацкий именно о т б е ж а л от толпы в крайнем возбуждении к тротуару и тут приложил пистолет к голове и застрелился.

[1]) (Зач.: всякие)
[2]) (зач. одно слово)
[3]) (зач.: огромного)

Ни Клеменс, ни Михайлов не могли мне объяснить толком этого дела. Факт только, что когда раздались выстрелы, то полиция бросилась разгонять толпу силой, а толпа и сама разбежалась. Началась страшная сумятица, многих помяли, многих побили, а когда все рассеялось, то оказалось, что карета Веры Засулич умчалась неизвестно куда, а на тротуаре валялся труп убитого Сидорацкого.

Друзья Веры Засулич ее умчали и спрятали. Прятки эти были сделаны очень умно и в полной тайне. Я тогда не знал, кто ее скрывает, и лишь впоследствии узнал, что это был Гольдсмит. Впрочем, я в этом не уверен. Я был той школы заговорщиков, которые не расспрашивают о тайнах без надобности. Когда знаешь, то можешь где-нибудь, как-нибудь невольно косвенно проболтаться. Самому спокойнее и для «дела» лучше — не знать, если нет практической необходимости знать. Притом в радикальной карьере приходится держать в голове такую массу всяких тайн, условий, конфиденций, что стараешься из экономии не набивать в этот переполненный чемодан никакого лишнего багажа [1]).

Хотя никто из радикалов не верил в то, что его убили, и все убеждены были в самоубийстве, тем не менее затеялась демонстрация в честь «жертв насилия». Я эту демонстрацию описывал в «Началах и Концах» достаточно подробно. Замечательно, что это именно был Плеханов, остривший над «либералами»:

У нашего господина
Разыгралася скотина:
И коровы и быки,
И дворовы мужики.

И точно «скотина» тогда разыгралась до невозможности. Собственно говоря, эти скоты-либералы нас толкнули к насильственным действиям. Конечно, революционеры и сами старались довести до драки, но никогда бы на это не пошло много народа, если бы либералы не вели себя так явно ободряющим нас образом.

После демонстрации-«панихиды» Сидорацкого наступило минутное затишье. Участники ждали арестов, которых, впрочем, не последовало [2]).

---

[1]) Подробности процесса В. Засулич и последовавшей за ее оправданием демонстрации можно найти: Градовский Г. К., «Итоги» (1862—1907 г.г.); М. Федоров, «Из воспоминаний по управлению С.-Петербургским домом предварительного заключения» («Русск. Ст.» 1905 г. № 1); Герценштейн, «Тридцать лет тому назад» («Былое» 1907 г. № 6); С. Глаголь, «Процесс первой русской террористки» («Голос минувшего», 1918 г. № 7—8). Сравни описание демонстрации корресп. «З. и В.» в «Русск. Ист. Б-ке» № 7, стр. 34—36. Приказ об аресте Засулич был отдан в тот же день, т.-е. 31 марта 1878 г. Укрыл ее в Петербурге от полиции Аркадий Головин (привлекался по делу 193-х), а за границу переправил ее Л. Тихомиров, где она нашла приют у коммунара 71 г., Анри Рошфора, см. назв. выше статьи Глаголя, а также «Голос Минувшего» 1920—21, стр. 85—88. Нов. сведения об истории Боголюбова, вызвавшие покушение Засулича см. «Кр. Арх.» т. V. Письма 193, стр. 152—153.

[2]) В подлинн. зачеркнуто шесть строчек — неразобраны.

Делать в Петербурге мне было нечего, да и жить нечем, а, между тем, отец и мать обижались, что я не еду повидаться с ними после стольких лет. Я решил снова двинуться на юг.

Но тут ко мне обратилась Перовская с предложением, которое немыслимо было отклонить. Дело в следующем. Наш приговор (по делу 193-х) все оставался не утвержден, а по слухам (от жандармов) он переделывался в более строгом смысле. А, между тем, по тем же сведениям, уже готовились высылки разных лиц, в том числе Мышкина, именно в Харьковскую центральную тюрьму. Об этих центральных тюрьмах думали и говорили с ужасом, да и основательно. Это была не Сибирская каторга, представлявшая нечто добродушное и льготное, вне всякого соображения с формальным законом. Это была уже настоящая европейская, жестокая тюрьма.

Ясно было, что туда пойдет не один Мышкин, а все главные. В числе их собственно чайковцев трудно было ожидать, но как знать? Чарушин мог быть отправлен. Мышкин же на суде прославился, как особый талант и характер. Перовская, мечтая о своем кружке, желала его спасти. Как бы то ни было, она затеяла освободить его по дороге в тюрьму и предложила мне, по дороге на Кавказ, навести об этом справки в Харькове. Я согласился.

Собственно говоря, это была фантазия. Дело трудное, и его даже с долгой подготовкой было почти невероятно устроить, наскоро же — совершенная фантазия. Ничего и не вышло. После этого, летом и еще позднее была гораздо более обдуманная попытка, и то ничего не вышло. Я же был только «на разведках». Но эти разведки дали мне случай познакомиться с целой кучей южан, все поголовно «террористов». Тут были два Ивичевича, Сентянин, Брантнер, Рафаил (забыл его фамилию). Все они очень скоро погибли, кто «в бою», кто на виселице. Тут я также познакомился или встретился и кой с кем из наших и из народников. Тут жили Жебуневы (зачеркнуто: Сергей), Владимир с женой; я у них много был. Познакомился с Николкой Быковцевым,—прелюбопытный тип южного народника, и т. д. Вообще я просто захлебывался от океана новых наблюдений и впечатлений, которые нахлынули на меня после 4 лет тюрьмы.

Все эти люди, вроде В. Жебунева или Быковцева, — все это было прошлое, они имели свою пору увлечения. Похождения Быковцева даже очень любопытны, и сам он не уступал в энергии и способностях кому другому, но он уже устал, он уже увидел, что если есть «дело», то нет революции. Жебуневы когда-то прославились своей пылкостью, и их компания даже получила насмешливую кличку «сумасшедший орден Сен-жебунистов». Жена (Марья Александровна) была даже из крупных женщин. Но все это было уже уставши, разочаровано и в глубине души уже видело, не желая сознаться, что революции нет, или уже не видели ее. Они толкались в радикальной среде, суетились, «помогали», «оказывали услуги», но у них

уже не было желания инициативы, и они, так сказать, ничего не делали.

Напротив того, весь террористический строй был полон оживления, надежд, уверенности. Он сознавал себя настоящим и вполне верил в обладание будущим. Он видел перед собой революцию и лично в ней уже находился. Надо сказать, что во всем этом слое не было ни одного заметно крупного ума. Но [1]) характеров было очень много. Не мало было и очень милых людей, простых, добродушных, храбрых, вроде тех, которые отличаются на войне, считаясь в то же время добрыми малыми и товарищами. Были и просто легкомысленные авантюристы, но менее всего вспоминаю людей жестоких и холодных.

Что такое был собственно терроризм? Это была, по существу, попытка начать революцию с теми силами, какие имелись в наличности. Страна предполагалась в состоянии революционного настроения, но не начинала активной революции. Были, однако, десятки, сотни и, казалось, тысячи людей, которые готовы были взяться за оружие. Естественно являлась мысль: почему же не начать? Правительство имело вид бессильный. Попытка активной борьбы могла вызвать подражание и возбудить мысль о возможности ниспровергнуть правительство. Но, разумеется, сил, готовых браться за оружие, было так мало, что нелепо бы было и подумать собрать их в один крошечный отряд для восстания, например, в Петербурге. Ясно, что эти сотни 2—3 людей были бы мгновенно раздавлены. Но если начать борьбу конспиративно, партизански, нападая где удобно и прячась перед силой, то столь же ясно, что шансы долго продержаться возрастают чрезвычайно. Эти 2—3 сотни человек, при такой системе, будут переловлены очень нескоро. А, между тем, их пример вызывает подражание, вызывает новые силы, тем более, что эта борьба производит впечатление устрашающее (предполагалось) на правительство, и агитирующее на народ.

Терроризм именно и был такой партизанской войной. Сами террористы очень различно понимали смысл своих поступков, но они были вообще не люди рассуждения, а во всех массовых движениях (это было массовое движение в революционном слое интеллигенции), во всех, хочу сказать, стадных движениях, люди всегда плохо понимают точный смысл того, к чему их толкает не коллективный смысл, а коллективный инстинкт.

Инстинкт этот бывает нередко очень проницателен. И действительно, у нас в то время нельзя было более производительно (с боевой точки зрения) употребить имеющиеся ничтожные революционные силы. Впоследствии директор полиции [2]), Петр Нико-

[1]) Зач.: все это было.

[2]) Департамента полиции.

лаевич Дурново говорил мне: «Вы доказываете, что терроризм нелепость. Однако нужно сказать, что это очень ядовитая идея, очень страшная, которая создала силу из бессилия». Это, конечно, верно. Только это была не мысль, не идея. Если бы террористы были поразвитее и действовали сколько-нибудь головой, они бы очень легко поняли, что терроризм нелепость, ибо им они революции все-таки не произведут. Им пришлось бы тогда понять то, что я объясняю в «Почему я перестал быть революционером» [1]), и перестать быть революционерами. Но они действовали не головой, не разумом, а чувством. Они ни за что не хотели перестать быть революционерами. С этой же точки зрения, инстинкт не мог им подсказать ничего более «ядовитого», ничего более «практичного», как терроризм.

Итак, прав Дурново в своей оценке, прав и я. Терроризм это был наиболее «практический» способ временно поддержать «фикцию». Но фикция все-таки есть фикция и факта переломить не может. А потому терроризм был только крайним, высшим пунктом развития тех идей и суждений, которые по существу были нелепы.

Первые факты терроризма были чисто случайны, личны, вызывались обстоятельствами, а не теорией, не идеей. «Шпионов» и «изменников» убивают всякие заговорщики-революционеры. Угрозы врагам делают все и всегда. Попытки лучше погибнуть с оружием в руках, нежели пойти в тюрьму и каторгу — совершенно понятны [2]), вне всякой зависимости от теории. Но в возбужденном неудачами пропаганды революционном слое, в умах, видевших, что «ничего нельзя делать» (для революции), совершенно естественно рождалась охота к этой мелкой войне. Ее уж во всяком случае можно делать. Идея терроризма становилась все более популярной, и, как всегда, люди стараются возвести в принцип то, к чему их тянет. Стали являться попытки возвести в принцип и терроризм и, таким образом, его систематизировать.

Эти попытки впервые явились на нашем юге. Первым систематическим сторонником терроризма можно считать Валериана Осинского. Я его лично уже не застал. Он был в это время арестован. Но я много слыхал о нем от его учеников и друзей, а также и от его сестры (Настасьи), которую впоследствии знал хорошо. Это был человек, очевидно, способный, очень энергичный и особенно пылкий: характер скорее польский, чем русский (хотя Осинские — русские). Он не был уже мальчиком, пробовал действовать в земстве и т. п., и вот он убедился, что «ничего нельзя делать», т.-е. в пользу того, к чему его только и тянула душа, — в пользу полного переворота России. Он тогда перешел на чисто революционный, террористический путь.

---

[1]) Брошюра написана Тихомировым за границей в 1889 г, на франц. яз. в объяснение своего разрыва с революцией.

[2] Зач.: при каких.

Он его основал, создал «Исполнительный Комитет русской социально-революционной партии». Основан «Комитет» был в Киеве, если только можно говорить о резиденции некоего призрака. В сущности этот «Исполнительный Комитет» был глупым шарлатанством. Во-первых, никакая «социально-революционная партия» его не выбирала, не назначала, не признавала даже. Огромная часть тех, которые называли себя «социалистами-революционерами», даже очень не одобряла террора и с пеной у рта протестовала против приписыванья им солидарности с самыми целями Комитета. Не только «партия», но и вообще никто Комитета не выбирал. Его устроил сам Осинский. Сверх того, «Комитет» был учреждением совершенно туманным: кто были члены Комитета? Этого и сам Осинский, вероятно, не мог бы сказать. Просто несколько человек согласились, чтобы была «фирма», и от ее имени действовали. Но в сущности, насколько мне известно, никто из них даже не слушал этого воздушного «Комитета» и действовал, кто как хотел, по свободному соглашению. Объединял всех сам Осинский, не как член Комитета, а просто как личность. Ему верили, его слушались до известной степени. «Комитет» же был только для рекламы, «на страх врагам», чтобы эти враги думали, будто бы есть «организация» сильная и правильная [1]).

«Комитет», т.-е. Осинский, конечно, завел и печать. Выпускал прокламации и т. п., главное же занялся террором, т.-е. мелкими политическими убийствами. Их было совершено «Комитетом» очень немного. Убит жандармский капитан Гейкинг, совершено покушение на жизнь тов. прок. Котляревского, да еще, помнится, под фирму «Комитета» было зачислено убийство в Ростове-на-Дону изменника рабочего Никонова. Кажется, больше и не было у них крови [2]).

Притом должно сказать, что убийство Гейкинга [3]) было большой мерзостью. Этот Гейкинг совершенно никакого зла революционерам не делал. Он относился к своей службе совершенно формально, безо всякого особого усердия, а политическим арестованным делал всякие льготы. Его «политические» вообще любили, и Гейкинг считал себя

---

[1]) О южных кружках, в частности о роли Осинского в них и организации им террора см. «Воспоминания» Дебагория-Мокриевича, СПБ. 1906 г. и Аптекмана «Земля и Воля» 1870 годов. СПБ. 1907. Новое изд. 1924 г. (дополнено) и «Последние слова казненных». СПБ. 1906 г. Об Исполн. комитетах — Киевском и приемниках его по деятельности, т.-е. Исп. Ком. «Земли и Воли» и затем «Нар. Воли».. см. Богучарский, «Из ист. политич. борьбы в 70—80-х г. г. XIX в.» стр. 12—16.

[2]) Кроме перечисленных здесь актов террора Киевского «Исп. Ком.», еще был убит 8 февр. 1879 г. харьковский губернатор Кропоткин Гольденбергом с санкцией «Исполн. Ком.», в том числе члена его тогда В. Осинского, и совершено покушение на Гориновича (провокатора) в том же году.

[3]) Убит 25 мая 1879 г. Григорием Попко. Характеристика его, данная Тихомировым, совпадая с другими характеристиками в отношении «либерализма»

безусловно в безопасности. Но именно потому, что он не берегся, его и порешили убить. «Комитету» нужно было чем-нибудь з а я в и т ь о своем существовании, а, между тем, у него не было средств для какого-нибудь сложного убийства, не было ни людей, ни денег, что необходимо для всякого такого «дела». Итак, нужно было что-нибудь о ч е н ь л е г к о е. Но ничего нет легче, как убить Гейкинга, который всем известен в лицо, и ходит по улицам, не остерегаясь. Его и убили, а потом наврали в прокламации, будто он был жесток, и за это, по решению «Комитета», «казнен». Жена Гейкинга, дотоль очень либеральная, была так возмущена этой подлостью, что возненавидела революционеров, и еще долго потом считалось опасным попасть ей на глаза: «донесет». Покушение на жизнь Котляревского [1]) не удалось. Но и тут чуть не вышло истории похуже. Очевидно, у киевлян было очень мало сил на хорошее выслеживанье своих жертв. И вот, едет ночью какой-то киевский барин, в карете, вдруг кто-то вскакивает на подножку и протягивает к нему револьвер... в ту же секунду произносит: «Извините, мы о ш и б л и с ь!»

И видение исчезает!

Они ошиблись! Над этим оригинальным извинением тогда много х о х о т а л и, но ведь стоило одной десятой секунды позже понять свою «ошибку», и человек был бы у б и т.

Что касается Никонова, то это дело было чисто местное. В Ростове-на-Дону рабочий Никонов начал «доносить». Эти доносы угрожали пропагандистам. Ивичевич (кажется, Иван) решил его убить; подстерег на улице ночью, дал выстрел. Никонов упал. Ивичевич подбежал и, рискуя попасться, все-таки не ушел, прежде чем не всадил в голову «шпиона» в с е пули своего револьвера. Это он сделал «для верности», — чтобы не вышло какой-нибудь ошибки и чтобы уж наверное «покончить» [2]).

В Харьков я приехал на разведки, без всяких указаний лиц или условий. Но, конечно, моментально ориентировался. У нас в Харькове были свои люди — Жебуневы, члены вновь организованного ничего не делающего кружка Перовской. Жебуневы меня направили к Николке Быковцеву, а Николка — к террористам, которых я собственно и должен был розыскать.

Это была компания выше помянутых Сентянина, Рафаила, Брантнера и Ивичевичей. Эти отчаянные люди жили совсем нараспашку, по-студенчески, в холостой квартире, уже не помню, где-то неподa-

---

этого жандарма, во всем остальном расходится. Другие из товарищей по партии Тихомирова изображают Гейкинга двуличным и хитрым карьеристом (см. у Аптекмана «З. и В.» 70-х годов, стр. 166; у Дейча «Южные бунтари» «Голос Минувшего», 1920—21 г.г., стр. 47—48).

[1]) 23 февр. 1878 г. Фоминым (Медведевым), А. Федоровым и Ив. Ивичевичем, по инициативе В. Осинского. См. «Хроника соц. движения», стр. 15—17.

[2]) Никонов убит Ив. Ивичевичем и Люд. Брантнером 1 февр. 1878 г. См. «Хроника соц. движения в России 1878—1887 г. г.», Москва 1907 г. В подлиннике далее зачеркнуто четыре строчки—не разобраны.

леку от Полицейской части. В комнате царствовал самый живописный студенческий беспорядок, посетители приходили и уходили с утра до ночи, так перемешиваясь, что я до сих пор не знаю, кто собственно числился хозяином квартиры. «Конспирации» — ни малейшей. Выследить нас всех, подслушать все разговоры ничего не стоило, и только полной ничтожностью и халатностью полиции объясняется возможность действия таких заговорщиков. Сами террористы оказались почти поголовно молодежью, почти мальчишками. Один Брантнер был постарше и помрачнее. Остальные — настоящая казачья молодежь, «добрые молодцы», у которых кровь кипит и требует разгуляться на чем-нибудь. Всю компанию я застал за завтраком, конечно, на грязных и некрытых столах, на которых тут же были разбросаны книги, бумаги, кобуры от револьверов и т. п. Но самые кушанья меня изумили роскошью: превосходные паштеты, великолепная птица разных родов. Были и кое-какие напитки. Пригласили, конечно, и меня. Я отказался... Они заметили, должно быть, мое удивление и сообщили, что все эти припасы привезены, кажется, Сентянином от родителей из имения, откуда он только что приехал. Я успокоился, а то сначала было невольно подумал: «неужто они это общественные деньги так прокучивают?»

Сентянин, кажется, был из богатого семейства, во всяком случае был чрезвычайно мил и известен. Веселый, очень мягкий, вежливый, с хорошими манерами, он мне показался баринком, едва ли способным на большие подвиги... В этом я ошибся. Этот «дворянчик» скоро выкинул одну из невероятнейших штук, какую только учиняли когда-либо революционеры. Об этом скажу ниже. Сентянин был по образованию из Горного института, товарищ Георга Плеханова.

Брантнер, по отзывам, был наиболее уважаемым лицом своей компании. Это, говорят, был человек чрезвычайной честности, искренности. По взглядам и вкусам — народник, шлялся в народе, а в террористы пошел, как все, замечая, что «действовать не дают», т.-е. не позволяют бунтовать народ. Брантнер считался превосходным товарищем, человеком безусловно самоотверженным. Таким он казался и мне. Но несомненно также, что он был очень ограничен умственно и с самыми поверхностными знаниями. Тупая, честная наивность у него сквозила в каждом слове.

Рафаил точно так же был простым рядовым революции, только, видимо, не обладая нравственной высотой Брантнера. Но Ивичевичи производили очаровательное впечатление. Не приходило даже в голову думать о их уме. Конечно, ум самый первый и встречный, знания тоже — студенческие. Но с них этого невозможно и незачем было спрашивать, потому что они и не претендовали на это. Они производили впечатление только что выпущенных прямо на войну кадетов. Они знали, что война объявлена, и не пускались в глубину политики — рады были подраться. Молоденькие, жизнерадостные, они и не думали, что есть смерть, да конечно — каждую минуту готовы были

отдать жизнь за копейку. И — не нужно громких слов: не за Россию, не за народ, не за свободу они готовы были отдать жизнь, а за всякую удальскую авантюру. За Россию же, за народ, за свободу — тем, конечно, приятнее отдать жизнь, или точнее рискнуть жизнью, потому что эти удальцы не представляют себе, что взаправду будут убиты. Жизнь и удаль слишком сильно кипит в них. К правительству (жандармам, шпионам) — эти люди, как, впрочем, и вообще революционеры, относились так же, как на войне вообще относятся к неприятелю. Личность человека (не) считается в неприятеле. Люди более зрелые духовно—не способны к этому. Я видел других—и далеко не особенно тонкие натуры, — которые лично совершили политические убийства: это их мучило долго. Образ убитой жертвы — хотя бы это был действительный «шпион» — преследовал их и не давал спать. Они становились мрачны. Ничего подобного у Ивичевича. Он только что убил Никонова, и ни искры сожаления или тяжести на совести. Он о нем думал так же мало, как казак, подстреливший черкеса. Молодая заразительная веселость так и сочилась у него изо всех пор...

Мой запрос относительно возможности освобождения арестантов в Харькове — встретил в компании самое сочувственное внимание. Они и сами об этом думали при первых слухах о проекте ссылки политических в Печенежскую центральную тюрьму. Ивичевичу (я говорю все об Иване, т.-е. об убийце Никонова) уже приходило в голову нападение на поезд, и он производил кое-какие исследования. Он полагал, что вагон с арестантами можно отцепить на ходу, пользуясь теми местами, когда поезд идет под гору, для того чтобы отвинтить скрепу вагона с другими, а затем — снять цепи, как только поезд пойдет в гору. Затем можно было перебить конвой. Ивичевич делал опыты: он стрелял на поезде, забравшись в пустой вагон, и звуков этой пальбы никто не слышал: ни кондуктор, ни пассажиры соседних вагонов... Однако же, в конце концов, вся компания признала, что освобождение— дело очень трудное и требует выработки плана и многих опытов. Может быть, удобнее подкупить кого-либо в тюрьме; может быть, лучше напасть за Харьковом. Вообще требуются разведки и большие траты денег. Могут ли в Петербурге дать денег? Людей можно найти на месте сколько угодно, но денег нет. Таковы были окончательные результаты наших разговоров. Относительно денег я не мог дать никаких точных данных, и решил ехать за ними в Петербург. Плана никакого установлено не было по полному недостатку сведений. Тюрьму Харьковскую мы снаружи немного осматривали, но, конечно, это не могло дать многого. Вообще решено было, что я поеду в СПБ. за деньгами. Но в это самое время привезли в Харьков первого политического — Мышкина. Это обстоятельство застало нас совершенно врасплох, неподготовленными, и я тем быстрее решился ехать в СПБ.

Но пока я ехал на север, беднягу Мышкина повезли на юг — после самого м ментального отдыха в Харьковской тюрьме его перевезли

в Печенеги. Говорят, он во время переезда все оглядывался и ждал, очевидно, попыток освобождения. Вероятно, Перовская его в этом обнадежила, но увы — никаких попыток не воспоследовало. Когда я прибыл в СПБ., совершенно спокойный, — и хотел излагать планы харьковцев — Перовская оказалась словно бешеная. Тут я только узнал о провозе Мышкина из Харькова. Перовская была буквально бешеная, и осыпала меня теми ядовитыми словами, на которые столь изобретательны женщины: и «проворонили», и «неизвестно зачем ездили» и т. п. Я, конечно, передаю смысл, а не точные выражения, которых не упомнил. Меня эти глупые и грубые упреки, в свою очередь, возмутили. Ни тени вины ни за мною, ни за харьковцами нельзя было найти, и если уж кого можно было винить, то разве самое Перовскую, которая так поздно собралась вступить в сношения с Харьковом. Как бы то ни было, — я расстался с Перовской рассерженный и огорченный, почти в ссоре. Я говорил себе, что с ней невозможно иметь дело, и решил уехать к себе, на юг.

Надо сказать, что Перовская была очень сильная женская натура, и со всеми недостатками этого. Самолюбива, деспотична. Она любила властвовать и окружать себя ничтожностями и бездарностями. Впоследствии она делала много вреда в Исполнительном Комитете своим бунтовством против Александра Михайлова. Что касается меня, впоследствии я умел с ней поладить, так что она меня уважала. Дожил я, наконец, до того, что видел Перовскую и в полном порабощении у Желябова. Это была женщина: полюбила Желябова всей душой и стала его рабой. Но об этом после. Как бы то ни было, на этот раз мы расстались в гневе, и Перовская,видимо, не подозревала — насколько сильно порвала наши связи.

Когда через $1^1/_2$ года она узнала, что я женился на другой, — она была, как мне передавали, крайне обижена и раздосадована. Однако — когда мы после этого снова встретились, — впервые Перовская начала смотреть на меня как-то немножко снизу вверх. Вероятно, она в глубине души почувствовала ко мне уважение, увидавши, что я не даю «бабе» крутить собой.

А между тем, в действительности, было не совсем так. Конечно, я из-за «бабы» не мог ни изменить поведения, ни уж чересчур закручиниться. Но надо сказать правду, что первое время и очень долго (т.-е. несколько месяцев) ссора с Перовской меня сокрушала и давила камнем. Это тянулось, пока я не встретился с Катей [1]). Тут Перовская мне стала казаться не женщиной, а мужчиной. Я увидел настоящую женскую личность, сильную не мужскими, а женскими качествами: сердцем любящим, отношением. В жизни—органической силой, инстинктивным пониманием множества тонкостей, столь трудно дающихся рассудку, а вместе с тем той непередаваемой скромностью, которая составляет лучшую красоту женщины, да и вообще внешнюю красоту

[1]) Екат. Дмитр. Сергеева.

жизни. В сравнении с Катей Перовская совершенно исчезла для меня. И благодарю господа, что спас меня от типичной «революционерки» и свел с истинной женой и другом.

У Перовской ее женские свойства были засыпаны слишком густым слоем «идейности», радикализма. Они проявились лишь тогда, когда она полюбила Желябова, на ее горе. А впрочем, может быть, она все-таки обязана этому мучительному для нее времени несколькими минутами жизни не «идейной», а «личной», непосредственно-человеческой.

Итак, я уехал на юг. Поехал во Владикавказ. Жил у сестры. Потом в Новороссийск. Тут только явилось решение моей участи по процессу 193. Государь Александр Второй у с и л и л мне наказание, т.-е. не безусловно выбросил, как суд просил, в наказании $4^1/_3$ годов предварительного заключения а приказал выслать административно с тем, что, если окажусь неблагонадежным, то применить ссылку на житье в Сибирь.

Надо сказать, что в о о б щ е решение суда было государем изменено очень радикально и в общем более сообразно со справедливостью. Суд строго осудил людей безобидных и очень легко опасных. Государь все это изменил, усилив наказания опасным. Однако приговор вышел при этом крайне строг, и в отношении многих поэтому жесток. В числе их был и я. Моя виновность была очень невелика, а просидел я в тюрьме 4 года, 3 месяца и 6 дней. А затем меня сослали. Ну что я должен был делать в административной ссылке, где не мог ни служить, и вообще даже зарабатывать хлеб?

Сверх того — малейшая ссора с полицией или чей-нибудь донос — и я мог быть сослан на жительство в Сибирь. Положение это совершенно невыносимое для молодого человека, полного жизни и жажды деятельности...

Я — моментально у б е ж а л и с тех пор начинается моя долголетняя (почти десятилетняя) н е л е г а л ь н а я ж и з н ь.

Считая тюрьму, правительство отняло у меня, насколько в его силах, почти 15 лет жизни, лучших лет силы и развития. Со своей стороны — немногие сделали столько вреда правительству, как я, за это время своей нелегальности, т.-е. с 1878 по 1887 год. Я, конечно, широко «сквитался» по нашим счетам и не жалуюсь. Все устраивает бог, а что касается государей, то если один был ко мне жесток и несправедлив, то и я к нему был еще более жесток и несправедлив; а перед другим государем и я покаялся, когда понял свою вину, и он меня простил, когда — да наградит его господь — поверил мне. Итак, мне нечего жаловаться, и нет у меня в сердце обиды. Я, только что прибыв в Россию, явился на гроб императора Александра Николаевича. Я и теперь, еще через 10 лет, был недавно на его могиле и молил его самого помолиться за меня, чтобы простил бог все, в чем я прегрешил перед царем-мучеником. Но безо всякой злобы или вражды или обиды,

не могу не сказать, по совести, что т о г д а, в 1878 году, государь наказал меня без должной справедливости и сам вынудил меня махнуть рукой на все и броситься в единственно оставшуюся для меня отчаянную борьбу.

Мое полугодовое пребывание на Кавказе было для меня полно множества поучительных встреч и наблюдений. Это очень содержательные месяцы моей жизни. Но я когда-нибудь, если богу угодно, возвращусь к нему специально, а пока перехожу к революционному миру, все более клокотавшему в Центральной России.

Я прибыл в СПБ. 1878 г. позднею осенью. Не помню ни месяца, ни числа, но когда я переваливал в Новороссийске Небержайское ущелье, — в горах выпал первый снег. Приехал я в СПБ безо всего: не было паспорта, не было денег, и я совершенно не знал, кто и где из товарищей или знакомых. Однако, конечно, сразу осмотрелся. Пошел к Грибоедову, от него узнал, где найти Клеменса, а затем — уже, понятно, очутился немедленно в самом центре «революции».

За несколько месяцев (всего не больше полугода или немного больше), что я пребывал на Кавказе, — в революционном мире произошли многие важные события.

Из кружка Перовской, разумеется, ничего не вышло. Он не то, что умер, а даже не сложился. Разъехавшиеся по провинции не поддерживали связи и ничего не делали. Несколько человек поживее — прямо присоединились к «Земле и Воле», именно Клеменс, Николай Морозов и — сама Перовская. Таким образом «Земля и Воля» избавилась от конкуренции и усилилась. Но за такое-кто, как сама Ольга Натансон, были арестованы. Кравчинский приехал из-за границы и тоже присоединился к «Земле и Воле».

Перовская, примыкая к «Земле и Воле», не оставила своих планов освобождения харьковских каторжан. Напротив, она, без сомнения, только и присоединилась потому, что понимала, что только «землевольцы» могут ей помочь в этом. И они, действительно, согласились заняться этим делом и организовали огромную экспедицию. Само собою, Перовская приняла в ней участие. Но помимо того — туда были посланы лучшие «террористы» кружка, и сверх того, присоединились некоторые местные люди. Из последних заслуживают особого внимания Марья Николаевна Ошанина, урожденная Оловенникова, а по нелегальному мужу также Кошурникова. Это—личность весьма выдающаяся и игравшая довольно видную роль в нашей «революции».

Собственно к «Земле и Воле» она не только не принадлежала, но относилась к ней с насмешкой. Мария Оловенникова родом из Орла, как и жена моя, Екатерина Сергеева. В Орле с «незапамятных времен», т.-е. с 60-х годов был ссыльный, тоже местный дворянин, Зайчневский.

Этот Зайчневский устраивал революцию еще с «золотыми грамотами» [1]), при освобождении крестьян, но, конечно, попался, был, кажется, сослан в Сибирь, а затем, по прошению матери, помилован и водворен административно в Орел. Человек очень способный, начитанный и красноречивый до чрезвычайности (говорят, настоящий оратор), он был страстный поклонник французских якобинцев. и проповедывал государственный переворот путем заговора и захвата власти революционной партией. У них там в Орле было два проповедника: Оболенский (Леонид), известный деятель печати и до ныне играющий роль в либеральном мире, и Зайчневский. Мужчин у них не было, но всем орловским барышням они вскружили голову. Оболенского, который был учителем, его ученицы слушали с благоговением. Но он больше занимался отрицанием бога и различных основ, не входя в большую революцию, вообще был либералом. Кстати сказать—это человек тупой и никогда не забывавший своих делишек, «благополучный россиянин». О нравственном его влиянии на молодежь можно судить потому, что самую красивую из своих поклонниц и учениц, он сделал своей любовницей, хотя был женат, и они все так и жили втроем: он, законная жена и любовница, при чем Оболенский, кажется, находился в супружеских отношениях с обеими. Это было очень прогрессивно. Вот в таком теоретическом и практическом отрицании нравственных и общественных основ и состояла деятельность Оболенского. Что касается Зайчневского, — он очень честный революционер. Любовниц и у него было множество. Вечно, бывало, слышишь то о той, то о другой. Точно так же он был bon vivant [2]). Но в революционном отношении он был, несомненно, искренний человек и производил большое влияние. Он образовал около себя кружок «якобинцев», все из барышень. Мужчин у него не было, и он, кажется, считал русских революционеров недозревшими до истинного, т.-е. якобинского понимания революции. Он так и остался до конца вне наших партий, потому что даже и «Народную Волю» не вполне одобрял из-за ее патристизма. Он старался внушить идею заговора и государственного переворота.

Оловенникова была его наиболее рьяной последовательницей. Это, надо сказать,—настоящая дворянская, светская натура. Очень красивая в молодости, с огромным темпераментом, с большим стремлением к чему-то великому, пышному, красивому, очень умная и с упорнейшим характером, наконец, с прекрасным светским воспитанием, известная и способная очаровать, она в то же время была весьма бессердечна...

---

[1]) Поднятие П. Г. Зайчневским крестьян при помощи «золотых грамот», т.-е. подложных царских манифестов, отмечавшееся некоторыми исследователями, в настоящее время после опубликования достаточно полного биографического материала и оценки деятельности этого революционера, должно быть совершенно отвергнуто.

[2]) Любитель пожить.

Она очень искала молодых людей, но и бросала их, когда надоедали, так же легко, как брала. Вышла она замуж за Ошанина, и скоро его бросила, имея от него дочь, которую также совершенно бросила на руках матери. Сама она вертелась в Петербурге и Орле, мечтая о политической роли, о заговоре, о салоне Madame Roland [1]). Нужно сказать, что она была очень умна и среди «радикальных» замарашек и мущин производила очень своеобразное впечатление.

Так вот ее-то и привлекли к делу освобождения «централистов». Она согласилась, но не захотела присоединяться к кружку. Авантюра ей нравилась и потом — освободить революционеров дело «полезное». Но пропаганда в народе — это глупости, и даже террор сам по себе — глупости. Она хотела «заговора»...

Попытка освобождения Войнаральского, хотя и наименее интересного из «централистов», но последнего, которого еще можно было попытаться отбить при провозе (остальные были уже провезены) — была отчаянно дерзкая. В ней участвовали Оловенникова, Перовская, Баранников, Николай Морозов, Александр Михайлов и еще кое-кто [2]). Само собою, дело распадалось на много отраслей. Нужно было вступить в сношения с тюрьмой, нужно было устроить конспиративную квартиру для подготовки нападения на конвой, нужно было обеспечить скрытие арестанта по освобождении. Все это было сделано очень ловко и уже на настоящих конспиративных началах. Тут и Перовская и Оловенникова показали себя одинаково храбрыми и ловкими. Но Александр Михайлов, хваля мне Марию Николаевну, как новую силу, которую хотелось бы привлечь, заметил, что она, однако, поразила его своим бессердечием. Когда маленький отряд, наконец, отправился сторожить Войнаральского, которого везли в «централку», — Перовская и Ошанина остались дома, и должны были приготовить все необходимое для скрытия беглецов, для перевязки ран и т. п. Вооруженное нападение на вооруженный конвой не могло обойтись без жертв. Перовская делала свое дело энергично, но волновалась. Ошанина — сделав все—преспокойно з а с н у л а. А между тем там дрались люди, товарищи, наконец, Баранников, которого она любила (она даже повенчалась скоро с ним под фальшивыми документами на имя Кошурникова). Наконец, каждую минуту, преследуя бегущих, — полиция могла нагрянуть и захватить самое Ошанину... С п а т ь при таких условиях, конечно, показывает большое мужество, но Александр Михайлов укоризненно покачивал головой: «Ей не жаль даже близких товарищей! Это не хорошо».

---

[1]) Г-жа Ролан одна из знаменитейших женщин времен французской революции 1789 г., в доме которой собирались главные деятели (Бриссо, Вернье, Робеспьер, Дантон), убежденная республиканка, принадлежавшая к жирондистам. По приговору конвента казнена 9 ноября 1793 г.

[2]) Кроме перечисленных лиц, еще участвовал, в качестве кучера, А. Ф. Фомин (Медведев). Об освобождении Войнаральского см. «Хроника соц. движения», стр. 31—32, и Попов М. Р. «Из моего революционного прошлого». «Былое», 1907 г., № 8, стр. 252—253. Дело произошло 1 июля 1878 г.

Нападение, очень хорошо подготовленное, не увенчалось, однако, успехом. Я не составил себе полного понятия о причинах, хотя слышал рассказ от участников — Михайлова, Морозова и отчасти Марии Николаевны. Повидимому, нападающие погорячились, плохо стреляли, не успели убить лошадей и, оставшись сзади, уже не могли нагнать тележки. Сам Войнаральский, п. ч., вместо помощи нападающим, на какую они рассчитывали, — проявил полную пассивность и сидел неподвижно, как будто дело его и не касается [1]).

Как бы то ни было, после беспокойной пальбы и гонки, нападающие возвратились домой. Кстати сказать, Морозов здесь действовал револьвером, полученным от Клеменса, а Клеменсу подаренным Орестом Веймаром. Это тот самый злополучный револьвер, который после того увез Михайлов и дал Соловьеву. Отобранный от Соловьева револьвер был признан в магазине, как проданный Веймару. Этот магазин помещался в доме Веймара, так что хозяин магазина прекрасно знал, кому продал. Таким образом возникло обвинение против Веймара в соучастии с Соловьевым, которого он и в глаза не видел и о замыслах которого на цареубийство не имел понятия.

Веймар погиб за то, что не хотел назвать Клеменса, и я не понимаю, почему сам Клеменс не выручил приятеля и друга. Вероятно, не хотелось самому пострадать, так как он, Клеменс, отделался очень легко, простой административной высылкой.

Это образчик того, как мало правды в карах политических судов.

После неудачной попытки заговорщикам пришлось спешно скрыться. Часть уехала в Петербург. Баранников, под фальшивым паспортом Кошурникова, уехал в Орловскую губернию, где обвенчался с бывшей Ошаниной, и жил с нею открыто целый год, пока не возник «Исполнительный Комитет». Одна Перовская осталась на месте, и более года упорствовала в намерении как-нибудь освободить каторжан. Все, чего она могла достигнуть, состояло в кое-каких сношениях с ними, так что мало-по-малу даже ее упорство остыло, и она убедилась, что бьется лбом о стену.

Что касается моих харьковских знакомых, то они со своей стороны предприняли попытки освобождения одного из провозимых (не помню кого). Дело было организовано Сентяниным. Он, переодевшись жандармским офицером, и подделав нужные бумаги, отправился в тюрьму и потребовал, чтобы ему выдали арестанта для препровождения в жандармское правление. Дерзкая попытка едва не увенчалась успехом. Уже пошли за арестантом, но тут обратили внимание на какую-то мелкую неправильность в костюме или в бумагах, и — усумнились.

---

[1]) Спокойствие Войнаральского объясняется, по его собственным словам, тем, что сопровождавший его жандарм, приставил к его лбу револьвер, угрожая при малейшем движении спустить курок. См. Богучарский, «Активное народничество», стр. 343, примеч. 2-е.

Попросили Сентянина подождать, из тюрьмы сделали запрос в жандармское правление, и в результате, конечно, арестовали самого Сентянина [1]). Верный своей программе, он пытался стрелять, но ему не дали. На допросе он щеголевато и развязно, на вопрос о себе, отрекомендовался:

«Сентянин, секретарь Исполнительного Комитета социально-революционной партии».

Этот бравый молодой человек скоро умер в Петропавловской крепости.

Вслед за неудачными попытками освобождения каторжан, землевольцы предприняли в то же лето, в мое отсутствие, убить шефа жандармов Мезенцева. Как известно, генерал Мезенцев был лично человек добродушный, bon vivant и никому никакого особенного зла не делал. Точно так же отнюдь нельзя сказать, чтобы он был как-нибудь особенно деятелен в звании начальника III отделения. Само III отделение находилось в слабом и дезорганизованном состоянии, и трудно себе представить более дряннную политическую полицию, чем была тогда. Собственно для заговорщиков — следовало бы беречь такую полицию, при ней можно было бы, имея сериозный план переворота, натворить чудес. При тогдашнем правительстве, тогдашнем настроении общества и офицеров, — да еще при такой полиции — положительно возможно бы было организовать дворцовый переворот. Но, на счастье России, наши революционеры были все-таки мальчишки и невежды. Они болтали о революции в народе, боялись «буржуазии», боялись «конституции» и вовсе не желали сознательно низвергнуть правительство и тем менее захватить власть в свои руки. Они шли «в террор» просто по бунтовскому темпераменту, по досаде, из мщения за своих собратьев, и — в самом сознательном случае — из надежды «дезорганизовать» правительство... Как будто можно было желать более дезорганизованного правительства, чем было тогда! Совершенно хаотическое, анархическое состояние революционных голов было причиною того, что возник «террор», совершенно б е с ц е л ь н ы й, ибо при нем революционеры совершенно не ставили себе ц е л и, а называли разве только п р и ч и н у того или иного убийства, и все больше мелкие, нелепые причины, вроде жестокости, притеснений и т. п. В числе таких убийств было и Мезенцевское [2]).

---

[1]) Речь идет здесь, несомненно, об освобождении А. Ф. Фомина (Медведева). После неудавшейся его собственной попытки бегства из тюрьмы и вторичного заключения, Исп. Ком. поручил освободить Фомина Сентянину. Но последний попался в руки полиции и был сам арестован. Тогда Комитет вторично поручил это дело двум членам организации Рашко и Березняку, которые, переодевшись в жандармск. форму, явились в тюрьму за Фоминым, но были задержаны и арестованы. См. об этом в «Хронике соц. движения», стр. 32, а также «Революц. журналистика 70-х годов» Богучарского «Русск. Ист. Б-ка», № 7, стр. 278—279, 285).

[2]) Убийство Мезенцева произошло 4 авг. 1878 г. по такого рода мотивам: 1) по процессу 193-х, благодаря Мезенцеву, увеличена была мера наказания при-

Кружок занялся им очень усердно. Как я заметил выше, самое убийство было поручено Кравчинскому. Почему именно ему? Может быть потому, что он был здоровяк и силач, каких немного. А кружок уже плохо верил в револьверы, и кинжал казался вернее. Кравчинский (Сергей Михайлович) согласился на предложение по довольно непонятным для меня мотивам. Вообще его я не считаю храбрым, и во всяком случае он страшный эгоист, весьма пекущийся о своей драгоценной персоне. Но он в то же время тщеславен и самолюбив до крайности. Может быть, на этой струнке он и поймался. Во всяком случае его поведение было какое-то двойственное. В Петербурге он храбрился и выдумывал планы убийства как можно более оригинальные. Особенно ему нравилась мысль о т р у б и т ь г о л о в у Мезенцеву. Для этого он даже заказал себе особенную саблю (я ее видел впоследствии), короткую и очень тяжелую. Но, по настоянию других, план этот был оставлен, потому что, конечно, при малейшем движении Мезенцева удар бы кончился простой раной, да сверх того Кравчинский и не был достаточно велик, чтобы рубить свою жертву по шее. Так вот Кравчинский строил из себя разбойничьего героя, а в то же время заграничным друзьям писал очень меланхолические письма, где говорил, что в Петербурге его все ласкают, ухаживают за ним, но он знает, что это совершенно тоже, как ухаживают за скаковой лошадью, выпускаемой на взятие приза. Сам по себе он — никсму не нужен, а нужно чтобы он взял приз — жизнь Мезенцева.

Убийство, как известно, удалось «блистательно». Выследить Мезенцева ничего не стоило. Он ходил, не остерегаясь. Выслеживал Александр Михайлов. По знаку, Кравчинский, в сопровождении Баранникова [1]) пошел навстречу Мезенцеву и, пропустив его, ударил сзади кинжалом, который был скрыт в свертке легкой газетной бумаги. «Приз» был взят. Рука убийцы не дрогнула. Кравчинский, воткнув кинжал, даже не забыл крутнуть его, по всем правилам кинжальных убийств. На убийц бросились, но тут ждала их пролетка, которой кучером был Адриан Михайлов. Рысак был приобретен знаменитый, и в два-три поворота по улицам убийцы скрылись о т всех преследований, — и прямо канули, как в воду. Это, можно сказать, одно из самых «отделанных» убийств того времени.

влеченным к нему. Суд ходатайствовал о замене осужденным на каторгу этой меры наказания ссылкой, но вследствие протеста Мезенцева ходатайство суда не было уважено, и в конечном результате даже некоторые из оправданных оказались высланными в северные губернии; 2) им утвержден смертный приговор Ковальскому, казненному в июле 1878 г. В объяснение убийства Мезенцева Кравчинским была выпущена специальная брошюра «Смерть за смерть» (Переиздана в «Историко-Революционной Б-ке» Госизд., Пет. 1920 г.). Описание убийства см. «Хроника соц. движения», стр. 20—22. Богучарский, «В 1878 г. Всеподданнейшее донесение шефа жандармов».—«Голос Минувшего», 1917 г. № 7—10.

[2]) Он после этого и удалился к своей Марье Николаевне справлять медовый месяц *(Примечание автора)*.

О впечатлении, произведенном на правительство, общество и революционеров — излишне распространяться. Такие случаи всегда «агитируют» и служат рекламой для прокламации. Но должно заметить, что убийства делались не от имени «Земли и Воли», а от имени «Исполнительного Комитета социально-революционной партии».

По разгроме Осинского в Киеве, некоторые «землевольцы», бывшие с ним в сношениях, увезли в СПБ. печать «Исп. К. соц.-рев. партии», и действовали его именем, хотя уже никакого Комитета не было. Сами же эти лица выхлопотали у «Земли и Воли» разрешение основать «террористическую подгруппу», которая должна была подчиняться кружку «Земли и Воли», но на самом деле брала у «Земли и Воли» только деньги и делала, что хотела. В эту подгруппу входили несколько членов кружка «Земли и Воли», как Александр Михайлов, Николай Морозов и Квятковский, но также и несколько не состоящих в «Земле и Воле», как Степан Ширяев и Шлеман. Полного состава группы я не знаю, потому что в нее не входил и не хотел входить и даже — при всей личной дружбе с Александром Михайловым, — никогда не расспрашивал его о делах «террористической группы» [1]).

Вот сколько событий совершилось за время моего отсутствия. О них я знал отчасти из газет, но только прибыв в Петербург, получил более обстоятельные сведения [2]).

Приехав в Петербург, я еще не был членом никакого кружка. Александр Михайлов встретил меня с радостью, как и я его. Мы друг другу сразу понравились, и не мудрено, потому что в сущности мы по характерам и способностям совершенно дополняли друг друга. Скоро он, переговоривши со своими, принял меня в кружок «Земли и Воли». Сделать это было легко, потому что у «землевольцев» было принято решение: всех бывших «чайковцев» принимать без голосования, если только они согласны признать уставы «Земли и Воли». Эти уставы были довольно сложны. У «землевольцев», еще в натансоновские времена, в противность прежней беспорядочности и анархичности кружков, возникло стремление к регламентации и конспирации. Само собою, Александр Михайлов много поработал над составлением уставов. Принятие мое совершилось так. Спросив меня о желании вступить в кружок, Михайлов привел меня на одну квартиру—ч у ж у ю: с в о и х квартир мне еще не должно было открывать. Квартира эта принадлежала как раз моей будущей жене, Екатерине Сергеевой, которая не была членом «Земли и Воли» и жила для студентки довольно богато, имея 2 — 3 комнаты. Катя только была знакома со всем «радикализмом». Но веселая, жизнерадостная, она готовилась просто к месту

[1]) Об этой группе, носившей название «Свобода или Смерть» (прообраз. Исп. Ком. «Земли и Воли») см., между прочим, в «Календаре русской революции» Бурцева, стр. 167.

[2]) Далее несколько относящихся к оборудованию типографии «Земли и Воли» абзацев опущено, ввиду того, что очень подробные сведения об этом есть в кн. Тихомирова «В подполье» Изд. «Друг Народа», П. 1907 г.

фельдшерицы, не принимая участия в заговорах или пропаганде. По личным же связям она, орловская сама, — примыкала к кружку Зайчневского, особенно по приятельству с Марией Оловенниковой, да и вообще со всем семейством Оловенниковых. У нее-то Александр Михайлов и выпросил комнату для моего посвящения в кружок. Сама Катя должна была на это время удалиться из квартиры.

Александр Михайлов совершал церемонию с серьезностью и таинственностью, которые меня очень забавляли. Он привел с собой свидетеля, не помню кого, который должен был слушать мои ответы. Сначала Михайлов прочел мне программу кружка—о целях его. Эти цели были довольно чепухисты и сводились к созданию мифического органа, который бы осуществлял якобы идеалы народа относительно общности земель, федерации и т. п. Обыкновенная народническая чепуха. Я согласился с этими целями, хотя в сущности у меня уже начинали складываться несколько иные понятия. Но — во всяком случае, в общем — я ничего не мог возразить и принял программу. Это та самая, что была развита, насколько позволяет цензура, в «Основах народничества» Каблица (Юзова). После этого Михайлов предложил мне вопрос о принципах действия: признаю ли я принцип «цель оправдывает средства», централизацию и дисциплину и еще что-то, чуть ли не террор, как средство дезорганизующее правительство. Все это я принял безоговорочно и совершенно искренне. Тогда Михайлов объявил мне, что я принят в кружок, если приму самый устав. Уставу я заранее подчинился, и Михайлов читал его, спрашивая за каждым §, принимаю ли я. Я все принял, хотя в уставе не нашел достаточной, по моим желаниям, централизации, за которую тщетно спорил еще в 1873 году у «чайковцев». После этого Михайлов сообщил мне имена всех членов кружка, дал отчет о состоянии его дел, о его средствах и, наконец, сообщил шифры, условные знаки и квартиры [1]).

Однако же — я все-таки узнал не все. Согласно духу устава, Михайлов, фактически уже почти бывший главным начальником, вводил систематически самую строгую конспирацию. Каждый член, говорил он, должен знать подробно лишь то, чем занимается, а на все остальное должен лишь иметь возможность узнать, если понадобится. Поэтому квартиру типографии не знал сначала никто, кроме него самого и, кажется, Клеменса. Потом он, на случай ареста своего, уже после ареста Клеменса, провел туда меня. Точно так же заграничных путей переправы не знал никто, кроме Мойши Зунделевича. Террористическую группу знали только ее члены. Рабочей группой заведывал Плеханов. Каждая такая группа

[1]) Программа и устав (первый) «Земли и Воли» воспроизведены Аптекманом в его книге «Земля и Воля» 70-х годов. Перв. Изд. Последний не текстуально, а на память. См. стр. 94—98. Впоследствии устав был переделан Ал. Михайловым в новом, в смысле террора, духе. См. там же, стр. 141.

имела с в о ю квар иру. Общей же землевольческой квартиры не знали никто, кроме членов кружка. Паспортное отделение точно так же было совершенно обособлено. Благодаря такой системе обособления всех частных дел — нас действительно трудно было открывать. Но понятно, что она же создавала совершенно «неконституционную» власть для членов кружка, проживавших в Петербурге.

Вообще кружок жил очень мало соответственно своей программе и уставу.

Положение было таково. По внешности «Земля и Воля» представляла организацию столь сильную и стройную, как еще не было в России.

Он вобрал в себя все сколько-нибудь крупное в революционной среде. Число членов было значительно, и кроме членов — немало лиц примыкало к нему по системе подгрупп, на каждом частном деле. Так, например, у нас в типографии членом кружка был только Николай Бух; остальные трое — Крылов, Марья Васильевна и Птица — были завербованы только на это дело. То же самое было во всех группах и в провинции. Таким образом человек 20 членов объединяли около себя довольно много сил, не говоря о том, что кружок имел влияние на многие частные кружки, студенческие и вообще молодые, с которыми не хотел, по их незрелости, совсем сойтись. Кружок имел разнообразные и хорошие связи по всей России. Кружок имел имя и доверие, вследствие чего получал деньги от сочувствующих. Он имел и собственного богача Л и з о г у б а, который был отрешен от всех дел специально затем, чтобы свои поместья ликвидировать и обратить в деньги. Это должно было доставить сотни тысяч рублей и уже доставило десятки.

Благодаря основанию типографии, кружок «Земли и Воли» совершенно не нуждался в эмигрантах и вышел из-под всякой зависимости заграницы. Это было явление новое. Наконец, «Земля и Воля» не имела никаких конкурентов, потому что южная организация Осинского была уничтожена, а затем все мелкие кружки неоспоримо признавали, если не главенство, то превосходство «Земли и Воли». По всероссийскому влиянию, только один И с п о л н и т е л ь н ы й К о м и т е т Н а р о д н о й В о л и впоследствии превзошел «Землю и Волю».

Но эта видимость силы была приобретена в ущерб внутреннему единству. Как ни экзаменовали в «Земле и Воле» вновь поступающих, однако исполняли это больше для формальности, и на самом деле внутри кружка царствовал глубокий раздор двух направлений, слитых совершенно искусственно. Это был тот же разлад, что по всей революционной России.

«Земля и Воля» была кружком н а р о д н и ч е с к и м. По программе — кружок должен был создать н а р о д н о - р е в о л ю ц и о н н о е д в и ж е н и е. Только для этого существовала организация интеллигенции. Всякие «улучшения» правительственного строя отрицались, «конституция» считалась хуже, вреднее, нежели «абсо-

лютизм», ибо она объединит «эксплоататоров», «буржуазию». «Земля и Воля» ставила целью ниспровержение всего существующего строя, а вовсе не правительства. Между тем нарастал терроризм, который направлялся против правительства. Это была трата сил, вредная. Народники понимали еще попытки освобождения ссыльных; понимали убийство шпионов: все это могло быть необходимо или хоть не бесполезно. Но убийство Мезенцева, с их точки зрения, совершенно выходило из программы. Пока такими делами занимался Осинский с К°, — это было чужое. Но когда свой собственный кружок переходил на такую точку, народники, со своей точки зрения, совершенно справедливо возмущались. По программе большая часть членов «Земли и Воли» должны были жить и жили «в народе», в деревне. Хозяином кружка было общее собрание членов. Только оно одно устанавливало планы действия. Лица, оставшиеся в Петербурге, не получили никакой власти , никаких полномочий. Они обязаны были только исполнять решения общего собрания, т.-е. доставать деньги и все нужное для «деревенщиков» (как мы их презрительно называли). Типография и газета «Земля и Воля» должны были служить тоже нуждам «деревенщиков». Террористическую группу хотя и дозволяли, но только для уничтожения опасных для кружка сыщиков. Кружок петербургских членов был не властью, а простой комиссией для исполнения постановлений общего собрания.

На самом деле выходило совсем не то. Во-первых, члены находившиеся в Петербурге, фактически становились властью, потому что все нужное было в их руках. Во-вторых, они по направлению становились все более отличны от «деревенщиков», а потому и направляли свою деятельность сначала не совсем так, а потом и совсем не так, как хотели «деревенщики».

Суть появившейся разницы состояла в следующем. Лица, живущие в народе, — в виде учителей, волостных писарей и т. п., становились все менее революционны. Чем более они обживались и сходились с мужиками, тем менее думали о бунте, и тем более вдавались в мысль о легальной защите интересов мужика. Живущие же в Петербурге — напротив, все более разгорались революционно и все более думали о борьбе с правительством. Когда, после долгого отсутствия, встречались бывшие товарищи — один из деревни, другой из города, — оказывалось, что они оба друг другом недовольны. «Деревенщик» имел уже даже немного странные провинциальные манеры, не интересовался никакими мировыми событиями, толковал о каких - то мелочах народной жизни. Он, видимо, «дореволюционизировался» с точки зрения горожанина. Петербуржец же казался «деревенщику» чуть не «либералом»: он и привык к приличной одежде, и говорит о «политике», и негодует не против «кулака» или «барина», а против «правительства»: того гляди — станет «просить конституции». А между тем у горожан было в руках все, и деревенщик жаловался на их невнимание, невы-

сылку денег, недоставление людей, книг, невнимания к устройству нужных для деревенщика связей и т. п.

Так нарастало взаимное неудовольствие и назревал полный разрыв.

Когда я приехал в СПБ., в городе совсем было мало членов кружка. Помню только: Александр Михайлов, Клеменс, Морозов Николай, Георгий Плеханов, Зунделевич, да, кажется, еще был Квятковский. Бух сидел в типографии. Потом, стало быть, прибавился я. Все люди — крайне не «деревенские». Остальные, в разных подгруппах, были не членами и находились, стало быть, под нашей командой. Душой организации был Александр Михайлов. Он всех объединял, везде бегал, все знал, все направлял. Остальные занимались каждый своим делом, кого куда тянуло. Клеменс весь погрузился в сношения с «либералами», приобрел в их среде массу знакомых и друзей, которых, думаю, находил себе более близкими, чем нас. Да и действительно, мы были или мальчишки, или все-таки мало культурные люди. Клеменс же имел все потребности культурного человека, интересовался и наукой, и политикой, и просто городской жизнью, наконец, не прочь был и кутнуть более или менее роскошно, а не по-мужицки. Он сблизился с адвокатом Александровым, у которого и поселился, обдумывая вместе с ним планы поднять агитацию среди земцев. Собственно для кружка — Клеменс вел редакцию газеты «Земля и Воля». Писал он мало (да и газета мало выходила), но иногда очень остроумно. Помню его статью «Императоры заговорили» [1]). Ник. Алексеевич Грибоедов, у которого я тогда проживал, пришел в восторг:

— А, Лев Александрович, каково? Ведь это Герценом пахнет.

Оно точно — пахло Герценом, но только очень редко. Клеменс был порядочный лентяй, да, сверх того, не хотел, по возможности, жить на деньги кружка и много работал по легальным журналам, что ему давало и деньги и связи. Благодаря этому, он одевался совсем по-барски и мог быть на равной ноге среди «либералов» [2]).

Плеханов занимался петербургскими рабочими, ведя пропаганду и организуя их. Помощников из рабочих он имел очень много, и дело у него шло очень успешно. Рабочие устраивали и стачки, и демонстрации, была даже раз попытка «фабричного террора». Плеханов в это время начинал становиться все более чистым марксистом, и, стало быть, переставал быть «народником». Агитация же среди рабочих приводила его к чисто «политическому» способу действия. Так, например, была тогда огромная стачка на Новой Бумагопрядильной и соседних фабриках, у Шоу и других. Стачка возникла самостоятельно, но наши (революционеры-рабочие) воспользовались ею для раздувания дела и пропаганды. По этому поводу наша типография печатала много прокламаций, составленных Плеха-

[1]) Под таким названием статьи в изданных Богучарским №№ «Земли и Воли» (Русская Истор. Библиотека, № 7) нет.

[2]) В подл. зачеркнута одна строчка — не разобрана.

новым. Конечно, приходилось говорить далеко не по-народнически. Затем, для агитации, пущена была идея итти с жалобой на фабрикантов и полицию к наследнику. Демонстрация вышла очень внушительная, хотя и была разогнана жандармами. Итак, Плеханову пришлось стать на почву столь «политическую», чтобы подбивать народ даже обратиться к наследнику — как бы в оппозицию против государя. Плеханов был очень занят и оживлен. Террору он не сочувствовал, потому что он мог мешать его пропаганде и агитации. Но еще менее расположен он был помогать «деревенщикам», все более приходя к убеждению, что весь центр социалистической революции находится в городских рабочих, а никак не в мужиках, по самому занятию неспособных проникнуться социалистическими идеями. Я заметил о попытке «фабричного террора». Это было раз, и Плеханов рассказывал о ней со смехом. На фабрике управляющий очень притеснял рабочих, и рабочая группа задумала взорвать его. Долго старались они, наконец, подложили у квартиры его мешок пороху и ночью взорвали. Но вреда никому не произошло, и — даже никто не проснулся! Все хлопоты группы остались при безвредном треске, которого никто даже не заметил [1]).

Кроме агитации среди рабочих, Плеханов занимался также и в редакции «Земли и Воли». При этом он постоянно ссорился с Клеменсом, который казался ему совсем не социалистом. Больше же всего, конечно, дело было в том, что Клеменс являлся невольно главою редакции и это мозолило глаза Плеханову.

Николай Морозов оставался прежним мальчишкой, но бредил террором и больше ничем не интересовался. Причислен был и он к редакции, но что-то не помню за это время его писаний. Знался он больше, как и Клеменс, с «либералами», которые его очень любили. Он был впрочем очень мил, добродушен, любил поболтать и умел болтать, так что легко сходился, особенно с барынями, которых любимцем всегда был издавна. Он был, между прочим, очень недурен собой.

Для кружка, в сущности, он ничего не делал, хотя по своей несомненной храбрости и молодому задору всегда готов был поставить жизнь на карту, да и связи его с либералами иногда оказывались не бесполезны. Так распределялись силы кружка в СПБ.

Я был назначен на место, досель остававшееся в забросе — именно на сношения с учащейся молодежью. Сверх того я был причислен к редакции газеты. В газете я сначала держался совершенно пассивно, являясь простым помощником Клеменса, которого превосходство в этом деле вполне признавал. Он уже редактировал раньше газету

[1]) О деятельности «рабочей группы» «Земли и Воли» среди петроградских рабочих см. Плеханов, «Русский рабочий в революционном движении. По личным воспоминаниям». М. 1920 г. и Попов, М. Р., «Из моего революционного прошлого». («Былое», 1907 г. № 5 и 7.) Там же описание демонстрации с подачей адреса наследнику. Сравни ст. Бурцева, «Северно-русский рабочий союз». («Былое», 1906 г. № 1, 178).

«Община» (за границей) [1]), да и вообще был опытным писателем. А я в это время писал очень мало. Впрочем у меня было кое-что, писанное для рабочих еще в 1873 году, и в тюрьме я зарабатывал кое-какие деньжонки, пиша в журналах (цензурных) [2]). Во всяком случае, уступая Клеменсу, я был более писателем, чем Плеханов или Морозов.

Зато самостоятельно и широко я повел связи с молодежью [3]). Молодежь я всегда любил и понимал и легко с нею сходился. Не навязывая особенно своих взглядов, оставаясь очень терпеливым к чужим мнениям, я, однако, мало-по-малу всегда многих переводил в свой лагерь. Знакомства у меня скоро стали очень большие [4]).

Между прочим, тут я познакомился и сблизился с Сергеевой, с которой через год и повенчался.

Жил я сначала у Грибоедова, потом вел странствующую жизнь по студенческим квартирам, а под конец поселился с Катей [5]).

Итак, деятельность петербургских членов была менее всего направлена на помощь находившимся в деревне. С ними поддерживали переписку, но — содержание ее было совсем чуждо интересам петербуржцев. «Деревенщикам» высылали деньги, но немного и неохотно. Все внимание и силы невольно (и вольно) поглощались с в о и м и делами: типография, агитация в обществе, агитация в студенчестве [6]), террористическая группа [7]), наконец, рабочее движение: вот что поглощало все силы и средства. Нельзя при этом не заметить, что эти средства доставались нами же, петербуржцами. Пожертвования поступали благодаря нашим хлопотам, стараниям, знакомствам, а все эти связи и знакомства, понятно, требуют внимания и огромной затраты времени. В это же время у Александра Михайлова было положено начало двум в высшей степени важным делам. Во-первых, пустяшные студенческие знакомства свели его с К л е т о ч н и к о в ы м. Клеточников прибыл в Петербург просто из желания сложить голову на каком-нибудь т е р р о р и с т и ч е с к о м деле, но непременно террористическом. Тогда таких личностей попадалось немало, и Михайлов их не пропускал без внимания. Так он, помню, открыл Мартыновского. Мартыновский — тип Достоевского — фанатик, туповатый, но с какой-то глубокой внутренней, и — при-

---

[1]) Журнал, издававшийся в 1878 г. в Женеве группой народников-бакунистов. Вышло 9 номеров.

[2]) Сотрудничал в журнале «Дело», «Отеч. Зап.», «Русск. Бог», под псевдонимом И. Кольцова.

[3]) Очень различных заведений, между прочим и с военною. За это время у меня мало-по-малу стали сами собой развиваться знакомства и в обществе. *(Прим. автора).*

[4]) Об этой работе Тихомирова см. «Календарь «Народной Воли» на 1883 г.»

[5]) Здесь должно быть вставлено описание моей деятельности в студенчестве. См. тетрадь — , стр. *(Прим. автора).*

[6]) Зач.: два слова — неразобрано.

[7]) Зач.: поглощали все.

том искалеченной жизнью,—прямо искал смерти. Кто-то из его знакомых, очень веселый человек, привел его к Михайлову, познакомил:

— Вот, — говорит, — человек желает умереть. Ничего он делать не хочет, а именно стремится умереть... Не найдется ли ему помещения?

Михайлов немедленно принял Мартыновского под свое покровительство и обещал найти ему такое дело, в котором либо голову сложит, либо будет казнен. Судьба устроила иначе, и Мартыновский был арестован случайно и куда-то сослан [1]), а желание умереть у него, потом, если не ошибаюсь, прошло. Я говорю только для примера. Таких людей было тогда достаточно. Точно так же, например, Шлеман. Он говорил, что он не социалист, не народник, а желает политической свободы. Жить долго он, по болезни, не надеется, а потому предлагает себя на самые рискованные террористические дела. Конечно, и его Михайлов немедленно принял под свое крылышко. Шлеман был человек отчаянной храбрости и сослужил ему службу. Михайлов же, не только расходился уже внутренне с кружком, но сверх того имел п р а в и л о м: все, что только возможно, делать ч у ж и м и руками, более сберегая с в о и, т.-е. кружковые, силы. Это была система натансоновцев да и, конечно, всех практичных заговорщиков. Но должно заметить, что А. Михайлов, пользуясь так «чужими» — относился к ним с величайшей заботливостью и попечением. О их нуждах, о их безопасности он считал обязательным думать даже больше, чем о с в о и х. Это был вопрос чести организации, которую никто не должен был иметь повод обвинить, что она своих бережет лучше, чем союзников.

О К л е т о ч н и к о в е я писал достаточно подробно в Conspirateurs et policiers [2]), а потому здесь ничего повторять не стану. Михайлов убедил его вместо террора—постараться проникнуть в III отделение. Клеточников был уже средних лет, когда-то немного служил, имел чин и производил впечатление человека очень выдержанного и рассудительного. На т а к о е дело никого не было лучше под руками, а на террор всегда с избытком имеется разных сорви-голов и мальчишек. Клеточников послушался. С Михайловым они сошлись крайне дружески, любили друг друга, особенно Клеточников прямо благоговел перед Михайловым. Когда предприятие удалось, Михайлов постарался окружить Клеточникова непроницаемой тайной, распустил слухи, что он уехал из Петербурга, никому не говорил его имени,— даже в кружке его не открывал, а вел все сношения с ним самолично, и вообще берег, его как зеницу ока, готовый лучше погибнуть сам, нежели допустить гибель драгоценного агента [3]).

Другое — важное знакомство Михайлова — составил К и б а л ь ч и ч хотя это знакомство произошло немножко позднее.

---

[1]) На каторгу в Сибирь в 1880 г.

[2]) См. книгу Тихомирова «В подполье».

[3]) История с Клеточниковым выяснена на процессе 20-ти в 1882 г. См. «Былое», 1906 г., № 1.

В то время, когда Михайлов водворял Клеточникова в III отделение, последнее, в свою очередь, нашло агента [который], по ловкости и удачливости, мог бы разрушить всю назревающую организацию, если [бы] Клеточников не узнал его раньше, чем он Клеточникова. Я говорю о «Николушке» Р е й н ш т е й н е. Дело кончилось убийством Рейнштейна [1]). Об этом я писал также в Conspirateurs et policiers. Это было такое дело, которое вполне одобряли наши «деревенщики», по крайней мере, знавшие о нем, ибо Рейнштейн в первую голову угрожал пропаганде среди рабочих. Но совсем иной характер имело покушение на жизнь Дрентельна [2]), а уже тем более покушение Соловьева на жизнь государя Александра Николаевича [3]). Тут собственно кружок был настолько п р о т и в, что Михайлов действовал и самовольно и даже тайком от кружка. Тут он, несомненно, нарушал все свои обязанности, как член «Земли и Воли».

Любопытно отметить, что излюбленный принцип того времени «цель оправдывает средства» вообще говоря чрезвычайно подрывал силу тогдашних организаций. В уставе «Земли и Воли» безусловное подчинение кружку было развито в высшей степени, но никогда у нас, в кружке чайковцев, не имевших никакого устава и не требовавших никакого подчинения, кроме добровольного, — никогда не было такого, в сущности, возмутительного обмана и злоупотребления, как в «Земле и Воле». Достаточно было лицам, находящимся в СПБ., изменить взгляды на ц е л и, чтобы, ничто же сумняся, начать в кружке самую беззаконную узурпацию. В этом менее всего можно обвинять нас, т.-е. меня, Клеменса, Морозова. Мы были ч у ж и е кружку и хотя, входя, принимали его программу, но смотрели на это, как на формальность, а себя считали некоторой аристократией революции: ведь нас и принимали вне общих правил, б е з г о л о с о в а н ь я. Сверх того, мы и не ломали кружка, не навязывали ему ничего, а только сами делали с в о е дело. Но Александр Михайлов, Квятковский, Мойша Зунделевич [4]) с точки зрения кружковой легальности, конечно, действовали высоко беззаконно. Они пользовались фирмой и средствами кружка для целей, ему прямо противных, и делали это сознательно. Особенно это должно сказать об Александре Михайлове. Мы с Морозовым, видя разногласия, охотно готовы были просто оставить «Землю и Волю». Клеменс, вероятно, был бы такого же мнения, но он был арестован очень скоро [5]), раньше появления острых раздоров. Но Александр Михайлов дольше всех не хотел разделяться, и, в дружеских объяснениях со мной, прямо указывал на важность ф и р м ы «Земли и Воли». Я высказывал, что н о в а я ф и р м а очень скоро приобретет

[1]) 26 февраля 1879 г. в Москве в гостинице Мамонтова за Москвой-рекой.

[2]) 13 марта 1879 г.

[3]) 2 апреля 1879 г. О переговорах Соловьева с «Землей и Волей» см. В. Фигнер «Запечатленный труд», стр. 115—120, изд. «Задруга», М. 1922 г.

[4]) Зач.: конечно.

[5]) Весной 1879 г.

такую же известность и влияние. Но Александр Михайлов не доверял этому, а в революционной деятельности, особенно при краткосрочности существования лиц, фирма значит очень много. Это обстоятельство казалось ему так важно, что даже когда единство окончательно рухнуло,—он более всех настаивал, чтобы название «Земли и Воли» было совсем уничтожено, а не доставалось «деревенщикам», так чтобы обе разделившиеся группы явились перед публикой с новыми названиями, если уж нельзя сохранить старой фирмы для себя.

Я впрочем забежал вперед. В то время, когда я присоединился к «Земле и Воле», мысль о разрыве еще не возникала, но внутренние отношения уже были запутаны. Идеи раздваивались, что между прочим отражалось и на газете «Земля и Воля» [1]). Главный предмет раздора был терроризм. Народники допускали только террор аграрный или фабричный. Но среди нас — Александр Михайлов, Морозов, Квятковский — тянулись к террору политическому. Кравчинский, хотя и убежавший за границу—тоже. Клеменс, как и я, не был террористом в собственном смысле, но все-таки видел в терроре больше толку, нежели в «деревенской деятельности». Он, как и я, хотел революции, в том числе и ниспровержения правительства, не потому, чтобы был конституционалистом, а потому, что рассчитывал, что из революции явится строй во всяком случае более демократический. Не думаю, чтобы Клеменс был особенно определенным социалистом. Я же, могу сказать, и совсем им не был [2]). Лозунг времени был социализм. Но я, в сущности, хотел только материальной обеспеченности народа. Теории социалистов я уже знал в это время, но не был ни за одну, хотя все-таки считал себя социалистом. Мой социализм, в сущности, сводился к государственной регуляции частной собственности. Что касается террора, то мне он нравился только как первые революционные схватки, передовые аванпостные стычки. Но и только. Террора, как систему, я не понимал, и даже она мне казалась нелепостью.

Иные взгляды были у Кравчинского и у Морозова. Особенно последний бродил около мыслей, которые впоследствии оформил в брошюре «Террористическая борьба и революция» [3]). В этой брошюре террор выставляется новой, современной формой революции [4]). Идея—анархическая и нелепая. Кравчинский, которого голова теоретически была

---

[1]) Для выяснения вопроса о расколе в партии «Земля и Воля» и распадения ее на «Черный Передел» и «Народную Волю» служит предисловие Аптекмана к книге «Черный Передел» как и самый журнал того же имени, воспроизведенный в этом издании «Памятники агитационной литературы», т. I. «Черный Передел». (Госиздат, 1923 г.). См. также рецензию на книгу в журнале «Каторга и Ссылка», № 6, библиография.

[2]) Сравни характеристику Клеменса у Дейча: «Один из последних семидесятников». Истор.-Революц. Библиотека. Госиздат, Пет. 1921 г.

[3]) Зачеркнуто три слова: не разобраны.

[4]) Вышла за границей вскоре после отъезда Морозова из России в 1880 г.

весьма тупа и смутна, едва ли в то время имел определенные мысли, но вообще держался мнения, что террор есть средство вынудить к уступкам.

Михайлов был человек не теории, а чутья. Он был за террор, потому что чувствовал, что кроме его ничто революционное невозможно. Что касается теории, то он готов был принять любую защиту террора.

Понятно, какую путаницу представляла публицистика «Земли и Воли». Тут, кажется, в каждом новом № были новые взгляды. Кравчинский додумался до нелепости, которой думал совместить народническое отрицание политики с террористическим требованием уступок. Он писал: нам, революционерам, не нужно конституции, но мы требуем, чтобы н а м не мешало правительство действовать в народе. Если же оно мешает, мы отвечаем террором. Другими словами: мы не требуем никакой свободы, кроме свободы бунта!

Эта чепуха не утвердилась в газете. Но морозовские идеи проводились в приложении к ней: «Листок Земли и Воли»[1]). А сама газета в это время писала о народном терроре, о вооруженных шайках, которые должны поддерживать «требования народа». Вообще в газете была такая же мешанина, как и в умах.

А Михайлов, в ответ на всякую критику, отвечал: «Что ни напилано—это все равно. Главное п о я в л е н и е газеты—нелегально! Посиция ищет, и не может ничего найти. Вот это действует на публику. А что написанс—это не важно». «По мне,—прибавил он раз со смехом,—идеальная газета была бы такая, чтобы в ней н и ч е г о не было напечатано. Но это, к сожалению, невозможно».

Замечание, в сущности, неглупое! Газета, действительно, производила влияние своим существованием, а не содержанием. Она была живым доказательством бессилия полиции и силы какой-то таинственной организации. Где типография? Почему ее не могут отыскать? На эту тему фантазия публики разыгрывалась до белого каления. Предполагали даже иные, что типография помещается в каком-нибудь дворце и т. п. Уважение к силе революционеров росло именно из-за с у щ е с т в о в а н и я типографии, а чепухистое содержание газеты, постоянно сожигаемой большинством читателей, мало запоминалось, а потому и мало компрометировало.

До тех пор, пока существовал Клеменс, мое участие в газете было очень пассивно и ограничивалось составлением разных мелких сведений. Но Клеменс скоро был арестован.

Он жил по фальшивому, но очень хорошему (он был даже не фальшивый, а только не Клеменса) паспорту, на имя капитана Штурма, и долго оставался незамеченным полицией. С революционерами он водился мало, а все вращался в общество «либералов», жил их жизнью. Попадаться было не на чем. Но по мере развития связей, он стал ду-

[1]) Выходил в 1879 г. под редакцией Морозова. Вышло 6 номеров (см. Богучарский, «Революционная журналистика 70-х годов».—Русск. Ист. Б-ка № 7).

мать о более широкой агитации, именно в земствах. Его сожитель Александров сам состоял в каком-то земстве и отправился туда на агитацию. Но слуга Александрова и Клеменса, подслушав их неосторожные разговоры, донес на них. Клеменс был арестован. Александров тоже. Александров, как я полагаю, сошел с ума в тюрьме. Что касается Клеменса, то арест буквально спас его. Ни в чем серьезном он не был скомпрометирован, а по обращению своему скоро очаровал жандармов, как всех, с кем имел дело. Он, действительно, был очень милый, приятный и добродушный человек, легко сходящийся с кем угодно, хоть с самим чортом. Между тем события в революционном мире шли все разгораясь, убийства наростали, и скоро Клеменс, милый, кроткий, любезный, в своей тюрьме стал казаться совершенно невинным агнцем в сравнении с террористическими волками. Поэтому его, при помощи хлопот друзей, а быть может, и не без денежных их пожертвований признали не подлежащим суду, а выслали а д м и н и с т р а т и в н о в Сибирь. Этим и кончилась его революционная деятельность. Образец справедливости тогдашних наказаний. Какого-нибудь несчастного доктора Добровольского, абсолютно ничего не сделавшего, закатали на 20 лет каторги (он впрочем убежал от нее за границу), а такого вожака, как Клеменс, явного, за подписью, издателя «Общины», — административная высылка!

После ареста Клеменса, мое участие в газете стало сильнее. Тут же Михайлов, все более убеждавшийся в моей «конспиративности», решился, на случай своего ареста, показать мне типографию, о которой я дотоль не имел понятия. С величайшими предосторожностями провел он меня в это таинственное место.

Оно оказалось слегка прозаически, но столь же практически устроенным. Это была просто-напросто средней руки квартира, в одном доме, на Николаевской улице. Весь персонал квартиры был сочинен из своих людей. Хозяйкой была Крылова, а ее якобы мужем Бух. Разумеется, жили они по подложному, очень хорошему паспорту. В прислуги им была дана некая Марья Васильевна Грязнова, радикалка, очень глупая, но вполне преданная «делу», тем более, что она была влюблена в четвертого жителя квартиры—Лубкина. Лубкин (кажется Сергей Николаевич) был маленький незаметный человечек, которого высшее счастье состояло в том, чтобы его листки были напечатаны чисто и красиво.

Квартирка смотрела чистенько, среднего достатка. В гостиной—портрет государя в золотой раме. Самая типография находилась в задней комнате. Она была устроена очень прекрасно. Станок (действовал валом на рельсах) устроен очень тщательно, бесшумно, и сверх того помещался на мягкой кушетке, которая окончательно съедала звук. В эту же кушетку станок прятали, когда являлись полотеры. День натирания полов—не работали. Все пряталось: кассы в конторку, станок в кушетку. Бумага убиралась. Полы выметали тщательно, чтоб не попадалась случайно ни одна буква шрифта.

На случай ночных работ, окна сверх обычных занавесок, завешивались клеенкой. Снаружи никто не мог бы догадаться, что в комнатах чуть не блистательное освещение: все казалось погруженным в непробудный мрак [1]).

Этот тип квартир был о б щ и м для всех «конспиративных квартир». Главное было иметь хорошие документы, правдоподобно составленную семью, прислугу из своих же радикалов, обстановку с р е д н ю ю, не выдающуюся ничем[2]), жить тихо, но не замкнуто, чтоб иногда и гости были, а также непременно время от времени зачем-нибудь пускать к себе дворников, чтобы они видели, что квартира самая приличная и ничего подозрительного не заключает.

Труднее и тяжелее всего была роль п р и с л у г и, которой приходилось знаться и с дворниками, и с чужой прислугой, и с лавочниками.

Что касается документов, в землевольческой среде это дело было поставлено давно на «высокую степень совершенства». Множество писарей и чиновников в революционной среде и обширная практика познакомили со всеми формами документов. У наших «паспортистов» были тысячи всевозможных копий, снимков печатей, подписей лиц и т. п. Резьбой печатей занималось множество лиц. За изменениями административных лиц тоже следили. Вообще—из любой местности России можно было подделать любой документ, и это делалось очень быстро, при надобности—в два-три часа можно было получить паспорт. Сверх того—занимались скупкой и вообще собиранием документов, особенно через жидов западного края, которые в этом деле артисты и знают толк. Лучше всего были документы лиц уже у м е р ш и х, но вдали от родины, где их смерть была поэтому неизвестна. Я сам раз имел такие документы, купленные у евреев за 40 рублей. Но и было за что заплатить: тут было решительно все: метрика, послужные списки, кое-какие личные записки умершего, так что перечитавши все—можно было вполне прекрасно знать всю «свою» биографию. Такие полные коллекции попадались не часто, но нередко «настоящие» документы дополнялись фальшивыми... Конечно, такими избранными документами снабжались только особливо нужные люди, и притом часто у одного и того же в запасе было их несколько, на случай внезапной перемены.

---

[1]) Впоследствии эта типография перешла к «Черному Переделу» и в 1880 г. обнаружена полицией и конфискована. Дело разбиралось 29 сентября 1881 г. См. «Хроника социалистического движения». стр. 108—109 и Попов, М. Р., «Из моего прошлого» («Минувшие Годы» 1908 г., № 2).

[2]) Зачеркнуто одно слово, не разобрано.

II.

Смерть Александра II [1]).

О смерти императора Александра II напечатано множество воспоминаний, но во всех них совершенно затушевано то обстоятельство, что успех этого покушения был совершенно с л у ч а й н ы м. Его не только могло не быть, но, по условиям обстановки, даже не должно было быть.

Я тоже не был непосредственным наблюдателем этого факта, так как находился в отсутствии из Петербурга и возвратился как раз 1 марта, рано утром. Подъезжая к своей квартире (не то на Вознесенском, не то на Гороховой) я встретился с Грачевским, шедшим мрачно и задумчиво, и зазвал его к себе. Он рассказал мне тяжелые происшествия последних дней—об аресте Желябова, об осмотре полицией Кобозевской лавки, и сообщил, что Перовская рвется на части, чтобы произвести покушение непременно сегодня. В успех его он совсем не верил. Пробеседовавши несколько времени, мы решили пойти на предположенные места действия и посмотреть, что там творится. Но не успели мы пройти сотни две шагов, как услышали сильный грохот взрыва, и решили—итти, так сказать, на выстрел, но для безопасности порознь. Таким образом я прошлялся около Невского, Екатерининского канала, Малой Садовой, несколько часов, слушая толки народа.

На другой и следующие дни я узнал о подробностях дела от самой Перовской, а затем слыхал множество [2]) рассказов, которые шли от случайных свидетелей убийства, казаков, полицейских, а также через адвокатов из тюрьмы и следователей. Один из бомбистов, Емельянов, был очень близок к семье Анненского, от которого я также слышал кое-какие подробности. Вообще из множества источников я тогда получил массу сведений о происшествии 1 марта, и вот как, на основании этих данных, произошло убийство императора Александра II.

27 февраля 1881 г. был арестован Желябов на квартире Тригони... Это, конечно, произвело ужасное действие на Перовскую, которая его любила всеми силами своей глубокой [3]) натуры. Еще раньше она была в страшной тревоге за него, до того, что она, для дела никогда ничего не жалевшая, дошла до стараний сдержать его, оградить от постоянного риска. Она не могла не понимать, что заменить Желябова некому, что волей-неволей он должен рисковать. И однако она просила меня повлиять на него, уговорить его быть осторожнее. Бедная, бедная! Она сознавала, что уступает слабости лич-

---

[1]) В архиве Тихомирова это — отдельная статья, не вошедшая в его «Воспоминания».

[2]) Зач.: подробностей.

[3]) Зач.: еще раньше.

ного чувства и просила моего содействия, как бы совестясь... Я, конечно, старался повлиять на него, но это было совершенно невозможно. Он совершенно закусил удила и, конечно, считая себя обреченным, думал только о том, чтобы возможно больше сделать в краткое остающееся ему время. Я тогда просто проклинал нашу затею цареубийства, видел, что мы губим все силы, уложим всех своих и погибнем, может быть, раньше Александра II. Желябов разделял это мнение, но что было делать? Нельзя же было бросить все, не достигши цели? Раз начато дело,—не кончить его—значило сознаться в бессилии, погубить всю репутацию Комитета и партии. Против этого нельзя было возражать, и Желябов торопил цареубийство, как [1]) опьяненный гашишем, всем рискуя, на все закрывая глаза. И вот—он арестован, выбыл из строя [2])!

Я не видал в это время Перовской, но легко представляю себе всю бурю, забушевавшую в ее душе.

Убежден, что она вся клокотала жаждой мести за своего «Тараса», как его называла.

Убежден, что она лелеяла мечту, нельзя ли как-нибудь облегчить его участь, смягчить хоть чуть-чуть его ответственность. А оба эти чувства одинаково приводили к мысли: как можно скорее, во что бы то ни стало, совершить цареубийство. К этому же приводила и мысль о том, что слухи о готовящейся попытке ходят по городу, что множество людей участвовали в приготовлениях, что полиция [3]) рыщет и ищет каких-то нитей, чего-то таинственного, угрожающего. И Перовская повела дело к исполнению со страшной энергией [4]) и поспешностью, которых бы не было в такой мере при самом Желябове. А тут кстати и судьба послала случай.

Император уже две недели не ездил в манеж на развод, по настояниям княгини Юрьевской, которая так же трепетала за него, как Перовская—за Желябова. 1 марта было 3 воскресенье, и царь мог, наконец, поехать [5]). Нужно было все подготовить на тот случай, если развод состоится. И работа закипела. Покушение заранее было рассчитано на поездку в манеж. Мина на Малой Садовой готовилась именно на этот случай. Метальщики бомб [6]) должны были явиться только подсобным орудием. Царь ездил в манеж обыкновенно по Невскому и Малой Садовой. Предполагалось—взорвать под ним мину, а четыре бомбиста [7]) должны были докончить его, если бы при взрыве мины он не был убит [8]). Мина была заложена на Малой

[1]) Зач.: зач.

[2]) Зач. полторы строки, которые нельзя разобрать.

[3]) Зач.: ищет.

[4]) Зач.: то.

[5]) Зач.: на развод.

[6]) Зач:. долж.

[7]) Зач.: находящиеся на двух концах этого участка улицы.

[8]) Зач.: мина находилась на Садовой, в доме Менгдена, в сырной лавке Ко(бозева).

Садовой, из сырной лавки Кобозева (Богдановича), в д. гр. Менгдена, почти у самого угла Невского проспекта. Бомбисты попарно должны были разместиться по обоим [1]) концам этого участка улицы.

Таков был еще желябовский план. Перовская и предполагала исполнять его по установленному.

28 февраля вдруг произошло неожиданно событие, наполнившее всех страхом [2]). Полиция, при участии техника Мровинского, произвела осмотр лавки Кобозевых, по объяснению полиции в санитарных целях—и ничего подозрительного не нашла.—Это тем изумительнее, что, по словам полиции, дворников и соседей, сами Кобозевы и их посетители возбуждали во всех подозрения, и за ними даже следили, хотя, очевидно, очень плохо. Как бы то ни было, осмотр составлял очень грозное предостережение.

Но зато 1 марта император, наконец, решился посетить развод. Княгиня Юрьевская только упросила его поехать не через Невский и Малую Садовую, а [3]) по Екатерининскому каналу.

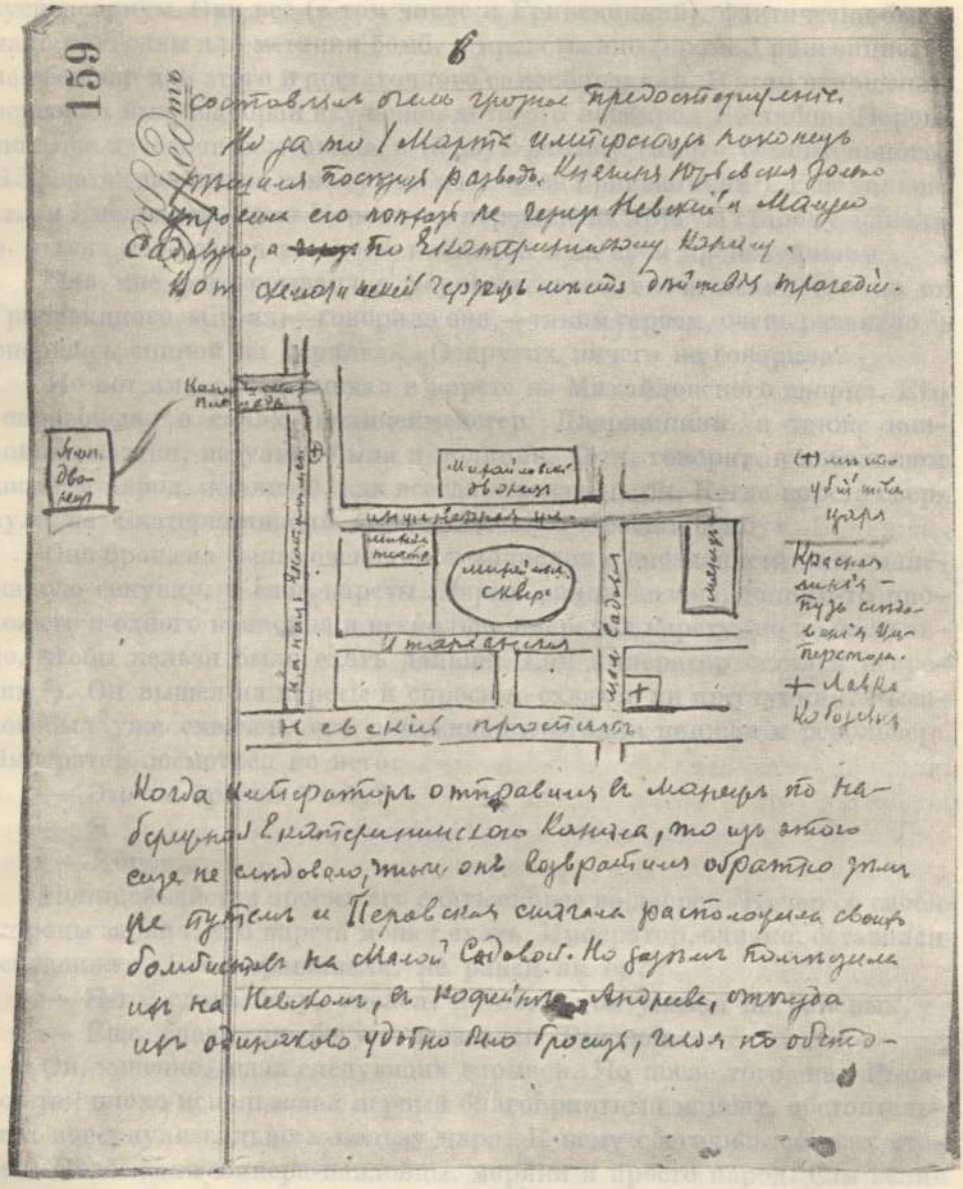
Вот схематический чертеж места действия трагедии.

Когда император отправился на манеж по набережной Екатерининского канала, то из этого еще не следовало, чтобы он возвратится обратно тем же путем, и Перовская сначала расположила своих бомбистов на Малой Садовой. Но затем поместила их на Невском, в кофейне Андреева, откуда их одинаково удобно было бросить, глядя по обстоятельствам—на Малую Садовую и на Екатерининский канал. Обстоятельства эти вполне определились, когда император, кончив развод, заехал в Михайловский дворец. Стало ясно, что он поедет дальше по Екатерининскому каналу. Туда Перовская и двинула поспешно свою команду, которая к этому времени уменьшилась. Михайлов почувствовал такое волнение при мысли о предстоящем бомбометаньи, что дезертировал, ушел домой. Остались Рысаков, Гриневицкий и Емельянов.

Еще во время слежения, установленного за императором для того, чтобы узнать его путь следования, было замечено (кажется, Перовскою), что царский кучер при повороте с Инженерной на Екатерининский канал, задерживает лошадей, так что карета едет почти шагом. Это место и было заранее намечено для бомбистов [4]). Не знаю почему, на это самое [5]) удобное место, где карета, так сказать, сама наскакивает из-за угла на бомбиста, Перовская поставила Рысакова, наименее надежного из трех. Должен сказать, что вообще вся компания метальщиков, кроме Гриневицкого, была выбрана довольно [6]) необ-

---

[1]) Зач: конец.
[2]) Зач.: санитарная комиссия.
[3]) Зач.: через.
[4]) Зач.: самое выгодное место.
[5]) Зач.: выгодное место.
[6]) Зач.: крайне легкомысленно.

Место события 1 марта 1881 г.
(Чертеж Л. А. Тихомирова, к стр. 172.)

думано. Ни за одного из них нельзя было поручиться в таком страшном испытании, сверх того они все были не очень сильны, не высоки ростом, а у Рысакова была вдобавок болезнь, заставлявшая его носить суспенсориум. Они все (в том числе и Гриневицкий), фактически были мало пригодны для метания бомб, а нравственно (кроме Гриневицкого) не обещали для этого и достаточного самообладания. В этом отношении персонал был подобран неудачно, хотя его подбирал Желябов. Перовская же вдобавок поставила в первую голову самого сомнительного. В 30 шагах дальше по каналу был поставлен Гриневицкий[1]). Еще дальше стоял Емельянов. Сама Перовская перешла на другую сторону канала и оттуда наблюдала за своей командой и за всем происходящим.

Она мне рассказывала о хорошем своем впечатлении только от Гриневицкого. «Стоял,—говорила она,—таким героем, очень развязно [2]) опершись спиной на перила»... О других ничего не говорила.

Но вот император выехал в карете из Михайловского дворца. Его сопровождал в санях полицеймейстер Дворжицкий, а также конвойцы, казаки, на улице была и полиция, хотя, говорят, в небольшом числе, и народ, ждавший, как всегда, проезда царя. Когда карета свернула на Екатерининский канал, Рысаков бросил бомбу.

Она брошена была, очевидно, в волнении с опозданием, не в надлежащую секунду, в след кареты. Взрыв ранил казака, какого-то прохожего и одного конвойца и несколько повредил карету, но не настолько, чтобы нельзя было ехать дальше. Сам император остался невредим [3]). Он вышел из кареты и спросил, схвачен ли преступник? Рысаков был уже схвачен, его обыскивали, отняли кинжал и револьвер. Император посмотрел на него:

— Это ты бросил бомбу?

— Я.

— Хорош.

Полицеймейстер просил его ехать скорее во дворец. Кучер со своей стороны заявил, что карета может ехать. Император, однако, оставался неподвижен. Его спрашивали, не ранен ли он?

— Я-то, слава богу, уцелел, но вот, —он указал на раненых.

— Еще слава ли богу,—отозвался Рысаков.

Он, конечно, ждал следующих взрывов. Но после того, как Рысаков так плохо использовал первый благоприятный момент, обстоятельства повернули сильно в пользу царя. К нему сбегались со всех сторон. Подбежали юнкера-павловцы, моряки и просто народ. Сам великий князь Михаил Николаевич, услыхав гром взрыва, бросился на канал, хотя застал брата уже умирающим. Во всяком случае царь был уже окружен значительным числом разных лиц—конвоя, полиции, военных, народа. В рассказах о 1 марте, собранных Глинским, [4]) гово-

[1]) Зач.: он стоял опершись на перила канала.

[2]) Зач.: (облокотившись).

[3]) Зач.: хотя возможно он был несколько оглушен.

[4]) «Революционный период русской истории», т. II, стр. 482—498.

рится, будто бы Гриневицкий стал к нему подходить. Это не правда, изобличаемая уже тем, что сраженный бомбою император упал на тротуар канала, прислонившись спиной к перилам, на том самом месте, где стоял Гриневицкий, а последний валялся тут же около. Дело в том, что Гриневицкий уже никак не мог подойти, когда сбежалось столько народа. При первом же шаге его, он обратил [бы] внимание на себя и на свою бомбу в белом платочке. Что он думал, что он замышлял, никто не знает, он унес свои предсмертные мысли в могилу. Но он стоял неподвижно. Так прошло несколько минут, 3, 4, 5, никто не считал, конечно. Император Александр II бродил бесцельно среди окружающих, упорно не подымаясь в карету, не отвечая на уговаривания свиты, наконец, вышел из окружающей толпы и направился тихо, поворачивая без надобности направо и налево, к тому месту, где стоял Гриневицкий. Когда я слушал рассказ об этом, мне вспомнилась картина загипнотизированного отыскивающего место, указанное ему гипнотизером. Словно зачарованный, осужденный судьбой, он сам шел навстречу своей смерти. Он потихоньку подвигался к Гриневицкому, который продолжал стоять неподвижно. Но вот царь подошел к нему вплотную, на два, три шага. Тогда Гриневицкий ударил бомбой в землю, и под гром взрыва жертва и убийца, оба пораженные на смерть, свалились рядом на панель канала.

Вот как произошло это событие. Но что было бы, если бы император, вместо бесцельного блуждания по улице, сел в карету и уехал? Он бы остался жив.

Тут, конечно, можно представить несколько комбинаций. Дворжицкий уговаривал царя ехать именно потому, что понимал, что, вероятно, есть и другие бомбисты. Если бы у него оказался здравый смысл, то он конечно—должен был направить царя назад в Михайловский дворец, по уже раз проеханному и оказавшемуся чистым пути; затем, нагнав достаточное число полиции и войска, расчистил бы путь в Зимний дворец и препроводил бы туда царя. Но если бы даже царь и прямо двинулся во дворец, мимо [1]) Гриневицкого и Емельянова, то они [2]) едва ли могли бы пустить в ход свои бомбы, когда Александр II был окружен полицией и войсками. Они бы могли перебить десятка два посторонних, но не могли добраться до царя.

И тогда что же? Покушение 1 марта превратилось бы в простую попытку, подобную в предыдущем, с тою разницей, что было бы уже п о с л е д н и м, потому что у Комитета выбыли [3]) из строя все опытные террористы.

Кстати о числе покушений!..

Задолго до смерти Александра II, я слыхал—об этом говорило множество людей,—что когда император был в Париже, он посетил там знаменитую гадалку-цыганку. В это время он пережил только что по-

[1]) Зач.: Гриневиц.
[2]) Зач.: уже не.
[3]) Зач.: все.

кушение на его жизнь поляка Березовского. Цыганка предсказала ему, что он переживет 7 покушений. Об этом все говорили и, понятно, никто не верил. Когда у нас попытки цареубийства одна за другой не удавались, то случалось, в шутку говорили: сколько же ему еще осталось счастливых исходов? И однако же в действительности предсказание цыганки исполнилось. Царь пережил благополучно 7 покушений: 1) Каракозова, 2) Березовского, 3) Соловьева, 4) покушение Желябова и К° в Александровске, 5) покушение в Москве из дома Сухоруковых, 6) покушение Халтурина в Зимнем дворце. 7) покушение Рысакова 1 марта. Бомбой Рысакова были исчерпаны счастливые шансы Александра II. Бомба Гриневицкого составила 8-е покушение, и покончила его жизнь [1]).

III.

Тени прошлого [2]).

Исполнительный Комитет.

Несколько замечаний.

Перечитывая множество рассказов об Исполн. Комитете в «Былом» и «Запечатленный труд» В. Фигнер (лучшее, что сделано о Комитете), я должен сказать, что все они изображают Комитет весьма не точно и оценивают людей его с огромными ошибками. Конечно,—крупнейшие люди ничего о себе не оставили, а те, кто является свидетелями о них—мало видали, мало знали.

Крупнейшими людьми Комитета были:

1) Александр Михайлов, 2) я, 3) Желябов, 4) Зунделевич, 5) Оловенникова и 6) Перовская.

К сожалению, Оловенникова,—которая даже гораздо крупнее Перовской, жила почти все время в Москве [3]), и не могла пристально наблюдать комитетские отношения.

---

[1]) Литература о 1 марта 1881 г. и его участниках указана в книге Шилова, А. А. «Что читать по истории русского революционного движения», стр. 130—133, также у Богучарского, «Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х г.г. XIX в.» 42—46, 63—93. Приговор Исп. Ком-та Александру II был объявлен 25 авг. 1879 г., после которого последовал ряд покушений и 1 марта (Богучарский, стр. 42—43). Последние сведения о 1 марта недавно сообщены Якимовой-Кобозевой, которая между прочим, дополняет число участников события след. лицами: Фроленко, Корбой (Прибылевой) А. П., Оловенниковой Е. Н. («Каторга и Ссылка» № 1 (8) 1924 г., 9—17.

[2]) Отдельная от «Воспоминаний» заметка, повидимому, начало задуманной работы под общим заглавием «Тени прошлого».

[3]) Она вместе с Теллаловым П. А. образовала здесь местную «Рабочую группу» «Н. В.» и вела пропаганду среди московских рабочих и учащихся. См. об этом ст. Н. Волкова. «Народовольческая пропаганда среди московских рабочих в 1881 г.», «Былое», 1906 г., № 2. также В. Фигнер «Запечатленный труд», стр. 255—257.

7) Говорят, что большую величину представлял Теллалов. К сожалению, я его мало знал. Он очень умен, но для Комитета мало сделал, и, думаю, в смысле практического организатора, большой ценности не имел. Это был крупный воспитатель молодежи и только.

8) Суханов—был блестящих способностей, и даже порядочный организатор, но он не имел государственно-революционного ума, и роли революционной организации в государственном устроении ему представлялись, думаю, смутно.

9) Морозов (Ник. Ал.)—храбрый, остроумный, симпатичный, совсем не имел большого ума, а между тем воображал, что его имеет. В жизни Комитета он не только имел мало значения, но даже был отчасти вреден, заглушая государственную идею Комитета своей французской идеей террора, как наилучшей формы революции. К счастью, он не имел большого влияния.

10) Квятковский, конечно, был выше Морозова по уму, но все-таки не может быть поставлен в ряд с первостепенными людьми Комитета, выше перечисленными.

11) Фроленко — несравненный исполнитель всяких боевых предприятий, имел весьма здравый ум, но не первостепенного калибра.

12) Вера Фигнер — блестящая агитаторша, увлекавшая всех, с кем сталкивалась, была плохой организаторшей, органически неспособной к осмотрительности, не умела различать людей и вечно рвалась к блестящим и трескучим делам; фантазия в ней чрезмерно преобладала над разумом, так что она была настолько же полезна, насколько опасна.

13, 14, 15, 16) Прочие женщины—Корба, Якимова, Лебедева, Гельфман,—честные, искренние, самоотверженные—никакими особенными способностями не отличались.

17) Ширяев—человек с огромным характером и волей, и даже умный. Может быть, мог вырости в крупную величину.

18) Златопольский, — весьма неглупый, с недурными организаторскими способностями, очень хороший человек, но все-таки величины средней.

19) Исаев, — искренний, убежденный, бесстрашный, сначала казался довольно счастливого ума, но до того был засосан техникой террора, что даже как-то поглупел.

20) Ланганс—мне казался весьма средним человеком.

21) Баранников—добрый молодец, боевой человек, но ума самого среднего.

22) Колодкевич—так же средний (очень хороший) человек.

23) С. Иванова—из женщин довольно выдающаяся, очень неглупая, убежденная, немножко авантюристка; в компании полезный человек, к самостоятельной роли не годилась.

24) Юрий Богданович—разносторонне талантливый, умный, развитой, организатор плохой.

25) Тригони—имел слишком мало времени революционной деятельности, умный, образованный, искренний, но нельзя предугадать—выработался бы в крупную величину или нет.

26) Ольга Любатович—никакой роли не играла, да и ни в каком отношении не могла играть. Ничего крупного не было [1]).

Из этих лиц были первоначально только агентами Теллалов, Суханов, Гельфман, Ланганс, Богданович, Иванова, Тригони.

IV.

Прошение Л. Тихомирова Александру III о помиловании [2]).

Ваше императорское величество
государь всемилостивейший!

Несмотря на воздействие семейного воспитания, полного чувства преданности престолу, я очень рано подвергся влиянию революционных идей. Верование в якобы грядущий революционный переворот было привито моему юношескому уму еще в то время, когда он не был способен к самостоятельной оценке внушаемого. Захваченный этим потоком, погубившим столько других сверстников, я совершил длинный ряд политических преступлений. Двадцатилетним мальчиком, еще не имея понятия ни о каком существующем строе, я уже стал его ниспровергать в качестве члена кружка «чайковцев». С 1872 г. я вел революционную пропаганду среди рабочих, распространял запрещенные издания и сам составлял брошюры преступного содержания, из которых Сказка о четырех брать[ях] и Истор[ия] Пуг[ачева], точное название которой я запамятовал, были даже отпечатаны за границей. Таковая деятельность моя была прекращена только арестом 1873 г. 11 ноября. Затем более 4 лет я провел в предварит[ельном] тюремном заключении. Фанатизированный, но честный мальчик, я тогда еще легко мог бы понять нелеп[ость] своих идей. Но тюрьма отрезала меня от отрезвляющего наблюдения действительности и 4 года воспитывала в непрерывном раздражении, в ненависти, на грезах о своем «мученичестве», на фантазиях о кровавых переворс[тах]. Преданный в 1877 г. суду Особ[ого] прис[утствия] по так назыв[аемому] делу 193-х я принял участие в шумном протесте подсуди-

---

[1]) Этот список требует исправлений или, вернее, дополнений. Согласно свидетельству В. Фигнер в Исполнительный Комитет еще входили: Грачевский и Тихомирова (Сергеева), жена Л. Тихомирова. Затем после 1 марта в состав его вошли также: Жебунов, С., Мартынов, Лебедев, Романенко и Стефанович. Комитет сначала находился в Петербурге, а после 1 марта переведен в Москву (В. Фигнер «Запечатленный труд», стр. 239—246).

[2]) Подано 18 сент. 1888 г.

-[мых] [1]). В январе 78 г. я был освобожден, так как суд, признав меня виновным в прест[упной] пропаг[анде] ходатайствовал о вменении мне в наказание времени предварит. закл[ючения]. Выйдя из тюрьмы с вполне сложившимися револ. идеями, я сначала почти не проявлял их в какой нибудь деят[ельности]. Я посещал различные демонстрац[ии], но собствен[но] в качестве наблюдат[еля]. Участвовал в одном кружке, кот[орый] распался, ничего не совершив; замышлял также с некотор[ыми] друг[ими] лицами освобождение госуд. прес[тупника] Мышкина, но эти замыслы не привели ни к какому фактич[ескому] покушению [2]). Около мая месяца я отправился на родину в Куб. Обл[асть] и там скоро стал помышлять как-нибудь устроить свою жизнь. Еще до отъезда я узнал в бывшем Трет. Отд[елении], что не могу рассчитывать на дозволение окончить курс наук. Посему я теперь колебался между различн[ыми] другими планами, но судьба решила иначе. Осенью 78 г. я был отдан под надзор полиции с определ[ением] места обязат[ельного] жительств[а]. При моей молодости и жажде широк[их] наблюд[ений] эта мера поразила меня, как громовой удар. Мне казалось, что я снова попадаю в нечто вроде недавно оставленной тюрьмы, и я немедленно бежал, без денег, без планов, даже не зная, кого из революционных друзей сумею розыскать. С этого момента начинается моя нелегальная жизнь. Прибыв в октябре 1878 г. в СПБ., стал членом кружка «Земля и В[оля]». В террор[истической] деятельности этого сообщества я фактически участия не принимал, хотя совершенно ей сочувствовал. Раз только, насколько помню, я лично помог бегству Мирского [3]), незадолго совершившему покушение на жизнь генерала Дрентельна. Я также знал о готовящемся покушении Соловьева, но ничем этому злодеянию не способствовал. К половине 1879 г. в сообществе «З[емля] и В[оля]» образовалось 2 течения: одно стремилось перейти на почву политической борьбы, имея политические убийства, как средства действия, другое, более мирное, стремилось к пропаганде и организации в народе. Я принадлежал к 1-му течению. С тяжелым сердцем, с изумлением перед охватившим нас тогда умопомрачением, исполняю горькую обязанность припомнить эти страшные 1879—1881 годы.

Я тогда был вполне охвачен революционной горячкой и совершенно утратил сознание исторических прав и обязанностей. Но террористом в строгом смысле слова никогда себя не признавал и не могу быть назван. Это не только потому, что я материально и лично не при-

[1]) Протест состоял в отказе подсудимых участвовать в суде ввиду нарушения последним требований закона, что вызвало насильственный привод подсудимых по группам и новый их протест и устные заявления суду. (Подробности о протесте см. «Кр. Архив», т. V. Письма 193-х, стр. 139—147, 160—161.)

[2]) См. выше «Эпоха Земли и Воли», стр. 148—149. О попытке освобождения Мышкина и причине неудачи см. в «Кр. Арх.», т. V, Письма 193-х. Введение и письмо, стр. 134—136. Там же нов. мат. о Мышкине, стр. 164—171.

[3]) О бегстве Мирского и вообще нов. мат. о нем см. «Кр. Арх.», т. V, ст. Щеголева «Нечаев в Алексеевском равелине».

нимал участия ни в одном покушении на политическое убийство, но также и потому, что в самом принципе я подобные способы действия лишь допускал, как нечто уже существующее, но в то же время совершенно второстепенное. Мои собственные идеи были несколько иные, а именно, я полагал необходимым образовать обширное тайное сообщество для произведения госуд[арственного] перев[орота] с целью созыва Учр[едительного] Собран[ия] или, смотря по обстоятельствам, для захвата власти революционной диктатурой. Эта организация, по моему мнению, должна была охватить различные слои общества, но для начала она могла опираться только на револ[юционную] интеллигенцию, а стало быть, обязательно должна была сообразоваться с понятиями и стремлениями этой среды. Среда же эта, больная хроническим анархизмом, в то время, так сказать, сочилась страшной мыслью цареубийства. Бедные умы, политически расшатанные, воспитавшиеся на рабском отрицании авторитетов и на слепом преклонении перед неограниченными правами личности, тысячью путей приходили тогда к террорист[ической] борьбе: и по непривычке сдерживать свои порывы, и по неспособности возвыситься над борьбою против лиц, и по расчету, так как действительно такой пример безграничного самоуправства не мог до известной степени не «революционизировать» окружающую среду, возбуждая в ней инстинкты своеволия. Воздействие крестьянск[ой] среды, крепкой духом дисциплины, могло благодетельно действовать на «пропагандистов». Но самые успехи администрации в борьбе с пропагандой пресекли в зародыше это воздействие. Загнанная в свою собственную среду революц[ионная] интеллигенция к прежнему отсутствию здоровых политических принципов присоединила еще раздражение побежденного до кажущегося оправдания крайностям в виде невозможности будто бы мирной деятельности. При таких условиях наркотическая идея политических убийств быстро дошла до последнего своего вывода, и мысль о цареубийстве сразу возникла повсюду, как зародыши эпидемии возникают на пропитанной заразой почве. Эта революционная масса могла тогда пойти лишь за теми, кто не противоречил ее страстям и ненависти. Моя прикосновенность к терроризму была именно уступкой, без сомнения, в высшей степени преступною, такому настроению революционной мысли. Сделать же подобную уступку я был способен, потому что и мой ум и моя совесть, хотя в меньшей степени, были тогда омрачены общим туманом.

С характеризованными выше идеями я прибыл на Лип[ецкий] съезд. Впоследствии Гольд[енберг] [1]) показывал, что съезд имел целью установление планов цареубийства. Это не точно. Съезд имел главной целью организацию нового сообщества, с новой политической программой. Вопрос о цареубийстве был поставлен лишь между прочим и был решен утвердительно, но условно, в зависимости от совершения или

[1]) Григ. Давид.

не совершения политических казней. Новое сообщество было действительно основано под старым названием Исп. Комит[ета] сначала, по решению Воронеж[ского] съезда, в виде простого Отдела «Земли и Воли», а потом, по решению съезда СПБ., оно окончательно обособилось. Во всех этих съездах я принимал деятельное участие. Выбранный членом Админ. Ком[итета] [1]), я участвовал обязательно на всех его заседаниях, между прочим, и на тех, где были решены планы преступных покушений, подготовлявшихся в Од[ессе], Ал[ександровске], Моск[ве] и Зим[нем] Дворце. В исполнении же этих преступлений я не принимал участия. Вообще террористическая деятельность на мне совершенно не лежала. В Админ. Комитете я имел свою особенную часть, сообразно с моими наклонностями. Я именно руководил газетой «Н. В.» [2]), как и вообще имел наблюдение над изданиями сообщества. Мною была редактирована большая часть прокламаций Комитета [3]). Я имел первенствующую роль в выработке «Прогр. Исп. Комитета», «Подг. работы Партии», а также программ мелких, сгруппированных около Комитета кружков, в основании которых я принимал большое участие. Я участвовал в устройстве типографии сообщества. Я некоторое время, вместе с Ал[ександром] Мих[айловым], вел сношения с Клет[очниковым], предававшим нам планы госуд. полиции. Я играл, помню, первую роль, в так сказать дипломати[ческой] деятельности сообщества, отстаивая его идеи или поступки перед другими группами и фракциями. Наконец, наибольшую часть моих сил и времени поглощало еще одно дело, которое я вел почти в противность желаниям Комитета. Я именно старался создать в самом русском обществе агитацию, а если возможно, то и организацию в пользу конституционного государственного переворота. С целью более удобно действовать я сделался литератором, что мне давало некоторую известность и средства к жизни. Вся эта деятельность, выдвинувшая меня на первое место как организатора так называемой партии «Н. В.», создала мне в ней чрезвычайный авторитет. Но в то же время я стал все холоднее и даже неприязненнее относиться к террору, постоянно грозившему успехам моих планов. Через несколько месяцев я решился выйти из членов Адм[инистрации] [4]), чтобы свободнее отдаться собственной деятельности. Около того же времени, летом 1880 г. я принужден был совершить новое беззаконие, уже не политического характера. Я полюбил девушку Ек. Серг., которая посвятила мне всю жизнь. Будучи нелегальным, я не мог на ней жениться, но, когда моя невеста стала беременною, я решился обвенчаться с нею по своему фальшивому паспорту. В этом ложном положении мы находимся и до сих пор.

---

[1]) Точное «Распорядительная Комиссия», состоявшая из 3-х человек — Тихомирова, Ал. Михайлова и Ал. Квятковского.

[2]) «Народная Воля».

[3]) Тихомировым, между прочим, была написана прокламация после 1 марта 1881 г.

[4]) Так кратко называли в партии Админ. Комитет.

Между тем, наступил страшный день 1 марта 1881 г., я в это время уже давно не состоял членом Администр[ации], так что и голосом не принимал участия в организации злодеяния. Но я о нем знал. Несколько месяцев раньше, когда в Ком[тете] поднялся вопрос о предпринятии нового покушения, я ему казался в таком смысле, что начатое в 1879 г.[1]) злоумышление есть роковая ошибка, которая, вероятно, задушит партию, так что при малейшем предлоге отступить с честью Ком[итет] должен покушения прекратить, но в то время я таких предлогов, имеющих малейший вид уступки со стороны прав[ительства] не замечал; что касается планов гр. Лор[ис]-Мел[икова], о кот[орых] ходили лишь очень смутные слухи, мы в действительности их не верили. При таком положении, из которого я не видал исхода, я не противоречил планам нового покушения и их не защищал, не любил даже думать об этом деле, которое, я предвидел, уничтожит все мною созданное. Поэтому я не интересовался даже узнавать о ходе подготовлений злодеяния. Я знал, что мину ведут на Мал. Сад[овой], но у Коб[озева] Богд[ановича] никогда не был, знал о подготовлении бомб, но устройства бомб хорошо не знал и их никогда не видал. На Тележной улице тоже никогда не был. Затем я узнал, мне было сообщено, как и другим членам Комитета, что покушение будет сделано при первом благоприятном случае. Последние перед роковым днем недели две я был в отсутствии из СПБ., отчасти по семейным делам, и случайно возвратился как раз 1 марта, не зная ничего о готовящихся событиях. Лишь случайно пришедший товарищ [2]), завернувший ко мне на квартиру, на Гороховой, сообщил о предполагаемом покушении, а через десять минут грохот взрыва, достигший до наших ушей, подтвердил его слова. Узнавши затем о роковом исходе злодеяния, я был совершенно ошеломлен, чувствуя, что из этого не будет добра. Когда в первые же дни после 1 марта Суханов предложил в Комитете немедленное покушение также на жизнь ваш. имп. вел[ичества], я совершенно воспротивился. Я доказывал, что покушение на жизнь государя, только что вступившего на престол и не успевшего определить своей политики, было бы верхом презрения к праву и справедливости. Тогда возникла другая мысль: изложить ваш[ему] велич[еству] наши желания. Мне было поручено составление этого документа, который был затем опубликован под названием П и с ь м а И с п. К о м и т [е т а] [3]). Между тем, начались усиленные аресты, которые почти истребили Комитет и расстроили кружки, около него собранные. Тогда я сделал попытку восстановить Исп. Ком[итет] [4]), полагая, что

---

[1]) Имеется в виду постановление только что образовавшейся партии «Нар. Воли» об убийстве Александра II, сделанное 26 авг. 1879 г.

[2]) Грачевский.

[3]) «Письмо к Александру III» было составлено Тихомировым, но прошло через редакцию Н. К. Михайловского.

[4]) О восстановлении Исп. Ком. «Н. В.» в Москве см. подр. у В. Фигнер «Запеч. труд», изд. «Задр.», 1922 г., стр. 239—246.

теперь, не связанный никакими террористическими предприятиями, он будет в состоянии серьезно отнестись к планам организации широко раскинутой партии, до сих пор остававшейся пустым звуком. С этими целями я в апреле 1881 г. переехал в Мск. с женой, малолетнюю же дочь, ввиду бесчисленных опасностей нашего положения, я еще раньше кое-как устроил на стороне. Еще прискорбнее было для меня впоследствии мое невольное поведение относительно второй дочери, которую я принужден был подкинуть родным. Все это крайне мучило меня, потому что я и сам любил детей и тем более видел, как из-за меня страдала жена в своих чувствах матери. Тут я лучше стал понимать по собственному опыту, в какое состояние погрузил своих отца и мать, когда покинул их в 1878 г. Между тем, дело реорганизации Комитета, несмотря на мои усилия, шло мало успешно. Мне опять пришлось основывать кружки, возобновлять газету, вести переговоры с другими группами, раз даже присутствовать в качестве представителя рев. прессы на поддельном якобы соборе «Хр[ист.] Ор[ганизации]» [1]). Во всей этой деятельности мне чувствовалась какая-то фальшь и бесплодность, а в людях невольно поражали их мелкотравчатость. Утомленный и разочарованный, я уехал зимою 1881 г. из Мск. сначала в Казань, а потом в Рос[тов] н-Д., где и прожил, кажется, до августа 1882 г.; за все это время я никакими рев[олюционными] делами не занимался и перестал, наконец, даже знать, что делается в Мск. и Спб., занимался же я исключительно наблюдением России, изучал обычн. право, сделал довольно большую работу о низовьях Дона и, наконец, осенью 1882 г. уехал за границу.

Я рассчитывал, что здесь можно будет устроиться и подумать о пережитом. Рождение сына Александра побуждало тоже усиленно работать для содержания семьи. Но при моем положении в револ[юционном] мире уйти от политики не было возможности. На первых же порах мне пришлось вести переговоры с прибывшим за границу делегатом некоторого кружка, стремившегося побудить революционеров к прекращению террор[истической] деятельности, чтобы тем дать правительству возможность посвятить силы устроению России. Сочувствуя идее, я способствовал, сколько мог, этому господину, который, впрочем, скоро скрылся у меня из виду вместе со своими проектами [2]). Одновременно с этим я приложил силы к поднятию совершенно тогда упавшей революцион. литературы. Я помог своим участием сборнику «На родине», написал еще раньше несколько биографических очерков,

---

[1]) При партии «Нар. Воли» существовала особая организация для пропаганды среди раскольников и сектантов, подходившая к ним с религиозной стороны, опираясь на евангелие. В этой организации особенно большое участие принимал Ф. Крылов (Воскресенский). Партия выпустила специальные брошюры для сектантов. Об этой христианской организации, очевидно, и говорит Тихомиров.

[2]) Переговоры, о которых упоминает здесь Тихомиров, происходили в 1882 г. между «Нар. Волей» и якобы «Земской Лигой», а на самом деле провокационной организацией «Священная Дружина», во главе которой стоял министр

Жел[ябова], Мих[айлова], Перовск[ой] и пр., издал «Кал. Н. В.» [1]), наконец, вместе с эмигр. Лавровым взял в свои руки редактирование журнала «Вести.Н[ародной] В[оли]». Вмешиваться из-за границы в дела организации и борьбы партии в России я считал недозволительным. Но скоро обстоятельства оказались сильнее моих желаний. Приехавший из России ко мне Сергей Дегаев, не знаю почему и для чего, сознался, что он состоит агентом полк. Судейкина, которому и предал всех революционеров с их планами и организациями. По словам Дег[аева], Судейкин этих сведений не сообщает полностью правительству, так что смерть полковника могла бы спасти большинство выданных ему лиц. Вообще Д[егаев] изображал полковника Суд[ейкина], как честолюбца, готового действовать даже против правит[ельства], о чем я, впрочем, раньше опубликовал подробную статью [2]). Не возвращаясь к этому предмету, я должен лишь сознаться, что с чувством отвращения перед этим сплетением измен я заявил Дегаеву, что его обязанность убить Суд[ейкина], а потом, может быть, и самого себя. Не веря искренности этого патологического человека и полагая, что он сам не знает за час вперед, или окончательно выдаст, я счел обязанностью снова вмешаться в организационные дела, с тем, чтобы спасти возможно большее число из выданных Дегаевым лиц, отчасти вызвавши их за границу, отчасти поместивши их в России вне ведения изменника. Таким образом несколько человек были действительно спасены, а, между тем, Д[егаев], покрывшись своими спб-скими товарищами, из которых я никого, кроме Г. Лопатина, не знал, кончил тем, что действительно совершил убийство полк. Суд[ейкина] [3]). После этого для меня, по тогдашним моим понятиям, наступил последний долг: помочь основанию новой организации, которая была бы составлена не из шпионов и не из нравственно уродливых людей. Насколько умел и насколько дозволял материал, я эту задачу исполнил, вместе с Герм.

Двора гр. И. И. Воронцов-Дашков. Переговоры велись дважды — первый раз через Лаврова с д-ром Нивинским, второй раз через Тихомирова с литератором Николадзе. Целью переговоров было прекращение террора «Н. В.» при условии введения в России конституционного образа правления. О первом должны были позаботиться народовольцы, о втором мнимые земцы. В качестве предварительных условий ставилось между прочим, с одной стороны, воздержание от террора до коронации Александра III, с другой—освобождение Чернышевского. Ни первые, ни вторые переговоры ни к каким практическим результатам не привели. Вскоре после переговоров с Тихомировым была закрыта самая «Дружина». Разоблачение этой организации произошло значительно позднее (в 1911 г.). История переговоров подробно изложена Богучарским. («Из истории политич. борьбы в 70-х и 80-х г.г.», стр. 319—438).

[1]) Все перечисляемые здесь издания были собственно изданы Иохельсоном (Голдовским), правда, при ближайшем участии Тихомирова. Биография Перовской составлена С. М. Кравчинским, а не Тихомировым. (См. об этих изданиях «Музей Революции» вып. 1, ст. Иохельсона.)

[2]) «В мире мерзости и запустения» в № 2 «Вестника Нар. Воли».

[3]) Убийство Судейкина произошло 16 дек. 1883 г. (при участии Стародворского и Конашевича).

Лоп[атиным] и другими лицами в начале 1884 г. в Париже [1]). Между прочим, я был за это время в числе лиц, произведших допрос Дегаеву, бежавшему за границу, и затем до некоторой степени помог ему скрыться. Решение кружка от имени якобы Исп. Ком[итета] относительно того, что Дегаев может остаться в живых лишь под условием никогда больше не вмешиваться в политику, постановлено с моим участием и одобрением. Но текст прокламации, изданной по этому поводу, писан не мною и мною совершенно не одобрялся. Засим кружок выработал с моим участием временную программу, как и вообще признал себя временным. Окончательную организацию и определение своих действий кружок отложил до того времени, когда он будет в России и вникнет обстоятельно в положение дел. При обсуждениях кружка в Париже подымался вопрос, между прочим, о терроре, но без всяких решений, лишь для выяснения мнений. Я тогда в принципе признал полезность террора в некоторых случаях, хотя вообще указывал, что это почва очень скользкая. Что касается таких вещей, как ограбление почт и т. п., кружок, с моим участием, прямо решил бороться против этих безнравственных способов борьбы. Вопрос о цареубийстве, насколько помню, на кружке коллегиально даже не обсуждался. В частных же разговорах я усиленно старался укрепить в умах членов кружка решимость не прибегать более к таким злодеяниям, которые для деятельности организаторской составляют настоящее самоубийство. Вообще я тогда открыто и всем говорил против мысли о цареубийствах. Из остальной деятельности кружка в Париже могу отметить еще свое участие в переговорах, опять-таки под фирмой несуществовавшего Исп. Ком[итета], с польской группой «Пролетариат» [2]). Я не мог серьезно относиться к ребяческим договорам двух групп, из которых одна была столь же ничтожна для России, сколько другая для Польши. Но раз переговоры возникли, совершенно не по моей мысли, я, из принципа и чтобы дать своим более молодым товарищам пример внимания к национальным русским интересам, настаивал, чтобы польская группа признала верховный надзор со стороны русской, а также чтобы поляки отказались от прав вести организацию в Литовских и Белорусских губерниях. По отъезде членов кружка в Россию я на их деятельность влияния не имел и даже плохо ее знал. Но вообще я скоро стал замечать свою несолидарность с нею, так как она, насколько я замечал, представляла лишь сколок с прежней деятельности партии. Я тогда сам еще не понимал, что нужно делать, но ввиду своих сомнений счел необходимым официально выйти из главного кружка летом 1884 г., прося Г. Лопатина даже не пользоваться больше моим именем. С тех пор я ни к каким сообществам больше не принадлежал, и самая литерат. революц[ионная] деятельность моя скоро прекратилась. Сноше-

[1]) Вместо Исполн. Комит. была образована так называемая «Распорядительная Комиссия» в составе 4-х человек: Тихомирова, Лопатина Г., Саловой и Сухомлина.

[2]) Договор был заключен в 1884 г.

ния с различными лицами революционного мира у меня время от времени возникали, так как эти лица обращались ко мне за советами и содействием. Содействия я не оказывал, а советы мои [1]) клонились преимущественно к умиротворению анархистско-террористических наклонностей молодежи. В 1886 г. один человек предложил мне деньги на революц. дела: я ему отвечал советом основать журнал не революционный и не оппозиционный, а просто независимый, с честным изучением России. Позднее одна группа предложила мне редакцию ее изданий под фирмой «Н. В.» Я отказался, советуя оставить это название, так как программа партии очевидно несостоятельна. Я всем и открыто говорил против террористической деятельности. Я говорил о страшном вреде студенческих волнений. Я поощрял и одобрял эмигрантов, ходатайствующих о возвращении в Россию. Такое мое поведение не составляло какой-либо «деятельности», ибо я еще не знал, что нужно делать, а было лишь последствием моего душевного состояния. Я переживал тяжелый период самоуглубления и критики, который, наконец, возродил меня и заставил сознательно и открыто отказаться от революционных идей.

Наблюдая револ[юционную] деят[ельность] как свою, так и других лиц, я и прежде выносил из нее на каждом шагу впечатление то смешного, то тяжелого, иногда—ужасного. Издавна также, еще с 1880—1881 г.г., я нередко подмечал какой-то глубокий разлад между собой и товарищами, на вид так уважавшими меня. Они искренно, конечно, полагали, что мой авторитет велик для них, но в действительности я чем дальше, тем больше чувствовал, что они меня в сущности не понимают, ни моего «национализма» в виде стремления поставить свою деятельность в соответствии с желаниями самой России, ни моего убеждения в необходимости твердой власти, ни моего независимого отношения к европейским фракциям револ. социализма: все это казалось странным. Впрочем, этот разлад существовал и в моей собственной душе, где все, что мой ум вырабатывал самостоятельно, давно боролось с принятыми на веру идеями революции. Этого разлада я не мог уничтожить до тех пор, пока не усумнился, точно ли, как это нам внушалось, наука освящает своим авторитетом эти идеи? Не решив этого, я не мог отречься от революции, и это меня приводило к уступкам революционерам. Неоднократно, понимая ошибочность их деятельности, я все-таки оставался в их рядах, утешая себя надеждою постепенно изменить фальшивые стремления своих товарищей. Так дело тянулось, пока размышления и критика не эмансипировали меня. Чрезвычайную пользу в этом отношении я извлек из личного наблюдения республиканских порядков и практики политических партий. Нетрудно было видеть, что самодержавие народа, о котором я когда-то мечтал, есть в действительности совершенная ложь и может служить лишь средством господства для тех, кто более искусен в одурачивании толпы.

---

[1]) Зач. «сводились».

Я увидел, как невероятно трудно восстановить или воссоздать государственную власть, однажды потрясенную и попавшую в руки честолюбцев. Развращающее влияние политиканства, разжигающего инстинкты, само бросалось в глаза. Все это осветило для меня мое прошлое, мой горький опыт и мои размышления и придало смелости подвергнуть строгому пересмотру пресловутые идеи французской революции. Одну за другой я их судил и осуждал. Я понял, наконец, что развитие народов, как всего живущего, совершается лишь органически на тех основах, на которых они исторически сложились и выросли, и что поэтому здоровое развитие может быть только мирным и национальным. Я понял фальшивость этих идей, которые разлагают общество, развивая беспредельно понятия о свободе и правах личности, тогда как самая даже свобода личности на самом деле возможна лишь в среде крепких нравственных авторитетов, предохраняющих ее от ложных шагов. Я понял, что всякая мысль может развиваться нормально, лишь опираясь на авторитеты, и что, раз подорвавши веру в них, никто не в силах удержать массу от неудержимого развития до последних выводов брошенной в нее идеи беспорядка.

Таким путем я пришел к пониманию власти и благородства наших исторических судеб, совместивших духовную свободу с незыблемым авторитетом в л а с т и поднять превыше всяких алчных стремлений честолюбцев. Я понял, какое драгоценное сокровище для народа, какое незаменимое орудие его благосостояния и совершенствования составляет в е р х о в н а я в л а с т ь, с веками укрепленным авторитетом.

И горькое раскаяние овладело мною.

Оглядывая взглядом мою прошлую жизнь, я сам прихожу в трепет и говорю себе, что для меня нет прощения. Не для оправдания, а лишь взывая к милости, осмеливаюсь сказать, что мое раскаяние беспредельно и нравственные муки, вынесенные от сознания своих ошибок, неописуемы. Лишь эти муки и это раскаяние дают мне силу прибегать к в а ш е м у милосердию, г о с у д а р ь. Я умоляю в а ш е в е л и ч е с т в о отпустить мои бесчисленные вины и позволить мне возвратиться в отечество, а также узаконить мой брак и признать моих детей, невинных жертв моих ошибок и преступлений.

В с е м и л о с т и в е й ш и й г о с у д а р ь, позвольте мне возвратиться к жизни чистой и законной, чтобы я примером этой жизни скромной, полезной, сообразно с долгом верного подданного и обязанностями честного отца и доброго сына, мог изгладить, если не из своего сердца, то из памяти близких тяжкий кошмар моего безумного прошлого [1]).

В. И. В. верноподданный

22 авг.

---

[1]) Кроме прошения царю, Тихомиров послал еще письма П. Н. Дурново и В. К. Плеве, в которых, с одной стороны, тоже кается в своих прегрешениях и заблуждениях, с другой—просит поддержать его ходатайство перед царем.

В подлиннике прошения некоторые слова недописаны. Большинство их нами восстановлено полностью (заключено в квадратные скобки).

ПРИМЕЧАНИЯ.

Александров, Петр Акимович, (1836—1893), присяжный поверенный, выступавший в процессе 193-х и В. Засулич.

Александров, Вас. Макс., один из основателей кружка Чайковского, впоследствии ренегат.

Александров, Никол., чайковец (см. Аптекман «Земля и Воля 70-х г.г.», перв. изд., стр. 34).

Анненский, Никол. Фед., родился в 1843 г., общественный деятель, близко стоявший к прогрессивным и революционным кругам в 60—90-х г.г., автор работ по статистике и экономике народнич. направления, член Вольно-Экономич. О-ва. В 1880 г. был выслан в Тару Тобольск. губ. В 1906 году основал с Пешехоновым и Мякотиным партию «народн.-социалистов».

Аптекман, Осип Вас., род. в 1849 г., народник, землеволец, а после раскола «З. и В.» — чернопередолец, затем с 90-х г.г. с.-д. В последние годы работает по истории революционного движения 70 г.г. См. его автобиографию в «Мат. для биографич. словари с.-д.» под редакцией В. И. Невского.

Астафьев (Шурочка)—повидимому, тот студент, которому, по рассказу Морозова, было поручено под видом редактора «З. и В.» переговорить с провокатором Рейнштейном, намеревавшимся открыть и предать редакцию «З. и В.» (Морозов, Повести моей жизни, т. IV).

Баранников, Александр Ив., (Ксшурников) (1858—1885) землеволец, участвовал в убийстве Мезенцева, в 1878 г., после Воронежского съезда—народоволец, принимал участие во всех террористических актах партии. Арестованный в 1881 г. судился по процессу 20-ти и, приговоренный к бессрочной каторге, заключен в Шлиссельбургскую крепость, где вскоре умер. Оставил завещание, которое напечатано у Бурцева: «Былое» (загран.), вып. 1: переиздано Ростов на-Дону 1906 г.

Березовский, Антон, участник польского восстания 1863 г. 25 мая 1867 г. покушался на убийство Александра II в Париже за подавление восстания. Французский суд приговорил его к пожизненной каторге. В 1906 году амнистирован.

Богданович, Юрий Никол., (Кобозев), (1859—1888). Народник-пропагандист, затем—народоволец. Участвовал в событии 1 марта 1881 года вместе с Якимовой под видом владельцев сырной лавки Кобозевых. После убийства Александра II скрылся, но потом арестован и судился по процессу 17-ти в 1883 г. Присужденный к бессрочной каторге заключен в Шлиссельбургскую крепость, где умер от чахотки.

Боголюбов (Емельянов), Архип Петр., студент, который был арестован на улице, случайно проходя уже по окончании Казанской демонстрации 1876 г., и подвергнут затем телесному наказанию по распоряжению Трепова за то, что не встал при входе его в камеру. (См. подр. в V т. «Красного Архива» «Письма 193-х»). Приговоренный к 15 годам каторги, в 1880 г. сошел с ума.

Богучарский, Вас. Яковл., (Яковлев). Известный историк и исследователь русского революционного движения, главным образом, народнического периода («Земля и Воля», «Народная Воля»). Умер в 1915 году.

Брантнер, Людвиг, народник-бунтарь, казнен 14 мая 1879 г. по обвинению в вооруженном сопротивлении в Киеве на Жилянской ул. См. о нем Дебагорий-Мокриевич. «Воспоминания», стр. 403—404.

Бурцев, Владимир Львович, род. в 1862 г., историк и исследователь русского революционного движения. В настоящее время живет за границей, где ведет борьбу против Советской России и за интервенцию.

Бух, Никол. Конст., землеволец, затем народоволец. По делу 16-ти в 1881 г. приговорен к 15 годам каторги. В 1890-х г.г. вернулся в Петербург.

Быковцев, Николай (Николка), народник, землеволец, работал в Саратове, участвовал в убийстве харьковского губернатора Кропоткина. См. предисл. Аптекмана к «Черному Переделу», стр. 73—78.

Веймар, Орест Эдуардович, врач. Привлекался по делу об освобождении П. А. Кропоткина и убийстве Мезенцева и в 1880 г. осужден на каторгу. Умер в 1885 г. в Сибири.

Венцковский, издатель журнала «Начало», изд. в 70-х годах в Петербурге, «органа русских революционеров».

Власовский, Ал. Ал., московский обер-полицеймейстер в 90-х годах.

Войнаральский, Порфирий Иван., (1844—1898) народник-пропагандист, пожертвовавший на дело революции все свое состояние (40.000 р.), организатор трудовых ассоциаций. По делу 193-х приговорен к 10 г. каторги. Поселение отбывал в Якутской обл., занимаясь адвокатурой и сельск. хоз. В 1897 г. вернулся в Европ. Россию (см. Деб.-Мокр., «Воспоминания.» II., 1906 г. Синегуб, «Воспоминания» и «Былое» 1906 г. № 10).

Гейкинг, начальник жандармского управления в Киеве в 70-х годах.

Гельфман, Геся, (1854—1882 г.). Привлекалась по делу 50-ти в 1877 г. и приговорена к ссылке в Старую Руссу, откуда бежала. Вторично судилась по делу 1 марта 1881 г. и приговорена к смертной казни, отсроченной до рождения ребенка. Разрешившись от бремени, вскоре умерла от физических и моральных мучений крепостного режима.

Гольденберг, Гр. Давид. народоволец, участвовал в покушении на Александра II в Одессе в 1879 г. (подкоп). Арестованный в этом году и заключенный в Петропавловскую крепость, на допросах давал откровенные показания.

Голдовский, Вен. (Иохельсон), народоволец, работал в типографии «Нар. Воли» за границей наборщиком и занимался изданием партийной литературы (Календ. «Нар. Воли», биографии Перовской, Желябова, Михайлова).

Гольсмит, Исидор, редактор радикальн. журналов «Слово» и «Знание», впоследствии ренегат.

Головин, Аркадий Алекс., народник-пропагандист, привлекался по делу 193-х.

Глаголь, Сергей (Голоушев, Серг. Серг.), народник-пропагандист, привлекался по процессу 193-х. Впоследствии автор статей по искусству и театру.

Грачевский, Мих. Фед., (1849—1887) народник-пропагандист, затем народоволец. По делу 193-х освобожден после $3^1/_2$ лет предварительного заключения и работал в Одессе. Отсюда выслан в Архангельскую губернию. В 1879 году бежал и поселился в Петербурге и работал техником по изготовлению разрывных снарядов с Кибальчичем. В 1882 г. был арестован после сбнаружения динамитн. мастер. у Прибылевой и предан суду в 1883 г. (д. 17-ти). Суд приговорил его к пожизненной каторге. Заключенный в Шлиссельбургскую крепость, кончил самоубийством, (см. «Процесс 17-ти народовольцев», «Былое» 1906 г. № 11).

Грибоедов, Николай Алексеев., (1842—1901 г.). Примыкал к «З. и В.» и активно участвовал в организации ряда побегов револ. деятелей: жены Лаврова, Лопатина, Г., Чернышевского (неудачно). В войну 1877—1878 г.г. был на фронте добровольцем, а по возвращении жил в Петербурге и, состоя на службе, продолжал сношения с революционными деятелями и оказывал им содействие.

Гриневицкий, Игнатий Иохимович, (1856 — 1881 г.), присоединился к партии «Н. В.» вскоре после ее возникновения и принимал активное участие во всех ее предприятиях (пропаганда среди рабочих, работа в типографии «Рабоч. Газеты», 1 марта 1881 г.).

Грязнова, Мария Вас., из крестьян Тверской губ. В 1880 г. арестована по делу типографии «Н. В.», за принадлежность к партии и за вооруженное сопротивление присуждена к 15 г. каторги с заменой поселением («Процесс 16-ти» под редакц. Бурцева).

Добровольский, Иван Иванович, род. в 1849 г., врач, народник-пропагандист. Привлекался по делу 193-х, освобожден под гласный надзор. Затем после конфирмации приговора приговорен к 9 годам каторги, но скрылся за границу, где и оставался до возвращения в Россию в 1905 году. Жил за границей, почти все время в Женеве, сотрудничая в русских периодических изданиях «Дело», «Порядок», «Отечественные Записки», «Русская Мысль», «Русские Ведомости». под псевдонимом «Денисов», И. Д.

Драгоманов, Михаил Петрович, профессор и политический деятель, украинофил-федералист, редактор украинского журнала «Громада», издав. в Женеве в 70-х годах, и автор научных трудов по истории, литературе и фольклору. С 1876 г. эмигрант. (Автобиография в «Былом», 1906 г. № 6). Умер в 1895 г.

Дрентельн, А. Р., шеф жандармов, заместитель Мезенцева.

Дурново, Петр Николаевич, директор департамента полиции (1884—1895 г.) товарищ министра внутренних дел в 1900 г. и министр внутренних дел в кабинете С. Ю. Витте, (1905—1906). См. о нем: «Воспоминания» Витте, т. I и II, Госиздат, Москва, 1923 г.

Емельянов, Иван Пантелеймонович, сын псаломщика. В 1880 г. примкнул к партии «Народной Воли» и принял участие в деле 1 марта 1881 г. Преданный суду в 1881 г. по делу 20-ти народовольцев, приговорен к бессрочной каторге, отбывал ее сначала в Петропавловской крепости, затем на Каре. В 1889 г. подал прошение о помиловании.

Жебуновы, братья Сергей, Николай и **Владимир Александровичи**, народники-бунтари; организаторы в Цюрихе в 70-х гг. кружка «сен-жебунистов», потом работавшие на юге. Привлекались по делу 193-х. С. А. сослан в Тобольск. губ., Н. А. скрылся до суда (см. Старик, «Движение 70-х г.г. по Большому процессу»; «Былое», 1906 г. № 11).

Жебунова, Мария Александровна, жена В. А. Жебунова.

Желябов, Андрей Иванович (1851—1881 г.), главный организатор террористических актов «Н. В.» после ареста А. Д. Михайлова. Революц. деятельность начал в 1873 г., вступив в кружок Волховского в Одессе. Арестованный в 1877 г. был привлечен по д. 193-х и оправдан. Вступив в партию «Н. В.», кроме террора, много занимался организацией партии и пропагандой социализма среди рабочих (им основана «Раб. Газета» в 1880 г.). Арестован 27 февр. 1881 г. во время приготовлений к 1 марта. Казнен 3 апр. 1881 г.

Жуковский, Николай Иванович, (1842—1895 г.), друг Герцена, эмигрант с 1863 г., бакунист, по направлению, член юрской федерации Интернационала, деятельный участник эмигрантских организаций и изданий («Народное Дело», «Община») См. Кропоткин: «Записки революционера», П., 1906 г.

Зайчневский Петр Григор., (1842—1896 г.), революционер - «якобинец» (см. о нем «Политические процессы 60-х г.г.», изд. Центрархива, 1923, вып. I, стр. 137—141).

Засулич, Вера Ивановна, (1851—1919 г.). Первый раз была арестована в 1869 г. в связи с делом Нечаева и выслана в Тверь. В 1879 г. вошла в «З. и В.», а после раскола ее примкнула к «Черному Переделу». С 1880 г. поселилась за границей, где принимала большое участие в «Кр. Кресте» «Н. В.». В 1883 г. вошла в с.-д. гр. «Освобождение Труда», как учредительница. В 1900 г. входила в состав редакции «Искры», примыкая к Плеханову. Ей принадлежит ряд работ: «Руссо», «Вольтер», «По истории международного общества рабочих» и др.

Златопольский, Савелий Соломонович, (1858—1885 г.). В 1879 г. вступил в партию «Народной Воли» и работал на юге, в Одессе. В 1882 году арестован и в следующем году предан суду в числе 17-ти народовольцев. На суде заявил о конституции, как о ближайшей цели партии. Присужден к бессрочной каторге и заключен в Шлиссельбурге, где и умер. (См. «Процесс 17-ти», «Былое» 1906 г. № 10).

Зунделевич, Арон Исаакович (Мойша). Главный организатор двух тайных типографий: землевольческой и народовольческой (в Саперн. пер.), а также транспорта революционной литературы и переправы революционеров за границу. Привлекался по делу 16-ти в 1880 г. и приговорен к бессрочной каторге. В 1906 г. вернулся из поселения и уехал за границу. Умер 30 авг. 1923 г. в Лондоне. (Некрологи: «Каторга и ссылка», 1924 г. № 18, стр. 213—220).

Иванова, Софья Андреевна (Борейша), род. в 1857 г. В революционном движении принимала участие с начала 70-х годов в качестве наборщицы в типографии Мышкина. Привлекалась по делу Казанской демонстр., 193-х, 16-ти. По последнему делу приговорена к 4 годам каторги, затем на поселение, по отбытии которого вернулась в Россию.

Ивичевичи братья, Иван и Игнат, члены кружка Осинского и киевского Исп. К-та, бунтари. Иван участвовал в покушении на Котляревского. При аресте 11 февр. 1879 г. в Киеве на Жилянской ул. во время вооруженного сопротивления оба умерли от ран. (См. Деб-Мокр. «Воспоминания», Пб., 1906 г.).

Игнатов, Вас. Николаевич, (1850—1885 г.), землеволец, потом черноперелец, наконец, в 1883 г. один из 5 учредителей с.-д. группы «Освобождение Труда».

Исаев, Григорий Прокофьевич, (1856—1886), народоволец, террорист, входил в состав группы техников Исполнительного Комитета, специалист по изготовлению разрывных снарядов. Участвовал во всех главных террористических актах партии, направленных против Александра II. Преданный суду по делу 20-ти в 1882 г. присужден к бессрочной каторге, заключен в Шлиссельбурге, где и умер от чахотки. (См. процесс 20-ти, «Былое» 1906 г. № 1, В. Фигнер. Г. П. Исаев, «Голос Минувшего», 1917 г. № 9—10).

Квятковский, Александр Александрович, (1852—1880 г.), народник-пропагандист, затем землеволец, наконец, народоволец и чл. Исп. К-та партии, очень видный и активный член «Народной Воли». Арестованный в 1879 г. и судившийся по процессу 16-ти в 1880 г. вместе с Пресняковым приговорен к смертной казни и казнен 4 ноября 1880 г.

Кибальчич, Николай Иван., (1854—1881 г.). С 1878 г. перешел на нелегальное положение. С образованием «Народ. Воли»—вступил в нее и заведывал динамитной мастерской Исп. К-та. Участвовал во всех главнейших террористических актах партии. Им изготовлены были бомбы для 1 марта. Казнен по процессу 1 марта.

Каблиц (Юзов), Иосиф Иван., теоретик народничества, («Основы народничества», т. I (1882) т. II (1898), бунтарь. Привлекался по делу 193-х. В 80-х годах отошел от революционного движения и перешел в лагерь консерваторов.

Катков, Мих. Никифор., (1818—1887), профессор философии московского университета, сначала либерал, член кружка Белинского, потом реакционер и вдохновитель реакции 70—80 г.г., редактор «Московских Ведомостей» и журн. «Русск. Вестник» (с 1851 г.).

Клеменс, Дмитрий Александрович (1847—1914 г.), народник-пропагандист, входил в состав редакции «Земля и Воля». Арестованный в 1879 г., был сослан в Сибирь и в ссылке занимался научной деятельностью. В Иркутске организовал местный музей и состоял правителем дел Вост.-Сибир. Отделения Русского Географического О-ва. В 1894 г. вернулся в Петербург и состоял хранителем музея антропологии и этнографии при Академии Наук, причем руководил 2-мя экспедициями в Монголию и Вост. Туркестан. В 1900 г. организовал этнографический отдел при музее Александра III.

Клеточников, Николай Васильевич, чл. партии «Нар. Воля» и служивший в 3 отделении. Привлеченный к д. 20-ти в 1882 г., приговорен к 20 г. каторги.

Колодкевич, Ник. Иван., (1850—1884). Еще студентом в Киеве состоял в кружке «чайковцев» и занимался революционной пропагандой. С 1875 г. привлекался несколько раз, в том числе по Чигиринскому делу, но успевал скрываться. После Липецкого съезда «Земли и Воли», вступил в «Нар. Волю», был членом Исп. Ком-та. За участие в деле 1 марта 1881 г., судился по процессу 20-ти и был присужден к пожизненному заключению в Петропавловскую крепость, где вскоре умер.

Корба-Прибылева (урожденная Мейнгардт), **Анна Павловна,** род. в 1851 г. К революционному движению примкнула в 1879 г., вступив в партию «Нар. Воли». Принимала активное участие во всех предприятиях партии. В ее квартире помещалась динамитная мастерская, в связи с которой она и была привлечена в 1883 г. (Процесс 17-ти). Присуждена к 20 годам каторги. После 1905 года вернулась в Европейскую Россию. (См. «Воспоминания» ее «Былое», 1906 г. №№ 1 и 4).

Котляревский, товарищ прокурора киевского военно-окружн. суда.

Кравчинский, Сергей Михайлович (Степняк), (1850—1894) землеволец, член ред. «Земля и Воля». После убийства Мезенцева уехал за границу, где поддерживал связи с революционными организациями, в частности с «Нар. Вол.», но сам не входил ни в одну из них, занимаясь исключительно литературной работой. Им написано несколько беллетристических произведений из жизни революционеров («Андрей Кожухов»), «Подпольная Россия», ряд статей в газетах и в журналах за границей. Умер случайно: попал под трамвай, проходя по улице в Лондоне.

Кропоткин, харьковский губернатор.

Кропоткин, Петр Алексеевич, чл. кружка «чайковцев», потом анархист. Арестованный в 1874 г. за пропаганду среди петр. рабочих, был заключен в крепость, откуда бежал и эмигрировал за границу и, прожив здесь до 1917 г., составил себе крупное имя, как теоретик анархизма. Умер в России в 1921 г.

Крылова, Мария (Мария Розанова, «Тетка Марья»), работала в революционных организациях в качестве лучшей наборщицы (типогр. «З. и В.» и «Черн. Передела», Привлеченная по делу Каракозова (1866 г.), была сослана на север, откуда в 1874 г. бежала. В 1880 г. арестована по делу типографии «Черн. Пер.» и сослана в Иркутск.

Крылов (Воскресенский), Феофан, из крестьян, сектант, хотел обосновать социализм на евангелии и, входя в рабочую группу «Н. В.» в 80-х годах в Москве, вел пропаганду среди московских раскольников и рабочих. В 1886 г. был арестован и сослан в Сибирь (См. Волков, «Народовольческая пропаганда среди московских рабочих в 1881 г.» «Былое», 1906 г. № 2).

Лавров, Петр Лаврович, (1823—1900), проф. Михайловской артилл. академии, а потом политический деятель, чл. 1-го Интернационала и глава народнической фракции «лавристов», автор «Истор. писем» (Миртов). Арестованный в связи с выстрелом Каракозова и высланный в г. Кадников, он в 1870 г. эмигрировал за границу, где прожил до самой смерти. За границей являлся центром русской эмиграции и душой революционных предприятий (изд. жур. «Вперед», агитация против выдачи Гартмана, организ. заграничн. отд. «Красного Креста» «Н. В.», издание «Мат. для истории русск. соц.-револ. движения»).

Ланганс, Мартин Рудольфович, (1853—1884), народник-пропагандист, затем народоволец-террорист. Начал работать в революционных организациях с 70-х гг. Привлекался по делу 193-х и оправдан. В 1879 г. выслан в Пруссию, откуда вернулся в 1880 г. и вступил в партию «Нар. Воли», принимая участие во всех покушениях на Александра II. В 1881 г. приговорен к 20-летней бессрочной каторге и заключен в Алексеевский равелин, где умер от чахотки (См. С. Русова «Мартин Ланганс», «Былое», 1906 г. № 5).

Лебедева, Татьяна Ивановна, (1850—1887), народница-пропагандистка, затем член партии «Народной Воли», привлекалась по делу 193-х и сослана на поселение. С 1879 г. вступила в «Народную Волю» и принимала активное участие в покушениях на Александра II, главным образом, по приготовлению снарядов. В 1880 г. по процессу 20-ти присуждена к бессрочной каторге на Каре, где умерла от цынги. (См. «Отчет о процессе 20-ти и дополнение Фроленко»— «Былое», 1906 г. № 6. Первый Женский Календарь на 1907 г.).

Лермонтов, Феофан Никандрович, (1848—1878), из крестьян, народный учитель, «незаурядный человек», «один из воротил в кружках молодежи в 1870—73 гг.». (С и не г у б. «Восп.», «Былое», 1906 г., X). Сначала—чайковец, потом—«бунтарь». Привлекался по делу 193-х. По дороге в ссылку умер в 1878 г.

Лизогуб, Дмитрий Андр., (1850—1879 г.), из богатой помещичьей семьи, социалист по убеждениям, примкнул к «З. и В.» и принял активное участие в террористических актах южной группы Осинского. Пожертвовал на это дело 50.000 руб. Арестованный летом 1878 г. в Одессе, он был привлечен по делу одесского кружка террористов (28 челов.) и при отсутствии улик был приговорен к смертной казни и казнен 10 авг. 1879 г.

Лубкин, Абрам (Птица), (1857—1880), наборщик в типографии «Нар. Воли». Застрелился во время разгрома типографии в 1880 г.

Любимов, Николай Алексеев., профессор физики московского университета, публицист «Москов. Ведом.» и автор книги «Крушение монархии во Франции», реакционного направления.

Любатович, (Джабадари по мужу) **Ольга Спиридоновна,** род. в 1854 г., член Цюрихского русского кружка (фрячи). Как народница-пропагандистка привлекалась по делу 50-ти, осуждена на поселение в Тобольскую губ. После раскола «З. и В.», вступила в «Народную Волю». В 1881 г. арестована и выслана в Вост. Сибирь. После 1905 г. вернулась в Ев. Россию (См. «Далекое и недавнее», «Былое», 1906 г. №№ 5—6).

Мартынов, Сергей Вас., род. в 1856 г., врач, член Исп. К-та «Народной Воли» после 1 марта 1881 г. Арестован в январе 1882 г. вместе с Теллаловым. После 3 месячн. предварительного заключения в Петропавловской крепости, сослан в Енисейскую губ. на 5 лет. Вернулся в Евр. Россию в 1893 г., работал земским врачем и гласным. За речь о народном представительстве в сельск.-хоз. ком. (1902 г.) выслан на 3 года в Архангельскую губернию. После 1905 г. вернулся к прежней врачебной деятельности, сотрудничал в периодическ. издан. (См. В. Фигнер «Запеч. Труд», стр. 250—251).

Мартыновский, Сергей Иван., род. 1859 г. Привлекался по делу 16-ти в 1880 г. и приговорен к 15 г. каторги, увеличенной 6 годами за попытку бежать. По манифесту 1891 г. поселен в Забайкальск. области, где поступил на службу на Сиб. ж. д.

Мезенцев, Николай Владимирович, шеф жандармов.

Михайлов, Адриан Федор., род. в 1853 г., землеволец. В 1880 г. судился по делу об убийстве Мезенцева и приговорен к 20 г. каторги, которую отбывал на Каре. По манифесту 1894—95 г. поселен в Забайкальской Области в Чите. В 1906 г. во время действий карательной экспедиции Ренненкампфа приговорен к заключению на 1 г. В 1907 г. вернулся в Евр. Россию.

Михайлов, Алекс. Дмитр., (1856—1887). Арестован 28 нояб. 1880 г. Судился по процессу 20-ти в 1882 г. Приговорен к бессрочной каторге и заключен в Шлиссельбургской крепости, где и умер.

Михайлов, Тимофей, (1859—1881 г.), из крестьян, рабочий. Сначала вел пропаганду среди рабочих, затем по рекомендации Желябова вступил в боевую дружину «Народной Воли». Назначенный метальщиком бомб в день 1 марта ушел с своего пункта. Привлеченный по этому делу, казнен вместе с другими 3 апреля 1881 г.

Морозов, Николай Александрович, род. в 1854 г. Революционную деятельность начал с 1874 г. в кружке «чайковцев». Привлекался по делу 193-х. В «Нар. Воле» с 1873 г. Арестован в 1881 г. и судился по делу 20-ти в 1882 г. Освобожден из Шлиссельбургской крепости 28 окт. 1905 г. В настоящее время занимается научной работой.

Мощенко, Никандр Платонович, народник из харьковско-ростовского кружка, затем землеволец. Около 1880 г. арестован и сослан в З. Сибирь, затем поселился в Перми (Аптекман, «З. и В. 70-х г. г.», пер. изд., стр. 203.).

Мышкин, Ипполит Никитич, (1848—1885). Один из выдающихся революционных деятелей народнической эпохи. С его именем связана попытка освобождения Чернышевского в 1885 г. и ряд протестов, начиная с суда 193-х и кончая последним в Шлиссельбургской крепости в 1884 г., когда он бросил тарелку в смотрителя и был за это расстрелян.

Натансон, Марк Андреевич, род. 1830 г. По возвращении из ссылки, поселившись в Саратове, основал в (1890-х г. г.) партию «Народное Право». Весной 1894 г. партия была разгромлена и Н. в числе других сослан. (Аптекман: «Партия Н. П.» «Былое» 1907 г. № 7) Позднее входил в ЦК с.-р.

Натансон, Ольга Александровна, (урожденная Шлейснер), (1851—1880) (первая жена М. А.) Арестована в окт. 1878 г. в связи с убийством Мезенцева и привлеченная вместе с доктором Веймаром, присуждена к каторге, но умерла в предварительном заключении.

Оболенский, Леонид Егоров (М. Н. Красов), (1845—1916), писатель-философ и поэт. В течение 1879—1891 г. г. издавал журнал—«Свет», «Мысль» и «Русское Богатство».

Оболешев (Сабуров), Алексей Дмитр. (1854—1881 г.), землеволец (конституционалист). Арестованный в окт. 1879 г. в связи с убийством Мезенцева, посажен в Петропавловскую крепость. Приговоренный по делу Веймара и А. Михайлова в 1880 г. к каторге, умер в пересыльной тюрьме.

Ольхин, А. А. (1839—1885), присяжный поверенный, выступавший по делу о «Казанской демонстрации» 1876 г. и по д. 50-ти. В 1879 г. арестован и выслан в Вологду, затем привлекался по делу Мирского (покушение на Дрентельна), писал стих. на гражданские темы («У гроба» «На смерть Мезенцева»).

Осинский, Валерьян Андр., (1853—1879), пионер террора, как системы борьбы, и главный организатор террористических актов на юге. Арестованный 24 янв. 1879 г. в Киеве и преданный военному суду, приговорен к смертной казни и повешен 14 мая того же года.

Ошанина, Мария Николаевна (Зловенникова, Кошурникова, Полонская, Марина Никаноровна). В 1882 г. эмигрировала за границу, где вместе с Л. Тихомировым они составляли центр «Старых народовольцев». Умерла в Париже в 1898 г.

Перовская, Мария Львовна, сестра Софьи Львовны.

Перовская, Софья Львовна, (1854—1881). В первый раз была арестована в 1873 г. и отдана на поруки матери, но в 1877 г. привлечена по д. 193-х. и оправдана. В партию «Н. В.» вступила в конце 1879 г. и участвовала во всех террористических актах партии. После ареста Желябова была главной организаторшей покушения 1 марта. Казнена 3 апр. 1881 г.

Плеханов, Георгий Валент., (1857—1918 г.). После раскола «З. и В.» примкнул к «Черн. Переделу» и эмигрировал за границу. Здесь был одним из основателей с.-д. группы «Освобождение Труда», затем входил в «Союз русских с.-д.» С 1900 г. входил в состав ред. «Искра» и «Заря». После 2-го Съезда с.-д. примкнул к меньшевикам. В 1917 г. вернулся в Россию, где образовал особую с.-д. группу «Единство».

Подлевский, Антон Александрович, из польской революционной семьи (отец и дядя—участники польских восстаний). Арестованный во время массовых арестов в 70-х годах среди народников-пропагандистов, не перенесши одиночного заключения, умер 28 февр. 1878 г. С его похоронами связана демонстрация, — во время похоронной процессии полиция старалась отнять гроб у несшей его молодежи.

Попко, Григорий Анф., (1852—1885), народник-пропагандист, затем «политик»-террорист. Работал на юге в кружке Осинского. Привлекался по делу Лизогуба и Чубарова 1879 г. и приговорен к бессрочным каторжным работам на Каре. Попытка бежать привела к усилению наказания — он был закован в кандалы и прикован к тачке; истощив силы в протестах и от лишений скоро умер. (См. Стеблин-Каминский. Биография. «Былое» 1907 г. № 5).

Попов, Мих Род., род. в 1851 г., один из видных революционных деятелей эпохи «Земля и Воля» и «Нар. Воля». Занимался пропагандой главным образом, среди рабочих Петербурга; вместе с Плехановым организовал стачку в конце 70 г.г. По вступлении в «З. и В.», тяготел к «деревенщикам» и после раскола «З. и В.» не примкнул к «Н. В.», но затем агитировал за соединение расколовшихся организаций. Арестованный в 1880 г., судился по делу 21-го и был приговорен к бессрочной каторге, которую отбывал на Каре, Петропавловске и Шлиссельбурге до 1905 г., когда был амнистирован и вышел на волю. (См. его ст. «Из моего революционного прошлого», — «Былое» 1907 г. № 5—7).

Преображенский, Алексей Иван. (Юрист), землеволец, затем черноперелец. В 1881 г. вступил в Южно-Русский Союз рабочих Щедрина и Ковальской в Киеве и по этому делу сослан на каторгу. Умер в 90-х годах в Иркутске.

Рафаил, народник-бунтарь из харьковско-ростовского кружка, «хороший пропагандист», (Аптекман «З. и В. 70-х г.г.», 91); фамилия его неизвестна.

Рейнштейн, Ник. Вас., провокатор. Вращаясь среди рабочих и в революционных организациях, он поступил агентом в III отделение с целью выдачи революционеров. Им выдан В. Обнорский. Выдача же членов «Земли и Воли» была предупреждена убийством его в Москве в 1879 г. (См. о нем Морозов, «Повести моей жизни», т. IV, стр. 258—260).

Романенко, Герасим, член Исп. К-та «Нар. Воли» после 1 марта 1881 г. После ареста Гольденберга (1879 г.) вскоре уехал в Швейцарию, где сблизился с Морозовым Н. А. и выпустил вместе с ним брошюру «Террористическая борьба». См. В. Фигнер. «Запеч. труд.», стр. 251—252).

Рысаков, Николай Иванович, (1861—1881), присоединился к партии «Нар. Воля» в январе 1881 г. по рекомендации Желябова. Сначала работал в «Рабочей группе» и вел пропаганду среди рабочих, затем выполнял специальные поручения Исполнительного Комитета и, наконец, был назначен метальщиком 1 марта 1881 г. Казнен вместе с др. первомартовцами 3 апр. 1881 г. На допросе оговорил товарищей.

Сентянин, народник, террорист из кружка Осинского. 26 мая 1879 г. умер в Петропавловской крепости, заключенный по обвинению в принадлежности к киевскому Исп. Комитету.

Сергеева, Екатерина Дмитр., жена Л. Тихомирова, чл. Исп. Ком. партии «Н. В.».

Сердюков, Анатолий Иван., пионер в деле социалистической пропаганды среди рабочих в Петербурге в 70-х г.г. и один из учредителей кружка «чайковцев». Привлекался по делу 193-х, сослан в Тверь. В 1873 г. кончил самоубийством (Лавров П. «Народники-пропагандисты», М. 1907).

Сидорацкий, Гр. Петр. Привлекался по делу 50-ти. Умер во время демонстрации после оправдания В. Засулич — оказался застреленным.

Синегуб, Сергей Силович, (1853—1907), народник-пропагандист, работавший, главным образом, среди рабочих, поэт. Привлеченный по делу 193-х, отбыв 5-летнее предварительное заключение, он от имени товарищей отказался от участия в суде. В 1878 г. отправлен на каторгу в Кару. С 1880 г. перешел на поселение и служил на приисках в Чите, затем переселился в Томск, (См. его «Воспоминания» «Былое» 1906 г. №№ 8—10.

Соловьев, Александр Константин., (1846—1879), народник-революционер. Покушение на Александра II в 1879 г. совершил по личной инициативе, независимо от организации. Казнен публично 25 мая 1879 г.

Стефанович, Яков Васильевич, род. в 1853 г. народник-пропагандист, организатор народного восстания на юге с помощью подложных манифестов (Чигиринское дело). В 1877 г. арестован, но бежал и эмигрировал за границу. В 1879 г. вернулся в Россию и примкнул к «Земле и Воле», затем был в «Черном Переделе» и наконец, вошел в «Народную волю». В 1882 г. арестован и после

суда 17-ти в 1883 г. приговорен к 8-летнему сроку каторжных работ на Каре. В 1890 г. переведен на поселение в Якутскую область, в 1903 г. вернулся в Россию.

Судейкин, Георгий Порфир., инспектор секретной полиции, организатор провокации в 80-х г.г. Убит Дегаевым 16 дек. 1883 г.

Суханов, Никол. Евг., (1853—1882), лейтенант флота, один из главных организаторов центрального военного кружка «Н. В». и ближайший сотрудник Желябова по террористическим актам партии. Арестован в 1881 г., судился по процессу 20-ти и был расстрелян.

Сухоруковы. Под этой фамилией Гартман и Перовская поселились в Москве (1-товарная) в 1879 г. во время устройства здесь подкопа для взрыва царского поезда.

Теллалов, Петр Абрамович, (1853—1885 г.). Вступил в партию «Нар. Воли» в 1879 г. и принимал участие в покушениях на Александра II, крупный организатор-пропагандист. В 1881 г. работал в Москве и устроил здесь «рабочую группу» партии «Народн. Воли». Предан суду по делу 17-ти и приговорен к бессрочной каторге в крепости (Петропавловской и Шлиссельбургской), где умер от чахотки. (См. процесс 17-ти, «Былое» 1906 г. № 10.)

Тихонравов, Николай Саввич, (1832—1893), историк русск. литературы, профессор московск. ун-та и академик, ректор м. у. (1877—1883). Руднев «Н. С. Тихонравов».

Андреев, содерж. кофейни, в которой находились бомбисты 1 марта 1881 г.

Тищенко, Ю. М. (Титыч), народник из харьковско-ростовского кружка, «упорный деревенщик» (Аптекман). В 1876 г. вошел в «З. и В.». В начале 80-х гг. уехал за границу, по возвращении откуда в 1882 г. был арестован и сослан в Туркестанский край. После «выдвинулся как крупный и выдающийся культурный деятель» (постройка школ, больниц, дорог) (Аптекман, «З. и В 70 гг.», перв. изд., стр. 87—90, 171—172).

Трепов, Федор Федорович, петербургский градоначальник.

Тригони, Михаил Николаевич, родился в 1850 г., адвокат. В 1880 г. присоединился к партии «Нар. Воля». 27 февраля арестован и привлечен к суду по делу 20-ти, приговорен к 20 годам каторги, которую отбывал в Шлиссельбургской крепости, затем был сослан на о. Сахалин. После занятия Сахалина японцами в 1905 г. уехал в Одессу. (Тригони «После Шлиссельбурга», «Былое» 1906 г. № 9).

Фигнер, Вера Николаевна, род. в 1852 г., начала революционную деятельность с 1873 г. в народнических кружках, затем вошла в «З. и В.», а после раскола ее в «Н. В.». В 1881 г. состояла в военном центре «Н. В.». Арестована в 1883 г. и судилась по делу 14-ти в 1884 г. Освобождена из Шлиссельбургской крепости 29 сентября 1904 г.

Чайковский, Никол. Васильевич, род. в 1850 г., член народнического кружка «чайковцев». Вскоре эмигрировал за границу, где находится до сих пор. В Лондоне он образовал вместе с другими «Фонд вольной русской прессы», в конце 80-х годах.

Чарушин, Николай Аполлонович, род. в 1853 г., народник-бунтарь. Привлекался по делу 193-х и приговорен к 9 годам каторги с зачетом предварительного заключения. В 1881 г. по отбытии каторги на Каре, перешел на поселение, затем вернулся в Ев. Россию. (См. С. Л. Чудновский. «Отрывки из воспоминаний «Наша Страна», 1901 г. № 1.).

Ширяев, Степан Григорьевич, (1857—1881), народник, занимался пропагандой среди рабочих Петербурга, затем вступил в партию «Нар. Воля» и работал в качестве техника по изготовлению динамита. Принимал ближайшее и активное участие в подкопе для взрыва царского поезда в Москве 19 ноября 1879 г. Преданный суду в 1880 г., приговорен к бессрочной каторге и заключению в Алексеевском равелине, где вскоре умер от чахотки.

Харизоменов, Сергей Андреевич, кончил московский ун-т в 1876 г. и тогда же вошел в основную группу «З. и В.», причем им была составлена программа партии. (Первая редакция 1876—1877 г.). Впоследствии видный земский деятель и статистик.

Юрьевская-Долгорукова, Ек. Мих., (дочь Михаила Михайловича Долгорукова). 19 июля вступила в морганатический брак с Александром II и по указу 5 декабря того же года ей присвоен титул «светлейшей княгини Юрьевской».

Якимова (Кобозева), Анна Васильевна, род. в 1856 году, в 70-х годах ходила «в народ», привлекалась по делу 193-х и выслана в северн. губ. В 1879 г. бежала из Сибири и вступила в «Нар. Волю». Принимала участие во всех террористических актах партии. 1 марта 1881 г. вместе с Богдановичем вела подкоп. Преданная суду по делу 20 в 1882 г., отправлена на Кару, в конце 90 гг. вернулась в Петербург и снова была выслана в Сибирь. В настоящее время живет в Москве.

Временное Правительство после Октября.

17 ноября 1917 г. в петроградских газетах, в иных полностью, в некоторых — в сокращенном виде, появилось воззвание «от Временного Правительства» ко всем гражданам Российской Республики. Основные пункты воззвания при всей его расплывчатости и многословии выступают все же довольно резко,—это, во-первых, обвинения разного рода родственных по очередной задаче (борьба с властью Советов) Временному Правительству организаций (Комитетов Спасения родины и революции, Комитетов безопасности) в том, что они, не оказав «поддержки законной верховной власти», «поставили своей задачей создание однородного социалистического министерства» против желания и принципов, объявленных «Временным Правительством всех созывов», во-вторых, при всем стремлении перейти от обороны к нападению, воззвание уделяет много места оправданиям послеоктябрьской забастовки чиновников, стремится представить ее в качестве меры спасения и охраны учреждений. Воззвание вышло за подписями лиц, из коих только шесть человек принадлежали к составу последнего Временного Правительства, остальные шесть—товарищи министров—к составу его не принадлежали; министерства же морское, военное и исповеданий не были представлены даже и товарищами министров. При всем том подписавшие воззвание утверждали, что они правомочны говорить от имени всего Временного Правительства, что они—Временное Правительство «не в полном составе своем» «преемственно» ведут свою родословную «от Правительства, созданного февральским переворотом». Где, когда и кто устанавливал правомочие и преемственность «Временного Правительства не полного состава», избирал исп. обяз. министра-председателя С. Н. Прокоповича, в чем выражалась, наконец, деятельность «не полного состава»—об этом воззвание умалчивает. Не любят об этом периоде говорить и те, пока немногие, авторы, написавшие воспоминания об этой эпохе.—П. Н. Малянтович [1]) указывает только, что после Октябрьской революции происходили заседания Временного Правительства, неверно сообщая при этом даты их—с 9 (в действительности они начались 6) по 16 ноября. В. Д. Набоков [2]), посетивший по приглашению С. В. Паниной одно из этих заседаний (по его словам, первое, числа он не называет), происходившее на Бассейной в квартире А. А. Демьянова, председательствовавшего на нем, рассказывает, что собрание было «сумбурное». «Было обычно нестерпимое многословие, бесконечные речи, которых никто не слушает. Настроение в общем было отвратительное, а у иных—в особенности Гвоздева—просто какое-то паническое. В качестве конкретных мер борьбы обсуждалась, кажется, только одна: чиновничья забастовка». И, наконец, А. А.

[1]) «В Зимнем Дворце 25—26/X 1917 г.». «Былое» 1918 г., № 12, стр. 11.

[2]) «Временное Правительство». «Архив русской революции», кн. I стр. 89—91.

Демьянов [1]), вспоминая о том же времени, дает краткую, но энергичную характеристику: «Временному Правительству пришлось существовать и работать в подполье. Но это уже было не существование, а прозябание, и прозябание довольно позорное».

При разборе печатных записок и отдельных документов, перевезенных из Мариинского дворца вместе с архивами Комитета и Совета Министров и Временного Правительства в 1-е Отделение Юридической Секции Ленинградского Отделения Центрархива, была найдена папка с черновыми и официальными протоколами заседаний Временного Правительства, происходивших в первой половине ноября 1917 года, и некоторыми документами, относящимися к тому же времени. Эти материалы дают исчерпывающее представление не только о послеоктябрьских заседаниях Временного Правительства, но и о всей его работе в подполье.

Организация секретарской и делопроизводственной части послеоктябрьских заседаний Временного Правительства носила случайный характер. По словам бывш. тов. министра юстиции А. А. Демьянова [2]), когда заседания уже происходили, он встретил на улице двух чиновников канцелярии Временного Правительства, которые, предложив свои услуги в качестве секретарей, вместе с некоторыми другими чиновниками вели всю делопроизводственную часть Временного Правительства после Октября. Эти два чиновника и были, повидимому, авторами двух черновых протокольных записей заседаний Временного Правительства. Записи эти при всей своей отрывочности, бессистемности, обычной для черновиков протоколов, набрасываемых во время заседания и подлежащих дальнейшей обработке, явились все же наиболее важным и основным материалом для нашей работы ввиду их фактической точности при определении дат заседаний, состава участников их и предметов занятий. В двух записях имеются такие черновые протоколы заседаний: 7, 9, 10, 11, 13, 14 и 15 ноября.

Кроме этих черновых протоколов, один из чиновников оставил более или менее обработанный журнал заседаний, составленный по обычной схеме официальных журналов (слева—представление такого-то лица или ведомства о том-то, справа—то, что было принято). Журнал этот отличается от официальных журналов тем, что в него внесены не только законодательные постановления, но и решения по текущим докладам. Этого типа имеются протоколы тех же заседаний; значение они сравнительно с черновыми протоколами имеют меньшее, ибо в них не вошла значительная часть последних, не делающих различие между тем, что говорится «для протокола» и что «не для протокола». Здесь это различие соблюдается тщательно [3]).

И, наконец, третья группа протоколов—официальные «журналы заседаний Временного Правительства» от 2, 5 (два журнала—один «особый»), 7, 8 (секретный), 12, 13 и 14 ноября. Все журналы, за исключением особого журнала 5 ноября, секретного 8 ноября и 14 ноября—подлинные. По форме эти журналы отличаются от журналов заседаний предоктябрьских только отсутствием во всех обычной порядковой их нумерации и отсутствием перечня присутствовавших лиц в журнале от 13 ноября, по существу же различие очень большое. Постановления, вносимые в журнал заседаний вопреки предоктябрьской практики, иногда вовсе не проходили через заседания (их нет в черновых протоколах), а включались в него по представлениям заинтересованных ведомств путем,

---

[1]) «Моя служба при Временном Правительстве»,—«Архив русской революции», кн. IV, стр. 120.

[2]) Ibid., стр. 60.

[3]) См. приложение первое

вероятно, частного соглашения с руководителями заседаний, почти всегда затем постановления, даже прошедшие через заседания, внесены в журнал под другими (обычно задними) числами по соображениям, как это будет видно, практическим и, наконец, перечень присутствовавших на заседаниях лиц носит случайный, не соответствующий, судя по черновым протоколам, характер, при чем различие, строго проводившееся до Октября, между имеющими право голоса решающего и совещательного нигде не проводится [1]).

Кроме указанных протоколов в той же папке имеются отдельные документы, связанные с тем же временем, которые, как и печатные материалы, отмечены при ссылках на них в тексте статьи.

Заседания Временного Правительства происходили: 6, 7, 9, 10, 11, 13, 14, 15 и 16 ноября. Хотя в наших материалах нет протоколов заседаний 6 и 16, можно, однако, с полной уверенностью сказать, что в эти числа заседания были.—В заседании 7 ноября, явившемся по многим вопросам (главным образом по вопросу о правомочности заседаний) продолжением заседания происходившего накануне, это последнее часто упоминается, в записи же речи Гвоздева имеется прямое указание на то, что заседание происходило *вчера*. Кроме того в письме Никитина Временному Правительству имеется такая не оставляющая сомнений фраза: «Я считаю совершенно неправильной позицию, занятую Правительством в заседаниях 6—9 ноября». Относительно заседания 16 ноября имеются следующие указания. На заседании 15, между прочим, обсуждался проект воззвания, составленный А. С. Орловым и П. Н. Малянтовичем, и было постановлено образовать комиссию из Орлова, Малянтовича, Е. Д. Кусковой и Д. И. Шаховского для окончательной редакции воззвания. 17 ноября оно появилось в печати, и таким образом ясно, что между 15 и 17 ноября должно было состояться заседание для принятия окончательной редакции воззвания и его подписания. Кроме того, появившееся одновременно с ним «постановление Временного Правительства» об открытии Учредительного Собрания в Петрограде в Таврическом дворце 28 ноября в 2 часа дня, подписанное за министра-председателя Прокоповичем и министром юстиции Малянтовичем, помечено 16 ноября 1917 г. И, наконец, сам Малянтович в своих воспоминаниях заключительной датой заседаний называет 16 ноября.

Заседания Временного Правительства открылись и протекали при весьма неустановившемся, текучем составе участников, точно определить который представляется довольно затруднительным. Хотя официальные журналы заседаний и начинаются с перечисления присутствовавших лиц (за исключением журнала от 13 ноября, где такого перечня нет), списки эти, как указывалось, неверны и не точны. Не только при сравнении их с черновыми протоколами замечаются постоянно несовпадения, но даже часты несовпадения между списком и подписями под тем же журналом. Так, в журнале от 7 ноября в списке присутствовавших нет подписавших этот журнал Гвоздева, Краснова, Малянтовича и Паниной. Как и при определении дат заседаний, для более или менее точного выяснения состава участников их приходится обратиться к черновым протоколам—непосредственным свидетелям происходившего. Один из этих черновиков открывается обычно списком присутствовавших (за исключением заседания 7 ноября), но и эти списки требуют дополнения данными текста обоих черновых протоколов, так как пропуски в них довольно часты. Так, 11 ноября пропущен Толстой, делавший на

[1]) См. приложение второе.

этом заседании доклад о положении в ставке, 13 — Шнитников, докладывавший о покупке продовольствия для Туркестана, 14 — Авинов, сообщавший о ходе выборов в Учредительное Собрание, и т. д.

Из состава участников заседаний необходимо прежде всего выделить группу лиц, не являющихся органическими, постоянными членами заседаний,—таковы прежде всего «случайные посетители», побывавшие на одном-двух заседаниях и ничем себя на них не проявившие: Брамсон, Некрасов, Церетели; таковы затем частные лица, Кускова и Шаховской, и представители ведомств, выступавшие или с информационными сообщениями или поддерживавшие на заседаниях заявленные их ведомствами ходатайства; к последним следует отнести также и тех товарищей министров, которые выступали на заседаниях не в качестве представителей министерств, а либо со специальными ведомственными докладами (Авинов, председатель Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное Собрание, о деятельности Комиссии, Орлов, особоуполномоченный комиссар Временного Правительства в Донецком бассейне, о Донецком бассейне), либо с информационными сообщениями (Гуревич о слиянии Съезда Крестьянских Депутатов с С. Р. и С. Д.).

Остальных министров и товарищей министров последнего Временного Правительства,—тех, что должны были представлять «правомочных представителей законной верховной власти», удобнее рассмотреть по отдельным министерствам.

Министерство внутренних дел было представлено министром Никитиным и его товарищами Салтыковым и Сидамон-Эристовым, юстиции—министром Малянтовичем и его товарищами Демьяновым и Скарятиным, торговли и промышленности—управляющим министерством Саввиным и товарищами министра Кафенгаузом и Массальским, народного просвещения—товарищами министра Вернадским и Паниной, путей сообщения—министром Ливеровским и его товарищами Константиновым и Тахтамышевым, морское—помощником министра Кукелем, иностранных дел—товарищем министра Нератовым, почт и телеграфов—министром Никитиным и его товарищем В. Малянтовичем, труда—министром Гвоздевым, продовольствия—министром Прокоповичем и его товарищами Башкировым и Кондратьевым, государственного призрения—товарищем министра Голубковым, и, наконец, государственный контроль—товарищем государственного контролера Скипетровым и исп. обяз. члена совета гос. контроля Красновым.

Среди участников заседаний в короткий промежуток времени с 6 по 16 ноября возникли резкие разногласия по вопросу о методах борьбы с Советской властью (об этих разногласиях будет речь ниже). Меньшинство (Башкиров, Вернадский, Демьянов, В. Малянтович, Саввин, Сидамон-Эристов и Тахтамышев) во главе с Никитиным отстранились от участия в заседаниях и прекратили посещение их с 13 ноября. Таким образом, если в начале заседаний «Временное Правительство в неполном составе» выступило с шестью членами последнего состава Правительства и 21 товарищами министров, то с 13 осталось их всего пять, составлявших менее трети последнего Временного Правительства (общее число членов его перед Октябрем было шестнадцать), поддерживаемых 14 товарищами министров.

Само собой разумеется, что столь неполный состав Правительства обязывал инициаторов возрождения деятельности его поставить в первую очередь вопрос о том, на сколько авторитетными и правомочными являются остатки правительства, не прервалась ли Октябрем та преемственность власти, о которой с начала февральской революции так заботилось Временное Правительство, доходя в заботах этих до отрицания револю-

нии, до создания теории о восприятии власти закономерным путем от Николая II через Михаила и далее через Временный Комитет Государственной Думы. Эту «теорию» развил очень полно, между прочим, Набоков, придававший огромное значение манифесту Михаила,—одним из авторов этого манифеста был сам Набоков,—и особенно фразе манифеста,—«прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полнотой власти»,—в этой фразе Набоков видел единственное законное основание для существования Временного Правительства.

Вопросы о правомочности заседаний и о преемственности Правительства были поставлены в первую очередь на первых же заседаниях (6 и 7 ноября) и, кроме того, к этим вопросам неоднократно возвращались и на следующих заседаниях. Такая торопливость в постановке этих вопросов и тщательность при их разрешении вызывалась, впрочем, не одним только теоретическим интересом, а диктовалась и практическими соображениями, ибо без признания себя «законным» Правительством невозможно было вести, как позднее выразился на одном из заседаний Прокопович, «хозяйственно-административную деятельность», связанную с «законным» получением денег из Государственного Казначейства и «законным» же их расходованием. Противопоставляя себя «мятежникам», Временному Правительству хотелось возможно обстоятельнее создать этот декорум «законности». Длинный путь от растерянных, казалось неразрешимых, вопросов, поставленных на заседании 6 ноября (занесены в протокол 7 ноября),—1) полномочны ли мы? 2) можно ли без министров, заключенных в крепости? 3) можно ли кооптировать?—до категорического заявления в воззвании и о правомочии и о преемственности, был пройден остатками Временного Правительства. К рассмотрению этого пути и следует приступить.

Основы конституции Временного Правительства были установлены в самом начале его деятельности. 9 марта (см. печатный журнал заседаний № 93 п. 1) был определен порядок издания распоряжений Правительства:

1. По делам, требующим рассмотрения в порядке законодательном, издавать постановления Временного Правительства за подписанием всех его членов.

2. По делам, требующим по действующим законам разрешения в порядке верховного управления, издавать указы Временного Правительства за подписанием его председателя.

3. По делам, разрешаемым по действующим законам властью отдельных министров, издавать распоряжения министров.

Этот порядок, позднее несколько упрощенный (постановления за исключением «постановлений особой важности» разрешено было издавать за подписью министра-председателя и подлежащего министра, см. печатный журнал заседаний 11 мая № 75 п. 1), оставался в силе все время существования Временного Правительства. В дополнение к этим основным положениям необходимо добавить постановления, принятые также в начале Временного Правительства и до конца не отмененные, о составе участников заседаний Правительства. 7 марта было постановлено, что «товарищи министров могут заменять министров в заседаниях совета министров во всех случаях за исключением тех, когда совет министров, действуя в качестве высшего государственного органа власти, утверждает акты законодательного характера» (см. печатный журнал заседаний № 9 п. 4).

Таковы были нормы, определяющие порядок издания актов Временного Правительства и устанавливающие, хотя и не вполне точно, состав участников заседаний Правительства. Остатки Временного Правительства волей неволей были поставлены перед неразрешимой задачей: с одной стороны, имелись определенные нормы, неотмененные и в силу этого обязательные для лиц, считающих себя преемниками власти, эти нормы установившей, с другой—эти нормы не давали возможности действовать остаткам Временного Правительства, ибо в составе этих остатков не было ни министра-председателя, ни его заместителя, без подписи которых нельзя было издать ни одного постановления, ни одного указа, не было в составе этих остатков большинства министров (часть находилась в Петропавловской крепости, другая, более значительная, часть от участия в заседаниях, очевидно, уклонялась), заменить которых в силу приведенных постановлений не представлялось возможным. Поскольку, таким образом, перед остатками Временного Правительства стоял вопрос о правомочии, он на основании приведенных норм формально (а вопрос и был поставлен только с формальной стороны) должен был быть решен отрицательно, иного пути, как отказа от организации заседаний и вынесения на них незаконных с точки зрения норм, Временным Правительством установленных, постановлений не было.

Тот путь устранения неудобных постановлений, который был избран Временным Правительством, вероятно, и оставил у участников столь неприятные воспоминания, мешающие им до конца рассказать то, что делалось в эти ноябрьские дни. На одном из ноябрьских заседаний было издано постановление, отменяющее постановление от 7 и отчасти от 9 марта. В такой отмене одного постановления и замене его новым не было бы в сущности ничего особенного, если бы оно было издано от имени лиц его выработавших и вынесших. В данном случае, как указывалось, был бы неправомерный «революционный» акт и только. На такой акт остатки Временного Правительства не пошли, он бы, в конце концов, вопроса о правомочии не разрешал. И потому это новое постановление было выпущено от имени организации уже несуществующей, но в прошлом имевшей право издавать постановления,—от имени Правительства, действовавшего в августе 1917 г. На этих ноябрьских заседаниях, после очевидно бесплодных поисков законного пути, появился особый журнал заседания от 17 августа 1917 г. № 157 а [1]). Первая часть журнала по форме ничем не отличается от официальных журналов. Он имеет порядковый номер (литера при номере поставлена потому, что журнал этот является как бы добавлением к основному журналу № 157,—поэтому наш журнал и носит название особого), имеет далее перечисление участвовавших в заседании лиц (список этот точно передает лиц, бывших на заседании 17 августа и перечисленных в журнале № 157), указывается тот же час открытия заседания, что и в журнале—№ 157, и, наконец, формулировка постановления ничем не отличается от обычных. Ноябрьское происхождение этого «августовского» журнала выдают подписи под ним. Он подписан за министра-председателя Н. Некрасовым и не теми, что перечислены в заголовке, как лица, участвовавшие в заседании, а снова теми же участниками ноябрьских заседаний—Прокоповичем, как министром торговли и промышленности (в последнем составе Временного Правительства он был министром продовольствия), Гвоздевым и Ливеровским, подписавшими за министров труда и путей сообщения (в последнем составе они—министры) и Голубковым, Скарятиным, Салтыковым, Нератовым, Паниной в качестве товарищей министров.

[1]) См. приложение третье.

Эти подписи под журналом лиц, кои обычно журналы не подписывали и подписывать их права не имели, а также отсутствие под журналом целого ряда подписей, которые собрать в ноябре уже не представлялось возможным,—обнаруживают ноябрьское происхождение этого журнала, помеченного августом.

Само собой разумеется, что по конспиративным соображениям о журнале этом не осталось никаких следов в ноябрьских протоколах, но по некоторым косвенным признакам возможно восстановить даже вероятную дату его составления.

Под подлинным журналом, равно как и под постановлением, нужна была подпись министра-председателя или его заместителя,—из бывших министров-председателей (Львов, Керенский) и заместителей (Терещенко, Коновалов, Некрасов)—только последний посещал ноябрьские заседания Временного Правительства. Естественно, что на нем и остановились и, так как август был месяцем его заместительства, то и дата под журналом была выставлена августовская. Некрасов, подписавший журнал в качестве заместителя министра-председателя, присутствовал, как отмечено в черновых протоколах, на двух заседаниях—10 и 14 ноября. Подпись министра почт и телеграфов, — в августе им был Никитин, — в журнале отсутствует. Это дает основания предполагать, что журнал был составлен тогда, когда Никитин не мог его подписать. 10 ноября он на заседаниях присутствует, 14 же ноября (к этому времени он отстранился от участия в заседаниях Временного Правительства) его в Петербурге уже нет. Сопоставляя эти данные, мы и предполагаем, что журнал был составлен 14 ноября. В пользу этой даты говорит и еще одно обстоятельство. Как раз к этому времени Временному Правительству нужно было во что бы то ни стало легализировать себя. 11 ноября, как сообщает черновой протокол, Прокоповичем было внесено предложение о необходимости ассигнования средств «на агитацию против большевиков». Было постановлено: «поручить министру юстиции Малянтовичу с чинами министерства юстиции и сената выяснить вопрос о порядке отпуска средств из казны». 13 ноября был заслушан «доклад Малянтовича о сенате», резюмированный в черновом протоколе фразой Малянтовича—«я все наладил с Врасским». Последний не мог не указать, что единственный способ легального открытия новой статьи в бюджете является формальная правильность правительственных актов. До сих пор ее не было, и августовским журналом пробел этот восполнялся. Так появился «особый журнал заседаний Временного Правительства № 157 а от 17 августа 1917 г.

Этот журнал, разделив все заседания Временного Правительства на три категории,—заседания деловые, политические и закрытые,—и не установив пределы ведения заседаний каждой категории, предоставлял на-ряду с министрами право решающего голоса товарищам министров, в случае отсутствия кого-либо из министров.

Таким образом был создан новый правомочный правительственный аппарат. В него были введены в качестве полноправных членов товарищи министров либо в виде замещающих временно отсутствующих министров, либо в виде управляющих или временно управляющих министерствами. Противоречия изданного документа,—изменение действовавших постановлений теми лицами, которые согласно этим постановлениям изменять их не могли,—противоречия эти для тех, кому нужна была только формальная правильность акта, были не важны и не существенны.

Августовский журнал давал кроме того возможность изменить и другие, стесняющие Временное Правительство данного состава, постановления. Так появился журнал заседания от 2 ноября с постановлением о порядке подписания указов и постановле-

ний Временного Правительства за время отсутствия министра-председателя и министра заместителя. Это постановление, предоставляющее право подписывать постановления и указы Временного Правительства за министра-председателя—министру внутренних дел и министру или управляющему подлежащего министерства, составленное несомненно задним числом, так как 2 ноября заседаний еще не происходило, отражает ранний период деятельности послеоктябрьского Временного Правительства, когда во главе его стал Никитин для объединения разрозненных сил. Следующая организационная стадия нашла отражение в журнале заседания от 5 ноября, коим «на время отсутствия министра-председателя Керенского и министра-заместителя Коновалова исполнение обязанностей министра-председателя возлагалось на министра продовольствия Прокоповича, а министра-заместителя на министра внутренних дел Никитина». Замена Никитина Прокоповичем произошла в самом начале открытия заседаний, — 6 ноября, так как, открывая собрание 7 ноября, Никитин сказал, — «мы остановились на преемственности власти. Пока подписывал я. Теперь исп. обязанности министра-председателя будет Прокопович, а заместителя—я». И, наконец, когда появилось заявление Керенского об отставке, вопрос о заместителе снова был поставлен.

Заявление Керенского об отставке (среди протоколов имеется фотографический снимок с этого заявления) следующего содержания: «Слагая с себя звание министра-председателя, передаю все права и обязанности по этой должности в распоряжение Временного Правительства». Помечено заявление 1 ноября 1917 г. Неизвестно, по каким причинам это заявление долгое время не доходило до Временного Правительства и только 9 ноября отставка была заслушана, принята единогласно и было постановлено возложить на министра продовольствия С. Прокоповича исполнение обязанностей министра-председателя (постановление это внесено в официальный журнал заседаний от 5 ноября). Для полноты необходимо отметить, что Керенский, сделав вполне ясное и сомнений не оставляющее заявление об отставке, не счел однако свою роль законченной. 24 ноября в «Деле Народа» появилось его письмо, в котором он разъясняет, что заявление его от 1 ноября должно пониматься, как сложение с себя звания министра-председателя, но отнюдь не члена Временного Правительства, каковым он себя, несмотря на отставку, считает и в качестве такового присоединяется к воззванию Временного Правительства от 16 ноября.

В чем же заключалась деятельность Временного Правительства после Октября? Основным и единственным направлением этой деятельности было, само собой разумеется, борьба с властью Советов. Но в ряде других организаций, ставивших те же цели, остатки Временного Правительства находились в особом, во многих случаях, привилегированном положении. В руках их были еще некоторые учреждения, а в ряде других, которыми уже овладели представители Советской власти, у них имелись послушные сотрудники и агенты. Методы борьбы поэтому диктовались этими возможностями использовать государственный и бюрократический аппарат для своих целей. Саботаж чиновников, как средство такого использования государственного и бюрократического аппарата, был выдвинут, по словам Набокова, на первом же заседании. Ему отводилось центральное место и во всей дальнейшей деятельности. Но для того, чтобы втянуть и тем более удержать забастовавших чиновников, нужны были средства для своевременной оплаты служащих. Временное Правительство не питало иллюзий, что забастовка проводится по каким-либо идейным мотивам, и, как будет видно из дальнейшего, оно, потеряв с занятием Государственного Банка возможность питать забастовку, тотчас же поняло, что с нею

все кончено. Нужны, следовательно, были средства и потому вопросы финансовые занимают в заседаниях 6—16 ноября первенствующее место.

7 ноября по представлению управляющего министерством финансов было постановлено «увеличить эмиссионное право Государственного Банка на один миллиард рублей». Обеспечить себя выпуском новых кредиток Временному Правительству, однако, не удалось, так как 14 ноября, когда Государственным Банком и Государственным Казначейством оно фактически не имело возможности уже пользоваться, по докладу того же управляющего министерством финансов (Фридмана) «об изъятии постановления об увеличении эмиссионного права Государственного Банка» было решено «считать состоявшееся постановление недействительным». Впрочем, в короткий промежуток времени и без выпуска новых кредиток Временное Правительство сумело провести ряд ассигнований, выкачивая наличные средства Государственного Банка, где к тому времени, по сообщению Фридмана на заседании 7 ноября, было 40 миллионов руб.

7 ноября, по представлению управляющего министерством финансов, было отпущено из наличных средств Государственного Казначейства Петроградскому Общественному Управлению на покрытие единовременных затрат, на закупку дров для надобностей городских предприятий 7.500.000 руб. (официальный журнал заседания от 7 ноября). Тогда же 7 ноября слушался доклад товарища министра торговли и промышленности об отпуске в ссуду 4.800.000 рублей для разработки сланцев под Петроградом. Доклад вызвал оживленный обмен мнений,—одни полагали «дать пока аванс в 1.000.000 руб., который можно взять из городских средств», другие предлагали «дать всего на 10—12 дней сколько надо». Было постановлено «отложить до выяснения» и, какая в дальнейшем судьба постигла «сланцы», остается не выясненным.

На том же заседании 7 ноября обсуждался вопрос о выдаче 10.000.000 руб. особоуполномоченному комиссару Временного Правительства в Донецком бассейне товарищу министра торговли и промышленности Орлову. Вероятно, личность Орлова, назначенного комиссаром 13 октября, не была достаточно ясна—разрешение ассигнования было отложено до получения затребованной справки об Орлове. На заседании 13 ноября появился сам Орлов, выступивший с докладом о положении в Донецком бассейне. Насколько можно судить, по кратким конспектам черновых протоколов, доклад его повторял официальные версии о катастрофическом падении добычи угля и официально-буржуазные объяснения этого падения—малой производительностью труда и увеличением заработной платы. Решение по докладу, не внесенное ни в официальные, ни в черновые журналы заседаний (в черновом журнале сказано «принять к сведению»), было, как сообщают черновые протоколы, таково: «предложить министру финансов перевести 14 ноября в Харьков 15.000.000 руб., назначение их будет указано в ближайшем времени». В одном из черновых протоколов под той же рубрикой добавлено—«о 10.000.000 руб. на Орлова справиться в департаменте Государственного Казначейства». В зависимости от полученных сведений ставился вопрос о командировании Орлова в Донецкий бассейн. Справка, очевидно, была получена благоприятная, так как на заседании 14 ноября снова слушался доклад Орлова о Донецком бассейне и было уже категорически постановлено—«командировать Орлова в Донецкий бассейн».

13 ноября по докладу Н. Н. Шнитникова «об отпуске из Верненского отделения Государственного Банка 1.000.000 руб. серебра для покупки продовольствия для Туркестана в Китае» было постановлено «поручить управляющему министерством финансов выяснить вопрос и снестись через Харбин с пекинскими властями».

13 же ноября по представлению министерства путей сообщения было постановлено «отпустить министерству путей сообщения за счет остатков по общей росписи на 1917 г. 431.850 руб. на осуществление мероприятий министерства по преобразованию специальных училищ ведомства» (официальный журнал заседания от 13 ноября).

На заседании 13 ноября было проведено еще одно крупное ассигнование в 10.000.000 руб. на дровяные операции Особого Совещания по топливу при министерстве торговли и промышленности. Проведение этого ассигнования является крайне показательным для того лихорадочно быстрого темпа, с каким выкачивались Временным Правительством после Октября казенные средства. 13 ноября без № с подписью за председателя Особого Совещания по топливу К. Кирша на официальном бланке Совещания была представлена Временному Правительству докладная записка, в которой говорилось, что «переживаемые события чрезвычайно затруднили осуществление проектируемой меры использования кредита частных банков и для покрытия предстоящих расходов по операциям Особого Совещания по топливу представляется необходимым немедленное ассигнование из средств Государственного Казначейства 10.000.000 руб. для уплаты срочных платежей по продовольствию, обмундированию и на инструменты». В тот же день 13 ноября ходатайство Особого Совещания обсуждалось на заседании Временного Правительства и было решено в положительном смысле. В официальном журнале заседаний постановления об этом ассигновании нет, но среди протоколов сохранился черновик на памятном листке управляющего делами Временного Правительства с проектом соответствующего постановления.

14 ноября в финансовой работе Временного Правительства произошел перелом. В докладе на этом заседании Фридмана о Государственном Банке и Казначействе,—этими докладами заседания обычно открывались,—Фридман заявил, что денег получить из этих учреждений в будущем едва ли будет возможно. Государственный Банк был занят Советским Правительством накануне. Как результат потери банка, 14 ноября на половину, до 5.000.000 руб., был урезан кредит Особому Совещанию по топливу, накануне утвержденный в полном 10.000.000 размере. Был отложен «пока» вопрос о пятнадцатимиллионной задолженности железных дорог и, наконец, на заседании 15 ноября было отклонено, чего на предыдущих заседаниях ни разу не было, ходатайство министерства земледелия об отпуске 4.500.000 руб. на сельскохозяйственную перепись.—Не из чего было уже отпускать.

Если подвести итог всем приведенным суммам, утвержденным на ноябрьских заседаниях, получится 41.931.000 руб. (в эту сумму не включены 4.800.000 руб. на сланцы под Петроградом и 1.000.000 руб. серебра для Туркестана). 41.931.000 руб.—это почти совпадает с заявленной Фридманом на заседании 7 ноября наличностью Государственного Банка—40.000.000 руб. Само по себе изъятие денег из Государственного Банка было уже орудием борьбы с молодой Советской властью. Орудие это еще более обострялось направлением захваченных средств.—Было бы трудно предположить, что все эти 41.931.000 руб. были использованы на те цели, которые были официально названы,—на закупку дров для надобностей городских предприятий, на Донецкий бассейн, для продовольствия Туркестана, дровяные операции и проч. Если для того, чтобы открыть в правительственном бюджете новую статью расхода—«на агитацию против большевиков»—требовался «законный путь», хотя бы, как мы видели, осуществляемый подложным постановлением, то для того, чтобы изменить назначение уже ассигнованных денег требовалось только соглашение заинтересованных лиц. Что такая возможность была, указы-

вают и приведенные материалы. В прениях об ассигновании на сланцы заявлялось, что аванс в 1.000.000 руб. можно взять из городских средств, вероятно из тех, что в тот же день были ассигнованы на дрова. Принятое 13 ноября постановление об ассигновании 10.000.000 руб. Особому Совещанию по топливу 14 ноября было сокращено на половину, каковое сокращение официально проведено однако не было (оно осталось в черновом журнале только), и куда предназначалась эта сокращенная половина, указано, конечно, тоже не было. Даже если допустить, что ассигнованные суммы направлялись по назначению в соответствующие учреждения, опять-таки мало вероятно, что эти учреждения расходовали их по назначенным статьям. Какое может быть сомнение в том, например, что Петроградская городская дума, стоявшая в те дни во главе контрреволюционного объединения и получившая 7.500.000 руб. на дрова, о дровах тогда меньше всего думала.

Конечно, в ноябрьских протоколах нет и быть в них не может по конспиративным условиям точного обозначения расходных статей, но та линия борьбы, которую вели остатки Временного Правительства с Советской властью и которая вполне определяется в этих протоколах, указывают и путь расходования захваченных государственных средств.

По вопросу о методах борьбы с Советской властью единогласия в составе Временного Правительства не существовало. Меньшинство требовало активных действий, большинство стояло за подпольную подрывную работу чиновничьего саботажа. Борьба между этими двумя течениями обнаруживается уже на первых заседаниях.

На заседании 6 ноября, как заявил 7 ноября Гвоздев, было решено вести агитацию против большевиков, которую он, Гвоздев, приветствует и потому поддерживает предложение Скарятина, сделанное на заседании 7 ноября, об опубликовании данных предварительного следствия о большевиках. Несмотря на возражение Никитина, что с «этого, не проявив себя пока никакими актами, начинать неудобно», было решено «поручить Г. Д. Скарятину составить записку». 11 ноября записка была доложена, но заседание постановило ее не публиковать ввиду, вероятно, негодности ее как агитационного материала и потому, что большинство в то время воздерживалось от официальных выступлений, чего при опубликовании записки было не избежать. Необходимость же агитации против большевиков и ассигнования на нее средств—со всеми последующими в связи с ассигнованием действиями Малянтовича, (см. журнал № 157 а)—была признана необходимой тогда же, но очевидно предполагалась агитация не под флагом Временного Правительства, а на ассигнованные им средства.

На другом вопросе в том же заседании 7 ноября разногласия между отдельными членами заседаний сказались еще более резко. Был заслушан доклад Прокоповича о положении продовольственного дела и необходимости поручить министерствам финансов, продовольствия, торговли и промышленности (по топливу и металлам), путей сообщения и военному составить краткие записки о положении продовольствия, финансов, снабжения топливом и металлами, снабжения армии и транспорта. Записки объемом в 3—4—5 страниц должны были содержать: 1) положение современное, 2) ближайшие перспективы, 3) влияние восстания и 4) работу Временного Правительства. Поскольку можно судить по краткой записи черновых протоколов возражавшие Прокоповичу Никитин и Гвоздев считали, что «докладами солдат-чернь не проберешь» (Никитин), «к ним подойти нельзя» (Гвоздев) и необходимо ввиду того, что «отрезвление в рабочих наблюдается» (Никитин), «рабочие не при чем» (Гвоздев)—поддержать это настроение прави-

тельственной декларацией, открытым заявлением Правительства о своем существовании. Это открытое заявление и было одним из основных пунктов расхождения. Большинство предпочитало работу без открытого выступления и приняло предложение Прокоповича о составлении теоретических записок, которые, судя по их плану, предполагалось очевидно использовать в качестве агитационного материала.

На следующих заседаниях разрыв меньшинства с большинством пошел дальше и глубже по вопросу о «законной власти». Большинство, как, впрочем, и меньшинство, считало, что единственной законной верховной властью является Временное Правительство, но вся трагедия этого положения заключалась в том, что не было ни одной организации, даже родственной и близкой Временному Правительству по своему классовому составу и задачам, которые бы разделяли эту точку зрения. В глазах всех этих образовавшихся после Октябрьской революции комитетов спасения родины и революции, комитетов безопасности и проч., поддержку которых рассчитывало найти Временное Правительство, с ним все было кончено, и комитеты эти, как с горечью замечает в ноябрьском воззвании Временное Правительство, «поставили своей задачей создание однородного социалистического министерства». Большинство готово было защищать сии прерогативы и, выражаясь снова языком воззвания, «не принимало участия в попытках создания новой власти за несколько дней до Учредительного Собрания». Меньшинство, наоборот, желало вступить по приглашению комитетов в переговоры об организации нового правительства. Но и со стороны большинства, однако, такое решительное обособление от организаций, составлявших проекты того или иного правительства, выявилось не сразу. В этом вопросе большинство пережило значительные колебания. 9 ноября врем. исп. должность начальника политического управления военного министерства П. М. Толстой сделал доклад о положении в ставке, об отстранении Духонина, назначении главковерхом Крыленко и о воззвании председателя Общеармейского Комитета при ставке С. В. Перекрестова об организации правительства, возглавляемого Черновым [1]). Очевидно, в связи с этим докладом Прокопович внес предложение о посылке представителей в ставку. Собрание постановило: «послать двух представителей, поручив им информировать Временное Правительство («только информация» по записи черновых протоколов) и высказаться против образования нового правительства в ставке, против однородного социалистического министерства с участием большевиков и за однородное социалистическое правительство без большевиков («добровольная коалиция социалистов, без узурпации и деловое», по записям черновых протоколов».) Но на следующий день, на заседании 10 ноября, вопрос был снова поднят. Тот же Прокопович сделал доклад: об отказе посылки делегации в ставку, что и было принято собранием. Это постановление находится в секретном журнале от 8 ноября, где оно формулировано следующим образом: «Воздержаться от посылки представителя Временного Правительства на имеющее состояться в г. Могилеве совещание общественных и политических организаций впредь до выяснения направления и обстановки деятельности означенного совещания». Уже по тому одному, что в журнал внесен результат голосования по этому вопросу (оно принято шестью голосами против трех при одном воздержавшемся), чего в практике Временного Правительства не было,—видно, какое большое значение придавало меньшинство и большинство собрания этому вопросу.

[1]) Текст воззвания см. в сборнике «Революционная борьба в Гомельской губ.», Вып. 1, Гомель, Гос. Изд., 1921 г., стр. 82—84.

Здесь следует отметить еще одно постановление, характеризующее взаимоотношение Временного Правительства и других организаций того времени. 8 ноября Объединенный Комитет демократических организаций по обороне обратился к Временному Правительству с ходатайством «об отпуске Комитету 300.000 руб. в виде субсидии» на «задачи, связанные с борьбой за восстановление революционного порядка». 13 ноября ходатайство это рассматривалось Временным Правительством (в черновом журнале заседаний, куда внесено соответствующее постановление, Объединенный Комитет ошибочно назван Комитетом спасения родины и революции) и было отклонено [1]).

Разногласия по вопросам об активном выступлении остатков Временного Правительства и, главным образом, «по вопросу об отношении к попыткам воссоздать верховную власть в государстве» (так формулировал этот пункт расхождения в своем заявлении Никитин) вызвал уход части участников заседаний во главе с Никитиным, приславшим заявление Временному Правительству с отказом участвовать в дальнейших его заседаниях ввиду того, «что оно (Временное Правительство) не сумело на-ряду с наметившимися выходами из создавшегося положения поставить себя в положение, достойное носителей государственной власти» и своей позицией подрывает «самую идею верховной власти, возникшей в дни февральской революции» [2]).

С уходом меньшинства Временное Правительство развило свою подпольную работу в очень широких масштабах. Без официальных выступлений, действуя за кулисами руководимых им сил, оно распространяло свою деятельность по многим направлениям.—Прежде всего его внимание было направлено на организацию агитационной или, выражаясь языком протокольных записей, осведомительной части. Вопрос об открытой агитации, как мы видели, был отвергнут и намечались иные, скрытые пути ее. Так на заседании 10 ноября было постановлено «поручить тов. министра внутренних дел С. Н. Салтыкову организовать осведомление Петроградской, Московской и провинциальной печати». В следующем заседании, 11 ноября, к информации снова вернулись. По предложению Прокоповича о необходимости «следить за печатаемыми в газетах тайными договорами и помещать опровержения» было постановлено «поручить это Нератову». Вероятно, во исполнение этого поручения явилась краткая записка без подписи: «Можно ли считать все обнародованные Советом Комиссаров документы из архивов министерства иностранных дел подлинными и официальными», в которой безымянный автор (вероятно, Нератов) стремится доказать, что «хотя сотрудники Троцкого могли располагать подлинными текстами», но в виду их неосведомленности относительно дипломатических документов в печать могли попасть на-ряду с официальными актами и такие, которые официального характера не носят и к которым ни ведомство, ни правительственные учреждения никакого отношения не имеют» [3]).

Энергичная агитационная деятельность была развита остатками Временного Правительства в связи с организованной им чиновничьей забастовкой, которая в сущности являлась основным делом в его подполье. Организация этой забастовки была начата, вероятно, еще до открытия регулярных заседаний, с открытием же последних она была поставлена, как то свидетельствует и Набоков, в первую очередь. В каждом заседании затем значительное место отводилось так называемым информационным докладам пред-

[1]) См. приложение четвертое.

[2]) См. приложение пятое.

[3]) См. приложение шестое.

ставителей министерств, сообщавших о ходе забастовки и о тех противодействиях, которые оказывали назначенным Советским Правительством комиссарам забастовавшие чиновники и служащие государственных учреждений. Доклады эти, бедные по своему фактическому материалу, нового ничего не сообщающие, интересны только тем, что вполне выясняют роль Временного Правительства, как руководителя ноябрьского саботажа. Как оказывается, остатки Временного Правительства являлись руководящим центром, питающим чиновничью забастовку. От них же, как выясняется, исходили и все те обращения, которые помещались в то время в газетах. Так 10 ноября по докладу Фридмана и Хрущова о попытках захватить Государственный Банк было постановлено: «принять к сведению и широко огласить воззвание министерства финансов о деятельности ведомства со времени восстания». То же и 11 ноября по докладу Башкирова о министерстве продовольствия собрание постановило: «поручить министерству продовольствия через газеты и плакаты опровергнуть обвинения о бездеятельности министерства». С одной стороны, таким образом, принимались агитационные меры опровержения обвинений в бездеятельности ведомств, а с другой—на заседаниях Временного Правительства принимались представители бастующего чиновничества и сообща с ними вырабатывались меры проведения забастовки. 11 ноября обсуждался с участием представителей Союза союзов служащих вопрос о забастовке чиновников и «были высказаны пожелания: 1) продолжать забастовку, 2) предоставить министерству финансов возбудить вопрос перед забастовочным комитетом о начале занятий в некоторых отделах министерства финансов (очевидно, в тех, которые были необходимы самому Временному Правительству для его хозяйственных операций), 3) срок забастовки предоставить определить Союзу союзов (в черновых протоколах добавлено: «если забастовка ослабнет»), 4) информировать Временное Правительство о ходе забастовки». Само собой разумеется, что Временное Правительство, до тех пор пока оно могло, стремилось «оплатить труд» забастовавших своих агентов. В регулярной выдаче жалованья таилась, конечно, вся сила забастовки, как признал это в своем докладе 15 ноября один из руководителей ее Фридман.—«Государственный Банк и частные банки,—говорил он, закрыты.—Государственное Казначейство жалованье не выдает и не дадут. *20-го все может рухнуть*». И Временное Правительство прекрасно понимало, что забастовка тотчас же рухнет, если не будет в обычный срок, 20 числа, выдано забастовщикам жалование и по докладу постановило: «поручить управляющему министерством финансов по соглашению с государственным контролером обсудить вопрос о способе выдачи жалования служащим».

Забастовка шла полным темпом, но Временное Правительство, руководя забастовкой и разрушая государственный аппарат, утверждало, что забастовка проводится «без нарушения экономической жизни» (речь Никитина на заседании 7 ноября) и не вредна стране. Но вот в письме от 8 ноября Прокоповичу одного из чиновников Особого Совещания по топливу К. Кирша, того самого, который проводил, как выше указывалось, десятимиллионный кредит Совещанию, дается другое не официальное и более точное определение забастовки в смысле ее полезности [1]). Начав с рассказа об общем собрании служащих Особого Совещания по топливу 8 ноября, на котором «лишний раз выяснилась неустойчивость позиции служащих государственных учреждений», в чем «повинно в значительной степени—«неясное» поведение, неопределенная тактика группы «исполняющей обязанности Временного Правительства», К. Кирш говорит, что «сейчас поло-

[1]) См. приложение седьмое.

жение крайне ложное и ввиду следующих соображений. Забастовка государственных учреждений приносит безусловно вред стране, бо́льший—стране, чем большевикам», и далее: «по существу мне кажется, что работа государственных учреждений сейчас нужна, и отсутствие работы деморализует служащих». Все письмо в целом стремится убедить Прокоповича отказаться от работы в подполье и «заявить громко, что оно продолжает свою текущую работу и работу по руководству отдельными ведомствами».

Временное Правительство отказалось от принятых методов борьбы и вышло из подполья для того, чтобы в заключительном своем обращении от 16 ноября оправдать свою подпольную работу «не по своему желанию». 14 ноября, как говорилось, произошел перелом. Временное Правительство почувствовало приближение конца. Государственный Банк оказался вне его ведения. Началось заседание в этот день, как и обычно, с доклада Фридмана о Государственном Банке и Казначействе.—«В казначействе,—докладывал Фридман,—комиссары и счетчики денег не дают, оно фактически находится в руках большевиков. В Государственном Банке—разногласия между высшими, средними и низшими чинами,—младшие готовы подчиниться, высшие—подчиняются силе, средние—против». И, хотя выступавший за Фридманом делегат от служащих министерства финансов заявил, что «настроение среди служащих вообще твердо», собрание, очевидно, было подавлено событиями. Настроение присутствовавших формулировал Прокопович: «в связи с занятием Государственного Банка, хозяйственно-административная деятельность прекращается». Для всех, вероятно, было ясно, что всякая деятельность, основанная на изъятии казенных денег в связи с занятием Государственного Банка, должна быть прекращена. Вот тут при этой ликвидации и возник вопрос об обращении к стране с воззванием по поводу происходящих событий. Текст воззвания поручено было составить Малянтовичу и Орлову. В том же заседании было принято постановление об опубликовании указа об открытии Учредительного Собрания. На следующий день, 15 ноября, приехавший из Москвы кн. Шаховской и Кускова своими докладами пытались влить бодрость в разочарованное собрание, побудить его к активным шагам для объединения вокруг себя всех противосоветских элементов. Доклады эти закончились великолепным заявлением Кусковой о «предложении Калуги принять Временное Правительство». Мысль оставить беспокойный Петроград появлялась и ранее, так как на заседании 10 ноября по докладу Прокоповича о событиях в Москве собрание одобрило решение «об отказе переноса в Москву Временного Правительства». Но если Москва была неудобной 10 ноября, то 15 ноября не манила уже и Калуга. Настроение Временного Правительства довольно полно передал в своей речи Малянтович.—«Временное Правительство,—сказал он,—и раньше предавалось и слева, и справа. Временное Правительство было совершенно одиноко, что и было доказано особенно ярко во время восстания. Казалось бы, что до восстания, когда каждому было ясно, что оно неизбежно, могли объединиться вокруг Временного Правительства, как единственного полюса против большевиков. Но этого не оказалось». Очевидно, воззвание, составленное Малянтовичем и Орловым, отразило тон его речи и для придания воззванию большей активности к первоначальным двум авторам присоединили еще двух,—Кускову и Шаховского, которые и образовали комиссию для выработки окончательного текста, появившегося в газетах 17 ноября.

К сознанию одиночества, к признанию отсутствия поддержки в стране Временное Правительство пришло, однако, не сразу. Для отрезвления понадобилось, правда, не больше недели, но тогда, когда начинались его собрания, оно смело ставило, по словам

Набокова, задачи «вести борьбу», «сохранить аппарат власти» в расчете, очевидно, на поддержку страны. Десять дней Временное Правительство ждало этой поддержки, а в заседании 14 ноября ожиданиям этим был подведен итог. Салтыков на заседании 14 ноября доложил телеграммы о поддержке Временного Правительства. Со всей России их было получено д в а д ц а т ь ч е т ы р е [1]).—Большинство этих телеграмм получилось из отдаленной уездной России, питавшейся фантастическими слухами о событиях в Петрограде. Эти двадцать четыре телеграммы лучшее доказательство не только малой популярности Временного Правительства в стране, но и полной его оторванности. И не предательством правых или левых, не вследствие бунта несознательных солдатских масс, в чем хотели найти объяснение своему падению Малянтович-Никитин, а собственной своей политикой обмана трудящихся масс России, той политикой, которая прошла красной нитью и во всей его подпольной деятельности, было похоронено оно.

М. Флеер.

---

[1]) Акша (Комитет безопасности), Александрополь (соединенное собрание граждан), Арзамас (С. Р. и С. Д.), Слобода Белогорье (собрание граждан), Великий Устюг (чрезвычайное земское собрание), Ветлуга (съезд демократических организаций), Воткинск (съезд служащих), Глазуновка (волостное земство Старо-Полевской волости), Дорогобуж (городская дума), село Дюртюли (собрание граждан), Кологрив (земское собрание), Крестец (женский союз), Курмыш (собрание уездных земских гласных), Ливен (городская дума с представителями местных организаций и ведомств), Москва (главный исп. к-т Казанск. жел. дороги и совет почт.-тел. организаций Московского узла), Новозыбков (Совет Рабочих Депутатов), Орел (Уездный Совет Крестьянских Депутатов), Рогачев (С. Р. и С. Д. и Совет Крестьян. Депутатов), Рязань (уездное земское собрание), Славгород (правление профессионального союза и общественных организаций), Сычевка (продовольственный комитет), Чистополь (съезд крестьянских депутатов), Шерифхане (Исполнительный комитет) и армейский комитет 10 армии (в последней телеграмме говорится, что армейский комитет готов оказать поддержку Временному Правительству, но «полагает, что Временное Правительство будет считаться с указаниями армии в разрешении вопросов внешней политики» в смысле «немедленной и неустанной борьбы за мир»).

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Черновые журналы заседаний Временного Правительства.

Слушали:	Постановили:
7 ноября. 1. Доклад Фридмана о попытке захватить Гос. Банк.	Принято к сведению.
2. Представление мин-ва финансов о выдаче ссуды Гор. Общ. Упр. в 7.500.000 руб.	Принято (постановление).
3. Доклад Прокоповича о положении продовольственного дела.	Постановлено поручить мин-ву финансов, мин-ву продовольствия и мин-ву торговли и промышленности по топливу и металлам, мин-ву путей сообщения и военному мин-ву составить краткие записки о положении продовольствия, финансов, снабжения топливом и металлами, снабжения армии и транспорта.
4. Доклад тов. мин. торговли и пром. об отпуске в ссуду 4.800.000 руб. для разработки сланцев под Петроградом.	Отложить до выяснения.
5. Предложение Г. Д. Скарятина об опубликовании данных предварительного следствия о большевиках.	Поручить Г. Д. Скарятину составить записку.
9 ноября. 1. Доклад Толстого о положении в ставке: отстранение Духонина, назначение Крыленко верх. главноком., воззвание общеармейского комитета к армии об образовании правительства (рекомендация Чернова).	Принято к сведению.
2. Доклад Константинова и Голубкова о попытках вмешательства комиссаров Елизарова и Коллонтай в дела ведомств.	Принято к сведению.
3. Сообщение Прокоповича об отставке Керенского.	Освободить Керенского и поручить Прокоповичу исп. обяз. министра-председателя с оставлением министром продовольствия.
4. Предложение Прокоповича о посылке представителей Временного Правительства в ставку.	Послать двух представителей, поручив им информировать Врем. Пр-во и высказаться против образования нового правительства в ставке, против однородного социалистического министерства с участием большевиков и за однородное социалистическое правительство без большевиков.
10 ноября. 1. Доклад Хрущова и Фридмана о попытках захватить Гос. Банк.	Принять к сведению и широко огласить воззвание мин-ва финансов о деятельности ведомства со времени мятежа.

2. О порядке хранения казенных средств.	Предложить всем ведомствам хранить свободные средства в Гос. Банке.
3. Об организации осведомления столичной и провинциальной печати.	Поручить С. Н. Салтыкову организовать осведомление Петроградской, Московской и провинциальной печати.
4. Доклад Прокоповича о событиях в Москве.	Одобрить решение об отказе переноса в Москву Врем. Прав-ва.
5. Доклад Прокоповича об отказе посылки делегации в ставку.	Отменить посылку представителей Врем. Пр-ва в ставку.
11 ноября. 1. Обсуждение с участием представителей Союза Союзов служащих вопроса о забастовке чиновников.	Высказаны пожелания: 1) продолжать забастовку, 2) предоставить мин-ву финансов возбудить вопрос перед забастовочным комитетом о начале занятий в некоторых отделах мин-ва финансов, 3) срок забастовки предоставить определить Союзу Союзов, 4) информировать Врем. Пр-во о ходе забастовки.
2. Сообщение Толстого о положении в ставке верх. главнокомандующего.	Принято к сведению.
3. Предложение исп. обяз. министра-председателя о необходимости следить за печатаемыми в газетах договорами и помещать опровержения.	Поручить это Нератову.
4. Доклад Башкирова о положении продовольствия.	Поручить мин-ву продовольствия через газеты и плакаты опровергнуть обвинения на бездеятельность министерства.
5. Предложение Прокоповича о необходимости ассигнования средств на агитацию против большевиков.	Поручить министру юстиции Малянтовичу с чинами мин-ва юстиции и Сената выяснить вопрос о порядке отпуска средств из казны.
6. Доклад тов. морск. министра Кукеля об отставке Вердеревского.	Отставку принять.
7. Записка Г. Д. Скарятина о данных предварительного следствия о большевиках.	Записку не опубликовывать.
13 ноября. 1. Доклад Фридмана о положении в Гос. Банке и Гос. Казначействе.	Принято к сведению.
2. Доклад Н. Н. Шнитникова об отпуске из Вернинского отделения Гос. Банка 10 милл. руб. серебра для покупки продовольствия для Туркестана в Китае.	Поручить управляющему мин-вом финансов выяснить вопрос и снестись через Харбин с Пекинскими властями.
3. Доклад Орлова о положении в Донецком бассейне.	Принято к сведению.
4. Ходатайство Комитета спасения родины и революции об отпуске 3.000.000 руб.	Ходатайство отклонить.
5. Представление мин-ва путей сообщения об отпуске 431.850 руб. на преобразование технических железнодорожн. училищ.	Принято (постановление).
6. Об отпуске Особому Совещанию по топливу 10 милл. руб. на заготовку дров.	Принято (постановление).
14 ноября. 1. Доклад Фридмана: а) о захвате Гос. Банка и Гос. Казначейства, б) о поступившем ходатайстве об отпуске 200 ведер спирта на изготовление лекарств.	а) Принято к сведению. б) отклонить.

2. Доклад Фридмана об изъятии постановления об увеличении эмиссионного права Гос. Банка.	Считать состоявшееся постановление недействительным.
3. Доклад Н. Н. Авинова о ходе выборов в Учредительное Собрание.	Принято к сведению.
4. Предложение Прокоповича об обращении к стране с воззванием по поводу происходящих событий.	Поручить П. Н. Малянтовичу и А. С. Орлову составить текст воззвания.
5. Доклад Авинова об указе о созыве Учр. Собрания.	Поручить Н. Н. Авинову представить проект указа с объяснением о замедлении выборов вследствие мятежа.
6. Доклад Авинова о необходимости организовать канцелярию Учр. Собрания.	Поручить Всеросс. Комиссии по выборам в Учр. Собрание организовать канцелярию Учр. Собрания, предоставить председателю Комиссии право назначения должностных лиц.
7. О командировке Орлова в Донецкий бассейн.	Командировать.
15 ноября. 1. Доклад кн. Шаховского и Е. Д. Кусковой о положении в Москве и провинции.	Принято к сведению.
2. Проект воззвания, составленный А. С. Орловым и П. Н. Малянтовичем.	Образовать комиссию из Малянтовича, Орлова, кн. Шаховского и Кусковой для выработки окончательной редакции.
3. Доклад Константинова о положении в министерстве путей сообщения.	Принято к сведению.
4. Доклад Фридмана о закрытии Государственного и частных банков, о необходимости обеспечить выдачу жалования служащим.	Поручить управляющему министерством финансов по соглашению с Гос. Контролером обсудить вопрос о способах выдачи жалования служащим.
5 Ходатайство министерства земледелия об отпуске 4.500.000 руб. на сельско-хозяйственную перепись.	Отклонить.

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Официальные журналы заседания Временного Правительства.

Журнал

Заседания Временного Правительства 2 ноября 1917 г.

Присутствовали: председатель—министр внутренних дел А. М. Никитин, министр труда К. А. Гвоздев и управляющие министерствами — финансов тов. мин. М. И. Фридман, юстиции— тов. мин. А. А. Демьянов, торговли и промышленности — тов. мин. В. И. Массальский, морского — тов. мин. С. А. Кукель, путей сообщения — тов. мин. В. К. Константинов, призрения — тов. мин. К. Гр. Голубков, продовольствия — тов. мин. В. Н. Башкиров и народного просвещения — тов. мин. Вл. Ив. Вернадский.

Слушали:	Постановили:
1. Предложение управляющего министерством финансов об увеличении эмиссионного права Государственного Банка на сумму один миллиард рублей.	1. Увеличить эмиссионное право Государственного Банка на сумму один миллиард рублей.
2. Предложение о порядке подписания указов и постановлений Временного Прави-	2. Постановления и указы Временного Правительства подписывать за министра-

тельства за время отсутствия министра-председателя и министра заместителя.

председателя министром внутренних дел и министром или управляющим подлежащего министерства.

Подписали:

Министр внутренних дел, министр почт и телеграфов **А. Никитин.**
Министр труда **Гвоздев.**
За министра юстиции **А. Демьянов.**
За министра финансов, тов. мин. **Мих. Фридман.**
За министра народного просвещения, тов. мин. **В. Вернадский.**
За министра государственного призрения **Голубков.**
Товарищ министра путей сообщения **В. Константинов.**
За министра торговли и промышленности **В. Массальский.**

Журнал

Заседания Временного Правительства 5 ноября 1917 г.

Присутствовали: председатель—министр внутренних дел А. М. Никитин, министр труда К. А. Гвоздев и управляющие министерствами: финансов — тов. мин. М. И. Фридман, юстиции — тов. мин. А. А. Демьянов, торговли и промышленности — тов. мин. В. И. Массальский, морского — тов. мин. С. А. Кукель, путей сообщения—тов. мин. В. К. Константинов, призрения — тов. мин. К. Гр. Голубков, продовольствия — тов. мин. В. Н. Башкиров и народного просвещения — тов. мин. В. Ив. Вернадский.

Слушали:

1. Предложение о замещении должностей министра председателя и министра заместителя на время отсутствия А. Ф. Керенского и А. Ив. Коновалова.

Постановили:

1. На время отсутствия министра председателя А. Ф. Керенского и министра заместителя А. Ив. Коновалова возложить исполнение обязанностей министра председателя на мин. продовольствия С. Н. Прокоповича и министра заместителя на мин. внутр. дел А. М. Никитина с оставлением их в занимаемых ими должностях.

Подписали:

Министр внутренних дел, министр почт и телеграфов **А. Никитин.**
Министр труда **Гвоздев.**
Министр финансов (нет подписи)
За министра юстиции **А. Демьянов.**
За министра госуд призрения **Голубков.**
За министра нар. просвещения **гр. С. Панина.**
Товарищ. мин. путей сообщения **Константинов.**
За министра финансов тов. министра **М. И. Фридман.**
За министра торговли и промышленности **В. Массальский.**
За государств. контролера член совета Гос. Контроля **Г. Краснов.**

Копия.

Особый журнал заседания Временного Правительства 5 ноября 1917 г.

Присутствовали: А. М. Никитин, А. В. Ливеровский, К. А. Гвоздев, В. Н. Башкиров, Н. Н. Саввин, С. Н. Салтыков, М. И. Фридман, гр. Панина, А. А. Демьянов, Г. Д. Скарятин, В. И. Массальский, В. И. Вернадский.

Слушали:	Постановили:
1. Письменное заявление министра-председателя Временного Правительства и Верховного Главнокомандующего всеми вооруженными силами Государства Российского А. Ф. Керенского от 1 ноября 1917 года, о сложении им с себя званий министра-председателя и верховного главнокомандующего и о передаче всех связанных с этими должностями прав и обязанностей в распоряжение Временного Правительства.	1. Освободить согласно заявлению министра-председателя Временного Правительства и Верховного Главнокомандующего всеми вооруженными силами Государства Российского А. Ф. Керенского от означенных должностей.
2. Предположения о замещении должности министра-председателя Временного Правительства.	2. Возложить на министра продовольствия Сергея Прокоповича исполнение обязанностей министра-председателя Временного Правительства, с оставлением его министром продовольствия.

Подлинный журнал за надлежащими подписями и скреплен помощником управляющего делами Временного Правительства.

Журнал

Заседания Временного Правительства 7 ноября 1917 года.

Присутствовали: С. Н. Прокопович, А. М. Никитин, кн. Сидамон-Эристов, Тахтамышев, В. К. Константинов, Г. Д. Скарятин, А. А. Демьянов, В. И. Массальский, С. Ф. Малявкин, Н. В. Некрасов, М. И. Фридман, С. Л. Маслов, С. Н. Салтыков, гр. С. В. Панина, К. Г. Голубков, В. Н. Башкиров, В. И. Вернадский.

Слушали:	Постановили:
Представление управляющего министерством финансов о выдаче Петроградскому Городскому Общественному Управлению ссуды в сумме $7^1/_2$ миллионов рублей на закупку дров для надобностей городских предприятий.	Отпустить из наличных средств Государственного Казначейства Петроградскому Городскому Общественному Управлению, на покрытие единовременных затрат по закупке дров для надобностей городских предприятий, семь миллионов пятьсот тысяч рублей, в виде ссуды сроком по 1 мая 1918 года, с тем, чтобы три миллиона пятьсот тысяч рублей были отпущены немедленно, а остальные четыре миллиона рублей частями до 1 января 1918 года.

Подписали:

За министра-председателя **С. Прокопович.**
Министры: внутренн. дел **А. Никитин, А. Ливеровский.**
М-р юстиции **П. Н. Малянтович.**
Труда **Гвоздев.**
Товарищи министров: **Константинов, А. Демьянов, М. И. Фридман, гр. С. Панина, В. Массальский.**
За госуд. контролера **Г. Краснов.**
За управляющего делами Временного Правительства **Э. Шольц.**

Секретно.

Журнал

заседания Временного Правительства 8 ноября 1917 года.

Присутствовали: С. Н. Прокопович, К. А. Гвоздев, С. Н. Салтыков, князь Сидамон-Эристов, В. И. Массальский, Г. Д. Скарятин, М. И. Фридман, Л. Кафенгауз, В. К. Константинов, А. В. Ливеровский, Н. В. Некрасов, А. Г. Хрущов, гр. С. В. Панина, В. И. Вернадский, Тахтамышев, К. Г. Голубков, А. А. Демьянов, А. А. Нератов и С. Л. Маслов.

Слушали:

Предложение Комитета Общественного Спасения родины и революции о желательности делегирования представителя Временного Правительства на имеющее состояться в городе Могилеве совещание общественных и политических организаций.

Постановили:

(Шестью голосами против трех, при одном воздержавшемся) воздержаться от посылки представителя Временного Правительства на имеющее состояться в городе Могилеве совещание общественных и политических организаций впредь до выяснения направления и обстановки деятельности означенного совещания.

Особый журнал заседания Временного Правительства 12 ноября 1917 г.

В заседании присутствовали: С. Н. Прокопович, А. В. Ливеровский, П. Н. Малянтович, графиня С. В. Панина, А. А. Демьянов, Г. Д. Скарятин, С. Н. Салтыков, М. И. Фридман, князь Сидамон-Эристов, В. Н. Малянтович, Л. Кафенгауз, А. А. Нератов, В. К. Константинов, Г. А. Краснов, К. Г. Голубков, В. И. Массальский, С. А. Кукель.

Заседание открыто в 5 часов.

Слушали:

представление министерства государственного призрения о временной передаче местных учреждений социальной помощи населению на попечение земских и городских общественных управлений.

Постановили:

Предоставить управляющему министерством государственного призрения войти в сношения с земскими и городскими общественными управлениями на предмет временной передачи находящихся в ведении названного министерства местных учреждений социальной помощи населению на попечение земских и городских общественных управлений.

За министра-председателя **С. Прокопович.**

Министры: путей сообщения **А. Ливеровский.**

юстиции **П. Н. Малянтович.**

Товарищи министров: **гр. С. Панина, А. Нератов, К. Голубков, Салтыков, В. Массальский, Г. Краснов, Константинов, Л. Кафенгауз, Скарятин.**

За управляющего делами Временного Правительства **Э. Шольц.**

Журнал

заседания Временного Правительства 13 ноября 1917 г.

Слушали:

Представление министерства путей сообщения об отпуске сверхсметным порядком четырехсот тридцати одной тысячи восьмисот пятидесяти рублей на осуществление преобразования существующих технических училищ низшего типа в средние.

Постановили:

Отпустить министерству путей сообщения за счет остатков по общей росписи на 1917 год четыреста тридцать одну тысячу восемьсот пятьдесят рублей на осуществление мероприятий министерства по преобразованию специальных училищ ведомства.

Подписали:

За министра-председателя **С. Прокопович.**
М-р юстиции **П. Н. Малянтович.**
М-р путей сообщения **С. А. Ливеровский.**
За мин. финансов **М. И. Фридман.**
За министра торговли и промышленности **В. Массальский.**
За министра иностранных дел **А. Нератов.**
За государственного контролера **Г. Краснов.**
Тов. мин. путей сообщения **Константинов.**
За управляющего делами Временного Правительства **З. Шольц.**

Журнал

заседания Временного Правительства 14 ноября 1917 года.

Присутствовали: С. Н. Прокопович, А. В. Ливеровский, П. Н. Малянтович, В. К. Константинов, А. С. Орлов, гр. С. В. Панина, В. И. Массальский, К. Г. Голубков, Н. В. Некрасов, М. И. Фридман, С. Н. Салтыков, А. А. Нератов, Л. Б. Кафенгауз и Г. Д. Скарятин.

Слушали:

1. Представление временно-управляющего морским министерством о распространении на чинов флота и морского ведомства положения об единовременных пособиях.

2. Представление временно-управляющего морским министерством об отпуске средств на установление новых правил оплаты труда вольнонаемных служащих морского ведомства.

Постановили:

1. Издать нижеследующее постановление: «Распространить на чинов флота и морского ведомства (за исключением чинов Архангельского и Беломорского района) постановление Временного Правительства о выдаче чинам армии и военного ведомства единовременных пособий в двести рублей холостым и в триста рублей семейным.

2. Издать нижеследующее постановление:

I. Предоставить морскому министерству относить на счет чрезвычайных сверхсметных кредитов, открываемых морскому министерству на потребности военного времени, новый расход, вызываемый введением в действие новых правил оплаты труда вольнонаемных служащих береговых учреждений и заведений морского ведомства.

II. Меру, указанную в отделе I, ввести в действие с 1 июля сего года на время войны, но не долее установления общих правил оплаты труда вольнонаемных служащих правительственных учреждений и заведений.

III. Выдачи, произведенные с разрешения помощника морского министра в счет увеличенной платы вольнонаемных служащих ведомства, признать действительным расходом казны.

ПРИЛОЖЕНИЕ III.

Особый журнал заседания Временного Правительства 17 августа 1917 г. № 157 а.

В заседании участвовали: заместитель министра-председателя, министр финансов Н. В. Некрасов, министр торговли и промышленности С. Н. Прокопович, министр почт и телеграфов А. М. Никитин, министр труда М. А. Скобелев, министр государственного призрения И. Н. Ефремов, министр юстиции А. С. Зарудный, министр внутренних дел Н. Д. Авксентьев, министр иностранных дел М. И. Терещенко, министр продовольствия А. В. Пешехонов, министр народного просвещения С. Ф. Ольденбург, министр путей сообщения П. П. Юренев, управляющий министерством финансов М. В. Бернацкий, управляющий морским министерством В. И. Лебедев, помощник военного министра генерал-майор Г. А. Якубович, товарищ министра земледелия П. А. Вихляев.

В заседании присутствовали: государственный контролер Ф. Ф. Кокошкин и председатель юридического совещания при Временном Правительстве Н. И. Лазаревский.

Заседание открыто в 22 час.

Слушали устное предложение заместителя министра-председателя об установлении порядка присутствования в заседаниях Временного Правительства в различных составах.

Постановили: издать нижеследующее постановление.

1. В деловых заседаниях Временного Правительства участвуют, кроме министров, также товарищи министров: в случае отсутствия кого-либо из министров, замещающие их товарищи пользуются правом решающего голоса. В заседаниях могут присутствовать, кроме чинов канцелярии Временнаго Правительства, секретари министров и другие чины ведомств с разрешения министра-председателя или его заместителя.

2. В политических заседаниях участвуют, кроме министров, управляющие и временно-управляющие министерствами с решающим голосом в отсутствии соответствующих министров, а также особо приглашаемые лица. В заседании присутствуют: управляющий делами Временного Правительства и его помощники, один из начальников отделений, представитель Юридического совещания при Временном Правительстве, директор Петроградского телеграфного агентства и начальник кабинета министра иностранных дел.

3. В закрытых заседаниях Временного Правительства участвуют члены Временного Правительства, управляющие министерствами военным, морским и финансов и особо приглашаемые лица. В закрытых заседаниях присутствует управляющий делами Временного Правительства или один из его помощников.

Подписали: заместитель министра-председателя **Н. Некрасов.**

Министры: торговли и промышленности **С. Прокопович.**
почт и телеграфов (нет подписи).
за труда **К. Гвоздев.**
за государственного призрения **К. Голубков.**
за юстиции **Скарятин.**
за внутренних дел **Салтыков.**
за иностранных дел **Нератов.**
продовольствия (нет подписи).
за народного просвещения гр. **С. Панина.**
за путей сообщения **Ливеровский.**
управляющий министерством финансов, управляющий морским министерством, помощник военного министра, товарища министра земледелия } нет подписи.

За управляющего делами Временного Правительства **Э. Шольц.**

ПРИЛОЖЕНИЕ IV.

Ходатайство объединенного комитета демократических организаций по обороне о субсидии.

Петроград, 8 ноября 1917.

Объединенный
Комитет
демократических организаций
по обороне.
№
Литейный, 21.
Адрес для телеграмм:
Петроград ЦИКСОВДЕП Ком. Обороны.

Временному Правительству.

Объединенный Комитет демократических организаций по Обороне, созданный по инициативе Центр. Исп. Комитета С. Р. и С.-Д. и Исп. Ком. Вс. Совета Кр. Деп., начал свою работу в конце августа.

Несмотря на ряд неблагоприятных условий (выступление Корнилова, затяжной кризис власти и проч.), Комитет развил значительную деятельность. Им выпущено около 2 милл. воззваний, получивших широкое распространение.

В течение одной недели, предшествовавшей большевистскому мятежу, было устроено в Петрограде 46 митингов на тему: «Воевать или сдаваться». Была развита огромная работа по подготовке дней сбора теплого белья для армии.

Предполагалось произвести этот сбор 29, 30 и 31 окт. , но пришлось отложить его из-за выступления большевиков. На 12 — 19 ноября предполагалось устроить по всей городской России неделю «Займа Свободы», а 19 — 25 ноября — в сельской России. Через Петроградское телеграфное агентство были распространены по всей России воззвания, пропагандирующие «Заем Свободы», был организован Центр. Ком. по распространению «Займа Свободы», был устроен ряд подготовительных организационных собраний.

В состав Комитета вошли помимо вышеуказанных организаций: городские самоуправления Петрограда и Москвы, Центральные учреждения кооперативов, Вс. проф. союзы банковских и конторских служащих, железно-дорожный и почтово-телеграфный союзы и целый ряд других общественных организаций.

Председателем Комитета состоит, ныне отсутствующий из Петрограда, Н. С. Чхеидзе, а ближайшее участие в его работах принимают члены ЦИК Временного Совета Российской Республики и Комитета Спасения Родины и Революции Б. О. Богданов и М. И. Бройдо.

Задачи обороны стоят перед Комитетом теперь во весь рост, но к ним прибавились ныне новые задачи, связанные с борьбой за восстановление революционного порядка.

Для развития всей этой работы Комитет нуждается в средствах и обращается к Временному Правительству с ходатайством об отпуске Комитету в виде субсидии трех сот тысяч рублей (300.000 р.).

Устные переговоры по этому делу возлагаются на члена Комитета Савву Павловича Михайличенко.

Управляющий делами Комитета **М. Бройдо.**
Член Комитета **С. Михайличенко.**
Секретарь (подпись).

Пометка чернилами: Отклонить **С. Прокопович.**

ПРИЛОЖЕНИЕ V.

Заявление А. М. Никитина Временному Правительству.

Во Временное Правительство.

Настоящим я вынужден еще раз заявить, что я считаю совершенно неправильной позицию, занятую правительством в заседаниях 6—9 ноября по вопросу о своей дальнейшей деятельности и по вопросу об отношении к попыткам воссоздать верховную власть в государстве. Эта позиция поведет Временное Правительство к бесславному концу и вызовет осуждение за то, что оно не сумело, на-ряду с наметившимися выходами из создавшегося положения, поставить себя в положение, достойное носителей государственной власти. Особенно тягостно для меня, что Правительство фактически не нашло возможным хотя бы морально поддержать ген. Духонина в момент, когда на него пала тяжелая ответственность перед страной — одному решать вопрос о перемирии, которое от него потребовали большевики. Благодаря занятой позиции Временное Правительство с каждым днем будет отрываться от подчиненных ему органов власти и в каждом своем заседании подрывать самую идею верховной власти, возникшей в дни Февральской революции. При таких условиях я считаю невозможным участвовать в дальнейших заседаниях Правительства. Если я не слагаю с себя полномочий, то потому, что желаю до конца разделить с Временным Правительством всю полноту его ответственности. Я уезжаю сегодня в Москву, но по первому требованию Временного Правительства приеду в Петроград, как только изменится занятая им позиция.

Министр внутренних дел **А. Никитин.**

12 ноября 1917 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ VI.

Записка А. А. Нератова о тайных договорах, опубликованных Советом Народных Комиссаров.

Можно ли считать все обнародованные Советом Комиссаров документы из Архива министерства иностранных дел подлинными и официальными.

Мне трудно на память установить тождество подлинника с текстом опубликованных документов. Но, имея доступ к архивам после отобрания у чинов министерства ключей, сотрудники Троцкого могли располагать подлинными текстами. Нужно, однако, полагать, что эти лица не вполне отдают себе отчет в том, что является дипломатическим документом. Среди обнародованных многие сопровождены подписями министров и других должностных лиц, но попали в газеты и другие без подписей и без указания времени их составления. Так, некоторые документы озаглавлены надписями: «справка», «записка» и т. д. Само собою разумеется, что они никакого официального характера не носят, и за содержание их ни министры, ни ведомство иностранных дел не ответственно. В архиве министерства несомненно хранятся и записки, представленные в свое время разными лицами, не состоявшими даже на службе по ведомству. Мне пришлось, например, впервые ознакомиться с обнародованною запискою без подписи по Румынскому вопросу, совершенно превратно освещающею возможные его решения и остающейся на ответственности автора, мне неизвестного. Все подобные записки и справки могут быть рассматриваемы разве только, как сырой материал и, очевидно, отражают только личное мнение составителя.

К ним ни ведомство, ни Правительственные учреждения никакого отношения не имеют.

ПРИЛОЖЕНИЕ VII.

Письмо К. Кирша С. Н. Прокоповичу.

Глубокоуважаемый Сергей Николаевич.

Сегодня в Осотопе было общее собрание служащих. На нем лишний раз выяснилась неустойчивость позиции служащих государственных учреждений, в этом повинно в значительной степени «неясное» поведение, неопределенная тактика группы «**исполняющей** обязанности Времен-

ного Правительства», т.-е. находящихся на свободе министров и их товарищей. А между тем как раз эта же группа, т.-е. «заместители Временного Правительства», могла бы вывести и служащих и себя из существующего ложного положения.

Для этого следовало бы:

1. Временному Правительству заявить громко, что оно продолжает свою текущую работу и работу по руководству отдельными ведомствами вне всякого влияния и вмешательства Военно-Революционного Комитета, игнорируя совершенно последний.

2. Временное Правительство, предложив служащим всех ведомств немедленно приступить к работам под руководством старых руководителей, однако с тем, что при проявлении какого бы то ни было вмешательства Военно-Революционного комитета, предъявлении ими каких бы то ни было требований и пр. занятия должны быть немедленно прерваны.

В мотивировке мог бы быть изложен взгляд Временного Правительства на существующее положение и указано, что оставшиеся на свободе члены Временного Правительства считают себя обязанными продолжать управление для доведения страны до Учредительного Собрания. Сейчас положение крайне ложное ввиду следующих соображений: забастовки государственных учреждений приносят безусловно вред стране, больший стране, чем большевикам. Если этот вред не велик, то потому, что мы открыто или тайком поддерживаем работу тех частей, которых недействие могло бы резко влиять на жизнь государства. Эта двойственность тяготит многих, ею пользуются отдельные лица для срыва забастовок в одиночку, — т.-е. отмены не сразу для всех учреждений, а в отдельности для разных учреждений. Это было бы поражением и это нужно предупредить. Или нужно всем учреждениям сразу изменить свою тактику или вовсе ее отменить.

По существу мне кажется, что работа государственных учреждений сейчас нужна, и отсутствие работы деморализует служащих.

Далее еще одно тактическое соображение. Большевики указывают, что забастовка государственных учреждений лишает «их» возможности работать «на благо народа». И это оружие будет снято.

Момент для «объявления» и проявления своей работы и власти мне кажется сейчас очень удобным. Ведь в Смольном Институте уже некому даже командовать. Пусть тут оставшиеся члены Временного Правительства и скажут, что они еще существуют и теперь начинают свою работу по направлению хозяйственной жизни страны.

Я сегодня вечером собираюсь поехать в Москву на завтрашнее заседание московского районного совещания по топливу. Вернусь к пятнице. Если завтра нужны какие-нибудь справки по Осотопу, то прошу позвонить 4—59—74 в Осотоп и спросить Классена, Викт. Эмильевича или Кирпичева, Мих. Викт.

Ваш **К. Кирш.**

8. XI. 1917.

При сем материалы к заседанию в 12 экз.

К. К.

Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г.

Записки Николая I об обстоятельствах вступления его на престол, составленные им в 1831 году для своего семейства, известны давно; ими пользовался для своей книги бар. Корф, их обильно цитировали Т. Шиман и Н. К. Шильдер; в 1907 году П. Е. Щеголев опубликовал большой отрывок из них в журнале «Былое»; но помещаемая ниже часть этих записок появляется в печати впервые.

Записки Николая I принадлежат к числу тех вышедших из придворных и правительственных кругов документов и литературных произведений, которыми создана была и пущена в обращение официальная версия истории воцарения Николая I. Версия эта стала зарождаться еще среди самих событий; несколько фраз и эффектных поз их участников—и прежде всего самого Николая —выдвигали определенное истолкование, определенные оценки происходившего; в них были даны первые выражения складывавшейся концепции, определены ее основные моменты. В ряде последующих документов, официальных и частных—в манифестах, правительственных сообщениях, служебных рапортах, в письмах и мемуарах—версия эта получила дальнейшую разработку, была детализована, углублена. Свое завершение она нашла в двух книгах, в двух монографиях, оперирующих богатым документальным материалом и построенных весьма искусно — в «Донесении Следственной Комиссии для изыскания о злоумышленных обществах», составленном Д. Н. Блудовым, и в составленном по высочайшему повелению статс-секретарем бароном Корфом сочинении—«Восшествие на престол императора Николая I». Разумеется, это были не объективные научные исследования, а политические памфлеты, имеющие задачею внушить читателю определенные взгляды и суждения.

Во всех стадиях созидания этой официальной концепции, этой официальной легенды о 14 декабря Николай I принимал личное и весьма деятельное участие. Все важнейшие официальные документы, касающиеся декабрьских событий—манифесты, указы, правительственные сообщения, акты Верховного Уголовного Суда—составлены были по его указаниям, под его руководством и прошли через его редакторскую правку. Давал он указания и при составлении «Донесения Следственной Комиссии», обсуждал черновики его с составителями. Барон Корф свою работу писал по заданиям Николая, и все варианты ее, от первоначального до окончательного, прошли через цензуру и правку Николая, который испещрял поля рукописи вставками и замечаниями.

Записки 1831 года представляют один из эпизодов того же высочайшего авторства над официальной версией истории 14 декабря. Записки распадаются на несколько частей, объединенных общим замыслом, но внешне не связанных между собой. Первая часть содержит рассказ о детстве и учебных годах Николая и Михаила Павловичей и о их поездке в действующую армию и в Париж во время похода 1814 года. Вторая, озаглавленная «О наследии после императора Александра I», повествует об объявлении Александром Николаю и его жене о переходе к ним престола и о службе Николая в должно-

сти бригадного командира. Третья часть, начинающаяся словами: «Надо было решиться»... захватывает время от 3 декабря, когда приехал в Петербург из Варшавы Михаил Павлович, до вечера 14 декабря. Наконец, печатаемая здесь четвертая часть «Записок» дает рассказ о ночи с 14 на 15 декабря и о допросах, которые производил Николай I декабристам[1]).

В соответствии с общей тенденцией официальной версии, Николай в этой главе своих воспоминаний хочет уверить читателя, что при допросах декабристов основным правилом его и его помощников было «не искать виновных, но всякому дать возможность оправдаться», в ответ на что с противной стороны он встретил черствую закоснелость и полную неспособность понять великодушного царя; таким образом читатель определенно приглашается признать за Николаем моральное превосходство над его противниками, видеть в нем гуманного владыку, ставшего волею судьбы судьею в своем собственном деле, но чуждым личной мстительности и злобы.

Приводить общеизвестные факты, чтобы напомнить, каков был подлинный характер николаевского расследования, сколько на самом деле было великодушия и искренности в следовательских приемах державного жандарма, здесь нет надобности: «собственноручные записки» сами достаточно выразительно изображают, как быстро соскакивала с него всякая игра в благородство, как сбивался он с тона и впадал в бешеную ярость, лишь только встречал со стороны своих «пленников» дух независимости, сознание собственного достоинства и верность данному слову, как непрочь он был свести при случае личные счеты, как мало останавливался его следовательский азарт даже перед явной болезнью и физическими страданиями его жертвы. В дополнение к известным по прежним источникам сценам, «Записки» дают несколько новых картин этого рода.

В моральном единоборстве с допрашиваемыми декабристами Николай нередко оказывался побежденным, и эту неприятную правду не могла закрыть ни от него самого, ни от других никакая ретушь, как бы густо ни накладывал ее в своем рассказе царственный мемуарист. Когда Николай писал свои «Записки», прошло уже шесть лет со времени процесса декабристов; из противников Николая одни тлели в залитой известкой яме на Голодае, другие засланы были в сибирские трущобы; но он не мог спокойно вспоминать сцены допросов; он раздражается, рассказывая их, и начинает браниться нехорошо и неприлично, как делают это грубые и несдержанные люди, когда чувствуют себя неправыми и морально побежденными.

Таково содержание и таков характер отрывка из «Записок» Николая I, который предлагается здесь вниманию читателя. Можно полагать, он не лишен известной цены в ряду источников по истории 14 декабря.

Подлинная рукопись «Записок» хранится во Втором Отделении б. Государственного Архива в Москве, в числе документов из бывшей библиотеки Зимнего Дворца. Она написана карандашом на больших листах плотной бумаги обычным четким и твердым почерком Николая. Здесь воспроизводится она в современной (новой) орфографии. так, вместо «перьвый» «верьхом», всюду «первый», «верхом», вместо «щастіе» — «счастие», вместо «щитав» — считав, и т. п., исправлена пунктуация и раскрыты сокращения имен и отдельных слов.

Б. Сыроечковский.

---

[1]) К нным дополнением к «Запискам» Николая I являются заметки его на полях рукописи Корфа, иногда весьма пространные. Большая часть их использована бар. Корфом в его книге и цитирована Н. К. Шильдером в его работе о Николае I.

Ночь с 14 на 15 декабря была не менее замечательна, как и прошедший день; потому для общего понятия всех обстоятельств тогдашних происшествий нужно и об ней подробно упомянуть.

Едва воротились мы из церкви, я сошел, как сказано в первой части, к расположенным перед дворцом и на дворе войскам. Тогда велел снести я сына [1]) и священнику с крестом и святой водой приказал обойти ближние биваки и окропить войска. Воротясь, я велел собраться Совету и, взяв с собой брата Михаила Павловича, пошел в собрание. Там в коротких словах я объявил настоящее положение вещей и истинную цель того бунта, который здесь принимал совершенно иной предлог, чем был настоящий; никто в Совете не подозревал сего; удивление было общее, и, прибавлю, удовольствие казалось общим, что бог избавил от видимой гибели. Против меня первым налево сидел Н. С. Мордвинов [2]). Старик слушал особенно внимательно, и тогда же выражение лица его мне показалось особенным; потом мне сие объяснилось в некоторой степени.

Когда я пришел домой, комнаты мои похожи были на Главную Квартиру в походное время. Донесения от князя Васильчикова [3]) и от Бенкендорфа [4]) одно за другим ко мне приходили. Везде сбирали разбежавшихся солдат Гренадерского полка и часть Московского. Но важнее было арестовать предводительствовавших офицеров и других лиц.

Не могу припомнить, кто первый приведен был; кажется мне — Щепин-Ростовский [5]). Он, в тогдашней полной форме и в белых панталонах, был из первых схвачен, сейчас после разбития мятежной толпы; его вели мимо верной части Московского полка, офицеры его узнали и в порыве негодования на него как увлекшего часть полка в заблуждение, они бросились на него и сорвали эполеты; ему стянули руки назад веревкой, и в таком виде он был ко мне приведен. Подозревали, что он был главное лицо бунта; но с первых его слов можно было удостовериться, что он был одно слепое орудие других и подобно солдатам завлечен был одним убеждением, что он верен императору Константину. Сколько помню, за ним приведен был Бестужев Московского полка, и от него уже узнали мы, что князь Трубецкой был назначен предводительствовать мятежем. Генерал-адъютанту графу Толю [6]) поручил я снимать допрос и записывать показания приводимых, что он исполнял, сидя на софе пред столиком, там, где теперь у наследника висит портрет императора Александра.

По первому показанию насчет Трубецкого я послал флигель-адъютанта князя Голицына [7]), что теперь генерал-губернатор Смоленский, взять его. Он жил у отца жены своей, урожденной графини Лаваль [8]). Князь Голицын не нашел его: он с утра не возвращался, и полагали, что должен быть у княгини Белосельской, тетки его жены. Князь Голицын имел приказание забрать все его бумаги, но таких не нашел: они были или скрыты или уничтожены; однако в одном из ящиков нашлась черновая бумага на оторванном листе, писанная рукою Трубецкого, особой важности; это была программа на весь ход действий мятежников на 14 число, с означением лиц участвующих и разделением обязанностей каждому. С сим князь Голицын поспешил ко мне, и тогда только многое нам объяснилось. Важный сей документ я вложил в конверт и оставил при себе, и велел ему же, князю Голицыну, непременно отыскать Трубецкого и доставить ко мне. Покуда он отправился за ним, принесли отобранные знамена у лейб-гвардии Московского, лейб-гвардии Гренадерского и Гвардейского экипажа, и вскоре потом собранные и обезоруженные пленные под конвоем лейб-гвардии Семеновского полка и эскадрона конной гвардии проведены в крепость.

Князь Голицын скоро воротился от княгини Белосельской с донесением, что там Трубецкого не застал, и что он переехал в дом австрийского посла, графа Лебцельтерна [9]), женатого на другой же сестре графини Лаваль.

Я немедленно отправил князя Голицына к управляющему министерством иностранных дел графу Нессельроду [10]) с приказанием ехать сию же минуту к графу Лебцельтерну с требованием выдачи Трубецкого, что граф Нессельроде сей час исполнил. Но граф Лебцельтерн не хотел вначале его выдавать, протестуя, что он ни в чем не виновен. Положительное настояние графа Нессельрода положило сему конец: Трубецкой был выдан князю Голицыну и им ко мне доставлен.

Призвав генерала Толя во свидетели нашего свидания, я велел ввести Трубецкого и приветствовал его сими словами:

— Вы должны быть известны об происходившем вчера. С тех пор многое объяснилось, и, к удивлению и сожалению моему, важные улики на вас существуют, что вы не только—участником заговора, но должны были им предводительствовать. Хочу вам дать возможность хоть несколько уменьшить степень вашего преступления добровольным признанием всего вам известного; тем вы дадите мне возможность пощадить вас, сколько возможно будет. Скажите, что вы знаете?

— Я невинен, я ничего не знаю,—отвечал он.

— Князь, опомнитесь и войдите в ваше положение: вы — преступник; я —ваш судья; улики на вас — положительные, ужасные и у меня в руках. Ваше отрицание не спасет вас; вы себя погубите—отвечайте, что вам известно?

— Повторяю, я не виновен; ничего я не знаю.

Показывая ему конверт, сказал я:

— В последний раз, князь, скажите, что вы знаете, ничего не скрывая, или — вы невозвратно погибли. Отвечайте!

Он еще дерзче мне ответил:

— Я уже сказал, что ничего не знаю.

— Ежели так,—возразил я, показывая ему развернутый его руки текст,—так смотрите же, что это?

Тогда он, как громом пораженный, упал к моим ногам в самом постыдном виде.

— Ступайте вон! все с вами кончено! — сказал я, и генерал Толь начал ему допрос. Он отвечал весьма долго, стараясь все затемнять, но, несмотря на то, изобличал еще больше и себя и многих других [11]).

Кажется мне, тогда же арестован и привезен ко мне Рылеев. В эту же ночь объяснилось, что многие из офицеров Кавалергардского полка, бывшие накануне в строю и даже усердно исполнявшие свой долг, были в заговоре; имена их известны по делу; их одного за другим арестовали и привозили, равно многих офицеров Гвардейского Экипажа.

В этих привозах, тяжелых свиданиях и допросах прошла вся ночь. Разумеется, что всю ночь я не только что не ложился, но даже не успел снять платье и едва на полчаса мог прилечь на софе, как был одет, но не спал. Генерал Толь всю ночь напролет не переставал допрашивать и писать. К утру мы все походили на тени и насилу могли двигаться. Так прошла эта достопамятная ночь. Упомнить, кто именно взяты были в это время, никак уже не могу, но показания пленных были столь разнообразны, пространны и сложны, что нужна была особая твердость ума, чтоб в сем хаосе не потеряться.

Моя решимость была, с начала самого,—не искать *виновных*, но дать каждому оговоренному возможность смыть с себя пятно *подозрения*. Так и исполнялось свято. Всякое лицо, на которое было одно показание, без явного участия в происшествии, под нашими глазами совершившемся, призывалось к допросу; отрицание его или недостаток улик были достаточны к немедленному его освобождению. В числе сих лиц был известный Якубович [12]); его наглая смелость отвергала всякое участие, и он был освобожден, хотя вскоре новые улики заставили его вновь и окончательно арестовать. Таким же образом лейб-гвардии конного пионерного эскадрона поручик Назимов [13]) был взят, ни в чем не сознался, и недостаток начальных улик был причиной, что, допущенный к исправлению должности, он даже 6 января был во внутреннем карауле; но несколько дней спустя был вновь изобличен и взят под арест. Между прочими показаниями было и на тогдашнего полковника лейб-гвардии Финляндского полка фон-Моллера [14]), что ныне дивизионный начальник 1-й гвардейской дивизии. 14 декабря он был дежурным по караулам и вместе со мной стоял в главной гауптвахте под воротами, когда я караул туда привел. Сперва улики на него казались важными—в знании готовившегося; доказательств не было, и я его отпустил.

За всеми, не находящимися в столице, посылались адъютанты или фельдъегери.

В числе показаний на лица, но без достаточных улик, чтоб приступить было можно даже к допросам, были таковы на Н. С. Мордвинова, сенатора Сумарокова [15]) и даже на М. М. Сперанского [16]). Подобные показания рождали сомнения и недоверчивость, весьма тягостные, и долго не могли совершенно рассеяться. Странным казалось тоже поведение покойного Карла Ивановича Бистрома [17]), и должно признаться, что оно совершенно никогда не объяснилось. Он был начальником пехоты гвардейского корпуса; брат и я были его два дивизионные подчиненные ему начальники. У генерала Бистрома был адъютантом известный князь Оболенский. Его ли влияние на своего генерала, или иные причины, но, в минуту бунта, Бистрома нигде не можно было сыскать; наконец, он пришел с лейб-гвардии Егерским полком, и хотя долг его был—сесть на коня и принять начальство над собранной пехотой, он остался пеший, в шинели перед Егерским полком и не отходил ни на шаг от оного, под предлогом, как хотел объяснить потом, что полк колебался, и он опасался, чтоб не пристал к прочим заблудшим. Ничего подобного я на лицах полка не видал, но когда полк шел еще из казарм по Гороховой на площадь, то у Каменного моста, отделенный взвод 1 карабинерной роты, состоявший почти весь из кантонистов, вдруг бросился назад, но был сейчас остановлен своим офицером поручиком Живко-Миленко-Стайковичем [18]) и приведен в порядок. Не меньше того поведение генерала Бистрома показалось столь странным и мало понятным, что он не был вместе с другими генералами гвардии назначен в генерал-адъютанты, но получил сие звание позднее.

Рано утром все было тихо в городе, и кроме продолжения розыска об скрывшихся после рассеяния бунтовавшей толпы, ничего не произошло.

Воротившиеся сами по себе солдаты в казармы из сей же толпы принялись за обычные свои занятия, искренно жалея, что невольно впали в заблуждение обманом своих офицеров. Но виновность была разная; в Московском полку ослушание и потом бунт произошли в присутствии всех старших начальников—дивизионного генерала Шеншина [19]) и полкового командира ген.-майора Фредерикса [20]) и в присутствии всех штаб-офицеров полка; два капитана отважились звать полк и успели половину полка вывесть из послушания, тяжело ранив генералов и одного полковника и отняв знамена! В лейб-Гренадерском полку было того хуже. Полк присягнул; прапорщик, вопреки полкового командира, всех штаб-офицеров и большей части обер-офицеров увлек весь полк, и полковой командир убит в виду полка, которого остановить не мог. Нашелся в полку только один капитан, князь Мещерский, который умел часть своей роты удержать в порядке. Наконец, в Гвардейском экипаже большая часть офицеров, кроме штаб-офицеров, участвовали в заговоре и тем удобнее могли обмануть ниж-

них чинов, твердо думавших, что исполняют волю присяги, следуя за ними, вопреки увещаний своих главных начальников. Но батальон сей первый пришел в порядок; огорчение людей было искреннее, и желание их заслужить прощение столь нелицемерно, что я решился, по представлению Михаила Павловича, воротить им знамя в знак забвения происшедшего накануне.

Утро было ясное; солнце ярко освещало бивакирующие войска; было около десяти или более градусов мороза. Долее держать войска под ружьем не было нужды; но, прежде роспуска их, я хотел их осмотреть и благодарить за общее усердие всех и тут же осмотреть Гвардейский экипаж и возвратить ему знамя. Часов около 10, надев в первый раз Преображенский мундир, выехал я верхом и объехал сначала войска на Дворцовой площади, потом на Адмиралтейской; тут выстроен был Гвардейский экипаж фронтом, спиной к Адмиралтейству, правый фланг к Вознесенской. Приняв честь, я в коротких словах сказал, что хочу забыть минутное заблуждение и в знак того возвращаю им знамя, а Михаилу Павловичу поручил привесть батальон к присяге, что и исполнялось, покуда я объезжал войска на Сенатской площади и на Английской набережной. Осмотр войск кончил я теми, кои стояли на Большой набережной, и после того распустил войска.

В то самое время, как я возвращался, провезли мимо меня в санях лишь только что пойманного Оболенского. Возвратясь к себе, я нашел его в той передней комнате, в которой теперь у наследника бильярд. Следив давно уже за подлыми поступками этого человека, я как будто предугадал его злые намерения и, признаюсь, с особенным удовольствием объявил ему, что не удивляюсь ничуть видеть его в теперешнем его положении пред собой, ибо давно его черную душу предугадывал. Лицо его имело зверское и подлое выражение, и общее презрение к нему сильно выражалось [21]).

Скоро после того пришли мне сказать, что в ту же комнату явился сам Александр Бестужев, прозвавшийся Марлинским. Мучимый совестью, он прибыл прямо во дворец на комендатский подъезд, в полной форме и щеголем одетый. Взошед в тогдашнюю знаменную комнату, он снял с себя саблю и, обошед весь дворец, явился вдруг к общему удивлению всех во множестве бывших в передней комнате. Я вышел в залу и велел его позвать; он с самым скромным и приличным выражением подошел ко мне и сказал:

— Преступный Александр Бестужев приносит вашему величеству свою повинную голову.

Я ему отвечал:

— Радуюсь, что вашим благородным поступком вы даете мне возможность уменьшить вашу виновность; будьте откровенны в ваших ответах и тем докажите искренность вашего раскаяния.

Много других преступников приведено в течение этого дня, и так как генералу Толю, по другим его обязанностям, не было времени про-

должать допросы, то я заменил его генералом Левашовым [22]), который с той минуты в течение всей зимы, с раннего утра до поздней ночи, безвыходно сим был занят и исполнял сию тяжелую во всех отношениях обязанность с примерным усердием, терпением и, прибавлю, отменною сметливостью, не отходя ни на минуту от данного мной направления, т.-е. не искать *виновных*, но всякому давать возможность оправдаться.

Входить во все подробности происходившего при сих допросах излишне. Упомяну только об порядке, как допросы производились; они любопытны. Всякое арестованное здесь ли, или привезенное сюда лицо доставлялось прямо на главную гауптвахту. Давалось о сем знать ко мне чрез генерала Левашова. Тогда же лицо приводили ко мне под конвоем. Дежурный флигель-адъютант доносил об том генералу Левашову, он мне, в котором бы часу ни было, даже во время обеда. Доколь жил я в комнатах, где теперь сын живет, допросы делались, как первую ночь — в гостиной. Вводили арестанта дежурные флигель-адъютанты; в комнате никого не было, кроме генерала Левашова и меня. Всегда начиналось моим увещанием говорить сущую правду, ничего не прибавляя и не скрывая, и зная вперед, что не ищут виновного, но желают искренно дать возможность оправдаться, но не усугублять своей виновности ложью или отпирательством.

Так продолжалось с первого до последнего дня. Ежели лицо было важно по участию, я лично опрашивал; малозначущих оставлял генералу Левашову; в обоих случаях после словесного допроса генерал Левашов все записывал, или давал часто им самим писать свои первоначальные признания. Когда таковые бывали готовы, генерал Левашов вновь меня призывал, или входил ко мне, и, по прочтении допроса, я писал собственноручное повеление Санкт-Петербургской крепости коменданту генералу-адъютанту Сукину о принятии арестанта и каким образом его содержать — строго ли, или секретно, или простым арестом.

Когда я перешел жить в Эрмитаж, допросы происходили в Итальянской большой зале, у печки, которая к стороне театра. Единообразие сих допросов особенного ничего не представляло: те же признания, те же обстоятельства более или менее полные. Но было несколько весьма замечательных, об которых упомяну. Таковы были Каховского, Никиты *) Муравьева, руководителя бунта Черниговского полка, Пестеля, Артамона Муравьева, Матвея Муравьева, брата Никиты, Сергея Волконского и Михайлы Орлова.

Каховский говорил смело, резко, положительно и совершенно откровенно. Причину заговора относя к нестерпимым будто притеснениям и неправосудию, старался причиной им представлять покойного императора. Смоленский помещик, он в особенности вопил на меры,

*) Николай спутал имена: он имеет в виду Сергея Ивановича Муравьева-Апостола. *Прим. Б. С.*

принятые там для устройства дороги по проселочному пути, по которому государь и императрица следовали в Таганрог, будто с неслыханными трудностями и разорением края исполненными. Но с тем вместе он был молодой человек, исполненный прямо любви к отечеству, но в самом преступном направлении.

Никита Муравьев был образец закоснелого злодея. Одаренный необыкновенным умом, получивший отличное образование, но на заграничный лад, он был во своих мыслях дерзок и самонадеян до сумасшествия, но вместе скрытен и необыкновенно тверд.

Тяжело раненый в голову, когда был взят с оружием в руках, его привезли закованного. Здесь сняли с него цепи и привели ко мне. Ослабленный от тяжкой раны и оков, он едва мог ходить. Знав его в Семеновском полку ловким офицером, я ему сказал, что мне тем тяжеле видеть старого товарища в таком горестном положении, что прежде его лично знал за офицера, которого покойный государь отличал, что теперь ему ясно должно быть, до какой степени он преступен, что — причиной несчастия многих невинных жертв, и увещал ничего не скрывать и не усугублять своей вины упорством. Он едва стоял; мы его посадили и начали допрашивать. С полной откровенностью он стал рассказывать весь план действий и связи свои. Когда он все высказал, я ему отвечал:

— Объясните мне, Муравьев, как вы, человек умный, образованный, могли хоть одну секунду до того забыться, чтоб считать ваше намерение сбыточным, а не тем, что есть — преступным злодейским сумасбродством?

Он поник голову, ничего не отвечал, но качал головой с видом, что чувствует истину, но поздно.

Когда допрос кончился, Левашов и я, мы должны были его поднять и вести под руки.

Пестель был также привезен в оковах; по особой важности его действий, его привезли и держали секретно. Сняв с него оковы, он приведен был вниз, в Эрмитажную библиотеку. Пестель был злодей во всей силе слова, без малейшей тени раскаяния, с зверским выражением и самой дерзкой смелости в запирательстве; я полагаю, что редко найдется подобный изверг.

Артамон Муравьев [23]) был не что иное как убийца, изверг без всяких других качеств, кроме дерзкого вызова на цареубийство. Подл в теперешнем положении, он валялся у меня в ногах пред всей площади!

Напротив, Матвей Муравьев, сначала увлеченный братом, но потом в полном раскаянии уже некоторое время от всех отставший, из братской любви только спутник его во время бунта и вместе с ним взятый, благородством чувств, искренним глубоким раскаянием меня глубоко тронул.

Сергей Волконский набитый дурак, таким нам всем давно известный, лжец и подлец в полном смысле, и здесь таким же себя показал. Не отвечая ни на что, стоя, как одурелый, он собой представлял

самый отвратительный образец неблагодарного злодея и глупейшего человека.

Орлов [24]) жил в отставке в Москве. С большим умом, благородной наружности — он имел привлекательный дар слова. Был флигель-адъютант при покойном императоре; им назначен был при сдаче Парижа для переговоров. Пользуясь долго особенным благорасположением покойного государя, он принадлежал к числу тех людей, которых счастие избаловало, у которых глупая надменность затмевала ум, считав, что они рождены для преобразования России. Орлову меньше всех должно было забыть, чем он был обязан своему государю, но самолюбие заглушило в нем и тень благодарности и благородства чувств. Завлеченный самолюбием, он с непостижимым легкомыслием согласился быть и сделался главой заговора, хотя вначале не столь преступного, как впоследствии. Когда же первоначальная цель общества начала исчезать и обратилась уже в совершенный замысл на все священное и цареубийство, Орлов объявил, что перестает быть членом общества, и, видимо, им более не был, хотя не прекращал связей знакомства с бывшими соумышленниками и постоянно следил и знал, что делалось у них. В Москве, женатый на дочери генерала Раевского [25]), которого одно время был начальником штаба, Орлов жил в обществе как человек привлекательный своим умом, нахальный и большой говорун. Когда пришло в Москву повеление к всенному генерал-губернатору князю Голицыну [26]) об арестовании и присылке его в Петербург, никто верить не мог, чтоб он был причастен к открывшимся злодействам. Сам он, полагаясь на свой ум и в особенности увлеченный своим самонадеянием, полагал, что ему стоить будет сказать слово, чтоб снять с себя и тень участия в деле.

Таким он явился. Быв с ним очень знаком, я его принял как старого товарища и сказал ему, посадив с собой, что мне очень больно видеть его у себя без шпаги, что, однако, участие его в заговоре нам вполне уже известно и вынудило его призвать к допросу, но не с тем, чтоб слепо верить уликам на него, но с душевным желанием, чтоб мог вполне оправдаться; что других я *допрашивал*, его же прошу, как благородного человека, старого флигель-адъютанта покойного императора *сказать* мне откровенно, что знает.

Он слушал меня с язвительной улыбкой, как бы насмехаясь надо мной, и отвечал, что ничего не знает, ибо никакого заговора не знал, не слышал, и потому и к нему принадлежать не мог; но что ежели б и знал про него, то над ним бы смеялся как над глупостию. Все это было сказано с насмешливым тоном и выражением человека, слишком высоко стоящего, чтоб иначе отвечать, как из *снисхождения*.

Дав ему договорить, я сказал ему, что он, повидимому, страшно ошибается насчет нашего обоюдного положения, что не он снисходит *отвечать мне*, а я снисхожу к нему, обращаясь не как с преступником, а как с старым товарищем, и кончил сими словами:

— Прошу вас, Михаил Федорович, не заставьте меня изменить моего с вами обращения; отвечайте моему к вам доверию и искренности.

Тут он рассмеялся еще язвительнее и сказал мне:

— Разве общество под названием «Арзамас» хотите вы узнать?

Я отвечал ему весьма хладнокровно:

— До сих пор с вами говорил старый товарищ, теперь вам приказывает ваш государь; отвечайте прямо, что вам известно.

Он прежним тоном повторил:

— Я уже сказал, что ничего не знаю и нечего мне рассказывать.

Тогда я встал и сказал генералу Левашеву:

— Вы слышали? — Принимайтесь же за ваше дело! — и — обратясь к Орлову — а между нами все кончено.

С сим я ушел и более никогда его не видел.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) *«Тогда велел я снести сына»*... Николай I имеет в виду театральную сцену, разыгранную им вечером 14 декабря, по возвращении с Сенатской площади: с сыном на руках вышел он к саперному батальону, занимавшему караул во дворце, и передал наследника на руки вызванным вперед солдатам, имевшим знаки военного ордена.

[2]) *Мордвинов, граф Николай Семенович* (1754—1845), адмирал, председатель департамента экономии Государственного Совета; известен был либеральными взглядами; в кругах декабристов был называем как один из возможных членов временного правительства, которое должно было стать у власти после переворота и созвать Собор. Он один из всех членов Верховного Суда, судившего декабристов, подал голос против смертной казни кому-либо из подсудимых.

[3]) *Васильчиков, князь Илларион Васильевич* (1774—1847), генерал-адъютант; Николай поручил ему командование войсками, ловившими мятежных солдат и офицеров в части города, примыкавшей к дворцу и Сенатской площади.

[4]) *Бенкендорф, граф Александр Христофорович* (1783—1844), генерал-адъютант; ему было поручено командование войсками, преследовавшими мятежников на Васильевском острове, куда часть их бежала через Неву.

[5]) *Щепин-Ростовский, князь Дмитрий Александрович* (1798—1859), штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка, не будучи членом тайного общества, примкнул в декабре к заговору. 14 декабря он вместе с Михаилом и Александром Бестужевыми поднял на мятеж часть своего полка и вывел восставших солдат на площадь. Он нанес тяжелые раны генералам Шеншину и Фредериксу, полковнику Хвощинскому, одному унтер-офицеру и гренадеру, пытавшимся удержать солдат. В тюрьме, по приказанию Николая, был закован в ручные железа.

[6]) *Толь, Карл Федорович* (1777—1842), генерал-адъютант; графским титулом пожалован 9 июня 1829 г.

[7]) *Голицын, князь Андрей Михайлович* (1792—1863), флигель-адъютант, позднее витебский и смоленский генерал-губернатор, тульский военный губернатор, сенатор.

[8]) *Трубецкая, княгиня Екатерина Ивановна* († 1854), жена декабриста, дочь графа Ивана Степановича Лаваль († 1843), французского эмигранта, служившего по министерству народного просвещения, позднее по министерству иностранных дел.

[9]) *Лебцельтерн, граф Людвиг* († 1854), австрийский посланник при русском дворе с 1816 по 1826 года.

[10]) *Нессельроде, граф Карл Васильевич* (1780—1862), с 1816 г. стоял во главе ведомства иностранных дел.

[11]) *Трубецкой, князь Сергей Петрович* (1791—1860), полковник лейб-гвардии Преображенского полка, дежурный штаб-офицер 4 пехотного корпуса, был прислан в Петропавловскую крепость в 10 ч. 45 м. вечера 15 декабря при собственноручной записке Николая генерал-адъют. Сукину: «Трубецкого, при сем присылаемого, посадить в Алексеевский равелин. За ним всех строже смотреть, особенно не позволять никуда ни выходить и ни с кем не видеться».

[12]) *Якубович, Александр Иванович* (1792—1845), капитан Нижегородского драгунского полка, не будучи членом тайного общества, примкнул к заговору с конца ноября 1825 г. Поведение его 14 декабря было полно противоречий и колебаний: он отговаривал Александра Бестужева от решительных действий и сам стал во главе Семеновского полка, шедшего на площадь; с площади скоро ушел, сославшись на головную боль (он на Кавказе был ранен в голову), позднее появился опять, но уже около Николая I; он заявил Николаю, что покинул мятежников, когда услышал, что они за Константина, и вызвался итти уговаривать восставших положить оружие; но, вернувшись к мятежному каре, он советовал товарищам держаться, так как Николай их боится.

[13]) *Назимов, Михаил Александрович* (1801—1888), шт.-капитан лейб-гвардии Конно-Пионерного эскадрона, член Северного Общества с 1823 года.

[14]) *Моллер, фон. Александр Федорович* (1796—1862), полковник лейб-гвардии Финляндского полка, был назван в показаниях некоторых декабристов, как член общества, вышедший, однако, из его состава, когда определилось решение поднять восстание.

[15]) *Сумароков, Павел Иванович* († 1846), сенатор, писатель, член Российской Академии.

[16]) *Сперанский*, Михаил Михайлович (1772—1839), член Государственного Совета так же, как и Н. С. Мордвинов, был называем декабристами в качестве предполагаемого члена временного правительства. Николай устроил своеобразную пытку Сперанскому, привлекши его к самому деятельному участию в суде над декабристами; именно Сперанский, по указаниям Николая, разработал распределение подсудимых по разрядам и кары для каждого разряда.

[17]) *Бистром I, Карл Иванович* (1770—1838), генерал, начальником гвардейской пехоты назначен был 3 марта 1825 года.

[18]) *Живко-Миленко-Стайкович*, поручик лейб-гв. Егерского полка, сын сербского воеводы. В высочайшем приказе 15 декабря 1825 г. объявлена была ему высочайшая благодарность «за примерный порядок, усердие и точность в исполнении своих обязанностей»; 1 января 1826 г. за отличное усердие к службе и отличное исполнение своих обязанностей награжден орденом св. Анны 4 ст.

[19]) *Шеншин, Василий Никанорович* (1784—1831), генерал-адъютант, генерал-лейтенант, командир 1 бригады 1 гвардейской пехотной дивизии.

[20]) *Фредерикс, барон Петр Андреевич*, генерал-майор, командир лейб-гв. Московского полка.

[21]) *Оболенский I, князь Евгений Петрович* (1797—1868), поручик лейб-гвардии Финляндского полка. Нерасположение между ним и Николаем было обоюдное. «Вы не можете вообразить, что я терпел от него», — сказал Николай присутствующим генералам, когда ввели для допроса связанного Оболенского. Как бригадный командир Николай был подчинен начальнику гвардейской пехоты ген. Бистрому, старшим адъютантом которого был Оболенский, и по службе своей Оболенский мог, конечно, причинять много мелких неприятностей Николаю. Отправляя в восьмом часу вечера 14 декабря Оболенского в крепость, Николай писал генералу Сукину: «Оболенского посадить в Алексеевский равелин

под строжайший арест, без всякого сообщения — не мешает усилить наблюдение, чтобы громких разговоров не было между арестантов, буде по месту сие возможно». 25 декабря Оболенский, по распоряжению Николая, был закован в ручные железа. Повидимому, Николай в «Записках» спутал время ареста и привода к нему Оболенского.

[22]) *Левашев, Василий Васильевич* (1783—1848), генерал-адъютант, член Комиссии для изыскания о злоумышленных обществах и Верховного Суда.

[23]) *Муравьев, Артамон Захарович* (1794—1846), полковник, командир Ахтырского гусарского полка. После личного допроса Николаем I 17 января 1826 г. Муравьев был возвращен в крепость при записке ген. Сукину: «Прилагаемого злодея Муравьева Артамона заковать и содержать как наистрожае»; раскован Муравьев был только 30 апреля. «Злодейство» его сводилось к неоднократным и пылким изъявлениям готовности на цареубийство и восстание; однако, на деле, во время восстания Черниговского полка, он не только не примкнул к С. Муравьеву-Апостолу, но и отказал ему в каком бы то ни было содействии. Несмотря на унизительные просьбы о помиловании, Артамон Муравьев все же до конца следствия не открыл никаких подробностей заговора и сознался только после очных ставок. Не это ли раздражало главным образом Николая?

[24]) *Орлов, Михаил Федорович* (1788—1842), генерал-майор. Благодаря положению Орлова в обществе и заступничеству брата своего, ген.-адъютанта Алексея Федоровича, чрезвычайно близкого к Николаю I, и приговор в отношении его был очень мягкий (исключение со службы и ссылка под надзор в деревню), и содержался он в крепости льготно; 29 декабря Николай писал ген. Сукину: «Генерал-майору Орлову дать видеться с братом Алексеем и перевести на офицерскую квартиру, дав свободу выходить, прохаживаться и писать, что хочет, но не выходя из крепости».

[25]) *Раевский, Николай Николаевич*, генерал, герой двенадцатого года. Два его сына, Александр и Николай, привлекались по делу декабристов, но были освобождены; дочь его Мария Николаевна была замужем за декабристом С. Г. Волконским, а Екатерина Николаевна — за М. Ф. Орловым.

[26]) *Голицын, князь Дмитрий Владимирович* (1771—1844), член Государственного Совета, московский военный генерал-губернатор. См. в № V «Красного Архива» переписку Николая с ним, в которой говорится и об аресте М. Ф. Орлова.

Три письма Л. Н. Толстого к декабристу П. Н. Свистунову.

Печатаемые здесь письма Л. Н. Толстого входят в состав хранящегося в Государственном Архиве РСФСР собрания адресованных декабристу П. Н. Свистунову писем декабристов и близких им лиц. Они относятся к тому периоду в конце семидесятых годов прошлого века, когда Толстой, по окончании «Анны Карениной», занят был работою над романом «Декабристы».

Декабристы и их эпоха впервые привлекли к себе внимание Толстого еще в шестидесятых годах, после окончания «Казаков». Повидимому, в последние месяцы 1863 года он «начал писать повесть с известным направлением и героем, который должен был быть декабрист, возвращающийся с семейством в Россию» [1]). Однако, написав три главы, повествующие о возвращении в 1856 году из Сибири Петра Ивановича Лабазова (Пьера Безухова), Толстой переходит к предшествующему периоду жизни своего героя—к 1825 году; но на этой эпохе он задерживается еще меньше и, не сделав ни одного наброска из времени 14 декабря, отступает еще назад, ко времени двенадцатого года, а затем и далее — к 1805 году. В феврале и марте 1864 года он просил еще тетку свою, фрейлину гр. А. А. Толстую, присылать «мемуары и письма 1812 года», а в ноябре того же года первая часть романа «1805 год» уже продана Каткову для «Русского Вестника». Так произошел переход от «Декабристов» к «Войне и Миру». В последней части этого романа, как известно, Пьер Безухов в 1820 году—уже член Союза Благоденствия или накануне вступления в него; но здесь, на пороге роковой эпохи его жизни, автор и оставляет своего героя.

Вновь к сюжету о декабристах Толстой вернулся уже после окончания «Анны Карениной». Планы нового романа намечались еще в последние месяцы работы над «Анной Карениной» В январе 1876 года Софья Андреевна Толстая пишет сестре, что Лев Николаевич «собирается писать что-то историческое из времен Николая Павловича и теперь читает много материалов». Весною 1877 года «Анна Каренина» закончена, и записная книжка Толстого быстро заполняется различными заметками, записями, набросками под общим заглавием: «К следующему после «Анны Карениной»» [2]).

Вскоре новая работа окончательно определяется как роман из эпохи декабристов, и в качестве возможного прототипа для центральной фигуры его намечается оренбургский военный губернатор николаевской эпохи, граф В. А. Перовский, при чем его тяже-

---

[1]) См. набросок предисловия к первой части «Войны и Мира» в статье А. Е. Грузинского. «Первый период работ над «Войной и Миром»», «Голос Минувшего» 1923 г., № 1, стр. 92 и сл.

[2]) П. Бирюков. «Л. Н. Толстой». Биография, т. II. М. 1908, стр. 266.

лый, грубый образ должен был оттенять собою тонкие характеры декабристов и других персонажей [1]). В 1878 году Л. Н. просит гр. А. А. Толстую, которая хорошо знала Перовского, сообщить о нем сведения и получить для Толстого у родных Перовского разрешение ознакомиться с его бумагами и письмами. «У меня давно,—пишет он,—бродит в голове план сочинения, местом которого должен быть Оренбургский край, а время—Перовского... Все, что касается В. А. Перовского, мне ужасно интересно,—и должен вам сказать, что это лицо, как историческое лицо и характер, мне очень симпатично» [2]). Перовский рисуется Толстому как «фигура—одна, напоминающая картину. Биография его была бы груба; но с другими, противоположными ему, тонкими, мелкой работы, нежными характерами, как, например, Жуковский.... а главное, с декабристами,—эта крупная фигура, составляющая тень (оттенок) к Николаю Павловичу, самой крупной и à grands traits фигуры,—выражает вполне то время» [3]).

Намечались и другие подходы к сюжету. Один мы имеем в двух новых набросках начала романа, написанных в 1878 году и включенных С. А. Толстой в собрание сочинений Льва Николаевича. Здесь действие отнесено уже к эпохе Александра I, именно к 1817 году; в обоих набросках противопоставляются друг другу два мира—барский и крестьянский, при чем в первом отрывке отразились также и религиозные интересы, характерные для Толстого в конце семидесятых годов. Другой подход, намечавшийся лишь в предположительном замысле, можно угадать по вопросам, какие задает Толстой П. Н. Свистунову в третьем из печатаемых ниже писем об Уварове, Лунине и каком-нибудь бежавшем и исчезнувшем декабристе; вопросы эти вскрывают поиски какой-нибудь занимательной и драматической завязки.

Работа над романом глубоко захватила Толстого, как пишет об этом он и А. А. Толстой и П. Н. Свистунову, но увлечение скоро миновало, и дальше двух упомянутых набросков начала романа дело, повидимому, не пошло. Надвинувшийся религиозный кризис всецело овладел Толстым и отодвинул на время всякую художественную работу.

Впрочем, кроме этой общей причины, прекращение работы над «Декабристами» имело и другие специальные причины. Одна—характера внешнего: Толстой не получил доступа к нужным архивным материалам; другая—более глубокая и, надо полагать, основная, заключалась в том, что Толстой по самому существу своего мировоззрения, ни в шестидесятых, ни в семидесятых годах, ни позднее не мог найти в себе полного сочувствия тому, что было главным в истории декабристов—их заговору и восстанию. Стоит отметить, что оба раза—и в 1863 г., и в 1878—он обходит в работе над романом решительную для его героев эпоху 1825 года, останавливаясь на времени или более раннем, или более позднем. В упомянутом наброске предисловия к первой части «1805 года», написанном в 1863 году, 1825 год он называет «эпохой несчастий и заблуждений (своего) героя» [4]); а отношение Толстого к революционной попытке декабристов в семидесятых

---

[1]) Перовский, граф Василий Алексеевич (1794—1857), генерал-адъютант, участник Бородинской битвы, попавший в плен к французам. В турецкую войну 1828 г. был тяжко ранен и вышел из военной службы. Был оренбургским военным губернатором с 1833 по 1842 г. и позднее с 1851 по 1856 г.

[2]) Ив. Захарьин (Якушин). «Графиня А. А. Толстая». «Вестник Европы», 1904 г. № 6, стр. 446—447.

[3]) Там же другое письмо Л. Н. Толстого того же 1878 года.

[4]) Названная выше ст. А. Е. Грузинского в «Голосе Минувшего» за 1923 г. № 1, стр. 93.

годах можно видеть из письма его к А. А. Фету от 17 апреля 1879 года, когда работа над романом была уже оставлена. «Декабристы мои бог знает где теперь, я о них и не думаю; а если бы и думал и писал, то льщу себя надеждою, что мой дух один, которым пахло бы, был бы невыносим для стрелявших в людей для блага человечества»—и, переходя к суждению о современном революционном движении, он продолжает: «Как правы мужики и вы, что стреляют господа, и хоть не за то, что отняли, а потому, что отняли мужиков» [1]). Толстой, по словам П. И. Бирюкова, пришел в это время к заключению, что движение декабристов было не вполне народное русское [2]), и оно потеряло в его глазах прежний интерес. В самом деле к эпохе Александра I и Николая I он возвращался в своей художественной работе и позднее, но темы о декабристах больше не касался никогда.

Однако в 1878 году Толстой, как он сам говорит об этом, был глубоко захвачен работой над новым романом и усердно собирал для него материалы. Он читает мемуары и общие сочинения по эпохе декабристов, занимается в архивах, в Румянцевском Музее и в Публичной Библиотеке, наводит справки у редакторов «Русского Архива» П. И. Бартенева и «Русской Старины» М. И. Семевского. Будучи в марте 1878 года в Петербурге по делу о покупке имения в Самарской губернии, он осматривает казематы декабристов в Петропавловской крепости. Но прежде всего Толстой ищет личного общения и бесед с оставшимися еще в живых декабристами. Он возобновляет свои старые знакомства с ними, заводит новые.

Из декабристов Толстой был знаком с М. И. Пущиным (умер в 1869 г.), с Д. И. Завалишиным, А. П. Беляевым, П. Н. Свистуновым. Во время упомянутой поездки в Петербург в марте 1878 года он задержался на два дня в Москве и оба дня заходил к декабристам Свистунову и Беляеву; во второй раз он «просидел (у Свистунова)... 4 часа, слушая прелестные рассказы его и... Беляева». Побывал он и у Софьи Никитичны Бибиковой, дочери Никиты Михайловича Муравьева, которая «пропасть рассказывала и показывала». В Петербурге Толстой был у дочери Рылеева, по мужу Пущиной, и услыхал от нее «много интересного» [3]). Расставаясь с П.Н. Свистуновым, Л. Н. просил разрешения делать ему о декабристах и письменные вопросы. Печатаемые здесь три письма Толстого к Свистунову относятся именно ко времени после этой поездки 1878 года в Москву и Петербург и являются продолжением бесед, которые имели место в Москве при личных встречах. Из Москвы Толстой, по его словам в письме к тетке, «привез целую кучу материалов» для романа [4]); и первое из печатаемых писем к Свистунову написано, повидимому, вскоре по приезде, вероятно в апреле, под свежим впечатлением только что прочитанных документов. Второе—помечено 19 мая; третье, как видно из его текста, написано 25 декабря того же года.

Письма интересны и по указаниям на ход работы Толстого над романом «Декабристы», и как материал для характеристики отношений его к бывшим участникам восстания 14 декабря и их времени. Они писаны на листках почтовой бумаги обычного формата; сорт бумаги третьего письма иной, чем двух первых. На первом и третьем есть карандашные пометки П. Н. Свистунова: «répondu».

Б. Сыроечковский.

---

[1]) Письма Л. Н. Толстого, собранные и редактированные П. А. Сергеенко. Москва, 1910, стр. 133.

[2]) П. И. Бирюков, назв. соч., стр. 269.

[3]) «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене». Второе издание. М. 1915 г., стр. 114—117.

[4]) «Вестник Европы». 1904 г. № 6, стр. 446.

Письма Л. Н. Толстого к П. Н. Свистунову.

I.

Пометка Свистунова: répondu.

Многоуважаемый Петр Николаевич [1]).

Посылаю обратно письма Фон-Визина [2]) и замечания его жены [3]). И то, и другое очень мне было интересно. Письма надо бы было переписать. Они сотрутся скоро.

Pascal'я [4]) не посылаю, потому что у меня не Faugèr'a изданіе, а еще более новое Louandre, сделанное по Faugèr'y. Кроме того, я взялся сличать оба издания, и оно мне нужно. — Если вам угодно,— я пришлю.

Насчет исповеди, о которой вы мне говорили, я повторяю мою просьбу—дать мне ее. Простите меня за самонадеянность, но я убежден, что эту рукопись надо беречь только для того, чтобы я мог прочесть ее; въ противном же случае, ее надо непременно сжечь. Тысячу раз благодарю вас за вашу ласку ко мне и снисходительность; вы не поверите какое всегда сильное и хорошее впечатление оставляет во мне каждое свидание с вами.

От всей души желаю вам здоровья и душевного спокойствия и прошу верить глубокому уважению и преданности

вашего *Гр. Л. Толстого.*

P. S. Тетрадь замечаний Фон-Визиной я вчера прочитал невнимательно и хотел уже было ее отослать, полагая, что я все понял, но, начав нынче опять читать ее, я был поражен высотою и глубиною этой души. Теперь она уже не интересует меня как только характеристика известной очень высоко нравственной личности, но как прелестное выражение духовной жизни замечательной русской женщины, и я хочу еще внимательнее и несколько раз прочитать ее. Пожалуйста, сообщите мнѣ, какъ долго могу я продержать эту рукопись, или могу ли переписать ее?

Л. Толстой.

[Апрель 1878 г.].

2.

Многоуважаемый Петр Николаевич.

Посылаю вам тетрадь Фон-Визиной и рукопись перевода Паскаля [5]). Просмотрев внимательно перевод, я убедился, что его не следует печатать. Во-первых, издание старое много отступает от нового, и дополнение неудобно. Во-вторых, перевод не вполне хорош, и, в-третьих, очень многого недостает: едва ли не самые замечательные статьи пропущены. Восстановить все это по переводу Бобр. Пушкина [6]) составит гораздо больший труд, чем новый перевод.

Пожалуйста, извините меня, если я утрудил вас чем-нибудь, затеяв это дело, и поверьте, что если отрываюсь от него, то с большим сожалением. Я же был очень рад случаю перечесть еще раз Паскаля. Я не знаю ничего, равного ему в этом роде. Издание Louandre я пришлю вам на-днях и, так же, как и эту посылку, с доставкой на дом. Я теперь не посылаю его потому, что мой сын, 15-летний мальчик [7]), впился в эту книгу, и я не хочу отнять у него, так как это увлеченье его для меня в высшей степени радостно.

Желая вам здоровья и спокойствия душевного и, как всегда, когда я о вас думаю, благодаря вас за ваше доброе расположение ко мне, остаюсь глубоко уважающий вас

Гр. Л. Толстой.

19 мая [1878 г.],

3.

Пометка Свистунова: répondu.

Многоуважаемый Петр Николаевич.

Я перед вами кругом виноват, во-первых, за то, что, бывши в Москве, не выгадал время заехать к вам еще раз, а во-вторых, за то, что так долго не прислал вам книгу Vinet [8]), о которой вы мне напомнили.

Извинить меня можно только потому, что я, вернувшись из Москвы, куда я и поехал не совсем здоровый, заболел и только нынче, в день Рождества, опомнился и почувствовал себя лучше. Пожалуйста же, не сердитесь на меня, в особенности во внимание того уважения, которого *) я имею вообще к людям вашего времени и в особенности к вам, расположением которого я так желал бы пользоваться.

Начинаю с того, что поздравляю вас с праздником и новым годом, желая вам здоровья и продолжения того душевного спокойствия, в котором я всегда видел вас.

Работа моя томит и мучает меня, и радует и приводит то в состояние восторга, то уныния и сомнения; но ни днем, ни ночью, ни

*) Так в оригинале.

больного, ни здорового, мысль о ней ни на минуту не покидает меня. Вы мне позволяли делать вам и письменные вопросы. Выбираю самые для меня важные теперь.

Что за человек был Федор Александрович Уваров [9]), женатый на Луниной? Я знаю, что он был храбрый офицер, израненный въ голову в Бородинском сражении. Но что он был за человек? Когда женился? Какое было его отношение к обществу? Как он пропал? Что за женщина была Катерина Сергеевна? Когда умерла, остались ли дети?

На какой дуэли,—с кем и за что,—Лунин, Мих. Серг. [10]) был ранен в пах?

Написав все эти вопросы, мне стало совестно. Пожалуйста, если вам скучно и некогда, ничего не отвечайте, а если ответите хоть что-нибудь, я буду очень благодарен. Если же все, что вы знаете про это, слишком длинно, то напишите—я приеду, чтобы послушать вас изустно.

Во всяком случае, поручаю себя вашему расположению и только прошу верить, что дело, которое занимает меня, для меня теперь почти так важно, как моя жизнь [11]), и еще в то, что я дорожу моими отношениями к вам столько же по той помощи, которую вы оказываете и можете оказать мне, сколько по искреннему и глубокому уважению к вашей личности.

Гр. Л. Толстой.

Не вспомнится ли вам из декабристов какое-нибудь лицо, бежавшее и исчезнувшее?

[25 декабря 1878 г.].

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. *Свистунов, Петр Николаевич* (1803—1889), один из самых блестящих офицеров в петербургском свете, был деятельным членом тайного общества. Приговором Верховного Уголовного Суда отнесен был ко второму разряду и присужден к 20 годам каторжных работ и к вечному поселению в Сибири. Срок работ был сокращен до 10 лет. По указу 14 декабря 1835 г. Свистунов был определен на поселение; вскоре ему разрешено было поступить на гражданскую службу в Губернское управление. Занимая скромные должности и состоя в маленьких чинах, П. Н. Свистунов пользовался, однако, влиянием в Тобольске. Губернаторы прислушивались к его мнениям.

По манифесту 26 августа 1856 года Свистунову было возвращено дворянство и разрешено возвратиться в Россию. Он поселился в Калуге, принимая живое участие в местной общественной жизни. В 1859 г. он избран был лихвинским дворянством в члены губернского комитета по освобождению крестьян. В шестидесятых годах был назначен членом от правительства в Калужское по крестьянским делам присутствие; был вице-президентом Губернского Статистического

Комитета; в 1862 г. преподавал французский язык в местной женской гимназии. В 1863 году Свистунов переехал в Москву.

2. *Фон-Визин, Михаил Александрович*(1788—1854), генерал-майор в отставке. Фон-Визин был членом Союза Благоденствия, но потом, выйдя в отставку, жил в имении и сохранял лишь слабые связи с обществом. Был отнесен к IV разряду и приговорен к 15 годам каторжных работ и к поселению в Сибири. За сокращением срока работ в 1832 году был обращен на поселение. В 1853 году Фон-Визину было разрешено вернуться в Россию и поселиться в с. Марьине, Бронницкого уезда Московской губ., где он и умер 30 апреля 1854 года.

3. *Фон-Визина, Наталья Дмитриевна*, урожденная Апухтина (1805—1869), жена М. А. Фон-Визина. После смерти М. А. Фон-Визина вышла замуж за И. И. Пущина. Скончалась 11 октября 1869 г. в Москве, в Покровском монастыре, куда удалилась вскоре после смерти Ив. Ив. Пущина. Это была энергичная, увлекающаяся, религиозно-настроенная женщина. Она пользовалась живою любовью в кругу декабристов. Исповедь, о которой упоминает Л. Н. Толстой,— повидимому, хорошо известная московским декабристам исповедь Н. Д. Фон-Визиной, составленная в форме писем к духовнику.

4. *Паскаль*—Pascal, Blaise (1623—1662)—математик и философ, религиозный мыслитель. Faugère и Louandre, редакторы известных изданий его «Pensées», о которых идет речь в письмах Л. Н. Толстого.

5. *Перевод Паскаля*—имеется в виду перевод «Pensées» Паскаля, выполненный декабристом П. С. Бобрищевым-Пушкиным совместно с И. И. Пущиным.

6. *Бобрищев-Пушкин, Павел Сергеевич* (1802—1865)—поручик квартирмейстерской части при штабе 2 армии, член Южного Общества. Верховным Уголовным Судом отнесен был к четвертому разряду и приговорен к 15 годам каторжных работ и вечному поселению в Сибири. В 1832 году он был обращен на поселение в Красноярск, откуда 6 декабря 1839 г. ему было разрешено перейти в Тобольск, где жил он у П. Н. Свистунова, с которым связывала его тесная дружба. 11 января 1856 г.—еще до общей амнистии—П. С. вместе с больным братом было разрешено возвратиться на родину, в Тульскую губернию. П. С. хорошо знал математику, которую одно время преподавал в Муравьевском училище для колонновожатых, много читал по философии и богословию, писал стихи и басни. Во время заключения в Читинском остроге он пережил тяжелый душевный кризис борьбы между материализмом в духе французских просветителей и христианством. Победа оказалась на стороне последнего, и всю остальную жизнь П. С. отличался глубокой и горячей религиозностью и преданностью православной церкви. Перевод Pensées Паскаля—одна из его религиозно-философских работ.

7. *Пятнадцатилетний сын Л. Н. Толстого*—Сергей Львович, родившийся 28 июня 1863 года.

8. *Vinet* автор книги Etudes sur Pascal. Paris. 1856.

9. *Уваров, Федор Александрович* (1780—1827), полковник, действительный статский советник, камергер, товарищ декабриста М. С. Лунина по Кавалергардскому полку, женатый на сестре его, Екатерине Сергеевне. Участник всех Наполеоновских войн, он проявил выдающуюся храбрость; имел много дуэлей, большею частью по совершенно ничтожным поводам; был у него поединок и с Луниным. Оставив из-за ран службу, Уваров жил в своих имениях, славился, как хороший хозяин, но и как строгий и подчас жестокий помещик.

7 января 1827 года он исчез без вести. Выйдя в этот день из своего дома в Петербурге, он назад не возвращался и пропал бесследно. Официально было признано, что он покончил с собой, утопившись в Неве; но были также толки, что он скрылся за границу или в Сибирь. Его исчезновение иные ставили в связь с невполне благовидным делом о наследстве после шурина его, декабриста М. С. Лунина, которое вели в то время он и жена его, предъявив права свои на имение Лунина, перешедшие по завещанию последнего мимо сестры к его двоюродному брату, Н. А. Лунину. Дело доходило до самого Николая I и вызвало в столичных кругах

не всегда лестные для Уваровых толки. Многие, в том числе и сама Е. С. Уварова, полагали, что Ф. А. покончил с собой, мучимый мыслью, что своим прошением на высочайшее имя о рассмотрении завещания Лунина он дал повод подозревать себя в корыстолюбии.

В недавнее время проф. К. В. Кудряшов в книге «Александр Первый и тайна Федора Кузьмича». С.П.Б. 1823 г. высказал предположение, что известный «старец Федор Кузьмич»—не кто иной, как скрывшийся в Сибирь Уваров. Это предположение, однако, далеко нельзя считать доказанным, и загадку исчезновения Уварова попрежнему надо признать столь же мало разгаданной, как и тайну Федора Кузьмича.

10. *Лунин, Михаил Сергеевич* (1783—1845), подполк. лейб-гвардии Гроднен ского гусарского полка. В молодости—блестящий офицер-кавалергард, пользовавшийся одно время особым расположением Александра I, пока не впал в немилость за смелое публичное осуждение казни правительством Людовика XVIII Нея и Лабедойера. В 1815 году Лунин, из-за дуэли, на которой был ранен, вынужден был выйти в отставку; к тому же он поссорился с отцом, и тот отказал ему в средствах, достаточных для гвардейского офицера. В 1816—1817 г. Лунин жил в Париже, в мансарде, зарабатывая составлением прошений и выполнением разных поручений для путешествовавших англичан. В это время он посещал и консервативные салоны и революционные кружки; тогда же познакомился с Сен-Симоном. В Париже Лунин от атеизма перешел к христианству, сблизился с католическими аббатами и сам принял католицизм. В эти же годы его мировоззрение принимает характер вольнолюбивый и даже бунтарский. Он мечтает ехать в Южную Америку, чтобы принять участие в тамошних революциях; бунт представляется ему «священнейшей обязанностью каждого», «гражданин вселенной»—лучшим титулом на свете. Когда после смерти отца в 1817 году Лунин возвратился в Россию, он вступил в «Союз Спасения». Но к 1822 году он отходит от тайного общества; он вновь определяется в военную службу, сначала в Литве, а потом в Варшаве при вел. кн. Константине Павловиче, который очень любил его. Лунин отнесен был ко второму разряду и приговорен к 20 годам каторжных работ и к вечному поселению в Сибири. Срок работ позднее был сокращен, и в 1836 году Лунин вышел на поселение в Урик близ Иркутска. Он сохранил непримиримую ненависть к самодержавию, и держался мнения, что «настоящее житейское поприще для декабристов только и началось в Сибири, что здесь они призваны словом и примером служить делу, которому себя посвятили». Свои письма к сестре, которые шли через Третье отделение, Лунин превратил в ряд злых и смелых памфлетов против самодержавия и его политики. Письма эти, равно как и составленный Луниным «Разбор донесения Следственной Комиссии», в копиях расходились по рукам в Сибири и в России. В 1838 году Лунину в виде наказания запрещена была на год всякая переписка, но по истечении запретного срока он возобновляет письма к сестре в прежнем духе. Неравная борьба кончилась тем, что в ночь на 27 марта 1841 года Лунин был арестован у себя в доме в Урике и сослан в ужасный Акатуевский рудник, при чем лишен был всяких льгот и, главное, книг. В Акатуе Лунин был отрезан от всего мира. Здесь он и умер скоропостижно 3 декабря 1845 года.

11. *«Дело, которое занимает меня, для меня теперь почти так важно, как моя жизнь»*... О значении, какое придавал Л. Н. Толстой в 1878 году работе над «Декабристами», он говорит также в письме к гр. А. А. Толстой: «Молюсь богу, чтобы он мне дозволил сделать хоть приблизительно то, что я хочу. Дело это для меня так важно, что, как вы ни способны понимать все, вы не можете представить, до какой степени это важно. Так важно, как важна для вас ваша вера. И еще важнее, мне бы хотелось сказать. Но важнее ничего не может быть. И оно то самое и есть».

Л. Н. Толстой и помощь голодающим.

На помощь голодающим Л. Н. Толстой, как известно, выступал три раза: в 1873 г., в 1891—1892 г.г. и в 1899 г.

Наиболее энергичным, упорным и плодотворным по своим результатам было второе выступление его в 1891—1892 г.г., когда он, по приглашению друга своего Ив. Ив. Раевского, влиятельного землевладельца в Тульской и Рязанской губернии, устроил свою главную штаб-квартиру в доме Раевского, в деревне Бегичевке, Данковского уезда, Рязанской губ.

Вокруг Толстого и Раевского дружною семьею сгруппировалась толпа молодых, бескорыстных помощников и помощниц, начиная с их детей, друзей и знакомых. В ответ на статьи и отчеты Толстого в газетах, полились щедрые пожертвования,—и дело закипело. Наиболее нуждающиеся деревни окрестных голодающих уездов покрылись сетью народных столовых, число которых доходило до 200.

От этого времени в семейном архиве Раевских сохранилось несколько интересных для характеристики Л. Н. Толстого документов, как-то: 1) ненапечатанная статья его, посвященная памяти Ив. Ив. Раевского, неожиданно умершего в самом разгаре борьбы с голодом (26 ноября 1891 г.), и 2) несколько также ненапечатанных писем Л. Н. Толстого к Ив. Ив. Раевскому, а после его смерти ко вдове его Ел. Павл. Раевской (умершей в 1904 г.) во время кратких отлучек его из своего главного штаба по борьбе с голодом.

Благодаря любезности наследников Ив. Ив. и Ел. Павловны Раевских, предоставивших эти документы в наше распоряжение, за что мы приносим им свою сердечную благодарность, мы имеем ныне возможность опубликовать эти документы.

Анатолий Александров.

I.

Памяти И. И. Раевского.

(Неизданная статья Л. Н. Толстого [1].)

Вчера, 26 ноября 1891 года, в 3 часа дня умер в своем доме, в деревне Бегичевке, Данковского уезда, Рязанской губернии, Иван Иванович Раевский.

Он умер на работе среди голодающих,—можно сказать, от сверхсильного труда, который он брал на себя. Он умер, отдав жизнь свою народу, который он горячо любил и которому служил всю свою жизнь.

Но это утверждение могло бы показаться преувеличением, фразой. А тот, о ком я пишу, больше всего в мире ненавидел всякое преувеличение и всякую фразу. Он всю жизнь свою делал, а не говорил. Он был христианином, бессознательным христианином. Он никогда не говорил про христианство, про добродетель, про самопожертвование. У него была в высшей степени черта этой встречающейся в лучших людях pudeur добра. Он как бы боялся испортить свое дело сознанием его.

Да ему и некогда было замечать, потому что не переставая делал христианские дела. Не оканчивалось еще одно, как начиналось другое дело не для себя, а для других: для семьи, для друзей, для народа, который,—повторяю еще раз, потому что это была его характерная черта,—он восторженно любил всю свою жизнь.

Последнее время, которое я провел с ним, эта любовь выражалась страстной, лихорадочной деятельностью. Все силы своей души и могучего организма и все свое время он отдавал на работу по прокормлению голодающего народа, и умер не только на этой работе, но прямо от этой сверхсильной работы, отдав свою жизнь за друзей своих. А такими друзьями его были все русские крестьяне. И это—не красивая фраза, которую говорят обыкновенно о мертвых, а несомненный факт. С утра до вечера он работал с одной этой целью: по прокормлению народа.

Работа его может показаться не трудной и не убийственной: он писал письма, закупал хлеб, сносился с земскими управами, попечителями, нанимал, рассчитывал возчиков хлеба, делал опыты печенья хлеба с различными суррогатами, помогал нам в устройстве столовых, приглашал людей на помощь, устраивал для них удобства, делал учеты,

ездил в земские собрания, уездные и губернские, ездил в собрания попечителей по Данковскому и Епифанскому уездам, принимал крестьян, как попечитель по двум попечительствам, и ездил по другим попечительствам, подбодряя тех, у которых он знал дело не идет, и сам лично помогал, как частный человек, тем крестьянам, которые обращались к нему.

Дела эти кажутся не трудными и не убийственными для тех, кому не дорог, не важен успех дела,—но для него это всегда было вопросом жизни и смерти. Он видел опасность положения и, не переставая, работал так, как работают люди из последних сил для спасения жизни других, не жалея своей жизни. И потому дело его спорилось и росло,—его энергия заражала других.

— Нет живые в руки не дадимся,—говорил он возвращаясь с работы или вставая от письменного стола, у которого проводил по 8, по 6 часов сряду.

— Не-ет! живые в руки не дадимся,—говорил он, потирая руки, когда ему удавалось устроить какое-нибудь хорошее дело: закупки дешево хлеба, дров, устройства хлебопеченья с картофелем, с свекольными отбросами, или закупки льна для раздачи работ бабам.

— Знаю, знаю,—говорил он,—что нехороша эта самоуверенность, но не могу. Как будто чувствую этого врага—голод, который хочет задавить нас, и хочется подбодриться. Живые в руки не дадимся!

Так он работал во всех делах; не умел работать иначе, как со страстью. От этого работа кипела у него, и от этого-то вокруг него люди работали так же энергично, заражаясь от него,—и от этого он заработался до смерти.

Физически он не знал никаких препятствий, и никаких у него не было требований: все ему было хорошо, ничего для него не было нужно и все было возможно. Ему было 56 лет,—стало быть, он был старый уже человек, но привычек, требований у него никаких не было: спать где и когда—ему было все равно,—на полу, на диване; есть ему было все хорошо—хлеб с отрубями, каша, щи, что попало,—все ему было хорошо, только насытиться, чтобы голод не мешал заниматься делом; ехать он мог по всякой дороге, во всякую погоду, в санях ли, в телеге ли.

Так он в последний раз, оторвавшись от дел, которыми был завален дома, поехал за сорок верст в Данков на земское собрание с тем, чтобы вернуться в тот же день и на другой день ехать в Тулу по закупке хлеба, но заболел, приехал больной на другой день и свалился, проболел инфлюенцей, как определил доктор, и через шесть дней умер.

Вчера, когда он уже умирал, я, проходя по деревне, сказал мужику, что Иван Иванович умирает. Мужик ахнул: «Помилуй бог!—сказал он:—что без него делать будем? Воскреситель наш был.»

Для мужика он был «воскреситель», а для нас он был тем человеком, одно знание о существовании которого придает бодрость в жизни

и уверенность в том, что мир стоит добром, а не злом: не теми людьми, которые махают на все рукой и живут как попало, а такими людьми, каков был Иван Иванович, который всю жизнь боролся со злом, которому борьба эта придавала новые силы и который беспрестанно говорил злу: «Живые в руки не дадимся!»

Это был один из самых лучших людей, которых мне приходилось встречать в моей жизни.

Отношения мои с ним были очень странны (для меня, по крайней мере).

Мне было под 30 лет, ему было с чем-то 20, когда мы встретились. Я никогда не был склонен к быстрым сближениям, но этот юноша тогда неотразимо привлек меня к себе, и я искал сближения с ним и сошелся с ним на «*ты*». В нем было очень много привлекательного: красота, пышущее здоровье, свежесть, молодечество, необыкновенная физическая сила, прекрасное, многостороннее образование. Элегантно говоривший на трех европейских языках, он блестяще окончил курс кандидатом математического факультета. Но больше всего влекла меня к нему необыкновенная простота вкусов, отвращение от светскости, любовь к народу и, главное—нравственная совершенная чистота, теперь редкая между молодыми людьми, а тогда составлявшая еще более редкое исключение. Я думаю, что он никогда в жизни не был пьян, не участвовал в кутеже, не говоря уже о других увлечениях, свойственных молодым людям.

Мы тогда сблизились с ним как будто только на интересах охоты (мы ездили вместе на медвежью охоту) и гимнастики, но в глубине этого сближения, думаю, лежало еще и что-то другое.

Странное дело: сближение это продолжалось недолго. Мы не разошлись, встречались с удовольствием, оба одно время занимались школой и виделись, хоть и очень редко; а потом как бы совсем потеряли друг друга не из вида, а из сердца. Каюсь: он женился, занимался хозяйством,—и мне думалось, что он очерствел, сделался сухим дельцом, семьянином, что мое увлечение им не имело основания. Когда мы встречались и он говорил мне о школах, о народе, о своей общественной деятельности,—мне казалось, что он говорит это по старой памяти, но что уже это не интересует его. Мы почти разошлись и жили так более 30 лет.

И вот, надо же было случиться, чтобы теперь, в эту тяжелую годину, мы опять сошлись на общем деле, и чтобы я увидал, что не только он не опустился, не стал эгоистом, но, напротив, сдержал в возрасте близком к старости то, что он только обещал в молодости.

Тогда было с его стороны лишь смутное, неопределенное стремление к народу, теперь была уже деятельная любовь к народу и служение ему с самоотвержением и самопожертвованием. Он не только не очерствел за эти 30 лет, но он, откинув все те соблазны молодости, которые мешали его служению народу, теперь весь отдался ему.

Он представлял удивительное соединение страстной восторженной любви к своей семье и, вместе с тем, к народу. Одна любовь не только не мешала другой, но содействовала ей. Любовь его к детям, к сыновьям выражалась тем, что он научил их любить народ, служить ему, натаскивал их на это.

Никогда не забуду, с какой любовью рассказывал он мне, как посланный им для переписи бедствующих селений сын его пропадал за этой работой до ночи.

Надо было слышать его рассказ об этом, надо было видеть его лицо во время этого рассказа, чтобы как следует понять и оценить этого человека.

Лев Толстой.

II.

Неизданные письма Л. Н. Толстого к И. И. и Е. П. Раевским [2]).

1.

Любезный друг Иван Иванович.

Податель сего — воспитанник Семинарии Учительской, был 6 лет учителем, но не дослужил до срока, и теперь его школу переделали в церковно-приходскую и его уволили, а он женат и двое детей,— и вот—ему итти в солдаты...

Нельзя ли ему устроить место учителя? Пожалуйста, возьмись за это и помоги ему.

Любящий тебя *Л. Толстой.*

Тула, собственный дом за рекой.
Ивану Ивановичу Раевскому [3]).

2.

Не знаю, в Туле ли Иван Иванович, и, потому, позволяю себе докучать вам, дорогая Елена Павловна. Все об обманутой невесте... [4]).

Арсеньев [5]) вызвал жениха, но ничего не сделал: они вам расскажут.

Если нельзя надеяться, что дело уладится через Предводителя, то они [6]) просят научить их, как и в чем подать прошение в Окружный Суд. В этом, вероятно, не откажет им Н. В. Давыдов [7]). Простите, что утруждаю вас.

У нас все благополучно. Жена уехала до воскресенья в Москву.

Дружески жму вашу руку

Л. Толстой.

3.

Дорогая Елена Павловна.

Уехав из Бегичевки [8]), я ни на минуту не перестаю думать о вас и о мальчиках [9]) и испытывать горькое чувство, что ничем не могу помочь, облегчить, утешить вас или хотя бы чем-нибудь послужить вам.

Мне хочется, чтобы вы знали, что я вам и вашим мальчикам—верный и преданный друг на всю жизнь, и что моя любовь к вашей семье—огромный вклад в мою жизнь.

Спасибо за ваши заботы о нас и о папа,—это так трогало меня, что вы в своем горе все время помнили его и нас, и заботились о нас. Я никогда не забуду этого, и буду счастлива, если когда-нибудь вы употребите меня на какое бы то ни было дело для вашей семьи.

Позвольте крепко поцеловать вас и попросить вас передать мой самый сердечный привет Ване, Пете и Грише [9]).

Таня [10]).

29 ноября, 91 г. 9 ч. вечера.

Многоуважаемая, милая Елена Павловна.

Мне так хочется вам написать несколько слов, чтобы сказать вам, как я люблю и жалею вас. Мне несколько раз хотелось утешить вас и посочувствовать вашему горю, но я всегда боялась неуместным словом оскорбить ваши чувства.

Вы были так ласковы ко мне, и я рада, что узнала вас ближе и сошлась с вашей семьей за этот месяц нашего житья в Бегичевке. Я надеюсь, что меня опять отпустят к вам и что я опять вас увижу.

Прощайте, дорогая Елена Павловна, крепко целую вас. Кланяюсь мальчикам.

Любящая и уважающая вас *Вера Кузминская* [11]).

Могу только сказать «аминь» тому, что говорят девочки, и от души благодарить вас за вашу любовь и ласку к ним и ко мне в такие минуты.

Просил бы у вас прощенья за то, чем мог провиниться перед вами, да знаю, что провиниться не мог, потому что не переставал, насколько способен, любить вас и его [12]) и желал всеми силами души сделать лучшее.

Любящий вас *Л. Толстой*.

4.

Дорогая Елена Павловна.

Хотел писать вам, когда получил ваше письмо Тане. Благодарю вас за те добрые слова, которые вы говорите им [13]) и мне. Я знаю, что они искренни, и очень дорожу ими.

Я вполне понимаю вас и ваше чувство, но не могу за вас даже примириться с ним.

Чувство это есть, но нельзя признавать его законным, пока бог требует от нас чего-то, оставляя нас жить, и должно бороться с ним, в чем и помогай вам бог.

Тяжело кажется жить, оставив позади себя все радости жизни, но есть и хорошая и очень хорошая стороны в таком состоянии.

Я вследствие старости отчасти испытываю это, и живо могу себе представить ваше состояние.

Хорошая сторона такого состояния в том, что ничто личное не отклоняет от исполнения того, чего хочет от нас бог, можно жить только для исполнения его воли. Он хочет, чтобы я жила,—ну и буду жить, если он этого хочет, и как он хочет.

А для вас исполнение его воли ясно: передать вашим мальчикам не словами, а всей остальной вашей жизнью то, что он, ваш муж, хотел передать им, сделать их такими же, какой был он. И мне думается, что это вы и делаете, и это вам легко и радостно делать.

Я хотел писать Ване [14]) и Илье [15]), но решил, что лучше всего писать вам и о делах.

Дела, т.-е. то, что я имею сказать о них, состоят в следующем:

1) Если придет кукуруза (2 вагона) с наложенным платежем, то постараться поскорее уплатить за нее деньгами, которые есть у нас, или послать за таковыми в Тулу к Писареву [16]).

2) Дров 20 вагонов нам дали, и потому купить можно несколько меньше—не на 500, а на 300 руб. Но не беда, если и на 500.

3) Пригласить в Бегичевку Гастева [17]) с тем, чтобы он побыл при Ване и Илье и вошел бы в круг дела, когда ему после 15-го придется остаться одному с Еленой Михайловной [18]).

Что-то было еще нужно, но не могу вспомнить. Впрочем, под вашим руководством все наши милые помощники, вероятно, обо всем сами догадаются и сделают, что нужно.

Мы приехали все немного нездоровые, с насморками и вялые. Дома все благополучно. Пожертвования продолжаются, так что я уже не робею и надеюсь не только довести до конца все начатые столовые, но и распространить их.

Очень бы желательно, не открывая столовых, объездить те деревни, в которые просят, и квалифицировать их по степени нужды, чтобы потом не делать ошибок. Разумеется, можно и должно, объезжая, помочь самым нуждающимся и даже à la régard открыть, где окажется очень плохо, столовые.

Передайте мой привет вашим, Ел. Мих. и Ал. Митр. [19]) Илью [20]) целую.

Ваш *Л. Толстой.*

5.

Дорогая Елена Павловна.

Я был ужасно огорчен отъездом Высотского [21]), и тотчас же бы приехал к вам, если бы не нездоровье — не особенно сильное, но такое, при котором неблагоразумно ехать. Без таких людей, как Чистяков [21])

и Высотский, которые знают вообще и в частности дело и могут работать, как они, — может быть очень много упущений и даже все спутаться до последней степени.

Не могу вам выразить, как я благодарен вам за вашу, все время оказываемую, нам помощь, без которой нам было бы трудно; но то, что вы думаете взять на себя, совершенно вам не по силам и только измучает вас.

На счастье, Конст. Ал.[22]) заехал к нам, и я уговорил его остаться и он завтра с Таней едет назад. Сколько я понял его отъезд, он произошел от его мнительности и опасения быть неприятным, не имеющего — я знаю верно — никакого основания; а такие недоразумения с добрыми людьми, желающими, как он, добра и прежде всего имеющими перед собой дело, легко устраняются.

Не прошу прощения за то, что утруждаю вас, а благодарю постоянно за ваше расположение и помощь нам.

Любящий вас *Л. Толстой.*

6.

Дорогая Елена Павловна.

Только вы с своей удивительной добротой можете так перевернуть роли, как вы сделали относительно нас: вы, которой мы обязаны столь многим, которая постоянно стеснялась и лишалась для нас, вы вдруг являетесь перед нами в роли просительницы, а мы в роли обиженных [23]).

Но ни я и никто из нас, слава богу, не заблуждаемся в этом отношении, и мы все знаем, что не мы для вас, а вы для нас сделаете и делаете очень многое, и мы очень благодарны вам.

Если и была речь у детей о том, чтобы переехать, то другой причины этого намерения не могло и не может быть, как только страх стеснить вас.

Но если вы так прямо говорите, что вам наш переезд был бы неприятен, то про это больше говорить нечего. Но, пожалуйста, будьте до конца откровенны и скажите нам все и как вы желали бы, чтоб мы разместились, с тем, чтобы не нарушать или как можно меньше нарушать вашу обычную жизнь.

Нам, с точки зрения внешних удобств, положительно *слишком* удобно, и стесняет только сознание, что вы боитесь нас стеснить. Это я говорю свое и дочерей чувство.

Мы очень теперь заняты обеспечением посева, помощью лошадьми и столовыми, особенно детскими, и хотя очень много дела, но почему-то у меня все время более радостное чувство, чем зимой, сознание того, что дело, которое делаешь, было нужно и теперь еще нужнее, чем когда-нибудь, несмотря на то, что дело это всем наскучило, кроме тех, для которых оно делается.

Итак до свиданья. Целую вашу руку.

Любящий вас *Л. Толстой.*

7.

Благодарю вас еще и еще раз, — и не на словах, а в сердце, — за всю вашу любовную помощь нам и снисходительность, и терпение. И прошу простить за труд, который мы навалили на вас и ваших.

Мы доехали прекрасно, не торопясь и во время.

Рожь вашу, 2.000 пудов, мы берем. Когда нужны будут деньги и куда, вы напишите, и мы пошлем.

Сердечный привет всем вашим, включая Ал. М.[24]).

Благодарный и любящий вас

Л. Толстой.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Статья эта найдена как в черновых набросках самого Л. Н. Толстого, так и очень четко переписанною покойной дочерью его М. Л. Толстой.

В письме своем от 27 ноября 1891 года к С. А. Толстой из деревни Бегичевки, Данковского уезда, Рязанской губернии, Л. Н. Толстой сообщает ей о только что понесенной им и взволновавшей его до глубины души неожиданной тяжелой потери его друга и лучшего сотрудника по борьбе с голодом, Ив. Ив. Раевского, в доме которого он устроил главную свою штаб-квартиру в эту годину борьбы со стихийным народным бедствием.

«Мне ужасно жалко его», — пишет он в этом письме об Ив. Ив. Раевском. — «Я очень, очень его полюбил. И не могу простить себе, что я так не понимал его прежде. Но зато как нам радостно, молодо, восторженно было часто последнее время вместе быть и работать! Я начал, было, нынче о нем писать, и хотел напечатать, и потом раздумал. Впрочем, не знаю...» (Письма Л. Н. Толстого к жене 1862 — 1910 гг. Под редакцией А. Е. Грузинского. М. 1913 г., см. письмо 389-е, стр. 377).

2) Первые два письма (одно—к И. И., другое — к Е. П. Раевским) написаны Л. Н. Толстым еще при жизни И. И. Раевского и, повидимому, еще до начала выступления их на помощь голодающим, что почти всецело затем приковало к себе их внимание. Письма эти служат, однако же, как бы своего рода «предисловием» ко всем следующим за ними письмам, ярко характеризуя доброту сердца как Толстого, так и Раевского и отношения их к людям, а также и характер их отношений друг к другу. Все следующие за ними письма Толстого писаны уже после смерти Раевского, а потому и адресованы на имя одной только Е. П. Раевской. Все эти письма, так же, как и первые два, не имеют на себе даты написания, кроме одного только 3-го письма, очень точно датированного рукой Т. Л. Толстой (29 ноября, 91 г. 9 час. вечера), и потому расположены здесь лишь в приблизительном хронологическом порядке по догадке.

3) Адрес, написанный рукой Л. Н. Толстого на обратной стороне письма, доставленного не почтой, а лично подателем. У Раевского был раньше только один дом (в имении Бегичевке); второй дом (в Туле) он купил, когда сыновья его достигли школьного возраста и поступили в гимназию.

4) Отправлено из Ясной Поляны в Бегичевку.

5) Арсеньев—Тульский губернский предводитель дворянства.

6) Или родители невесты, или невеста и мать ее.

7) Н. В. Давыдов состоял в то время в судебном ведомстве и занимал должность прокурора Тульского окружного суда. Впоследствии был профессором московского университета. Л. Н. Толстого знал издавна, находился с ним

до самой смерти его в очень хороших отношениях и ознакомил его, между прочим, с материалами, которыми Л. Н. воспользовался для написания своих пьес «Власть тьмы», «Плоды просвещения» и «Живой труп».

В воспоминаниях своих о Л. Н. Толстом, напечатанных после его смерти, Н. В. Давыдов, между прочим, говорит о той охоте, с которою Л. Н. старался делать людям добро: «Прямо неисчислимо все то добро, которое делал и пытался делать Л. Н. в течение своей жизни... Л. Н. исполнял или, по крайней мере, делал все от него зависящее для исполнения обращенной к нему кем бы то ни было просьбы, если только, конечно, просьба эта не была безнравственна, предосудительна или явно фантастична... С какой охотой, с какой энергией брался Л. Н. за помощь! И потому как часто он действительно доставлял ее! Л. Н. просил за обращавшихся к нему лиц и словесно и письменно»... Содержание писем и записок его к самому Н. В. Давыдову, «за малыми исключениями, сводится,—говорит он далее, — к просьбам о той или другой помощи или содействии кому-либо... Какое разнообразие лиц, за которых в одних письмах ко мне просил Л. Н., — разнообразие лиц и поводов!.. И как радовался Л. Н., когда его ходатайство увенчивалось успехом!» («Сборник воспоминаний о Л. Н. Толстом». Книгоиздательство «Златоцвет». М. 1911 г., стр. 29 и 30).

8) После смерти И. И. Раевского, чтобы освободить помещение для приехавших на погребение родственников и знакомых покойного, Л. Н. Толстой ненадолго уезжает из Бегичевки с дочерью и племянницей и вместе с ними пишет вдове покойного трогательное письмо, полное благодарности, внимания и ласки.

9) Сыновья Ел. Павл.—Ваня, Петя и Гриша.

10) Дочь Л. Н. Толстого.

11) Племянница жены Л. Н. Толстого (дочь сестры ее Татьяны Андреевны Кузминской).

12) Покойного мужа ее И. И. Раевского.

13) Дочери его и племяннице его жены.

14) Сыну Ел. П-ны.

15) Сыну Л. Н.

16) Рафаил Алексеевич Писарев — землевл. Тульской губ., Епифанск. у., принимавший участие в борьбе с голодом.

17) Один из помощников по борьбе с голодом.

18) Елена Михайловна Персидская — барышня, помогавшая в деле борьбы с голодом.

19) Помощница и помощник по борьбе с голодом; подробных сведений о них не имеем.

20) Сын Л. Н.

21) Помощники.

22) Высотский.

23) Это ответ Л. Н. на письмо Е. П., в котором смущенная слухом, что он хочет оставить ее дом и перебраться со своим штабом в другое место, высказывает тревогу, что чем-либо обидела его, и просит его остаться у нее.

24) Помощник по борьбе с голодом; подробных сведений об нем не имеем.

Из записной книжки архивиста.

Два письма Карла Маркса.

В архиве б. III отделения с. е. в. к. хранятся два подлинных письма Карла Маркса к Юлиусу-Александру Фабиановичу Балашевичу, относящиеся к ноябрю месяцу 1871 года.

Ю.-А. Ф. Балашевич в 1860-х и 1870-х годах жил главным образом в Лондоне и, выдавая себя за эмигранта—«графа Альберта Потоцкого», — вращался под этим именем преимущественно в обществе польских эмигрантов. Он пользовался среди них некоторым влиянием и одно время—к этому времени относятся и письма к нему Карла Маркса—состоял «председателем польского общества эмигрантов в Англии». Но рядом с этим Ю.-А. Ф. Балашевич—«граф Альберт Потоцкий» в течение не менее 16 лет состоял и тайным агентом III отделения в Лондоне. «Наш лондонский агент»—так именовали его в Петербурге, в секретной канцелярии III отделения. Оба публикуемые ниже письма К. Маркса есть результат «служебной деятельности» «графа Альберта Потоцкого».

Человек не без способностей, поэт и археолог, Балашевич в 1860 году выпустил в Москве книжку стихов своих на польском языке, к которой между прочим приложен его портрет. Помимо поэтического дара он обладал страстью к археологическим редкостям. Собирал всякие антикварные вещи, старинные монеты, «платя за оные», по отзыву начальника виленского жандармского округа, относящемуся к началу 1861 г.,—«сколько потребуют». На заре его агентурно-провокаторской деятельности небезизвестный Я. Н. Толстой, агент III отделения в Париже, в письме к П. А. Шувалову (6) 18 сентября 1861 г. высказал свое мнение, что «полезнее г-ну Балашевичу сноситься с польскими выходцами под предлогом археологических занятий, — предмет, ему совершенно знакомый,—и под видом ученого археолога осведомлятьсяся о всем происходящем в возмутительных комитетах и между главнейшими коноводами эмиграции». В бытность его в Лондоне Балашевич открыл антикварную лавочку.

В архиве III отделения имеется множество донесений Балашевича, его дневников и прочих документов, содержащих в себе данные о польских эмигрантах, среди которых по преимуществу он вращался.

Кроме знакомства с Марксом, Балашевич добился знакомства с Бакуниным и с Лавровым [1]).

III отделение все назревавшие в Европе «смуты» приписывало, главным образом, Международному Товариществу Рабочих и главным виновником всех назревавших бед склонно было считать Карла Маркса—главу Международного Общества. Естественно, что поэтому III отделение и следило по мере возможности за деятельностью Карла Маркса в Европе.

Попытки Балашевича сблизиться с Марксом были неудачны. Маркс принял его очень сухо, о чем свидетельствует тон тех двух писем, которые

---

[1]) Об этом см. мою статью «П. Л. Лавров и А. Балашевич-Потоцкий» в сборнике: «П. Л. Лавров. Статьи и материалы» (П. 1922 год, изд. «Колос») и в воспоминаниях А. Тверитинова: «Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому, о распространении его сочинений на французском языке в Западной Европе и о многом другом» (П. 1906 г., изд. М. В. Пирожкова, стр. 37 и 65—66).

были переправлены Балашевичем в Петербург. Несмотря на это Балашевич старался представить свою деятельность чрезвычайно успешной и в донесениях своих давал обещания, которые, конечно, он не смог выполнить, как это немедленно же и обнаружилось.

Балашевич 27 ноября 1871 года пишет в III отделение: «При моем влиянии я не только могу достигнуть цели (т.-е. создать некоторое противодействие I Интернационалу. *Р. К.)*, но даже могу вытеснить Маркса (!!!), взять управление Международ[ным Товариществом Рабочих, т.-е. Интернационалом] с прочими в свои руки»...

В этих словах автопортрет «графа Альберта Потоцкого». Таким влиятельным и талантливым рисовал он себя перед III отделением...

Вот первое к нему письмо Карла Маркса:

International Working Mens'a Associations

Central Council

London.

International Working Men's Association, 256, High Holborn, London.—W. C.

25 Nov. 1871.

I Maitland Park Road.
Haverstock Hill. N. W.

Dear Sir,

I send you together with these lines 4 copies of the «Statues and Regulations» and some copies of the «Resolutions of the London Conference».

As to the «Statutes &»—the French edition will be published in a few days. Please to write me how wery copies of that edition you want?

For all other communications relative to the International, please address them to General W. Wroblewski (22, Vincent Terrace, Islington), who is the secretary for Poland of the General Council.

Yours faithfully *Karl Marx.*

Перевод:

Международное Товарищество Рабочих.
Генеральный Совет.
Лондон [1]).

Международное Товарищество Рабочих. 256, High Holborn, London.—W. C.

25 ноября 1871 г.

I. Maitland Park Road. Haverstock Hill. N. W. [2]).

Милостивый Государь,

Посылаю вам вместе с этим письмом 4 экземпляра Устава и несколько «резолюций Лондонской Конференции».

Что касается Устава, французское его издание будет напечатано через несколько дней. Будьте добры написать мне, сколько вам нужно экземпляров этого издания.

За всеми другими сведениями, касающимися Интернационала, прошу вас обращаться к генералу В. Врублевскому (22, Vinceant Terrace (Islington), который состоит секретарем Генерального Совета по польским делам.

С совершенным почтением

Карл Маркс.

Перепроводив это письмо в III отделение, Балашевич так объяснил его происхождение: «С целью войти в непосредственные сношения с Карлом Марксом», он воспользовался своим званием «председателя общества польских эмигрантов в Англии» и «обратился к нему письменно». Что он писал Марксу—неизвестно. Да это и неинтересно, ибо ясно, что Балашевич, как говорится, только нащупывал почву. Посредством такой официальной переписки он надеялся завязать с Марксом личное знакомство. Сухой ответ Маркса, видимо, несколько разочаровал его. Он тотчас же убедился, что желательных сведений об Интернационале он не добьется, так как с Врублевским он находился в натянутых отношениях. Последний возглавлял наиболее левое крыло польской эми-

[1]) Печать.

[2]) Напечатано. Письмо написано на бланке Генерального Совета.

грации, а «граф Потоцкий»—умеренное. Убедившись, кроме того, что Маркс не так уж легко доступен для закулисного влияния какого-нибудь третьеотделенского шпиона, он все же выводит перед III отделением стратегический план атаки на Интернационал с другой стороны.

«Прилагая у сего оригинальное письмо К. Маркса,—пишет Балашевич в III отделение 7 ноября 1871 г.,—имею честь просить вашего совета относительно будущего «Международного Общества» или лондонского Центрального Комитета. От меня зависит присоединить всех польских эмигрантов к «Международному Обществу» или к всеобщей республиканской Лиге, которая хотя в настоящее время не имеет особенно важного значения, но в будущем непременно достигнет. Употребить ли это общество против Международного? При моем влиянии я не только могу достигнуть цели, но даже могу вытеснить Маркса, взять управление Международ. с прочими в мои руки, так как члены совета почти все мне известны и не имеют достаточно проницательности. Мне необходимо знать ваше положительное мнение и сообразно этому постараюсь действовать... Вместо коммуниста, бежавшего из Парижа, Валериана Врублевского я могу избрать более преданного нам человека и понемногу захватить власть. Благоволите уведомить меня—какой путь избрать для обессиления врагов наших» [1]).

Шеф жандармов, граф П. А. Шувалов всерьез советовался по этому поводу с Александром II... На письме Балашевича имеется пометка, подтверждающая, что совещание действительно состоялось, но какой путь наметили они «для обессиления врагов своих»—К. Маркса и Интернационала—остается неизвестным.

Никаких, конечно, результатов Балашевич не добился. Хвастался, рисовал радужную картину победы над «врагами», но уже в следующем очередном докладе шефу жандармов он капитулировал.

При донесении от 30 ноября 1871 г. [1]) он переслал и второе письмо Карла Маркса следующего содержания:

International Working Men's Association. 256, High Holborn. London.—W. C.

29 November 1871.

I Maitland Park Road.
Haverstock Hill,—N. W.

Dear Sir,

The French edition of the «General Statutes and Rules» will only be ready in a few days, when I shall send you some copies.

I shall be glad to see you at my house after 6 o'clock in the evening.

Yours truly *Karl Marx.*

Перевод:

Международное Товарищество Рабочих.

29 ноября 1871 года.

I. Maitland Park Road, Haverstock Hill, N. W.

Милостивый Государь,

Французское издание «Устава» будет готово не раньше, чем через несколько дней, и тогда я пошлю вам несколько экземпляров.

Буду рад увидеть вас у себя после 6-ти часов вечера.

Преданный вам *Карл Маркс.*

Балашевич при этом писал: «Вчера, 29 ноября, была годовщина польского восстания в Сити, до 50 человек едва собралось и полковник (Людвиг) Оборский занял место председателя. Его речь была—дабы готовиться к вооруженному восстанию и советовал всем знакомиться с военным искусством, ибо минута восстания, быть может, недалека. За ним имел речь В. Врублевский, приглашая от имени Маркса всех поляков соединиться с «Интернационалом» и действовать для общей пользы. (Конрад) Домбровский тоже приглашал соединиться с республиканским обществом. Большинство объявило желание соединиться с «Интернационалом» и во вторник, 5-го декабря, мы, по желанию общества, будем иметь свидание с Марксом, о чем

[1]) Донесение Балашевича от 27 ноября 1871 г., № 692. (Архив бывшего III отделения).

[1]) № 693.

сейчас известим. Делегатом избран (Ян) Костецкий. До вашего ответа на наши письма мы не станем действовать, ибо это весьма важное дело».

Минуло 5 декабря. Пыл Балашевича остыл. В очередном донесении от 6 декабря (№ 694) он отвлекает внимание шефа жандармов отчетами о митингах, совершенно умалчивая о предполагавшемся свидании с Марксом.

И чем больше расстояние, отделяющее его последующие донесения от предложения вытеснить Маркса из «Интернационала», тем все рельефнее вырисовывается подлинное лицо «графа Альберта Потоцкого», старающегося заработать сверхсметно несколько десятков фунтов стерлингов.

12 декабря 1871 г. (донесение № 696) он уже мечтает вытеснить не Маркса, а Врублевского, но, «обсудив последствия, я отклонил это предложение польской эмиграции. Врублевский останется на своем месте с тем, что будет руководствоваться моими советами и сообщать подробности. Занимаясь торговыми делами,—оправдывается Балашевич,—и тем будучи сближен с здешними аристократами, участие мое как члена «Международного совета», имело бы вредные последствия. Гораздо удобнее и полезнее действовать за ширмами».

Так «граф Альберт Потоцкий» постепенно отказывался от своих громких слов и сдавал позиции. То, что ему удалось достигнуть при завязывании знакомства с Бакуниным и Лавровым, не удалось ему при первой попытке войти в непосредственные сношения с Карлом Марксом.

Р. М. Кантор.

Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой.

Анна Павловна Барыкова (р. 22 декабря 1839 г., умерла 31 октября 1893 г.) была поэтом мира обездоленных и угнетенных. По словам Венгерова, «стихи ее почти исключительно посвящены социальным темам. Строй современной общественной жизни не удовлетворял поэтессу, и она пользуется всяким случаем, чтобы подчеркнуть грубый эгоизм, лежащий в основании его. Буржуазное семейное счастье ей просто претит. В том же духе подобраны ею и переводные произведения».

Широкой известностью Барыкова при жизни не пользовалась, хотя ее стихотворения охотно печатались в таких журналах, как «Отечественные Записки», «Слово», «Дело», «Русское Богатство», «Северный Вестник», «Неделя» и детский «Родник». Она сама указывала на то, что благоприятных отзывов об ее произведениях не было, что только Некрасов обмолвился об одном из ее стихотворений добрым словом. Несмотря на жгучесть затрагиваемых ею вопросов, несмотря на силу, с которой она бичевала уродливости социального строя, критика замалчивала ее. Для литераторов и критиков охранительного лагеря она была не более, как «навозная поэтесса» или «полуизвестная г-жа Барыкова». Лишь теперь, когда впервые напечатана ее сказка о царе Ахреяне, этот сильнейший памфлет, направленный против монархического государственного устройства, лишь теперь проснулся интерес к ней и к ее произведениям. Но и тут какое-то странное недоразумение связалось с именем Барыковой. Один из издателей ее сказки о царе Ахреяне сообщил, что Барыкова писала, скрываясь под псевдонимом Кузьмы Пруткова, и что произведения, подписанные этим именем принадлежат ей. Таким образом, если критика, современная Барыковой, не замечала или делала вид, что не замечает ее, — современная нам критика приписывает ей то, в чем она неповинна.

Произведения А. П. Барыковой несколько раз появлялись отдельными изданиями. Впервые они были изданы в 1878 г. в Пятигорске, в виде небольшого сборника, и в продажу не поступали. Затем в 1891 г. в Москве был выпущен сборник ее стихотворений, под названием «На память моим внукам» и, наконец, в 1896 г. в Петербурге появились в свет «Стихи и прозаические произведения А. П. Барыковой». Последний сборник самый полный, но и он заключает в себе далеко не все из того, что было написано А. П. в разное время.

Хотя стихотворения Барыковой были посвящены главным образом общественным темам, т.-е касались той области, куда было устремлено главное внимание цензуры, все же автору их как-то удавалось благополучно обходить цензурные рифы и мели. Из всех стихотворений А. П., предназначенных к печати, цензурою задержаны только два. Первое из них представляет собою перевод из «L'Annèe terrible» В. Гюго [1]) и должно было появиться в февральской книжке журнала «Дело» за 1881 г. Здесь оно приводится полностью.

На баррикадах, где горячею струею
Людская кровь лилась под вырытой мостовой,
Ребенок схвачен был,—подросток безоружный,—
В числе мужчин, в толпе.
Расстреливать их нужно.
И офицер спросил,—ты тоже вместе с ними,
Мальчишка?.. — Да. Я был все время со своими...
Ответил бойко он и смело офицеру:
— Ну, ладно!.. будешь ты расстрелян для примера.
Жди! Твой черед придет...
Ребенок ждал. Сверкали
Из ружей молнии,—и под стеною пали
Товарищи его. Тогда он капитану
Сказал, достав часы из своего кармана:
— Позвольте отнести часы домой к мамаше...
Я тотчас же вернусь туда... к стене... где наши...
— Ты хочешь убежать?—Нет, я вернусь!—Трусишка!
Наверно улизнешь! Ну, чорт с тобой, мальчишка,
Ступай!
И капитан захохотал. Солдаты смеялись
Вместе с ним.—Надул он нас, ребята!
И с грубым хохотом сливалися стенания
И умирающих хрипящее дыханье.
Но вдруг с веселых лиц исчезнула улыбка,
Вернулся мальчуган... Он подошел к ним шибко
И, прислонясь к стене, весь бледный, гордый, стройный,
— Ну вот и я пришел, промолвил им спокойно.
Тут устыдилась смерть... Прощен был бедный малый...
Солдатам старым жаль стрелять в ребенка стало...

Дитя! Не знаю я, что в урагане этом,
Смешавшем зло с добром и ночи мрак со светом,
В разбойничью толпу бросающем героя,—
Что привело тебя на место роковое;
Одно понятно мне, одно я вижу ясно—
Бессмертен ты и добр. Душа твоя прекрасна.
Смерть увидав вблизи,—в лицо ей, не бледнея,
Ты заглянул; потом, беднягу-мать жалея,
Проститься с ней спешил, любви и ласки полный,—
Пред тем, как броситься в пучины грозной волны...
Мог скрыться ты, мог жить; цветущею весною
Мог насладиться вновь... Но ты перед стеною
Кровавою предстал меж мертвыми телами,
Чтоб рядом умереть с погибшими друзьями...
Твой детский нежный лоб за то целует слава!
За чудный подвиг твой признали бы по праву
Героем в древности тебя, мой мальчик милый!—
И песни вещие Тиртея и Эсхила
Назвали бы тебя восторженно народу
И память о тебе прошла б от рода к роду,
И был бы ты из тех, где доблестное имя
Сияет на щитах лучами золотыми...
Когда б ты проходил, спокойный и прекрасный,

---

[1]) Существуют и другие переводы этого стихотворения В. Гюго; известный перевод В. П. Буренина (см. собр. соч. В. Гюго, с критико-биограф. очерком проф. А. И. Кирпичникова, изд. Сытина, 1915, т. XII, стр. 121—122) и новый перевод Серг. Френкеля (в ж. «Творчество», 1922, № 1—3, стр. 10). *Прим. Р д.*

По стогнам городским в весенний вечер ясный,—
Вблизи колодезя, под сенью ив густою,—
Высоко приподняв кувшин над головою,
Остановилась бы гражданка молодая,
Задумчиво тебя глазами провожая...

Цензура запретила это стихотворение, «имея в виду всегдашнюю тенденциозность журнала «Дело», склонного к деятельной оппозиции существующему общественному порядку, и полагая, что это стихотворение служит вовсе не к воспеванию честности ребенка, исполнившего данное им слово, несмотря на грозившую ему за то смерть,—но выдается рельефно другою своею стороною, а именно—прославлением стойкости и товарищеского духа в общем деле, хотя бы это дело было восстание против правительства, и прославлением готовности искренней разделить с товарищами борьбы участь, если бы даже такою участью была смерть» [1]).

Второе стихотворение было запрещено почти одновременно с первым; оно было переведено Барыковой из Ж. Ришпена и предназначалось для сборника «Отклик», изданного в 1881 г. П. Ф. Якубовичем (Мельшиным) в пользу студентов петербургского университета и слушательниц высших женских курсов. По мнению цензора, в нем «высказываются с откровенным цинизмом гражданские задачи», в нем заключаются «тенденции недовольства, народных страданий, стремлений к революционной пропаганде», оно «так явно зовет к себе сочувствие толпы, что всякие комментарии были бы излишни»...

Поэт.

Приходи ко мне, голь непокрытая,
Спокон века бедою повитая,
Под забором, в грязи, нарожденная
И горючей слезою вспоенная!
Я—певец векового страдания!
Псалмопевец я ваш по призванию;
Я—твой брат, бессловесная тварь!
Я—поэт, я законный твой царь!

Приходите ко мне, голоштанники,
Побирушки, бродяги, карманники,
Потаскушки базарные, грязные,
В синяках, в лишаях, безобразные!
Я—певец векового страдания!
Псалмопевец я ваш по призванию;
Я—твой брат, бессловесная тварь!
Я—поэт, я законный твой царь!
Рвань базарная, вошью богатая,
Все отродье, в утробе проклятое,
Приходи ты ко мне, незаконное
И судьбой-палачом заклейменное!
Я—певец векового страдания!
Псалмопевец я ваш по призванию;
Я—твой брат, бессловесная тварь!
Я—поэт, я законный твой царь!
Приходите ко мне, горемычные,
Ко кнуту, словно стадо, привычные!—
Подымайся, проснися, убожество,—
Нужно войска мне многое множество...
Я—певец векового страдания!
Псалмопевец я ваш по призванию;
Я—твой брат, бессловесная тварь!
Я—поэт, я законный твой царь!
Встань, проснися, отребье народное!
Ополчимся мы в войско свободное,
Завоюем мы счастье и долюшку
Да веселую, вольную волюшку!..
Я—певец векового страдания!
Псалмопевец я ваш по призванию;
Я—твой брат, бессловесная тварь!
Я—поэт, я—законный твой царь [1]).

Сборник «Стихи и прозаические произведения А. П. Барыковой»,—изданный в 1896 г., т.-е. уже по кончине их автора, вызвал полное осуждение со стороны рассматривавшего его цензора, и был приговорен им к запрещению. «В томике стихотворений А. П. Барыковой,—гласил строгий, но довольно безграмотный цензорский доклад,—кроме оригинальных и переводных сочинений покойной писательницы, помещены: а) заметка о жизни личности Барыковой, составленная Владимиром и Анной Чертковыми, и б) отрывки из ее писем.

«Помещенные во главе издания оба упомянутые приложения крайне интересны: издателями как бы вручается читателям вполне надежный ключ к уразумению руководящего направления угасшей поэтессы. По прочтении

[1]) Д. СПБ. Ц. К. 1866 г. № 76, ч. VIII.

[1]) Д. СПБ. Ц. К. 1881 г. № 42.

их становится понятным, что г-жа Барыкова была сначала просто народницей, а потом преобразилась в христианку в духе проповеди Л. Толстого и его правоверенных сеидов—Владимира и Анны Чертковых. Особенно ярко выступает это убежденное мировоззрение во многих местах «Отрывков» из писем.

«И действительно. Если подвергнуть тщательному анализу содержание преобладающего большинства стихотворений, входящих в состав изданного томика, то характеристика их, вылившихся предварительно как бы невольно из-под пера умершей писательницы, в качестве ярой последовательницы известного учения «о непротивлении злу», согласуется почти до полной тождественности с вероучением нашего пресловутого лжеиересиарха.

«Мотивами большинства стихотворений, конечно, служат так называемые «проклятые вопросы»: угнетенное положение бедных классов рядом с роскошью тех, кому можно поживиться на их счет, забитость и бесприютность масс и т. п. На этом фоне огульного недовольства строем вообще современной общественной жизни усердно сеет поэтесса свои более еще ядовитые, чисто специальные цветочки.

«В следующих стихотворениях раздается уже призыв к более или менее активному выступлению непротивленников: «Божье окошко», «Сумасшедшая», «Караван», «Перелетные птицы». В двух стихотворениях «Любимая кукла» и «В альбом счастливице» автор относится с пессимизмом к брачным узам.

«Призыву к вегетарианству посвящены также несколько стихотворений, написанных естественно в том именно духе, каким оно сказывается в учении толстовцев: «Поучение Пифагора», «Времена года», «Отрывок», «Пифагор и крестьянин».

«Одно стихотворение «Кирасиры» выступает ярким протестом против милитаризма.

«Недурна также и «Сказка про Льва». В ней несомненно воспевается величавая царственность народного самодержавия. А в стихотворении «Воспоминание» чуется слишком определенная общая сатира на монархов [1]).

«Резким, душу раздирающим диссонансом особенно звучат некоторые, к счастью немногочисленные, стихотворения, переполненные взрывами атеизма и богохульства. Таковы: «Memento mori» «Падший ангел», «Прощение», «О человеке», «Свет Азии», «Псалом жизни»...

Цензор полагает книгу подвергнуть задержанию, как «издание безусловно вредное и всецело иллюстрирующее учение толстовцев, осужденное нашим правительством».

Доклад этот был представлен петербургским цензурным комитетом на утверждение в главное управление по делам печати, которое не согласилось со строгим заключением цензора, и «Стихотворения и прозаические произведения А. П. Барыковой» беспрепятственно вышли в свет [2]).

С. Любимов.

---

[1]) В этом стихотворении (перевод из В. Гюго) описывается, как бабушка, вне себя от горя, шьет саван своему 7-ми летнему внуку, сироте, убитому на улицах Парижа во время переворота 2 декабря 1851 г., при чем автор говорит ей,—

Не понимаешь ты политики, старуха!
Вот слушай!.. Бедный принц Луи-Наполеон
Жить любит во дворцах, кататься что есть духу
На кровных рысаках; лакеев легион
И денег на игру, на стол, на женщин надо;
Охоту, двор, рабов иметь желает он;
Он любит роскошь, блеск, и балы и парады.
Он хочет жить в Сен-Клу, где так прекрасны розы;
Посольства принимать... Для этих всех целей
И надобно теперь, чтоб бабушка сквозь слезы
Сшивала саваны для маленьких детей!

[2]) Д. СПБ. Ц. К. 1896 г. № 153.

К иконографии декабристов.

В области иконографии участников военного восстания 14 декабря 1825 года в Петербурге до сих пор еще сделано немного [1]). Поэтому, думается, печатаемый ниже отрывок из всеподданнейшего отчета III отделения собств. е. и. в. канцелярии имеет значительную ценность, так как он, с одной стороны, может объяснить происхождение некоторых дагеротипных портретов декабристов (если они дошли до наших дней),—с другой же стороны, вносит дополнительный штрих в отталкивающую картину отношения правительства к своим поверженным врагам даже через 20 лет после их «государственного преступления». Вот что всеподданнейше докладывает Николаю I шеф жандармов в своем отчете за 1845 год:

«Из переписки государственных преступников усмотрено было, что отставной инженер-поручик Давиньон, занимающийся снятием дагеротипных портретов, путешествовал по Сибири и там снимал портреты с государственных и политических преступников. Пересылавшиеся к родственникам портреты поселенцев Поджио, Панова и Волконского, также жены и детей последнего, остановлены в III отделении. Производство настоящего дела не обнаружило однако же, чтобы Давиньон имел какой-либо умысел; поступок его произошел единственно оттого, что местные начальники в Сибири, бывшие очевидцами его занятий, не объяснили ему, что не должно снимать портреты с осужденных государственных преступников. Давиньон удостоверяет, что через него никуда не переслан ни один портрет и что между его вещами если остались, то разве доски с испорченными, неясно вышедшими изображениями; по доставлении же вещей его из Москвы, между ними оказалась одна только испорченная дагеротипная дощечка, с портретом государственного преступника Панова, которая и представлена им в III отделение.

По высочайшему повелению Давиньон был подвергнут аресту, а сибирским генерал-губернаторам сообщено, что подобное невнимание к тому, что происходит между государственными преступниками, заслуживает письменного строгого замечания; с тем вместе воспрещено на будущее время государственным и политическим преступникам снимать с себя портреты, и предписано, отобрав от них все имеющиеся у некоторых принадлежности дагеротипов и портреты, предоставить последние в III отделение.

Кроме того, пересылался из Тобольской губернии от поселенца, политического преступника из поляков, Выгодовского, рисованный портрет, вероятно, его собственный, ибо он, в письме к своему родственнику, выразился о портрете, что это изображение великого грешника. Портрет Выгодовского также оставлен в III отделении» [1]).

Сообщил *А. А. Сергеев.*

[1]) См. статью П. Е. Щеголева об иконографии декабристов в № 1 «Музея Революции». СПБ. 1923.

Адрес рабочих Н. В. Шелгунову.

Первым общественно-политическим выступлением рабочих в начале 90-х годов обыкновенно считают их участие в похоронах Шелгунова, в так называемой «шелгуновской демонстрации». Факт этот, несомненно, был подготовлен тем уважением, которое создавалось в кружковых занятиях вокруг писаний Шелгунова. Известно также, что таким же проявлением этого уважения было посещение уже безнадежно больного Шелгунова рабочей депутацией и поднесение ему адреса от имени рабочих. Об обстоятельствах всего дела передает в своих воспоминаниях М. С. Александров (Ольминский): «Неизвестно, как и когда возникла среди рабочей

[1]) М. С. Александров, «Группа народовольцев», «Былое», 1906 г., № 11, стр. 11; ср. сборник, От группы Благоева к «Союзу Борьбы», 1921 г., стр. 42 (Н. Д. Богданов) и 76 (М. С. Ольминский).

организации мысль поднести адрес умирающему Шелгунову. В депутации участвовал упомянутый уже мною Гавр. Ал. Мефодиев. Посещение Шелгунова и разговор с ним произвели на Мефодиева потрясающее впечатление. Приветливый, чуткий к запросам читательской души, ветеран освободительного движения, на вершине своей славы умирающий в убогой квартире где-то на втором дворе, очаровал посетителей, которые слишком хорошо знали, что такое нужда»[1]). Этот рабочий адрес уже появился раз в печати, в приложении к Женевскому изданию «Четырех речей рабочих 1 мая 1891 г.» (Женева, 1892). Однако, текст, напечатанный в Женеве, представляет собою редакцию, весьма отличную от той, которая в том же 1892 г. была в гектографированном виде выпущена петербургской «Группой народовольцев» в приложении к ее изданию тех же речей [2]). Не может быть и речи о том, которой из двух редакций мы должны отдать предпочтение: петербургский текст был издан той самой группой, которая принимала ближайшее участие в его составлении, женевский же прошел какие-то нам неизвестные посредствующие звенья. Так как петербургская редакция адреса до сих пор оставалась неперепечатанной, мы и приводим ее.

«Дорогой учитель,
Николай Васильевич!

Читая ваши сочинения, научишься любить и ценить людей таких, как вы. Вы первый сознали наше жалкое положение рабочих в России и всегда стремились указать нам те причины, которые так связывают нашего русского рабочего и заставляют его прозябать в забитом состоянии, в котором, как железным обручем, оковали нас фабриканты и правители. Вы нарисовали нам картину положения братьев рабочих других стран, которые угнетены своими эксплоататорами. Вашей картиной заинтересовались сперва не рабочие, а другие люди, да она и была написана не для рабочих. Русским рабочим слишком долго и упорно приходится трудиться, чтобы добыть себе средства к жизни, так долго, что у него почти не остается времени читать, да большая часть рабочих и не умеет читать; а если кто и умеет, то что он найдет в книгах, которые пишутся для простого народа. Нас никто не учит выбиваться из этого жалкого положения, в котором мы находимся теперь, а советуют только терпеть и молчать, ничем не обнаруживая своей боли, обещая за это награду в будущем. Только благодаря тем людям, которые, по вашему выражению, имеют несчастие смотреть выше общего уровня или выше сословия, мы научились понимать ваши сочинения, мы узнали, как наши западно-европейские братья-рабочие путем борьбы и соединения в группы достигли своих прав, поняли, что и нашим рабочим так же, как западно-европейским, не откуда ждать помощи в деле улучшения своего положения и достижения свободы. Рабочие, поняв это, будут, не покладая рук, стремиться достигнуть улучшения жизни путем, указанным в ваших сочинениях. Вы исполнили свое назначение, указали нам пути для борьбы. Мы сердечно благодарим вас за это и будем стремиться осуществить эти пути в жизни. Может быть, ни нам, ни вам не придется увидеть того будущего, к которому стремимся и о котором мечтаем; может быть, не одним еще нам придется пасть жертвой любви к бедному пролетарию, но это не удержит нас от стремления достигнуть указанной вами цели».

(Следует шестьдесят шесть подписей.)

Сообщил *С. Валк.*

---

[1]) Отчет о действиях III отделения собств. его имп. вел. канцелярии за 1845 г., л. л. 6 об.—8.

[2]) «1-ое мая 1891 с приложением адреса Н. В. Шелгунову» издание народовольцев Петербург, 1892, стр. 24—25 (по экземпляру библ. Ленинград истор.-рев. архива, инвен. № 37). Мефодиев—один из старых участников рабочих кружков,—после Шелгуновской демонстрации, был выслан в Тулу, где в 1892 был вновь арестован в связи с ликвидацией Брусневской организации в Москве.

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.
Ответственная редакция: Вл. Максаков. Вяч. Полонский.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ ЖУРНАЛА

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — П. Г. Зайчневский. Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым.—К истории партии Народного Права. — Новое о Зубатовщине. — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта.—Письма Некрасова и Достоевского.— Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова. — Толстой и Короленко.— Александр III о Л. Толстом.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны.—Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Письма И. А. Гончарова и А. Мицкевича.— С. В. Зубатов и А. И. Спиридович.—Генерал Алексеев и В. М. Родзянко.—Подкуп китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-Ин-Хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову 1910—1912 г.г. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцева. — Бакунин перед австрийским судом. —Материалы об Огареве. Лаврове и Герцене.— Письма С. Л. Перовской.—Воспоминания А. Г. Достоевской.— **Из записной книжки архивиста**: Завещание Николая I. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Бальзак в России.— Письма В. Гете и др.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г.—Дневник А. А. Половцева.—Переписка В. Н. Коковцева с Нецлиным.— Семейная переписка Романовых.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Отзвуки польского восстания 1863 г.—Письма К. П. Победоносцева.— Л. Н. Толстой в Астапове. — Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике. — Письма Достоевского, Гончарова, Тютчева. — **Из записной книжки архивиста**: Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина „Русская Правда“.—Достоевский в Твери.—Речь Щапова.— Революционное движение в войсках во время мировой войны.—Материалы к истории живописи. — К истории манифеста 17 октября и т. д.

ПЯТЫЙ ТОМ.

Автографы В. И. Ленина.—Русско-германский договор 1905 г.—Финансовые совещания союзников во время войны. (Доклады мин. фин. П. Л. Барка). — Дневник А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.)—Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина. — Письма участников процесса 193-х. — Письма И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату. — С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине.— Верховное командование в первые дни революции. Из переписки Николая I в декабре 1825 г.— Письма Д. И. Писарева из крепости. — Два письма П. Ф. Якубовича.—**Из записной книжки архивиста:** Г. В. Плеханов и „шпионские забавы“.—Казнь П. П. Шмидта, Частника и др.— В. Чернов и июльские дни.— Распутин в освещении охранки.—От редакции.

Государственное Издательство РСФСР

ПЕРИОДСЕКТОР — Москва, Воздвиженка, 10/2.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ, В 25 ТОМАХ.

Под редакцией Л. Б. Каменева.

Кроме материала, вошедшего в I издание, в новое издание включено до 50 печ. листов вновь разысканных статей и 2 тома писем В. И. Ленина.

Издание иллюстрировано портретами В. И. Ленина и снимками с рукописей и редких изданий.

(Формат книги $15^1/_2 \times 23^1/_2$ см.)

Все издание выпускается на лучшей бумаге „Верже", в прочных тисненых переплетах.

Цена всего издания 40 рублей.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: Задаток при подписке 4 руб., остальные 36 руб. уплачиваются при получении 12-ти посылок (в 11 посылках по два тома и в последней 3 т.) наложенным платежом по 3 руб.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ, УДЕШЕВЛЕННОЕ, В 25 ТОМАХ.

Под редакцией Л. Б. Каменева.

В это издание включен полностью весь материал, вошедший во второе издание.

Все издание выпускается в прочных переплетах.

(Формат книги 14 × 21 см.)

Цена всего издания 20 рублей.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: Задаток при подписке 2 руб., остальные 18 руб. уплачиваются при получении 12-ти посылок (в 11 по 2 т. и в последней 3 т.) наложенным платежом по 1 р. 50 к.

Техническое выполнение изданий под наблюдением **И. И. Ионова и Д. К. Богомильского.**

ПЕРВЫЙ ТОМ ВЫШЕЛ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ.

ПЕРЕСЫЛКА ЗА СЧЕТ ПОДПИСЧИКА.

Условия подписки об оплате подписчиками посылок по 2 тома сразу установлены в целях удешевления для подписчиков стоимости пересылки. Если подписчик пожелает получать по одному тому отдельно, по мере их выхода в свет, то таковые будут ему высылаться в таком порядке по получении Периодсектором от подписчика письменного заявления. Подписчики на 3-е издание, уже внесшие задаток 3 рубля (по прежним объявлениям Ленгиза), получают первую посылку с наложенным платежом на 1 рубль меньше. В Москве, Ленинграде и Харькове книги доставляются подписчикам на дом по мере выхода из печати и единовременно на сумму по указанию подписчика в заказе.

Государственное Издательство РСФСР

СЕКТОР ПОДПИСНЫХ и ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Москва, Воздвиженка, 10/2. Тел. 5-88-91.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1926 ГОД

НА

ИСТОРИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

„КРАСНЫЙ АРХИВ"

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. В. АДОРАТСКОГО, В. В. МАКСАКОВА, М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО и В. М. ФРИЧЕ.

ВЫХОДИТ РАЗ В ДВА МЕСЯЦА

Подписная цена: год—15 р., 6 мес.—8 р.

Подписка принимается Периодсектором Госиздата (Москва, Воздвиженка, 10/2), провинциальными конторами и уполномоченными Периодсектора (имеются во всех губ. и уездных городах) и всеми почтово-телеграфными конторами.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ СЕДЬМОЙ

СОДЕРЖАНИЕ.

Портсмут.— Константинополь и проливы.—Из дневника Куропаткина (1905 г.).—Автобиографическая записка С. Ширяева.— М. Бакунин и экспедиция на пароходе „Ward Jackson".—Достоевский: „Преступление и Наказание." — Омские события при Колчаке. — Неизданный манифест „Народной Воли". — Письма Л. Толстого Ислявиным. — Крепостной конституционалист.—Стихотворения Я. П. Полонского.

ЦЕНТРАРХИВ

1925

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
1. Портсмут. (Окончание)	3—31
2. Константинополь и проливы. (Очерки из истории дипломатии накануне мировой войны.) *Я. М. Захер*	32— 54
3. Из дневника А. Н. Куропаткина	55— 69
4. Автобиографическая записка и письма С. Ширяева. С предисловием *Р. М. Кантора*	70—107
5. Мих. Бакунин и экспедиция на пароходе „Ward Jackson". С предисловием *В. П. Полонского*	108—145
6. Преступление и Наказание.—Материалы к роману. С предисл. *И. И. Гливенко*	146—200
7. Омские события при Колчаке. С предисловием *М. М. Константинова.*	201—246

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА.

8. Неизданный „Манифест" Исполнительного Комитета „Народной Воли". Сообщил *Р. М. Кантор*	247
9. Из неизданных писем Л. Толстого к В. А. и К. А. Ислави ным, С. А. Рачинскому и др. Сообщил *Н. Б.*	249
10. Крепостной конституционалист в 1837 году. Сообщил *А. А. Сергеев*	253
11. Стихотворение Я. П. Полонского „Простая Быль" и цензурная переписка об его драме „Дареджана". Сообщил *С. Любимов*	254
12. Указатель к I—IV томам журнала	I—XXVII

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ СЕДЬМОЙ

1924

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Гиз. № 8265. Главлит № 30774. Напеч. 4.000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата, Москва, Пятницкая, 71.

ПОРТСМУТ [1]).

№ 83. Донесение из Шанхая кол. сов. Распопова В. Н. Коковцеву [2]).

Шанхай, 27 августа 1905 г. № 59.

Его высокопревосходительству господину министру финансов.

В дополнение к секретным телеграммам моим от 18 и 27 сего августа, о крайнем негодовании, с которым встречены в Японии условия мира, спешу довести до сведения вашего высокопревосходительства, что волнения принимают все более серьезный и повсеместный характер. Насколько можно судить по отрывочным сообщениям из Японии, по тону прессы и по отзывам американцев и англичан, бегущих сюда из Японии, общее озлобление действительно очень сильно и направлено не только против японских делегатов, подписавших договор, но и еще более—против Америки и Англии. Обеим этим державам ставится в вину то, что они в свое время много потрудились для создания войны, а теперь, будто бы, оказали давление, дав Японии понять, что дальнейшие займы ее не пройдут, если не будет заключен мир, хотя бы этот последний и отнимал у Японии самые заветные ее мечты.

Как я осмелился предположить в телеграмме от 18 сего августа, дело сразу же вступило в ту область правонарушений, насилия и крайностей, которая так свойственна японской природе, и которая лучше всяких рассуждений обрисовывает истинный характер ее пресловутой цивилизации. Еще до объявления условий мира уже ходили очень недвусмысленные слухи о готовящихся демонстрациях и угрозы по адресу делегатов, в случае, если те не сумеют отстоять «законные права» Японии на всесветное унижение России. В день опубликования, столица, а за нею и главнейшие центры, украсились флагами, приспущенными на пол-мачты. Многие были повязаны черным крепом. Повсюду—прокламации, призывающие к патриотическому протесту. Громадное большинство газет, а также протоколов партий и мелких политических

---

[1]) См. «Красный Архив» т. VI, стр. 1—47.

[2]) Рукою В. Н. Коковцева синим карандашом написано: «Последующие события несомненно указывают на преувеличенность и односторонность этого сообщения».

и торговых корпораций, требовали достойного наказания «виновных» делегатов, подачи петиций императору об уничтожении позорного мира, спешной и усиленной мобилизации новых армий, возобновления самых решительных военных действий. Редакция газеты «Кокумин», попытавшаяся влиять на массу в несколько более умеренном тоне, была разгромлена. В парке Хибия, между дворцом и парламентом, произошла многотысячная сходка. Ни предупредить ее, ни рассеять толпы полиции не удалось. В происшедшем побоище было много жертв, и разъяренная толпа, сделав министра внутренних дел ответственным за поведение полиции, разрушила (по другим сведениям—сожгла) его дом. В Шанхае получено известие, будто нападению подверглась и английская миссия в Токио, а сам посланник убит. Хотя по сие время подтверждения этого насилия не получено, но возможность появления подобного известия в закупленных японцами английских газетах красноречиво говорит о серьезности создавшегося положения. Среди англосаксонских обитателей Японии и случайных туристов произошла паника; все гостиницы Шанхая получили по телеграфу требования удержать для них все свободные номера.

Японское правительство, повидимому, еще не остановилось на определенном плане действий; но имеются сведения, которые позволяют предполагать, что оно как будто предвидит неизбежность уступки перед оппозициею: так, например, 17-ая дивизия спешно сформирована, доставлена к месту посадки и головные ее части чуть ли не высаживаются уже на материке.

Все вышеизложенное, быть может, оправдает в глазах вашего высокопревосходительства мою вторую телеграмму, от 27 сего августа. Отнюдь не желая быть алармистом, или предрекать будущее, я все-таки считаю своим долгом, с одной стороны—напомнить некоторые разительные факты из недавнего прошлого, а с другой—усиленно подчеркнуть беспринципный и нестесняющийся никакою этикою характер японцев.

В 80-х годах, по настоянию самой Японии, был предпринят пересмотр торговых трактатов. Подписанные договоры были отправлены в Берлин, Вашингтон и Петербург и ратифицированы. Несмотря на то, Япония не постеснялась сбросить с себя только что принятые обязательства и отказалась от ратификации с своей стороны, под предлогом народного протеста, в сущности совершенно пустого, потому что низкопробная оппозиция только вводившегося тогда парламентского режима еще не успела развратить народа и приучить его итти против правительства и самого императора, которому, как известно, принадлежит исключительная прерогатива ратификации договоров. То же легко может повториться и теперь.

Затем, факты вроде покушения на ныне царствующего государя императора, явившегося гостем микадо и его страны,—или покушения на Лихунчжана, явившегося мирным послом,—или убийства корейской королевы,—или, наконец, предательского прервания телеграфного

общения русских агентов в Японии, накануне войны, и последовавшее затем нападение на эскадру,—все это не позволяет иметь ни малейшего доверия к политической честности Японии и предписывает теперь самую крайнюю осторожность. Если, под химерическим предлогом измышленного народного волнения, японцы не постеснялись сбросить с себя в 1889 году принятые обязательства, то наличность несомненного ныне брожения, конечно, совершенно развяжет им руки и может внушить мысль прикрыть им какое угодно правонарушение и какую угодно измену общепринятым законам международной чести. Они могут сделать последнее отчаянное усилие и, воспользовавшись доверием нашей армии к миру и перемирию,—сделать с нею то же, что сделали 27 января 1904 с Порт-Артурскою эскадрой. Искусно созданная ими же самими force majeure, заодно с минимальными симпатиями к нам большинства держав и вытекающим из того отсутствием солидарности белых наций,—и на этот раз обелит Японию, какое бы черное дело она в отношении нас ни сделала.

В Японии это прекрасно сознают и считаться с этим нам необходимо.

Н. Распопов.

№ 84. Телеграмма В. Н. Коковцева С. Ю. Витте [1])

от 29 августа (11 сентября) 1905 г.

Глубоко признателен за ваше сообщение. Оно вполне совпадает не только с моими мыслями, но и с тем, что я имел случай говорить одному лицу, близкому Моргану, еще в самом начале года. При готовности совершить заем французского рынка и прямо заявленной нам такой же готовности английскаго, казалось бы наилучшим соединение в одну операцию всех 3 элементов. Основание и подробности, конечно, могут быть обсуждены мною только по вашем возвращении. Но, разделяя ваш взгляд на неудобство вести переговоры через Виленкина, просил бы вас выяснить, какой путь был бы наиболее практичным. Не представилось ли бы, например, желательным, чтобы я лично прибыл в Париж, что я могу сделать около 10—15 нашего октября, с тем чтобы Морган имел там своего представителя. Я ожидаю вашего вполне откровенного ответа.

Коковцев.

№ 85. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

из Нью-Йорка, от 30 августа (12 сентября) 1905 г.

Полагаю, что исходя из моего разговора с Морганом, вам покуда следует вступить с ним в непосредственные письменные сноше-

[1]) Телеграммы №№ 84, 85, 86, 87, 88, 89—шифрованные.

ния. Личное знакомство ваше с банкирами весьма полезно, и ваша поездка с этою целью более нежели желательна [1]). Думаю вернуться не позже 20 сентября.

Витте.

№ 86. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву

от 30 августа (12 сентября) 1905 г.

Из благотворительных 60 т. долларов израсходовано, кроме 10 тыс. бедным Портсмуте, еще 10 тыс. Остаток 40 тыс. долл. кредитован обратно кредитной Моргана.

Витте.

№ 87. Телеграмма А. И. Путилова С. Ю. Витте

от 5 (18) сентября 1905 г.

Графом Сольским представлена государю записка, повидимому, его собственная, в которой проектируется учреждение кабинета министров с первым министром во главе и с упразднением комитета и совета министров. Всеподданейшие доклады отдельных министров упраздняются. Первому министру предоставляется представлять кандидатов на посты министров. Государем на записке положена резолюция: «Согласен, рассмотреть записку. В ней очень много верного и полезного». Министр финансов предполагает энергично возражать [2]).

Путилов.

№ 88. Телеграмма А. И. Путилова С. Ю. Витте

от 6 (19) сентября 1905 г.

По справке оказывается, что записка о кабинете министров представлена не Сольским, а передана ему государем. Чья она — неизвестно.

Путилов.

№ 89. Телеграмма С. Ю. Витте В. Н. Коковцеву [3])

от 9 (22) сентября 1905 г.

Согласно вашему желанию объяснялся с Рувье и Нецлиным относительно займа. Вот к каким заключениям я пришел. Первое. Следует сделать заем международный с Францией во главе и участием Англии,

---

[1]) Документы, относящиеся к поездке Коковцева для переговоров о займе, будут напечатаны в одном из следующих томов «Красного Архива».

[2]) С. Ю. Витте, «Воспоминания» т. I, 448.

[3]) Рукою В. Н. Коковцева синим карандашом написано: «Ответьте, что я совершенно с этим согласен и сделаю все от меня зависящее, как только вернется ст.-секр. Витте».

Германии, Америки и России. Франко-английский заем имеет неудобства, главное — может усложнить марокканский вопрос и вообще отношения Германии к Франции. Второе. Если встретятся препятствия к международному займу в цене и технических условиях — препятствий в существе не имеется, — то следует заключить заем прямо во Франции, потом в Германии, а если будет возможно, то современем в Америке и Англии. Третье. Международный заем может достигнуть цифры франков миллиард 800 миллионов, один французский 900 миллионов франков. Четвертое. Следует делать операцию скорее, особенно если ограничиться одной Францией. Все эти заключения разделяются Нецлиным и Рувье. Последний изъявил от имени французского правительства согласие на ту или другую операцию. Среду или четверг вернусь Петербург и передам все подробно.

Витте.

№ 90. Телеграмма ген. Линевича на имя м-ра финансов [1])

из Годзядяна, от 2 сентября 1905 г. № 9947. — Получена 3 сентября 1905 г.

Вместе с сим прошу генерала Палицына по докладе государю императору безусловно настаивать на присоединении к нашему участку жел.-дор. станции и города Куанчэнцзы в виду того, что этот пункт составляет главный складочный и торговый пункт и узел дорог Гиринской провинции [2]). Прошу также и вас поддержать мое представление об удержании за нами Куанчэнцзы, необходимого для нас по военным соображениям, столь же необходимого и в торговом отношении и тем более, что, кажется, нами выговорено у китайского правительства согласие на проведение нами ветки от Куанчэнцзы до Гирина [3]). По изложенному не откажите меня уведомить.

Главнокомандующий *Линевич.*

№ 91. Сопроводительное письмо к записке П. Унтербергера, адресованное В. Н. Коковцеву.

Конфиденциально.

Милостивый государь Владимир Николаевич!

В газетах появилось известие, что дальнейшая отправка войск на Дальний Восток, в виду подписания мирного договора в Порт-

---

[1]) Рукою В. Н. Коковцева, синим карандашом написано: «Хотя записка эта, вероятно, представлена и военному м-ру, тем не менее прошу послать ее ему вместе с копией этого письма. 7—IX».

[2]) Ст. VI Портсмутского договора передавала Японии «железную дорогу между Куанчэнцзы и П. Артуром» («le chemin de fer Kouan-Tchien-Tsy et Port-Arthur»).

[3]) В 1903 г. инженером Юговичем и гиринским цзян-цзюнем был подписан договор на постройку железнодорожной ветви от Куанчэнцзы к Гирину, но договор этот не был утвержден центральным китайским правительством.

смуте и заключения перемирия приостановлена. Так как степень достоверности этих сведений не установлена, а равно не приведены побудительные к тому причины, если этот факт действительно имеет место, то я позволяю себе представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства записку, касающуюся могущих быть последствий перемирия с Японией.

В основу записки положен нравственный облик того народа, с которым нам пришлось вести войну и с которым мне близко приходилось знакомиться во время моей многолетней службы на Дальнем Востоке.

Покорнейше прошу принять уверение в глубоком уважении и совершенной преданности.

Вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

П. Унтербергер.

4 сентября 1905 г.

Копия.

Записка по поводу могущих быть последствий перемирия с Японией.

Характерной чертой политики Японии за последнее время являлись непомерное самомнение и стремление во что бы то ни стало занять первое место на Дальнем Востоке.

Для этого впереди всего, независимо от территориальных приобретений, требовались крупные средства, но ждать таковых от постепенного нормального развития сил страны, Японии, повидимому, показалось слишком медленным и в то же время опасным, в виду быстрого роста сил России на берегах Тихого океана, а потому она и решилась вступить на путь военных предприятий.

В этих видах, надо полагать, была начата Китайская война, которая не обманула Японию в своих расчетах, дав ей возможность создать сильные армию и флот, необходимые для борьбы с Россией.

За счет последней, вероятно, предполагалось довершить здание великой японской державы.

На этот раз Япония ошиблась. Хотя и военные успехи были на ее стороне, но того именно, что ей требовалось — денежных средств в виде контрибуции — она не получила. Неудача эта ясно сознается японским правительством и народом, не скрывающими свое глубокое разочарование и недовольство по поводу исхода войны. Мало того, правительству и народу должно быть также ясно, что если в настоящую войну, которая велась при наиболее выгодных условиях для них и наиболее невыгодных для нас, японцы не достигли намеченной главной цели, то, очевидно, шансы на успех при будущем столкновении должны перейти на сторону России, раз она проложит второй железно-

дорожный путь до Владивостока и примет заблаговременно другие необходимые меры для усиления там своего положения. Но тогда и мечты Японии вершать судьбы народов на крайнем востоке будут лишены реальной почвы.

Трудно верить, что Япония помирится с таким нежелательным для нее положением и не приложит все старания к изменению его, насколько возможно, в свою пользу. Поэтому нам следует быть особенно осторожными, помня, что мы имеем дело с народом, среди которого шпионство, в разных его видах, доведено до совершенства и считается гражданскою доблестью, с народом чрезвычайно хитрым, настойчивым и неразборчивым в выборе средств для достижения своих целей.

Ближайшей же целью его, как нужно полагать, будет стремление ослабить значение для нас намеченных мирных условий.

Для этого Японии прежде всего нужно выиграть время, т.-е. оттянуть вопрос о ратификации мирного договора, дабы, пользуясь неопределенностью положения во время перемирия, увеличить, насколько возможно, свою боевую готовность на театре военных действий, при чем мы даже не будем знать о полученных неприятелем подкреплениях, так как высадка войск в многочисленных портах Ляодуна и Кореи не поддается никакому с нашей стороны контролю.

Последний период сухопутной войны доказал, что японский главнокомандующий не считает себя достаточно сильным, чтобы атаковать нашу армию с верным расчетом на успех.

Если же ныне, по заключении перемирия, усиление армии нами будет приостановлено, а японцами будет продолжаться [1]), то в скором времени на их стороне может оказаться решительный перевес, и они не замедлят этим воспользоваться. Относительно предлогов к предъявлению к нам новых требований и, в случае отказа, к возобновлению военных действий, Япония тогда едва ли будет стесняться; достаточно уже правительству выставить основанием отказ народа принять выработанные портсмутской конференцией условия.

Выигрыш времени выгоден для Японии также и по следующей психологической причине. Русская публика уже свыклась с мыслью о мире и когда, вследствие новых домогательств Японии, вновь возникнет опасность возобновления войны, то опять начнутся радикальной партией газетная кампания и пропаганда в пользу мира во что бы то ни стало, хотя бы при условии новых уступок Японии.

Поэтому я глубоко убежден, что нам следует, не покладая рук, продолжать с прежней энергией все военные приготовления и пополнение нашей действующей армии до тех пор, пока у нас не будет прочных гарантий, что японцы не могут получить над нами перевеса.

---

[1]) Ко всем слухам о недостатке новых резервов у Японии, плохого их качества, недостатка денежных средств нужно относиться с большою осторожностью, так как не раз подобные слухи в продолжение настоящей войны не оправдывались.

Те лишние средства, которые могут на это потребоваться, окупятся сторицей укреплением нашей силы на Дальнем Востоке, в тот момент, когда от нее можетъ зависеть многое.

Не следует также забывать, что если мы ныне, в расчете на мир, приостановим военные приготовления, а затем война все-таки вновь разразится при неблагоприятных для нас условиях, или нам по тем же причинам придется сделать новые уступки Японии, то, несомненно, неблагонадежные элементы воспользуются этим, дабы вызвать взрыв негодования по всей России, что может в свою очередь иметь в особенности для внутреннего ее состояния самые тяжелые последствия.

Генерал-лейтенант *Унтербергер*.

№ 92. Телеграмма В. Н. Коковцева главнокомандующему Линевичу в Годзядянь

от 6 сентября 1905 г.

Вполне согласен с мнением вашим о желательности присоединения к нашему участку железной дороги станции и города Куанчэнцзы, сделаю для достижения этого все от меня зависящее, лишь только по возвращении статс-секретаря Витте ознакомлюсь с постановлением мирного договора по этому предмету.

Коковцев.

№ 93. Перевод телеграммы Шанхайского отделения русско-китайского банка на имя Вышнеградского

от 8 (21) сентября 1905 г.

Решено ли что-либо определенное относительно места и способа уплаты 150 миллионов иен, упомянутых в мирном договоре? Надеемся, что дело будет устроено через посредство русско-китайского банка.

Копия.

№ 94. Телеграмма ст. сов. Давыдова на имя директора канцелярии м-ра финансов

из Пекина от 9 (22) сентября № 160.—Получена 9 сентября.

В виду предстоящих переговоров между Японией и Китаем по вопросам, из условий мира вытекающим, японцы уже ныне путем устного распространения слухов и печатания тенденциозных статей в китайских газетах начинают инспирировать здешнее общественное мнение в свою пользу. В этом смысле обращают на себя внимание, между прочим, стремления японцев касательно наилучшего способа улажения вопроса о южно-манчжурской ветви Китайской

Восточной ж. д. Судя по сведениям издаваемой японцами в Пекине газеты «Шунь-тянь-ши-бао», таковым способом является, конечно, выкуп этой линии Китаем. Так как, однако, для этого Китаю, по вычислениям газеты, потребовалось бы до 34.000.000 лан, каковой суммой он в настоящее время не располагает, то ему по необходимости пришлось бы прибегнуть к внешнему займу под залог линий. Заключение же такого займа угрожало бы опасностью негласного участия в нем посторонней державы, под которой разумеется, конечно, Россия, и Китай предоставил бы ей таким образом снова возможность вмешательств в его дела с последствиями, тождественными с настоящими. Но, конечно, никакой опасностью не угрожает улажение денежных дел по выкупу линии непосредственно между Японией и Китаем. Другим способом был бы выкуп вообще всех линий Китайской Восточной железной дороги, при чем в таком случае не было бы и опасности заключения внешнего займа, так как, возвратив себе Китайскую Восточную железную дорогу, Китай тем же самым лишил бы Россию средств вмешательства. Действительно, как сообщают из других источников, решение вопроса также в этой форме составляет будто бы один из предметов обсуждения возложенных китайским правительством на Юань-шикая в связи с поручением ему выработки программы будущих переговоров с Японией. Не имея возможности основательно удостовериться в справедливости этого слуха, я счел тем не менее необходимым, своевременно сообщить о нем нашему поверенному в делах, до сведения которого довел также крайне тенденциозное сообщение о разговорах между китайцами касательно заключения союза между Японией и Китаем и о приглашении сим последним маршала Ямагата стать во главе реорганизации китайской армии.

№ 95. Телеграмма ст. сов. Давыдова на имя директора канцелярии м-ра финансов

из Пекина от 11 сентября 1905 г. № 163. — Получена 12 сентября.

Китайский посланник в Токио будто бы телеграфировал в Вай-у-бу, что, вследствие народного негодования, ратификация мирного договора представляется ныне микадо вопросом, возбуждающим серьезное сомнение.

№ 96. Телеграмма ст. сов. Давыдова на имя директора канцелярии м-ра финансов

из Пекина от 11 сентября 1905 г. № 164. — Получена 12 сентября.

Из частных источников сообщают, что отсутствие у Китая средств, необходимых для выкупа у Японии линии Куанчэнцзы до Порт-Артура, побуждает китайское правительство склониться, как к наиболее вероятному разрешению этого вопроса, к оставлению линии за японцами.

№ 97. Пригласительная записка В. Н. Коковцеву от С. Ю. Витте.

В. нужное. Секретно.

Статс-секретарь граф Витте, свидетельствуя совершенное почтение его превосходительству Владимиру Николаевичу, имеет честь покорнейше просить пожаловать на совещание, имеющее быть в его квартире в среду, 21 сего сентября, в 2 часа дня для рассмотрения по высочайшему повелению всех вопросов, вытекающих из подписанного в Портсмуте мирного договора.

Форма одежды—сюртук.

При сем прилагается текст Портсмутского мирного договора.

20 сентября 1905 г. № 1520.

№ 98. Телеграмма мин. фин. Коковцева главнокомандующему Линевичу в Годзядянь.

По возбужденному вашим высокопревосходительством вопросу о настоянии перед японским правительством об оставлении за нами станции Куанчэнцзы, главным образом в виду возможности соединения рельсовым путемъ с Гириным, особое совещание, по высочайшему повелению образованное [1]), признало, что сама по себе станция Куанчэнцзы особого значения не представляет, хотя нам и надлежит настаивать на сохранении ее за нами, как находящейся в нашем владении. По вопросу же о соединении с Гириным совещание пришло к заключению, что уступка Японии южной ветви побуждает нас стремиться соединить Гирин с железной дорогой не в Куанчэнцзы, а в направлении к северу для устранения излишнего протяжения пути. Китайской дороге предлагается негласным путем сообразить этот вопрос, и посланику в Пекине будет указано в удобную минуту приобрести концессию от китайского правительства, которое не утвердило ранее составленного об этом соглашения. Заключения совещания на сих днях представляются государю императору. Настоящая телеграмма посылается по соглашению с военным министром и начальником генерального штаба.

Министр финансов статс-секретарь *Коковцев.*

№ 99. Журнал совещания 21 снетября 1905 г. [2])

для рассмотрения вопросов, вытекающих из договора с Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 г.

Присутствовали: председатель комитета государственной обороны е. и. в. в. кн. Николай Николаевич; председатель комитета мини-

[1]) Журнал этого совещания печатается ниже под № 99.

[2]) На подлинном собственною е. и. в. рукою начертано: «Читал». Петергоф 4 октября 1905 года.

стров д. т. с. статс-секретарь гр. Витте; министр финансов статс-секретарь Коковцев; военный министр генерал-лейтенант Редигер; морской министр вице-адмирал Бирилев; начальник генерального штаба генерал-лейтенант Палицын и товарищ министра иностранных дел шталмейстер выс. двора князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий.

Статс-секретарь граф Витте заявил, что заключенный в Портсмуте договор составлен был в общих выражениях, при чем многих вопросов уполномоченные вовсе не касались, чтобы не усложнять дела. Это дает повод к различному пониманию некоторых постановлений договора. Поэтому государь император повелел, во избежание недоразумений и переписки между ведомствами, собраться представителям заинтересованных в исполнении договора министерств и условиться о том, как понимать различные постановления договора.—Ввиду сего граф Витте предлагает членам совещания заявить, есть ли у них какие-либо сомнения относительно статей договора.

Генерал-лейтенант Палицын заметил, что во второй статье договора, где постановлено ограничение военных мероприятий на корейской границе, не обозначено, какого района касается это ограничение, например, распространяется ли оно на Ново-Киевский район или только на берег реки Тумына.

Статс-секретарь граф Витте пояснил, что во время переговоров район этот в точности не определялся, имелась в виду ближайшая к границе местность. Поэтому казалось бы желательным, в особенности в первое время по вступлении договора в силу, не возводить укреплений в полосе, прилегающей к самой границе, на расстоянии от нее приблизительно верст десяти.

Великий князь Николай Николаевич выразил эту мысль таким образом, что, следовательно, мы не должны принимать таких мер, при которых корейская граница оказалась бы «под обстрелом наших батарей».

Вице-адмирал Бирилев возбудил вопрос о том, каково будет на основании Портсмутского договора положение Кореи относительно Японии и положение русско-подданных в Корее?

Статс-секретарь граф Витте высказал следующее: «во исполнение высочайших указаний, я во время переговоров исходил из того положения, что наши права в Корее должны быть одинаковы с правами других держав. И в инструкции, которою я был снабжен от министерства иностранных дел, проводится та мысль, что вопрос о положении Кореи есть вопрос международный, который может быть решен только в зависимости от того, как к нему отнесутся другие державы. Взгляд Англии мы теперь знаем из текста нового англо-японского договора [1]),

[1]) Ст. 3 англо-японского договора 12 августа 1905 г.: «Ввиду того, что Япония имеет в Корее преобладающие интересы политические, военные и экономические, Великобритания признает за ней право принимать такие меры контроля,

но казалось бы желательным, чтобы министерство иностранных дел запросило по сему предмету и другие правительства, в особенности северо-американское».

Шталмейстер князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий сообщил, что министерство иностранных дел имеет в виду назначить своего представителя в Корею и, может быть, предварительно обратится к державам с запросом тотчас по ратификации договора.

Статс-секретарь граф Витте: «Во всяком случае суверенитет Кореи договором нисколько не поколеблен и, если другие державы пошлют в Корею посланников, то и мы можем послать. Окончательное выяснение этого вопроса не может замедлиться. Он по необходимости будет возбужден самим корейским правительством, представитель которого уже обращался ко мне и к министру иностранных дел по этому вопросу».

Шталмейстер князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий: «Русское правительство никогда не признавало мероприятий Японии, имевших целью уничтожение независимости этого государства. Лучшим доказательством такого взгляда служит пребывание здесь до настоящего времени посланника, которому русское правительство выплачивает содержание с тем, чтобы впоследствии взыскать его с корейского правительства».

Статс-секретарь граф Витте: «Независимость Кореи никак не могла быть уничтожена договором между Россиею и Японией, так как это вопрос международный».

Вице-адмирал Бирилев возбудил вопрос о том, насколько англо-японский договор может касаться дальнейшей политики России и был ли он принят во внимание при портсмутских переговорах.

Статс-секретарь граф Витте: «Из частных источников мне было известно в Портсмуте, что между Англией и Японией идут переговоры. Опасаясь каких-либо неожиданностей с этой стороны, я тогда же запросил министра иностранных дел. Он ответил, что сносился уже с послом нашим в Лондоне, но что получить точных сведений о переговорах не оказалось возможным. В бытность мою во Франции, а затем и в Германии я убедился, что и французская, и германская дипломатия столь же мало осведомлены о ходе лондонских переговоров. Самый текст договора я получил от графа Бенкендорфа перед отъездом изъ Парижа. Что касается влияния англо-японского договора на русскую политику, то это слишком большой и сложный вопрос, чтобы говорить о нем здесь».

Генерал-лейтенант Палицын: «Согласно договору русские и японские войска должны тотчас по ратификации начать эвакуацию Манчжурии, но о Корее ничего не сказано. Это может вызвать

покровительства и управления, какие она сочтет необходимым принять, чтобы оградить свои интересы, с тем, однако, чтобы эти меры не противоречили принципу равного благоприятствования торговле и промышленной деятельности всех наций.» (*Б. Р.*)

недоразумения. Я уже телеграфировал главнокомандующему, что наши войска должны быть выведены из Кореи на левый берег Тумына, но японские войска могут ли остаться?»

Статс-секретарь граф Витте: «Ход переговоров по этому вопросу был следующий: японские уполномоченные представили план эвакуации и требовали, чтобы подробные правила по сему предмету были приложены к самому договору. Этот проект я отверг на том основании, что ни я, ни мои сотрудники по военной части окончательного заключения в Портсмуте дать не могли, требовалось сношение с военным министерством и с главнокомандующим, что затянуло бы дело. Соответственно этому, японцы взяли свой проект обратно и предложили нам представить план эвакуации. Я счел возможным высказать им только главные основания, а именно общий срок эвакуации и равномерность отвода войск, требуя, чтобы подробности были выработаны на месте командующими армиями. Тогда японцы представили свой проект, в котором было прямо сказано, что все японские войска из Манчжурии отходят на арендованную территорию и в Корею. В переговорах с бароном Комурой я высказал, что не могу согласиться на такое постановление в договоре, так как отвод японской армии в Корею может встревожить все державы и служить угрозой миру на Дальнем Востоке. Барон Комура согласился вычеркнуть упоминание о Корее, но категорически заявил, что никакого вмешательства в распоряжения Японии относительно количества войск, которое она намерена держать в Корее, не будет допущено. Я более не настаивал, потому что это общий международный вопрос, в котором одинаково заинтересованы другие державы. И вот объяснение того, что в договоре об этом не упомянуто. Перед отъездом из Америки, когда отношения наши с японцами приняли более спокойный характер, я спросил барона Комуру в частной беседе, предполагают ли японцы держать в Корее большое количество войск, на что он ответил, что на это у них нет средств и что там, конечно, будет оставлено возможно меньшее количество вооруженных сил. В заключение считаю долгом высказать свое мнение, что нам надлежит, до выяснения обстоятельств, держать в южно-уссурийском крае возможно большее количество войск».

Генерал-лейтенант Палицын заметил, что для наших войск, расположенных в южно-уссурийском крае, будет весьма неудобно присутствие японских войск в северной Корее, не только в стратегическом, но и в хозяйственном отношении. Дело в том, что весь скот для продовольствия войск южно-уссурийского района идет из Кореи. Подвоз его будет до крайности затруднен, если там будут находиться японские войска. Поэтому было бы желательно путем дипломатических сношений повлиять, чтобы японцы отвели свои войска из северных районов Кореи в более южные, тем более, что и топографические и климатические условия северной Кореи являются для квартирования войск крайне неудобными.

Статс-секретарь граф Витте разъяснил, что возбуждение теперь подобного вопроса несвоевременно, но что когда будет назначен в Японию наш посланник, и если он сумеет установить с японским правительством хорошие отношения и внушить къ нам доверие, тогда, вероятно, все подобные вопросы будут улаживаться без особых затруднений.

Генерал-лейтенант Палицын, обращаясь к вопросу об уступке Японии, по ст. 6 договора, южно-манчжурской железнодорожной ветки от Куанчэнцзы до Порт-Артура, просит разъяснения, кому будет принадлежать самая станция Куанчэнцзы, каковой вопрос уже поднят был и главнокомандующим.

Статс-секретарь граф Витте: «Вопрос о принадлежности станции на Портсмутской конференции не обсуждался. С точки зрения технической очень трудно решить теперь, насколько эта станция необходима или возможно построить другую; об этом придется говорить в связи с обсуждением вопроса об установлении прямого сообщения между японскими и нашими линиями. Но из того, что о принадлежности станции Куанчэнцзы на конференции не возбуждалось вопроса, логический вывод тот, что станция эта остается за теми, кто ею владеет, т.-е. за нами. Самый факт владения ею дает нам некоторые права. Главнокомандующему надлежало бы ответить на его запрос, что когда он приступит къ передаче японцам железнодорожной линии, то такая передача должна быть произведена только *до станции*, судьба коей будет выяснена в зависимости от технических и других соображений».

Совещание вполне соглашается с таким мнением и предлагает министру финансов ответить генералу Линевичу по соглашению с военным министром.

Статс-секретарь Коковцев обращает внимание на другую сторону этого вопроса. Станция Куанчэнцзы, по его мнению, не представляет большого значения для дороги, потому и принадлежность ее японцам или нам не имеет решающего значения; она может быть перенесена к северу или к югу в зависимости от технических соображений. Гораздо больше значения имеет город Куанчэнцзы, но о нем не может быть речи, так как он должен быть передан Китаю. Центром тяжести всего вопроса надо признать то, что от станции Куанчэнцзы идет торговый тракт на Гирин. Главнокомандующий упоминал об этом, а также о праве нашем на железнодорожную ветку между Куанчэнцзы и Гирином. По этому поводу статс-секретарь Коковцев считает долгом напомнить, что договор на постройку этой ветки действительно был заключен, но не утвержден китайским правительством. Вопрос о том, кому будет принадлежать эта ветка, является самым существенным, вот почему и японцы обратили на него серьезное внимание. Казалось бы поэтому, что, не придавая решающего значения вопросу собственно о станции Куанчэнцзы, нам следует безотлагательно озаботиться ограждением наших интересов в смысле принятия мер к обез-

печению за нами возможности соединить с Восточно-Китайскою железнодорожною магистралью город Гирин, как центр целой огромной области, представляющей выдающееся экономическое и политическое значение.

Статс-секретарь граф Витте соглашается с этим мнением и излагает ход переговоров по сему предмету в следующих выражениях: «Японцы предъявили требование об уступке им всей линии до Харбина и твердо стояли на этом во все время переговоров. Я доказывал, что наиболее справедливым пунктом раздела линии был бы тот, который отделяет фактическое владение японцев от нашего, и указывал на Гунчжулин, как на более подходящий пункт. После долгих споров японцы предложили взять реку Сунгари в том месте, где она второй раз пересекается железною дорогою к югу от Харбина, как самый естественный раздельный пункт. Когда же я предложил Куанчэнцзы, они сейчас возбудили вопрос о том, кто будет строить железнодорожную ветку на Гирин. Я ответил, что не знаю, есть ли там ветка. Барон Комура заявил, что нет. Тем не менее, я запросил по телеграфу и после получения отрицательного ответа продолжал переговоры по этому предмету. Японцы настаивали, чтобы мы им предоставили постройку ветки, соглашаясь на этом условии признать Куанчэнцзы раздельною станциею. Я ответил, что это—дело Китая. Если Китай, разрешит им строить ветку, то мы не встретим к тому возражений, но давать такого разрешения не можем. Особенного значения этой ветке при переговорах я не придавал, во-первых, потому что если японцы будут ее строить, то и за нами сохраняется право строить всякую другую ветку на соединение нашей дороги с Гирином, во-вторых, потому что с переходом южно-манчжурской линии к японцам наш путь в Гирин будет лежать уже не через Куанчэнцзы, а прямо с севера. В отыскании такого пути и постройке соответствующей железнодорожной ветки заключается главная наша задача в этом вопросе.

Совещание единогласно признало правильность такого взгляда, при чем было, между прочим, высказано мнение, что наиболее естественный путь в Гирин лежит через город Нингуту или же по реке Сунгари, и что выяснение этого вопроса надлежит поручить Китайской Восточной железной дороге, а затем уже обратиться по сему предмету к министру иностранных дел, для сношения с китайским правительством.

Генерал-лейтенант Палицын обращает внимание совещания на ст. 7 договора о том, что железные дороги в Манчжурии должны эксплоатироваться исключительно с экономическою, а не стратегическою целью, и что изъятие из этого правила, сделанное для линии, проходящей по Ляодунскому полуострову, дает Японии более выгодное стратегическое положение, чем России.

Статс-секретарь граф Витте: «При переговорах мы исходили из того положения, что концессия наша относительно способа эксплоатации Манчжурской железной дороги находится в полной силе. Уже

по этой концессии мы обязаны пользоваться дорогою в коммерческих, а не военных целях, а в случае необходимости перевозить войска и военные запасы во Владивосток, везти их транзитом, не выгружая в Манчжурии. Но это обстоятельство касается наших отношений с Китаем, а не с Японией. Японцы сначала очень настаивали на всевозможных ограничениях наших прав пользования дорогою, не подозревая, что когда зайдет речь об участке, который отходит к ним, я потребую тех же ограничений для них, на основании строгой взаимности. Такое требование было им очень неприятно, но им пришлось уступить; и тогда они прежнюю более резкую редакцию этой статьи смягчили.—Что касается права их пользоваться для военных целей южным участком дороги, пролегающим по арендованной территории, и устраивать там стратегическую базу, то я на это указывал при переговорах. Японцы мне на это ответили, что мы имеем возможность устроить такую же базу в южно-уссурийском крае, лежащем ближе к Харбину и другим центральным пунктам, чем Ляодунский полуостров. Вообще новое положение вещей вызывает необходимость постепенно оборудовать двойной путь на наших дорогах окраины и вообще принять необходимые меры в пределах империи. Что касается запасов и складов, имеющихся в Харбине и других пунктах вдоль линии железной дороги, то казалось бы, что они могут остаться. Подвозить же новые запасы, имеющие чисто военный характер, надлежит с большою осторожностью и даже в первое время вовсе таковых не подвозить, а затем руководствоваться обстоятельствами и тем, как будут действовать сами японцы».

Вице-адмирал Бирилев указывает на то, что редакция 9 статьи о свободе Лаперузова и Татарского проливов не вполне ясна и возбуждает сомнение в том, могут ли японцы, а также можем ли мы строить какие-либо укрепления по берегам этих проливов?

Статс-секретарь граф Витте разъясняет, что ограничение этого права относительно острова Сахалина совершенно ясно и несомненно. «Что же касается воспрещения японцам строить укрепления на южном берегу Лаперузова пролива, т.-е. на острове Иезо, то редакцию этого ограничения по необходимости пришлось оставить несколько неясною, потому что если бы мы возбудили вопрос о более точном ее изложении, то японцы тотчас потребовали бы категорического ограничения нашего права относительно территории Приморской области, омываемой Татарским проливом. Между тем для нас, по заключению моих сотрудников по военно-морской части, гораздо важнее сохранить свободу действий на нашей территории, чем добиться воспрещения японцам строить укрепления на Иезо ценою отказа от такой свободы действий. Поэтому я и решил оставить редакцию этой статьи, насколько она не касается Сахалина, несколько неопределенною».

Вице-адмирал Бирилев возбуждает вопрос—имеем ли мы право занимать и устраивать другие базы по Тихоокеанскому побережью, кроме Владивостока?

Статс-секретарь граф Витте поясняет, что никакого ограничения в этом отношении в Портсмутском договоре нет.

По вопросам о захвате японцами до войны нескольких коммерческих судов, а равно о желательности для нас устройства вдоль реки Тумына, на корейской территории, нейтральной полосы, возбужденных вице-адмиралом Бирилевым, статс-секретарь граф Витте высказал мнение, что обсуждение их подлежало бы отложить до тех пор, когда в Японии будет наш посланник.

Статс-секретарь Коковцев, обращая внимание совещания на первую дополнительную статью, а именно на ту часть ее, где говорится о праве обеих договаривающихся держав иметь стражу для охраны их железных дорог в Манчжурии, возбуждает вопрос о том, из каких войсковых частей будет состоять эта стража; будет ли эта обязанность возложена попрежнему на заамурский округ пограничной стражи, или же на какие-либо другие войска?

Статс-секретарь граф Витте: «С точки зрения переговоров с Японией этот вопрос не имеет значения; мы можем содержать на линии железной дороги войска какого угодно оружия, лишь бы количество их соответствовало договору, при чем я высказываюсь за то, чтобы была оставлена попрежнему пограничная стража. Но с точки зрения нашего внутреннего управления этот вопрос имеет существенное значение, и я намерен поставить его гораздо шире. Независимо от 15 человек на километр, нам необходимо иметь целый штат военных в качестве служащих на железной дороге—начальников станций, стрелочников, кондукторов и проч., которые носили бы партикулярное платье, но представляли бы стройную организацию и могли бы при первой необходимости составить определенную воинскую часть. Японцы давно пользуются этим средством. До войны было в Манчжурии и Сибири множество японских офицеров, которые не гнушались различными промыслами для достижения военных задач. То же самое было на Мадагаскаре, когда там стояла эскадра адмирала Рожественского. Я считал бы очень важным выработать и у нас соответствующую систему».

Великий князь Николай Николаевич замечает, что мысль эта бесспорно представляет громадное значение, и что ее следует иметь в виду, так как при надлежащей постановке и правильном развитии подобная система может дать большие результаты. Но в настоящий момент едва ли своевременно возбуждать этот вопрос, так как он зависит от того, какую общую директиву благоугодно будет его императорскому величеству преподать для дальнейшего направления нашей политики на Дальнем Востоке.

По вопросу о том, кому должна быть подчинена железнодорожная стража, военный министр высказал следующую мысль: «Возложение охраны дороги, попрежнему, на пограничную стражу представляется весьма желательным. Она привыкла к этому делу, приспособилась к местности и обстоятельствам, при том же заре-

комендовала себя во время войны очень хорошо в боевом отношении. Но не будет ли правильнее и удобнее передать пограничную стражу в ведение военного министерства. Командование военной частью затруднительно и несвойственно министерству финансов. Высшая организация отдельнаго корпуса пограничной стражи в настоящее время приспособлена для задач, имеющихся преимущественно на западной границе. Гораздо правильнее было бы подчинить заамурский отдел высшему начальнику — генералу, который, в свою очередь, был бы подчинен ближайшему генерал-губернатору. В противном случае хорошие боевые качества этой части войск, приобретенные во время войны, могут в мирное время утратиться. По этим соображениям я полагал бы, оставив охрану железной дороги попрежнему на обязанности пограничной стражи, заведывание этой стражей передать в военное министерство».

Статс-секретарь граф Витте: «Хотя я теперь не министр финансов и пограничная стража мне не подчинена, но я должен заметить, что передача ее в военное ведомство представляла бы большие неудобства. Все стороны жизни пограничной стражи тесно связаны с железною дорогою. Начальник дороги — военный; надо стремиться к тому, чтобы и остальные служащие были по преимуществу военные, хотя бы и не носили военного платья, и чтобы весь этот штат был объединен под одною сильною властью. Необходимо иметь в виду, что вся материальная часть, касающаяся обмундирования, расквартирования, пайка и др. — зависит ныне от железной дороги и происходит на совершенно иных основаниях, чем в остальных воинских частях. Здесь приходится считаться с особенностями службы пограничной стражи, разбросанной на большом пространстве по два, три человека. Поэтому насколько справедливо предложение военного министра с точки зрения командной, настолько оно неудобно в хозяйственном отношении; пришлось бы все переделывать, что едва ли желательно. Притом, если пограничная стража будет подчинена военному ведомству, а состав железнодорожных служащих останется в подчинении железнодорожной администрации, то это создаст повод для безконечных недоразумений и пререканий между отдельными лицами в ущерб общему делу. Во избежание такого положения необходимо было бы принять ныне одну из схем, предлагавшихся до войны, и установить, что пограничная стража, во всем, что касается ее хозяйства (житья-бытья), должна оставаться попрежнему в заведывании железнодорожной администрации и министерства финансов, что же касается военной части, то в этом отношении она должна быть в известной мере подчинена местной высшей военной власти — генерал-губернатору или наместнику».

Статс-секретарь Коковцев заявил по этому поводу следующее: В экономическом отношении пограничная стража находится в полной зависимости от железной дороги, которая доставляет ей квар-

тиры и отопление. Если она перейдет в военное заведывание, то всю заботу об этом должно будет взять на себя военное министерство. Другое, не лишенное важности, соображение состоит в том, что железная дорога руководствуется уставом на основании договора с Китаем. Не будет ли передача стражи в военное ведомство истолкована как нарушение этого договора? Наконец, как показал опыт войны, военное ведомство имеет и ныне сильное влияние на боевую подготовку пограничной стражи и на ее военно-учебную часть, несмотря на то, что во всех остальных отношениях она подчиняется министерству финансов. Вопросу о подготовке всего корпуса пограничной стражи и в особенности заамурского ее округа в боевом отношении всегда придавалось особое значение, и принятые в этом отношении до настоящего времени по министерству финансов меры обеспечивают за военным ведомством всю необходимую сферу влияния. По соглашению бывшего министра финансов статс-секретаря Витте с бывшим военным министром генерал-адъютантом Куропаткиным установлен по этому предмету особый порядок, который и дал уже благие результаты. Хотя строевое обучение чинов пограничной стражи и боевая подготовка корпуса, как передового авангарда нашей армии, занимающего нашу границу, и отражается некоторым ущербом на непосредственных задачах пограничного надзора по предупреждению контрабанды, тем не менее собственно на военную подготовку стражи до сего времени никаких жалоб со стороны военного ведомства не поступало. В частности же боевая организация заамурского округа на виду у всех. Этот округ выполнил с честью выпавшую на его долю задачу: целый ряд оказанных государем императором этому округу милостей служит наглядным доказательством того, что подведомственность округа министерству финансов не отразилась каким-либо ущербом на его службе как на охране дороги, так и на полях сражения.

Ввиду высказанныхъ соображений, статс-секретарь Коковцев, оставаясь при убеждении о необходимости сохранить нынешнюю организацию пограничной стражи, просил совещание решить этот вопрос окончательно в ту или другую сторону, так как для министерства финансов важно знать в точности, какие у него будут в этом отношении впредь права и обязанности.

Генерал-лейтенант Редигер высказал по этому вопросу еще следующие соображения: если мы имеем право содержать по 15 человекъ на километр, то не все эти люди будут расставлены по километрам, а возможно большую часть их необходимо будет собрать в Харбин в виде его гарнизона и вместе с тем в виде резерва всей обороны железной дороги. Можно надеяться, что в Харбине удастся иметь, примерно, 6 — 8 тысяч человек, что составит почти дивизию. Неудобно и ненормально, чтобы такая большая воинская часть находилась вне ведения военного начальства. В случае какой-либо опасности, когда прежде всего мосты будут разрушены и другие

пути сообщения затруднены, этот гарнизон или отряд должен будет самостоятельно отстаиваться до прихода подкреплений. Это будет авангард. Поэтому необходима возможно большая милитаризация пограничной стражи, что невозможно без подчинения ее сильной военной власти. Будет ли она целиком передана в военное министерство или будет принято какое-нибудь среднее решение, зависит, конечно, от дальнейшего обсуждения.

Великий князь Николай Николаевич высказывает предположение о том, не найдут ли возможным министерства военное и финансов войти между собою въ соглашение, чтобы то количество войск, которое нужно фактически для охраны железной дороги от нападения хунхузов и т. п. (охрана пути), было поставлено в ведение министерства финансов, а весь излишек войск, который предназначен для других военных задач, был бы подчинен военному министерству.

Статс-секретарь Коковцев высказывает по сему предмету, что выделение большого резерва будет затруднительно. С уходом войск, пограничной страже придется нести тяжелую службу. Опыт последнего времени доказал необходимость постепеннаго увеличения состава пограничной стражи, который со времени постройки железной дороги доведен до 25 тысяч. Притом, если железная дорога в опасности, то достижение других стратегических задач затруднено. Охрана железной дороги является первою стратегическою задачею, которая требует достаточного контингента. Из-за нескольких тысяч человек, которых возможно было бы выделить, едва ли представляется целесообразным заводить отдельное хозяйство и отдельное командование.

Совещание постановляет оставить пограничную стражу в нынешнем положении, но предложить министрам финансов и военному войти между собою в соглашение относительно усиления влияния военного начальства на пограничную стражу в командном отношении, если в этом встречается действительная надобность.

Шталмейстер князь Оболенский заметил в виде справки, что количество стражи в 15 человек на километр является максимальным, что̀ необходимо иметь в виду при расчетах. Китайское правительство уже обращалось к нам с протестом против такого количества стражи, указывая на то, что самое назначение ее, нарушая права и обязанности Китая по охране дороги и противореча духу железнодорожных соглашений, может дать повод к недоразумениям.

Придавая вопросу объединения власти при положении нашем в северной Манчжурии, созданном Портсмутским договором, весьма важное значение, генерал-лейтенант Палицын высказался: не следует ли вообще дорогу и пограничную стражу подчинить военному ведомству, тем более, что кроме пограничной стражи на дороге в настоящее время имеется 6 батальонов железнодорожных войск. Если это неудобно, то и тогда ради сохранения указанного выше начала

не только дорога, но и все на ней находящееся должно быть объединено в министерстве финансов.

Статс-секретарь Коковцев высказывает мнение, что вопрос о войсках заамурскаго округа, в виду самого положения железной дороги, которую они призваны охранять, представляется крайне щекотливым и что при разрешении его необходимо соблюдать большую осторожность.

Затем статс-секретарь Коковцев обращает внимание совещания на статью 6 договора, в силу коей Россия уступает Японии южно-манчжурскую железную дорогу «со всеми правами, привилегиями, имущественною собственностью и угольными копями, принадлежащими железной дороге или разрабатываемыми в ее пользу (pour son profit)», и проект определенных указаний о том, как министерству финансов поступать впредь относительно затрагиваемых этою статьею концессий, и в частности относительно Фушунских копей. История этих копей такова. Еще до войны было образовано для их разработки китайское общество Хуан-Син-Ли, которое выпустило паи. Поэтому концессия на разработку Фушунских копей принадлежит частной китайской компании. $^3/_4$ акций этой компании были приобретены русско-китайским банком. Но так как банк, по уставу, не имеет права заведывать концессией, то бывший тогда министром финанов статс-секретарь Витте образовал манчжурское горно-промышленное общество, которое и является почти полным собственником Фушунских копей. Дело усложняется еще тем, что в составе товарищества есть иностранные капиталисты. Во время войны Фушунские копи снабжали всю армию углем. Теперь они находятся в японских руках. Является весьма важным выяснить, как должно министерству финансов отнестись к этому вопросу: надлежит ли добиваться восстановления прав манчжурского горно-промышленного общества или же надо поставить крест на все это дело.

Статс-секретарь граф Витте высказывает мнение, что вопрос этот должен быть рассмотрен юристами при участии представителей от министерств финансов и иностранных дел. А затем, если такая комиссия придет к заключению, что имеются достаточные основания для восстановления прав общества, то весь материал, выработанный комиссиею, мог бы быть передан министерству иностранных дел для надлежащего сношения с японским правительством через посредство посланника в Японии.

Статс-секретарь Коковцев, возбуждая вопрос о положении Китайской Восточной железной дороги, высказывает следующие соображения:

«С самого начала войны возникал вопрос о том, правильно ли нахождение железной дороги в руках частного общества и не следует ли изменить такой порядок. Я в то время разъяснял невозможность и несвоевременность какого-либо изменения. Во время

войны дорога вполне оправдала себя, находясь в заведывании частного общества. Между тем вопрос о судьбе дороги возникал и до войны и во время ее и теперь вновь возбуждается. В виду сего весьма важно для руководства министерства финансов выяснить, каково должно быть административное положение дороги. Вопрос возникал с двух сторон: не передать ли дорогу министерству путей сообщения или же в военное министерство. Проект передачи дороги в министерство путей сообщения объясняется тем, что министерство уже заведывает дорогами, примыкающими с двух сторон к Китайской дороге. Но если обратить внимание на особенности казенной эксплоатации железных дорог вообще, то станет ясным нежелательность передачи Китайской дороги министерству путей сообщения и возникает даже вопрос о желательности присоединения к Китайской железной дороге Уссурийской ветви, состоящей в ведении министерства путей сообщения. Что касается передачи ее военному министерству, то к этому нет решительно никаких оснований. Не касаясь тех всем известных обстоятельств, что находившаяся некогда и притом в течение многих лет в эксплоатации военного министерства Закаспийская железная дорога оказалась столь неудовлетворительно оборудованною и управляемою, что ее пришлось изъять из ведения военного министерства и передать в управление путей сообщения; справедливость побуждает заявить, что нахождение Китайской Восточной железной дороги в заведывании министерства финансов ни в чем не затруднило военного министерства; дорога провезла все поезда, какие требовались, всех людей и грузы, какие отправлялись, и приспособилась во всех отношениях к военным потребностям. Поэтому требование передачи дороги в военное ведомство является непонятным. Между тем самое возбуждение подобных вопросов мешает правильному ходу дела и притом вопрос этот затрагивает отношения с Китаем. Поэтому если мы дорожим соблюдением договоров и экономическим положением дороги, то казалось бы необходимым оставить ее в нынешнем положении, тем более, что дороге суждено в ближайшем будущем осуществить важные экономические задачи в северном Китае, если только мы не станем нарушать правильного течения дел возбуждением вопросов, не выдвигаемых действительною жизнью».

Статс-секретарь граф Витте: «В настоящее время нельзя и думать о передаче дороги в другое ведомство. Об этом сейчас же узнают за границею и выведут заключение, что мы имеем какие-либо особые замыслы. Тот факт, что железная дорога находится в руках частного общества, значительно облегчал переговоры в Портсмуте. Когда японцы указывали на то, что в Харбине у нас учреждена правительственная власть, я возражал, что это не правительственная власть, а законные распоряжения частного общества, действующего на основании концессии, полученной от китайского правительства, и что подобные же права может приобрести всякая другая

компания, насколько они будут ей даны Китаем. Поэтому возбуждать теперь вопрос о передаче дороги в другое ведомство неудобно с точки зрения международной. Но необходимо принять меры, чтобы дорога, хотя и находящаяся в руках частного общества, соответствовала всем военным целям, потому что не подлежит сомнению, что эта дорога наиболее стратегическая из всех наших дорог. Так, например, можно назначить от военного ведомства второго члена правления дороги, можно также назначить на линии особых офицеров для заведывания передвижением войск.

В заключение вице-адмирал Бирилев заявил, что предстоит послать транспорт для доставления в разные порта Японии комиссаров по приему пленных и просил совещание высказать мнение, надлежит ли послать военное судно, придав этому первому после войны появлению русского флага известную торжественность или же это является неудобным.

Совещание признало более осторожным ограничиться на первый раз посылкою коммерческого судна под коммерческим флагом, если одно из таковых успеет прибыть из Шанхая, в противном же случае послать посыльное судно или транспорт под военным флагом.

Таким образом особое совещание пришло к следующим заключениям:

1. Ограничение военных мероприятий на корейской границе, упомянутое в статье 2 договора, не распространяется на весь Южно-Уссурийский район, а касается лишь ближайшей к границе полосы, с таким соображением, чтобы граница не оказалась под обстрелом наших батарей.

2. Независимость Кореи договором не уничтожена и попрежнему может признаваться императорским правительством; но взгляд других держав на этот вопрос желательно проверить путем зависящих сношений министерства иностранных дел.

Русско-подданные будут пользоваться в Корее всеми правами и преимуществами, какие там принадлежат другим иностранцам.

3. Новый англо-японский договор был обнародован после Портсмутского договора, поэтому при переговорах наших с японцами не мог быть принят в соображение.

4. Японское правительство отказалось включить в договор обязательство относительно количества своих войск в Корее. Поэтому, впредь до выяснения обстоятельств, нам надлежит держать в южно-уссурийском крае достаточное количество войск.

5. Неудобство для нас нахождения, в особенности в северной части Кореи, японских войск может быть устранено только путем переговоров будущего нашего посланника с японским правительством, если между нами установятся доверчивые отношения.

6. Вопрос о том, кому будет принадлежать раздельная станция Куанчэнцзы на южно-манчжурской железной дороге, при пере-

говорах не возбуждался. Станция эта находится в наших руках, и вопрос о ней подлежит решению последующими переговорами.

7. Вопрос о праве сооружения железнодорожной ветки от Куанчэнцзы на Гирин не имеет для нас существенного значения в виду того, что, с переходом южно-манчжурской линии в руки японцев, наш путь на Гирин будет лежать уже не через Куанчэнцзы, а прямо с севера через Нингуту или по реке Сунгари.

8. Допуская некоторую неопределенность в редакции части статьи 9 договора о воспрещении укреплять берега Лаперузова и Татарского проливов, имелось в виду оставить за нами известную свободу действий относительно мероприятий на материке. Что же касается Сахалина, то возведение на его побережьи каких бы то ни было укреплений для обеих сторон воспрещено.

9. Право императорского правительства устраивать базы на всем нашем Тихоокеанском побережье вне вод Татарского пролива договором не затронуто и не ограничено.

10. Вопрос о захваченных японцами до объявления войны коммерческих судах надлежит отложить до восстановления с Японией правильных дипломатических сношений.

11. Охрана Китайской Восточной железной дороги должна быть попрежнему возложена на заамурский округ пограничной стражи, с оставлением его на прежних основаниях в заведывании министерства финансов, но с предоставлением военному начальству необходимой доли участия в надзоре за строевым обучением чинов округа и их боевою подготовкою.

12. Необходимо выработать и ввести у нас систему замещения некоторых должностей на Китайской Восточной железной дороге военными чинами, не носящими военной формы, но составляющими строго организованные кадры на случай мобилизации.

13. Для выяснения прав манчжурского горно-промышленного общества на Фушунские угольные копи, захваченные японцами, надлежит поручить рассмотрение этого вопроса опытным юристам при участии представителей министерств финансов и иностранных дел, и в случае благоприятного их отзыва передать выработанный ими материал в министерство иностранных дел для сношений с японским правительством.

14. Возбуждение вопроса о передаче Китайской Восточной железной дороги из ведения министерства финансов в другое министерство ныне несвоевременно. Но необходимо принять меры, чтобы дорога соответствовала всем военным целям, как дорога стратегическая, для чего в случае надобности можно было бы усилить в правлении дороги представительство от военного министерства и назначить на линии офицеров для заведывания передвижением войск.

15. Для доставления в порта Японии русских комиссаров по приему военнопленных послать, в видах предосторожности, не

военное судно, а транспорт или посыльное судно под военным флагом.

Журнал этот подлежит представлению через министра иностранных дел на высочайшее благовоззрение.

Подлинный подписан: граф *С. Витте*, *В. Коковцев*. *А. Редигер*, *А. Бирилев*, *Ф. Палицын*, Князь *В. Оболенский*.

С подлинным верно: Делопроизводитель совещания ст. сов. *Плансон*.

№ 100. Секретная телеграмма Д. С. С. Покотилова [1]) м-ру ин. дел

Пекин, 18/31 октября 1905 г.

Вчера генералы Орановский и Фукушима подписали соглашение, в силу которого эвакуация войск начинается с флангов; войска отводятся в 25—30 верстные полосы по обе стороны железной дороги, к 18 декабря наши фланги должны быть введены в эту полосу до станции Шуан-мяо-цзы, японские—до Чантуфу; к 19 мая будущего года русские отходят до Гунчжулина, японцы до Телина; к 19 июля русские до города Куанчэнцзы, японцы до Мукдена; кроме того, обе стороны обязаны иметь ко 2 апреля не более 250.000 строевых, ко 2 октября не более 75.000 и ко 2 апреля будущего года закончить эвакуацию. Уступленная железная дорога передается соответственно—к 19 мая до Гунчжулина, к 19 июля остальная часть. Точное определение конечного северного пункта уступленной железной дороги последует дипломатическим путем. Пропуск лиц не китайцев, едущих в районы, занятые русскими и японскими армиями, решается с предварительного каждый раз сношения штабов обеих сторон.

Верно. За Делопроизводителя *Кн. Маврокордато*.

№ 101. Копия телеграммы главнокомандующего генерал-адъютанта Линевича на имя м-ра финансов

из Годзядяня от 22 октября 1905 г.

Семнадцатого октября уполномоченными армий с моей стороны генерал-майором Орановским и со стороны маршала Ойямы генерал-майором Фукушима подписан протокол соглашения о порядке эвакуации из Манчжурии и о порядке передачи железной дороги:

Статья первая: «На основании добавочной статьи к статье третьей мирного договора между Россией и Японией, подписанного пятого сентября нового стиля—двадцать третьего августа старого стиля

[1]) Русский посланник в Пекине.

сего года в Портсмуте, заключено следующее соглашение: «Пункт а): К 31/2 декабря нового стиля [1])—восемнадцатому декабря старого стиля 1905 года, русские войска в Манчжурии, занимающие фронтальные позиции, должны быть отведены в район Итунчжоу—Ихечен—Уицгоу—Бамиенчен—Суанченза и к северу; к 31/2 декабря нового стиля [2]) 18/2 декабря старого стиля 1905 года японские войска в Манчжурии, занимающие фронтальные позиции, должны быть отведены в район Факумынь—Цзинцзятунь—Чантуфу—Вейпумынь—Фушун и к югу. Пункт б): К первому июня нового стиля, девятнадцатому мая старого стиля 1906 года, русские войска должны отойти на линию Суанченза—станция Гунчжулин—Итунчжоу и к северу от этой линии; японские войска на линию Фукумынь—Телин—Фушун и к югу от этой линии. Пунктъ в): К первому августа нового стиля, девятнадцатому июля старого стиля 1906 года, русские войска должны быть отведены на линию Санхотунь—город Куанчэнцзы—Палипу и к северу от нее; японские войска на линию—Синминтин—город Мукден—Фушун и к югу от нее. Пункт г): Каждая из договаривающихся сторон обязуется иметь в Манчжурии к пятнадцатому апреля нового стиля, второму апреля старого стиля 1906 года, не более двухсот пятидесяти тысяч строевых, а к пятнадцатому октября нового стиля, второму октября старого стиля 1906 года, не более семидесяти пяти тысяч строевых. К пятнадцатому апреля нового стиля, второму апреля старого стиля 1907 года, эвакуация войск обеих сторон из Манчжурии должна быть закончена. Пункт д): Средняя численность стражи, которую обе договаривающиеся стороны могут содержать для охраны своих железнодорожных линий в Манчжурии согласно первой добавочной статьи к Портсмутскому договору определяется по пятнадцать человек на километр.

Статья вторая, пункт а): Для передачи железнодорожной линии каждая из договаривающихся сторон назначает комиссию в числе трех членов из числа офицеров управления военных сообщений и инженеров. Комиссии должны начать работу около средины апреля нового стиля 1906 года, точное время и место встречи комиссий определяется отдельным соглашением. Пункт б): Сдача и прием железнодорожной линии к югу от станции Гунчжулина должна быть исполнена к первому июня нового стиля, девятнадцатому мая старого стиля 1906 года, а станция Гунчжулин и участок к северу от нее—к первому августа нового стиля, девятнадцатому июля старого стиля 1906 года. Пункт в): Точное определение конечного северного пункта железнодорожной линии, передаваемой Японии, будет решено дипломатическим путем».

Последнее решение принято вследствие того, что уполномоченные не могли притти к взаимному соглашению относительно станции

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Так в подлиннике

Куанчэнцзы. Кроме того, заключено особое соглашение о порядке допуска посторонних армий лиц в районы их расположения, согласно которому пропуск лиц, кроме местного населения, из района одной армии в район другой, должен исполняться лишь по взаимному соглашению обеих сторон, об изложенном мною донесено его императорскому величеству. 11625.

Подписал: Главнокомандующий генерал-адъютант *Линевич*.

№ 102. Письмо А. П. Извольского В. Н. Коковцеву

августа 19 дня 1906 г. № 4549.

Милостивый государь Владимир Николаевич,

Японский посланник в С.-Петербурге обратился ко мне, по поручению своего правительства, с ходатайством о передаче последнему в дар нижеследующих шести подлинных договоров, заключенных между Россиею и Китаем:

1) Конвенция, заключенная 15 марта 1898 года, об отдаче в арендное пользование Порт-Артура, Талиенвана и прилегающей территории,

2) Дополнительный протокол по тому же предмету, подписанный 25 апреля 1898 года,

3) Соглашение относительно разграничения арендованной территории,

4) Концессия, заключенная 16 августа 1896 года на постройку и эксплоатацию Китайской Восточной железной дороги,

5) Дополнительный договор от 24 июня 1898 года о сооружении и эксплоатации южно-манчжурской ветви.

6) Соглашение и правила относительно железных дорог в провинциях Финтянской, Гиринской и Хэйлунцзянской.

Принимая во внимание, что первые три договора не имеют для нас в настоящее время какого-либо практического интереса, так как относятся всецело до аренды территории, отошедшей по Портсмутскому договору в пользование Японии, я не находил бы препятствий к передаче подлинных текстов договоров японскому правительству, тем более, что со стороны правительства богдыхана уже последовало официальное уведомление о согласии на передачу японцам арендованной в 1898 году территории.

Напротив того, я полагал бы, согласно с мнением посланника в Пекине, с коим было сделано сношение по этому поводу, нежелательным передать японскому правительству договоры, перечисленные в остальных трех статьях и касающиеся железнодорожных предприятий в Манчжурии, так как в них заключаются обязательства, поныне еще связывающие китайское правительство по отношению к нам.

Предварительно, однако, окончательного решения этого вопроса, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать сообщить мне ваше заключение по сему предмету [1]).

Примите, и проч.

Извольский.

№ 103. Письмо В. Н. Коковцева А. П. Извольскому.

Отпуск. Секретно.

Милостивый государь Александр Петрович,

Письмом от 19 сего августа, № 4549, ваше превосходительство изволили просить моего заключения по вопросу о передаче Японии некоторых подлинных договоров, заключенных нами с Китаем.

Вследствие сего, имею честь сообщить вам, милостивый государь, что я присоединяюсь к мнению вашему о том, что договоры, касающиеся арендования нами Квантунской области, не представляют для них никакого практического значения и могли бы быть переданы японскому правительству. При этом я, однако, затрудняюсь высказаться о том, насколько удобно произвести такую передачу непосредственно японцам, и не представлялось ли бы более корректным по отношению к китайскому правительству предварительно снестись с ним по данному предмету.

Что же касается договоров о железных дорогах в Манчжурии, которые содержат обязательства, доныне связывающие китайское правительство по отношению к нам, то на мой взгляд означенные договоры следует признать не подлежащими передаче японскому правительству.

Примите, м. г., и пр.

В. Коковцев.

30 августа 1906 г. № 443.

№ 104. Копия секретной телеграммы д. с. с. Бахметеву [2]).

С.Петербург, 5 октября 1907 г. [3]).

Можете заявить японскому правительству, что мы готовы уплатить вознаграждение за содержание наших военно-пленных в установленном им размере. Предварительно, однако, необходимо иметь

---

[1]) Рукою В. Н. Коковцева сделана надпись: «Едва ли можно присоединиться к этому заключению.

«Корректно ли по отношению к Китаю,—не возвратить ему эти договоры?»

[2]) Русский поверенный в Токио.

[3]) Доставлена при записке управляющего м-вом и. дел от 7 октября № 1914. (Подлинн. передана в Кред. Канц.).

полную уверенность, что японцы признают заявленный нами счет. Уплата вознаграждения, за вычетом согласно статье 13 Портсмутского договора причитающейся японцам части, может состояться в месячный срок со дня получения от вас извещения о последовавшем официальном заявлении, при чем министр финансов предпочел бы произвести расчет и уплату в Лондоне. В этом же смысле я объясняюсь завтра с японским поверенным в делах, которому поручено было просить об ускорении окончания денежных расчетов с нами.

Считали бы желательным воспользоваться настоящим случаем, чтобы вновь побудить японское правительство к скорейшему благоприятному разрешению интересующих нас дел.

Верно: За делопроизводителя *В. Гельд.*

Сообщил *Б. Романов.*

КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ПРОЛИВЫ.

(Очерки из истории дипломатии накануне мировой войны.) [1])

К докладу С. Д. Сазонова была приложена записка «О необходимости увеличения наших морских сил на Черном море». Сравнивая размеры наличных и строющихся флотов России и Турции, записка приходит к выводу, что—1) в 1913 г. на Черном море господствует русский флот, 2) в 1914—1916 г.г. господство перейдет к флоту турецкому и 3) в 1917 г. снова установится некоторое преобладание русского флота. Затем в записке говорится:

«Ко всем этим соображениям, указывающим на предстоящее опасное положение на Черном море, присоединяется еще невозможность для России и, наоборот, полная возможность для Турции в любое время увеличить свой флот в Черном море приобретением готовых судов и введением их в это море через проливы. Кроме того, нельзя упускать из виду и другое преимущество Турции, а именно возможность, заказывая суда в Англии или Германии, получать новые корабли в два года, тогда как для сооружения судов на наших черноморских верфях требуется около четырех лет.

С другой стороны необходимо помнить, что преобладание наше в Черном море, при существующем положении вопроса о проливах, может считаться обеспеченным лишь при значительном превосходстве наших сил перед турецкими, которые в критическую минуту могут получить подкрепление вводом в Черное море флота дружественной Турции державы.

Неудовлетворительность нашего морского положения на Черном море является в настоящее время тем более прискорбной, что можно ожидать в недалеком будущем новых осложнений на Ближнем Востоке и в связи с ними, быть может, и открытия вопроса о проливах, для разрешения которого в благоприятном для нас смысле необходимо наличие достаточной морской силы в Черном море.

Все вышеизложенное приводит к выводу, что нами должны быть безотлагательно предприняты новые усилия и сделаны новые жертвы для обеспечения необходимого нам решительного господства на Черном море» [2]).

Как доклад министра иностранных дел от 23 ноября, так и приложенная к нему записка были сообщены морскому министру при письме С. Д. Сазонова от 5 декабря 1913 г. за № 1021 [3]), на коем И. К. Григорович наложил резолюцию: «На отзыв и для доклада по мор. ген. штабу». Результатом этого явился доклад, представленный морскому министру 9 декабря 1913 г. за № 470 [4]) и указывающий на чрезвычайно суще-

---

[1]) «Красный Архив», т. VI, стр. 48—76.

[2]) Мориском, № 531.

[3]) Дело Мор. Ген. Штаба по 2 опер. отдел. под названием «Соображения об усилении Черноморского флота 1913—1914 г.г.». Мориском, № 735.

[4]) Мориском, № 735.

ственный факт постоянного усиления турецкого флота (в частности покупку Турцией строящегося в Англии бразильского дредноута «Рио де Жанейро»). Отмечая затем целый ряд связанных с этим стратегических опасностей для России (среди которых имеется и та, что «идея наступательных действий против проливов и Константинополя отпадает тогда совсем»), морской генеральный штаб продолжает:

«В свою очередь такие угрожающие стратегические перспективы, даже если войны не будет в течение 1914—1916 г. г., на что мы надеемся, несомненно могут тяжело отразиться на твердости и вескости русского голоса в международном концерте и в сношениях с Турциею в ближайшее время, между тем как голос этот, по общему признанию, и теперь уже недостаточно влиятелен».

В качестве выхода из этого тяжелого положения, морской генеральный штаб предлагает следующие мероприятия:

1) Добиться ускорения окончания, хотя бы на несколько месяцев, уже начатых постройкой судов.

2) Обратиться в министерство иностранных дел с просьбой добиться дипломатическим путем задержания отправки в Турцию строящихся в Англии дредноутов «Решад V» и «Рио де Жанейро». «При ускорении на несколько месяцев постройки черноморских дредноутов и задержке на несколько месяцев появления в Константинополе турецких—опасный срок превосходства на Черном море турецкого флота настолько сократится, что, вероятно, наша дипломатия сможет взять на себя задачу в этот срок сохранить мир дипломатическим путем без каких-либо серьезных жертв со стороны России». Однако этих мер все же недостаточно и необходимо еще

3) Сделать попытку купить за границей два готовых дредноута и добиться согласия Турции на проведение их в Черное море, достигнуть чего можно было бы взамен согласия России на оставление в Константинополе Лиман фон-Сандерса [1]). В случае невозможности покупки иностранных судов, их в крайнем случае можно было бы заменить судами Балтийского флота.

4) «Наконец, ко всем этим мероприятиям должна быть прибавлена разработка нового плана операции, которая бы предусматривала посылку в 1914—1915 г. г., при определенных политических и стратегических условиях, Балтийского флота в Средиземное море для действий против Турции».

По обстоятельствам, причина коих нам неизвестна, доклад морского генерального штаба от 9 декабря 1913 г. был рассмотрен морским министром только 20 декабря, когда он наложил на нем резолюцию: «Прошу обсудить первое предположение». В этот же день И. К. Григорович обратился к С. Д. Сазонову с письмом № 4998-342 [2]) следующего содержания:

«Милостивый Государь Сергей Дмитриевич.

В ответ на секретные письма вашего высокопревосходительства №№ 1021 и 1057 с. г. и по вопросам, затронутым во всеподданнейшей записке вашей от 23 ноября с. г., имею честь сообщить вам следующее.

Морское ведомство всецело присоединяется к взглядам, формулированным министерством иностранных дел, что: 1) Россия не может допустить перехода проливов

[1]) Об этом см. следующую главу.
[2]) Мориском, № 731.

Босфора и Дарданелл в обладание какой-либо другой державы, так как проливы в руках другого государства означали бы полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству, переход к нему гегемонии на Балканах и овладение им ключами для наступательного движения в Малую Азию; 2) что поэтому и в связи с международно-политической обстановкой настоящего и ближайшего будущего времени, Россия не может не готовиться к наступлению событий, могущих в корне изменить положение константинопольских проливов, т.-е. должна приготовить с политической и со стратегической стороны надежную операцию овладения Константинопольским каналом, в случае крупных международных осложнений, грозящих окончательной ликвидацией «восточного вопроса».

Что касается подготовки для этого, собственно, морской силы, морское ведомство, присоединяясь ко взгляду министра иностранных дел о необходимости безотлагательно приступить к значительному усилению Черноморского флота, с своей стороны считает долгом указать на то, что Россия, вообще говоря, не может иметь трех *отдельных* первоклассных флотов, т.-е. что для решения такой стратегической и политической задачи, как обеспечение свободы морского выхода России из Черного в Средиземное море, предназначены *оба* наших флота—и Черноморский и Балтийский. Это положение влечет за собою два реальных следствия. Имея в виду формулированную министерством иностранных дел и одобренную его императорским величеством государем императором идею—начать теперь же серьезную подготовку отечества к стратегической задаче в Константинопольском канале,—морское министерство поставлено перед необходимостью: 1) срочно разработать новые программы судостроения и ряд других мероприятий стратегического подготовительного характера не только для Черноморского, но и для Балтийского наших флотов. К срочной разработке этих мероприятий уже приступлено, и 2) разработать и представить новые планы и операции, имеющие в виду действия нашего Балтийского и Черноморского флотов совместно из Черного и Средиземного морей при политическом и стратегическом объекте действий в виде Константинополя и проливов Босфора и Дарданелл. Эти планы войны и операций тоже разрабатываются.

В обеих, упомянутых только что, работах морского ведомства оно будет весьма нуждаться в поддержке министерства иностранных дел при проведении различных мероприятий и в правительственных и в законодательных кругах, и сверх того по подготовке для будущих операций флота благоприятной политической обстановки.

Обращаясь к последнему вопросу, морское ведомство с особенным удовлетворением узнает о том, что, благодаря усилиям вашего высокопревосходительства, является надежда сохранить Румынию вне тройственного союза и в тесном согласии с Россией и ее союзниками, и о том, что не потеряна возможность тесного политического единения с Болгарией.

Возможно тесное сближение с Румынией и Болгарией чрезвычайно важно для того, чтобы наши планы операций, имеющие своим объектом Константинополь и проливы, были бы выполнены.

В связи с изложенным находится также полное согласие морского ведомства с тем положением министерства иностранных дел, которое говорит, что в ближайшие годы России желательна отсрочка окончательной ликвидации восточного вопроса при строгом сохранении политического «status quo».

Лишь по выполнении всей программы нашей военной на море подготовки к решению тех важнейших политических и стратегических задач, которые формулированы всеподданнейшей запиской вашего высокопревосходительства от 23 ноября с. г., морское ведомство считало бы себя в праве сказать, что флот готов в военном отношении. Выполнение же этой программы военной подготовки флота, при условии полной поддержки министерства финансов, других ведомств и законодательных учреждений, можно сейчас наметить в течение пяти лет по меньшей мере.

Что касается проектируемого вашим высокопревосходительством «Особого совещания», морское ведомство, присоединяясь к идее его созвания, ожидает от министерства иностранных дел дальнейших о нем сведений».

Сравнивая выраженную в этом письме Григоровича, также как и в докладах мор. ген. штаба от 7 ноября и 9 декабря точку зрения морского ведомства на вопрос о проливах, с известным уже нам взглядом на этот предмет министерства иностранных дел, нельзя не заметить между ними одного существенного различия [1]), которое заключается в том, что оборонительному по существу (не взирая на его ярко-выраженный империалистический характер) плану министерства иностранных дел, морское ведомство противопоставляло план, носящий определенно агрессивный и наступательный характер.

Если таким образом ознакомление с уже известными нам документами приводит нас к выводу, что и в России, как во всех остальных империалистических государствах, военное и военно-морское ведомства были настроены гораздо более решительно, чем ведомство дипломатическое, то этот вывод целиком подтверждается чтением составленного одновременно с письмом Григоровича к Сазонову 22 декабря 1913 г.—доклада морского министерства за подписью Григоровича и кн. Ливена Николаю II [2]), одобренного этим последним 30 декабря. Доклад этот носит явные черты сходства с уже известным нам проектом всеподданнейшего доклада Немица и составлен, без всякого сомнения, именно на основании этого проекта.

Доклад морского министерства начинается с изложения степени осуществления малой судостроительной программы и указывает на необходимость усиления военно-морского строительства. Затем в докладе говорится:

«Высочайшие вашего императорского величества резолюции, наложенные на всеподданнейшей записке министра иностранных дел от 23 ноября с. г. и на секретном донесении императорского посла в Константинополе от 14 ноября с. г. [3]) дают морскому ведомству высочайшее вашего императорского величества указание о «необходимости чрезвычайных усилий для достижения в будущем преобладания нашего флота на Черном море» в связи с поставленным министерством иностранных дел вопросом о необходимости для отечества быть в ближайшие годы готовым к согласному с интересами и достоинством России решению «восточного вопроса».

---

[1]) Напоминаем, что С. Д. Сазонов считал вопрос о том, следует ли России стремиться к завладению Константинополем и проливами,—спорным и выводил необходимость подготовки к такому захвату из того, что вопрос о проливах будет поставлен на очередь независимо от желания России.

[2]) Мориском, № 731.

[3]) Телеграмма М. Н. Гирса от 14 ноября 1913 г. за № 189 указывает на намерение Турции купить у Италии три военных судна и отмечает необходимость ускорения и усиления нашего судостроения. На подлиннике этой телеграммы Николай II наложил следующую резолюцию: «Продолжаю считать первейшим условием спокойного развития юга России безусловное преобладание ее Черноморского флота над турецким. Поэтому нам предстоит необходимость чрезвычайных усилий для достижения и в будущем этого преобладания на Черном море» (Пись мо Сазонова Григоровичу от 5 дек. 1913 г. за № 1022. Мориском, № 735).

Это высочайшее вашего императорского величества указание со всем возможным рвением принято морским ведомством к исполнению, вследствие чего в настоящее время разрабатывается новая программа судостроения и ряд других мероприятий по приведению нашего флота в наибольшую оперативную готовность в кратчайшее время. Результаты упомянутой только что работы морского ведомства в ближайшие недели будут представлены на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение.

Упомянутые только что работы, которыми определится дальнейшее развитие нашего судостроения и вообще всех мер, связанных с развитием нашего флота и его подготовкой к своим боевым операциям, требуют, чтобы в основу их было положено совершенно определенное намерение относительно употребления создаваемой морской силы в деле. В основу создания, развития и подготовки будущего флота ради целесообразности и плодотворности всего этого большого дела необходимо положить соображения характера «оперативного» (стратегического), т.-е. уже теперь должны быть определенно формулированы руководящие идеи планов войны будущего строящегося флота. Эти же последние могут быть определенно формулированы лишь при предварительном утверждении ясно выраженных политических целей отечества, для достижения которых должен быть подготовлен к известному сроку данный строящийся флот.

Из всеподданнейшей записки министра иностранных дел от 23 ноября с. г., которая удостоилась высочайшего вашего императорского величества одобрения в Ливадии 27 ноября с. г., министерство морское усматривает, что главной внешней политической задачей отечества на ближайшие годы должна быть признана надежная охрана полной и постоянной свободы важнейшего морского торгового пути России—из Черного моря Константинопольским каналом в море Средиземное. Такая задача может быть разрешена только одним единственным способом: Россия должна приобрести в этих водах господство на море. А это последнее, по мнению морского генерального штаба, может быть достигнуто лишь при наличии в упомянутых водах соответственно достаточной русской морской силы, и притом не только в Черном море, но и в Эгейском море. Величина этой «достаточной» силы и в Черном и в Эгейском морях каждый год будет находиться в зависимости от наличной силы других морских держав и вообще от всей стратегической и политической международной обстановки; она может быть конкретно предусмотрена для ближайших лет, до 1919 г. включительно, и определяется как одна эскадра Балтийского флота для действия в Эгейском море в составе 12 линейных кораблей с соответственным числом крейсеров и мелких судов и одна эскадра Черноморского флота в составе 8 линейных кораблей с соответствующим числом вспомогательных частей флота. После 1919 г. потребная сила нашего флота еще не может быть предусмотрена, но, вероятно, будет возрастать.

Систематическая и успешная подготовка операций нашего флота для приобретения господства на море в Константинопольском канале [1]) и в прилегающих к нему водах Эгейского и Черного морей требует тщательной и усиленной работы не только морского ведомства, но также министерства военного и некоторых других, главным образом министерств иностранных дел, торговли и промышленности и финансов. Эта подготовка может быть выполнена лишь в течение нескольких лет. Поэтому морское

[1]) На подлинном рукой Николая II слова «Константинопольском канале» подчеркнуты, а на полях поставлен вопросительный знак.

ведомство всецело присоединяется к предложению министерства иностранных дел о необходимости (после окончания некоторых подготовительных работ) созвать «Особое совещание» для выработки тех руководящих директив, которые, исходя из одобренной вашим императорским величеством идеи—что Россия не может допустить, чтобы какая-либо держава утвердилась на проливах Босфора и Дарданелл, и потому должна быть готова к овладению этими проливами в случае, если крупные европейские осложнения поставят для окончательного решения восточный вопрос,—должны будут указать соответственные задачи и сроки их выполнения названным министерствам для приведения отечества в состояние готовности достигнуть только что формулированную политическую цель.

Испрашивается высочайшее вашего императорского величества повеление положить в основу дальнейшего развития нашего флота упомянутую выше задачу:—приобретение господства [1]) на море в Константинопольском канале и прилегающих к нему водах».

Такова в окончательном виде точка зрения морского министерства на вопрос о проливах в той форме, в какой она сложилась к концу 1913 года [2]). Если, как мы уже отмечали, между этой точкой зрения и взглядами главы дипломатического ведомства (на стороне коего, как на это указывают пометки на докладе Григоровича, стоял, повидимому, и сам Николай II) существовало довольно значительное расхождение, то все же следует помнить, что о более миролюбивом характере позиции С. Д. Сазонова можно говорить лишь в очень и очень относительном смысле. Мы уже видели, что желание Сазонова не возбуждать искусственно восточного вопроса и ждать момента, когда он будет поставлен помимо воли России, имело в качестве предпосылки обязательное усло-

---

[1]) На подлинном слово «господства» подчеркнуто и на полях рукой Николая II приписано: «на Черном море».

[2]) Для дополнения характеристики настроения морского ведомства в конце 1913 г. не безынтересно будет остановиться на относящейся к декабрю 1913 г. переписке между морским и иностранным ведомствами по вопросу об островах Эгейского моря. Мы видели выше, что ровно за год до этого—в декабре 1912 г.—русская дипломатия с ведома и согласия морского министерства обещала грекам острова Лемнос, Имброс, Тенедос и Самофракию. Между тем 4 декабря 1913 г. российский морской агент в Константинополе Щеглов обратился в морской генеральный штаб с шифрованной телеграммой следующего содержания:

«Наш министр иностранных дел уведомил посла, что он готов присоединиться к предложению английского правительства—дать остров Лемнос Греции. Посол находит, что это противно интересам России, т. к. будущий развивающийся греческий флот и сосредоточенный у Лемноса запрет России Дарданеллы. Посол телеграфировал в Петербург, что считает необходимым оставить все три острова, замыкающие Дарданеллы,—Лемнос, Имброс и Тенедос Турции. Желательно, чтобы морское ведомство поддержало мнение посла теперь же».

На этой телеграмме начальник морского генерального штаба кн. Лиевен в тот же день наложил резолюцию: «Доложить министру, что это безусловно правильно» и под воздействием этого доклада И. К. Григорович обратился 5 декабря к С. Д. Сазонову с письмом, в котором указывал, что «с точки зрения морской и стратегической необходимо оставить в руках Турции острова, запирающие Дарданелльский пролив—Лемнос, Имброс, Тенедос и Самофракию».

Министр иностранных дел ответил следующим письмом от 9 декабря за № 1043:

«Милостивый государь Иван Константинович.

Секретным письмом от 5 сего декабря за № 4714 вы изволили сообщить мне, что с точки зрения морской и стратегической представлялось бы необходимым оставить в руках Турции острова Лемнос, Имброс, Тенедос и Самофракию.

Между тем, как было сообщено начальнику морского генерального штаба письмом от 10 декабря 1912 г. за № 884, мы, по соглашению с морским ведомством, заявили в конце прошлого года греческому министру-президенту, что Россия готова согласиться на переход означенных четырех островов к Греции при условии их полной нейтрализации.

Ныне постановка вопроса относительно островов Имброса и Тенедоса изменилась, вследствие принятого державами на основании греческого предложения решения сохранить их за Турцией. Признав возможным в свое время присоединиться к этому решению, соответствующему интересам России, в виду того, что инициатива его исходила от Германии, я, однако, признавал бы невозмож-

вие—сохранение военного и дипломатического «status quo» на Босфоре. Всякое событие, вносящее в существовавшее в то время положение хотя бы малейшее изменение — конечно, не в пользу России, должно было вызвать решительный поворот в настроениях русской дипломатии, превратить ее позицию из выжидательной в резко агрессивную. Такой поворот неизбежно вытекал из положения вещей, и для его наступления требовалась лишь наличность соответствующего повода. Таким поводом оказалось дело Лиман фон-Сандерса.

III.

Телеграммами от 20 октября (2 ноября) за № 928, и 23 окт. (5 ноября), за № 936, российский посол в Константинополе М. Н. Гирс уведомил С. Д. Сазонова, что в ближайшие дни ожидается приезд в Константинополь новой германской военной миссии во главе с ген.-лейт. Лиман фон-Сандерсом, при чем, в отличие от ранее отправляемых в Турцию германских военных миссий, миссия ген. Лимана будет обладать не только инструкторскими, но и командными функциями, т. к. во главе 1-го, расположенного в Константинополе, корпуса турецкой армии будет поставлен германский офицер [1]). Вполне понятно, что такая комбинация не могла понравиться русской дипломатии, и М. Н. Гирс в той же телеграмме от 23 окт. (5 ноября) сообщал, что в разговоре с германским послом Вагенгеймом он ему сказал, что «было бы несравненно благоразумнее выбрать для образцового командования какой-либо корпус, расположенный где-либо дальше от столицы и от проливов» [2]).

Та же самая точка зрения была высказана и в телеграмме А. А. Нератова к послу в Берлине С. Н. Свербееву от 25 окт. (7 ноября), в которой он, поручая ему зондировать почву насчет сообщенного Гирсом известия, указывал, что

ным брать на себя почин в изменении решения относительно всех четырех островов, что противоречило бы данному нами греческому правительству обещанию».

На этом письме морской министр 11 декабря наложил резолюцию «начальнику морского генерального штаба доложить о разногласии». Результатом этого доклада явилось письмо И. К. Григоровича от 13 декабря за № 4932-332 следующего содержания:

Милостивый государь Сергей Дмитриевич.

То разногласие в мнениях морского ведомства по вопросу об Эгейских островах, запирающих Дарданеллы, на которое ваше высокопревосходительство указываете в вашем секретном письме № 1043, объясняется значительным изменением и некоторым прояснением политической обстановки восточного вопроса в настоящее время сравнительно с тем, когда Болгария была близка к захвату Константинополя. Если проливы Константинопольского канала остались в руках Турции, то с точки зрения военно-морской очень важно сохранить теперь за этой державой и острова, запирающие Дарданеллы со стороны Эгейского моря.

Понимая, что взять по собственному почину назад данные Греции обещания России было бы трудно, мне представляется лучшим решением этого вопроса,—если бы упомянутые острова могли бы остаться в руках Турции вследствие протеста Германии. В крайнем случае, если не будет возможности оставить в руках Турции Лемнос и Самофракию, получающая их Греция должна дать самые серьезные гарантии в смысле невозможности для нее ими воспользоваться, как военною базою против Дарданелл.

Относительно двух других островов, Тенедоса и Имброса, как ваше высокопревосходительство сообщаете в секретном письме № 1043,—повидимому, выяснилось оставление их во владении Турции, что и соответствует военно-морским интересам России».

Приведенная переписка найдена в деле Морискома, № 731.

[1]) «Материалы по истории франко-русских отношений», стр. 631—632. Есть основание предполагать, что переговоры между турецким и германским правительствами были начаты еще весной 1913 г., но велись первоначально между военными ведомствами обоих государств, без ведома их министерств иностранных дел.

[2]) «Материалы», стр. 632.

«против командования не в столице, а в другой из соседних с нами частей Турции мы бы не возражали» [1]).

В ответ на протест русского посла германские дипломаты решились сделать вид оскорбленной невинности и, ссылаясь на имевшее место незадолго до того свидание Николая II с Вильгельмом II и Георгом V, на котором было решено поддерживать существующее в Турции status quo, вполне резонно заметили, что присутствие в Константинополе германского генерала «могло бы быть благодетельным, раз и Россия и Германия желают сохранить настоящий status quo в Турции» [2]). Но ведь мы уже отлично знаем, что если Россия в тот момент и хотела сохранить этот status quo, то лишь для того, чтобы подготовиться к его нарушению впоследствии, и именно это обстоятельство и имелось в виду С. Н. Свербеевым, когда он, описывая в письме от 1(14) ноября к С. Д. Сазонову свой разговор с товарищем статс-секретаря по иностранным делам Циммерманом, писал: «На это (т.-е. на цитированную выше фразу. *Я. З.*) я не дал Циммерману прямого ответа, так как если мы в настоящую минуту действительно и солидарны с Берлинским кабинетом в желании по возможности дольше уберечь Турцию от дальнейших захватов ее территории, то солидарность эта, очевидно, рушилась бы, как скоро наступил бы момент окончательной ликвидации восточного вопроса, а что момента этого можно ожидать при первых крупных осложнениях на Балканах, мне кажется, не подлежит сомнению» [3]).

Переговоры, начатые между русскими и германскими дипломатами по вопросу о миссии Лиман фон-Сандерса, совершенно случайно совпали со временем пребывания Берлине русского председателя совета министров В. Н. Коковцева.

5 (18) ноября В. Н. Коковцев имел свидание с имперским канцлером Бетман-Гольвегом, во время которого он высказал мысль, «что оставление проливов в руках Турции в настоящее время представляется наиболее желательным не только для России, но и для всей Европы и что.... Константинополь должен оставаться турецкою столицею, в неприкосновенности которой одинаково заинтересованы все великие державы» [4]), и предложил, в качестве выхода, следующую альтернативу: либо германская миссия отказывается вовсе от командных функций, либо германский генерал становится во главе корпуса, расположенного не в Константинополе, а в Адрианополе [5]) или «в одном из пунктов Малой Азии, но, конечно, не на нашей границе и не в сфере особых интересов Франции» [6]).

Та же самая точка зрения была высказана В. Н. Коковцевым и в его разговоре с императором Вильгельмом, состоявшемся 6 (19) ноября, из коего русский премьер вынес

---

[1]) Там же, стр. 632.
[2]) Там же, стр. 633.
[3]) Там же, стр. 634.
[4]) Доклад Коковцева Николаю II от 19 ноября 1913 г. «Материалы», стр. 625.
[5]) Вручение германскому генералу командования корпусом, расположенным в Адрианополе, было бы выгодно для России не только потому, что ликвидировало бы всю опасность, связанную с назначением Лимана фон-Сандерса в Константинополь, но еще и потому, что затруднило бы Болгарии доступ к турецкой столице, чего, как мы знаем из доклада С. Д. Сазонова от 23 ноября, русское правительство все еще продолжало бояться. Поэтому нельзя без улыбки читать следующие строки письма С. Н. Свербеева к С. Д. Сазонову от 8 (21) ноября: «по поводу указания с.-секр. Коковцева на Адрианополь, как на возможный центр деятельности немецкой военной миссии, я позволил себе обратить внимание председателя совета министров на то обстоятельство, что выбор этот вызвал бы, по всей вероятности, сильное возбуждение в Болгарии и тем еще более отдалил бы ее от России». «Материалы», стр. 639.
[6]) Там же, стр. 625.

впечатление, что германское правительство, вероятно, согласится пойти по второму из намеченных им путей [1]).

Однако прогноз Коковцева оказался чересчур оптимистичным, и уже 15 ноября С. Д. Сазонов телеграфирует С. Н. Свербееву:

«Германский поверенный в делах сообщил мне сегодня, по поручению Ягова [2]), что переговоры Германии с Турцией настолько определились, что в настоящее время трудно изменить принятое решение о предоставлении германским генералам командования в Константинополе, в связи с техническими соображениями неудобства определить для этого иное место, чем то, где находится генеральное управление военным ведомством. Тем не менее, генералу Сандерсу поручено на месте окончательно выяснить этот вопрос» [3]).

Итак, попытка разрешить вопрос о германской миссии в благоприятном для России смысле путем переговоров с Германией окончилась полной неудачей, и перед русской дипломатией осталось только одно средство—попытаться подойти с другого конца, т.-е. со стороны Турции. С этой целью Россия обратилась к Франции и Англии с предложением вручить Турции одновременные ноты протеста против миссии генерала Лимана, но и здесь, несмотря на первоначальное согласие обоих правительств (опасавшихся, что миссия немецкого генерала облегчит экономическое и политическое проникновение Германии в Малую Азию), русскую дипломатию ожидало тяжелое разочарование.

Причина его заключалась в следующем. За некоторое время до описываемых событий английское правительство, по просьбе Турции, отдало в ее распоряжение английского адмирала Лимпуса, и нет ничего удивительного в том, что когда английская дипломатия заикнулась о необходимости убрать Лимана, Германия и Турция не замедлили ответить, что раз во главе турецкого флота стоит английский адмирал, то почему бы германскому генералу не командовать турецким корпусом? Произошел большой конфуз, и англичане решили итти на попятный. 27 ноября (10 дек.) сэр Эдуард Грей заявил русскому послу Бенкендорфу, что к Турции следует обратиться не в угрожающей, а в вежливой форме [4]), что было равносильно отказу. А 30 ноября (13 дек.) Бенкендорф уже прямо сообщал, что «положение английского адмирала в самом деле один из германских доводов, который здесь приводит в замешательство» [5]).

Однако русская дипломатия сразу же нашла, что ответить. Совершенно ясно, что нахождение во главе турецкого флота английского адмирала никогда не могло особенно нравиться русскому правительству, и уже 27 ноября (10 дек.) М. Н. Гирс в телеграмме к Сазонову № 1039 предложил комбинацию, чрезвычайно выгодную с русской точки зрения.

«Это действительно щекотливое обстоятельство могло бы быть, полагаю, устранено если бы Англия по собственному почину и из желания облегчить Германии и нам выход из затруднительного положения предложила перевести место пребывания своего адми-

---

[1]) Там же, стр. 626.
[2]) Германский статс-секретарь по иностранным делам.
[3]) «Материалы», стр. 644.
[4]) Там же, стр. 655.
[5]) Там же, стр. 658.

рала из Константинополя в Измид, где ныне строится морской док, при этом адмирал этот остался бы во главе всего турецкого флота» [1]).

Само собой ясно, что эта мысль была сразу же подхвачена Сазоновым, который уже на следующий день, 28 ноября, предписал Бенкендорфу действовать в указанном Гирсом направлении [2]). Но не менее ясно, что Англия, которая посылкой своего адмирала имела, конечно, в виду защитить Константинополь не только от германских, но и от русских поползновений, не имела ровно никаких оснований итти на предлагаемую ей комбинацию. Вот почему хотя в разговоре с Бенкендорфом Грей и выразил как будто бы полусогласие на предложение русского министра [3]), но на практике английская дипломатия обошла полным молчанием сделанный ей намек. России не осталось ничего другого, как выразить свое согласие на ранее предложенное Греем вежливое обращение к Турции [4]), а когда это последнее окончилось полной неудачей [5]) и Сазонов пожелал узнать, в чем будет заключаться дальнейшие действия Англии [6]), то он получил ответ, что Грей не только решил воздержаться от дальнейших активных шагов [7]), но и затеял какие-то закулисные переговоры с Берлином [8]).

При таком положении вещей русскому правительству не оставалось ничего иного, как попытаться снова завести непосредственные разговоры с германскими дипломатами—сперва в Константинополе [9]), а затем в Берлине. Но попытки привлечь к этим переговорам и Англию с Францией кончились полной неудачей [10]) (обе державы заявили, что будет лучше, если переговоры будет вести одна Россия), а разговоры Свербеева с приехавшим в то время в Берлин германским послом в Турции бар. Вагенгеймом и фон-Яговым не только не дали каких-либо определенных результатов [11]), но и показали, что начавшиеся между Англией и Германией закулисные переговоры могут привести к соглашению обеих держав за счет России [12]).

23 декабря 1913 г. С. Д. Сазонов обратился к Николаю II с докладом [13]), в котором, излагая основные моменты последних переговоров с Берлином, приходил к выводу, что «нельзя не разделить сомнений российского посла в Берлине, что умышленное затягивание переговоров свидетельствует о желании выиграть время, дабы разбить возможность объединенных действий держав тройственного согласия, после чего нам останется лишь примириться с совершившимся фактом».

---

[1]) Там же, стр. 654.
[2]) Там же, стр. 655.
[3]) Телеграмма Бенкендорфа Сазонову от 29 ноября (12 дек.). «Материалы», стр. 659.
[4]) Телеграмма Сазонова Гирсу от 29 ноября. «Материалы», стр. 660.
[5]) Телеграмма Гирса Сазонову от 2 (15) декабря. «Материалы», стр. 661.
[6]) Телеграмма Сазонова Бенкендорфу от 3 дек. ст. ст. «Материалы», стр. 661—662.
[7]) Телеграмма повер. в делах в Лондоне Н. С. Эттера Сазонову от 7 (20) дек. «Материалы», стр. 670.
[8]) Телеграмма Эттера Сазонову от 9 (22) дек. «Материалы», стр. 671.
[9]) Телеграмма Сазонова Гирсу от 8 дек. ст. ст. «Материалы», стр. 671.
[10]) Телеграмма Извольского от 17 (30) дек. и письмо Эттера от 19 (31) дек. «Материалы», стр. 674—675 и 677—678.
[11]) В письме к Сазонову от 20 дек. (2 янв.) Свербеев даже высказывал предположение, что цель Германии заключается в том, чтобы выиграть время и затруднить совместные действия России с Францией и Англией. «Материалы», стр. 684.
[12]) Это выразилось, между прочим, в том, что как Вагенгейм, так и фон-Ягов высказались против удаления адмирала Лимпуса из Константинополя, что, понятно, вызвало вполне законное удивление С. Н. Свербеева (Письма Свербеева к С. Д. Сазонову от 19 дек. (1 янв.) и 20 декабря (2 января). «Материалы», стр. 679—682 и 683—684).
[13]) Дело мор. ген. штаба по 2-му опер. отдел. под названием «Босфорская операция», Мориском, № 776

Затем С. Д. Сазонов продолжал:

«Обдумывая дальнейший наш образ действия в случае весьма возможного неуспеха наших непосредственных переговоров в Берлине и Константинополе, нельзя не высказать следующих соображений:

В виду выраженного Францией и Англией желания, мы решили выждать последствий поездки барона Вагенгейма в Берлин и личного его доклада канцлеру. В настоящее время мы могли бы доверительно поставить в известность обе державы о характере последних бесед нашего посла в Берлине с германскими государственными людьми и указать им, что, не отказываясь от продолжения этих переговоров, мы в то же время не слишком рассчитываем на их успех. В силу этого, нам необходимо теперь же заранее условиться относительно того, в какой мере мы можем рассчитывать на содействие обеих держав в дальнейших совместных выступлениях.

Нельзя, конечно, скрывать от себя всей серьезности такого рода выступлений, если бы они были решены державами тройственного согласия.

В самом деле, если Россия, Франция и Англия решатся повторить совместное представление в Константинополе о недопустимости командования иностранным генералом корпусом в Константинополе, то они должны быть готовы к подкреплению своего требования соответственными мерами понуждения. Нам предстоит, следовательно, быть осведомленными о том, расположены ли Франция и Англия в принципе к таким мерам понуждения и в чем таковые могли бы заключаться.

Оставляя нашим военному и морскому ведомствам определить, какие меры понуждения представлялись бы наиболее осуществимыми, со своей стороны осмеливаюсь доложить, что с политической точки зрения едва ли не самым целесообразным представлялось бы, в случае неудовлетворительного ответа Порты, одновременное совместное занятие Россией, Францией и Англией известных пунктов Малой Азии, с заявлением, что указанные три державы останутся в этих пунктах, пока их требования не будут выполнены.

В случае принятия указанного принципа, Англия и Франция могли бы занять такие порты, как Смирна и Бейрут; мы со своей стороны имели бы выбор между занятием Трапезонда или Баязида или еще какой-либо операцией, если бы таковая была признана более соответственной нашими военным и морским ведомствами.

При решении указанного вопроса нельзя, конечно, упускать из виду, что на почве давления на Порту не исключена возможность активного выступления Германии на ее защиту. В этом случае решение вопроса может быть перенесено из Константинополя и Турции на нашу западную границу со всеми последствиями, отсюда вытекающими.

Вашему императорскому величеству принадлежит принятие столь ответственного решения. Исполняя свой верноподданнический долг, я считаю себя обязанным по силе разумения и совести высказать следующие соображения.

В случае решения довести до конца осуществление наших требований, риск серьезных европейских осложнений несомненно должен иметься в виду, хотя существует вероятие, что твердая решимость не отступить с позиции, которая будет нами занята, окажется достаточной для получения нами должного удовлетворения. С другой стороны, если в столь существенном вопросе, как командование германским генералом корпусом в Константинополе, Россия примирится с создавшимся фактом, наша устойчивость будет равносильна крупному политическому поражению и может иметь самые гибельные последствия. Прежде всего она не предохранит нас от возрастающих притязаний Гер-

мании и ее союзников, начинающих усваивать все более и более неустойчивый и непримиримый тон во всех вопросах, затрагивающих их интересы. С другой стороны, во Франции и Англии укрепится опасное убеждение, что Россия готова на какие угодно уступки ради сохранения мира. Раз такое убеждение укрепится в наших друзьях и союзниках, без того не очень сплоченное единство держав тройственного согласия может быть окончательно расшатано, и каждая из них будет стараться искать иных обеспечений своих интересов в соглашении с державами противоположного лагеря. Именно такого рода результат, повидимому, учитывается Германией, которая под разными странными предлогами возражает против предложенной ей нами компенсации в смысле удаления английского адмирала, стоящего во главе преобразованного турецкого флота, из Константинополя в другое место. Берлинский кабинет, быть может, рассчитывает столковаться за наш счет с Англией, и, быть может, такого рода видами объясняется предстоящая поездка барона Вагенгейма в Лондон.

Если бы указанные предположения подтвердились, то Россия в конце концов осталась бы фактически в полном политическом одиночестве, ибо едва ли нам пришлось бы особенно рассчитывать на Францию, которая и без того склонна жертвовать общими политическими интересами в пользу выгодных финансовых сделок.

Все вышеприведенные соображения побуждают меня всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству основанное на них мнение, что, если наши военное и морское ведомства со своей стороны признают возможным итти на риск серьезных осложнений, при условии, конечно, соответствующей решимости Франции поддержать нас всеми силами и Англии оказать существенное содействие, то нам следует теперь же вступить с обеими державами в весьма доверительный обмен мнений по сему вопросу. Если бы из этого обмена взглядов выяснился уклончивый образ действий наших друзей и союзников, то нам, конечно, пришлось бы в дальнейших наших действиях считаться с весьма серьезным риском отдельных выступлений России. Если же ответы Франции и Англии были бы признаны удовлетворительными, то, соблюдая всю необходимую сдержанность и осторожность для предотвращения по возможности осложнений, нам следует твердо отстаивать наши интересы до конца.

Если изложенные соображения представятся вашему императорскому величеству заслуживающими внимания, я всеподданнейше ходатайствую перед вами, государь, назначить для обсуждения их и принятия тех или иных решений Особое совещание под председательством статс-секретаря Коковцева при участии военного и морского министров, начальника генерального штаба и меня, разрешив мне сообщить этим лицам копии настоящей моей всеподданнейшей записки».

Записка С. Д. Сазонова была одобрена Николаем II в тот же день—23 декабря, а на следующий день 24 копия № 3 с этой записки с приложением резюмирующих ее содержание тезисов была переслана Сазоновым И. К. Григоровичу при письме № 1101 [1]). На этом письме Григорович наложил резолюцию: «Начальнику морского генерального штаба», результатом чего явился доклад морского генерального штаба морскому министру за подписью капитана 1 ранга Ненюкова [2]).

«В вопросе о миссии немецкого генерала Лимана фон-Сандерса и последних агрессивных шагах Германии в Константинополе,—говорится в докладе,—русская политика,

[1]) Мориском, № 776.
[2]) Мориском, № 731.

стремясь сохранить ненарушимыми важнейшие интересы России, очевидно, должна исходить из основной идеи—значения для России Константинополя и проливов Босфора и Дарданелл. Только с этой точки зрения может быть правильно освещен всякий частный вопрос, вытекающий или находящийся в связи с так называемым восточным политическим вопросом».

Затем в докладе указывается на стратегическое и особенно экономическое значение для России проливов и, основываясь на принятом русским правительством решении о необходимости захвата Константинополя и проливов, делается следующий вывод:

«В полной связи с только что упомянутым решением России готовиться к возможным международным осложнениям при окончательной ликвидации восточного вопроса должно находиться то решение, которое мы примем по поводу миссии генерала фон-Сандерса в Константинополе и последних агрессивных шагов Германии на Ближнем Востоке.

В интересах России необходимо добиться совершенно определенного решения восточного вопроса, которое выше формулировано. Но это решение надо поставить на очередь лишь тогда, когда отечество будет к нему приготовлено в военном отношении. До тех пор желательно сохранить проливы и Константинополь в руках Турции, не допуская со стороны третьих держав ничего, что могло бы в ближайшие годы затруднить для России достижение вышеизъясненной цели. Морское министерство отдает себе при этом отчет, что не допустить соответственно-невыгодных для нас шагов третьих держав невозможно путем уступок, но, наоборот, окажется достижимым лишь при проявлении нами серьезной и последовательной твердости, которая в свою очередь неизбежно связывается с некоторым риском обще-европейской войны, а следовательно и преждевременного для нас окончательного решения восточного вопроса. Практически из этого круга выйти невозможно, а так как допустить дальнейшее распространение Германией своего влияния в Константинополе Россия не может, потому что это создало бы при окончательной ликвидации восточного вопроса непреодолимые препятствия к его решению согласно с интересами России, то мы оказываемся в настоящее время принужденными итти на риск обще-европейской войны, чтобы проявить необходимую твердость в целях сохранения мира на несколько ближайших лет, нужных нам для военной, морской и дипломатической подготовки наших активных шагов (при окончательной ликвидации восточного вопроса), чтобы на эти несколько лет сохранить нынешнее положение на Балканском полуострове, не допуская Германию или иные державы расширять в Турции свои права и влияние».

В дальнейшей части доклада морского генерального штаба высказывается полное одобрение основных пунктов записки С. Д. Сазонова от 23 декабря и в частности его предложения временной оккупации некоторых пунктов турецкой территории, при чем «России с точки зрения морского генерального штаба было бы желательно одновременно занять и Трапезонд, и Баязет, и Синоп, придвинув одновременно свой флот к Черноморскому устью Босфора»...

«Техническое выполнение такого рода операции, при осуществлении которой нужно будет считаться с риском европейской войны, потребует срочного приведения в полную боевую готовность как Черноморского, так и Балтийского флотов и сосредоточения крупных дессантных средств (пароходы и проч.) в портах Черного моря. В чем должны будут заключаться соответственные мероприятия и какие для них потребуются

денежные ассигнования, морское министерство сообщит немедленно, если будет принято решение активно выступить.

Решаясь прибегнуть к тому активному выступлению, которое предлагается министерством иностранных дел, и считаясь, следовательно, с возможностью европейской войны, нам необходимо отдать себе отчет, что мы будем делать и чего мы будем добиваться, если она разыграется. В этом отношении морской генеральный штаб считает, что интересы России требуют, рискуя европейской войной, теперь же принять, что если мы будем в нее вовлечены, Россия должна получить при ее окончании Константинополь, Босфор и Дарданеллы или по крайней мере европейский берег этих проливов. Как достигнуть этой цели в случае возникновения европейской войны в ближайшем будущем, необходимо безотлагательно условиться министерствам иностранных дел, военному и морскому, чтобы флот и армия знали твердо свои задачи и могли бы сообразно им подготовить свое исходное стратегическое положение».

Итак, в противоположность положению, имевшему место за месяц до этого, теперь между русскими морским и иностранным ведомствами обнаружилось полное единодушие, и, если морское министерство ставило все точки над «и» там, где Сазонов оставлял многое недоговоренным, то по коренному вопросу о необходимости итти на риск европейской войны ради ликвидации создавшегося в связи с делом Лиман фон-Сандерса положения никаких разногласий не существовало. Русской дипломатии осталось лишь приступить к осуществлению намеченного плана, первым этапом которого являлось соглашение с Францией и Англией.

Если до сих пор русский посол в Париже вел переговоры только с министром иностранных дел Думергом, являвшимся главой настроенного миролюбиво в отношении Германии радикального кабинета (этот кабинет выражал настроение французских банков, желавших сохранения мира), то ради такого важного случая (дело происходило как раз в день утверждения царем доклада Сазонова) А. П. Извольский счел долгом обратиться к самому президенту республики Раймонду Пуанкарэ, уже давно известному Извольскому в качестве вождя агрессивного крыла французской буржуазии» [1]).

«В длинном разговоре со мною президент республики, затронув вопрос о миссии генерала Сандерса, сказал мне, что Камбон [2]) по возвращении в Берлин, имел дружескую беседу об этом предмете с Яговым, который заявил ему, что он искренно желает улажения инцидента, но что если вопросу будет придан «европейский характер», Германия не будет в состоянии сделать никакой уступки. Такое же заявление Ягов сделал и английскому послу. Пуанкарэ заключает из этого, что всякое совместное выступление России, Франции и Англии в Берлине вызовет резкий отпор и значительно осложнит дело; если мы, тем не менее, сочтем необходимым подобное выступление, Франция, конечно, к оному присоединится, но в таком случае необходимо предвидеть дальнейший ход дела и заранее обсудить последующие совместные шаги. По этому поводу Пуанкарэ самым положительным образом подтвердил мне заявление, заключающееся в письменном ответе Думерга.... что Франция твердо решила действовать с нами заодно во всех предпринимаемых нами в настоящем деле шагах. Из слов Пуанкарэ я мог заключить, что выражения сказанного ответа были тщательно взвешены им самим и его министрами и что, несмотря на искреннее миролюбие Франции, в них

[1]) См. об этом нашу статью: «Когда тайное стало явным». «Книга и революция» № 9—10 за 1922 г., стр. 14—17.

[2]) Французский посол в Берлине.

вполне сознательно выражена спокойная решимость не уклоняться при настоящих обстоятельствах от обязательств, налагаемых на нее союзом» [1]).

Перед лицом такого трогательного единения обоих союзников, Германия, по каким-то неизвестным нам причинам (возможно, что здесь играло роль и то, что перестройка Кильского канала не была еще закончена), в январе 1914 года явно не хотевшая воевать, решила итти на крупные уступки. Хотя по правилам германской военной службы производство Лимана фон-Сандерса в следующий чин могло иметь место не ранее, чем через год, германское правительство решило сразу же произвести его в чересчур высокий для командования турецким корпусом чин генерала-от-кавалерии, о чем М. Н. Гирс сообщил Сазонову телеграммой от 29 декабря. А уже 2 (15) января 1914 г. Свербеев телеграфирует Сазонову:

«Сейчас Ягов конфиденциально сообщил мне, что Сандерс произведен в генералы-от-кавалерии германской службы и будет произведен в турецкие маршалы, чем он само собою освобождается от командования корпусом» [2]).

Однако эта уступчивость Германии еще не означала окончательного улажения инцидента. Помимо германского командующего корпусом, германскому офицеру была также подчинена и турецкая дивизия, расквартированная в Скутари, и вопрос об этом офицере затянулся до второй половины января, пока, наконец, и он не был разрешен в желательном для России направлении.

Но было бы ошибкой думать, что русская дипломатия удовлетворилась своей победой. В том же самом письме от 3 (16) января, в котором он сообщал о производстве Лиман фон-Сандерса, С. Н. Свербеев писал С. Д. Сазонову:

...«Не следует однако же терять из виду, что... устранение генерала Лимана от командования первым корпусом является лишь уступкою формальною, отнюдь не лишающей последнего решающего его влияния на военные дела в Турции... Чем бы ни был генерал Сандерс и как бы он ни назывался, он, очевидно, сумеет сосредоточить в своих руках военную власть и явиться фактическим начальником оттоманских войск [3])».

Та же самая мысль была высказана и на состоявшемся в результате доклада С. Д. Сазонова от 23 декабря Особом совещании 31 декабря [4]) (председательствовал В. Н. Коковцев, присутствовали С. Д. Сазонов, В. А. Сухомлинов, И. К. Григорович и Я. Г. Жилинский), во время которого, кроме того, еще проводилось различие между «общей инспекцией над турецкой армией» и «инспекцией в территориальном смысле».

Особое совещание 31 декабря началось с заслушания уже известных нам тезисов С. Д. Сазонова, приложенных к его докладу от 23 декабря, но наиболее важным моментом заседания явилось обсуждение тех мер, которые могли бы заставить Германию и Турцию отказаться от заключенного ими соглашения.

Останавливаясь на мерах, указанных в его докладе 23 декабря, С. Д. Сазонов, высказываясь принципиально за финансовый бойкот Турции, счел, однако, нужным предупредить, что «французское правительство, при всем своем желании, может оказаться не в силах неуклонно проводить меры финансового бойкота Турции, так как не всегда обладает возможностью воздействовать в надлежащем смысле на французские финансо-

---

[1]) Телеграмма Извольского от 23 дек. (4 января). «Материалы». стр. 686.
[2]) Там же, стр. 688.
[3]) Там же, стр. 690.
[4]) Журнал этого совещания опубликован в № 1 «Вестника НКИД» за 1919 г.

вые круги» [1]). С этим соглашался и В. Н. Коковцев, выразивший мнение, что «материальный ущерб французских держателей оттоманских бумаг при прекращении платежей Турции по купонам способен охладить самые пылкие патриотические стремления французов» [2]).

После этого перешли к обсуждению других мер воздействия, в частности предложения С. Д. Сазонова об оккупации некоторых пунктов турецкой территории.

«Министр иностранных дел, подтверждая, что меры давления им... предусматриваются в расчете на содействие всех держав тройственного согласия, указывает на то, что является невыясненным, насколько энергично готова была бы действовать Англия. Что касается Франции, то русское правительство может рассчитывать на деятельную поддержку до крайних пределов. Министр получил от г-на Делькассэ уверение от имени французского министра иностранных дел, что Франция пойдет так далеко, как того пожелает Россия» [3]).

Допуская (что мы видели уже и в докладе 23 декабря), что результатом воздействия на Турцию явится война с Германией, С. Д. Сазонов, однако, отнюдь не считает это безусловно вероятным.

«Министр иностранных дел обращает внимание совещания на возможность достичь успеха путем энергичного, но в то же время осторожного совокупного действия трех держав, при чем вовсе, по мнению министра, не является несомненным, что таковое должно повлечь за собою войну с Германией. В действительности, для Германии не представляется особенно опасным выступление России при поддержке одной лишь Франции. Обе державы вряд ли способны нанести Германии смертельный удар, даже в случае успехов на поле сражения, являющихся всегда гадательными. Борьба же при участии Англии может явиться роковой для Германии, которая ясно сознает опасность быть доведенной при английском выступлении в шестинедельный срок до полной социальной внутренней катастрофы. Англия страшна Германии, и в сознании этого кроется причина ненависти, питаемой немцами к растущей мощи Великобритании. В связи с указанными обстоятельствами, императорскому правительству необходимо было бы, предварительно решительных выступлений, заручиться поддержкой лондонского кабинета, активное участие которого является, по мнению министра, не обеспеченным. Несомненным представляется вмешательство Великобритании в случае неблагоприятного для России и Франции оборота военных действий. Вмешательство это могло бы быть направлено либо к прекращению невыгодного с точки зрения английских интересов европейского столкновения, либо к оказанию поддержки державам, поражение которых противоречит задачам ее политики. Отмеченная необходимость для императорского правительства действовать лишьп о выяснении активного участия со стороны Англии, несомненно, составляет слабую сторону положения России в настоящем случае» [4]).

Однако точка зрения С. Д. Сазонова не встретила в среде Особого совещания полной поддержки и вызвала возражения В. Н. Коковцева.

«Председатель совета министров, полагая, что меры такого характера (оккупация части турецкой территории. *Я. З.*) повлекут за собой неминуемую войну с Германией, ставит вопрос: желательна ли война с Германией и может ли Россия на нее итти?

---

[1]) «Вестник НКИД» № 1, стр. 28.
[2]) Там же, стр. 30.
[3]) Там же, стр. 29.
[4]) Там же, стр. 30.

Министр иностранных дел, в ответ на это, присоединяется к мнению статс-секретаря Коковцева о принципиальной нежелательности войны с Германией; что же касается вопроса о том, может ли Россия в настоящее время воевать с Германией, министр не считает себя призванным его разрешать.

Военный министр и начальник генерального штаба категорически заявляют о полной готовности России к единоборству с Германией, не говоря уже о столкновении один на один с Австрией; однако такое единоборство едва ли вероятно, а дело придется иметь со всем Тройственным Союзом » [1]).

Таким образом в среде Особого совещания наметились три основные точки зрения, сущность которых может быть формулирована следующим образом:

1) Председатель совета министров (бывший, как известно, ярым противником войны с Германией) считал, что предлагаемые С. Д. Сазоновым меры воздействия на Турцию могут привести к войне с Германией, и поэтому высказывался против них. «Председатель совета министров заявляет, что в стремлении избегнуть выступлений, связанных с риском военных осложнений, он готов был бы остановиться на финансовом бойкоте, хотя и не представляющем достаточных гарантий успешного достижения цели» [2]) .... «Что же касается непосредственных способов принуждения, среди которых было указано на занятие Трапезонда, то статс-секретарь Коковцев считает желательным от них воздержаться...» [3]).

2) На диаметрально противоположной точке зрения стояли военный и морской министры, а также и начальник генерального штаба, подобно Коковцеву допускавшие возможность вмешательства Германии, но, в противоположность последнему, считавшие войну вполне допустимой, если даже не желательной [4]).

3) Что касается, наконец, до С. Д. Сазонова, то, допуская возможность некоторого риска, он все же считал вмешательство Германии маловероятным (особенно, если Россия будет поддержана Англией и Францией), а потому категорически высказывался за принятие решительных мер воздействия против Турции [5]).

Эта последняя точка зрения и была, в конце концов, принята Особым совещанием, формулировавшим ее в следующей резолюции:

«1) Необходимо продолжать настояния в Берлине о недопустимости с точки зрения интересов России командования германским генералом воинскою частью в Константинополе, а тем более предоставления ему инспекции в смысле командования тем или другим округом, но признавая в то же время допустимым предоставление начальнику германской военной миссии полномочий по общей инспекции над турецкой армией.

2) Переговоры в Берлине следует продолжать до выяснения полной их неуспешности.

3) Вслед затем надлежит перейти к намеченным мерам воздействия вне Берлина, в согласии с Францией и Англией.

---

[1]) Там же, стр. 30.
[2]) Там же, стр. 31.
[3]) Там же, стр. 30—31.
[4]) Нам уже приходилось указывать, что в России, как и в других империалистических государствах, представители военного и морского ведомств были настроены значительно более решительно, чем дипломаты, и цитированные выше в тексте слова Сухомлинова и Жилинского полностью подтверждают это положение.
[5]) Мы видели выше, что в своем докладе царю от 23 декабря С. Д. Сазонов мотивировал необходимость итти на риск войны с Германией исключительной важностью для России вопроса о Константинополе.

4) В случае необеспеченности активного участия как Франции, так и Англии, в совместных с Россией действиях, не представляется возможным прибегнуть к способам давления, могущим повлечь войну с Германией» [1]).

Таковы были постановления Особого совещания 31 декабря 1913 года. Нам уже известно, что, благодаря обнаруженной Германией неожиданной уступчивости, вопрос о миссии Лиман фон-Сандерса был ликвидирован благополучно, но кризис был по самому своему существу не устранен, а только отложен. Мысль, проформулированная на совещании 31 декабря, с полной неизбежностью предопределяла все дальнейшее направление внешней политики России, и мысль эта гласила, что путь в Константинополь лежит через Берлин.

IV.

Мы видели выше, что еще в начале декабря 1913 года, морское ведомство, в прямой связи с докладом С. Д. Сазонова от 23 ноября, поставило на очередь вопрос о мерах, необходимых для быстрого увеличения русского Черноморского флота и, поскольку это окажется возможным, ослабления флота турецкого. Вполне естественно, что сложные перипетии, связанные с делом Лимана фон-Сандерса, должны были только усилить это стремление и действительно—22 декабря 1913 года (т.-е. одновременно со своим докладом Николаю II), И. К. Григорович обращается к С. Д. Сазонову с письмом за № 5062 [2]), в котором указывает на угрожающие размеры предстоящего увеличения турецкого флота. В качестве выхода из положения, И. К. Григорович предлагал следующие меры:

1) Добиться дипломатическим путем того, чтобы Турция не смогла приобрести чилийского корабля «Адмиранте Латторе» или каких-либо других.

2) Добиться, чтобы Англия не сдала Турции ранее осени 1915 года строящихся на английских заводах дредноутов «Решад V» и «Рио де Жанейро».

3) Добиться разрешения на проход в Черное море строящихся для Балтийского флота дредноутов типа «Петропавловск».

Если письмо Григоровича от 22 декабря было написано вслед за разгаром кризиса, то мы уже знаем, что ликвидация его, относящаяся к самым первым числам января 1914 года, была оценена русскими правительственными кругами как победа чисто внешняя, не меняющая сути вещей и отнюдь не ликвидирующая нависшей над Константинополем германской угрозы. Поэтому не приходится удивляться тому, что уже 6 января 1914 г. И. К. Григорович одновременно обращается к министру иностранных дел и к председателю совета министров с двумя одинаковыми письмами за №№ 38/6 и 39/7, как бы составляющими прямое продолжение его письма к Сазонову от 22 декабря.

Письма Григоровича от 6 января 1914 г. [3]) начинаются с указания на происходящее в последнее время усиление турецкого флота, которое может сделаться особенно угрожающим в связи с предполагаемым Турцией приобретением строящихся иностранных судов. Затем морской министр продолжает:

---

[1]) «Вестник НКИД» № 1, стр. 32.

[2]) Дело мор. ген. штаба по 2 опер. отдел. под названием «Соображения об усилении Черноморского флота» 1913—1915 г.г., Мориском, № 735.

[3]) Там же.

«Соображения международно-политические: кризис «восточного вопроса» и связанные с ним тревоги, опасности и угроза непоправимого ущерба государственным интересам России в вопросе об овладении проливами Босфора и Дарданелл.

Соображения стратегические: неизбежный тогда отказ от операции наступления на Константинополь и турецкие проливы, тяжелое положение нашей кавказской армии, лишенной своих морских коммуникаций и угрожаемой обходом с правого фланга посредством турецкого десанта, и рискованное положение левого фланга нашей массовой армии на западной границе, при необеспеченности за нами береговой полосы Черного моря от Одессы до Севастополя и, *наконец, соображения внутренней политики* [1]) (в случае войны—моральное впечатление нового поражения нашего флота, нанесенного нам давно, казалось бы, сокрушенною Турцией); все эти соображения так же как и неизбежное, ввиду их, еще большее уменьшение веса русского голоса в международном концерте и без того, по мнению широких кругов общества, недостаточно значительного,—заставляют принять все возможные меры для ослабления тяжелых последствий временного господства турок на Черном море» (курсив наш. *Я. З.*).

В качестве таких мер Григорович указывает на необходимость покупки Россией четырех — двух чилийских и двух аргентинских — дредноутов, что приведет не только к усилению русского, но и (так как эти суда — единственные, имеющиеся на мировом рынке) к соответственному ослаблению турецкого флота. Письма заканчиваются просьбой к обоим министрам поддержать перед царем просьбу об изыскании средств для осуществления такой покупки.

Предложение морского министра встретило полную поддержку со стороны С. Д. Сазонова, который уже на следующий день—7 января—ответил письмом № 12 с выражением своего согласия [2]). Что же касается В. Н. Коковцева, то он в письме от 18 января № 126 [3]) выразил сомнение по целому ряду пунктов и в частности спрашивал, как быть с покупаемыми судами, если не удастся получить разрешения на проведение их в Черное море. Результатом этого явилось ответное письмо И. К. Григоровича от 28 января за № 407/61, в котором этот последний говорит:

«Полученный мною в настоящее время отзыв министра иностранных дел указывает, что если бы упомянутые корабли были приобретены, то провести их в Черное море в ближайшее время возможности не представится. Следовательно, их надо купить для образования в Эгейском море отряда, который во время войны смог бы угрозою Константинополю, а также берегам и сообщениям Турции в Средиземном море, держать ее флот у Дарданелл или в Эгейском море» [4]).

В дальнейшей части письма И. К. Григорович говорит, что так как по последним полученным им сведениям, чилийские корабли будут готовы только к концу 1915 г., к каковому времени будут спущены и наши строящиеся дредноуты, то он в настоящее время отказывается от своего первоначального предложения и настаивает лишь на приобретении двух аргентинских судов.

Ответ на письмо Григоровича был дан уже не В. Н. Коковцевым, а его преемником на посту министра финансов, П. Л. Барком, который письмом от 18 февраля 1914 г.

---

[1]) Как не согласиться по поводу этих слов со мнением М. Н. Покровского, по словам которого стремление к Константинополю было в России всегда связано с реакцией? (М. Н. Покровский. Костантинополь. Сборник статей «Внешняя политика», 1919. Стр. 25).

[2]) Мориском, № 735.

[3]) Там же.

[4]) Там же.

за № 329 выразил свое согласие с точкой зрения морского министра, хотя и задавал вопрос, на какие именно порты будет базироваться наш Средиземноморский флот [1]). На этом письме И. К. Григорович наложил резолюцию «Начальнику мор. ген. штаба для доклада», в результате чего был представлен доклад за подписью Немица (к тому времени уже исполн. обяз. начальника мор. ген. штаба), в котором говорилось:

«Вследствие соглашения нашего и французского морских генеральных штабов, благодаря союзу России и Франции, Россия в настоящее время имеет для своего флота в Средиземном море французскую военную базу. В военное время этой базой можно будет воспользоваться потому, что в ближайшие годы совершенно невозможно предполагать войну России с Турцией без вмешательства великих европейских держав: войны России с Турцией или не будет вовсе, или Россия будет на нее уполномочена своими союзниками, или война будет общеевропейскою. Во всех трех случаях мы можем воспользоваться французскою базою для нашего флота.

Но даже если представить себе совершенно невероятный в настоящее время случай военных действий русского флота против Турции без всякого участия европейских держав, то и в этом случае мы легко можем иметь базу в Средиземном море, опираясь на греческое или болгарское его побережье. Одно из них, по авторитетному заявлению министра иностранных дел, во всяком случае может быть к нашим услугам при войне с Турцией» [2]).

В этом смысле и был составлен ответ Григоровича П. Л. Барку [3]).

В результате всех этих подготовительных шагов, морским министерством был составлен законопроект «об отпуске средств на спешное усиление Черноморского флота в период 1914 — 1917 г. г.», предусматривавший ассигнование 109.995.189 рублей, из коих в 1914 г. должно было быть израсходовано 25 миллионов [4]). Законопроект этот был внесен в Гос. Думу 17 марта 1914 года.

Таковы были мероприятия, принятые русским морским ведомством в течение первых месяцев 1914 года. Для какой же цели принимались эти мероприятия?

Хотя в мотивировке законопроекта 17 марта говорилось исключительно об обороне берегов Черного моря, но истинные намерения русского правительства были, конечно, совершенно иные. Мы видели выше, что всеподданнейший доклад С. Д. Сазонова от 23 ноября 1913 г. заканчивался просьбой созвать Особое совещание из глав заинтересованных ведомств, и если в горячке, связанной с делом Лимана фон-Сандерс об этом совещании, повидимому, совершенно забыли, то по миновании кризиса, вопрос был снова поставлен на очередь, и 8 февраля 1914 г. состоялось, наконец, заседание проектированного Сазоновым Особого совещания.

Заседание 8 февраля состоялось под председательством С. Д. Сазонова в составе следующих лиц: морского министра И. К. Григоровича, начальника генерального штаба Я. Г. Жилинского, посла в Константинополе М. Н. Гирса, товарища министра иностранных дел А. А. Нератова, генерал-квартирмейстера Данилова, второго обер-квартирмейстера Аверьянова, вр. исп. об. начальника морского генерального штаба Ненюкова, начальника Ближневосточного отдела м-ва и. д. кн. Трубецкого и начальника 2-й операт. части мор. ген. штаба капитана Немица [5]).

[1]) Мориском, № 735.
[2]) Там же.
[3]) Там же.
[4]) Дело мор. ген. штаба по 2 опер. отдел. Мориском, № 599.
[5]) Журнал этого совещания напечатан в «Вестнике НКИД» за 1919 г., № 1.

«При открытии заседания министр иностранных дел напоминает членам совещания, что в известной им всеподданнейшей записке его, поданной в минувшем ноябре, он почел долгом повергнуть на высочайшее благовоззрение соображения о том, что в связи с изменением политической обстановки, нельзя не предусматривать возможность наступления, быть может, даже в близком будущем, событий, которые коренным образом изменят международное положение Константинопольских проливов и что, поэтому, необходимо безотлагательно, при сотрудничестве соответствующих ведомств, приступить к выработке всесторонней программы действий, направленной к обеспечению благоприятного нам разрешения исторического вопроса о проливах»... Заметив, что в настоящую минуту наступление значительных политических осложнений представляется маловероятным, министр иностранных дел заявляет, что нельзя, однако, поручиться за сохранение даже в недалеком будущем существующего положения вещей на Ближнем Востоке. По этому поводу С. Д. Сазонов высказывает твердое убеждение, что, «если в силу событий, проливы должны будут уйти из-под власти Турции, то Россия не может допустить укрепления на берегах их какой-либо иной державы и может поэтому оказаться вынужденной завладеть ими, дабы затем в той или иной форме установить соответствующий ее интересам порядок вещей на Босфоре и Дарданеллах» [1]).

Слова С. Д. Сазонова встретили среди членов Особого совещания полную поддержку. Если в заседании 31 декабря 1913 г. планы министра иностранных дел вызывали еще *принципиальную*, хотя и довольно слабую оппозицию, то теперь главного противника политики Сазонова—В. Н. Коковцева—уже не было налицо, и поэтому завязавшиеся после сообщения министра иностранных дел продолжительные прения касались вовсе не существа его заявлений, а лишь чисто *технических* вопросов о том, каким образом добиться, в случае надобности, захвата проливов. В частности особенно много споров вызвал вопрос о целесообразности десантной операции против Константинополя.

«Согласившись на сказанное министром иностранных дел относительно общей обстановки, при которой можно ожидать разрешения вопроса о проливах, начальник генерального штаба со своей стороны высказывает убеждение, что борьба за Константинополь вряд ли возможна без общеевропейской войны. Ввиду этого, генерал-от-кавалерии Жилинский считает долгом подчеркнуть, что трата войск на экспедицию против проливов и даже самая возможность этой операции зависит от общей конъюнктуры начала войны. Намеченные для этой экспедиции южные корпуса могут быть, по словам Я. Г. Жилинского, двинуты на Константинополь лишь при отсутствии борьбы на западном фронте или благоприятном на нем положении вещей. В противном случае войска эти будут направлены на западную границу, ибо успешная борьба на западном фронте решит благоприятно и вопрос о проливах» [2]).

Эти положения Жилинского, поддержанные и генералом Даниловым, встретили, однако, жестокую критику со стороны уже хорошо нам известного капитана Немица, точке зрения которого в данном случае нельзя отказать в значительной глубине и проницательности.

«Вполне признавая правильность тезиса, что надо быть сильным на главном театре против главного противника, жертвуя для этого второстепенными задачами, он присое-

---

[1]) «Вестник НКИД» за 1919 г. № 1, стр. 32—33.
[2]) Там же, стр. 35.

динился бы к выводам генерал-адъютанта Данилова, если бы на пути к проливам и Константинополю мы действительно имели того же главного противника, что и на западном фронте, т.-е. германо-австрийские силы. Тогда, очевидно, единственной задачею было бы разбить германскую и австрийскую армии, после чего, диктуя свою волю в Берлине и Вене, мы получили бы проливы. Но, в действительности, положение представляется, по мнению морского генерального штаба, в ином виде. На пути к проливам мы имеем серьезных противников в лице не только Германии или Австрии. Как бы ни были успешны наши действия на западном фронте, они не дадут нам проливов и Константинополя. Их могут занять чужие флоты и армии, пока будет происходить борьба на нашей западной границе.—Капитан Немиц считает поэтому, что мы должны одновременно с операциями на западном фронте занять военною силою Константинополь и проливы, дабы создать к моменту мирных переговоров совершившийся факт нашего завладения ими. Только в таком случае Европа согласится на разрешение вопроса о проливах на тех условиях, на которых нам это необходимо [1]).

Но как ни интересны сами по себе эти прения, как ни любопытна дальновидность капитана Немица, блестяще подтвердившаяся событиями 1914—1917 г.г.—центр тяжести совещания 8 февраля лежал не в этом, а в тех чисто теоретических вопросах, которые были затронуты в дальнейшей части заседания. Основным из этих вопросов был вопрос о подготовке транспортных средств для десанта, и картина состояния русского транспортного флота, обрисованная членами совещания оказалась настолько печальной, что совещанию не осталось ничего другого, как выразить пожелание, «чтобы правительство безотлагательно озаботилось выработкой мероприятий, направленных к развитаю нашего Черноморского флота» [2]), что было равносильно длительному отложению вопроса о десанте. Такого же рода были приблизительно решения, принятые и по остальным стратегическим и техническим вопросам, рассматривавшимся на Особом совещани 8 февраля, и в результате этих решений соответствующими ведомствами была начата лихорадочная работа по подготовке к грядущей операции по овладению Константинополем и проливами, которую пока что, за отсутствием достаточно сильных военного и транспортного флотов, приходилось откладывать в долгий ящик.

На какое же время намечалась эта операция? Перед нами документ, дающий ответ на этот вопрос,—это доклад морского ген. штаба (за подписью вице-адмирала Русина) морскому министру, датированный 24 июня 1914 года за № 379 [3]) и представляющий ряд соображений о возможности подготовки *рассчитанного на время после 1917 года* десанта против Константинополя. Доклад этот начинается следующим образом:

«Исходя из решений, принятых Особым совещанием, состоявшимся под председательством министра иностранных дел 8 февраля сего года, которое, по повелению его императорского величества государя императора, обсуждало вопросы нашей военной и морской подготовки для *наступательной константинопольской операции* в связи с политическим вопросом о проливах,—исходя из принятых на этом совещании решений, а также и высказанных на нем пожеланий, морским генеральным штабом произведены подробные расчеты, которые должны лечь в основание новой организации десантной операции в Черном море, имеющей объектом Константинополь и его проливы» (курсив наш. *Я. З.*).

---

[1]) Там же, стр. 35.
[2]) Там же, стр. 38.
[3]) Мориском, дело № 776.

Итак, в результате работ, предпринятых после совещания 8 февраля 1914 года, наступательная [1]) операция против Константинополя и проливов была рассчитана на время *после 1917 года*, т.-е. на то время, когда по соображениям морского ведомства русский Черноморский флот должен был оказаться сильнее флота турецкого. Но вполне понятно, что решения были приняты при предположении возможности сохранения в отношении Константинополя и проливов существовавшего в то время «status quo», и при этом с тем непременным условием, чтобы остающееся до момента окончания предположенного усиления русского флота время было использовано для всесторонней дипломатической подготовки наиболее выгодных условий ведения будущей войны [2]). Всякое изменение в европейском (или даже в одном только балканском) равновесии, угрожающее или могущее угрожать возможности осуществления намеченных на будущее проектов русской дипломатии, должно было, конечно, вызвать эффект, уже известный нам по делу Лимана фон-Сандерса и создать готовность России итти на *немедленную войну*. А такая война, начатая даже и не по вине России, должна бы, следуя известной французской поговорке «le vin est tiré, il faut le boire», привести к последствиям, указанным в докладе морского генерального штаба по делу ген. Лимана — «если война наступит ранее желательного срока, она все же должна быть использована для захвата Константинополя и проливов». Ход событий был, таким образом, заранее преднамечен и для его осуществления нужен был только внешний толчок. Этим толчком был сараевский выстрел.

Я. М. Захер.

---

[1]) То, что операция эта должна была быть наступательной, подтверждается, помимо цитированных выше слов, еще и следующим абзацом того же доклада от 24 июня: «Если начало войны будет для нас не внезапно, но с предмобилизационным периодом в 2 или 3 недели..., *что при инициативе военных действий на нашей стороне* может оказаться возможным..» и т. д. (Курсив наш. *Я. З.*)

[2]) Именно с этой точки зрения следует рассматривать имевшую место весной 1914 г. поездку царской семьи в Констанцу, приведшую, как известно, к значительному улучшению русско-румынских отношений.

Из дневника А. Н. Куропаткина [1]).

(С 23 окт. по 23 дек. 1905 № 27.)

23 октября.

Вчера, нет, третьего дня, получил манифест 17 октября о даровании прав русскому народу. Введено конституционное правление. Ограничена самодержавная власть. Таким образом планы революционной партии осуществились. Удовлетворит ли их достигнутый результат, или волна за волною, подымаясь все выше, будут сметаться самые устои русского устроения? Не дай бог. Начнется тогда гражданская война, страшнейшая из всех. Вся надежда на то, что масса будет удовлетворена достигнутыми результатами и остановит остальных, зарвавшихся. Только бы не разбудить страстей у толпы, только бы не начать черного передела.

Бедный государь! Что он только должен был выстрадать эти дни. И подумаешь, что без таких советников, как Мещерский, Победоносцев, Горемыкин, Сипягин, Плеве, Бобриков, Безобразов и, главное, Сергей Александрович, Николай Николаевич, он мог лично желать свободы своему народу, лишь бы его убедили, что от этой свободы народ станет счастливее. А его убеждали, что всякая тень свободы — несчастье. Что мудрое управление должно заключаться в административном произволе и даже религиозной нетерпимости. Что как самодержец, богом помазанный, он ошибаться не может. Ему внушал мрачный человеко-ненавистник Николай Николаевич, вместе с Сергеем, что он не человек, а «*Сверхчеловек*» не способный ошибаться и не ответственный ни за какие пагубные для России фантазии.

Сергей Витте торжествует. Так отомстить, как он отомстил государю, даже и ему не всегда представлялось возможным. Он в своем

---

[1]) Публикуемые в этом томе отрывки из «Дневника А. Н. Куропаткина» представляют большой интерес для изучения революции 1905 г. в армиях Дальнего Востока и являются продолжением опубликованной части «Дневника» во II томе нашего журнала (см. стр. 3—117). Подлинная тетрадь «Дневника», по счету № 27, по которой публикуется здесь текст—отличной сохранности, размером in 4 д. л., в коричневом клеенчатом переплете на 132 страницах, пронумерована нумератором. На переплете наклеен ярлычок с подписью рукой А. Н. Куропаткина: «в. секретно, № 27, с 22 июня 1905 г. по 23 дек. 1905 г.». *Ред.*

кабинете, потирая руки, может говорить, что это он, подписав в Портсмуте позорный мир, заставил государя подписать ограничение своего самодержавия.

Связи с Россиею все еще нет. Сейчас приехал из Харбина начальник моего поезда, служащий на Вост.-Кит. железной дороге Радван и рассказывает о слухах, распространяемых органом Витте:— русско-китайским банком: Москва горит. Там временное правительство. Войска присоединились к революционерам. В Петербурге идет бой на улице. 30.000 убитых и раненых. Государь переехал в Кронштадт, государь из Кронштадта уехал в Данию. Витте назначен главою правительства. В Иркутске—восстание. Кутайсов умер или убит.

Посланный мною на телеграф подп. ген. штаба Гаврилец принес вслед более спокойные сведения. Телеграфное сообщение между Петербургом и Иркутском существует. В Иркутске были стычки, но не революционного характера, а скорее против грабителей, страдавших от прекращения подвоза довольствия в Иркутск. Делегаты революционной партии, прибывшие в Томск, были там заключены в один дом и сожжены. В Одессе и Киеве крупные антиеврейские беспорядки как протест за дарование и евреям всех прав.

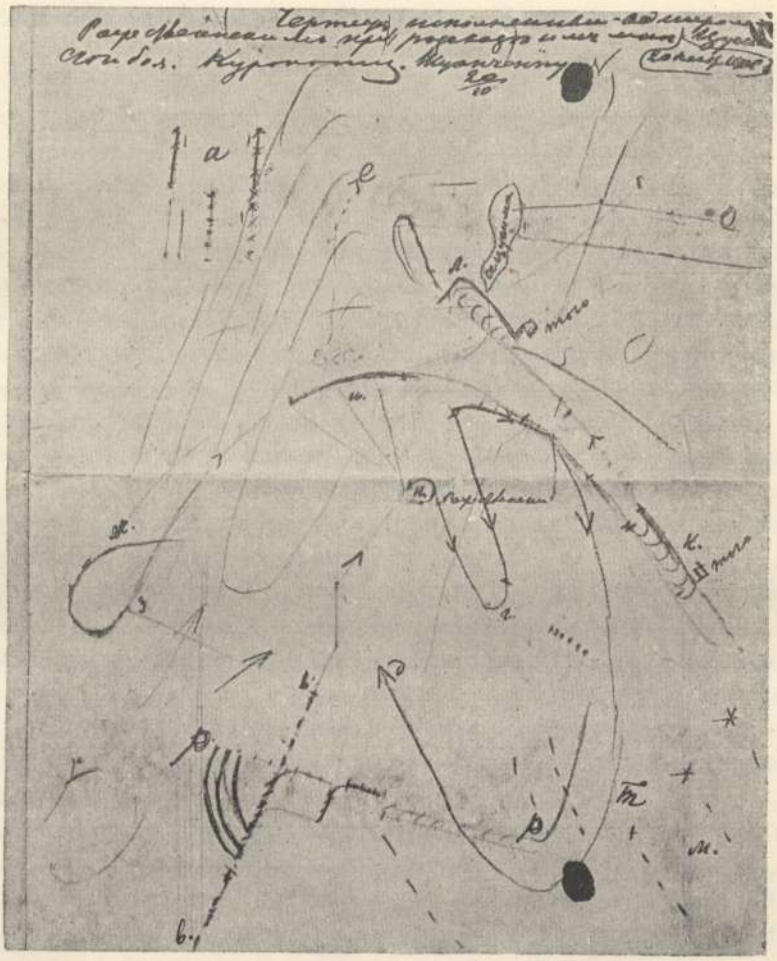
Сейчас сидел у меня командир Сибирского корпуса Гернгросс. Знаю его еще с Турецкой войны. Не спрашивая моего мнения, выражал самую искреннюю радость ограничению самодержавия. А это был из надежнейших верноподданных.

27 октября.

Вчера нач. штаба докладывал мне о необходимости разъяснить нижним чинам сущность манифеста 17 октября, ввиду возникших разных толков. Рассказал, между прочим, два случая из штабной жизни: один офицер спрашивает своего вестового: «Ну, что теперь ты свободный?» На это нижний чин ответил: «Так точно, свободу дали студентам».—«Как студентам? Ведь и ты теперь свободный». Солдат ответил:—«Так что ваше благородие, нам только начальства прибавится». Другой рассказ касается ротного командира, разъяснявшего нижним чинам своей роты сущность манифеста 17 октября. «Теперь ребята, — говорил ротный, — с вас берут с каждого рубль в год и вы не можете спрашивать, куда идут эти деньги. После манифеста будут брать с каждого из вас по пяти рублей в год, но за то вы будете иметь право спрашивать: куда пойдут эти деньги».

В Харбине были демонстрации с красными флагами. В толпе были заметны и нижние чины. На вокзале один из харбинских представителей свободы (из приехавших нажиться за счет войны без разбора средств), выпивший, с красным флагом подойдя к офицеру, сказал: «Гражданин, снимите шапку перед этим символом свободы».

Телеграфное сообщение начинает восстанавливаться. Стачки на Сибирской дороге прекращаются. Долго думал о том, что произошло

в эти несколько дней. Велика должна быть радость России: ей дарована свобода. Как-то только все народности этою свободою воспользуются. Не будет ли нас забивать окраинец: поляк, латыш, финн, армянин?

Думаю, что эту свободу не следовало покупать такою дорогою ценою—унижением армии. Другая цена была бы свободе, если бы государь, даруя свободу, взамен потребовал бы подъема патриотизма в целях победного окончания войны и сам бы поехал в армию. Вся Россия поднялась бы, как один человек, и мы быстро смяли бы японцев. Никто не посоветовал это во-время. Никто не предвидел последствий.

20 ноября. Шуанченпу.

Сейчас уехал от меня адмирал Рожественский. Сидел с адмиралом Виреном три часа. Много рассказывал неутешительного про наших пленных в Японии. Их систематично делали анархистами. Японцы помогали. Были специальные чтения. Бог и царь отвергнуты. Солдаты обратились в толпу лишенных дисциплины и порядка людей. Готовы для самого страшного бунта. Офицеры, по рассказам Рожественского, вели себя в очень многих случаях недостойным образом: пьянствовали, дрались, были случаи кражи друг у друга.

Рассказы Рожественского про Владивосток просто невероятны. По его словам, и там войска обратились в толпу. На улицах солдаты, расстегнутые, не отдают честь офицерам, занятия прекращены, всем даны вольные работы и проч.

Прилагаемый к этой книжке чертеж Цусимского боя [1]) составлен Рожественским, который подробно рассказывал мне ход боя. По его словам, соотношение материальных сил было таково, что мы могли рассчитывать на победу, но мы явились неопытными в боевом отношении сравнительно с японцами, не умели быстро справляться с разрушениями от выстрелов, терялись, прекращали стрельбу, когда могли еще стрелять.

По его рассказу он подходил к Цусимскому проливу в походной колонне (а). На правой стороне 8 броненосцев, на левой—4, внутри транспорты. Для боя построился в кильватерную колонну (вв). Из нее мог легко строить фронт (рр). Длина колонны до 6 верст (200 сажен на броненосец и 50 сажен дистанции).

Южнее Цусимы Того вышел к ним на встречу, пройдя по проливу фланговым маршем. Прибыл в «ж» и сделал петлю «з». Стал западнее. Так как вся эскадра Того имела бóльшую скорость, чем наша, то она

[1]) В тетради № 27 в кармане внутренней стороны переплета, в числе документов, напр. «Прокламации Иркутского Комитета РСДРП от 7 дек. 1905 г. и др.,—вложен сделанный Рожественским чертеж Цусимского боя, датированный 20/XI 1905 г. *Прим. ред.*

могла опережать нас. Мы продолжали двигаться в кильватерной колонне. Расстояние было до 3 верст. Японцы сосредоточивали свой огонь на флагманских судах. С позиции (и) японцы разрушили что-то в руле «Суворова», на котором был Рожественский. Корабль потерял способность управления и стал делать петлю (н). Сигнализация была прекращена. Прочие суда тоже сделали поворот и петлю «г» и далее «д». Уже в точке «д» наша эскадра была ослаблена выбытием из строя нескольких кораблей. На завороте «т» на нашу эскадру напали японские крейсера «м». Некоторые из них сильно пострадали. От точки «д» Небогатов прошел далеко на север «е», где остатки эскадры были окружены японскими судами.

Сейчас генерал Надаров очень возбужденно говорил мне по телефону, что далее служить не может, подает в отставку. Что его представления не уважили, его не слушали. Одни приказания Линевича отменялись быстро им же. Все требовалось экстренно, без плана, все путалось. Надаров смотрит очень мрачно на дела. По его мнению, революционная партия на Забайкальской и Сибирской дорогах работает усердно. Что начальник дороги Свентицкий уже отстранен от работы, всем распоряжается какой-то тайный кружок. Что вместо 6 поездов начали опять давать по четыре, потом будут—по два, затем снова прекратят вовсе движение. По мнению Надарова, надо немедленно назначить на Забайкальскую дорогу военное начальство. Особенно его возмущает то, что Приамурский округ наслал ему в Харбин 27 эшелонов запасных из бунтовщиков и пленных. Опасается, что они учинят бунт. Это—отмена обещания Линевича не везти этих негодяев первыми, испугавшись их угроз. Ген. Шкинский, начальник военных сообщений, тоже по телефону говорил мне, что дела идут очень плохо, что на Забайкальской и Сибирской дорогах началась как бы пассивная забастовка, что во время первой забастовки оказалось испорченными довольно большое число паровозов (выпустили воду), требующих большого ремонта. Вместо 160 теплушек передано сегодня только шесть. Что XIII корпус идет медленно и ненадежен. Что к Сухотину обращались, чтобы части не высаживались на станциях, что они просят, чуть не требуют, чтобы их везли на родину.

Говорил с Линевичем сейчас по телефону. Предлагал на каждое судно, отправляемое с запасными, сажать и роту даже мирного состава, дабы во-время поддержать порядок. Линевич не находит нужным принимать эту меру.

22 ноября.

Сегодня послал Линевичу два секретных письма. В первом признаю неотложным обеспечить связь армии прежде всего с Иркутском, для чего надо подготовиться взять Забайкальскую железную дорогу в военное управление, сменив старших начальствующих лиц и заменить их офицерами (очень опытные Гескет или Захаров отлично справятся

с этим делом). Для усиления наших военных средств надо, кроме железнодорожного батальона, уже расположенного в Чите, поставить еще два железнодорожных батальона на ст. Манчжурии и в Иркутске. На участке Тайга—Иркутск надо еще три железнодорожных батальона и Тайга—Челябинск тоже три. Эти 6 батальонов надо сформировать в России, принимая и по вольному найму.

Вдоль железной дороги от Иркутска через Харбин к Владивостоку надо проложить колесную военную дорогу с прочными мостами, допускающую движение четырех повозок в ряд в одну сторону. От Харбина до Иркутска в одну сторону надо выстроить этапы на 2.000 чел. и 200 лошадей каждый и до Владивостока в другую сторону—этапы на 1.000 чел. и 100 лош. каждый. Строить дороги и этапы войсками с платою по 20—25 коп. в день. Занять этой работой усиленно запасных.

Перевозимых запасных морем и по железной дороге для охраны спокойствия перевозить одновременно в каждом эшелоне и в каждом судне с ротою пехоты. Предназначить для этого 2 бр. 31 див. (Воронежский и Козловский полки) во Владивосток и 2 бр. 35 див. (Моршанский и Зарайский полки) в Харбин. Этим тронутся головы X и XVII корпусов.

25 ноября. Ст. Таладжоу.

Наднях генерал Линевич делал смотр IV Сиб. корпусу, 1 див. II кор., Донской и Сиб. каз. дивизиям. Все представились хорошо, хотя Левестам (оставшийся за Зарубаева) был нераспорядителен. Сибирские казаки представились пешими (половина лошадей продана). Вид людей хорош. Части твердые, пригодные для победы. Конский состав сохранен. Вчера Ренненкампф представил Линевичу VII Сиб. корпус: 44 батальона пехоты, 24 сотни, много орудий. Роты были выведены в 96 рядов в роте. Масса внушительная. 71 див., отлично обстрелянная, представилась хорошо. Но и 53 див. по личному составу произвела хорошее впечатление: народ крупный, здоровый, толковый. В делах были мало.

Забайкальская казачья дивизия представилась в 9-рядном составе хорошо. Лошади сохранены.

Из артилл. особо выделялись три батареи 26 арт. бригады, бывшие при 71 див. в Мазядзяне. Большие потери. Работали усиленно.

На этих смотрах Линевич надавал слишком много наград: чинов, Владимира 4 степени, золотого оружия. Этим награды обесцениваются. Выбор производился на-спех. Данные приказания мне были изменены приказаниями, данными непосредственно Ренненкампфу. Один из офицеров Евпаторийского полка подполк. Плакидо заявил претензию на несправедливую раздачу в полку наград.

Сегодня объехал расположение Перекопского полка 53 дивизии и Дриеского, Чембарского и Бугульминского полков 71 дивизии.

Устроились, но еще не совсем. В фанзах лучше, и нижние чины предпочитают помещаться в фанзе, хотя и в тесноте, чем в бараках. Бараки устроены на полуроту каждый. Печи еще плохи. Из сырцевого кирпича.

В Перекопском полку мне признались, что холодно и в одном из бараков из моих расспросов выяснилось, что и пищею недовольны. Хлеба не было, были сухари.

27 ноября.

Вчера продолжал 3-й день знакомиться с VII Сиб. корпусом. Утром был в Дрисском полку на георгиевском празднике. Полк представился отлично. Представлял его полковник Широков, отличный боевой офицер, бывший в академии генерального штаба. Заслуживает быстрого движения вперед. Полк хорошо одет, но полушубки не у всех. Народ видный. Сказал им речь об их обязанностях ныне, после манифеста 17 октября.

В Укашу, в открытом при содействии войск ресторане собралось до 130 офицеров. Сказал им длинную речь. Тезис:

1) Армия должна существовать вне политических партий и

2) Офицеры ныне должны заняться самоусовершенствованием, дабы во всех случаях могли служить примером для нижних чинов. Слушали очень внимательно, были и слезы на глазах.

На обратном пути навестил Николаевский полк и понтонер. Последние приняли меня шумно и радостно. Дрались под Мукденом, где я сформировал из них сводный батальон. Запасные стремятся на работу. Помещение Николаевского полка лучше, чем Перекопского. Нижние чины выглядят хорошо, но есть и крепко хмурые лица. Кажется, пища и в этом полку не вполне удовлетворительна. Надо присмотреть.

Сегодня проехал 25 верст по расположению I Сиб. корпуса. Мороз 15°. Осмотрел сапер, 1, 3, 36 полки 9 арм. бригады и один госпиталь. Устроились лучше, чем в 53 див. Землянки более светлые. Середина их составляет умывальню. Тепло не вполне достаточно. Расположение в фанзах более теплое и более нижним чинам нравится. Китайцы стеснены, но не очень. Отношение к китайскому населению дружественное. Жалоб мне китайцами не заявлено.

В 3 Вост. Сиб. стр. полку два офицера заявили жалобу на награды. Один, захвативший в плен японскую роту, на Георгия, другой, тяжело раненый у Сунепу, тоже на Георгия или Владимира.

В 1 В. Сиб. стр. полку два нижние чина, поступившие в полк с тыла, в боях не бывшие, старших сроков, подлежащие увольнению в запас (от них пахнет ханшином со вчерашнего георгиевского и сегодняшнего похмелья), показали действительно негодный, совершенно

мокрый хлеб и жаловались довольно громко и резко, «что их домой не пускают, а посмотрите, чем кормят». В предыдущей по осмотру роте полковник Новосельский сам доложил мне, что хлеб был 4 дня нехорош, с казенной пекарни, но что теперь началась хорошая выпечка, в чем я и убедился. Приказал заведующего пекарней чиновника посадить под арест на 3 суток, ибо мука хороша, но была небрежность в выпечке.

В 1 Сиб. стр. див. устроились менее заботливо, чем в 9, ибо 1 див. хотели быстро двинуть в Приамурский край, но теперь отложили.

Пища была хорошая. Но мяса мало. Отпускают не по действительному весу, а головами. Оклад в 25 коп. оказывается мал.

Каша всюду варится, но однообразная, больше чумизная. Надо больше гречневой и рисовой.

В общем желательно улучшить хлеб (жалобы были в I арм. и IV Сиб. корпусе). Желательно дачу хлеба на случай холодного времени довести до 3 фунтов. Желательно дачу мяса выдавать действительно $^3/_4$ фунта, что ныне невыполнимо при окладе в 25 коп. в сутки на человека. Отпуск чаю и сахару достаточный. Отпуск кеты разнообразит пищу, но надо ее вымачивать. Сун из кеты у охотников 36 полка чрезмерно соленый. Масло там же в 36 полку чуть-чуть прогорклое. Консервы капусты хороши. 9 арт. бригада 9 див. устроилась очень хорошо, по преимуществу в фанзах, но расходы произведены большие. Надо попытаться их вернуть в хозяйственные суммы. Теплая одежда не у всех, надо скорее дать ее.

9 дивизия перегружена людьми. По 250 человек в роте. Неожиданно, не предупредив, прислали 1.200 чел. из русских стрелковых полков. Прислали напрасно из I арм. корпуса. Его расшатали без пользы. Напросто хотят иметь в Восточно-Сиб. стрелк. див. по 100 рядов в роте сразу, разрушая для сего русские армейские корпуса, ибо берут от них большое число нижних чинов, сроков службы 1902 и 1903 годов.

Надо просить возвратить эти сроки в полки I арм. корпуса.

Нельзя отпускать интенданта армии, ибо: 1) продовольствие армии нахожу не обеспеченным и 2) теплою одеждою и обувью войска не обеспечены, 3) мясом не вполне обеспечены. Не могу по этим вопросам сноситься с Губером.

7 декабря.

Вчера ждали окончания почтово-телеграфной забастовки, но ожидания не оправдались: мы попрежнему не имеем связи с Россией. Стачечный комитет по управлению Вост.-Китайской железной дорогой сложил свои полномочия, но влиять на дела продолжает. Итак, мы пережили и переживаем следующие забастовки.

Первая железнодорожная началась 7—10 окт. и окончилась 22—23. При чем с 15 по 21 октября на Сибири не было и телеграфного сообщения. Испугавшись этой забастовки, мы спешно, не подготовившись должным образом, дали России манифест 17 октября. Вместо успокоения манифест внес разлад и смятение во все дела России, разнуздал все страсти, и разложение началось даже в армии. Если твердая власть не появится, то разложение пойдет глубже. Подготовка идет очень систематичная и серьезная уже несколько лет.

С 15 ноября началась небывалая еще во всем мире общая почтово-телеграфная забастовка по всей России, которая у нас продолжается и ныне. Требуют освобождения 14 (?) делегатов, смены Дурново и улучшения быта.

Вторая железнодорожная забастовка началась 24 ноября. Условно окончилась у нас 2 декабря. Требуют отмены смертной казни, положения усиленной охраны, полевого суда.

В Харбине на-днях был митинг офицеров гарнизона. Глупый Надаров сам назначил его и сказал глупую речь. Говорил, что если стачечники выведут его из терпения, начав насилие, то он первый возьмет нож и начнет резать их, не разбирая жен и детей. На этом же митинге, по уходе Надарова, инженер подп. Бутузов сказал речь, одобренную большинством, о том, чтобы выразить от лица армии государю, что армия его поддержит в проведении манифеста в жизнь против правительства, которое ведет дело к реакции и отмене манифеста. Готовы были собирать подписи.

9 декабря.

Сегодня, проездом из Харбина, у нас останавливался генерал Линевич и завтракал со своим штабом у меня. Совершенно не сознает трудности и опасности положения. Путает перевозки, давая и отменяя распоряжения. Не соблюдает очереди, им же установленной. Чины его штаба делают распоряжения непосредственно, не только минуя штаб армии, но и минуя штабы корпусов. Так, от начальника 3 див. Кашталинского было получено приказание главнокомандующего, переданное ему лично, чтобы немедленно отправить 69 запасных 14 госпиталя (подвижного) в Харбин. Мера эта вызвала общее неудовольствие, и я разговорами по телефону получил разрешение отменить ее, при чем этих 69 чел. направил в Нерчинский полк 1 див., очередной к перевозке, с которым эти 69 чел. (запасные 1 очереди) и уедут. Три дня тому назад дежурный генерал Корево прямо телеграфировал начальнику Забайкальской дивизии Любавину немедленно выступить с дивизией в Харбин (помимо Ренненкампфа и меня). Сейчас же заволновались пешие Забайкальские батальоны, которые имеют более прав итти домой ранее, ибо они 3-й очереди. 4 полка Забайкаль-

цев конных и два пеших батальона ведут с собою 10.000 лошадей—подарок населению Забайкальской области. Всего собирается 14.000 лошадей (с находящимися при дивизии и батальонах). Неожиданное передвижение такой массы (немедленно) свыше, чем за 100 верст, не подготовленное в отношении фуража и помещений, в Харбине, очевидно, невозможно. Пришлось улаживать это дело тем, что я пустил только головной полк, а остальные приостановил до подготовки этого передвижения. Надо прибавить, что морозы стоят до 23° при ветре. Сегодня на платформе станции, обходя случайно собранных там нижних чинов, Линевич сказал парковым артиллеристам (элемент неспокойный), что они пойдут домой через три дня, когда мы их не можем тронуть ранее чем через 12 дней. Выйдет история. Чины штаба Линевича жалуются, что в Харбине он очень много, повидимому, наговорил лишнего членам стачечного комитета, которые прислали к нему свою депутацию.

Мне говорили, что он Харбином очень остался доволен, что нашел там все в порядке и надеется, что все пойдет гладко. Но на то, что у нас возмущают армию, что нет до сих пор связи с Россиею, не обращает должного внимания. Когда я доложил ему, что на-днях пойман и уличен начальник станции Шитуеченцза в раздаче прокламаций, призывающих солдат избивать офицеров, Линевич сказал, что надо написать Хорвату, чтобы этого начальника станции переместили на другую станцию. Надо добавить, что станция Шитуеченцза лежит в уезде расположения четырех корпусов.

Расположенные вместе с Николаевским полком на Сунгари запасные 3 понтонного батальона, ввиду того, что их товарищи в тылу уже уволены домой инспектором инженеров главнокомандующего, потребовали, чтобы их немедленно отправили домой. Эти понтонеры не были мне подчинены, но сегодня просил их подчинить, чтобы привести в порядок. Иначе они заразят армию. Эти понтонеры бросили с 2 декабря несение службы и угрожают, что если их не повезут немедленно, то они придут на станцию, овладеют поездом и сами приедут в Харбин, где и потребуют немедленного отправления домой.

Приказал объявить им, когда они должны итти домой, дать 24 часа на размышление и если не станут на работу, то обезоружить их, арестовать и на насилие ответить силою, не останавливаясь перед возможностью жертв.

15 декабря, ст. Цяйдягау.

Объезжал сегодня с утра части III Сиб. корпуса. Осмотрел 4 полка (не полностью) 3 В. Сиб. стр. дивизии, часть 23 Вост. Сиб. стр. полка и запасных 24 полка 6 дивизии, 4 и 5 Сиб. каз. полки, 4 дивизию, 3 полевых госпиталя. Сделал до 50 верст в экипаже. Мороз 20°. 3 дивизия устроилась очень хорошо. Много заботы, но много израсхо-

довано и денег. Из хозяйственных сумм израсходовано на полк до 20 тыс. рублей. Тут и бараки, приспособления фанз, учебные команды, бараки для церкви, бараки для военного собрания, офицерские квартиры. Состав рот свыше 250 человек. Люди имели отличный и веселый вид. Любо было на них смотреть. Особенно хорошо представились некоторые роты 11 полка и 10 полка. Офицерское собрание 12 полка очень хорошо. Брожения среди дивизии пока нет. Говорил с нижними чинами и офицерами. Пища хорошая, хлеб хороший. В помещениях 12 полка воздух несколько затхлый.

Батареи устроены заботливо. Люди бодры. Пища отличная. Заботливо устроены офицеры. Учебная команда 12 полка хорошо выглядит, заботливо подобрана.

Всюду в 10 и 9 полках забота о нижних чинах большая. Все тепло одеты, мундирная одежда в порядке. Пища хороша. Сибирские казаки 4 и 5 полков представились в пешем строю отлично. С ними были гвардейские пулеметчики и учебная команда 13 полка. Сибиряки выглядели серьезно. За два года похода очень подались, постарели, но крупны, сильны, надежны, тверды. Офицерский состав смешанный. Оба командира ненадежны (4-го полка случайный, Черник). Крепко поблагодарил их за службу и пожелал счастливой дороги. На ст. Цяйдягау утром видел две сотни 8 Сиб. полка. Тоже представились очень хорошо. Горные две батареи встретили меня с особой лаской. Смотрели молодцами. Отлично ведут себя. 23 полка видел одну роту. Выбежала из фанзы быстро, чтобы поздороваться со мною. По опросу показали, что довольны пищей, хлебом; что дают чай, сахар. Запасные 24 полка разных губерний. Ведут себя спокойно, но томятся неизвестностью, когда их тронут в путь. Поговорил с ними. Осмотрел у ст. Цяйдягау несколько палат двух госпиталей. Оказалось лучше, чем я ожидал. Есть забота, бараки большие, светлые. Оперативная чиста гигиенически, 7 больных, вид бодрый, веселый. Сестры работают усердно и занимаются усердно. Входя неожиданно в один из бараков, услышал оживленный голос сестры, горячо что-то доказывавшей. Вошел и смутил ее и кучку довольно большую больных, слушавших ее. После осмотра, дав ей успокоиться, спросил, в чем было дело. Сестра ответила, что один из больных рассказывал нижним чинам небылицу о том, что у них в деревне один грамотей прочел библию и сошел съ ума и что вот она отчитывала этого рассказчика. Слушатели были на ее стороне. Когда я спросил толпу: любят ли они сестру? — они так дружно крикнули «точно так», что сомнений не было в самой тесной связи между сестрою и больными. Я им тоже крикнул, что когда они возвратятся домой, чтобы молились за сестру богу. Ранее был в 14 госпитале, который стоит у нас в Херсу. Все было в большом порядке, но один ординатор, на вопрос мой об одном нижнем чине «чем болен?», ответил голосом, не допускавшим сомнения в тяжелом исходе,—«чахотка». Больной весь съежился. Этот врач не понимает, что на подобные вопросы надо давать бодрящие (ответы),

вносящие надежду в измученные сердца больных, а не убивать в них последнюю веру в жизнь и здоровье.

Вчера в Шуанченпу тоже осматривал этапный лазарет, не вполне развернутый. Затем Датский домик. Грязно, неуютно. Нечаянно я толкнулся в маленькую дверь между двумя тесными палатами и вошел в мертвецкую. На полу беспорядочно положены, покрытые шинелями лежали три покойника. Фельдшер записывал что-то. Тут же лежала довольно большая груда платья: два покойника оказались умершими от сибирской язвы. Грязно, халатно. Пришлось крепко побранить врача, заменить другим, смотрителю дать три дня сроку, чтобы выстроить мертвецкую, все дезинфицировать и привести в порядок.

Вчера же осмотренный этапный пункт нашел в хорошем порядке. Много заботы. Выпечку хлеба наладили. Наградил хлебопеков.

13 декабря ездил прощаться с Томским полком. Славный полк. Расставался с ним со слезами на глазах. Много и славно поработали. Не дали нам только довести дело до победы. Прощаясь со мною, заплакал и полковник Борисов, командир полка, и храбрый подп. Манштейн.

Вчера пришел еще раз посмотреть на отправку двух эшелонов томцев. Встретили меня приветливыми, славными лицами. Говорил с офицерами и нижними чинами.

На-днях отправил псковскому губернатору еще 10.000 рублей, остаток от моего содержания, тоже на устройство школы в Нагавском приходе, Псковской губернии. Всего послано 25.000 руб. Из них просил 22.000 обратить в неприкосновенный капитал моего имени на содержание школы из процентов и 3.000 рубл. на постойку школы. Просил строить на берегу нашего Нагавского озера, близ храма. Просил также ввести в обучение школьников рыболовному делу, в том числе вязанью сетей и проч.

Сегодня послал Линевичу неприятное письмо, к которому приложил вырезку из газеты «Новый Край», в которой помещено письмо в редакцию донских офицеров (9 человек), заявивших, что пора выйти «на новый путь», а не помогать полиции и проч. Новый путь указывается издателями газет в Харбине: «Новый Край», «Манчжурия», где приглашают армию принять участие в политической борьбе и потребовать от правительства «немедленно проведения в жизнь основ свободы по манифесту 17 октября в самом широком смысле». Все это требуют, упуская преднамеренно из виду, что ранее крайние партии все уже сделали, чтобы лишить правительство возможности действовать, лишили правительство содействия почт и телеграфов (сегодня начинается 2-й месяц забастовки), лишили содействия железных дорог, связали ноги и руки и теперь требуют, чтобы правительство танцовало со связанными ногами под их красную дудку.

19 декабря.

Второй день болит сердце. Чувствую себя нехорошо. Возбуждаемость большая. Держу пока себя в руках. Были головокружения. Кожа вялая. Плохо сплю. Доктор Дейкун нашел уширение (нервное, как он говорит) сердца, утомление всей нервной системы, нашел неврастению. Предлагает немедленный и продолжительный отдых, но как поедешь отдыхать, когда мы тут, отрезанные от России, находящиеся во власти стачечников на железной дороге боремся с все вспыхивающими случаями массового недовольства в войсках. Пропаганда делает свое дело энергично. Запасные разных частей теперь преимущественно 2 армии, то VI корпуса, то XVI, то X (9 дивизии) угрожают, если их немедленно не повезут домой, овладеть подвижным составом и двинуться самим домой без начальства. Артиллеристы (парковые) XVI корпуса явились на разъезд в числе 200 чел. и потребовали у начальника разъезда немедленно везти их. Растерявшийся железнодорожник, которому грозили суровою расправою, послал депешу в Харбин, чтобы ему прислали подвижной состав, и сам бежал и скрывался три дня.

Запасные Крымского полка (VI корпуса) грозились, что возьмут знамена и двинутся к дороге, чтобы овладеть поездами, если их не повезут немедленно.

Приказал в I Сиб. и VII Сиб. корпусах принять меры, чтобы не допустить запасных других армий самовольно перейти р. Сунгари, употреблю силу. Выставил конных охотников и охрану на всех путях.

Нынче закончена перевозка IV Сиб. корпуса, 1 Сиб. дивизии, и двигаются казаки Забайкальские, Сибирские, Амурские. XIII корпус уже ушел. Масса запасных с тыла и Приамурского края уже увезено. Всего увезли до 130 тыс. запасных (считая таковых и в IV и XIII корпусах). Запасные сибирских губерний почти все вывезены. 21 декабря начнется перевозка $3^1/_2$ поездами в день запасных 1-й очереди (призванных до 1 сентября 1904 года). В трех армиях таковых осталось 145.000. Запасных 2-й категории (призванных по 1 февраля сего года) имеется в трех армиях 174.000 чел. Наконец, запасных 3-й очереди (призванных позже 1 февраля сего года) имеется в трех армиях 30.000 чел. (Из них 9 корпуса 25.000 чел.). И всю эту массу надо вывозить ненадежными $3^1/_2$ поездами в сутки. Ненадежными по следующим причинам:

1. Связь с Россией прервана, и что там делается—неизвестно.

2. Железнодорожная магистраль на всем протяжении в значительной степени в руках особых стачечных комитетов, которые делают постановления, кого возить, кого нет (Батьянова и Надарова постановили, например, не возить). Это комитеты дают советы Линевичу возить людей, а не «разные там пушки и тележки».

3. Еще от первой забастовки движение на дороге было сильно расстроено уводом большого числа паровозов в Европейскую Рос-

сию и порчею довольно большого числа паровозов на линии (быстро охладили паровозы).

4. Теплушек было мало, а обмен их почти прекратился. Долг их дошел до 4.000 вагонов. Мы спешно переделываем в теплушки простые вагоны. Вагонный парк через месяц истощится совсем.

5. Мастерские работают слабо, лениво. Подвижной состав, особенно паровозы запускаются. Опоздание все возрастает.

6. Запасы угля и дров почти истощились. Пополнение их идет медленно.

7. Брожение среди служащих на всех участках магистрали между Москвою и Харбином продолжается. Запасаются оружием. Толкуют о вооруженном сопротивлении, если захотят изъять дороги из рук стачечников.

И вот при таких-то обстоятельствах Линевич дает печатно обещание всем запасным доставить их на родину *«к началу полевых работ»*.

Когда это обещание не будет выполнено, это вызовет опасный взрыв неудовольствия.

20 декабря.

Сегодня заминка в движении. На ст. Бухеду паровозное хозяйство пришло в расстройство. Мастерские плохо работают; водоснабжение испортилось или было испорчено. Опять несколько паровозов от выпуска пара пришли временно, до ремонта, в негодность. Пришлось принять экстренные меры, чтобы не остановить обещанную отправку запасных. Отменили экспресс, почтовый поезд, отменили или сократили отправку местных поездов до Забайкалья и Цицикара с Забайкальскими и Амурскими казаками, которые ведут с собой: Забайкальцы — 10.000, а Амурцы — 3.000 лошадей, как подарок населению.

Сейчас по телефону Захаров (начальник военных сообщений тыла) говорил мне, что эшелон с военно-пленными порт-артурцами, прибывший из Владивостока, вел себя буйно. Нижние чины отказались следовать далее, если им не выдадут георгиевских крестов. Щедрая раздача крестов на-днях в Харбине военно-пленным артурцам принесла в этом печальном случае вредные плоды. Я советовал Линевичу(по телефону) смирить их силою, но старик пошел на уступки и раненым приказал выдать кресты. Плохо.

23 декабря.

Третий день начали отправлять запасных I, II и III Сиб. корпусов, Сибирских губерний всех, а остальных 1-й очереди, т.-е. поступивших на службу до 1 сентября прошлого года. Посылаем три и четыре поезда в день. Обрабатываем теплушки у нас в районе армии. Пока все идет в порядке.

Стачечники попрежнему считают себя хозяевами на дороге. В Цицикаре задержали экспресс, наполненный 108 офицерами, указав, что для них все поезда равны, поэтому ранее прибывшие воинские эшелоны и должны быть ранее отправлены. В Чите отцепили от воинского поезда вагон с команд. IV Сиб. корпусом Левестамом и начальником штаба корпуса Вебелем за то, что последний называл стачечников «сволочью».

Вчера получили первую весть из России депешею Эйлера (подполковника, заведующего телеграфной частью при главнокомандующем). Депеша составлена по японским газетам от 4 декабря. В ней, между прочим, значится, что Витте, принимая, кажется, 3 декабря, иностранных корреспондентов сказал им, что теперь русский народ убедился, что его лучший друг, это — русский солдат.

В газете харбинской «Новый Край» передаются известия из России, тоже от первых чисел декабря, что Витте непрочен, что реакционная придворная партия добивается смены его и назначения Игнатьева, что хлопочут о военной диктатуре. Что все губернаторы получили право объявить вверенные им губернии на военном положении. Что Сахаров убит в Саратове, Дурново заменен в Москве Дубасовым. Часть Риги сожжена, и туда прибыли иностранные суда. Что лейтенант Шмидт повешен, что в большей части России, повидимому, водворяется порядок. Ранее были известия, что офицеры царскосельского гарнизона на митинге постановили не стрелять в безоружную толпу. В «Вестнике Манчжурской армии» напечатаны перепечатки из японских газет о том, что половина армии Линевича возмутилась, что в Харбине хунхузы соединились с возмутившимся гарнизоном и грабят город и проч. небылицы.

Пропаганда среди офицерского состава идет сильная. Цель — увлечь армию в борьбу партий. Предлог—бездействие правительства по выполнению обещаний манифеста 17 октября. Интересно, что на судах, захваченных лейт. Шмидтом в Севастополе и на митинге офицеров в Харбине, в общем ставились те же требования: «немедленное проведение в жизнь начал манифеста 17 октября». Таким образом крайние партии принимают все меры, вольные и невольные, чтобы связать руки правительству и не дать ему возможности производительно работать, отнимают от правительства пользование железными дорогами, почтою, телеграфом и в то же время (связав руки и завязав глаза) кричат правительству: что же ты до сих пор не осуществляешь основ свободы, возвещенной манифестом 17 октября. С 17 октября идет забастовка на железных дорогах. Окончилась одна забастовка 24 октября [1]), а 15 ноября началась забастовка почтово-телеграфная,

---

[1]) Эта первая железнодорожная забастовка началась на Забайкальской дороге 14 октября и окончилась 24 октября. *(Примеч. А. Н. Куропаткина.)*

которая продолжается и до сих пор. Вторая железнодорожная забастовка началась 25 ноября, и в сущности до сих пор стачечные комитеты хозяйничают на всем пути от армии до Самары. Какие другие дороги бастовали в это время в России — не знаю. Но уже и первой забастовки на железных дорогах и продолжающейся почти 6 недель забастовки почтово-телеграфной достаточно, чтобы видеть невозможность для правительства работать при этих условиях успешно по созыву государственной думы и изменению законов. Между тем ныне армии втягиваются в борьбу политических партий, противопоставляя государю, желающему якобы реформ, правительство, которое оттягивает проведение в жизнь реформ. Разные ораторы в Харбине (подп. Бутузов и другие) предлагали примкнуть к государю и стать против правительства. Такая каша понятий.

(Продолжение следует.)

Автобиографическая записка Степана Ширяева.

Степан Григорьеич Ширяев, член Исполнительного Комитета «Народной Воли», был арестован в Петербурге 4 декабря 1879 года. За несколько дней до того он приехал из Москвы, где принимал непосредственное участие в подготовке взрыва полотна Московско-Курской жел. дор. с целью покушения на Александра II (19 ноября 1879 г.); что послужило поводом к его аресту — до сих пор достоверно неизвестно; архивные материалы, использованные нами для настоящей заметки, оставляют этот вопрос открытым.

Участие Ширяева в «Народной Воле» было кратковременно. Лишь накануне Липецкого съезда (июнь 1879 г.) ему предложили примкнуть к организации и, оценив его преданность революционным идеям и способности, тотчас же пригласили на съезд, на котором предстояло решить вопрос о политической борьбе и терроре. Благодаря рекомендациям петербургских делегатов [1]), съезд единогласно принял его в члены. При расколе бывшей организации «Земли и Воли» на «Народную Волю» и «Черный Передел», Ширяев, не колеблясь, примкнул к первой и введен был в Исполнительный Комитет. С июля по ноябрь месяц 1879 г. длилось фактически его участие в партии. В такой короткий срок, несомненно, Ширяев не успел выявить все свои недюжинные способности и талант крупного организатора.

Тем не менее, С. Г. Ширяев сыграл большую роль в движении. За эти пять с небольшим месяцев он оказал партии неоценимые услуги. «Квятковский соединил руки Исаева, Кибальчича и приехавшего из-за границы Степана Ширяева,—пишет В. Н. Фигнер,— и эти три лица, принеся каждый свои специальные знания, создали ко времени разделения «Земли и Воли», в обстановке обыкновенного жилища, целые пуды взрывчатого вещества, которого хватило Исполнительному Комитету на покушение в Москве и на мины под Одессой и Александровском... Имена этих трех неразрывно связаны с террористической деятельностью Исполнительного Комитета. Они прочли книги, пошли в лабораторию, сделали опыты; они все исследовали, все обдумали и все испробовали. Шаг за шагом, путем приспособления, усовершенствования и изобретения они добились своего!» [2])

Хотя в силу огромной признанной роли Ширяева в народовольческом движении, автобиографическая записка его заслуживает несомненного внимания, но значение и интерес публикуемых ниже материалов усиливается л и ч н о с т ь ю Ширяева вообще.

Он — выходец из народных низов, сын крепостного крестьянина, на нем лежит печать эпохи, бурной и богатой событиями.

Повесть о его жизни, это — почти цельная история 1870-х годов в том виде, в каком переживало это десятилетие тогдашнее поколение русской молодежи.

---

[1]) В. Н. Фигнер, «Запечатленный труд», т. I, М. 1922 г., изд. «Задруга», стр. 130.
[2]) В. Н. Фигнер, «Шлиссельбургские узники», М. 1920 г., изд. «Задруга», стр. 59—60.

Еще одно обстоятельство придает публикуемому материалу — автобиографической записке Ширяева, в особенности — особый вес и значение: в нем заключаются чрезвычайно любопытные сведения о других деятелях и событиях того времени, как, напр., сведения о Г. В. Плеханове, «Северно-Русском Рабочем Союзе» и т. п.

Но до нас записка Ширяева дошла в виде «заявления содержащегося в С.-Петербургской крепости по обвинению в государственном преступлении Степана Ширяева, представленного им прокурору С.-Петербургской судебной палаты 21 июля 1880 г.». По существу записка, таким образом, представляет собою показание Ширяева, облеченное в несколько отличную от обычной форму. Историко-революционная литература знает уже пример такого показания-автобиографии: мы имеем в виду показания В. Н. Фигнер, опубликованные после революции 1917 г. на страницах «Былого» дословно в виде ее автобиографии.

История показания Ширяева представляется нам в следующем виде.

Ширяев был арестован 4 декабря 1879 г. с паспортом на имя потомственного почетного гражданина Николая Тихонова Смирницкого. В течение почти двух месяцев он не открывал своего имени. Определенного обвинения ему не предъявлялось, но власти усматривали в нем подозрительную личность, так как при аресте у него был обнаружен револьвер и несколько паспортов. На допросах он продолжал называть себя Смирницким и отказывался от каких-либо показаний по существу.

Причастность Ширяева к организации стала для властей выясняться после ареста народовольческой типографии в Саперном переулке 18 января 1880 г. Некоторые обнаруженные там документы устанавливали связь Ширяева («Смирницкого») с работавшими в типографии.

Под влиянием, видимо, обнаружившейся вскоре после того подложности его вида на жительство (однородные по фабрикации паспорта были забраны и у работавших в типографии), Ширяев 25 февраля 1880 г. признал, что его фамилия не Смирницкий. Но назвать настоящую он отказался, как равно решительно отказывался и от дачи других показаний. Напавши на след [1]), что именующийся Смирницким в действительности есть Ширяев, следственные власти вытребовали в Петербург брата Ширяева, Ивана Григорьевича, служившего конторщиком у гр. Нессельроде, который признал в Смирницком своего родного брата Степана. Тогда только, 4 марта 1880 г., Ширяев сказал свою настоящую фамилию. На допросе в этот день он показал, что с конца 1876 г. по конец 1878 г. был за границей. «Во время пребывания за границей я был чернорабочим на разных фабриках, большею частью на красильной фабрике в предместьи Парижа, Пито. С русскими эмигрантами я встречался в русской библиотеке, устроенной Иваном Сергеевичем Тургеневым, но ни с кем близко не сходился. С 1878 г. до моего арестования я большею частью жил в Петербурге, изредка я выезжал из Петербурга, но куда — объяснить не желаю. Жил я большею частью без прописки. Причина, почему я жил без прописки или под чужим именем есть та, что я желал избегнуть воинской повинности. Через границу я переехал без паспорта, но за границей жил под своим именем». Вот все, что следователи могли добиться у Ширяева в течение трех месяцев.

Следовавшие затем дни резко изменили положение и, в конце концов, привели к тому, что Ширяев представил свое заявление В. К. Плеве.

---

[1]) В нашем распоряжении, к сожалению, нет материалов, которые точно выяснили бы историю обнаружения его личности.

Дело в том, что пока в Петербурге велось следствие по делу о тайной типографии, выяснялась личность Ширяева, разрабатывался материал по делу арестованного в 1879 г. Александра Квятковского, подозревавшегося в соучастии в покушении А. К. Соловьева на Александра II 2 апреля 1879 г.,—на юге, в Одессе, местными жандармами обрабатывался арестованный в ноябре 1879 г. Гр. Дав. Гольденберг. Роль его известна. Его склонили на дачу откровеннейших и подробных показаний. Как раз это случилось в десятых числах марта 1880 г. «Гольденберг решился сознаться во всех своих преступлениях, объяснить организацию террористической фракции, указать всех известных ему членов ее»—так телеграфировали в III отделение 10 марта 1880 г. и одесский жандармский полковник Першин, и правая рука генерал-губернатора Тотлебена, статс-секретарь Панютин. Каждый день телеграф приносил в Петербург все новые вести из Одессы: Гольденберг последовательно рассказывал обо всем, называл всех знакомых, а их было не мало. Очередь дошла и до Ширяева, с которым Гольденберг познакомился на Липецком съезде. 13 марта 1880 г. граф Тотлебен телеграфировал III отделению «свежую» новость: в Липецке во второй половине июня 1879 г. состоялся съезд, «на котором окончательно решен вопрос о цареубийстве». Далее следуют имена участников съезда, в том числе и имя Степана Ширяева. Через пять дней, 18 марта 1880 г., дополнительная телеграмма от одесского жандарм. полковника Першина: «Ширяев смыкал цепь батареи для производства взрыва под Москвой и приготовления динамита».

Когда были получены в Петербурге показания Гольденберга, Ширяеву стали предъявлять определенное обвинение в приготовлении динамита и участии в покушении 19 ноябре 1879 г. Отрицать все это было бы смешно: Ширяев счел необходимым взять на себя ответственность за всю деятельность партии. «Как член партии,—заканчивал он свое последнее слово на суде,—я действовал в ее интересах и лишь от нее да от суда потомства жду себе оправдания. В лице многих своих членов наша партия сумела доказать свою преданность идее, решимость и готовность принимать на себя ответственность за все свои поступки. Я надеюсь доказать это еще раз своею смертью» [1]).

В день получения телеграммы от Тотлебена о Липецком съезде с упоминанием имени Ширяева, 13 марта 1880 г., последнего подвергли допросу, на котором он заявил, что не признает свою принадлежность к партии, но «по воззрениям я—социалист-революционер, хотя формально не связан с организацией общества никакими обязательствами» [2]).

Прошли после того четыре месяца. Ширяеву предстояла поездка в Москву вместе с представителями III отделения, куда его водили для опознания служащими гостиницы, в которой он останавливался, будучи в Москве в ноябре 1879 г. [3]) Он счел лишним отрицать какие бы то ни было факты, относящиеся лично до него, и решил показаниям Гольденберга противопоставить свои, откровенные в отношении себя лично. Вот как он сам объяснял на суде происхождение своих показаний: «Еще на предварительном следствии, *после того, как мне было сообщено показание Гольденберга* (курсив наш. *Р. К.*), я нашел нужным признать свое участие в фактах, которые составляют сущность обвинений, выставленных против меня. Я это сделал *ввиду восстановления истины*, потому что в показании Гольденберга нашел много ошибок, и хотя это не имело значения лично для меня, но было важно для выяснения отношения других

---

[1]) «Процесс 16-ти террористов». П. 1906 г., изд. «Донская Речь», стр. 228.

[2]) См. дознание о Ширяеве, ч. I.

[3]) В Москву его возили в 20-х числах июля 1880 г. См. дело III эксп. III отд., 1879 г., № 668, ч. II, л. 316—317, и «Былое», 1918 г., кн. X—XI, стр. 204—205.

обвиняемых к настоящему делу. Будучи убежден, что мои объяснения необходимы для их пользы, я считал себя обязанным их представить, не думая этим повредить интересам партии, к которой принадлежу, так как эти *факты были сообщены уже раньше*. Этой же системы я старался держаться и здесь, на судебном следствии» [1]). И в начале записки Ширяев подчеркивает «нравственно-обязательный для меня мотив скромности по отношению к фактам, разоблачение которых повело бы ко вреду или отдельных личностей, или обще-партионного дела, интересы которого не перестают быть дорогими для меня».

С очевидностью, таким образом, ясно, что, не будь подробнейших уличающих показаний Гольденберга, Ширяев держался бы на следствии той тактики, которой он руководствовался в первые три месяца заключения. Его записка вызвана показаниями Гольденберга и им противопоставлена в целях «восстановления истины».

Необходимо выяснить вопрос — действительно ли все факты, приводимые Ширяевым (и касающиеся других), и все упоминаемые им имена и клички были известны властям до получения его записки. В нашем распоряжении два источника для проверки, не говоря об архивных материалах. Мы имеем в виду отчет по процессу 16-ти, в который вкраплены отрывки из показаний Гольденберга, где эти имена и клички фигурируют. И еще более достоверный источник: «Свод указаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях», составленный и напечатанный III отделением в *мае 1880 г.*, т.-е. за два почти месяца до появления записки Ширяева, и тогда же разосланный в секретном порядке губернским жандармским управлениям [2]). В наших кратких примечаниях мы старались, пользуясь названными источниками, выяснить, что все приводимые Ширяевым имена были уже известны до него III отделению, большая часть кличек в последнем же учреждении была расшифрована легко на основании показаний Гольденберга, а те клички, которые последнему не были известны и которые проводит Ширяев, остались для III отделения не расшифрованными.

Безусловно, писать подобную, испещренную фактами и именами записку—был шаг рискованный. Но Ширяев писал таковую, обдумав и сознав, что он никому повредить не может, что он своим заявлением может только отчасти восстановить истину. И, действительно, записка эта нисколько не изменила и не повлияла на ход следствия. Ее приняли к сведению, но почерпнуть из нее какие-либо полезные для розыска данные было невозможно: она не отягчила чью-либо участь, кроме разве самого Ширяева.

Характерная особенность записки—полное отсутствие в ней явно вымышленных, либо сознательно искаженных сведений. Из конспиративных соображений автор скрыл многие, но отнюдь не привлекал ложные сведения, так как не стремился к выгораживанию себя.

Записка печатается с копии, представленной В. К. Плеве М. Т. Лорис-Меликову (подлинник не найден). Копия хранится в архиве бывш. III отделения (д. № 668, III эксп., 1879 г., ч. III).

Р. М. Кантор.

---

[1]) «Процесс 16-ти террористов». П., 1906 г., изд. «Донская Речь», стр. 215.

[2]) Он перепечатан в «Былом», 1907 г., №№ 7 и 8. Он составлен, главным образом, по показаниям Курицына и Гольденберга.

I.

Заявление

содержащегося в С.-Петербургской крепости по обвинению в государственном преступлении Степана Ширяева, представленное им прокурору С.-Петербургской судебной палаты 21 июля 1880 года.

Все мои связи с народнической партией, не только фактические, по участию в тех или других общих делах, но и по духу, по программе, относятся к очень недавнему времени,—именно к 1879 г., когда я впервые ознакомился довольно подробно с теоретическими и практическими ее задачами и приемами, с ближайшими целями и, наконец, с ее прошлым; в последнем отношении, впрочем, мои сведения очень ограничены, в силу причин, которые выяснятся ниже. Последним обстоятельством и объясняется в моем изложении не только недостаток фактических данных для определения роли народнической партии в истории русского социально-революционного движения, но и некоторая натянутость обобщений, к которым я прибегаю, чтобы связать в одно целое известные мне факты. Есть, разумеется, и другая причина,—в данном случае она по необходимости играет очень второстепенную роль, но при разъяснении тех событий, где я сам был участником, значение ее будет первенствующее: я разумею здесь нравственно-обязательный для меня мотив скромности по отношению к фактам, разоблачение которых повело бы ко вреду или отдельных личностей, или обще-партионного дела, интересы которого не перестают быть дорогими для меня. Вообще необходимо предварительно объяснить, что заявление это вызвано с моей стороны не отречением от социалистических убеждений и верований, не осуждением того направления, которое особенно резко обозначилось за последнее время и одним из представителей которого являюсь я сам; я и поныне убежден в том, что общий характер этого направления целиком определился теми обстоятельствами, в которые поставлена партия, и едва ли мог быть иным при нежелании русских соц.-революционеров отказаться от возможно более широкой и успешной деятельности ввиду осуществления обще-социалистических целей. Я думаю, что, выяснивши, насколько я в состоянии это сделать, задачи и образ действий народнической партии в связи с условиями, влияние которых отразилось

на ее ближайших целях и практических приемах,—выяснивши это, я буду способствовать установлению более правильных, спокойных и беспристрастных отношений правительства к социально-революционному движению. Такая цель представляется мне желательной не столько в виду чисто-партионных интересов, сколько ради интересов народа и общества русского вообще, так как думаю, что эти интересы терпели бы меньший ущерб, лучше удовлетворялись бы при ином направлении правительства.

Я начну с изложения тех обстоятельств моей жизни, под влиянием которых у меня сложилось убеждение в необходимости соци альнореволюционной деятельности и с описания первых шагов моих в этом направлении.

Вопросами о труде, о положении рабочего класса в России и других странах, о желаемых и возможных улучшениях в этом положении,—я стал интересоваться давно, имея не более 15 лет от роду. Я обучался в саратовской гимназии [1]). Благодаря досугу, которого у меня было довольно, я издавна пристрастился к чтению, сначала, разумеется, нисколько не тенденциозному, а зат м увлекся так называемой «писаревщиной» со всеми ее крайностями. Продолжалось это, впрочем, недолго, потому что, благодаря влиянию моего нового приятеля, гораздо старшего меня летами, знающего, умного и опытного—я почувствовал фальшь и узкий эгоизм «писаревщины» и начал сознавать нравственную обязанность—«быть полезным членсм общества» [2]). Чтение сочинений Добролюбова, Флеровского, Чернышевского, разных журнальных статей по рабочему вопросу, об ассоциациях и пр. а больше всего беседы с другими,—все более уясняли мне неопределенно-туманную вначале цель: народное благо. В начале 1873 г., через студентов-саратовцев, проживающих в Петербурге, я впервые ознакомился с социально-революционной литературой: было привезено в Саратов несколько книжек заграничного издания, рукописные копии небольших статей и пр. Весною того же года мне удалось нечаянно познакомиться с одним «пропагандистом», прибывшим из Петербурга. Но все мои сношения с ним ограничивались одними общими разговорами и передачею книг, которые явились потом в изобилии [3]). Познакомился и с другими, после прибывшими лицами [4]). Погром сапожной мастерской на Царицынской улице, аресты и бегство работавших там революционеров разлучили меня на некоторое время с новыми знакомыми [5]). Но вскоре, сойдясь с учениками саратовской духовной семинарии, у которых до того времени не было сношений с гимназистами, я восстановил через них порванную связь с агитаторами. Узнавши от них много новых для меня вещей—об интернационале, коммуне, о их собственных планах пропаганды и агитации в народе—что, разумеется, я очень смутно понимал тогда,—я и немногие из моих товарищей гимназистов и семинаристов—мы с увлечением отдались новым воззрениям. Образовался кружок, местом собраний которого была преимущественно моя квартира. Наша цель

была: распространять новые идеи в доступной нам среде, поддерживать сношения с Москвой и Петербургом, чтобы получать появляющиеся издания социально-революционной партии и быть, вообще, au courant движения; наконец, подготовлять себя к роли пропагандистов в народе, знакомиться с рабочими и влиять на них. Практические результаты, конечно, далеко не соответствовали нашим мечтам, и даже некоторые из «столпов» кружка обратились вскоре в благонамереннейших юношей, но остальных это не обескураживало. Для большего успеха своей пропаганды мы издавали рукописный журнал, редактировать который пришлось мне [6]).

Весною 1875 г. я вышел из гимназии, предвидя близкое исключение за «неблагонамеренность» и с осени поступил в ветеринарный институт в Харькове, где и пробыл до весны 76 года [7]). Живя в г. Харькове, я не имел почти никаких соприкосновений с местными революционными кружками, хотя и был знаком с несколькими членами той группы, которая целиком вся захвачена была в мастерской на Песках; от них я получал появлявшиеся в то время номера журнала «Вперед» и др. социально-революционные издания [8]). Мало посещая лекции, я занялся тогда политической экономией и, между прочим, серьезно проштудировал «Капитал» Маркса. В мае 1876 г., с значительным багажом запрещенных изданий, я вернулся в Саратов [9]). Пришлось прежде всего озаботиться о средствах к существованию,—я достал несколько уроков, которые давали мне заработок, позволявший откладывать кое-что «на черный день». Из моих прежних товарищей некоторые были уже арестованы, другие разъехались на каникулы по домам; в Саратове нашел я немногих, между прочим, Сергея Бобохова, с которым и поселился [10]). За время моего отсутствия завязаны были сношения с местными мастеровыми, главным образом с сапожниками и переплетчиками, на них-то и я теперь обратил свое внимание. Образовался смешанный кружок из учеников гимназии и семинарии и мастеровых; сходки происходили на волжских островах; устроили общую кассу, библиотеку и пр. Но затем возникли кое-какие разногласия в нашем кружке, и дело лопнуло, благодаря нескольким втершимся дрянным личностям: кружок ликвидировался временно. Я оставался почти без дела. К тому же некоторые неудачи в поисках за личным счастием делали мою жизнь в Саратове тяжелою [11]). Я решил уехать куда-нибудь подальше. Чуть было не укатил в Сербию добровольцем, но компания, к которой я хотел пристать, расстроилась [12]). Мне хотелось больших знаний теоретических, больше житейского опыта и столкновений с хорошими людьми; хотелось приобрести привычку к труду, изучить ремесло. И вот я решил попытать счастия за границей. Денег у меня было накоплено рублей 50, да мать дала 70—80 рублей, когда я приезжал на родину, чтобы выхлопотать нужные мне бумаги. Заграничный паспорт мне не выдали, ссылаясь на неимение то тех, то других бумаг,—и я решил, чтобы не медлить долго, отправиться без него [13]). Выехавши из Саратова в октябре 1876 г., я заез-

жал ненадолго в Калугу, где представлялся было попутчик, но тот не поехал, и я путешествовал далее один. Сначала отправился в Лондон, куда мне дана была рекомендация в одно русское семейство [14]); здесь же познакомился с П. Л. Лавровым [15]). В Лондоне не пришлось на этот раз оставаться долго—работы не было и не предвиделось. В январе 1877 г. я уехал в Париж и, к счастию, через несколько дней по приезде сюда получил работу в лаборатории г. Яблочкова. Хотя от меня не требовалось ни особенного знания, ни напряжения сил, но, поглощая очень много времени, моя работа почти не оставляла мне досуга для чтения, знакомств и пр. Да и парижская жизнь того времени не представляла особенно интереса—«макмагония» торжествовала. Из русских эмигрантов я ближе других сошелся с Лавровым, который вскоре после меня перебрался в Париж, и с А. Л. Линевым [16]); последний, как инженер, работал также у Яблочкова. Весной 1877 г. прибыли в Париж Ивановский [17]) и Плеханов, за несколько месяцев перед тем покинувшие Россию [18]). Знакомство с ними, хотя и непродолжительное на этот раз, мне было очень полезно впоследствии. С Ивановским я, и расставшись, поддерживал постоянные сношения. В октябре того же года я перебрался опять в Лондон, куда Линев уехал ранее моего. И там пришлось работать, тоже по электрическому освещению, в англо-русской мастерской Reed'a и Реньева. Мое материальное положение улучшилось; хороший заработок позволил сделать, в продолжение года, сбережение около 15 ф. стерл.; во время самой работы приобретал полезные научно-технические сведения и понемногу обучался слесарному ремеслу. В свободное время я прилежно изучал английский язык, довольно скоро начал читать. Всего более интересовала меня литература рабочего вопроса, хотя до сих пор английские работы и решали его не в социалистическом духе. С этою же целью я старался ознакомиться с текущею деятельностью секций интернационала в Бельгии и Швейцарии, немецких социал-демократов, с богатою литературою о Парижской Коммуне и пр. Вообще этот год я прожил с большою пользою для себя. Посещал английские митинги и разные клубы, где происходили дебаты по общественным и политическим вопросам, собрания французских эмигрантов-коммунаров. С русскими делами знакомился, главным образом, благодаря обязательному содействию Ивановского и Лаврова: первый, из Берлина, сообщал многочисленные новости, доходившие к нему из Петербурга, пересылал получаемые им издания «Вольной Русской типографии», Лавров же, кроме того, присылал мне легальные петербургские газеты. Затем из Женевы выписывал я «Общину», которая стала выходить в начале 1878 г. Из России приходили вести все мрачнее и мрачнее. Один за другим следовали политические процессы, жестокость приговоров по которым все возрастала. Доходили известия о крупных и мелких случаях возмутительнейшего произвола и насилия, как, напр., факты, рассказанные в брошюрах «Заживо погребенные» [19]) и «Баши-бузуки Петербурга» [20]). Поступок Веры Засу-

лич [21]), переполнивший всю европейскую прессу, не бесследно прошел и для нас, русских эмигрантов. Тогда я, впрочем, не приурочивал этот факт как до некоторой степени исходный пункт в той системе воззрений, которая владела мною впоследствии. Программа, которую я вырабатывал тогда себе, носила на себе слишком явные следы влияния заграничной жизни и воззрений Лаврова. О программе и деятельности уже вполне сформировавшейся тогда в России партии народников я, к сожалению, ничего еще не знал, да и самое слово «народник» стало знакомо мне лишь в Петербурге. В общих чертах я таким образом систематизировал в то время свои воззрения.

Лишь народное восстание, одновременно поднявшееся во многих местах, при сознательно руководящем меньшинстве из самого народа в союзе с представителями интеллигенции, ставшей в ряды его—может рассчитывать на победу над той силой, которую выдвинуло бы правительство, и упрочить новый порядок.

Предоставляя народной самодеятельности широкое участие в установлении социалистического общежития,—полагаю, что основные черты нового строя будут таковы: а) передача всей земли крестьянским обществам; б) ремесленники, фабричные и заводские рабочие организуются в артели, ассоциации, в нераздельное владение которых и должны перейти заводы, фабрики и мастерские; в) установление федеративной связи между теми крупными частями, на которые, по всей вероятности, имеет распасться государство; г) возможно полное и последовательное проведение принципа самоуправления в пределах каждой отдельной области союзной федерации, полное отделение суда от администрации, устройство его сообразно с народными обычаями и подчинение полному общественному контролю; д) безусловная свобода печати, сходок и всяких общественных союзов; е) законченная система всестороннего общего образования для всех—обязательно и бесплатно и пр.

Подготовление упомянутого народного восстания—социальной революции и есть насущная задача. Дело народа может быть выиграно лишь самим народом. Народ не может итти рука об руку с либеральными партиями, не принимающими всех логических последствий социалистического принципа: «рабочему—продукт труда его», что может быть осуществлено лишь при всеобщем применении кооперации. Итак, партия должна держаться в стороне от всякого рода конституционалистов.

Вращаясь в «обществе», «в интеллигентных сферах» лишь для вербовки новых товарищей, для добывания материальных средств и наблюдения за мероприятиями правительства,—русские социалисты-революционеры должны видеть свою непосредственную задачу в деятельности среди народа, чтобы: а) образовать народно-революционную организацию, в которую вошли бы главным образом рабочие разных местностей; б) заводя постоянные поселения в народе, отстаивая его интересы при всяком удобном случае, заручиться этим спо-

собом доверием народа, популяризировать ему свою программу в общих требованиях; в) вести «пропаганду фактом» (выражение, пущенное в обращение швейцарскими анархистами: propagande par le fait), т.-е. пользоваться случаями, где можно на деле, в прямой борьбе защищать требования народа, напр., участие в бунтах, стачках—даже в том случае, когда неудачный исход каждого такого факта можно заранее предсказать; отстаивать свободу совести, содействуя раскольничьим сектам, и проч. Удобнейшее положение для интеллигентного человека при этом—быть самому простым рабочим; необходимо также занимать места фельдшеров, писарей, сельских учителей и пр.—вообще избирать профессии, ставящие в близкие и постоянные отношения к народу.

Для определения решительного момента, когда должно быть начато повсеместное народное восстание—трудно указать определенные признаки. Желательно, чтобы организация не была застигнута врасплох, не будучи еще сформированною. Но такие крупные исторические факты—вне воли отдельных личностей и групп. Вероятнее всего, что восстание поднимется стихийно, само собою, при столкновении все усиливающейся реакции правительства и привилегированных классов с народными группами, в которых пассивное настроение, при влиянии проникающего сознания, перейдет, наконец, в энергичное противодействие, в страстное желание сбросить гнет.

Такова была программа, с которой я вернулся в Россию. От программы Лаврова отличалась она в двух главных пунктах: 1) «пропаганда фактом», которой Лавров не придает почти никакого значения, а в некоторых случаях отвергает, как прямо вредную и 2) те общественные формы, какие должны установиться немедленно после переворота: Лавров, требуя большего участия принудительного элемента и более серьезной и продолжительной предварительной подготовки,—считал возможным проведение социалистического принципа в новом обществе полнее, напр., установление коллективизма, т.-е. не только общего пользования орудиями труда на артельных началах, но и общности имущества. Впрочем, он и сам сознавал невозможность последовательного проведения этого последнего принципа во вновь слагающемся обществе и держался за него потому более, что, по его словам, чем бóльшие требования предъявлялись жизни, тем больше выиграешь, чище и цельнее сохранишь свой идеал, незачем наперед заботиться о компромиссах,—волна истории снесет и без того, и сама насущная действительность укажет, какие уступки необходимы.

Меня тянуло в Россию, хотелось поработать для общего дела, а в Лондоне я жил лишь для себя, потому что принять активное участие в местных событиях не мог, не имея прямых, кровных связей, мало зная новую среду и не сочувствуя узкой постановке рабочего вопроса англичанами, у которых социалистические тенденции стали резче проявляться лишь в недавнее время, перед самым моим отъез-

дом. Летом я побывал по делам своих патронов в Париже на всемирной выставке. Познакомился здесь с Клячко, бывшим чайковцем, недавно вернувшимся в Европу из Америки [22]), с Пресняковым [23]) и еще несколькими соотечественниками, вновь прибывшими из России, фамилий которых не помню [24]). Их рассказы о русских делах ускорили мою решительность уехать в Россию. В первых числах ноября, по новому стилю, я покинул Лондон навсегда [25]); заехал по пути в Париж, где получил несколько рекомендательных записочек в Россию и, через Берлин—Эйдкунен—Вержболово, с паспортом иностранного подданного, прикатил в Петербург. Благодаря рекомендации П. Л. Лаврова, я здесь имел возможность приютиться на первое время в одном знакомом ему семействе, при чем прописываться не пришлось. Я смотрел сначала на свое пребывание в Петербурге, как на временное, надеялся приискать себе какое-нибудь занятие в провинции и присоединиться к одной из групп, действующих в народе. В Петербурге же мне хотелось ознакомиться с программами разных фракций социально-революционной партии, узнать фактическое положение революционного дела, добытые до сих пор результаты; кроме того, изучить петербургскую учащуюся молодежь, что меня очень интересовало, как потому, что эта среда поставляла наибольший контингент революционных деятелей, так и своею собственною жизнью, с широким развитием общественности, сходками, кружками и проч. Нужно было также пополнить пробелы своих знаний и заручиться какой-нибудь работой, которая давала бы средства к жизни. В провинции же я хотел подыскать место простого рабочего, напр., слесаря, где-нибудь на заводе или в железнодорожных мастерских,—это ремесло было мне уже знакомо немного. По размене остатка от моих лондонских сбережений на русские бумажки, я имел 45—50 рубл. и рассчитывал на эти средства легко прожить, при моих скромных расходах, 3—4 месяца. Я попал в Петербург в довольно бурное время в жизни студенчества: происходили частые сходки, составлялись ответные адреса на грязные пасквили Цитовича[26]), затем, когда дошли слухи о харьковской истории [27]),—читались получаемые разными лицами корреспонденции из Харькова, составляли коллективные ответы, вырабатывали план действия для себя, на случай, если будет найдено нужным фактически заявить свою солидарность с харьковским студенчеством. Словом, общественная жизнь студенчества была в полном разгаре, и я не мог желать лучших условий для ознакомления с нею. Я начал усердно посещать академические и университетские сходки, прислушивался к дебатам, заводил знакомства. Из моих старых, близких друзей по Саратову в то время в Петербурге почти никого не было, да я и не особенно желал возобновлять старые связи, так как при этом неизбежно сталкивался бы и с такими людьми, встречи с которыми я опасался. Затем значительную часть времени я проводил в Публичной библиотеке, прилежно читая. Всего труднее было мне завязать сношения с «радикалами» (этим именем, как я здесь впервые услышал, называют вся-

кого социалиста-революционера, без различия фракции). Лавров предупреждал меня, что его рекомендация не поможет мне сойтись с действующими в России группами революционеров, так как у него в то время не было никаких деловых сношений с ними. Я скоро сам узнал, что те, кого в Петербурге называли «лавристами», не имели ничего общего с Лавровым, ни с его программой, и название нововпередовцев гораздо лучше соответствовало бы им, так как по своим фактическим связям и программе они находились в близких отношениях к новой редакции журнала «Вперед» [28]). С некоторыми представителями этой группы мне и пришлось столкнуться на первых порах. В то время в Петербурге лавристов было еще очень много,—впоследствии же быстро рассеялись и добровольно, и невольно; между ними происходило какое-то оживленное движение, вероятно, организовалось общество и вырабатывалась систематическая программа. У них были значительные связи среди петербургских рабочих, и некоторые из них пользовались не малым влиянием на отдельных, выдающихся личностей из рабочих. Но, повторяю, сойтись близко с лавристами и узнать их деятельность короче мне не пришлось—сначала по причине естественной с их стороны сдержанности с человеком новым, вовсе незнакомым, а потом, ознакомившись с характеристичными пунктами их программы и резко расходясь с ними во мнениях, я и не старался сходиться с ними ближе. Я убедился, что они не имеют под собой прочной почвы, не могут рассчитывать на большое общественное влияние. Их цель в практической деятельности—проводить социалистические идеалы в сознание народа, «просветлять массы», так сказать. Не доверяя самому народу, его здоровым инстинктам и реальным потребностям, они придают слишком важное значение самим себе, своим знаниям, почерпнутым из книжек, и воображают быть руководителями народа, перестраивая его жизнь, его понятия сообразно со своими рафинированными социалистическими воззрениями. Их орудие,—главное, почти исключительное,—пропаганда. Отсюда, враждебное отношение не только к таким стихийным народным движениям, как крестьянские бунты, но даже к стачкам рабочих. Всякая стачка, говорят они, преследует очень узкую и совершенно не социалистическую цель—улучшение существующего положения без изменения самих отношений зависимости рабочего, напр., укорочение рабочего дня, лишний пятак поденной платы и пр. Нужно все или ничего. Стачечная борьба, увлекая рабочих на путь жалких сделок, примиряет их с принципом эксплоатации, проникающим насквозь все современные экономические отношения; отвлекает от настоящей социалистической деятельности—уяснения себе форм справедливых общественных отношений и приобретения союзников и сочувствующих товарищей. Поэтому лавристы обращали особенно серьезное внимание на передачу рабочим знаний по общественно-экономическим и историческим вопросам; устраивали с этою целью библиотеки для рабочих, читали им лекции, к которым, разумеется, нужно было серьезно

подготовляться. В этом отношении принесенная ими польза несомненна и велика. Но они заблуждались, думая, что будут влиять на массы: их влияние отразилось лишь на немногих отдельных личностях, наиболее талантливых и самодеятельных, развивших в себе жажду знания; эти немногие так далеко ушли от остальной массы в своем развитии, что теряли во влиянии, делались непонятными товарищам и проникались стремлениями, несогласными с интересами и стремлениями массы. К этому меньшинству принадлежал и Степан Батурин, который, как я слышал, долгое время был в близких отношениях с некоторыми из лавристов и даже одно время жил вместе с ними на общей квартире [29]). Не сойдясь с лавристами, я стал искать сближения с народниками, программа которых сделалась мне немного известна по первому номеру «Земли и Воли», вышедшему перед моим приездом в Петербург [30]). Сближение было, как оказалось, не легко,—в числе моих первых знакомых вовсе не было лиц, которые могли бы рекомендовать меня народникам; я имел две записочки из Парижа, из которых одну передал лично тому, кому она адресована, другую же, адресованную на имя Зунделевича, передать самому мне не удалось,—мне даже не сказали, где в то время был Зунделевич, но взялись доставить записку,—о судьбе ее я так и не узнал после [31]). Рекомендации эти помогли мне плохо,—я не мог даже благодаря им достать себе фальшивый вид на прожитие. Лишь впоследствии, ознакомившись с условиями жизни и деятельности революционеров на родине, я мог примириться с таким недоверием и подозрительностью и сам одобрил эту систему. Дело в том, что наши эмигранты слишком скоро забывают о тяжелых условиях, в которые поставлена социально-революционная партия в России, и недостаточно осмотрительны в своих рекомендациях. Оттого-то и бывали, говорят, случаи втирания в русские кружки более чем подозрительных личностей. Тем временем студенческие волнения по поводу харьковских событий приняли самый интенсивный характер. Готовилась демонстрация, обсуждался адрес к наследнику [32]). Я неупустительно посещал все сходки, особенно в медико-хирургической академии, и на одной из них нечаянно встретился с Георгием Плехановым, моим парижским знакомым. Он деятельно агитировал в пользу демонстрации, от которой лавристы старались всячески удержать студенчество. Дело шло быстро к развязке. Я участвовал в демонстрации подачи адреса; на моих глазах происходило арестование студентов в библиотеке и во дворе академии и сопровождавшие это событие возмутительные сцены, когда пошли в ход казацкие нагайки. Бывал я и на подачи дующих сходках и раза два за это время лишь каким-то чудом спасался от ареста. Корреспонденции о происходивших на моих глазах событиях я отправлял в Париж и Лондон, для помещения в иностранных газетах, но, сколько мне известно, лишь одна лондонская «Pall-Mall Gasette» напечатала у себя почти целиком мое описание демонстрации подачи адреса и вызвавших ее событий. С Плехановым за это время я встречался несколько раз и благодаря ему мог составит себе некоторое

цельное представление и о народнической программе. Он же сообщил мне, в каком положении в это время находилось дело народнической агитации среди петербургских рабочих, с которыми ему самому доводилось иметь столкновения ранее. Как это дело велось прежде, какими именно лицами, с каким успехом, этого я, к сожалению, узнать не мог от него. Наличное же положение было таково: почти никто из народников не имел правильных сношений с рабочими; были кое-какие знакомства, которые в ту пору едва поддерживались. Большая часть рабочих, сочувствовавших народнической программе, была в разброде: многие в высылке, другие добровольно покинули Петербург и лишь немногие оставались здесь, не будучи ничем между собою связаны и колеблясь, куда пристать—к лавристам ли, зазывавшим их на свои лекции и сулившим «наслаждение гармонией будущего»; к инициаторам ли Северного рабочего союза, который начал образовываться, кажется, в конце 1878 года, или же образовать особую группу с народнической программой. Бездеятельность народнической организации в этом случае объяснялась очень естественными причинами: недавние погромы отозвались тяжело и на этой группе народников, а из тех, кто имел счастие избежать ареста, большинство выбыло из Петербурга в другие города или же в села для поселений среди крестьян. Не было людей, да и материальные средства были, повидимому, плохи. Была, впрочем, «зеленая молодежь», новички в социально-революционном деле, большею частью из студентов первых курсов, которые, усвоивши основные положения программы народников, искали дела себе. Тогда-то возникла мысль об образовании нового кружка со специальною целью агитации среди петербургских рабочих, поддержания стачек, устройства отдельных мелких рабочих кружков в разных частях города, образования частных кружковых касс и общего стачечного фонда и пр. В числе других и мне было предложено принять участие в этом кружке. Это было около середины января 1879 г. Кружок признавал свою солидарность с программой, выставленной газетою «Земля и Воля», не вступал ни в какие формальные сношения с народнической организацией, да и сам, строго говоря, не был кружком организованным, т.-е. не имел своей детальной программы и устава, не налагал на своих членов никаких обязательств и вовсе не имел администрации. Инициаторы основания этого кружка, принадлежавшие к народническому «обществу», смотрели на наш кружок главным образом как на искус для новобранцев, которые должны были при этом обнаружить свои способности, знания, понимание программы, преданность делу, уменье вести его, осторожность и энергию и пр. Такова была важная побочная цель, прямая же—противопоставить пропагандистским программам свою, народническую, быть противовесом лавристов и Северному рабочему союзу. Предложение о вступлении в этот кружок я принял, не связывая этим себя никакими обязательствами на будущее время, так как я еще не покинул мысль уехать в провинцию, и только неуспех моих поисков за подходящим местом удерживал меня теперь здесь. Кроме

того, отчасти под влиянием событий, отчасти—ознакомляясь с программою народнической партии, я сам склонялся в пользу этой программы. Прежде чем продолжать изложение фактов, остановлюсь на разъяснении и приведении в систему тех данных, какие мне известны относительно народнической партии и Северного рабочего союза. Чтобы сразу покончить с этим предметом, я здесь связно изложу не только мои первоначальные сведения, но и вообще все, что узнал до сих пор. Исключительные условия, в которые я был поставлен обстоятельствами, полное незнакомство с обеими организациями в историческом, так сказать, порядке; короткое время моих личных сношений с представителями той или другой, наконец, мое внешнее положение относительно обеих организаций, формально принятым членом которых я не был, все это, в связи с сдержанностью и осторожностью при сообщении фактов, лиц, с которыми мне приходилось сталкиваться, объясняет условный, гипотетический характер излагаемых мною сведений.

Основание народнической партии,—не как организованного целого, а как группы лиц, или даже нескольких отдельных, вначале ничем не связанных между собою групп,—можно отнести к тому времени, когда, избравши своим лозунгом «в народ», первые пионеры революционной борьбы за народное дело двинулись из столицы в захолустья, по деревням, становясь большею частью в положение рабочего человека. Я думаю, что движение это с самого начала не приняло бы такого резкого характера, если бы правительство имело благоразумие более спокойно и беспристрастно отнестись к нему тогда. Как бы то ни было, предыдущие правительственные мероприятия, как, напр., закрытие доступа образованным людям в волостные писаря, сельские учителя и пр., а также усилившиеся строгости и стеснения студенчества, заставлявшие многих и добровольно и невольно покидать негостеприимные стены «храмов науки», все это неизбежно должно было толкнуть честную молодежь, жаждующую быть полезной родине, на единственный доступный путь—революционный. Самые крайности первоначального увлечения доказывают это очевидным образом, напр., отрицание «науки», как важного элемента в революционной деятельности, несомненно, находится в связи с тою ролью, на какую у нас обречена наука легально, и с представлением о ее «жрецах», которые выплывали в образе Ланцертов, Ционов, Любимовых [32]) и др. патентованных руководителей юношества. С самого начала в молодой социально-революционной партии резко обозначились два направления: одно, выразителем которого явился «Вперед», носило на себе слишком очевидные следы влияния заграничных теорий и плохого знания условий русской жизни, русского народа, слишком резко проглядывало стремление к регламентации народной жизни по книжным образцам, отводилась первенствующая роль элементу «знания» и игнорировались те условия, при которых это знание может быть доступно; другое, развившееся более самостоятельно и усвоившее в теоретическом отношении основные положения анархической программы, блистательно защи-

щаемой в то время за границей ветераном русской эмиграции М. А. Бакуниным — выставляло на первый план отрешение от всяких предвзятых узких теорий, от самовластной регламентации жизни во имя науки и требовало добросовестного изучения на практике личным опытом народной жизни и народных интересов, считая нравственно обязательною деятельность во имя народных идеалов, насколько они выразились в сознательных стремлениях и инстинктивных привычках масс. Говоря об этом первом периоде революционной деятельности, едва ли можно говорить о «программе» нарождавшейся партии, программы еще не было, она лишь складывалась, собирались элементы для нее. Я полагаю, что в том виде, в котором эта программа известна теперь, она явилась не ранее весны 1876 г., когда положено было и начало организации [34]). Думаю также, что русская литература—внесшая очень немногих, конечно, представителей своих—невольно внесла сюда свою посильную лепту, не столько доставлением фактического материала о народной жизни, сколько уяснением общих недостатков, больных мест этой жизни и разоблачением разных шарлатанских теорий и предвзятых мнений о самом народе. Не настаивая на этом пункте вообще, я, однако, могу сослаться на свидетельство в этом смысле нескольких отдельных личностей, игравших впоследствии заметную роль в революционном движении. Затем сведение в одно целое накопленного материала из непосредственных соприкосновений с народом, объединение кружков и выработка программы, несомненно, ускорились под давлением правительственных преследований. Явилась потребность озаботиться о чисто-технических приспособлениях к условиям жизни: укрывательстве, паспортах, денежных средствах и пр. Живя и действуя постоянно под угрозою одних и тех же жестоких преследований, люди, почти незнакомые между собою, действовавшие вразброд, естественно, стали ощущать потребность сплотиться. Итак: приблизительно в конце 1876 г. образовалось социально-революционное общество народников, в которое вошли, я думаю, главным образом северяне, а на юге в то же время существовали отдельные независимые кружки, с одинаковыми основными положениями программы, но с более резким подчеркиванием активной борьбы, на что указывает и изобретенная ими кличка «бунтарей». По характеру своей деятельности и обстоятельств, приведших к сознанию необходимости сплочения, а также в силу личных взглядов основателей, анархистов по принципу,—молодая организация не могла допустить строгой централизации и специализирования разных функций между своими членами, исключительного влияния отдельных личностей на общий ход деятельности. Не знаю, существовала ли в «обществе» администрация, да и затрудняюсь представить себе, каковы могли быть ее функции. Я думаю, что ее вовсе не было, и внешняя сторона организации представлялась в таком виде:

Общество распадается на две естественные группы—городскую и деревенскую. Постоянства в составе той и другой группе нет, одни

и те же лица, смотря по своим склонностям и желанию, селились или бродили в народе—в качестве простых рабочих или волостных писарей, фельдшеров и пр., затем, появлялись в Петербурге и др. городах, а в то же время из городов шло передвижение в обратном порядке, в деревни. По крайней мере, сколько мне известно, многие из крупных деятелей организации меняли, таким образом, свое положение, не выходя из «общества». На членах организации, проживавших в городах, лежали, естественно, такие обязанности, как: добывание материальных средств для всей организации, агитация среди молодежи с целью вербовки новых членов, литературное дело, паспортная часть, установление сношений между отдельными пунктами деятельности, охрана партии и наблюдение за мероприятиями правительства, наконец, агитация среди городского рабочего населения. Группы деревенских агитаторов посвящали себя исключительно деятельности среди народа, имея в виду не столько пропаганду своих собственных идеалов, сколько изучение быта и нужд народа, форм его жизни, его потребностей и стремлений, приобретение популярности и влияния в народе, при отстаивании его каждодневных интересов и пр. Вот в каких общих чертах представляется мне народническая организация со времени ее основания и до раскола в партии. Вероятно, было немало лиц, которые, не состоя формально в организации, действовали, однако, рука об руку с нею долгое время. Напр., мне достоверно известно, что Гартман не был членом народнической организации, хотя по убеждениям—народник, а по деятельности имел близкие соприкосновения с деревенскими группами партии [35]). Позднейшие события и в особенности процесс 193-х много способствовали большему сплочению партии, фатально сталкивая и связывая между собою людей, которые без того нигде, может быть, и не встретились бы, не имели бы ничего общего между собою. Те же обстоятельства все более и более выдвигали городскую группу, придавая ей возрастающее значение и естественным путем, незаметно, можно сказать, для самих лиц, входивших в состав ее, сплачивая и объединяя их теснее друг с другом и обособляя от деревенских групп. В самом деле, все террористические предприятия, устройство демонстраций, ведение типографского дела и пр.—не только давали случай участникам в них лучше узнать друг друга, сблизиться, но и обособляли их от других уже тем одним, что всякое отдельное предприятие оставалось в подробностях своих тайною для неучаствующих в них лично, а часто и затевалось, помимо ведома большинства, отдельными группами, на свой страх. Иначе я не представляю себе процесс выделения в партии той группы, которая была окрещена кличкою террористов. Кроме влияния усилившихся правительственных репрессий, сюда же отношу и более близкое знакомство с южными кружками, которые с самого начала носили довольно заметную террористическую окраску. Этим, собственно говоря, и исчерпываются мои сведения о характере и организации общенароднической партии.

Перейду теперь к Северному рабочему союзу [36]).

Полагаю, что формальное образование его относится к концу 1878 года или началу 1879 года. В таком предположении укрепляют меня следующие обстоятельства: 1) программа Северного рабочего союза напечатана в начале 1879 г., а только со времени выработки ее и можно считать союз организовавшимся, между тем, не было никаких препятствий к напечатанию и ранее, если бы она была составлена раньше; 2) слух об организации «союза», распространился лишь в конце января 1879 г., до меня он дошел еще в средине этого месяца, через лавристов, бывших в довольно хороших отношениях с некоторыми из членов союза и, следовательно, имевших возможность знать самый факт из первых рук своевременно. Если можно говорить о влиянии интеллигенции, об участии ее в выработке программы союза, то, во всяком случае, не в прямом смысле: непосредственного участия интеллигенции здесь не было,—это мне передавали как достоверный факт и сами рабочие, и лавристы, и народники. Что же касается предшествующих влияний на личности организаторов союза со стороны кружков интеллигенции, то, не будучи знаком с фактами, я не мог выяснить себе отчетливо характер этих влияний и сравнительную их силу. Судя по тем обрывкам сведений, которыми я располагаю, и по самой программе союза, я думаю, дело происходило так:

Погром кружка Натансона [37]) и обстоятельства, сопровождавшие первую стачку ткачей Новой Бумагопрядильни [38])—отразились на революционной части рабочего населения Петербурга двояким образом: 1) аресты, административные высылки и пр. расстроили почти исключительно те группы рабочих, которые поддерживали народническую программу; 2) контингент лиц из интеллигенции, действовавших среди рабочих в духе этой программы, не только значительно сократился численно, пострадал от потери многих талантливых личностей, но, можно сказать, совсем расстроился; выше я упомянул уже, в каком положении я застал это дело в Петербурге. С другой стороны, влияние лавристов, которых эти погромы почти не коснулись,—продолжало действовать и внесло свою закваску в убеждения тех из рабочих, которые были организаторами союза. Затем, для меня остается невыясненной причина совершенного устранения интеллигенции и при составлении программы образующегося общества, и от участия в самом союзе, уже организовавшемся. Самый факт этого устранения—вне сомнений для меня, даже при недоверчивом отношении к тем заявлениям в этом смысле, о которых я упоминал выше: стоит просмотреть печатную программу союза, чтобы убедиться в том, что она произведение неопытного пера, и именно столичного рабочего, который имеет особенную склонность щеголять иностранными словами. Но факт этот—самостоятельное возникновение организации — сам по себе был так отраден для меня и, я думаю, для других тоже,—что с избытком искупал все недостатки прокламации, выпущенной заместо программы. Я не знаю, была ли у членов союза другая, более полная и цельная программа для обихода, так сказать,—неназначенная к опубликованию, но и та,

которая напечатана, несмотря на всю ее сбивчивость, нелепость, противоречия и неполноту,—в достаточной степени характеризует направление союза [39]). Выше я нарочно вошел в некоторые подробности при изложении основного пункта программы лавристов, чтобы ясна была ее духовная связь с программою Северного союза рабочих. И та, и другая обращают исключительное внимание на пропаганду социалистических принципов—«уяснение сознания»; приобретение себе новых товарищей путем убеждения их, личных влияний; мирное расширение кружка—заслоняет все другие практические цели. Правда, программа Северного рабочего союза выставляет кое-какие ближайшие требования, между прочим, и политическую свободу, но ни из самой программы, ни из характера деятельности союза не видно, чтобы он имел в виду какие-либо практические приемы для осуществления этих требований. Напротив, отношение его к стачкам, напр., имеющим в виду прямую цель—улучшение существующего положения, было вполне пассивное, и в принципе он отрицает пользу их. Ниже я упомяну о фактах, представляющих деятельность союза в действительном виде противоречивою. Теперь же об его устройстве. Опять повторяю-за достоверность моих сведений ручаться не могу. Кажется, в состав союза входили лица двух родов: меньшинство, посвященное во все дела организации, и большинство, слагавшееся преимущественно из лиц, «сочувствующих» целям союза и помогающих ему посильно своими средствами. Было ли это деление результатом регламентации или же выработалось естественным путем, не получив санкцию себе в «уставе»,—не знаю. Также не знаю количественное отношение этих двух групп одной к другой и была ли еще какая-нибудь выборная администрация; затем все общество распадалось на 3—4 естественные группы, соответственно главным местностям скопления рабочих: за Невской заставой, за Нарвской заставой, на Обводном канале, на Васильевском острове, на Петербургской и Выборгской сторонах—находились отдельные секции, так сказать, союза. Фактически это распадение выразилось, кажется, только в том, что в каждой из этих местностей существовала отдельная библиотека союза и, вероятно, свои квартиры для сходок. Далее об источниках денежного фонда союза не знаю точно. Вероятно, существовали определенные членские взносы. Из случайных источников мне известно о пожертвованиях со стороны интеллигенции, но эти пожертвования не были велики—главным образом потому, я думаю, что, несмотря на глубокий интерес и сочувствие, с какими было встречено интеллигенциею образование союза, не нашлось деятельных, энергичных лиц, чтобы организовать сборы; я это, в свою очередь, приписываю неимению посредников между рабочими союза и интеллигенцией, полным неведением последней о деятельности, размерах и средствах союза. Библиотеки же достались разным группам союза главным образом от лавристов, отчасти пополнялись самими рабочими. О численности членов союза данные самые неопределенные: по одним источникам число рабочих, вошедших в состав союза в конце марта

1879 г., доходило до 3-4 сот человек и даже более, по другим—не доходило и до двухсот. Затем аресты и административные высылки должны были поубавить это число, а с другой стороны, вследствие усиленной деятельности организаторов, которых погром мало коснулся, число это могло значительно возрасти.

Какова была роль Степана Батурина (Халтурина) в образовании и деятельности союза, я не знаю, потому что имел сведения разноречивые: по одним—союз образовался по инициативе очень небольшого числа лиц 4—5 человек, в том числе и Батурина, которым принадлежит и выработка программы и бесконтрольная административная роль. Но сами рабочие горячо отрицали это, как злонамеренный слух, пущенный в ход недоброжелателями союза, и утверждали, что он, союз, образовался из самодеятельного слияния отдельных мелких кружков, существовавших ранее, независимо в разных частях города. Как бы то ни было, роль сильной и талантливой личности, как Степан Батурин (Халтурин) и в последнем случае могла быть заметная, он мог положить свою индивидуальную окраску на направление деятельности союза. Я собственно его влиянию приписываю отмеченные выше колебания в программе и непоследовательное, с первого взгляда, внесение в нее политических требований. О самом Батурине (Халтурине) имею сообщить следующее. Он, очевидно, обладал порядочными теоретическими сведениями, которые приобрел частью чтением, частью из разговоров при личных сношениях с представителями интеллигенции, с некоторыми из них, как я уже упоминал, он был близок ранее. Заметно, что он привык самостоятельно работать над своим развитием, много думал. По характеру это—сосредоточенный, скрытный и самолюбивый человек. Мне не доводилось видеть его в обществе других рабочих и по личному впечатлению судить о степени влияния его на них; но, судя по тому уважению, с которым отзывались о нем все знавшие его, по его широкораспространенной популярности среди рабочих разных частей города, надо думать, он владел искусством «пленять сердца». Вообще он сразу произвел на меня впечатление интеллигентного парижского рабочего Бельвильского квартала. Лично я знал его очень мало. Познакомился, кажется, в средине февраля 1879 г. и был у него на квартире, на Васильевском острове, три раза до первой моей отлучки из Петербурга, при чем один раз дома не застал его. В первый раз я явился к нему с рекомендательной запиской от одного его старого знакомого и с чужим поручением: я просто ухватился за первый представившийся случай лично познакомиться с человеком, рассказы о котором, или, вернее, похвалы талантам которого заинтересовали меня. А после заходил, чтобы получить какие-то нужные мне сведения о рабочих, с которыми я сам имел дела. И то, и другое свидание были непродолжительны, разговоров, посторонних предметам моего посещения, почти не было, и о тогдашнем его настроении ничего не знаю. По возвращении моем в Петербург из первой отлучки, я был у него еще раз—это было в начале мая (1879), просидел долго и разговаривал о текущих событиях, о том,

как отозвалось в разных углах России покушение Соловьева [40]). При этом, он сообщил мне интересные и неожиданные для меня сведения о настроении рабочих: по его словам, я ошибался, думая, что среди них господствует паника благодаря репрессивным мероприятиям вообще и многочисленным арестам и ссылкам среди рабочих; он утверждал, что все это лишь больше расшевелило массу рабочих, возбудив в них интерес к «политике» и социально-революционному движению и что, благодаря этому, дела их союза—в цветущем положении. При этом он также выразил сожаление, что Исполнительный Комитет бездействует ввиду реакции и казни Дубровина [41]). Расставаясь, я обещал побывать у него вскоре еще раз, потом мои обстоятельства сложились так, что я не исполнил своего обещания, и это было последнее мое свидание с ним [42]).

Выше я упомянул о существовании фактов, противоречащих духу программы союза; таких фактов я знаю два: помощь с его стороны ткачам во время стачки на Новой Бумагопрядильне и письмо, напечатанное в 5 номере «Земли и Воли». Первый факт легко объясняется тем живым сочувствием к борющимся и нуждающимся братьям, которое не может быть чуждо группе рабочих, даже резко не одобряющих в принципе эту борьбу. Относительно второго факта я думаю, что на него нужно смотреть скорее как на выражение личного мнения автора корреспонденции, пожелавшего сказать слово в защиту программы своего союза, чем как на официальное заявление от лица всего союза [43]).

Теперь буду продолжать свой последовательный рассказ.

Как уже раньше сказано, в начале 1879 г. я вступил во вновь образовавшийся народнический кружок для агитации среди рабочих. Деятельность эта и поглощала большую часть моего времени вплоть до отъезда из Петербурга, который был вызван, главным образом, потребностью отдохнуть после бурно прожитых четырех месяцев, опасением быть арестованным, так как после покушения Мирского [44]) усилился полицейский надзор, происходило много обысков и арестов, и сам я не раз рисковал быть арестованным; притом же ожидались какие-то новые, еще более строгие меры, наконец, и деньги мои были на исходе. Забравши с собою литературную работу, я уехал из Петербурга в первых числах апреля, принявши предложение одного знакомого погостить у него в деревне. Возвратившись в Петербург в конце того же месяца, я нашел здесь лишь 2—3 моих товарищей по кружку — остальные уехали из Петербурга после 2 апреля, да и эти, оставшиеся, прекратили сношения с рабочими и занимались лишь подготовлением к экзаменам, так как они были студентами. От одного из членов народнической организации, с которым раньше я был едва знаком, я получил вид, с которым и поселился на Сергиевской улице, под именем казака Титова, и пригласил занять свободную комнату в той же квартире А. Д. Долгорукову [45]). Пробовал было восстановить свои прежние связи с рабочими, но оказалось, что многие из них были арестованы или высланы на родину, многие разъехались по деревням, а оставшиеся в Петербурге были в очень неблагоприятных условиях для поддержания сношений

со мною. Поэтому я скоро перестал вовсе видеться с ними. Здесь уместно заметить, что в моих взглядах, со времени возвращения из-за границы, и в особенности после покушения Соловьева, произошла очень резкая перемена. Во-первых, я довольно быстро отрешился от той склонности теоретизировать и придавать слишком безусловное значение стройным, законченным во всех деталях системам, как результат наблюдений над жизнью из прекрасного далека. Во-вторых, придя в личные столкновения с русскою действительностью и ознакомясь ближе с фактами из отношений партии, правительства и общества, я обратил серьезное внимание на вопросы, прежде обходимые мною: возможна ли плодотворная деятельность социально-революционной партии при существующих политических условиях? Насколько сильно отражается влияние этих условий на результатах деятельности партии? С этими вопросами приходилось считаться на каждом шагу в практической деятельности, и факты сами за себя говорили красноречиво. Не стану здесь перечислять этих фактов и вообще входить в подробности. Достаточно сказать, что и личный опыт, и пристальное наблюдение событий, ознаменовавших то время,—убедили меня в том, что, принимая во внимание существующие отношения правительства к социально-революционной партии, нам невозможно совершенно игнорировать политический вопрос; необходимо добиться серьезных гарантий, чтобы наши силы не тратились в бесплодной и тяжелой работе, которую постоянно приходится начинать почти с начала, благодаря непрестанным преследованиям, арестам, ссылкам и пр. Покушение Соловьева произвело на меня чрезвычайно сильное впечатление и заставило глубоко задуматься над значением такого факта, если бы он был успешен. По приезде в Петербург я скоро сошелся с двумя членами народнической организации, которых раньше видел лишь мельком. Одного из них я узнал под кличкою «Воробья», другого—«Старика» [46]). Встретивши у них более полные и законченные ответы на мучившие меня вопросы, я увлекался далее их, мысленно работая в том же направлении. Я пришел к сознанию необходимости той, приблизительно, системы террора, которая лишь после покушения 19 ноября опубликована, как вошедшая в программу партии «Народной Воли». Вскоре познакомился я также с Александром Квятковским [47]), настоящей фамилии которого я не знал до самого его ареста; я знал его просто как «Александра» и, разумеется, знал фамилии, которыми он назывался на разных занимаемых им квартирах, где я навещал его. Вообще нужно заметить, что очень немногих своих товарищей я знал по фамилии; а революционное прошлое всех их почти оставалось мне совершенно неизвестным. Каждый носил какую-нибудь кличку или просто ими звался обыкновенно этим именем или кличкой. Такие отношения нисколько не вредили взаимной искренности и успешному преследованию общих целей, а печальные события недавнего времени доказали слишком наглядно пользу их. Порешив заняться деятельностью нового рода, я нашел нужным перебраться на другую квартиру и вообще принять всякие меры, чтобы

Долгорукова не знала о моих занятиях, не соприкасалась с моими товарищами и пр. Это было необходимо не только затем, чтобы прямо гарантировать ее и мою безопасность, но и потому еще, что, зная ее собственные наивные планы и мечты о «скромной и полезной деятельности», зная ее инстинктивное отвращение ко всяким насильственным и кровавым мерам,—я не считал себя в праве подвергать ее совесть и ее чувства ко мне слишком тяжелым испытаниям через ознакомление с моими воззрениями. При том же она скоро заболела очень серьезно и надолго и была беременна моим ребенком. Итак я перешел на другую квартиру в Басковом переулке. Здесь меня часто посещали трое упомянутых выше моих знакомых из народников и некоторые другие, не принадлежавшие к народнической организации, но бывшие с нею в отношениях, подобных моим, и также склонявшиеся в пользу террора. Имея много свободного времени, я желал употребить его на приобретение сведений, полезных для террориста, и с этою целью купил несколько книжек, русских и французских, о взрывчатых веществах, ходил в Публичную библиотеку, чтобы лучше изучить литературу предмета и, наконец, завел у себя маленькую лабораторию для производства опытов. Я остановился на изучении нитроглицерина потому, что, при его сильных разрушительных свойствах, производство его не требует сложных приспособлений, может быть ведено при самой обыкновенной обстановке и с незатейливыми приборами. Эти первые занятия имели чисто опытный характер, без той определенной цели, какую я преследовал позднее, и количество добытого мною вещества не превышало 10 золотников.

Предложение принять участие на Липецком съезде было сделано мне довольно внезапно—за день до отъезда. Вероятно, только что было получено письмо с извещением о месте и сроке съезда. Цель конгресса была объяснена мне наскоро и довольно неопределенно, приблизительно так:

События последнего времени не могли не отразиться на практических задачах и приемах русской социально-революционной партии. Существовавшая до сих пор народническая программа выработана еще в 1876 г. и сохранилась с тех пор без изменений. Независимо от того, что и самые условия деятельности партии сильно переменились за это время,—нужно обратить внимание и на то еще, что многие из участвовавших в выработке этой программы уже вышли из рядов действующих членов партии, а, с другой стороны, справедливость требует призвать к обсуждению дальнейшего направления социально-революционной деятельности тех, кто раньше не мог участвовать в этом. Очень возможно, что программа окажется неудовлетворяющею современным требованиям. Кроме того, чувствуется потребность в расширении организации и в некоторых изменениях взаимных отношений членов ее. Явившиеся на съезд лица, кроме приехавших со мною из Петербурга, раньше не были известны мне вовсе. Прения по поводу программы обнаружили, что, сходясь все на почве народнических воззрений, мы значительно разнились друг с другом во взглядах на допущение политической борь-

бы. Некоторые придавали этому элементу лишь временное и очень условное значение; другие же, считая игнорирование такого важного вопроса с самого начала большим недостатком народнической программы, думали, что вообще русская социально-революционная партия до сих пор проявляла излишнее опасение увлечься чисто-политической борьбою в ущерб народнической деятельности. Но так как большинство отстаивало первое мнение, то в этом смысле и была принята резолюция: пополнить народническую программу временным допущением политической борьбы с целью достижения условий, при которых была бы возможна идейная борьба во имя чисто-социалистических требований. Затем, выработали устав новой организации. Здесь я впервые узнал, что Исполнительный Комитет не был до сих пор организованным обществом или выборным учреждением от всей народнической партии, как я думал раньше; что название это носила городская группа, при непостоянном и неопределенном ее составе. Мы нашли удобным появиться публично под этим названием, рассчитывая на то, что они, члены старо-народницкой организации, которые сочувствуют нашим целям, войдут в наше общество, или же мы войдем в прежнюю организацию, образовавши в ней особую группу на федеративных началах. В таком смысле и дана была инструкция тем из членов нашего общества, которые имели право присутствовать на народническом съезде. Затем, переходя к частным вопросам, обсуждали направление органа, имеющего защищать нашу программу (при чем опять думали, что это будет обще-народнический орган, под прежним названием «Земля и Воля» и со смешанною редакцией). Решили вопрос о террористической деятельности в смысле своевременности ее, ввиду жестоких приговоров, казней и преследований социалистов. В принципе одобрено было решение повторить покушение Соловьева, считая его на этот раз уже лежащим на обязанности организации. По этому последнему вопросу я вступил в частные переговоры с двумя южанами с Борисом [48]) и Котом [49]) и оставался для этой цели с ними еще два дня в Липецке, после того, как все остальные товарищи уехали [50]). При обсуждении разных планов, я сообщил мысль о применении динамита,—это средство мои собеседники одобрили и решили иметь его в виду, при чем условились, чтобы я занялся фабрикацией его. Здесь же я получил нужные для этого деньги, около 500 рублей. Из Липецка я отправился прямо в Петербург, а Кот (Колодкевич) и Борис (Желябов) хотели ехать на юг, для исследования местных условий, так как предполагалось осуществить покушение в Крыму или прилегающих местах к железно-дорожному пути из Крыма. Скоро вернулись в Петербург и другие товарищи с народнического съезда и сообщили о неудачном исходе переговоров с целью слияния и об отпадении их и некоторых других лиц от народнической организации [51]); все отпавшие вошли потом в наше общество, на общих основаниях, выработанных уставом. По возвращении в Петербург я ближе сошелся с Баской [52]), познакомился с которою еще постом. Мне нужно было найти помощников для своей работы. На первое время я пригла-

сил с этою целью Баску (Якимову) и наборщика тайной типографии, представленного мне под именем Абрама или Абрама Павловича [53]), как я его звал. Он, впрочем, работал со мною недолго—до конца июля, а после я нашел себе других помощников, более опытных и способных [54]). Прежнюю квартиру бросил, как неудовлетворяющую нужным для фабрикации условиям. Я не могу указать, где именно я работал. С этих пор и до начала сентября все мое время почти исключительно поглощалось работой, так что я редко куда отлучался по посторонним делам, да и то ненадолго. Лишь в конце июля я сделал себе отдых и поселился на это время с прежним паспортом на имя Титова, в меблированных комнатах на Новой ул., д. № 1. Впрочем, и это время не пропало даром: я производил кое-какие опыты с динамитом, для чего ездил по Финляндской железной дороге на станцию Териоки и уходил там на взморье; проектировал системы запалов и обсуждал с приехавшими в то время в Петербург Борисом и Петром [55]) планы взрыва. Тогда еще не имелось в виду московское покушение, а лишь южные. В этот же промежуток времени приехал в Петербург Зунделевич, с которым раньше я не встречался нигде, но по наслышке знал о нем, еще будучи в Париже. Именно, мне говорили, что ему обыкновенно поручаются заграничные сношения. Этот раз он, по какому-то неизвестному мне поводу, собирался ехать за границу. Имея свободные деньги, мы поручили ему приобрести там пудов 5—6 динамита, так как производство его оказалось довольно утомительным, опасным и медленным; притом же и издержки выходили гораздо значительнее при домашней фабрикации, чем если купить готовый динамит за границей и доставить в Петербург. Несколькими свиданиями по этому поводу и ограничивались все мои сношения с Зунделевичем; я объяснял ему, какие именно сорта динамита желательно иметь, как с ним нужно обращаться при перевозке, при упаковке. С Квятковским же я не переставал видеться, посещая его 2—3 раза в неделю. Являлся я к нему, большею частью, чтобы «отдохнуть», побеседовать за бутылкою пива об общем ходе дел, узнать текущие новости, поспорить и пр. В мастерскую же мою имели доступ только лица, принимавшие непосредственное участие в работе. Вообще приходилось принимать много разных мер, чтобы сохранить в тайне все, что касалось фабрикации динамита и лиц, занятых этим делом. В начале августа я познакомился с Алхимиком [56]), который только что приехал из провинции, разочарованный в деревенской деятельности, и желал предложить свои услуги террористам. Оказалось, он обладал кое-какими ценными сведениями по химии и электричеству, занимался этими предметами ранее, за что и получил от товарищей свою кличку. Кроме того, в производство был посвящен около того времени еще один студент-естественник, который, впрочем, не работал со мною регулярно, но зато, имея доступ в лабораторию университета, приготовлял там гремучую ртуть, которая необходима для запалов и производство которой очень опасно, и вообще безумно-рискованно в том месте, где делается и хранится динамит. Этого студента мы звали «Ферфлюхтер»,

так как он постоянно ругался этим немецким словом. Материалы, нужные для производства, покупались обыкновенно в магазине Штоль и Шмидт, а деньги, после того как у меня вышла первая крупная сумма, я получал от разных лиц небольшими суммами. В августе Петр (А. Д. Михайлов) ездил в Москву по денежным делам и, возвратясь оттуда, разсказывал, что представляется удобный случай приобрести, близ полотна Московско-Курской железной дороги, дом, из которого удобно вести подкоп под полотно дороги, чтобы взорвать царский поезд на ходу. Дом этот решили купить и сделать все нужные приготовления, чтобы воспользоваться этим пунктом в случае неудачи предприятий на юге. Переговоры с Алхимиком о принятии им на себя роли покупщика и хозяина дома, подыскание ему супруги и вообще всю хозяйственную часть дела взял на себя Петр. После этого Борис, условившись со мною о сношениях на будущее время, уехал на юг; он повез с собою около 1 пуда динамита, да несколько раньше было отправлено в Одессу около $1^1/_2$ пуда его. Петр и Алхимик (Л. Н. Гартман) уехали в Москву, а я остался закончить производство, заняться покупкою и устройством нужных приборов, передать лабораторию в другие руки и пр. Вскоре затем представился случай отправить в Харьков, как я раньше условился с Борисом, остальной, предназначавшийся для южных целей динамит, пуд изолированного проводника, два индукционных прибора Румкорфа и несколько элементов Грене. Из двух лиц, отправившихся с этими вещами, одно состояло полноправным членом нашего общества, другого же приняли, как агента, с обязательством безусловного повиновения и с сохранением от него втайне целей предприятия. Когда было получено из Москвы известие, что дом куплен, и Алхимик начал переселяться в него—отправились туда Силантьевы *), тоже привлеченые к делу в качестве агентов [57]): с ними я послал динамита около $2^1/_2$ пудов, а проволоку, спираль и разные мелкие вещи повез сам, выехав вслед за ними. Этот раз я пробыл в Москве около недели, был раза два-три в доме Сухорукова, где еще не приступали к работам. Так как мне делать там в ту пору было нечего (я не имел никакого понятия о земляных работах, непосредственно же участвовать в них не мог и потому, что мое присутствие могло оказаться нужным на юге, и по малосилью), то я и вернулся в Петербург ждать известий от Бориса. Проживши здесь с неделю и забрав с собою 700 экземпляров первого номера «Народной Воли», я отправился через Москву (куда завез 300 экз. газеты) в Харьков. За несколько дней до меня туда же прибыла Баска, тоже с газетою, кажется, 300 экз. В Харькове я нашел Бориса и Гольденберга [58]). Борис передал мне результаты своих экскурсий, при чем планы, которые мы составляли ранее, оказались несостоятельными; предложил остановиться на Александровске, рассказал о местных условиях и все, что им сделано было до сих пор для осуществления этого предприятия. Одобривши все его дей-

*) Арончик и Галина Чернявская.

ствия и предположения и условившись свидеться вскоре в Александровске, я приехал в Одессу, и Гольденберг в то же время отправился в Москву, чтобы принять участие в работах по подкопу. Об Одесском предприятии мне рассказал Кот (Н. И. Колодкевич), которого я нашел не без труда. В моей помощи там не нуждались, имея все нужные вещи и возможность пользоваться советами лица, довольно компетентного по вопросу о взрывах. Это лицо носило кличку «Цилиндр» [59]). С «Цилиндром» я ходил в Дюковский сад пробовать пироксилин, который имелся у одесских в количестве около 2 пудов. Сдавши Коту 150 экз. газеты и взяв у него денег для Бориса и для Москвы, всего около 800 р., я поехал обратно в Харьков, побывавши по пути в Киеве (где останавливался в гостинице «Зоря» с видом на имя Смирницкого), чтобы сдать там оставшиеся у меня 250 экз. газеты, условиться касательно переписки с Петербургом и присылки корреспонденций для нашей газеты и пр. В Харькове мне нужно было дать некоторые указания относительно покупки и изготовления вещей, нужных для Бориса, а также опять исполнить поручения редакции. Затем, прибыв в Александровск, я обсуждал подробности предстоящей работы, объяснял, в какие условия должны быть поставлены приборы для успешного их действия, обучал Бориса обращаться с батареей и спиралью и пр. Я пробыл в Александровске около двух суток. Вернувшись в Москву, я остановился сначала в гостинице «Россия», на Покровке, откуда через несколько дней перебрался на свою прежнюю квартиру у Сретенских ворот; здесь и прожил до конца моего пребывания в Москве, прописавшись по виду на имя дворянина Северинова. Работы по подкопу в то время были почти уже кончены. По местным условиям, самый подкоп невозможно было вести под полотном дороги, а потому думали докончить подземный канал при помощи бурава, чтобы поместить мину по возможности ближе к той паре рельс, по которой идут поезда из Курска в Москву. Бурав был приобретен до моего приезда, но работать им начали при мне, при чем я сам тоже лазил в подкоп, чтобы сверлить. Так прошло более недели—в продолжение этого времени я посещал дом наш ежедневно, являясь с утра и уходя с наступлением ночи. Затем мы были уведомлены, что следует ожидать осмотра главных пунктов по всей линии проезда императора. Известие это заставило нас поторопиться с окончанием работ и приборкою. Просверлить канал на всю длину бурава не удалось и, опасаясь, что имеющегося у нас количества динамита не будет достаточно для успешного действия взрыва, мы решили послать Гольденберга в Одессу—забрать имеющийся там динамит, так как наши надежды на заграничный транспорт лопнули. Через несколько дней прошел слух, что полиция московская получила строгие инструкции осмотреть все дома, прилегающие к полотну дороги,—поэтому заложили наскоро мину, убрали землю из чулана, заделали подкоп, скрыли проводники и вообще привели все в порядок в доме и во дворе, а затем все лишние лица уехали из Москвы. Работы по закладыванию мины, проложению проводников, установке приборов и пр. производились

или мною самим или под моим непосредственным руководством. Бурав и кое-какие мелкие вещи взяли с собою лица, отправившиеся в Петербург.

Обсуждая ранее, кому следует оставаться в квартире, чтобы ожидать царский поезд и произвести взрыв, решили этот вопрос в том смысле, что остаться должен я и Сухорукова [60]). Но потом, ввиду дошедших до нас тревожных слухов и боясь полицейского осмотра за час-полчаса до прихода поезда, переменили прежнее намерение и порешили, чтобы в доме оставались до конца супруги Сухоруковы (Л. Н. Гартман и С. Л. Перовская). Окончательно это решение было принято 18 ноября (1879 г.), когда сделалось известно, что царский поезд миновал благополучно Александровск: мы приписали это аресту Бориса с компанией и тем более должны были задуматься над мерами к обеспечению успешности своего плана [61]). Впрочем, от замены меня Алхимиком дело едва ли могло пострадать,—во-первых, потому, что роль лица, взявшегося произвести взрыв, сводилась лишь к тому, чтобы опустить цинки элементов в жидкость и соединить пластинки коммутатора в момент прохода поезда через назначенный пункт, во-вторых, если бы и потребовались какие-нибудь специальные сведения по электричеству, то Алхимик далеко не был профаном в этом вопросе. Но все-таки я должен был остаться в Москве, чтобы иметь возможность оказать свою помощь во всякое время.

После неудачного покушения 19 ноября (1879 г.) я прожил в Москве еще с неделю. При мне был привезен второй номер газеты, известие об аресте Квятковского и проект программы, назначавшейся к опубликованию в ближайшем номере «Народной Воли». Я согласился с этою программой, не сделав почти никаких замечаний на нее. Безусловно признаю ее и теперь в том виде, как она напечатана в 3 номере «Народной Воли». Из Москвы я проехал в Харьков, где пробыл всего лишь несколько часов; я хотел узнать там об участи Бориса и компании, и узнал только то, что он, незадолго до моего приезда, был здесь и уехал в Петербург. Туда же и я отправился, повернув с Орла на Смоленск—Динабург. Прибыв в Петербург вечером 1 декабря, я остановился в меблированных комнатах на Гончарной улице, д. № 7, кв. 6, где и был арестован в ночь 3—4 декабря.

По возвращении в Петербург я не успел видеться ни с Борисом, ни с Воробьевым или Стариком и вообще с кем-либо из близких товарищей, от которых я мог бы узнать о причине неудачи предприятия Бориса и о дальнейших планах; я пробегал оба дня в бесплодных поисках, потому что квартиры Квятковского и Хитрова [62]) уже не существовало, а другие известные мне лица покинули свои прежние квартиры, вероятно, боясь, что их выследили и могут накрыть.

Из разговоров с Анной Якимовой я припоминаю, что она знала Степана Батурина, проживая еще в Вятке, но поддерживала ли сношения с ним по приезде в Петербург, мне неизвестно.

21 июля 1880 года. *Степан Ширяев.*

II.

Письма С. Ширяева.

1. К М. П. Урсын.

Марья Павловна Урсын (урожд. Ершова)—случайная знакомая С. Ширяева. Муж ее, А. В. Урсын, в 1874 г. за участие в пропаганде был выслан административным порядком в Архангельскую губ., а в 1878 г. переведен в Астрахань, где служил в городской управе. Сама она состояла слушательницей медицинских курсов при Покровской общине сестер милосердия.

5 декабря 1879 г., на следующий день после ареста, Ширяев отправил ей следующее письмо:

5 декабря 1879.
Дом предвар. закл.

Милостивая государыня
Марья Павловна!

Будьте так любезны, окажите маленькую услугу человеку, которого вы едва знаете. Прошу вас подготовить родных к печальному известию: я теперь в заключении. Это не должно слишком огорчить, потому что дело пустяшное. Еще просьба: в квартире моей остались вещи, главным образом, белье, которое мне нужно. Нельзя ли эти вещи—чемоданчик и саквояж—доставить сюда? Адрес квартиры: на Гончарной ул., дом № 7, кв. № 6, комната № 4. Спросить у хозяйки; с ней я при расставании расплатился, так что претензий заявить не может. Очень и очень буду вам обязан за все.

Никола Тихонов Смирницкий.

Не знаю, могу ли утруждать вас еще такой просьбой: мне хотелось бы на досуге почитать кое-что; нельзя ли достать романов В. Гюго или Золя и пр. в этом роде, и что-нибудь интересное по гигиене, да еще химию Рихтера. Романы буду задерживать недолго.

Денег у меня при вступлении сюда было 6 р. с копейками.

Деньги и книги и письма приносятся товарищу прокурора окружного суда, в здание суда, от 11—3 часов.

М. П. Урсын не имела возможности лично отправиться на квартиру Ширяева за вещами. Она поэтому обратилась к своим знакомым студентам Ник. Петр. Коновкину и Ник. Ив. Рысакову, будущему первомартовцу, с просьбой сходить на Гончарную ул. и доставить ей вещи. Те согласились исполнить ее просьбу, но из квартиры Ширяева, куда они пришли за вещами, они тотчас же были отправлены на допрос.

Как мы указывали выше, прокурорский надзор пропустил письмо Ширяева-Смирницкого к М. П. Урсын, предполагая этим путем установить его связи и выяснить его

личность. Но допрос не дал никаких положительных результатов. Студенты Рысаков и Коновкин не были задержаны, так как выяснилась их непричастность к Ширяеву.

М. П. Урсын исполнила просьбу Ширяева и доставила ему в тюрьму продукты и книги, на что последний ответил ей следующим письмом:

16 декабря [1879 г.]

Многоуважаемая
Марья Павловна!

Премного вам благодарен за обязательную поспешность, с какой вы отозвались на письмо человека, имя которого, опасаюсь, не вызвало никакого знакомого образа в вашей памяти. Признаюсь, посылая свое первое письмо, я прибегнул к маленькой хитрости: рассчитывая на то сочувствие ко всякого рода «несчастным», которое составляет одну из прекраснейших черт женского характера, а в особенности женщин-матерей, я и обратился к вам со своими просьбами. Этим я, может быть, и удивил вас немало,—с какой стати пишет человек на первое попавшееся имя? Но положение мое, одинокое, без всяких знакомых, быть может, и извиняет меня. В другой раз когда-нибудь сообщу вам, каким путем узнал ваш адрес, настоящее сообщение пусть послужит вам лишь для разрешения вашего недоумения вообще. Извините меня за беспокойство и еще более должен просить извинения за то, что потом сделал, не стесняясь вас. Я обратился к прокурору с просьбой о разрешении свидания с вами. Вы представить себе не можете, как тягостно одиночество для человека, который впервые его испытывает. У меня слов не будет, чтобы выразить всю свою признательность к вам, если вы не отклоните моей просьбы видеться; боюсь лишь, позволит ли вам это ребенок и занятия, да еще и получу ли я разрешение,—хотя собственно не знаю, что бы могло препятствовать дать его.

Вот перечень вещей, принесенных мне 14 [декабря] вечером: ½ ф. чаю, 3 ф. сахару, 3 лимона, 1 т. Менделеева. За последнее в особенности благодарен, хотя и с трудом, но читаю—и это немало помогает в одиночестве. Его манера изложения мне очень нравится. Между прочим, вот еще просьба: если вы уже взяли мои вещи, то при передаче сюда обратите внимание на то, что в особенности я нуждаюсь в платках носовых (по случаю насморка) и в носках,—и то, и другое в нескольких экземплярах было у меня. Белье же, рубахи и кальсоны могу получить казенные, хотя, разумеется, и это заодно снесите. Положите и щетку для платья, имевшуюся у меня, полотенце, наволочку и простыни.

Еще раз извините за беспокойство и благодарю.

Уважающий вас Н. Смирницкий [1]).

[1]) Письма — первое в подлиннике, второе в копии — хранятся в I ч. дознания о Ширяеве.

2. К А. Д. Долгоруковой.

Анна Дмитриевна Долгорукова—невеста С. Ширяева. Из всех писем Ширяева к ней в использованных нами материалах сохранилось лишь одно следующее:

9 июля (1880). Среда.

Дорогая моя, милая Нина. В субботу я получил последнее письмо твое,—коротенькую записочку,—из которого видно, что ты все еще не получала ни строчки от меня, хотя я и пишу аккуратно каждую среду, т.-е., не считая этого письма, ты должна бы была получить еще три: от 18 и 25 июня и 2 июля. Итак, опять та же история, та же тяжелая неизвестность для тебя, моя бедненькая... Как прежде, так и теперь я не только не знаю, но и вообразить себе не могу, что этому причиной. Думаю, не содержание писем—они в этом отношении за последнее время, вероятно, даже сдержаннее, чем прежде, если это может быть. Затем мне известно,—здесь не найдено никаких препятствий к отправке их, и они отосланы далее. Полагаю также, что не залежались бы они и у г. товарища прокурора, судя по предыдущему; и что если бы им и найдены были какие-нибудь затруднения для их передачи, то тебя об этом, по крайней мере, уведомили бы по его распоряжению,—известно ведь хорошо, как тяжка должна быть тебе, при твоем плохом здоровьишке и мнительности, эта мучительная неизвестность. Я хотел было изготовить это письмо в двух экземплярах и отправить их вместе, ввиду того, что тогда могли бы, если это нужно, один удержать для своих целей, другой же передать тебе. Но подумал хорошенько и решил, что толку из этого все равно не выйдет. Дело в том, что если требуется образчик моего почерка, то их и без того вполне достаточно имеют, а если кого интересует стилистическая сторона, то ведь могут копию снять—грамотных людей довольно, я думаю, есть в III отделении. Почему же сама-то ты, дорогая моя, прекращаешь писать? Ведь ты знаешь, что я получаю твои письма, как и прежде, даже с одинаковой скоростью или, вернее, медленностью. Это делает разлуку и неизвестность еще тяжелее—и для меня и для тебя. Я чувствовал бы себя лучше несколько и спокойнее, зная о тебе—как живешь и что думаешь; да и тебя облегчало бы писание писем—не даром говорит пословица, что высказанное горе—пол-горя. Пиши же, родная!..

Что сообщить тебе нового? В предыдущих письмах я поделился всем, что есть,—повторять, значит, лишнее. Здоровье мое в прежнем градусе, т.-е. сносно. Так называемое «душевное настроение»—так назвал бы сносным, если бы не эти мучительные думы о тебе, дорогая моя. Видел я в субботу Ваню. Нового ничего он не сообщил, а что было раньше—я писал уже. Как видишь, «хвостик», о котором тебе говорили в III отд., оказывается довольно длинным—конца не видать еще. Я, по крайней мере, ничего не знаю ни о том, когда будет следствие, ни, тем более, о суде. Впрочем, твоя «участь», должно полагать, решена

уже или очень скоро решится, как я уже писал тебе. Поскольку все это касается меня лично, я бы желал лишь одного: скорости, а затем—что аллах пошлет.

Что я делаю? Попрежнему читаю и думаю—думаю и читаю. Не мало времени уходит на так называемое «копание в себе и прошлом». Занятие, как видишь, мало производительное, да и не веселое,—но время проходит скорее, интерес есть какой-то, чего-то еще нужно. «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало», говорит мудрая поговорка. Это копание—та же детская игрушка... Есть в нем, впрочем, и серьезная сторона: это те общие выводы, к которым приходишь при рассмотрении некоторых моментов своей личной жизни в связи с общим ходом жизни. Это мне пригодится и здесь. Думаю много и о тебе, моя милая, о наших отношениях; характер этих мыслей тебе известен—он все тот же... Не пишу пока больше,—когда-то и это получишь. Здоровья и счастья хотел бы пожелать тебе,—да где нам взять-то их. А того, что обыкновенно в таком положении желают,—«рабской привычки»—терпения, как говорит Берне,—я желать не могу. Не грусти, милая. Пиши—легче будет... Хотелось бы крепко обнять тебя, голубушка моя, да когда-то еще придется.

Твой всегда *Степан* [1]).

Письмо не было разрешено к пересылке и задержано в III отделении. На конверте адрес: «Анне Дмитриевне Долгоруковой. Из дома предварительного заключения».

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. С. Г. Ширяев род. в 1856 г. в дер. Тавалошки, Вязьменской волости, Петровского уезда, Саратовской губ. Он сын крепостного местных помещиков Языковых. Отчасти на средства последних,—как сообщает начальник саратовского губерн. жанд. упр. (см. его рапорт от 31 марта 1880 г. во II ч. дознания о Ширяеве, л. 3,—в Ленингр. историк.-револ. архиве),—Ширяев первое время воспитывался в гимназии. По отзыву того же лица, Ширяев, будучи гимназистом (несомненно, младших классов), «отличался замкнутостью и несообщительностью характера; он как бы стеснялся пособием, оказываемым Языковыми его матери по воспитанию детей, и потому частными уроками содержал себя в гимназии и помогал матери и младшим братьям». К частным урокам он прибег, по нашему мнению, в последние годы пребывания в гимназии,—в 1874—1875 г.г., когда, по его собственным словам, стал таким путем зарабатывать до 30 руб. в месяц. (См. его письмо к П. Л. Лаврову в «Былом», № 4, Париж, 1904 г.; перепечатано во II вып. «Былое». Журнал, издававшийся за границею, Рост. на-Д., 1906 г., «Русская Историческая Библиотека» № 5. В последующих примечаниях, цитируя это письмо, мы указываем сокращенно—письмо к Лаврову.) В старших классах гимназии он был весьма активным участником ученических кружков и выделялся своей общительностью. Отказ от помещичьего пособия имел место, повидимому, под влиянием нового настроения, вызванного первым его знакомством с тогдашней радикальной литературой.

---

[1]) Письмо хранится в д. III отделения, III эксп., 1879 г., № 668, ч. II, л. 280.

Отца Ширяев лишился, видимо, рано. В момент его ареста,—декабрь 1879 г.,—он имел трех братьев, которые были моложе его, и сестру. Один из братьев, Петр Григорьевич, за участие в подпольных гимназических кружках и прикосновенности его к пропаганде среди саратовских мастеровых был в середине 1870 г. выслан административным порядком в Архангельскую губ. (Мезень), а в 1879 г. за попытку совместного побега с С. Н. Бобоховым переведен в Средне-Колымск, откуда вернулся в Евр. Россию в середине 1880-х г.г., сотрудничал в казанских и нижегородских газетах и умер в начале 1890-х г.г. (О нем см. статью Н. Волкова [И. И. Майнова] «Из жизни саратовских кружков»—напечатана и перепечатана там же, где письмо С. Г. Ширяева к П. Л. Лаврову; переиздана отдельной брошюрой в 1906 г. П., изд. Распопова.) Второй из братьев, Николай, обучался в земледельческом николаевском училище близ Саратова; третий,—Иван, служил конторщиком в имении гр. Нессельроде; сестра, Елена, обучалась в саратовской женской гимназии; мать, Марья Ивановна, занималась на родине деревенским хозяйством.

2. Кто был этот «новый приятель»—достоверно сказать трудно. В письме к П. Л. Лаврову, сам С. Г. Ширяев, как своего товарища тех гимназических лет, называет несколько раз некоего Эдемова, сведениями о котором мы не располагаем. И. И. Майнов в статье «Из жизни саратовских кружков» указывает, что «руководителем молодежи» в то время в Саратове был Фед. Ермолаевич Гераклитов, с которым С. Г. Ширяев был в довольно близких отношениях. Начальник саратов. жанд. управл. в цитировавшемся рапорте называет следующих лиц, как товарищей Ширяева: Бориса Малышева, Марковского, Василия Николаева *Эдемова* и Щеглова; «все эти лица,—пишет он,—привлекались к дознаниям по делу о революционной пропаганде».

3. В письме к П. Л. Лаврову С. Г. Ширяев писал: «Начавшееся в 1873 г. антигосударственное, антиправительственное брожение застало меня совсем мальчиком, учеником 6 кл. гимназии. Сначала, как водится, начали ходить неопределенные слухи «о чем-то», а потом дело выяснилось и более: приехала из Питера в Саратов сестра одного моего товарища, Эдемова, привезла некоторые революционные издания... С жадностью накинулись мы— я и мои товарищи—на «запрещенный плод», сразу поглотили все, что было, ходили как отуманенные, как помешавшиеся,—так все это было ново, неожиданно и, в то же время, просто, невыразимо-увлекательно». Вероятно, что под приезжим пропагандистом он в данном случае и разумеет сестру Эдемова.

4. То были, несомненно, известные по процессу 193-х пропагандисты П. И. Войнаральский, Д. М. Рогачев, С. Ф. Ковалик, А. И. Фаресов и др., приезжавшие в Саратов в начале 1874 г. с целями пропаганды и вербовки молодежи для участия в хождении в народ. С некоторыми из них С. Г. Ширяев весьма часто встречался в Саратове (напр., с А. И. Фаресовым). Об их деятельности в Саратове см., главным образом, в обвинительном акте по делу 193-х. («Процесс 193-х». М., 1907, изд. Саблина.)

5. Сапожная мастерская на Царицынской улице в Саратове была устроена в начале мая 1874 г. по инициативе П. И. Войнаральского. Она должна была явиться пристанищем для находившихся в Саратове пропагандистов и местом для брошюровки подпольных изданий, выпускавшихся типографией И. Н. Мышкина под Москвой. Мастерская была ликвидирована властями 31 мая 1874 г., спустя две-три недели после ее открытия. С ее ликвидацией непосредственно связано и обнаружение мышкинской типографии. (См. обвин. акт. по д. 193-х.)

6. О саратовских кружках того времени см. статью Н. Волкова (И. И. Майнова) «Из жизни саратовских кружков», напечатанную в «Былом», Париж, 1903 г., № 4. (Есть отдельное издание. П., 1906, изд. Распопова.) Некоторые сведения приведены в статье того же автора («Саратовца») о П. С. Поливанове, участнике кружка и товарище С. Г. Ширяева («Минувшие Годы», 1908, кн. I, стр. 257—260).

7. Ширяев вышел из 7 класса гимназии. «Я убедился,—писал он П. Л. Лаврову,—что в гимназии мне больше оставаться незачем: во-первых, она не-

дает мне того, что нужно; а потом—как раз «турнут» по волчьему билету. Я вышел из гимназии—и благо сделал, потому что несколькими неделями позже меня непременно выпроводили бы оттуда». В Харьковском ветеринарном институте С. Г. Ширяев пользовался стипендией от «Общества вспомоществования».

8. П. Л. Лаврову он писал: «Познакомился здесь (в Харькове) впервые *основательно* с социально-революционной прессой и, кроме того, что было важно для меня, довольно основательно познакомился с харьковской радикальной молодежью. Узнал, как ведутся там дела».

9. Причины выхода из институтата С. Г. Ширяев, в письме его к П. Л. Лаврову, объясняет, главным образом, недостатком средств, так как рассчитывать на стипендию более как на год нельзя было. Кроме того,— замечает он,— я «убедился, что двум господам служить нельзя: быть студентом ветеринарного института и серьезно заниматься собственно-человеческим развитием». Он выбрал второй путь. В Саратове он надеялся устроиться в сапожной мастерской, дабы изучить какое-нибудь ремесло.

10. О Сергее Николаевиче Бобохове, гимназическом товарище С. Г. Ширяева, см. статью в «Былом», № 1, Лондон, 1903 г. (перепечатано в № 4 «Русской Исторической Библиотеки», Ростов-на-Д., 1906) и литературу о Карийской трагедии 1889 г., одной из жертв которой он явился.

11. Об этом периоде пребывания С. Г. Ширяева в Саратове начальник местного жандармского управления впоследствии писал: «В 1876 г. Степан Ширяев проживал здесь, в Саратове, постоянной квартиры не имел и проживал у разных лиц, из коих некоторые были привлечены к дознанию в 1874 и 1875 г.г. по делу о революционной пропаганде. В этом же году начальник харьковского губернского жандармского управления уведомил меня, от 1 мая за № 164, что III отделение сообщило ему, что Ширяев принадлежит к числу деятельных пропагандистов, что из С.-Петербурга Ширяев ожидал противоправительственных книг, что Ширяев, отправившись из Харькова, за слушание лекций денег не внес. О Ширяеве, как о пропагандисте, в том же году от 16 марта № 930 III отделение поставило меня в известность и предписало иметь за ним наблюдение» (см. дознание о Ширяеве, ч. II, л. 3). Таким образом в бытность Ширяева в Саратове в 1876 г. он в глазах властей был уже скомпрометирован. Ощущая этот жандармский надзор и не имея возможности основательнее пристроиться здесь, Ширяев невольно должен был решиться на исключительный шаг — на отъезд за границу.

12. Среди саратовской революционной молодежи тогда оживленно дебатировался вопрос: итти или не «итти в Сербию». Из лиц, более или менее близких С. Г. Ширяеву, в Сербию, насколько известно, отправился один П. С. Поливанов. О спорах по этому поводу см. в ст. о последнем И. И. Майнова [Саратовца] («Минувшие Годы», 1908, I, стр. 260 — 261).

13. По словам начальника саратовского жанд. управл. (дознание о Ширяеве, ч. II, л. 3) Ширяев просто «не дождался» паспорта, так как причин к отказу в выдаче не было.

14. Рекомендацию он получил к некоему изобретателю Трирогову, жившему в Лондоне. У него Ширяев остановился. С Трироговым, между прочим, поддерживал знакомство и Г. А. Лопатин.

15. В Лондон Ширяев прибыл не позже начала декабря 1876 г. (ст. ст.). Уже 23 декабря 1876 г. начальник саратовского жандармск. упр. докладывал о прибытии его в Лондон III отделению, основываясь на письме, полученном родными Ширяева. Убедившись, что рекомендованный ему Трирогов не сумеет устроить его, Ширяев обратился с письмом к П. Л. Лаврову, прося его совета. Письмо помечено 16 декабря 1876 г. С Лавровым Ширяев поддерживал связи и переписку в течение всего своего пребывания за границей. Лавров, по мере возможности, оказывал ему разные любезности и услуги. Кроме двух писем Ширяева к нему, опубликованных в № 4 заграничного «Былого» (на одном из них, кстати сказать, явно

неверная дата), известны еще отрывки из других писем Ширяева к Лаврову, приведенные В. Бурцевым в статье о «Северном Союзе русских рабочих» («Былое», 1906, кн. I, стр. 172) и относящиеся к В. Обнорскому. Судя по многим данным, можно уверенно сказать, что переписка их, по крайней мере письма Ширяева к Лаврову, уцелела.

16. Линев, Александр Логгинович, в 1866 г. привлекался по делу об устройстве Гейдельбергской читальни. В 1873 г., по отбытии срока ссылки, он эмигрировал за границу, где играл видную роль в эмигрантском движении. Некрологическую заметку о нем П. А. Кропоткина см. в газ. «Свобода России», М., 16 июня 1918 г., № 48.

17. Ивановский, Василий Семенович, — брат жены В. Г. Короленко, — был арестован в 1876 г. в Москве по делу о пропаганде (процесс 193-х). 2 января 1877 г. он бежал за границу. Впоследствии поселился в Румынии, где, под именем Петра Александровича Петровского, занялся врачебной практикой. Среди эмигрантов он пользовался большим влиянием. Несмотря на его оторванность от России, он в течение многих лет оказывал русским революционерам всяческие услуги.

18. Г. В. Плеханов совершил тогда первую поездку за границу (после демонстрации на Казанской площади 6 декабря 1876 г. и начавшихся розысков его). К весне 1877 г. до сих пор относят возвращение его в Россию из этой поездки (ср., напр., В. Ваганян «Опыт библиографии Г. В. Плеханова», М., Госиздат 1923, стр. 8, где перечислены соответствующие источники). Ширяев писал свою записку под свежей памятью и, вероятно, сообщаемые им даты ближе к истине.

19. «Заживо погребенные (к русскому обществу от политических каторжников)», С.-Петербург, 1878 г., печатано в «Петербургской вольной типографии»,— принадлежит перу А. В. Долгушина и описывает кошмарное положение политических заключенных в тогдашних централах. Брошюра переиздана Петроградск, Госиздатом в 1921 г.

20. «Баши-бузуки Петербурга. Посвящается памяти Дмитрия Каракозова, пытанного в 1866 году в застенках Петропавловской крепости, заслуженным профессором и академиком Здекауэром», Женева, 1877 г., изд. и тип. газеты «Работник». Авторство брошюры приписывают Нечаеву, потом видному эмигранту З. Ралли-Арборе.

21. Покушение на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова 24 января 1878 г.

22. Клячко, Самуил Львович, бывш. студент Московского университета, был руководителем московского кружка «чайковцев». Арестован в 1872 г.; в следующем году бежал за границу.

23. Пресняков, Андрей Корнеевич, видный народоволец, участвовал в организации покушения на Александра II в ноябре 1879 г. под г. Александровском. Судился по одному с С. Г. Ширяевым процессу 16-ти (в октябре 1880 г., в петерб. военно-окружном суде). Повешен в Петропавловской крепости 4 ноября 1880 г.

24. Среди вновь прибывших соотечественников, «между прочим, находился и Виктор Обнорский, который приехал в Лондон и тотчас свиделся с Ширяевым в самом конце октября или самых первых числах ноября 1878 г. (н. ст.). Ширяеву, по словам последнего, Обнорский излагал свои взгляды и планы очень подробно и серьезно» («Былое», 1906 г., кн. I, стр. 172). Фамилию Обнорского Ширяев, конечно, не забыл, а счел, несомненно, необходимым не упоминать, хотя к моменту составления записки Обнорский был уже осужден на каторгу.

25. 6 ноября 1878 г. (н. ст.) помечено его одно письмо к П. Л. Лаврову, в котором он обещал последнему рассказать слышанное от Обнорского «при свидании». Очевидно, он выехал из Лондона в середине ноября (н. ст.), не раньше, так как с Лавровым, от которого получил рекомендательные письма в Россию, он, несомненно, либо встретился после, либо списывался.

26. Цитович, Петр Павлович, юрист, профессор Новороссийского и Киевского университетов, крайний реакционер. В 1870-х годах он выпустил несколько брошюр-пасквилей (напр., «Что делали в романе «Что делать», «Ответ на письма к ученым людям» и др.).

27. В 1878 г. в Харьковском ветеринарном институте, воспитанником которого Ширяев был в 1874—1875 г.г., пытались ввести для слушателей обязательные еженедельные репетиции. Попытка эта вызвала бурный протест со стороны местного и столичного студенчества, всюду начались многочисленные сходки, которые потребовали вмешательства полиции и жандармерии и кончались иногда столкновениями между студенчеством и полицией и т. п. Подробности об этих бурных волнениях см. в №№ 2 и 3 «Земли и Воли» («Революционная журналистика семидесятых годов», Париж, 1905 г., стр. 220 — 229 и 300 — 311, или перепечатку ее в изд. «Донской Речи», Ростов на/Д., 1906 г.).

28. В конце 1876 г. между П. Л. Лавровым и его бывшими приверженцами произошел раскол, в результате которого он отказался даже от дальнейшего редакторства «Вперед».

29. Степан Халтурин. Ширяев более или менее правильно определил его связи с «лавристами» и отношение к ним. Ср. Ю. Стеклов «Степан Халтурин», М., Госиздат, 1923, с. 17 — 23. О Халтурине умалчивают показания Гольденберга, но, судя по сопроводительному письму В. К. Плеве к М. Т. Лорис-Меликову, приложенному к настоящей записке Ширяева, следственным властям это имя было знакомо, известна была также его роль в деле взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. и т. д.

30. Первый номер «Земли и Воли» вышел в последних числах октября 1878 г.

31. Зунделевич, Арон Исаакович (1854 — 1923), народоволец, крупный организатор, практик революционного движения. Он специально занимался устройством подпольных типографий, транспортировкой партийной литературы, перевозкой нелегальных товарищей через границу и т. п. Арестован в 1879 г. Судился по процессу 16-ти, совместно с С. Ширяевым, и приговорен к бессрочной каторге. После революции 1905 — 1907 г.г. жил в Лондоне.

32. Адрес наследнику напечатан в № 2 «Земли и Воли». (См. «Революционная журналистка 70-х годов», Париж, 1905, стр. 225—226.) Там же описаны и шествие студентов к Аничкову дворцу, где находился наследник, и результаты его.

33. Профессора - реакционеры.

34. «Северной революционной народнической группы» или, как она называлась с 1878 г., «Земля и Воля». (См. О. В. Аптекман «Из истории революционного народничества. «Земля и Воля» 1870-х г.г.» (П., 1906.)

35. Гартман, Лев Николаевич (1850—1913) принимал активное участие в революционном движении с 1876 г. по 1880 г. включительно, т.-е. в период «Земли и Воли» и «Народной Воли». Он участвовал и в пропаганде в 1876—1879 г.г. и в террористических актах, будучи одним из главных работников по организации взрыва полотна Московско-Курской жел. дор. в ноябре 1879 г. при проезде Александра II. После этого неудавшегося покушения он уехал в Америку.

36. Необходимо подчеркнуть название *«Северный Рабочий Союз»*, которое употребляет С. Ширяев. Дело в том, что в последнее время возник вопрос: не существовало ли двух союзов —«Северно-Русский Рабочий Союз», возникший в конце 1879 г., и «Северный Рабочий Союз», выпустивший первый и единственный номер газеты «Рабочая Заря» в феврале 1880 г. «Может быть,—пишет Ю. Стеклов,—это просто опечатка, но возможно, что кружок, выпустивший эту газету, был совершенно новой организацией, не связанной с прежней организацией Халтурина и Обнорского... По крайней мере, «Рабочая Заря» подписана не «Северно-Русским Рабочим Союзом», а «Северным Рабочим Союзом» (Ю. Стеклов. «Степан Халтурин». М., 1923, стр. 31). Ширяев писал свою записку под самым свежим впечатлением слышанного и виденного и характерно, что, говоря о «Северно-Русском Рабочем Союзе», созданном в конце 1878 г. при участии Халтурина, он называет его *Северным Ра-*

бочим Союзом — именем издателя «Рабочей Зари», появившейся в свет тогда, когда он сидел в тюрьме. Обстоятельство это дает возможность утверждать, что «Северно-Русский Рабочий Союз» и «Северный Рабочий Союз» — одна и та же организация.

37. Натансон, Марк Андреевич — руководящий деятель «Северной революционно-народнической группы» или, как она называлась с 1878 г., «Земли и Воли», был арестован в мае 1877 г. в Петербурге, где он усиленно старался привлечь к «Земле и Воле» рабочих.

38. Первая стачка на Новой Бумагопрядильне произошла в марте 1878 г. Об обстоятельствах, вызвавших ее, неудачном исходе и значении ее см. Г. В. Плеханов «Русский рабочий в революционном движении», М., Госиздат, 1919 г., стр. 39 — 52. Также см. «Воспоминания П. А. Моисеенко 1873 — 1922 г.г. Истпарт М. 1922 гл. 2.»

39. Программа напечатана в «Былом», 1906 г., кн. I, стр. 175 — 178.

40. 2 апреля 1879 г. на Александра II.

41. Подпоручик Владимир Александрович Дубровин повешен в Петропавловской крепости 20 апреля 1879 г. Он обвинялся в попытке создать военную террористическую организацию. (См. о нем заметку «Суд над Дубровиным» в № 5 «Листка Земли и Воли» —«Революционная журналистика 70-х г.г.», Париж, 1905 г., стр. 471 — 475, или второе изд. Ростов на/Д., 1906 г.) Мысль о необходимости решительного отпора реакции среди землевольцев только начала в то время дебатироваться. Разговор Ширяева с Халтуриным имел место до Липецкого съезда, который состоялся 17 — 21 июня 1879 г.

42. Г. В. Плеханов в своих воспоминаниях («Русский рабочий в революц. движении», М., Госиздат, 1919, с. 86) приводит следующий факт из взаимоотношений Ширяева с Халтуриным: «В апреле 1879 г., за несколько дней до выстрела Соловьева, мне пришлось оставить Петербург, — пишет Г. В. Плеханов,—и я передал «сношения с рабочими» покойному Ширяеву. Вернувшись осенью того же года, я застал Халтурина в сильном негодовании против интеллигенции,— вообще, а против нас, землевольцев,— в особенности. «Человек, с которым ты познакомил меня перед своим отъездом, — говорил он, — был у нас один раз, обещал оставить шрифт для нашей типографии, а потом исчез, и я не видался с ним два месяца».По этому поводу Плеханов в особом примечании замечает: «При тогдашнем положении дел выезд из Петербурга всех «нелегальных» землевольцев (а таких было большинство) перед выстрелом Соловьева, суматоха, вызванная летними революционными съездами в Липецке и Воронеже, и, наконец, совершившееся осенью формальное разделение общества «Земля и Воля» — трудно было винить Ширяева за его халатность. Но Халтурин не знал этих смягчающих обстоятельств, и потому досада его совершенно понятна». Свидание с Ширяевым, о котором Халтурин рассказывал Плеханову, вероятно, и есть последняя между ними встреча, о которой Ширяев здесь пишет и оговаривается, что «обещал побывать у него вскоре еще раз, потом мои обстоятельства сложились так, что я не исполнил своего обещания». Из слов Плеханова заключить должно, что это он связал Ширяева с рабочими и привлек к кружку, о котором последний писал выше. Но то было не в апреле 1879 г., как пишет Плеханов, а, несомненно, несколько раньше. Ниже Ширяев сам относит это обстоятельство к началу 1879 г.

43. Программа «Северно-Русского Рабочего Союза», после ее опубликования, подверглась обстоятельному критическому разбору на страницах № 4 «Земли и Воли» в статье, принадлежавшей перу, кажется, Д. А. Клеменца (см. «Былое», 1907, кн. I, стр. 183). Члены «Союза» отозвались на эту критику ответным открытым письмом в редакцию, напечатанным в № 5 «Земли и Воли». Эту полемику и имеет здесь в виду Ширяев.(См. «Революционная журналистика 70-х г.г.», Париж, 1905, стр. 333 — 337 и 434 — 440).

44. Мирский Леон 13 марта 1879 г. стрелял в шефа жандармов Дрентельна.

45. Долгорукова, Анна Дмитриевна, студентка, невеста Ширяева.

46 «Воробей» — кличка, кажется, известного народовольца Н. А. Морозова. Кличка эта, как и «Старика» (неизвестна нам), осталась для властей не расшифрованной.

47. Александр Квятковский судился по одному с Ширяевым процессу. Повешен 4 ноября 1880 г.

48. «Борис»—кличка А. И. Желябова. Расшифрована в III отделении. (См. «Процесс 16 террористов», стр. 30.)

49. «Кот» — кличка Ник. Ив. Колодкевича. Расшифрована в III отделении. (См. «Процесс 16 террористов», стр. 30.)

50. По словам В. Н. Фигнер («Запечатленный труд», ч. I, М., 1922, стр. 130) южан—участников Липецкого съезда—и Ширяева оставили на время в Липецке, чтобы на Воронежском съезде организации предложить их в члены общества. Ширяева горячо рекомендовали те, кто знал его в Петербурге. Принятые в члены организации прибыли в Воронеж, где усилили левое крыло съезда, настаивавшее на вооруженной борьбе с правительством.

51. Раскол на Воронежском съезде произошел, как известно, благодаря противодействию Г. В. Плеханова, который выступил из организации и, совместно с некоторыми другими, образовал самостоятельную группу «Черный Передел».

52. Якимова, Анна Васильевна, видный народоволец.

53. «Абрам» — кличка рабочего Лубкина, работавшего в тайной типографии «Народной Воли» в Саперном пер. и застрелившегося при аресте типографии 18 января 1880 г. Фамилия его была неизвестна III отделению.

54. Квартиру в Басковом переулке, где приготовлялся динамит, занимали Григ. Прок. Исаев и А. В. Якимова. Работами руководили Ширяев, Кибальчич и короткое время В. И. Иохельсон. (См. его «Первые дни «Народной Воли», П., 1922. изд. «Музей Революции», стр. 7 — 8.)

55. «Борис» — А. И. Желябов. «Петр» — известный народоволец Александр Дмитриевич Михайлов. (См. «Процесс 16 террористов», стр. 30.)

56. Под кличкой «Алхимик» III отделению был известен Л. Н. Гартман. (См. «Процесс 16 террористов», стр. 29.)

57. Под фамилией Силантьевых туда отправились Айзик Борисович Арончик и Галина Чернявская. (См. «Процесс 16 террористов», стр. 30.)

58. Гольденберг, Григорий Давыдович, принимал участие в подготовке покушений и на пути в Москву с динамитом был арестован в ноябре 1879 г.

59. «Цилиндр» — кличка Н. И. Кибальчича, казненного по делу 1 марта 1881 г. (См. «Былое», 1918 кн. X — XI, стр. 57.) Кличка осталась тогда нерасшифрованной.

60. Под фамилией Сухоруковых в Москве жили Л. Н. Гартман и С. Л. Перовская. Они формально и арендовали дом, из которого был устроен подкоп под полотно Московско-Курской жел. дор.

61. В Москве предполагали только, что на юге группа арестована. Покушение под г. Александровском не удалось по непредвиденным, технического порядка, обстоятельствам.

62. Под фамилией Хитрово проживали Ник. Ал. Морозов и Ольга Любатович.

Сообщил Р. М. Кантор.

Михаил Бакунин и экспедиция на пароходе «Ward Jackson».

(Материалы по архивным делам б.б. III отделения и министерства иностран. дел.)

Документы, публикуемые ниже, извлечены нами из бумаг б. министерства иностранных дел, находящихся ныне в II отд. Госархива РСФСР, а также из дел архива б. III отделения (Гос. Архив). Касаются они истории, имеющей двойной интерес: во-первых, вследствие участия в ней Михаила Бакунина, еще не достаточно освещенного, и во-вторых, как эпизода польского восстания, который не может не быть назван трагическим, несмотря на некоторый элемент комизма, привнесенный романтическим легкомыслием его организаторов.

Экспедиция на пароходе «Ward Jackson» рассказана весьма подробно самим Бакуниным в письме его Герцену и Огареву от 31 марта 1863 г. из Гельсингборга (см. «Письма» М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву с биографическим введением и примечаниями М. П. Драгоманова, Женева 1896, переизданы в 1907 г. в С.-Петербурге В. Врублевским); затем А. И. Герцен очень живописно, с злым остроумием, рассказал о ней в статье «Ward Jackson», дав попутно блестящие характеристики некоторых ее участников (см. «Сборник посмертных статей Александра Ивановича Герцена». Génève—Bâle—Lyon H. George, libraire éditeur 1874 г.; вошла в XVI том собрания сочинений и писем А. И. Герцена под ред. М. К. Лемке). Наконец, сам «начальник» экспедиции, полковник Теофил Лапинский, опубликовал в 1878 году в «Gazeta Narodowa» в №№ 180—227 свои обширные воспоминания, подробно изложенные Н. Бергом в «Историческом Вестнике» (1881 г. № 1). Это *основные* источники, доступные исследователям. К сожалению, ни один из них не может быть признан настолько объективным или исчерпывающим, чтобы поиски документального дополняющего материала можно было счесть излишними,—Бакунин и Лапинский—участники экспедиции — искали во вне причины ее неудачи. Герцен, смотревший на экспедицию сквозь призму скепсиса, добродушной иронией маскировавший весьма недобродушную насмешку, был осведомлен об экспедиции более основательно. М. К. Лемке сообщает, что ему удалось найти среди бумаг Герцена довольно полный подбор всей дипломатической переписки, своевременно собранной друзьями Герцена в русском министерстве иностранных дел (сочинения Герцена, т. XIV, комментарий, стр. 661). Статья А. И. Герцена приобретает таким образом бóльшую ценность, но не лишается субъективного характера, присущего вообще воспоминаниям нашего блестящего мемуариста. Потому-то документы, следующие ниже, на наш взгляд не лишены значительной ценности для истории этой экспедиции. Только некоторые из них оказались в числе «дипломатических» бумаг, на которые указывает М. К. Лемке. Подавляющее большинство их осталось Герцену, а следовательно и М. К. Лемке, совершенно неизвестными. Мы публикуем полностью и те документы, извлечения из которых по копиям Герценовского архива сделал

М. К. Лемке в своем комментарии к указанному выше XVI тому собрания сочинений А. И. Герцена.

В этом кратком предисловии мы не будем знакомить читателя с обстоятельствами, вовлекшими Бакунина в экспедицию. Читатель может познакомиться с ними по источникам, указанным выше. Мы здесь отметим лишь, что публикуемые документы, чаще всего пристрастные в оценках личности Бакунина и его выступлений, как и следует ожидать от переписки царских чиновников, сообщают тем не менее множество ценнейших и бесспорных фактов, подтверждаемых другими источниками. Обилие фактических подробностей позволяет нам, благодаря нашим документам, составить полное и отчетливое представление о характере участия Бакунина в экспедиции, о степени его ответственности за ее неуспех и, наконец, о деятельности его в Швеции в 1863 году. Особенно ценными необходимо признать прежде всего письмо самого М. А. Бакунина к А. Гутри, письмо В. Миловича к В. Марчевскому, заключающее в себе интереснейшие строки для понимания стремлений Бакунина в эпоху 1863 г., а также отдельные места в депешах П. Я. Дашкова, передающие беседы Бакунина, полученные агентурным путем.

Вслед за указанными письмами и дипломатической перепиской мы приводим извлечение из брошюры «Польская экспедиция и Стефан Поллес». Насколько нам известно, брошюра эта, изданная в 1863 г. на шведском языке, русскому читателю осталась неизвестной. О ней мимоходом Бакунин сообщал Герцену в письме своем из Стокгольма от 4 августа 1863 г.:

«Поллес здесь лезет в гору—его принимает Мандерштрем, министр иностранных дел, а недавно представлялся он принцу Оскару, которому поднес экземпляр своей брошюры об экспедиции, говорят, пасквильной в высшей степени и ругательной против меня...»

Краткое, ничего почти не дающее изложение ее содержания имеется в комментариях М. Лемке к XVI тому собр. соч. А. И. Герцена, а между тем некоторая часть показаний Поллеса может считаться историческим источником. Брошюра о польской экспедиции была им написана с целью оправдать себя от обвинений в шпионстве. Она включает в себе поэтому много лирического и личного материала, не имеющего исторического интереса; вопрос о том, был ли действительно агентом русской охранки адъютант начальника экспедиции—как определенно сообщал Н. Берг в «Историч. Вестнике»—мы сейчас разрешать не намереваемся. Но кроме лирических излияний и реверансов по адресу шведского короля и шведского общества, брошюра Поллеса содержит много фактических сведений, вполне подтверждаемых другими источниками. Был Поллес шпионом или не был,—но участие в экспедиции на пароходе «Ward Jackson» он принял, обязанности адъютанта Лапинского выполнял—и, следовательно, история всех злоключений экспедиции ему была хорошо известна. В области изложения фактической истории у Поллеса не было мотивов скрывать или извращать что-либо. Это не значит, конечно, что все показания Поллеса должны приниматься на веру. Подобно всякому другому, и этот источник нуждается в критической проверке.

Из брошюры мы извлекаем только те ее части, которые имеют прямое отношение к интересующему нас вопросу—к истории экспедиции на пароходе «Ward Jackson» и к участию в ней М. Бакунина.

Последним документом является, наконец, письмо одного из участников экспедиции, студента Анри Ружемона, рисующее трагический финал всей затеи. Это письмо вносит весьма существенную поправку в рассказ о гибели 24 участников похода, имеющийся в воспоминаниях Лапинского.

1. Письмо Владимира Миловича к Витольду Марчевскому от 29 января (10 февраля) из Бреславля.

Прошли уже три недели, как я покинул Лондон и объезжаю Германию и Пруссию с целью организовать перевозку оружия. Мы уезжали из Лондона полные надежд и предполагали, что немцы, если не из симпатии к нам, то хотя бы ради денег, помогут нам. На местах я убедился в противном, так как с самого начала восстания, лишь только пруссаки стали принимать кое-какие меры предосторожности, немцы до того перетрусили, что даже те из них, которые обещали свою помощь (нам столько наобещали), не захотели ничего предпринимать за самые крупные суммы.

Предоставленный, таким образом, собственным силам, ввиду того, что ваши люди Гут [1]) и Люк [2]) также не дали мне никаких указаний, я должен был лично объехать всю Пруссию, изыскивая средства перевезти 4.000 винтовок, столь необходимых при восстаниях. Наконец, я нашел два места близ границы, куда может быть отправлено вышеупомянутое оружие, и двух лиц, которые примут доставленное. Пункты эти—Кролевец, откуда ружья будут отправлены дальше через Демонтовича в Бреславль.

Половину их я отправляю в Кролевец, а другую—в Бреславль. В настоящее время все оружие находится уже в Германии и на-днях будет доставлено в Кролевец и Бреславль. Пошлите немедленно Демонтовичу подробную инструкцию относительно тех пунктов королевства, куда оно должно быть направлено. Напишите мне тотчас же с подателем этого письма, человеком верным, но ни во что не посвященным, и укажите мне те пункты границы Силезии, куда бы вы хотели направить ружья, а также и лиц, которые должны будут их принять.

В то же время я организую доставку из Бреславля до границы, что является делом далеко не легким, так как у пруссаков строгий надзор.

Вчера я получил из Лондона письмо от Цверца [3]), который сообщает, что расходы по пересылке поднимутся от 16 до 18 тысяч талеров, тогда как у Цверца, за покрытием некоторых расходов и в частности после отправки нескольких офицеров из Италии и Англии, останется всего 40 с небольшим тысяч франков.

---

[1]) Гутри (Gutry).
[2]) Неизвестный.
[3]) Цверцякевич.

Вследствие этого он просит меня известить вас об этом, а вас прислать ему скорее 22 тысячи франков и инструкции относительно его образа действий, т.-е. должен ли он еще некоторое время оставаться за границей или вернуться на родину.

Я получил также письмо от Бакунина, у которого уже готовы и паспорт, и необходимые для путешествия деньги и который предлагает немедленно ехать в Польшу. Он спрашивает, не находите ли вы необходимым его присутствие; со своей стороны я прошу вас указать мне место, куда я должен его направить. Вы, конечно, поймете, что национальная честь предписывает нам принять все меры, чтобы обеспечить ему благополучное путешествие и не дать с самого начала попасть в руки москалей. Я полагаю, что его присутствие может быть очень для нас полезным и что стоит пожертвовать временем и трудом, чтобы обеспечить ему безопасность путешествия. Пришлите мне также распоряжения и поручения о том, что я должен делать по окончании переправы оружия и Бак.

Мне хотелось бы, чтобы вы избавили меня от дел заграничных и прислали бы мне полномочия для работы в России. Насколько мне известно—там все спокойно, хотя эта страна очень важный пункт, так как от восстаний в России может зависеть успех нашего дела.

У меня там большие связи и я стал бы там охотнее действовать, чем где-либо в другом месте. Скажите только в своем письме, желаете ли вы, чтобы я сперва приехал в Варшаву, или чтобы прямо отправился в Россию через Молдавию, и в последнем случае дайте мне карточку к З. Мильк [1]), который меня лично не знает.

Проживая давно за границей и встречая лиц с самыми разнообразными взглядами, я заметил, что нашему делу сильно вредит то, что до сих пор временное правительство анонимно, и что вы все еще не обнародовали манифеста к нациям, в котором бы объявили об основании и конечной цели нашего восстания.

Все этого ждут, и не удивительно, что, среди массы ложных слухов, ни у кого до настоящего времени нет ясного представления о нашей революции.

Это относится также к Познани, где симпатизирующие нам лица находятся в очень затруднительном положении, так как им приходится бороться с партией знатных иезуитов, очень могущественной по своему уму и богатству, и где невозможно будет ничего предпринять, пока вы не объявите себя публично временным правительством и, как таковое, не пошлете официального приказания Гутри начать действовать. Имейте в виду, что нельзя всецело рассчитывать на инициативу Познани, что там надо импонировать приказаниями, которым будут охотно следовать, что же касается ваших советов и ваших указаний, то на них не обратят внимания из боязни навлечь на себя ответственность; следовательно, они ничего не сделают по собственному почину. Господин

[1]) Неизвестный.

Александр Г. [1])—человек превосходный и даже готовый на всевозможные жертвы, революционер, но он окружен людьми слабыми, или противоположных с нами убеждений, кроме того, у него нет никакой инициативы, потому что, как он и сам говорит, он желает повиноваться приказаниям.

Я во всем этом убедился в деле с транспортом, я ожидал застать все уже подготовленным, тогда как здесь ничего не было сделано.

Известите меня о том, что делает Сигизмунд Пад. [2]), и ответьте, не теряя времени. Если бы податель письма не мог уехать в тот же день, отправьте кого-нибудь другого.

Податель укажет вам место, где я буду находиться. Соблаговолите заметить, что, раз происходят такие решительные действия, как в настоящее время, невозможно оставлять ваших агентов в неведении относительно происходящего в стране, и что это может повредить делу. Я говорю об этом особенно в отношении, г. Александра Г. и Цверца, которые на это сильно жалуются.

Ожидаю приказаний и шлю вам братский привет.

Ваш Владимир.

Третьего дня я видел г. Александра, и я прочитал ваше последнее письмо. Г. А. извещает вас, что, чтобы действовать, он должен иметь точный приказ и что этого письма ему недостаточно.

Молодежь Льежского и Бреславльского университетов, числом около ста человек, желает отправиться на родину, но ваши агенты удерживают их и уговаривают ждать ваших приказаний. Если вы находите, что они должны ехать на родину, пошлите приказы об этом Луказу и немного денег на путевые расходы, так как некоторым из них не с чем двинуться в путь.

II. Письмо Магнуса Б. (Бакунина) из Копенгагена от 2 февраля 1863 г. к А. Гутри.

Милостивый государь! Ваше письмо убедило меня, что еще не настало время отправления моего в Польшу. Я не хочу и не могу оставить план, выполнение которого составляет для меня самые дорогие надежды всей моей жизни и к которому я приступлю не прежде, как имея убеждение, что присутствие мое в царстве желательно. Считаю напрасным обращаться к друзьям моим по прежнему польскому центральному комитету, у которого занятий по горло, кроме того, я не уверен, остались ли в комитете мне знакомые члены. Но я пишу к Лангевичу, которого я знаю и очень уважаю и от содействия и симпатии которого я более всего надеюсь—прошу переслать ему мое письмо

[1]) Александр Гутри.
[2]) Падлевский.

как можно скорее. Между тем, я отправляюсь в Стокгольм, чтобы дождаться там благоприятных известий и употреблю все мои усилия возбудить в Финляндии движение, которого желаем не только мы, но и наши друзья в Петербурге. Допуская, что польское восстание продлится еще месяц или два, я полагаю, что тогда все выиграно. Позвольте быть откровенным и судить по тем сведениям, которые мы получили в Лондоне. Дипломаты великого герцогства Познанского гораздо более доверяют политике и внешней инсуррекции западных держав, нежели собственным усилиям польской революции; но для того, чтобы политика сделала для нас что-нибудь, необходимо, чтобы внутреннее польское восстание показало себя согласным и серьезным, а главное, чтобы оно продлилось еще некоторое время. Поэтому поляки всех возможных политических партий должны желать продолжения революционного движения и содействовать к тому всеми своими средствами; я убежден, что если оно еще продолжится один месяц, тогда все выиграно, потому что русское правительство страдает внутренним расстройством, оно сомневается в самом себе и думает, что оно в безопасности, поэтому я был бы доволен выиграть две недели для отъезда моего в Стокгольм. Если мне только удастся побудить славолюбивых шведских патриотов начать восстание в Финляндии, то я буду очень доволен и счастлив. Подобная диверсия имела бы громадное влияние на русское правительство, на Европу и даже на самую Россию, но я хочу и должен отправиться в Польшу. Я не знаю, известна ли вам ошибка, которую сделал Варшавский центральный комитет: в тот момент, когда целые роты русской пехоты присягали под нашим знаменем «Земля и Воля» и только выжидали польского восстания, чтобы с ним соединиться—в это-то время поляки их атаковали и таким образом уничтожили драгоценный годичный труд; теперь возвратить к нам эти роты нет никакой возможности; но, чтобы поставить инсуррекцию на твердом фундаменте, надобно пытаться образовать русский революционный легион, вербуя таковой из пленных. Начало будет трудно, но, когда это начало раз сделано, я надеюсь, что дело пойдет вперед само по себе и окажет большую пользу как восстанию, так и нам. Чтобы предпринять помянутую вербовку, мне необходимы симпатия и содействие кого-либо из польских военноначальников, который бы обладал и доброю волею и властью мне помогать; поэтому я и пишу к Лангевичу. Я надеюсь, что вы употребите все, что только от вас зависит, для доставления Лангевичу моего письма, а мне ответа на оное. Мой адрес в Стокгольме, где я остаюсь до новых приказаний, следующий: «Г. Эмиль фон... депутат дворянской камеры, передать Магнусу Б....» Пришлите мне верный адрес, под которым я мог бы с полным доверием к вам писать. Каждый раз, когда на верху письма число и адрес означены... тогда я пишу симпатическими чернилами, рецепт которых, составленный Иосифом Цверц..., должен быть у вас.

Еще одна просьба: если вы получите какое-либо известие от многоуважаемого нашего друга Жебровского, то не оставьте сообщить та-

ковое и мне. Вы отзываетесь об нем с известным неуважением: это доказывает, что вы его мало знаете—он неоцененный человек.

Не будем же падать духом. Дела идут не так худо—будем же дружно держаться до конца и несмотря на нашего противо-революционного друга Гр. Цешковского, воскликнем вместе: «Да здравствует революция».

Ваш покорнейший *М. Б.*

Поручите меня памяти моего милого друга Либельта.

III. Шифрованная телеграмма г. Д'Убри (в Берлин) 21 февраля 1863 г.

Бакунин будто бы тайно выехал из Лондона в Брюссель. Постарайтесь разузнать и осведомить нас. Телеграфируйте Орлову.

IV. Секретное сообщение из Копенгагена 26 марта (7 апреля) 1863 г.

Некто, называющий себя Анри Сулэ, прибыл сюда из Мальме 31 марта и снова выехал в Готенбург. То же лицо было здесь с 20 февраля по 3 марта проездом из Гамбурга в Швецию. Здесь он имел свидания лишь с редактором «Fedreland» ревностным скандинавцем. Некоторые признаки подтверждают мое предположение, что это лицо—Бакунин, иначе Сулэ. Он приехал сюда из Мальме с Лапинским. Последний, под фамилией частного лица Штюрмера, выехал в Готенбург, с ними прибыл сюда 2 апреля, выехавший в Германию с письмами, Пауль Беринг, курьер или секретарь Штюрмера.

V. Копия секретной телеграммы Дашкова из Стокгольма от 22 марта (3 апреля) 1863 г.

Бакунин, под именем Сулэ, возвратился сюда вчера из Готенбурга и, возможно, из Мальме, где он был на пароходе «Ward Jackson». Он находится в сношениях с финскими изгнанниками (ci-devant Finlandais).

VI. Шведское официальное сообщение, опубликованное 2 апреля н. ст. 1863 года.

По телеграфу получено от властей гор. Мальме следующее сообщение:

«Пароход, который считали английским, днем 30 марта стал на якорь на рейде Мальме, и в 7 час. вечера, под предлогом дурной погоды, вошел в гавань. Согласно сделанному заявлению, он вышел из Лондона с английской командой, направляясь в неуказанный порт Балтийского моря. Английский капитан Роберт Ветерли и команда, за исключением помощника и двух матросов, покинули судно в Копен-

гагене, где, как утверждают, был получен совет направиться в Мальме. Тогда, чтобы вести судно в Мальме, наняли капитана по фамилии Гренбек и датскую команду.

Согласно сделанному заявлению, на борту судна находилось 180 венгерцев и французов, не считая 26 офицеров. Их предводителем является, как говорят, полковник Лапинский. Пароход, груженый оружием, был поставлен посреди гавани под красным флагом в знак того, что на нем находится порох. Вследствие бурного перехода, большинство пассажиров были больны, и в провизии ощущался недостаток. Большая часть пассажиров поместились в гостинице, все оставили свое оружие на судне. Немедленно были приняты меры для удовлетворения их нужд. 31 марта пароходу было предложено покинуть шведский порт, как только он заберет необходимый запас провизии; ко времени отправки настоящего доклада еще не было известно, воспользуется ли он этим предложением.

Из сообщений, полученных позднее, узнали, что этот пароход называется «Ward Jackson», вооружен тремя пушками и нагружен 2.500 руж., с необходимыми огнестрельными припасами, и что английский капитан, покидая судно, взял с собой все судовые бумаги.

Вследствие сего, так как власти гор. Мальме сообщили о прибытии вооруженного парохода с многочисленной командой, груженого ружьями и огнестрельными припасами и без всяких судовых документов, так как, кроме того, имеются все данные предполагать, что судно, носящее название «Ward Jackson», есть тот самый пароход, на который, согласно полученным сведениям, должно было быть наложено амбарго перед его отплытием из Англии, то его величество предписал подлежащим властям задержать помянутое судно и его груз, впредь до нового распоряжения, предоставив, вместе с тем, пассажирам и команде личную свободу.

Этот приказ был отдан по телеграфу вчера днем.

VII. Секретная депеша Дашкова мин. ин. дел кн. Горчакову. Стокгольм, 22 марта (3 апреля) 1863 г.

Ваше Сиятельство,

По наведенным мною справкам лицо, в котором бы должны предполагать Бакунина и которое выдает себя за канадского профессора Сулэ, возвратился сюда вчера вечером с готенбургским поездом. Он внезапно выехал отсюда с неделю тому назад, и можно предположить, что целью его поездки был Копенгаген или Мальме. Можно также предполагать, что она была вызвана известиями, имеющими отношение к экспедиции «Ward Jackson», но какова была ее цель догадаться трудно, так как мы не знаем истинных причин, приведших этот пароход на рейд Мальме. Одно из двух: либо он хотел присоединиться к экспедиции, либо он повез ей последние указания. Что же касается его неожи-

данного возвращения, то, быть может, он намеревается действовать через своих новых друзей из мира печати в пользу освобождения задержанного судна, или же возобновить свои совещания с эмигрировавшими финляндцами, с которыми он завязал сношения. Я знаю положительно, что в числе лиц, посещавших его, были д-р Лаллерстедт, а из проживающих здесь финляндцев—д-р Норденшельд и студенты Э. Ф. Квантен и Веттергоф. Правительство ничего не знало о его пребывании в Швеции, да даже если бы оно знало об этом, ничего бы не изменилось, так как из того, что мне сказал сегодня граф Мандерштрем, его не имели бы права подвергнуть какому-либо преследованию.

Если бы не неосторожность, с которой он открыл свое имя одному спутнику, мы бы так и не знали о пребывании Бакунина в столице. Он потребовал обещания не выдавать его присутствия до его отъезда. И, действительно, его спутник рассказал об этом лишь после того, как узнал о его отъезде, думая, что он больше не вернется. Довольно любопытно замечание, которое он сделал, видимо, незадолго до своего отъезда этому лицу, и о котором я узнал, а именно, что шведы слишком холодны, безразличны и бедны, чтобы он мог иметь здесь успех, тем более, что ему не безызвестен образ мыслей графа Мандерштрема.

Постараюсь узнать об этом побольше, но в окружающей нас обстановке—это дело не легкое.

С почтением *Дашков.*

VIII. Секретное сообщение кн. Горчакову.

23 марта (4 апреля). Ввиду того, что вчера была страстная пятница,—почта закрылась раньше обыкновенного, поэтому мои донесения отправляются лишь сегодня, и я могу добавить еще, что, когда я сообщил графу Мандерштрему о сделанном мною открытии, т.-е. возвращении Бакунина, он обещал мне приказать следить за столь опасным человеком, о пребывании которого здесь он глубоко сожалеет. Его превосходительство сказал мне, что он только что получил ответ графа Эссена на отправленную ему телеграмму, и что граф сообщает, что английский пароход три дня крейсировал перед Зундом, прежде чем войти в него.

Дашков.

IX. Шифрованная телеграмма из мин. ин. дел Дашкову в Стокгольм, 21 марта 1863 г.

Имеем сведения, что на «Ward Jackson» находится Бакунин.

X. Шифрованная телеграмма Дашкова из Стокгольма от 22 марта (3 апреля) 1863 г.

Я уже писал, что Бакунин проехал через Стокгольм. Поэтому мало вероятно, что он на судне. Наведу справки.

XI. Сообщение прусскому мин. ин. дел фон Бисмарку-Шенгаутену в Берлин из Копенгагена, 4 апреля 1863 г.

Ссылаясь на свое сообщение за № 48 и телеграммы за №№ 50, 54 и 56, имею честь донести вашему превосходительству, что по телеграфному распоряжению шведского правительства, полученному третьего дня вечером в Мальме, на судно «Ward Jackson» наложен в этом городе секвестр, между тем как находящимся на нем партизанам, число коих определяется приблизительно в 200 человек, не чинится препятствий к продолжению путешествия и возвращению в Англию. Вспыхнувший на корабле пожар был потушен прежде, чем огонь успел дойти до запасов пороха. Полученное бароном Николаи известие, что князь Чарторийский сел здесь на «Ward Jackson» и таким путем выехал в Мальме, но затем снова вернулся сюда и через Готенбург отправился в Стокгольм, оказалось ложным. За князя приняли некоего поляка Мицкевича, которого, будто бы, сопровождает известный Бакунин. Во главе экспедиции, повидимому, стоит некто полковник Лапинский.

Вчера прошло здесь на пути в Балтийское море русское военное судно «Алмаз». Оно идет из Англии. Повидимому, известие о том, что ожидается такое судно, послужило главной причиной отказа английской команды оставаться на судне.

XII. Сообщение кн. Горчакову из Берлина 23 марта (4 апреля) 1863 г.

Господин вице-канцлер,

Г. ф. Бисмарк, попросивший меня зайти к нему сегодня утром, любезно прочел мне прилагаемое при сем донесение барона ф. Розенберга, прусского посланника в Стокгольме. По моей просьбе он разрешил мне снять с него копию.

Так как приметы Бакунина показались мне точными, то я уведомил барона Николаи о пребывании этого лица, под фамилией Сулэ в районе, где он может следить за ним.

Возможно, что Бакунин не непричастен к экспедициям, к числу которых относится и плавание «Ward Jackson». Это послужило лишним основанием обратить на него внимание нашего посланника в Копенгагене.

XIII. Депеша, посланная прусским посланником в Стокгольме председателю совета министров и министру ин. дел в Берлине [от 30 марта 1863 года.

Банкет, устроенный здешними польским комитетом князю Константину Чарторийскому, состоялся 27 числа с. м. в биржевом зале. Из 200 участников было, как говорят, лишь небольшое число лиц с политическим или общественным значением, а отдельные ораторы,

как-то барон Рааб, г. Тарсмеден, генерал Анселиус пользуются скорее репутацией людей, любящих выступать во всяких националистических манифестациях, будь то в пользу Дании, Италии или Польши, чем людей, оказывающих какое бы то ни было влияние на настроения руководящих кругов. Истинные зачинщики всех этих восторгов, именно демократические журналисты Бланш, Польман и их присные, во время банкета, повидимому, стушевались, быть может, для того, чтобы смягчить недовольство, вызванное их начинанием у консерваторов.

В ответ на тосты, произнесенные в честь его и его семьи, князь Чарторийский поблагодарил за радушный прием, оказанный ему в Швеции и бывший, по его словам, «одинаково сердечным в королевском дворце и в крестьянской хижине». В последующей речи, произнесенной им по-французски, он уже не был так умерен в своих выражениях, а в ярких красках изобразил притеснения, испытываемые его народом со стороны России.

Такое состояние, при котором в качестве оружия имеешь лишь свое отчаяние, в качестве поддержки—лишь сознание своей правоты, не может больше продолжаться, ибо Европа, по его мнению, уже не находится в таком положении, как в 1831 г., когда польское восстание потерпело поражение скорее из-за равнодушия кабинетов, чем от русской армии. Ныне общественное мнение сделалось силой и повергло в прах основы старого режима. Польша не требует от иностранных государств, чтобы они затевали из-за нее войну или посылали бы ей на помощь войска, но чтобы они оказали ей нравственную поддержку. Поэтому для его народа имеют большую ценность выражения сочувствия, особенно если они исходят так издалека. Польша была бы связана со Швецией общностью интересов и взаимными симпатиями, и если бы столь счастливая и свободная нация, монарх которой всегда идет рука об руку со своим народом, дала бы полякам доказательство своего участия, то это не преминуло бы произвести глубокое впечатление как на берегах Вислы, так и на берегах Невы и т. д.

Эта речь была принята собранием с большим одобрением.

Повидимому, князь Чарторийский, действительно имел случай ближе познакомиться с настроениями, царящими в «королевском дворце», так как был с особой благосклонностью и многократно принят его величеством. Король не только дал ему на-днях обед, на который был приглашен и граф Мандерштрем, но высочайше соизволил лично показать ему свой любимый загородный дворец Ульриксдаль. Эти признаки внимания побудили принять участие в банкете некоторых лиц, которые иначе воздержались бы от этого по политическим и общественным соображениям.

Несмотря на все эти проявления, взгляд широких кругов и в особенности лиц, пользующихся здесь влиянием, на значение миссии Чарторийского, не изменился, и в некоторых газетах даже появляются теперь статьи, в которых иронически говорится обо всех этих враждебных России манифестациях.

В доказательство того, как анти-русская эмиграция старалась использовать героическое положение Швеции, ее свободные учреждения и настроение народа, я осмелюсь сообщить вашему превосходительству следующий факт.

В начале текущего месяца бразильский поверенный в делах г. Бритто, аккредитованный как здесь, так и в Копенгагене, отправился оттуда сюда. На судне, перевозившем его из Копенгагена, в Готенбург, он познакомился с одним человеком, который хотя и имел английский паспорт на имя Сулэ, гражданина из Канады, но по своей наружности, в частности, по строению лица, казался принадлежащим к славянской расе. После нескольких бесед г. Бритто высказал ему свои сомнения относительно его английской национальности, после чего его спутник признался, что он действительно русский и носит фамилию Бакунин. Затем он рассказал, что едет из Англии и должен некоторое время пробыть в Стокгольме. При этом он просил не говорить о его пребывании в шведской столице, прежде чем он покинет ее.

Г. Бритто сдержал свое обещание и лишь на-днях упомянул об этом своем знакомстве, добавив, что Бакунин уехал 5—6 дней тому назад, как он предполагает, в Англию. Однако он не знает этого в точности, так как при последних посещениях они не заставали друг друга. Русский посланник только теперь получил извещение об этом случае.

Г. Бритто доверительно сообщил мне еще следующие данные о личности Бакунина, а также о цели и результатах его пребывания здесь. Продолжительное заключение и особенно пребывание в Сибири наложило на Бакунина свои следы; как последствие цынги, он потерял все зубы. Однако его осанка доказывает, что его физическая сила не пострадала. Он носит длинную бороду, и строение его лица приближается к калмыцкому типу. В разговоре он в высшей степени обаятелен. Он обладает обширными познаниями. Тем не менее он предается иллюзиям относительно положения дел в России. Он думает, что достаточно крестьянского восстания, чтобы Петербургское правительство сошло с рельс. В Швеции он хотел позондировать почву и узнать, можно ли отсюда вызвать восстание в Финляндии. Эти надежды оказались иллюзиями, и Бакунин, пробыв некоторое время в Стокгольме, сам признался ему, что здесь сделать ничего нельзя. Повидимому, Бакунин больше всего имел здесь дело с вождями прогрессивной партии, однако он посетил и некоторых более высокопоставленных лиц. Так, г. Бритто счел возможным уверять меня, что Бакунина видели не только генерал Бильдт и граф Анкарсверд, но также принц Оскар и король. На чем г. Бритто основывает это утверждение, хвастался ли ему этим Бакунин, он не говорит. Сначала Бакунин жил в гостинице, затем в частной квартире. Впрочем, он показывался возможно меньше. В начале он намеревался прожить здесь дольше, позднее он сказал, что ждет только приезда одного друга, который должен доставить ему новые све-

дения. Г. Бритто предполагает, что это был князь Чарторийский, так как через два дня по прибытии князя Бакунин скрылся.

Я постараюсь дополнить и проверить эти *чисто доверительные* сообщения моего коллеги другим способом.

XIV. Секретная депеша Дашкова кн. Горчакову из Стокгольма, 25 марта (6 апреля) 1863 г.

Ваше Сиятельство,

Оказывается исчезновение отсюда Бакунина, действительно, имело связь с экспедицией «Ward Jackson», так как он был на судне при переходе из Копенгагена в Мальме, откуда он немедленно вернулся в Стокгольм. По имеющимся у меня сведениям он выражает намерение пробыть три-четыре месяца здесь, где, говорит он, жизнь дешевле, чем в Лондоне, и куда он, как говорят, вызвал свою жену.

Относительно Мальме известно лишь, что только полковник Лапинский, который в свое время принимал участие в Крымской кампании в составе турецкой армии, поддерживает дисциплину среди участников экспедиции, требующих, как утверждают, чтобы их интернировали, под предлогом, что у них нет необходимых средств для возвращения. Шведское правительство не может пойти на такое требование.

Граф Мандерштрем повторил мне, что он сделает все возможное, дабы избавиться от присутствия такого заслуженного революционера, как Бакунин. Своим пребыванием здесь он, очевидно, преследует цель установить связь с Финляндией. Мне сообщили одну подробность, за точность которой я, впрочем, не могу поручиться, а именно, что Бакунин явился в Копенгагене с английским капитаном к британскому посланнику, который посоветовал этому последнему уехать, так как экспедицию можно было считать окончательно неудавшейся.

«Aftonbladet» дает, между прочим, следующие подробности этого случая. В Мальме оказалось невозможно завербовать новую команду, тем более, что там распространился слух, что в море был замечен русский крейсер. Жители города оказали самый радушный прием пассажирам «Ward Jackson», которые, при высадке на берег, были встречены музыкой и приветствиями и размещены в квартирах местных жителей.

Правительство, добавляет либеральная газета, поступило в этом случае насколько возможно деликатно. До вторника пароходу была предоставлена возможность забрать необходимую провизию и снова выйти в море. Но так как это оказалось невозможным, то в среду пришлось отдать распоряжение о наложении амбарго на судно и его груз, согласно постановлению таможенных уставов относительно судов, входящих в шведские порты без предписанных законом документов, находившиеся в нем люди остаются на свободе, и, как уверяют, гражданский комиссар, д-р Демонтович, бывший на борту, едет в Стокгольм.

XV. Депеша кн. Горчакову из Берлина 29 марта (10 апреля) 1863 г.

Господин Вице-Канцлер,

Имею честь при сем препроводить вашему сиятельству депешу прусского посланника в Копенгагене, касающуюся «Ward Jackson» и любезно сообщенную мне г. фон Бисмарком.

Эта депеша не содержит ничего для нас нового. Она подтверждает присутствие Бакунина на судне, которого, будто бы, сопровождал некий поляк по фамилии Мицкевич.

Я предполагаю, что последний никто иной, как Владислав Мицкевич, сын поэта того же имени и сотрудник Парижской «L'Opinion nationale», который, благодаря своему положению социалиста-революционера и литератора, имеет связи с Бакуниным.

XVI. Секретная депеша Дашкова кн. Горчакову из Стокгольма 3/15 апреля 1863 г.

Ваше Сиятельство,

Во время моего последнего свидания с министром иностранных дел я смог убедиться, что после переговоров с остальными членами Совета относительно высылки Бакунина он считает, что будет довольно трудно осуществить ее ныне, не подвергая правительства общему порицанию всех газет страны в момент, когда общественное мнение так озабочено польскими делами;—это утверждение не лишено правдоподобности, и некоторые газеты были бы даже способны намекнуть, что министры продались России, но, к сожалению, слишком справедливо то, что шведская демократическая партия находится под сильным влиянием иностранной демагогии и что, в свою очередь, она, угрозой потери популярности, воздействует на высшие административные круги. Эта, сравнительно немногочисленная, партия пользуется, тем не менее, действительной властью ввиду того, что оружие журнализма находится всецело в ее руках и что речь идет о деле, в котором противной стороной является Россия; уже одного этого последнего обстоятельства достаточно, чтобы обеспечить всеобщее сочувствие всякой демонстрации, направленной против нас.

Со времени появления здесь поляков можно заметить, что шведские газеты, почти всегда несправедливые, удвоили свою агитацию и враждебность, что ясно указывает на сотрудничество иностранцев. Это заметно по сообщенным в газетах фактам и усиленной клевете против нас—одна газета выставила даже положение, что так как во время Восточной войны Швеция упустила случай отомстить России, то она не должна упускать его ныне во второй и, быть может, последний раз. Но патриотизм вряд ли зайдет так далеко в то время, когда страна занята обширным железнодорожным строительством и когда нация испытывает потребность направить всю свою деятельность на развитие своих материальных интересов.

К Бакунину только что приехала его жена, и он говорит, что желает здесь провести часть лета. Быть может, за это время представится какой-либо благоприятный случай добиться удаления Бакунина из Швеции, ибо, что касается его личности, то я не сомневаюсь в готовности графа Мандерштрема, лишь бы у властей нашлось должное мужество. По законам этой страны опубликование произведения, враждебного дружественной державе, позволяет выслать иностранца.

Мне передавали, что Бакунин хотел занять денег у редактора газеты «Aftonbladet», но что последний, хотя и готовый поддержать его, не настолько доверяет ему, чтобы дать ему в долг. Добавляют, что Бакунин просил свести его с здешним революционным комитетом, но, к великому его изумлению, ему ответили, что такого учреждения в Швеции совершенно не существует.

XVII. Секретная депеша Дашкова кн. Горчакову из Стокгольма от 12/24 апреля 1863 г.

Когда кто-то спросил Бакунина относительно его намерений и круга деятельности, которую он рассчитывал проявить в Швеции, он отвечал очень неопределенно и снова повторил, что от шведов ожидать нечего, а что касается поляков, то они живут иллюзиями и что он не желает связываться с ними. Итак, его главная цель состоит, повидимому, в том, чтобы вести пропаганду среди финляндцев, которыми он старается себя окружить. Одно из средств, которое он, несомненно, употребит, это — распространение в Великом Княжестве зажигательных воззваний. Сомнительно, чтобы они имели там большой успех, но всегда найдется несколько читателей среди экзальтированной молодежи и других недовольных, которые вызовутся их распространять. Я, со своей стороны, не преминул написать об этом генералу барону Рокасовскому.

Граф Мандерштрем говорил мне, что он собирает телеграммы и газеты за 1848 год, чтобы распространить среди публики биографию Бакунина и ознакомить с его прошлым.

Может быть, он не пожелает более здесь оставаться. Хотя я не думаю, чтобы д-р Нордштрем принадлежал к числу лиц, посещающих Бакунина, однако я начинаю думать, что он не совсем непричастен к затевающимся против нас интригам; весьма логическая причина этому та, что король, очень не любивший его доныне, стал к нему теперь, повидимому, весьма милостив.

При сем посылаю вашему прев-ству краткую заметку о находящихся, по моим сведениям, в Швеции финляндцах.

Узнав не лишенные интереса подробности относительно нескольких мнений, высказанных Бакуниным в беседах с одним спутником по путешествию, я должен сжать в один разсказ все его ответы ради простоты передачи.

«Когда я уезжал из Лондона, экспедиция «Ward Jackson» еще не была готова, но я не должен был в ней участвовать. Ни английские дамы, ни Франция не несут по ней расходов. Эта последняя обещает, но ничего не дает, тогда как Англия более содействует, чем обнадеживает. В Стокгольме я получил телеграмму с предложением поехать в Гельсингборг для устранения возникших затруднений [1]). Шведское прав-ство не могло поступить иначе. — Непостоянство поляков виновно во всех неудачах, и я, со своей стороны, им совершенно не доверяю. В Стокгольме их в настоящее время трое, и они взаимно рвут друг друга на части. Несмотря на свою фамилию, Чарторийский совершенно незначительный человек, и другие ему не доверяют; но он смог оказать некоторые услуги. Не желая вредить его положению, я к нему не хожу. Калинка талантлив и столь же умен, сколь и хитер. Будучи воспитанником иезуитов, он для них писал и исполнял различные щекотливые поручения. Я полагаю, что он больше иезуит, чем поляк. Это он здесь ведает, главным образом, всеми делами, демонстрациями и проч. — Демонтович также умный человек. Он — литовский помещик, ликвидировал свое имущество и много помог только что потерпевший неудачу экспедиции. Лапинский на все способен. Один член парламента рассказывал мне, что один поляк (по-видимому, Чарторийский) упрекал его в том, что парламент ничего не делает для Польши; тот отвечал ему, что опасно черезчур точно следовать намерениям короля, так как он легко мог бы этим злоупотребить и зайти слишком далеко; этот поляк передал эти слова королю, и е. в. сделал выговор члену парламента; нечего и говорить, что тот в бешенстве от такой неделикатности. Когда я имел случай видеть короля, я спросил, каким образом я бы мог в случае нужды с ним сноситься, и предложил ему посредничество принца Оскара, но он ответил: «Нет, не надо моего брата, лучше пишите мне».

У меня нет оснований сомневаться в искренности этих слов, тем более, что они подтверждают и другие предположения, о которых я не замедлю сообщить имп. мин-ству.

XVIII. Депеша Дашкова кн. Горчакову из Стокгольма от 29 апреля (11 мая) 1863 г.

Ваше Сиятельство,

Так как лицо, которое случай сблизил с Бакуниным на Готенбургской железной дороге и которое согласилось поделиться с нами своими разговорами с ним, только что выбыло из Стокгольма, мне впредь будет, без сомнения, трудно получить подробные сведения о нем.

Пока что я узнал, что Бакунин снял комнаты на даче, расположенной у ворот города, чтобы провести там лето. Понимая, что его хотели бы удалить отсюда, он выражает намерение не дать себя выселить. Однако

[1]) Они были серьезны, как показал исход дела.

относительно его будущих намерений удалось подметить у него некоторую нерешительность. В настоящее время он, как меня уверяли, работает над произведением, касающимся его личности; быть может, это будет опровержение его биографии, помещенной в газете заботами графа Мандерштрема. Как и следовало ожидать, журналисты, преданные анти-русской партии, не перепечатали этой статьи, дающей возможность публике вполне ознакомиться с прошлыми подвигами Бакунина, и они приложили все меры к тому, чтобы ослабить неблагоприятное для героя баррикад впечатление от этой статьи, провозгласив ее появление нарушением гостеприимства. Сам же он признает, что бóльшая часть сообщения довольно точна. Что же касается его пребывания в Сибири,то он скорее с похвалой отзывается об обращении, испытанном им там. По всем признакам его материальные средства весьма ограничены, и вряд ли вероятно, чтобы он помышлял, как гласила молва о том, чтобы устроить здесь типографию.

Сравнивая тенденцию, проводимую в статье, появившейся в одной финляндской газете, с некоторыми напечатанными здесь рассуждениями, невольно поражаешься сходством мыслей, могущим бросить свет на цель, к которой направлены усилия небольшого революционного ядра, волнующегося в настоящее время в Стокгольме, цель—возможно скорее отделить Финляндию от России и добиться нейтрализации Финляндии под предлогом избавления Великого Княжества от действия новой войны.

XIX. Депеша Дашкова кн. Горчакову из Стокгольма 21 мая (2 июня) 1863 года.

Ваше Сиятельство,

Банкет, данный г-ну Дальману, подал мысль неутомимой клике, работающей здесь над поддержанием возбуждения, устроить какую-то манифестацию в пользу защищаемого ею дела, и Бакунин снова был ее героем. В прошлую субботу ему был дан публичный обед, дабы засвидетельствовать ему, как гласило приглашение, сочувствие шведов страданиям, которые он претерпел из-за своей преданности родине, и с целью доказать, что, подобно Англии, в Швеции существует свободное и полное право убежища. После многих отказов, удалось наконец собрать 140 подписчиков, главным образом, ремесленников и лавочников. Кроме членов общества, которое ныне называется польским комитетом, председателя крестьянской палаты, нескольких крестьян, а также представителя городского сословия называют еще имена некоторых священников и даже военных и чиновников. Почетные места были предоставлены Бакунину, молодому Герцену и одному поляку, секретарю Демонтовича по имени Феликс, который был послан курьером из Мальме в Варшаву с известием о неудаче «Ward Jackson». Речи были такими, каких и можно было ожидать на подобном собрании. После того, как председатель крестьянской палаты, по-

настоятельной просьбе Бакунина, провозгласил тост за здоровье короля, журналист Бланш предложил выпить за здоровье Бакунина в очень напыщенной речи, в которой он провозглашает хвалу и называет его апостолом света и свободы, в резких выражениях нападая на Россию. Было прочтено несколько стихотворений, соответствующих случаю, после чего Бакунин произнес речь по-французски. Среди присутствующих мало кто мог понять его, но так как перевод речи появился в «Aftonbladet» я имею возможность при сем препроводить его. Он начинает с восхваления шведского гостеприимства и характеризует устроенный в честь его праздник, как проявление независимости от петербургского кабинета, доказывающего, что его идеи не находят отклика в Швеции. Затем он говорит о чаяниях молодой России, о польской революции, о поведении императорского правительства, повторяя учения, уже высказанные им в его предшествующих статьях, и в заключение распространяется об организации революционной партии в Российской империи. Молодой Герцен произнес, в свою, очередь речь, в которой благодарил хозяев. Он рассказал по-французски историю своего отца и его компаньона Огарева, а также русской типографии в Лондоне. Целью, к которой, по его мнению, следует стремиться, является федерация различных славянских народов и союз этой федерации с будущим скандинавским союзом. В ответ на тост в честь Польши, г. Феликс провозгласил тост за благородных русских офицеров, принесших себя в жертву за польское дело.

Как мне говорили, ни д-р Нордштрем, ни д-р Норденшельд, хотя они и знакомы с Бакуниным, не находились в числе обедающих. Что же касается дворянства, то было всего четверо, пользующихся весьма сомнительной репутацией.

В общем, мы к прискорбию своему видим, что присутствия иностранного революционера достаточно, чтобы вызвать подобные манифестации, и вчера граф Мандерштрем не мог удержаться от того, чтобы не выразить мне испытываемое им отвращение.

Граф Мандерштрем недавно приказал поместить статью, в которой указывалось на крамольные принципы, исповедываемые Бакуниным; нашлись люди, которые догадались, откуда исходит нападение, и в «Dagligt Allеanda» появился по его адресу крайне неприличный ответ, в котором автор старался оправдать Бакунина, подчеркивая, что организация русской общины — явление историческое, и отнюдь не творение социализма

XX. Письмо гр. Сиверса А. Л. Потапову от 20 августа 1863 г.

Секретное.

Милостивый Государь Александр Львович.

Главноуправляющий государственным коннозаводством, генерал от кавалерии Гринвальд, в письме от 9 сего августа сообщил мне, что в бытность его на сих днях в Ревеле, племянник его, возвра-

тившийся из-за границы, объяснил ему, что в Стокгольме известный Бакунин ищет знакомства с русскими путешественниками и, устроив в гостинице, где квартирует, приемную и типографию, снабжает всех приезжающих своими сочинениями; при этом генерал Гринвальд доставил мне привезенную племянником его, как образчик сочинения Бакунина, брошюру, под названием: «Солдатские песни». Долгом считаю сообщить о сем вашему превосходительству, с препровождением упомянутой брошюры.

XXI. Депеша К. Минчиаки кн. Горчакову из Стокгольма 6/18 сентября 1863 года.

Ваше Сиятельство,

От одного лица, встречающегося с Бакуниным, я узнал, что он принял решение покинуть Стокгольм. Он хочет провести зиму в Италии. Это лицо уверило меня, что узнало от г-жи Бакуниной, что ее муж совершенно разочаровался насчет шведов, среди которых он надеялся найти активных помощников в своих революционных интригах. Он считает, будто бы добавила она, что польская революция на этот раз не удалась, вследствие равнодушия Европы, и хочет отправиться в ожидании событий в Италию, где жизнь дешевле.

XXII. Письмо А. Молляриуса А. Л. Потапову из Стокгольма от 3 октября 1863 года.

Милостивый Государь Александр Львович.

Я имел честь получить отношение вашего превосходительства от 5 сентября под № 3434, и вменяю себе в обязанность уведомить вас, Милостивый Государь, что я всегда стараюсь предостерегать русских путешественников, которые являются во вверенное мне консульство, от сношений с Бакуниным. Зная притом, что он для сбыта своих сочинений прибегает, между прочим, к содействию служителей здешних гостиниц, я не оставляю равным образом предупреждать наших путешественников об ответственности, которой они подвергаются за ввоз подобных сочинений.

При сем долгом поставляю довести до сведения вашего превосходительства, что Бакунин, убедившись наконец в неудаче здесь своих происков, намерен в скором времени отправиться в Англию и оттуда на зиму в Италию.

Вчера возвратился в Стокгольм агент так называемого польского национального правительства, Демонтович, бывший комиссар экспедиции Лапинского.

XXIII. Письмо Молляриуса А. Л. Потапову из Стокгольма от 27 сентября (9 октября) 1863 г.

Милостивый Государь Александр Львович.

В дополнение к отношению моему от 21 сентября (3 октября) под № 120, честь имею уведомить ваше превосходительство, что Бакунин

отправился вчерашнего числа с женою отсюда в Англию, Францию и Италию. Он намерен, как говорят, провести зиму во Флоренции.

XXIV. Секретная депеша Дашкова кн. Горчакову из Стокгольма 8/20 октября 1863 г.

Ваше Сиятельство,

С радостью могу сообщить вашему сиятельству, что неделю тому назад Бакунин, наконец, уехал в Готенбург и Лондон, откуда он намеревался затем отправиться в Италию. Члены так наз. польского комитета провожали его на станцию железной дороги и, если правда, что, как утверждают, он докучал им своими постоянными просьбами о займе, то, вероятно, они с некоторым удовольствием присутствовали при его отъезде. Его друзья, журналисты, объявили о его отъезде, сообщая, что многие выдающиеся лица провожали его и слали свои пожелания русскому политическому мученику. Несмотря на восторги, вызванные в свое время его приездом, отъезд его прошел почти незамеченным, так как вряд ли возможно его возвращение, ибо положение его здесь значительно изменилось. Кроме проповедей, направленных против России, его фактическая деятельность здесь ограничилась распространением небольшой брошюры, присланной из Лондона и содержащей несколько революционных песен по адресу наших солдат; имею честь при сем препроводить один экземпляр этой брошюры.

XXV. Отрывки из брошюры С. Поллеса (Тугендбольда) «Польская Экспедиция и Стефан Поллес».

1. ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЛОНДОНА.

Борьба за освобождение Польши, принимавшая с каждым днем все бóльшие размеры, пробудила в свободных народах симпатию и желание содействовать счастливому исходу борьбы. Во Франции и Англии образовались комитеты с целью подготовить для польских эмигрантов возвращение на родину. Французские газеты начали сбор пожертвований для Польши, сумма которых достигла нескольких сот тысяч франков. Г-ну Демонтовичу, его неутомимой преданности и усердию обязаны мы средствами экспедиции, при чем он, граф Браницкий, вместе с одним молодым поляком и народным правительством доставил деньги для экспедиции.

Был нанят пароход, закуплены оружие, амуниция и другое снаряжение, и поляки были созваны со всех концов Франции. В Лондоне собирались группы по 10 — 12 человек, в большинстве, из молодежи, которые, чтобы не возбудить внимания в столице, распределялись по небольшим городам в ее окрестностях. Большинство участников вышло из двух польских школ в Париже или из французской военной службы. Много иностранцев также добивалось участия в экспедиции.

Ввиду того, что в Лондоне находилось так много иностранцев двусмысленного качества, была необходима величайшая осторожность при вербовке; но, несмотря на то, что все это было принято во внимание, экспедиции во время ее пребывания в Мальме немало неприятностей было причинено иностранцами, которых допустили к участию. Нескольких из них, в конце концов, как явных преступников, отослали.

С тех пор иностранная часть отряда соперничала с остальными в соблюдении порядка и дисциплины, и такие люди, как капитан Пеллегрини—итальянский офицер—и де-Шарангра(д), служивший ранее в австрийской армии, могли бы служить украшением для любой воинской части.

Всю силу составляли 160 человек. День отъезда был назначен, но разные обстоятельства и, особенно, запаздывание парохода обусловили отсрочку на неделю. Это время употреблялось отдельными отрядами для всенных упражнений. Так, например, около Вульвича упражнялся более крупный отряд. Это было необдуманно, — ибо следствием явилось то, что «Morning Post» написала о польском легионе, и орган Герцена «Колокол», отдельное издание которого на французском языке выходит в Брюсселе, сочло себя в праве уже 25 марта, т.-е. всего несколько дней спустя после нашего отъезда из Лондона, открыто рассказать, что мы отправились в путь, в качестве экспедиции под командой Лапинского.

Нашей целью был берег Самогитии на Балтийском море, и в план входило оттуда проникнуть в Литву, по дороге распределяя оружие, которое мы везли с собой. Наши соотечественники были подготовлены к нашему прибытию. Они должны были даже в случае нашего запоздания поднять восстание, ядром которого мы должны были служить.

Этот удар для России должен был быть тем более чувствителен, что одновременно ожидалось начало восстания в Курляндии между Самогитией и Петербургом. Участие Бакунина в поездке имело отношение к этому; по крайней мере, так передавали газеты. Однако мне казалось несколько рискованным предположение, что Бакунин своими прокламациями мог вызвать революцию в населенной большей частью немецким дворянством (аристократией) Курляндии.

Бакунин известным образом послужил косвенной причиной неудачи экспедиции; так как, если бы нас не задержали около Гельзинборга, путешествие продолжалось бы своим путем и, несмотря на то, что наш отъезд из Лондона был известен, русские берега все же оказались бы без охраны.

Только 29 марта отправился полк царскосельской гренадерской гвардии нам навстречу. 27 или самое позднее 28 марта мы могли бы высадиться в Польше, и все приготовления к нашему предприятию были столь хорошо предусмотрены, что никакой гвардийский полк не мог их уничтожить.

Мы выехали из Лондона в субботу 21 марта в 10 часов вечера. Был заказан экстренный поезд, и билеты заранее распределены. За-

прещено было брать с собой на вокзал друзей и знакомых, но, вопреки этому, все пространство вокруг Feenchurchstreet оказалось заполненным людьми, которые наполняли воздух криками «ура» «Success for Poland» («успех Польше») — таков энтузиастический крик, которым все оглашалось и который мы старались подавить, так как эта публичная демонстрация могла лишь принести нам опасности.

Окружающие состязались в предупредительности, даже холодный полицейский не мог удержаться и не дать воли своему чувству; уважаемые женщины выражали нам сердечнейшие пожелания счастья. Мы все были тронуты этим неожиданным выступлением. По всей дороге от Лондона до Gravesend'a звучал клик: «Польша будет освобождена!»

Мы подъезжали к Соутгемптону, и в 2 часа ночи прибыл наш пароход; мы поднялись на борт и сердечно распрощались с друзьями, провожавшими нас из Лондона. Наше судно «Ward Jackson» было большим винтовым пароходом, принадлежащим West Hartlepool Steam Navigation Company и находившимся под командой капитана Rcb. Watherley. С большим трудом были приняты меры к размещению отряда на корабле. Все, кто были, или претендовали быть, офицерами, разместились в 1-й каюте, которая имела приблизительно 30 спальных мест, все остальные получили места под палубой (under däck).

Лапинский, Мазуркевич и я заняли дамский салон, в котором была устроена канцелярия. После составления списка команды все были созваны на переднюю часть палубы, где Демонтович, комиссар народного правительства, представил полковника Лапинского в качестве начальника экспедиции. Вслед за этим оба этих господина держали каждый по короткой речи, которые были встречены полными энтузиазма криками в честь Польши.

23 марта. Хорошая погода продолжается. Мы занимаемся подразделением команды. Мы имели 20 офицеров, при чем иностранцы, однако, за исключением Пеллегрини, де-Шарангра(д)а и Лялянса (Lalance) не предъявили своих бумаг. Между тем всем им все же было разрешено оставаться в 1-й каюте, в чем впоследствии имели случай раскаяться, так как, благодаря нескольким неприличным поступкам, порядок несколько раз нарушался. Немедленно после прибытия в Мальме четверо из них были отосланы обратно в Лондон.

Условия на пароходе были не из лучших. Пароход был нанят за высокую цену в 1300 фунтов, но, кроме того, должно было уплачиваться на еду за каждого пассажира 1-го класса 8 шиллингов и каждого палубного пассажира 4 шилл. — ежедневно. Пища состояла из постоянной солонины, копченой или жареной свинины, английского овощного супа и портера. Вместо хорошего хлеба — скверные сухари. Было бы не трудно взять с собой несколько лиспундов хорошего хлеба. Обслуживание было недостаточным. На третий день мы должны были из своей среды выбрать заведующего провиантом (proviant mästrara).

Выбор пал на венгерского капитана de Frygijesz (Фригец), который отлично справлялся со своим делом.

Порядок был отличный, и несколько пожилых поляков, которые принимали участие во французской и английской экспедициях, заявили, что никогда не видали, чтоб царили большие единодушие и мир. Наша цель заставляла нас забывать неудобства пути.

Корабль подвигался вперед медленно. Несмотря на обычную его скорость в 11 — 12 узлов в час, он шел со скоростью лишь в 9 узлов.

25, в среду, мы тем временем оказались у Гельзинборга, где в 3 часа после полудня бросили якорь. Именно здесь Бакунин, предупрежденный из Лондона о нашем приезде, должен был присоединиться к экспедиции. Лапинский, Мазуркевич, еще один поляк, русский офицер, который в Польше должен был командовать русским легионом, и я сошли здесь на берег. В гостинице нас ожидала телеграмма, которая сообщала, что Б-на можно было ждать на следующий день около полудня.

Сообщили нам также новость, что Ревельская гавань освободилась от льда и свободна для плавания—весть, которая отнюдь нам не была приятной. В Гельсинборге стало расти любопытство жителей, когда открыли, что мы — поляки. Всеобщее представление о нас было, что мы приехали ждать здесь прибытия князя Чарторийского и что мы будем сопровождать его до Гетеборга. Насколько было возможно, мы старались опровергнуть эти предположения, при чем мы выдавали себя за французов.

Рано, на следующее утро, мы вернулись в город, куда около полудня прибыл Бакунин в сопровождении г-на Калинка, маленького, любезного и дружелюбного человека, который, как говорили, был секретарем князя Чарторийского. Лапинский и г-н Калинка были смущены своей встречей. Мое же внимание было обращено всецело на Бакунина.

Бакунин — человек ростом с великана. Я редко видел такого большого человека. Проницательность, логика и живость — это те его свойства, которые сразу бросаются в глаза; далее можно было найти у него известное добродушие и способность приноравливаться к другим, которая была мне неприятна, так как она противоречила остальному его характеру и применялась в случае, когда я был уверен, что его действительные убеждения иные.

Мы хотели извлечь пользу из приезда Бакунина, и было созвано совещание относительно дальнейшего назначения экспедиции, к чему был привлечен также английский капитан. План состоял в том, чтобы направиться к Готланду, откуда часть из нас должна была на рыбачьих лодках переправиться к польскому берегу, в то время как «Ward Jackson» должен был следовать на расстоянии.

После того, как берег будет обследован, мы должны были где-нибудь высадиться, поскольку нам не помешает русский крейсер, в противном случае мы должны были вернуться к Готланду.

Английский капитан на вопрос о расстоянии, на котором можно заметить крейсер, ответил: 20 английских миль. Он добавил, что, так как при плавании в Балтийском море корабли держатся шведского берега, и никогда не польского, можно со всей правдоподобностью предположить, что всякий корабль, встреченный вне обычного пути,—либо русский, либо прусский крейсер. Так как для переезда от Готланда до польского берега требовалось 12 часов, то решили, что отъезд оттуда будет предпринят около полудня с тем, чтобы высадка в Самогитии могла производиться приблизительно в полночь. Капитан пробовал возражать против этого плана и казался огорченным. Он выразил опасение встретиться с каким-нибудь враждебным судном, которое могло потребовать у него судовые бумаги, а он таковых не имел. Будучи спрошен, почему он был без них (бумаг), он заявил, что не успел получить. Лапинский сказал, что подозревает его в предательстве. Капитан состроил печальную физиономию и ответил слезами.

Между тем поднялся около 6 часов вечера сильный ветер, который увеличивался с каждым мгновением: в заливе волны вздымались все выше и сильнее. Я получил от Лапинского приказ—одному отправиться на пароход и отвезти приятную новость о приезде Бакунина. Но матросы отказались вернуться на корабль. Действительно, страшный вид представлял собой залив, волны величиной с гору подымались и разбивались о берег. Я вернулся в гостиницу и нашел господина Калинка готовым сухим путем отправиться в Гетеборг. Лапинский отвел его в сторону и сделал ему представления относительно приезда Чарторийского в Швецию, на который, по его мнению, он был не уполномочен и право на который он, по его словам, «узурпировал». Лапинский хотел заставить Калинку отложить на один день свою поездку и подняться с ним на пароход. Г-н Калинка имеет все основания считать себя счастливым, что он не принял этого предложения, потому что Лапинский говорил всем нам: «Калинка тяжело погрешил против родины и использовал свою, кажущуюся патриотической, деятельность, как средство приобретения большого состояния». За все это он бы должен был теперь разом поплатиться: как только он вступит на корабль, Лапинский предполагал его арестовать, а затем сунуть его в наш легион в качестве простого солдата. Я мало верю этому рассказу о «преступлениях» Калинки, но я видел, что Лапинский был его смертельным врагом.

Между ними двумя, вероятно, раньше что-нибудь произошло, должно быть на Востоке, во время Крымской войны, в которой Лапинский принимал участие и где Калинка сопровождал графа Замойского, командовавшего польским корпусом, так-таки, не получившим возможности сразиться с русскими, — Калинка обладает огромным состоянием и является превосходным историком, как меня уверяли люди этой специальности.

Калинка приехал в Гельсинборг, чтобы проводить Бакунина, и не знал, что Лапинский командует экспедицией. Он и был страшно пора-

жен, что нашел его там. Но также и на Бакунина Лапинский смотрел с подозрением, так как тот приехал от его врага — Чарторийского. Все же после отъезда Калинки царило величайшее согласие. Между прочим говорилось о Балтийском море и о пользе, которую Польша могла бы извлечь из собственного бронированного судна. По этому поводу Лапинский побудил Бакунина написать графу Ксаверию Браницкому (Xavier Branicki) и постараться убедить его купить такое судно.

С готовностью, о которой я уже говорил, Бакунин схватил перо и составил письмо приблизительно следующего содержания: «Купите незамедлительно бронированное судно, вооруженное 4 пушками крупнейшего калибра — нечто вроде Merrimac! Расход будет, несомненно, огромный в 1.800.000 франков! Но польза, которую подобное судно может принести отечеству, стоит такой жертвы. Корабль такого рода признанный и принятый — в чем нельзя сомневаться — во всех нейтральных портах, подобно тому как корабли южных штатов были раньше и посейчас приняты, заставит себя уважать весь русский флот. Это жертва, которая вас достойна. Минута пришла, когда каждый и всякий должен дать, что может. Я даю свою жизнь. Дайте вы несколько миллионов! И затем явитесь сами, чтобы лично заплатить ваш долг вашему отечеству».

Это письмо было выдержано в героическом тоне: оно не могло бы быть сильнее, если бы было написано вечером кровавого дня в Польше. К сожалению, мы были еще в Гельсингборге. По причинам, которых я не знал, Лапинский не хотел приписать к этому посланию, и письмо осталось лежать, пока оно однажды пропало. Арест Бакунина, его побег из Сибири, его писания и его деятельность, все было мне в деталях известно, и я благодарил случай, который дал мне познакомиться с одним из представителей «свободной России». Благодаря вниманию с моей стороны я завоевал себе некоторую симпатию с его стороны, но не проходило минуты без того, чтоб он меня не превращал в цель для стрел своих насмешек.. Я переносил это терпеливо во время пребывания в Гельсингборге, но не так в Стокгольме, где мы позже встретились и где я со всей определенностью выступил против этих дружеских булавочных уколов.

Вечер мы провели в гостинице; буря все более и более усиливалась, и гавань была ужасающей. К 10 часам Лапинский отправился со мной на берег, чтобы присмотреть за нашим кораблем, — мы должны были итти, склонившись вдоль ограды моста, чтобы не быть унесенными бурей.

На следующей день, 27, буря еще продолжалась.

Капитан не показывался и лежал в кровати у себя в комнате. Лапинский хотел заплатить десять фунтов стерлингов за лодку, которая перевезла бы письмо от него на пароход — никто не хотел принять предложения. Тут мы совсем неожиданно увидали второго штурмана и 4 матросов, которые прибыли с корабля с мало радостным известием, что на борту вспыхнул бунт среди добровольцев. Дело в том,

что они подумали, будто Лапинский бросил экспедицию и бежал. Второй штурман утверждал, что это послужило поводом для их рискованной переправы, но главное дело было сообщить капитану, что лопнула одна якорная цепь, вследствие чего были вынуждены топить котлы всю ночь, чтобы в случае, если лопнут и остальные две цепи и судно будет угнано,— пустить в ход пар и этим предохранить себя от возможности быть выброшенными на берег. В течение ночи с корабля подавали сигналы, но на них не могли ответить. Я просил Лапинского, чтобы он сейчас же отправил меня на борт; он отказывался сначала подвергнуть меня риску, но когда я все же настоял на этом, и Бакунин поддержал мое желание,— меня отправили с прокламацией (с воззванием) ко всей экспедиции. В нем была фраза, находившаяся в прямом противоречии с образом действий Лапинского, а именно: «Трудно добраться до корабля, и я не вижу необходимости мне или кому-нибудь другому подвергнуться опасностям, с этим связанным».

Это были, понятно, только фразы. Каким же образом письмо могло достигнуть корабля? По воздуху, может быть?

Мы вошли в лодку — пять англичан и я. Это было ужасно: буря то низвергала нас вниз в водяные пропасти, то бросала нас на гребни волн, подымавшихся до небес. Я сидел у руля, ветер завывал, и вода обдавала меня. Каждым поворотом руля мы избегали мчащейся вперед волны, я много раз удивлялся тому, что водой не сносило меня. На берегу стоял Лапинский, на передней части палубы корабля — все мои товарищи, и когда мы после бесчисленных трудов попали туда, мы были встречены оживленными радостными приветствиями.

Господин Демонтович повел меня сейчас же в свою каюту, и когда я рассказал ему причину моего приезда, он необычайно удивился. Он не знал ни о каком бунте, и рассказ о нем был не что иное, как выдумка капитана или его публики. Прокламация Лапинского осталась без всякого использования — ее даже не прочли, но Демонтович был в отчаянии! «Три потерянных дня,—сказал он,—делают невозможной дальнейшую поездку, и лучше будет, если мы повернем обратно». Не правильно ли он, к сожалению, предсказал? Лапинский сказал мне, что он приедет на корабль, как только погода станет немного лучше. Уже вечером того же дня было достаточно легко достигнуть корабля, но и на следующее утро в 9 часов его еще не было.

Меня снова послали на берег. В гостинице я нашел Лапинского — было 10 часов утра—в кровати, где он лежал и спокойно курил трубку. Около него сидели остальные товарищи по путешествию, за исключением Бакунина и капитана. Последний лежал в глубоком сне. Лапинский теперь поспешно встал и сообщил мне, что капитан дал обещание поставить человека для наблюдения у гавани, который должен был сообщить, когда погода изменится, и даже ночью он это должен был выполнять. Это была одинаково ненужная и вздорная предусмотрительность, так как при тогдашней спокойной погоде по сравнению со

вчерашней бурей всякий мог видеть, что было легким делом достичь корабля.

Быстро наняли небольшую лодку. Капитан не имел времени в течение этих трех дней закупить мяса, и оно было приобретено в последнюю минуту, после чего лодка отправилась к кораблю.

Отдельную лодку наняли для перевозки вещей Бакунина. Это было в шутку или в серьез? Там были пакеты, ящики и мешки различной величины, восемь вещей в общем, и со всем этим собирались отправиться на войну!

В Гельсингборге с трудом справились с матросами, которые только и думали, как бы избежать скверной погоды. Лапинский делал капитану упреки, и, действительно, все его поведение в гостинице привлекло наше внимание благодаря некоторому подозрению.

Он все время усердно доказывал, что, если корабль тронется с места, он пропадет.

Наконец, мы были на корабле. Бакунин был представлен комиссару народного правительства, а затем офицерскому составу, который оживленно и дружественно встретил его. После этого Лапинский пошел навестить оба отделения — польское и иностранное. В последнем со всех сторон жаловались на скверную воду. Я обратил внимание командира на это, и было назначено немедленное расследование, выполнение которого было возложено на артиллерийского офицера Ла́ланс и меня. Мы спустились под палубу с пароходным слугой (stewart'ом), который вел себя так, будто хотел отвлечь нас от резервуара с водой. Но мы настояли на том, чтобы увидеть воду. Она была нами налита в ведро, которое я вынес наверх. Вода выглядела как молоко и казалась смешанной с известью. Это объясняло донесения врача, сообщавшего за последние два дня о болезни, причиной которой могло быть только качество воды. Я думаю, что известь была положена в воду перед нашим приездом в Гельсингборг, чтобы вынудить нас остаться там.

Когда мы прибыли в Копенгаген приблизительно в 5 часов пополудни, Watherley заявил, призывая датского штурмана в свидетели, что мы никоим образом не можем в тот же день продолжать наш путь, так как проход в Зунде очень опасен. Он отправился на берег, но должен был дать Лапинскому честное слово провести ночь на корабле. Я получил приказ последовать за ним в город, где я должен был торопить его возвращение. Собственно говоря, он отправился туда для закупки продуктов, которые он, как я уже говорил, в недостаточном количестве приобрел за время нашего трехдневного пребывания в Гельсингборге. Много слухов носилось по поводу этого странного образа действий. Я думаю, что причина этого была в том, что английская компания давала пароходу ехать, пока она полагала, что в этом нет никакого риска. Но когда она из газет узнала, что цель экспедиции уже всюду известна, она стала опасаться за свое имущество и распорядилась, чтобы ни за какую цену, ниже полной стоимости корабля, не ехать дальше. Если б

мы, следовательно, не были задержаны в Гельсинборге, путешествие продолжалось бы, и наша цель была бы достигнута. Капитан был необычайно счастлив возможностью более не рисковать своим благополучием. Я не могу забыть, как неприятно он себя всегда чувствовал в каюте Лапинского. Он всегда сперва смотрел, там ли я, будто он постоянно опасался быть убитым командиром.

Английский капитан тем временем съехал со мной на берег. Первым делом он отправился к судовому комиссионеру, где оставался несколько минут. Вернувшись оттуда, он сообщил мне, что необходимо должен поехать в город, и назначил встретиться со мной в близлежащей гостинице. В 10 часов я был там. Это был крайний срок, когда я обещал командиру вернуться на корабль. Я поехал на пароход один, но получил приказ немедленно вернуться на берег. Только около 12 ч. явился капитан в сопровождении оптового торговца Гансена, с готовностью оказывавшего нам всякие услуги, и его секретаря. Я упрекал капитана в его поведении. Но «так как было уже слишком поздно», он не захотел вернуться на корабль. Господин Гансен обещал мне, что на следующий день в $^1/_2$ 8-го съестные припасы будут отправлены на корабль. Но так как я потерял доверие к капитану, который и ранее не сдержал своего слова, я потребовал, чтобы на следующее утро в 6 часов он ждал меня у себя; я хотел помочь ему при экспедировании вещей на корабль. На следующее утро, когда я в 6 часов разбудил капитана, он отправился со мной прогуляться в ожидании открытия конторы господина Гансена. Но внезапно он исчез и в неизвестности того, что должно произойти, мне пришлось ждать до 10 часов. Только тогда он явился в контору господина Гансена с физиономией, которая, не обойдись он со мной вышеупомянутым образом, вызвала бы у меня улыбку. Господин Гансен уведомил меня, что капитан только что получил письмо от своего экипажа, в котором тот заявляет, что не хочет далее следовать с кораблем. Это было для меня как громовый удар, и я в первую минуту с трудом мог поверить этому. Между тем я опять овладел собой и потребовал от капитана записки к главнейшим матросам, чтобы они вместе со мной явились в контору господина Гансена. Эту записку я получил. Поспешно я отправился на корабль, не говоря, пока, ни слова командиру, потому что надеялся в течение получаса добром уладить дело с народом. А также я боялся, что командир словами «повесить» и «застрелить» испортит все. Я предложил названным в письме лицам последовать за мной в город. Повар, заведующий провиантом, первый штурман и несколько матросов поехали со мной.

Из этих лиц (людей), которые особенно ко мне благоволили, я каждого в отдельности отводил в сторону и говорил с ними сердечно и откровенно. Я обещал и просил, я грозил разгласить положение дела, я говорил о позоре, который они на себя навлекают, но ничто их не смягчало. Было достаточно ясно, что все было заранее условлено и что капитан держал в руках все главные нити. Мы вышли из конторы.

Тут достаточно комично было видеть, как английский капитан упрашивал своих матросов ехать с ним дальше. У него ведь в кармане лежал контракт, так что, в случае неповиновения, он их мог тотчас же посадить в тюрьму. И кто мог быть так наивен и поверить, что английский матрос, не имея на то приказания, покинет своей корабль, тем самым рискуя подвергнуть себя тяжелой ответственности согласно английскому морскому закону? Приводимые доводы сводились к тому, что де на корабле был такой большой беспорядок и что кухня была всегда осаждена. Сцена увлажнялась слезами капитана. Но хоть это и был трогательный ответ, он не мог меня удовлетворить; когда я увидел, что все напрасно, я отправился на корабль, чтобы сообщить командиру о происшедшем. В эту минуту я был поражен тем, что Лапинский не знал, что делать. После того, как спросили совета у Бакунина и Демонтовича — Лапинский решил поручить Мазуркевичу вместе с Бакуниным обратиться к английскому послу с просьбой о помощи,— чтобы он заставил капитана не покидать судна. Мазуркевич и Бакунин были приняты английским послом сэром Пэгет. «Капитан,— сказал сэр Пэгет [1]),—боится встретить крейсер, и он не хочет ехать дальше, так как русское судно может захватить вас на расстоянии пушечного выстрела от берега. А если они захотят, то могут захватить вас с собой и на более близком расстоянии — ведь вы не могли бы доказать этого? Без сомнения, вы бы протестовали, это естественно. Но ваши протесты не рассматривались бы сейчас же на месте, и вы, может быть, оказались бы в Сибири раньше, чем ваше требование было бы передано суду. Я только удивляюсь,—сказал далее сэр Пэгет как бы по рассеянности, — что вы обратились к компании, которая служит также и русским, ибо агент, который в данную минуту занят (работой) за ваш счет, заготовляет также уголь для русского фрегата, ожидаемого ежеминутно. Если вы, между тем, дадите мне честное слово не попытаться заставить капитана принять иной путь, чем тот, на котором мы здесь порешим, — я думаю, что он возможно поедет с вами».

Мазуркевич и Бакунин дали требуемое обещание и удалились.

Все, что мы теперь пытались сделать, было напрасным. Watherley еще раз выехал на корабль, но удалился, уверяя, что никогда не вернется, пока хоть один поляк останется там. Я его больше не видел. Некоторые говорили, что он уехал в Америку. Это ошибка, он живет в Англии, в своем имении.

Самое худшее в нашем положении было то, что мы узнали, что русский крейсер гонится за нами. Лапинский говорил о том, чтобы взорвать корабль, но я сомневаюсь, решился ли бы он на это. Я не сомневаюсь в том, что он мог исполнить свое намерение, что касается его лично. Но мне трудно поверить, что у него хватило бы силы таким образом лишить жизни эту избранную группу молодых патриотов.

---

[1]) Заявление было со слов Бакунина занесено в журнал экспедиции.

Переговоры с агентурой все еще продолжались. Нам предложили доставить датский экипаж, который мог отвезти нас в Кальмар—предложение, которого мы принять не могли, ибо, как сэр Пэгет выразился, «на расстоянии пушечного выстрела наша жизнь выеденного яйца не стоила».

Приблизилась ночь, и все было отложено на следующий день. С корабля никто не мог уйти; таким образом и англичане должны были остаться. Утром на следующий день, в понедельник, различные примирительные проекты были предложены агентурой. Мы приняли только одно, а именно, чтобы нас доставили в Мальме, шведский приморский город, всего на расстоянии двух часов езды от Копенгагена. Лапинский обязывался в течение трех дней отправить корабль обратно в Копенгаген и дал следующую подписку: «Судно «Ward Jackson», которое должно было высадить на литовско-польский берег отряд поляков и выгрузить оружие и амуницию, после того как английский экипаж покинул его в Копенгагене, было агентурой C. K. Hansen'a снабжено датскими матросами, и агентура обязалась доставить пассажиров и груз в Мальме в Швеции.—Со своей стороны нижеподписавшиеся обязуются не пользоваться судном далее гавани Мальме и в течение трех дней отправить его обратно в Копенгаген».

Это свидетельство сообщается здесь, потому что Watherley в позднее опубликованном письме приводит его в ином виде. Что корабль остался в Мальме — было следствием секвестра, наложенного на него шведским правительством.

2. МАЛЬМЕ.

Мы высадились на берег в Мальме. Каждое отделение со своими офицерами направилось в снятое для него помещение. Командиры поселились в гостинице «Svea». Энтузиастическими криками: «Да здравствует Польша!» нас встретила толпа народа, собравшаяся на берегу. Скоро настала ночь, и мы слышали, как во дворе гостиницы пели хором и кричали: «Да здравствует Польша!». Пели захватывающий марш Бьернеборгцев (Björneborgarnes marsch). После краткого совещания Бакунин был послан вниз для того, чтоб от имени всех поляков благодарить народ за высказанную им симпатию. (Странно выбрать для этого русского!) Голосом, который соответствует его физической силе, Бакунин начал: «Я благодарю вас, милостивые государи и братья»,— все замолкли и стали прислушиваться к его словам. — «Я благодарю вас, мои друзья, за ваш прием и сочувствие, которое вы нам выразили. Мы рассчитывали на вас, так как мы знаем, что свободная Швеция неравнодушна к Польше, ибо оба народа всегда питали одинаковую любовь к свободе и большую взаимную симпатию. Особенно теперь мы рассчитывали на вас в тяжелый час нужды и опасности, и вы не обманули наших надежд. Вы не довольствуетесь прекрасными словами сочувствия и былыми воспоминаниями. Вы не полагаетесь ни на дипломатию, ни на необдуманную симпатию другого

народа. Вы действуете для нас, как только можете. Примите нашу сердечную благодарность за это. Поляки борятся не только за свою собственную свободу. Они борятся также за все народы, страдающие под гнетом московского царя. Эти народы должны заключить союз для уничтожения этого смертельного врага. Вы являетесь нашими первейшими, самыми естественными союзниками, и мы рассчитываем на вас, шведов, ибо мы знаем, что при виде страданий Польши, ее несчастий и крайнего напряжения ничто не сможет удержать голос вашего сердца, и мы знаем, что ваши действия не будут отставать от ваших слов. Да здравствует Швеция!»

Еще раз пропели марш Бьернеборгцев. Поднялись крики в честь Польши, и в гостинице устроили пирушку. На следующий день мы стали искать более удобное помещение, чем занимаемое отрядом в гостиницах «Ficks» и «Svea». Наняли большой танцовальный зал в гостинице «Phoenix». Вместо кроватей было постлано сено, и польский отряд разместился там. «Иностранный отряд» еще на несколько дней остался в гостинице «Ficks» до увольнения нескольких человек на основании имевших место беспорядков. В гостинице «Stockholm» было нанято помещение, где они и оставались до своего отъезда. Цены в общем были не низкие, особенно если принять во внимание, что они исчислялись сразу на большое число людей. Но,— как говорит Лапинский в одном из своих опубликованных писем,—политические симпатии бесполезны владельцу гостиницы, его интересует лишь барыш.

От города мы получали всевозможные доказательства самого искреннего благожелательства. Лапинский отклонял наиболее актуальные из них. Так, когда кто-то сказал, что жители города хотят взять на себя расходы по расквартированию — предложение не было принято. Но в общем шведы и поляки жили как братья. Многие из нас были приняты в семейных домах, другие же жили замкнуто. Французы были всюду; это они открыли Лунд.

В первые дни нашего пребывания в Мальме к нашему кораблю направлялось непрерывное паломничество для того, чтобы суметь обозреть нас всех вместе. Особенно представительницы прекрасного пола всех сословий и возрастов делали «Ward Jackson» целью своих ежедневных прогулок.

Шведское правительство наложило секвестр на оружие и амуницию, находившиеся на корабле. В числе оружия у нас были легкие переносные пушки, две Whithwartska двадцатифунтовых и одна стодвадцатифунтовая, много ружей, сабли и большое количество разных военных принадлежностей, как-то: ранцы, патронташи, свыше 100.000 пуль и значительный запас пороха, часть которого, предназначенная для пушек — Whithwartska, была двойной силы.

Нам было разрешено забрать после таможенного осмотра с парохода все, что не было вооружением. У нас там было много одежды. Это было доставлено, и весь отряд обмундирован.

Форма пехоты состояла из темно-синей толстой шерстяной рубахи, красных брюк, синего кушака, четырехугольной красной фуражки с кантом лакированной кожи и серой солдатской шинели с красными отворотами.

Кавалерия имела серые брюки вместо красных, с красными кантами. У нас в отряде было шесть портных. Все шестеро так долго работали над первой парой брюк, что нам пришлось отказаться от мысли самообслужить себя, и мы передали работу шведским мастерам.

К кораблю для охраны были приставлены два шведских гусара, четверо поляков также постоянно были или, по крайней мере, должны были быть там для того, чтоб держать в порядке наше имущество и следить за ним.

В начале Лапинский не мог или не хотел поддерживать порядка. В течение первых четырех дней он ни разу не был в «Phoenix'е». Единственное, что напоминало в нем обыкновенного военного начальника — были четверо молодых людей, день и ночь дежуривших в гостинице «Svea», в комнате напротив него, и которые за счет кассы отряда заказывали себе еду по меню ресторана.

«Корабль горит, он взлетит на воздух», услыхали мы, однажды, со всех сторон, и все поляки бросились к берегу, где происходило несчастье. Черный дым подымался из глубины парохода. Все спешили прочь, лишь поляки, которые там находились, там остались. Это были де-Шаранград и три польских солдата, которые пытались тушить огонь — но напрасно. Скоро пришли Лапинский с Пеллегрини, а также большинство поляков, французов и итальянцев. Пожар возник в запасе угля, но как он там начался — знает один бог. Я думаю, что он был вызван негодяем, которому необходимо было, чтобы кража револьверов с корабля осталась незамеченной.

Здесь делались чудеса храбрости и самопожертвования. Корабль мог каждую минуту взлететь на воздух, и как скверно отплатили бы этим городу за его гостеприимство! Все было бы уничтожено на расстоянии 600 шагов вокруг; господин Б. в Стокгольме написал бы трогательный рассказ о катастрофе и одел бы траур в знак горя Польши.

Работали все. Была проломана перегородка, добрались до исходной точки огня, — затем весь запас угля был раскидан, и залит водой, и опасность миновала.

Правительство распорядилось, чтобы порох был увезен. Он был перегружен на другое судно и отвезен в рейд. Оттуда позже был отослан на склад пороха в Ландскрона (Landskrona), где и сейчас находится на сохранении.

Генералу графу фон-Эссен было правительством поручено находиться в Мальме в течение всего времени пребывания там экспедиции.

Однажды ночью поднялась ложная тревога. На следующий день после моего и Лапинского возвращения из поездки в Стокгольм, в 11 час. вечера ко мне пришел живущий в Мальме француз (не принад-

лежавший к нашей публике) и сообщил, что он слышал в одном трактире разговор между матросами, из которого он узнал, что английское об-во судохозяев решило увезти в полночь корабль. Лапинский тотчас же послал меня на судно. Я отправился туда и не нашел ничего подозрительного. В течение 10 минут, тем временем, на судне собралось много поляков, так как Лапинский одновременно передал известие в «Phoenix» с приказанием 20 сильным молодым людям незамедлительно спуститься туда же. Шведский унтер-офицер, — вахтенный маяка, — поспешил к нам. Мы попытались дать ему понять в чем дело. Он, казалось, понял нас, но спешно послал рапорт коменданту, что поляки хотят уехать с кораблем, в результате чего через короткий промежуток времени явились комендант, офицеры штаба и сам генерал фон-Эссен. Караулы были удвоены и лишь к часу ночи мы решили, что можем спокойно отправиться спать. Полчаса спустя примчался с корабля вахтенный француз и рапортовал, что три военных фрегата полном ходом приближаются к кораблю. Тут мы подумали, что русские нас настигли, но, как мы позже узнали, это были норвежские корабли, которые стояли на рейде, нагруженные железом, и подавали сигналы, чтобы в темноте не сесть на мель.

Целую ночь продолжалась беготня взад и вперед — а для меня результатом всего этого явилась лихорадка, уложившая меня на три дня в больницу.

Мы много занимались теперь планами отъезда, и только медлительности и фатализму Лапинского я могу приписать причину того, что мы в течение короткого времени не сумели найти корабль и возможности уехать.

Проходил день за днем, а мы не решались начать какие-нибудь переговоры.

3. СТОКГОЛЬМ.

1 апреля, через несколько дней после нашего приезда в Мальме, Демонтович и Бакунин уехали. Четыре дня спустя получилась телеграмма от Бакунина следующего содержания:

«Одно лицо завтра выезжает с новостями. Необходим величайший порядок». Итак, обещание и поучение. Упомянутое лицо не явилось. Мы не знали адреса Бакунина в Стокгольме, мы не знали, к кому обратиться. И лишь восемь дней спустя после получения телеграммы пришло письмо от Бакунина. Письмо было написано в таком тоне, что в том положении, в котором мы находились, можно было считать его насмешкой. Одно можно было легко понять (из письма): что Бакунин в Стокгольме думает о других вещах, а не о нашем отъезде из Мальме. Было решено, что Лапинский поедет в Стокгольм, и я должен был следовать с ним. Накануне пришло также письмо от Демонтовича, в котором он сообщал о своем приезде в Стокгольм и пребывании в Серафимовском лазарете.

XXVI. Финал экспедиции. Париж, 29 июня 1863 г.

Анри Ружемон, студент, Эрику Извар (литератор), 151, Бульвар Монпарнасс.

Вульвич, 27 июня.

«Пишу вам под гнетом самого жестокого горя: я потерял всех своих друзей и сам спасся благодаря лишь чуду. Вот факты.

4 июня мы выехали из Мальме на маленьком пароходе «Фультон», не осведомленные о цели нашего предприятия. Вследствие секвестра, постигшего «Ward Jackson», наше оружие и наши боевые припасы остались в Швеции, мы были поэтому уверены, что экспедиция окончена и что г-н Лапинский вез нас в Лондон, чтобы там нас распустить.

Через два часа после нашего отъезда из Мальме мы бросили якорь в виду Копенгагена возле хорошенькой шкуны «Христина-Лоренца», ничего не подозревая о ее будущем назначении. В четыре часа вечера барка привезла на «Фультон» правительственного делегата г-на Демонтовича, который в нескольких словах объявил нам, что мы отправляемся сделать последнее, высшее усилие, то-есть опасную высадку посреди Пруссии на перешейке Куриш-Гаф (Kurisch-Haff) почти под мемельскими пушками. Это известие было принято с величайшим энтузиазмом.

В 9 часов вечера «Христина-Лоренца» неслась на всех парусах к северу Зунда, давая понять этим маневром, что она везет нас в Англию. Вдруг, около полуночи, якорная цепь с шумом покатилась в море, и мы очутились борт-с-борт с другой шкуной «Эмилия», на бортовые сети которой мы взобрались как настоящие пираты, при тысячу раз повторяемых криках: «Да здравствует Польша». «Эмилия» была нагружена оружием и боевыми припасами, купленными в Копенгагене: во мгновение ока мы уложили груз в отделение, и шхуна снова прошла перед Копенгагеном, не давая ни малейшего повода подозревать о ее грузе. Что же касается «Христины-Лоренцы», то она, действительно, шла в Лондон, вероятно, под наблюдением русских, в то время как мы в полной безопасности плыли в Балтийском море, проходя с редким счастьем мимо неприятельских фрегатов. Наконец вечером 11 июня мы были на берегу Куриш-Гафа; франко-итальянцам с двенадцатью поляками кавалеристами была оказана честь высадиться первыми. Говорили о том, чтобы затеять бой с прусскими таможенниками, в то время, как другие добровольцы из экспедиции, высадившись в свой черед, взвалили бы лодки себе на плечи и добрались бы до берега перешейка, обращенного к Пруссии. Там снова пущенные в воду суда доставили бы нас на материк. Два часа пути отделяли нас еще от границы, все было рассчитано, чтобы она была пройдена за ночь, день должен был застать нас в Самогитии среди ожидавших нас повстанцев. Из этого вы видите, что мы рассчитывали произвести нечто подобное экспедиции Гарибальди в Буэнос-Айрес.

В 10 часов большая шлюпка, которую полковник велел купить в Гамбурге, была спущена на воду, другая шлюпка с г. Лапинским и его офицерами должна была вести ее на буксире до находящейся еще на расстоянии полутора миль земли. Заметьте, между прочим, что ничто не препятствовало шхуне подойти ближе к берегу—до самого берега было глубоко.

Едва мы вошли в шлюпку, как она стала наполняться водою, проникавшей через дно. Однако радость не покидала нас, наоборот, многие из молодых храбрецев, которые должны были через несколько минут умереть, находили еще возможным подшучивать над своевременностью устроенной нам ножной ванны. Была глубокая ночь, и в море вода прибыла от ветра с суши. Вода все поднималась в шлюпке, она доходила нам почти до колен, гребцы лодки, извещенные об опасности криками ужаса самых молодых из нас (были шестнадцатилетние), удвоили свои старания, но мы шли против ветра, а шлюпка была почти полна. Это был момент невыразимой тоски: тридцать два человека поднимали к небу умоляющие взоры, и бог принимал их немую и торжественную молитву. Затем волна покрыла все, раздалось несколько криков и в продолжение нескольких минут можно было видеть редких пловцов храбро, но бесплодно боровшихся с яростью волн. Лодка с нашими офицерами, буксировавшая нас, перерезала свой канат и убегала при помощи весел от этой ужасной сцены. Отстегнув мой ранец, я бросился одним из первых из шлюпки, но на животе у меня было штук шестьдесят патронов, тяжесть которых сильно мне мешала. С другой стороны, моя шинель и сапоги увеличивали трудность, наконец, я вспомнил о своем кинжале: гребя левой рукой, правой я разрезал пояс моей патронницы и рукава шинели; я остался только в брюках и в моих ужасных сапогах, но я был бодр и все еще плыл; нас было еще человек пятнадцать в живых. Вдруг мы замечаем впереди нас киль шлюпки, несшейся над волнами. Скоро мы подплыли к ней, как к якорю спасенья, но шлюпка, схваченная только с одного бока отчаявшимися людьми, опрокидывается, увлекая нас в пропасть, которая поглощает большую часть из нас; в этот именно момент погиб Шэн (Chain), до того времени я плыл рядом с ним и был уверен в его храбрости и силе, вероятно, он был увлечен тонувшим.

На поверхности воды нас держалось шестеро—отчаянно кричавших; товарищи, оставшиеся на корабле, отвечали нам. Темнота мешала им нас видеть... Наконец, шлюпке, о которой я говорил, управляемой двумя отважными моряками со шхуны, удалось нас подобрать; через несколько мгновений мы встретили еще двух пловцов; из тридцати двух человек восемь были спасены. В общем мы держались на воде в течение двух часов. Наши друзья встретили нас на палубе с диким восторгом и радостью.

Три дня спустя мы были в Готланде, где шведская национальная гвардия, приняв нас за пиратов, отправила в деревню Клинтамн (Klinthamn), до тех пор, пока военный корвет «Окрад», вызванный теле-

граммой правительства, не подобрал нас и не отвез в Вульвич (Woolwitch), где мы находимся.

И вот мы в Англии, буквально умирая от голода; мы получаем 1 ш. 3 п. в день, хватающих лишь на скудный обед. Полковник не отчаивается, но у меня нет больше веры в него; я могу сослаться на массу доводов против него, которые я изложу вам устно. Я без белья, без брюк, без шинели. У полковника ни гроша. Замойский советует нам сделаться метельщиками в Лондоне, но это недостойно нас. Помогите мне вы, Жиро и Бомпар; я хочу погибнуть достойною смертью за Польшу, а не умереть от нищеты здесь. Вот имена погибших: Жильяр, Маршера, Доминичи, Робер, Луган, Ганетель, Дарсонваль, Дельвиер, Шеламберг, Гландман, Дюиро, Шэн, Тибо, Эллеро, Трафико, ди Франчески, Квятковский, Понеский, Висьевский, Сосьевич, Зельнеровский, Боровский, Пиотровский, Вьеснеский, — были спасены: Шапле, Ружемон, Пёар, де-Зигенфельд, Пэю, Биллер, Палачек, Холева.

ПРИМЕЧАНИЯ.

I. Архив б. министерства иностранных дел. Копия на французском языке. Письмо это устанавливает решительную готовность Бакунина принять личное участие в революционной борьбе на польской территории. В послании своему «центральному правительству польского восстания» («Письма Бакунина А. И. Герцену и Н. П. Огареву» — Драгомановское издание) Бакунин писал между прочим: «Второй способ служить вам был бы—составить в Польше и в самом лагере польской революции русский легион. Это мое главное дело и мое желание самое дорогое...

...Я вам писал в это время письмо за письмом. Умоляю вас сказать, должен ли я итти в Польшу; я не получил слова ответа».

Письмо Миловича проливает некоторый свет на причины этого молчания. Не дождавшись ответа, Бакунин бросился в Швецию. «Цель Бакунина состояла в том, — сообщает А. И. Герцен, — чтобы, установивши все в Швеции, пробраться в Польшу и Литву и стать во главе крестьян» («Былое и Думы», Собр. соч. т. XIV, стр. 440). О целях своей поездки в Швецию сам Бакунин говорит в след. письме А. Гутри. Отправляясь в Стокгольм, Бакунин ничего не знал о готовящейся морской экспедиции. Он принял в ней участие неожиданно. Бакунину вообще не терпелось; ему хотелось пустить себя «в рискованный оборот», как он выразился в одном письме. Экспедиция на пароходе «Ward Jackson» подвернулась кстати.

Александр Гутри — Познанский помещик, член комиссии по закупке за границей оружия. Берг. «Польское восстание в 1863 г.», «Рус. Стар.» 1879 г., т. XXVI, стр. 503.

Ф. Демонтович — в эпоху восстания 1863 г. комиссар времен. правительства в Литве.

Иосиф Цверцякевич — в эпоху восстания 1863 г. лондонской представитель временного народн. правительства (Жонда Народового).

Сигизмунд Падлевский — Плоцкий воевода, активный участник восстания 1863 г. «Рус. Старина» 1879 г., т. XXIV, стр. 598—604. См. также «Из воспоминаний прошлого» Пантелеева. II. 1906 г., стр. 296.

II. Архив б. III Отдел. I-й Экспедиции № 116 «Дело об отставном прапорщике Михаиле Бакунине», ч. IV, л. 115. Воспроизводим копию, имеющуюся в переводе на русск. яз.

Лангевич — диктатор, руководитель восстания в марте 1863 г. После нескольких крупных неудач бежал из Польши в Австрию.

III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X. Воспроизводим перевод с подлинников на франц. яз. из бумаг б. мин. иностр. дел. Заключительные стереотипные фразы в депешах Дашкова мы опускаем.

Д'Убри — русский посланник в Берлине.

Теофил Лапинский — начальник экспедиции на пароходе «Ward Jackson». Военный авантюрист, служивший в венгерской и турецкой армиях.

«Лапинский был в полном смысле кондотьер; — говорит про него А. И. Герцен. — твердых политических убеждений у него не было никаких. Он мог итти с «белыми» и с «красными», с чистыми и с грязными; принадлежа по рождению к галицийской шляхте, по воспитанию — к австрийской армии, он сильно тянул к Вене. Россию и все русское он ненавидел дико, безумно, неисправимо. Ремесло свое он знал, вел долго войну и написал замечательную книгу о Кавказе» (Собр. соч., т. XIV, стр. 449).

Бакунин, с своей стороны, аттестует Лапинского, как «бессовестного» или, по крайней мере, «широкосовестного» кондотьера, который, как военный по ремеслу, ненавидит и презирает всякого, даже свой собственный народ (Письмо Герцену от 9 апр. 1863 г. «Письма»).

Я. А. Дашков — русский посланник в Стокгольме.

Гр. Мандерштрем — шведский министр иностран. дел.

XI. Воспроизводим копию.

Константин Чарторийский — главный представитель времен. правительства за границей.

Владислав Мицкевич — сын поэта Адама Мицкевича.

Барон Н. П. Николаи — русский посланник в Копенгагене.

XII. *Фон-Розенберг* — прусский посланник в Стокгольме.

XIII. Эта именно депеша упоминается в предыдущем письме. Воспроизводим копию.

XVI. Депеша эта, как и все вообще сведения о похождениях М. Бакунина, была доложена царю. Он сделал на ней надпись (по-франц.):

«Все это довольно скверно, сообщите это кн. Долг. (Tout cela est assez mauvais, communiquez le au p. Dolg.)».

XVII. Из Архива б. III. Отдел.: «Дело о прапорщике Михаиле Бакунине», ч. IV, л. 91. А. И. Герцен в «Былом и Думах», рассказывая историю с пароходом «Ward Jackson», определенно сообщает, будто Бакунин был принят «братом короля» (Сборник посмертных статей А. И. Герцена, изд. второе, Génève—Bâle—Lyon, 1874, стр. 225). Источником Герцена, вернее всего, послужил сам Бакунин. Из настоящего документа видно, что не одному Герцену Бакунин сообщал об этом свидании. Состоялось ли оно в действительности, или было плодом дипломатических ухищрений Бакунина — нам установить пока не удалось. Прямых следов, кроме ссылок на показания Бакунина, мы не нашли.

Калинка — историк. См. «Красный Архив», т. III, статья Б. Пушкина «Бакунин по отчетам III Отделения», и прим. стр. 327.

XVIII. Речь в этой депеше идет о большой статье, написанной Бакуниным в ответ на биографические заметки о нем, напечатанные в шведских газетах «стараниями гр. Мандерштрема», как сообщал в одной из своих записок Дашков см. № XIX). Эту статью Бакунина, равно как и вызвавшие ее биографические заметки мы нашли в бумагах б. министерства иностранн. дел и опубликовали в четвертой книге журнала «Печать и Революция» за наст. год.

XIX. Речь Бакунина напечатана в собрании М. П. Драгоманова «Письма М. Бакунина к Герцену и Огареву» — указанн. изд.

XX. Извлечено из архива б. III Отдел. из упомянутого выше «дела» о М. Бакунине (ч. IV, л. 117). На письме пометка А. Л. Потапова: «Сообщить поверенному

в делах в Швеции, чтобы предупреждали путешественников, чтобы не находились с Бакуниным и остерегались от передачи им подобных брошюр».

А. Л. Потапов — управл. III Отделением.

XXI. Из этой депеши нами публикуется только часть, касающаяся Бакунина.

XXII. Из архива б. III Отдел. Дело о Бакунине, ч. IV, л. 120.

XXIII. Из того же дела, ч. IV, л. 121. На обеих бумагах пометки: «Доложено его величеству».

XXIV. Архив б. мин. ин. дел. Извлекаем из депеши только часть, касающуюся Бакунина.

XXV. Брошюра Поллеса (Тугенбольда, Тугендгольда) найдена нами в Моск. Историко-Рев. Архиве, среди бумаг б. мин-ва Иностранн. Дел. Это небольшого формата книжка (в $^1/_{32}$ л.), объемом в 84 стр., издана была в 1863 г. на шведском языке издательством H. Mollers в Мальме и Otto Schwarz в Копенгагене. На следующей за титульной страницей имеется посвящение: «A mon ami Leon Piubello dedié ces pages Stephan Poles».

Граф Ксаверий Браницкий — польский аристократ в Париже. См. «Красный Архив», т. III, стр. 326. Также А. Погодин «История польского народа в XIX в.», М. 1915 г., стр. 202.

XXVI. Воспроизводим копию с письма, перехваченного, очевидно, французскою полицией; оригинал на французском языке. Описание трагического конца экспедиции, сделанное автором письма, сильно отличается от воспоминаний Лапинского. Поправка, вносимая Анри Ружемоном, сводится к тому, что повстанцам была предоставлена шлюпка с заранее, очевидно, пробитым или поврежденным дном, совершенно негодная к пользованию. Была ли здесь на-лицо случайность, повлекшая гибель 24 молодых революционеров, говорящая о преступной небрежности руководителей экспедиции, или, быть может, мы имеем здесь явное злодейство, предательски выполненный замысел, холодное и с расчетом совершенное преступление? Приняв во внимание обстановку, в которой развивалась драма, легкомыслие ее руководителей — не исключена ни та, ни другая возможность. Любопытнее всего то, что Лапинский, начальник и организатор этого последнего похода, желая оправдать себя, в воспоминаниях своих рассказывает о страшной буре, которая как-то мгновенно налетела и стала захлестывать лодки. Ружемон такой бури не помнит. Но из письма его становится совершенно ясным, что независимо от волнения лодка стала быстро наполняться водой, лишь только люди в ней очутились. Историкам польской революции 1863 г. не мешает исследовать этот не первостепенный, но весьма мрачный эпизод.

[Вяч. Полонский.

«Преступление и Наказание.»

(Из «Записных книжек» Ф. М. Достоевского.)

В сентябре месяце 1865 года Достоевский написал Каткову письмо, в котором предлагал ему свою новую повесть, тогда еще не названную им. В этом письме [1]) есть следующая фраза: «Впрочем, эту вещь я писал неторопливо и с жаром. Постараюсь, хотя бы для себя только, кончить ее как можно лучше». Катков принял предложение, и «эта вещь» началась печататься в «Русском Вестнике» с января 1866 г. под названием «Преступление и Наказание».

Что Достоевский писал этот роман неторопливо и с жаром, был увлечен своим новым произведением и писал его не столько для того, чтобы получить известное количество денег, в которых страшно тогда нуждался [2]), сколько для того, чтобы высказаться «для себя только» (подчеркнуто самим Достоевским),—это видно из той огромной работы, которую он проделал над созданием этого романа и часть которой сохранилась в его «Записных книжках».

В трех из этих «Записных книжек», представляющих собой переплетенные толстые тетради в осьмушку, многие страницы заполнены набросками, заметками, сценами и варьянтами «Преступления и Наказания». Так, в тетради № 1 материалы, относящиеся к этому роману, занимают 54 страницы, в тетради № 2 — 90 страниц и в тетради № 3 — 93 страницы, а всего, следовательно, 237 страниц, исписанных мелким убористым почерком. Масса поправок, записей на полях, вставок между строками, перечеркиваний, надписей и т. п. показывают необычайно напряженную и кропотливую работу и стремление, действительно, написать «как можно лучше». И это стремление не ограничивается лишь отделкой фразы или сцены, — оно, прежде всего, касается «плана» и «формы» произведения. Из этих черновых записей видно, как Достоевский колебался в выборе формы произведения, т.-е. писать ли его от имени автора, или от имени героя, в виде дневника или исповеди. На стр. 107 в «Записной книжке» № 1 мы читаем следующие строки:

«Перерыть все вопросы в этом романе. Но сюжет таков. Рассказ от себя, а не от него. Если же исповедь, то уж слишком до последней крайности, надо все уяснить. Чтоб каждое мгновение рассказа все было ясно. (На полях приписка: Полная откровенность, вполне серьезная до наивности, и одно только необходимое.)

Исповедь в иных пунктах будет не целомудренна и трудно представить, для чего написано.

---

[1]) Черновик опубликован нами в «Красном Архиве» 1923 г. № 4.

[2]) См. письмо к Каткову от ноября того же года, опубликовано там же.

Но от а в т о р а. Нужно слишком много наивности и откровенности. Предположить автора существом всеведущим и непогрешающим, выставляющим всем на вид одного из членов нового поколения» [1]).

Отметим попутно, какими широкими задачами увлекался Достоевский в этом произведении («Перерыть все вопросы в этом романе»).

Если приведенные строки являются не единственно до нас дошедшими, а первым проектом построения романа, то очевидно, что при первом обдумывании этого произведения Достоевскому казалось более естественным и правдоподобным вести рассказ от себя, т.-е. от автора, а не от первого лица, так как если это будет исповедь, то «в иных пунктах будет не целомудренно и т р у д н о с е б е п р е д с т а в и т ь, д л я ч е г о н а п и с а н о».

И на стр. 109 той же тетради автор опять возвращается к этому вопросу и пишет: «Е щ е п л а н. Рассказ от имени автора, как бы невидимого, но всеведущего существа; но, не оставляя его ни на минуту, даже со словами: «и до того все это нечаянно сделалось».

Однако уже на следующей 110 стр. возникает опять:

«Н о в ы й п л а н. Рассказ преступника 8 лет назад (чтоб совершенно отнести в сторону)»

И тут же автор набрасывает начало этого романа:

«Это было ровно восемь лет назад, и я хочу рассказать все по порядку.—Начал я с того, что пошел закладывать ей часы. Мне уже давно говорил про нее (студент) NN. Кто была эта старуха, квартира и проч. Как он осматривал (NB. Неясно, но для читателя тут уж ч т о - т о т а к о е).—Вышел от нее, даже весь дрожал. Проходил мимо распивочной, но так как я хочу рассказывать все по порядку, то и расскажу, как познакомился с Мармеладовым. Подробный рассказ о Мармеладове и заметка в конце, что Мармеладов отразился в судьбе его».

Эта мысль о рассказе от первого лица, видимо, привлекает Достоевского, потому что он неоднократно возвращается к ней и, так сказать, прикидывает, как это сделать. Так, на 120 стр. той же тетради он записывает целый план или, лучше сказать, начало плана повести в виде дневника. Он пишет:

«Е с л и в ф о р м е д н е в н и к а.

NB 1) Дыра под подоконником.

1) Ходил закладывать часы и в ы с м а т р и в а т ь. Рассуждения.

NB (Чтоб читателю дано было знать, что он не для закладу ходил и что тут неспроста.)

2) Встреча в распивочной с Мармеладовым.

3) Дома: отношение к хозяйке. Письмо от матери. О женихе.—Нет, они не должны страдать. Рассуждения скептические. На Сенной Лизавета.

4) Перед приготовлением. Воспоминания, рассуждения. Убийство.

5) В полиции. Под камень. На бульваре 20 коп. Возвратил перевод.

6) Болезнь. Письмо матери, деньги.

7) Бежал. Трактир. Странное высокомерие. Ссора с рабочими. Смерть Мармеладова.»

Если сопоставить только что приведенные строки с «Новым планом», то рассказ через восемь лет («8 лет назад») очень совпадает с планом «в форме дневника», и его пер-

[1]) Подчеркнуто самим Достоевским.

вые строки отвечают первому пункту плана дневника: «пошел закладывать ей часы... Как он высматривал»... и почти тождественное нотабене: «Неясно, но для читателя тут уж что-то такое».

Итак: рассказ от первого лица в форме дневника или воспоминаний через несколько лет после преступления. Вот уже два варьянта формы. Но Достоевскому представлялся интересным и возможным еще один варьянт, так же как рассказ от первого лица, но именно рассказ устный. На 123 и 124 странице первой тетради Достоевский вновь набрасывает программу романа, деля его на «Отделения», и вот на 123 стр. читаем:

«2-ое Отделение. Исповедь (подчеркнуто нами *И. Г.*), рассказ об убийстве: я этого сам не ожидал, и все время рассказа следует как бы удивление на самого себя, как бы удивление со стороны»...

Таким образом Достоевским намечалось целых четыре формы выражения: от автора, от героя в форме исповеди, дневника и воспоминаний. В конечном итоге, как известно, автор остановился на первой форме, т.-е на рассказе от лица автора. Но сделал он это, испробовав и другие формы. В имеющихся в нашем распоряжении материалах сохранился только небольшой, приведенный нами, отрывок четвертой формы («Рассказ преступника 8 лет назад»). Но два другие варьянта представлены довольно значительными записями: и форма исповеди, и форма дневника. Так, в первой «Записной книжке» на стр. 79—101 написан большой отрывок, озаглавленный «Под судом» и представляющий собой рассказ Раскольникова. Этот варьянт мы предполагаем опубликовать в ближайшем будущем.

В «Записной книжке» № 2 целых семьдесят страниц (стр. 27—33. 43, 45—85 и 88—109) заняты «Главой 2-ой» романа, представляющей собой страницы из дневника Раскольникова, при чем в начале стоит пометка: «16 июня». Вот этот-то варьянт мы и печатаем в настоящем номере «Красного Архива».

Повидимому, этот отрывок представляет собой частичное осуществление плана, который приведен выше под заглавием: «Если въ формѣ дневника». В самом начале Раскольников, между прочим, пишет: «Этих листов у меня никогда не отыщутъ. Подоконная доска у меня приподнимается, и этого никто не знает... Туда под подоконник я все и спрятал. Я там уже два кирпича вынул». В этих словах как раз говорится о «дыре под подконником», с примечанием о которой начинается план дневника. В дальнейшем рассказ является выполнением программы, обозначенной в плане под п. п. 5, 6, и отчасти 7, а именно: 5) В полиции. Под камень. На бульваре, 40 к. Возвратил перевод. 6) Болезнь. Письмо матери, деньги. 7) Бежал. Трактир.

Повидимому, этот же текст послужил основанием и для окончательной редакции. Если сличить публикуемую нами «Главу 2-ую» с печатной редакцией, то данный отрывок во многом (иногда и даже в большей части) почти дословно совпадает с первыми четырьмя параграфами или главами второй части печатного издания и затем частью совпадает с шестой главой. В дневнике отсутствует эпизод с появлением Лужина, составляющий пятую главу печатной редакции. Таким образом можно думать, что предлагаемый отрывок представляет собой и одну из первых редакций начала второй части романа. Отметим, что в период его написания Достоевский еще не остановился окончательно на именах действующих лиц, в том числе даже на имени героя произведения, которого в этой редакции зовут Василием. Отличаются от последней редакции и имена большинства других действующих лиц: так в дневнике Александр Иванович, Александр Ильич, Бакалин или Бакавин, Вахрушин, Сонечка — соответствуют лицам в романе: Александру Григорье-

вичу (Заметов), Илье Петровичу (поручик-порох), Зосимову, Толстоногову и Пашеньке (Прасковья Павловна—хозяйка Раскольникова). Не будем отмечать здесь других отличий текста дневника от печатной редакции (каждый читатель может сам сделать это), так как выводы, которые можно было бы сделать из сопоставления двух редакций, в данный момент не входят в нашу задачу. Весь отрывок в целом представляет большой историко-литературный интерес как показатель огромной творческой работы, вложенной великим писателем в создание одного из сильнейших его произведений.

Несколько слов о характере рукописи и о ее воспроизведении.

Рукописи Достоевского, хотя и написаны сравнительно четким почерком, представляют значительные трудности для их чтения. Редкая страница представляет собой сплошной текст, в большинстве случаев основной текст перечеркивается, над или под зачеркнутым вписываются изменения, часто между строк вставляются новые, которые иногда относятся к тексту, иногда представляют собой варьянт к нему. Кругом все поля исписаны вставками, варьянтами, замечаниями для памяти, которые, в свою очередь, часто зачеркиваются, подвергаются изменениям. Поэтому восстановление основного текста из этой пестрой сетки переплетающихся во всех направлениях строчек и линий представляется очень сложной задачей, и недосмотры и ошибки поэтому вполне возможны.

При печатании текста мы поступали следующим образом.

Основной текст помещен в верхней части страницы, внизу ее, под строку, вынесены все зачеркнутые места, отмеченные арабскими цифрами, и различные варьянты и вставки, отмеченные буквами русской азбуки. Основной текст составлен следующим образом: в него внесен сплошной текст, написанный на самих страницах рукописи, но, кроме того, к нему присоединено все то, что написано на полях страниц в том случае, если эти записи представляют собой более или менее очевидное дополнение к тому тексту, который идет по странице. Те места, которые приобщены таким образом с полей к страничному тексту, а равно и те слова и фразы, которыми заменены соответствующие зачеркнутые места, мы не отмечали никаким знаком, чтобы не пестрить очень печатного текста и этим не затруднять чтения. Возможно, что в такой «композиции» иногда проявился некоторый редакторский субъективизм, но он неизбежен при том характере оригинала, который представляют собой рукописи Достоевского [1]).

И. Гливенко.

---

[1]) Арабские цифры, заключенные в скобки, показывают нумерацию страниц тетради оригинала.

ГЛАВА 2-я.

Надо поминутно чтобъ выскакивали среди разсказа совершенно ненужныя и неожиданныя мелочи.

16 іюня. Третьяго дня ночью [1]) я началъ [2]) описаніе [3]) и [4]) четыре часа просидѣлъ. Это будетъ документъ [5])...

Этихъ листовъ у меня никогда не отыщутъ [6]). Подоконная доска у меня приподымается и этого никто не знаетъ. Она уже давно приподымалась и я давно уже зналъ. Въ случаѣ нужды ее можно приподнять и опять такъ положить что если другой пошевелитъ то и не подыметъ [7]). Да и въ голову не придетъ [8]). Туда подъ подоконникъ я все и спряталъ. Я тамъ два кирпича вынулъ [9])...

Сейчасъ входила Настасья и мнѣ щей принесла. Днемъ не успѣла. Тихонько отъ хозяйки. Я поужиналъ и самъ снесъ ей [10]) тарелку. Настасья ничего не говоритъ со мной. Она тоже чѣмъ то какъ будто недовольна [11]).

Я остановился тогда на томъ, что положивъ топоръ въ дворницкую и дотащившись домой [12]) повалился на постель и лежалъ въ [13]) забытьи. Должно быть я такъ пролежалъ очень долго [14]) (46).

Случалось [15]), что я какъ будто и просыпался и въ эти минуты [16]) замѣчалъ что уже давно ночь, а встать мнѣ не приходило въ голову. Наконецъ [17]) почти очнувшись совсѣмъ я замѣтилъ, что стало уже [18]) свѣтло. Я лежалъ на моемъ диванѣ навзничь, еще остолбенѣлый отъ сна и отъ забытья. До меня смутно доносились страшные, отчаянные вопли съ улицы которые я каждую слышу подъ моимъ окномъ въ третьемъ часу [19]). А вотъ уже изъ распивочныхъ и пьяные выходятъ [20]), подумалъ я, третій часъ [21]), подумалъ и вдругъ

Зачеркнуто: [1]) потянуло меня начать [2]) все это [3]) записывать [4]) я [5]) Пусть это будетъ отчетъ... Какой? Кому? Впрочемъ. [6]) На этотъ счотъ я могу быть вполнѣ безопасенъ. [7]) Ту [8]) Я тамъ два [9]) Еслибъ я сталъ записывать десятаго числа, на другой день послѣ девятаго, то ничего бы не записалъ, потому что въ порядкѣ ничего еще не могъ припомнить. Точно кругомъ меня все кружилось и так было три дня. А теперь все такъ ясно, такъ ясно представилось, что... [10]) чашку. [11]) видимо жалѣетъ... А въ томъ, А о томъ никто ничего не подозрѣваетъ. А о томъ я ей все разсказалъ про то он... меня никто не подозрѣваетъ. Но по порядку. Потому что я хочу все это записывать по порядку. А впрочемъ стану продолжать. [12]) Придя домой придя [13]) по [14]) часто [15]) со мной [16]) я [17]) вдругъ слышу [18]) опять совсѣмъ начало разсвѣтать, хотя впрочемъ солнце и совсѣмъ почти не заходило. [19]) Это [20]) подумалъ я [21]) Здѣсь это каждую ночь бываетъ въ третьемъ часу. Подумалъ я.

вскочилъ, точно меня сорвалъ кто съ дивана. Какъ? [1]) третій часъ! Я [2]) сѣлъ на [3]) диванѣ—и тутъ все, все припомнилъ. Вдругъ, въ одинъ мигъ все припомнилъ [4]).

Минуту спустя я [5]) бросился съ дивана въ ужасномъ испугѣ. Холодъ обхватилъ меня. Но холодъ былъ отъ лихорадки которая уже давно началась со мной, во снѣ и что я уже чувствовалъ [6])... [*Приписка на поле страницы*: Казалось что на огняхъ палятъ] Какъ только я всталъ такой начался [7]) вдругъ ознобъ, что чуть зубы не выпрыгнули и все все во мнѣ такъ и заходило. Я [8]) отворилъ [9]) дверь и началъ слушать [10]). Все совершенно спало у насъ въ домѣ [11]) Я съ [12]) изумленіемъ оглядывалъ себя и все кругомъ въ комнатѣ и не понималъ: какъ это я могъ не затворить дверь [13]) когда вошелъ вчера, на крючокъ, и броситься на диванъ [14]) не только не раздѣвшись, но (47) даже въ шляпѣ, потому что она скатилась и тутъ же лежала на полу подлѣ самаго того мѣста гдѣ подушка. Еслибъ кто зашолъ чтобы онъ подумалъ? Что я пьянъ?—Но... И вдругъ я бросился къ окошку [15]). Свѣту было довольно и я [16]) сталъ себя оглядывать всего, все мое платье: нѣтъ-ли слѣдовъ?[17]). Но такъ нельзя было! Дрожа отъ озноба я сталъ [18]) снимать съ себя все [19]) и опять осматривать [20]) кругомъ. Я переворотилъ все, до послѣдней нитки, до послѣдняго лоскутка, и не довѣряя себѣ—потому что чувствовалъ что никакъ не могу собрать всего вниманія осматрѣвалъ и перевертѣлъ въ рукахъ все раза по три [21]) Но [22]) не было ничего, никакихъ слѣдовъ кромѣ какъ на томъ мѣстѣ, гдѣ панталоны внизу осѣклись и висѣли какъ бахрома. «Слава Богу, слава Богу!», говорилъ я самъ про себя [*Над последними словами*: шепталъ я про себя. Помню что я]. Очень ужъ я обрадовал(ся). На бахромѣ-же было [23]) какъ будто нѣсколько пятенъ крови. непремѣнно было смочено и запеклось. Я схватилъ [24]) мой складной ножъ и обрѣзалъ всю бахрому [25]). Больше нигдѣ ничего не было [26]). Тутъ я вдругъ вспомнилъ что кошелекъ Слава Богу и всѣ вещи, которыя я вытащилъ изъ сундука—всѣ до сихъ [27]) поръ у меня въ карманѣ. Я и не подумалъ ихъ вынуть и спрятать [28]). Тотчасъ-же я сталъ это все вынимать и выбрасывать на столъ [29]). Впрочемъ я былъ тогда самъ не свой отъ лихорадки отъ головокруженія. Выбравъ все, даже вывороти въ карманъ, чтобъ удостовѣриться нѣтъ-ли еще чего я [30]) всю эту кучку снесъ въ уголъ, гдѣ у меня было одно такое мѣсто [31]). Тутъ были

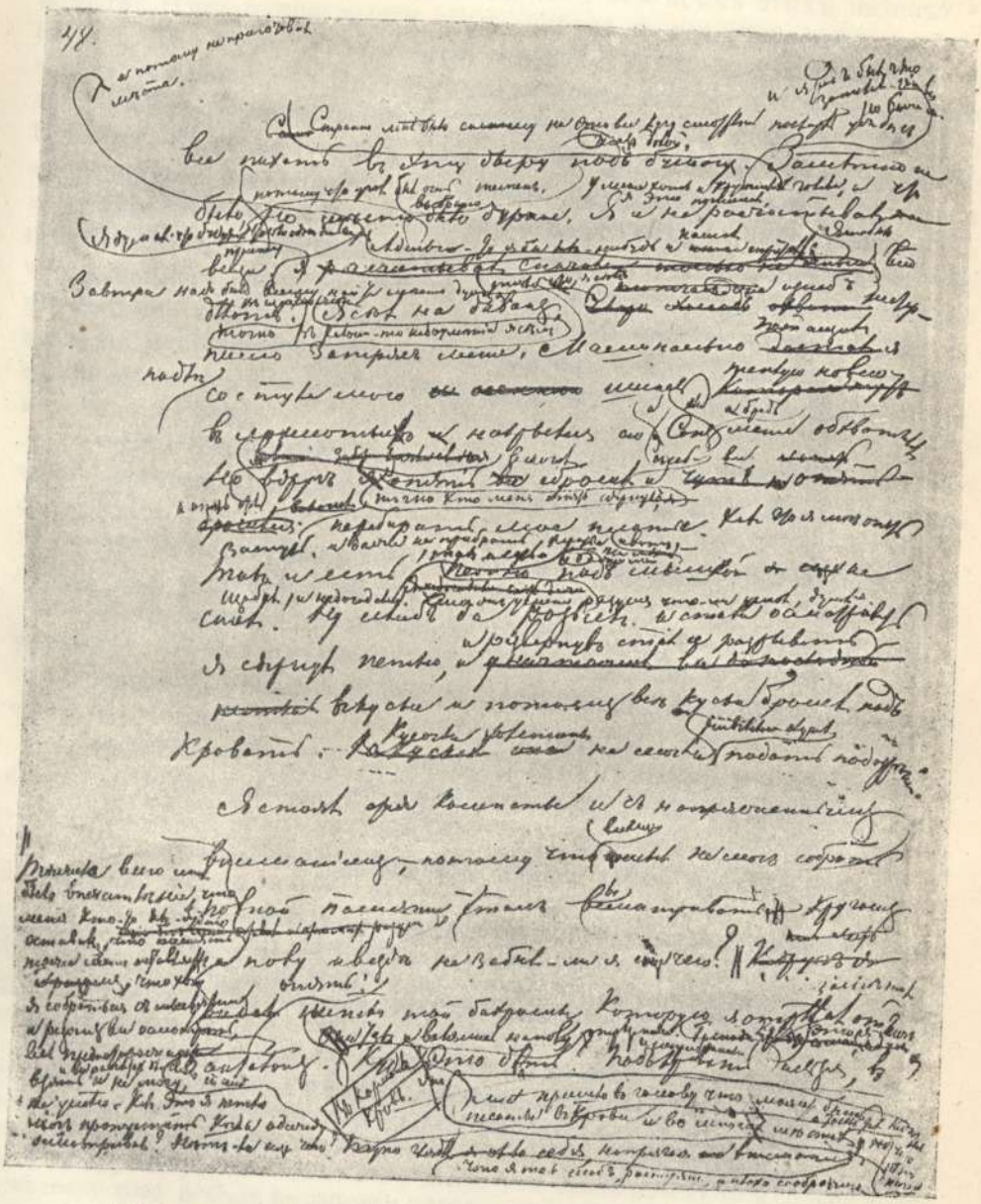
Зачеркнуто: [1]) стало быть уже [2]) вскочилъ [3]) кро [4]) Мгновеніе [5]) вскочилъ [6]) и, Вдругъ со мной [7]) былъ [8]) бросился къ двери и [9]) ее [10]) «Точно дикій звѣрь» подумалось мнѣ [11]) Былъ часъ третій утра. [12]) удивленіемъ и ужасомъ [13]) входя [14]) даже въ [15]) Окошко у меня маленькое, но [16]) какъ сумасшедшій [17]) Нѣтъ [18]) сдергивать [19]) платье чтобъ [20]) его [21]) Но дрожащими руками я разсмотрѣлъ переворотилъ все. Но на платьѣ не было... ничего [22]) слава Богу [23]) нѣсколько [24]) Ножницы ножъ ножикъ перочинный нож и [25]) по [26]) Но осматривая полы [27]) но вот я в... [28]) Ну что если бъ меня такъ съ ними и нашли! [29]) и—странно какъ-то мнѣ было смотрѣть (взглянуть опять) на эти вещи. Помню только что очень было какъ-то странно. [30]) забралъ [31]) у меня уже давно на всякій случай было приготовлено было мѣсто я примѣтилъ одно

разодраны обои и я сталъ (47) все пихать въ эту дыру подъ бумагу [1]). Странно мнѣ было самому на это все кучу смотрѣть поскорѣй ужъ бы съ глазъ долой, и я радъ былъ что запихалъ это все но быть м(...). Замѣтно не было потому что уголъ былъ очень теменъ, но мѣсто выбрано было дурное. У меня хоть и кружилась голова, и я это понималъ. Я и не разсчитывалъ [2]) что вещи принесу. Я думалъ, что будутъ только одни деньги [3]). А деньги-то я бы какъ-нибудь [4]) и нашелъ спрятать. Ясно было что дѣлать. Завтра надо было всему найти мѣсто думалъ я. Въ изнеможеніи точно Въ какомъ-то недоумѣніи я сѣлъ Я сѣлъ на диванъ только что я сѣлъ [5]) ознобъ нестерпимо затрясъ меня. Машинально [6]) потащилъ я подлѣ со стула мою [7]) шинель [8]) теплую но всю въ лохмотьяхъ накрылся ею и сонный бредъ меня обхватывалъ.

Но вдругъ,[9]) точно кто меня опять сдернулъ, я опять [10]) вскочилъ сбросилъ съ себя все и [11]) опять сталъ перебирать мое платье. Какъ это я могъ опять заснуть, и даже не прибрать платье, на мѣсто, о Боже мой, такъ и есть! Такъ и есть! Петлю подъ мышкой [12]) не снялъ, и забылъ и не догадался [13]). Что-жъ у меня разумъ что-ли ушелъ, думалъ я. Ну если-бъ да розыскъ и стали осматривать я сдернулъ петлю, и развернувъ сталъ ее разрывать [14]) въ куски и потомъ всѣ куски бросилъ подъ кровать [15]). Кусочки холстины не могли ни въ какомъ случаѣ подать подозрѣнія. Я стоялъ среди комнаты и съ напряженнымъ вниманіемъ,— потому что все еще никакъ не могъ собрать полной памяти, сталъ высматривать кругомъ на полу и вездѣ не забылъ ли я еще чего? Тяжеле всего мнѣ было впечатлѣніе, что меня кто-то какъ будто оставилъ, что память [16]) то же меня оставляетъ [17]), что хочу я собраться съ мыслями и разомъ все осмотрѣть, всѣ предосторожности взять и все расчитать для своего спасенія и не могу, не умѣю. Какъ это я петлю могъ пропустить когда одежду осматривалъ? Нѣтъ-ли еще чего? Тупо глядѣлъ я около себя, напрягая вниманіе. Мнѣ пришло въ голову что может быть платье въ крови и во многихъ мѣстахъ а только такъ кажется что нѣтъ ничего. Что я такъ слабъ, растерянъ, и плохо соображаю что не могу догадаться, что разумъ мой мѣшается и оставилъ меня [18]). Вдругъ я замѣтилъ опять: нитки той бахромы, которую я отрѣзалъ отъ панталонъ [19]), такъ и [20]) валялись на полу отрѣзанные и не прибранные. Господи какъ это я могъ такъ бросить? [21]). Куда это дѣть? Подъ кровать нельзя, въ (48) печку? Но тамъ они непремѣнно, первѣе всего начнутъ рыться и тотчасъ найдутъ [22]). [a]) Въ это время лучь солнца освѣтилъ мой

Зачеркнуто: [1]) Само [2]) на[3]) Я расчитывалъ сначала только на деньги [4]) иначе: [5]) Скоро холодъ охвати тотчасъ же [6]) досталъ [7]) ш осеннюю [8]) которая тутъ [9]) я [10]) все [11]) чуть не опять и опять бросился вскочилъ [12]) я еще [13]) Я не догадался снять даже [14]) Уничтожилъ все до послѣдней нитки [15]) въ кускахъ она [16]) что Богъ меня оставилъ и отнимаетъ разумъ [17]) и разумъ [18]) такъ и есть [19]) они [20]) *На поле:* Въ карманѣ кровь. [21]) что это со мной подумалъ я [22]) правда увидятъ. Куда

а) *На верхнем и нижнем полях:* подумалъ я, развѣ это спрятано развѣ такъ прячут тутъ я вспомнилъ что на кошелькѣ была кровь. Ба! въ карманѣ и радость. Нѣт значит есть соображ.

Снимок с стр. 48 из „Записной книжки" № 2 Ф. М. Достоевского

лѣвый сапогъ; смотрю, на носкѣ, который изъ сапога выглядывалъ точно какъ будто знаки. Я бросился разуваться — дѣйствительно знаки крови. Должно быть я запачкалъ когда сапогъ въ ту лужу поставилъ. Я оглядѣлъ и сапоги—на сапогахъ было незамѣтно. Но что-же, что-же съ этимъ дѣлать, куда дѣваться отъ всѣхъ этихъ пятенъ? [1]) Замыть? Нѣтъ лучше выдти куда-нибудь и все выбросить, выбросить... Да лучше выбросить! сказалъ я [2]) въ изнеможеніи [3]) садясь на диванъ. Странное унынiе о томъ что я не въ состоянiи даже вещи припрятать придавило меня, и опять начался ознобъ. [a]) И долго, нѣсколько часовъ можетъ быть мнѣ все это какъ въ бреду мерещилось, что надобно выбросить, сходить бы куда нибудь и все выбросить . Но я не всталъ [4]). Когда я успѣлъ опять натянуть на себя [5]) шинель [6])—не помню [7]) проснулся жъ я [8]) день очень поздно отъ чрезвычайного стука въ мою дверь. Съ перваго раза мнѣ показалось что ее даже ломаютъ. тотчасъ же догадался что (я) ко мнѣ стучатся; тутъ же я почувствовалъ, что я [9]) весь въ жару а можетъ быть и въ бреду, я это и во снѣ чувствовалъ [10]). Стукъ продолжался [11]) и я вскочилъ и сѣлъ.

— Да отвори! живъ [12]) аль нѣтъ? чего онъ все дрыхнетъ!—закричала Настасья. Цѣлый день-деньской дрыхнетъ какъ песъ. Знать нечего дѣлать.

— А можетъ и дома нѣтъ — сказалъ дворникъ [проговорилъ еще голосъ. Ба! дворникъ, что такое? Я вскочилъ.]

— А крюкомъ-то кто жъ заперся. Ишь запираться [13]) сталъ! самого украдутъ что-ли? [14]) Отвори голова [15]), проснись [б]) [16])! (49).

Господи [17]) и когда жъ бывало, чтобъ Настасья будила меня и зачѣмъ дворникъ? [18]).

Я привсталъ нагнулся впередъ и снялъ имъ крюкъ. Вся моя комната была въ три шага и можно было [19]) съ постели же снять крюкъ [20]). Такъ

а) *На левом поле:* что надо бы встать и опять начать дѣлать и осматривать и прибирать и прятать.

б) *На нижнем поле:* что я их не вижу, потому что мое соображ. слабо растеряно что мой умъ затемненъ.

Но думая о кровян. пятнѣ я вспомнилъ что и на кошелькѣ была кровь. Ба! стало быть и въ карманѣ должна быть кровь, потому я еще мокр сунулъ его в кар.

Зачеркнуто: [1]) крови [2]) и вижу что я уже опять на диванѣ [3]) почувс... [4]) наконецъ совершенно. Потомъ я какъ будто забылся. [5]) Когда я... натянулъ на себя опять... успѣлъ этотъ разъ... [6]) но когда я ужъ и [7]) но проснулся я уже закутанный шинелью. Много, много прошло времени. Вдругъ слышу что но знаю то [8]) на другой [9]) но я лежалъ [10]) и давно уже зналъ почему-то и сознавалъ что я въ жару хотя и былъ въ забытьи. [11]) и вдругъ я опять все припомнилъ и страшный испугъ овладѣлъ мною [12]) ты что ли [13]) запирается [14]) Эх ты. [15]) говорятъ. [16]) Я приподнялся и старался хоть что нибудь понять сообразить, хоть за что-нибудь ухватиться, помощь найти. Эти два голоса, зачѣмъ два. И когда бывало, чтобъ Чего имъ надо? Вдругъ меня точно пронзило. [17]) зачѣмъ они [18]) Когда жъ ко мнѣ ходилъ дворникъ? Зачѣмъ меня имъ надо? Господи! Это они! они! о Господи — что такое! Знать... Это думалъ я въ ужасѣ. [19]) только [20]) Вотъ.

и есть: стоитъ дворникъ и Настасья. Настасья какъ-то странно меня оглядываетъ. Я [1]) съ вызывающимъ хотя безсмысленно отъ сна и бреда и отчаяннымъ видомъ взглянулъ [2]) на дворника. Онъ молча протянулъ мнѣ сѣрую сложенную вдвое бумажку запечатанную бутылочнымъ сургучомъ [3]).

— Изъ полиціи повѣска [4]) изъ квартала, проговорилъ дворникъ, Въ полицію? Зовутъ проговорилъ дворникъ. Зачѣмъ? [5]).

— А я почемъ [6]) знаю [7]): требуютъ и иди. Онъ странно посмотрѣлъ на меня, потомъ посмотрѣлся кругомъ и повернулся уходить.

— Да никакъ ты боленъ? Сказала вдругъ Настасья не спускавшая съ меня глаза. Дворникъ тоже на минутку тоже обернулъ голову.—Ишь вѣдь весь въ жару. Я не отвѣчалъ и держалъ въ рукахъ бумагу не распечатывая.

— Ишь вѣдь... повторила [8]) Настасья, да ужъ [9]) не вставай [10]) прибавила она увидя что я спускалъ съ дивана ноги. Коли (50) боленъ, такъ и не ходи... Что у те въ рукахъ-то: Смотрю у меня въ рукахъ отрѣзанные куски бахромы и вчерашній носокъ и лоскуты такъ и остались въ рукѣ. Я такъ и спалъ съ ними: потомъ уже размышляя объ этомъ я вспомнилъ что и полупросыпаясь въ жару, крѣпко на крѣпко стискивалъ это въ рукахъ и опять заспалъ.

— Ишь лохмотьевъ [11]) какихъ набралъ, спитъ какъ съ кладомъ. И Настасья за... смѣха она была очень смѣшлива [12]).

Я тотчасъ же сунулъ все это [13]) подъ шинель. и [14]) пристально пристально смотрѣлъ на Наста [15]). Хоть я и ровно ничего не могъ порядочно сообразить, но какъ-то почувствовалъ, что съ человѣкомъ не такъ будутъ говорить, когда приходятъ брать. Но полиція!

— Чаю бы выпилъ, хошь што-ли? Принесу.

— Нѣтъ я сейчасъ самъ пойду, я пойду. сказалъ я [16])

— Поди и съ лѣстницы не сойдешь?

— Нѣтъ [17]); пойду [18])

— Какъ хошь; она повернулась и пошла внизъ.

Я схватился за носокъ и [19]) сталъ осматривать. Пятно есть, но непримѣтно все загрязнилось и еще вчера оно затерлось [20]). Настасья не примѣтила бы, если бъ даже разсматривать стала. Машинально я распечаталъ принесенную бумагу распечаталъ и прочелъ. Читалъ я долго, [21]) и наконецъ-то понялъ. Это была обыкновенная повѣстка изъ квартала, явиться на сегодняшній [22]) число въ половину десятого въ контору квартальнаго надзирателя.

Зачеркнуто: [1]) ни живъ, ни мертвъ [2]) смотрѣлъ [3]) Зловѣщей змѣей. [4]) Вамъ въ контору [5]) Мнѣ? Зачѣмъ? спросилъ я затрепетавъ [6]) не [7]) тамъ узнаете скажутъ [8]) проговорила [9]) ты [10]) Я началъ спускать съ дивана ноги. [11]) съ лохмотьями [12]) Это... и [13]) всю эту дрянь [14]) глядѣлъ ничего не понимая [15]) Носок, проговорилъ я со страхомъ смотря на нее. Но она ничего [16]) Да ты чай [17]) я [18]) ну [19]) осмотрѣлъ [20]) А это... Господи! Я распечаталъ бросился и тутъ мнѣ странно показалось почем [21]) все. [22]) день

У меня руки опустились. Такъ прошло минутъ пять. Это можетъ быть хитрость, они можетъ быть хитростью хотятъ заманить какое до сего времени могло быть у меня дѣло [1]) мелькнуло у меня. Однако, зачѣмъ-же повѣстку [2]) пойду, пойду, я самъ пойду. Господи! Я было бросился на колѣни молиться, но вскочилъ и [3]) сталъ [4]) одѣваться. «Носокъ надѣть, подумалъ я, онъ еще больше затрется и загрязнится и [5]) слѣды пропадутъ. Но только что я надѣлъ я тотчасъ же и сдернулъ его [6]) (51). Сообразивъ же, что другого нѣтъ взялъ и надѣлъ его опять [7]). Впрочемъ страхъ предъ предстоящимъ посѣщеніемъ квартала все поглощалъ. Это они хитростью. Голова тоже очень кружилась и болѣла отъ жару.

Тяжело мнѣ было очень когда я взялъ шляпу и вышелъ шатаясь на лѣстницу. На лѣстницѣ я вспомнилъ что оставляю такъ вещи въ обойной дырѣ и остановился, но тутъ же такое отчаянное овладѣло мною, что махнувъ рукой, пошолъ далѣе: Будь что будетъ [*над строкой*: такъ много всей этой тоски навалилось, а я почувствовалъ что такъ мало способенъ сохранить и защитить].

Поскорѣй бы все разузнать! говорилъ я про себя [8]). Это они видѣли, когда я вчера проходилъ мимо квартала послѣ того [9]), это хитрость! Подумалъ я и вышелъ на улицу [10]).

Жара была страшная, духота, толкотня, известка лѣса, песокъ, пыль, вонь изъ лавочекъ и особенно изъ распивочныхъ, кричащіе разносщики и пьяные, которые поминутно попадались на улицѣ не смотря на утро и будній день. Солнце ярко освѣтило меня и все кругомъ, такъ что глазамъ выносить [11]) стало трудно и все закружилось: обыкновенное ощущеніе лихорадочнаго вышедшаго на воздухъ на улицу. Мнѣ казалось что [12]) голову мою взорветъ какъ бомбу [13]). Шолъ я шатаясь [a]) и [14]) вѣрно наталкиваясь на [встрѣчныхъ] прохожихъ и торопясь [15]). Если спросятъ—я скажу [16]): да, думалъ я, нѣтъ я скажу [17]): нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! [18]) Ходило въ моей головѣ, когда я подошолъ къ конторѣ... [19]) и весь дрожалъ и замиралъ отъ ожиданія. (52)

Контора была отъ насъ шаговъ четыреста. Я зналъ гдѣ она находится [20]) но въ ней никогда не бывалъ. Войдя подъ ворота я увидалъ мужика сходившаго съ какой-то откуда-то съ вер... по лѣстницѣ съ книжкой въ рукахъ. Значитъ [21]), по этой лѣстницѣ и есть контора. И я сталъ тоже подыматься на верхъ [22]). что придется то и скажу. Вотъ упаду въ

а) *На поле*: Шолъ я шатаясь глубокій внутренній страхъ продолжалъ поглощалъ всѣ мои ощущенія нѣсколько шаговъ

Зачеркнуто: [1]) и разомъ [2]) зачѣмъ они сами не пришли? подумалось мнѣ. Странно, продолжалъ я, если у нихъ есть подозрѣніе то... нѣтъ, [3]) я [4]) обувать [5]) тогда [6]) Сотр Но подумавъ [7]) тотъ же самый. [8]) Али можетъ быть [9]) подумалъ я выходя на улицу [10]) Да, да хитрость, хот [11]) было [12]) бѣдную [13]) Я жадно все разглядывалъ и старался къ почему-нибудь торопясь прицѣпиться мыслію, Иначе мнѣ [14]) даже [15]) Мнѣ бы только хоть поскорѣй узнать. Будь что будетъ. Глубокій внутренній страхъ продолжалъ поглощать всѣ мои ощущенія. Я. [16]) что [17]) что [18]) пронеслось [19]) Не знаю что но тутъ у меня опять все сердце упало [20]) наша контора [21]) оттуда [22]) Не знаю что скажу думалъ я

ноги и все разскажу. Контора только что переѣхала въ этотъ домъ [1]). Лѣстница была узенькая, грязная, и вся въ помояхъ. Всѣ [2]) кухни всѣхъ квартиръ [3]) во всѣхъ четырехъ этажахъ отворя [4]) ются на эту лѣстницу, и стоятъ такъ почти цѣлый день. По узенькой лѣстницѣ сходили и всходили, дворники съ книжками подъ мышкой хожалые и разный людъ — мужской и женскій посѣтители [5]). Въ четвертомъ этажѣ на лѣво дверь въ контору была отворена настежь, я вошелъ и остановился въ прихожей. Тутъ все стояли и ждали какіе-то мужики. [a]) Духота была ужасная даже еще на лѣстницѣ, а здѣсь кромѣ того, еще било [6]) въ носъ непросохшей краской. Но подождавъ разсудилъ подвинуться еще впередъ въ слѣдующую комнату. Все крошечныя были комнаты. Тутъ сидѣли и писали какіе-то писцы, одѣтые развѣ не много получше моего. Я обратился къ одному изъ нихъ.

— Чего тебѣ?

Я показалъ повѣстку изъ квартала [7]).

— Вы студентъ? спросилъ онъ прочтя повѣстку [б]).

— Студентъ.

Онъ оглядѣлъ меня съ любопытст.

— Ступайте тамъ къ письмоводителю [8]) и онъ ткнулъ впередъ пальцемъ, показывая на самую послѣднюю комнату.

Я вошелъ въ эту комнату [9]). и тѣсная и полная публикою народомъ [10]) гораздо чище одѣтыми чѣмъ въ [11]) тѣхъ комнатахъ. Были даже двѣ дамы. Одна въ траурѣ и бѣдно одѣтая сидѣла за столомъ противъ письмоводителя и что то подписывала съ его диктовки. Другая-же дама, очень полная и багрово-красная, мелки...пятн... видная женщина, одѣтая (53) даже пышно [r]) стояла [12]) въ отдаленіи и чего-то ждала. Было еще два посѣтителя въ довольно истасканныхъ пальто, купецъ въ сибиркѣ весь пропитанный запахомъ распивочной въ черномъ до невѣроятія засаленномъ атласномъ жилетѣ, соверш. и какой-то иностранецъ, да еще кто то не помню [13]), не знаю. Такъ и сновали по всемъ четыремъ комнатамъ, кто приходилъ, кто уходилъ. Я [14]) сунулъ письмоводителю мою повѣстку, онъ мелькомъ взглянулъ на меня сказалъ «сейчасъ» подождите и продолжалъ заниматься съ дамой [15]). [Что-же это] Вѣрно не то, пронеслось у меня въ [16]) головѣ [17]). Мало по малу [18]) я [19]) какъ будто сталъ оживать. Я долго стоялъ ожидая [20]). Иное ярко до мелочи поражало и занимало меня, другое совсѣмъ пропускалъ. Письмоводитель возбуждалъ во мнѣ большое

Зачеркнуто: [1]) на новую квартиру въ четвертый этажъ. Я ужъ это зналъ отъ Настасьи. [2]) двери [3]) поминутно [4]) лись [5]) Духота была ужасная даже еще на лѣстницѣ. а) *На поле страницы:* о бахромѣ и о томъ какъ я могъ быть такой дуракъ. [6]) несло [7]) Туда б) взглянувъ на [8]) папироску курить [9]) она была небольшая [10]) нѣсколько по [11]) первой [r]) что-то очень пышно одѣтая, съ брошкою на груди въ чайное блюдечко велич [12]) скромно [13]) дальше [14]) жадно и больно [15]) Я ободрился. Если бъ что серьезное не такъ бы они встрѣтили. Я стоялъ и съ жадностію осматривался кругомъ, но мысли мои были очень разсѣяны и ни на чемъ не могли совокупиться. [16]) моей [17]) Господи! [18]) я сталъ [19]) ободрялся, мысли твердѣли Я [20]) Мелочи

и особенное вниманіе. Мнѣ все хотѣлось его раскусить—по лицу его что нибудь угада[ть]. Это былъ молодой человѣкъ [1]) лѣтъ двадцати-двухъ, довольно счастливой наружности, одѣтый по модѣ и фатомъ, съ проборомъ на затылкѣ, расчесанный и разпомаженный съ безчисленными перстнями и кольцами на бѣлыхъ [2]) сверкавшихъ пальцахъ и золотыми цѣпями при часахъ и развѣш. на краю золотомъ лорнетѣ. Слова два перекинулъ онъ съ иностранцемъ по французски [3]). Нѣтъ онъ вѣрно не про то будетъ говорить, подумалъ я [4]) и я всѣми силами взглядывался въ его [5]) лицо стараясь опредѣлить что онъ и что у него на умѣ обо мнѣ.

— Луиза Ивановна, вы бы сѣли сказалъ [6]) письмоводитель мелькомъ разодѣтой багрово-красной дамѣ, которая какъ будто боялась присѣсть. [a]) Ich danke, сказала имъ она тихо, но съ шолковымъ шумомъ опускаясь на стулъ и осматриваясь кругомъ. Я оборотился и сталъ ее пристально разсматривать. Свѣтло-голубое съ бѣлымъ кружевнымъ уборомъ платье точно воздушный шаръ [7]) разпространилось кругомъ стула и заняло чуть не полкомнаты. Она сидѣла очевидно робѣя того что занимаетъ полкомнаты и хоть и улыбаясь, но въ какомъ-то робкомъ ожиданіи Только что она поверну понесло духами. [8])

Траурная дама кончила и начала вставать. Вдругъ (54) съ нѣкоторымъ шумомъ весьма молодцавато и какъ-то особенно съ каждымъ шагомъ повертывая плечами взошелъ офицеръ, бросилъ фуражку съ кокардой на другой столъ и сѣлъ въ кресло и сѣлъ за столъ. Пышная дама такъ и вскочила съ мѣста, завидя его, и начала присѣдать, но офицеръ не обратилъ на нее ни малѣйшаго вниманія и она уже не садилась при немъ. Это былъ поручикъ помощникъ квартального надзирателя. Онъ искоса и съ нѣкоторымъ негодованіемъ посмотрѣлъ на меня. Слишкомъ ужъ было на мнѣ скверенъ [9]) костюмъ. Да и я самъ должно быть былъ такой взъерошенный, потный, лихорадочный.

— Ты [10]) здѣсь [11]) зачѣмъ? крикнулъ онъ, видя что я не стушевываюсь отъ его громоваго взгляда. Это восклицаніе отчасти ободрило меня.

«Значитъ ничего не знаютъ»...

— Потребовали... по повѣсткѣ... отвѣчалъ я съ нѣкоторою дрожью, и вдругъ негодованіе обхватило меня [12]) Его нахальная фигура [13]) и я этому теперь самъ удивляюсь [14]). Это мы по дѣлу о взысканіи съ нихъ денегъ... съ студента, сказалъ ему письмоводитель Подите сюда вотъ: сказал он мнѣ, подавая тетрадь и указывая мѣсто на одной бумагѣ. прочтите.

Зачеркнуто: [1]) одѣтый [2]) вымытыхъ [3]) Онъ кажется добрый подумалъ я [4]) Все это меня ужасно занимало [5]) письмоводителя [6]) Онъ а) *Вариант*: Дамѣ. Я тоже оглянулся на нее. Это была пышная багрово-красная женщина съ брошкой въ медаль величиной. [7]) облегло [8]) ну какъ это ловять меня, подумалось мнѣ виду не показываютъ а потомъ и цапъ. А что если на квартирѣ теперь уже обыскъ идетъ! [9]) скверно платье [10]) тебѣ [11]) чего [12]) негодованіемъ за ты. [13]) какъ будто оскорбила меня [14]) Онъ письмоводитель объ

Какихъ бы денегъ? подумалъ я. Стало быть совсѣмъ-таки не объ томъ.

— А въ которомъ часу вамъ велѣно при [1]) быть? крикнулъ поручикъ, все еще взъѣдаясь на меня, [2]) Вамъ пишутъ въ девять, а теперь уже двѣнадцатый часъ [3]).

— Мнѣ прислали всего четверть часа назадъ [4]), громко отвѣчалъ я ему. И того довольно что я въ лихорадкѣ пришолъ. Присылали бы сами раньше. Пишите въ 9 а приносятъ въ 11.

— Не извольте кричать-съ! сударь!

— Это вы кричите, а [5]) я тихо говорю. Извольте знать [6]) что я студентъ и не стерплю отъ васъ невѣжливости.

[*Вставка:* Я самъ не поним что со мн было. Я впрочемъ ник не мог стерпѣть попытку на мои привилегі(и), и на мое достоин но подозрѣва[л] что...].

Поручикъ до того вспылилъ что даже затрясся и вскочилъ съ мѣста.

— Извольте ма-а-алчать! Вы въ присутствіи. Не гррру-бія-нить... суда-а-арь!

— Да и вы въ присутствіи же, а вотъ папиросу курите [a]). (55)

Стало быть [7]) всѣмъ намъ манкируете [8]) отвѣчалъ я [9])

Письмоводитель который тоже курилъ [10]) съ улыбкой смотрѣлъ на насъ. Я же весь такъ и дрожалъ отъ оскорбленія [11]). Помощникъ надзирателя былъ видимо озадаченъ [6]).

— Это не ваше дѣло-съ, прокричалъ онъ конфузясь, какъ-то ужъ неестеств громко, для прикрытія конфузу. А вотъ извольте-ка дать отзывъ [12]), который съ васъ требуют. Покажите ему Алекс. Ива-чь, крикнулъ онъ письмоводителю. Жалобы на васъ. Денегъ не платите... Ишь какъ вылетѣлъ [*на поле:* сокол ясный!] [13]). Письмоводитель опять развернувъ тетрадь указалъ мнѣ рукою мѣсто [14]).

Я [15]) взялъ бумагу и сталъ читать (56)

Дальше продолженіе текста идет на стр. 57-й.

Это поручикъ — порохъ [16]). весь распарился но я уже не слыхалъ я съ жадностью [17]) читалъ бумагу [18]). Прочелъ разъ, другой [19])—и не понялъ.

Зачеркнуто: [1]) ходить. [2]) потому что кажется былъ очень обидчивъ [3]) можетъ быть именно потому что я былъ студентъ и что мнѣ нельзя говорить ты [4]) рѣзко [5]) не [6]) съ. [7]) вы [8]) всей публикѣ манкируете, слышите-съ а) *на нижнем поле стр. 55:* да, я дрожалъ въ негодованіи и ничто не могло меня такъ развлечь, я даже забылъ все. Положи. я все еще это говорю по старой привычкѣ, но все-таки какъ могъ еще ничего не понявъ Боже неуже(ли) я думалъ что ужъ могу, что ужъ имѣю право вздыхать всею грудью и что все уже снято съ этой груди, оттого только что концы были спрятаны. [9]) И самъ удивляюсь теперь какъ я могъ тогда еще въ амбицію войти. [10]) съ недоумѣніемъ и [11]) понимаю какъ я могъ такъ разгорячиться. [12]) вотъ тутъ-то что Александръ; б) *на поле стр.*: письмоводитель умѣлый и плутоватый малый [13]) Тотъ [14]) Я весь дрожалъ отъ негодованія. Самъ удивляюсь теперь какъ я могъ тогда въ такомъ страхѣ еще въ амбицію войти. Однако я прочелъ [15]) прочелъ [16]) Я бросилъ поручика и [17]) схватилъ [18]) я [19]) бумагу

— Что-же это [1]), спросилъ я письмоводителя.

— Деньги съ васъ по векселю требуютъ: Вы должны или уплатить, со всѣми издержками, съ пенными и проч. или дать отзывъ когда можете уплатить, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обязательство не выѣзжать до уплаты изъ города, и не продавать и не скрывать своего имущества.

— Да помилуйте, я никому не долженъ [2]).—Это ужъ ваше дѣло, а къ намъ представлено [3]) законное требованіе по векселю протестованному, выданному вами вдовѣ коллежской ассессоршѣ Зарницыной 9 мѣсяцевъ тому назадъ, въ семдесятъ пять рублей.

— Да вѣдь она-жъ моя хозяйка.

— Такъ чтожъ, что хозяйка [4])? Пись [5]) моводитель смотрѣлъ на меня съ снизходительною улыбкою [и] сожалѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкотораго торжества, какъ на новичка, котораго только что начинаютъ обстрѣливать: «что дескать каково ты теперь себя чувствуешь?» Но радость и бодрость вливались въ мою душу и какъ будто разливались по всѣмъ моимъ жиламъ [а]) и я не солгу если это была минута нѣтъ одно только мгновеніе безъотчетн счастья [6]). [б]) И такъ [7]) пріятно такъ пріятно мнѣ стало [8]) толковать по дѣл с письмоводителемъ и я съ наслажденіемъ [9]) дружест и даже очень очень захотѣлось мнѣ вдругъ затянуть съ нимъ разговоръ, подольше, пообстоятельнѣе, по фамильярнѣе. Вся душа моя какъ будто распарилась отъ счастья и вся размягчилась. Точно все, все уже всѣ заботы шли, и не было ничего никогда [10]) и ни о чемъ ровно ни о чемъ въ эту минуту я не заботился. Одна [в]) животная радость [11]) спасенія [12]). Я вздохнулъ всею грудью [13]). Въ эту минуту вдругъ громъ и молнія поразили насъ.

Текст возвращается на 56 страницу.

Дѣйствительно было нѣчто въ родѣ грома и молніи. А ты разъ такъ-то и разъ-такъ-то [г]) тебя крикнулъ [14]) вдругъ [д]) обращаясь къ пышной дамѣ очевидно срывая сердце и очевидно желая поддержать при людяхъ свою [15]) амбицію уязвленную упрекомъ въ папиросѣ—что у тебя тамъ за дебошъ произошло? Опять позоръ—а? На всю улицу [16]) драка, пьянство. Въ смирительный захотѣла? Вѣдь я тебѣ говорилъ, вѣдь я уже предупреждалъ тебя разъ—такъ-то и перетакъ-то [17]) тебя въ другой разъ. шельма ты этакая что не спущу а ты опять и т. д. Такая-то и разтакая-то ты [е]).

Зачеркнуто: [1]) сказалъ [2]) но тѣм. *Над строкой:* «Я никакому Бочкарову»; *далее зачерк.:* Да вѣдь вексель-то [3]) предоставленъ [4]) она же и требуетъ [5]) арь а) *между строк:...* не только не тревожил но даже врядъ ли обращалъ хоть какое нибудь вниманіе. Нет я такъ только. *На поле:* я слушалъ и поним и отвѣчалъ машиналь не тѣмъ полна была голова. [6]) «Не то, не про то стало быть, а на вексель наплевать; да какое мнѣ дѣло до векселя б) *над строкой:* несмотря на то, что онъ меня такъ удивлялъ думалъ я [7]) все [8]) вдругъ [9]) по [10]) Я [а]) это было чисто [11]) малодушная [12]) обхватилъ меня [13])—Помилуйте, Помилуй войдите въ мое положеніе, началъ я какъ актеръ, приготовляясь отъ мягкости къ краснорѣчивѣйшему изъясненію... Но [г]) такая-то и разтакая-то ты [14]) онъ [д]) вдругъ поручикъ *(зачерк.* еще) весь потрясенный моею непочтительностью, весь пылая и очевидно срыва и [15]) нѣсколько пошатнувшуюся [16]) позоръ [17]) сукина дочь е) *на поле страницы:* Цугундеръ, какъ въ высок слогѣ. Ну на благор А у Генріеты

У меня даже выпала бумага изъ рукъ, которую мнѣ совалъ письмоводитель и я [1]) дико, смотрѣлъ на пышную даму, которую такъ безцеремонно отдѣлывали. Помню только что мнѣ доставляло это даже нѣкоторое удовольствіе. Илья Петровичь... началъ было письмоводитель заботливо... но остановился выждать время потому что [2]) поручика нельзя было удержать развѣ за руки Пышну даму такъ всю и передернуло [3]) сразу, но—странное дѣло, не смотря на самыя (56) площадныя ругательства, видъ ея сдѣлался вдругъ необыкновенно любезнымъ уторопленно-внимательнымъ и даже чѣмъ площаднѣе были ругательства, тѣмъ обворожительнѣе и любезнѣе становилась ея улыбка обращенная къ грозному [4]) поручику. Точно всѣ эти руга(тельства) доставл(яли) ей какъ будто какое-то наслажде. Она сѣменила на мѣстѣ и безпрерывно присѣдала, ожидая что наконецъ и ей позволятъ ввернуть свое словцо.

— Никакого шума и драки у меня не было г-н Капитанъ [5]) и никакого, ни(ка)кого скандралъ! затараторила она вдругъ [точно... откуда] съ нѣмецкимъ акцентомъ хотя и бойко говорила по-русски.—Они пришли въ третьемъ часу г. Капитанъ [6]) начала она улыбаясь, а [7]) пьяные г. Капита(нъ) я [8]) это все [9]) разскажу [10]) Капитанъ, но я не виновата и дѣвицы не виноваты, потому что у меня благородный домъ г-н Капитанъ и всегда благородное обращеніе [11]) и я всегда всегда сама не хочу [12]) никакого [13]) скандаль. А што они были пьяные и потомъ три бутилка шампанскаго требовали, а потомъ одинъ [14]) всталь поднялъ ноги и началъ по фортепьяну [15]) ногами играть и это совсѣмъ не хорошо въ благородномъ домѣ [16]). И онъ весь фортепьянъ изломалъ и совсѣмъ совсѣмъ тутъ нѣтъ никакой манеры и я сказаль, это невѣжливо и я сказаль [17]). А онъ сказаль что онъ такъ всегда въ публикѣ концертъ игралъ и потомъ бутилку взялъ и [18]) сталъ дѣвицу сзади бутилкой толкать. изо всей силы меня по щекѣ удариль [19]). (58)

И тутъ какъ я стала дворникъ звать и Карль пришелъ, онъ взялъ Карль и глазъ подбилъ и Генріеты тоже глазъ [20]) подбиль, а меня опять по щекѣ три раза ударилъ. И это такъ не [21]) деликатно въ благородномъ домѣ г-н Капитанъ [22]). И я со слезами кричаль г. Капитанъ, а онъ взялъ отвориль окно на канаву и началъ въ окно какъ поросенокъ визжаль [23]) и это срамъ. И какъ можно въ окно на улицу, какъ поросенокъ визжаль [24]). И

глазъ подбитъ а третій бутылкой». «Началъ кричать поросенкомъ. И я жъ ему за сертукъ 12 Зильбер-рубель отдалъ; я говоритъ про тебя въ газетахъ напишу; и визжать поросенкомъ я этого и сама не дѣлаю, хоть я хозяйка дома.

Зачеркнуто: [1]) дико загадочно и съ недоумѣн [2]) вспылившаго [3]) но принявъ необыкновенно любезный и достойный видъ [4]) Г-ну [5]) чѣмъ дальше тѣмъ все больше и больше входя въ одушевленіе; [6]) Это вамъ [7]) былъ скандаль [8]) это сама говорю [9]) теперь [10]) г. [11]) Капитанъ [12]) смотрю чтобъ не было [13]) большой [14]) сѣлъ [15]) кулаками [16]) потому что [17]) А какъ я сказаль онъ вдругъ [18]) началъ [19]) а другой пьянь гость взялъ бутилку и сталъ дѣвицу бутилкой сзади толкать [20]) кулакомъ [21]) благородно [22]) а я ничѣмъ невиновата потому что у меня благородный домъ. [23]) кричать; [24]) Кричать въ благородномъ домѣ.

это срамъ,[1]) фуй! фуй! фуй! и гостю это нельзя позволять; потому[2]) я хоть и хозяйка въ домѣ [что хочу и дѣлаю], и то и я сама хозяйка никогда этого не могу и въ моемъ домѣ г. Капитанъ поросенкомъ въ окно еще никогда не визжаль. И Карль сзади его за фракъ отъ окна тащиль и тутъ это правда [3]) капитанъ ему [4]) зейнъ рокъ изорваль. И тогда онъ [5]) кричаль чтобъ ему пятнадцать [6]) цѣлковыхъ штрафъ платиль. [7]) И я сама Капитанъ ему двѣнадцать рубле(й) даваль [8]) выносиль; [9]) И какой же это неблагородный гость Г-нъ Капитанъ, когда онъ деньги взяль, а на самой серединѣ, въ комнатѣ при всѣхъ демуазель скверность сдѣлалъ. Я говоритъ всегда это люблю сдѣлать и на васъ сатиръ пишу [10]) и въ газетъ печатаю, потому я все въ газетахъ [11]) могу на всѣхъ [12]) сочиняль. [13])

— Изъ сочинителей значитъ [14]).

— О [15]) г-нъ Капитанъ и какой же это неблагородн(ый) гость Капитанъ когда въ благородномъ [16]) домѣ и при дѣвицахъ на самой (59) серединѣ, на полъ...

Ну-ну-ну! Завралась. Я те дамъ благородный домъ [17]).

Ну старая такъ и быть сказалъ онъ ей мягче. Я ужъ тебѣ говорилъ, говорилъ, три раза ужъ тебѣ говорилъ [18]) Если же еще хоть одинъ разъ у тебя будетъ скандалъ, почтеннѣйшая Ловиза Ивановна такъ я тебя самое на цугундеръ какъ въ высокомъ слогѣ говорится [19]). Такъ литераторъ, сочинитель двѣнадцать цѣлковыхъ за фалду взялъ! Илья Петровичъ... тихо позвалъ опять письмоводитель, поручикъ быстро взглянулъ на него. Письмоводитель слегка кивнулъ ему головою. Дѣло понятное. Вотъ они сочинители!—(и онъ метнулъ на меня грозно-насмѣшливый взглядъ) третьяго дня въ трактирѣ тоже исторія, пообѣдалъ а платить не хочетъ: не то опишу дескать васъ въ сатирѣ [20]). На пароходѣ тоже другой на прошлой недѣлѣ почтенное семейство, статского совѣтника съ женою и дочерью подлѣйшими словами другой обозвалъ. Изъ кондитерской одного виршеплета три дня тому назадъ опять въ толчки офицеры велѣли вытолкать. Вотъ они—сочинители, литераторы, студенты, глашатаи! [21]) Тьфу! [22]). А вы что-же, [23]) прежде не [24]) изволили появиться набросился онъ на одного [25]) какъ бы мѣщанина въ сибиркѣ [26]) и въ шолковой черной, замазанной жиромъ жилеткѣ, а ты пошла [27]), я те дамъ благородный домъ [28]); На самой серединѣ!..

Ловиза Ивановна присѣла [утопленно и съ] на всѣ стороны съ любезностью и съ достоинствомъ и присѣдая дошла до дверей. Но въ

Зачеркнуто: [1]) какой же гость? и я сама капитанъ и хоть и хозяйка и онъ говориль что онъ безъ этого это ему [2]) Г-нъ офицеръ [3]) что [4]) фракъ. [5]) за [6]) рублей [7]) за фракъ даваль. [8]) За фракъ даваль его Rock заплатиль [9]) а то говоритъ всѣ зеркала разшибу. [10]) на [11]) дескать [12]) описываю. [13]) написать — саль, писать [14]) литераторъ [15]) Да [16]) заведеніи. [17]) заведеніе. [18]) смотри. [19]) Я те дамъ благородный домъ. [20]) такъ и выпустили [21]) ученый-то народъ. Эки философы! [22]) Ты [23]) болванъ [24]) приходилъ [25]) мужика въ [26]) а ты [27]) смотри же [28]) серединѣ.

дверяхъ [1]) наскочила сзади и опять припрыгнула на видного офицера [2]) съ открыты(мъ) свѣжимъ лицомъ и съ превосходными (60) смоляными бакенами. Это былъ самъ Никодимъ Фомичь квартальный надзиратель. Ловиза Ивановна поспѣшила присѣсть чуть не до полу и частыми мелкими шагами, припрыгивая, полетѣла изъ присутствія [3]).

— Опять грохотъ, опять громъ и молніи! смерчъ, ураганъ! любезно и по дружески обратился Никодимъ Фомичь къ Александру Ильичу: Опять разтревожили сердце, опять вспылилъ. Еще съ лѣстницы слышалъ.

— Да што (и не што, какъ-то шта!) проговорилъ Александръ Ильичъ, переходя съ какими-то бумагами къ своему столу, картинно передергивая плечами—куда шагъ туда и плечо—и видимо жеманясь и рисуясь. Вотъ-съ, извольте видѣть господинъ сочинитель, онъ указалъ на меня, то бишь студентъ, бывшій то-есть студентъ—денегъ не платитъ. векселей надавалъ, квартиру не очищаетъ, безпрерывныя на нихъ жалобы и изволилъ въ претензію войти, что я папироску при нихъ закурилъ. Сами п-п-подличаютъ а вотъ-съ извольте взглянуть на нихъ: Вотъ они въ самомъ своемъ привлекательномъ видѣ [4]).

— Бѣдность не порокъ! дружище, ну да ужъ что, порохъ [5]), извѣстно [a]) вы чѣмъ-нибудь вѣрно обидѣлись и сами не удержались продолжалъ Никодимъ Фомичь, любезно обращаясь ко мнѣ,—но это [6]) напрасно. Это благороднѣйшій, наи-благо-р-р-р-роднѣйшій я вамъ скажу человѣкъ [б]), но порохъ, порохъ! Вспылилъ, вскипѣлъ, сгорѣлъ —и нѣтъ! и все прошло и въ результатѣ—одно [7]) только золото благородство сердца!

Но благороденъ! благороденъ! [8]) Его и въ полку всѣ звали: поручикъ-порохъ! И какой еще п-полкъ былъ! произнесъ Александръ Ильичь, весьма довольный, что его пріятно, пощекотали и похвалили. и усиленно передернувъ плечами. Я-же [9]) вдругъ почувствовалъ себя въ какомъ-то восторженно [10]) экспансивномъ состояніи: настроеніи сказать имъ всѣмъ что-нибудь очень пріятное. (61)

— Да помилуйте, капитанъ, началъ я, я готовъ просить даже у нихъ извиненія, если въ чемъ... я... я бѣдный, больной студентъ, удрученный бѣдностью (я такъ и сказалъ: удрученный). Я бывшій студентъ, потому что теперь не могу содержать себя... Но я получу деньги. У меня мать и сестра въ С-й губерніи. Мнѣ пришлютъ. И я [11]) все заплачу. У меня уроки... я найду, и все заплачу. Хозяйка моя добрая женщина, но она до того озлилась что я уроки потерялъ и не плачу уже четвертый мѣсяцъ, что не даетъ мнѣ обѣдать. И не понимаю совершенно какой это вексель. Теперь она съ меня требуетъ по векселю; чтож я ей заплачу? [в])

Зачеркнуто: [1]) столкнулась съ [2]) виднымъ офицеромъ [3]) что [4]) Порокъ [5]) порохъ а) *на поле:* мнѣ ужасно хотѣлось помириться со всѣми ними и не то чтобъ,— одно слово [6]) все б) *на поле:* человѣкъ развитія [7]) и одно [8]) гусаръ, старый гусаръ! [9]) бы. [10]) ...мъ и блаженномъ [11]) заплачу я в) *над строкой:* это не наше дѣло замѣтилъ было

— Но вѣдь вы [1])... началъ былъ письм. выдали этотъ векселъ [2]), и стало быть обязались платить замѣтилъ письмоводитель [3]).

— Позвольте вамъ разъяснить позвольте это все такъ-съ перебилъ я поспѣ(шно); продолжалъ [4]) я, обращаясь не къ нему, а къ Никодиму Фомичу и стараясь всѣми силами [5]) обращаться тоже и къ Александру Ильичу, хотя тотъ [6]) дѣлалъ видъ что роется въ бумагахъ и презрительно не обращаетъ на меня вниманія,—позвольте вамъ разъяснить, я живу у ней уже болѣе двухъ лѣтъ съ самаго пріѣзда изъ провинціи и прежде... ну да, отчего-жъ мнѣ не признаться въ этомъ... съ самаго начала... я... я далъ обѣщаніе что женюсь на ее дочери... я право не былъ влюбленъ, а такъ... впрочемъ я не утверждаю этимъ чтобы кто меня принуждалъ, я совершенно по своей волѣ... И тогда (62) хозяйка мнѣ дѣлала много кредиту. Я велъ не такую жизнь, я очень былъ легкомысленъ [7])...

Какія подробности! фыркнулъ [8]) Александръ Ильичь... Интимности—Позвольте [8]), перебилъ я. Годъ назадъ-съ дочь ея умерла отъ тифа. Я ужъ говорилъ, я вовсе не былъ влюбленъ, а такъ легкомысленъ. Я остался жильцомъ, какъ былъ и хозяйка, какъ переѣхала на теперешнюю квартиру, сказала мнѣ,—и сказала дружески, такъ сказать со слезами—что она совершенно во мнѣ увѣрена и все... но что не захочу-ли я дать ей векселъ въ 75 руб.—всего что она считала за мной долгу? [9]) Позвольте-съ: она именно сказала, что какъ только я дамъ этотъ векселъ она опять будетъ меня кредитовать сколько угодно и что никогда, никогда, никогда,—это ея собственныя слова были,—она не воспользуется этимъ векселемъ, покамѣстъ я самъ не заплачу. Говорила она это со слезами [10])... И признаюсь вамъ я былъ тронутъ и подписалъ, хотя признаюсь опять, я вовсе, вовсе не былъ такъ особенно влюбленъ въ ея дочь, а такъ по легкомыслію... и вотъ теперь, когда я уроки потерялъ и у меня ѣсть нечего, она кромѣ того, что перестала обѣдъ давать, потому что я за четыре мѣсяца долженъ, но даже векселъ подала ко взысканію. Какого это! Извините меня, это, это... Что же я теперь скажу?

Всѣ эти [11]) чувствительн подробно [12]): мил сударь [13]) презрительно прервалъ Алекс. Ильичь совершенно до насъ не касаются и вы бы могли ихъ удержать при себѣ, вы должны дать отзывъ и [14]) обязательство, а что вы тамъ изволили быть влюблены [15]) и всѣ [16]) эти трагическія мѣста до этого намъ [17]) совсѣмъ дѣла нѣтъ.

— Ну ужъ ты жестоко... пробормоталъ Никодимъ Фомичь съ состраданіемъ взглянувъ на меня. Впрочемъ онъ тотчасъ-же (63) ушолъ къ столу Александра Ильича, усѣлся и сталъ что-то подписывать.

Зачеркнуто: [1]) же сами [2]) годъ назадъ, сказалъ. [3]) Это такъ, но [4]) сказалъ [5]) средствами [6]) хоть и слушалъ меня, но [7]) Но эти всѣ подробности—началъ было [8]) Съ васъ вовсе не спрашиваютъ такихъ интимныхъ подробностей милъ государь [8]) позвольте [9]) но позвольте [10]) говорила что я ей вѣчно дорогъ, какъ женихъ ея покойницы дочери [11]) подробности. [12]) интимности. [13]) мой, [14]) приготовиться [15]) и проч.—да нам [16]) ваши тамъ несчастія [17]) и

— Пишите-же, сказалъ мнѣ письмоводитель [1])

— Да что-же писать? [2])

— А я вамъ продиктую... Мнѣ показалось, что онъ говорилъ со мной гораздо небрежнѣе и презрительнѣе послѣ моей исповѣди [3]).

— Да вы писать не можете, у васъ перо изъ рукъ валится сказалъ письмоводитель глядя на меня съ любопытствомъ [4]). вы и въ самомъ дѣлѣ [5]) больны [6]).

Да... голова кругомъ отвѣчалъ я, говорите:

Онъ сталъ диктовать обыкновенную подписку—т.-е. заплатить не могу [7]), обѣщаюсь тогда-то изъ города не выѣду и имущества ни продавать ни даритъ не буду.

— Да у меня нѣтъ имуществъ.

— Да вѣдь это только форма [8]).

— Какъ же [9]) Что же она меня въ тюрьму посадитъ? спросилъ я водя перомъ.

— Можетъ и не посадитъ, равнодушно пробормоталъ письмоводитель, всматриваясь въ мою подпись; [10]) вы какъ нибудь помиритесь, [11]) вѣдь не [12]) еще нѣсколько дней [13]) будетъ [14]).

Но я уже не слушалъ! [15]) я; бросилъ перо, положилъ оба локтя на столъ и стиснулъ руками свою голову. [*Приписка:* Голова горѣла] [16]). Голова такъ болѣла точно гвоздь мнѣ вбивали въ темя, я было хотѣлъ встать но (64) вдругъ такъ и замеръ на мѣстѣ. Никодимъ Фомичь, съ жаромъ разсказывалъ и до меня долетали слова.

— Быть не можетъ... Ихъ должны освободить немедленно. Во 1-хъ все противурѣчитъ: Судите зачѣмъ имъ дворника звать? Если бъ они сдѣлали, на себя что ль доносить? [17]) а Повалищевъ такъ тотъ, прежде чѣмъ къ старухѣ заходить, внизу у серебренника полчаса сидѣлъ и ровно безъ четверти восемь къ старухѣ [18]) пошолъ... Теперь сообразите [19]).

— Но позвольте, какъ же они говорятъ, что стучались и дверь заперта, а черезъ три минуты, когда съ дворниками пришли — отперта.

— То-то и есть что такъ, именно [20]) тамъ [21]) онъ сидѣлъ. Студентъ оставилъ Повалищева [22]) ждать у дверей. Еслибъ не ушолъ Повалищевъ торопить дворника, такъ бы они тутъ и захватили убійцу. А онъ именно [онъ ушолъ и убійца] въ этотъ [23]) то промежутокъ

Зачеркнуто: [1]) сядьте и нач. [2]) Да. [3]) И могъ же я этими глупостями тогда заниматься; но я такъ радъ, такъ радъ былъ всему этому униженію, какъ спасенію. [4]) да у васъ жаръ [5]) очень [6]) Голова болитъ и кружится сказалъ я, бросилъ перо, поставилъ локти на столъ и с [7]) ну хоть черезъ годъ [8]) что же [9]) какъ же мнѣ быть? Научите, вѣдь она меня въ тюрьму посадитъ. [10]) Да [11]) тѣмъ временемъ [12]) сейчасъ, нельзя ли [13]) пройдетъ [14]) Нельзя ли это задержать подольше. [15]) подписался... [16]) Что съ вами? спросилъ письмоводитель.—Голова болитъ кружится... Но дѣйствительно. [17]) *Зачерк. карандашом:* А второе студенты ихъ видѣли у самыхъ воротъ съ тремя пріятелями какъ они входили дворники видѣли и у дворниковъ тутъ же онъ о жительствѣ спрашивалъ, всѣ три пріятеля свидѣтельствуютъ что онъ съ ними былъ, въ трактирѣ. [18]) ушолъ [19]) но позвольте [20]) въ это время [21]) убійца [22]) стеречь [23]) время какъ они ушли

и успѣлъ и спуститься по лѣстницѣ и прошмыгнуть какъ-нибудь мимо нихъ.

— Да [1]) его [2]) никто не видалъ?

— Да гдѣ-жъ тутъ увидѣть домъ Ноевъ Ковчегъ, тутъ сто жильцовъ [3]) живетъ—замѣтилъ письмоводитель съ своего мѣста [4]). (65)

Я всталъ, покачнулся, съ трудомъ отыскалъ на полу мою шляпу и [5]) пошолъ къ дверямъ... Дальше ничего не помню.

Когда я очнулся, то увидѣлъ что сижу на стулѣ, что меня поддерживаютъ [6]) справа человѣкъ въ замасленной жилеткѣ, что кто-то стоитъ съ лѣвой стороны съ маленькимъ желтымъ стаканомъ и съ желтой теплой водой въ рукахъ и что Никодимъ Фомичъ довольно заботливо глядитъ на меня [7]). Я привсталъ и покачнулся.

— Что это вы, больны? рѣзко но съ нѣкоторою жалостію спросилъ Никодимъ Фомичъ.

— Да... отвѣчалъ я, озираясь кругомъ.

— Они [8]) и какъ [9]) подписывались, такъ едва перо въ рукахъ держали, замѣтилъ письмоводитель усаживаясь на свое мѣсто и принимаясь за бумаги.

— А давно вы больны? Закричалъ Александръ Ильичъ перебирая стоя у своего стола бумаги. Онъ вѣроятно меня разсматривалъ когда я былъ въ обморокѣ и отошолъ когда я очнулся.

— Со... вчерашняго пробормоталъ я [10]). (66)

— Вчера со двора не выходили? продолжалъ Александръ Ильичъ.

— Выходилъ.

— А куда, позвольте спросить? [11])

— По улицѣ [12]).

— Гм [13]).

— Да онъ едва на ногахъ стоитъ, а ты... замѣтилъ было Никодимъ Фомичъ [14]),

---

Зачеркнуто: [1]) какъ же [2]) и его [3]) ходитъ) Ну-да, прошолъ какъ-нибудь, прошмыгнулъ. И не это одно, а вы возьмите то обстоятельство, что по этой же лѣстницѣ квартира стояла настежь пустая работникъ мазалъ и не заперъ, въ распивочную ушолъ. [*Над строкой:* какъ разъ въ эту самую секунду можетъ быть съ подносчик товари] съ тѣмъ чтобъ потомъ воротиться запереть. Именно въ то время какъ они подымались по лѣстницѣ убійца тутъ же за дверью въ квартирѣ пережидалъ и потомъ шмыгъ и нѣтъ его. Дѣло ясное! Дѣло ясное! [4]) ни живъ ни мертвъ [5]) одинъ какой-то [6]) Александръ [7]) и давеча [8]) самъ. [9]) со вчерашняго дня. А не выходили ль вы вчера вечеромъ со двора. [10]) Такъ, [11]) Голова болѣла [12]) А не знавали ль вы старуху З-ву? спросилъ онъ вдругъ упирая на меня грозно-вопросительный взглядъ...—К чему это? [13])—Позвольте, позвольте... Знали иль нѣтъ?

— Нѣтъ т.-е. не очень. Я три недѣли назадъ ей часы заложилъ—прибавилъ я вдругъ съ какой-то смѣлостью отчаянія.

— Часы? у васъ были часы? А какіе часы?.. Это мы узнаемъ Сер. Какіе часы? и за сколько?

— Серебряные за два рубля,—отвѣчалъ я дерзко смотря ему въ глаза. Впрочемъ, позвольте васъ спросить къ чему эти разспросы?

— Да конечно... Человѣкъ на ногахъ не стоитъ... пробормоталъ опять Никодимъ Фомичъ, но

— Ничего... Какъ-то особенно проговорил Илья Петров. Никодимъ Фомичь, хотѣлъ было еще что-то сказать взглянувъ на писаря который пристально смотрѣлъ на него замолчалъ. Очень все это странно было [1]). (67)

— Ну-съ хорошо-съ, [2]) покончилъ Александръ Петровичь [3]); Можете удалиться [4])

Я вышелъ. Я [5]) слышалъ какъ по выходѣ моемъ начался вдругъ оживленный разговоръ [6]) въ которомъ слышнѣе всѣхъ былъ голосъ Никодима Фомича. Черезъ минуту [7]) я сходилъ уже съ лѣстницы и [8]) совершенно очнулся [9]).

«Обыскъ, обыскъ сей часъ будетъ обыскъ, повторялъ я трепеща и леденѣя. Они догадались. Этотъ подлецъ помощникъ Илья Петро-(вичъ) догадался [a]). (68)

А что если ужъ и былъ обыскъ, теперь пока я былъ въ Квартирѣ думалъ я выходя на лѣстницу, что... ихъ... какъ разъ дома теперь застану? [10])

Но вотъ и домъ. Вотъ и моя комната. Ничего не было; даже навѣрно никто [11]) не заглядывалъ; все [12]) какъ было. Даже Настасья [13]) не притрогивалась. Она впрочемъ давно уже перестала убирать [14]) у меня. Такъ и лежала пыль. Я отдохнулъ.

Ни вчера ни сегодня еще они подозрѣніе на меня не имѣли... усиливался я разсудить [15]).

Но этотъ Александръ Ильичь хоть и сдуру, со злобы, а все таки зародилъ въ нихъ теперь подозрѣніе и ужъ навѣрно станутъ присматривать, слѣдить... а можетъ и посѣтятъ. Пожалуй сейчасъ. И это очень, очень, очень вѣроятно. Но Боже, Боже мой. Какъ, какъ унизилъ себя. Поэтому скорѣй, скорѣй спасаться, скорѣй сейчасъ Господи! [16]). куда я дѣну теперь всѣ эти вещи, куда? Я сѣлъ на постель и вдругъ странное ощущеніе овладѣло мною. [17])

Прят концы — это даж навѣрн.

Вѣдь ихъ надо [18]) непремѣнно перенести, и тотчасъ-же [19]) тотчасъ же [20]) не откладывая, покамѣстъ еще они не успѣли начать... И какъ я

Зачеркнуто: [1]) А извѣстно ли вамъ что эта старуха, вмѣстѣ съ сестрой своей вчера 'ввечеру, около восьми часовъ вечера была убита... неизвѣстно кѣмъ?— Нѣтъ.—Нѣтъ?—Нѣтъ... ничего. [2]) ступайте больше не требуется. Я [3]) мнѣ показалось какъ будто въ раздумьи [4]) Я двинулся къ двери, хотѣлъ было въ дверяхъ оборотиться и начать опять: «Но позвольте»... но въ эту самую минуту Александръ Ильичь крикнулъ мнѣ вслѣдъ.—Такъ вы ее три недѣли назадъ тому видѣли? — Да-съ около трехъ недѣль, отвѣчалъ я...— Хорошо. [5]) сходя [6]) вполголоса [7]) я былъ на [8]) я уже [9]) я понималъ въ чемъ дѣло a) *На верху 69 стр. надписи:* Отдалъ — Вотъ; Куда дѣвать. Тоска по городу. Сошолъ-у Невы. Заглянулъ въ кошелекъ. Положилъ подъ камень. Зашолъ къ пріятелю. переводн. 3 руб. въ трактирѣ. Пришолъ домой. Легъ. Шумъ. Разсказъ Настасьи. (Ночью) Это кровь у тебя. Купилъ сапоги, штаны и фуражку. Газеты. Глубокая радость. Что если... Но нѣтъ, развѣ они бы такъ отпустили меня?.. Я подходилъ въ [10]) Я уже входилъ на лѣстницу; [11]) и [12]) какъ было; оставалось [13]) и [14]) мою комнату [15]) даже удивительно. что [16]) Куда [17]) Надо [18]) ихъ спрятать [19]) вынести вонъ; прежде чѣмъ они станутъ слѣдить, но куда? [20]) никуда

могъ все это такъ оставить бе вни. Я чувствовалъ что мнѣ нужны теперь всѣ мои мысли чтобъ обсудить мое положеніе, всѣ силы мои, чтобы спасти себя [1]).

Я бросился въ уголъ запустилъ руку подъ обои и началъ вытаскивать всѣ эти вещи и сталъ нагружать ими карманы. (69) всего [2]) на все было если не ошибаюсь теперь восемь штукъ. Я ихъ не разглядывалъ а просто такъ помню. Я машинально это запомнилъ, сосчитавъ ихъ такъ именно; Было кажется двѣ двѣ [3]) маленькія коробки, это я навѣрно помню, съ чѣмъ-то вѣрно съ серьгами какими нибудь (я не смотрѣлъ) потомъ еще какихъ-то 4 [4]) футляра одна какъ будто [5]) на ощупь цѣпочка [6]) была просто завернута въ газетную бумагу [7]). Былъ кажется и еще [8]) какой-то свертокъ, а впрочемъ кажется я ошибаюсь, тогда у меня все это плясало въ глазахъ. Я поклалъ все въ разные карманы, чтобъ не оттопыривалось. Кошелекъ-же взялъ и положилъ въ боковой карманъ пальто [9]). Я помню этотъ кошелекъ, какъ сейчасъ [10]): круглый, зеленый, замшевый съ стальнымъ ободкомъ и съ [11]) одного боку [12]) густо запачканный кровью. Я еще его ни разу не раскрывалъ, да и не подумалъ раскрывать и теперь [13]). Стало быть и карманъ въ панталонахъ кровью запачканъ, подумалъ я [14]). Затѣмъ я поскорѣй вышелъ [15]) изъ комнаты [16]) по обыкновенію ее не запирая, да она и сама не запиралась снаружи и ключа давно не было [17]).

Я шелъ[18]) скоро и твердо[19]); и хоть чувствовалъ что (70) я боялся погони[20]), весь изломанъ, но сознаніе было при мнѣ. Умъ мой тускнѣлъ и силы оставляли меня, это я впол. созн. Стало быть надо было управиться пока еще оставалось хоть какой нибудь разм. боялся что черезъ полчас, черезъ четверть уже выйдетъ наставленіе слѣдить за мной, такъ успѣть-бы, успѣть-бы. Надо было теперь успѣть схоронить концы до того врем [21]). Этотъ разъ я почти не качался и не спотыкался какъ давеча. Дѣло въ томъ, что я [22]) давно уже, еще утромъ [23]) еще ночью уже рѣшилъ [24]) всѣ эти вещи бросить

Зачеркнуто: [1]) я чувствовалъ, что голова во мнѣ, какъ будто естественно возбудились какія-то силы. Я чувствовалъ, что по крайней мѣрѣ мысли мои какъ будто прояснѣли и стали какъ будто отчетливѣе, конечно потому что оказалось, меня требовали не зат... и вотъ отъ этого напряженія хоть можетъ быть и неестествен, но что во мнѣ возбудилась даже вдругъ физическая сила. *На поле страницы:* А между тѣмъ я предчувствовалъ что это все изъ меня выходило что я еще немного останусь нѣмъ слабъ безуменъ и беззащитенъ. Первый страхъ соскочилъ такъ какъ въ полиціи дѣло обошлось лучше чѣмъ я думалъ. [2]) то [3]) коро [4]) два [5]) какая-то [6]) цѣпь [7]) Я еще ни одну изъ этихъ вещей не разсматривалъ [8]) и другой такой-же [9]) пальта [10]) былъ [11]) этого боку [12]) былъ [13]) я этого и не разглядѣлъ прежде. [14]) потомъ надѣвъ шляпу я тотчасъ же но осторожно не спѣша вышелъ [15]) вышелъ [16]) ничего [17]) Ужъ конечно они не успѣли еще распорядиться слѣдить за мной думалъ я, а я ихъ предупрежу. Дворника я не встрѣтилъ. Дворника-то они ужс разумѣется въ кварталъ потребовали подумалъ я, проходя воротами. Его дѣйствительно не было. Очень можетъ быть что его уже въ кварталъ потребовали подумалъ я за инструкціями. Слѣдить-то уже будутъ, но... *На поле стр.*: «О дай, дай мнѣ ума на это послѣднее дѣло, а тамъ.. » [18]) быстро [19]) Я [20]) Я [21]) и хотя я былъ слабъ, но [22]) еще [23]) рѣшился [24]) брошу

куда нибудь въ канаву или выброшу я въ Неву или [1]) просто подбросить гдѣ-нибудь на чужой лѣстницѣ и-и рѣшилъ [2]) я [3]) всему конецъ [4]).

Впрочемъ надо было уйти куда нибудь подальше. Но куда же? Нѣсколько разъ я посматривалъ на сходы [5]) Екатеринин(скаго) канала [6]). Но [7]) вездѣ тутъ-же у схода или плоты стояли, гдѣ ихъ встр или лодк да и [8]) отовсюду изъ оконъ съ набережныхъ со всѣхъ сторонъ можно было видѣть: [9]) подозрительно что человѣкъ остановился [10]) и что-то въ воду бросаетъ. Нѣтъ въ каналъ бросить нельзя. Тѣмъ болѣе что всѣ прохожіе такъ смотрятъ, такъ любопытно смотрятъ на меня, какъ будто имъ и дѣло только до одного меня. Наконецъ-то я догадался что лучше идти на Неву, тамъ людей меньше. Не замѣтилъ и удивился при этомъ: какъ это я цѣлыхъ полчаса бродилъ, зналъ даже что надо подальше идти а не выдумалъ и не рѣшилъ идти на Неву. такъ долго долго не могъ этого выб. Туго у меня все шло въ головѣ. Я пошелъ по В-му проспекту. Но дорогой пришла мнѣ въ голову вдругъ и другая мысль.

Мелькнула у меня вдругъ мысль уйти куда-нибудь [11]) очень далеко куда нибудь на Крестовскій или Петровскій островъ и тамъ въ уединенномъ мѣстѣ въ лѣсу зарыть все это подъ деревомъ и дерево замѣтить. Соображая и обдумывая [12]) сколько могъ, т.-е. собирая неестественныя усилія, чтобы вывести хоть какое нибудь заключеніе я нашолъ что мысль эта очень хорошею [13]) и прямо отправился [14]) по направленію къ Васильевскому Острову, и не разсчитывая что можетъ быть отъ слабости и голодный со вчерашняго дня не дойду туда. И когда я уже прошолъ съ четверть версты то самъ себѣ сказалъ: Это и хорошо, что ухожу далеко, а то бы я все по канавѣ около нашихъ мѣстъ таскался, и они бы меня непремѣнно [15]) выслѣдили [16]).

Но на Крестовскій мнѣ было не суждено [17]) попасть да и навѣрнобы я не дошолъ. А случилось вотъ что: Выходя съ Возн. проспекта на Марьинскую площадь я (71) вдругъ увидѣлъ налѣво входъ во дворъ, обставленный совершенно глухими стѣнами. На дворѣ стояли въ углубленіи какіе-то сараи и были сложены бревна [18]). Еще далѣе въ углубленіи [19]) стояла горкой низкая старая деревянная постройка очевидно для мастеровыхъ; Это было какое-то заведеніе каретное или слесарное не знаю. Туда въ углубленіи много чернѣлось на нечистомъ дворѣ угля и все кругомъ было загрязнено и зачернено углемъ.—Вотъ бы куда все подбросить мелькнуло у меня въ головѣ; подбросить да и былъ таковъ. Въ такихъ мысляхъ я вошолъ во дворъ и тутъ же сейчасъ прой-

---

Зачеркнуто: [1]) подб [2]) подумалъ [3]) и [4]) Я старался. [5]) къ [6]) каналу [7]) внизу [8]) на противъ шагахъ въ пятидесяти [9]) нѣтъ въ каналъ бросить нельзя. [10]) сталъ [11]) по дальше [12]) эту [13]) хороша [14]) на [15]) меня бы и запримѣтили [16]) Впрочемъ очень можетъ быть, что у меня въ ту минуту была очень дикая наружность, а лицо, искаженное болѣзнью и... и всѣхъ даже пугало. А можетъ быть и то впрочемъ что ужъ мнѣ очень много казалось. Мнѣ именно въ тотъ день чрезвычайно много казалось такихъ вещей, которыхъ никогда не было. Но продолжаю: [17]) идти [18]) дрова [19]) была какая-то

дя въ чорныя досчатыя ворота растворенныя настежъ на улицу я [1]) увидѣлъ слѣва [2]) деревянный заборъ, который начинался [3]) отъ самыхъ воротъ и шолъ дальше шаговъ на двадцать и потомъ уже дѣлалъ переломъ [4]) влѣво. Справа-же сейчасъ отъ воротъ тянулась глухая задняя [5]) небеленая стѣна сосѣдняго четырехъ-этажнаго дома. У забора-же [6]) только что пройти ворота прилаженъ былъ деревянный жолобъ, (какъ и вездѣ въ тѣхъ домахъ, гдѣ много фабричныхъ, извощик, артельныхъ) и какъ бываетъ [7]) во всѣхъ подобныхъ мѣстахъ тутъ же надъ жолобомъ на заборѣ было какъ слѣдуетъ написано кѣмъ-то мѣломъ: Сдѣсь [8]) становитца возъ прещено. (72)

Не смотря на то это именно такое мѣсто и было; Но такъ всегда ужъ дѣлается. Стало быть ужъ и тѣмъ хорошо, никакого подозрѣнія что зашолъ и остановился у жолоба. Я оглядѣлся что никого. Да, именно! тутъ все, все, такъ разомъ и сбросить въ кучу [9]) уйти!

Оглядѣлся я еще разъ и [10]) уже руку въ карманъ, какъ вдругъ у самой стѣны между воротами и жолобомъ (гдѣ все разстояніе было шириною аршина въ два) увидалъ большой камень, примѣрно можетъ быть въ пудъ вѣсу... За этой прилегавшей прямо къ наружной (уличной каменной стѣнѣ) стѣной была улица, тротуаръ и слышно было какъ шныряли прохожіе, которыхъ здѣсь всегда множество, но тутъ меня никто не могъ изъ нихъ увидать развѣ зашолъ бы кто къ жолобу; что очень могло случиться и потому надо было спѣшить. Со двора тоже никто не показывался. Дѣло минуты! [11]) Я схватился за камень и безъ большого труда [а]) отвалилъ его [б]); [12]) Подъ нимъ, какъ и слѣдовало я увидѣлъ углубленіе, которое [13]) выдавилъ камень подъ собою. Быстро [14]) бросился я вынимать все, все изъ кармана бросая въ углубленіе. Кошелекъ пришолся на самый верхъ, но разумѣется углубленіе и до половины не наполнилось. Затѣмъ я приподнялъ камень, однимъ оборотомъ перевернулъ его на прежнюю сторону и онъ какъ разъ легъ точно также какъ лежалъ прежде, развѣ немножко чуть-чуть казался повыше. Я успѣлъ придавить два раза ногою: Самъ вдавится и слежится мелькнуло во мнѣ. Затѣмъ я вышелъ изъ воротъ и направился по Марьинской площади. Никто, никто меня не замѣтилъ! (73)

Глубокая радость овладѣла мною. Довольно! Всѣ концы схоронены. И кому, кому въ голову можетъ придти искать подъ этимъ камнемъ. И кому въ голову придетъ сворачивать [15]) камень? Онъ можетъ быть тутъ двадцать лѣтъ лежитъ, [в]) я до того былъ радъ что даже засмѣя. Да и найдутъ такъ чтоже возьмутъ? Кто на меня подумаетъ? И я даже [16]) засмѣялся тихо и радостно при этой мысли [г]). Я [17]) проходя [18]) всею грудью

Зачеркнуто: [1]) замѣтилъ [2]) у самыхъ [3]) почти [4]) на [5]) кирпичн. [6]) сейчасъ у воротъ [7]) слѣдуетъ тотчасъ же [8]) останавливаться [9]) и [10]) я. [11]) подумалъ я а) трудомъ вывернулъ б) перевернулъ его [12]) подъ нимъ какъ слѣдуетъ образовалось. [13]) естественно [14]) оглядѣлся кругомъ и [15]) его [в]) пятьдесятъ лѣтъ лежитъ [16]) чуть не [17]) Полная, полнѣйшая теперь безопасность! О Боже мой. [18]) мимо Исакіевскаго собора пошолъ по г) Право мнѣ помнится, что я какъ будто и засмѣялся. Да я помню что я смѣялся проходя по площади.

дохнулъ я свѣжаго воздуха[1]). Было знойно и пыльно и такъ было душно. Грудь у меня болѣла. Я пошолъ потомъ по Сенатской площ. Тутъ всегда бываетъ вѣтеръ, особенно около памятника. Грустное и тяжелое мѣсто[a]).

Отчего на всемъ свѣтѣ я никогда ничего не находилъ тоскливѣе и тяжеле вида этой огромной площади? [2]) Теперь-же я странно глядѣлъ на нее и скоро совсѣмъ отупѣлъ; я былъ разсѣянъ [3]). Я очнулся на Николаевскомъ мосту и [4]) тутъ только далъ себѣ ясный отчотъ что иду къ Разумихину, бывшему товарищу, тоже выключенному какъ и я. Къ которому я еще недѣлю тому назадъ положилъ сходить по одному очень нужному дѣлу а теперь когда я положилъ кошелекъ подъ камень, оно стало еще нужнѣе. Любопытно очень для чего я пошолъ къ нему [5]): я выдумалъ зайти къ нему когда, полчаса назадъ, положилъ было на Крестовскій пойти [6]). (74)

И мнѣ такъ стало странно.—Для чего-же къ Разумихину? А для того, что если потомъ будутъ изобличать, уличать и разспрашивать: Куда и зачѣмъ такъ [7]) понадобилось уходить на весь день изъ квартиры, когда видѣли всѣ что ты боленъ и что съ тобой обморокъ? — такъ вотъ и сказать: ѣсть ужъ очень хотѣлъ, къ товарищу зашолъ денегъ попросить, а товарищъ живетъ далеко на Васильевскомъ, на малой Невѣ, и разумѣется товарищъ потомъ окажется свидѣтелемъ, что дѣйствительно приходилъ просить денегъ, стало быть ничего подозрительного тутъ нѣтъ въ моемъ долгомъ отсутствіи [8]).

[*На поле страницы:* Какъ подло я давеча говорилъ? Все равно... что я на другой планетѣ что-ли?].

Какъ это я могъ тогда придумать въ моемъ положеніи просто недоумѣваю (не понимаю), потому что память, разсудокъ и силы совершенно, совершенно оставили меня и только по временамъ минутами я могъ разсуждать. Я даже и не замѣтилъ какъ я это придумалъ: тѣмъ болѣе что я тогда положитель. не могъ разсуждать ни о чемъ [9]).

Зачеркнуто: [1]) и проходя но черезъ минуту мнѣ начало такъ тѣснить грудь, что я не разъ — машинально перекрестился... а) *На поле страницы:* Я шолъ дальше и дальше, видъ Васильевск на Никол. мосту, Расположен ли духъ, или (*зачеркнуто:* на Адми) что, но на адмиралт [2]) Не помню какъ она тогда на меня подѣйствовала; Впрочемъ тогда я на нее и не глядѣлъ. [3]) Радость прошла и я чувствовалъ что мысли мои разходились, разбѣгались, что прицѣпиться не на что [4]) вдругъ спро [5]) такъ что я самъ — мнѣ не Разумихина собственно надо было [6]) это для того [7]) надобно. [8]) Но всего любопытнѣе, что все это безо всякихъ разсужденій и силлогизмовъ въ головѣ родилось (а такъ вдругъ и) такъ вдругъ все само собой, а всѣ эти поводы и разсужденія, для чего и какъ иду, сообразилъ я только теперь на Николаевскомъ мостѣ. Выдумалъ я стало быть все это прежде всего по инстинкту и подивился тутъ я самъ себѣ: какъ тягуче и кажется ужъ и разумъ мѣшается и способности и силы послѣднія человѣка оставляютъ, а инстинктъ самосохраненія живетъ и работаетъ и можетъ является явиться почти безотчетно въ видѣ какой-то, животной звѣриной хитрости. (хитрость пойти къ Разумихину). Такъ звѣрь вѣроятно хлопочетъ, когда его травятъ и цѣлая свора бѣжитъ за нимъ. [9]) Впрочемъ это я только теперь и на Николаевскомъ мосту такъ только подумалъ и сообразилъ что иду къ Разумихину. Затѣмъ перейдя всю первую линію и отъ чрезмѣрной слабости почти не...

Такъ напримѣръ я совершенно не замѣтилъ что прошолъ всю безконечную (и скучный путь) первую линію до самой Малой Невы, и даже усталости не почувствовалъ отъ такого перехода; что бываетъ всегда когда [1]) человѣкъ ужъ [2]) слишкомъ черезъ мѣру устанетъ и истощится [3]) (75)

Когда-же я поднялся къ Разумихину въ 4-й этажъ произошло во мнѣ [4]) весьма странное обстоятельство, которое я не умѣю хорошо разсказать словами.

Разумихинъ былъ дома въ своей каморкѣ, и самъ мнѣ отперъ. Онъ занимался, писалъ. Мы съ нимъ были не то чтобъ большіе пріятели, а такъ — товарищи прежніе. довольн. хорошіе впроч. Теперь я его ужъ мѣсяцевъ пять не видалъ. Рѣшившись идти къ нему я и не подумалъ совсѣмъ о томъ [5]) что съ [6]) нимъ стало быть сейчасъ сойдусь лицомъ къ лицу а это совсѣмъ другое чѣмъ только думать про себя что сойдусь [7]); [омерзитель. что я приш. и вдругъ до невѣроятностн. ясно сдѣлалось что мнѣ совсѣмъ нечего съ нимъ говорить.] однимъ словомъ могу выразить не понимаю этого ощуще(нія) но мнѣ показалось, что мнѣ совсѣмъ не слѣдовало приходить [8]), но что въ то же время у меня никакихъ уже не должно (можетъ) быть дѣлъ. Т.-е. я не подумалъ о томъ [9]) и что если есть что для меня теперь на свѣтѣ именно тяжелого и невозможного [10]) такъ это [11]) разговаривать и обходиться [12])... съ другими [13]) людьми, какъ прежде. Не умѣю однимъ словомъ я выразиться о томъ что именно я тогда почувствовалъ но знаю. И только что я вошолъ [14]) я вдругъ въ 1-й разъ все это почувствовалъ. И [15]) сознаніе всего этого было мгновеніемъ самой тяжелой тоски моей, за весь, можетъ быть послѣдній мѣсяцъ, въ который я такъ много такихъ безконечныхъ мукъ прошолъ.

Что ты, вскричалъ онъ [16]) въ изумленіи смотря на всего меня.—Неужели ужъ такъ плохо? онъ разсматривалъ мой костюмъ. Ну, братъ, да ты всѣхъ насъ перещеголялъ. Разумихинъ былъ одѣтъ только что не въ лохмотьяхъ, но все таки лучше меня. Садись [17]), и когда я повалился на его клеенчатый диванъ, который былъ еще моего сквернѣе, (76) онъ тутъ только разглядѣлъ, что я боленъ.

[*На поле 76 страницы:* Разумихинъ былъ все тотъ-же: добрый, высокій, худой, небритый, черноволосый и съ чорными, большими какъ ложки глазами. . . . . Онъ былъ не глупъ иногда буянилъ и слылъ за силача. . . . . Однажды ночью, въ компаніи онъ однимъ ударомъ ссадилъ одного блюстителя вершковъ 12 росту. Разумихинъ былъ еще тѣмъ замѣчателенъ что могъ неизвѣстно посколько времени совсѣмъ не ѣсть и терпѣть необыкновенный холодъ

Зачеркнуто: [1]) чрез. [2]) чрезмѣрно у; [3]) поднялся къ Разумихину въ четвертый этажъ. Тутъ [4]) быть можетъ [5]) какъ [6]) встрѣчусь [7]) и буду говорить [8]) сюда [9]) и что хоть дѣло было и нужное [10]) что мнѣ не объ чемъ говорить съ нимъ, что мнѣ почему-то и быть-то съ нимъ вмѣстѣ нельзя (нечего) [11]) и навѣрно [12]) го [13]) съ... какъ прежде [14]) мнѣ показалось это даже совсѣмъ невозможнымъ [15]) это [16]) Разумихинъ увидавъ меня [17]) садись

какъ ни въ чемъ не бывало. Однажды онъ цѣлую зиму совсѣмъ не топилъ свою комнату и говорилъ, что такъ даже лучше спится] [а]).

— Да ты весь боленъ, и серьозно. Онъ сталъ щупать мой пульсъ я вырвалъ руку [б])

— Не надо, сказалъ я, я пришолъ... Вотъ что: у меня уроковъ никакихъ... я хотѣлъ было. Впрочемъ мнѣ не надо [в]) уроковъ [1]).

— А ты братъ знаешь-ли что, ты вѣдь бредишь сказалъ онъ помолчавъ [г]).

— Нѣтъ. Прощай! [2]) Я [3]) всталъ съ дивана [д]).

— Да ты постой, постой! чудакъ!

— Не надо [4]) повторилъ я вырывая руку [е]).

— Да ты слушай, по мнѣ вѣдь какъ хошь! (всегда говорилъ съ сокращені.). Вотъ что: уроковъ и у меня нѣтъ, да и наплевать [5]) на урокъ, а есть на толкучемъ книгопродавецъ [6]) Херувимовъ, Это ужъ получше уроковъ, да и самъ онъ въ своемъ родѣ — урокъ. Онъ этакія изданьица дѣлаетъ и теперь естественно-научныя книжонки [7]) пускаетъ. Вотъ тутъ два листа нѣмецкого текста и самого глупѣйшаго шарлатанства при этомъ, однимъ словомъ разсматриваетъ человѣкъ-ли женщина или нѣтъ и торжественно доказываетъ что она человѣкъ [8]). Я перевожу; растянетъ онъ эти два листа на шесть листовъ, издастъ подъ пышнымъ заглавіемъ въ полстраницы, а продавать будетъ по полтиннику и сойдетъ. За переводъ мнѣ по 6 руб. съ листу. Значитъ всего 12 и шесть рублей я взялъ впередъ [9]). Переведу это и еще будутъ переводы [10]) объ китахъ [11]), что-то такое и потомъ и еще [12]). неутомимъ, хочешь второй листъ переводить? человѣкъ-ли женщина или нѣтъ. Коли хочешь, такъ возьми сейчасъ, и возьми три рубля, такъ какъ я за весь переводъ впередъ взялъ, а стало быть это прямо приходится (77) на твой пай. Да ктому же ты мнѣ и поможешь. даже меня одолжишь. Я вѣдь и орфографію плохо знаю, а въ нѣмецкомъ ни бельмеса. и все больше [13]), отъ себя сочиняю ей Богу! Это пожалуй скажу и лучше, какъ выигрываетъ ей Богу. Ну хошь иль нѣтъ. Я молча взялъ [ж]) нѣмецк листики статьи выдранные изъ какового нибудь [14]) журнала, взялъ три рубля и ни говоря ни слова вышелъ, но дойдя до первой линіи, воротился [15]), поднялся опять къ Разумихину и положилъ опять къ нему на столъ и нѣмецкіе листы и три рубля и пошолъ молча вонъ.

Зачеркнуто: а) *на поле стр. каран.:* Смѣшная мысль; жалко мнѣ что ли стало, что я уже болѣе не буду разсуждать о петербургскихъ видахъ. Невинны мысл. б) *между строк:* Я къ тебѣ пришолъ потому что кромѣ тебя ни одного незнаю, кто бы помогъ начать...в) *над строкой:* ты всѣхъ простѣе теперь... добрѣе—чтобъ начать [1]) Онъ пошолъ г) *на поле страницы:* Я смотрѣлъ на него и мнѣ даже странно было само: Зачѣмъ я пришолъ. [2]) Надо домой [3]) взялъ шляпу и д) *над строкой:* Но теперь я виж. что мнѣ нельзя уроковъ. Ну и не надо. Прощ. [4]) не надо говорилъ е) *над строкой:* Не надо... Слуш. Разум; *на поле страницы:* ты говоришь что я глупъ. Ей Богу братъ есть глупѣе. [5]) на нихъ, [6]) Зайчиковъ онъ спекулируетъ [7]) издаетъ [8]) Такъ онъ это рас [9]) Пере [10]) что-то [11]) онъ готовитъ [12]) потомъ онъ [13]) Право—я думаю тутъ много отъ себя сочинилъ ж) поллисты нѣмецк ..... статьи. [14]) спеціа. лексикона [15]) опять

— Да у тебя бѣлая горячка, что-ли?—закричалъ остолбенѣлый Разумихинъ [1]). Зачѣмъ же ты приходилъ? Знать это не надо... переводовъ [2])... проговорилъ я уже спускаясь съ лѣстницы. [*(На поле стр. 79:)* ты простоватѣе всѣх, я подлецъ, я другой разъ приду.—Послушай, знаешь что, ты можетъ дня три не ѣлъ, ты не скрывайся [3]).] Эй... Такъ чего-же тебѣ надо чортъ?—гдѣ ты живешь? закричалъ онъ мнѣ внизъ. Но я ничего не отвѣчалъ и пошолъ той-же дорогой домой.

— Ну чортъ съ тобой! пронеслось съ лѣстницы. На Николаевскомъ мосту я шолъ [4]) задумчиво, я [5]) очнулся и вотъ какъ это было: меня плотно охлеснулъ кнутомъ по спинѣ кучеръ одной коляски, за то что я чуть-чуть не попалъ подъ самыя ноги лошадей, не смотря на то что онъ мнѣ кажется много разъ кричалъ. Ударъ кнута такъ разозлилъ меня, что я отскочивъ къ периламъ, злобно заскрежеталъ и защолкалъ зубами. Кругомъ разумѣется смѣхъ [а]) [б]) [6]) [в]) [г]).

На боковом поле 78-й страницы: и кошелекъ. Зачѣмъ ты убилъ послѣ этого ксли бросаешь добычу. Вчера ты этой добычи хотѣлъ.— Хотѣлъ?—да а сегодня въ канаву да. Но это было можетъ быть безсознательно отъ страху. Ну а сознательно съ разсудкомъ, собери силы— какъ бы ты сдѣлалъ и съ разсудкомъ—въ канаву. Такъ ли? Вспом. ты боленъ? Ты теперь сумасшедшій Ты бредишь? Бредишь, но вспомни что ты еще не отпиралъ кошелька и не смотрѣлъ въ него. Нѣтъ можетъ быть и въ голову не пришло. (78)

Но въ это самое мгновеніе [7]), когда я стоялъ у перилъ и [8]) безсмысленно смотрѣлъ вслѣдъ коляски вдругъ слышу, что кто-то суетъ мнѣ въ руки деньги: «Прими батюшка Христа ради». Смотрю: купчиха [9]) пожилая и съ ней дочь. Я взялъ и они прошли мимо. По костюму они очень могли принять меня за нищаго [10]), за настоящего собирателя грошей на улицѣ, а подачѣ цѣлаго двугривеннаго я навѣрно обязанъ былъ удару кнута, который ихъ на мой счотъ разжалобилъ.

Я зажалъ двугривенный въ руки, прошолъ шаговъ двѣнадцать и помню оборотился къ Невѣ по направленію Дворца, дойдя до того мѣста гдѣ стоялъ давеча вдругъ остановился опять не знаю для чего.

Зачеркнуто: [1]) Вышелъ — ни слова не сказалъ, пр. а теперь отдаетъ назадъ и уходитъ [2]) отвѣт [3]) Послушай, [4]) вѣроят очень [5]) опять было а) дик(ій) хохотъ разумѣется б) Но какъ только я созналъ въ чемъ дѣло то злоба во мнѣ тотчасъ-же исчезла. [6]) Мнѣ показалось что ужъ нечего теперь объ этомъ заботиться. мнѣ тотчасъ же пришло на мысль, что гораздо бы лучш (можетъ и хорошо) еслибъ меня раздавила совсѣмъ коляска. в) *На поле карандашом:* что онъ меня охлеснулъ кнутомъ мнѣ помогло очнуться отъ забытья, которое поминутно на меня находило, но только что я очнулся тотчасъ же злость прошла и я даже какъ будто удивился какъ это я могъ озлиться, потому что дѣло было совсѣмъ не въ томъ. г) *На нижнем поле:* Вчера хотѣлъ добычи а сегодня, съ новой натурой рѣшилъ что ничего не хочешь. Я боленъ я сумасшедш, вздоръ я боленъ я ничего не понимаю. Это вздоръ Такъ зачѣмъ же ты бросилъ 20 коп. безъ разсужд, а съ разсужд и съ разсужден бы бросилъ. Господи, въ бреду я иль нѣтъ! Вотъ Нева течетъ. Вѣдь я давеча хотѣлъ бросить всѣ вещи въ Неву, въ канаву и кошелекъ-то [7]) Въ это мгновеніе [8]) вдругъ [9]) (навѣрно купчиха) [10]) и можетъ быть.

День былъ знойный [1]), ясный, небо чистое и вода почти голубая что такъ на Невѣ рѣдко. Куполъ собора, который ни съ какой точки [2]) не можетъ выглядывать лучше какъ именно отсюда съ моста [3]), въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Николаевской часовни, такъ и сіялъ — и сквозь чистый воздухъ можно было отчотливо разглядѣть [4]) [*На поле страницы приписка:* Положимъ у меня все было рѣшено.] даже каждое малѣйшее его украшеніе. Вспомнилось мнѣ вдругъ мелькъ что когда я ходилъ въ Университетъ, то [5]) обыкновенно возвращаясь [6]) домой случалось мнѣ можетъ быть нѣсколько сотъ разъ пристально оглядывать всю эту, дѣйствительно великолѣпную панораму; Странно мнѣ вдруг показалось теперь тутъ же на этомъ мѣстѣ стоять, какъ будто я и стоять на прежн(емъ) мѣстѣ уже не могъ. Я даже любилъ здѣсь останавливать дивясь кажды разъ своему впечатлѣн и даже взялъ въ привычку останавливаться минуты на двѣ, на мосту именно у этого мѣста и что же [7])? Есть въ немъ одно свойство. Я долго стоялъ и наконецъ вспомни про двугривен разжалъ руку поглядѣлъ на него и молча опустилъ его въ воду. (79)

Что это уже не мои мысли, а чьи то чужія.

И вспомнилъ и улыбнулся тому, что мнѣ такъ впечатлѣн а потомъ и странно мнѣ показалось, что я какъ будто совсѣмъ собираюсь никогда ужъ боль не имѣть... болѣе мыслей Не потому что мнѣ странн что могъ я имѣть такіе интересы, но потому что (ни объ этомъ ни объ другомъ) мнѣ самому невозможн имѣть что мнѣ все равно что все это мнѣ и...]

которое все уничтожаетъ все мертвитъ все обращаетъ въ нуль и это свойство — полнѣйшая холодность и мертвенность. Этого вида. Совершенно необъяснимымъ холодомъ вѣетъ отъ него, Духомъ нѣмоты, и каждый разъ и молчанія [8]); духъ нѣмой и глухой... разлитъ во всей этой панорамѣ сдавлива мнѣ сердце. Я не умѣю выразиться, но тутъ даже и не мертвенность, потому что мертво только то, что было живо, а тутъ мнѣ всегда казалось что-то нѣмое глухое, и отрицательн... И вотъ вдругъ теперь вспомнилъ я всѣ эти прежн. впеча и странно мнѣ стало [в])

Я не умѣю выразиться, но знаю что впечатлѣніе мое было совсѣмъ не то, что называютъ отвлеченное, головное, выработанное, а совершенно непосредственное. Я не видалъ ни Венеціи, ни Золотого Рога,

---

Зачеркнуто: [1]) жаркій [2]) зрѣнія [3]) съ точки взора [4]) почти [5]) ког по [6]) изъ Университета [7]) Я разсм Въ самые лучшіе моменты, когда небо чисто и ясно и въ самое невыгодное для панорамы время, когда хмуро, грустно и дождливо, каждый разъ одно и то же впечатлѣніе, само собою, безо всякихъ усилій вырабатывалось во мнѣ, а именно: что не смотря на все это безпримѣрное великолѣпіе и удивительную рѣку весь этотъ видъ — ничего не стоитъ. *Между зачеркнутыхъ строк:* ужасно давно страх так... вдруг... Но теперь точно прошло уже тридцать пять лѣтъ какъ я пріѣхалъ откуда-то хоть съ южного полушарія и былъ *На поляхъ:* Нева но это мнѣ вдругъ показалось такъ далеко. *Внизу страницы:* все это казалось мнѣ гдѣ-то глубоко подъ моими ногами гдѣ-то въ безпредѣль днѣ... [8]) и тупого, сов. [в]) Вспомнилъ я теперь, что каждый разъ одно и то же впечатлѣніе сдавливало меня какою-то не разрѣшим груст

но вѣдь навѣрно тамъ [1]) давно уже умерла жизнь [2]), хоть камни все еще говорятъ, все еще «вопіютъ» доселѣ [a]).

И вотъ когда теперь я остановился тутъ по привычкѣ, то вдругъ тоже самое мучительное ощущеніе, которое полчаса тому назадъ стѣснило мнѣ грудь у Разумихина, то же самое ощущеніе сдавило мнѣ сердце и здѣсь. Потому что мнѣ вдругъ показалось,—что не зачѣмъ мнѣ ужъ болѣе останавливаться ни здѣсь и нигдѣ и что не все-ли мнѣ равно какое впечатлѣніе производитъ этотъ видъ, [6]) и что теперь совсѣмъ другое, совсѣмъ другое у меня, а [3]) все это, и всѣ эти прежнія ощущенія интересы и люди все это такъ далеко отъ меня, какъ будто-бы на другой планетѣ. Стоялъ я нагнувшись (80) надъ перилами и почувствовалъ въ рукахъ подаянную монету я разжалъ [4]) ладонь, посмотрѣлъ на нее внимательно, и [5]) опустилъ [в]) ее въ воду. И затѣмъ [6]) пошолъ домой прежнею дорогой). Когда я пришолъ къ себѣ было уже поздно, былъ вечеръ [г]). Стало быть я возвр часовъ пять или шесть гдѣ и какъ я былъ это время не знаю Я раздѣлся и весь дрожа, уже не отъ озноба а отъ слабости какъ одна загнанная лошадь... легъ на диванъ и натянулъ на себя шинель. Носки оставались на мнѣ [7]). Я ихъ скинулъ и сбросилъ въ уголъ. Затѣмъ забылся. Ни объ чемъ я не думалъ.

Проснулся я въ полные сумерки отъ ужасного крика, а въ сумерки въ моей комнатѣ и лѣтомъ бываетъ почти [8]) совсѣмъ темно. Я открылъ глаза. Боже! что это за крикъ. Такихъ неестественныхъ звуковъ, такого воя, скрежета слезъ, ругательствъ и побой я никогда еще не слыхивалъ. Я и вообразить не могъ себѣ такого звѣрства, такого изступленія. Въ ужасѣ я приподнялся и сѣлъ на диванѣ. Я не дрожалъ, я просто замиралъ, мучился. Но драки, крики, вой и ругательства становились все сильнѣе и сильнѣе. И вотъ къ моему неописанному изумленію я вдругъ различилъ голосъ моей хозяйки, она выла, визжала и причитала скоро-скоро [9]), выпуская слова, такъ что и разобрать нельзя о чемъ-то прося, вѣроятно чтобъ ее перестали бить, потому и безсчадно били [10]), сначала въ квартирѣ... а потомъ вытащили на лѣстницу. Голосъ бившего сталъ [11]) до того ужасенъ отъ злобы, отъ бѣшенства что даже [12]) только хрипѣлъ, однако я различилъ что билъ ее [13]) Александръ Ильичь, [д]) и должно быть билъ сапогами (81)

Зачеркнуто: [1]) не такъ. Въ Венеціи [2]) но [а]) Я внутренно рѣшилъ, что мнѣ не возстать, и что правда моя тоска. [6]) и что мнѣ до того—теперь какое впечатлѣніе производитъ весь этотъ видъ? [3]) это [4]) руку [5]) совершенно сознательно опустилъ, хотя вполнѣ помня что дѣлаю бросилъ [6]) уже [7]) Пускай поду... [8]) посто... [9]) что то [10]) Кто-то вы... [11]) былъ [в]) сбросилъ ее [12]) уже [г]) *между строк:* Напиться. Темное воспоминаніе выгнали изъ кабака [13]) никто другой какъ [д]) *над строкой:* а все-таки и онъ говорилъ — говорилъ быстро что-то такое, но такъ что ужъ понять нельзя было.

На верхнемъ, нижнемъ поле и среди строк 81 страницы: А ты думалъ что тебѣ остается что-нибудь въ жизни.— Развѣ не чудовищно что давеча я ввязался въ истор(ію) съ дѣвочкой. Не всель тебѣ равно? Пусть погибаютъ, развра-

руками, топталъ ее, и схвативъ за косы билъ головою о лѣстницу. Иначе онъ не могъ ее бить судя по визгу и отчаяннымъ крикамъ бѣдной женщины. Должно быть на всѣхъ лѣстницахъ собралась большая толпа. Слышно было много голосовъ, входили, стучали, хлопали дверями, всѣ сбѣгались. Что это думалъ я, за что онъ бьетъ ее и зачѣмъ? Страхъ какъ ледъ обхватилъ меня всего. Мнѣ казалось что мой умъ мѣшается и однакожъ я все это ясно, ясно слышалъ. Сейчасъ ко мнѣ, ко мнѣ тоже придутъ думалъ я и привсталъ и хотѣлъ переложить (?) крюкъ но опомнился Наконецъ минутъ десять спустя весь этотъ гамъ, постепенно сталъ умолкать. Хозяйка стонала и охала, а Александръ Ильичь, очевидно еще грозя и ругаясь сталъ удалятьс я. Я даже слышалъ его шаги. Слышалъ тоже какъ хозяйка уйдя къ себѣ заперлась. Затѣмъ мало по мало стали разходиться по лѣстницамъ, и по квартирамъ споря и охая, то возвышая рѣчь до крику, то понижая до шопота. Должно быть ихъ много было, весь домъ сбѣжался. Господи, какъ же это. И зачѣмъ приходилъ Александръ Ильичь? [1]). И развѣ все это возможно? Какъ онъ смѣлъ ее бить.

Я наконецъ легъ опять, но уже не могъ [2]) сомкнуть глазъ. Думаю я пролежалъ съ полчаса въ такомъ страданіи отъ удивленія и ужаса въ такомъ ощущеніи какого никогда не испытывалъ! Вдругъ [3]) свѣтъ. Смотрю передо мною Настасья со свѣчкой и съ тарелкой супа [4]). Поглядѣ на меня и увидала (82) что я не сплю [5]) она начала раскладывать хлѣбъ, тарелку, деревянную [и оловянную] ложку на столъ.

— Небось со вчерашняго не ѣлъ [6]), цѣлый день—деньс прошлялся [7]) а самого [8]) лихоманка бьетъ.

— Настасья [9])... За что это били хозяйку?

— Хозяйку? Кто билъ хозяйку?

— Хозяйку, сейчасъ полчаса назадъ, Александръ Ильичь, надзиратель помощникъ [10]) Я [11]) узналъ [12]) За что онъ ее такъ избилъ? И какъ она... позволила? Настасья молча и пристально меня разсматривала. И долго и сурово смотрѣла. Мнѣ стало страшно.

— Настасья, что жъ ты молчишь? спросилъ я.

— Это кровь! отвѣчала она тихо и мрачно.

— Кровь! чья! Кровь! Какая кровь? чуть проговорилъ я [13]) и все лицо мое болѣзненно [14]) искривилось.

— Кровь кричитъ, въ тебѣ ходитъ, оттого [15]) и кажется, это страхъ [16]). Никто хозяйку не билъ... и не станетъ бить прибавила она.

— Еще [17]) больше ужасъ нашолъ на меня.

ничаютъ. Кого спасать, тебѣ спасать? Чего ты въ жизнь лѣзешь? Да развѣ мнѣ жизнь заперта? Развѣ я то. Ты убійца. Знаю, но я сознательно, я... сдѣлалъ. Только что же ты въ кошелекъ даже не заглянулъ? Побоялся— Нѣтъ я потомъ загляну. Это изъ предосторож. А какже въ Неву хотѣлъ бросить? Значитъ совсѣмъ хотѣлъ отказаться. Значитъ... не выдержалъ передъ дѣломъ.

Зачеркнуто: [1]) Не меня ли спрашивалъ [2]) заснуть, [3]) мракъ. [4]) Она посмотрѣла на меня [5]) и [6]) поѣшь. Чего. Ишь [7]) Когда [8]) трясетъ! [9]) Кто [10]) квартальнаго... [11]) его [12]) по голосу [13]) съ [14]) испугомъ смотря надъ нее [15]) тебѣ [16]) На яву кажется... [17]) Да вѣдь

Да вѣдь я-же не спалъ, и на кроватѣ сидѣлъ [1]) проговорилъ я [2]) послѣ долгаго молчанія. Вѣдь сюда приходилъ Александръ Ильичъ? [3]) —Никто не приходилъ. Это кровь въ тебѣ кричала. Это когда она ужъ печонками запекаться начнетъ, тогда и начнетъ казаться. Но ты, поѣшь! Будешь штоли [4]). Я не отвѣчалъ и молча [5]) легъ опять на мой узелъ.

Вмѣсто подушки я клалъ обыкновен(но) подъ голову узелъ со всѣмъ мои(мъ) бѣльемъ и такъ и спалъ, а подушки давно ужъ не было. (83)

Мнѣ стало [6]) волосы верхъ дыбомъ Настасья все стояла надо мной.

— Пить дай... Настасьюшка, [7]) проговорилъ я наконецъ.

Она молча сошла внизъ и кажется очень скоро воротилась, но я уже не помнилъ себѣ. Помнилъ только что выпилъ [8]) одинъ глотокъ воды и затѣмъ впалъ въ безпамятство [a]).

Я [9]) [не то что] былъ [10]) ужъ совсѣмъ въ безпамятствѣ: Многое я помню, мелькомъ или въ другомъ видѣ какъ оно было на самомъ дѣлѣ. То мнѣ казалось что около меня очень много народу собирается и хотятъ меня взять и [11]) куда-то нести и очень обо мнѣ спорятъ и ссорятся. То я одинъ одинехонекъ и всѣ [12]) оставили меня [13]) и даже меня боятся, и только изрѣдка отворяютъ дверь и изъ двери грозятъ мнѣ [14]) ругаютъ меня или смѣются надо мной. Послѣднее всего чаще казалось мнѣ. Настасью помню часто подлѣ меня. Видѣлъ и еще одного человѣка, очень мнѣ знакомаго, но кого именно никакъ я не могъ этого [15]) припомнить [16]), и тосковалъ отъ этого, метался, плакалъ [17]) мысли напрягалъ чтобъ припомнить кто это и не могъ. Спрашив мнѣ отвѣчали а я не помнилъ Иной разъ казалось мнѣ что я уже съ годъ лежу; въ другой разъ что [18]) (84) все тотъ же день идетъ. Иногда начиналъ меня мучить ужасный страхъ и что страннѣе вовсе не про *то*, я это очень хорошо помню, а что будто меня какой-то человѣкъ хочетъ бульдогомъ затравить и держитъ его за дверьми притаившись, тихонько или что-нибудь въ эт сорт. Но чего именно я боялся — я [19]) не зналъ и объ томъ я совершенно забылъ но я срывался съ мѣста и хотѣлъ уйти, убѣж(ать), но кто-то меня останавливалъ силой и я опять засыпалъ. Наконецъ я совершенно проснулся.

Должно быть это было послѣ обѣда въ пятомъ часу [b]). У меня въ это время въ комнатѣ лучь солнца бываетъ. Надо мной стояли Настасья и еще одинъ человѣкъ очень любопытно и съ какою-то [20]) осторожностію меня разглядывавшій. Я никогда его не видалъ [21]). Это — молодой парень еще, въ русскомъ кафтанѣ съ бородкой [22]), съ виду походилъ на артельщика [23]). Изъ полуотворенной [24]) двери выглядывала хозяйка.

Зачеркнуто: [1]) про [2]) посл [3]) Нужды нѣтъ А. [4]) Но [5]) поло [6]) такъ страшно что я думаю у меня [7]) прог [8]) изъ [a]) *на поле:* Тебя бы отколотить за это надо, но я разсудилъ что это бываетъ тоже и отъ голоду и простилъ [9]) однакожъ все это время [10]) не то чтобъ [11]) вынесть [12]) то [13]) и никто-то не придетъ ко мнѣ и не хочетъ придти [14]) кулаками или языками дразнятъ языки [15]) сказать [16]) угод [17]) спрашивалъ [18]) все это еще вчера только было [19]) отнюдь не сознавалъ [20]) смѣшною [21]) Онъ былъ еще [b]) часа въ четыре пополудни. [22]) и [23]) Въ углубленіи стояла [24]) еще

Я смотрѣлъ на всѣхъ пристально открытыми глазами, потомъ приподнялся.

— Настасья, это кто? [1]) спросилъ я указывая на парня.

— Ишь вѣдь, очнулся! сказала она.

— Очнулись, отозвался какъ эхо артельщикъ. Хозяйка тотчасъ же поспѣшила стушеваться и притворила дверь [2]).

— Вы... кто? допрашивалъ я артельщика.

— А вотъ-съ, мы такъ-съ, по дѣлу-съ... [3]) началъ-было онъ [4]) но въ эту минуту вдругъ отворилась дверь и [5]) вошолъ Разумихинъ [6]) сильно наклонившись потому что былъ высокого роста, [7])

— Экая морская каюта! закричалъ онъ [8]) А! да кажись ты очнулся? (85)

— Сейчасъ очнулся, сказала Настасья [9]).

— Очнулись... прибавилъ артельщикъ.

— А вы кто изволите быть-съ?—спросилъ Разумихинъ, бросая всѣхъ насъ и вдругъ обращаясь къ нему.—Я вотъ извольте видѣть Вразумихинъ; не Разумихинъ, какъ меня величаютъ, а Вразумихинъ, студентъ, дворянскій сынъ, а онъ мой пріятель. Ну-съ а вы [10]). Кто-таковы?

— А я [11]) нахожусь артельщикомъ, отъ купца Шерстобитова-съ и сюда по дѣлу-съ.

— Извольте садит(ь)ся, распорядился [12]) Разумихинъ. —Это ты хорошо сдѣлалъ что очнулся; пятый день братецъ. Не ѣшь и не пьешь. Я къ тебѣ приводилъ два раза [Заметов] Бакавина. Онъ тебя смотрѣлъ и съ самого начала сказалъ что ничего, пустяки, нервный вздоръ какой-то и что содержаніе худое было, пива и хрѣну мало давали — оттого и заболѣлъ, а что скоро очнешься и худымъ не кончится. Молодецъ, Бакавинъ, знатно полѣчиваетъ, угадалъ! Ну-съ, такъ я васъ не задерживаю [13]), обратился онъ [14]) опять къ артельщику купца Шерстобитова, угодно вамъ объяснить вашу надобность? Замѣть себѣ отъ Шерстобитова второй разъ къ тебѣ присылаютъ [15]), только прежде не онъ приходилъ а другой... и [16]) и мы съ тѣмъ объяснялись. —Это кто прежде васъ-то приходилъ?

— Это надо полагать третьего —дни-съ. Точно-съ, это Алексѣй Петровичъ были-съ, старшимъ у насъ артельщикомъ [17]).

— Ну онъ будетъ потолковѣе васъ, какъ вы думаете?

— Да-съ, они [18]) посолиднѣе-съ. (88)

— Ну — такъ какже-съ? А впрочемъ какъ я вижу и вы того-съ. Ну-съ, къ дѣлу.

— А вотъ отъ Семена Семеныча, котораго вы неоднократно изволили знать-съ, началъ артельщикъ обращаясь прямо ко мнѣ [19]). Въ случаѣ если вы уже въ здравомъ умѣ-съ вручить вамъ деньги,

---

Зачеркнуто: [1]) съ тобой? [2]) Вамъ что надо спросилъ [3]) сказалъ [4]) и хотѣлъ уходить [5]) накл [6]) накл [7]) Наклоняясь головой [8]) и вѣдь это она (квартирой называется) деньги за нее берутъ. Ну, что? [9]) Они — сей [10]) зачѣмъ [11]) от [12]) В [13]) Угодно объяснить вамъ [14]) вдругъ [15]) да [16]) я съ тѣмъ объяснялся такого и другимъ какъ и теперь [17]) приходили - съ были [18]) дѣйствительно [19]) послали меня

десять рублевъ-съ, такъ-какъ Семенъ Семенычь-съ отъ [1]) Адрона Ивановича Толстоногого-съ изъ Пензы о томъ уведомлѣніе получили. Изволите знать-съ?

— Я знаю купца Толстоногого [2]).

— Слышите Толстоногого знаетъ! значитъ въ полномъ умѣ вскричалъ Разумихинъ. Я вѣдь это давеча только такъ. А впрочемъ и вы кажется толковый человѣкъ [3]). Я теперь только сталъ замѣчать. Ну-съ продолжайте-съ. Умныя рѣчи пріятно и слышать.

— Они самые и есть-съ, Толстоноговъ-съ, Андронъ Ивановичь и по просьбѣ вашей мамаши-съ, черезъ которую неоднократно вамъ пересылались, онѣ и въ настоящій разъ не отказались-съ и увѣдомили Семена Семеновича, чтобъ покамѣстъ вамъ десять рублей отъ мамашина имени передать, въ ожиданіи лучшаго-съ, такъ какъ ваша мамаша еще не [4]) при деньгахъ, но дѣла ихъ какъ слышно пришли въ порядокъ-съ, а ужъ съ Адронъ Иванычемъ Семенъ Ивановичь какъ и прежде сочтутся... [a])

— Ну такъ какже, по вашему, въ полной онъ или не въ полной памяти? [5]) прервалъ его Разумихинъ, показывая на меня.

— По мнѣ [6]) что-же-съ. Только вотъ на счотъ расписочки [7]) надо бы-съ... [8])

Нацарапаетъ! [9]) Что у васъ, книга, что-ли?

— Книга-съ, вотъ-съ.

— Давайте. Ну Васюкъ подымайся [10]). Я тебя приподыму, перо тебѣ въ руки и [11]) подмахни. Получилъ дескать, потому братъ деньги намъ теперь наиболѣе стр-р-рахъ [наиболѣе] нужны. Пуще патоки!

— Не надо [12])... сказалъ я, отстраняя перо. (89)

— Чего не надо? [13])

— Не стану... [14]) подписывать.

— Фу чортъ, да какъ же безъ росписки?

— Не надо денегъ...

— Ну это братъ врешь. Это онъ [15]) началъ опять, не безпокойтесь. Я вижу вы человѣкъ разсудительный... вотъ мы его будемъ... руководить.

— А впрочемъ я и въ другой разъ зайду-съ.

— Нѣтъ,-нѣтъ-нѣтъ [16]) вы человѣкъ разсудительный! Ну! Василь! И онъ началъ водить моей рукой.

— Оставь, я самъ... и я подписалъ.

Артельщикъ выложилъ деньги и удалился [17]).

— Ну теперь Вася, не хочешь ли ѣсть?

— Хочу [18]), отвѣчалъ я.

Зачеркнуто: [1]) Алекс [2]) Видите въ памяти. [3]) продолжайте. [4]) совсѣмъ [5]) обрѣтается [6]) въ полной-съ [7]) надо бы съ, вотъ бы съ [8]) Гол [9]) Гол [10]) Онъ взялъ перо и тотчасъ написалъ [11]) подмахни свою фамилію [12]) про [13]) Я [14]) подп имя. [15]) бредитъ [16]) нѣтъ [17]) Настасья все время пос. Во-первыхъ [18]) очень [a]) *На поле страницы 90:* Потому ихъ дѣла перемѣнились. — Ивана Кузьмича изволите знать-съ, ну такъ вотъ письмо-съ, что ихнія дѣла перемѣнились-съ и что они сами вамъ будутъ писать-съ — а въ подробно ничего не слыхалъ-съ точности.

— У васъ супъ?

— Супъ отвѣчала Настасья все время стоявшая тутъ-же.

— Съ картофелемъ и съ рисовой крупой.

— Наизусть знаю. Тащи [1]) супъ да и чаю давай.

— Принесу.

— Черезъ [2]) двѣ минуты она воротилась съ супомъ и сказала что сейчасъ и чаю принесетъ.

Къ супу явились двѣ ложки и двѣ тарелки. Скатерть была чистая [3]) Ложки были серебряныя хозяйки Подлѣ Разумихина явилась солонка и весь приборъ съ горчицей и проч. Въ супѣ была и говядина. (90)

Не [4]) худо Настасьюшка, чтобъ Софья Тимофевна [a]) бутылочки двѣ пивца скомандывала. Мы выпьемъ-съ.

— Охъ, ужъ ты, востроногой! сказала Настасья и пошла исполнять повелѣніе.

— Я еще не совсѣмъ могъ сообразить [5]) это все. Тѣмъ временемъ Разумихинъ присѣлъ ко мнѣ ближе [6]), на самый диванъ неуклюже, какъ медвѣдь обхватилъ лѣвою рукой мою голову, не смотря на то, что я чувствовалъ себя гораздо болѣе въ силахъ чѣмъ онъ пре, а правой [7]) сталъ подавать мнѣ ложку супу, нѣсколько разъ предварительно подувъ на него, чтобъ я не обжогся. Но супъ былъ только что теплый. Я съ жадностью съѣлъ одну ложку, потомъ другую, отъ третьей [8]) сталъ отказываться но Разумихинъ влилъ въ меня насильно [9]) Въ это время вошла Настасья неся двѣ бутылки пива [a])

— Слышишь, Настя, всѣ три ложки! Это [10]) очень ѣсть хочетъ! А чаю хочешь? [11])

— Чаю хочу

— Катай [12]) скорѣй чаю Настасья [13]) Ну-съ вотъ и пивцо [14]) явилось! Началъ онъ подсаживаясь къ столу и придвигая къ себѣ миску супу и говядину. Онъ сталъ ѣсть съ такимъ видомъ какъ будто три дня не ѣлъ. [6])

— Я братъ у васъ тутъ каждый день [15]) такъ обѣдаю, проговорилъ онъ, насколько позволялъ ему набитый полный ротъ говядины и подмигивая мнѣ лѣвымъ глазомъ. Ты думаешь на твой счотъ [16])? Ничуть, — этого тебѣ на счотъ не поставятъ. Ты думаешь что за эти двѣ бутылки пива я теперь заплачу. Ничуть, это все Сонечка, хозяюшка твоя выставляетъ, на свой коштъ, въ знакъ удоблетворенія-съ. А вотъ и Настасья съ чаемъ [6]). Какъ повертывается. Настенька хошь пивца? (91)

Зачеркнуто: [1]) сюда [2]) мин [3]) Подлѣ Разумихина [4]) А вели-ка тамъ [a]) Катер Прохоровн [5]) въ чемъ дѣло [6]) обхвати [7]) зачерп [8]) я [9]) Отъ; четвертой я ни за что не могъ [хотѣлъ] проглотить [10]) онъ [11]) очень [12]) сюда [13]) три ложки авось тоже еще выпьемъ [14]) съ [a]) *На поле:* Я братъ (подмигивая) у васъ здѣсь каждый день обѣдаю ты думаешь что за пиво я заплачу [15]) теперь [16]) Не безпок... [6]) *На поле:* Я тебя въ бреду видѣлъ и никакъ не могъ догадаться кто — ты... Объ чемъ я бредилъ...

— И ну [1]) те къ проказнику!

— А чайку?

— Чаю [2]) пожалуй [3]).

— Садись.

— Наливай. Постой я тебѣ самъ налью. Онъ досталъ и тотчасъ-же распорядился, потомъ налилъ еще другую чашку, бросилъ ѣсть, опять сѣлъ [4]) на диванъ и по прежнему приподнявъ и обхвативъ лѣвой рукой мою голову, [*над строкой;* не смотря на то что я увѣр его... что я вовсе не такъ слабъ] началъ меня поить съ чайной ложечки, безпрерывно подувая на ложку [a]), [несмотря на то] такъ я принужденъ былъ такимъ образомъ выпить ложекъ [5]) и потомъ повалился опять на подушки. [Подъ моей головой дѣйствительно была подушка. Прежде же я клалъ всегда комкомъ мое платье, которое снималъ на ночь]. Я молчалъ [6]) и жадно слушалъ [6]). Многое для меня было странно. Память совершенно возвратилась ко мнѣ хотя голова... и кружилась немного. Мнѣ хотѣлось... все разузнать [в]).

— Надо чтобъ Сонечка сегодня-же намъ малиноваго варенія прислала. Питье ему сдѣлать, сказалъ Разумихинъ усаживаясь [7]) и принимаясь опять за супъ и за пиво.

— Да гдѣ она тебѣ малины возьметъ? спросила Настасья.

— Въ лавочкѣ, другъ мой, въ лавочкѣ. Малину другъ мой она возьм. въ лавочкѣ. Видишь хотя тутъ цѣлая исторія. Когда ты тогда такимъ мошенническимъ образомъ удралъ отъ меня и квартиры не сказалъ — я положилъ тебя разыскать и черезъ часъ — [въ тотъ-же день при] принялся за дѣло. Ужъ я ходилъ-ходилъ, разспрашивалъ-разспрашивалъ, сутки промаялся и представь себѣ, вѣдь я тебя въ адресномъ столѣ разыскалъ. Ты тамъ записанъ. [г])

— Записанъ? [8]) вскричалъ Раскольниковъ, не въ силахъ удержать себя.

Зачеркнуто: [1]) тебя [2]) пожалуй дав [3]) Ну такъ... [4]) Ко мнѣ [5]) десять, хотя мнѣ вовсе не такъ хотѣлось. [a]) не смотря на то, что онъ очень хорошо могъ самъ усидѣть на диванѣ безъ посторонней помощи и чувствовалъ себя въ силахъ не только владѣть руками, но можетъ быть даже и ходить. Но странная мысль вдругъ пришла ему въ голову: скрыть отъ всѣхъ, что онъ гораздо болѣе въ силахъ чѣмъ думаютъ, притаиться слабымъ и немощнымъ по прежнему и вывѣдать сначала: что такое кругомъ его происходитъ. Зачѣмъ тутъ Разумихинъ что случилось, сколько дней прошло, не извѣстно-ли что-нибудь и проч. (*зачеркнуто:* До времени онъ) Онъ рѣшилъ больше лежать и слушать. Съѣвъ ложк онъ повалил на подушки подъ нимъ подушк, онъ и это замѣтилъ. *На поле 92 стр.:* Разумих, по какой-то странной хитрости, — ему пришло въ голову скрыть свои силы и не говорить, надуть ихъ всѣхъ. Точно звѣрь попавшій въ клѣт(ь). *Надъ строкою:* Я составилъ себѣ планъ совершенно озлоблен на Разумих. [б]) рѣшилъ болѣе молчать. [6]) Все это [в]) онъ чувствовалъ въ себѣ и силъ гораздо больше чѣмъ напримѣръ предполагалъ. [7]) за [г]) на прежн квартирѣ вашей былъ, дома N я хорошо не помнилъ, только и зналъ, что Харламовъ—ну искалъ Харламова а домъ то былъ... не Харламовъ а Фогеля—это я ужъ теперь узналъ *На поле:* поколотить извин. но потомъ разсудилъ [8]) Спросилъ я съ любопытствомъ...

— Еще-бы, а вотъ генерала Кобелева [1]) никакъ не могли тамъ (92) при мнѣ разыскать. Ну-съ, долго разсказывать, только какъ я нагрянулъ сюда я тотчасъ-же со всѣми твоими дѣлами познакомился. Со всѣми, братецъ, со всѣми, все знаю, вотъ и она знаетъ и съ Никодимомъ Фомичемъ познакомился и съ дворникомъ, и съ г. Заметв—письмоводителемъ въ сдѣшнемъ кварталѣ а наконецъ и съ Сонечкой. Это ужъ былъ вѣнецъ. Вотъ и она знаетъ.

— Усахарилъ, пробормотала Настасья, (при) откусывая сахаръ и [2]) втягивая съ блюдечка чай.

— Да вы-бы въ накладочку, Настасья Никифоровна.

— Ну [3]) ты, кобель! вдругъ крикнула Настасья [4]) заливаясь смѣхомъ. А вѣдь я Петрова а не Никифорова, прибавила она переставъ смѣяться.

— Буду цѣнить-съ, отвѣчалъ Разумихинъ. Ну такъ вотъ братъ, чтобъ лишняго не говорить я хотѣлъ сначала сдѣсь электрическую струю повсемѣстно пустить, такъ чтобъ всѣ [5]) предразсудки въ сдѣшней мѣстности искоренить. Но Сонечка побѣдила. Я, братъ, никакъ и не ожидалъ чтобъ она была такая... авенантненькая. А, какъ думаешь! [6])

— И очень [7]) даже. Совсѣмъ, совсѣмъ-таки ничего и очень, очень даже въ порядкѣ. [8])

— Ишь [9]), тварь! ворчала Настасья, которой разговоръ этотъ доставлялъ повидимому неизъяснимое блаженство.

— Скверно братъ то, что ты съ самого начала не умѣлъ взяться за дѣло, продолжалъ Разумихинъ. Съ ней надо было не такъ! Вѣдь это такъ сказать самый неожиданный характеръ. Ну да это почти... Ну какъ н. прим. довести чтобъ она тебѣ обѣда смѣла не присылать? Или н. прим. этотъ векселъ? Да ты съ ума сошолъ что-ли векселя подписывать! Или н. прим. этотъ бракъ, предполагавшійся, когда дочка была жива. А впрочемъ это деликатная струна, ты мнѣ извини и потомъ разскажешь (прибавилъ онъ съ серьезнѣйшей, какую только могъ устроить изъ своего лица). А какъ по твоему, Вася, глупа Сонечка или нѣтъ? [10]) (93)

— Самый неожиданный характеръ, продолжалъ Разум. совершенно поним что Раскольниковъ говорить съ нимъ не хочетъ и что самъ Раскольниковъ по лицу его увид.

— Нѣтъ не глупа... отвѣтилъ Раскольниковъ, чтобъ поддержать разговоръ.

— И я тоже думаю. Ни глупа, ни умна, а какъ слѣдуетъ румяной и тѣлесной особѣ. Сорокъ то ей ужъ будетъ, она говоритъ тридцать

Зачеркнуто: [1]) какого-то [2]) запивая [3]) ужъ [4]) смѣявшись [5]) они обожглись [6]) Да, она ничего... пробормоталъ... отвѣчалъ я, чтобъ по... жаждая услышать дальше. [7]) братъ. [8]) даже весьма во всѣхъ статьяхъ [9]) вѣдь [10]) Н-нѣтъ: не глупа пробормоталъ я опять... Ну, И я тоже думаю, она какъ будто и не глупа... Но вѣдь и не умна... Какъ ты думаешь? *На поле стр. 92:* находишь ты, что она глупа? Нѣ-ѣтъ. Ну и я то же нѣтъ,... а впрочемъ знаешь-ли и не умна! Ну да. Пожалуй не умна такъ какъ слѣдуетъ бабѣ.

шесть и на это право имѣетъ. Ущипнуть невозможно; Это я тебѣ подъ секретомъ говорю, такъ все и выпрыгнетъ изъ руки. Такъ вотъ братъ, вся штука тутъ произошла изъ того, что она, видя что ты уже не студентъ и уроковъ и костюма [*над строкой:* у насъ все такъ сказать одна еще только эмблема чего-то чего ни я ни она не знаетъ] лишился и что по смерти барышни ей нечего тебя на родственной ногѣ у себя держать, вдругъ испугала, а такъ какъ ты съ своей стороны, никакихъ прежнихъ отношен(ій) не поддержалъ и она вздумала тебя съ квартиры согнать. И давно она это намѣреніе питала да векселя было жалко. Ктому-же ты самъ увѣрялъ, что мамаша заплатитъ.

— Это я по подлости моей говорилъ [а])... сказалъ я. Мать у меня сама [1]) милостыню почти проситъ... въ Пензѣ... [2]) А я лгалъ... чтобъ меня на квартирѣ держали.

— Да это ты благоразумно... Только вся штука въ томъ что тутъ и подвернулся г-нъ Колл. ассессоръ Чебаровъ. Сонечка безъ него ничего-бы не выдумала. Очень ужъ стыдлива. Занимается этотъ Чебаревъ дѣлами т.-е. дѣлишками службу тоже имѣетъ [3]) Сатирическіе стишки тоже пишетъ, общественные пороки [4]) преслѣдуетъ, предразсудки искореняетъ, отъ трехъ рыбъ на которыхъ земля стоитъ въ благородное негодованіе приходитъ [5]) За это [6]) отъ трехъ до семи цѣлковыхъ еженедѣльно отъ журналиста беретъ, — ну и деньги. Имъ бы только деньжон. тѣмъ иль другимъ поря. видишь ли. Люди они дѣловые и [7]) благороднымъ негодова торгуютъ, но больше [8]) всякими, и по процессамъ и по сутяжническимъ [9]) и въ ростъ даютъ, и распивочныя на чужое имя снимаютъ и между прочимъ вотъ по какимъ дѣламъ! У Сонечки н. прим. векселъ въ [10]). Вопросъ: есть ли надежда осуществить? Есть, потому дескать есть такая мамаша, [...и между прочимъ вотъ какъ; какъ [11])] какъ говоритъ [выражается] артельщикъ купца Шелопаева.

На поле: Это, братъ, ужъ такія акулы на свѣтѣ есть, въ морѣ плаваютъ. Всякіе на свѣтѣ есть люди, братъ Вася. До насъ съ тобой это не касается мы люди хорошіе. [б])

На поле: Можетъ она (хозяйка) потому-то и вознегодовала на тебя, что ты не хотѣлъ (умѣлъ) съ этого боку начать. Ужасъ, ужъ какъ это намъ обидно, коли кто не умѣетъ). (96)

которая годъ не ѣсть будетъ, а ужъ изъ своего пенсіона въ 120 руб., 75 руб. хоть года въ полтора а отложитъ. Впередъ заложитъ, да сестрица-гувернантка въ петлю пойдетъ а братца выручитъ. Что шевелишься-то? Я братъ теперь все, всю твою подноготную разузналъ и любя говорю, все понимаю. Вѣдь съ Сонечкой ты на родственной

[а]) не выдержа и *(зачеркнуто:* злобы) на этотъ разъ отъ зло..., зло... проговор Раск. [1]) чуть не подаяні [2]) сказалъ я [3]) хоть и [4]) обличаетъ [5]) Корнетовъ играющихъ на пистонѣ сатирически обличаетъ. [6]) цѣлковыхъ по три [7]) этимъ [8]) дѣлами завѣдуютъ. Онъ н. прим. *Над строкой:* мног. у насъ теперь такихъ [9]) и по искамъ [10]) 75 р. [11]) выразится. [б]) Я, братъ если ты хочешь и самъ противъ трехрыбія да вѣдь подразвеселить тебя этотъ трехрыбіемъ торгуетъ и уже кромѣ трехрыбія ничего ты отъ него не дождешься.

ногѣ стоялъ и откровенничалъ. Вотъ то-то и худо! Самой-то бы Сонечкѣ по твоему дѣлу этого и не выдумать, тѣлесна ужъ очень, да порекомендовали ей Чебарова [а]) [А кстати] тотъ [1]) и выдумалъ [б]) ей махинацію выд — потому что — вѣрь ты мнѣ — на счотъ того какъ деньги содрать, нѣтъ такой шельмы [2]) какъ тѣ которые отъ трехъ рыбъ въ негодованіе приходятъ [в]) [3]) и этимъ торгуютъ. Именно замѣть [4]): и примѣромъ если ты трехрыбнымъ задолжалъ или онъ тутъ только [5]) руку свою замѣшалъ такъ ужъ [6]) тотчасъ наровитъ тебя въ домъ Тарасова. На томъ стоятъ-съ. Это у нихъ положительный элементъ и презрѣніемъ къ предразсудку называется [презрѣніе къ долгу, но не къ долгамъ, въ томъ случаѣ если имъ долженъ] Ну а Чебаревъ именно изъ трехрыбныхъ т.-е. тѣ, которые дальше трехъ рыбъ... не знаютъ что и въ сатирѣ описалъ и про... Юленька ему его продала. Понюхалъ и за 10 цѣлковыхъ взялся вести дѣло. Вексель то твой онъ и [7]) не думалъ у Сонечки покупать; но у нихъ такъ на бумагѣ сдѣлано было, что будто-бы дескать онъ [8]) теперь и пропріетеръ [9]) видишь Сонечка слишкомъ ужъ деликатна посовѣстилась — дочкина жениха сама въ Тарасовъ тащить, ну и наняла кита тебя проглотить [10]). Я все это дѣло, по пріятельски отъ Заметова разузналъ. Мы съ нимъ у Лавизы были [11]). Лавизу Иван помнишь ? Лавизу знаешь? Славный она человѣкъ. Мы тутъ всей компаніей чуть не каждый вечеръ въ одномъ трактирчикѣ сходимся. Пошолъ я потомъ къ Чебарову, такъ вѣришь-ли во всѣ часы дня я къ нему разъ по 5 заходилъ, цѣлыхъ три дня записки оставлялъ, дескать по дѣлу такого-то, нѣтъ какъ нѣтъ: и чѣмъ свѣтъ, и въ обѣдъ [12]) даже въ часъ ночи все на дачѣ да и только, потому что у него дача и лошади есть. Ну ужъ добрался-бы я до него, пустилъ-бы ему струю электричества, да на ту пору у насъ съ Сонечкой [13]) гармонія вышла, такъ я и повелѣлъ ей это дѣло покончить, поручившись что ты ей заплатишь. Я братъ за тебя поручился. Слышишь? Ну тогда она и [14]) заявила Чебарову чтобъ дѣло покончить, а ему 10 цѣлков. за труды отдала. Былъ доволенъ [15]). потому что дѣльцо это съ жаромъ обдѣлыв да еще сколько жару-то литературного положилъ. Я читалъ въ конторѣ его требованіе о взысканіи: «Долгомъ дескать считаю присовокупить, что №№ намѣревается столичный городъ С.-Петербургъ оставить». И вѣдь совралъ, гдѣ тебѣ № что-нибудь оставить? Да [16]) вѣдь дѣловой человѣкъ. Ну (97) не равно вздумаешь улизнуть, такъ вотъ и доносилъ полиціи: смотри дескать [17]) въ оба.

Зачеркнуто: [а]) столкнули ее по одному другому дѣлу съ Чебаровымъ [б]) ну а надвор совѣ выдумалъ [в]) какъ иной сатирическ человѣкъ, изъ трехрыбного сорта. [1]) человѣкъ дѣловой [2]) какъ противъ [3]) трехрыбіе—это ихъ предѣлъ [4]) кто дальше трехъ рыбъ не пошолъ, тотъ уже охулки на руку не положитъ [5]) вмѣшался [6]) тотъ [7]) купилъ совсѣмъ покупалъ [8]) купилъ, потому [9]) купилъ дескать потому. [10]) ну и сталъ съ тебя требовать. Я... [11]) пошолъ [12]) и на ночь [13]) у насъ [14]) написала [15]) Такимъ образомъ за 10 рублей они въ акулы служитъ нан... акулами нанимаются, палачами, тюремщиками [16]) вотъ дескать доносилъ. [17]) въ оба лучше, неравно улизнетъ. Но такъ-то братъ Вася: у него-то вотъ и

Клопштока вѣдь онъ выпускаетъ лѣтъ 20 назадъ. Это я отъ Херувимова разузналъ. Такъ-ли Настасьюшка? Вотъ они теперь лежатъ эти десять цѣлковыхъ и въ гости просятся. И только теперь вижу я, Вася, что я дуракъ. Хотѣлъ тебя развлечь, болтовней потѣшить, а кажется жолчь нагналъ [1]). [отворачиваясь и черезъ минуту спросилъ] [2]): это я тебя въ бреду подлѣ себя видалъ... и не узнавалъ? спросилъ Раскольниковъ, помолчавъ съ минуту и не оборачиваясь.

— Меня и даже въ изступленіе входилъ [3]). Я однажды къ тебѣ съ Заметовымъ заходилъ.

— Съ Заметовымъ? [4]) съ [5]) письмоводит? [6]) Зачѣмъ? [7]) познакомиться съ тобой пожелалъ... самъ пожелалъ. Славный, братъ, онъ малый... Мы съ нимъ у Лавизы были, много [8]) съ нимъ о тебѣ говорили — теперь пріятели. Иначе отъ кого жъ бы я про тебя-то узналъ [9])

— Бредилъ я что-нибудь?

[Какъ бы себѣ не принадлежа]

— Объ чемъ я бредилъ? спросилъ онъ (я) силясь приподняться съ постели.

— Эвося! объ чемъ бредилъ! Да ты не приподымайся [10]) Извѣстно объ чемъ бредятъ [11]) Ну, братъ: А теперь, братъ надо за дѣло...

— Да [12]) объ чемъ?.. [13])

— Бредилъ-то? Ахъ ты Господи вотъ вѣдь наладилъ! Да ужъ не за секретъ какой боишься? Не безпокойтесь: объ графинѣ ничего не было сказано. А вотъ объ [14]) бульдогѣ какомъ-то, да объ дворникѣ, да объ Александрѣ Ильичѣ, да объ Никодимѣ Фомичѣ, — много было [15]) говорено. Поразили они тебя видно очень тогда. Да кромѣ того собственнымъ вашимъ носкомъ вы очень, очень даже интересовались, (99) жалобились. Подавай дескать мой носокъ съ ноги да и только. Заметовъ самъ [16]) по всѣмъ угламъ нарочно твои носки отыскивалъ [17]) и собственными вымытыми въ духахъ ручками съ перстнями, вамъ эту дрянь подавалъ [18]). Тутъ только вы и успокоились и цѣлыя сутки въ рукахъ эту дрянь держали... Да какъ еще? и вырвать нельзя Должно быть и теперь гдѣ нибудь подъ твои(мъ) подъ одѣяломъ лежитъ. А то еще бахромы просилъ на панталоны. Заметовъ долго допытывался: какая бы такая это сія бахрома? Я не отвѣчалъ и притихъ [19]) Былъ у меня Заметовъ носки разсматривалъ. Все ощупалъ рукой, такъ и есть одинъ носокъ и теперь подлѣ меня. Я крѣпко его стиснулъ въ рукѣ...

дрожки и дача и (слава) благородная репутація: трех рыбъ, дескать, отвергаетъ. Ну а намъ мамаша послѣдній свой кусочикъ вдовій прислала. Такъ вотъ тѣ десять цѣлковыхъ и эти вотъ десять цѣлковыхъ, что здѣсь на столѣ лежатъ и въ гости просятся.

Зачеркнуто: [1]) Что Вася, какъ? Ничего... отвѣчалъ я [2]) слушай такъ [3]) отъ этого былъ... [4]) зачѣмъ... [5]) тѣмъ... [6]) у меня сердце дрогнуло [7]) А такъ онъ, Да [8]) я... [9]) Послушай... [10]) Мало объ чемъ. И про [11]) Все пустяки. [12]) нѣтъ. [13]) Ахъ ты Боже мой. Вынь до положь. Экъ его. Значитъ. [14]) собакахъ [15]) сказано [16]) ихъ въ [17]) носки [18]) подалъ. Еще такъ. [19]) Заметовъ искалъ носки и.

— Ну-съ такъ за дѣло, продолжалъ Разумихинъ. Въ томъ дѣло, что я беру [1]) из твоихъ тридца рублей съ твоего позволенія, ибо вижу что они въ гости прос и немедленно возвращаюсь. [2]) А вы Настенька что [2]) имъ надо будетъ, —такъ не оставьте-съ. Да вареніе чтобъ было. Непремѣнно малиновое. А впрочемъ я самъ зайду къ Сонечкѣ.

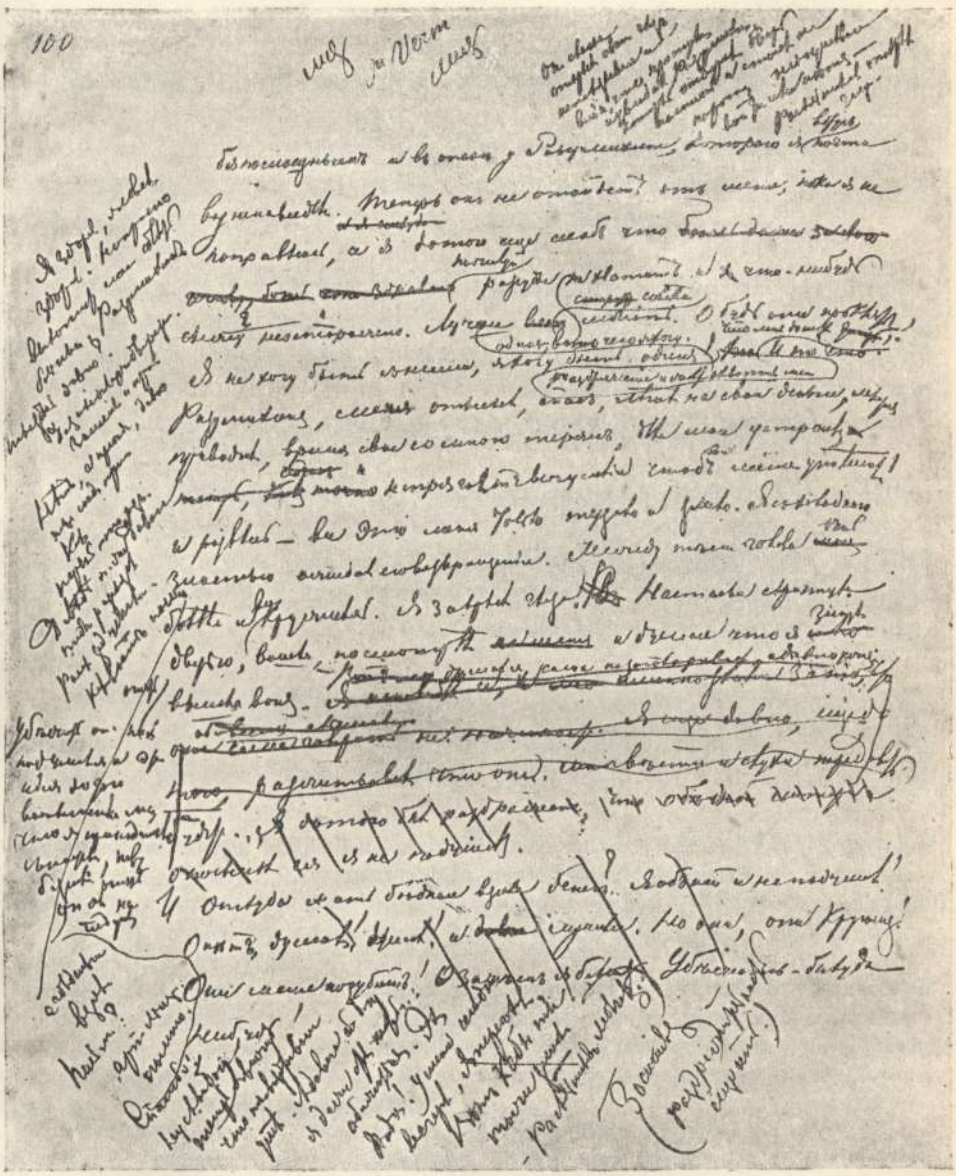
Зосимова [3]) пришлю. А впрочемъ я и самъ зайду [4])

Сонечкой зоветъ. Ахъ ты рожа повадливая [6]) сказала Настасья [5]) какъ только онъ вышелъ очевидно вся уже давно очарованная Разумихи. Я молчалъ: она оборотилась, сначала отворила дверь, подслушать, а потомъ и сама внизъ сошла. Ей ужъ очень интересно было знать какъ онъ тамъ будетъ съ Соничкой... Наконецъ-то онъ остался одинъ.

Какъ только ушла она я тотчасъ-же выдернулъ носокъ, тотъ самый съ лѣвой ноги и сталъ пристально его разсматривать на свѣтъ: замѣтна-ли [6]) что-нибудь? Но носокъ этотъ былъ и прежде ужъ до того заношенъ чоренъ и грязенъ, и потомъ, уже послѣ того, я до того затеръ его въ [7]) землѣ и смочилъ что не было возможности наглазъ угадать что тутъ была кровь. Весь конецъ носокъ и главное подошва его составляло напротивъ одно большое [8]) темнобурое пятно. Я успокоился [9]): Заметовъ ничего не могъ разсмотрѣть, но все таки любопытно, что онъ былъ здѣсь самъ и успѣлъ уже сойтись съ Разумихинымъ [10]).

Всего болѣе злило меня, что я чувствовалъ себя такъ слабымъ, (99) безпомощнымъ [г]) и въ опекѣ у Разумихина, котораго я вдругъ почти возненавидѣлъ [г]). Теперь онъ не отойдетъ отъ меня, пока я не поправлюсь [11]), а я до того еще слабъ что [12]) пожалуй разсудка не хватитъ и (я) что-нибудь неосторожно скажу. Лучше [13]) совсѣмъ молчать. О будь они прокляты! Я не хочу быть съ ними, я хочу быть одинъ! Одинъ — вотъ чего я хочу. Раздраженіе и жаръ охватили меня. Что мнѣ до нихъ [14]). И то что Разумихинъ, меня отыскалъ, спасъ, лѣчилъ на свои деньги, лекаря приводилъ, время свое со мною терялъ, дѣла мои устроилъ [15]) сейчасъ и напрягаетъ всѣ усилія чтобъ меня утѣшить и развлечь— все это меня только терзало и злило. Я съ холодною злостью ожидалъ

Зачеркнуто: [1]) сіи десять [2]) Настасьюшка ему [3]) какъ увижу. [4]) Ишь [5]) повидимому до крайности довольная Разумихинымъ. [а]) а вечеромъ вамъ въ нихъ отчетъ принесу, это братъ ужъ такъ нужно. [6]) хитростная [6]) кровь [7]) въ пыли [8]) самое [9]) Но все таки меня мучилъ [10]) Господи, когда-жъ это кончится?.. И что еще будетъ? Я былъ холоденъ, золъ надоѣдалъ Разуми и молча злился на Заметова [г]) онъ слегка открылъ одинъ глазъ, не показывая и вида, что проснулся и увидалъ Разумихина, который отворилъ дверь настежь и стоялъ на порогѣ, недоумѣвая войти или нѣтъ—Раскольниковъ открылъ глаза — [г]) Я здоровъ, я совсѣмъ здоровъ. Напрасно вы хотите меня сдѣлать больнымъ. Разумихинъ ты здѣсь давно? Да заходилъ уже два раза. Заметв. и проч. Нѣтъ, а прежде, давно ты сюда прише... какъ первый-то разъ. Да вѣдь я-же давеча тебѣ разсказалъ Расск. задумался. какъ со снѣ пошол а гдѣ деньги взялъ. Письмо? артельщикъ помню. [11]) и я никуда— [12]) боюсь даже за свою голову, боюсь, что здраваго [13]) всего стараться. [14]) теперь. То [15]) и теперь, какъ точно

Снимок с стр. 100 из „Записной книжки“ № 2 Ф. М. Достоевского.

его возвращенія. Между тѣмъ [1]) голова очень болѣла и все кружилось. Я закрылъ глаза [2]). Настасья скрипнула дверью, вошла, посмотрѣла [3]) и думая что я [4]) заснулъ опять вышла вонъ [5]). (100)

Часа черезъ полтора уже къ сумеркамъ послышался на лѣстницѣ громкій и звонкій голосъ Разумихина. Я был(о) забылся. Отъ голоса его меня [5]) такъ и [6]) перевернуло. Онъ отворилъ дверь, но увидавъ что глаза [7]) мои закрыты остановился [8]) молча на порогѣ. Тутъ [9]) я [10]) взглянулъ на него.

— А не спишь, ну вотъ и я. Настасья тащи все крикнулъ онъ внизъ. Сейчасъ отчотъ получишь а лихо же ты поспалъ! Въ рукахъ у него былъ узелъ [11]) и видъ былъ торжественный.

Я холодно смотрѣлъ на него.

— Спать дѣло хорошее и вотъ братъ Вася я тебя до завтра оставлю [12]). Спи это тебѣ [13]) полезно [14]) Я къ Бакавину заходилъ по дорогѣ, сейчасъ явится [15]) на тебя посмотрѣть: А покамѣстъ, до Бакавина посмотримъ [16]) покупки. Вотъ и Настасьюшка [17]) намъ компанію сдѣлаетъ [18]) А Настасья была уже была въ комнатѣ. она [19]) кажется отстать не могла отъ Разумихина.

— Ну-съ, и во-первыхъ [20]) продолжалъ онъ развязывая узелъ. [Раскольник съ изумленіемъ приподнялся что это! Который часъ крикнулъ онъ] въ 1-х—картузъ. [б]) Позволь-ка примѣрить. Онъ подошелъ ко мнѣ приподнялъ меня [21]) и приготовился примѣрять мнѣ картузъ [в]). Я съ отвращеніемъ оттолкнулъ было его... Не надо. Завтра... проговорилъ я.

— Нѣтъ, ужъ, братъ, Вася ты не противься. Завтра — поздно [будетъ], да и я цѣлую ночь [22]) отъ безпокойства не буду спать потому я картузъ безъ мѣрки на угадъ покупалъ. Какъ разъ!

Зачеркнуто: [1]) моя [2]) Въ [3]) на меня [4]) сплю [5]) я [6]) вздрогнулъ [7]) у меня [8]) и выжидалъ [9]) но [10]) открылъ глаза поглядѣлъ [11]) узелокъ [12]) я [13]) даже [14]) теперь [15]) придетъ [16]) посмотри-ка [17]) будетъ смотрѣть [18]) Настасья. Настасья А та [19]) не [20]) началъ [21]) и обхватилъ лѣвой рукой мою голову обнялъ меня. [22]) спать не буду; не засну

Варьянты и вставки: [а]) Я ненавидѣлъ ее, и именно злился за то, что она сама говорить не начинаетъ. [*вставка:* Вотъ она, думалъ я, сама не заговариваетъ, а давно ужъ обо всемъ слышала...] Я еще давно, еще до того, разсчитывалъ что она мнѣ, вѣсти и слухи передавать будетъ... Я до того былъ раздраженъ, что о бѣдной матери и о посылкѣ ея я не подумалъ.

И откуда мать бѣдная взяла денегъ? Я объ ней и не подумалъ! О нѣтъ, думалъ! думалъ! (*зачеркн.:* и давно) мучился. Но они, они кругомъ! Они меня погубятъ! О зачѣмъ я боленъ. Убѣжать-бы куда.

На поле: Убѣжать отъ нихъ подумалъ я и эта идея до того воспламенила меня что я приподнялся съ постели, но въ безсиліи опять упалъ на подушку.

На нижнем поле: Спасибо: Ну слава Богу теперь я вижу что ты въ здравомъ умѣ. А давеча ей Богу я даже сталъ на тебя обижаться. Эхъ Родя! У меня сегодня вечерокъ. Я переѣхалъ. Вотъ кабы ты тоже зашелъ.—Раскольниковъ молчалъ.— Зосимовъ (Раздражительность еще есть). *На поле стр. 101.* Проспалъ часовъ шесть [*под строкой:* онъ проснулся уже] и проснулся уже ввечеру, на порогѣ стоялъ

вскрикнулъ онъ торжественно, какъ-разъ по мѣркѣ! Теперь засну спокойно! Это братъ, Вася! самая первая вещь, продолжалъ онъ снявъ картузъ и въ наслажденіи смотря на него. Головной уборъ [1]) говоря вообще неминуемо способствуетъ успѣхамъ въ высшемъ обществѣ. Тутъ вся житейская философія—Каскетка [2]) удивительный, продолжалъ онъ любоваться [3]) весьма серьозно. Ну-съ, Настенька вотъ вамъ два головные убора, сей пальмерстонъ, онъ досталъ изъ угла мою исковерканную круглую шляпу которую неизвѣстно почему назвалъ пальмерстономъ и положилъ рядомъ съ купленнымъ картузомъ (102) на столѣ сей пальмерстонъ или сіе щеголеватое пріобрѣтеніе? Знаешь, Вася, мы эту круглую шляпу въ академическій музей пожертвуемъ и скажемъ что это птичье гнѣздо изъ Зангзебара [4]) что яйцы всѣ дорогой разбились [5]) [a]) Ну-съ [6]) далѣе: оцѣни-ка Вася. Какъ ты думаешь что заплачено [7]) за картузъ? Настасьюшка! Обратился онъ къ ней видя что я молчу.—Да што...—Двугривенный небось отдалъ, отвѣчала Настасья, тоже любуясь картузомъ.

— Двугривенный, дура! Шесть гривенъ Развѣ можно [8]) за двугривенный [9]) въ наше время фуражку купить? Да еще съ уговоромъ, износишь этотъ на будущій годъ другой картузъ ужъ даромъ даютъ [10]). Ей Богу Ну-съ приступаемъ теперь къ Соединеннымъ американскимъ штатамъ. Каковы братъ штаты? Предупреждаю: штанами горжусь! и онъ [11]) расправилъ передъ нами сѣрые, [весьма приличн но поношен тож] казинетовые шаровары.

— Ни дырочки, ни пятнушка, а поношенные. Такова же и жилетка, одного цвѣта какъ мода требуетъ [6]), тоже поношеная, но вѣдь но вѣдь это даже и лучше: мягче какъ-то, нѣжнѣе [в]) Видишь Вася, чтобъ сдѣлать въ свѣтѣ карьеру, достаточно по моему сезонъ наблюдать. Теперь лѣтній сезонъ, ну и все это лѣтнее и жилетка и шаровары. Къ осени разумѣется все это развалится, какъ Вавилонскій Монархъ, отъ [12]) хоть не отъ роскоши и [13]) внутреннихъ неустройствъ, но во-первыхъ тогда и безъ того сезонъ болѣе теплой матеріи потребуетъ, а во-вторыхъ все таки намъ весьма почтенныя лоскутья останутся[14]), (102) зимой на портянки. Ну, много-ль? Цѣни!

Разумих отворивъ дверь насте и смотр какъ то вним. [б]) Я съ отвращеніемъ оттолк. было. Завтра, нѣтъ братъ я не успокоюсь покупалъ безъ мѣрки на глазъ. Да часовъ 6 спалъ. Ужъ вѣроятн. Ну какъ себя чувствуешь. [в]) Настасья положила передъ нимъ узелъ и онъ съ торжествомъ сталъ развязывать лукаво посматривая на Раскольникова съ торжеств развязав это братъ у меня (*над строкой:* бр особо) на сердце лежало, началъ онъ развязывая. Ну,—начнемъ сверху. Во первыхъ видишь и продолж. у ювелировъ только.

Зачеркнуто: [1]) Это самая первая вещь и все равно что философія [2]) картузъ [3]) И [4]) а [5]) въ дрызгъ [a]) Обрадовал что я говорилъ съ нимъ [6]) къ дѣлу [7]) заплатилъ [8]) найти [9]) въ 19-мъ вѣку такую [10]) На томъ стоятъ... [11]) выставилъ [б]) не спорю, но почти лучше чѣмъ не поношенная. [в]) потому братъ [12]) усилившейся [13]) отъ [14]) теперь какъ ты думаешь, многоль?..

Онъ побѣдоносно посмотрѣлъ [1]) скорѣй на Настасью, чѣмъ на меня мой холодный и даже злобный взглядъ [2]) очевидно смущалъ его.

— Рубль двадцать пять серебромъ ни больше ни меньше за [3]) штаны и жилетъ [4]) Вѣдь это ужъ совершенно даромъ и сверхъ того вѣдь тоже съ условіемъ : износишь — имѣешь право другіе въ той же лавкѣ на выборъ потребовать изъ самаго что ни есть лучшего англійск. трико. Даромъ отпустятъ. Ну-съ, приступимъ теперь къ сапогамъ [5]) Вася, смотри [6]), вѣдь поношенные, а какъ ты думаешь—мѣсяца на три удовлетворятъ. Это ужъ будь! Это ужъ я бралъ зазнамо я въ сапогахъ спеціалистъ и этимъ горжусь [7]); эта же пара только недѣлю и [8]) была въ носкѣ и работа заграничная: Секретарь англійскаго посольства на толкучемъ спустилъ. Деньги [9]) очень понадобились. Цѣна 1 рубль [10]) съ пересылкою. Удачно?

— Да можетъ не въ пору [11]), сказала Настасья.

— А это што? — и онъ торжественно вытащилъ изъ своего кармана мой сапогъ, грязный съ ужасной дырой, весь закорузлый и засохшій.

— Я съ запасомъ ходилъ и какъ [12]) натуралистъ возстановлялъ по одной косточкѣ цѣлый скелетъ, такъ и въ лавкѣ Фомина [13]) по этой развалинѣ [14]) возстановили мнѣ [15]) настоящій размѣръ да еще сказали на томъ стоимъ-съ [16]), и скорѣй ужъ натуралистъ [17]) совретъ чѣмъ Фоминъ. Теперь Вася наступаетъ статья интимная: рубахъ у тебя нѣтъ ничего, —это я знаю дрянь—такъ вотъ двѣ холстинныя съ модным верхомъ Потому братъ хор бѣлье, чѣмъ больше носится тѣмъ крѣпче становится: Это статья извѣстная поношенныя правда, но [18]) оттого они еще крѣпче стали: полтора рубли пара, невыразимыя (двѣ шту: одна штука за деньги, а другая даромъ въ...) даромъ въ придачу, всего одна штука, да и довольно съ тебя, потому, братъ невыразимые такая вещь, которая скрыта отъ глазъ тѣмъ болѣе высш общества. Ну-съ полтора рубля да рубль — два съ полтиной, да рубль двадцать пять, да потомъ еще шесть гривенъ итого, итого — четыре рубли тридцать копеекъ и въ добавокъ пять рублей семь гривенъ въ остачѣ и вотъ онѣ (онъ выложилъ деньги на столъ). Весь костюмъ, съ ногъ до головы, потому что, по моему мнѣнію, твое пальмерстонъ пальто не только (103) еще можетъ служить, но даже имѣетъ въ себѣ [19]) какой-то видъ особеннаго благородства [20]). Ну-съ, а на счетъ носковъ и проч. Къ черту ихъ, къ чему? Эту статью ужъ ты самъ разрѣшишь.... Совѣтую [21]) отмыть теперешнюю твою рубашку и такъ какъ она давно уже вся въ развалинахъ, то надери себѣ изъ нее портянокъ. Хватитъ пары на двѣ, не говорю ужъ объ томъ, что теперь это [22]) [повсемѣстно]

Зачеркнуто: [1]) круго на меня и [2]) каже... [3]) пару [4]) Даромъ вѣдь совершенно даромъ совершенно даромъ [5]) сапоги съ [6]) только... поношенные [7]) Да и нова... только.. [8]) носилъ: секретарь [9]) говоритъ ужъ [10]) серебр. безъ пересылки [11]) ему [12]) Кювье [13]) сей [14]) угадали [15]) мѣрку [16]) ну а [17]) то пожалуй и навретъ [18]) все таки дорого стоитъ [19]) еще что-то [20]) благородное [21]) вы [22]) какъ особенно

въ моду [1]) входитъ, даже между дамами. Ну ты, давай-ка я тебѣ рубашку черную перемѣню.

— Не надо... не надо... отмахивался я руками [2])

— Невозможно Вася, ты ее до того заносилъ, до того въ ней потѣлъ и проч., и проч., что пожалуй болѣзнь оттого дня три лишнихъ продержится. Давай, давай! Настенька не конфузьтесь а лучше помогите. Вотъ такъ! И онъ насильно перемѣнилъ на мнѣ бѣлье. Настасья взяла старую рубаху чтобъ вымыть. Я былъ въ бѣшенствѣ [2]); повалился на изголовье и заплакалъ отъ злости. — Ну, ну, ну что! Экой вѣдь онъ!.. крикнулъ Разумихинъ [3]) совершенно перемѣняя свой выдѣланный на [веселый] и балагурный тонъ и даже съ упрекомъ посмотрѣлъ на меня.

— Не нужно мнѣ нянекъ; — не нужно мнѣ никакихъ благодѣтелей и утѣшителей—оставьте, оставьте меня,—хрипѣлъ я всхлипывая.

Въ эту минуту Разумихинъ очень грустно съ истинною печалью смотрѣлъ на меня...

— Къ чему, зачѣмъ ты, — говорилъ я съ злобнымъ ядомъ, — къ чему ты со мною говоришь.

Въ эту минуту дверь отворилась и вошелъ Бакавинъ. Это былъ лѣкарь покамѣстъ безъ мѣста [4]) лѣкарь очень искусный [5]); бѣлокурый, съ какими-то большими но безцвѣтны глазам улыбкой [6]), саркастической высокій и одутловатый Я его и прежде встрѣчалъ. Съ нимъ мнѣ какъ-то всегда было особенно тяжело. [6]) (104)

— Ну что? сказалъ онъ пристально всматриваясь въ мое лицо [7]) и садясь на мою постель.

— Да вотъ все хандритъ, плакать вздумалъ что мы ему бѣлье перемѣнили. [в])

— Понятно. [8])

Онъ пощупалъ мнѣ пульсъ и голову.

— Голова-то все еще болитъ [9])

— Я, я [10]) здоровъ, я совершенно здоровъ! настойчиво и раздражительно произнесъ Раскольник приподы

— Гм. Ничего. Хорошо. Все хорошо. Ѣлъ онъ что-нибудь? [г])

Ему разсказали и спросили что можно давать?

— Да [11]) мож давать.

— Супу, чаю [12])... сколько захочетъ. У него на то своя мѣрка [13]) Грибовъ да огурцовъ конечно не давать. Говяди мож теперь [14]) а что надо будетъ такъ завтра посмотримъ микстуру прочь [д])

Зачеркнуто: [1]) модѣ [а]) пожалуйста, оставь это все, оставь, оставь отмахивал Раскольниковъ—я не хочу,—скажи мнѣ: изъ какихъ денегъ это все? [2]) Не знаю почему [3]) взглядъ [4]) Я объ немъ слышалъ его и прежде видѣлъ [5]) борода чорная, глаза чорные. лицо смугло-желтое одѣтъ въ чорное [6]) улыбка [6]) Какъ нянька, шутками разными развеселить меня хочешь, что-ли? Да не умѣешь. Что за шутки про высшее общество, про пальмерстонъ... ничего не умѣешь...не идетъ тебѣ. Я злобно засмѣялся. [7]) меня [в]) бѣлье не хочетъ перем... [8]) Бѣлье можно-бы было и послѣ перемѣнить... [9]) а? спросилъ онъ. [10]) не отвѣчалъ [г]) Что надо будетъ... завтр я посм. Чего тут. Микстур. прочь все прочь. неудовлет. понятн. [11]) все тоже [12]) Ну. [13]) теперь... есть... [14]) микстуру долой [д]) Пестряковъ студентъ, вотъ въ этой

— Завтра вечеромъ я его гулять веду! вскричалъ Разумихинъ [1]) Вотъ и костюмъ приготовленъ, въ Юсуповъ садъ, заведу а потомъ и въ Пале-де-Кристаль [a]) зайдемъ [2]).

И завтра то [я бы] его и шевелить не сталъ [3]) апатически [4]) проговорилъ Зосимовъ. Пожалуй немного можно... Если погода.

— Экая досада, [5]) а послѣ завтра.

— И послѣ завтра.

— Экая досада, а я именно хотѣлъ его къ Заметовымъ свести. Всѣ углы знаетъ и вездѣ хозяинъ.

(*По правой стороне страницы*)

Эхъ кабы сегодня ко мнѣ, буду дома Я могу и теперь [6]) ходить и куда угодно пойду... если захочу.

— Кто будетъ?

Зосимовъ промолчалъ.

— Эхъ досада! Крикнулъ Разумих. Сегодня я новоселье справляю, два шага, вотъ-бы и онъ. Ты-то будешь? Вѣдь обѣщалъ обратился онъ вдругъ къ Замет

— Да я не знаю, пожалуй, кто будетъ-то

— Да все здѣшніе, право, у меня то два мѣсяца нѣтъ [7]) знак то вдругъ ихъ цѣлая туча.

(*Далее по левому углу страницы*)

Кто такой

Почтмейстеръ гдѣ-то въ уѣздѣ всю жизнь пробылъ пенсіонъ теперь получаетъ. Бѣдный человѣкъ, все молчитъ, а я его очень люблю, такъ лѣтъ въ пять по разу

Нездѣшніе современны! [8]) Кромѣ развѣ старика дяди, древняго старика, шестидесяти пяти лѣтъ [9]), недѣлю какъ въ Петербургъ по дѣлу пріѣз

(*Между строк посреди страницы*)

Какъ-нибудь видишь. Ну и тамъ всѣ прочі(е). Порфир Степ. приставъ слѣдств. дѣлъ твой пріятель. Да полно, не грѣшны что вы поругались-то такъ ужъ—ты не придешь пожалуй

Углы [10]) углами, а [11]) кромѣ [12]) угловъ, что можетъ быть у тебя [13]) или у него съ [14]) Заметовым общаго. Спросилъ Бакавинъ, указывая на [6]) (105) меня и какъ-то особенно искривилъ свои губы [15]) въ обличительную улыбку [16])

исторіи. Офицеръ одинъ, естествоз наукамъ, одинъ, учитель одинъ. Мальчикъ одинъ, ну да чор вс(е) равно. Замето будетъ. Эхъ братъ Родя какъ-бы я хотѣлъ его... Ну да ничего! Я здоровъ [*между строк*]: Я здоровъ, я здор я не позволя распоря. Я могу ходить...

Зачеркнуто: [1]) это положено. [a]) и въ Palais de Cristal. [2]) но по моему [3]) нельзя будетъ [4]) произнесъ Бакавинъ [5]) Што-ты! ну [6]) Ходи куда угодно [7]) гостей [8]) есть [9]) въ Пет [10]) конечно... [11]) что [12]) то.о [13]) общаго съ этимъ [14]) онъ на меня указалъ [6]) Бакавинъ замѣчаетъ... Выходитъ что они всю эту штуку вмѣстѣ сочинили, т.-е. и Бергштольцъ и студентъ и работникъ вмѣстѣ убили, а потомъ и подсочинили всю эту комедію.—Ну такъ представь же, что дѣйствительно они на этомъ остановились. Да къ счастію свидетель! новости дѣлаетъ. Да новости... Бакави встал. [15]) въ вопросительнонасмѣшливую [16]) Ну

— Охъ ужъ вы [1]) все-то вы на принципахъ [2]) глупость! А я такъ вотъ всякаго хорошаго человѣка люблю. Хорошъ человѣкъ — вотъ и принципъ. А съ Заметовымъ и дѣйствительно есть [3]) у меня одно такое общее дѣльце.

— Желательно знать? продолжалъ Бакавинъ. [4])

— А [5]) по дѣлу о малярѣ, т.-е. о красильщикѣ-то? Ужъ мы его вытащимъ [6]) а впрочемъ и бѣды-то нѣтъ [7]): безъ насъ выпустятъ дѣло теперь совсѣмъ, совсѣмъ очевидное, а мы [8]) только пару ему поддадимъ.

— Какой такой красильщикъ?

— Да вѣдь я-жъ тебѣ [9]) сказывалъ! Аль нѣтъ Нѣтъ, впрочемъ, не разсказывалъ; я тебѣ только начало дѣла разсказывалъ; вотъ про убійство старухи-то, ну а тутъ и маляръ потомъ подвернулся [10]).

— Про убійство-то я и прежде твоего слышалъ... и даже въ газетахъ читалъ и этимъ дѣломъ даже особо интересуюсь [11]).

— Лизавету-то тоже [12]) зарѣзали вдругъ [13]) перебила Настасья, обращаясь прямо ко мнѣ.

— Какую Лизавету? [14]) пробормоталъ я, будучи уже не въ силахъ смолчать.

— А Лизавету Петровну, торговку-то [15]). Не знаешь ее штоль? Она сюда внизъ ходила. Еще тебѣ рубаху, вотъ ефту самую починила.

— Эту рубаху [16]) чуть слышно повторилъ я за ней [a]). (106)

— А какже! [б]) Ты думалъ чинила-то я! Я тонкой иглой шить не умѣю. Ишь въ пяти мѣстахъ заплатъ наставила, бормотала она перебирая рубаху, ужъ у тебя и рубаха-то, ишь вѣдь! Еще десять копеекъ съ тебя [17]) за чинку слѣдовало, да ты и доселева не отдалъ. А убили беременную, нипочемъ били, вѣдь надо, кто захотѣлъ тотъ и надругался [18])

— Ну, такъ чтожъ [19]) маляръ? [20]) перебилъ Бакавинъ обращаясь къ Разумихину [21])

Зачеркнуто: [1]) ты [2]) принципы [3]) одно дѣло [4]) Да вѣдь я разсказывалъ, аль нѣтъ? [5]) все [6]) его изъ бѣды [7]) дѣло [8]) еще поработаемъ [9]) раз... [10]) да [11]) А вамъ зачѣмъ?—Да слѣдователь... Я съ нимъ... я его.. [12]) убили, брякнула [13]) ввязалась, брякнула [14]) отвѣтилъ. [15]) Будто не [16]) это псчинила [a]) *На левом углу и на нижнем поле страницы*—А тебѣ тутъ што?—Да такъ.... А, а, понимаю (*зачеркнуто:* Тамъ въ одномъ семействѣ встрѣчаемъ А впрочемъ тебѣ на што) на счотъ Порфирія (*зачеркнуто:* Иванова) *над строкою поставлено:* Филипьичъ. А што мнѣ Порфирій Филипьич...

Да ужъ что слышалъ я что вы за это дѣло съ Порфиріемъ чуть не подрались. Молчаніе. Какой ты смѣшной человѣкъ Разумихинъ хлопотунъ, прибавилъ онъ— скрививъ ротъ. А ты изъ-за чего интересуешься, какъ самъ сейчасъ сказалъ. Я его за добрымъ дѣломъ... Ну, ну довольно...

[б]) *На верхнем поле страницы:* никакого спору съ Бакавинымъ. просто-за просто коротко и ясно дѣло разсказываетъ [17]) ей [18]) И я ее зналъ и мнѣ она бѣлье чинила. Идіотка она. Ее старуха беременную колотила. Я самъ видѣлъ. Беременная, беременная шестой [19]) тутъ [20]) то [21]) А вотъ что маляръ. Его просто запросто стали подозрѣвать что это дѣло его.

— Да просто за просто [1]) въ убійцы [2]) записали [3]).

— Улики что-ль? Да [4])... какъ же это? Опять что-ль улики [5]) новыя появились [6])? спросилъ Бакавинъ, видимо желая что-то вывѣдать.

— Какія чортъ улики! А впрочемъ именно [7]) улика, да улика-то [8]) эта не улика, вотъ что требуется доказать. Сначала они заподозрѣли двухъ этихъ какъ бишь ихъ, — ну Бергштольца да Копилина студента. Фу какъ это глупо! Такъ даже вчужѣ жолчь подни Кстати, Вася, ты [9]) эту штуку тоже вѣдь знаешь. Безъ тебя, т.-е. [10]) вотъ ты тутъ лежалъ а тутъ подъ бокомъ у насъ [а здѣсь недалеко] убійство случилось, т.-е. впрочемъ что жъ я! ты еще тогда выходилъ, ну да вотъ когда ты въ часть ходилъ... да ты тамъ вѣдь про это и слышалъ [11]) [a]) и при тебѣ разсказывалъ, еще ты въ обморокъ тамъ упалъ Это еще до болѣзни. [Наканунѣ какъ ты былъ у меня. Еще какъ въ обморокъ-то упалъ; мнѣ разсказ... онъ въ обморокъ тамъ упалъ [12]).]

Я молча отвернулся [13]) Не могъ я глядѣть на нихъ и чуть дышалъ.

— Ну?

— Ну Бергштольцъ,— этотъ толстякъ-то, да и Копилинъ, [Пестряковъ — вотъ онъ у меня будетъ сегодня] самыя удовлетворительныя объясненія дали. Это ужъ ты слышалъ отъ Порфирь Филипьича. Во первыхъ чтож-бы имъ за охота самимъ убить, да тотчасъ и дворника привести. Дверь дескать (107) отперта. Дворнику пошли сказали, что изнутри заперта, а пришли—отперта. Ну вотъ въ этомъ-то и камень преткновенія это ихъ сбило съ толку [14]) и Бергштольца [15]) Знаю, сказалъ Бакавинъ [16]) Онъ у старухи просроченные заклады скупалъ [17]). Это шельма, [18]) да то-то вотъ у насъ — что шельма, что заклады скупалъ, такъ вотъ ужъ онъ непремѣнно и убилъ. Изъ чего онъ это вывелъ? Хвастунишка онъ.

— Знаю, вы чуть не подрались съ Порфиріемъ у Порошиныхъ— это правда что Порфирій гордый но со способностя и следователь изъ него выйдетъ отличный. Теперь при реформѣ намъ такихъ людей надо практичн.

— Ну [19]) да что дальше-то? съ неудовольствіемъ перебилъ Бакавинъ. [20]) Ну такъ. Эти оба отвертѣлись тотчасъ, и студентъ и Бергштольцъ [21]) ихъ [22]) десятки свидѣтелей видѣли въ послѣдніе полчаса. На каждую минуту свой свидѣтель представленъ. Да это все мнѣ извѣстно Ктому-жъ ихъ обоихъ дворники видѣли какъ они вошли сначала [23])

Зачеркнуто: [1]) чуть [2]) не пожаловали; [3]) Улики штоль?.. [4]) онъ-то тутъ какъ? [5]) что-ль. [6]) интересно [7]) на [8]) тутъ [9]) этой штуки новой не [10]) когда [11]) Что-жъ я [a]) одно убійство случилось. И вѣдь тѣмъ замѣчательно что... убійства за разныя штуки все чаще и чаще. [12]) Тутъ это какъ въ обморокъ упалъ. Господи! Господи вѣдь. Это Заметовъ подумалось мнѣ; [13]) къ стѣнѣ [14]) А это ужъ я все знаю сказалъ Бакавинъ. Этотъ [15]) Бергштольцъ [16]) У ней [17]) и въ низу-же серебренику ихъ продав [18]) знаю [19]) такъ что-же. что как же этотъ [20]) ну вотъ по порядку [21]) шельма да невиноватъ. [22]) Обоихъ и его и студента [23]) тотъ

Бергштольцъ, а потомъ студентъ. Студентъ-то выкупить [1]) вещь приходилъ, такъ въ такое время, какихъ-нибудь три минуты, какъ онъ тамъ пробылъ нѣтъ возможности убійство совершить, не смотря на то, что [2]) оба трупа, когда дворники вошли были еще теплые. Значитъ именно тамъ въ то время какъ эти господа стучались и убійца сидѣлъ [3]). Они его застали, ему помѣшали и ужъ онъ бы попался какъ мышь, еслибъ Бергштольцъ не наскучилъ ждать студента и не пошолъ дуракъ тоже за дворникомъ. Убійца крючокъ-то отворилъ да и былъ таковъ.

[—Знаю я всѣ эти предположенія]. Это на квартиру-то пустую думаютъ, что тамъ убійца прятался когда они приходили? Это все мнѣ извѣстно, вся эта теорія, насмѣшливо прибавилъ Ба(ка)вин [4])

— Непремѣнно съ жаромъ вскричалъ Разумихинъ какъ бы предвидя возраженія, иначе повстрѣчали бы его [5]).

Только ужъ что-то больно все это пробормоталъ скрививъ ротъ Бакавинъ хитро на тонину смахиваетъ. Надо бы потолще, да поясньѣе [a]) [6]) (108)

— Эхъ ты Бакавинъ какой! съ горячимъ упрекомъ и съ болью крикнулъ Разумихинъ, безподобный ты малый и благороднѣйшій человѣкъ, а ненависть какая въ тебѣ. Что въ одномъ домѣ встрѣчаетесь и что враги, чортъ знаетъ изъ-за чего, такъ вотъ и надо противурѣчить очевидности не понимать! А по моему такъ Порфирій... въ самую въ самую точку попалъ [7]).

Тутъ у него видишь на первомъ шагѣ вопросъ, — который онъ разрѣшить не можетъ; вмѣстѣ-ль въ квартирѣ были Лизавета и старуха [8]), хладнокровно сказалъ Бакавинъ, когда [9]) убійца ихъ убивалъ —иль онъ обѣихъ порознь укокошилъ?

— Порознь, порознь! вскричалъ горячась Разумихинъ. Въ томъ-то и штука што порознь, теперь на этомъ всѣ дальнѣйшія догадки построены.

— Порознь — такъ значитъ онъ сталъ бить старуху, а дверей не заперъ? потому что въ нихъ потомъ другая вошла. Иначе съ какой бы стати ему впускать. Так он бы тоже обробѣв и притаился какъ и отъ Бергштольц.

— Въ томъ-то и дѣло что эта незапертая дверь — выходитъ драгоцѣннѣйшій фактъ, и на немъ вся исторія основывается.

— Хитро...

Зачеркнуто: [1]) закладывать [2]) еще. [3]) и они правду говорили что заперто [4]) слышалъ [5]) Да все-таки это какъ-то ужъ на тонину смахиваетъ. нѣтъ ужъ это что-то [6]) Какъ они вотъ еще слѣдователь полагаетъ я слѣдователя-то знаю, этотъ слѣдователь фанфаронишко психологія! [a]) Тутъ психологія, тутъ по психологическ данны иди, а они... да и на фактъ смотрѣть съ энтуз. цѣлый міръ открываетъ тину ихъ жирную, закорузлую подлую — вотъ на что нападаю. Пропустит меня а еще новые для тѣхъ ты Порфирія впрочемъ не кори его не разбер все молчитъ. А работникъ... [7]) А [8]) Слушай... Ты говоришь я хлопоту да развѣ [9]) тотъ пришолъ

— Совсѣмъ не хитро. Эх ужъ ты Бакавинъ! [1]) не взлюбишь человѣка такъ и разорвать готовъ. Что вы тамъ съ этимъ Порфиріемъ за одной и той же волочитесь, такъ ужъ [2])...

— Да полно вздоръ-то молоть, поблѣднѣвъ но спокойно сказалъ Бакавинъ [3]) [a]).

— Вздоръ? Факты показываютъ что не вздоръ, не теорія [4]). Теперь все это возстановлено иэ то непремѣнно все такъ! Убійца, вопервыхъ, кто бы тамъ ни былъ, былъ человѣкъ неопытный.

— А (слѣдователь) Семеновъ говоритъ [5]) что ловкій и опытный, ловкій, петля

— Это онъ вретъ, тутъ онъ совралъ! да и про то ли онъ это только вначалѣ говорилъ, а теперь согласенъ. Непремѣнно неловкій и неопытный и именно это былъ его первый шагъ. Онъ до того [6]) разтерялся, что даже забылъ дверь запереть. [И это-то это-то вѣрность точки, основаніе всему. Тутъ психологія. Чего смѣешься?], и только и умѣлъ что убить, потому что [7]) даже и денегъ-то захватить не успѣлъ. Тутъ-же въ томъ-же самомъ сундукѣ, пятипроцентныхъ (109)

[*Дальше текст рукописи переносится на страницу 27*] билетовъ на полторы тысячи оказалось, а онъ ихъ и не взялъ, а только [8]) нѣсколько вещицъ какихъ-нибудь захватилъ, чортъ знаетъ для чего а можетъ и ничего не успѣлъ захватить, и не потому именно что [9]) ему помѣшали а потому что ужъ очень сконфузился, онъ и брать-то чего не зналъ. Правда и помѣшали, вошла [10]) Лизавета [11]) непремѣнно такъ ее не было дома, да и быть не могло, да и узелъ подлѣ нея оказался, и дворникъ ее видѣлъ какъ она съ этимъ узломъ въ ворота входила и къ себѣ наверхъ пошла. Это минутъ за десять было [12]) до того какъ ужъ ихъ убитыхъ [13]) нашли. Значитъ все дѣло обошлось [14]) какихъ нибудь въ пять минутъ. Убійца [15]) испугавшись [16]) что дверь была отворена [17]) и вошла Лизавета а ея убійца и заперся. Замѣть себѣ онъ топоръ отмывалъ Тутъ вдругъ Бергштольцъ и Копилинъ [18]) является и начинаетъ стучать [19]),

---

Зачеркнуто: [1]) Ужъ [2]) это былъ совершенно посторонній человѣкъ, который съ 1-го разу до того обробѣлъ что про дверь и забылъ.—Ну да ужъ слышали, психологическіе этюды, хитро-съ. [3]) А факты? крикнулъ что есть силы Разумихинъ до невѣроятности горячился изъ себя выходилъ. Бакавинъ (*зачерк:* какъ) же былъ (*зачерк.:* апатиченъ) какъ-то даже вялъ и мнѣ показалось (*зачерк.:* даже тогда) что (*зачерк.:* Бакавину:) ему и хочется будто-бы вывѣдать что-то [a]) *на поле:* вдругъ самый неожиданный фактъ все раскрываетъ. Крестьянинъ Пушкинъ содержатель распивочно и навыносъ представляетъ уже на третій день вещь. [4]) факты Стой! Да ты, (вы)слушай! какъ было дѣло съ самого начала? [5]) говорилъ [6]) обробѣлъ [7]) и [8]) очевидно [9]) не успѣлъ и именно потому что помѣшали [10]) и помѣшала [11]) а не тотъ другой [12]) какъ они и све... [13]) увидали [14]) въ десять. [15]) то тутъ [16]) испугался [17]) была [18]) сошлись и стали [19]) Ни тотъ, ни другой никогда другъ друга до тѣхъ поръ и не видывали и доказательства всевозможные тому представили. Но не смотря на всю нелѣпость и на всѣ доказательства — ихъ таки всетаки захватили (*зачерк.:* и слѣдователь дѣйствительно маху далъ, что на нихъ было подумалъ) потому что (*зачерк.:* и нельзя было иначе) И никакой тутъ не было ошибки слѣдователя потому что на другой же день вечеромъ

но главное въ томъ что третьяго дни и не далѣе утромъ въ полицію представлены были сережки, заложенные въ распивочной, крестьянину Мортерину [1]), заложены же въ тотъ самый вечеръ убійства [2]) и именно красильщикомъ, который тутъ въ пустой квартирѣ мазалъ. Сережки были въ футлярѣ и футляръ обернутъ въ бумагу [3]) а на [4]) каждой подобной [5]) оберткѣ старуха обыкновеніе имѣла фамилію прописывать чья дескать вещь и [6]) многія изъ оставшіяся въ сундукѣ вещи, оказались съ такими-жъ обертками и съ прописанными на нихъ фамильями. Работникъ во всемъ повинился [7]) и обертку представилъ, онъ ее тутъ же въ квартирѣ и бросилъ [8])...

— Повинился? значитъ...

— То-то и штука што нѣтъ совсѣмъ не значитъ. По вашему да не въ томъ. Объ этомъ-то мы и хлопочемъ [9]), онъ все [10]) изъяснилъ и правду до послѣдняго слова сказалъ. Онъ эту самую [a]) (27) вещь, эти самыя сережки, продолжалъ раздѣльно и торжественно Вразумихинъ, этотъ самый футлярчикъ [11]) нашолъ въ пустой квартирѣ, за дверью, нашолъ въ то [12]) же самое время почти въ туже самую минуту, какъ на верхъ [13]) дворникъ съ Бергштольцемъ и студентомъ вошли и трупы увидѣли [14]).

— Да чѣмъ же онъ доказываетъ?

— Видѣли его, видѣли! Въ томъ-то и дѣло что видѣли! Три свидѣтеля, которые въ это самое почти время по лѣстницѣ проходили его видѣли. Бергштольцъ и студентъ съ перваго еще началу, когда и подозрѣнія на него не было показали, что онъ тутъ былъ когда они поочередно наверхъ проходили и когда квартира была заперта. Какже онъ могъ быть и тамъ запершись и тутъ. И чиновникъ одинъ посторонній который на лѣстницѣ Бергштольца встрѣтилъ, помнитъ, что работникъ въ это время былъ тутъ а Бергштольцъ такъ тотъ даже остановился и спросилъ [15]) работн молъ: чья квартира? (пустая-то, которую красили). И этотъ вопросъ, этотъ свой разговоръ съ работникомъ онъ выставлялъ въ первый же вечеръ допроса какъ свидѣтельство [16]) какъ оправданіе свое что онъ именно за одну только минуту [17]) вошолъ, что черезъ минуту они вдвоемъ дворника звали и что стало быть нельзя въ одну минуту убить. [a]) Да и убивъ, а не

Зачеркнуто: [1]) хозяину распивочной, заложены наканунѣ, заложены в [2]) девятомъ часу [3]) въ бумажкѣ. [4]) бу... [5]) бумагѣ была с [6]) всѣ [7]) провинился... [8]) такъ стало быть это улика? [9]) работникъ. [10]) объяснилъ [a]) *На полях 27-й стр.:* Какъ-бы то ни было а убійца одинъ изъ закладчиковъ. Разумѣется! Порфир ихъ спрашиваетъ. — А откуда ихъ нашолъ? Однихъ какъ указалъ — Закладчиковъ спрашиваютъ? А что? выводы кровь оказалась — вотъ онъ чѣмъ занятъ былъ — Значитъ предусмотрительный человѣкъ. — Нѣтъ, нѣтъ не предусмотрительный, а именно неопытный. Охъ жаль что я не могу теперь этого всего разсказать. Ну почему ты обвиняешь Порфирія, что онъ на Бергштольца подумалъ? Его и студента (*варьянт:* Котельн) нельзя было не потревожить. [11]) съ сережками [12]) же [13]) ужъ дворника [14])—Ну такъ онъ и убилъ. [15]) его [16]) что его [17]) одну. [a]) *На поле страницы:* и что его дескать работникъ видѣлъ, онъ работника какъ свидѣтеля ставилъ, тогда совсѣмъ еще на самого работника никакихъ подозрѣній не было.

обобравъ, оставя сундукъ только початымъ нечего имъ было дворника звать. Да не въ нихъ дѣло, а дѣло въ работникѣ.

Работникъ-то какъ только ужъ они за дворникомъ пошли, побѣжалъ изъ квартиры за Митькой, за другомъ за товарищемъ работникомъ, съ которымъ вмѣстѣ мазали и со всего маху съ крикомъ налетѣлъ на всю партію, на (28) Бергштольца студентъ и дворникъ, которые шли ужъ наверхъ. Тѣ его выбранили, а онъ все-таки не останавливаясь преслѣдовалъ Митьку. Штука стало быть именно въ томъ и оказывается, что настоящій убійца успѣлъ выскочить и услышавъ что дворники ужъ идутъ, скользнулъ въ отпертую настежь квартиру, на этотъ разъ пустую, потому что работникъ только что выбѣжалъ Митьку догонять [1]) прождалъ [2]) и какъ [3]) дворникъ съ Бергштольцемъ прошли мимо него (воображаю его положені въ эту м) наверхъ и какъ все кончилось [4]) и былъ таковъ, только слѣды оставилъ — коробочку съ серьгами потерялъ. А работникъ оттузивъ Митьку черезъ минуту явился [5]) глядь на полу сережки [6]). Долго не думая онъ квартиру-то заперъ и [7]) тотчасъ въ распивочную гдѣ ихъ [8]) заложилъ находку Мортирину за 2 руб. Вещь новая шесть руб. стоитъ. А какъ [9]) Мортиринъ услышалъ пр все подумалъ — подумалъ да и явился съ серьгами въ полицію, и именно третьяго дня. Такъ дескать и такъ, вотъ и вся штука! и вотъ увидишь они тутъ всѣхъ вмѣстѣ запутали.

— Этого я не слыхалъ, да и штука сложная! пробормоталъ подымаясь [10]) Бакавинъ.

— А знаешь что Разумих надо замѣтить [11]), что ты [12]) большой [13]) сплетникъ [14]).

— Да наплевать. Я можетъ быть горячо что-нибудь давеча сказалъ, а ты обидѣлся, а?

— Ну чортъ съ тобой сказалъ Бакавинъ полудружески махнувъ головой и вышелъ.

— Да что онъ разсердил штоли, вскричалъ Разумих

— Съ Лизаветой жилъ, брякнула Настасья, какъ только онъ вышелъ.

— Какъ? Онъ? быть не можетъ? вскричалъ Разумихинъ.

— Онъ. Она ему и бѣлье стирала. Тоже [15]) ничего не давалъ.

— Да совсѣмъ нѣтъ! вскричалъ Разумихинъ. У ней и другой былъ. Я знаю.

— Да можетъ и третій былъ, можетъ и четвертый засмѣялась Настасья [16]). Дѣвка была сговорчивая. И не то чтобъ [17]) такъ своей волей, а такъ ужъ отъ смиренія [18]) своего терпѣла. Всякъ-то озорникъ надъ ней потѣшался. А робеночекъ-то что нашли, былъ его, лѣкаревъ.

— Какой робенокъ?

Зачеркнуто: [1]) такъ [2]) переждалъ [3]) тѣ. [4]) онъ [5]) нашолъ вещь [6]) и найдя ихъ, ни мало не медля [7]) разумѣется [8]) и [9]) услышали на другой день про розыскъ, крестьянинъ Мортиринъ... [10]) Заметовъ [11]) Разумихина [12]) вы любите вещами интересоваться [13]) хлопотунъ [14]) Ну-съ до свиданія То есть какъ это [15]) мало платилъ [16]) она [17]) ей самой такъ было... [18]) отговориться не умѣла.

— А вѣдь ее-жъ потрошили. На шестомъ мѣсяцѣ была. Мальчикъ. Мертвенькій. (29)

Да... помню... задумчиво сказалъ Разумихинъ. А про Бакавина я этого [1]) не зналъ. [2]) А впрочемъ ты врешь Настасья. Рахметовъ посвистѣлъ. А впрочемъ что же одно другому не мѣшаетъ, потому онъ видишь ли Вася [3]) на слѣдователя золъ, это на Порфирія-то Иванови они [4]) у Порошиныхъ [5]) оба за дочкой [6]) претендуютъ. Такъ чуть не [7]) дерутся, во всемъ соперничаютъ. Вотъ онъ теперь опять пойдетъ съ нимъ сегодня у Порошиныхъ спорить [8]), злость срывать. Мальч онъ впрочемъ славный, да... А впрочемъ мы тебя замучили Вася, да и разговоръ-то такой. Спишь?

Я [9]) молча отворотился къ стѣнѣ. Въ самомъ дѣлѣ: смѣшной я человѣкъ [10]), до всего-то мнѣ дѣло есть. Сплетникъ ужъ я что-ли какой?.. [сказалъ онъ въ какомъ-то добродушномъ раздумьи] и ужъ конечно сплетникъ. Это правду Бакавинъ сказалъ. Отъ этого я отучусь, прибавилъ онъ въ добродушномъ раздумьѣ. [a]) Ну да [11]) довольно. — Настенька, такъ то [12]), объ чемъ я вамъ говорилъ, попомните. Нѣтъ, нѣтъ да и загляните [13]) сюда. И ночью [14]). До свиданія Вася [15]). Вещи сдалъ, деньги сдалъ... Ничего не забылъ [16])—прощай. Настасья, выйдемъ [17]) ка, я тебѣ еще [18]) одно милое словечко скажу.

Когда они вышли [19]). Я вскинулся навзничь и схватилъ себя за голову.

(Всѣхъ подозрѣв... я теперь пишу вспоминая (30)

Къ утру, [20]) сквозь сонъ мнѣ мерещился все проэктъ уѣхать, убѣжать, какъ нибудь сначала въ Финляндію, а потомъ въ Америку...

А между тѣмъ болѣзнь проходила. Черезъ три дня когда всѣ эти нравственныя страданія, болѣзнь, подозрительность и мнительность

Зачеркнуто: [1]) Эва! Я этого [2]) про Бакавина. [3]) потому [4]) что [5]) оба [6]) дочерью волочатся [7]) подрались. [8]) Дочь то Пор злость срывать потому что его совсѣмъ тамъ не любятъ. Какъ-то онъ право... [9]) взглянулъ и [10]) и ужъ конечно сплетникъ [a]) прибавилъ онъ серьезно. [11]) ну [12]) что [13]) къ нему [14]) А мнѣ пора. Прощай. [15]) мнѣ пора [16]) до свиданія. [17]) выйди. [18]) одно [19]) Настасья постояла, хотѣла было что-то сказать но заблагоразсудила выйти [20]) Подлецы, истязатели, сплетникъ! сплетникъ! сплетникъ! (*зачеркнуто:* къ чему) почему Заметовъ сказалъ ему про обморокъ? Значитъ Заметовъ (*зачеркнуто:* именно) подозрѣваетъ что я въ обморокъ упалъ именно отъ этого. съ самаго начала знал (*зачеркнуто:* Я подозрѣвалъ), что онъ подозрѣваетъ (*зачеркн.:* Экая) змѣя (*зачеркн.:* Онъ разыщетъ! Онъ разнюхаетъ!) Подлецъ Разумихинъ. Его шпіонятъ, шпіономъ употребляютъ, а онъ не замѣчаетъ... (*зачеркн.:* что мнѣ дѣлать! что мнѣ теперь дѣлать!) Подлецъ! Американскіе соединенные штаты! Экая острота кадетская! И неужели вѣчно, вѣчно это будетъ продолжаться! Завтра-же съѣду отсюдова. О какъ я ихъ всѣхъ ненавижу! Какъ-бы взялъ я ихъ и всѣхъ, всѣхъ до единого зарѣзалъ. Я зарѣжу (*зачеркн.:* зарѣжу) Заметова! Будь я проклятъ. О, проклятая болѣзнь... Я очень хорошо помню что въ ту-же ночь я хотѣлъ идти нанимать квартиру, не понимая что теперь ночь, а не день. Нѣсколько разъ срывался я съ постели, сбивая съ себя тяжелое забытье, и потомъ скрежеща зубами опять падалъ на... постель. (*зачеркн.:* О какъ тяжелы были эти пробужденія).

возрасли во мнѣ до размѣровъ чудовищныхъ—физически я сталъ себя чувствовать все болѣе и болѣе въ силахъ; но я притворился. Я ихъ всѣхъ обманулъ. Меня подталкивала какая-то животная звѣриная хитрость: обмануть охотника и провести всю эту стаю собакъ. Только объ себѣ и объ своемъ спасеніи я и думалъ, и не подозрѣвая между прочимъ что [1]) на мнѣ вовсе нѣтъ такихъ подозрѣній и уликъ, которыя я [2]) преувеличилъ себѣ и что въ сущности я почти совсѣмъ безопасенъ. Но разговоръ [3]) объ убійствѣ бывшій подлѣ моей постели между Разумихинымъ и Бакавинымъ довелъ меня до нестерпимой злобы и замѣчательно еще то, что во все время этихъ мученій,—этого страха, я ни разу не почувствовалъ не [4]) подумалъ о совершенномъ [5]) преступленіи животная злоба и чувство самосохраненія поглотили все. Итакъ я ихъ всѣхъ обманулъ. Я нарочно казался всѣ три дня такимъ слабымъ, что [6]) какъ будто и пошевелиться не могу и чтобъ они повѣрили. Я съ ними не говорилъ почти ни слова и особенно съ Разумихинымъ. Не понимаю: я столько показалъ ему въ это время ненависти взглядами, невниманіемъ [7]) грубостью,—что ужъ кажется можно бы ему меня бросить. Дѣйствительно онъ какъ будто про себя въ тихомолку оскорбляться началъ и всего мнѣ досаднѣе было то, что онъ вѣроятно все это моему болѣзненному состоянію приписывалъ, а потому и терпѣлъ. Онъ [8]) кажется далъ себѣ слово поставить меня на ноги, а до тѣхъ поръ быть моей нянькой [9]). и мнѣ тѣмъ болѣе хотѣлось ихъ всѣхъ озадачить, чтобъ [a]) (31) ужъ не одному болѣзненному состоянію они мою злобу приписывали...

На третій день къ вечеру когда проклятый Бакавинъ [10]) который повадился ходить къ намъ для болтовни [11]) (О Боже какіе всѣ они [12]), болтуны!) ушолъ,—я тотчасъ-же притворился, что сплю. Разумихинъ сдѣлавъ свои обычныя распоряженія и проговоривъ ужасно много сожалѣній, о томъ что я не могу быть у него завтра вечеромъ по поводу дня его рожденія (я зналъ что онъ наверстывалъ потерянное со мной

Зачеркнуто: [1]) я... [2]) Вообра съ такимъ ужасомъ воображалъ [3]) о преступленіи [4]) ни малѣйшего собствен сожалѣнія [5]) моемъ. [6]) даже [7]) злобы. [8]) говорилъ [9]) Вотъ почему я и рѣшился [a]) *Записи на полях 31 и 30 стр.:* Когда они вышли, я вскочилъ съ постели и даже потомъ удивлялся откудова я взялъ столько силъ (*над строкою:* бѣжать, бѣжать). Началъ собирать, но минутъ черезъ пять упалъ и зарыдалъ отъ злости. Злость нестерпим злость. О какъ бы я ихъ зарѣзалъ — цѣлыхъ два дня я былъ какъ сумасшедш и странно только было ощущеніе притвориться всѣхъ надуть и бѣжать. Дальше я не буду разсказывать одно ощущеніе — сумасшествіе. Надуть и уйти и я смѣялся злобнымъ смѣхомъ, какъ я ихъ надую. Все это было какъ-то не по разсудочному, а по дѣтски. Одно ощущеніе плѣняло меня: они придутъ, а меня нѣтъ, я вдругъ убѣжалъ. На четвертый день это опредѣлилось во мнѣ болѣе разсудочно. Мнѣ пришло въ голову, я какъ-то смогъ сообразить, что вѣдь бѣжать мнѣ некуда, а лучше потихоньку нанять квартиру, уголъ и чтобъ обо мнѣ ни слуху, ни духу и цѣлый мѣсяцъ сидѣть запершись такъ что ужъ никто изъ нихъ не придетъ меня мучить и никто не отыщетъ и такъ навсегда будетъ. Нужно замѣтить что здоровье мое дѣйствительно возвращалось и потомъ дальше: я такъ повеселѣлъ когда отдѣлалъ Заметова и Бакавина. [10]) ушолъ [11]) болтать [12]) каза...

время по ночамъ и работалъ до 4-хъ часовъ утра) вышелъ. Только [1]) что онъ вышелъ я мигомъ всталъ, одѣлся и отправился со двора отыскивать себѣ другую квартиру. Денегъ моихъ, я надѣялся на переѣздъ хватитъ [2]), я нанялъ бы уголъ отъ жильцовъ и ктому-же на дняхъ [3]) я долженъ былъ получить еще отъ матери [4]). О, какъ я радовался, воображая какъ [5]) они ахнутъ, когда узнаютъ что больной, который вчера едва двигался, ужъ на другую квартиру отъ нихъ съѣхалъ. Почему я вообразилъ что я отъ нихъ избавлюсь что тѣмъ самымъ не привлеку ихъ еще сильнѣе къ себѣ, хотя-бы и на другую квартиру, и можетъ быть не зароню этимъ въ нихъ уже настоящихъ подозрѣній [6]) — этого я не могу понять. Но теперь соображая и обсуживая все прошлое я прихожу къ нѣкоторому убѣжденію что во всѣ эти дни и особенно во весь этотъ вечеръ я былъ немного не въ своемъ умѣ. На завтра-же (впрочемъ) я самъ сталъ какъ-бы подозрѣвать это. Это я помню.

Тихо, какъ кошка прокрался я съ лѣстницы и пошолъ къ Вознесенскому мосту. Я хотѣлъ нанять гдѣ нибудь подальше на Фонтанкѣ или за Фонтанкой. Было около восьми часовъ, на углу Садовой и Вознесенского я набрелъ на одну гостинницу и (32) такъ какъ я зналъ что въ ней есть газеты, то и зашолъ туда, чтобъ прочесть въ газетѣ [7]), подъ рубрикой ежедневн. событій, о томъ что тамъ написано объ убійствѣ старухи. Я еще [8]) дома [9]) жаждалъ прочесть это, но изъ подозрительности боялся просить [10]) Разумихина достать мнѣ газеты. Только что я вошолъ и спросилъ себѣ стаканъ чаю и Голосъ, какъ вдругъ, (точно нарочно), вижу въ другой комнатѣ сидитъ Заметовъ, съ какимъ то очень толстымъ господиномъ. Передъ ними стояла бутылка шампанского. Господинъ угощалъ. Но этого мало: я совершенно, съ перваго взгляда убѣдился, что Заметовъ видѣлъ меня, но не хочетъ показать виду что видѣлъ. Я нарочно рѣшился не уходить, закурилъ папиросу и сѣлъ спиной къ Заметову, ближе къ дверямъ. Выходя онъ не могъ на меня не [11]) наткнуться. «Захочетъ узнать или нѣтъ?» подумалъ я.

Въ газетѣ [12]) дѣйствительно была статья уже 2-я съ ссылкой на первую. Я потребовалъ тотъ номеръ гдѣ первая. Отыскали и принесли. Я не боялся что Заметовъ увидитъ, что я это читаю. Напротивъ мнѣ даже хотѣлось чтобъ онъ замѣтилъ что я про это читаю и отчасти я для того-то и спросилъ [13]) еще прежній номеръ. Не понимаю, зачѣмъ [14]) меня тянуло рискнуть этой бравадой, но меня именно тянуло рискнуть. Со злости, можетъ быть, съ животной злости, которая не разсуждаетъ.

Въ газетѣ.

Зачеркнуто: [1]) тогда [2]) потому что [3]) же [4]) И какъ [5]) ихъ всѣхъ завтра озадачу [6]) настоящего подозрѣнія [7]) (Голосъ) или въ С.-Петербургскихъ, которы толь... [8]) лежа [9]) еще до болѣзни [10]) с(просить) [11]) за [12]) Голосъ. [13]) спрашивалъ [14]) я это.

Омские события при Колчаке.

(21—23 декабря 1918 г.)

Ниже мы публикуем ряд документов из дел чрезвычайных следственных комиссий, учрежденных для расследования обстоятельств массового расстрела без суда заключенных в Омской областной тюрьме политических, произведенного колчаковцами в ночь на 23 декабря 1918 г. По этому делу было создано в разное время две комиссии,—первая при Колчаке и вторая—по свержении Колчака советской властью в 1920 году. Первая комиссия была учреждена постановлением колчаковского совета министров от 14 января 1919 г., т.-е. спустя три недели после событий, и приступила к следствию 11 февраля 1919 г.,—т.-е. спустя еще месяц. В состав этой комиссии входили: ее председатель сенатор А. К. Висковатов, члены—ген.-майор, член главного военного суда Погосский, тов. председателя Омского окружного суда С. В. Калугин, член Омского окружного суда В. В. Волосский и член Ново-николаевского окр. суда Н. Ф. Васильев. Комиссия протянула следствие до конца июля 1919 г. и свела его по существу на-нет, не имея желания открывать убийц и карать их за совершенное преступление. С падением Колчака, когда советская власть ликвидировала деятельность контр-революционных банд в Сибири, омские события 21—23 декабря 1918 г. снова сделались предметом расследования теперь уже чрезвычайной комиссией при Иркутском губернском ревкоме. Вести это дело в следственном порядке было поручено зам. председателя Иркутской губернской чрезвычайной комиссии К. А. Попову. Последнему удалось путем опроса свидетелей и некоторых обвиняемых, активных участников расстрелов 22—23 декабря 1918 г., установить действительную картину событий и действительных виновников массовых убийств в Омске.

Следственный материал, помещаемый нами в наиболее важных его частях, относится только к такой части омских событий, которая дополняла их основную часть—восстание омских рабочих и его подавление колчаковцами. Эта дополнительная часть выразилась в массовых расстрелах не принимавших в восстании никакого участия политических заключенных Омской областной тюрьмы и арестованных во время восстания по недоразумению. События, связанные с массовыми расстрелами, рисуются в следующем виде.

18 ноября 1918 г. в Омске произошла замена учредиловской директории властью «верховного правителя» Колчака. Последний всего за несколько недель до того прибыл в вагоне английского военного представителя ген. Нокс из Харбина в Омск. Здесь его быстро продвинули на пост военно-морского министра при несомненной поддержке союзников, в особенности—англичан. В первой половине ноября Колчак, в качестве военного министра, предпринимает поездку в действующую на

фронте против советской России армию, формально — в целях непосредственного ознакомления с ее положением на месте, а по существу — в целях ознакомления с политическими настроениями командного состава и укрепления с ним необходимой для планов Колчака связи. Эту поездку Колчак совершал в вагоне английского полковника Уорда под охраной английских солдат. Из своего знакомства с армией Колчак, повидимому, вынес благоприятное для своих планов впечатление, так как на другой же день по его возвращении в Омск верными ему офицерами был произведен арест большинства членов директории, устранена, таким образом, сравнительно недавно сложившаяся центральная «всероссийская» власть, возглавлявшая всю антибольшевистскую реакцию, и провозглашена единоличная власть Колчака.

В развитии контр-революционного движения в Сибири возвышение Колчака в качестве «верховного правителя», замена директории Колчаком было лишь продолжением того процесса собирания и объединения контр-революционных сил, который начался еще в первый период существования советской власти в Сибири. Колчак воспользовался тем, что было для него и его победы подготовлено предшествовавшими событиями гражданской войны. С Колчака начинается лишь наиболее ускоренный процесс уплотнения реакции, наиболее яркое выражение ее во вне, в методах и формах борьбы с противником. Но вместе с тем возрастает и организуется значительно быстрее, чем до того, сила революционных групп. Омское восстание, вспыхнувшее через месяц после колчаковского «переворота», не было вызвано, как это изображали в свое время эсеры, возмущением только против Колчака, — оно назревало значительно раньше 18 ноября, еще тогда, когда власть в Сибири и на Урале целиком почти находилась в руках эсеров, когда первые попытки рабочих отстаивать свои экономические интересы путем стачек повлекли за собою не только угрозы расстрелами, но и применение самых жестоких мер воздействия включительно до расстрелов. Рабочее движение еще до Колчака начало выливаться в формы местных восстаний, и омское восстание было лишь одним из длинной цепи таких восстаний. Оно не было направлено только против колчаковщины, как особой формы контр-революции, — а против всей контр-революции, независимо от того, какой внешний облик она принимает — учредилки ли и директории, или колчаковской диктатуры. Несомненно также и то, что если бы это восстание вспыхнуло при директории, оно также было бы потоплено в крови, как это сделали колчаковцы.

Омское восстание, по предположению его руководителей, должно было начаться в рабочих районах г. Омска и по другую сторону Иртыша, на ж.-д. станции Куломзино, верстах в 6—7 от Омска. Затем оно должно было перебросится в некоторые части омского гарнизона и в лагери, где содержалось очень много красноармейцев, военнопленных гражданской войны. О подготовке этого восстания была осведомлена колчаковская контр-разведка, которая заблаговременно приняла меры к его ослаблению и ликвидации. 21 декабря начались массовые обыски и аресты, была арестована группа большевиков-рабочих в 42 человека. Это внесло дезорганизацию в восстание. Последнее было отменено, но провести эту отмену полностью помешали аресты, вследствие чего в некоторых районах восстание вспыхнуло и проходило разрозненно, частично. Куломзинские рабочие выступили, но оказались изолированными от Омска и потерпели поражение. Любопытно отметить, что от чешского генерала Гайды, командовавшего фронтом, было сделано Колчаку предложение в случае надобности прислать с фронта для расправы с омскими повстан-

цами войска. В этом не оказалось надобности. Восстание было жестоко подавлено.

В ту же ночь выступившая небольшая воинская часть успела захватить областную тюрьму, изолировать ее и отворить двери для заключенных в ней политических, в числе которых находилась группа членов учредительного собрания, незадолго до того арестованная и захваченная в тюрьму по распоряжению Колчака. Этот арест был произведен по следующему поводу. В то время, когда в Омске ликвидировалась колчаковцами директория, в Уфе продолжал существовать так называемый совет управляющих ведомствами комитета учредительного собрания — Комуча. Получивши сообщение о перевороте, этот совет управляющих ведомствами по соглашению с Ц. К. П. С. Р. выступил с протестом, адресованным председателю колчаковского совета министров, Вологодскому, в копиях отдельным областным правительствам, войсковым частям и чехам. «Узнав о государственном перевороте в Омске, совет управляющих ведомствами заявляет: узурпаторская власть, посягнувшая на всероссийское правительство и учредительное собрание, никогда им не будет признана. Против реакционных банд красильниковцев и анненковцев совет готов выслать свои добровольческие части. Не желая создавать нового фронта междуусобной войны, совет управляющих ведомствами предлагает вам немедленно освободить арестованных членов правительства [1]), объявить врагами родины и заключить под стражу виновников переворота, объявить населению и армии о восстановлении прав всероссийского временного правительства. Если наше предложение не будет принято, совет управляющих ведомствами объявит вас врагом народа, доведет об этом до сведения союзных правительств и предложит всем областным правительствам активно выступить против реакционной диктатуры в защиту учредительного собрания, выделив необходимые силы для подавления преступного мятежа». Подписали этот телеграфный протест: Филипповский, Климушкин, Нестеров, Веденяпин.

Узнавши об этом протесте, Колчак распорядился немедленно арестовать его авторов и вообще деятелей, — близко стоявших к только что ликвидированной учредилке. В Уфе было арестовано до 27 человек, в числе которых оказались Нестеров и Филипповский, подписавшие протест, и ряд других членов учредительного собрания, Девятов, Федорович.

Несколько позднее в Челябинске были арестованы Н. В. Фомин и Локтев. Н. В. Фомин, которому в следственном материале уделяется внимания больше других, был одной из виднейших фигур сибирской контр-революции. Член учредительного собрания, эсер, много работал в кооперации; принимал деятельное участие в организации борьбы с советской властью и много потрудился ради укрепления «чехо-словацких завоеваний» в Сибири. Всех арестованных учредиловцев поместили в областную тюрьму, где содержалось много бывших деятелей советской власти, в том числе председатель омского совета К. А. Попов. Там же содержались меньшевики: Е. Маевский и Кириенко. Первый из них был известен в истории социал-демократии как организатор сибирского социал-демократического союза. Настоящая фамилия его была Гутовский, а партийная кличка «Газ». Эсеро-чехо-словацкий переворот летом 1918 г. он приветствовал телеграммой, присланной в Омск, а в колча-

---

[1]) 18 ноября были арестованы члены директории и правительства: Авксентьев, Зензинов, Роговский.

ковский переворот, будучи редактором челябинской газеты «Власть Труда», высказывался против «переворота 18 ноября». За это «направление» он и был арестован Колчаком. Кириенко — бывший политический каторжанин, член 2-й государственной думы, при Керенском был комиссаром юго-западного фронта, а в дни существования директории состоял ее комиссаром при уральском правительстве. Несколько ранее других был арестован в Челябинске и увезен в Омскую тюрьму.

Выпущенные из тюрьмы политические арестанты разбрелись по городу, не зная куда деваться, — но на другой день многие из них, особенно члены учредительного собрания, эсеры и меньшевики, вернулись добровольно в тюрьму, так как начальником гарнизона ген. Бржезовским был издан приказ, предлагавший ушедшим из тюрьмы во время восстания вернуться; не подчинившиеся приказу подлежали расстрелу. Из уфимцев не вернулись 22 декабря в тюрьму — Федорович, Иванов, Филипповский, Нестеров, сибиряк Почекуев, Владыкин, Сперанский. Вернувшимся гарантировалась неприкосновенность. В тот же день приказом № 81 адмирал Колчак, благодаря офицеров, солдат и казаков, принимавших активное участие в подавлении восстания, объявил о предании военно-полевому суду всех, принимавших участие в беспорядках или причастных к ним. Ночью с 22 на 23 декабря наспех был сорганизован военно-полевой суд под председательством начальника эвакуационного пункта ген. Иванова и двух членов — полковника Попова и солдата Галинина. По показанию самого председателя Иванова, он не знал, кого надлежало судить, — постановлений персональных о предании военно-полевому суду не было. Иванов полагал, что кого приводили в суд, того и надлежало судить и осудить. Ночь 22—23 декабря прошла под знаком массовых расстрелов по суду и без суда. В сущности, самый суд был комедией даже с точки зрения тех, от имени кого он действовал. К нему приводили под конвоем людей, где-то схваченных или взятых в тюрьме, поспешно занесенных в списки, — этих людей торопливо опрашивали и уводили расстреливать. Покончивши с повстанцами, группа офицеров, под руководством высшего начальства, стала творить расправу над вернувшимися в тюрьму учредиловцами, никакого отношения к восстанию не имевшими и доверчиво подчинившимися приказу начальника гарнизона Бржезовского.

Тюремная администрация 22 декабря была заменена другою, — начальником тюрьмы на место арестованного за бездеятельность во время восстания Веретенникова был назначен некто Хлыбов, помощник симбирского губернского тюремного инспектора. Этот Хлыбов помогал колчаковским офицерам отбирать для препровождения в суд известных ему членов учредилки. Для выполнения черного дела организовались офицеры красильниковского отряда под непосредственной командой штабс-капитана Барташевского и унтер-офицерская школа под начальством капитана Рубцова.

Ночью явился в тюрьму Барташевский в сопровождении прапорщика Черченко и др., и выбрал с помощью Хлыбова партию в 6 человек, куда вошли Маевский, Руденко, Фатеев, Бачурин, Жаров и провокатор Винтер. Эта группа была препровождена в суд, но дорогой Руденко (красноармеец) был убит прапорщиком Черченко, и вместо него перед судом фигурировал Маков. Дело Винтера было направлено к доследованию; Маевский приговорен к каторжным работам, а остальные к расстрелу. Всех их задержали при суде в гарнизонном собрании до привода другой партии из тюрьмы. За этой партией снова поехал Барташевский, который

потребовал в тюрьме выдачи ему Кириенко, Девятова, Михельсона и К. А. Попова, но никого из них не мог получить, так как Попов находился в сыпно-тифозном бараке, Михельсон не вернулся в тюрьму, а Девятов и Кириенко уже были взяты капитаном Рубцовым. Тогда Барташевский забирает Фомина, Брудерера, Марковецкого, Барсова, Сарова, Локтева, Лиссау, ф.-Мекк и приводит их в гарнизонное собрание, в суд. Но последние в суд не попадают, а присоединяются к пяти осужденным, выгоняются на берег Иртыша и тут расстреливаются. Капитан Рубцов в то же время с тремя офицерами Бабыкиным, Ядрышниковым и Кононовым явился в тюрьму, принял направленных в нее из военного контроля 44 человека, подлежащих военно-полевому суду, присоединил к ним вызванных из тюрьмы Девятова и Кириенко и приказал всех 46 человек расстрелять в загородной роще, где офицерами уже было присмотрено подходящее место. Расстрел этих 46 человек произошел около 2 часов ночи, а в 6 часов утра в отношении их состоялось постановление военно-полевого суда, подписанное председателем Ивановым и секретарем Вдерниковым, подвергнуть расстрелу. Суд приговаривал к смерти уже убитых.

В первые же дни, как только заговорили об убийстве членов учредительного собрания, было назначено дознание, которое производилось главным военным прокурором Кузнецовым. Все это дознание служило лишь способом сокрытия действительных виновников массовых расстрелов, так как точно выясненные с самого начала физические виновники убийств — Рубцов и Барташевский — не были задержаны, а прочие виновники, распорядители и организаторы расправы даже не были допрошены. Руководители расправы, военное колчаковское начальство в Омске, приняли меры к прямому сокрытию некоторых важных виновников, как Барташевского, Вилента́ля, Шемякина и др. Барташевский, Вилента́ль, Шемякин, Падерин, Кукалевский были отправлены из омского красильниковского отряда, в котором они состояли, в семипалатинский отряд Анненкова; для сокрытия их им были выданы самим начальством подложные паспорта.

В одном из дел колчаковского архива имеется характерный документ, — это спешно набросанная на клочке бумаги чернилами следующая записка: «Дорогой Аркаша. С настоящим письмом одновременно посылаю тебе двух офицеров, которых нужно будет пристроить в отряд и как-нибудь удовлетворить. Здесь их ни в коем случае оставить нельзя. Причины тебе известны. Горин [1]) у меня получил авансом 550 (пятьсот пятьдесят) рублей, и второй Иванов [1]) 300 рублей (триста). Устрой как-нибудь, чтобы мне не пришлось покрывать. Причину моего затребования их о возвращении они тебе сообщат. Постарайся устроить так, чтобы никто ничего не знал. Распространяться много не буду. Сами они расскажут тебе все. Твой Петя». (Дело стр. 15.)

Письмо это написано начальником отряда особого назначения имени Красильникова в Омске, капитаном П. К. Драчуком, 3 января 1919 г. к капитану красильниковской бригады Аркадию Сейфуллину, к которому и были направлены для сокрытия офицеры Барташевский и Вилента́ль. Туда же были укрыты и другие участники массовых убийств — Шемякин, Падерин и др. Письмо было в руках следствен-

[1]) Под этой фамилией скрывался Вилента́ль, и под Ивановым — Барташевский.

ной колчаковской власти, но она, конечно, не была заинтересована в выяснении его происхождения и значения для дела.

Приведенные здесь данные о действиях колчаковского суда, тюремной администрации и офицеров колчаковской армии довольно красноречиво говорят о том, как расправилась колчаковщина со своими врагами и бывшими политическими союзниками. Все силы контр-революции, только что поставившей на трон «всероссийского правителя» адмирала Колчака и сконцентрировавшейся в Омске, действовали в декабрьских событиях 1918 г. планомерно, выполняя одно общее задание — полнейшую ликвидацию повстанцев, а за ним, для обеспечения себе бо́льшей безопасности, и не участвовавшую в восстании оппозицию.

Большевистское восстание, успех которого был сорван предательством, массовыми арестами и нарушением согласованности, снова через полгода после свержения советской власти напомнило о существовании революционных пролетарских стремлений к установлению советской власти в Сибири. Это вызвало в контр-революционной среде естественный страх за свое существование. Колчаковщина, еще не успевшая отпраздновать свою победу, почувствовала, как почва под ее ногами стала колебаться — и потому она со всею силою своей ярости обрушилась на всех, кто принимал или мог принимать участие в восстании. Когда побежденные повстанцы были окончательно раздавлены, — контр-революция, частью упиваясь дешевой победой, частью же опасаясь за прочность своего положения — чтобы расширить действие своего удара и ослабить даже недавних союзников — учредиловцев эсеров, которые с падением директории перешли на положение «оппозиции», начала расправляться и с «народными представителями». При этом все силы контр-революции действовали в одном направлении, хотя и по-разному. Здесь все просто и откровенно: по закону полагается суд — назначен суд, — но дальше все идет стихийно. Мобилизуются офицеры, намечают и ведут на суд или к расстрелу кого нужно, подбирая наиболее одиозные имена; тут офицерам помогает тюремная администрация, более осведомленная в «виновности» находящихся в тюрьме; суд торопливо ведет регистрацию приведенным к судейскому столу и произносит смертный приговор, не задумываясь ни о каких формальностях, ни о существе обвинения. Да и обвинения-то никакого не было. Больше того, суд не отказывался проделать процедуру разбирательства или только вынесения смертного приговора, когда осуждаемые уже лежали на снегу за р. Иртышем расстрелянными и изрубленными шашками.

При таком положении суд, хотя бы и военно-полевой, был просто фиговым листком, но таким, который не только не прикрывал срама, а еще больше привлекал к нему внимание.

Поэтому, нам кажется, не имеет ни малейшего значения особенно разбираться в вопросе о том, что собою представляли омские события 22—23 декабря 1918 г., — самосуд, простой или квалифицированный, или не самосуд, как это делает Е. Колосов в своей книге «Сибирь при Колчаке» (Пгр. 1923). Это была на-спех организованная расправа защитников Колчака с его врагами и противниками. И разбираться в степени виновности кого-либо из руководителей колчаковской политики в этой истории и становиться перед ними в позу благородного обвинителя, — не наше дело. Странно было бы обвинять контр-революцию в жестокости, насилии над личностью, в издевательствах, массовых расстрелах, в уничтожении сел. деревень, железных

дорог, телеграфа и т. п., когда это составляет ее сущность, когда без этого нет контр-революции.

Не порицать или нравственно возмущаться, а познать контр-революцию, как она действует, видеть ее в настоящих красках, как она есть, чтобы бороться с нею,— вот наше отношение к тому материалу, который оставила нам сибирская контр-революция, как кровавый след на своем пути.

В настоящем номере мы помещаем следственный материал, добытый колчаковской комиссией, — в следующем — показания, собранные Иркутской губернской чрезвычайной комиссией и ее заключение.

М. Константинов.

I.

№ 1 [1]).

Из телеграммы информационного отдела штаба верховного главнокомандующего. № 35. 23 декабря 1918 года. Г. Омск.

Приказ № 81.

Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России.

В ночь на 22 декабря изменники России, пользуясь провокацией, освободили из тюрьмы часть арестованных и пытались вызвать беспорядки в городе, в войсках и на железной дороге.

Частями Омского гарнизона банды преступников были уничтожены.

§ 1.

Благодарю начальников г.г. офицеров, солдат и казаков частей гарнизона, вызывавшихся по тревоге, для восстановления порядка, за их высокое понимание долга солдата, за любовь к родной измученной стране и за их труды.

Отличившихся представить к награде.

§ 2.

Всех, принимавших участие в беспорядках, или причастных к ним, — предать военно-полевому суду.

Приказ этот прочесть во всех ротах, батареях, сотнях, эскадронах и командах.

Город Омск.

Адмирал *Колчак*.

22 декабря 1918 года.

---

[1]) Документы №№ 1—6 заимствованы из А. О. Р. (Архива Октябрьской Революции), дело № LXXVI.—*Примеч. Ред.*

№ 2.

Копия представления прокурора Омского окружного суда прокурору Омской судебной палаты, от 23 декабря 1918 г. за № 6197, м—ру юстиции.

Ночью на 22 сего декабря, около двух часов утра, к Омской областной тюрьме прибыла группа вооруженных винтовками лиц, часть которых была одета в солдатскую форму, а часть по виду и одежде походила на рабочих.

Прибывшие вызвали звонком дежурного привратника Сысуева и на вопрос последнего, кто они такие и что им нужно, заявили, что они пришли сменить караул.

Когда затем Сысуев отворил калитку и направился к проволочному заграждению, чтобы взять от начальника прибывшего отряда бумагу и передать ее дежурившему по тюрьме помощнику начальника, его схватили сзади трое неизвестных, отобрали от него оружие и ключи, а потом, вместе со всеми прибывшими, вошли во двор тюрьмы, где обезоружили всю стражу и взяли ее под караул.

В то же время в своей квартире был задержан и обезоружен начальник тюрьмы Веретенников.

По требованию пришедших, во главе которых был какой-то неизвестный, одетый в штатское, надзиратели указали камеры, где содержались политические заключенные.

Камеры эти тотчас же были открыты, и содержавшиеся в них арестанты выведены в коридоры, откуда затем их вывели за ворота тюрьмы и объявили свободными.

В числе освобожденных таким образом были и все арестованные в ночь на 3 сего декабря в г. Уфе бывшие члены учредительного собрания, управляющие ведомствами и другие, задержанные вместе с ними.

Освобождены также все большевики и видные деятели советских организаций, за исключением находящегося в заразном бараке больного сыпным тифом Константина Попова и четырех женщин, содержащихся в женском корпусе, куда злоумышленники не заходили.

Точное количество освобожденных еще не выяснено, но по приблизительному подсчету всего освобождено заключенных около 200 человек, из них около 150 политических.

Поименный список их составляется и будет представлен дополнительно.

К следствию по признакам преступления, предусмотренного 308 ст. улож. о нак., приступлено мировым судьей 2 участка г. Омска.

При производстве следствия выяснилось, что принимавшие участие в освобождении арестантов солдаты принадлежат ко 2-му кад-

ровому полку. Из них 12 человек, оставленных после ухода политических для окарауливания уголовных заключенных, были арестованы прибывшими на место происшествия военными властями и препровождены в отряд атамана Анненкова.

До сего дня возвратились добровольно в тюрьму и задержаны из числа освобожденных 60 человек.

Начальник тюрьмы Веретенников, помощник его Пульхеровский и все надзиратели, бывшие на дежурстве во время происшествия, по распоряжению начальника гарнизона подвергнуты задержанию и содержатся в тюрьме.

Данными следствия указаний на умышленное способствование с их стороны освобождению заключенных, однако, не добыто.

Об изложенном, на основании § 17 Наказа чинам прокурорского надзора, доношу вам, г. прокурор палаты.

Прокурор Омского окружного суда *Казаков*.

Декабрь 23 дня 1918 г.
№ 6198.

№ 3.

Справка.

1) Начальником тюрьмы 22 декабря в 3 часа утра было получено отношение за № 1 от председателя прифронтового военнополевого суда следующего содержания: «В. спешно. Начальнику тюрьмы. Прошу передать в распоряжение подпоручика Барташевского трех обвиняемых из числа подлежащих преданию прифронтовому военнополевому суду, для препровождения их в суд. Генерал-майор Иванов». Отношение это было доставлено начальнику тюрьмы дежурным комендантским адъютантом (ф. н.) [1]) и подпоручиком Барташевским; оба последние потребовали выдать Бачурина, Винтера и Маевского; затем, просматривая списки заключенных, адъютант и Барташевский потребовали дополнительно выдачи Руденко, Фатеева и Жарова; все перечисленные лица были выданы под расписку поручика отряда атамана Красильникова Барташевского и до сих пор из суда в тюрьму не возвращены.

2) Тогда же, 22 декабря, в 4 часа утра в тюрьму прибыл капитан Рубцов (начальник унтер-офицерской школы) с командой в 30 человек и потребовал словесно выдачи 2 арестантов — Девятова (член учред. собр.) и Кириенко (областной комиссар Приуралья); свое требование Рубцов основывал на личном приказании верховного правителя и взял под свою расписку двух вышеназванных Девятова и Кириенко (расписка Рубцова хранится при делах тюрьмы).

---

[1]) «Фамилия неизвестна». Это — Черченко.

Во время пребывания капитана Рубцова в конторе, к тюрьме из военного контроля под караулом прибыла партия арестованных в 44 человека вместе со списком. Список этот взял капитан Рубцов, выбрал 6 человек (фамилии их неизвестны), допросил их, присоединил к ним Девятова и Кириенко и поручил одному из своих офицеров увести их. Остальная партия, прибывшая из контроля в 36 человек, в тюрьму введена не была, список их остался у капитана Рубцова, по распоряжению которого партия была уведена. Капитан Рубцов оставался в тюрьме до тех пор, пока ему не было доложено офицером о том, что распоряжение его исполнено.

3) Вскоре после Рубцова в контору тюрьмы явился пор. Барташевский без письменного отношения и, основываясь на личном распоряжении верховного правителя, потребовал выдачи Кириенко, Девятова и К. А. Попова; узнав, что первые двое уже уведены, а последний болен, выбрал по списку Фомина, Брудерера, Марковецкого, Барсова, Сарова, Локтева, Лиссау (все члены учред. собр.) и увел их, выдав начальнику тюрьмы свою расписку в получении арестованных («Принял поручик отряда имени атамана Красильникова Барташевский»).

Все перечисленные лица в тюрьму возвращены не были.

Прокурор палаты *Коршунов*.

№ 4.

Рапорт прокурора Омской судебной палаты м—ру юстиции.

22 сего декабря, часов около 10 утра, будучи извещен вами, господин министр, по телефону о событиях, происшедших ночью, я тотчас же отправился в тюрьму, вызвав туда же прокурора суда, участкового товарища прокурора и участкового следователя, которые и прибыли в тюрьму вслед за мной.

В тюрьме я застал начальника милиции г. Омска Михалева, который на мой вопрос, как могло случиться, что ни прокурорский надзор, ни следственные власти не были своевременно извещены о событиях, доложил мне, что телефоны этих должностных лиц, повидимому, не работали, так как дозвониться он ни к кому не мог, почему послал с извещением особого посыльного, который, однако, не выполнив данного ему поручения, не вернулся и в управление милиции.

Поручив начальнику милиции выяснить виновность посыльного в неисполнении данного ему поручения и наложить на него дисциплинарное взыскание, я приступил к выяснению обстоятельств, при коих были освобождены из тюрьмы заключенные, а затем предложил мировому судье 2 уч. г. Омска приступить к производству предварительного следствия.

Установленные следствием обстоятельства, при которых были освобождены заключенные Омской областной тюрьмы, изложены

в представленном в министерство юстиции 23 сего декабря за № 6198 донесении прокурора Омского окружного суда.

Во время нахождения моего в конторе тюрьмы туда прибыл прокурор Казанской судебной палаты с целью сделать распоряжение об освобождении части арестованных бывших членов учредительного собрания и других задержанных вместе с ними в ночь на 3 сего декабря в г. Уфе лиц.

Установив, что вся эта группа лиц насильственным путем освобождена из тюрьмы и что в числе освобожденных находятся все содержавшиеся там видные деятели советской власти, за исключением больного сыпным тифом присяжного поверенного К. Попова, я вместе с прокурором Казанской судебной палаты отправился к вам, господин министр, с личным докладом.

Заехав к начальнику гарнизона г. Омска, я узнал, что по приказу верховного правителя все лица, принимавшие участие в беспорядках в ночь на 22 декабря или причастные к ним, предаются военно-полевому суду.

После доклада я вновь отправился в тюрьму, известил прокурора суда о состоявшемся приказе верховного правителя и предложил, по допросе лиц тюремной администрации и стражи, а также некоторых из насильственно освобожденных и добровольно явившихся в тюрьму, дело направить начальнику гарнизона.

По проверке тюремной администрации наличного числа заключенных было установлено, что всего освобождено из тюрьмы 215 человек, из которых по 27 декабря задержано и добровольно явилось 106 человек.

Из группы лиц, арестованных в Уфе в ночь на 3 сего декабря и насильственно освобожденных из Омской тюрьмы в ночь на 22 декабря, было возвращено в тюрьму 22 и 23 декабря 19 человек.

23 декабря, получив частные сведения о том, что военными властями изъято из тюрьмы несколько лиц, в том числе и из группы членов учредительного собрания, каковые лица в тюрьму не возвратились, я поручил товарищу прокурора, заведующему местами заключения г. Омска, установить и доложить мне, по чьему требованию и какие лица изъяты из тюрьмы.

На основании доклада названного товарища прокурора, мною была составлена справка, и 24 декабря таковая представлена вам, господин министр.

26 декабря я получил частные сведения о том, что на противоположном от города берегу реки Иртыша обнаружено несколько трупов расстрелянных лиц, в числе которых будто бы опознаются знакомыми взятые из тюрьмы для представления в военно-полевой суд Фомин, Брудерер и Барсов, и сообщил об этом по телефону прокурору Омского окружного суда для соответствующего распоряжения.

По распоряжению прокурора суда омской уездной милиции были осмотрены трупы и приняты меры к охране таковых.

27 декабря, на основании помещенной в № 154 газеты «Заря» статьи о самосуде над Фоминым, Маевским и другими лицами, мною дано прокурору Омского окружного суда предписание сделать распоряжение о производстве по сему поводу предварительного следствия, к каковому того же числа и было приступлено.

Докладываю, что из числа уведенных по требованию военных властей из тюрьмы лиц Брудерер, Барсов, Девятов, Марковецкий и Фомин явились в тюрьму сами, Лиссау, Кириенко и Маевский были доставлены комендантом г. Омска, и Саров был доставлен милицией 5 уч. г. Омска.

Прокурор палаты *Коршунов*.

№ 1722.

30 декабря 1918 года.
г. Омск.

№ 5.

Справка.

По данным производимого главным военным прокурором расследования, взятые из Омской тюрьмы по распоряжению военных властей для представления в военно-полевой суд заключенные были расстреляны при следующих обстоятельствах.

Первая группа взятых из тюрьмы лиц: Бачурин, Винтер, Маевский, Руденко, Фатеев и Жаров, была доставлена в военно-полевой суд, где, по рассмотрении дела, все, за исключением Винтера, были приговорены к смертной казни

Взятые из тюрьмы во вторую очередь Девятов и Кириенко были направлены в военно-полевой суд и дорогой на Тобольской улице расстреляны конвоем при попытке, по показанию конвоиров, склонить их на сторону мятежников.

Последняя группа взятых из тюрьмы лиц: Фомин, Брудерер, Марковецкий, Барсов, Саров, Локтев, Лиссау и фон-Мекк, была доставлена в помещение военно-полевого суда по закрытии заседания последнего.

В виду этого, доставивший арестованных поручик Барташевский, по его показанию, вывел этих лиц из помещения суда, с целью возвратить их в тюрьму, а также вывел и вышеперечисленных пять осужденных к смертной казни, с целью привести приговор в исполнение; так как конвоируемые, вопреки запрещению начальника конвоя не разговаривать между собою, продолжали переговариваться, то поручик Барташевский, опасаясь, как бы арестованные не сговорились учинить побег, а также в виду малочисленности конвоя, решил привести в исполнение приговор суда, вывел арестованных на реку Иртыш, где и привел приговор в исполнение, при чем при возникшей среди конвоируемых панике были расстреляны не только приговоренные к смертной казни, но и остальные арестованные.

Прокурор палаты *Коршунов*.

31 декабря 1918 года.

№ 6.

Сводка [1]).

В ночь на 23 декабря расстреляно взятых из тюрьмы арестантов всего 16. Взяты они были в 3 приема: сначала поручиком Барташевским были взяты Бачурин, Жаров, Фатеев, Маевский, Винтер и Руденко. Затем капитаном Рубцовым были взяты Кириенко и Девятов и, наконец, тем же Барташевским — Фомин, Брудерер, Марковецкий, Локтев, Барсов, Саров, Лиссау и фон-Мекк.

I.

Из всех перечисленных арестантов в военно-полевом суде судились лишь арестанты первой группы, за исключением Руденко, который в суд не был доставлен и уже в суде был заменен задержанным милицией Маковым, также бежавшим из тюрьмы. Из числа этих арестантов Бачурин, Жаров и Фатеев были приговорены к смертной казни, Маевский к бессрочной каторге, а в отношении Винтера и Макова военно-полевой суд обратил дело к производству следствия. Однако же все подсудимые, кроме Винтера, были расстреляны.

Таким образом, из этой первой группы трое были расстреляны согласно приговору, а двое — Маевский и Маков — вопреки приговору военно-полевого суда. Что касается арестанта Руденко, взятого из тюрьмы и недоставленного в суд, то из показания свидетеля Винтера следует заключить, что Руденко был застрелен конвоем в пути между тюрьмою и гарнизонным собранием, где происходили заседания военно-полевого суда. Правильность этого показания Винтера не отрицает и сам Барташевский, показавший при расследовании, произведенном полковником Кузнецовым, что один из арестантов первой группы не был им доведен до суда, так как был убит при попытке бежать. Хотя сопровождавший ту же группу арестантов вместе с Барташевским подпоручик Черченко, бывший в то время комендантским адъютантом, и отрицает удостоверенный Винтером и Барташевским факт убийства одного из арестантов, утверждая, что все шестеро взятые из тюрьмы были приведены в суд, однако такое показание Черченко, несомненно, неверно и может быть объяснено лишь тем, что ему не была известна сущность показания, данного Барташевским полковнику Кузнецову.

По вопросу о том, каким образом могло случиться, что Маевский и Маков, не приговоренные судом к смертной казни, все-таки были

---

[1]) Эта сводка была составлена, видимо, для самого адм. Колчака. Вверху листа красными чернилами подписано вкось: «Секрет. лично его высокопревосходительству Верховному правителю для ознакомления. 4/III 1919 г.», и рукою Колчака «А. К.» синим карандашом и чернилами «К набл. пригов».

расстреляны — надлежит отметить, что обстоятельство это не может быть точно выяснено до допроса председателя военно-полевого суда генерал-майора Иванова, который находится на службе в Томске. По нормальному порядку производства дел в военно-полевом суде, по окончании суда над вышеупомянутыми шестью подсудимыми — председатель суда должен был приказать конвою отвести осужденных обратно в тюрьму. Было ли такое распоряжение отдано председателем и кому именно, пока неизвестно, но из показания делопроизводителя суда поручика Ведерникова можно заключить, что такого приказания председатель никому не давал. Далее из показания того же Ведерникова видно, что в распоряжении военно-полевого суда был особый конвой, наряженный, как для охраны подсудимых, так и для сопровождения их в суд и обратно из суда. Между тем вышеозначенные шесть арестантов были приведены в суд Барташевским, не входившим в состав упомянутого конвоя, и после суда судившиеся снова попали под охрану того же Барташевского. В виду этого предстоит выяснить, по чьему распоряжению действовал Барташевский и кем и для какой надобности он был командирован в гарнизонное собрание.

До выяснения же указанных обстоятельств нужно иметь в виду нижеследующее: во 1-х, комендантский адъютант Черченко утверждает, что получил от коменданта полковника Бобова поручение находиться при военно-полевом суде и присутствовать при исполнении приговоров, вследствие чего он и сопровождал осужденных, конвоируемых Барташевским на место расстрела, присутствовал при расстреле и даже сам принимал в этом участие. Между тем полковник Бобов отрицает возложение им такого поручения на Черченко, утверждая, что он приказал означенному офицеру лишь узнать, что делается в военно-полевом суде и доложить ему об этом.

Во 2-х, по показанию Ведерникова, приговор суда объявлялся при открытых дверях и потому находившиеся в смежной с залом заседания комнате офицеры, в числе коих были Черченко и Барташевский, могли слышать сущность приговора.

В 3-х, по словам Винтера, по окончании суда Черченко сказал ему, что он, Винтер, будет отведен на гауптвахту, а все остальные судившиеся вместе с ним будут расстреляны; Барташевский же находил нужным расстрелять всех без исключения.

В 4-х, судившиеся в военно-полевом суде вышепоименованные арестанты первой группы были взяты из тюрьмы Барташевским совместно с Черченко; при этом Черченко, по показанию начальника тюрьмы Хлыбова, сам назвал фамилию Маевского, которого Черченко хорошо знал, так как принимал его, когда Маевский после ареста в Челябинске был доставлен омскому коменданту; кроме того, тот же Черченко арестовал Маевского утром 22 декабря (после освобождения Маевского из тюрьмы большевиками) и доставил его в комендантское управление.

В 5-х, по словам Черченко, он находился в тюрьме и присутствовал при взятии оттуда арестантов Барташевским по приказанию коменданта полковника Бобова, что последний, однако же, отрицает, утверждая, что вовсе не приказывал Черченко быть в тюрьме.

В 6-х, по показанию Черченко, он знал также и то, что Маевский был редактором газеты, возбуждавшей читателей против офицеров, и что во время мятежа 21—22 декабря среди офицеров в комендантском управлении очень интересовались тем, кто убежал из тюрьмы и кто снова арестован.

Совокупность этих данных может служить указанием на то, что некоторые офицеры, особенно возбужденные против большевиков и против лиц, причастных, по их мнению, к большевизму, могли не считаться с приговором суда и расстрелять Маевского и Локтева, как большевиков, или вообще склонных к большевизму.

Таким образом, при настоящем положении следствия ответственность за расстрел Маевского и Макова упадает на Барташевского и Черченко, но действовали ли эти лица по собственному побуждению, или получили соответственные приказания от поставленных над ними начальников, пока еще неизвестно, хотя следствием уже добыты указания, что неправильные распоряжения начальников подчиненным имели место. Так, по словам Рубцова, начальник штаба начальника гарнизона полковник Сабельников приказал ему при расстреле 43 членов большевистской военной организации «присоединить к ним еще других большевиков из тюрьмы». По словам же Ведерникова, штаб-офицер для поручений при штабе начальника гарнизона подполковник Соколов, сообщая ему, что он, Ведерников, назначен делопроизводителем военно-полевого суда, сказал: «Вам будут приводить арестованных, а вы их будете судить». Когда же Ведерников возразил, что нельзя судить без приказа о предании суду, то Соколов уже строго повторил: «Вам сказано, что вам будут приводить арестованных для суда». Что же касается Черченко, то он мог получать приказания как от своего непосредственного начальника коменданта Бобова, так и от начальника штаба начальника гарнизона полковника Сабельникова.

Сабельников и Соколов еще не опрошены за необнаружением пока их места нахождения.

Наконец, в отношении суда над вышеупомянутыми шестью арестантами нужно отметить еще следующее обстоятельство. В производстве военно-полевого суда прежде всего нет приказа о предании этих арестантов суду; затем в том же производстве имеются акты дознания лишь об одном Макове, относительно же других судившихся с ним вместе 5 человек в производстве суда нет никакого материала, так что совершенно непонятно, в силу какого распоряжения, суд приступил к слушанию этого дела, в чем именно, по мнению суда, подсудимые обвинялись, и на чем основано то обвинение, которое записано в приговоре. Когда это обстоятельство было указано Ведерникову, он заявил, что перед разбором дела председатель суда передал ему лист бумаги

с написанными на ней карандашом фамилиями всех шести взятых из тюрьмы Барташевским арестантов и сказал, что вот этих лиц суд будет судить. Означенная бумага представлена в Комиссию, но происхождение ее еще не исследовано, главным образом, в виду отсутствия из Омска председателя военно-полевого суда г.-м. Иванова.

II.

Третья группа, взятая из тюрьмы Барташевским и состоявшая из Фомина, Брудерера, Локтева, Барсова, Сарова, Лиссау и фон-Мекка, была расстреляна вместе с первою группою, судившеюся военно-полевым судом, т.-е. тем же Барташевским при участии того же Черченко. Следствием установлено, что все перечисленные 8 арестантов не были судимы военно-полевым судом, и суд о них ничего не знал, хотя они были доставлены к гарнизонному собранию, но внутрь здания их не вводили, а они оставались на улице у подъезда, где к ним были присоединены пять человек, судившихся вместе с Винтером. По показанию последнего, когда эти 5 человек были выведены из собрания на улицу и присоединены к находившимся там 8 арестантам, бывший в помещении суда комендантский адъютант (т.-е. Черченко) сказал Барташевскому: «Вот вам 13 человек», из чего Винтер заключил, что все эти 13 будут расстреляны. По словам же Черченко, он не был в суде при доставлении группы в 8 арестантов, так как по окончании суда над первой группой, когда Барташевский ушел в тюрьму за новою партией подлежавших суду арестантов, он, Черченко, был вызван в комендантское управление, где пробыл минут 20—25, и когда вернулся, то увидел у подъезда собрания новую группу арестантов в 8 человек; к ним вскоре были присоединены 5 судившихся, после чего Барташевский скомандовал всех их вести по дороге к Иртышу.

Что же касается обстоятельств, сопровождавших изъятие этих 8 арестантов из тюрьмы, то, по показанию начальника тюрьмы Хлыбова, Барташевский, явившись вторично в тюрьму, потребовал выдачи ему Кириенко, Девятова и присяжного поверенного Попова. Когда же ему было сообщено, что первые двое уже взяты Рубцовым, а Попов болен тифом, то Барташевский спросил, кто из членов учредительного собрания содержится в тюрьме, в ответ на что Хлыбов, считая, что все вышеупомянутые восемь арестантов 3-й группы—члены учредительного собрания, прочел по лежавшему перед ним на столе списку их фамилии, упомянув по ошибке также фон-Мекка; тогда Барташевский переговорил по телефону с кем-то в гарнизонном собрании и по окончании переговоров потребовал выдачи всех названных Хлыбовым лиц. О чем именно говорил Барташевский по телефону и с кем — установить пока не удалось, так как Хлыбов, по его словам, разговора не слушал, но можно предполагать, что Барташевский сообщил кому-то фамилии, названные Хлыбовым; в гарнизонном же собрании собеседником Барташевского едва ли мог быть кто-либо другой, кроме Черченко, кото-

рому, как комендантскому адъютанту, могли быть известны все арестанты так называемой уфимской группы, ибо все они доставлялись в тюрьму через комендантское управление при переписках, из которых можно было почерпнуть сведения о причинах их ареста. (Нужно, однако же, иметь в виду, что факт телефонных переговоров Барташевского именно с Черченко является лишь предположением и не может быть признан установленным).

III.

Арестанты Кириенко и Девятов были взяты из тюрьмы начальником унтер-офицерской школы Рубцовым при следующих обстоятельствах. Рубцов приказал своим подчиненным, поручику Ядрышникову, подпоручику Кононову и прапорщику Бобыкину взять 30 солдат и итти в тюрьму, где они должны будут принять 44 большевика, членов «совдепа», задержанных накануне ночью, и расстрелять их. После этого Рубцов сам прибыл в тюрьму и, узнав, что члены «совдепа» еще не были приведены, велел начальнику тюрьмы Хлыбову, по приводе означенных 44 арестантов, привести в контору содержащихся в тюрьме Кириенко и Девятова. Когда 44 арестанта прибыли, Рубцов вызвал нескольких из них в контору тюрьмы, расспросил их, где они задержаны, и, присоединив к ним Кириенко и Девятова, приказал всех увести, а бывшим тут своим подчиненным офицерам велел исполнить его, Рубцова, приказание.

Следствием установлено, что упомянутые 44 члена большевистской организации (именуемой «совдепом») были в ночь на 23 декабря посланы в тюрьму начальником военного контроля при штабе верховного главнокомандующего полковником Злобиным, как лица, подлежащие преданию военно-полевому суду. Посланы они были при пакете, принятом под расписку в разносной книге подпоручиком 1-го стрелкового полка Ляндау, который был начальником конвоя, сопровождавшего этих арестантов. По показанию начальника тюрьмы Хлыбова, когда означенные 44 арестанта были приведены к тюрьме, в тюремную контору явился начальник сопровождавшего их конвоя солдат (а не офицер) и спросил, кто начальник тюрьмы; в ответ на это Рубцов, назвавшись начальником тюрьмы, принял пакет, заключавший в себе препроводительную на имя начальника тюрьмы бумагу военного контроля при штабе верховного главнокомандующего.

Через несколько времени после увода из тюрьмы 44 арестантов вместе с Кириенко и Девятовым подчиненные Рубцову офицеры вернулись и доложили, что они исполнили его приказание, при чем из разговора этих офицеров Хлыбов понял, что все уведенные ими арестанты расстреляны.

Сам Рубцов в показании, данном полковнику Кузнецову, сначала объяснил, что получил от полковника Сабельникова приказание расстрелять 44 членов «совдепа», присоединив к ним также большевиков,

содержащихся в тюрьме, и что Кириенко и Девятов были расстреляны вместе с 44 арестантами, при чем расстрелом руководил поручик Ядрышников. Затем, однако, Рубцов изменил это показание и объяснил, что он получил из штаба гарнизона по телефону приказание расстрелять 44 членов «совдепа», которых приведут в тюрьму, а Кириенко и Девятова доставить в военно-полевой суд. Во исполнение этого приказания он, Рубцов, по прибытии в тюрьму 44 членов «совдепа», отправил их на место казни с офицерами Кононовым и Бобыкиным, а Кириенко и Девятова сдал для доставления в суд Ядрышникову.

По показанию Ядрышникова, когда он с двумя солдатами вел Кириенко и Девятова в гарнизонное собрание, то они стали уговаривать солдат не слушать начальства и перейти на службу «к ним», обещали большое жалование, называли правительство черною сотней и ругали верховного правителя. Так как, несмотря на неоднократные требования Ядрышникова прекратить такие речи, они не унимались, то он вынужден был их расстрелять и трупы их отвез в Загородную рощу, где лежали расстрелянные 44 члена «совдепа». Бывшие с Ядрышниковым конвоиры Чухрий и Логинов на допросе у полковника Кузнецова показание Ядрышникова подтвердили. Точно так же и поручик Кононов на следствии и прапорщик Бобыкин на допросе у полковника Кузнецова подтвердили, что расстреливали они 44 членов «совдепа» одни, без Ядрышникова, которому Рубцов поручил отвести в суд двух арестантов.

Однако же все эти показания представляются недостоверными.

Если бы дело было так, как говорят поименованные свидетели, то представлялось бы совершенно необъяснимым первоначальное показание Рубцова, данное полковнику Кузнецову, и можно думать, что Рубцов изменил свое показание, сообразив, что первоначальным своим объяснением он подводит себя, а отчасти и полковника Сабельникова под ответственность за самовольный расстрел Кириенко и Девятова. Кроме того, осмотром разносной книги отдела военного контроля при штабе верховного главнокомандующего установлено, что расписка в принятии посланных из контроля в тюрьму 44 членов «совдепа» дана тем же Ядрышниковым. Между тем Ядрышников показал, что в бытность его в тюрьме туда означенные 44 арестанта не доставлялись, а когда он, Ядрышников, выводил из тюрьмы Кириенко и Девятова, то видел подводимых к тюрьме упомянутых 44 арестантов.

Если бы это последнее показание Ядрышникова было верно, то он, конечно, не имел возможности расписаться в приеме упомянутых 44 арестантов, а так как такая расписка существует, то отсюда ясно, что Ядрышников был в тюрьме при приводе туда 44 членов «совдепа» и, очевидно, написал указанную расписку по приказанию Рубцова, выдавшего себя за начальника тюрьмы

Если дальнейшим следствием не будет опоровергнуто приведенное соображение и подтвердится правильность первоначального показа-

ния Рубцова, то на последнего и должна будет пасть ответственность за расстрел Кириенко и Девятова, если не будет установлено. что он действовал по приказанию высших начальников.

IV.

Обнаруженные в настоящее время неправильности в действиях военно-полевого суда и, главным образом, его председателя, заключаются в следующем: во-1-х, суд принял к своему рассмотрению дело о Маевском, Винтере и других 6 арестантах без приказа о предании их суду. Во-2-х, суд рассмотрел означенное дело при отсутствии всякого материала по отношению ко всем судившимся, кроме Макова. В-3-х, председателем суд, повидимому, не было сделано никакого распоряжения относительно осужденных, так как при наличности правильного распоряжения об отводе их обратно в тюрьму Барташевский и Черченко едва ли решились бы расстрелять их как бы во исполнение приговора суда. В-4-х, неправильным является подписанное председателем суда требование о доставлении из тюрьмы в суд 3 подсудимых без наименования их. Все эти факты подлежат освещению, прежде всего допросом председателя суда, находящегося в Томске, а также членов суда, местонахождение коих еще не обнаружено.

II.

Копия.

№ 7 [1]).

Протокол.

1918 г. декабря 28 дня, судебный следователь при Омском окружном суде в камере своей, с соблюдением 443 ст. уст. уг. суд., допрашивал нижепоименованного, и он показал:

Зовут меня Леонид Константинович *Хлыбов*, 32 лет, вр. исп. об. начальника Омской тюрьмы, помощник симбирского губернского тюремного инспектора, православный. грамотный, под судом не был, живу в г. Омске, Варонская ул., д. № 14.

В должность начальника Омской областной тюрьмы вступил вследствие личного распоряжения акмолинского областного комиссара в 12 часов дня 22 декабря, когда б. начальник тюрьмы Веретенников был отстранен от должности на время следствия о нападении на тюрьму в ночь на 22 число декабря и освобождении 215 человек. В 12 часов ночи по телефону из гарнизонного собрания через дежурного офицера, фамилию не помню, я был уведомлен, что там открывается заседание

[1]) Документы №№ 7—15 заимствованы из А. О. Р., Дела № LXXVI. 55/50. *Прим. Ред.*

прифронтового военно-полевого суда и что в тюрьму будет послан конвой за арестантами, подлежащими преданию военно-полевому суду. Через час после этого сообщения в тюрьму явился комендантский адъютант, фамилию не помню, и, предъявив мне удостоверение о личности и предписание председателя военно-полевого суда за № 1, предложил мне выдать Маевского и указать фамилии арестантов, содержавшихся в тюрьме после свержения большевиков. Мною были названы фамилии Бачурина, командующего бийским фронтом, Винтера — комиссара тюрьмы, Фотеева, комиссара кадетского корпуса, Руденко — красноармейца и Жарова, служащего в оперативном штабе красной армии. Тогда адъютант потребовал, несмотря на мое указание на сношение председателя суда, в котором упоминалось только три человека, выдать всех поименованных лиц прибывшему с ним подпоручику отряда имени Красильникова Барташевскому. Последнее мною и было исполнено. В получении всех указанных выше лиц Барташевским была выдана расписка. Около двух часов ночи того же числа в контору тюрьмы явился с конвоем в тридцать человек начальник унтер-офицерской школы капитан Рубцов и предложил мне вызвать в контору для допроса Кириенко и Девятова и исполнить это в то время, когда в тюрьму будет доставлена из отделения военного контроля партия арестованных в количестве 44 человек. Спустя некоторое время к тюрьме действительно была подведена упомянутая партия. Когда начальник конвоя явился в контору и, доложив, что прибыли заключенные, обратился к присутствующим с вопросом, кто начальник тюрьмы,— капитан Рубцов, назвавшись таковым, принял от него пакет со списком доставленных. Содержание списка мне неизвестно. Ознакомившись с содержанием последнего, капитан распорядился привести в контору из вновь прибывших шесть человек. Когда приказание его было исполнено, капитан Рубцов спросил доставленных в контору об обстоятельствах, при которых они были арестованы, и приказал мне сделать распоряжение вывести из помещения конторы Кириенко и Девятова. Когда означенные лица были доставлены, капитан Рубцов, сняв с них краткий допрос, приказал одному из прибывших с ним офицеров,— кажется, поручику Прокопьеву,— вывести их из конторы и присоединить к доставленной партии, после чего исполнить его приказание. В чем заключалось последнее — мне неизвестно. После того, как Кириенко и Девятов были выведены из помещения конторы, я обратился к капитану Рубцову с просьбой объяснить мне, по полномочию кого он действует; последний заявил, что по приказанию верховного правителя,—было ли Рубцовым добавлено «личному»,—не помню, и выдал мне расписку в принятии им арестованных для доставления в военно-полевой суд. Из последних событий, а именно: доклада Прокопьева и разговоров явившихся в тюрьму офицеров, я понял, что Девятов и Кириенко расстреляны, но где и при каких обстоятельствах мне неизвестно.

В ту же ночь, приблизительно около 3 или 4 часов, в тюрьму явился подпоручик Барташевский и потребовал от меня выдачи ему Кириенко,

Девятова и Попова. Когда же мною было заявлено, что двое первых взяты, а последний лежит в больнице, Барташевский позвонил по телефону, куда,—я не расслышал, и, повидимому, получив оттуда какие-то приказания, обратился ко мне с вопросом, увидав на столе список возвратившихся,—содержатся ли в тюрьме члены учредительного собрания. Когда мною был дан утвердительный ответ и названы фамилии Фомина, Брудерера, Марковецкого, Барсова, Сарова, Локтева, Лиссау и ошибочно фон-Мекк, подпоручик Барташевский потребовал от меня выдать их и написал мне расписку в получении. Доставлены ли были указанные лица по назначению, мне неизвестно. После того, как подпоручик удалился из тюрьмы, я был вызван к телефону из военно-полевого суда и на запрос назвавшегося дежурным офицером,—фамилии не помню,—был ли Барташевский в тюрьме, сообщил, что Барташевский был и взял для доставления в суд восемь человек арестованных. Были ли доставлены означенные лица в военно-полевой суд,—мне не сообщали, и обратно в тюрьму возвращены не были. Вчера я был вызван в военно-полевой суд и был допрошен по этому же делу подполковником Кузнецовым. Передаю, следователь, вам предписание председателя прифронтового суда за № 1, одну расписку капитана Рубцова и две расписки поручика Барташевского. Показание писал собственноручно. Вр. исп. об. начальника тюрьмы *Хлыбов*.

Добавляю: никого из указанных выше арестантов в лицо я не знаю и опознать не могу. *Хлыбов*.

С подлинным верно:

Прикомандированный к комиссии (подпись).

Копия.

№ 8.

Протокол.

1918 г. декабря 29 дня, судебный следователь при Омском окружном суде при нижепоименованных понятых производил осмотр места, где были найдены 10 трупов, среди которых было тело Фомина, и самих трупов, при чем оказалось:

На левом берегу Иртыша, в расстоянии приблизительно ста сажен от линии воды идет лощина, параллельная реке, с юга на север против крепости. На дне этой лощины, прямо против крепостного собора, на протяжении 9 шагов на снегу видны пятна крови и комки снега, пропитанные кровью. Направление линии расположения пятен—параллельное реке. В конце линии этих пятен, на север, виднеется холмик, образованный большими комьями снега. По разрытии этого холма оказалось, что в яме, вырытой в снегу, лежат тела людей сильно окоченевших. По вынутии трупов из ямы их оказалось девять: 1-й одет в темный пиджак, жилет, оранжево-розоватого цвета кальсоны, голубо-

вато-синюю рубашку, белые носки, 2-й одет во френч, жилет, черную рубашку, белые кальсоны и белые носки, 3-й одет в брезентовый плащ, белую рубашку и такого же цвета кальсоны, носки и жилет, 4-й одет в серую шинель, гимнастерку защитного цвета, вязаные кальсоны, черные брюки, высокие черные сапоги, 5-й одет в теплый черный пиджак, жилет, черную рубашку, в белые кальсоны, на ногах у него лапти, 6-й одет в серый френч, в черную и голубую рубашки, белые кальсоны и белые носки, 7-й одет в белую холщевую рубашку, серые холщевые штаны, белые носки, 8-й одет в костюм черного цвета с светлой полоской, крахмаленый воротничок и черный галстух, белую рубашку и белые носки, 9-й одет в черный пиджак, полотняную серо-синюю рубашку, белые вязаные кальсоны и белые холщевые кальсоны и белые носки.

Трупы сильно закоченели, лица запорошены снегом, примерзшим местами к коже; в виду этого более подробный осмотр произведен не был. К одежде убитых были прикреплены ярлыки с номерами, соответствующими номерам в сем протоколе. Концы ниток к ярлыкам припечатаны не были, так как сургуч в виду сильного мороза не растапливался.

Протокол понятым прочитан.

И. д. судебного следователя *Шредер.*

Понятые: 1) *Феодосий Мирошников*, 2) *Петр Артамонов.*

Верно: Прикомандированный к комиссии *Волесский.*

Копия.

№ 9.

Протокол.

13 марта 1919 г. следственная комиссия в составе председателя сенатора Висковатова и члена генерал-майора Погосского допрашивала нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 863 ст. уст. воен. суд., и он показал:

Я, Павел Михайлович *Рубцов*, 26 лет, православный, подполковник, начальник унтер-офицерской подготовительной школы, не судился, потерпевшим посторонний. По делу показываю:

Вечером 22 декабря я был на совещании у генерала Матковского в его квартире. В совещании принимали участие командиры воинских частей, принимавших участие в подавлении мятежа, в числе их я помню генерала Бржезовского, полковника Сабельникова, полковника Зощенко, полковника Кубрина — командира казачьей дивизии и начальника его штаба есаула Федорова и генерала Романова — ныне помощника генерала Матковского. В совещании были выслушаны доклады командиров частей относительно подавления мятежа, а также обсуждался вопрос о мерах охранения порядка на предстоящую ночь.

Когда я был на этом совещании, мне было уже известно, что военно-полевой суд заседает в гарнизонном собрании. По окончании совещания генерал Бржезовский сказал мне, что я должен отправиться в тюрьму, куда будут доставлены 44 члена большевистской организации, именовавшейся тогда «совдепом», которые подлежат расстрелу, и что исполнение этого возлагается на унтер-офицерскую школу. В то время я еще не знал, были ли они осуждены или нет, но затем в тюрьме кто-то из офицеров,— кто — не помню, сказал, что эти 44 человека приведены из гарнизонного собрания, почему я понял, что они подлежат расстрелу, как осужденные военно-полевым судом. Приказание, данное мне генералом Бржезовским, повторил мне, через несколько минут после генерала Бржезовского, полковник Сабельников. Полковнику Кузнецову я сначала показал, что мне было приказано присоединить к партии в 44 человека еще несколько большевиков, сидевших в тюрьме, но в действительности такого приказания полковник Сабельников мне не давал, и я показал так на допросе у полковника Кузнецова, не желая обнаружить, что Кириенко и Девятов расстреляны поручиком Ядрышниковым. Хотя действия этого офицера я находил правильными, но допускал возможность, что в них будут усмотрены признаки превышения власти, и, ценя поручика Ядрышникова, как отличного офицера, я хотел избавить его от возможных неприятностей. Поэтому неправильна и та часть моего показания, данного полковнику Кузнецову, что Кириенко и Девятов были уведены для расстрела вместе с партией в 44 человека. Получив упомянутые выше приказания от генерал-майора Бржезовского и полковника Сабельникова, я отправился в школу и приказал поручику Ядрышникову, подпоручику Кононову и прапорщику Бобыкину взять 30 солдат и итти в тюрьму, объяснив им, что придется расстрелять задержанных накануне ночью большевиков. Когда названные офицеры с командою ушли к тюрьме, поехал туда и я; это было, кажется, часов в 11 вечера. До прибытия партии арестантов в 44 человека я прождал в тюрьме часа $2^1/_2$—3. В течение этого времени я никаких требований начальнику тюрьмы не предъявлял и не говорил ему, что по прибытии к тюрьме 44 арестантов нужно доставить в контору тюрьмы Кириенко и Девятова. Минут за 15 до прибытия партии в 44 человека большевиков в тюрьму прибыл комендантский адъютант поручик Фриде, который заявил, что прибыл для того, чтобы отправить арестантов из тюрьмы в военно-полевой суд; при этом Фриде предъявил написанный на небольшой бумажке список арестантов, подлежащих доставлению в военно-полевой суд, объяснив при этом, что такое приказание он получил от полковника Сабельникова. Список этот я видел, сколько в нем было фамилий — не помню, но кроме Кириенко и Девятова, значившихся там, припоминаю фамилию Михельсона. Начальник тюрьмы сказал, что из означенных в списке лиц, налицо имеются лишь Кириенко и Девятов, остальные не вернулись. Кроме того, поручик Фриде сказал, что арестанты, указанные в списке, должны быть

доставлены в суд под конвоем от унтер-офицерской школы, так как у него, Фриде, людей для этого нет. По прибытии к тюрьме партии арестантов в 44 человека, об этом мне доложено караульным офицером поручиком Гришановым; вслед затем в контору тюрьмы вошел унтер-офицер из конвоя, приведшего партию в 44 арестанта, и я принял от него пакет и дал ему в принятии этого пакета расписку. Спрашивал ли этот унтер-офицер, кто начальник тюрьмы—не помню; сам я начальником тюрьмы не назывался, в расписке, насколько припоминаю, я написал, что принял 44 человека. Впоследствии я узнал, что конвой, приведший 44 арестанта, был под командой офицера, но он в контору не входил и кто был этот офицер—я не знаю. За несколько минут до прибытия партии в 44 человека в контору тюрьмы были приведены Кириенко и Девятов, которые были отправлены мною с поручиком Ядрышниковым в военно-полевой суд одновременно с отправкою партии в 44 человека за город с офицерами Кононовым и Бобыкиным. Ядрышников увел Кириенко и Девятова под конвоем двух солдат. Перед отправкою партии в 44 человека я вызвал некоторых из них по списку в контору, чтобы проверить, те ли люди приведены, которые значатся в списке; вызвал я таким образом человек пять, которых спрашивал, действительно ли они захвачены в прошедшую ночь и принадлежат ли они к «совдепу». Поручик Фриде отправился с партией в 44 человека; это я узнал от него, когда он вернулся в тюрьму вместе с моими офицерами, Кононовым и Бобыкиным, при чем Фриде говорил, что он был на месте расстрела. Говорил ли Фриде, что имеет поручение присутствовать при расстреле,—не помню. Конвой, приведший 44 арестанта, отправился на место расстрела вместе с моими людьми. Сколько времени прошло с момента увода 44 человек до возвращения ко мне в контору Кононова и пришедшего вместе с ним Фриде,—точно не помню, думаю, что минут 40. Кононов, вернувшись в контору, доложил мне, что данное мною ему поручение исполнил. После этого я уехал из тюрьмы с поручиком Фриде. Поручик Кашперов, приехавший в тюрьму вместе со мною, уехал оттуда раньше меня. Поручик Ядрышников при мне в тюрьму не возвращался. Из тюрьмы я поехал к полковнику Сабельникову и, разбудив его в штабе гарнизона, доложил ему о расстреле «совдепа»; это было, насколько помню, часов около двух утра. Поручик Фриде, довезя меня до штаба гарнизона, отправился в комендантское управление. Я после доклада Сабельникову вернулся в школу. После отправки из тюрьмы партии 44 человек, а также Кириенко и Девятова, в контору тюрьмы явился офицер отряда Красильникова поручик Барташевский, как я узнал на другой день от кого-то из офицеров. Я хорошо не помню, для чего именно прибыл Барташевский, но, кажется, он говорил, что состоит в распоряжении председателя военно-полевого суда для сопровождения арестантов. Барташевский остался в тюрьме после моего отъезда. Я не слышал, чтобы Барташевский разговаривал с начальником тюрьмы о каких-либо арестантах, и при мне в контору тюрьмы более никаких

арестантов не приводили. Когда я вернулся в школу и прилег отдохнуть, через несколько времени явился поручик Ядрышников и рассказал, что Кириенко и Девятова он в суд не доставил, так как арестанты эти дорогою вели себя вызывающе по отношению к нему, уговаривали солдат не служить черносотенному правительству, предлагали им деньги, ругали верховного правителя и, несмотря на требование Ядрышникова прекратить такие речи, не унимались, почему он их вынужден был расстрелять и трупы их отвез на место расстрела 44 человек. Еще до прибытия партии в 44 арестанта Ядрышников вместе с Кононовым по моему распоряжению ходили выбрать место для расстрела. В приеме из тюрьмы Кириенко и Девятова для доставления их в военно-полевой суд я выдал начальнику тюрьмы расписку, ту самую, которая мне предъявляется (предъявлена расписка, приобщенная к следствию судебным следователем Шредером).

По поводу предъявленной мне расписки поручика Ядрышникова в приеме 44 арестантов (предъявлена расписка, изъятая из разносной книги отдела военного контроля)—объясняю, что, может быть, я запамятовал точно обстоятельство; возможно, что Ядрышников выдал эту расписку по просьбе конвоира без меня, я же хорошо помню, что расписывался в полученном от конвоира списке 44 арестантов и список этот представил полковнику Сабельникову при докладе ему о расстреле. То обстоятельство, что Кириенко и Девятов были отправлены с поручиком Ядрышниковым, а не сданы самому Фриде, имевшему поручение взять арестантов из тюрьмы для доставления в военно-полевой суд, объясняется тем, что, по словам Фриде, доставление арестантов в суд было возложено, согласно распоряжению начальника штаба гарнизона, на мою команду; Фриде же оставался в тюрьме. Добавляю, когда Кириенко и Девятов были приведены в тюремную контору, то на мои вопросы первый ответил, что он военный комиссар, а второй назвал себя членом какой-то организации, которую определил сокращенно, но как—не помню. Я счел их большевиками. Протокол прочитан.

С подлинным верно:

Прикомандированный к комиссии *Волесский*.

III.

№ 10.

Протокол.

1919 г. марта 24 дня, в г. Омске чрезвычайная следственная комиссия, учрежденная постановлением совета министров от 14 января 1919 года, в составе председателя сенатора Висковатова и членов генерал-майора Погосского и товарища председателя Омского окружного суда Калугина, допрашивала нижепоименованного в качестве обви-

няемого с соблюдением 403 ст. уст. уг. суд., и он на предложенные вопросы отвечал:

Зовут меня—Феофил Анатольевич Барташевский.

От роду мне 20 лет.

По званию я потомственный дворянин.

Под судом не был. Содержусь на гауптвахте по обвинению в подлоге официального документа с приложением фальшивой печати, следствие по этому делу находится в производстве мирового судьи 8 участка г. Омска; арестован я был в отряде Анненкова, находящемся в г. Омске. Постановление о привлечении меня в качестве обвиняемого мне объявлено, в чем я обвиняюсь, я понял. Виновным себя не признаю. В оправдание свое поясняю:

22 декабря, часов в 4—5 дня в отряде Красильникова, где я находился, была получена телефонограмма из комендантского управления о командировании из отряда Красильникова команды в распоряжение председателя военно-полевого суда, заседавшего в гарнизонном собрании, для конвоирования арестантов; кем была подписана телефонограмма—не помню. Вследствие этого требования командиром части, капитаном Драчуком, или его помощником штабс-капитаном Егоровым,—теперь не помню, кем именно,—была назначена команда в шесть человек под моим начальством; в составе команды были поручик (мичман) Виленталь, прапорщик Шемякин и партизаны Галкин, Падерин и Кукалевский. Из своей части команда отправилась в комендантское управление, при чем четверо отправились ранее, а я и Виленталь несколько позднее. Когда я с Виленталем прибыли к комендантскому управлению, то, не заходя туда, узнали от прапорщика Шемякина, что команда должна итти в гарнизонное собрание, куда я ее и повел. Прибыв в гарнизонное собрание, я явился к председателю суда генерал-майору Иванову, который мне сказал, что суд еще не открывал свои действия, и я с командой ожидал в гарнизонном собрании часа два, при чем мы с командой ужинали и пили чай. Вся моя команда, в том числе и я, были вооружены трехлинейными винтовками с русскими штыками; кроме того, у меня и, кажется, у прапорщика Шемякина были револьверы, шашек же ни у кого не было. При суде был еще караул, не помню от 2 или 3 кадрового полка, под командою подпоручика, фамилии которого я не знаю, но мне известно, что этот офицер ушел на фронт, в составе какой-то части—не знаю. После того как команда поужинала, бывший в суде комендантский адъютант, фамилию которого я не знаю, передал мне небольшой листок бумаги с написанными на нем фамилиями 5 или 6 лиц и сказал, что означенных в записке лиц следует привести в суд из тюрьмы. Мне предъявляется письменное требование председателя военно-полевого суда № 1 о выдаче в мое распоряжение из тюрьмы трех человек. Было ли это требование при мне, когда я явился в тюрьму,—я не помню, но возможно, что оно и было со мною, когда я пришел в тюрьму, хотя я совершенно не помню, кто и когда мне вручил означенное требование. Делопроизводителя

военно-полевого суда прапорщика Ведерникова я тогда в суде видел, но получил ли я означенное выше требование № 1 от него, не помню. В то время, когда я находился в комнате, где были председатель и члены суда, я слышал, что председатель суда говорил с членом суда, полковником, о лицах, подлежащих их суду, но при этом никаких фамилий лиц, о коих они говорили, не слышал; во время этого разговора я вышел в коридор, и тут комендантский адъютант, оставшийся после меня в комнате, где были судьи, выйдя оттуда, передал мне вышеупомянутую записку с фамилиями 5 или 6 человек. Перед отправлением в тюрьму за арестантами я просил председателя суда дать мне формальный пропуск, но он сказал, что о моем прибытии в тюрьму туда уже сообщено по телефону. По прибытии в тюрьму я был беспрепятственно пропущен внутрь и предъявил вышеупомянутую записку с фамилиями 5 или 6 лиц какому-то тюремному чиновнику, бывшему в тюремной конторе; чиновник этот, ни о чем меня не спрашивая и ничего мне не возражая, приказал надзирателям выдать мне этих арестантов. Я с конвоем пошел в тюрьму вместе с надзирателем и там получил означенных арестантов. Тот комендантский адъютант, который был в суде, был со мною и в тюрьме, но был ли он там в первое мое посещение тюрьмы или во второе, я не помню, но помню, что адъютант этот со мною вместе в тюрьму не ходил, а я его уже застал там, придя туда, но, как уже сказал, не помню, было ли это в первый раз, что я пришел за арестантами, или же когда я ходил за ними вторично. Во время первого моего прихода в тюрьму я не спрашивал ничего про арестанта Маевского и не знаю, спрашивал ли о нем кто-нибудь того тюремного чиновника, который выдавал мне арестантов. Я помню, что в том списке с 5 или 6 фамилиями, который мне передал комендантский адъютант, против фамилий арестантов были сделаны отметки о том, кто были эти арестанты; что именно было написано в этих отметках, я хорошо не знаю, помню только отметку о том, что один из арестантов был комиссар кадетского корпуса, другой командующий бийским фронтом; были ли эти отметки сделаны в тюрьме, или они были при получении мною списка от комендантского адъютанта, я не помню. Получив арестантов, я выдал в получении их расписку начальнику тюрьмы, ту самую, которая мне предъявляется (предъявлена расписка в приеме Бачурина, Винтера и других, приобщенная в качестве вещественного доказательства судебным следователем Шредером). Арестантов я отвел в гарнизонное собрание. Дорогою один из сопровождаемых мною арестантов бросился бежать и был при этом убит, фамилии его не знаю. По приводе арестантов в гарнизонное собрание, они были помещены в зале, где находились под охраною моих людей, а также людей из бывшего при суде караула; из залы арестанты по одному вводились в комнату, где происходило заседание суда. О том, что один из арестантов был убит дорогою, я лично доложил председателю суда, при этом докладе присутствовали члены суда и, кажется, комендантский адъютант. Куда девался тот список с 5 или 6 фамилиями, который я получил

от комендантского адъютанта, остался ли он в тюрьме, или был передан мною кому-либо по возвращении в гарнизонное собрание, или остался у меня, я не помню. Предъявленный мне лист бумаги, вырванный из какой-то книги, я видел на судейском столе в то время, когда допрашивали поручика Винтера, при котором я и поручик Вилленталь находились в качестве часовых. (Предъявлен список арестантов, представленный к следствию свидетелем Ведерниковым); но это не тот список, который был мне дан комендантским адъютантом. Был ли этот список в тюрьме—я не помню. Во время разбора дела в комнату, где заседал суд, я входил, только как часовой при Винтере, и больше туда не заходил. Комендантский адъютант, о котором я говорил выше, находился в комнате, где заседал суд, во время допросов подсудимых. После допроса всех подсудимых, когда суд приступил к постановлению приговора, я в комнате заседания не был; был ли там в то время комендантский адъютант, я не знаю, но видел, что он вышел оттуда и сказал мне, что все подсудимые, кроме Винтера, приговорены к расстрелу, а о Винтере должно быть еще расследование, и его нужно отправить на гауптвахту. Я помню, что в то время, когда суд допрашивал приведенных мною арестантов, откуда-то был приведен еще один арестант, но вводили ли его в комнату суда для допроса, я не знаю. Сообщив мне результаты приговора, комендантский адъютант вручил мне другой список арестантов, подлежащих доставлению в суд, список этот был написан также на небольшом листке чистой бумаги. Какие именно фамилии значились в этом списке, я не помню, были ли там фамилии Кириенко, Девятова и Попова, не помню. С этим списком я со своей командой отправился в тюрьму, а арестанты, о коих уже состоялся приговор, оставались в зале под охраною чинов караула, состоявшего при суде. В тюрьме я узнал, что арестанты, поименованные в данном мне списке, уже взяты в унтер-офицерскую школу, где также был военно-полевой суд, о чем мне сказал другой комендантский адъютант, поручик, фамилии которого я не знаю и которого я встретил в тюрьме. Тогда я позвонил по телефону в гарнизонное собрание и вызвал председателя суда, но вместо него к телефону подошел или делопроизводитель суда прапорщик Ведерников, или комендантский адъютант, который находился в суде. Теперь я не могу припомнить, кто именно говорил со мною по телефону, но утверждаю, что один из названных двух офицеров. Когда я сообщил, что арестантов, указанных в помянутом мною списке в тюрьме нет, то мне было сказано, чтобы я привел из тюрьмы еще арестованных. Тогда я обратился к начальнику тюрьмы, который, по моему, должен был слышать мои переговоры по телефону с гарнизонным собранием, и сказал ему, что мне приказано доставить еще арестантов в военно-полевой суд и просил его указать, кого мне нужно взять для доставления в военно-полевой суд. При этом я не говорил, чтобы мне были выданы члены учредительного собрания, и требования доставить именно членов учредительного собрания я по телефону из гарнизонного собрания не получал. Тогда

начальник тюрьмы прочел по бывшему у него списку фамилии человек 15 арестантов и объяснил, что все эти арестанты арестованы в Уфе за мятеж против нынешнего правительства. Когда же я сказал, что не могу со своим конвоем взять более 10, то начальник тюрьмы составил список 8 арестантов и, вручив его надзирателю, приказал выдать этих арестантов мне. Эти 8 арестантов были приведены в тюремную контору, откуда я их взял и доставил в гарнизонное собрание. В то время, когда я был в тюрьме во второй раз, там, кроме тюремных чинов и упомянутого комендантского адъютанта, были еще офицеры, фамилии коих я не знаю. Начальника унтер-офицерской школы—капитана—фамилии его не знаю, я видел в тюрьме, но в первый или во второй свой приход туда, не помню. Приведя вторую партию арестантов в гарнизонное собрание, я как комендантскому адъютанту, так и председателю суда доложил, что тех арестантов, которых мне было приказано доставить, в тюрьме не оказалось и что я привел других, выданных мне начальником тюрьмы. Председатель суда сказал мне, что суд закончил свои действия. Тогда я спросил комендантского адъютанта, как следует поступить с теми арестантами, которых я только что привел, а также с теми, которые уже судились. На это комендантский адъютант в той же комнате, где находились председатель и члены суда, сказал, чтобы я взял всех арестантов и тех, которые еще не судились, отвел обратно в тюрьму, а остальных судившихся расстрелял. Полагаю, что эти слова комендантского адъютанта должны были слышать и члены суда, так как адъютант говорил громко. Получив упомянутое распоряжение от комендантского адъютанта, я сошел вниз, где находились вторично приведенные мною 8 арестантов под охраною моей команды, а затем туда же были сведены сверху судившиеся уже арестанты; сведены они были по приказанию комендантского адъютанта чинами караула, состоявшего при суде и охранявшего этих осужденных во время моей отлучки в тюрьму. Вместе с осужденными сошел вниз и комендантский адъютант. Последний не говорил при этом мне: «вот вам 13 человек», а сказал, что 8 арестантов должны быть отведены в тюрьму, а остальные расстреляны. Сколько именно человек были сведены сверху—четыре или пять—я не знаю; соединенных вместе арестантов обеих групп я не пересчитывал, но полагаю, что их всего было 12; арестантов я не пересчитывал потому, что приведенные мною вторично из тюрьмы были налицо, а из остальных никто не мог бежать в мое отсутствие. Адъютант мне не говорил того, чтобы к числу осужденных и известных уже мне арестантов был присоединен еще кто-нибудь. После того как судившиеся арестанты были сведены сверху вниз, я повел всю партию в тюрьму. При самом отходе от гарнизонного собрания арестанты из той партии, которая была мною приведена вторично, стали выражать неудовольствие по поводу того, что их напрасно водят, а затем стали говорить конвоирам, что они напрасно служат правительству, оскорбляли верховного правителя и говорили, что было бы лучше, если бы власть была в их руках. Эти речи они говорили,

несмотря на неоднократные мои запрещения. Затем арестанты, которых я привел во второй раз, стали перешептываться с теми, которые были осуждены судом, из чего я заключил, что они собираются бежать, и это вынудило меня предупредить их, что при первой попытке к побегу они будут расстреляны. Отойдя саженей 50 или более от гарнизонного собрания, осужденные, шедшие впереди, а также 2 или 3 из несудившихся, шедших сзади, бросились в стороны, причем одному удалось отбежать шагов на семь; но данным в воздух залпом попытка эта была остановлена. Опасаясь возможности разоружения конвоиров, я приказал своим людям итти поодаль от арестантов. При этом, несмотря на сделанную уже попытку к побегу, я все же намеревался доставить арестантов по назначению. Когда мы довели арестантов до крепостных ворот, обращенных к собору, они сделали вторую попытку к побегу, которая также была остановлена. После этого я решил, согласно уставу, их расстрелять; выстроив арестантов парами, я повел их на Иртыш, где они и были расстреляны; причем никаких ран, кроме огнестрельных, им нанесено не было. После расстрела я с командою вернулся в комендантское управление, где застал комендантских адъютантов: того, который был в суде и того поручика, которого я встретил в тюрьме, тут же были и другие офицеры, мне неизвестные; я им рассказал о произведенном расстреле и потребовал, чтобы об этом было доложено по начальству, а затем я вернулся в свою часть. Поручик Винтер был отправлен на гауптвахту комендантским адъютантом в то время, когда я отправился в тюрьму за второй партией арестантов. Комендантский адъютант, бывший в суде, вышел из гарнизонного собрания вместе со мною, когда я повел арестантов в тюрьму, но шел он с нами недолго и свернул в комендантское управление; ни при самом расстреле, ни при попытках арестантов бежать, адъютант этот не присутствовал. Припоминаю, что тот комендантский адъютант, который был в суде, был вместе со мною в тюрьме, когда я в первый раз приходил за арестантами. Адъютант этот шел вместе со мною, когда я вел арестантов в гарнизонное собрание, и мы вместе пришли в гарнизонное собрание. Побег одного из арестантов этой партии, окончившийся его смертью, произошел в присутствии означенного адъютанта. Вернувшись после расстрела в свою часть, я рассказал о расстреле офицерам; после этого я пробыл в своей части дня 3—4, а затем мне было объявлено штабс-капитаном Егоровым, что ввиду происшедших событий, по распоряжению верховного правителя я и вся бывшая со мною в ночь на 23-е декабря команда переводится временно в отряд Анненкова, а по отряду Красильникова мы будем числиться в бегах; такое, данное мне приказание я должен был исполнить и явился в отряд Анненкова, откуда еще в декабре был отправлен в Семипалатинск, тоже в отряд Анненкова. На допрос к полковнику Кузнецову я явился из отряда Красильникова еще до получения распоряжения о переводе меня в отряд Анненкова. Более пока добавить ничего не имею. Прошу выдать мне копии постановления о привлече-

нии меня в качестве обвиняемого, протокола моего допроса и свидетельских показаний. Протокол прочитан.

С подлинным верно:

Прикомандированный к комиссии *Васин*.

№ 11.

Протокол.

1919 г., апреля 3 дня, в помещении конторы Омской тюрьмы, член чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной постановлением совета министров от 14 января с. г., товарищ председателя Омского окружного суда Калугин дополнительно допрашивал обвиняемого по настоящему делу Барташевского, и он показал:

Родился я в г. Тюмени 23 августа 1898 г., никаких документов, удостоверяющих время моего рождения, я не имею: проживал я за последнее время в пределах Европейской России.

После событий в ночь на 23 декабря 1918 г. я возвратился со своей командой в отряд и пробыл там безотлучно до явки на допрос к полковнику Кузнецову; вместе со мною там же продолжали оставаться и остальные члены команды, то есть Виленталь, Шемякин и другие. Жил я в общежитии, столовался в офицерском собрании и только отлучался в город по личным делам; одну лишь ночь я провел в городе у своих знакомых и, когда на утро возвратился в отряд, то дежурный офицер прапорщик Шемет вручил мне принятую им телефонограмму о вызове меня к 1 часу дня того же числа для допроса к военному прокурору. С этой телефонограммой я и явился к последнему, а затем телефонограмма осталась у меня, но не сохранилась. При возвращении со своей командой в помещение отряда я явился к замещавшему начальника отряда штабс-капитану Егорову, но доклада официального не делал ему по существу исполненных мною в ту ночь поручений, а частным образом осведомил его обо всем. В последующие дни я неоднократно встречался как в собрании офицерском, так и в общежитии со всеми офицерами нашего отряда, в том числе встречался как с Драчуком, так и с Егоровым. 29 декабря после допроса меня Кузнецовым или даже еще 28 декабря вечером Шемякин был в городе у своих знакомых и отсюда его по телефону вызвали в отряд, как он говорил мне, по важному делу, по которому признавалось неудобным говорить по телефону. Я и Виленталь в это время тоже находились в городе у общих знакомых. Когда Шемякин возвратился по этому вызову, то был предупрежден,—не могу сказать, кем именно, но полагаю, что начальником Драчуком, помощником последнего или дежурным офицером,—о том, что адмирал Колчак осведомлен обо всем нашем деле, и военным властям отдано приказание скрыть всех нас. Эти же сведения лично мне и Виленталю сообщил штабс-капитан Егоров, о чем было известно и многим другим офицерам отряда, и нам было

отдано распоряжение немедленно же отправиться в отряд Анненкова в г. Омске, причем мы были предупреждены, что будем числиться в бегах. В тот же день я и Вилленталь поехали в названный отряд Анненкова, где уже застали Шемякина и партизанов Падерина и Кукалевского. В отряде мы явились к начальнику штаба капитану Гештовту. Он объяснил, что немедленно же отдаст предписание о командировании нас в Семипалатинск, тогда же мы на руки получили проездные документы на трех офицеров один и на трех солдат другой; причем фамилии наши были переменены—моя на Иванова, Вилленталя на Горина, Шемякина и партизанов фамилий не помню. Кроме того нам был выдан секретный пакет на имя полковника Сидорова, состоявшего начальником штаба в Семипалатинске. Этот пакет мы решили оставить у Падерина, причем там же в помещении штаба зашили его, если не ошибаюсь, в шинель. Содержание документа, находившегося в пакете, мне стало известно уже в Семипалатинске, а текст документа более подробно знает Падерин. Я же припоминаю, что в нем была фраза «власти решили скрыть фамилии таких-то», и для исполнения сего мы направились в Семипалатинск. Мне кажется, что упомянутый документ был с № и за надлежащей подписью, но все-таки утверждать этого не могу, так как видел его лишь в тот момент, когда он лежал перед полковником Сидоровым. Сидиров предлагал отправить нас дальше, но мы объяснили, что выехали из Омска поспешно, без необходимых вещей и имущества, и поэтому он зачислил нас на довольствие и отвел квартиру. Я лично почти каждый день заходил в штаб, просил затребовать аттестат, чтобы по нему иметь возможность получать жалованье. Таким образом мы прожили в Семипалатинске, не получая жалованья, на аванс, выданный Сидоровым в сумме 200 руб. Так как за время своего пребывания в Семипалатинске обносились, то решили ехать обратно в Омск за своим имуществом. Поехали в Омск я, Падерин и Вилленталь. По прибытии сюда мы все трое явились к начальнику Драчуку, когда именно, точно не могу указать, но в феврале месяце. Драчук сказал нам, что возвращаться в Семипалатинск для нас нет никакой необходимости, а нам следует ехать на фронт в свой же отряд, по направлению через Иркутск. Туда же он предполагал командировать и Шемякина с Галкиным и Кукалевским, которые остались в Семипалатинске. Отдавая распоряжение о нашем выезде в Иркутск, Драчук вручил мне собственноручно написанное им письмо на имя полковника Сейфуллина, а также проездные документы, и кроме того выдал мне аванс в сумме 300 руб. под мою расписку. О производстве меня в штабс-капитаны я знаю лишь из частного письма из ставки атамана Анненкова, каковое письмо мне показывал Вилленталь, но сказать точно, от кого было это письмо и кому адресовано, я не могу. Письмо же это Вилленталь показывал мне в Омске. Оно могло быть получено им от одного из своих многих знакомых по предшествовавшей службе в отряде Анненкова. Мне точно известно, что начальник отряда Драчук представил как меня, так и остальных чинов команды к производству в следую-

щий чин на основании распоряжения, полученного по телефону от начальника гарнизона; такую телефонограмму я сам читал и даже спрашивал дежурного адъютанта, весь ли наш отряд должен быть представлен к производству или же только лица, участвовавшие в событиях 22 декабря.

Я утверждаю, что адъютанта с нами не было в то время, когда моя команда повела арестантов из гарнизонного собрания. В составе конвоя я сопровождал арестантов совсем не во главе отряда, а в хвосте его. С какой целью адъютант говорит, что он находился на месте расстрела, я не знаю. Вторая группа арестантов, взятая мною в тюрьме, была доставлена на суд после телефонного разговора с адъютантом, который мне фамилий арестантов, подлежавших доставлению на суд, не называл, а объяснил лишь, что я должен взять тех, кто восставал против существующей власти. Я подтверждаю, что как первый, так и второй список арестантов я получил лично от адъютанта, а не от председателя суда. В письме на имя Сейфуллина Драчук обращался к последнему со словами: «Друг Аркаша». При вручении письма Драчук выдал мне литерное предложение «А» на проезд по железной дороге за подписями начальника отряда и адъютанта.

Протокол прочитан.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Прикомандированный к комиссии *Васильев*.

Копия.

№ 12.

Протокол.

9 апреля 1919 г. в г. Тюмени член чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной постановлением совета министров от 14 января 1919 года, генерал-майор Погосский спрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля, с соблюдением 490 ст. XXIV кн. св. П. 1869 г., который показал:

Я, Василий Дмитриевич *Иванов*, генерал-майор, начальник Томского эвакуационного пункта, 48 лет, православный, не судился, обвиняемому поручику Барташевскому и потерпевшим по делу—посторонний (чужой).

Я был назначен 22 декабря 1918 г. председателем военно-полевого суда, заседавшего в гарнизонном собрании, распоряжением начальника гарнизона генерала Бржезовского. Мне говорил полковник Сабельников на мой запрос (говорил по телефону), что суд будет рассматривать дела о лицах, которые будут препровождаться для этого в мое распоряжение; подсудимые будут присылаться партиями. Я понял это в том смысле, что подсудимые будут направляться ко мне или полковником Сабельниковым или начальником гарнизона. Отдельных приказов о пре-

дании подсудимых военно-полевому суду я не ожидал, так как приказ за № 92 от 22 декабря содержал в себе ясные указания о том, кого и за что судить. Помню, что на заседании военно-полевого суда при рассмотрении дела о 6 подсудимых присутствовал комендантский адъютант, высокого роста, блондин, (не помню фамилии и чина его, кажется, прапорщик или подпоручик). Насколько припоминаю, офицер этот попросил у меня разрешения присутствовать на заседании суда и говорил, что ему приказано было находиться при исполнении приговора. Я должен оговориться, что тогда был очень уставшим после предыдущей бессонной ночи, кроме того я ранен и сильно контужен в голову; многое у меня не удержалось в памяти из событий той ночи. Никаких распоряжений относительно доставления на суд подсудимых комендантскому адъютанту я не отдавал. Я долго ожидал привода подсудимых и звонил по телефону в тюрьму по этому поводу. Мне сначала ответили, что нет еще конвоя. Вскоре ко мне явился поручик Барташевский и доложил, что он прислан в мое распоряжение. Я не знал тогда точно, кого предстоит судить, но полагал, что распоряжение об этом уже сделано. Мне по телефону говорил полковник Сабельников, что подсудимые, которых будет судить военно-полевой суд, находятся в тюрьме. После того, как прибыл конвой из 6 человек под командой поручика Барташевского была составлена предъявляемая мне теперь записка (свидетелю предъявлена записка от 22 декабря 1918 г. за № 1 на имя начальника тюрьмы о высылке трех обвиняемых из числа подлежащих преданию военно-полевому суду за подписью свидетеля). Передал ли я ее лично поручику Барташевскому, или она была передана через комендантского адъютанта, не помню. Возможно, что была дана мною еще вторая записка, в которой я указал, чтобы прислали 5—6 человек подсудимых; кому ее передал, т.-е. адъютанту или поручику Барташевскому, не помню. Последнему я поручил доставить мне подсудимых, полагая, что в тюрьме ему укажут, кого именно, так как полагал, что об этом указания уже даны. Кем был назначен ко мне конвой с поручиком Барташевским во главе, не знаю. Еще раньше (днем) я приказал делопроизводителю, прапорщику Ведерникову, позвонить по телефону в штаб гарнизона, чтобы был назначен в мое распоряжение караул из унтер-офицерской подготовительной школы. Мне прислали взвод с офицером из этой школы. Этот караул я не хотел расходовать для конвоя, а когда конвой прибыл из отряда Красильникова, то охотно дал ему поручение о доставлении арестантов. Конвой поручика Барташевского доставил в суд пять арестантов, причем поручик Барташевский доложил мне, что дорогой один арестант сделал попытку бежать и был убит; кажется, фамилия его Руденко. Мне предъявлено производство военно-полевого суда о шести подсудимых (предъявлено дело о Бачурине, Винтере, Маевском, Фотееве, Жарове, Макове); в нем нет предварительных письменных сведений относительно виновности этих лиц. Однако, трое из них были присуждены к смертной казни и один в каторжные работы. У суда были

о них сведения, так как из тюрьмы поручиком Барташевским был доставлен список, в котором против каждого подсудимого была отметка о его прежней службе у большевиков. Фамилии и прежняя деятельность Бачурина, Маевского, Фотеева, Жарова суду хорошо были известны. Мне предъявлен лист бумаги, вырванный из какой-то книги (свидетелю предъявляется лист с 6 фамилиями, представленный к делу прапорщиком Ведерниковым), с 6 фамилиями. Вот этот лист и был доставлен суду поручиком Барташевским. Когда дело об упомянутых шести арестантах было рассмотрено и приговор составлен, я приказал прапорщику Ведерникову отправить 5 подсудимых в тюрьму, а Винтера на гауптвахту; это приказание Ведерниковым было передано поручику Барташевскому. Приговор подсудимым объявлен не был, но поручику Барташевскому он был известен; предполагалось, что в тюрьме сущность приговора будет сообщена подсудимым поручиком Барташевским. Записка о 6 подсудимых, доставленная мне Барташевским из тюрьмы, была составлена там: кем именно она составлена, не знаю, но думаю, что начальником тюрьмы. Когда дело о 6 человеках было окончено, то, приказывая отправить их обратно в тюрьму, я приказал поручику Барташевскому доставить из тюрьмы следующую партию, но она доставлена не была. О том, что во время рассмотрения дела о 6 подсудимых в гарнизонное собрание были доставлены еще 8 арестантов, мне никто не докладывал, и я об этом ничего не знал. Поручику Барташевскому ни лично, ни через кого-либо из офицеров, я не говорил, что дело о 8 только что доставленных не будет рассмотрено за поздним временем. Повторяю, об этих 8 человеках я тогда ничего не знал. По телефону об них я тогда ни с кем не говорил и никто не докладывал мне, что поручик Барташевский запрашивает по телефону по поводу того, что в тюрьме он не нашел тех, о которых ему была дана записка. Никакой записки об этих 8 я никому не давал. Смутно припоминаю, что, кажется, мне докладывал прапорщик Ведерников, что ему поручик Барташевский говорил по телефону:—«тех, кого хотели взять,—нет». Я сказал по окончании первого дела, чтобы привели других, которые поважнее в смысле виновности, но никого не привели, по крайней мере, мне не докладывали, что привели еще кого-нибудь, кроме первых 6 арестантов. В ожидании привода второй партии прапорщик Ведерников был вызван к телефону, и ему сказали,—кто—не знаю,—что больше арестантов не будет:—он мне об этом докладывал. О том, что пять подсудимых, которых судил военно-полевой суд под моим председательством, расстреляны были в ту ночь, я узнал через несколько дней спустя, но о расстреле 8 человек я не знал до настоящего времени. Приказания капитану Рубцову (я его совершенно не знаю) о доставлении в суд Кириенко и Девятова я не отдавал; такого приказания я не мог отдать потому, что совсем не знал, кого нужно судить. Никаких указаний о том, что мне предстоит судить Кириенко и Девятова ко мне не поступало. Вторым в ночь на 23 декабря было рассмотрено дело о 44 подсудимых, которое было приказано

закончить с возможной быстротой. По окончании второго дела оба приговора немедленно были отправлены в штаб гарнизона для утверждения. Протокол прочитан.

С подлинным верно:

Прикомандированный к комиссии *Васильев.*

Копия.

№ 13.

Протокол.

1919 года апреля 14 дня судебный следователь 3 участ. Красноярского окружного суда в Красноярске допрашивал нижепоименованную в качестве свидетельницы с соблюдением 443 ст. уст. угол. суд., и она показала:

Наталия Федоровна Фомина—27 лет, православная, служу в статистическом отделе Енисейского губернского союза кооперативов.

По делу показываю. Когда был арестован Нил Валерьянович Фомин, член всероссийского учредительного собрания, мой муж, я приехала в г. Омск, где он был заключен в областную тюрьму. Цель моей поездки была—облегчить как-нибудь его участь, хлопотать об освобождении на поруки, или под залог, или хоть делать передачи, ходить на свидание к нему. Мне удалось добиться только разрешения на передачи, собственно такое разрешение было дано даже раньше моего приезда. В общей форме было разрешено делать передачи всем членам учредительного собрания, содержавшимся в тот момент в тюрьме.

Только числа 19 декабря месяца, когда дело Н. В. Фомина было уже передано военным контролером прокурору военно-окружного суда, я получила от прокурора разрешение на свидание. В субботу 21-го декабря я опять была у прокурора военно-окружного суда, желая узнать о положении дела мужа моего Н. В. Фомина. Прокурор сказал, что дело Н. В. им просмотрено, и он не считает возможным передать это дело в суд, так как на основании представленных материалов военным контролером нельзя построить обвинения. Как юрист, он не находил, что вменить в вину Н. В. Фомину. «То, что есть в этих бумагах», сказал он (насколько я помню), «это все мнения—за мнения не судят». Он сообщил мне, что дело Н. В. Фомина он возвращает обратно в военный контроль с предложением передать его в брюхатовскую комиссию. [1]) Такое заключение прокурора военно-окружного суда по делу моего мужа давало мне новое основание хлопотать об освобождении его из тюрьмы, создавало во мне почти уверенность, что он будет освобожден на-днях, или, в худшем случае, выслан куда-нибудь. В воскресенье я собиралась итти на свидание, но случилось

[1]) Комиссия по ликвидации большевизма. *Прим. Ред.*

совсем другое. Часов в девять утра ко мне пришла С. И. Девятова (жена одного из членов учредительного собрания, арестованного вместе с моим мужем, с которой мне пришлось познакомиться в Омске во время хлопот об освобождении Н. В. Фомина, она же хлопотала о своем муже). Она сказала: «одевайтесь, идемте ко мне, в городе переворот, из тюрьмы всех освободили.—Ваш муж у меня; идемте—повидаетесь». В дальнейшем следует то, о чем я уже писала подробно в своем показании, данном мною в г. Омске и. д. военного прокурора. Для меня было совершенной неожиданностью то, что она сообщила, я растерянно задавала ей вопросы, вставшие в моей встревоженной голове—какой переворот, зачем, что же теперь будет? Ведь их бы и так освободили не сегодня—завтра. Она ничего не могла рассказать о происшедшем в городе, кроме голого факта—освобождены все из тюрьмы. Видимо, этим все и ограничились, так как на улицах всюду караулы, паспорта проверяют. Я отправилась с нею.

От Нила Валерьяновича Фомина я узнала немного: он тоже ничего не знал о событиях в городе, рассказывал, что ночью из тюрьмы их освободили, сказали: «свобода, идите, товарищи, на волю». Когда он стал собирать вещи свои, ему крикнули через дверь: «какие там вещи, потом придешь за вещами». Подробно, что произошло в тюрьме, он не мог рассказать, так как в это время он спал и проснулся, уже разбуженный вошедшим к нему в камеру надзирателем или солдатом. Потом они очутились за воротами тюрьмы, вытолкнутые из нее и предоставленные самим себе. Никто из них, из группы членов учредительного собрания, не знал хорошо Омска, не знали адресов своих родственников и знакомых. Всю ночь до утра пробродили они по городу. Набрели на Центро-Сибирь [1]), стучались туда и не смогли достучаться. Уже совсем утром в воскресенье, совсем замерзшие, собрались многие из освобожденных членов учредительного собрания в редакции газеты «Слово». Там случайно Девятов узнал адрес своей жены. Нил Валерьянович решил итти с ним вместе, рассчитывая так скорее найти меня, потому что он знал, что мы с г. Девятовой ежедневно возили передачи в тюрьму. Таким путем он и нашел меня. Обсуждая вопрос, что делать, мы решили узнать раньше, что делается в городе, что думают делать остальные освобожденные члены учредительного собрания. Логика событий наталкивала на мысль, что необходимо возвратиться в руки властей опять и ожидать законного освобождения незаконно арестованных. Я высказала это Н. В. Фомину и Девятову. Они согласились, что, конечно, это самый правильный способ в создавшихся условиях. Это отгородит, отмежует имя учредительного собрания от большевистской авантюры и кроме того лучше всего гарантирует личную безопасность им, брошенным в чужом городе, наполненном вооруженными людьми, совершенно беззащитных и безоружных. Но оба они говорили, что необходимо сговориться с остальными членами учредительного собра-

[1]) Центральный союз сибирских кооперативов.

ния, освобожденными в ту же ночь из тюрьмы, действовать согласованно. И еще говорили о том, что необходимо найти посредника при их сдаче в руки властей. Нил Валерьянович поручил мне как-нибудь попытаться узнать от других освобожденных, как отнесутся они к его предположению. С большим трудом мне удалось повидать троих из них, только к вечеру я возвратилась опять к Нилу Валерьяновичу, узнав уже в это время, что большинство уже возвратилось из освобожденных в тюрьму. В это время уже был распубликован приказ начальника гарнизона г. Омска о явке сегодня же всех освобожденных незаконно. В приказе содержались угрозы расстрелом хозяев квартир, где будут укрываться освобожденные из тюрьмы, и не желая подводить хозяев, Нил Валерьянович, Девятов, и Брудерер решили ускорить свою явку. Я не читала приказа сама, и никто из нас не знал, как это надо сделать. Поэтому по просьбе Нила Валерьяновича я съездила еще раз в город, там я узнала от В. Г. Шишканова и заведывающего отделом печати Манкевича, что явиться надо согласно приказа градоначальника—1) в тюрьму, 2) в милицию и 3) к коменданту города — в один из этих пунктов. Так разъяснили им из канцелярии начальника гарнизона, куда они при мне же звонили. С этим разъяснением я возвратилась к Нилу Валерьяновичу. И мы пошли к тюрьме. Нас провожал местный житель, хозяин квартиры, потому что никто из нас не знал, где находится тюрьма, и наша знакомая.

В тюрьме их приняли. Было уже совсем темно. 9 часов вечера, поэтому нас остановили шагах в десяти от тюрьмы, спросили, кто пришел, и после слов Н. В. о том, кто пришел, их пропустили по одному внутрь тюрьмы. Мы помедлили еще несколько у тюрьмы и пошли к себе. Шли, уверенные в том, что с ними ничего не случится. Мы были спокойны и на другой день до обеда, когда я в сопровождении моей знакомой отправилась к тюрьме, везя обед Нилу Валерьяновичу и Девятову по просьбе его жены. Около тюрьмы караульный солдат сказал, что передач не принимают в тюрьму, что вся администрация сменена, введены военные караулы внутрь тюрьмы. Затем я спросила у одного из стоявших у ворот офицеров, услыхав, как приходящая публика справляется то об одном, то о другом заключенном: «А член учредительного собрания Фомин в тюрьме?» Он сказал: «Нет, Фомина нет».—«Где же он?»—«Его увезли в три часа ночи в военно-полевой суд». Я подошла ближе, стала уверять этого офицера в том, что этого не может быть, что не могли его увезти в суд, раз он добровольно явился в тюрьму, я же сама его вчера сопровождала до тюрьмы. Офицер уверял, что это так. Охваченная безумной тревогой, что уже совершилось что-то ужасное, я наскоро спросила у офицера, где-же этот военно-полевой суд.—«В гарнизонном собрании».

Мы бросились в город. Были всюду. Оповестили всех, что Н. В. Фомина увезли в военно-полевой суд. Через министра юстиции нам удалось довести об этом до сведения верховного правителя. Он отдал распоряжение председателю военно-полевого суда о представлении ему

на ревизию дел членов учредительного собрания. Из суда сказали, что дела членов учредительного собрания еще не поступали в суд. Между тем в это время уже установлено было путем справок через министра юстиции, что из тюрьмы вместе с Н. В. Фоминым были увезены еще 8 человек, некоторые из них были сданы коменданту города председателем союза возрождения России В. В. Куликовым, он же и справился об их судьбе. Удалось установить только, что они увезены из тюрьмы ночью в военно-полевой суд; так говорили в тюрьме. Но из суда Куликову, желавшему быть свидетелем по их делу, свидетелем их явки добровольной, сказали, что дела этих лиц, так же, как Фомина, Девятова и Брудерера, не поступали в суд. В этот же день мы уже ничего не смогли установить твердо. На следующий день мы, родственники увезенных из тюрьмы и товарищи их (много среди заключенных было ранее служивших в кооперативных учреждениях, а затем избранных в учредительное собрание) продолжали свои тщетные поиски их, исчезнувших из тюрьмы. Все было тщетно. Однажды только В. В. Куликов сказал нам, что полковник Марковский говорит, что в военно-полевом суде было уже дело Маевского, он приговорен был к каторге. Куликов желал подать нам надежду, что и наши мужья сидят где-нибудь еще за военно-полевым судом. Мы были в сопровождении В. В. Куликова у управляющего делами совета министров Гинса. Он выслушал нас, впрочем уже достаточно осведомленный о нашем деле, так как Фомина Н. В. весь совет министров знал лично в период свержения власти большевиков, и сказал нам, что «мы сделаем все, что можем, совет министров встревожен и озабочен этим ужасным событием, но мы, гражданские власти, так растерялись, что выпустили все из рук и распоряжаются исключительно военные. Боюсь, что уже поздно что-нибудь сделать». Мы были у него рано утром до 9 часов утра, а к 12 часам этого же дня В. В. Куликов узнал о гибели нескольких членов учредительного собрания и общественных деятелей, увезенных ночью 22 декабря на 23 из Омской областной тюрьмы. По моей просьбе он достал разрешение из канцелярии верховного правителя на розыскание и погребение тела Нила Валерьяновича Фомина. В бумаге верховного правителя на имя начальника гарнизона высказывалась просьба оказать содействие мне, жене убитого члена учредительного собрания Н. В. Фомина, и В. В. Куликову, содействие по розысканию тела убитого Н. В. Фомина. Начальник гарнизона предписал городской милиции сделать это. Идя по всем инстанциям, мы дошли до участков милиции 5 и 3, где были трупы в те дни усмирения мятежа. По указаниям этих участков мы были в анатомическом театре, где лежала груда убитых людей. Там Нила Валерьяновича мы не нашли. Кроме того нам сказал сторож этого покоя, что здесь все убитые в воскресенье днем. Мы не смотрели всех до конца—это было ужасно. Я вообще не могла смотреть, это было выше сил моих. Смотрели Девятова и моя знакомая, сопровождавшая меня всюду в те ужасные дни. В третьем участке нам сказали, что есть еще неубранные трупы

на Иртыше у переправы. «Там люди в манжетах, я думаю, что это должны быть члены учредительного собрания,—советую—поезжайте туда». У милиционера он спросил, «не убрали ли их уже, не спустили ли под лед». Тот сказал, что нет. Мы поехали туда. Ездили там часа два, не могли найти убитых. Возвратились обратно в милицию, нам дали там одного милиционера, который очень быстро привез нас к ужасному месту. Это была ложбина, на дне ее лежала группа перепутанных окровавленных тел. Лошадь в страхе захрапела. Остановилась. Ужас, скорбь, крик захватили меня всю. Я не пошла к нему. Пошли Девятова, моя знакомая и милиционер. Скоро Соня, моя знакомая, подбежала ко мне, обхватила меня за плечи: «Наташа, Нил здесь!». Милиционер говорит: «да, это он, и метка на белье его—Н. Ф.» Дальше ряд формальностей, разрешение на погребение, увоз его тела к нам на квартиру. Девятова не нашла среди убитых своего мужа. Когда мы опять уже поздно приехали к этому месту в сопровождении В. В. Куликова и сослуживцев Н. В. по Закупсбыту А. А. Емелина, поднимая тело Нила Валерьяновича, наткнулись на паспортную книжку Брудерера. Это был тоже возвратившийся добровольно с Девятовым и Нилом Валерьяновичем в тюрьму в сопровождении нас; тогда было установлено, что из тюрьмы вместе с ними были увезены следующие лица: Маевский, Лиссау, Барсов, Морковецкий, Кириенко и Саров. Всего 9 человек. Я не знаю, кто были остальные убитые вместе с мужем моим: Девятова нашла своего мужа потом в братской могиле, в загородной роще, которую ей разрешили открыть. Не было над ними произведено следствия. Их там же зарыли на берегу в братской могиле. Только Нила Валерьяновича я успела взять оттуда и похоронить на кладбище. Да еще кажется Барсова разрешили его знакомым взять и похоронить. Тогда мне казалось, что убили их неизвестно кто, безответственная группа офицеров. Теперь у меня такое впечатление, что был над ними все же военно-полевой суд. Прежде всего об этом я знаю от одного бывшего на этом суде. Он называл мне фамилию моего мужа и Маевского в числе осужденных военно-полевым судом. Не мне, конечно, лично он это говорил, но моим друзьям, не верить которым я не могу, верю так же, как себе. Затем со слов впоследствии освобожденных из тюрьмы я знаю, что когда ночью приехали брать из тюрьмы Н. В. Фомина и др., то тюремная администрация не хотела выдавать заключенных, усумнившись в подлинности приказа, и справлялась по телефону в канцелярии начальника гарнизона или у коменданта города, откуда получилось подтверждение, и они были выданы. Самое место, где мы нашли Нила Валерьяновича и других убитых с ним, находится очень близко от гарнизонного собрания—минут 10 ходьбы—и очень далеко от тюрьмы. Кроме того, двое из взятых тогда ночью из тюрьмы—Девятов и Кириенко—были взяты из тюрьмы под расписку капитаном Рубцовым. Эта расписка была еще в тюрьме в то время, мне говорили об этом мои знакомые. Кроме того, из разговоров некоторых лиц, близко стоящих у власти в то время, для меня

вырисовывается та же картина суда, а не просто убийство какими-то безответственными лицами—офицерами. В то короткое время, что мы виделись с Нилом Валерьяновичем в воскресенье, он сообщил мне о том, что ему говорили в тюрьме,—кто говорил, он точно не указывал, что делались неоднократно попытки увоза их, сидящих в одиночных камерах, на допрос с целью расправы с ними. Это его сообщение создало вместе с другими обстоятельствами во мне сначала уверенность, что над ними был совершен самосуд. Но то, что я узнала впоследствии, противоречит моим первым предположениям. Потеряв такого близкого человека, при таких ужасных условиях, я тщетно пыталась представить себе,—как же он погиб, как же это было. Эти вопросы непрестанно гвоздили мозг. Я представляла себе его гибель, рисовала детали, стараясь понять, как же это было, как он погиб. Но у меня нет ни в чем твердой уверенности. Потому что очевидцем всего происшедшего я все-таки не была. И по-прежнему последние минуты его жизни, его гибель для меня все же остаются неизвестными.

Вот все, что я могу показать по делу об убийстве Нила Валерьяновича Фомина.

Наталия Фомина.

К показанию добавляю: нашли мы тело Нила Валерьяновича Фомина во вторник вечером, 24-го декабря; тогда с разрешения уездной милиции и начальника департамента милиции увезли его к себе на квартиру, к одному из членов правления Закупсбыт, где тело Нила Валерьяновича оставалось до погребения. До полудня следующего дня—среды, мы не отогревали его, не мыли, потому что в участке милиции, да и директор департамента милиции сказал нам, что до осмотра тела следователем и врачем мы не должны трогать его. Из участка милиции должны были прислать милиционера для охранения тела Нила Валерьяновича до следователя. Но милиционера не прислали. На другой день, часов в двенадцать, пришел В. В. Куликов и сообщил, что можно приступить к отогреванию и обмыванию тела Н. В. Фомина, так как ему сказали в департаменте милиции, что осмотра не будет никакого. Тело Нила Валерьяновича было внесено в кухню и там в продолжение суток его отогревали. В четверг только удалось найти врача, который осмотрел тело Николая Валерьяновича и составил акт осмотра. Из этого акта видно, что Нил Валерьянович был зверски зарублен. На теле его более 15 ран. Сабельными ударами переломлены руки, каждая в двух местах, рассечена голова, есть штыковые и винтовочные раны. Я сама была в таком состоянии, что не могла видеть сама его ран. Потом уже вымытого и одетого я его видела. Видела две раны на голове, сабельную поперек головы с задней стороны и револьверную в левую височную кость за ухом. Потом уже я видела его вещи, снятые с него. Все пропитано кровью. Шапку и синюю его рубашку, надетую на нем, с ясными следами штыковых ударов. Нашли мы его ограбленным в довершение всего. Без шубы, ботинок и брюк. Так же

и большинство убитых там были ограблены, т.-е. почти со всех были сняты шубы, ботинки, брюки. Это знаю я со слов Девятовой и милиционеров, осматривавших их, а также со слов моей знакомой, помогавшей мне разыскивать Нила Валерьяновича. Вещи Нила Валерьяновича, снятые с него, отчасти хранятся у меня. Белье еще в таком состоянии, как было снято с него, и верхняя одежда—синяя рубаха сатиновая и пиджак. Все вещи эти при снимании их с Нила Валерьяновича в некоторых местах были разрезаны. Погребен Нил Валерьянович на братском кладбище в г. Омске.

Показания писала собственноручно *Наталия Фомина.*

Судебный следователь *П. Кругликовский.*

С подлинным верно:
Прикомандированный к комиссии *Васильев.*

Копия.

№ 14.

Протокол.

16 апреля 1919 г., в г. Семипалатинске, член чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной постановлением совета министров от 14 января 1919 г., генерал-майор Погосский спрашивал нижепоименованных в качестве свидетелей, с соблюдением 490 ст. XXIV кн. с. в. п. 1869 г., которые показали:

1) Я, Владимир Владимирович Бржезовский, генерал-майор, командир 2-го отдельного степного корпуса, 49 лет, православный, не судился, обвиняемому поручику Барташевскому и потерпевшим по делу—чужой. По делу показываю:

Военно-полевой суд был учрежден 22 декабря 1918 г. в гарнизонном собрании по приказанию из ставки. Мною были назначены председатель генерал-майор Иванов и члены полковник Попов и солдат Галкин. Генералу-майору Иванову я лично сказал, что он будет судить тех лиц, которые ему будут присланы, и что о лицах, преданных военно-полевому суду, будут отданы приказы. Общий порядок препровождения арестованных для суда над ними был таков: арестованные распоряжением коменданта города направлялись начальнику штаба гарнизона, который передавал их для суждения в военно-полевой суд. Я полагаю, что и в настоящем случае соблюдался такой же порядок, но это мною проверено не было, так как, в виду крайне тревожного времени, я находился при войсках, как начальник дивизии и начальник гарнизона, предоставив все остальное полковнику Сабельникову. Лично мною ни одного распоряжения о суждении в военно-полевом суде какого-либо определенного лица отдано не было и никаких указаний от высшего начальства по этому поводу я не получал. Кто доставил в суд 6 человек и по чьему распоряжению—мне неизвестно.

Капитану Рубцову на совещании в квартире генерала Матковского я передавал приказание о том, что он должен отправиться в тюрьму, и когда к ней будут приведены 44 арестованных полевым контролем при ставке, то этих арестованных расстрелять. О том, что он должен взять для той же цели кого-либо из тюрьмы, я капитану Рубцову не говорил. Говорил ли по этому поводу капитану Рубцову что-либо полковник Сабельников, я не слышал. Больше никаких распоряжений я капитану Рубцову не отдавал. Оба приговора военно-полевого суда (о 44 арестованных и 6, из которых 3 были присуждены к смертной казни) мною были утверждены утром 23 декабря. Особых распоряжений об исполнении этих приговоров я не делал, но передал их для исполнения полковнику Сабельникову. Хотя полковнику Кузнецову я говорил об арестантах в количестве 47 человек, но я тогда имел в виду группу, которая была приведена в тюрьму из ставки. Особых приказаний об организации военно-полевого суда полковнику Сабельникову не отдавал, так как полковник Сабельников, сам бывший в Екатеринбурге начальником гарнизона, с этими вопросами был отлично знаком. Об исполнении приговора о 44 арестованных мне было доложено своевременно, т.-е., вероятно, утром 23 декабря. Об исполнении приговора по второму делу, т.-е. о 6-ти арестованных— не могу припомнить, когда и кем было мне доложено, так как приговоры присылались еще со ст. Куломзино от полковника Шулькевича и вообще дел военно-полевого суда тогда было очень много. О командировании в распоряжение председателя военно-полевого суда генерал-майора Иванова конвоя из отряда Красильникова я приказания не отдавал и не знаю, кем этот конвой был назначен. Отдавал ли такое распоряжение полковник Сабельников—мне неизвестно. О расстреле поручиком Барташевским в ночь на 23 декабря 13 человек я впервые узнал, когда давал показание у полковника Кузнецова. О том, что в ту же ночь были расстреляны арестанты Кириенко и Девятов, я до настоящего времени не знал; ничего не знаю об обстоятельствах, при которых они были расстреляны. Распоряжения о командировании в ночь на 23 декабря прапорщика Черченко и поручика Фриде я не делал и не знаю, по чьему распоряжению они были командированы; полагаю, что, как комендантские адъютанты, они были командированы по приказанию коменданта.

Протокол прочитан.

№ 15.

Протокол

допроса обвиняемого.

1919 года, мая 24 дня, в г. Омске, чрезвычайная следственная комиссия, учрежденная постановлением совета министров от 14 января 1919 года в составе нижеподписавшихся лиц, допрашивала нижепо-

именованного в качестве обвиняемого, с соблюдением 403 ст. уст. уг. суд., и он на предложенные вопросы отвечал:

Зовут меня Николай Антонович Черченко, от роду мне 26 лет, по званию я поручик.

Постановление о привлечении меня к следствию в качестве обвиняемого мне объявлено, в чем я обвиняюсь,—я понял. Виновным себя не признаю, в оправдание свое объясняю. Показания, данные мною следственной комиссии 24 и 28 февраля сего года, я подтверждаю, но вношу в них следующие дополнения и изменения. В ночь на 23 декабря, когда военно-полевой суд уже открыл заседание в гарнизонном собрании, я был вызван комендантом полковником Бобовым в комендантское управление; здесь Бобов вручил мне записку на клочке бумаги с фамилиями 5 лиц, содержащихся в тюрьме, и приказал мне с этою запискою отправиться в тюрьму, куда должен прибыть конвой из отряда Красильникова, с этим конвоем под начальством поручика Барташевского я должен буду доставить арестованных в гарнизонное собрание. Из лиц, указанных в записке, данной мне Бобовым, я помню фамилии Маевского и Бачурина. Это приказание было мною исполнено. В тюрьму я прибыл первый, а примерно через полчаса туда явился Барташевский с конвоем. При доставлении арестантов из тюрьмы в суд один из них был убит при попытке к побегу. Фамилию я его не помню, знаю, что это был красноармеец. Приведенных арестантов вводили в заседание суда по одному, я при этом присутствовал в зале заседания, где, отвечая на вопросы председателя суда, объяснил, кто из приводимых арестантов и в чем именно прикосновенен к большевизму. Сведения эти мне были известны по документальным данным, имевшимся в комендантском управлении, в переписках, при которых арестованные большевики доставлялись в комендантское управление для доставления затем в тюрьму. Припоминаю, что в числе судившихся в этой приведенной Барташевским группе были Фотеев, Жаров и Винтер. До постановления приговора военно-полевого суда я был вызван по телефону в комендантское управление; здесь на вопрос коменданта, как идет дело в суде, я доложил, что скоро будет вынесен приговор, после чего комендант сказал мне, что всех пятерых, которые были приведены по записке, данной им мне, следует расстрелять. Это Бобов сказал в присутствии штаб-офицера комендантского управления поручика Гульбиновича. Вернувшись после этого в гарнизонное собрание, я узнал от делопроизводителя суда Ведерникова, что приговор постановлен; вместе с тем я узнал от Ведерникова, что трое судившихся приговорены к смертной казни, а двое к каторге, шестой же, Винтер, как объяснил мне председатель суда, подлежит отправлению на гауптвахту. Я сообщил по телефону самому коменданту Бобову, что двое приговорены к каторге, на что получил ответ: «расстреляйте всех». Приговора военно-полевого суда я сам не видел, и распоряжение коменданта счел для себя обязательным. Шестой арестант, судившийся вместе с приведенными мною пятью, был доставлен в гарнизонное со-

брание не мною, и я о нем ничего не знал. Сведя судившихся арестантов в нижний этаж, где находилась другая приведенная к тому времени в мое отсутствие Барташевским группа арестантов, я сказал Барташевскому, что все судившиеся подлежат по приказанию коменданта расстрелу; при этом я спросил Барташевского, что за люди им приведенные. Он ответил, что это «уфимская учредилка», и на мои слова, что их нужно вести наверх, ответил: «и без суда расстреляем», на что я не возразил, подумав, что он, как начальник конвоя, получил от коменданта города соответственные распоряжения. После этого все арестованные были выведены за Иртыш и расстреляны командою Барташевского; арестованных я сопровождал до самого места расстрела. Когда после залпа все арестанты упали, то я вместе в чинами отряда Барташевского произвел в расстрелянных несколько выстрелов из нагана. Я не видел, чтобы кто-нибудь из команды Барташевского действовал холодным оружием, у меня шашки не было. Я доложил коменданту о расстреле судившихся арестантов и тех восьми, которых Барташевский привел вторично, в ответ на что получил благодарность. Это было в кабинете коменданта, куда затем вошли полковник Сабельников и подполковник Соколов; первому из них Бобов передал сущность моего доклада. При расстреле присутствовал адъютант отряда Красильникова, фамилии его не знаю, который вечером 22 декабря в комендантском управлении разговаривал с комендантом в его кабинете; Барташевскому никакой записки с фамилиями арестантов, подлежавших доставлению в суд вторично, т.-е. уже после доставления первой группы я не давал и из гарнизонного собрания с ним по телефону в тюрьме не разговаривал. Указанных мною в записке на имя комиссии № 5721 свидетелей Плотникову, Тарасова, Гадриана и брата моего я прошу допросить в удостоверение того, что полковник Бобов говорил им, какие я от него получил приказания и как их исполнил. Когда арестованных вели из гарнизонного собрания к Иртышу, никаких попыток к побегу с их стороны не было. Более добавить ничего не имею. Протокол прочитан.

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Прикомандированный к комиссии *Васильев.*

(*Окончание следует*).

Из записной книжки архивиста.

Неизданный „Манифест" Исполнительного Комитета „Народной Воли"

18(6) мая 1881 г. чинами жандармского управления была ликвидирована в Петербурге вторая подпольная типография Исполнительного Комитета «Народной Воли», находившаяся на Подольской улице, в д. № 42. Еще за несколько дней до того, 2 мая 1881 г., на улице, опознанная предателем Меркуловым, была арестована работавшая и проживавшая в типографии под именем Трифоновой Людмила Дементьева Терентьева. Арест ее, очевидно, подал повод к тому, что проживавшие там же, под именем супругов Пришибиных, Грачевский и Ивановская вовремя скрылись. В момент обнаружения типографии никого из проживавших и работавших в ней не оказалось в помещении.

В этой типографии, как известно, печатались в 1881 г. все издания народовольцев, в том числе и знаменитое письмо Исполнительного Комитета к Александру III и воззвания и прокламации по поводу убийства Александра II, изданные в 1920 г. отдельным сборником под ред. Н. С. Тютчева [1]). При обыске помещения типографии 18(6) мая 1881 г. среди прочих материалов политические агенты нашли и черновой набросок ниже воспроизводимого «Манифеста от Исполнительного Комитета тайного общества «Народной Воли» к голодающему, обезземеленному, подавленному податями и налогами крестьянскому люду». Документ этот представляет большой интерес для истории «Народной Воли». Он до сих пор оставался нам неизвестным, не был даже издан в свое время в виде прокламации, и вообще в точности неизвестно, предназначался ли найденный черновой набросок «Манифеста» к печати или же он был забракован редакторами. Черновик не имеет даты, отсутствует на нем и подпись Исполнительного Комитета и не вставлены — быть может, не успели того сделать — цифры казненных, сосланных и т. д.

Мы воспроизводим «Манифест» не по оригиналу, найденному в типографии, а по копии, снятой с него в департаменте полиции и представленной 7 мая 1881 г. Александру III при особом докладе за подписью министра внутренних дел графа Игнатьева (хранится в Ленинградском историко-революционном архиве).

«Манифест» должен быть отнесен к серии тех прокламаций и воззваний, которые Исполнительный Комитет выпустил в 1881 г., по поводу убийства Александра II. На-ряду с тем он ярко отражает народовольческое течение того периода русского революционного движения.

По содержанию, по конструкции по изложенным в нем конкретным требованиям и предложениям «манифест» тесно примыкает к выпущенному Исполнительным Комитетом 2 марта 1881 г. объявлению к «честным мирянам, православным крестьянам и всему народу русскому» и, отчасти, к издан-

---

[1]) «1 марта 1881 г. Прокламация и воззвания, изданные после цареубийства». П. 1920 г. Поправки и дополнения к этому сборнику см. в рецензиях С. Н. Валка и Р. Кантора («Дела и дни», кн. I, стр. 492. и «Книга и Революция», 1921 г. № 8—9, стр. 56—57) и, кроме того, в № 5 журн. «Каторга и Ссылка» 1923, стр. 53—56.

ной тогда же прокламации «от рабочих членов партии Народной Воли» [1]).

Одну деталь необходимо особо выделить и подчеркнуть. Это — требование Земского Собора, точно формулированное в печатаемом «Манифесте». В других изданных тогда Исполнительным Комитетом однородных документах мы не находим названия «Земский Собор». «Пусть у него (Александра III) советниками *в сенате* будут народные выборные», — читаем мы в прокламации «от рабочих членов партии Н. В.». Слово «сенат» встречаем мы и в прокламации к «честным мирянам». В знаменитом письме Исполнительного Комитета к Александру III это требование формулировано, как требование созыва «Народного Собрания» [2]). Только здесь, в неизданном «Манифесте», народное представительство названо «Земским Собором». Эта деталь заслуживает внимания и придает документу особое значение.

МАНИФЕСТ

От Исполнительного Комитета тайного общества «Народной Воли» к голодающему, обезземеленному, подавленному податями и налогами крестьянскому люду.

За 26 лет своего царствования Александр II совершил следующие преступления против русского народа:

1) Вынужденный в 1861 г. освободить крестьян от крепостной зависимости, он не внял слезным их просьбам: штыками, пулями, розгами, военными постоями, каторгой, тюрьмой и ссылкой в Сибирь он заставил крестьян сесть на такие малые наделы землей, да и то нет той хуже, кои не могут прокормить крестьянскую семью; всю почти землю, и притом самую лучшую, с лесами, лугами и всеми угодьями он оставил за помещиками.

2) Обременил крестьян податями и налогами, каждый год их увеличивая, и тем отдал крестьян в новую кабалу тем же помещикам и народившимся кулакам, высасывающим из мужика последнюю кровь, недопитую помещиками и его царскими чиновниками; довел крестьян до полной нищеты и до голодной смерти.

3) Вконец разорял народ войнами с иноземными державами, начиная их без всякой к тому необходимости, подставляя под неприятельские ядра и пули, как скот на убой, сотни тысяч лучших, крепких рабочих рук из крестьянских семейств.

4) Всех честных, доброжелательных крестьянам людей, не боявшихся открыто говорить и писать правдивое слово в защиту крестьянских нужд и крепко стоявших за них, десятками тысяч морил и гноил в тюрьмах, каторге и ссылках.

5) С 1878 г. до самой смерти бесчеловечный тиран Александр II тех же честных и бесстрашных защитников крестьян по-просту, как собак, вешал.

За последние 2 года по его приказанию повешено...

За последние 7 лет он сослал в каторжные тюрьмы и рудники...

За те же 7 лет гноил в тюрьмах...

Сослал в разные места Сибири и северные губернии...

Люди честные со всей русской земли, и душой и телом преданные рабочему народу, всегда готовые итти за него на смерть, соединившись в тайное общество под названием «Народная Воля», решились бороться с самодержавным тираном, отстаивать интересы крестьян и словом и делом, не щадя ни себя, ни врагов народных — усердных царских слуг (от станового пристава до губернатора). Во главе тайного общества «Народная Воля» стоит Исполнительный Комитет, составленный из лучших людей этого общества.

Много раз Исполнительный Комитет предупреждал бездушного тирана Александра II, чтобы он переменил свое поведение, чтобы отозвался на стоны и слезы народные, но он нагло отвечал на все предостережения новыми и новыми виселицами. Поэтому за все совершенные им преступления он приговорен был к смертной казни, о чем ему было объявлено, и после нескольких неудач, стоивших жизни многим, приговор над

---

[1]) Ср. названный сборник под ред. Н. С. Тютчева, стр. 8—9.

[2]) Ср. там же, стр. 8, 9 и 14—15.

тираном приведен в исполнение 2-мя агентами Исполнительного Комитета 1 марта 1881 года.

На русский престол вступил новый царь Александр III. Исполнительный Комитет предлагает всему крестьянству, обсудив на мирских сходках, посылать прошения и заявления новому царю чрез губернаторов, чтобы он не мог после отговориться, что не знал, чего хотят крестьяне, выставляя в них следующие требования:

1) Передел всей земли поровну между всеми, кто ее обрабатывает своим, а не наемным трудом.

2) Отмена податей.

3) Созыв выборных представителей от крестьян и всех других сословий со всей русской земли, которые бы составили Всероссийский Земский Собор.

4) Всероссийский Земский Собор издает законы, царь только их утверждает.

5) Постоянная армия должна быть уничтожена и заменена народным ополчением; офицеры и командиры избираются самими ополченцами и могут быть ими сменяемы.

6) Царь не должен начинать войн с иноземными державами без согласия на то Всероссийского Земского Собора.

7) Всероссийский Земский Собор назначает годовой расход правительству на государственные нужды и поверяет правильное употребление назначенных сумм.

8) Никакие царские чиновники не должны вмешиваться в мирские крестьянские дела.

9) Должности урядников должны быть уничтожены. Становых приставов выбирают сами крестьяне из своей среды и крестьяне же их сменяют.

Только тогда можно будет сказать, что царь не думает жить только в свое удовольствие, не мыслит заодно со своими чиновниками, помещиками и кулаками никакого зла, не замышляет медовыми речами усыпить крестьян и весь рабочий люд, чтобы ловчее скрутить и обирать их, — когда он выполнит все вышесказанные требования. До тех же пор не верьте сладким речам его чиновников и посылайте своих ходоков с прошениями. Исполнительный Комитет «Народной Воли» будет неусыпно, зорко следить за ходом ваших прошений и будет склонять всех, у кого в сердцах еще не совсем потухла искра совести, на вашу сторону и уведомит вас своевременно о ходе дел.

Сообщ. *Р. М. Кантор.*

Из неизданных писем Л. Толстого Ославиным, Рачинскому и др.

Письмо к В. А. Ославину.

Публикуемое ниже письмо адресовано Владимиру Александровичу Ославину (1818—1895), одному из сыновей Александра Михайловича Исленьева (1793—1882). Последний сочетался браком с С. П. Козловской, урожд. Завадовской, дочерью екатерининского фаворита, при живом ее муже. Дети в отличие получили фамилию Ославиных. Младшая из дочерей от этого брака Любовь Александровна стала матерью Софьи Андреевны Толстой, урожденной Берс (подр. в «Автобиографии С. А. Толстой», напечатанной в журн. «Начала», № 1, 1921 г., стр. 140).

Женой В. А. Ославина была Юлия Михайловна, урожденная Кириакова. В. А.—писатель, автор книги: «Самоеды в домашнем и общественном быту» (СПБ., 1847 г.), о которой много писали в журналах и газетах в свое время,—в год письма состоял чиновником при Валуеве, вел дела по крестьянским вопросам. Дружба Толстых и Ославиных была долголетняя. Вот текст случайно попавшего в подлиннике в музей Бурылина в г. Иваново-Вознесенске и хранящегося в «Толстовской» комнате музея письма Л. Толстого:

«Очень тебе благодарен за доброе словечко, любезный друг. Так вижу как ты, полулюбя, полушутя вспомнил обо мне и в сердце у меня отозвалось тоже. Надеюсь и желаю, что дети твои поправились, т. е. Юлия Михайловна и Миша и вернулись домой. У нас тоже

заболели было все, [но] у Сережи [1]) было воспаление плевры. Теперь поправились все, но воспаление боимся не оставило бы [все] следы. Как жаль, что мне не пришлось быть в Москве когда ты был. Но жальче всего что ты не попал к нам. Как бы хорошо если бы ты попал к нам с детьми хоть с кем нибудь. А нынешний год уже я бы потешил тебя охотой. Я в поездку, выезжая в 11-ть и возвращаясь в 5, привожу по 8 русаков. И собаки и лошади славные. Поцелуй за меня руку милой жены и дедушку [2]). Что это он нас так расхвалил. Это что-то субъективное. Он был в духе, а мы как ни оглядываемся, ничего хорошего вокруг себя не видим. Хотя Бисмарк и хорош, но едва ли я теперь попаду когда в Петб. Тяжел я стал не на подъем—я в Ташкент поднимусь—но условность этой жизни столичной с годами все тяжеле и тяжеле.

У меня дела твои о переселении и не думай, чтобы я забыл возвратить их. Они мне нужны. Можно еще держать.— Прощай милый друг. Поцелуй детей.

Твой *Л. Толстой.*

Тула. (Осень 1878).

На первой странице карандашом чьей-то рукой помечено: «Тула. 1878 г.» Таким образом письмо писано осенью 1878 г., когда осенью в Ясную Поляну приезжал сказатель народных песен Щеголенок.

Письма к К. А. Иславину.

Константин Александрович (1828—1903)—младший брат Влад. Алекс. Иславина, работал в редакции «Моск. Ведомостей», поступить куда и завязать знакомство с редактором М. Н. Катковым помогал Л. Н. Толстой. На письме даты нет,—поэтому письмо Л. Н., где речь идет о деловом свиданьи К. А. с Катковым, предположительно относим к 1876 г., т. к. с этого года Катков стал единоличным редактором «Ведомостей». По словам биографа, К. А. «любил мечтать, соединяя сочувствие к прошлому с стремлением к просветительному движению, сохраняя свою особую независимость. В нем сквозил художник и виделся во всем.... Он преклонялся перед великим талантом Л. Н. Толстого, не разделяя многих его взглядов». (См. биогр. очерк «К. А. Иславин † 23 марта 1903 г.» М. 1905 г. стр. 15). Письма Л. Н. Толстого—свидетели их дружеских отношений. Приписки Софьи Андр. к письмам Л. Н. говорят о том же. Подлинники хранятся в 1 Отделении Ист.-Культ. Секции Центрархива, в собрании бумаг К. А. Иславина.

I.

Любезный друг Костенька! [1])

Получил твои оба письма. Ради бога мужайся. По всему я вижу, что место в редакции Vous va comme un gant. Я понимаю и твою тоску и твою нужду. Первую преодолевай, а вторую я постараюсь поправить и на обороте посылаю записку к Соловьеву на 50 рублей. Зайди к нему и получи. Мало ты мне описал свиданье с Катковым и Воскоб[ойниковым]. Главное не робей. Ты мне будешь нужен, я это чувствую.

Твой *Л. Толстой.*

Приписка С. А. Толстой:

6-го апреля. Я предвидела, милый дядя Костя, что ты будешь чувствовать тоску в Москве, но это пройдет, только бы повернее устроиться. Напрасно ты чуждаешься племянниц, оне очень милые и добродушные, а тебе бы не так одиноко было в Москве. На Фоминой еду в Москву сама и рада буду тебя увидать и надеюсь, что ты тогда немного поднимешься духом и тверже сживешься с своим новым положением. Очень понимаю, что, проживши больше сорока лет на свете, очень трудно ворочить то железнодорожные, то литературные камни; но за то ты сам, по

[1]) Сергей Льв. Толстой.

[2]) Это—А. М. Исленьев. Л. Н-вич, знавший хорошо Исленьева, вывел его в лице отца в «Детстве и Отрочестве»—П. Сергеенко «Из жизни Л. Н. Толстого», «Сев. Вестник.» 1898, № 8 и 9, стр. 51,—или в его книге: «Как живет и работает Л. Н. Толстой». М. 1898, стр. 40.

[1]) По словам биографа, К. А. Иславин «до конца дней своих для друзей оставался Костенькой». Так называет его и Л. Толстой,

своей натуре, способен на многостороннюю деятельность и если тебе побольше энергии и счастья, ты не был бы в твоем настоящем положеньи. Я вышиваю платье Маши, выходит очень хорошо, хотя пришлось сократить перед, и все о тебе думаю и желала бы тебе внушить бодрость, но не умею. Дети катают яйца и по этому случаю тоже все о тебе говорят и жалеют, что тебя нет. Вчера Левочка убил вальдшнепа, роман его, кажется, стал [1]). Я нездорова что-то, но мужаюсь. Прощай, милый дядя, будь бодр и здоров. Твой друг *Соня Толстая*.

II.

С радостью, что могу тебе сделать приятное, посылаю тебе деньги, милый друг. Я зайду вечером, если дома будет благополучно. Посылаю с Сергеем, что вздумал. Пожалуйста, будь прихотлив и требователен. Чем будешь требовательнее, тем мне будет приятнее. Я нет, нет и вспомню о тебе и мне станет совестно. Спроси, как скоро можно тебя перевести. До свиданья.

Л. Т.

Л. Н. Толстой не раз делал попытки помочь К. А. устроиться и с этой целью обращался письменно к А. С. Уварову:

Многоуважаемый граф Алексей Сергеевич.

Я был на днях в Москве, но к сожалению не застал вас. В Поречье же ехать, чего мне давно хочется, я не имел времени. Надеюсь сделать это другой раз, если не буду у вас лишний. Видеть же мне особенно хотелось вас по делу. Почему то мне кажется, что вы не откажете мне; и потому же самому мне легко будет принять ваш отказ, если нельзя исполнить моей просьбы. Если же вы исполните мою просьбу, вы будете иметь на меня вечный неоплатный вексель; и я ваш слуга во всем, чем могу быть вам полезен. Вот в чем просьба: у вас в музее будут служащие. Мой друг с детства и дядя моей жены, Конст. Александр. Ислявин желал бы получить место у вас, главное, я бы желал чтобы он получил место у вас; потому что такое место по нем и он будет на нем очень полезен. Главные характеристические черты его следующие: хорошее образование энциклопедическое, доброта, мягкость и большой такт в обращении и главное—выдающееся художественное чутье и вкус. Вы его, я думаю, встречали. Он был последние пять лет секретарем редакции Моск. Вед.

Требования его самые ограниченные—то что бы дало возможность существовать независимо холостяку. Работать он может и хочет. Адрес его теперь—Денежный пер. дом Волконской. Если это возможно сделайте это пожалуйста, милый граф. Прошу передать мой душевный привет графине и всем вашим.

(1881—2 г.г.) Ваш *Л. Толстой*.

В архиве К. А. Ислявина сохранилось еще два письма Л. Н., небезынтересных для историка. Первое письмо адресовано Е. Ф. Коршу.

Рекомендую вам, многоуважаемый Евгений Федорович, доброго и старого приятеля моего Константина Александровича Ислявина, который желает познакомиться с вами и быть частым посетителем библиотеки. Надеюсь, что несмотря на то, что я так давно не имел удовольствия видеться с вами, вы не изменили своего доброго расположения ко мне и верите в искреннее уважение вашего *Л. Толстого*.

27 апреля 1876 года.

Другое письмо (даты нет) направлено было А. Н. Бибикову.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Я советовал Константину Александровичу обратиться к вам за советом по делу о выхлопотании вида. Я знаю что вы знаете, как действовать по присутственным местам, а главное знаю, что вы так добры—не откажете Конст. Алек. и мне в этом одолжении.

Ваш *Л. Толстой*.

[1]) Роман «Анна Каренина».

Письмо С. А. Рачинскому.

Между Л. Н. Толстым и С. А. Рачинским есть общее: и тот и другой отдали дань увлечения делу учительства местных крестьян. Об увлечении Толстого школой многим известно; тем более, что сам Толстой составил очерк деятельности своей в Яснополянской школе (ср. подр. у Бирюкова, Кросби). Менее известна школьная деятельность Рачинского, протекавшая с 1872 г. до его смерти (1902 г.) в родном ему с. Татеве, откуда вышел известный художник, ученик Рачинского, Н. П. Богданов-Бельский. «Начало деятельности Рачинского, говорит биограф его, Н. М. Горбов, было сопряжено с некоторым газетным скандалом. В печать проникло, именно, известие, что его, бывшего профессора университета, заставили держать экзамен на сельского учителя. В рассказе этом есть значительное преувеличение. Дело в том, что существует закон, по коему всякое лицо, не имеющее специального педагогического образования, но кончившее курс не ниже среднего, желая быть сельским учителем, должно дать перед соответствующей комиссией пробный урок в доказательство своей подготовленности... Сергей А. уже учил в своей школе (с 1875 г.), как к нему приехало одно начальствующее лицо и в разговоре упомянуло о названном законе. Неизвестно, было ли это намек, но только он принял его за таковой и отправился немедленно в Бельскую прогимназию, где и исполнил требуемую формальность» [1]). В архиве Рачинского сохранилось удостоверение, выданное в том, что С. А. «давал пробный урок в Бельской прогимназии, и, сдав оный, был признан педаг. советом достойным» звания учителя нач. народного училища». Свидетельство датировано 24 мая 1878 г.

С Толстым Рачинский был знаком с 70 г., когда Толстой был частым посетителем его литературного салона в переулке на Остоженке до выхода Рачинского из университета в 1869—70 году.—Надо думать, что сближала Толстого и Рачинского не школа, а литературные интересы. Рачинский сам был писателем и художнической натурой, известны его экспромты, писанные в молодости; в архиве есть ненапечатанные его произведения. В взглядах на школу и образование они расходились: Рачинский был сторонником образования в строго церковном духе [1]) и в последние годы жизни был близок к Победоносцеву, вдохновляя его на организацию церковных школ в России; Толстой был радикален в вопросах просвещения

Любезный Сергей Александрович!

Я очень благодарен А. А. Карениной [2]) за то что она от'искала вас и присоветывала [3]) написать мне. Сначала получив ваше письмо, я не разобрал подписи и стал ужасно рад и горд, вообразив, что это письмо от незнакомого и что как много однако есть умных и тонко и верно чувствующих людей. (Все это мне подсказало тщеславие) но потом, когда жена разобрала ваше имя, я с одной стороны огорчился, убедившись, что умных и тонких людей не так много и что вы всегда меня слишком хвалили, а с другой стороны обрадовался тому, что узнал, где вы и что вы все такой же, каким я вас знал. Пожалуйста напиш[ите] что вы? что делаете? Есть ли возможность когда нибудь увидать вас? Верьте что эти вопросы не от праздного любопытства.

Ваш *Л. Толстой.*

21 февраля (1875 г.)

Письмо Толстого находится в переплетенном томе писем ряда лиц С. А. Рачинскому и поставлено между письмом Ф. Дмитриева от 6 февраля 1875 г. и письмом Петра Павл. Гинтовта [Мировой судья г. Елисаветполя, за Кавказом] от 3 марта 1875 г.,— надо думать, что это письмо относится к 1875 г. — Подлинник хранится в архиве С. А. Рачинского, ныне

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1902 г. дек. стр. 74.

[1]) Подр. см. Н. М. Горбов «С. А. Рачинский». Ж. М. Н. Пр. 1902 г. дек., стр. 79.

[2]) Л. Н. Толстой, разумеется, говорит о героине своего романа с тем же названием.

[3]) Такая форма глагола и в подлиннике.

в 1 Отделении Историко-Культурной секции. Здесь же и автографы других трех писем Л. Н. Толстого, опубликованных М. О. Гершезоном в т. II «Пропилеи», 216 стр. и сл.

Сообщил *Н. Б.*

Крепостной конституционалист в 1837 году.

Печатаемый ниже отрывок из всеподданнейшего отчета шефа жандармов за 1837 год сообщает о любопытнейшем эпизоде из истории борьбы русского крепостного крестьянства с помещичье-дворянской эксплоатацией,— борьбы, которая, как это доказывается все растущими публикациями архивного материала, носила перманентный и гораздо более интенсивный характер, чем до сих пор изображалось.

Отрывок показывает, что почти сто лет тому назад в среде эксплоатируемых групп населения — крепостных крестьян, фабричного люда и солдат, на-ряду с открытым сопротивлением произволу в форме бунтов, восстаний, отдельных убийств и т. п., возникала в головах отдельных представителей «простых людей» идея народного представительства, или, как говорит шеф жандармов, «некоего посредничества между правительством и народом, через избранных из среды народа представителей, для улучшений быта «простых людей». Дополнительные архивные поиски, вероятно, позволят установить личность и политическую программу анонимного крепостного конституционалиста 30-х годов: и то и другое представляет исключительный исторический интерес. Жандармскую же попытку опорочить этого борца за «улучшение быта простых людей» указанием на его «неспособность к работе» и «юродство» всерьез принимать не приходится: юродивые не всегда помешанные, маску юродства часто надевали люди большого ума и протестующего духа, стоявшие головой выше окружающей их среды.

Воспроизводя ныне этот эпизод, мы не преувеличиваем его исторического значения, ибо в свое время он был довольно высоко расценен «амим III отделением в его политическом значении. Шеф жандармов тонко уловил, что этот «частный случай» имел симптоматическое значение: «притязания и несправедливости начальств и помещиков» стали порождать в низших слоях общества мысли более опасного свойства, чем призыв к расправе с отдельным тираном-помещиком, фабрикантом или полковым начальством. Дело шло уже об «изменениях в образе самого правительства». И царь Николай I, очевидно, придал этому эпизоду, несмотря на сравнительно милостивую расправу с его героем, серьезное значение: вся печатаемая ниже тирада в подлиннике обведена им карандашом.

«Нелишне будет упомянуть об одном весьма странном обстоятельстве, обнаруженном в Москве, во время пребывания там государя императора: помещичий крестьянин самых ограниченных понятий, род юродивого, неспособный почти ни к какой работе, и по сей причине освобожденный даже своею помещицею от платежа оброка, слыша жалобы крестьян на помещиков и земские начальства, людей фабричных на фабрикантов, солдат на тягость службы, возымел мысль о составлении некоего посредничества между правительством и народом, через избранных из среды народа представителей,—для улучшения быта простых людей. Мысль сию обдумывал он, как по исследованию оказалось, в продолжение нескольких лет и толковал о ней с разными людьми простого звания, которые его слушали и на которых он, не взирая на свою юродивость, имел в этом отношении значительное влияние. Все это, однако, делал он, не полагая нисколько, чтобы замышлял что-либо противное правительству, ибо намеревался о сей мысли своей представить государю и просить его соизволения на приведение оной в исполнение; однакож он не был к тому полицией допущен и взят ею,— и потом по высочайшему повелению отправлен, согласно собственному его желанию, на житье в монастырь.

Частный случай сей, взятый отдельно, конечно, сам по себе не представляет особой важности, но он не-

вольно ведет к заключению, что и у нас в простом сословии народа могут порождаться мысли об изменениях в образе правительства, для ограждения себя от притязаний и несправедливостей начальств и своих помещиков». (Л. л. 88 об.—89 об.)

Сообщил *А. А. Сергеев.*

Стихотворение Я. П. Полонского „Простая быль" и переписка об его драме „Дареджана, царица Имеретинская".

I.

Стихотворение Я. П. Полонского «Простая быль» было написано им, вероятно, около 1870 г. В этом году Полонский выпускал в свет собрание своих произведений под общим названием «Снопы. Стихи и проза», где должно было появиться и это стихотворение. Но когда «Снопы» были уже сданы в типографию, Полонский решил не печатать двух своих стихотворений — «Простая быль» и «Вложи свой меч». Он сообщил об этом типографии, но первый том «Снопов», куда вошли оба эти произведения, был уже закончен печатанием, и исключенные, таким образом, автором стихотворения пришлось вырезывать из отпечатанных уже листов. Хотя петербургский цензурный комитет нисколько не был заинтересован в этом деле, так как стихотворения эти исключались не по инициативе комитета, а по желанию самого Я. П. Полонского, тем не менее, типография препроводила вырезки обоих стихотворений в комитет, где они и сохранились.

Стихотворение «Простая быль» не вошло ни в 10-томное «Полное собрание сочинений Полонского», изданное в 1885 — 1886 гг. женой поэта, Ж. А. Полонской, ни в его 5-томное «Полное собрание стихотворений», изданное в 1896 г. Марксом, под наблюдением автора. Что же касается стихотворения «Вложи свой меч», то оно было включено в оба эти издания [1]) и напечатано с пропуском нескольких строк.

Причины, по которым «Простая быль» была исключена Полонским как из «Снопов», так и из последующих изданий его сочинений, остаются невыясненными, — был ли автор недоволен самим стихотворением, его формой, его структурой, или содержание «Простой были» заключало в себе намеки на действительную «быль», которая касалась определенных лиц и которую Полонский, в конце концов, не счел возможным предавать огласке, — все это требует ответа и объяснения.

Простая быль.

I.

В начале был неуловимый взгляд,
И взгляд тот был любовью брошен,
И взгляд тот был сама любовь,
Потом с мечтой заговорила кровь,
И первый страсти сон был так роскошен,
Что первый поцелуй их был не свят.

II.

Умышленно сошлись они тайком,
Не испугались наслаждения
И увенчали свой союз...
Взаимность их сердец вне брачных уз
Никто и не вменил им в преступление,
И стали жить они своим трудом.

III.

«Живите, но не множитеся» — вот
Что б я сказал им, если б свыше
Меня послушал Саваоф.
Не веселы часы для бедняков,
Когда в квартире их пищат не мыши,
А дети и — нужда ведет расход.

IV.

Влюбленные должны природу знать,
Но ей не всякий благодарен.
Природа свой какой-то счет
Вела, — плодя детей им что ни год.
Он как отец был нежен, но бездарен,—
Она была — заботливая мать...

V.

Прошло пять лет — в одну глухую ночь
Он думал — «нам пора расстаться,—
Не то с ума сойдешь — беда!»

[1]) т. III изд. 1885 и т. II изд. 1896 г.

Любовь придирчива и зла, когда
Гнетет нужда, с ней трудно уживаться;
Будь в моде чорт—он мог бы им помочь.

VI.

«Он изленился, — рассуждала мать, —
Живет на счет моей работы»...
— Иди—сказала—место есть;—
Приобрети. — И рад бы приобресть,
Но не могу я... Ну, так от зевоты
Спаси меня—мне некогда зевать...

VII.

Он стал кутить — и, наконец, в один
Прекрасный день они расстались...
И в их прощаньи как намек
На их страданье слышался упрек;
Потом от слез глаза у ней слипались —
Всю ночь светился в лампе керосин.

VIII.

Иглой, пером работала она,
Своих — чужих детей учила
И часто думала о нем;
И с завистью глядела, за окном
Как ласточка гнездо свое лепила;
Он был далек — она была одна.

IX

Еще прошло, быть может, лет пять-шесть.
Он где-то, говорят, женился
И зашил: видно деньги взял...
Хотя и так семье не помогал,
Дух тайной злобы в ней зашевелился,
Когда ей сообщили эту весть.

X.

Неутомимая, влача свой груз,
Она грубее стала, суше,
Глаза погасли, красота
Поблекла и не радует мечта...
Так вот к чему их пламенные души
Привел когда-то сладостный союз!.. [1])

II.

В 1851 г. Полонский, служа на Кавказе, при наместнике князе Воронцове, сделал первую попытку перейти от небольших поэм и стихотворений к более трудному роду творчества, — к драме. Толчком к этому послужило открытие в Тифлисе, по инициативе Воронцова, казенного театра. Вдохновляясь романтическими эпизодами грузинской истории, Полонский написал драму под названием «Дареджана, царица Имеретинская». В то время драматическая цензура была сосредоточена в III отделении, от которого зависело разрешение к представлению театральных пьес. Для того, чтобы благополучно провести «Дареджану» через Сциллу и Харибду внутренней цензуры и цензуры III отделения, Полонскому пришлось отправиться в Петербург. Воронцов, вообще расположенный к молодому писателю, снабдил его рекомендательным письмом к директору императорских театров А. М. Гедеонову [1]).

«Милостивый государь, Александр Михайлович,—писал князь Воронцов,— письмо это будет иметь честь вручить вашему высокопревосходительству служащий при канцелярии моей помощником редактора «Закавказского Вестника», титулярный советник Полонский, хорошо известный мне как чиновник и еще более как человек с замечательным поэтическим дарованием, которого некоторые стихотворные произведения были оценены и в России и у нас, за Кавказом. С особенным удовольствием рекомендую его вашему высокопревосходительству и прошу удостоить его вашим вниманием и покровительством как образованного, с хорошим направлением и с талантом, молодого человека.

Перед отъездом своим из Тифлиса в отпуск, в Москву и С.-Петербург, г. Полонский окончил первый опыт свой в драматическом роде—драму: «Дареджана, царица Имеретинская» и имел намерение представить ее на просвещенный суд нашей публики, а если она заслужит одобрение, то и передать ее на сцену. Не знаю, в какой мере надежды г. Полонского осуществятся, но я желал бы, чтобы со временем

[1]) Д. Спб. Ц. К. 1870 г. № 70.

[1]) А. М. Гедеонов (р. 1791 г. 1867 г.), по словам Куликова, русской литературы не знал и ничего не читал, кроме театральных рецензий «Северной Пчелы»; впоследствии сбер-гофмейстер.

могла представиться возможность дать его драму и на сцене нашего тифлисского театра, если только его произведение удостоится чести явиться на нашем столичном театре, через что облегчена была бы и постановка пьесы этой у нас, где представление драмы г. Полонского имело бы особенную пользу, так как в пьесе его изображается, и довольно верно, то бедственное время интриг, крамол и беспорядков в Имеретии, которое навсегда миновало с водворением там мира и тишины под благодетельным русским правлением. Зрители из туземцев не будут обольщены незавидной картиной своей старины и, сравнив свое прошедшее с настоящим, конечно, в душе отдадут полное преимущество сему последнему. Во всяком случае, удостоится ли пьеса г. Полонского быть представленной или нет, не откажите ваше высокопревосходительство, в благосклонном вашем к г. Полонскому внимании, которое он по таланту своему вполне заслуживает.

Примите, милостивый государь, уверения в совершенном моем к вам почтении и преданности.

Князь Воронцов.

25 октября 1851. Ставрополь.

Гедеонов препроводил и «Дареджану» и письмо Воронцова в III отделение, откуда пришел такой ответ.

«Милостиый государь, Александр Михайлович, ваше высокопревосходительство препроводили в III отделение собственной е. и. в. канцелярии для рассмотрения драму «Дареджана, царица Имеретинская», сочинения титулярного советника Полонского. Вместе с тем вы изволили сообщить частным образом копию с письма к вам наместника кавказского князя Воронцова, из коего видно, что его сиятельство, удостоив вниманием литературные труды сочинителя означенной пьесы, изъявил желание видеть оную представленной со временем на тифлисском театре.

«Г. генерал-адъютант граф Орлов, по представлении его сиятельству донесения о помянутой пьесе, изволил находить, что так как сюжет ее имеет интерес исключительно местный, то она не может иметь успеха на столичных театрах, что же касается до представления оной в Тифлисе, то, принимая в соображение политическое содержание этой драмы, его сиятельство полагает, по общим обстоятельствам настоящего времени, отложить еще до некоторой поры разрешение представления оной на тифлисском театре.

Уведомляя о сем ваше высокопревосходительство, прошу вас, милостивый государь, принять мои уверения в совершенной преданности и уважении.

Дубельт.

2 февраля 1852 г. № 570/48 [1]).

Таким образом предстательство Воронцова за драму Полонского, от которой он ожидал известного педагогического воздействия на грузинскую интеллигенцию, автору «Дареджаны» не помогло. После долгих хлопот со стороны Полонского «Дареджана», изуродованная и исправленная в московском цензурном комитете, появилась, наконец, на страницах погодинского «Московского Вестника». История мытарств Полонского по этому поводу и возникновение отсюда его знакомства с Погодиным изложена Н. П. Барсуковым в его «Жизни и трудах М. П. Погодина» [2]). В сборники своих произведений и в полное собрание сочинений, изданий 1885—1886 гг., Полонский «Дареджаны» не включал; на сцене она также никогда не появлялась.

С. Любимов.

[1]) Д. 1851 г. III отдел. 5 экспедиции, № 9.

[2]) т. XI, стр. 416—418.

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: Вл. Максаков. Вяч. Полонский.

Именной указатель к I—IV т. т. журнала „Красный Архив“ [1]).

А

А.—См. **Вырубова Анна Ал-дровна.**
А. Н.—III, 43.
А. А. II.—III, 43.
Абаза, Ал-др Аггеевич (1821—1895), гос. контр., мин. финанс., предс. департ. гос. экономии. II—46, 113, 255; III—101, 319; IV—85, 331, 334—337, 435, 450.
Абаза, Ал-ей Михайлов., контр-адмир. чл. особ. комитета по делам Дальн. Востока. II—14, 33, 34, 37, 39, 44, 48, 86, 91, 93—96, 99—107, 109, 113; III—146, 319.
Абаза, Николай Саввич, госуд. деятель (1837—1901 г.г.). II—255.
Абамелек-Лазарев, Сем. Семен., кн. III—86, 319.
Абамелек-Лазарева, Мария Павлов., жена Абамелек-Лазарева, С. С. III—170.
Абашидзе, кн. III—41.
Абдул-Меджид, султ. турецкий (1839—1861). III—295, 296.
Абибула, афганский эмир. III—22, 318.
Аберсон, бывш. бундовец. I—296, 327.
Абрамов, Федор Федорович, ген. I—268.
Авелан, Фед. Карлов., вице-адмир. в 1902—3 г., нач. главн. морск. штаба; упр. морск. министерством. II—54, 68, 100, 103, 104, 107, 109—111, 113; III—46.
Аверкиев, полк. III—310.
Аверкиев, Дмитр. Васильев. (1836—1905), писатель-драматург. I—387, 388, 403.
Аверкиева, жена Аверкиева Д. В. писателя-драматурга, I—387, 388.
Авсеенко, III—62, 67.
Агарков, Ал—др, служащий челяб. отд. Сиб. ж. д. I—340.
Агафангел, еп. яросл. и рост. III—315.
Агеев, Петр Яковлев., препод. моск. коммерч. академии. IV—405—407.
Агр. Ав., знакомая Зайчневских П. Г. и Н. Г. I—279.
Адарюков, Владим. Яковл., библиогр. I—425, 426.
Адельгейм, Пав. Льв., зубн. москов. врач. I—393.
Адикаевский, Васил. Семен., чл. совета и прав. дел. гл. упр. по делам печати. I—412.
Адлерберг, Алекс. Алекс. (он же Дудель), ген.-от инф. IV—171, 443.
Адлерберг, Ал—др Владим. (1818—1888), мин. импер. двора в 1872—81 г.г. I—62, 63, 206, прил. 4 А—В; II—270; III—94.
Адоратский, Влад. Виктор. I—205.
Азеф, Евно, провокатор, чл. партии с.-р. II—281—283.
Акилина, почитат. Г. Е. Распутина. IV—209, 210, 443.
Акимов, Мих. Григор., мин. юстиции, предс. гос. совета. IV—99, 124, 128, 435.
Аккорт. III—183, 184, 191.
Аксаков, д. с. с.. IV—305.
Аксаков, Ив. Сергеев., (1832—1886), славяноф., публицист. I—367—370, 373, 377—380, 386, 388, 390, 391, 394, 398, 400, 402, 403; II—240, 241; IV—383.
Аксаков, Конст. Сергеев. (1817—1860), славянофил. I—403.
Аксаков, Никол. Петр. (1848—1909), доктор философии. I—376, 377, 380, 402.
Аксакова Анна Федор., рожд. Тютчева, жена Аксакова, И. С. I—368.
Аксельрод, Пав. Бор. с-д., меньш. II—209.
Алеев, двор. астрах. казач. войска, привлек. по делу о казанск. заговоре. IV—284, 293, 296.
Алекс.—см. Чемерисский А.
Александр I, имп. (1801—1825). I—8, 425; II—45; III—38, 78, 79, 95, 96, 100, 108, 119, 133, 164, 293, 319; IV—66, 92, 95, 435.
Александр II, имп. (1856—1881). I—6, 7, 10, 11, 16, 17, 20—35, 40, 41, 50, 51; 58—63, 70, 71, 74—79, 82, 83, 86—91, 106, 107, 206, 281, 375, 401, 429, 430; прилож.12-е II—45, 82, 177, 184, 192, 252, 255;III—38, 80, 95, 97, 100, 111, 116, 121, 131, 200, 201, 203, 209, 211, 216, 291—294, 296, 299, 300; IV—115, 230, 233, 236, 237, 244, 245, 247, 249, 250, 252—258, 262, 266, 292, 297, 298, 408, 435.
Александр III, имп. (1881—1894). I—2, 6, 8, 62, 63, 92—93, 96—99, 108, 109, 114—119, 124, 125, 136, 137—143, 146, 147, 150, 151, 206, 417. II—32, 45, 46, 61 ,65, 97, 118, 119, 241, 252; III—79, 80, 88, 89, 93, 95, 101—103, 106, 107, 111, 119, 121, 142, 143, 151, 153, 159, 171; IV—80, 84, 94, 102, 115, 250, 297, 317—337, 435.
Александр Баттенбергский (1857—1893), кн. болгарский с 1879 по 1886 г.г. I—114, 115, 150, 151, 206; II—118, 122—125.
Александр Гессенский (1823—1888), отец кн. Александра Баттенбергского. I—206.
Александр Михайл., вел. кн., ген.-ад. I—223, 253; II—11, 15, 21, 22, 29, 35, 59, 60, 91, 113, 132; III — 45, 59, 84, 103, 152, 164, 319; IV—102, 201, 425—426, 435.
Александр I, кор. сербский. II—16.
Александр, принц сербский, сын кор. Петра. IV—50, 51.
Александра, кор. анг., жена Эдуарда VII. IV—127, 435.
Александра Иосифовна, вел. кн., жена вел. кн. Конст. Николаев., брата Александра II. II—28, 113
Александра Федоровна, жена Николая I. III—81, 110, 133, 277; 319.
Александра Федоровна, б. имп., жена Николая II. II—7, 50—53, 59, 66—71, 75, 84—87, 106, 110, 136, 158, 167; III—36, 50, 104, 105, 108, 110, 113, 123—125, 131, 137, 140—141, 146, 147, 152 — 158, 160—161, 166—167, 170, 313, 314, 319; IV—83, 86, 89, 95, 102, 105, 109, 110, 115, 121, 123, 125—126, 157—221, 424—426, 435.
Александров. I—397.
Александров, прис. пов. I—354.
Александров Ал-др. унт.-офиц. Петропавлов. крепости. IV—240.
Александров, б. м., Анатол. Ал-дров., пр. доц. I—438.
Алексеев, Вас. Павл. I—274; III—217.
Алексеев, Евгений Иванов., гл. нач. и ком. войск. Кванг. обл. и морск. силами в Тих. ок.; в 1903 г.—наместн. госуд. на Дальн. Востоке. II—7, 12, 14, 30, 31, 33—35, 37, 40—48, 54, 55, 57, 58, 62, 72, 76—78, 80, 81, 84—87, 94—102, 105, 107—113; III—134, 319.
Алексеев, Михаил Васильев., главноком. зап. фронтом, нач. шт. верх. главноком. I—214, 216, 220, 234, 237, 265, 268, 272; II—284—286; III—44, 46—48, 52, 57, 65—67, 71, 73, 314 — 316; IV — 160, 176, 202, 204, 208, 213, 422, 423, 443.
Алексеев, Мих. Павл., литер. I—438;II—307.
Алексей Ал-дров., вел. кн. (1850—1908), брат Александра III, ген.-адм., глав. нач. флота и морск. вед., чл. гос. сов. II—35, 40, 47, 54, 65, 66, 94, 95, 103, 107, 109, 113; III—76, 84, 110, 134, 149, 160, 167—168, 170, 319; IV—75, 435.

1) Составление указателя имело своей целью для лучшего использования опубликованного материала сжато расшифровать имя и отчество каждого лица, указать за данным лицом хотя бы один признак общественного, служебного или классового характера. При этом, если в тексте журнала приводились новые данные по истории литературных и общественно-политических произведений, то в отметке №№ страниц на данное лицо специально выделялись также и те страницы, где говорилось об этих произведениях. Наиболее употребительные имена, напр. Александр, Алексей, сокращались в Ал-др, Ал-ей. Имена, отпечатанные в I—IV кн. журнала «Кр. Арх.» с опечатками или погрешностями в указателе отмечены звездочкой *).

Алексей (Лавров-Платонов), вик. моск., еп. можайский. I—388, 393, 403.
Алексей Михайлович, царь (1645—1676). IV—93, 95, 345.
Алексей Николаевич (Солнечный Луч, Бэби), сын Николая II. II—59, 70, 71, 75; IV—115, 125, 128, 160—163, 165, 167, 168, 175, 177, 179, 180,183, 197, 199, 201—207, 209—213, 215—218, 220, 221, 435, 443.
Алексей (Симанский), еп. тихвинский. IV—179, 443.
Алейников. I—350.
Алмазов, Борис Николаев., поэт. IV—424.
Алонкин, домовл. в Петрограде. III—253, 255, 258.
Алуф, член редакц. коллегии журнала «Жизнь Фармацевта». II—209.
Алферовский, сахарозаводчик. II—180.
Альберт, кор. бельгийск. IV—205.
Альвенслебен, гр., герм. посол. III—125, 170, 319.
Альтен, герм. консул в Иерусалиме. I—16, 17, 206.
Альтенбургский, Альберт, принц. III—129, 133, 319.
«Альтер рыжий», чл. евр. незав. раб. парт. I—319, 325.
Альфонс XIII, кор. испанск. III—27, 318.
Альфтан, Влад. Ал-сеев., 1903—1905 г.г. воен. губерн. Дагест. области; в войну 1914 г.—ком. корп. II—154, 169, 175; III—29.
Амфитеатров, Ал-др Валент. публицист.II — 111, 319.
Амфитеатров, Валентин Никол,моск. свящ. III—111.
Анастасия Николаевна, вел. кн., дочь черногор. кор. Николая I.—см. Стана.
Анастасия Николаевна, вел. кн., дочь Николая II. III—96, 319; IV—179, 188, 191, 203, 206, 207, 209, 210, 212, 216, 217, 220, 443.
Анборский, студ., член варшавск. центр. народн. Комитета. III—201, 326.
Андраши (Andrassy) **Юлий** (1823—1890) гр., австр. мин. ин. дел. I—26, 27, 36, 37, 50, 51, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 68, 69, 70, 71, 88, 89, 206.
Андрэ. франц. воен. министр. II—10, 75.
Андреев. III—316.
Андреев. IV—296.
Андреевская, см. Третьякова В. М.
Андрей Александрович, князь, сын. в. к. Ал-ра Михайл. III—316; IV—178—180, 426, 443.
Андрей Владимирович, вел. кн., фл.-ад., ком. л-гв. кон. артил. I—235; III—31; IV—102, 206, 435, 443.
Андроников, Мих. Мих., кн., кам.-юнк., чин. особ. поруч. при об.-прокур. синода. II—27, 113, 156, 158, 159, 163; III—42, 44—46, 48, 52, 56, 57; IV—412, 414.
Андрюша—см. Андрей Александров., кн.
Анисимов, поруч. корп. жандарм. II—182.
Анисимов, Вас. Анисим., б. чл. 2-й гос. думы; трудовик. II—220.
Аничков, полк. II—150.
Анненков, Пав. Васильев. (1812—1887), лит. критик. I—370, 373, 384, 391, 398, 399, 402; II—261, 267; III—311, 312.
Анненский, Иннок. Федор., поэт. I—438.
Аннинский, Сергей Ал-дров. I—416, 419.
«Аноним» брошюры о Перовской С. Л. III—244—245.
Антоненко, Н. Г., командор судна «Очаков», с.-д., участн. севаст. восст. 1905 г. II—354.
Антоний, еп. подольский. III—155.
Антоний (Вадковский), митр. петроград. IV—106, 112, 349, 351, 358, 435.
Антонов, Влад. Павлов., с.-д., больш., сотруд. газ. «Поволжье». II—220—225.
Антонович, Мих. Ал-сеев., критик. I—366.
Аня, см. Вырубова А. А.
Аппони, гр., австр. посол в Париже. I—36, 37.
Апраксин, Викт. Владимир., кам.-юнк. I—279.
Апраксин, Петр Никол., гр., гофмейст., б. таврич. губ. IV—166, 173, 181, 209, 215, 217, 443.
Аракчеев, Ал-ей Андреев., воен. мин. при Александре I. III—69.
Аргиропуло, Перикл Эммануилов. (1839 — 1862), рев.-якобин., друг Зайчневского П. Г. I—273—278.
Арнольд, Эм., ред. газ. «Obcanske nowiny». III—177—182, 184—193.
Арсений (Стадницкий), архиеп. новгород. IV—179, 181, 443.
Арсеньев, Але-ей Ал-дров., тульск. губ. предвод. дворянства. III—147, 319; IV—109, 435.
Арсеньев, Дмитр. Сергеев., член гос. сов. III — 87, 319.
Арсеньев, Илья Ал-дров., журналист, ред. «Петербург. Газеты». III—241.
Арсеньев, Конст. Конст., критик, юрист, тов. об.-прок. гражд. деп. сената. IV—98, 435.
Арсеньев, Серг. Васильев., рус. послан. в Христиании. IV—48.
Артамонов, Леон. Конст., к-р. корп., ком. Перемышля I—222, 223, 225, 227, 242, 267; III—47, 49.
Артемьева, ответств. редакт. «Наша Газета». II—223.
Артишевский, жанд. нач. I—279.
Архангельская, Е., сотр. ворон. ист.-археолог. Вести. I—432.
Асеев, канц. служитель при русск. посольст. в Германии. I—206.
Ассим-бей, турецк. мин. иностр. дел. III—27, 318.
Астров, (Повес, Исаак Серг.), с.-д. меньш. II—211
Атабеков, Никол. Семен., с.-д. II—213.
Афанасович, Виктор Константинов., ген.-л., ком. 22 пех. дивизии. II—50, 113.
Афанасьев М., аг. моск. охр. отд. I—291.
Ахад-Гоом (Гинцберг, Ошер Исаевич), евр. писатель. I—302, 303.
Ашанина, М. Н. (см. Ошанина М. Н.)
Ашеберг, Никол. Павл., бар., нач. петер. местной бриг., в 1912 г. назн. член воен. сов. II—139, 150, 169, 174; III—44.
Ашешов, Никол. Петров., литерат. III—245.

Б

Б—я, М-me. II—144.
Бабоно. III—86.
Бабст, Иван Кондрат. (1824—1881 гг.), проф. полит. эконом. казан. и моск. ун-та. I—278.
Bapst. I—6.
Бабушкин, Ефим Адрианов. II—214.
Багалей, Дм. Иван., проф. рус. ист. харьк. ун-та IV—107, 435.
Багратион, Дмитр. Павлов., кн., ген.-л., в войну 1914 г. бриг. ком. кавк. туземн. кон. дивиз. IV—192, 195, 443.
Багратион-Мухранский, Ал-др Ираклиев., кн., ген.-м. свиты, ком. 44 драг. полка и л.-гв. кон. полка. IV—163, 192, 443.
Баденская, Мар. Максимил., жена принца Вильгельма Баденск., сестра Ник. Макс. Лейхтенбергского. IV—115.
Базилевский-Богучарский (Яковлев), **Васил. Яковл.**, истор. револ. движения. III—243, 293, 295; IV—224, 273.
Базили, Никол. Ал-дров., пом. нач. канц. мин-ра ин. дел. I—189; IV—21.
Базунов, Ал-др Федор., влад. книж. фирмы. III—278; IV—371, 374.
Бакин, жанд. ротм., пр. и. д. нач. белев. отдел. IV—345, 355.
Бакланов, мировой посредник. II—191.
Бакретов. III—42.
Бакст, Влад. Игнат., револ. III—201, 326.
Бакунин, подполк. III—310.
Бакунин, Мих. Ал-дров., анархист; III—173—206, 301, 326, 327; IV—280; его письмо «К милым и уважаемым друзьям» и его же записка с подписью «Максимилиан». III—198; он же Сулее проф. III—204; IV—280.
Балабанова, Ангелина. II—211.
Балабин, нач. ирк. жанд. упр. II—215—218.
Балавинский, прис. поверенный. I—354.
Балашов, Никол. Петр., об.-егерм. двора. III—78, 105, 319; IV—160, 167, 169, 170, 184, 194, 198, 443.
Балашов, Петр. Никол., егермейстер. III—40.
Балета, драм. артистка Михайл. театра. IV—75, 435.
Балинский, инженер. II—30, 37.
Балмашев, Степан Валерианович, член «боевой организ.» партии с.-р. II—82, 113; III—130, 131, 136, 145, 319.
Балтийский, Ал-др. Ал-сеев., полк. II—141.
Бальзак, Оноре, франц. писат. III—303—307.
Бальмонт, Констант. Дмитр., поэт. I—359.
Бантыш-Каменский, Никол. Николаев. (1737—1814), археол., упр. моск. арх. мин. ин. дел. I—122.
Баранов, Никол. Мих. (1837—1901), ген.-л., спб. градонач. IV—320, 322, 337, 450.
Баранов, Пав. Трофим., гр., тверск. воен. и гражд. губерн. IV—398—401.
Баранов, Петр Мих., ком. 2 бриг. 32 пех. дивиз., генер. III—51, 71.
Баранов, Петр Петров., ген.-от кав., ген.-ад. II—161, 164, 165, 175.
Баратынский, Евген. Абрамов., поэт II—273.
Барбар, прозвище одного из лиц кружка **П. Г. Зайчневского** I—275.
Барбот. III—57
Бардос, отст. рядовой. IV—302, 303.
Барк, Петр Львович, чл. гос. сов., мин. финансов. II—173, 175; III—43, 67; IV—8, 40, 55.
*** Баркова** (вм. Горкова), **Е. И.** сотр. ворон. истор.—археол. Вестника. I—431.
Барсов, Елпидифор Васил., этнограф и археолог. I—376, 402.
Барсуков, Никол. Плат., истор. и библиогр. II—273; IV—383.
Бартенев, Петр Иванович, издат. журн. «Русск. Архив». I—368, 394, 404.
Бартенева, Над. Арс., кам.-фрейл. III—133, 134, 319.
Барцевич, польск. скрипач. III—114.

Барышников, Никол. Андр., (Кличка «Фотограф»), сотр. охр. отд. II—208.
Барятинский, Ал-др Влад., кн. III—150.
Барятинский, Ив. Серг., кн. IV—401, 404.
Баташев, заводчик владимир. губ. II—180.
Батюшин, Никол. Степан., ген.-м., воен. след. IV—176, 198, 208, 443.
Батюшков, Фед. Дмитр., издат. журн. «Космополис». III—290.
Баур-Сорнман. II—277.
Бахметьев, Георгий Петров., д. ст. с., диплом. агент в Болгарии. II—16, 113.
Бахтин, Никол. Иван., деят. эпохи «велик. реф.». IV—114, 435.
Башкиров, К., сотр. журн. «Труд». II—210.
Безак, Ал-др Павл., оренб. и сам. ген.-губ. II—193; IV—301, 302.
Безобразов, Ал-др Мих., д. с. с., ст.-секр.; в 1903 г. чл. особ. комит. по делам Дальн. Востока в звании ст.-секрет. II—6—8, 11, 12, 14, 30—34, 37, 38, 40—42, 44, 46—48, 50, 52, 54, 58, 60—62, 81, 83, 84, 86, 91, 94, 98, 99, 113.
Безобразов, Влад. Мих., ген.-ад., ком. гвард. корп. II—147, 174; IV—207, 443.
Безсонов, ген. I—302.
Безсонов, Петр Ал-сеев., проф. харьк. у-та. I—381, 402.
Бейер, бар., револ. III—184, 185.
Бейдеман, Мих. Степ., револ. IV—238, 241, 242, 249, 262.
Бейс (?). III—68.
Бекетов, Влад. Николаев., цензор спб. Комитета. I—355, 357, 359.
Белевский, Ал-ей Ал-сев., шталм. III—110, 319.
Белецкий, Степ. Петр., тов. мин. внутр. дел., сенатор. II—203; IV—412.
Белинский, Виссар. Григор., критик. I—369; II—256; III—305, 309—312.
Белов, фактотум кн. Андроникова М. М., II—27, 84; IV—414.
Белов, Евг. Ал-дров. III—276.
Белов, И., охранник. I—191.
Белоголовый, влад. типограф. II—212.
Белоголовый. Никол. Андреев., врач и писатель. IV—394.
Белосельский-Белозерский, Сергей Конст., кн., свиты ген.-м. I—249, 271.
Белышев, Лаврентий, служ. Челяб. отд. Сиб. ж. д. I—340.
Бельдиман, А., рум. послан. в Берлине. I—179; IV—52, 434.
Бельчиков, Никол. Федор., (**Н. Б.**). I—359, 360, 366, 405. II—235, 241, 263, 266, 267.
Беляев, Мих. Ал-сеев., чл. воен. совета, воен. мин. I—215, 226, 230, 238, 240, 244, 245, 250, 263; II—130, 131, 137, 139, 142, 147; III—32, 40, 50, 56; IV—193, 198, 218, 443.
Бем-фон, ген., губерн. крепости в Ольмюце. III—194, 197.
Беневоленский, помощ. делопроиз. моск. охр. отдел. I—288.
Беневоленский, студ. мед.-хир. акад., револ. II—190.
Бенедетти (Benedetti) **Винценто** (1817—1900), гр., фр. дипломат. I—14, 15, 80, 81.
Бенкендорф, Ал-др Конст., гр., гофм., посол в Копенгагене и в Лондоне. II—102, 113; IV—21, 46, 47, 51—56.
Бенкендорф, Конст. Ал-дров, гр., моршанск. предвод. двор. IV—361, 364.
Бенкендорф, Мар. Серг., гр-ня, жена Бенкендорфа П. К. IV—109, 111, 166, 187, 215, 435, 443.
Бенкендорф, Павел Конст., гр., ген.-м., гофмарш. II—68, 113; IV—111, 119, 166, 206, 215, 435, 443.
Бенуа, Ал-др Николаев., проф. живописи. IV—427, 428.
Берделе. III—86.
Бердников, врач, I—339.
Беренс, Евг. Андр., кап. II ранга, рус. морск. атташе в Германии в 1914 г. I—169; II—206.
Берг, Фед. Фед. гр., фельдмарш. I—24, 25, 28, 29, 206; прил. 2-е.
Бернгейм, Григор. Моис., д-р, друг Толстого, Л. Н. IV—347, 358.
Бернштейн Эд., нем. публицист и полит. деятель. IV—309.
* **Берхман, Георгий Эдуард.**, ген. I—216, 264; II—142, 165.
Берхтольд (Berchtold), **Леоп.**, гр., австр. мин. ин. дел. I—167, 171, 194, 206; IV—14, 15, 45.
Бестужев-Марлинский, Ал-др Ал-дров., известн. романист. III—305.
Бетман-Гольвег, герм. канцл. I—177, 178; III—7, 14—16, 28, 318; IV—20.
Бетховен, Людвиг, композитор. I—385.
Бешляга, Никол. Владим., см. Кощенко, Гавр. Григорьев.
Бжезинская. IV—302, 304.
Бжезинский, польск. двор. IV—302, 306.
Бибершгейн-фон Маршаль, герм. посол в Англии. I—18, 19, 318.
Бибиков, миров. посредн. II—195—196.
Бибикова. IV—401, 403.
Биконсфильд (Beaconsfield), лорд, англ. пол. деят. (1804—1881). I—68, 69, 206; II—122, 123.
Бильдерлинг, Ал-др Ал-дров., ген.-от кав., ком. 17 арм. кор. II—110, 112—113.
Бирилев, Ал-ей Ал-сеев., адм., в 1905—7 г. морск. мин. II—107, 113; IV—70, 74, 435.
Бирман, М. М., бундов., сотр. нелегальн. с.-д. издан. и газ. «Товарищ Пролетария» в Сибири. II—217.
Бирюков, студ. казанск. ун-та. IV—284, 289, 290.
Бирюкович, Вл. I—428.
Бирюлов, Григ. Ал—дров., влад. сыроварень. III—250.
Бисмарк, Герберт, кн. (1849—1904), герм. дипломат. I—146—151, 206.
Бисмарк (Bismask), **Отто** (1815—1898), кн., **герм.**, канцлер, I—3, 7, 8, 10—13, 18—25, 36, 37, 62, 64—69, 72—89, 92—145, 149, 151, 206; прилож. 5—А, Б, В; II—118—123; IV—72, 435.
Благовещенский, Ал-др Ал-дров., ком. корп., ген.-от инф. I—223, 227, 267; II—133; III—47, 54.
Благой, Дмитр. Дмитр. IV—392.
Блан, Луи, франц. полит. деятель, чл. врем. правительства в 1848 г. I—278; IV—244, 245, 248.
Блейхредер, нем. банкир. II—127.
* **Блек, А. Л.**, I—427—428.
Блинов, Ив. Ал-дров., I—211; II—173; III—74.
Блудов, Дмитр. Никол., гр., с 1862 г. предс. гос. сов. III—216.
Бобков, жанд. майор, смотрит. Петропавл. креп. IV—247—250.
Бобырь, Никол. Павл., начальн. штаб. сиб. и омск. воен. округ., ком. Ков. и Новогеорг. креп II—160, 175.
Бобриков 2-й, Георгий Иван., ген.-от инф. II—14, 113.
Бобриков, Никол. Иван., финл. ген.-губ. III—86, 104, 131—133, 138, 319.
Бобринская, Елена Ал-дров., жена Оболенского, Д. А. IV—119.
Бобринская, Над. Ал-дров., рожд. Половцева. III—108; 319; IV—104, 435.
Бобринская, Соф. Андр., статс-дама, жена Бобринского Ал-дра Ал-сеев. III—107, 163, 319.
Бобринский, Ал-др Ал-сеев, гр., петерб. губ. III—107, 163, 319; IV—326, 450.
Бобринский, Ал-ей Ал-дров., гр., председ. археологич. ком., чл. гос. сов., сенатор. III—78, 110, 130, 154, 165, 319; IV—183, 444.
Бобринский, Георгий Ал-дров., гр., ген.-губ. Галиции. I—224, 255, 268.
Богарне, Зинаида Дмитр., гр. III—110, 319.
Богданов, бывш. инспект. мелк. кредит. в забайк. обл. II—219, 220.
Богданов, подполк. корп. жандарм. II—183.
Богданович, Никол. Модест., уфим. губерн., уб. в Уфе 6 мая 1903 г. по приговору б. о. партии с.-р. II—281—282.
Богинский, польск. двор. IV—302.
Боголепов, Никол. Павлов., мин. нар. просв. II—55, 113; III—76, 320.
Богословский, Мих. Михайл., проф. I—431.
Богоявленский, Серг. Констант. I—423, 426.
Богуславская, П. П., сотр. с.-д. нелегальн. издан. и газ. «Тов. Пролетария» в Сибири.соц.-рев. II—217.
Богушевич, правит. дел. при мин. вн. дел. III—303.
Бодельшвинг (Bodelschwiegh), **Карл**, герм. полит. деятель I—22, 23, 206.
Бодров, Ив. Петров., ред. журн. «Голос Печ. Труда» с.-д. II—208.
Бойсман Камилл. Арсен., полк., танр. губерн. IV—209, 211, 444.
Бокио, иностранец. II—182.
Бокль, англ. историк. III—249; IV—245.
* **Боков** (отец. **Быков**) **Петр Иван.** I—366.
Болатти, итал. посол в Берлине в 1914 г. I—166, 200, 201, 202, 206.
Болотов, Никол. Андр. генер. II—134, 174.
Болховитинов, Леон. Митр., генер. II—156.
Бомон-де, пом. исправн. г. Челябы. IV—304, 306.
Бомпар, франц. посол в России. II—28, 113.
Бонар-Ло, чл. англ. парл. IV—17, 318.
Бондаренко, матрос с судна «Прут», револ. I—354.
Бондарский, Ал-ей Михайл., шт.-ротм. 18 гусар. нежинского полка. IV—354.
Боне—иностранец. II—187.
Бонч-Бруевич, Мих Дмитр., ген.-кварт. сев.-зап. фронта. нач. штаба сев. фронта. I—231, 235, 242, 269; II—132, 135; III—46.

Бонч-Осмоловский, помещик, революц. I—322.
Боня, столяр. I—317.
Bordeau H. III—304.
Борис Владимирович, вел. кн., ген.-м. свиты, ком. лейб.-гв. атаманск. полка. IV—168, 215, 444.
Бормотов, дмвл. г. Ставрополя Сам. губ. III—248, 250.
Бородин, Евгений Лаврентьев., врач. г. Читы. II—218.
Бороздин, Ал-др Корн., ист. литер. I—403.
Борх, гр., помещ. витебск. губ. II—180.
Борщевский, Ал-др Степанов, член редакц. журнала «Голос Печатного Труда». II—208.
Боткин, Евген. Сергеев., лейб-медик. IV—193, 210, 444.
Боткин, Мих. Петров., художн. III—78, 110, 130, 146, 165, 320; IV—126, 435.
Боткин, Серг. Сергеев., терапевт. III—168, 320.
Бразоль, Сергей Евген., полтав. предводит. дворянства. III—147.
Бракенье, антиквари. IV—86, 435.
Брандт, Федор Федор., докт. медиц. и ест. наук., проф. III—259.
Браницкий. II—270.
Браницкий, Ксаверий, гр., польск. эмигр. III—203, 327.
Бранни-фон, Владислав. III—196.
Брасова, Нат. Сергеев., жена вел. кн. Мих. Ал-дров., IV—174.
Братиано, румынск. мин. ин. дел. IV—15, 49, 52—54, 434.
Бредов, Никол. Эмил. ген.-м., ген.-квартирмейст. IV—424.
Breton A. III—304.
Брешковская, Екатерина Константин., с.-р. I—322.
Брилевич, Ал-др. Васил., чл. военного совета. II—150, 175.
Бринкен-фон, Ал-др Фридрих., бар., в войну 1914 г. ком. 22 арм. корпуса. I—231, 235, 239, 269.
Бриц, химик. III—76.
Бродзинский, Казимир, проф. и глава романт. школ. в Польше. II—268—270, 275, 277.
Бродский, Никол. Леонт., проф., истор. литературы. I—438.
Броецкий, Митр. Ефим., чин. особ. поруч. при департ. полиции. II—203.
Брокгауз, издат. фирма. I—401; II—254.
Броневский, Аркадий Николаев., советник рус. посольства в Берлине в 1914 г. I—163—177, 178, 189—206; IV—50.
Брохес, Р. сотр. евр. независ. раб. партии. I—315
Брун, д-р. III—191.
Брусилов, Ал-ей Ал-сеев., команд. VIII арм., главноком. ю.-зап. фронт. в войну 1914 г. I—225, 226, 247, 257—259, 268; II—169, 285, 286; III—33, 63, 70, 73; IV—188, 444.
Брюсов, Валер. Яковл., поэт. IV—383.
Брянчанинов, жандарм. подполк. II—181.
Бударин, Г. IV—432.
Бударов, вероятно **Владимирский-Буданов, Мих. Флегонт.**, проф. киев. ун-та. IV—98, 435.
Будберг, Ал-др Андреев., бар., главноупр. канцел. прош. IV—64, 79, 435.
Будберг, Федор Андреев., рус. посол в Мадриде. III—27, 318; IV—56.
Буксгевден, Петр. Федор., гр. ген.-м. II—177, 179.
Буксгевден, Карл Карлов., рус. послан. в Копенгагене. II—28; IV—48.
Буксгевден, Людм. Петр., рожд. Осокина, жена Буксгевдена К. К. II—28.
Буксгевден, Соф. Карл. (Иза), барон., фрейл. Ал-дры Федор. IV—166, 206, 445.
Буланже, мелк. тульск. землевладел., толстовец. IV—361.
Булахов, жанд. ротм. II—219, 220.
Булацель, Никол. Ильич, камерг., рус. послан. в Баварии в 1914 г. I—187, 206.
Булгаков, Вас., мещан. из г. Лаишева. IV—291.
Булгаков, Степ., мещан. из г. Лаишева. IV—291.
Булдаков, М. Н., симбирск. миров. судья, чл. симб. губ. по крест. делам присутствия. II—260—261.
Булыга. III—42.
Булыгин, полк. II—178.
Булыгин, Ал-др Григор., мин. вн. дел. IV—71, 72, 436.
Булыгины. IV—391.
Бунге, Никол. Христиан. (1823—1895), проф. унив., мин. финанс. IV—336, 450.
Бунзен, Морис, англ. посол в Вене. IV—14, 45.
Бурбоны, франц. династия. III—113.
Бурдуков, Никол. Федоров., сост. при мин. вн. дел. IV—207, 212, 444.
Буренин, Викт. Петров. (р. 1841), журналист и критик. I—395, 396, 405.
***Буров, Я.** (опеч. Куров). I—435.
Бурцева, Зинаида Николаевна (гр. Менгден). I—402.
Буташевич-Петрашевский, Мих. Вас. (1819—1867 гг.) I—438; III—288; IV—398—400.
Бутера, княг., влад. золотых приисков. II—180, 185.
Бух, Никол. Конст., землеволец, народоволец. IV—411.
Бухгольц, Влад. Егорович, ген. I—261, 272.
Бычков, унив. товар. Тютчева, Ф. И. и Погодина, М. П. IV—388.
Бычков, Афан. Федор., директ. Публ. Библ. III—79, 320.
Бьюкенен, Джорж—Уильям, англ. посол в Петрограде. I—174, 184, 224; II—150, 152; III—71; IV—8, 12, 13, 16, 35, 40, 55, 206, 444.
Бэби—см. Ал-ей Николаев., сын Николая II.
Бюберг, инженер. I—339.
Бюлов, кн., госуд. герм. канцл. IV—64, 436.
Бюлов, редакт. «Revue des deux mondes». III—206, 327.
Бюцов, Констант. Евгеньев., старш. секрет. ближне-вост. отдела мин. ин. дел. IV—7.
Бюцова, Ольга Евгеньев., фрейл. Ал-дры Федор. IV—193, 447

В

Вадбольский, кн. II—195.
Ваддингтон (Waddington), **Вильям-Анри** (1826—1894), франц. дипломат. и ученый; 1877—1879 г.г. мин. ин. дел. I—88, 89, 206.
***Вайнштейн-Звездин, Симеон Лазар.**, кличка «Звездич». I—433, 434; II—211.
Валерн-де Евген., двор. IV—303—307,
Валуев, Петр Ал-дров. (1814—1890), гр., мин. вн. дел, мин. гос. имущ., председ. комит. министр. II—193, 261, 263—265, 267.
Валуев, Федор Мих., нач. сев.-зап. жел. дор. IV—166, 176, 444.
Валь-фон, Виктор Вильгельмович, губерн. Вильны, тов мин. вн. дел, команд. кор. жанд. I—298, 323, 326, II—82, 113; III—146, 320.
Вальдтгаузен, герм. послан. в Бухаресте до сент. м. 1914 г. IV—23, 53.
Ванк, Франц, пивовар. III—179, 186.
***Ванновский, Бор. Петр.**, II—61; IV—81, 436.
Ванновский, Петр Семенов., воен. мин., мин. нар. просвещ. I—152; 154, 155, 156, 162, 206; III—84—88, 95, 97, 100, 105, 108, 130, 134—136, 143, 146.
Варгасов, бывш. студ. петерб. ун-та., револ. II—190.
Варгунин, Ал-др Ив., основат. Невской писчебум. фабр. III—278.
Варнава, еп., друг Распутина. III—315.
Варсонофий, игум. Оптиной пуст. IV—338, 342, 351, 352, 354, 359.
Васильев, полк., нач. минск. губ. жанд. управл. I—293—296, 317, 320.
Васильев, Б. С. (псевдоним Б. Иванов). II—202.
Васильев, Дм. Васил., завед. лефорт. архивом глав. штаба. II—42.
Васильева, дочь Т. Г. Васильевой, см. Сенчугова.
Васильева, Тат. Григ., жена Д. И. Монсеинкова. II—216.
Васильченко, Сем. Фил.—см. Учужанин.
Васильчиков, Борис Ал-дров., шталм., чл. госуд. сов. I—229, 269; IV—160, 444.
Васильчиков, Иллар. Вас., предс. комитета мин. и гос. сов. (1838—1847). IV—114, 118, 436.
Васильчиков, Сергей Иллар., кн. III—146, 320.
Васильчикова, Екат. Петр., фрейлина. IV—187, 445.
Васильчикова, Соф. Ник., кн., жена Васильчикова, Б. А. IV—167, 183, 187, 194, 444.
Васинский, крест. уфим. губ. II—193.
Васмунд, Георгий Робертович, ген.-л., нач. штаба войск гвардии. II—51, 114.
Вахтин, скороход III—316.
Вебб, Сидней, англ. соц., полит. деят. и писат. I—316—317.
Вейнберг, инж. IV—182.
Weizsäcker, пред. сов. мин. в Виртемб. корол. I—172.
Велепольский, Владислав Иосифович, гр., егерм. или Велепольский, Сигизмунд Иосифович гр. в н. шталм. I—261.
Велио, Иван Осип., бар. IV—263.
Величко, Конст. Иван., инж., ген.-лейт., ред. журн. «Военная Энциклоп.» I—216, 221, 223, 225, 227, 264; II—30, 114.
Вельяминов, Серг. Сергеев., полк. III—40, 42.
Вельяминов, Никол. Ал-дров., проф., лейб-хирург. I—210, 224, 229, 232, 234, 242, 267; II—154, 166, 167, 171.
Венделин, Дегут, эфрейт. III—195.
Венгеров, Семен Афанасьев., проф., истор. лит. I—401, 409; II—254; III—241, 310.
Венизелос, Елеферий, греч. полит. деятель. I—166, 171, 196, 206.
Вен-Тун-Хо, кит. мин. фин. II—288—289.

Венцель, К. Н., I—132.
Венцль, чл. револ. комит. в Праге. III—188.
Вердер, ген., герм. посол. III—84, 320.
Вергун, галиц. деятель. III—64.
Веретенников, Ал-ей Порф., полк.—инжен., чл. петерб. гор. думы. II—37.
Верещагин, Никол. Вас., влад. сыр. зав. III—243, 246, 248, 249.
Вержбицкий, Павел, служ. в Челяб. отд. Сиб. ж. д. I—340.
Вернадский, Влад. Иван., проф. минерал. моск. ун-та. IV—117, 436.
Вернандер, Ал-др Петров., ген., инженер. I—239, 270; II—138, 141, 147, 150, 154, 167, 169.
Вернер, инженер. II—30.
Вернер-фон, капит., тульск. полицейм. IV—359—361.
Вертер (Werther), **Карл** (1809—1894), прусск. дипломат. I—14, 15, 206.
Верховский, Влад. Влад., чл. деп. гос. эконом. гос. сов. IV—73, 76, 91, 92, 436.
Веселкин, Мих. Михайлов., фл.-ад., капит. 1 ранга. II—168, 175; III—30.
Веселовзоров, Бор. Петр., в войну с Герман. дежур. ген. штаба кавказ. армии, а затем команд. кавказ. гренад. дивиз. II—155, 158, 175, 179.
Ветошников, Пав. Ал-дров., привлекался в 1862 г. по делу 32-х (сношен. с лонд. эмигрантами). III—201, 203, 326.
Виккерс, устроит. воен. заводов. III—60, 65.
Wiso (Waso) I—225.
Виктория, королева английск., бабка Вильгельма II; II—118; III—102, 320.
Виктория, принц. Баттенбергская., сестра б. цар. А. Ф. III—315, 317; IV—171, 444.
Виктория Федоровна (Дагм), жена в. к. Кирилла Владимир. III—317; IV—164, 218, 220, 445.
Викурж, Михаил, секр. сотр. ирк. жанд. упр.; кличка—«Далекий». II—213—216.
Виланд (1733—1813 г.г.), нем. романтик. IV—387, 391.
Вильбушевич, Мария Влад., она-же Вульфовна, руковод. евр. независим. рабоч. парт., аг. Зубатова С. В. I—290, 297, 298, 307, 317—319, 321, 323.
Вильбушевич, Моисей Влад., чл. евр. независ. раб партии. I—317.
Вильгельм, принц шведский, герц. Зюдерманландский, второй сын Густава V. IV—123, 124, 436.
Вильгельм I (1797—1888), имп. германск. I—14, 15, 22—25, 28, 29, 34, 35, 84—89, 102—107, 116, 117, 128, 129, 134—143, 146, 147, 150, 151, 206; прилож. 2-е; II—118, 119, 122, 123.
Вильгельм II имп. германск. I—85, 170, 186, 197, 206, 230; II—6, 7, 10, 20, 39, 67, 93, 94, 118—129, 143; III—5, 6, 9, 14—16, 28, 42, 71, 103, 154, 170; IV—5, 18, 19, 21, 2?—25, 31, 32, 36—38, 41—44, 57, 64, 75, 100, 220, 436.
Вильгельм II, кор. вюртембергский. I—169.
Вильсон, Вудро., президт. Соед. Штатов. IV—418.
Вильтон, корресп. «Times». III—52.
Вильямс, Г., брит. ген., глава англ. воен. миссии в ставке. II—150, 152; III—66; IV—171, 173, 204, 444.
Вильямс, сын англ. ген. Г. Вильямса. IV—171.
Винавер, Макс. Моисеев., член 1-й гос. думы, цивинист. IV—114, 436.
Винберг, прис. пов. I—354.
Виноградов, Конст. Яков., III—301.
Винокуров, волостн. писарь. II—192.
Винокуров, Ал., литератор. II—205—206.
Винстер, Дав. Франц., ген.-л. III—86, 320.
Винтулов, Никол. Ал-дров., ген. от кавалер. I— 233, 270.
Вирениус, Андр. Андреев. к.-адм., пом нач. главн. морск. штаба. II—107, 111, 114.
Висковатов, Пав. Ал-дров., проф. дерпт. ун-та. I—379, 387, 388, 391, 392—396, 402.
Витали, гр., один из строителей Анатол. жел. дор. III—27, 318.
Витвинский. IV—302.
Витимский. А. см. (Ольминский-Александров, М. С.)
Виткевич, пом. нач. ст. «Астапово» Ряз.-Уральск. ж. д. IV—354.
Витте, Матильда Ивановна, жена С. Ю. Витте. II—23, 55; III—106, 107, 170; IV—74, 436.
Витте, Сергей Юльевич, гр. председ. сов. мин., госуд. деятель. I—9, 329, 331, 332, 351; II—5, 7, 8, 10—13, 17, 22—27, 29—34, 37—45, 47, 52, 54, 55, 59—62, 77, 79, 81—83, 91, 97—101, 105, 109—111, 114, 118, 287—292; III—45, 46,75—77, 83, 84, 87—90, 92, 94, 99, 103—109, 113—121, 124, 126—128, 135, 136, 138, 139, 141—145, 150, 152, 155, 158, 164, 165, 167—170, 172, 320; IV—63—73, 75—85, 87—92, 96—104. 107—111, 114, 122, 129, 158, 159, 411—414, 416, 417, 436, 444.
Виттиг, доктор, демократ, ред. «Дрезденской Газеты». III—187, 198
Владимир Александрович (1847—1909), вел. кн., третий сын Ал-дра II. I—271; II—20, 45, 114; III—76, 81, 83—87, 90, 105, 110, 111, 122, 128, 131, 132, 134, 138. 140, 143, 156, 157, 160—162, 168, 320; IV—74, 81, 83, 89, 93, 99, 101, 104, 110, 123, 127, 329, 331, 334, 436, 450.
Владимировичи, вел. кн. II—85.
Владиславлев, Мих. Иван., философ, проф. петерб. унив. II—240.
Власов, Петр. Мих., п. с. с., послан. в Тегеране; II—42, 114.
Власова, О. IV—339.
Вогак, Конст. Ипполит., ген.-м., воен. агент в Китае. II—33, 34, 44, 48, 62, 65, 98, 99, 114.
Воеводский, летчик. I—247, 250.
Воейков, Никол. Вас., ген.-ад., II—249.
Воейков, майор моск. жанд. дивиз. III—310.
Воейков, Влад. Никол., дворц. коменд., ген.-м. свиты. IV—160, 176, 184, 186, 187, 191, 196—199, 216, 218, 221, 444.
Воейкова, Евген. Владим. (Нини,) урожд. бар. Фредерикс, жена В. Н. Воейкова. IV—218, 220, 447.
*** Войлошников, Авив Андриан.**, б. чл. 3-й госуд. думы. II—218, 219.
Войтинский, Влад. Савел. с.-д., литер. II—212.
Волин, Юлий Самойлович, чл. евр. незав. раб. парт. I—290, 297, 298, 300—302, 315—318, 321, 324.
Волков, Влад. Сергеев., ген.-лейт., пом. команд. войск Квантуна. II—98, 114.
Волков Н., сотр. журн. «Труд». II—210.
Волконская, Зинаида Ал-дровн., кн., писательница. II—273, 278, 279.
Волконский, Влад. Михайлов., (Волх. Володя) кн., тов. мин. вн. дел., тов. предс. 3 госуд думы. IV—193, 444.
Волконский, Сергей Михайлов., кн., директор театров.— III—93, 94, 102, 320.
Волынский (Флексер), **Аким Львович**, публицист. I—370—371; II—255.
Волынский, Арт. Петров., каб. мин. III—81.
Вольский, Рудольф Адольф., уч. войны 1914 г. III—38—40.
Вольтер (Voltaire), **Франсуа-Мари** (1694—1778), философ-энциклопедист. I—430.
Вольф (телегр. агентство-бюро). I—165, 175, 205, 226.
Вольф, А. Ф. II—267.
Вольф, Мавр. Осип., издат. II—271; III—218, 222, 278.
Вонлярлярский, Влад Ал-дров., адют. в. к. Ник. Ник. старшего, полк. в отст. II—39, 44, 98.
Вонлярлярский, Никол. Михайл., ген.-л., команд 5-го арм. корпуса. II—69, 70, 72, 114.
Воробьев, моск. бранд-майор. IV—406.
Воровских, Ал-др, служ. челяб. отд. Сиб. ж. д. I—340.
Воронич, архиеп. варш. II—268, 269, 274, 276.
Воронов сотр. газеты «Моск. Ведомости». I—314.
Воронов, В. А. I—211.
Воронцов, Вас. Павл. (В. В.), экономист. I—284.
Воронцов-Дашков, Иллар. Иван., наместник на Кавказе. II—152, 155—159; III—38—41, 86, 94, 117, 126, 148, 320; IV—67, 94, 187, 436, 444.
Воронцов-Дашков, Иллар. Илларион., (Воронцов Ларька,) гр., полк., адют. в. к. Михаила Ал-дров. IV—174, 444.
Воронцова-Дашкова, Елиз. Андр., гр-ня, урожд. Шувалова, жена И. И. Воронцова-Дашкова. II—158; III—12, 320; IV—187, 444.
Воскресенский, прокурор владимир. суда. II—183.
Воскресенский, Ал-др Васил., врачебн. инспект. II—218.
Воскресенский Ал-ей, сельск. учитель. III—299.
Воскресенский, Дмитрий, слушат. Петров. с.-х. академии. III—299, 300.
Вохоч, Франц. III—177.
Врангель, Ал-др Егоров., госуд. деятель и друг Достоевского Ф. М. III—267.
Врангель, или **Никол. Алекс.**, ген.-м., или **Петр Никол.**, ген.-м. IV—174, 444.
Врублевский, прис. поверен. I—354.
Всевол (?) IV—163.
Всеволожский, Ив. Ал-дров., дир. театр. III—93, 110, 320; IV—74, 436.
Вульф, Карл Иван., стар. конторщ. ред. «Современника» I—359.
Вульф А. Н. III—305.
Вырубова, Анна Ал-дровна, (А., Аня, Корова) favor. Николая II и Алдры Фед. IV—160, 162, 166, 167, 172, 173, 175—177, 179—181, 183—186, 190, 191, 197, 198, 206—212, 215—220, 443.
Вышнеградский, Ив. Ал-дров., мин. фин. III—87 107, 320; IV—121, 436.
Вьюшин, волостной старшина. II—195.
Вяземский, Леон. Дмитр., кн. III—82, 84—87, 167, 320-

Вяземский, Пав. Петр., кн., писатель. III—165, 320; IV—408.
Вяземский, Петр Андреев., кн., поэт. I—359; II—263—268, 270—274, 276.

Г

Г. III—61.
Г., лейб-медик кron-принца Фридриха Вильгельма I—191—193.
Габбертон, Дж., писат. IV—206.
Габсбурги. IV—27, 28, 33.
Гаврилов, Ал-др Матв., преподав. моск. унив. пансиона, сын Гаврилова М. Г. IV—388.
Гаврилов, Матв. Гавр., проф. моск. унив. IV—387—390.
Гагарин, Григор. Иван., кн. III—108.
Гагарин, Матв. Петр., кн., казнен. сибир. губ. III—96, 320.
Hadik de Futak, гр., австр. послан. в Стокгольме. IV—23, 53.
Гаевский, Вик. Павл., прис. пов. в Петерб., предс. литер. фонда. I—390, 396, 403; II—254; III—286.
Гайтенов, Валер. Михайл., уч. войны 1914 г. III—38.
Гайдебуров, Пав. Ал-дров. (1841—1893), журналист, издат. «Недели». I—396, 405.
Гайн, Вяч. Ив. I—431.
Галимский, ксендз. IV—278.
Галич (Говоров), Ал-др Иванов. (1783—1848), проф. ист. философ. спб. ун-та. I—426.
Галкин-Врасский, Мих. Никол., чл. гос. сов. III—137, 149, 320.
Гальперин, Ефим Абрам., народоволец. I—315.
Гамель, Иосиф Христианович, академик. I—430.
Ган, проф. практ. богосл. в Юрьевск. ун-те. IV—420.
Гангардт, канд. подполк. IV—343.
Ганнибал, Пав. Исаакович. I—429.
Hanotaux, Габриэль, франц. дипл. и ученый. I—6.
Ганская, Эвелина, жена писат. Бальзака. III—303—305.
Гапон, Георгий Аполлон., священник, убит рабочими в 1906 г., как охранник. I—346, 354.
Гарибальди, Джузеппе. III—206, 327.
Гаррис М. А. II—279.
Гартвиг, Никол. Генрих., гофм., рус. послан. в Сербии, (1909—1914). I—195—206.
Гартунг. II—105.
Гартунг, Мария Ал-дровна, дочь Пушкина, А. С. I—402;
Гасин, сотр. нелегал. с.-д. издан. и газ. «Товарищ Пролетария» в Сибири. II—216.
Гатцук, Ал-ей Ал-сеев. (1832—1891), публицист. I—379, 402.
Гаутч, Вильг. III—189, 193.
Гвинер, директ. Deutsche Banc. III—22, 27, 318.
Гебгардт, Ив. Карл., д. с. с. III—222.
Гейден, Ал-др Фед., гр., нач. канц. имп. гл. квартиры. III—86, 105, 320.
Геймбергер (Лассогорский), революц. III—179—181, 188.
Гейсман, Платон Ал-дров., ген.-от инф. I—225, 269.
Гекзамер, демократ, чл. центр. комит. демократ. клубов Германии, депут. прусск. конст. собрания. III—187, 188.
Гельтман, демократ. III—182, 185.
Гендриков, Вас. Ал-дров., гр., об.-церем. III—137, 320.
Гендрикова, Анаст. Вас., гр., фрейл. Ал-ры Фед. IV—166, 173, 206, 212, 447.
Гендрикова, Соф. Петр., гр., жена Гагарина, В. А. III—141, 320.
Генике, братья, Кирицкой чугуно-плавильн. и зеркальн. завод в Рязани. II—176.
Георг, принц греч. III—153, 154, 320.
Георг (Джоржи), принц. баттенбергский. III—315; IV—171, 445.
Георг I, кор. греческий. III—315.
Георг V (Джоржи), кор. англ. III—17, 18; IV—206, 445.
Георгий Михайл., вел. кн., дир. музея Ал-дра III. III—78, 320; IV—118, 188, 215, 436, 444.
Геппенер, Ричард Николаевич. I—425—426.
Гернгард, Никол. Никол., чл. гос. сов., финл. ген.-губ. III—117, 123, 126, 142, 171, 320; IV—72, 75, 97, 436.
Герарди, канд. офицер. I—315—316.
Герасимов, Б. I—438.
Гербут-Гейбович, помещица смол. губ. II—184.
Геркнер (Herkner), **Генрих**, немецкий экономист. I—316—317.
Герман, Карл Федорович, проф. полит. экон. спб. универ., акад. I—426.
Гернгросс, Ал-др Ал-сеев., чл. воен. совета, ком. корп. II—150, 174.
Гернгросс, Бор. Влад. III—29.
Герцен, Ал-др Ал-дров., сын Герцена А. И. III—205 227.
Герцен, Ал-др Иванов., изв. публицист и эмигрант. I—273, 360, 366; III—79, 174, 199, 200—208, 210, 211, 214, 223—228, 233, 295, 301, 302, 308—310, 320, 326, 327; IV—232, 273.
Гершельман, Дмитр. Конст., нач. штаба отд. корп. жанд. IV—340, 345.
Гершельман, Фед. Конст., ген.-м., нач. штаба варш. воен. округа. II—35, 114.
Гершензон, Мих. Осипов., ист. литер. III—207, 301.
Гершуни, Григорий Андреевич, соц.-револ. I—322; II—281—283.
Герье, Влад. Иванов. (1837—1919), истор., проф. моск. ун-та. I—369.
Гессе, Петр Иван., ген.-ад., дворц. коменд. II—50—53; 59, 67, 68, 93, 100, 114; III—91, 99, 132, 133, 138, 153, 159, 160, 320.
Гессен, Юлий Исидорович, литератор. I—428.
Гессен-Дармштадский, Эрнст-Людвиг, вел. герц. IV—74, 83, 436.
Гете, поэт. II—275, 277; III—307—309; IV—391.
Гиббс, Сидней Иван., гувернер наслед. Ал-ея Никол. IV—206, 210, 220, 444.
Гидель, амер. посол в России. IV—127, 436.
Гизль (W. Giesl de Gieslingen), австр. посланник в Белграде в 1914 г., барон. I—167, 175, 193, 199, 206; IV—14, 434.
Гизо, Франсуа, франц. ист. и госуд. деят. III—175.
Гилель, столяр. I—317, 319, 320.
Гиляров, Фед. Ал-дров., авт. книги «25 лет крамолы». III—243.
Гинденбург, нем. ген.-фельдмаршал. II—139.
Гинцберг О. И. См. Ахад—Гоом.
Гиргль, Франц. III—177, 188.
Гирс, Ал-др Ал-дров., рус. послан. в Цетинье. IV—50.
Гирс, Мих. Никол., рус. посол в Константинопол. IV—47, 48, 50, 52, 54.
Гирс, Никол. Карлов. (1820—1895), мин. иностр. дел. I—6, 62, 63, 86, 87, 94—97, 118, 119, 124—127, 206. Прилож. 4 А.
Гирш, Густав Иванович, д. с. с., лейб-хирург. II—51, 68, 114.
Гирш, Ольга, служ. в челяб. отд. Сиб. ж. д. I—340.
Главацкий, Васил. Казимир., участн. войны 1914 г. III—58.
Глаголев. I—434.
Гладин, подрядчик. II—188.
Гладков, Н. Г., комендор судна «Очаков», уч. севаст. восстания 1905 г. I—354.
Гладстон, англ. госуд. деятель. II—126, 127.
Глазов, Влад. Гаврил., ген. от-инф., мин. нар. просвещ. I—429; IV—78, 436.
Глазунов, книжн. магазин. III—279.
Глассон, студ., чл. казанск. комит. «Земля и Воля» (первой). IV—275.
Глебов, Ал-др Иван., ген. крипс-комис. III—96, 320.
Гливенко, Ив. Ив., проф. IV—367.
Глина (прозвище). IV—213.
Глинка, Мих. Иван., композ. III—264.
Глоба, Петр Петр., ген.-м., нач. рез. губ. жанд. упр. IV—350.
Глушков, А. К., сотр. нелегальн. с.-д. издан. и газ. «Товарищ Пролетария» в Сибири. II—217.
Гоблер, Ант., рядовой. III—195.
Гогенлоэ, Хлодвиг, герм. полит. деятель. II—119.
Гогенцоллерн, Леопольд, принц. I—14, 15, 85.
Гоголь, Никол. Васильев., писатель. I—359, 390, 403, 436; II—34; III—309—312; в прилож. два автографа Н. В. после стр. 310 и 312.
Гойнинген-Гюне, Ал-др Федор., гос. секр. III—102, 320.
Голенищев-Кутузов, Арсен. Аркад., гофм., поэт. I—406, 409—411.
Голицин, кн. III—157.
Голицин, Ал-др Дмитр., кн., чл. 3 гос. думы, харьк. предв. двор. IV—170, 194, 198, 444.
Голицин, Ал-др Никол. (1773-1844), мин. нар. просв. и дух. дел I—326.
Голицин, Ал-др Федор., кн., ст.-секр., предс. след. ком. в 60-х г.г. III—201, 231.
Голицин, Григор. Сергеев., кн., ген.-ад., команд. войск. и главноначал. гражд. частью на Кавказе. II—39, 40, 44, 78, 92, 93, 114.
Голицин, Мих. Мих., гофм., ген.-лейт. IV—111, 436.
Голицин, Мих. Федоров., глав. директор Голицинск. больницы. I—403, 404.
Голицин, Никол. Дмитр., кн., сенат., председ. сов. мин. IV—170, 213, 444.
Голицин, Серг. Мих., кн., штал. III—168, 320.
Голицина, Ал-дра Иосиф., кн., рожд. Гладкова, цыганка, жена **С. М. Голицина.** III—157.

Голицина, Вера Федор., кн. II—272.
Голицина, Елиз. Влад. кн., рожд. **Никитина**, гувернантка, жена **С. М. Голицина** III—157.
Голицина, Мария Михайл., светл. книг., статс-дама. II—84, 114.
Голицины, кн. IV—406.
Головачев, Ал-ей Адриан., деят. по крест. реф., земец. IV—394.
Головачев, Апол. Филип., ред. «Народн. Летописи». IV—394—397.
Головачев, П. М., историк I—429.
Головачева-Панаева, Авд. Яковл. I—359.
Головин, вер. **Никол. Никол.**, нач. Никол. воен. акад. IV—208, 444.
Головина, Муня, вер. **Мария Евген.**, дочь камерг. IV—166, 190, 444.
Головкин, мещанин. II—188.
Головнин, Ал-др Васил., мин. нар. просв. IV — 396, 397.
Голохвастов, Пав. Дмитр. (1839—1892), писат., историк. I—405.
Голохвостова, Ольга Андр., драм. писательница. I—398, 405.
Голсевский. III—32.
Голубев, Ив. Яковл., чл. гос. сов., тов. предс. 1-й гос. думы. IV—64, 65, 67, 86, 87, 95, 97, 98, 110, 112, 113, 122, 436.
Гольдберг (Виленский), Иосиф, один из основат. евр. незав. парт., аг. Зубатова I—290, 301, 303, 306—309, 317—319, 321, 326, 327.
Гольденвейзер, Ал-др Борис., пианист. IV—347, 358, 360.
Гольдман, Мих. Исаак. (Псевд. «Либер»), чл. Ц. К. Бунда. I—327.
Гондатти, Никол. Львович, кам., упр. канц. иркутского генер.-губ. I—337.
Гончаров, Иван Александрович (1812—1891), писатель. I—385; II—256—267; III—305; IV—376 —382; ром. «Обломов»—378; адреса Гончарова—IV—378, 380.
Гончаров, Серг. Серг., чл. гос. сов. III—111, 142, 320. IV—108, 111, 116—119, 125, 128, 436.
Гораций, рим. писат. IV—384, 390.
Горбунов (Посадов), Ив. Ив., толстовец, учред. изд. «Посредник». IV—348, 358.
Гордон, Гавр. Осип., научн. деятель. IV—364.
Горев (Гольдман) Бор. Исаак. (Игорев, Игорь). II—210.
Горемыкин, Иван Логгинович, предс. совета министр., член госуд. совета. I—152, 160, 206, 218; II—140, 150, 153, 155, 280; III—40, 42, 53, 131, 132, 320; IV—40, 69, 70, 77, 79, 96, 101, 104, 106, 111—115, 117, 118, 126, 436.
Горленко, В. III—304.
Горнфельд, Арк. Григ. лит. критик. III—251.
Городнянская-Мокротоварова, Елена Васильевна, жен. врач., изд. газ. «Голос Сибири». II—220.
Гороховский. I—350.
Горский, д-р. III—241.
Гортензия (Евгения Богарне), жена Людовика Бонапарта, кор. IV—95, 436.
Горчаков, кн. III—156.
Горчаков, Ал-др Михайлов. (1799—1883), госуд. канцлер, с 1856—1883 г. мин. иностр. дел. I—8, 10, 11, 18—21, 24—27, 32, 33, 36, 37, 68—71, 74, 75, 86 ,87, 100, 101, 106, 107. Прилож. 1-е.
Горшков, Георгий Георгиев., летчик. III—56.
Горький, Максим (Пешков, Ал-сей Максим.). I—432, 433.
Горянинов, Ал-ей Ал-сеев., чл. сов. мин. вн. дел., пенз. губернат. IV—209, 444.
Горянинов, Сергей Михайлов., директ. государств. и петроград. главного архива. I—6.
Госсфельд, печатник. III—187.
Госцевич, студ., привлек. по делу о казанск. загов. 1862 г. IV—292.
Hoffman, E. III—290.
Гофман, Климентина, урожд. Танская, писательн., педагог. II—268, 270, 275, 277.
Гофман (Hoffman), **Нина**, венск. писательница. III—286—290.
Гошен, Эдуард, англ. послан. в Берлине в 1914 г. I—173, 179, 200, 204; IV—26.
Граббе, Ал-др Никол., ком. соб. е. в. конвоя. IV—172, 445.
Градовский, Ал-др. Дмитр., профес. госуд. права спб. ун-та (1841—1889). I—372, 373; II—246, 250; 253; III—285.
Градовский, Григ. Конст., ред. газ. «Гражданин» III—276.
Граммон, (Grammont) **Антон—Альфред** (1819—1880), франц. мин. ин. дел. I—14, 15, 207.
Грамотин, вероятно офиц. соб. е. в. конвоя. IV—214, 217, 445.
Грандковский, Никол. Карл., художн. IV—431, 433.
Грановский, Тим. Никол., проф. моск. унив. III — 311.
Гребенка, Евген. Павлов. (1812—1878), поэт беллетр. I—431.
Грейг, Сам. Ал-сеев. (1827—1887), мин. фин., чл. гос. сов. III—101, 320.
Грей Эдуард (Grey), анг. мин. иностр. дел. I—183—185, 198—200, 204, 207; III—17—23, 318; IV—12, 26, 28, 35, 38, 48, 55.
Греч, Никол. Иван., лит. III—306.
Грибоедов, Ал-др Сергеевич, писатель (1795—1829) I—430.
Григорович, Дмитрий Васильев. (1822—1889), писатель. I—383, 384, 387, 389, 390, 392—396, 402; III—304, 305.
Григорович, Ив. Конст., морск. мин. III—30, 33, 41; IV—8, 40, 164, 169, 173, 445.
Гримм Роберт, с.-д., чл. интернац. социал. комиссии II—30, 74, 211.
Гринваль - фон, Артур Ал-дров., об.-шталмейст. I—257, 258; IV—119, 215, 436, 445.
Гриппенберг, Оскар-Фердинанд Казимиров.; ген.-от инф., команд. войсками виленского воен. округа. II—66, 110, 112, 114.
Гробовский, ссыльн. г. Уфы. IV—302.
Гродеков, Никол. Иванов., ген.-от инф., чл. гос. сов., с 1898 — 1902, приамур. ген.-губ. II—22, 110, 112, 114.
Гроссман, Леонид Петрович, литератор. I—435—438; II—253; III—305.
Грот, Яков Карлов., академик, лингвист (1812—1893). I—394, 404; III—79, 142, 320.
Гротен, Пав. Павлов., ген.-м. свиты. IV—207, 209, 211, 215, 217, 445.
Грузенберг, Оскар Осипович, присяжн. поверен. I—351, 354.
Грузинский, Ал-ей Евген., проф. ист. лит. II—227.
Грунелиус, Эрнст, бар., баварск. послан. в Петроград. IV—40.
Губер, Эдуард Иванович (1814—1847), поэт I—387.
Гудин, Никол. Фед. (псевд. «Чужак»), он же Насимович, журналист. II—212.
Гудович, Вас. Вас., гр., IV—84, 436.
Гужон ,Юлий Петров, фабрикант. I—311—314.
Гулевич, Арсений Анатол., ген.-л., ком. корп., начальн. штабов. VI и IX армий и сев.-зап. фронта. I—218, 265; II—135, 165; III—44, 46.
Гулькевич, изобрет. ножниц для резки проволоч. заграждд. II—149, 150, 154; III—39, 42.
Гуревич, Любовь Яков. (р. 1866), изд. «Сев. Вестника», беллетр. I—415, 416.
Гуревич, Самуил Ф., сотр. евр. независим. раб. партии. I—317.
Гуревич, Шелом Фальев., сотр. газ. «Товарищ Пролетария». II—216.
Гурко, Вас. Иосиф., ген.-от кавалер. IV—160, 167, 171, 173, 189, 192, 198, 209, 436, 445.
Гурко, Влад. Иосифов., тов. мин. вн. дел (1906).—IV—112, 119, 436.
Гурко, Иосиф. Владимиров. (1828—1901), ген.-ад., варш. ген.-губ., чл. гос. сов. I—418; III—142, 320.
Гурьев, Ал-др Дмитр., гр. III—296—298.
Гусев. III—299.
Густав V, кор. шведский. IV—123, 436.
Гутор, Ал-ей Евгеньевич, ген. I—220, 222, 266.
Гучков, Ал-др Иванов., полит. деят., предс. 3 гос. думы. I—211, 224—226, 232, 236, 250, 253, 261, 267; II—166, 170, 173, 284; III—39, 46—48, 50, 56, 57, 71, 72; IV—81, 98, 158, 187, 220, 436.
Гучков, Никол. Иван., б. моск. гор. голова. III—36.
Гюбнер, Раф., австр. дипломат. I—60, 61.
Гюйо (Guyau), **Жан-Мари** (1854—1888), франц. философ. I—432.

Д

Д. III—65.
Давыдов, Леон. Фед., директ. особ. канц. по кред. части. IV—148, 149, 155.
Давыдов, Ив. Ив., проф. моск. ун-та по филос. и лат. слов. IV—388.
Даки, см. Виктория Федоровна.
«Далекий», кличка секр. сотрудника ирк. жанд. упр., см. Викурж., Мих.
Даль, Влад. Иванов., беллетрист и лексикограф. I—431.
Дан, Федор Ильич (Гурвич) с.-д. меньшевик. II—211.
Даниельсон, Никол. Францевич, (Николай—он), экономист. I—284.
Данилов, Влад. Никол., ген.-ад. I—221, 266, 330; IV—110, 436.

Данилов, Никол. Ал-дров., ген.-от-инф. I—217, 218, 222, 227, 236, 237, 253, 254, 265; II—148, 153.
Данилов, Юрий (Георгий) Никифоров., ген.-от-инф., ген.-кварт. ген. штаба. I—217, 265; III—45; IV—21.
Данини, С. М. I—426.
Данте, поэт. IV—391.
Дарочкин, староста. II—195.
Дашков, Дмитрий Яковлевич, ген.-м. свиты. I—224, 268; III—109, 110, 140, 321.
Дашков, Пав. Яковл., библиограф. и коллекцион. III—233.
Дашкова, вдова д. т. сов. II—193.
Двукраев, Ал-др Арсеньевич, поч. лейб-медик, чл. медиц. совета. I—232; II—163.
Дегуров, Антон Антонов., проф. и ректор петер. ун-та (1765—1849). I—426.
Дейер, Петр Антон., предс. моск. окр. суда. IV—224—228.
Дейч, Лев Григорьевич, член группы «Освобождение Труда», с.-д., мен. I—430.
Декопоний, риторик. II—271.
Дельбрюк (Delbrück), **Мартин-Фридрих-Рудольф** (1817—1903), прусск. госуд. деятель. I—22, 23, 207.
Дельвиг, Антон Антонов., бар., поэт. II—273.
Делькасе, Теоф., франц. мин. ин. дел. IV—45.
Делянов, Ив. Давыд. (1818—1897), мин. нар. просв. III—142, 321; IV—322, 450.
Дембовский, шт.-ротм. II—132.
Демерик, Никол. Николаев., посланник в Гамбурге, Любеке и Бремене. I—175.
Демидов, полк., влад. зав. в пермск. губ. II—192.
Демидов, Платон Ал-дров., тов. прок. моск. окр. суда. I—280, 281.
Демидова, влад. зав. в пермск. губ. II—180.
Демидовы, влад-цы завод. в пермск. губ. II—179, 185, 194.
Ден, Ал-др Карл. (Тити), сын К. А. и Ю. А. Ден. IV—217.
Ден, Карл Акимов., ком. крейс. «Варяг». IV—191, 206, 445.
Ден, Юлия Ал-дровна (Лили), жена Ден, К. А. IV—166, 191, 206, 209—212, 215—217, 219, 220, 446.
Денежкин, секрет. коменд. управл. Петропавловск. крепости. IV—266, 267.
Дервиз-фон. III—125.
Деревенько, Влад. Никол., почет. лейб-хирург. IV—185, 210, 445.
Державин, Гавр. Ром., поэт. IV—391.
Дернов, оконч. вятск. дух. сем., привлек. по делу о казанск. заговоре. IV—288.
Des Graz, Ch. L., англ. послан. в Белграде. IV—48.
Дессино, Конст. Николаев., ген.-м., рус. военный агент в Китае. II—93, 94, 114.
Дестер, демокр., чл. центр. комитета демократ. клубов Германии, деп. прусск. констит. собрания. III—187, 188.
Джолио, жанд. подполк. II—188.
Джорджи, см. Георг, принц баттенбергский.
Джоржи, см. Георг V, корол. англ.
Джунковский, Влад. Федоров., ген.-м. свиты, моск. губернат. I—247, 248, 271; II—156, 173; III—40, 50, 53, 74, 315.
Дзюбинский, Влад. Иван. IV—424.
Дзялынский, Титус, гр., библиограф. II—268, 269, 275, 277.
Диаманди, румынск. посланник в Петрограде. IV—8, 11, 15, 16, 192, 445.
Диверницкий, ген. III—182.
Дикштейн, экономист. I—315.
Дильман, III—57.
Дмитревская, моск. домовлад. I—281.
Дмитрий Ал-дров., вел., кн., сын в. к. Ал-дра Мих. III—103, 321.
Дмитрий Констант., вел. кн. III—163, 321.
Дмитрий Павлов., вел. кн. III—316; IV—198—200, 424—426, 445.
Дмитров, Иван Иванов., секр. рус. миссии в Штуттгарте. I—169, 172, 207.
Добиаш-Рождественская, Ольга Андр., проф. I—424.
Добржанский, полк. I—234; II—139; III—56.
Добровольский, Никол. Ал-сеев., егерм., управл. мин. юст. IV—164, 166, 173, 176, 183, 194, 195, 445.
Добророльский, Серг. Констант., нач. див., к-р 10-й арм. корп. I—235, 238, 240, 270; II—130—132, 163; III—33, 64.
Добрынин, Филипп Николаев., ген. I—234, 237, 241, 245, 251, 262, 270.
Добрынина, А. Н., жена ген. Добрынина Ф. Н. I—234, 262.
Долгов, жанд. ротм., пом. нач. моск. охр. отд. IV—338, 350.
Долгорукая, Анна Сергеев., княжна. III—103.
Долгорукая, Ольга Петр. (Lolo), кн., жена кн. Долгорукого, А. С. III—141, 321; IV—125, 126, 187, 436, 446.
Долгорукий, Ал-др Серг., кн., об. гофм. III—110, 126, 148, 321; IV—125, 126, 436.
Долгорукий, Никол. Сергеев., кн. IV—74, 120, 436.
Долгорукий, Павел Дмитр., кн. IV—100, 436.
Долгоруков, Васил. Ал-дров., адъют. II—50.
Долгоруков, кн. III—64.
Долгоруков, Вас. Андр., кн., главноупр. III отдел. с. к. IV—400, 401.
Долгоруков, Влад. Андреев. (1810—1891), кн., ген.-ад., с 1856 по 1890 г. моск. ген.-губ. I—375, 378, 380, 381, 383, 385, 386; IV—234—236.
Долгоруков, Никол., кн., воен. представ. России в Берлине. II—119, 124—129.
Долгоруков, Петр Влад. кн., эмигрант, генеалог и публиц. III—206.
Долгоруков, Петр Дмитриевич, кн., член и секр. 1 гос. думы. I—427.
Долинин А. С. II—235.
Домбровский, Ярослав, польск. революционер (1835—71). I—430.
Домонтович, Феликс, комис. варш. рев. правит. III—204, 205.
Дорошевский, Никол. Федоров., чл. гл. воен. суда., ген.-от-инф. I—222, 267.
Дорошевский, С. А. I—211.
Достоевская (урожд. Сниткина), **Анна Григорьевна**, жена писателя. I—367, 368, 370, 373, 375, 376, 378, 379, 381—391; 393—400, 403, 437, 438; II—235, 240, 248, 251, 255; III—251—290.
Достоевская, Варв. Мих., сестра писателя Достоевского, Ф. М. I—377, 387, 388, 389, 395—397.
Достоевская, Вера Михайловна, сестра писателя, см. Иванова В. М.
Достоевская, Люб. Фед., дочь писателя Дост., Ф. М. I—376, 378, 381, 382, 385, 386, 388—391, 395, 397, 399, 400, 402; III—251.
Достоевская, Мар. Фед. (рожд. Нечаева), мать писателя Дост. Ф. М. I—403.
Достоевская, Эмилия Федор., жена Достоев-го, Мих. Мих. II—239; III—270, 271.
Достоевский, Ал-ей Фед., сын писателя Дост-го, Ф. М. III—281.
Достоевский, Андр. Михайлов., гражд. инженер, брат писателя. I—377, 402, 438; II—237.
Достоевский, Мих. Андреев., шт.-лекарь, отец писат. Достоевского, Ф. М. I—402, 403.
Достоевский, Михаил Михайлович, журналист, брат писат. Дост-го, Ф. М. I—362, 365, 366; II—234, 235; III—261, 263; IV—367, 371.
Достоевский, Мих. Мих., сын Достоев-го, М. М. III—261.
Достоевский, Никол. Михайл., брат писателя Дост-го, Ф. М. II—237.
Достоевский, Фед. Мих. (1821—1881), писатель. I—1, 362—405, 435—438; II—234—255, 257; III—251—288, 290, 301—303, 305; IV—365—375, 398—401; ром. «Подросток»—I—366, 436, 437; ром. «Братья Карамазовы» II—242, 245—248, 250, 251, 255, 286; IV—236; ром. «Бесы» I—437; II—246; III—276, 277, 279—281, 301—303; ром. «Игрок» III—268, 270; ром. «Идиот» III—277; ром. «Преступление и Наказание» III—274, 275; IV—368, 369; «Житие велик. грешника» I—436; «Мертвый Дом» IV—370; «Дневник писателя» II—245—246, 248, 250—252, 255; III—276, 285; журн., «Гражданин» III—276; ром. «Вечный муж» III—277
Достоевский, Федор. Фед., сын писат. Дост-го, Ф. М. I—376, 378, 381, 382, 385, 386, 388—391, 395, 397, 399, 400, 402; III—284.
Драга, королева Сербии, жена кор. Александра I. II—16, 114.
Драгоманов, Мих. Петр., истор.-публицист. III—301, 309.
Драгомиров, Абрам Михайлов., ген. I—235, 262, 270.
Драгомиров, Влад. Михайлов., полк., нач. штаба 3 армии. I—262, 272; II—130; III—60, 64.
Драгомиров, Мих. Иванов., ген.-адъют., ген.-губ киевской, подольской и волынской губ.; воен. писат. II—32, 42, 49, 56, 73, 74, 111, 114, 143, 144, 146; III—122, 155, 321.
Драйден (Дрейден), англ. писат. (1631—1700). II—275, 277; IV—391.
Драпкин, Вульф (Борух), чл. минского Комитета Бунда: I—328.
Драченский, Даниил Васильев., ген. свиты. III—45
Дрентельн, Ал-др Ал-дров., ком. Преобр. полка. IV—159, 445.
Дрентельн, Ал-др Роман. (1820—1888), шеф жандарм. IV—264—265.
Друг, см. Распутин, Г. Е.
Дубасов, Федор Васильевич (1845—1912), моск. губ., чл. гос. сов. II—65, 107, 114; IV—89, 90, 99, 100, 104, 115, 437.
Дуббельт, Леон. Вас., шеф. жанд. III—208, 294

Дубнов, Семен Маркович, евр. публицист и историк евр. народа (р. 1860). I—302—303.
Дубов, Илья Арсеньев., ред. «Забайк. Обозрение». II—217, 219.
Дубовицкий, Федор, служ. челяб. отд. Сиб. ж. д., революц. I—340.
Дубровин, Вл. Дмит., офиц. Вильманстр. полка. II—243.
Дубровин, помещик калуж. губ. II—180.
Дубровин, Ал-др Иван., председ. союза рус. нар. IV—191, 196, 445.
Дубровин, Никол. Федор., академик., чл. рус. ист. общ. III—79, 80, 321.
Дудыкевич, I—232.
Дудышкин, С. С. соред. журн. «Отеч. Записки». II—266.
Дулебов, рабочий, чл. б. о. с.-р. II—281.
Дурляхер. II—163.
Дурново. III—125.
Дурново, Ив. Ник., чл. гос. сов., предс. ком. мин. III—85, 105, 107, 112, 122, 129—131, 138, 141, 152, 162, 163, 169, 321.
Дурново, Петр Николаев., мин. вн. дел; д. т. с., в 1905—1906 гг. м. вн. дел. I—329, 331, 332, 336, 340, 351; II—281; IV—87, 88, 90, 91, 93, 98, 99, 103, 105, 107, 124, 437.
Дурново, Петр Павлов., ген.-от-инф., моск. ген.-губ. IV—93, 106, 107, 437.
Дуров, Серг. Федор., петрашевец, поэт. II—236.
Духанина. I—287.
Душкевич, Ал-др Ал-дров., ген. I—225, 268.
Дымша, Любомир Клеофасов., чл. 4-й госуд. думы I—246.
Дюбюк, Евгений. IV—404, 405.
Дюма (Dumas fils), **Ал-др Францевич,** сын драматурга. I—413.
Дюмен, Альфред (A. Chilhaud-Dumaine), франц. посол в Вене. IV—14, 45.

Е

Евгеньев-Максимов, Владим. Евген., ист. литер. I—360, 366; II—263.
Евдокимов, Ал-др Яковл., гл. военно-санит. ген.-инспект. I—228, 229, 232, 234, 269.
Евдокимов, Вас. Ефим., с.-д. II—214.
Евлогий, еп. люблинский (р. 1868 г.), чл. 2 и 3 госуд. думы. I—249.
Евреинов, студ., чл. кружка Зайчневского, П. Г. I—276.
Евреинов, Ал-др Ал-дров, ген.-лейт., нач. 1-й гвард. див. III—122, 134, 321.
Евреинов, Григ. Ал-дров., сенат. IV—98, 437.
Евреинов, Серг. Владимиров., ген. свиты I—231, 269.
Европеус, Ал-др Иван. IV—394.
«Ежов, В.», см. Цедербаум С. И.
Егоров, Дмитр. Николаев., проф. моск. у-та, историк. I—424.
Егоров, Федор, служ. челяб. отд. Сиб. ж. д. I—340.
Езунов, фейерверк. II—181.
Екатерина I, имп. (1725—1727 г.г.), III—96.
Екатерина II (1762—1796), имп., I—6; III—81, 95, 96, 100, 104, 147, 236; IV—108, 437.
Екатерина Мих., вел. кн., жена герц. Мекленбург-Стрелиц. III—129, 321
Екшапар, см. Эшапарр-Дюбрейль.
Елагин, Никол. Васильев. (1817—1891), цензор и дух. писат. I—413.
Елагина, Евд. Петр., племя. Жуковского В. А. II—272.
Елачич, бар., хорватский бан, реакционер. III—177.
Елачич, П. С., вероятно, пом. ст.-секрет., Никол. Ал—дров. IV—127, 437.
Елена Павловна, в. кн., III—129, 321.
Елена Петровна, в. к., урожд. корол. сербская, жена в. к. Иоанна Констант. IV—218, 445.
Елизавета, кор. бельгийск., жена кор. Альберта I. IV—205.
Елизавета Алексеевна, жена имп. Ал-дра I. IV—123, 437.
Елизавета Ив., знакомая Перовской, С. А. III—244, 245, 250.
Елизавета Петровна, имп. (1741—1761 г.г.). III—102.
Елизавета Фед., она же Элла, в. к. II—13, 14, 92, 114; III—36, 152, 315; IV—102, 163, 437, 449.
Енгалычев, Пав. Никол., кн., свиты ген.-л. I—215—217, 239, 263; II—149, 150, 153, 164, 170, 173; III—42, 46, 73.
Епанчин, Никол. Ал-сеев., ген. III—29—31, 55—56, 67.
Епифанов, студент, уч. в партии Народного Права. I—2—283.
Ерандаков, полк. II—156.
Ермолов, Ал-ей Серг., мин. землед. и гос. им. III—82, 85, 88, 89, 114, 117, 118, 126, 128, 145, 149, 152, 321; IV—93, 437.
Ермолов, Никол. Серг., ген. III—32
Еропкин, исправник. II—189

Ж

Жаботинский, Влад. Евгеньев., писат., сионист. I—320.
Жаков, Мих. Петров. II—216.
Жанен, Жюль, франц. беллетр. III—305.
Жданко, Ал-др Ефим., в войну 1914 г. ком. 64 пех. див. III—32.
Жданов, Семен Романович, дир. департ. полиц., чл. сов. мин. вн. дел. I—358; II—190; IV—275.
Жевахов, Никол. Давид., т. об. прокурора синода. IV—177, 445.
Желябов, Андрей Ив. (1851—1881), чл. Исп. Ком. парт. «Нар. Воля». IV—327, 450.
Жеманов, студ. казанск. ун-та, привлек. по делу о казанск. заговоре. IV—280, 284, 285, 294, 298.
Жемчужников, пом. нач. тульск. съезж. отд. IV—357, 358.
Жигарев, Сергей, литер. I—6.
Жидков, жанд. полк. из Динабурга. IV—237.
Жилинский Ипполит Паулинов., ген. I—220, 223.
Жилинский, Яков Григорьев., ген. м., ген.-квартирм. гл. штаба. I—217, 222, 223, 227, 231, 234, 235, 237, 240, 241, 242, 252, 264; II—35, 44, 47, 114, 169.
Жилкин, Ив. Васильев., чл. 1 госуд. думы, трудовик, журналист. I—309.
Жильяр, (Жилик), **Пьер,** гувернер Ал-ея Никол., сына Николая II. III—316, IV—168, 210, 218, 445.
Жорж-Занд, (Аврора Дюдеван), фр. писат. III—305.
Жорес (Jaurès), **Жан,** фр. соц. III—128, 321.
Жоффр, франц. главноком. во время войны 1914 г. II—157, 160, 163; III—59.
Жохов, учен. 1 моск. гимн. IV—405—407.
Жук, видимо, служитель или фельдш. царскосельск. лазарета. IV—210, 212, 445.
Жуков, прок. моск. суда. IV—225, 226, 228.
Жуковский, Вас. Андреевич, поэт. II—270—272, 276 278; IV—383, 386.
Жуковский, Юлий Галактион., ред. «Народной Летописи». IV—394.
вский, жанд. подполк. IV—342.
Журин, Федор, служ. челяб. отд. Сиб. ж. д. I—340.

З

Забелин, Ал-др Федоров., ген.-от-инфант. I—222, 223, 224, 228, 232, 237, 267; II—131, 148, 153, 158—160.
Заботин, чл. ком. по осмотру либавск. укреплений. II—65.
Заботкин, Дмитр. Степанов., ген.-м. II—114.
Заварзин, Ник. Ив., жанд. полк. II—213, 215, 218, 220.
Займовский, Сергей Григор. IV—158.
Зайончковский, Андр. Медардович, ген.-л., историк. I—6.
Зайчневский, Никол. Григорьев., брат Зайчневского П. Г. I—274, 277, 278.
Зайчневский, Петр Григорьевич, револ., якобинец, состав. проклам. «Молодая Россия». I—273—279.
Закревский, Арсений Андреев., гр., моск. воен. ген.-губ. (с 1848 по 1859). I—359; III—297, 310; IV—405—407.
Закржевский, Никол. Иосифов., ген.-м., нач. шт. 5-го арм. корп. II—72, 114.
Залесский-Богдан, поэт. II—268, 269, 276, 278.
Залесский, д-р г. Балашова. III—309.
Залуцкий. II—270.
Зальца, Антон Егоров., бар., ген.-от-инф. I—220—223, 265.
Замараев, лесничий. II—185.
Замятин, Е., археол. I—432.
Замятнин, Дмитр. Николаев., упр. мин. юст. III—210, 216.
Зан. II—272.
Зарин, В. III—210.
Зарницин, Мих. Петр. (он-же Зирки С. А.), б. студ. киев. ун-та, револ. II—223, 224.
Зарубаев, Никол. Плат., инсп. пехоты, чл. сов. гос. обор. IV—71, 110, 114, 437.
Зарудный, А. А., изд. «Петерб. Листка». III—241, 242
Зарудный, Ал-др Сергеев., тов. прок. спб. окр. суда прис. пов. I—351, 354.
Заславский, Давид Осипович, литер., брат Е. О., основ. Южно-Рос. Раб. Союза. I—323.
Засулич, Вера Ив. (род в 1851 г.), чл. груп. «Осв. Труда». IV—410.
Захаров, заведыв. частн. библиот. Красовского в Вятке. IV—286, 288.
Захерт, фабрикант. II—182.
Зауер. II—166.
Звегинцев, Ал-др Иванович, чл. гос. думы. I—253, 272.

Звездин, см. Вайнштейн—Звездин.
Звенигородский, Д. Е., губ. секр. III—241.
«Зверев», кличка, агент жанд. упр., бывш. с.-д. II—212—213.
Зверев, Николай Андреевич, нач. упр. по дел. печ., проф. моск. ун-та. I—376, 402; III—155, 228, 321.
Зволянский, Сергей Эраст., дир. департ. полиц. III—131, 321.
Звонарев, завед. конт. ж. «Современн.» I—362, 363.
Звонников, Ал-сей Иванов., ген.-л. I—231, 269.
Здзярский, Мирослав, (он-же Ковальский Владислав), с.-д., чл. орг. «Союз Сибирск. Рабочих». II—214—215.
Зевакин, д-р. IV—431.
Зенгер, Григ. Эд., мин. нар. просв. III—135, 136, 151, 321.
Зензинов, М. М., издат. I—429.
Зизи, m-m, см. Нарышкина, Е. А.
Зимниых, крестьян. III—300.
Зиновьев, студ. харьков. ун-та, знакомый П. Г. Зайчневского. I—276.
Зиновьев, Ал-др Дмитр., пет. губ. предв. двор. III—140, 142, 147, 321.
Зиновьев, Ив. Ал-сеев., посол в Константинополе. III—153, 321.
Зиновьев, Гр. Евсеев., пред. И. К. Коминтерна, чл. Ц.К. Р. К. П. (б.), II—214.
Зирки С. А., см. Зарницын М. П.
Зиська, рабочий, аг. Зубатова С. В. I—301.
Злебов, Серг. Васил., кап. 1-го ранга гвард. экипажа. III—315.
Золотарев, И. Ф., чл. славянск. благотв. О-ва. I—378, 379, 384, 388, 391, 394, 396, 402.
Золотова. II—27, 114.
Золя (Zola), **Эмиль** (1840—1902), франц. романист. I—413; II—51.
Зотов, кол. асесс. II—191.
Зубатов, Сергей Васильевич, нач. мос. охр. отд. I—289—301, 305—314, 316, 317, 323, 327; II—81, 82, 84, 114, 281—282; III—122, 127, 135, 321; IV—411, 413.
Зубков, купец, фабрик. влад. губ. (с. Иваново). I—183.
Зусман, Гр. Абр., сотр. с.-д. сибир. изд. и газ. II—217.

И

И., Ал-дра Иван., подруга А. Г. Достоевской. III—254, 272—274.
«Иван», кличка агента жанд. управл. в Ново-Николаевске. II—220.
Иваницкий, шт.-кап. Охотск. полка, чл. ком. «Земля и Воля», обвин. по делу о казанск. заговоре. IV—276—283, 290, 293—296, 299.
«Иванов», кличка, см. Преображенский Е. А.
Иванов, Ал-др Павлов., врач. I—402.
Иванов, Б.—псевдоним, см. Васильев Б. С.
Иванов, Бор. I—435.
Иванов, Ив., слушатель Петровск. сельско-хоз. академ. I—280; IV—223—225, 229, 253, 254.
Иванов, Никол. Ал-дров., турк. ген.-губ. III—118, 321.
Иванов, Никол. Иудов., ком-щий ю.-зап. фронтом в войну 1914 г., в 1915 г. сост. при Николае II. I—216, 217, 219—221, 223—226, 240, 247, 259, 261, 264; II—30, 114, 133, 143, 162, 170; III—29, 37, 44, 46, 57, 61—63, 65, 67, 68, 70, 315; IV—160, 204, 215, 217, 445.
Иванов, М. IV—211.
Иванов, С. А., литерат. II—32.
Иванова, Вера Мих., сестра Достоевского, Ф. М. I—377, 402, 403.
Иванова, Елена Павл. I—376—378, 381, 383, 385—389, 391, 402.
Иванова, Мар., дочь Ивановой Е. П. I—391.
Иванова, Мар. Ал-дров., племян. Достоевского, Ф. М. I—377, 378, 381, 385, 387, 402.
Иванова, Натал. Ал-дровна, племян. Достоевского, Ф. М. I—377, 385, 403.
Иванова, Нина Ал-дров., племян. Достоевского, Ф. М. I—377, 385, 402.
Иванова, Софья Ал-дровна, племян. Достоевского, Ф. М. I—377, 402.
Ивановский, вер., **Ипполит Констан.**, д. с. с., инжен. пут. сообщ. I—339—340.
Иванчин-Писарев, Ал-др Иванов., народник-пропагандист (70-е годы). III—297.
Ивановы, родст. семья Ф. М. Достоевского. I—377, 385, 387.
Игнатов, Б., агент моск. охранн. отд. I—291.
Игнатьев, Ал-ей Ал-сеев., гр. III—32, 54.
Игнатьев 2-й, Ал-ей Павлович, гр., ген.-л., чл. гос. совета. II—32, 114; III—137, 321; IV—108, 437.
Игнатьев, Никол. Павл. (1831—1908), гр., мин. вн. дел. III—101, 104, 287, 321; IV—71—73, 76, 77, 80, 90, 91, 96, 106, 108, 111, 121, 437; IV—322, 336, 337, 450.
Игнатьев, Пав. Никол., гр., мин. нар. просв. IV—197, 445.
Иза, см. Букегевден, Соф. Карл.
Изабелла II, кор. Испанская (1830—1904). I—26, 27, 207.
Избаш, Анна Петровна, сестра лейт. П. П. Шмидта. I—347, 351, 354.
Извольский, Ал-др Петров., мин. ин. дел., посол в Японии и Париже. II—21, 114; III—54, 55; IV—7, 21, 51, 53, 81, 104, 111, 113, 120, 437.
Измайлов, моск. дмвл. III—298.
Изюмов, Ал-др Филарет. (И. А.). I—427, 428.
Иконников, Влад. Степ., проф.-истор. III—306.
Иксиуль-фон Гильденбандт, Ал-др Ал-дров., бар., чл. ден. зак. гос. сов. III—133, 135, 137, 321.
Иксиуль-фон Гильденбандт, Юлий Ал-дров., бар., ст.-секр. IV—64, 65, 97, 99, 101, 104, 112, 437.
Илина. I—386.
Илларионов, В. Т. I—432, 433.
Ильин, Ал-ей Ал-сеев., гофм., чл. гос. сов. IV—163, 445.
Имеретинский, Ал-др Конст., снетл. кн., варш. ген.-губ., ком. войск. варш. в. окр. III—126, 321.
Иноземцев, Фед. Ив., д-р. IV—406.
Иованович (Dr. M. Iovanovitch), сербск. повер. в делах, секрет. сербск. посольства в Германии в 1914 г. I—190, 199, 204, 205, 207.
Иоанн Грозный (1547—1584 г.г.). II—50; III—125; IV—158, 187.
Иоанн Конст. (Иоанчик), кн. IV—178—180, 445.
Иогансон, К., делопр. рус. посол. в Пекине. II—292.
Ионов, В. А. IV—308.
Иосиф, старец Оптиной пуст. IV—349, 351, 358.
Иосиф, столяр, I—317.
Иори, граф. II—125.
Ирина (Ирен), принц. прусская, сестра Ал-дры Федор IV—173, 445.
Ирина Ал-дров., дочь. в. к. Ал-дра Мих., см. Юсупова И. А.
Ирман, Влад. Ал-дров. III—38.
Исаев, Пав. Ал-дров., пасынок Ф. М. Достоевского III—255, 266.
Исаева, Мария Дмитр., первая жена Ф. М. Достоевского. III—267.
Исаков, издат. фирма. III—278.
Исаков, Николай, унт.-офиц. Петропавл. крепости. IV—240.
Ислявин, Мих. Влад., новг. губ. IV—174, 177—181, 445.
Ислявина, жена М. В. Ислявина. IV—180, 181.
Ислявина, дочь М. В. Ислявина. IV—180, 181.
Истомин, Никол. Михайлов., ком. корп. III—42.
Ито марк., предс. тайного совета в Японии. IV—68, 437.
Ишутин, Никол. Андр., револ., основатель кружка «Ад». II—177, 197.
Ицкович, Моисей, служ. челяб. отд. Сиб. ж. д. I—340.

К

К. пр. II—144.
Кавелин, Дмитр. Ал-дров. (1778—1859), директ. спб. ун-та. I—426.
Каган, Хая, чл. партии Поалейцион. I—318.
Казбек, Георг. Ни тол., ген.-л. I—338.
Казимирский, ген.-м. II—183.
*** Кайгородов, Мих. Никиф.** III—90.
Калайдович, Конст. Федоров., археолог. I—422.
Калаус, Карл. III—177.
Калачев, Вик. Вас., сенат., чл. гос. сов. III—117, 121, 321.
Калачев, Никол. Васильев. (1819—1885), юрист-историк, сенат., управл. моск. архивом мин. юстиции. I—394, 404, 422.
Калинин, см. Протопопов, А. Д.
Калинин, Мих., служ. челябин. отд. Сиб. ж. д. I—340.
Калинка, Валериан, польск. истор. III—204, 327.
Калиш, герм. консул в Рущуке. I—16, 17, 207.
Каллаш, Влад. Влад., ист. литер. III—243, 244.
Кальноки (Kalnoky), **Густав**, гр. (1832—1898), австро-венг. мин. ин. дел (1881—1895). I—108, 109, 207.
Камбон (Cambon), **Жюль**, франц. посол в Берлине. I—164, 165, 166, 173, 174, 176, 177, 179, 191—194, 197—200, 204, 207; IV—26, 28.
Камбон, Поль, франц. посол. в Лондоне. IV—26.
Камура, япон. мин. ин. дел. IV—68, 427.
Каневский (?) Я, с.-д. II—209, 210.
Канин, Вас. Ал-дров., адмир. III—66.
Кантор, Рувим Моисеевич. I—428; III—245, 311.

Капнист, Над. Ал-сеевн., гр. жена Капниста, П. А. III—161, 162, 321.
Капнист, Петр Ал-сеев., гр., сенат. III—161, 162, 321.
Капнист, Петр Ив., чиновн. гл. упр. по дел. печати. IV—396.
Капустин, Никол. Яковл. II—165.
Каракозов, врач, брат Каракозова, Д. В. III—299.
Каракозов, Дмитр. Владимир., чл. ишутинск. кружка «Ад», казненный за покушение в 1866 г. на Александра II. I—429; II—197; III—299, 300.
Карамзин, В. Н., сын истор. Карамзина, Н. М. II—256, 259.
Карамзин, Никол. Михайл., историограф. I—436; II—256, 258; IV—391.
Карамзина, Елиз. Никол. (1821—1891), фрейл., дочь историографа. IV—329, 450.
Карачан, Петр Петров., ген., нач. Мих. арт. учил. II—137, 138, 140.
Карачан. III—43, 44.
Карачаров, Влад., студ. моск. ун-та. III—300.
Карл I, кор. англ. (1600—1649). I—424.
Карл I, рум. кор. IV—23, 53.
Карлотти, итал. посол в Петрогр. IV—5, 6.
Карнаухов, Никол., он же Куруков, крест. IV—303, 305.
Карпов, дворянин. IV—294.
Касаткин-Ростовский, Никол. Федор., кн., чл. гос. сов. IV—107, 108, 116, 117, 437.
Касинский, подполк. II—179.
Кассини, Артур Павлов., гр. II—102, 114; IV—129.
Катарки, Мих. Иванов., сост. в 1914 г. при русск. посол. в Берлине. I—197, 207.
Катенин, цензор. II—232.
Катков, Мих. Никифоров. (1818—1887), проф. моск. унив., публицист. I—368, 374, 376—379, 381, 384—386, 391—398, 401, 405; II—46, 114, 253, 266; III—76; 321; IV—115, 227, 365—375, 437.
Катуся, В., см. Васильчикова, Е. П.
Каульбарс, Ал-др Васильев., генер.-от-кавал. I—221, 223, 266, 351; II—97, 110, 112, 114, 131, 132, 133, 150, 159, 160; III—59
Кауфман-фон, Петр Мих., сенат., мин. нар. просв. IV—105, 159, 186, 195, 437, 445.
Каханов, Мих. Семен., чл. гос. сов. IV—94, 437.
Каханов, Семен Васильев., ген.-от-кавал., команд. 20-го арм. корпуса. II—51, 53, 72, 114.
Качеповский, Мих. Троф., проф.-истор. IV—391,392.
Качура, точнее Качур, **Фома**, рабочий, чл. б. о. парт. с.-р. II—281, 283.
Кашкин, Влад. Дмитр., моск. книгопр. I—377, 402.
Кашировы, семья Каширова, Вас. Влад., изд. журн. «Заря». III—277.
Кветный, А. З., редакт. журн. «Больничная Касса». II—207.
Кедринский, см. Керенский, А. Ф.
Кейделль-фон (Keudell), **Роберт** (1824—1903), советн. герм. посол. в Константиноп. I—14—17, 20, 21, 207.
Келлер, студ., уч. в деле партии Народн. Права. I—282—283.
Кельин, Федор Викторович. I—205.
Кельсиев, Вас Ив., эмигрант, сотр. А. И. Герцена, ренегат. III—200—203, 326, 327.
Кендзеровский см. Кондзеровский, П. К.
Кеневич, Иероним Станисл., инжен., револ., IV—274, 277, 280, 292, 293, 296.
Керенский (Кедринский), Ал-др Федоров., полит. деятель. I—9, 264; III—49; IV—158, 206, 446.
Керри, англ. посол в Константинополе. I—160, 207.
Кермиль-паша, вел. визирь. III—25, 318.
Кидерлен-Вехтер, герм. ст.-секр. по иностр. дел. III—6—8, 28, 318.
Киля, Абрам, чл евр. незав. раб. партии. I—302.
Киреева (рожд. Новикова), **Ольга Ал-сеев.**, публицистка. I—377, 402.
Кирилл II, патр. иерусал. (1845—1872). I—17.
Кирилл Владимиров., вел. кн. I—216; II—85, 114; IV—74, 83, 168, 184, 215, 217, 218, 220, 437, 446.
Киселевский, Никол. Михайлов., ген.-л. I—262, 272.
Китченер, англ. воен. мин. I—259; II—136; III—59—61, 66, 70.
Кишкин, моск. книгопр. I—383.
Кишкин, офиц. 18-го гусар. Нежин. полка. IV—354.
Кладо, Никол. Лаврентьев., моряк, писатель. II—35, 115.
Clarethie Jules, фр. истор. IV—244.
Классон, Роб. Эд. IV—308, 309.
Клейгельс, Ник. Вас., петрогр. градонач. III—87, 91, 93, 94, 114, 321.
Клейнберг-фон, Иоган Эдлер, ген.-м., воен. коман. в Богемии. III—173, 194, 197.
Клейнерт, Пав., чл. пражск. револ. комитета. III—188.
Клейнмихель, Екат. Никол., гр-ня. III—45.
Клейнмихель, Мар. Эдуард., граф. IV—5, 434.
Клембовский, Владисл. Никол., ген. I—220, 266; II—285.
Климович, Евг. Конст., ген.-м., пом. мин. вн. дел. IV—423.
Клопшток, поэт. IV—391.
Клука, Винценц, эфрейтор. III—195.
Клюев, Никол. Ал-сеев., команд. 13-го арм. корпуса, I—231, 269.
Ключевский, Василий Осипович, проф. рус. ист. I—431; IV—93, 98, 437.
Клячко, Самуил Львович, чл. Пругавинск. кружка. III—247.
Княжевич, Ал—др Ант., камерг., чин. ос. пор. при иверск. общ. сестер милосердия IV—209, 446.
Княжевич, Никол. Антон., г.-м. св., б. команд. Крымск. кон. Ал—дры Фед. полка. IV—211, 446.
Князев, Петр, служ. челяб. отдел. Сиб. ж. д. I—340.
Коавелье, К., аг. моск. охр. отд. I—291.
Кобеко, Дмитр. Дмитриев., тульск. губернат. IV—357—360.
Кобеко, Дм. Фомич, директ. Публ. Библ. IV—71, 437.
Ковалевский, Владим. Иванов., тов. мин. финансов. II—12, 114; III—87, 117, 118, 125, 126, 165, 321.
Ковалевский, Макс. Максим., академ. и проф. I—366, 386, 392—394, 398, 403.
Коваленко, Петр. Ал-дров., сотр. нелегальн. с.-д. изд. и газеты в Сибири. II—216.
Коваленко, С. Л. (жена Коваленко, П. А.), сотр. нелег. газеты в Сибири. II—217.
Ковалик, Серг. Филип., революц. III—243.
Коган—Бронштейн, Матв., Львов., чл. Ц. К. р. с.-р. (псевд. Михайлов Ф.) II—204.
Кожанчиков, Дмитр. Ефим., влад. издат. фирмы. III—278, 280.
Кожевников, Лев Матв., ст. лейт. гв. экип. IV—190, 191, 446.
Кожухов, Евген. Ал-сеев., чл. совета глав. упр. по делам печати, предс. спб. цензурн. комитета. I—412—414, 416.
Козелл-Поклевский, см. Поклевский-Козелл.
Козлов, Ив. Иван. литерат. II—272.
Козлянинов, Петр Федор., казанск. губ. IV—408, 409.
Кознов, надв. сов. II—184.
Козьмин, Бор. Павл. (К. Б.), литерат. I—274; II—286; III—231, 234, 242, 298: IV—275, 296, 298.
Козьмян, Каэтан, польск. поэт. II—268, 270, 275, 277.
Коковцев, Влад. Никол., ст.-секр., мин. фин., чл. гос. сов. I—215; III—46, 117, 133, 135, 137, 138, 143, 165; IV—65—67, 69, 70, 72, 73, 76, 77, 82, 87, 91, 95, 96, 99, 104, 112, 113, 117, 119, 122, 128—156, 159, 176, 189, 437, 446.
Кокряцкий, рабочий Благовещ. завода, уфим. у. II—193.
Коленкин, Ал-др Никол., ком. 5-го гус. Ал-дров. полка. IV—169, 446.
Колесникова, А. К., сотр. с.-д. нелегальн. газ. в Сибири, (жена Трофимова, Д. Н.). II—216.
Коломийцева, А. К. I—438.
Колосовский, Влад. Вас., ген. II—154, 167.
Колпенский, Влад. Васил., I—428.
Колчак, Ал-др Вас., адм. I—269.
Комар, см. Комаров, В. А.
Комаров (Комар), Влад. Ал-дров., ком. л.-гв. собст. е. в. полка. IV—195, 446.
Комаров, Никол. Николаев., ген.-от инфант. I—235, 270; II—126—129.
Комарович, Васил. Леонид., литерат. II—235.
Combarié, генер. секр. през. Лубэ. III—147.
Кондзеровская, m-m. II—157.
Кондзеровский, Петр Конст., дежк. ген. при верх. главноком. II—133, 174; III—31.
Кондратович, Киприан Антонович, ген., участник войн рус.-япон. и 1914 г. I—225, 227, 242, 268; II—171; III—37, 42.
Кони, Анатолий Федорович, сенат., юрист, писатель; I—370, 373, 401; II—254; IV—98, 437.
Константин Константин., вел. кн., президт. Акад Наук. I—385, 403; II—28, 29, 59, 114; III—114, 125, 163, 321; IV—101, 437.
Константин Николаевич, вел. кн. (1827—1892). I—429—430; III—89, 93, 296, 299, 321; IV—115, 317, 335, 337, 437, 450.
Константин Павл., в. к. брат Николая I. II—270; III—296.
Копиченко, учит. нижегор. института. IV—286.
Копылов, Адр. Федор., ст. цензор комит. ин. ценз., проф. варш. гл. школы III—306.
Копытов, Никол. Васильев., вице-адм., гл. команд. черноморск. флота в 1914 г. I—154, 155, 207; II—65, 11
Корвин-Круковская, Анна Васил., III—267.
Коровин-Милевский, Иппол. Оскар., чл. гос. сов. IV—128, 437.

Корнилов, Иван Петров. (1811—1901), попеч. вил. уч. окр., предс. Слав. комит. III—276, 290.
Корнилов, Федор Петров., ст.-секр., чл. госуд. сов. I—396, 405.
Корнилова (по мужу Мороз), **Ал-дра Иван.,** чл. кружка «Чайковцев». III—243, 244, 247.
Корнилова (по мужу Сердюкова), **Люб. Ив.,** чл. кружка «Чайковцев». III—243, 244, 247, 250.
Корнилович, Ольга Ефим., I—427.
Коробков, Влад. Мих. (К. В.). IV—407.
Корова, Коровка, см. Вырубова, А. А.
Коровин, Петр Иван., художник. IV—431.
Короленко, Влад. Галактионов., писат. I—418—422, 432.
Коростовец, Ив. Яковл., чрезв. посл. в Пекине (1908—1912 г.г.). III—23, 318.
Корсаков, Никол. Дмитр., ком. Петрон. креп. IV—238, 241, 244—252, 257, 258.
Корф, помещ. III—248.
Корф, Модест Андр., гр., деят. эпохи Николая I. III—77, 150, 321; IV—114, 437.
Корф, Пав. Леоп., бар., петерб. гор. голова, чл. гос. сов. IV—106, 438.
Корф, Пав. Павл., бар., об.-церем. IV—206, 446.
Корчагин, В. Д., моск. книгопрод. III—228.
Корш, Валент. Федор., пом. ред. «Моск. Вед.» III—297.
Косов, Мих. Васильев., полк. сост. при верх. нач. санит. и эвак. части. I—335.
Коссаговский, ген.-м., нач. казач. бриг. в Персии. II—42, 114.
Коссиловский (Коссимовский). III—202.
Коссович, Смарагд Игнат., цензор. III—223, 224.
Коссович, Станислав Игнатьевич, ред. жур. «Голос. Печати. Труда». II—208.
Костомаров, Всев. Дмитр., провокатор, племян. проф. Костомарова Н. И. III—229—233.
Костомаров, Никол. Дмитр., брат Всевол. Дм. III—229, 231.
Костырко, Петр Захар., II—161.
Костюшко, Тадеуш—Андрей, польск. генер. II—276.
Котов, Григ. Иван., чл. уч. ком. мин. нар. просв. III—78, 110, 130, 146, 165, 322; IV—126, 438.
Кофтоненко. IV—432.
Кочергин, Михаил Васил., полк. I—252; II—168; III—56.
Кочетов, коммер. агент в Констант. I—159, 207.
Кочубей, Вас. Аркад., поч. мир. судья. IV—125, 126, 438.
Кочубей, Викт. Павл., кн., деят. при Ал-дре I и Никол. I. III—107, 117, 126, 131, 148, 322.
Кочубей, Никол. Вас., корн. л.-гв. кон. полка. IV—125, 438.
Кошут, Людвиг, венг. полит. деятель. III—181.
Кощенко, Гавр. Григор., (он же **Бешляга, Николай Влад.,**) ред. газ. «Восточная Сибирь». II—218—219.
Кравченко, Никол. Иван., художник, корресп. «Нового Времени». II—134, 135.
Кравчинский, Серг. Мих. (Степняк), писат. и револ. деят. III—248.
Краевский, Андр. Ал-дров. (1818—1889), изд. журн. «Отечеств. Записки» I—251, 390, 403, II—236, 239, 264, 265—267; III—311.
Краевский, Мих. Михайлов., ген.-л. I—251, 272.
Крамаренков, Вас. Ив., об.-секрет. сената. I—427.
Крапивин, студ. мед.-хирург. акад., револ. II—190.
Красивский, чл. сов. московск. рабочих, агент Зубатова, С. В. I—309.
Красинский, Валериан, гр., кам.-юнк. II—268—271, 274, 276.
Красная шапка, кличка. IV—158, 219, 220.
Краснокутская, Вера Леонард., урожд. бар. Штейнгель III—157.
Красноперов, Георгий, семин. г. Вятки, привлек. по делу о казанск. заговоре. IV—288, 289.
Красноперов, Ив. М., вольнослуш. казанск. ун-та, привлек. по делу о казанск. заговоре. IV—273, 286—289.
Красный, Андрей, натер. III—177.
Красовский, содержат. части. библ. в Вятке. IV—286—289.
Красовский, кадет ташкентск. корп. III—61.
Красовский, Мих. Вас., предс. петр. гор. думы. IV—78, 438.
Красовский, Н., агент моск. охр. отд. I—291.
Кремер, Оскар Карлович, адм. II—17, 115; III—77, 322.
Крессон, Е. Е., франц. докт. IV—232, 446.
Крестовский, Всевол. Влад., писат. III—264.
Кривенко, Вас. Силов., упр. канц. мин. имп. двора. IV—94, 438.
Кривошеин, Ал-др Вас., чл. гос. сов., главноупр. землеустр. и земледел. III—49; IV—29, 30 197, 446.
Кривский, Павел Ал-дров., сарат. предв. двор. III—146, 322.
Кричинский, кантон. начальн. в Челябе. IV—304—307.
Кротков, свящ. IV—290.
Кру, лорд, ст.-секр. по дел. Индии. III—21, 318.
Круглов, мещ. г. Лаишева. IV—291.
Круковская, Л. Я. III—251.
Круленский, Анат. Ник., рус. пос. в Риме. IV—49.
Крупп, влад. сталелит. и пушечн. зав. в Пруссии. I—238; II—141.
Крупышев, нач. тяги Сиб. ж. д. I—340.
Крут, провок., сотр. иркутск. раб. газ. «Наш День» II—212.
Крушинский, перевод. франц. стихов и итальян. опер. II—268, 275, 277.
Крыжановский, демократ-галиц. эмигрант. III — 181. 182, 184, 185.
Крылов, Никита Иванов., юрист, проф. моск. ун-та (1807—1879). I—426.
Крымов, Ал-др Мих., ген. IV—157.
Крюков, Григор. Васильев., ген.-л., команд. 19-го арм. корпуса. II—71, 115.
Ксения Александровна, вел. кн., сестра Николая II. II—92, 115; III—103; IV—168, 201, 215, 424—426, 446.
Кублицкий, Ал-др Ив., ст. лейт. гв. экип. IV—203, 446.
Кугушев, кн. IV—396.
Кугушев, Вяч. Ал-дров., кн. IV—106, 107, 438.
Кудашев, Никол. Ал-дров., советн. рус. посол. в Вене. I—167, 168, 207; IV—13—15, 45, 56.
***Кудрявский, Д. Н.,** проф. I—432.
Кузнецов, А. К., участн. проц. Нечаева С. Г. IV—225.
Кузнецов, А. IV—339.
Кузнецов, Яков, крепостн. упр. Демид. суконник. завод. II—179.
Кузьмин, прапор. запаса, револ. I—357.
Кузьмин-Караваев, полк. для особ. поруч. при оренб. ген.-губ. Безаке. IV—302, 306.
Кузьмин-Караваев, Дмитр. Дмитр., нач. гл. упр. арт., чл. воен. совета. I—211, 222, 229, 248, 267; II—161, 170.
Кулеш, Ничипор (псевдон.). III—306.
Кулик, смотритель. IV—207, 213.
Куликалов, крест. II—191.
Кулиш, Пант. Ал-дров., лингв. и поэт. III—310.
Кулишер, Иосиф Михайл., проф. I—427.
Кулляр-Деко (Coullard-Descos, L.), фр. пос. в Белграде. IV—48.
Куломзин, Анат. Никол., чл. гос. сов., упр. дел. комит. министр. III—117, 118, 162, 164, 322; IV—95, 112, 438.
Куманин, учен. моск. землед. школы. I—286—287
Куницин, Ал-др Петрович, проф. петр. ун-та (1783—1840). I—425—426.
Кун-Леб и К-о, торг. дом. IV—141.
Куперник, Лев Абрамов., прис. пов., писатель. I—345, 354.
Кунин, сионист. I—319.
Куракин, Анат. Ал-дров., кн. III—123, 125, 155, 322 IV—74, 438.
Куракин, Ив. Анат., кн. III—89, 322.
Куракина, Елиз. Михайл., кн. рожд. кн. Волконская, жена А. А. Куракина. III—85, 123.
Куракина, Софья Дмитр., кн., урожд. Толстая, жена Ив. Ан. Куракина. III—89, 325.
Куракины. IV—195.
Курбский, Андрей, Мих. кн. I—50.
Курино, японск. посол. II—37, 94, 105, 106.
Курлаков, Мих. Иван., крест. IV—305.
Курлов, Пав. Григорьев., ком. отд. корп. жанд., т. мин. вн. дел. I—215—216, 219, 264; IV—358, 359, 412.
Куров, Я. I—435.
Куропаткин, Ал-сей Николаев., ген.-ад., пом. воен. мин. I—2, 221, 223, 225, 247, 266, 338; II—5—112; III—75—77, 83, 84, 87, 88, 92, 94, 103, 104, 134, 135, 137, 153, 164, 322; IV—71, 252, 438.
Куропаткина, Ал-дра Мих., жена Куропаткина, А. Н., по прежнему мужу Щербинская. III—88.
Курт. II—52.
Курулов, Георгий Дорчиев. II—221, 224, 225.
Курч, Степан Осипов., ген.-м. II—71, 115.
Кусманек, австр. коменд. Перемышля. III—49.
Кутайсов, Конст. Павл., фл.-ад. IV—206, 446.
Кутайсов, Пав. Иппол., гр., иркут. ген.-губерн. I—337.
Кутузова, гр. III—123.
Кушелев-Безбородко, Ал-др Григор. IV—113, 438.
Кшесинская, Матильда-Марианна Феликс., балер. Мариин. театра. III—93, 94, 102, 322; IV—176.
Кюхельбекер, Вильг. Карл., декабрист. III—224.

Л

Лавров, Викол Мих. изд. журн. «Рус. Мысль». I—376, 377, 379, 380, 382, 384, 400.
Лавров, Мих. Петров., сын Лаврова, П. Л. III—221.

Лавров, Никол. Фед. (Л. Н.) I—417.
Лавров, Петр Лавр., револ. деятель. I—430; III—218—222, копия его послужн. списка 219—221.
Лаврова, Серг. Петр., сын Лаврова, П. Л. III—221.
Лаврова, Елиз. Петр., дочь Лаврова, П. Л. III—221.
Лаврова, Мария Петр., дочь Лаврова, П. Л. III—221.
Лаврский, студ., привлек. по делу о казанск. загов. IV—280, 282, 285, 290, 292.
Лагарп, воспит. Ал-дра I. II—275, 277
Лагиш, франц. ген. III—64.
Лазаревы, заводчики. II—177, 178, 193.
Ламздорф. IV—173.
Ламздорф, Влад. Никол. (1841—1907), гр., мин. ин. дел; I—62, 207; II—6, 8, 11, 12, 14—16, 21, 28, 34, 37, 39, 40, 43, 44, 48, 52, 54, 75—80, 85—87, 91, 94—97, 100—109, 115, 293; III—80—82, 102—103, 137, 153, 154, 162, 163, 168, 322; IV—76, 81, 93, 95, 100, 104, 113, 438.
Ланглуа, франц. майор. II—157, 163; III—60.
Ланской 2-й, Петр Петров., ген.-ад. II—190.
Ланской, Сергей Степ., мин. вн. дел. I—358; IV—399.
Лапинский, револ. III—204, 205.
Лапкин, студ. петров. с.-х. акад. III—299.
Ларионов, Сем. кр., стар. с. Шухомошь. IV—401—403.
Лассаль, Фердин., нем. филос. и пол. деятель., лит. I—347.
Ласточкин, ген., нач. гарн. в г. Иркутске. I—337.
Лауниц, изобретатель. II—66.
Лауниц, фон-дер, Мих. Вас., ген. III—203.
Лебедев, учен. моск. землед. школы. I—286, 287.
Лебедев, жанд. ротм. IV—343.
Лебедев, цензор. II—229.
Лебедев, Серг. Ив., сотр. ирк. раб. газ. «Наш День». II—212.
Лебедев, Петр Ал-дров., прис. пов. II—220—225.
Лебедева, Люб. Никол., знаком. В. М. Чернова I—287.
Лебедева, Над. Никол., знак. В.М. Чернова. I—286, 287.
Лебрэн, лирич. поэт. II—275, 277.
Левашев, Никол. Вас., гр., т. шефа жанд. IV—222, 223, 225, 226, 228, 230, 255, 268.
Левестам, ген. I—339.
Левин. I—315, 316.
Левин, Ш. М. (Л. Ш.). II—206—208, 212—216, 218, 221, 224, 225.
Ле Гретан, проф. акад. в Лозанне. II—278—279.
Леер, Генрих Антон., ген. I—243.
Лейхтгаммер, участн. в партии Народного Права I—282, 283.
Лейхтенбергская, Анаст. Никол., см. Стана.
Лейхтенбергский, Георг. Максим. (1852—1912), герц. III—125, 152, 160, 322.
Лейхтенбергский, Ник. Макс., герц. IV—115, 438.
Лекиерт Гирш, рабочий, револ. I—298, 307, 323.
Лекс, тайн. сов. III—208.
Лелевель, Иоахим, истор. II—268—271, 274, 276.
Лелянов, Пав. Иван., петрогр. гор. гол. IV—211, 446.
Лемке, Мих. Конст., истор. общ. движ. I—366; III—174, 199, 203, 207, 210, 230, 232, 233, 241, 295, 308, 310; IV—273, 396, 397.
Лентюжников, Пав. Никол. чин. ос. поруч. при ден. полиции. I—415.
Lansdown (Ленсдоун), мин. ин. дел в Англии. II—102, 115.
Ленгольдт В. П., пом. секр. моск. окр. суда, I—281.
Ленский, чл. Ц. К. Бунда. I—327.
Лентовский, Мих. Валент., антрепренер. I—396, 405.
Ленц, Роб. Эмил., проф., чл. сов. мин. III—143, 145, 322.
Леонтьев, Влад. Георг., ген.-кварт. сев. фронта. I—224, 242, 268.
Леонтьев, Конст. Никол., публиц., славянофил. I—370, 372; II—251, 255.
Лепешкин, моск. купец, влад. фабрики. II—180.
Лермонтов, Серг. Ал-ров., рус. посл. в Штутгарте. I—182, 207.
Лермонтов, Мих. Юрьев., поэт. I—387.
Лессар, Пав. Михайл., послан. в Пекине. II—21, 22, 42, 43, 80, 115.
Лессинер. II—206.
Лесур, секр. франц. посольст. в Пруссии. I—14, 15, 207.
Леткова, Екат. Пав., писат. III—304.
Лечицкий, Плат. Ал-сеев., ген., в войну 1914 г. комщий 9-й арм. I—219, 220, 251, 265; III—33.
Леш, Леон. Вильгельм., ген. III—60.
Лешерн, Софья Ал-ров., чл. кружка чайковцев. III—243.
Лианозов, Георг. Мартынов., финан. и коммер. деятель. II—91.
Либер, Мих. Исаак. См. Гольдман, М. И.
Либкнехт, Вильгельм (1826—1900), вождь герм. соц.-дем. I—317.
Либкнехт, Карл, сын Либкнехта В. II—210.
Ливен, Георг Андр., кн., туркум. пред. двор. II—66.
Ливен, Ал-др Ал-дров., кн., управл. гос. двор. зем. банком. III—84, 322.
Ливен, Карл Андреев. (1767—1844), куратор дерпт. учеб. округа. I—425.
Лизочка. IV—219.
Лили, см. Ден, Ю. А.
Лильпоп-Рау, механ. завод в Варшаве и Сосновицах. II—138, 140; III—36, 48.
Лимонов, рядовой Астр. полка. I—334.
Линде. II—270.
Линев, перехтск. исправн. IV—401, 402, 404.
Линевич, Ал-др Никол., полк., фл.-ад. IV—127, 215, 217, 438, 446.
Линевич, Никол. Петров. (1838—1908), главноком. в японск. войну. I—330, 335, 336; II—110, 112, 115; IV—71, 80, 438.
Линкевич, сапожник. II—181.
Линч, концессионер. III—21, 22.
Липхард, студ. моск. ун-та, привлек. по делу о казанск. заговоре. IV—288.
Литвинов, Ал-др Иван., в войну 1914 г., коман. 1-й арм. II—134, 174.
Литвинов-Фалинский, Влад Петр., писат. III—34, 35, 40, 41, 48, 58, 60, 63, 67, 69.
Литта, Юлий Помпеев., гр. III—96.
Лихновский, кн., герм. посол в Лондоне. IV—48.
Лихтенштейн, кн., австр. посл. при рус. дворе конца XIX в. IV—195, 446.
Ли-Хун-Чжан, китайск. госуд. деятель, консерват. II—287—292.
Личкус, подрядчик. II—189.
Лобанов-Ростовский, Ал-ей Борис., кн. III—82, 322; IV—92, 438.
Лобко, Лев Львович, госуд. контр. II—13, 29, 109, 111, 115; III—100, 101, 106, 107, 113, 124, 164, 322; IV—75, 76, 81, 438.
Ловейко (урожд. Катер), **Антонина-Цецилия**, жена Лаврова, П. Л. III—221.
Логинов, Иван. II—223.
Лодий, Петр Дм., проф. спб. педагог. институт. I—426.
Лой-Джордж, анг. премьер. III—60.
Лоло, см. Долгорукая, О. П.
Ломан, Дмитр. Никол., полк., сост. при поезде имп. Ал—дры Фед. III—315.
Ломиковский, Петр Никол. III—73.
Ломовский, Виктор, железнодорож. I—340.
Ломтатидзе, Викент., Бибонович, чл. 2 госуд. думы. II—224.
Лондон, Е. С., старш. врач санит.-гигиен. отр. II—171, 173.
Лонткевич, Никол. Антон., подполк. I—250.
Лопатин, Лев Михайл., проф. моск. ун-та, психолог. I—390, 392, 394, 396, 403.
Лопе-де Вега (Лопвега), исп. драм. писс. IV—391.
Лопухин, Ал-ей Ал-дров., вице-директ. департ. полиции. II—282, 283; III—114, 322.
Лорис-Меликов, Мих. Тариелов. (1825—1888), мин. внут. дел. II—46, 115, 252, 255; III—88, 89, 169, 322; IV—85, 115, 267—271; 317, 318, 321, 328, 329, 331, 334—337, 438, 450.
Лосев, В. Н., (псевдонимы; «Знак», «Я. Рославский», «Я. Славский», «К. Сенин»); сотр. моск. журн. «Голос Печатного Труда» и «Рабочий Труд». II—208.
Лофтус, лорд, англ. посол в Берлине. I—14, 15, 207.
Лубинский. II—270.
Лубэ (Loubet), **Э.**, през. фр. респ. III—143, 146, 147, 154, 159, 322.
Лугинин, Влад. Федор., отст. пор. артил., эмигрант. III—201, 326.
Лужин, Ив. Дмитр., моск. полицеймейст. III—297.
Лукашевич, Ал-др Осипов., литер. III—243.
Лукирский, Серг. Георг. полк. ген. шт. II—132.
Лукомский, Ал-др Серг., ген.-лейт. I—238, 270; II—131, 132, 154, 285.
Лукьянов, Серг. Мих., чл. гос. сов., т. мин. нар. просв. II—171; IV—98, 438.
Львов, Георг. Евгеньев., предс. сов. мин. при Времен. Правит. II—284; IV—158, 176, 187, 446.
Львов, Никол. Никол., ген.-м., нач. моск.-камышинск. жанд. пол. упр. ж. д. IV—338, 340—346, 356.
Любецкий, ротм. л.-гв. ул. полка. III—298.
Любимов, Никол. Ал-сеев., физик и публицист. I—376—378, 383, 384, 392, 401.
Любовицкий, Юлиан Викторов., команд. 2-го арм. корпуса. II—110, 115.
Людовик XV. IV—231.
Людовик-Филипп, кор. франц. (1830—1878). I—208.
Люксембург, Роза. I—430.
Люце, Никол. Павл., полк. л.-гв. ул. полка. III—58.
Лялин, Пим. Петр., чл. харьк. губ. к-та по кр. делам. III—203, 327.
Лярский, см. Вонлярлярский, В. А.
Ляхович, шт.-кап. III—299.
Ляцкий, Евген. Ал-дров., ист., лит. III—310; IV—376.

М

Маврин, Ал-ей Ал-дров., ген.-м. II—35, 115, 150.
*Магницкий, Мих. Леонтьев. (1778—1855). I—425, 426.
Мадзини, Джузеппе, итал. революционер. I—277.
Мадритов, Ал-др Семен., подполк. II—14, 42, 115.
Маевский, мещан. г. Казани, привлек. по делу о казанском заговоре. IV—292.
Маевский, Ксаверий, револ. II—181, 182.
Мазаев, Мих. Никол., литератор и библиограф. III—311.
Майдель, Егор Иван., бар., коменд. Петроп. креп. IV—241. 258, 262, 264, 265, 267—270.
Майков, Апол. Никол., поэт (1821—1897 г.г.). I—387, 395 396, 398, 403; II—237; III—264, 265, 267, 268, 270, 271, 276.
Майков, Валериан Никол., брат поэта. II—238.
Майков, Леон. Никол., ист. литер. III—305.
Майков, Николай Аполлонов., отец поэта. II—237.
Майкова, Евгения Петр., мать поэта. II—237, 238.
Макаренко, Ал-др Серг., III—49, 53.
Макаров, Ал-др Ал-дров., чл. гос. сов., мин. юст. IV—159, 163, 166, 176, 183, 187, 189, 190, 194, 446.
Макаров, Никол. Петров. (1810—1890), лексикограф. I—403.
Макаров Никол., секр. общ. печати. им. И. Федорова в Москве. II—208.
Макаров, Степ. Осипов., ком. флот. Тихого океана. I—255; II—107, 111, 115.
Макарова, Капитолина Никол., вдова адм. Ст. Осип. I—255.
Макдональд, строитель порта Либавы. II—65.
Макино, бар., секционе-шеф при австр. мин. ин. дел. IV—14.
Мак-Кормик, америк. представительство завода сел.-хоз. орудий и машин. III—67.
Маклаков, Никол. Ал-сеев., мин. вн. дел. I—224, 248, 271; II—173; III—33, 43, 46, 61; IV—188, 207, 446.
Мак-Магон (Mac-Mahon), франц. маршал, президент. фр. республ. (1873—1879). I—26, 27, 207; IV—260.
Маковицкий, Душан Петров., д—р и друг Толстого, Л. Н. IV—346, 347, 353, 357, 358.
Маковский, ген.-м., ком. сиб. полка. IV—209.
Маковский, Влад. Егор., проф. живописи. IV—428, 429, 433.
Маколей, англ. историк. IV—261.
Максаков, Влад. Васил. (В. М.). I—281, 288, 337, 343; 354; II—280; IV—339.
Максвель, купец. II—186.
Максимов, см. Евгеньев-Максимов.
Максимович, Конст. Клавд., ген.-ад., пом. ком. имп. гл. кварт. III—315; IV—200, 446.
Малуха. III—53.
Малама, Ал-др Васил., чл. консультации при мин. юст. IV—190, 446.
Малевич-Малевский, Никол. Андр., рус. посол в Японии. III—59.
Маликов, суд. следователь. II—196.
Малинин, Орест Васил., револ., привлек. по каракозовскому делу. III—299.
Маликовский, Ал-ей Федоров. (1762—1840), нач. моск. архива мин. ин. дел. I—422.
Малозовский, Иосиф Влад., сотруд. иркут. раб. газ. «Наш День». II—212.
Мальгин, Сергей, телегр. ст. Астапово, Ряз-Ур. ж. д. IV—338, 356.
Мальтус (Malthus), **Томас-Роберт**, англ. экономист (1766—1834). I—278.
Мальцов, ген.-м., заводчик. II—177, 189, 195—197.
Мамонтова, см. Третьякова, В. Н.
Манасеин, Никол. Авксентьев., прок. моск. суд. палаты. IV—222.
Маниковский, Ал-ей Ал-сеев., нач. гл. артил. упр. и пом. воен. мин. I—248, 251, 271; II—66, 141, 154, 155, 161—165, 167, 170, 172; III—33, 62, 65—70, 73.
Мантейфель (Manteuffel), **Отто-Теодор** (1805—85), прусский мин.-президент 1850—58 г г., бар. I—12, 13, 22, 23, 207.
Мануилов-Манасевич, аг. мин. ин. дел., шталм. IV—176, 183, 190, 446.
Манухин, приказчик зав. Демидовых. II—185.
Манухин, Серг. Серг., мин. юстиции, чл. гос. Сов. III—138, 322; IV—64, 65, 72, 87, 88, 109, 438.
Маня. IV—210.
Маргарита (Мосси), принц. Гессенская, жена пр. Фридриха Карла Гессенского. IV—173, 447.
Мария (Мисси), кор. Румынская, жена Фердинанда I. IV—164, 447.
Мария Ал-дровна (1824—1888), имп., жена Александра II (1824—1880). I—372, 375, 401.
Мария Ал-дровна, вел. кн., дочь Ал-дра II. IV—74, 83, 438.
Мария Антуанета, жена Людовика XVI. IV—86, 95, 123, 438.
Мария Георгиевна, вел. кн., жена в. к. Георг. Мих. IV—118, 438.
Мария Максимилиановна, жена пр. Вильгельма Баденск. III—317.
Мария Михайл., старица Десятин. мон. в Новгороде. IV—178, 180, 181, 188, 190, 196.
Мария Никол., в. к., дочь Николая II. IV—188, 203, 206, 207, 210—212, 215, 217, 218, 220, 446.
Мария Павловна (Михень), (р. 1854), вел. кн., дочь вел. герц. Мекл.-Шверинск., жена Влад. Ал-дров., в. к. II—52, 85, 115; III—73, 83, 134, 168, 322; IV—89, 93, 110, 212, 438, 447.
Мария Павловна (Мари), вел. кн., дочь в. к. Павла Ал-дров., IV—124, 159, 438, 446.
Мария Федоровна, имп., жена Ал-дра III. I—224, 229, 232; II—12, 17, 20, 59—61, 66—68, 115, 154, 156, 167, 170, 171; III—42, 77, 89, 91, 102, 103, 106—109, 123, 125, 140—143, 146, 147, 155, 157, 160, 167, 170, 171, 286, 322; IV—44, 80, 105, 109, 125, 160, 168, 221, 426, 438.
Маржиевский, Влад., служ. челяб. отд. Сиб. ж. д. I—340.
Маркевич, Болеслав Михайл., романист. I—383, 385, 392, 401, 402; II—254, 261.
Маркин. I—5.
Марков, предст. спб. телегр. агентства. I—165.
Марков, Влад. Иванов., ген.-м., нач. моб. отд. гл. штаба. I—343.
*Марков, Евгений Львович, писатель. II—246, 253, 254.
Марков, Павел Ал—сеев., сенат., предс. общ. собр. кассац. дел. III—87, 322.
Марков, Сергей Дмитр., ген. I—217, 265.
Маркс, Адольф Федор., издат. III—310.
Маркс, Карл. I—283, 284, 286, 314, 430; IV—308, 310, 311, 315, 316.
Мармон (1774—1852 г.г.), маршал. III—306.
Мартенс, Фед. Фед., проф. межд. права. IV—100, 438.
Мартин, директор Стокгольм. музея. III—83.
Мартов (Цедербаум, Юлий Осипов.) **Л.**, с.-д. меньшевик, сотр. «Нашего Слова». II—211.
Мартос, Никол. Николаев., в войну 1914 г., ком. 15-го арм. корп. I—212, 225, 268.
Мартсон, Федор Влад., ген.-от-инф., чл. воен. совета. II—150.
Мартынов, Евг. Иван. ген.-л. в отставке I—241—244.
Мартынов, Афан., унт.-оф. Петров. креп. IV—240.
Мартынов, полк., нач. моск. охран. отдел. II—206, 209.
Мартынов, Ал-др Самуил., чл. заграничн. секретариата организ. комитета. II—211.
Мартьянов, Ал-ей Прокоф., крест. III—297.
Мартьянов, Петр Алекс., крестьян. III—294—298.
Маслов, Ив. Ильич, упр. моск. удельн. контор. II—254.
Маслов, Никол. Никол., ген., нач. главн. судного управ. III—287, 289.
Матвеев, цензор. IV—308—316.
Матренинский, инж., упр. Ряз.- Ур. ж. д. IV—345, 346, 348, 350, 354, 356.
Матушкин, врач 21-го сиб. имп. А. Ф. полка. III—315.
Мацеевский, студ., привлек. по делу о казанск. заговоре. IV—292.
Машинский, Иван, служ. челяб. отд. Сиб. ж. д. I—340.
Маяковский, Илья Лукич. I—422, 423, 425.
Мгеладзе (Илья Виссар. Вардин) литерат., корресп. сам. газ. «Наша Газета». II—222.
«Медведев» (кличка), агент иркут. жанд. управл. II—212—213.
Медем, Влад. Давид., член Ц. К. Бунда. I—317.
Медем, Никол. Никол., бар., псковск. губерн. IV—211, 446.
*) **Межов, Влад. Измайл.** библиогр. I—370.
Мезенцев, Никол. Влад. (1837—1878), ген.-ад., шеф жанд. III—299; IV—227, 229, 231, 251, 262, 264, 266, 271.
Мезиер, Август Влад., ист. литер. III—311.
Мейендорф, Ал-др Георг., ген.-ад. IV—120, 438.
Мейендорф, Петр Казим., бар., посол в Вене. III—173.
Мейендорф, Феофил Егорович, бар., ген.-ад. II—51, 53, 72, 115, 183; III—146, 322.
Мейер, аг. Зубатова С. В. I—301.
Мейер, америк. посол в Петрограде. IV—63, 68, 439.
Меллер-Закомельский, Ал-др Николаев., бар., ген.-от-инф. I—329, 332—335, 338—343.
Мелье, влад. книжн. маг. в Петрограде. IV—269, 270.
Мельников, архивист. I—432.
Мельников, Мих. Мих. член воен. органи. п. с.-р. II—282.
Мельников, Иван Ал-дрович. (1831—1906 г г.) арт. петербур. Мариинск. театра. I—396, 405.

Менгден, гр-ня. III—286.
Менгден, Георгий Федорович, свиты г.-м., гр. I—402.
Менгден, Зинаида Никол., гр., жена г.-м. Менгден, Г. Ф. I—385, 402.
Мендельсон, Берко Хильев., чл. руков. группы «Союза Сиб. Рабоч. С.-Д. Р. П.». II—216.
Менсдорф (Mensdorff), **А.**, австро-венг. посол в Лондоне. III—24, 318; IV—12.
Менцль, Иосиф-Бронислав, жестян. дел мастер III—177, 180, 190, 193.
Менцль, Мария, жена Менцль, И.-Бр. III—177, 190, 193.
Меншиков, Ал-др Данил., сподвижник Петра I. IV—181.
Меншиков, Ал-др Сергеев. (1787—1862), адм., светл. кн. I—10, 11, 207; II—84, 115; III—292.
Меньчуков, Евген. Ал-дров., подполк. II—141.
Меравиглия, Отмар, гр., поручик. III—196.
Мерзляков, Ал-ей Федор., проф. моск. ун-тов, критик и поэт. IV—383, 386.
Меренберг, Наталья Ал-дров., гр. Нассауская (1836—1913), дочь Пушкина. I—396, 402, 405.
Мери, знакомая А. И. Черемисского. I—318.
Меттерних (Metternich), **Клемент-Венцель**, кн., австр. дипломат. (1773—1859). I—10, 13, 207.
Мечников, Лев Ильич, эмигрант, анархист. III—206, 327.
Мещерский, кн. II—184.
Мещерский, Влад. Петров. (1839—1898), кн., ред. «Гражданина», сотр. «Моск. Вед.» и «Рус. Инвал.». II—8, 11, 31, 32, 38, 41, 82, 84, 110, 111, 115, 240; III—135, 136, 141, 143, 144, 146, 150, 151, 153, 160, 276, 322.
Мещерский, Никол. Петров. (1829—1901), попеч. моск. уч. окр. IV—327, 450.
Микадо (титул), **Муцухито**, имп. японский. IV—63, 68, 439.
Миклашевский, Илья Мих., офиц. IV—126, 439.
Милеант, полк., возможно—Гавр. Гаврилович. I—333, 335.
Милица Никол. (Черногорская), вел. кн., жена в. к. Петра Никол. III—152, 155, 156, 158—161, 170, 321; IV—120, 159, 439, 446.
Миллер, Орест Федоров., проф. I—373; III—285, 287.
Millerand, франц. мин. торгов., воен. мин. и президент. III—128, 322.
Милованов, А. И. III—210.
Мильбиц, генер., сподв. Гарибальди. III—206.
Мильковский, Вацлав, акад. IV—304, 305, 307.
Мильтопеус (по мужу Сниткина), **Мария-Анна Никол.**, см. Сниткина.
Милюков, Ал-др Петров., ист.-лит. II—234, 235; III—264, 270.
Милюков, Павел Никол., проф., чл. гос. думы. I—344, 346, 430; II—282; IV—117, 118, 158, 187, 194, 195, 439, 446.
Милютин, Дмитр. Ал-сеев (1816—1912), гр., воен. мин. деят. «эпохи вел. реф.» II—46, 115; IV—98, 103, 297, 298, 301, 334, 336, 439, 350.
Мин, Екат. Серг., вдова ком. Семен. полка. IV—209, 446.
Минин, чл. редакц. петрогр. жур. «Труд», быв. с.-р. II—210.
Минье. III—204.
Миранский, фотограф. I—315.
Мирославский, Людвиг, польск. револ. III—201, 202, 326.
Миротворцев, последов. Бакунина, М. А. III—201.
Мирский, Лев Филип., покуш. в 1879 г. на ген. Дрентельна. IV—268, 269.
Мисси—см. Мария, кор. Румынская.
Миттерман, вдова майора. IV—278.
Миттерман, Рудольф, учен. казанск. гимн., привлек. по делу о казанск. заговоре. IV—284, 289.
Михаил Ал-дров. (Миша), вел. кн. I—247, 254, 268; II—10, 115; III—91, 92, 107, 109, 113, 114, 123, 124, 140, 170, 171, 316, 322; IV—173, 174, 215, 220, 221, 447.
Михаил Михайл., вел. кн., б. женат на внучке А. С. Пушкина, гр. Меренберг, Соф. Ник. III—166.
Михаил Николаевич, вел. кн. (1832—1909). III—77, 78, 80, 82, 84—87, 90—92, 101, 115, 120, 123, 133, 149, 163, 165, 172, 322; IV—118, 439, 450.
Михаил Павлов. (1798—1849 г.), вел. кн. III—292, 293.
Михаил Федоров царь (1613—1645). IV—93, 95, 439.
Михаил Федотыч—см. Обухов, казак. III—248.
«Михайлов», агент ирк. жанд. упр. II—212.
Михайлов, капит. III—56, 57.
Михайлов, Никол., поруч. 6 рез. стрелк. бат., обв. по делу о казанск. заговоре. IV—277, 293, 295, 296.
Михайлов, Влад., д. с. с. III—222.
Михайлов, Мих. Ил., литератор, привлек. по делу о проклам., «К молодому поколению». III—201, 224, 229—234, 239.
Михайловская, Н. В., изд. журн. «Русское Богатство». I—418.
Михайловский, Никол. Конст., писатель. I—345, 366, 419.
Михальский (Михалков), учен. моск. 1-й гимн., юнкер л.-гв. кон. полка. IV—406.
Михень—см. Мария Павл., вел. кн., жена в. к. Влад. Ал—дров.
Михневич, Никол. Петр., ген.-от инф., быв. нач. гл. штаба. III—56, 57.
Мицкевич, Адам, польский писатель. II—268, 270—273, 278, 279.
Мицкевич, Владислав, сын писателя Мицкевича, А. II—272, 279.
Мицкевич, Серг. Иван., литератор, один из организат. моск. раб. союза 90 г.г. I—273.
Мищенко, Павел Иванов., генер. I—216, 264; II—143.
Модзалевский, Бор. Львов., автор статьи об альбоме Шиповой А. Е. III—305.
Моисеенков, Д. И., с.-д., чл. организации «Союз Сибирск. Рабоч.» и сотруд. с.-д. нелегал. газет. в Сибири. II—216.
Молоствов. III—58.
Моль, гр. IV—302, 303, 306, 307.
Мольер (Molière), **Жан-Батист** (1622—1673), франц. драм. писат. I—438.
Мольтке, гр., фельдмарш. герм. арм. I—10, 11, 14, 15, 24, 25, 28, 29, 207; прилож. 2-е; II—20; III—34.
Мольтке, нач. немецк. 1 гвард. пех. дивизии, племян. фельдмарш. II—20.
Монархов, приказч. III—300.
Монкевиц, Никол. Август., генер., воен. писатель. II—132; IV—21, 434.
Монкевич, Петр, служ. челяб. отд. Сиб. ж. д. I—340.
Моносзон (С. Шварц), секрет. раб. группы моск. столич. страхов. присут. II—206.
Монтебелло-де (Montebello-de), франц. посол в России (1891—1902). III—154, 322.
Монтереале, кн., сов. итал. посол-ва. IV—7.
Montesquieu, писатель-философ. III—156.
Моравский, Франциск, генер., польск. романтик. поэт. II—268, 270, 275, 277.
Моргулис, адвокат. III—49.
Мордовцев, Дан. Лук., писатель. III—296.
Морелли, гравер. III—309.
Морозов, Андр. Васил., (Морозовы) московск. книготорг-ов. и влад. типографии. I—383, 388, 389, 402.
Мосолов, Ал—др Ал—дров., свиты ген.-м. II—68, 115; III—146, 322.
Мосси — см. Маргарита, принц. Гессенская.
Моте, щетинщик. I—316.
Мотоно, бар., яп. посол. в Петерб. III—59.
Мохамед-Али, шах персид. III—19, 318.
Мошнина. I—398.
Мрозинский, полк., польск. литерат. II—268, 270, 274, 277.
Мрозовский, Иосиф Иванов., ком-р грен. корп., нач. моск. воен. окр. I—222, 267.
Мрочек, Ал-др, поруч. томск. пех. полка, чл. казан. комит. «Земля и Воля», обв. по делу о казанск. заговоре. IV—276, 278, 283—286, 293—296.
Мулэн, полк., франц. воен. аг. при франц. посольстве. II—10.
Муляр, Шмуль, каменщ., чл. евр. нез. партии. I—306, 307, 319, 323.
Муравьев, Мих. Никол. (1796—1866), гр., усмиритель польск. восст. 1831 и 1863 г.г. I—429; III—300.
Муравьев, IV—391.
Муравьев, I—394.
Муравьев, Мих. Ник. (1845—1900), гр., мин. ин. дел. I—152, 153, 155—157, 159—162, 207; II—115, 124, 125; III—82, 109, 322.
*) **Муравьев, Никол. Конст.**, изв. моск. прис. поверен. II—281.
Муравьев, Никол. Никол. IV—390.
Муравьев, Никол. Валериан., мин. юстиц. II—10—12, 27, 38, 39, 44, 60, 82—85, 115; III—81, 82, 84, 91, 93, 114, 120, 129, 143, 149, 165, 322; IV—87, 232, 439.
Муравьев-Амурский, Валериан Валериан., гр., воен. аг. в Париже. III—154.
Муратов, Никол. Павл., тамб. губерн. IV—361—364.
Мурзанов, Никол. Ал-сеев., I—428.
Мурзанова, Мария. I—428.
Муромцев, Серг. Андр., проф., председ. 1 гос. думы IV—109, 361, 439.
Мусин-Пушкин, Ал-др Иван., ген.-ад., команд. войск. одесск. воен. окр. II—23, 97, 99, 115; III—133, 323
Мусин-Пушкин, Мих. Никол., попеч. петерб. уч. окр. и председ. ценз. ком. I—355—357, 359.
Мусси, Петр Антонович, владелец моск. шелк. фабрик. I—312—313.
Муфти. IV—207.

Мухортов, слушат. Петров. акад. IV—225, 255.
Мучник. III—224.
Муш, Ф. III—177.
*) **Мышлаевский, Ал-др Захаров.**, проф. Никол. акад. ген. штаба, пом. наместн. на Кавказе, ком-щий кавк. армией. II—142, 152, 153, 156, 158, 159, 162, 165, 171; III—38—41, 43, 45, 67; IV—93, 95, 123, 439.
Мюллер, прус. мин. нар. просв., вероиспов. и здравоохр. I—22, 23, 207.
Мясоедов, полк., шпион. III—33, 39, 43—46, 48—52, 57.
Мясоедов-Иванов, Викт. Андр., тов. мин. пут. сообщ. III—89, 323.
Мясоедова, жена шпиона-полк. III—50.
Мятлев, Ив. Петров. (1796—1844), изв. юмор. поэт. III—102.

Н

Н. Н., лицо знакомое П. Г. Зайчневскому, I—276.
Набалдин, он же **Налбандян** (точнее Налбандьян, Микаэл) **Мих. Лазар.** (1830—66), талантл. армянск. публицист., привлекал. по делу 32-х в 1862 г. (сношн. с лонд. эмигр.). III—203, 326.
Набоков, Влад. Дмитр., проф., чл. 1 гос. думы. IV—114, 439.
Набоков, Дмитр. Никол., ст.-секр., чл. гос. сов., мин. юстиции (1878—1885 г.). II—46, 115; IV—327—329, 334, 450.
Надаров, Иван Павл., ген.-л., войск. наказ. атам. каз. войска. I—338.
Надеждин Ал-сей, свящ. II—249.
Назаревский, Сергей Влад., цензор. I—420.
Назаров, моск. дмвл. I—286.
Назимов, Влад. Иван., попеч. моск. уч. окр. III—297; IV—407.
Нандо—см. Фердинанд, кор. Румынский.
Наполеон (Жозеф-Шарль), принц (1822—1891). I—88, 89, 207.
Наполеон I (1768—1821). I—8; III—79.
Наполеон III (1808—1873). I—1, 14, 15, 80, 81, 207.
Наполеон IV—принц Эжень-Луи, сын Наполеона III—1856—1879 г.г.). I—207.
Нарышкин. III—170.
Нарышкин, Ал-др Ал-сеев., сенат., чл. гос. сов. IV—108, 117, 128, 439.
Нарышкин, Дм. Конст., IV—412, 414, 415, 447.
Нарышкин, Кирилл Анатольев., фл.-ад. II—51, 115.
Нарышкин, Эм. Дмитр., об.-шталм. III—108, 323.
Нарышкина (рожд. Чичерина), **Ал-дра Никол.**, жена Нарышкина, Э. Д. III—152, 317, 323.
Нарышкина, Елен. Конст. (Лиля), жена Нарышкина, Д. К. IV—195, 447.
Нарышкина, Елиз. Ал-сеев. (Зизи), жена Нарышкина, А. Д. III—106, 110, 123, 323; IV—115, 166, 167, 195, 439, 445.
Нарышкина, Мар. Ант., урожд. кн. Четвертинская. III—108, 323.
Наср-уд-Мульк, регент в Персии. III—19, 318.
Нассауская, Н. А., кн.—см. Меренберг, гр.
Нассауский, герц. III—161.
Настенька,—см. Гендрикова, Ан. Вас.
Натансон, Марк Андр., революц., землеволец, основат. парт. «Народное Право». III—243.
Натансон, Ольга, жена М. А., революц. IV—263.
Нахичеванский, Хан Гуссейн, в войну 1914 г. нач. 2 гв. кавалер. дивиз. I—254, 255, 272.
Нахмен, столяр. I—317.
Нацаренус, Сергей Петров., издат. самарск. рабоч. газ. «Наша Газета». II—221, 224, 525.
Неандер, шведск. пастор. IV—209, 447.
Невельсон, Софья Абрамов., чл. «Союза Сибир. Рабоч.», сотр. с.-д. нелегальн. газ. в Сибири. II—216.
Невиат-Данилова, жена ген. IV—420.
Невилль, Альфонс, франц. художн.—баталист. IV—86, 439.
Неволин, Конст. Ал-сеев., юрист, проф. киев. и петр. ун-тов. (1806—1855 г.г.). I—426.
Невский, Влад. Иван., литератор. I—434, 435; IV—413.
Неклюдов, Анат. Васил., русск. послан. в Стокгольме. IV—48, 53, 56.
Некрасов, Никол. Ал-сеев., поэт. I—355—366, 369; II—262; III—265.
Некрасов, Никол. Васил. IV—426—433.
Нелидов, Ал-др Иван., послан. в Константинополе и Париже. I—152, 156—161, 207; IV—100, 439.
Немешаев, Клавд. Семенов., нач. юг.-зап. ж. д. I—236, 254, 259, 270, 332; IV—105, 439.
Немцевич, Юлиан, адъют. Костюшки, депут. конст. сейма, польс. поэт. II—268—271, 274, 276.
Нератов, Анат. Анатол., тов. мин. ин. дел. IV—8, 17, 20, 21, 33, 40, 434.
Неслинд, петрогр. домовл. II—235.
Неслуховский Ф. К., литер. II—271.
Нессельроде, Анат. Дмитр. гр., кам.-юнк. IV—100, 439.
Нессельроде, Карл Васил., гр., мин. ин. дел (1822—1856). III—174.
Несытов, губ. механик. II—183.
Неупокоева, Ал-дра Павл., крестьян мать Достоевской, А. Г. III—275.
Нецлин, Эдуард, директ. банка de Paris et des Pays-Bas. IV—99, 129—156, 439.
Нецлин, жена Нецлина Э. IV—154.
Нечаев, Серг. Геннад., революц. I—280, 281; II—32, 115; III—301; IV—222—272.
Нечаев-Мальцев, Юрий Степ., гофм. III—110, 323.
Нечаева, Вера Степан., II—279; III—309.
Никитенко, Ал-др Васил., проф. спб. унив. I—426.
Никитин, Дмитр. Вас., врач. Л. Н. Толстого. IV—347, 358.
Никитин, Влад. Никол., ген., в войну 1914 г. ком. 7 корп. I—244, 245, 247, 271; III—61.
Никитин, Ив. Сав., поэт (1824—61). I—432.
Никитин, Фед. Плат., тов. мин. землед. IV—113, 439.
Никитин, Яков, приказч. на Шухомошск. фабрике. IV—401—404.
Никитина, Елиз., издат. жур. «Голос Печатного Труда». II—208.
Никодим, арх. Юрьев. мон-ря. IV—178, 181, 447.
Николаев, участв. в проц. Нечаева, С. Г. IV—225.
Николаев, Адр. Ник., (кличка «Андреев»), чл. редкоммис. журнала «Голос Печатн. Труда», провокатор II—208.
Николаев, Ал-др Сергеев., I—411, 421, 425; II—233.
Николай I, (**Негош**), кор. черног. III—153, 158, 323.
Николай I, имп. I—7, 8, 10—12, 207, 360, 404, 426, 430; II—19, 177—180, 270; III—38, 81, 91, 95, 97, 111, 133, 173, 207, 208, 211, 225, 236, 291—294, 296, 307, 323; IV—114, 330, 405—407.
Николай II, имп. I—6, 8, 9, 152, 153, 157, 158, 169, 207, 210, 214—216, 218, 222, 225, 227—229, 232, 233, 235, 237, 242, 245, 250, 252—254, 256, 258, 259, 262, 264, 265, 329—331, 335, 336, 340—344, 353, 429, 434; II 5—8, 9—12, 14—20, 22—24, 26—35, 37—62, 64—70, 72—87, 90—104, 106—112, 118, 130, 131, 133—136, 140, 145—147, 150, 151, 153, 154, 159, 161, 162, 164, 166, 168, 170—173, 280, 281, 287—289; III 5—7, 9, 14, 17, 18, 24, 27—29, 31, 32, 34—36, 38—40, 42, 43, 46, 47—54, 58—61, 63, 64, 68, 73, 74, 76, 77, 79—94, 96, 97, 99, 102—122, 125—127, 131—138, 141, 144—147, 150—168, 170, 171, 313—317; IV—5, 7, 8, 10—12, 16, 18, 19, 21—25, 29—32, 36, 38, 40—43, 51, 52, 55, 57, 63, 68—70, 76—79, 82, 83, 85, 86, 88, 90—99, 101—103, 105—106, 109—113, 115, 117—123, 125—128; 133, 134, 136, 157—221, 339, 352, 362, 412, 413, 415, 416, 425, 426, 439.
Николай (Касаткин), еп. японский. I—388, 393, 403.
Николай Михайл., вел. кн. II—91; III—81, 82, 133, 163, 323; IV—118, 120, 123, 160, 164, 439, 447.
Никол. Карлов., знакомый П. Г. Зайчневского. I—279.
Николай Конст., вел. кн., сын в. к. Конст. Никол. III—89, 323.
Николай Николаев. (Николаша), вел. кн. (младший), верх. главно-команд. I—214—216, 229, 245, 247; II—6, 9, 10, 41, 54, 56, 62, 74, 78, 79, 112, 115, 131, 135, 136, 138, 139, 142, 144, 144—147, 147, 149, 151, 153, 155, 156, 158—162, 164—169, 171, 173; III—28, 30, 32, 33, 35, 38—44, 46, 49, 50, 52—55, 57—65, 67—69, 73, 74, 160—161, 163, 170, 313, 318, 323; IV—77, 79, 81, 83, 89, 101, 110, 121, 158—160, 174, 187, 412—417, 439, 447.
Николаи, Ал-др Павл., бар., мин. нар. просв. (1881—1882). II—12; IV—318, 322—324, 326, 450.
Николаша, см. Николай Николаев., в. к., верх. главн.
Николенко, Никол. Михайлов., ген., ком. Кронштр. креп. I—248, 271.
Никольский, Ал-др, студ. моск. унив. III—300.
Никольсон, Арт., пом. ст.-секр. в Англии по ин. делам. III—23, 318; IV—129.
Никон, (Н. И. Рождественский), еп. вологодск. и тотемский. III—315.
Никсцайер, Людвиг, капрал. III—195.
***Нилус, Петр Ал-дров.**, IV—429.
Нини, см. Воейкова, Е. В.
Нищенков, Ал-др Никанор., ген. бывший чл. воен. сов. II—5.
Новак, Иосиф. III—177.
Новиков, чл. студен. революц. кружка П. Г. Зайчневского в Москве в 60 г.г. I—275, 277.
Новиков, полк., завед. передв. войск по Сам.-Злат. ж. д. I—333.

Новиков, Евген. Петров. (1826—1903), дипломат, чл. гос. сов. I—50, 51, 56—61; 70, 71, 207; II—83, 115.
Новиков, П. А., IV—383.
Новикова, Ольга Ал-сеев., публицистка. I—377, 402.
Новицкий, студ., привлек. по делу о казанск. заговоре IV—292.
Новицкий (Теодор), чл. варш. центр. нар. ком. III—201.
Новосильцев, Никол. Никол., госуд. деятель (1761—1836). II—269, 270, 274, 276; III—292.
Новосильцев, Петр Петров., моск. вице-губерн. с 1831 по 1851. I—403, 404.
Ногин, Влад. Павл., (М. Фабричный), один из старейших чл. Р. К. П. (б.). II—222.
Нольде, Эм. Юльев., ст.-секр., завед. отд. соб. е. в. канцел., упр. делами комит. мин. III—164, 323.
Норпес, Теодор, капрал III—195.
Носарь-(Хрусталев), Георг. Степан., председатель петроградск. Совета Рабочих в 1905 г. IV—411, 414, 416.

О

Оболенский, Леонид, кн., помещик. I—278.
Оболенский, Ал-др Никол., и д. ряз. губернат., петерб. градонач. IV—211, 340, 342—344, 347, 348, 350, 353—355, 358—359, 447.
Оболенский, Ал-др Дмитр., зять Половцева А. А., чл. гос. сов. III—126; IV—83, 91, 119, 439.
Оболенский, Ал-ей Дмитр., кн., тов. мин. вн. дел, тов. мин. фин., чл. гос. сов., об.-прок. синода. III—91, 109, 138, 155, 171, 323; IV—77, 78, 80, 81, 83, 85, 91, 439.
Оболенский-Нелединский-Мелецкий, Валер. Сергеев., тов. мин., вн. дел. I—152, 159, 207; II—43, 76, 79, 106, 115.
Оболенский, Ив. Мих., князь, харьк. губерн. II—283.
Оболенский. Дмитр. Ал-дров., сын Оболенского, Ал.-дра Дмитр., кн. IV—119, 121, 439.
Оболенский, Никол. Дмитр., кн., завед. контор. мин. имп. двора. IV—79, 120, 439.
Оболенский, Плат. Серг., кн., поч. опек. IV—111, 439.
Оболенская, Елиз. Валер. книг., плем. Толстого, Л. Н. IV—348, 351.
Оболенская, Ал-дра Никол., (Сандра), кн., вдова кн. Оболенского И. М. IV—159, 447.
Оболенская, Анна Ал-дров., кн., рожд. Половцева, жена кн. Оболенского А. Д. III—105, 114, 323.
Оболенская, Дарья Петр., кн., жена кн. Оболенского, Дм. Ал-дров., III—86, 323.
Ободовская (Сидорацкая), Ал-дра Яковл., член кружка «чайковцев». III 243—250.
Обручев, Никол. Николаев. (1830—1904), ген.-ад., ген.-от-инф. II—10, 17, 57, 65, 115.
Обухов, Мих. Федот. (?) казак. III—248.
Овсянко, Болесл., аптек. пом. III—300.
Огарев, Никол. Ал-дров., генер. III—208.
Огарев, Ник. Плат., поэт, эмигр. III—200, 205—217, 301.
Огнева, Клавдия, телеграфистка ст. Астапово, Ряз.-Ур. ж. д. IV—356.
Одоевский, Влад. Федор., поэт. II—256.
Одынец, Эдуард, польск. поэт. II—268—271, 276, 278.
Озеров, Серг. Серг., ген.-м. свиты. IV—171, 447.
Озерова, Екатер. Серг., кам. фр. IV—168, 447.
Озолин, нач. ст. Астапово. Ряз.-Урал. ж. д. IV—341, 346, 347, 350, 352, 353, 354. 257.
Окель, д-р Петроп. креп. IV—246, 247.
Оксман, Юлиан Григорьев., I—438; II—253, 267; III—303; IV—398.
Окунев, влад. типограф. в Иркутске. II—212.
Оленин, Ал-ей Никол., первый председ. академ. художк. II—256.
Оленина, Ал-дра Ал-дров., фрейл. Ал—дры Федор. II—50, 115.
Олехнович, студ.,'привлек. по делу о казанск. заговоре IV—292.
Олизар, Густав, гр. декабрист II—306.
Олисов, Вениам. Павл. IV—401.
Олсуфьев, Ал-др Васил., гр., ген.-ад., завед. дворц. частью в Москве. IV—74, 439.
Олсуфьев, Дмитр. Адам., гр., чл. гос. сов. IV—116, 439.
Олсуфьева, вер. **Татьяна Васил.,** фрейл. IV — 127, 439.
Ольга Ал-дровна, вел. кн., жена принца Ольденбург., П. А. II—6, 50—53, 65, 66, 68, 75, 115, 166; III—81, 101, 106, 110, 111, 171, 323; IV—447.
Ольга Конст., кор. греч. III—102, 323; IV—218, 447.
Ольга Никол., дочь Николая II, IV—168, 172, 179, 181, 193, 203, 204, 206—209, 211, 212, 216, 217, 220, 447.
Ольгин, Вадим, стихотв. II—231—233.
Ольденбургская, Евг—я Максимил., принц. III—123, 323.
Ольденбургский, Ал-др Петров., (1844—1919), принц., ген.-ад., верх. нач. сан. и эвак. части. I—237, 239, 244, 246, 249 (пр.), 250, 252, 256, 267; II—93, 94, 161—163, 167—169; III—30, 47, 56, 71, 101, 123, 160, 315, 323; IV—103, 439.
Ольденбургский, Петр Ал-дров., принц. II—53; III—81, 101, 106, 323.
Ольденбургский, Петр Георг., принц, упр. учрежд. вед. имп. Марии (1812—1881). I—396, 405; III—259, 293.
Ольминский—Александров (Витимский), Мих. Степан., председ. совета Истпарта II—222.
Ольхин, Пав. Матв., учитель стенограф. III—252—260, 269, 272, 274.
Ольховский, Петр Дмитр., г.-от инф., пом. главнок. петр. воен. окр. III—57.
Ом, Федор Федор., камергер, пом. ст.-секр. гос. сов. II—61, 115.
Оперман, Леонт. Карл., гр., сенат. III—241.
Оппоков, Георгий Ипполит. (псевд. А. Ломов), II—220—225.
Орановский, Влад. Алоизов., ген. I—241, 242, 245, 270—271; II—135, 165; III—36, 69.
Оре, щетинщик, чл. евр. незав. раб. партии. I—316.
Орлов, Никол. Ал-дров., III—48, 60.
Орлов, Ал-ей Григор., гр. IV—253.
Орлов, Ал-ей Федор., шеф жанд., пред. гос. сов. и ком. мин. III—174, 294; IV—406, 407.
Орлов, Влад. Никол., кн., нач. воен. пох. канц. II—164, 169; III—124, 323; IV—159, 447.
Орлов, Ив., студ. казанск. ун-та, привлек. по делу о казанск. загов. 1863 г. IV—284—289.
Орлов, Никол., студ. казанск. ун-та привлекался по делу о казанском загов. 1863 г. IV—287—289.
Орлов, Никол. Ал-сеев. (1827—1885), ген.-ад., посол в Берлине. I—7, 62, 63, 86, 87, 90, 91, 136, 137—139, 207, придож. 4А.
Орлов-Давыдов, Анатол. Влад., гр., обер—шталм. III—113, 323; IV—80, 439.
Орлова, Наталья Григ., урожд. Спечинская, жена г.-м. П. П. Орлова 2. III—315.
Орловы. I—249.
Осинский, Людвиг, директ. польск. театра, проф. лит. II—268, 270, 275, 277.
Осипов, Евгр. Ал-сеев., зем. врач. III—246, 247.
Осокин, помещик, гв. прапор. в отст. II—177, 178.
Осокин, Семен, служ. Челяб. отд. Сяб. ж. д. I—340.
Остен-Сакен, Никол. Дмитриев., посол в Берлине. I—191, 207, 261; III—154, 323; IV—376, 381, 382.
Островский, Ал-др Никол., писатель драматург. I—368, 396, 405; II—262.
Островский, Мих. Никол., ст.-секр., мин. гос. имущ. (1881—1893 г.г.), предс. деп. зак. гос. сов. III—101, 323; IV—80, 336, 439.
Остроухов, Ил. Семен., чл. сов. Третьяк. галлереи. II—43.
Оттендорфер, студ., сотр. М. А. Бакунина, демократ. III—185, 192.
Отто, Дмитр. Оскар., лейб-акуш. III—156, 158, 323.
Ошанина (Оловенникова, Оловянникова, Баранникова; она-же заграницей—Полонская, Марина Никаноровна), Мэрия Никол., чл. исп. ком. парт. «Народная Воля». I—273, 430.

П

П. III—244, 245.
П-к. III—65. 32.
П. В. Н. III—232.
Павел I, имп. (1796—1801). I—8, 430; III—94, 111, 112; IV—102, 158.
Павел Ал—дров., вел. кн. II—13, 116; III—87, 110, 111, 122, 149, 157, 162, 166, 323; IV—123, 164, 166, 185, 213, 215, 219, 439, 447.
Павленков, Флорент. Федор., издатель. II—262; III—199, 205, 227, 228.
Павлищев, Лев Николаев., племян. Пушкина. I—382, 384, 387, 388, 402.
Павлов, д-р. III—91, 156.
Павлов, Ал-др Иванов., кам.-юн., послан. в Сеуле. II—20, 21, 116, 287—293.
Павлов, Никол. Михайл., сын проф. моск. ун-та М. Г. Павлова. III—118, 119.
Павлов, Евгений Васильев., придв. л.-хирург. III—91, 156, 323.
Павлов, Ив. Вас., IV—393.
Павлов, Никол. Филип., литерат. III—310, 311.
Павлова (урожд. Яниш), **Каролина Карл.,** поэтесса, жена Павлова, Н. Ф. III—311.
Павский, Ив. Влад., пом. гл. нач. снаб. ю.-з. фронта армии. II—131, 174.

Падлевский, чл. центр. польск. народ. комит. IV—274.
Пажитнов, К. А., чл. ред. кол. петрогр. журн. «Труд». I—428; II—176, 210.
Пазухин, Никол. Дмитр., пред. симб. губ. зем. упр. II—258, 260.
Пален, Елена Карл. гр., ст.-дама, жена Пален, К. И. II—66; III—123, 323.
Пален-фон дер, Конст. Иван., (1833—1912), чл. гос. сов., б. мин. юстиц. II—66, 99, 116; III—76, 86, 89, 105, 109, 112, 123, 126, 127, 131, 133, 142, 151, 152, 163, 323; IV—75, 80, 82, 84—89, 91, 92, 95, 96, 101, 103, 106—108, 110, 111, 114, 126, 439.
Пален, Петр Петр., гр., ген.-инсп. кавал. IV—114, 440.
Палеолог, Морис, франц. посол в Петрогр. III—316; IV 8—11, 17, 21, 30, 40.
Палимпсестов, Ив. Устинов., литератор. I—417.
Палицин, Федор Федор., ген.-л. I—331, 342, 343; II—9, 78, 79, 116; III—52.
Пальм, Ал—др Ив. (Альминский), петрашевец-писатель. II—236.
Пальмов, врач. I—339.
Панаев, Ив. Иван., писатель. I—357, 359.
Панасюк, П., рядовой. III—53.
Пандин. I—433.
Панин, Виктор Никитич, гр. III—79.
Панкратов, начальн. ст. Красноярск Сиб. ж. д. I—339.
Панкратов, Мих. Павлов., чл. «Союза Сибирск. Рабоч.» и сотр. с.-д. газ. в Сибири, с.-р. II—216.
Пановский, сотр. журн. «Русск. Вестник». IV—396.
Пантелеев, Ал-др Ильич, чл. гос. сов., ком. корп. жанд., I—227, 231, 242, 245, 269; III—133, 171; IV—108, 440.
Пантелеев, Логг. Федор., издатель и общ. деятель, чл. «Земли и Воли» (первой). III—224, 227, 278, 280, 304.
Пантелеев, Никол. Иван., цензор. I—414.
Пантелеймон, иером. Оптиной пустыни. IV—343, 351, 359.
Панчулидзев, Ал-др Ал-сеев, пенз. губерн. III—208.
Парский, Дмитр. Павл., генерал. II—133.
Парфений, архиеп. тульск. IV—339, 344, 352, 353, 359.
Pascal, философ. IV—387.
Паскевич-Эриванский, Ив. Федор., ген.-фельдм. I—430; II—272; III—291.
Пассек, знакомое лицо П. Г. Зайчневского. I—276.
Пауль, Франц-Братислав, заготовщик красок. III—177, 180, 190.
Паша, старица Дивеевск. мон. IV—180, 447.
Пашич, сербск. госуд. деятель. I—170, 175, 195, 207; IV—46, 55, 434.
Пашков, вер. **Мих. Васил.,** ген.-л., влад. Богоявл. завода оренб. губ. II—190.
Пашков, Сергей, майор, влад. Белорецк. и Тирлянского завод. II—190, 192.
Пашуканис, Соф. Ал-сеевна. IV—5.
Певцов, подполк. корп. жанд. II—178, 179.
Пеликан, Ал-др Ал-дров., цензор. I—414.
Пендзех, нач. штаба франц. арм. II—50, 53.
Перевалов, фабрикант. II—214.
Переверзев, Вал. Федор. IV—377.
Переселенков, Серг. Алекс. I—361; III—227.
Перняков, Васил., служ. челяб. отд. Сиб. ж. д. I—340.
Перов, Вас. Григор., проф. художник. IV—431.
Перовская, Софья Львовна (1853—1881), чл. исполн. ком. партии «Народной Воли». III—243—250; IV—327, 450; в частности три ее письма 1872 г. из Ставрополя сам. губ. Ободовской, А. Я. III—246—250; ее письмо из Петрограда 1873 г. Сахаровой О. И.—250.
Перовский, Васил. Ал-сеев., гр., III—97, 323.
Перовский, Лев Ал-сеев. гр.. мин. вн. дел. I—404; III—97, 323.
Пестель, Пав. Иван., декабрист. III—119, 323.
Пестич, Евг. Филии., ген.-м. I—212.
Петкевич, динабургск. дворян., революц. II—187.
Петр I, имп. (1689—1725). I—427, 431; II—79, 243; III—79, 96, 100; IV—93, 123, 127, 158, 181, 187, 405, 440.
Петр II, имп. (1727—1730). IV—86, 440.
Петр III, имп. (1761—1762). III—296.
Петр, кор. сербск. I—193, 207.
Петр Николаевич, в. к. I—216; III—152, 160, 314; 323. IV—159.
Петрашевский, см. Буташевич-Петрашевский, М. В.
Петров, матрос, ренол. с судна «Прут». I—354.
Петров, Сергей, вотч. бурмистр. с. Середы—Уциной IV—401—403.
Петров, Антон, крест., руководит. восстания в с. Безднс. казанск. губ. в 1861 г. I—276, 279.
Петров, Григ. Спирид., священ., публицист. III—145, 324.
Петров, Никол. Иван., ген.-от инф., нач. гл. упр. почт и телегр., чл. гос. сов. III—164, 167, 324.
Петров, Никол. Павлов., проф. Никол. инж. акад., гос. мин. пут. сообщ. I—157, 207; III—110, 152, 324.
Петров, Петр Васил., учит. насл. Ал-ея Никол. по русск. яз. IV—203, 206, 447.
Петровский, Григор. Иван., деп. 4 гос. думы, с.-д. большев. II—222.
Петровский, Влад. Ал-сеев., студ. Петров. акад. III—299.
Петровский, Никол., шт.-капит., последов. М. А. Бакунина. III—203, 327.
Петрункевич, Ив. Ильич., чл. 1 госуд. думы. VI—106, 404.
Пивкин, Роман, служ. челяб. отдел. Сиб. ж. д. I—340.
Пиксанов, Ник. Кириан, проф. лит. I—366; 368; III—310.
Пилкин, Конст. Павлов., вице-адм., предс. морск. технич. комит. II—65, 116.
Пимоненко, Никол. Корнил., художник. IV—426—429, 433.
Пионтковский, Серг. Андреев., I—314, 323, 327, 433, 435.
Пирлинг, Павел, иезуит, истор. III—133, 324.
Писарев. I—433.
Писарев, Дм. Ив., критик. III—230.
Писемский, Ал-ей Феофил., писатель (1820—1881) I—394, 404; II—262; III—264, 277.
Пистолькорс, Ольга Валериановна, сначала жена полк. Пистолькорса, Э. Г., а затем жена в. к. Павла Ал-дров., III—110, 111, 157, 162, 166, 324
Пистолькорс, Эрик-Гергард Августов., полк. л.-гв. конногв. III—110, 111, 157, 324.
Питирим, (Окнов Пав. Вас.) митр. петрогр. IV—176, 183, 193, 447.
Пихно, Дмитр. Иван., эконом., проф. киевск. ун-та, изд. газ. «Киевлянин». IV—98, 128, 440.
Пичета, Влад. Иванов., проф. I—432; III—292; IV—319.
Платер, Владислав, граф, просвещ. меценат. II—278, 279.
Платов, Ал-др Степан., ген., нач. Мих. арт. уч. III—221.
Платов, И., агент моск. охр. отд. I—291.
Платон, философ. IV—391.
Платонов, Сер. Федор., проф. русс. ист. петр. ун-та. I—428, 429, 431; III—118, 171, 324; IV—93, 95, 123, 440.
Платонов, Ст. Федор., сенат., чл. гос. сов. III—146, 324.
Платонова, Нат. Серг. I—427—428.
Плевако, Федор Никиф., адвок. IV—98, 440.
Плеве-фон, Вячеслав Конст. (1846—1904), мин. вн. дел., шеф жанд. I—318, 321, 429; II—6, 8, 13, 25, 27, 30, 32, 38, 40, 42—46, 60, 82, 83, 94, 101, 116, 134, 281; III—75, 78, 80—92, 111, 117, 120, 121, 132, 133, 135—138, 140—144, 146, 148, 159, 167—170, 324; IV—114, 252, 337, 410 411, 440.
Плеве, Никол. Вяч., сын Плеве, В. К. IV—410.
Плеве, Павел Адамов., команд. войсками моск. военн. окр., в войну 1914 г. команд. V арм., сев.-зап. фронтом; I—225, 236, 240, 247, 255, 262, 268; II—132, 134, 165; III—29, 43, 44, 48, 51, 66; IV—84, 440.
Плесие, Эдуард Дмитр., упр. гос. банк., мин. финансов. II—55, 60, 61, 116; III—143, 324.
Плетнев, столонач. полицеймейстера тверск. гор. полиции. IV—399.
Плетнев, Петр Ал-дров., критик и ред. журн. «Современник». I—426; II—273.
Плеханов, Георг. Валентин., I—430, 434; II—207, 209; IV—(его псевдонимы: Бельтов, Волгин, Кузнецов, Утис), 308, 309, 312, 316.
Плещеев, Ал-ей Никол. (1825—1893), поэт, петрашевец. I—368, 396, 403, 405; II—236; IV—394.
Плятер, гр. IV—302, 306.
По, Поль-Мари, ген. франц. службы. III—33.
Победоносцев, Констан. Петров. (1827—1907), с 1872 г. об.-прокур. синода. I—2, 368, 373, 374, 375, 412, 416; II—11, 38, 46, 60, 116, 240—252, 255; III—75, 78, 79, 81, 83, 84, 86, 89, 94, 102, 109, 111, 113, 155—158, 170, 276, 324; IV—72, 73, 77, 78, 80, 84, 85, 115, 317—337, 440.
Погодин А., проф. II—271, 272.
Погодин, Мих. Петр. (1800—1875), проф. моск. ун-та. IV—383—391.
Погуляев, Серг. Серг., контр-адм. свиты. IV—164, 447.
Подоба, жит. вил. губ., революц. II—187.
Позднеев, Д., делопроизвод. русск. посол. в Пекине. II—289—292.
Поклевский-Козелл, Станислав Альфонс., рус. посол. в Бухаресте. II—168, 171, 172, 175; III—30, 31, 43, 64; IV—47—50, 52—55.
Покотилло, Вас. Иван., ген., войск. атам. донск. каз. войска, в войну 1914 г. походн. атам. при ставке верх. главк. I—260; II—152, 155, 158—160, 162; III—36, 38, 40.
Покотилов, Ал-др Дмитр., завед. дел. жел.-дор. пенсион. комитета. IV—74, 440.
Покотилов, Дмитр. Дмитриев., чинов. особ. поруч. при мин. фин., в 1905 г. назн. послом в Китае. II—33, 116, 287—293.
Покровский, ренол. 60-х г.г., чл. кружка П. Г. Зайчневского. I—275, 277.

Покровский, Мих. Никол., историк. I—3, 9, 427; II—8; IV—157—158, 403, 409.
Полевой, Ксеноф. Ал-сеев., писатель. II—272.
Полевой, Никол. Ал-сеев., журналист. III—305.
Полежаев, Г. М., чл. «Союза Сибирск. Рабочих» и сотр. нелег. с.-д. газ. в Сибири. II—217.
Поливанов, Ал-ей Андреев., чл. гос. сов., с 13 июля 1915 г. воен. мин. I—214, 334; II—285, 286; III—43 (П. А. А.), 46, 47, 50; IV—123, 158, 187, 440, 447.
Поливанов, Лев Иванов., педаг. I—380, 388, 390, 392, 394, 402; III—281.
Полиевктов, Мих. Ал-дров., проф. I—424.
Полина. IV—218.
Полиновский, студ. казанск. унив., привлек. по делу о казанск. заговоре. IV—280—282, 284—286, 293, 295, 296.
Полис, Ал-др Климентьевич, русск. морск. агент в Берлине. III—154.
Половцев, Ал-др Ал-дров., сенат., чл. гос. сов. I—2; II—22, 27, 116; III—75—172; IV—63—128, 440.
Половцев, Андр. Петр., полк., пом. нач. воен.-пох. е. в. канц. IV—120, 127, 440.
Половцев, В. А., прок. спб. суд. палаты, авт. обвин. акта по делу Нечаева, С. Г. IV—228, 229.
Половцев, Петр Ал-дров., офиц. гродн. гус. полка, ком-щий войск. петр. в. окр. при Керенском. III—88, 162.
Половцева, Над. Мих., жена А. А. Половцева. III—110, 124, 125.
Полонский, Вячесл. Павл., I—438; III—174, 198, 327.
Полонский, Яков Петров., поэт (1820—1898). I—368, 369, 395, 405.
Полотебнов, Ал-сей Герас., проф. дерматологии. II—262.
Полторацкий, Ив. Ал-дров., участн. войны 1914 г. III—58.
Полумордвинов, дворян. III—300.
Поляков, Лазарь Солом., банкир. IV—122, 440.
Полякова, Ф. Н., отв. редакт. сарат. газ. «Жизнь Рабочего». II—223.
Полянский, Петр Конст., жандар. ротм. I—352, 354.
Померанцев, Илиодор Иван., ген. корн. воен. топогр. II—137.
Помпадур (Pompadour), **Жанна-Антуанетта**, маркиза. I—72, 73.
Пономарев, журналист. I—346, 354.
Пономарев, сахарозаводч. в Петербурге. II—180.
Пономарев, подполк., влад. железноделат. заводов близ Вятки. II—194.
Пономарев, Георг. Логгин., генер., ком.-л.-гв. казач. полка. II—172.
Пономарев, брат Пономарева Ильи, восп. пермск. дух. семин., привлек. по делу о казанск. заговоре. IV—289.
Пономарев, Илья, восп. пермск. дух. сем., привл. по делу о казанск. заговоре. IV—289.
Пономарев, Степ. Иван., библиогр. и чл. кор. акад. наук. III—311.
Понятовский, чл. кружка Зайчневского, П. Г. и Аргиропуло. I—275, 277.
Поплавский, Фома, служ. челяб. отд. Сиб. ж. д. I—340.
Попов, челяб. купец. IV—304.
Попов, лейт. гвард. экипажа. III—315.
Попов, поруч. IV—235.
Попов, свящ. перм. губ. II—185.
Попов, чл. правл. общ. печатников. II—208.
Попов, Ал-др Ив. (А. П.) II—283.
Попов, Мих. Вас., петерб. книгопродав., ум. 17 XII 1906 г. III—279.
Попов, Фаддей Николаев., сотр. моск. охр. отд., кличка «Птицын». II—206.
Поппен-фон, Георгий Васильев., ген.-м., нач. шт. 1-го арм. корпуса. II—72, 116.
Пороховщиков, Виктор, служ. челяб. отд. Сиб. ж. д. I—340.
Поссель, дмвл. в Риге. IV—380.
Пострелов, чиновн. г. Вольска. III—300.
Постреловы, сыновья свящ. г. Кузнецка: Алексей III—299, Владимир III—299, Николай III—299.
Посьет, Конст. Никол. адм., мин. пут. сообщ. IV—328, 376—378, 380, 381, 450.
Посьет, Розалия Ипполит., жена адм. Посьет, К. Н. IV—376, 380, 381.
Потапов, Ал-др Львович (1818—1886), шеф. жанд. и нач. III отд., ген.-ад. II—32, 116; III—222, 303; IV—251, 252, 257—259, 262.
Потапов, Никол. Михайлов., ген. III—62.
Потемкин-Таврический, Григ. Ал-дров., светл. кн. IV—88, 440.
Потоцкий, II—270.
Потоцкий, Иосиф Альфредович, гр., чл. гос. думы. IV—117, 118, 440.
Потресов, Ал-др Никол., литерат. IV—308, 309.
Потулов, поруч., участн. проц. Нечаева, С. Г. IV—226, 227.
Прац, Эдуард, влад. типогр. III—224.
Прейс, Карл, квартирохоз. Бакунина, М. А. в Праге. III—180, 188, 189, 193.
Преображенский Евг. Ал-сеев. (кличка «Иванов»), чл. «Союза Сибирск. Рабочих». II—214.
Преснов, Денис Иван., моск. книгопрод. I—383, 402.
Пресняков, Ал-др Евген., проф. русск. ист. I—427 430 (опеч.—Приселков).
Прибыльская, Анна Геннад., сестра Нечаева, С. Г. IV—222.
Прини, I—424.
Притвиц, секр. герм. пос. в Петрогр. IV—40.
Проклантьев, младший, уфимск. мещан. IV—303.
Проклантьев старший, уфим. мещан. IV—302, 303.
Протасов-Бахметьев, Никол. Ал-сеев., главноупр. канц. по учр. имп. Марии. III — 88, 324; IV — 105, 440.
Протопопов, Ал-др Дмитр. (Калинин), симб. губ. пред. двор., мин. вн. дел с 20 дек. 1916 г. IV—157, 160, 163, 164, 166, 169, 171—177, 183, 184, 186—188, 190, 192—194, 196, 198, 199, 201, 207—209, 211, 213, 215, 447.
Протопопов, Ал-др Павлов., нач. шт. одесск. военн. округа. II—35, 116.
Прохоров, А., моск. купец, почит. Толстого, Л. Н. IV—348, 358.
Прохоровна, няня в семье Достоевского, Ф. М. III—281.
Прудон (Proudhon), **Пьер-Жозеф** (1809—1865). I—276.
Пруссак, Игнат. Мих., смотр. Алексеев. равелина Петроп. креп. IV—238, 241, 243—246.
Прыжов, Ив. Гавр., участн. процесса Нечаева, С. Г. IV—225.
Прянишников, подполк. корп. жанд. II—181.
Пташковский, чл. польск. револ. белебеевск. комитета. IV—304.
«Птицын»—кличка, см. Попов, Ф. Н.
Пуанкаре, Раймонд, 1913—1920 г.г. през. франц. республики. III—5, 18, 20, 23—28, 318; IV—9, 10, 142.
Пугачев, Емел., Иван. орган. нар. восст. в XVIII в. III—119; IV—231.
Пузыревский, Ал-др Казимиров., ген.-от-инф., пом. ком. варш. военн. окр. II — 32, 42, 56, 74, 110—112, 116.
Пуришкевич, Влад. Митроф., чл. 4-й гос. думы. III—40; IV—157, 198, 424, 447.
Пурталес, Роберт-Фридрих, гр., герм. посол в Петрограде. I—173, 176—179, 181, 183, 186—189, 198—200, 202, 207, 212; III—9, 318; IV—9, 10, 17, 19—24, 31—33, 35, 38—43, 51, 53.
Пустовойтенко, Мих. Саввич, ген.-кварт. ставки верх. главноком. I—255; IV—197, 448.
Пустошкин, III—30, 31.
Путилов, III—67.
Путилов, А. С. I—428.
Путинцев, А. М., сотр. ворон. ист.- археол. Вестн. I—431.
Пуцыкович, Викт. Феофилов., писат., секр. журн. «Гражданин». I—372; II—244—247, 253.
Пушкин, Ал-др Ал-дров., сын Пушкина, А. С., ген.-м. св. I—382, 402.
Пушкин, Ал-др Сергеев., поэт. I—367—375, 379—384, 386—388, 391, 392, 394, 397, 398, 436; II—247, 248, 254, 261, 266, 272, 273; III—123, 281, 282, 305, 311; IV—384, 387, 392.
Пушкин, Анат. Львович, плем. Пушкина, А. С. I—387, 388, 403.
Пушкин, Бор. Серг., III—206.
Пушкин, Григ. Ал-дров., сын поэта А. С., служил в л.-гв. конн. полку. I—402.
Пушкин, Лев Сергеев., брат поэта А. С. I—403.
Пфенингер, директ. цюрихск. тюрьмы. IV—253.
Пыляев, Вл. Павл.,—историк новгор. края. II—255.
Пыпин, Ал-др Никол., проф. и академик. I—359; III—78, 81, 290, 324; IV—393.

Р

Рабинович, I—315.
Разумовлл, вероятно, **Матвей Матв.**, кн., церемон., или **Альбрехт Георг.** кам.-юнк. I—261.
Радкевич, Андр. Ал-дров., чин. ос. поруч. при мин. ин. дел. IV—40.
Радко-Дмитриев, в войну 1914 г. ком-щий III арм., 7-м сиб. корпус., XII арм. I—241, 270; II—169, III—60, 61, 67; IV—417, 421.
Радлов, Эрн. Львович, проф., предс. филос. о-ва при петр. ун-те. I—430.

Радовиц, (Radowitz) герм. посл. в Афинах. I—64, 65, 76, 77, 84, 85, 207.
Радолин, герм. посол в Париже, а в 1898 г.—посол в России. II—39, 116; IV—64, 440.
Радославов, болг. госуд. деятель. I—172, 207, 257.
***Радченко, Степ. Ив.,** с.-д. IV—308.
Разин, Степ. Тим., организатор нар. движения (1667 — 1671 г.г.). IV—231.
Разумовская, Мар. Григор., гр. III—129.
Раич, Сем. Егор., поэт. IV—383, 390.
Ракеев, подполк. II—181.
Раковский, М. М., ред.-изд. газ. «Поволжье» и сотр. «Нашей Газеты», II—224, 225.
Раковский, Христ. Георг. I—434.
Рамбольт (Rumbold), в 1914 г. советн. англ. посольства в Германии. I—194, 195, 207.
Рапполо, III—67.
Расин, поэт. II—275, 277.
Распутин, Новых или Новый, **Григ. Ефим.** (Друг, Он) III—46, 313, 315, 316; IV—157—160, 163, 164, 166, 167, 173, 174, 176, 181, 183—184, 186—188, 190, 191, 193, 194, 198, 199, 201, 202, 211, 212, 216, 448.
Ратаев,—см. Ратнев, И. Д.
Ратаев, Леонид Ал-дрович, завед. особ. отд. департ. полиции. I—290, 294—296, 309
Ратнев, Ив. Дмитр., он же Ратаев, подполк. завед. полиц. охран. Зимн. дворца. IV—215, 448.
Ратнинский, цензор. I—361.
Раупах, Эрнст—Беньямин Соломонов. (1784—1852), проф. педагог. институт., нем. драматург. I—426.
Раух, Генрих Оттонов., ген.-м. I—255, 256, 272.
Рауш, Евг. Ал-дров., бар., III—47, 54.
Рафес, Мих. Григ., I—326.
Рачковский, Петр Иван., нач. рус. сыскн. отдела в Париже. III—159, 160.
Рашевский, подпоруч. 6 резервн. пех. див., привлек. по делу о казанск. заговоре. IV—278.
Ревельсток, лорд., дир. англ. банка. III—20, 318.
Редигер, Ал-др Федор., засл. проф. Никол. акад. ген. штаба. I—331, 332, 342, 343; III—46.
Редигер, Никол. Ал-дров., ген.-л., инспект. стрелк. части. II—72, 116.
Редько, Ал-ей Ефимов., врем. красноярск ген.-губ. в 1905 г. I—338, 339.
Реймер, жанд. офицер. I—281.
Рейнбот (Резвой), Анатол. Анатол., ген.-м. I — 219, 237, 245, 265.
Рейниш, Эдуард, фельдфеб. III—196.
Рейс, Генрих VII (prince Henry VII Reuss), кн., герм. посол в Петрогр. I—10, 11, 22, 23, 207.
Рейтерн, Мих. Христофор. (1820—1890), гр., мин. фин., председ. ком. министр. IV—80, 440.
Рейхенау, Ф., герм. послан. в Швеции. IV — 23, 41, 56.
Рекель, Карл Август., чл. каке. палаты, демократ. III—177, 184, 185, 188—193, 198.
Ремер, жанд. майор. IV—222, 223, 226, 228, 235, 237.
Ренан—писатель. I—430.
Ранненкампф, Пав. Карл., уч. карат. экспед. в 1905 г., ком-щий I армией в войну 1914 года. I—211, 219, 231, 235, 237, 239, 240, 242, 245, 247, 249, 251, 254, 255, 257, 265, 329—332, 335, 336, 338, 340 —343; II—132, 134, 135, 139—141, 143 —149, 151, 153, 155, 156, 158—161, 164, 166; III—44, 45, 47, 49, 51, 52, 55, 56, 71.
Репин, Илья Ефим., художн. III—149; IV—428.
Ресин; Ал-др, Ал-сеев., ген. II—169.
Ресин, Ал-ей Ал-сеев., ком. соб. е. в. полка. IV—166, 170, 173, 195, 215, 217, 448.
Рестель, влад. завода в Одессе. I—320, 321.
Рибопьер, Ал-др Ив., гр., об.-камерг., чл. гос. сов. III—96, 324.
Ризберг (Р.), Зинаида Иван., знак. лейт. П. П. Шмидта, I—344, 350—353.
Римский-Корсаков, Ал-др Ал-дров. чл. гос. сов., сенат. IV—207.
Римский-Корсаков, Никол. Андр., русск. композит. III—123.
Риттих, Ал-др Ал-дров., упр. мин. земледел. IV—173, 190, 197, 448.
Рихтер, Петр Ал-дров., упр. самарск. удельн. конторой. III—300.
Рихтер, Оттон Борис., ген.-ад., ком. имп. главн. кварт. II—14, 116; III—88, 89, 102, 123, 133, 324; IV—77, 79, 94, 106, 440.
Рогачев (Рыкачев), Н. М., поруч., чл. военно-рев. орган, «Народи. Воли». I—32, 116.
Рогов, Мих. Ив., литерат. (псевдоним «Говоров М. И.»). II—208.
Роголев, Ив. служ. челяб. отд. Сиб. ж. д. I—340.
Родзянко, Мих. Владим., председ. госуд. думы. II—142, 164, 285; III—33, 43, 48, 61, 63, 64, 66, 67—69, 85, 324;
IV—163, 166, 173—174, 182—184, 186, 191, 193, 215, 216, 422, 448.
Родионов, А. Н., студ. петрогр. политехн. инст., рев. II—222.
Родионов, Никол. Никол., ст. лейт. гв экип. IV—206, 211, 448.
Родичев, Фед. Изм., адвок., чл. гос. думы. II—282; IV—106, 440.
Рождественский, учит. вят. гимназии. IV—286.
Рождественский, Зиновий Петр., контр.-адм. II—68, 100, 107, 111, 116.
Рождественский, Серг. Васил., проф. ист. I—425, 426.
Рожков, Никол. Ал-дров., проф. I—427, 429; II—211, 218, 219.
Рожковский, см. (Рачковский).
Розен, Андр. Евген., бар., декабр. III—224.
Розен, Роман Романов., бар., послан. в Токио. II—21, 76, 80, 100, 116.
Розенгейм, Мих. Павлов., поэт. I—406—409.
Розинг, Илиодор Иван., сенат. II—29, 116.
Романов, Петр Мих., дир. общ. канц. мин-ра фин., пом. мин. финанс. II—292, 293.
Ромас, Ел. Симоновна, отв. ред. соц.-дем. журн. «Сибирский Журнал» и «Сибирское Обозрение». II—211.
Ромашев, дворов. чел. пермской губ. II—193.
Ромер, Влад. Эмилиев., чл. гос. думы. IV—108, 440.
Ронжин, Серг. Ал-дров., в войну 1914 г. нач. воен. сообщ. театра воен. действий. I—227—229, 236, 260, 269; II—131, 138, 169; III—29, 30, 39.
Роон, Влад. Христоф., воен. аг. в Австрии, уч. войны 1914 г. II—154.
Роон, Христоф. Христофор., ген.-от-инф., чл. гос. сов. II—86, 116; IV—79, 105, 440.
Ропп Евг. Эдуард., бар., ген.-м., инж. при мин. пут. сообщ. I—246, 271; II—131, 159.
Рославлев, помещ. III—208.
Рославлева (Огарева) Мария, жена Огарева, Н. П. III—213.
Росси, Генрих, поруч. III—196.
Ростковский, Феликс Яковл., чл. воен сов., ген. II—147, 150, 168, 169.
Ростовцев, Яков Иван., гр., деятель «эпохи реформ», чл. гос. сов. IV—86, 440.
Ростовцев, Яков Никол., гр., личн. секр. Ал-ры Фед. IV—175, 448.
Рот, помещ. и петерб дмвл. II—249.
Ротштейн, Адольф Юльев., чл. русско-кит. банка. II—81, 292.
Ротштейн, Фед. Аарон., литератор. II—81, 292; IV—130.
Roux, Charles, историк. I—6.
Рошфор, гр-ня, влад. завода. II—191.
Рубинштейн, Никол. Григор., дир. моск. консерват. I—380, 381, 402.
Rouve (рожд. Аненкова), гр-ня. III—133.
Рувье, фр. мин. фин. IV—64, 100, 104, 105, 440.
Руго, д-р. III—306.
Рудзский, заводчик в Привислянск. крае. II—137, 138, 140, 146.
Руднев, стар. пом. правителя канц. департ. полиц. I—404.
Рузвельт, президент. Соед. Штатов. IV—63, 68, 440.
Рузский, Никол. Влад., в войну 1914 г. ком-щий III армией, главноком. сев. фронтом. I—218, 225, 226, 231, 237, 240, 241, 242, 245, 249, 251—253, 261, 265, 266; II—131—135, 137, 140, 142, 154, 164, 169, 171; III—29, 33, 37, 39—41, 44, 46, 48, 54, 65, 315; IV—219, 417, 421, 422, 448.
Рузье, Поль—I—316.
Румянцев, Ив., свящ. Георг. цер. в Старой Руссе. I—384; II—249, 254, 255.
Рунич, Дмитрий Павлович (1780—1860), попечитель петрогр. унив. I—425, 426.
Рупперт. III—180.
Русин, Ал-др Иван., нач. морск. генер. штаба. I—229, 269; IV—8.
Руссо, Жан-Жак, философ. IV—390.
Рухлов, Серг. Васил., с 1909 г. мин. пут. сообщ. I—222, 244, 256, 266; III—48, 61; IV—189, 448.
Руцен, знак. брат. Зайчневских П. Г. и Н. Г. I—279.
Рыдзевский, Конст. Ник., б. тов. мин. вн. дел. III—63.
Рыжкова. I—287.
Рыкачев—смотри Рогачев.
Рылеев, фл.-ад. II—188.
Рылеев, Кондр. Фед., декабр. II—273; III—224.
Рыльке, Генрих Данил., чл. воен. совета. II—150, 169.
Рябков (Пчела) Н. И., I—435.
Рябов, крест. IV—288.
Рябова, Валент. Ал-дров. IV—339.

С

С. (?) II—144.
Валериан С. II—179.
С-ин, К., «см. Скворцов, И. М.»
Саад-Уд-Довле, мин. ин. дел в Персии. III—19, 318.
Сабина, Карл, демократ, ред. листка: «Новины Славянск. Липы» (Nowiny Slowonsky Lipi). III—177, 178, 180, 184—186, 189—193.
Саблер, Влад. Карл., об.-прок. синода. III—109, 324.
Саблин, Николай Павлов. (Н. П.), фл.-ад., кап. 1-го ранга. IV—184, 190, 193, 206, 207, 215, 220, 447, 448.
Сабуров, Андр. Ал-дров. (1838—1916), упр. мин. нар. просв. I—388, 403; III—85, 105, 113, 117, 125, 134, 137, 142, 147, 152, 163; 324; IV—64, 65, 67, 69, 85—87, 104, 111, 113, 122, 318, 322, 324, 440, 451.
Сабуров, Андр. Иван., гофм., дир. имп. театр. III—134, 324.
Сабуров, Петр Ал—дров., дипломат. I—3, 7, 62—65, 72—75, 128, 129, 132—135, 140—145, 208, прилож. 4А.
Савельева, наборщица. I—432.
Савин, Ал-др Никол., проф. II—119.
Савина, Мария Гаврил., арт. Александр. театра. I—401; II—254.
Савинский, Ал-др Ал-дров., русск. послан. при болгарск. дворе. II—168, 175; III—137, IV—47, 48, 50.
Савиньи, прусск. политич. деятель. I—22, 23, 208.
Савицкий, ротмн., нач. астап. отд. моск.-камыш. жанд. пол. упр. ж. д. IV—338, 340—346, 348—353, 355—357.
Савицкий, Конст. Апол., проф. живописи. IV—429—433.
Савицкий, Людвиг Федор., ген.-л., нач. 45-й пех. див. II—71, 116.
Савримович участ. в войне 1914 г. III—53.
Сагтынский, тайн. сов. III—208.
Садиков, П. А. I—431.
Садри-Азам, первый пере. мин. II—42.
Сазонов, полк., уч. войны 1914 г. IV—421.
Сазонов, Георг. Петр., ред. газ. «Россия». III—111.
Сазонов, Серг. Дмитр., гофм., мин. ин. дел (1910—1916). I—9, 167, 168, 171, 174, 175, 178, 179, 181, 182, 184, 186—189, 200, 202, 208, 212; II—172, 173, 175; III—5, 8, 9, 14—28, 20, 31, 38, 43, 61, 64, 67; IV—6—13, 15—23, 29—31, 33, 35, 36, 39—41, 43, 45—57, 195, 448.
Салисбюри (Salisbury), маркиз (1830—1903), английск. полит. деят. I—120, 121, 208.
Салтыков, Конст. Мих., сын Салтыкова, М. Е. –сатирика. II—227.
Салтыков, Никол. Иван., об.-шенк. III—102, 324.
Салтыков, Петр Семен., гр., ген.-фельд. III—102, 324.
Салтыков-Шедрин, Мих. Евгр., писатель. I—364; II—226—228, 229, 231—233; IV –393—398.
Салтыкова, Анна Серг., кн., рожд. Долгорукая, вдова об.-шенка Н. И. Салтыкова. III—85, 324; IV—74, 440.
Самарин, Ал-др Дмитр., об.-прок. синода, моск. предв-дворянства. I—241, 270; IV—158, 187, 448.
Самарин, Ив. Васил. (1814—1885), арт. моск. Малого театра. I—392, 394, 403.
Самарин, Фед. Дмитр., чл. гос. сов. IV—107—109, 111, 117, 440.
Самойлова, Конкор. Никол., (псевд. «Н. Сибирский», кличка Наташа), ком. ум. в 1922 г.I—435.
Самоцветов, учен. моск. землед. школы. I—286, 287.
Самсонов, Ал-др Васил., ком. II арм. в войну 1914 г. I—212, 217, 223, 225, 226, 239, 242, 250, 264, 268; II—173; IV—71, 440.
Сандецкий, Ал-др Генрих., ген., чл. Воен. Совета. II—150; III—35, 42, 47, 49, 51, 57, 61, 69, 70.
Санин, влад. магаз. в г. Лаишеве Каз. губ. IV—291.
Сапари, Фридр., гр., австр. посол в России. I—170—174, 184, 186, 198, 208, 212; IV—6—8, 10, 13, 36.
Сапожников, шт.-офиц. корп. жандармов. IV—305, 306.
Сатин, Никол. Михайл., поэт. III—208.
Сафонович, Валериан Иван., вице-директ. деп. полиции. I—404.
Сахаров, Викт. Виктор., ген.-л., нач. глав. штаба, в 1904 г. воени. мин. II—9, 18, 27, 32, 44, 47, 49, 50, 57, 61, 62, 72, 77, 108, 110—112, 116; III—104, 324.
Сахаров, Влад. Викт., ком. войск. на румынск. фронте. IV—198, 448.
Сахарова, Ольга Иван., III—243—245, 250.
Саютин, Ф. А., чл. «Союза Сибирских Рабочих», сотр. с.-д. нелег. сибир. издан. II—217.
Сватиков, Серг. Григор., писатель, ист. общ. движ. III—301.
Сватковская, урожд. Сниткина, Мар. Григ., III—259.
Сватковский, Пав. Григ., ценз. III—259.
Свенцицкий, шт.-кап., квартирмейст. 4-го рез. бат. Охот. пех. полка. IV—294.
Свербеев, Серг. Николаев, рус. посол в Берлине. I—177, 179, 180, 182—188, 208; IV—5, 26—29, 32—33, 37, 38, 42, 43, 44, 48, 57—62.
Свердлов, Яков Мих., председатель ВЦИК. 1918—1919 гг., умер в 1919 г. II—211, 212.
Сверчков, Дмитр. Федор., I—433, 434.
Свечины: Василий, III—299, **Михаил.** III—299.
Свидзинский, Констант., польск. писат., библиограф. II—268, 269, 275, 277.
Свиньин, Пав. Петр., писат. и журнал. (1788—1839). IV—390.
Святополк-Мирский, Петр Дмитр., ком. отд. корп. жанд., мин. вн. дел. IV—133, 324.
Севастопуло, Матвей Марков., сов. русск. посольства в Париже. I—174, 208.
Севастьяновский, чин. охр. полиции. IV—253.
Сейфер, Мих., деят. профес. движения. I—435.
Секретов, Петр. Ив., полк. I 238, 420; III—46.
Селиванов, жан:. подполк. IV—343.
Селиванов, помещ. III—208.
Селиванов, Андрей Никол., ген.-л., нач. 16 пех. див. II—69, 116.
Селиванов, Ал-др Никол., ген., уч. войны 1914 г. III—47.
Селиверстов, Никол. Дмитр., ценз. губернат. IV—431.
Селихов, Леонид, студент. I—340.
Семевский, Вас. Иван., русск. истор. I—438.
Семен, А. В., влад. типограф. I—359.
Семенихин, А. И., старш. засед. моршанск. двор. опеки. IV—362.
Семенов, уч. войны 1914 г. III—32, 43.
Семенов, Никол. Петр., писатель и госуд. деятель. III—276.
Семенов (Тянь-Шанский), Петр Петр., учен. и госуд. деятель. I—438; III—117, 123, 126, 143, 145, 324; IV—96. 128, 431, 440.
Семеновский, врач данк. земск. больн. IV—347.
Семковский, (Бронштейн, Сем. Юльев.), с.-д., меньшев. чл. загр. секретариата организ. комитета. II—211.
Сенковский, Осип-Юлиан Иван., критик и журн. I—426; III—305.
Сенчугов, Ив. Пав., он же Лобанов, чл. «Союза Сибирск. Рабочих», сотр. нелег. с.-д. газ. в Сибири. II—216.
Сенчугова, она же Васильева, жена Сенчугова И. П., сотр. нелег. с.-д. газ. в Сибири. II—216.
Серафим, саровский. III—157, 170.
Сервантес, исп. писат. IV—391.
Сергеев, студ. Каз. унив., привлек. по делу о казанск. заговоре. IV—280, 282—286, 293, 295.
Сергеев, Ал-др Ал-дров., I—426; II—177; III—294, 298, 317; IV—158.
Сергеев, Як. Тихон., ком. 21 В.—сиб. стр. полка. III—315.
Сергеевич, Вас. Иван., истор. русск. права. III—80, 324; IV—98, 440.
Сергеенко, Петр Ал-сеев., литератор., IV—357, 358.
Сергей Ал-дров., вел. кн. I—209—311; II—13, 42, 82, 116, 281; III—87, 91, 108, 109, 121, 122, 127—130, 132, 135, 152, 161, 324; IV—102, 440.
Сергей Михайлов., вел. кн., ген.-инсп. артилерии. I—247, 248, 250; II—160, 161, 165, 168, 170; III—31—35, 38, 41, 58—68, 93, 94; IV—118, 160, 176, 440, 448.
Сергиев, Иван Ильич, прот. кронштадтск. III—161, 324.
Сергий (Старогородский), еп. финляндск., III—315.
Серебреников, влад. типографии. II—212.
Серебряков Е., литерат. II—32.
Середа, Н. А. литерат. III—296.
Серно-Соловьевич, Никол. Ал-дров., деятель револ. движ. 60-х годов, один из учредит. общ. «Земля и Воля» (первой). I—366, 429; III—203, 327.
Сесюлин, л.-гв. рядов II—185.
Сечени, Эмерик (Szögyényi), австр. посол в Берлине (1879—92), I—128, 129, 132—145, 208.
Сечени (Szögyényy) , австр. посол в Берлине с 1892 г. I—174, 205.
***Сечинский, Ив. Ив.,** (вм. Цинский), моск. полицейм. IV—406.
Сечкин, Ал-др Герас., журналист, с.-д., ред. ирк. газ. «Наш День». II—212—213.
Сиверс, Никол. Никол., подп., в войну 1914 г. ген квартирм. сев. фронта. II—70; IV—424.
Сиверс, Фаддей Васил., генер. III—33, 44; IV—424
Сиверцов, учен. гимназии. III—300.
Сиг, кличка. IV—218.
Симаковский, подполк., шт.-оф. корп. жанд. тверск. губ. IV—399, 401.
Симановский, Никол. Петр., лейб-отиатр. II—17, 116; III—171, 324.
Сильванд (Ост-Сеньковский), студ. спб. унив., привлек. по делу о казанск. заговоре. IV—283, 292. 296, 299.
Сипягин, Дмитр. Серг., мин. вн. дел. I—318; II—10, 11, 13, 44, 116; III—84, 88, 90, 91, 93, 94, 99, 103, 107, 109, 111, 114, 116, 117, 120—122, 126—133, 135—140, 141, 145, 146, 148, 151, 153, 159—160, 168, 169, 324; IV—70. 114, 440.

Скалон, Ант. Ант., ген.-м., нач. дивиз. IV—277, 278.
Скальковский, Конст. Павл., горн. инж. IV—98, 441.
Скворцов, поч. гражд. II—186.
Скворцов, Ив. Иван., (псевд. «К. С—нов», И. Степанов), литератор. II—208.
***Скворцов Пав. Никол.**, марксист, литератор. IV—308, 310, 311, 315, 316.
Скобелев, Мих. Дмитр. (1843—1882), ген.-ад. II—5, 22, 116; IV—336, 337, 451.
Скоробогатова, фельдшер. при Толстом, Л. Н. IV—347, 349.
Скрыдлов, Никол. Иллар., вице-адм., ком. черн. и тихо-океанск. флот. II—107, 110, 116.
Скугаревский, Аркад. Плат., ген.-от-инф. I—235, 238, 240; III—64.
Славутинский, студ. моск. ун-та, рев. 60-х г.г. I—276.
Слезкин, ген., нач. моск. жанд. управл. IV—222—224, 226, 228, 232, 233, 236, 237.
Слепцов, Ал-др Ал-дров., один из учредит. орг. «Земля и Воля» (первой). IV—274.
Слепушкин, знаком. П. Г. Зайчевского. I—275.
*** Слюсаренко, Викт. Ал-сеев.**, ген., ком. 8 арт. бриг. II—141.
Слодковский, Карл. III—177, 191.
Слухоцкий, Людвиг Людвиг., отст. полк. I—211.
Слуцкий, Яков Ал-дров., полк., чл. каз. комис. по расс. казан. загов. IV—275, 276, 278, 279, 296, 297, 298, 301.
Смирнов, Андр. Иван., цензор. I—407.
Смирнов, Влад. Вас., уч. войны 1914 г. III—66.
Смирнов, Ив. Конст., вице-дир. департ. полиции. II—203, 207.
Смирнова, Ал-дра Осип., писат. III—305.
Смысловский, ген. ,уч. войны 1914 г. II—150—153, 155, 163; III—60, 70, 71, 73.
Снельцовская, Полина Борис., I—315, 316.
Сниткин, писатель. III—258, 268.
Сниткин, Григ. Иван., отец жены Достоевского. Ф. М. III—251, 252, 254, 259.
Сниткин, Ив. Григ., брат А. Г. Достоевской. III—259
Сниткин, Мих Никол., двоюр. брат Достоевской, А. Г. III—282, 283.
Сниткина, урожд. Мильтопеус, **Мария-Анна Никол.**, мать Достоевской, А. Г. I—376, 385, 390, 391, 393; III—251, 252, 254, 258, 259, 261—263, 269—271, 273—275, 281.
Сниткины, родственники Достоевской, А. Г. III—258, 261, 262.
Снитко, пристав г. Вильно. I—319.
Соболев, кап., вр. и. д. смотр. Петроп. креп. IV—248.
Соболев, Леонид Никол., ген., нач. штаба моск. воен. окр. II—35, 82, 116.
Соболевский, Васил. Михайл., проф., зав. ред. «Русск. Ведом.» II—226.
Соболевский, Станислав, служ. челяб. отд. Сиб. ж. д. I—340.
Советов, И., агент моск. охр. отд. I—291.
Соколов, аг. моск. охр. отд. III—231.
Соколов, подполк. IV—419, 420.
Соколов, Вас. Никол., служ. стат. отд. забайк. пересел. района; ред. читин. журн. «Наше Дело». II—218—219.
Соколов, И., агент охр. отд. I—291.
Солдатенков, Козьма Терент., книгоизд. I—359; III—240.
Солнечный Луч—см. Ал-ей Никол., сын Николая II.
Соловово. IV—171.
Соловцов, Н. П. библиофил. II—256.
Соловьев, Ив. Григор. моск. книгопрод. I—383, 402.
Соловьев, вероят., оф. соб. е. в. конвоя. IV—214, 217, 448.
Соловьев, шт. ротм., уч. войны 1914 г. III—29.
Соловьев, Влад. Серг., философ. I—409, 430; III—286.
Соловьев, Евген. Андр. (**Андреевич**), литерат. II—262; IV—376.
Соловьев, Мих. Петр., прис. пов. I—394, 404.
Соловьев, Пав. Васил., ткач фабр. Гужона и Мусси I—313.
Соловьев, Филипп Гавр., прис. пов. I—394, 404.
Соломон, Ал-др Петр., дир. Ал-дров. лицея. IV—98, 441.
Сольман, чл. польск. центр. комит. III—204, 205, 327.
Сольский, Дмитр. Мартын. гр., предс. гос. сов. II—25, 29, 110, 116; III—77, 78, 81, 84, 89, 94 101, 106, 108, 109, 112, 113, 123, 142, 144, 145, 152, 324; IV—63, 65, 66, 69—73, 75—77, 79, 81, 82, 84, 85, 88, 89, 96—99, 102—104, 106, 108, 111—113, 115, 121, 122, 328, 441, 451.
Сороко, Иосиф, студ., чл. кружка Зайчневского, П. Г. III—229—231.
Сохновский, чл. варш. центр. нар. комит. III—201, 326.
Спалайкович, сербск. посл. в Петрогр. IV—8, 10, 55.
Спасский, кол. секр., суд. след. 5 уч. г. Москвы. IV—222, 253.
Сперанский, Мих. Михайл. гос. деят. I—426; II—46, 116; III—77, 292, 324; IV—391.
Спиридович, Ал-др Иван., ген., деят. охр. отд и в 1917 г. до револ. нач. дворц. охр. I—316; II—281, 282.
Спиридович, Валерия Конст., жена ген. Спиридовича, А. И. II—281.
Ставровский, Конст. Никол., чл. военн. совета. II—150.
Стаховский, жел.-дор. врач. IV—347.
Сталь, Егор. Егор., посол в Лондоне. III—109, 324.
Стана, Анаст. Никол., дочь черногор. кор. Николая I, б. замужем за Георг. Макс. Лейхтенбергским, в 1907 г. вышла замуж за в. к. Ник. Никол. III—57, 152, 156, 158—161, 170, 324; IV—120, 159, 441, 443.
Станиславский, Мих. Григор., с.-р., ред. читинск. газ. «Вост. Сибирь». II—218, 219.
Станкевич, подпор. азовск. пех. полка, уч. казанск. загов. IV—277, 282—284, 295, 296.
Стариков, и. д. одесск. градонач. I—302.
Старк, Оскар Виктор., нач. эскадры Тихого океана. II—100, 107, 110, 116.
Старков (напеч. Смирнов) Вас. Вас., IV—308.
Старов, шт.-кап., казнач. 4 рез. бат. охот. пех. полка—IV—294.
Стародубцев, Петр, счетов. астап. уч. тяги Ряз-Ур. ж. д. IV—356.
Старостин, унт.-офиц. IV—305.
Стасова Елена Дмитр., II—212.
Стасюлевич, Мих. Матв., ред. ж. «Вестник Евр.» IV—98, 441.
Стахович, Мих. Ал-дров., чл. гос. сов. IV—342.
Стахович, Павел Ал-дров., ген.-м. I—255.
Стеклов, Юрий Мих., литератор. III—173, 174.
Стелловский, Фед. Тимоф., ум. в 1875 г., издат. III—263—265, 269, 270, 273.
Степанов, тов. мин. вн. дел. II—225.
Стефанович, Як. Вас. черноперелец, народоволец—I—430; IV—410—411.
Стишинский, Ал-др Семен., т. мин. вн. дел,. главноупр. землеустр. и земледелием II—84, 116; III—117, 140, 142, 324; IV—76, 90, 96, 112, 113, 117, 441.
Столетов, Никол. Григов. II—103.
Столов, Ник. Ник. II—262.
Столпянский, Петр Никол., литерат. I—425, 428.
Столыпин, Петр Аркад., предс. совета министр. I—264; II—281, 283; IV—105, 114, 116, 118, 119, 127, 128 133, 134, 137, 169, 358, 441, 448.
Стоффель, франц. агент в Пруссии. I—15, 208.
Страка, Ад ьф, демократ, послед. Бакунина, М. А., студ. лейпц ун-та. III—178—181, 185—191.
Страка, Густав, демократ, послед. Бакунина, М. А. студ. лейпциг. ун-та. III—177, 178, 181, 182, 185—189, 191, 192, 193.
Страхов, Никол. Никол., писатель. I—370; II—235; III—270, 276, 278, 287.
Страховский, М., и. д. нач. отд. деп. полиции. I—358.
Стремоухов, Петр Никол., директ. азиатск. деп. мин. ин. дел. I—10, 11, 208.
Строгонов, Пав. Серг., гр., об.-шенк. III—105, 110, 163, 325.
Строгонов, Серг. Григ. (1794—1882), гр., госуд. деятель. IV—322, 331, 332, 451.
Строгонова, Анна Дмитр., гр., гофм. III—123, 325.
Строгоновы, гр., влад. Кыновск. зав. перм. губ. II—185.
Строев, Влад. Мих., журн. и переводчик. III—305, 306.
Строев, Пав. Михайл., археограф (1796—1876). I—422.
Струве, Петр Бериг., писат. IV—308, 309.
Струков, Ал-др Петр., ген.-от кавал., ген.-ад. II—51, 71, 116.
Струков, Ананий Петр., чл. гос. сов. IV—108, 441.
Струнин, Степ., служ. челяб. отд. Сиб. ж. д. I—340.
Стюарт, англ. консул в Одессе. I—160, 208.
Субботин, Деан Иван., приамур. ген.-губерн. II—57, 116.
Суворин, Ал-ей Серг., издат. газ. «Новое Время». I—243, 394—397, 405.
Суворин, Мих. Ал-сеев., сотр. газ. «Новое Время». III—64.
Суворина, Анна Ив., жена А. С. Суворина. I—395, 396.
Сулержицкий, Леон. Ант., режис. Худож. театра. IV—361.
Сулес, проф.—см. Бакунин, М. А.
Сулин, Яков, революц. деятель, чл. кр. Зайчневского, П. Г. III—230, 231.
Суперанский, Мих. Фед., литератор. и истор. Симбирска. IV—376.
Сухомлинов, Влад. Ал-дров., воен. мин. I—203—211, 215—263; 429; II—9, 30, 32, 35, 56, 57, 74, 110, 112, 117, 130—173; III—29—74; IV—8, 21, 22, 29, 40, 176, 183, 188, 197, 448.

Сухомлинов, Мих. Иван., историк.-литерат., I—379, 402.
Сухомлинова, Екат. Вит., жена воен. мин. Сухомлинова, В. А. I—211, 216—219, 221—223, 225, 228, 230, 233, 235—237, 239—242, 245, 250—259, 261, 262; II—131—138, 140, 142—144, 147—158, 160—165, 167—173; III—30—36, 38—61, 63—74.
Сухотин, Мих. Сергеев., зять Толстого, Л. Н. IV—360.
Сухотин, Никол. Никол., ген.-от-кавал., ком-щий сиб. воен. окр. I—329, 331, 332, 334—339, 341; II—110, 112, 117; IV—128, 441.
Сухотина, р. Толстая, Тат. Львовна. IV—347, 350, 352, 353.
Сырейщиков, библиофил. II—256.
Сыропятов, Ал-др Петров., полк., нач. жанд. полиц. упр. Сиб. ж. д. I—338.
Сысоев, уфимск. полиц. IV—302, 304, 305, 307.
Сытин, Ив. Дмитр., издат. I—416.
Сюзор, Георгий Павл., гр., кам.-юнк. I—252, 272.
Сюй-Цзин-Чен, китайск. чин. II—289.

Т

Таганцев, Никол. Степ., сенат., проф. учил. правосуд. III—112, 125, 165, 325; IV—65, 66, 71, 77, 78, 88, 441.
Таль, III—89, 90.
Танеев, Ал-др Сергеев., упр. соб. е. в. канц., чл. гос. сов. III—164; IV—94, 165, 166, 169, 218, 441, 448.
Танеева, Над. Иллар., жена Танеева, А. С. IV—197, 218, 448.
Тараданова, Ирина Федор., ответ. редакт. журн. «Сибирский Журнал» и «Сибирское Обозрение». II—211.
Тараканова, княжна в 1775 г. была арест. адм. Грейгом по приказу А. Г. Орлова и заключ. в Петроп. креп. IV—253.
Тарэновский, полк. I—333.
Тарле, Евген. Викт., проф. I—424, 427; IV—79, 441.
Татаринов, Валериан Ал-сеев., (ум. в 1871 г.), гос. контр., чл. гос. сов. II—13, 117.
Татищев, Ал-др Иванов., гр., воен. мин. при Ал-дре I. III—96, 325.
Татищев, Ал-др Ал-дров., сенат., чл. гос. сов. III—146, 325.
Татищев, Илья Леонидович, ген.-м., уполномоч. при импер. Вильгельме II. I—185; IV—25, 29—31, 89, 434, 441.
Татьяна, сестра милосердия. IV—210.
Татьяна Никол., в. к., дочь Николая II. IV—203, 205—209, 211, 216, 217, 220, 448.
Таубе, Ал-др Ал-дров., полк., воен. агент в Сербии. II—14.
Тверской, Серг. Дмитр., сарат. губ. II—224, 225.
Тевяшов, Никол. Никол., ген.-от-кавал.,главн. интенд. II—30, 117.
Телеки, гр., револ. деятель. III—181, 190.
Теляковский, Влад. Аркад., директ. имп. театров. III—94, 325.
Темерин, фабрик. IV—404.
Теодор,—кличка, по фамилии Новицкий,—см. Новицкий.
Теотоки, (Theotoky), в 1914 г. греч. послан. в Берлине. I—166, 171, 172, 196, 208.
Тернер, Фед. Густав., сенат., чл. гос. сов., б. тов. мин. фин. III—113, 117, 121, 126, 325; IV—121, 441.
Тестов, влад. моск. трактира. I—389, 396.
Тефтик, паша, турецк. посол в Лондоне. III—25, 318.
Тик, нем. писатель. IV—387.
Тимашев, Ал-др Егор., (1818—1893), упр. III отд. и нач. шт. корп. жанд., мин. вн. дел. III—303.
Тимашев, Серг. Иван., упр. гос. банком. IV—125, 441.
Тимашурин, волост. писарь. II—195, 196.
Тимирязев, Вас. Ив., мин. торг. и промышл. III—165, 325; IV—77, 110, 441.
Тимофеев, Егор, маст. Шухомошск. фабр. IV—401—403.
Тимченко-Рубан, Георг. Ив., уч. войны 1914 г. III—32.
Тити, см. Ден. А. К.
Титов, матрос с судна «Прут», револ. I—354.
Тиунов, мещанин. II—193.
Тихомиров, Дм. П., истор. литер. III—301.
Тихомиров, Лев Ал-дров., чл. И. К. парт. «Нар. Воли», впоследств. ренегат, чл. ред. газ. «Моск. Вед.». I—314, 430; II—81, 84, 117; IV—251.
Тихонов, А. А., учит. Середского нар. учил. нынешн. Иваново-Вознесенск. губ. IV—404.
Тихонравов, Ал-ей губ. секр. III—216.
Тишлер, Иоганн, рядовой. III—195.
Толпыго, Антон Ал-дров., ген. III—37, 40.
Толстая, Ал-дра Львовна, дочь Толстого, Л. Н. IV—341 346—348, 351—353, 357—361.
Толстая, Екат. Васил., жена Толстого, Андр. Льв. IV—348
Толстая, Мар. Никол., сестра Толстого, Л. Н., монах. Шамординск. мон-ря. IV—351, 357, 358.
Толстая, Софья Андр., гр., урожд. Бахметева, по первому мужу Миллер, вдова поэта Толстого, А. К. I—405.
Толстая, Софья Андреевна, урожд. Берс, жена гр. Толстого, Л. Н. I—416; III—287, 290; IV—347, 348—352.
Толстая, Софья Дмитр., княж., жена Куракина, Ив. Ан. III—89, 325.
Толстая, Тат. Льв.,—см. Сухотина, Т. Л.
Толстой, гр. I—261.
Толстой, Ал-др Никол., об.-гофмарш. III—105.
Толстой, Ал-др. Феофил., чл. сов. мин. вн. дел. III—148.
Толстой, Ал-ей Констант., гр., поэт. I—405; II—263, 265, 266, 267.
Толстой, Андр. Льв., сын Толстого Л Н. IV—347—349; 351—353.
Толстой, Дмитр. Андр. (1823—1889), гр., об.-прок. син., мин. нар. просв., мин. вн. дел с 1882 г. I—403; III—76, 287, 325.
Толстой, Ив. Иван., мин. нар. просв. IV—85, 441.
Толстой, Лев Никол., писатель. I — 303, 368, 385, 402, 412—417; III—290; IV—172, 338—362; его статья «Действ. средство». IV—357.
Толстой, Лев Львович, литерат. I—414, 415.
Толстой, Мих. Львов., сын Толстого, Л. Н. IV—347. 359.,
Толстой, Мих. Павл., гр., ген.-м. III—117, 126, 325.
Толстой, Серг. Львов., сын Толстого, Л. Н. IV—350, 352, 360.
Толь, ген. I—275, 279;
Толь, Ал-др Ал-дров., ком. 2-го гусар. Павлогр. полк. IV—185, 448.
Толь, Серг. Ал-дров., гр., чл. гос. сов. IV—104, 128, 441.
Томашев, помещ. III—300.
Томашевский Анат., студ. III—300.
Тотлебен, Никол. Эдуард., сын ген.-ад. Эдуарда Иван. ум. в 1884. IV—398.
Торклус, Федор Ивэн., нач. 6-й пех. дивиз. II—145.
Траверсе, марк., корресп. Бакунина, М. А. III—203, 327.
Транклер, знак. Зайчневского, П. Г. I—277.
Трейгульд, слуга Гончарова, И. А. IV—377.
Трепов, Ал-др Федор., чл. гос. сов., сенат., предс. сов. мин. IV—159, 160, 163, 164, 166, 169—171, 173, 174, 176, 177, 182—184, 186, 187, 189—191, 193—195, 448.
Трепов, Влад. Федор., дир. деп. общ. дел., мин. вн. дел. III—107, 325; IV—127, 441.
Трепов, Дмитрий Федорович, ген.-м., моск. об.-полиц., петерб. ген.-губ. I—291; II—42, 117; III—108, 127, 128, 132, 325; IV—66, 67, 80, 81, 94, 117—119, 126, 416, 441.
Трепов, Федор Владим., адъют., сын Трепова, В. Ф. IV—160.
Трепов, Федор Федор. ген.-ад., сенат. I—223, 237, 250, 252, 267.
Третьяков, студ. каз. унив., привлек. по делу о казанском заговоре. IV—289.
Третьяков, Пав. Мих., ком. советн., основатель кар. галлереи в Москве. I—405; IV—428, 429.
Третьяков, Серг. Михайл., (1834—1892). моск. гор. гол. I—400, 405.
Третьякова, Вера Ник., рожд. Мамонтова, жена Третьякова, П. М. I—398, 405.
Троицкий, секр. тверск. гор. полиц. IV—299.
Трофимов, Дмитр. Петров., с.-д., чл.-руковод. организ. «Союз Сибир. рабочих». II—216.
Троцкий, Лев Давид., I—433, 434; IV—411.
Троцкий-Сенютович, Викт. Викт., ген. II—138, 140; III—43, 44.
Трубецкая, Ал-дра Иван., кн. IV—386.
Трубецкая, Екат. Ал-дров., IV—384.
Трубецкие. IV—385.
Трубецкой, (Юрий) Георгий Иванович., кн., свиты ген.-л., ком. соб. е. в. конвоя. I—254, 255, 257, 259, 272; IV—119, 441.
Трубецкой, Григор. Никол., кн. IV—7, 8, 17, 20.
Трубецкой, Евген. Никол., проф. моск. унив. I—130; IV—81, 441.
Трубецкой, Петр Никол., кн., моск. губ. предв. двор. III—140, 146, 147, 152, 325; IV—84, 106, 107, 111, 441.
Трубецкой, Серг. Никол., проф. моск. унив. I—344, 345, 354, 430.
Туган-Барановский, Мих. Иван., проф.-экономист. I—427.
Туманов, Георг. Ал-дров., кн., ген., чл. воен. сов. I—221, 266; II—141, 150.
Тульников, Кронид, служ. челяб. отд. Сиб. ж. д., революц. I—340.
Тун, китайск. кн. II—289.
Тургенев, Ив. Серг., писатель. I—359, 367—370, 373, 375, 379, 384—387, 390, 392—394, 396—399, 401, 402, 405; II—248, 254, 261, 263, 266, 267; III—201, 223, 224, 265, 305, 326.

Турунов, Мих. Никол., д. с. с., служ. в спб. ценз. ком. III—222.
Тучков, ковельский воин. начальник. I—260.
Тучков, предв. двор. инсар. у. III—208.
Тучкова-Огарева, Нат. Ал-дров., жена Огарева, Н. П. III—208.
Тушинский вор, он же **Лжедмитрий II** (1607—1610). IV—95.
Тхоржевский, Корнел. Владисл., писат. I—431.
Тыртов, Пав. Петр., ген.-адм., упр. морск. министерством. II—29, 35, 39, 117.
Тьер, франц. истор. и полит. деят. I—12, 13, 208.
Тюдельс, кам.-юнгфера. III—315.
Тютчев, Никол. Серг., народоволец. IV—410.
Тютчев, Фед. Иван., поэт (1803—1874). I—387, 391; его письма к М. П. Погодину IV—383—392.
Тютчева, Анна Федор., дочь поэта Тютчева, Ф. И., жена Аксакова, И. С. I—368.
Тютчева, Екат. Фед., дочь поэта Тютчева, Ф. И. IV—327, 451.
Тютчева, Софья Иван., фрейл. IV—125, 159, 441, 448.

У

Убри, Пав. Петров., дипл. I—7, 72, 73, 208.
Уваров, Серг. Семен., председ. Акад. Наук, мин. нар. просв. (1786—1855). I—425—426.
Уланов, подъесаул. II—8, 101, 103.
Ульянов, Владимир Ильич (Ленин Н.) (псевдон. Тулин, К., Карпов). I—324, 325, 430, 434; II—212, 214; IV—308—316.
Ульяницкий, Влад. Антонов., проф. I—6.
Уманец, А. И. I—438.
Умнов, Ив., студ. каз. унив., привлек. по делу о казанском заговоре. IV—290, 292.
Уиковский, Ал-ей Мих., деят. крест. реформы. IV—394, 396.
Унтербергер, Пав. Федор., ком-щий войск. приам. воен. окр. и приам. ген.-губ. IV—125, 441.
Урусов, Лев Павлов., кн., посол в Париже. II—83, 117.
Урусов, Серг. Дм., кн., чл. 1-й гос. думы., к.-д. IV—114, 441.
Урусов, Серг. Никол., кн., чл. гос. сов. III—77, 325.
Усагин, Ал-др Иван., псевд. «Гин. А.»; сотр. «Голос Печати. Труда». II—208.
Усов, Адриан Влад., ген. II—134, 135, 147, 148, 151, 174.
Усов, Пав. Серг., проф. медиц. IV—351, 352, 359.
Успенский, Ал-др Иван., проф. ист. искус. I—431.
Успенский, Глеб Ив., писатель. I—370; III—296, 297.
Успенский, Петр Гавр., револ., участн. дела Нечаева, С. Г. IV—225.
Устинов, петерб. домовл. IV—378.
Устинов, нач. депо ст. Астапово Ряз.-Уральск. ж. д. IV—352, 354.
Устрялов, Никол. Герасим., истор., проф. петерб. ун-та. I—426.
Усцинович, поруч. 6 резервн. пех. дивиз., привл. по делу о казанск. заговоре. IV—278.
Утин, Ничол. Исаак., чл. орг. «Земля и Воля» (первой). IV—274.
Учужанин, он же **Учужанинов, Прокоп. Захарович**, подлинное имя: Васильченко, Сем. Филиппович. II—216.
Ушаков, поручик 16 стрелк. батал. II—190.
Ушаков, М. А., аг. охр. отд., рабоч. экспед. заготовл. гос. бумаг. IV—411—417.

Ф

Фаберже, ювелир. III—124, 125.
Фабричный, М., см. Ногин В. П.
Фальер, през. франц. респ. III—28, 328; IV—96, 441.
Фан-дер-Флит, Конст. Петр., участн. войны 1914 г. III—42, 46.
Фарфаровский, С. В. историк. I—428.
Фахритдин-Умитбаев, башкир. IV—305.
Фахр-Эддин, тур. посол в Петрогр. IV—35, 54, 434.
Федор Ал-дров., (**Федор**) в. к., сын в. к. Ал-дра Мих. III—316; IV—426.
Федоренко, полк., нач. сарат. губ. жанд. упр. II—220, 223, 224, 225.
Федоров, Захар., унт.-офиц. Петроп. крепости. IV—240.
Федоров, Мих. Мих., мин. торг. III—143, 145.
Федоров, Серг. Петр., лейб-хирург. IV—185, 207, 213, 449.
Федоров, Фед., крестьян. IV—305.
Федосья, прислуга Достоевского, Ф. М. III—255, 258, 260, 262, 265, 267.
Федосья Степановна, IV—210.
Феокрит, греч. идил. поэт. I—432.
Феокритова, Варв. Мих., переписчица Толстого, Л. Н. и компаньонка Толстой, А. Л. IV—346, 347, 353.
Феоктистов, Евген. Мих., нач. гл. управл. по делам печати. I—412, 414, 416, 419.
Фердинанд, Кобургский, кн. и царь болгарский. I—114, 115; II—13, 16; III—156, 162.
Фердинанд (Нандо), кор. румын. IV—192, 198, 447.
Ферзен, гр. III—150.
Ферид-паша, предс. турец. сената в 1912 г. III—25, 318.
Фигнер, Вера Николаевна, член исп. ком. «Народной Воли». I—273.
Филарет (Дроздов) (1782—1867), митр. моск. и колом. I—425—426.
Филимонов, майор, смотр. Петроп. крепости. IV—264, 266, 269.
Филипп, франц. авант., спирит и мистик при дворе Николая II. II—11, 117; III—152—154, 156—161; IV—159, 188, 449.
Филиппеус, довер. чинови. III отд. IV—237, 253.
Филиппов, влад. булочн. в Петрогр. IV—206.
Филиппов, Ал-др Никит., проф. ист. рус. права. III—81, 325.
Филиппов, Тертий Ив., госуд. контролер и обществ. деятель. III—276.
Философов, Влад. Никол. IV—348.
Философов, Дм. Ал-дров., гос. контр. IV—81, 82, 99, 441.
Фисенко, Ник. Ив., ген.-м. I—255.
Фишер, Карл Андр., влад. худож. граф. заведения в Москве. IV—427, 429, 432.
Флотова, Мар. Петр., камерфрау имп. Мар. Федор. III—89, 90.
Флуг, Васил. Егор., нач. шт. войск. Квантунск. обл., в войну 1914 г. ком. X арм. и II арм. корпус. I—242, 253, 261, 271; II—44, 98, 117, 145.
Фовицкий, II—270.
Фор, Феликс, (1841—1899), бывш. президент франц. республ. II—10, 117.
Форгач, гр., авст. посол в Сербии, секционешеф. I—195, 208; IV—14.
Форкард Жень. II—267.
«Фотограф»—см. Барышников, Н. А. II—208.
Франц-Иосиф, имп. австр. (1830—1914). I—12, 13, 26, 27, 30—35, 50, 51, 58—61, 88, 89, 98, 99, 128, 129, 132, 133, 136, 137, 140, 141, 197; II—15; IV—14, 38.
Франц-Иосиф, майор, аудитор. III—173, 174, 194, 196—198.
Франц-Фердинанд, эрцгерцог. австр. I—189, 208; IV—18, 26, 58.
Французов, мастер. II—195.
Фредерикс, Влад. Борис., бар., мин. двора и уделов и команд. имп. гл. кварт. I—256; II—50, 53, 67, 68, 77, 86, 87, 117; III—47, 52, 69, 94, 102, 104, 137, 158, 166, 316, 325; IV—77, 79, 83, 102, 119, 127, 160, 167, 169, 171, 172 (старый граф),174, 184, 186, 191, 194, 198, 206, 215, 221, 441, 449.
Фредерикс, Эмма Владим., фрейл., дочь Фредерикса, В. Б. IV—220, 448.
Фредро, Ал-др, гр., польский комич. писат. II—268, 270, 275, 277.
Фредро, Максимилиан, польск. ром. писатель. II—268. 275, 277.
Фрезе, Ал-др Ал-дров., ген.-л., пом. ком. войск. кавк. воен. окр. II—78, 117.
Фрейберг, Юлий Эдуард, нач. моск. жанд. полиц. упр. ж. д. IV—344; 345.
Фрейман, цензор. II—232.
Фридрих II Великий, кор. прусск. (1740—1786). I—72, 73; III—102.
Фридрих III, кор. прусский (1888 г.). II—123.
Фридрих-Вильгельм, герм. наследн. принц. I—192, 201, 202; II—17, 19; III—167, 168, 170—172, 325.
Фридрих-Вильгельм IV, (1795—1861 г.), прусский король I—12, 13, 208; III—291.
Фрит, Иосиф, револ. III—183, 184, 188, 190—193.
Фриче, Влад. Максимов., проф., ист. литерат. I—431. 434; IV—308.
Фриш, Эдуард Васил., сенат., предс. гос. сов. III—81, 85, 137, 140, 152, 168, 172, 325; IV—65, 66, 72, 75, 86, 88, 97, 101, 108, 109, 111, 112, 118, 441.
Фролов, Ал-др Филип. декабрист. I—429.
Фролов, Петр Ал-дров., (**П. А. Ф.**), уч. войны 1914 г. II—147, 150, 169.
Фрум, торг. дом. III—201, 326.
Фрумкина (Эстер), Мария Яковл., быв. член Ц. К. Бунда. I—326, 328.
Фрумсон А. А. (псевдоним—Югов, А.), с.-д. меньш., сотр. самарск. газ. «Наш Голос». II—204.
Фукс, Эдуард Яковл., сенат., чл. гос. сов. III—164, 165, 167, 325.
Фундуклей, Ив. Ив., киев губ., общ. деят. и археолог. III—306, 307.

Х

Хабалов, Серг. Серг., нач. петрогр. воен. окр. IV—207, 209, 213, 449.
Хавличек, б. деп. рейхстага. III—180.
Хамец, отст. шт.-кап. украин. пех. полка, привлек. по делу о казанск. заговоре. IV—277, 292, 296.
Хан-Гуссейн,—Нахичеванский, ген.-адм., ком. гвар. кавал. корп. I—254, 255, 272.
Харитонов, Петр Ал—сеев., гос. контр. IV—64, 122, 442.
Харламов, д. с. с., вице-дир. деп. полиц. IV—338, 346, 350, 351, 354, 358—360.
Хвостов, Ал-сей Никол., нижег. и волог. губ., упр. мин. вн. дел. IV—176, 449.
Хвощинский, Вас. Владим., лейт. гв. экип. IV—203, 211, 449.
Хелиус, герм. ген.-л., сост. при Николае II. I—186.
Хилков, Мих. Иван., мин. пут. сообщ. I—331; II—33, 55, 117; IV—74, 441.
Химец, Васил. Ал-дров., уч. войны 1914 г. III—36, 37, 40, 41.
Хлебников, купец. III—300.
Хлопов (Клопов). II—8, 11, 27, 31, 32, 84.
Хмыров, Дмитр. Никол., учит. матем., женат на плем. Достоевского, Ф. М. I—377, 402.
Хованские, IV—405.
Хованский, м. б., **Никол. Никол.** (1836—1886), кн. IV—325, 451.
Холщевников, Ив. Васил., ген.-л. I—338.
Хольден, лорд, англ. воен. мин. III—16, 319.
Хорин, крест. IV—294.
Хохряков, студ. мед.-хирург. академ., рев. II—190.
Хрещатицкий, Ростисл. Ал-дров., в войну 1914 г. команд. 14 арм. корп. II—70, 72, 117.
Хрипов, жанд. офиц. в Минске. I—317, 322.
Хрусталев, см. Носарь.
Хрущов, Мих. Ал-дров., заместит. морш. предвод. двор. IV—361—364.

Ц

Цверцякевич, чл. варш. центр. нар. ком. III—201, 204, 326.
«Цветков» (кличка)., аг. читинск. охр. отд., литератор, бывш. с.-д. II—217, 219, 220.
Цветков, секр. Каткова, М. Н. IV—371, 374.
«Цветущий» кличка, IV—158, 219.
Цедербаум, Серг. Иосиф., (**«В. Ежов»**), с.-д., меньш., чл. редакц. комит. жур. «Голос Печатного Труда». II—208.
Цейдлер, П., ред. журн. «Заграничный Вестник». III—218, 222.
Цемиров-Лебедев, преп. 1-й моск. гимназии. IV—405.
Церетели, Иракл. Георгиев., с.-д., меньшевик, чл. 2-й госуд. думы. II—211.
Церетелли, Григ. Филимон., проф. др.-клас. филолог., греч. и рим. права. I—424.
Циммер, Карл, демократ, б. деп. саксон. рейхстага. III—177, 185, 186, 191—193.
Циммерман, герм. пом. ст.-секр. по ин. дел. IV—26, 434.
Цур-Мюлен, отст. ген. II—150.
Цынский, см. Сечинский.

Ч

Чаев, Никол. Ал-дров., драматург. I—388, 394—396, 396, 403, 405.
Чалеев, майор корп. жанд. II—194.
Чарторийский, Ал-др Вас., сенат. III—63.
Чарторийский, Конст., кн., польск. революц. III—204, 205, 327.
Чарторыйская, Изабелла, мать Ад. Чарторыйского, княг. II—274, 276.
Частник, С. П., кондуктор судна «Очаков», участн. севастоп. восстания 1905 г. I—354.
Чахрова, Ольга Влад., учен. худ. Савицкого, К. А. IV—431—433.
Чекмарев, Андр. Иванов., ген.-л. II—51, 117.
Чемадуров, Я. Я., сенат., следов. по делу Нечаева, С. Г. IV—228, 229.
Чемерисский, Ал-др Ильич., он-же **Шлема Ихелев**, (Клички «Алекс.», «Саша») один из главн. руков. евр. независ. раб. партии, аг. Зубатова, С. В. I—290, 297—299, 301, 303—307, 322—328.
Челурин, Г., аг. моск. охр. отдел. I—291.
Череванский, Влад. Павл., чл. гос. сов. III—168, 325.
Черевин, Петр Ал-дров., тов. мин. вн. дел., тов. шефа жанд., тов. нач. III отд. I—417; III—99, 102, 132, 325; IV—241, 269—271.
Черенчи, матрос с судна «Прут», револ. I—354.
Черепанов, Никиф. Евтроп., проф. моск. унив. IV—388, 389.
Черкасов (он же Черкаский), ген. I—299, 319.
Чермоев, В. А., I—211.
Чернин, О., гр., австр. послан. в Бухаресте. IV—15, 23, 53.
Чернов, Викт. Михайлов., чл. Ц. К. парт. с.-р. I—282.
Чернов, револ., брат Чернова В. М. I—286, 287.
Черноголовов, цеховой. II—186.
Черногорская, А. Н., см. Лейхтенбергская, А. Н.
Черномазов, аг. охр. отд. II—206.
Чернышев, Ал-др Иван., гр., предс. гос. сов. III—150, 292, 325.
Чернышевская, Ольга Сократ., жена Чернышевского, Н. Г. III—298, 299.
Чернышевский, Никол. Гавр., критик и публицист. I—359, 362, 366, 429; II—197; III—224, 231—233, 298; IV—393, 394, 396.
Чернявская. I—432.
Чернявский, Васил. Тимоф., ген., чл. воен. совета. I—245, 271; II—149.
Черняк, М. А., привлек. по делу о казанск. заговоре в 1863 г., поруч. одесск. пех. полка, чл. ком. «Земля и Воля». IV—274, 275, 277—283; он же «Максим Сокол», 284—286; 292—295; он же «Быцан»—296, 299.
Чертков, Влад. Григор., друг Толстого, Л. Н. IV—342, 349, 351—353, 357, 358, 360, 361.
Чертков, Мих. Иванов. (1829—1905), ген.-ад., варш. ген.-губ. II—56, 70, 74, 117; III—86, 88, 89, 127, 325.
Чертов, Пав. Апполон., сенат. II—14.
Чесноков, Ал-др., свящ. с. Святогоры вятск. губ. IV—288, 289.
Чехов, Ант. Павлов., писатель. III—305.
Чечулин, Никол. Дмитр., истор. III—118, 325; IV—123, 442.
Чешихин—Ветринский, Вас. Евгр., литер. II—241.
Чжан-Ин-Хуан, китайск. чиновн. II—287, 289—293.
Чиршский (Tschirschky), герм. посол в Вене (1907—1914). I—173, 189, 199, 208.
Чичагов, Пав. Васил., адм., неудачный стратег в 1812 г. II—84, 117.
Чичерин, Бор. Никол., проф. моск. унив., юрист. IV—328, 451.
Чичерин, Георг. Васил., наркоминдел. I—434.
Чихачев, Никол. Матв., адм., чл. гос. сов. II—65, 117; III—84, 105, 110, 117, 123, 126—128, 152, 325; IV—75, 76, 97, 442.
Чудинов, редакт. журн. «Пантеон литературы» и «Семейная хроника». III—223, 224.
«Чужак»—см. **Н. Гудин.**
Чурин, Ал-ей Евграф., в войну 1914 г. ком-щий V арм. II—165; III—66, 68.
Чухнин, Григор. Павл., адм. I—353, 354.
Чхеидзе, Никол. Семен., чл. гос. думы., с.-д. меньшевик. II—173.

Ш

Шаевич, Генрих Иса.в., он-же **Хуна Шаев**, орг. одесск. комит. незав. раб. партии, аг. Зубатова, С. В. I—318—321.
Шамфлери (Champfleury). III—304.
Шамшин, Ив. Иван., чл. гос. сов. III—137, 142, 171, 325; IV—108, 111, 442.
Шарапов, Серг. Федоров., писат. реакц. направл. I—373; II—253.
Шармер, петерб. портной. I—438.
Шатилов, Никол. Павлов., ген.-от-инф., чл. гос. сов. I—239.
Шауфус, (полностью: **Шаффгаузен-Шенберг-Эк-Шауфус**), **Никол. Конст.**, мин. пут. сообщ. IV—105, 442.
Шафранов, П. IV—411.
Шахматов, Ал-ей Ал-дров., проф. петер. ун-та, акад. I—429.
Шахнович, Гр. I—317.
Шаховская, кн. I—250, 252.
Шаховские. IV—104.
Шаховской, Никол. Влад., кн., нач. гл. упр. по делам печати. III—228.
Шаховской, Всевол. Никол., кн., с февр. 1915 г. мин. торг. и промыш. III—53, 54; IV—164, 449.
Шаховской, Дмитр. Иван., кн., чл. и секр. 1 гос. думы, поч. мир. судья. I—427.
Шашкин, III—299.
Шванебах, Петр Христиан., т. мин. землед. и госуд. имущ., главноупр. землед. и землеуст., III—87, 172, 325; IV—67, 70, 82, 95, 112, 113, 114, 119, 122, 442.
Шварц, полк. корп. жанд. II—180.
Шварц, Ал-др Никол., проф., мин. нар. просв. IV—123, 442.

Шварценберг, кн., председ. сов. министров, мин. ин. дел в Австрии. I—207; III—173.
Шведов, Никол. Конст., ген.-л., сост. при имп. гл. кварт. IV—188, 193, 195, 449.
Швейковский, Войтех—Анзельм (1773—1838 г. г.) аббат, ректор. варш. ун-та. II—268, 269,274, 276.
Швейниц, Лотар., прусск. ген. и диплом. (1829—1901). I—22, 23, 124—127, 208.
Шверин, гр., майор нем. службы, ком. кирасир. полка. II—19.
Шебеко, Никол. Никол., рус. посол в Вене в 1914 г. I—170, 177, 208; IV—6, 7, 23, 53, 434.
Шевич, II—315.
Шевич, Ив. Георгиев., сенат., чл. гос. сов. IV—128, 442.
Шейдеман, Серг. Михайлов., команд. 2 арм. корп. и 2 армии в войну 1914 г. I—225, 228, 231, 236, 242, 268; II—132, 137; III—44, 69.
Шейн, Хая, чл. евр. независ. партии. I—202.
Шекспир, поэт (1564—1618). I—401; II—254.
Шелгунов, Никол. Васил., писат. III—229, 232—234.
Шелгунова, Людм. Петр., жена Шелгунова, Н.В. III—233.
Шеллер (псевдон.—**Михайлов**), **Ал-др Конст.**, писат.-беллетр. II—231, 232.
Шеляпов (Шаляпин), Фед. Иван., арт. III—123.
Шенк-фон., ком. 1 гвард. гренад. полка. II—19.
Шенрок, Влад. Иван., ист. литер. III—310, 311.
Шептицкий, униатск. митр. I—248.
Шервашидзе, Георг. Дмитр., кн. II—12, 17, 59, 117.
Шергов, Мих. Исаевич, врач в Чите. II—218.
Шереметев, гр., фл.-ад., II—106; III—131.
Шереметев, Ал-др Дмитр., гр. III—146, 325.
Шереметев, Влад. Ал-сеев., ком. конвоя е. в. III—147, 325.
Шереметев, Серг. Дмитр., гр., об.-егерм. II—106 (?), 273; III—117, 119, 148, 165, 325; IV—110, 442.
Шеренвальд. I—275.
Шерман, стор. евр. независ. партии в Одессе. I—302.
Шермен, художн. III—102.
Шестаков, Ив. Ал-сеев., адмир., упр. морск. мин. IV—94, 442.
Шидловский, ген.-м. II—157, 159, 160; III—42, 45.
Шидловский, Георгий. I—435.
Шидловский, Мих. Влад., чл. деп. пром. и торг. III—88, 105, 325; IV—82, 442.
Шиллер, нем. поэт. II—266, 275, 277; IV—391.
Шиллинг, Маврик. Фабиан., бар., нач. канц. мин-ра зин. дел. IV—5—9, 15, 19—21, 30, 39, 40, 53, 434.
Шилов, Ал-ей Ал-сеев. II—196.
Шилов, Фед., солдат. III—297.
Шильдер, Влад. Ал-дров., ген.-м., директ. иеков. кад. корп. II—111.
Шильдер, Никол. Карл., русск. историк. III—78—81, 94, 99, 133, 150, 325.
Шиман (Schiemann), **Теодор**, историк. I—6; III—291.
Шипов, влад. магазина в Уфе. IV—302.
Шипов, Дмитр. Никол., земск. деятель, чл. гос. сов. от моск. земства. IV—81, 107, 109, 123, 129, 442.
Шипов, Ив. Павл., дир. общ. канц. мин. финан., упр. гос. банком. III—117, 118, 326; IV—104, 106, 442.
Шипова, Вера Эмман., жена И. П., рожд. Кропотова. IV—104.
Шипова, Анна Евгр., (рожд. гр. Комаровская). III—305.
Шир-али-Хан, эмир афганск. II—103.
Ширинский-Шихматов, Ал-ей Ал-дров., кн., об.-прок. син. IV—117, 120, 442.
Шишко, Леонид Эммануил., революц. деятель, истор. III—243, 250.
Шишков, Ал-др Семен., вице-адм., презид. Рос. Акад. (1754—1841). I—425.
Шишковский, Никол. Феофил., ген.-м. II — 69, 71, 117.
Шляпников, Ал-др Гавр., II—205.
Шмеман, Никол. Эдуард., сенат., упр. меж. частью мин-ва юстиции. IV—64, 442.
Шмидт, Евген. Петр., сын лейт. Шмидта, П. П. I—348, 350, 351, 354.
Шмидт, Иоганн, фельдфеб. III—196.
Шмидт, Никита Кондрат., упр. III отдел. IV—265, 267, 268.
Шмидт, Петр Петр., лейт., участник восстания черномор. флота в 1905 г. I—344—354.
Шнейдер-Крезо, влад. пушечного зав. I—238: III—32, 54.
Шнейдер, Екат. Адольф. (Трина), гоф.-лектр. Ал-дры Фе-дор. IV—166, 448.
Шостак, Федор Ал-дров., ген.-м. II—75.
Шпан, банк. делец. III—52.
Шпельберк-де-Ловенжуль, литер. III—303.
Шрейбер, капит. 1 ранга. III—33.
Шрек, лейпциг. книгопрод. III—176.
Шрек, И. М., (Johann Matthias Zchröck), проф. виттенберг. универ. IV—389.
Штакельберг, вер., бар. **Никол. Карл.** или **Рудольф Ал-дров.** IV—215, 449.
*) **Штакеншнейдер, Елена Андр.** I—373.
Штегельман, Мих. Иван., полк. II—72.
Штейн, жанд. шт.-кап. II—182.
Штендман, Георг. Фед., чл. археогр. ком. III—79, 80, 326.
Штернвальд-фон, Франц-Шульц, подполк. III—196, 197.
Штиглиц, спб. сахароваводчик. II—180.
Штиглиц, Ал—др Люде., бар., основ. худ. уч. в Петербур. III—110, 326.
Штоффель, (Стоффель), франц. воен. аг. в Пруссии. I—14, 15, 208.
Штуи-фон (Stumm), **Вильгельм**, нач. полит. отд. герм. мин. ин. дел. I—169, 197, 208.
Штюрмер, Бор. Влад., мин. председ., мин. внутр. дел., мин. ин. дел. IV—163, 188, 195, 449.
Шуваев, Дмитр. Савел., ген.-инт., воен. мин. I—228, 229, 247; 269; II—155; IV—169, 193, 449.
Шувалов, Андр. Петр., гр., ген.-м. свиты. II—141, 156; III—51.
Шувалов, Григор. Степан., ген. III—52.
Шувалов, Пав. Андр., рус. посол в Берлине. I—3, 8, 69, 92, 93—127, 146—151, 208; прилож. 5—А, Б, В.
Шувалов, Петр. Андр., нач. III отд., рус. посол в Лондоне. I—8, 69, 93, 95, 125, 208; III—101, 326; IV—234—237, 241, 244, 245, 247, 249.
Шувалова, Елена Иван., III—107, 326.
Шулов, Ал-др, служ. челяб. отд. Сиб. ж. д. I—340.
Шульгин, Никол. Иван., шт.-кап., публицист. I—407, 410.
Шульгин, Вас. Витал., чл. 4 гос. думы. IV—220, 449.
Шульц, Ал-др Франц., управ. III отдел. IV—226, 237, 241, 244, 249, 257, 258, 262.
Шульц, Ф., д. с. с. III—222.
Шулятников. IV—287, 288.
Шумигорский, Евг. Севаст., историк. III—80, 81.
Шура. IV—207.

Щ

Щапов, Афан. Прок., проф. каз. академии. III—299; IV—407—410.
Щеглов, Вас. Вас., библиот. соб.е. в. библиотеки. IV—89, 442.
Щегловитов, Ив. Григ., мин. юст., председ. гос. совета III—42, 43, 49, 61; IV—105, 114, 170, 190, 194, 195, 442, 449.
Щеголев, Пав. Елисеев., истор. IV—238, 272.
Щеголь, вер. **Никол. Григорьев.**, подпр. Преобр. полка. IV—195, 449.
Щепкин, Никол. Никол., чл. гос. думы. I—226, 269.
Щепкин, Никол. Михайл., книгоиздатель. I—359.
Щербаков, Ал-сей, привлек. по делу о каз. заговоре, студ. казанск. ун-та. IV—278—280, 283, 286, 293—298.
Щербатов, кн. III—297.
Щербатов, Григор. Ал-сеев., кн., попеч. петерб. округа до 24 июля 1858 г. II—265, 267.
Щербатов, Никол. Борис., кн., управл. госуд. коннозав. III—29, 143.
Щербатова, кн. IV—405.
Щербатова, Мар. Серг., кн. IV—150.
Щуровский, Влад. Андр., проф. мед. IV—351, 352, 359.

Э

Эбелов, Мих. Иванов., ген.-л., нач. шт. 20-го арм. корпуса. II—72, 117.
Эбергард, Андр. Август. адм., ком. черн. флота до 1916 г. I—225, 269; II—156, 157, 172; III—44; IV—16, 50.
Эверт, Ал-ей Ермол., ген.-ад., главноком. зап. фронта. I—216, 217, 220, 222, 225, 229, 247, 251, 264, 265; II—72, 117; IV—198, 449
Эгерсдорф, польск. дворян. IV—303, 304, 307.
Эдуард VII, принц уэльский, кор. англ. II—124—127; IV—127, 128, 442.
Эйхман, советн. герм. посольства в Констант. в 1873 г. I—20, 21, 208.
Экеспарре, Оскар Рейнгольд. гофм., чл. гос. сов. IV—108, 437.
Элла, см. Елиз. Фед., вел. кн.
Элпидин, Михаил К., револ. и изд., привлек. по делу о казанск заговоре. III—245; IV—273, 291.
Энгельгардт, Анна Никол., переводчица, жена Энгельгардта, А. Н. I—388, 391, 392, 396, 403.
Энгельс, Фридрих. IV—310, 312, 316.
Энкель, Оскар Карл. III—32.

Эрандаков, полк. II—144, 167, 169, 171, 173; III—40, 41, 45, 50, 51, 64, 65, 73, 74.
Эренталь, гр., австро-венг. мин. ин. дел. III—7, 85, 319.
Эристов, Георг. Никол., кн., полк. л.-гв. ул. пол. III—315.
Эссен, Никол. Оттович, адм. I—218.
Эшаппарр-Дюбрейль, Федор Влад., и. д. управл. двором в. к. Георгия Мих. IV—108, 437.

Ю

Югов, А., см. Фрумсон, А. А.
Юденич, Никол. Никол., в войну 1914 г. ком-щий кавк. армией. I—264; II—132, 165, 174; III—38—40.
Юзефович, Борис Михайл. II—59.
Юнге, Эдуард Андр., проф. окулист. III—256.
Юнгенебенд, начальн. англ. экспед. в Тибет. II—103.
Юрковский, Евген. Корнил., моск. об.-полицеймейст. III—298.
Юрьев. III—300.
Юрьев, Серг. Андр., литерат. и перевод., основ. журн. «Русск. Мысль». I—367, 374, 376—388, 390, 392—394, 396—397, 400, 401, 405; II—254.
Юрьевская, Екат. Мих., кн., жена Ал-дра II. IV—113, 442.
Юсупов, Сумароков-Эльстон, Фел. Фел., старший, кн., ген.-ад. II—42, 99, 117; III—32, 78, 85—86, 105, 125; IV—86, 104, 110, 127, 442.
Юсупов, Сумароков-Эльстон, Фел. Фел., младший, кн. IV—198—201, 424—426, 449.
Юсупова, Зин. Никол., кн., жена Юсупова, Ф. Ф. (старшего). II—42, 117; III—86, 124; IV—104, 110, 426, 442.
Юсупова, Ирина Ал-дров., дочь в. к. Ал-дра Мих. IV—168, 198, 201, 425, 426, 445.
Юферов, Ал-др Никол., и. д. цензора спб. цена. комитет. I—406, 410.
Юханцев, К. Н. главн. лицо проц. 22—25 янв. 1879 г. спб. окр. суда. I—373; III—285.

Я

Ягов-фон, герм. ст.-секр. I—164—169, 171—174, 176, 177, 179, 180, 183—186, 189—191, 193—205, 208; IV—26—29, 32, 33, 37, 38, 52.
Языков, Ал-др Петров., сын Языкова, П. М. II—256—262.
Языков, Мих. Ал-дров. (1811—1885), управл. новг. акцизн. управл. I—368, 396, 405.
Языков, Петр Михайл. геолог, брат поэта. II—256, 257.
Языковы, библиофилы. II—256, 259.
Янови, А. Н. (1819—1882), издат. детск. книг и журналов. I—365.
Яковлев., уч. в партии Народн. Права. I—282, 283 286, 287.
Яковлев. II—223.
Яковлев, д. с. с., влад. Алапаевск. горн. завода. пермск губ. II—181.
Яковлев, Ал-ей Иван., проф. рус. ист. IV—409.
Яковлев, Лев Ал-сеев., послан. при Иерониме, кор. Вестфальск., сенат. (1764—1833). III—307—309.
Яковлев, Мих. Андр., чл. «Союза Сибирск. Рабочих» сотр. нелегальн. с.-д. газеты в Сибири. II—216.
Янин, Мих., служ. челяб. отд. Сибир. ж. д. I—340.
Янина, жена Янина М., служ. в челяб. отд. Сибир. ж. д. I—340.
Яновский, учен. виленск. гимн. II—181—182.
Яновский, Кир. Петр., чл. гос. сов. III—87, 326.
Яновский, Степ. Дмитр., врач, друг Достоевского, Ф. М. II—237.
Янсен, Гуго Христофор., завед. иркут. город. лаборат., чл. «Союза Сибирск. Рабочих». II—216.
Янушкевич, Мария Витал. жена ген. Янушкевича, Н. Н. II—143, 148, 157, 165, 170; III—30, 35, 45.
Янушкевич, Никол. Никол., нач. ген. шт.; в войну 1914 г. нач. штаба верх. главноком. до 23 авг. 1915 г. I—209—211, 214—242; 244—263; II—130—173; III—29—74; IV—21, 29—31.
Янышев, Ив. Леонтьев., протопресв. придв. дух. III—111.
Яхонтов, Вал. Ив., прис. пов., чл. редакц. комис. журн. «Голос Печатного Труда». II—208.

Б. С. Пушкин.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ ЖУРНАЛА

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — П. Г. Зайчневский. Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым.—К истории партии Народного Права. — Новое о Зубатовщине. — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта.—Письма Некрасова и Достоевского.— Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова. — Толстой и Короленко.— Александр III о Л. Толстом.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны.—Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Письма И. А. Гончарова и А. Мицкевича.— С. В. Зубатов и А. И. Спиридович.—Генерал Алексеев и В. М. Родзянко.—Подкуп китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-Ин-Хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову 1910—1912 г.г. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцева. — Бакунин перед австрийским судом. —Материалы об Огареве, Лаврове и Герцене.— Письма С. Л. Перовской.—Воспоминания А. Г. Достоевской.—**Из записной книжки архивиста**: Завещание Николая I. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Бальзак в России.— Письма В. Гете и др.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г.—Дневник А. А. Половцева.— Переписка В. Н. Коковцева с Нецлиным.— Семейная переписка Романовых.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Отзвуки польского восстания 1863 г.—Письма К. П. Победоносцева.— Л. Н. Толстой в Астапове. — Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике. — Письма Достоевского, Гончарова, Тютчева. — **Из записной книжки архивиста**: Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина „Русская Правда“.—Достоевский в Твери.—Речь Щапова.— Революционное движение в войсках во время мировой войны.—Материалы к истории живописи. — К истории манифеста 17 октября и т. д.

ПЯТЫЙ ТОМ.

Автографы В. И. Ленина.—Русско-германский договор 1905 г.—Финансовые совещания союзников во время войны. (Доклады мин. фин. П. Л. Барка.) — Дневник А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.)—Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина. — Письма участников процесса 193-х. — Письма И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату. — С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине.— Верховное командование в первые дни революции. Из переписки Николая I в декабре 1825 г.—Письма Д. И. Писарева из крепости. — Два письма П. Ф. Якубовича.—**Из записной книжки архивиста:** Г. В. Плеханов и „шпионские забавы“.—Казнь П. П. Шмидта, Частника и др.— В. Чернов и июльские дни.—Распутин в освещении охранки.—От редакции.

ШЕСТОЙ ТОМ.

Портсмут. — Константинополь и проливы. — Нечаев в Алексеевском равелине.— Из архива Л. Тихомирова. — Временное правительство после октября. — Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г.—Три письма Л. Н. Толстого к декабристу П. Свистунову.— Л. Толстой и помощь голодающим. — **Из записной книжки архивиста**: Два письма Карла Маркса. — Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой. — К иконографии декабристов.—Адрес рабочих Н. В. Шелгунову.